ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Аллан Крис

КОУЛ БАНЧ

Флот обреченных

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Аллан
КОУЛ
Крис
БАНЧ

Флот обреченных

Стэн

•

Волчьи миры

•

При дворе великого императора

•

Флот обреченных

•

Месть проклятых

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

Аллан
КОУЛ
Крис
БАНЧ

Флот обреченных

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 73

Allan Cole and Chris Bunch

STEN

Copyright © 1983 by Allan Cole and Christopher Bunch

THE WOLF WORLDS

Copyright © 1984 by Allan Cole and Christopher Bunch

THE COURT OF A THOUSAND SUNS

Copyright © 1985 by Allan Cole and Christopher Bunch

FLEET OF THE DAMNED

Copyright © 1982 by Allan Cole and Christopher Bunch

REVENGE OF THE DAMNED

Copyright © 1989 by Allan Cole and Christopher Bunch

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Коул А.

К 73 Флот обреченных ; пер. с англ. / Аллан Коул, Крис Банч. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 1248 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-46039-7
ISBN 978-5-699-46041-0

Стэн Амос — великий солдат империи. Куда бы ни бросила нашего героя судьба — в мир придворных интриг или на вражескую планету, в рубку флагмана имперского флота или в эпицентр схватки с галактическими пиратами, — отовсюду он выходит героем.

Цикл романов Аллана Коула и Криса Банча о Стэне Амосе — признанная классика мировой фантастики.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Задорожный В., Емельянов Г., Голубева В., Тарасьев М., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-46039-7
ISBN 978-5-699-46041-0 (Общ.)

От авторов

Нас потрясло известие о том, что серия STEN будет опубликована в России. У нас были разные причины для такой реакции, но тем не менее это было все-таки потрясение.

Один из нас рос в Америке 50-х и полагал, вполне искренне, что Соединенные Штаты — весьма скучное местечко. Второй — сын агента ЦРУ — провел те же десять лет в Европе, на Среднем и Дальнем Востоке. Для обоих Россия была таинственной страной — страной, как нам говорили, наших врагов.

Никто не мог бы объяснить, как *это* случилось. Всего за пять лет до *этого* русские были нашими союзниками в одной из величайших войн, когда-либо терзавших нашу планету. Наши газеты, славословившие героев России, теперь называли их коммунистическими дьяволами, намеревавшимися бомбить нас, пока мы не вспыхнем факелом во тьме.

Короче говоря, мы были детьми холодной войны. Идя разными дорогами, мы, однако, рано поняли, что это представление искажает действительность и что мы гораздо больше должны опасаться лжи, чем бомб.

В возрасте восьми лет один из нас зачитывался книгами из библиотеки деда и обнаружил потрепанный том в кожаном переплете (ин-кварто) — «Записки из Мертвого дома» некоего Достоевского. Он прочитал книгу с трудом, но и с изумлением — это было что-то совершенно отличное и намного превосходящее «Отважных искателей сокровищ пиратов». Любопытство подогрело интерес, и, таким образом, чудесный противоречивый мир русской истории открылся ему — от царей до негодяев и святых (зачастую эти три ипостаси объединены в одном человеке). Было поразительное мужество русских в Великой Отечественной войне. Были чарующие картины и фильмы о России: Эрмитаж, Кремль, Владивосток... Были дивные танцоры, спортсмены и шахматисты. Стало понятно, что дьяволы не могли создать все эти чудеса.

Несколькими годами позже другой из нас жил на Кипре, и учитель-киприот познакомил его с друзьями, с усмешкой называвшими себя «розовые». Он не обнаружил у них рогов и хвостов, зато убедился, что это обычные люди, которые надеются и мечтают, как и все

остальные. На стенах в их домах были портреты и Авраама Линкольна и Иосифа Сталина, и они стремились освободиться от господства британских колонизаторов.

Его наиболее яркое воспоминание того времени: сплошной поток тысяч одетых в черное людей течет через древние врата Никосии: они плачут, и причитают, и рвут на себе волосы в горе, вызванном смертью Сталина. И не было среди них дьяволов.

Его отец допускал, с циничной цэрэушной усмешкой, что русских оболванивают при помощи такой же лжи. И любой представитель обеих сторон, взглянув пристальнее, может увидеть, что в действительности дело обстоит совершенно иначе.

Как и мальчик, живущий в Соединенных Штатах, он начал читать все, что мог найти, о России. Много лет спустя он получил возможность посетить Россию, у него появились русские друзья, и его раннее представление о русских как о замечательных людях подтвердилось.

В течение лет многие русские писатели волновали нас: Евтушенко, Солженицын, Виктор Некрасов, даже старый ворчун Эренбург — блистательный мастер, открывший горизонты, о которых мы и не мечтали. Мы узнали, как высоко русские ценят своих писателей и насколько важными они считают их идеи,— и в этом состоит разительное отличие от США, где литературу, в общем-то, игнорируют либо «стряпают», как голливудский вздор.

Пришло время — мы стали журналистами, затем писателями. Мы создали цикл из восьми романов, начинающийся с книги, которую вы держите в руках. Мы использовали все с трудом обретенное трезвое знание для изучения того великого и трагикомического, что мы называем человечеством. Мы основывались в нескольких эпизодах и на русских характерах, встряхнувших нас как следует.

Мир изменился совершенно внезапно, Россия перестраивается и приобретает новый гордый облик.

А теперь и STEN прибыл в Россию. Как насчет того, чтобы прочитать рассказ о великой империи, вечном императоре и о человеке, который служил ему верой и правдой и достиг самых высоких вершин, каких только может достичь военный, а потом... Впрочем, мы забегаем вперед.

Мы надеемся, вам понравится наше произведение, более того, мы надеемся, что скоро у нас будет возможность увидеть вас лично. Вы сразу же узнаете нас. Мы те самые — с рогами и хвостами.

Стэн

Язону и Алисе, а также покойному Роберту Уилли

Книга первая

Вулкан

Глава 1

Смерть пришла в городок Развлечений неожиданно — тихой незваной гостьей.

Дыша собственным вонючим перегаром, ремонтник с омерзением глядел через исцарапанный лицевой щиток скафандра на трубу, которая тянулась вдоль купола зоны отдыха. Он цедил проклятия, от которых мог бы покраснеть даже матерый космический волк, употребляющий ругательства тысячи планет.

Голова трещала с похмелья, и ремонтнику хотелось одного — припасть губами к краю кружки ледяного наркопива. И чего уж совсем не хотелось, так это висеть возле наружной стены Вулкана, пялясь на сантиметровый шланг из легированной стали, который не желает присоединяться куда следует. Чертова штуковина расположена так неудачно — корячишься, корячишься, а никак не достанешь.

Он попробовал еще раз. Дотянулся, наложил разводной ключ на соединительную муфту и наобум крутанул. Опять сорвалось!.. Ремонтник разразился новым потоком брани, на сей раз помянув и своего шефа, и вонючих мигров, которые прямо сейчас веселятся в каком-то метре от него, под этим куполом,— близок локоток, а не укусишь!

Уфф! Получилось. Сунув разводной ключ в карман скафандра, он включил ранцевый двигатель. Шеф — этот педераст, который когда-то приторговывал своим телом,— непременно оштрафует его за то, что он справился с поломкой только с шестого захода. Тут ремонтник почти полностью отключился и уже не помнил, как долетел до воздушного шлюза.

Закрепляя соединительную муфту на авось, ремонтник, как водится, не докрутил ее до упора. Не велика беда — если бы по трубе под высоким давлением шел не фтор. Муфта под воздействием сла-

---

© Перевод В. Задорожного, Г. Емельянова.

бой вибрации сошла с резьбы, и фтор стал выбрызгиваться в космос. В течение нескольких смен от этого не было никакого вреда. Но едчайший фтор мало-помалу проел дыру побольше, и теперь его струя попадала прямо на купол городка Развлечений — сперва разъела внешний слой защитной оболочки, потом изоляционный и наконец проделала дырочку в последнем, внутреннем слое.

Вначале, когда отверстие было величиной с булавочную головку, давление под куполом упало на такую ничтожную величину, что датчики его попросту не зафиксировали. А потому и операторы, сидящие в надстройке на макушке купола за пультом управления сложной системы жизнеобеспечения городка, не успели вовремя всполошиться.

Городок Развлечений на Вулкане ничем не отличался от «квартала красных фонарей» на любой из миллиона недавно освоенных планет. Проститутки обоих полов, вольнонаемные служащие компании, отлавливали в толпе мигров — мигрантов-чернорабочих, на счету которых осталось хоть сколько-нибудь кредиток.

Длинные ряды игровых компьютеров громко зазывали проходящих мимо рабочих, издавая тихий механический смешок, когда очередной простак попадал в их сети.

Городок был создан компанией как увеселительный центр для мигров — «в их же интересах». Согласно крылатой фразе: «Счастливый мигр — это веселящийся мигр». Автор этих слов, психолог компании, позабыл или не захотел добавить, что веселящийся мигр — это мигр, который тратит кредитки и, как правило, залезает в долги. Каждый проигрыш игровому автомату означал, что контракт с мигром продлевается на несколько дней — ведь он мог уехать только после того, как заработает определенную сумму, и не раньше. Вот почему, несмотря на музыку и смех, городок казался мрачным и серым.

Два дюжих блюстителя порядка маялись от скуки у входа в городок. Старший из них указал подбородком на шумную компанию — троих пьяных мигров, которые брели из одного питейного заведения в другое, качаясь и цепляясь друг за друга.

— Если ты, парень, будешь дергаться всякий раз, когда какой-нибудь пьяненький мигр не так посмотрит на тебя, то очень скоро кому-то из них захочется узнать, что ты станешь делать, если они и вправду начнут буянить.

Патрульный-новичок притронулся к своей дубинке с электрошоком.

— Я бы им показал, где раки зимуют!

В этот момент старший патрульный тяжело вздохнул. Глядя в конец коридора, он пробормотал:

— Э-эх, вот и настоящая неприятность подваливает.

Его напарник чуть не выпрыгнул из мундира.

— Где? Что?

Старший показал новичку на Амоса Стэна, который вышел из вагончика монорельсовой дороги и зашагал по коридору к ним. При виде немолодого приземистого мигра молодой патрульный чуть было не рассмеялся, но вовремя заметил бугры мускулов на шее Амоса, ширину его запястий и кулаки-кувалды.

В следующую секунду старший патрульный облегченно вздохнул и снова привалился к стенке.

— Все в порядке, малыш, он приехал со своей семьей.

Изнуренного вида женщина и двое детей вышли из вагончика вслед за Амосом.

— Черт возьми, этот недомерок,— сказал молодой патрульный,— не кажется мне таким уж страшным.

— Ты просто не знаешь Амоса. А не то бы наделал в штаны, если бы понял, что Амос приехал хорошенько встряхнуться и ищет, кого бы приложить.

Каждый из четырех мигров дотронулся белым прямоугольником статкарточки до окошка пропускного аппарата, и центральный компьютер Вулкана зафиксировал вход в городок мигров Амоса Стэна и Фриды Стэн, а также мигров-иждивенцев Аада Стэна и Джос Стэн.

Когда семейство Стэнов проходило мимо блюстителей порядка, старший патрульный улыбнулся и кивнул Амосу, а его напарник проводил мигра свирепым взглядом. Амос, не обратив никакого внимания на легавых, повел жену, сына и дочь в зал иллюзофильмов — или, как их звали в народе, живых картинок.

— Мигр, у которого всегда чешутся кулаки? — произнес молодой патрульный.— Компания не одобряет такое социальное поведение!

— Сынок, если бы мы притягивали к ответу каждого мигра-забияку в городке Развлечений, то компания осталась бы без рабочих рук.

— Может, слегка проучить его? Чтобы неповадно было!

— Считаешь, у тебя получится?

Молодой патрульный кивнул.

— А почему бы нет? Подстеречь на выходе из наркопритона и поучить дубинкой.

Старший ухмыльнулся и потер длинный багрово-синий шрам на правой руке.

— Уже пробовали. Поопытнее тебя. Хотя я могу быть не прав. Вдруг именно ты сотворишь чудо. Только заруби себе на носу: Амос не просто мигр в возрасте.

— Чем же таким он отличается от остальных?

Старшему вдруг надоел и напарник-молокосос, и весь этот разговор.

— Там, откуда он пришел, таких сопляков, как ты, едят с кашей за завтраком.

Молодой охранник сердито набычился и сжал кулаки. Однако старший товарищ был на двадцать килограммов тяжелее и на пятна-

дцать лет опытнее. Так что молодой ограничился тем, что обиженно отвернулся. Его грозный взгляд упал на пожилую женщину, которая со счастливым видом возвращалась из городка, вихляясь из стороны в сторону. Встретившись с ним глазами, старая вешалка презрительно оскалилась и будто невзначай сплюнула на пол — точнехонько ему между ног.

Ну что за мерзавцы эти мигры!

Амос сунул свою статкарточку в прорезь пропускного аппарата в кинозал, и компьютер автоматически добавил к его контракту один час работы. Когда семья очутилась в холле, Амос стал озираться:

— А где мальчишка?

— Карл сказал, что у него сегодня дополнительный урок и он задержится в школе,— напомнила Фрида, его жена.

Амос пожал плечами.

— Не много потеряет. Мой знакомый смотрел эту картину в прошлый выходной. Говорит, завязка фильма хиловатая — один руководящий кадр втюрился в проститутку и перетащил ее жить к себе, в этот их роскошный город для начальства.

Из зала донеслась громкая музыка.

— Папочка, пошли. Ну пошли, папочка,— дергали его дети.

Амос проследовал за своей семьей в зрительный зал.

Стэн торопливо вставил в компьютер дискетку с заданием, набрал на клавиатуре свое имя и нажал клавишу «доступ к работе». Экран какое-то время ярко светился, потом внезапно потух и стал показывать только серую заставку — дескать, жди своей очереди. Стэн недовольно поморщился. Если контрольная будет идти таким темпом, он не поспеет догнать родителей, сестренку и брата, которые направились развлекаться в городок. Допотопный компьютер не мог обслужить сразу всех учащихся в школьной смене.

Стэн воровато огляделся — никто в классной комнате за ним не следил. Он шустро набрал несколько запрещенных команд. Еще раньше Стэн нашел способ проникать в один из логических блоков центрального компьютера. Это было вопиющим нарушением школьных правил, но кто же в семнадцать лет задумывается сегодня о завтрашних неприятностях?

Наладив временную связь с центральным компьютером, Стэн набрал нужную команду — на экран выскочило задание его контрольной работы. Он тяжело вздохнул. Задание было дурацкое — с помощью робота произвести сварку двух неравнобоких уголков определенной конфигурации. Условия задачи рекомендовали пользоваться технологией, которая устарела даже по школьным меркам. Стэн с ужасом прикинул, что сварка подобным методом продлится целую вечность, к тому же линия напряжения в готовой конструкции бу-

дет сдвинута на три микрона в сторону, что условиями задачи не допускается.

Стэн ухмыльнулся. Ладно, если уж нарушать, то на полную катушку...

С помощью светового пера он нарисовал на экране компьютера две легированные балки. Потом изменил вводное условие в своей задаче и переключил световой карандаш на «сварку». Несколько быстрых движений, и где-то на одном из заводов Вулкана были приварены друг к другу две стальные балки. А может, это была лишь компьютерная игра и в действительности ничего не произошло.

Экран погас, а Стэн с замирающим сердцем ерзал на стуле в ожидании результата. Наконец экран вспыхнул снова — и высветил вожделенные слова: «Задание выполнено удовлетворительно». Свободен! Пальцы Стэна забегали по клавиатуре — он уничтожил тайный выход в центральный компьютер и подключился обратно к школьной системе. Школьный компьютер лениво высветил: «Ждите своей очереди». Стэн перебросил в него из памяти своего терминала информацию о том, что Карл Стэн задание выполнил удовлетворительно, щелкнул выключателем и в следующее мгновение уже бежал к двери.

— Если говорить начистоту, джентльмены,— сказал барон Торесен,— благополучие нашей компании волнует меня гораздо больше, чем несоответствие некоторых наших программ надуманным этическим нормам империи.

Заседание совета директоров компании — шестерки, державшей в своих руках судьбы почти миллиарда человек,— шло обычным порядком, когда престарелый Лестер как бы невзначай задал свой острый вопрос.

Вскочивший из-за стола Торесен прохаживался взад и вперед по кабинету. Массивная фигура директора приковывала внимание остальных членов совета директоров. Его раскатистый голос и властная манера не раз вынуждали несогласных проглатывать возражения.

— Если это звучит непатриотично — нижайше прошу прощения. Я предприниматель, а не дипломат. Подобно своему деду, я верю только в одно — в нашу компанию.

Лишь одного человека его речь оставила равнодушным — Лестера. «Вот и доверяй старому вору! — подумал барон.— Он может позволить себе рассуждать об этике — давно нахапал вдоволь».

— Очень впечатляюще,— сказал Лестер.— Однако мы, я имею в виду совет директоров, ни на миг не сомневались в вашей преданности интересам компании. Мы лишь интересуемся вашими расходами на проект «Браво». Вы отказываетесь посвятить нас в сущность экспериментов в рамках этого проекта и тем не менее продолжаете настаивать на дополнительных ассигнованиях. Мне просто интересно узнать: можно ли результаты проекта «Браво» использовать в во-

енных целях? Если да — то отчего бы нам не попросить денег у имперского военного ведомства?

Барон задумчиво воззрился на Лестера. Торесену было не о чем беспокоиться — что ни говори, все козыри в его руках. Однако старому лису Лестеру дай палец — откусит всю руку.

Но и запугивать его — себе дороже. Лестер — человек битый, шкура у него дубленая, и он давно позабыл, что это за штука такая — страх.

— Мне нравится ваш подход,— сказал Торесен.— И ваша озабоченность обилием непредвиденных расходов. Однако данный проект слишком важен для нашего будущего, и утечка информации окажется губительной для компании.

— Вы хотите сказать, что я не заслуживаю доверия? — ощетинился Лестер.

— Не порите чепухи. Конечно, заслуживаете, как и все собравшиеся здесь. Но если наши конкуренты проведают о цели проекта «Браво», то не помогут и мои доверительные отношения с императором. Нашу идею украдут.

— Даже в случае утечки информации,— подал голос один из членов совета,— мы всегда можем поставить конкурентов на место. Добьемся того, что им срежут поставки антиматерии-два, и они на брюхе приползут.

— Добьемся — используя ваши доверительные отношения с императором, разумеется,— вкрадчиво добавил Лестер.

Барон чуть заметно усмехнулся.

— Даже я не могу злоупотреблять дружеским отношением его величества. АМ-два — это энергия, благодаря которой процветают империя и лично император. В этом пироге нашего куска нет.

Тут словно тихий ангел пролетел.

Молчал даже Лестер. Казалось, появление призрака вечного императора положило конец беседе. Барон окинул присутствующих внимательным взглядом, а затем сказал нарочито сухо и деловито:

— Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, я увеличиваю ассигнования на проект «Браво», рассчитывая на ваше полное понимание. Теперь перейдем к текущим делам. Рад сообщить, что нам удалось понизить расходы на содержание вулканского космопорта на целых пятнадцать процентов. Как за счет повышения рентабельности внутренних причалов, так и за счет широкого внедрения герметичных контейнеров. На мой взгляд, максимальной эффективности можно достичь в том случае, если...

Когда фильм закончился и зажегся свет, Амос с трудом разлепил веки и зевнул. Насколько он понял, руководящий кадр со своей зазнобой поперся на какую-то новую планету и кто-то там на них напал.

Амос не очень любил живые картинки — но отчего бы не доставить удовольствие жене и детям? А ему самому всегда в охотку подремать в темном зале.

Аад тянул его за рукав.

— Вот кем я буду, папа, когда вырасту. Руководителем!

Амос потянулся в кресле и проснулся окончательно.

— Почему ты так решил, мой мальчик?

— Потому что они попадают в приключения, получают деньги, медали и... и все мои друзья тоже хотят стать руководителями.

— Сейчас же выкинь из головы эти глупости,— безжалостно оборвала сына Фрида.— Мы — мигры, нам до начальства, как до края Вселенной.

Мальчик так и сник. Амос потрепал его по голове.

— Это не потому, что ты недостаточно хорош, сынок. Да любой из Стэнов, черт возьми, стоит шестерых этих болванов...

— Амос, следи за своими выражениями!

— Извини. Хотя не понимаю, чего тут извиняться. Назвать исполнителей болванами еще не значит выругаться. Это просто констатация факта. Ты, Аад, одно запомни: эти руководители вовсе не герои. Они негодяи. Ради своей наживы убивают человека работой. А потом обманывают его семью, чтобы наложить лапу на страховку. Если ты вдруг станешь руководителем, ни мне, ни твоей маме, ни тебе самому гордиться будет нечем. Впрочем, до сих пор ни один мигр в начальство не выбился.

Тут в разговор вмешалась маленькая дочь Амоса.

— А я хочу стать девушкой для развлечений,— заявила она.

Амос спрятал улыбку, когда Фрида при этих словах чуть было не подпрыгнула до потолка. Но ничего, теперь ее очередь — пусть попотеет, чтобы втемяшить в голову девчонки правильные мысли!

В конце концов газ под давлением прорвал трубу, и ее развернуло в сторону купола. Дыра размером с булавочную головку стремительно расширялась. Теперь струя фтора била внутрь купола.

Первым погиб старый мигр, который отсыпался после пьянки, привалившись к стене у того самого рокового места. Старик даже не успел проснуться — фтор мгновенно насквозь прожег его грудную клетку.

Скучающие операторы пульта управления в капсуле на вершине прозрачного купола наблюдали, как протрезвившийся мигр, усиленно жестикулируя, норовит подцепить проститутку за полцены. Один оператор предложил товарищам пари, что это дохлый номер, но охотников спорить не нашлось. По опыту все знали, что проститутки скидок не дают. Так и вышло — девица послала парня куда подальше.

Именно в этот момент давление под куполом упало ниже опасного предела — датчики наконец среагировали, и вспыхнули сигналы тревоги. Но операторы не особенно суетились. Поломки случались в каждую смену.

Старший оператор лениво подкатил свое кресло к терминалу основного компьютера. Несколько ударов по клавишам — и сирена и мигалки успокоились.

— Ну-ка, посмотрим, что отказало на этот раз.

Ответ, тут же вспыхнувший на экране монитора, заставил старшего оператора сесть прямо в кресле.

— Э-э, да тут что-то посерьезнее обычной ерунды. Ну-ка, глянь,— сказал он своему помощнику.

Тот посмотрел через его плечо.

— Из какой-то трубы хлещет. Прямо на купол. Сейчас выясним поточнее.

Помощник нажал еще несколько клавиш, чтобы получить более полную информацию.

— Утечка воздуха; присутствие загрязняющего вещества; потенциальная угроза для жизни; общая тревога.

Старший оператор начинал злиться.

— И когда эти ремонтники будут работать как люди! Все ходи да подтирай за ними. Вечно у них трубы текут! Я давно собираюсь подать рапорт, чтоб им подпалили волосы на заднице...

— Прошу прощения, сэр, но...

— Ой, не суйся мне под горячую руку! Чего тебе?

— Мне кажется, нам надо залатать дыру. И поскорее.

— А кто спорит! Выясни, где утечка воздуха. Может, это вообще туфта — половина датчиков на стенах врет, остальные залиты пивом или заблеваны. Если бы я каждый раз доверял этим датчикам...

Его брань постепенно стихла — он сосредоточенно проверял компьютерные данные о состоянии каждой из труб вне купола.

— Нашел. Черт. Придется надевать скафандр, чтобы подлезть к ней. Она тянется в лабораторный отсек... А это что за новости!

На экране высветилась красная мигающая надпись: «О любой аварии, связанной с проектом "Браво", немедленно докладывать Торесену».

Его помощник озадаченно начал:

— Да на кой им нужно?..

И осекся — все равно начальник его не слушал.

— Чертовы боссы,— ворчал он.— Делать им нечего! Скоро будут проверять, правильно ли я подтираюсь в сортире...

Он вызвал справочный файл, нашел код Торесена и ввел информацию об аварии.

Члены совета директоров гуськом покидали кабинет. Барон пожимал руку каждому из них, интересовался здоровьем семьи, приглашал на обед, высказывал признательность за ценные предложения. Последним к нему подошел Лестер.

— Я был рад вашему присутствию на совете, дорогой Лестер. Даже больше, чем вы можете себе представить. Ваша мудрость — поистине указующий перст на пути к...

— А вы ловко ушли от ответа на мой вопрос, Торесен. Я бы и сам не выкрутился удачнее.

— Мне нечего скрывать, дружище. Только я...

— Вот именно: *только вы*. Приберегите свою лесть для этих тупиц. Мы-то с вами прекрасно понимаем друг друга.

— Лесть?

— Ладно, забудем об этом.

Подойдя к самой двери, Лестер обернулся:

— Не обижайтесь, Торесен. Я не хотел задеть вас лично. Однако я тоже всей душой пекусь об интересах нашей компании. Заметьте, *нашей*.

Барон кивнул.

— От вас я иного и не ожидал.

Торесен проводил ковыляющего старика презрительным взглядом. «Отчего все старые прохиндеи с годами теряют хватку и глупеют? Не хотел задеть меня лично! Ставить под сомнение мою абсолютную власть — разве это не значит задевать меня лично!»

Он повернулся на слабые звуки зуммера. По мановению его руки шесть полок с древними бумажными книгами отъехали в сторону и открыли компьютерный терминал.

Барон сделал три неспешных шага и тронул клавишу «связь». На экране появилось лицо старшего оператора.

— Возникли трудности, сэр. Зона отдыха двадцать шесть.

Барон кивнул.

— Докладывайте.

По приказу старшего оператора экран разделился на две части: справа осталось встревоженное лицо техника, а слева возникли данные компьютера об аварии. Барон моментально все понял. Согласно расчетам компьютера, смертоносный газ должен заполнить городок Развлечений за пятнадцать минут.

— Почему своевременно не устранили аварию, техник?

— Потому что проклятый компьютер как будто свихнулся и выплевывает на экран одно и то же: «Проект "Браво", проект "Браво", без доклада ничего не делать».— Старший оператор смутился.— Прикажите начать работу, и я все улажу — никто и чихнуть не успеет.

Барон на секунду задумался.

— А нельзя ли устранить аварию другим путем, не заходя в лабораторию, где работают над проектом «Браво»? Почему бы просто не послать ремонтника в скафандре на купол?

— Не получится. Труба так перекорежена, что ее не починить. Надо перекрыть вентиль внутри лаборатории. Да, сэр, выход только один — идти в лабораторию.

— Тогда я ничем не могу вам помочь.

Старший оператор оцепенел.

— Но... но эта протечка не ограничится одним двадцать шестым. Пойдут реакции с проклятым фтором, и он сожрет все внутри, кроме стеклянных перегородок!

— В таком случае задрайте выход из двадцать шестого.

— Да вы что! У нас тут почти тысяча четыреста человек.

— Приказ ясен?

Старший оператор выпучился на Торесена. Потом неожиданно кивнул и ушел со связи.

Барон вздохнул: придется просить отдел кадров срочно завербовать для работы на компанию тысячу четыреста мигров. Затем он еще раз прокрутил в голове все происшествие, дабы ничего не упустить.

В общем-то, все шито-крыто. Вот только старший оператор и его помощники... Конечно, можно перевести их куда-нибудь подальше от Вулкана, хотя гораздо проще... Торесен принял решение и выкинул из головы все мысли об обреченном двадцать шестом. На экране появилось меню его обеда.

Фальшиво насвистывая, старший оператор задумчиво постукивал ногтем по экрану. Его помощник сгорбился над столом и пытался заглянуть ему в глаза.

— Да неужели же мы?.. Вы что — серьезно?

Старший оператор молча покосился на него. Сказать было нечего.

Потянувшись в сторону от терминала, он решительно открыл на панели управления ярко-красную дверцу с надписью: «Команды при аварии высшей степени сложности».

Стэн отпихнул возмущенного спеца и помчался дальше по коридору к входу в городок Развлечений, нащупывая на бегу свою статкарточку. Молодой блюститель порядка преградил ему путь.

— Я все видел, парень.

— Что вы видели?

— Как ты обошелся со спецом. Тебе что — собственная шкура не дорога?

— Но, сэр, он же просто поскользнулся. Наверное, на платформе что-то пролито. Дяденька,— заканючил Стэн, разыгрывая из себя дурачка,— вы же далеко стояли, вам не было видно, а я говорю сущую правду!

Молодой патрульный уже хотел дать ему хорошую затрещину, но напарник в последний момент перехватил его запястье.

— Не кипятись. Этот мальчишка — сын Стэна, того жилистого коротышки.

— Все равно мы обязаны... Ладно, двигай отсюда, мигр. Вали куда шел.

— Спасибо, сэр.

Стэн шагнул к воротам и поднес свою карточку к окошку пропускного автомата.

— Продолжай в том же духе, парень,— не унимался молодой патрульный,— и знаешь, чем ты кончишь? Сбежишь. К шпане, которая живет в вентиляционных трубах. Крутыми себя называют. И тогда мы начнем охоту за тобой. Знаешь, что бывает, когда мы ловим крутого? Мы выжигаем ему ненужные участки его поганого мозга.

Чтоб был как шелковый! — Молодой патрульный ухмыльнулся.— Когда им прижгут мозги, они такие паиньки! А если девок в трубах ловим, оставляем себе на несколько дней. Побалуемся вволю — и отправляем к медикам, чтоб мозги им подчистили.

Внезапно раздался скрежет гидравлики, и герметичная заслонка с грохотом перекрыла вход в городок Развлечений. Стэн от неожиданности отскочил назад и упал. Лежа на полу, он в недоумении уставился на патрульных. У тех лица тоже вытянулись. Они смотрели на загоревшееся над входом в городок табло: «ВХОД БЛОКИРОВАН. АВАРИЯ».

Стэн медленно поднялся на ноги.

— Мои родители,— пролепетал он.— Они же внутри!

Он бросился к массивной стальной двери и в отчаянии заколотил в нее ногами. Пожилой патрульный не без труда оттащил его.

Купол содрогнулся от взрыва. Часть гигантских крепежных болтов вылетели, как вылетают пробки из бутылок шампанского. Остальные удержали сооружение на месте. Хлопки вырванных болтов потонули в реве воздуха, который стремительно уходил в открытый космос — нет, уже не через дыру, а через огромный пролом. Операторы в капсуле на вершине купола видели, словно при замедленной съемке, как ураганный вихрь подхватил ветхие строеньица городка Развлечений вместе с находившимися в них людьми и выплюнул в черную пустоту.

А потом ураган стих — так же внезапно, как и начался. Груды мусора — остатки зданий, мебели и всего, что было под куполом,— плыли в холодном сиянии далекого солнца. Рядом с клочьями тысячи трехсот восьмидесяти пяти человеческих тел.

Старший оператор тупо смотрел через иллюминатор вниз, туда, где только что кипела жизнь. Его помощник, белый как полотно, встал из-за стола, на ватных ногах подошел к шефу и положил ладонь ему на руку.

— Перестань. Это были всего лишь мигры.

Старший оператор вытер слезы и оскалился в подобии улыбки:

— Ты прав, старина. Всего лишь мигры.

Глава 2

Представьте себе внешний вид Вулкана.

С далекого расстояния кажется, что на черном фоне болтается куча мусора и ослепительно сверкает. В ее центре — набор бочонков, грибов, труб и кубиков, а по краям вообще неизвестно что. Как будто все это собрано в кучу дебильным ребенком.

На самом деле это огромная космическая станция — целый искусственный мир. Это сердце компании с мегамиллиардными обо-

ротами — сеть заводов, при которых имеются городки-бараки с самыми примитивными, предельно упрощенными условиями жизни для рабочих, а также более или менее комфортабельные городки для спецов и вполне комфортабельные — для руководящих кадров.

Грузовые корабли и рудовозы компании непрерывным потоком подвозят к Вулкану сырье с планет звездной системы, где он вращается по стационарной орбите. На Вулкане производится очистка и переработка сырья. Произведенные полуфабрикаты или, чаще, готовые товары расходятся почти по всей Галактике. Полнейшая свобода предпринимательства была краеугольным камнем имперской политики, а стало быть, существование столь громадной компании-монополиста — целого неофициального государства с миллиардом подданных, строгой иерархической системой и даже непреодолимыми сословными барьерами — не вызывало ничьих нареканий.

Шестьсот лет назад вечный император благословил деда Торесена на строительство станции, получившей позже название Вулкан. А к благословению прибавил спецтанкер, груженный антиматерией-2, тем самым топливом, которое сделало всю Галактику доступной для человека.

Первым был собран цилиндр с усеченными конусами на концах. В этой махине размером восемьдесят на шестнадцать километров должны были разместиться служебные помещения, жилье для руководящих кадров, а также помещения для систем жизнеобеспечения нового, искусственного мира.

Специальные космические тягачи отбуксировали сердцевину станции на расстояние в двадцать световых лет — в звездную систему, лишенную органических форм жизни, но богатую минеральным сырьем. Готовые фабрики — по форме исполинские бочонки — также монтировали вдалеке. Тягачи подтащили их к сердцевине Вулкана — и начался окончательный монтаж. Бесчисленные грузовые корабли завозили все необходимое: от домов — целыми жилыми кварталами — до гидропонических оранжерей, спортивных сооружений и оборудования развлекательных центров.

Компьютеры выработали впечатляющий проект тогда еще безымянного искусственного мира. Планировалось создать суперэффективный колосс для максимально продуктивной эксплуатации рабочей силы и дешевой переработки сырья. В проекте была красота и дерзость. Но компьютерам не было велено принимать во внимание все насущные нужды простого работника — они и учли эти нужды в самом минимальном размере.

С течением времени чаще бывало проще закрыть заводской блок, когда сворачивался выпуск той или иной продукции, чем реконструировать его. Было дешевле построить и притащить из другой звездной системы новый, более совершенный завод — вместе с герметич-

ными отсеками для жизни рабочих и систем жизнеобеспечения. Новые конструкции втискивали между старыми — или крепили над старыми. В мире, где силу тяжести создавали генераторы Маклина, верх и низ являлись, по сути, лишь удобными умозрительными категориями.

За два века такого хаотического строительства Вулкан стал напоминать металлическую скульптуру, которую было впору назвать «Груда металла в поисках сварщика».

Венцом строительства стало Око, построенное за двести лет до рождения Карла Стэна,— штаб-квартира компании, где работали сотни тысяч административных работников. Внешне Око напоминало гриб шестнадцатикилометровой ширины. Полная централизация управления делами компании потребовала и соответственного визуального решения.

Под Оком располагались причалы для приема кораблей — как правило, кораблей, принадлежащих компании. Прочие корабли были вынуждены останавливаться у границ звездной системы, перегружать грузы и пассажиров на космические лихтеры компании — и щедро оплачивать этот последний отрезок пути.

Рядом с причалами находился городок для гостей Вулкана. Порт как порт, с обычной разгульно-криминальной атмосферой, таких по Галактике не счесть. Но тут повсюду была монополия компании — каждая кредитка, истраченная экипажем торговых кораблей, поступала прямиком на счета компании. Городок-порт был крайней южной границей, дальше которой приезжих не пропускали. Компания ясно давала понять, что не одобряет контакты посторонних со своими рабочими.

По Галактике ходили самые разные слухи. Но ничего конкретного. Хоть Вулкан и существовал не первую сотню лет, ни разу члены имперской комиссии по правам человека не заглянули на него. Компания производила нужную продукцию. В больших количествах и очень дешево. И никому не хотелось задавать лишние вопросы.

Производственный монстр, непрестанно, бесперебойно дающий много дешевой продукции,— именно его веками не хватало империи. А службе внутренней безопасности компании дозволено было применять ежовые рукавицы, и она намертво перекрывала любые каналы утечки нежелательной информации.

Вечный император был благодарен. Настолько благодарен, что пожаловал деду Торесена дворянство. Это стало новым импульсом к дальнейшему расширению деятельности компании.

Колесница Джагернаута начиная с некоторого момента катится вперед только благодаря силе инерции. Так случается всегда и везде — огромные системы, начиная с определенного времени, не разваливаются только благодаря изначальной центростремительной силе. Это относится в равной степени и к Древнеримской империи, и к

компании «Дженерал моторс» — в седой древности. Более свежий исторический пример — расползающаяся ныне Ассоциация звездных систем. Должно пройти какое-то время, иногда очень длительное, прежде чем станет ясно, что у колосса глиняные ноги. Если во времена Стэна умные головы в среднем звене руководства и замечали, что за последние сто лет в недрах компании не родилось ни одной передовой технологии, а изобретателей, рационализаторов и вообще сторонников перемен затирают,— то мнение этих умных голов до сведения барона или не доводили, или преподносили с превратными комментариями.

Если у кого-то из членов совета директоров хватало мужества или глупости высказать барону в лицо кое-какие сомнения, он наталкивался на глухую стену. Барон Торесен не хотел признаться, что и его мучают сомнения. Временами ему казалось, что созданное его дедом рушится. В этом он винил своего отца, трусливого лизоблюда, позволившего бюрократам оттеснить талантливых инженеров от принятия ключевых решений. Но даже будь третий Торесен семи пядей во лбу, один человек не мог держать под контролем многоголовое чудище, порожденное стариком Торесеном. А властью делиться не хотелось.

Барон унаследовал от деда обаяние и отчаянную храбрость: как в обычной драке — с разбитыми носами, так и в драке за место под солнцем — с разбитыми судьбами. Но он не унаследовал ни капли врожденной порядочности, характерной для старика. Когда его отец пропал без вести во время очередного межзвездного путешествия, не возникло никаких сомнений, что совет директоров компании должен возглавить молодой Торесен.

Теперь он был полон решимости возродить великое начинание деда. Нет, он не собирался перетряхивать состав руководства компании и вносить коррективы в ее текущую работу. Торесен мечтал о большем. Барона целиком захватила идея исправить положение одним мастерским ударом. Он затеял грандиозный проект под названием «Браво». И вот до осуществления его мечты остались считаные годы.

Служебная — или сословная? — иерархия в компании выглядела следующим образом. Во главе барон Торесен. Ему подчинялся совет директоров, орган в значительной степени совещательный, а не законодательный. Далее — высший руководящий состав со своей собственной хитрой иерархией. Высшие административные работники жили в Оке постоянно и были привязаны к компании не только кабальными контрактами и высокими заработками, но и самой сладкой из привилегий — почти неограниченной властью.

Слой квалифицированных работников составляли спецы — их порой называли вольнонаемными служащими. Платили им тоже довольно щедро. Они работали по контрактам длительностью пять или

десять лет и по желанию могли перезаключать договор по истечении предыдущего срока.

По истечении срока контракта спец мог или уйти на пенсию и поселиться в любом уголке Галактики, или вернуться домой богатым человеком и открыть свое дело — конечно, на паях с компанией, которая обладала исключительным правом распространения любого нового продукта, с которым ее бывший сотрудник собирался выйти на рынок. Для руководства и спецов Вулкан был чем-то вроде индустриального рая.

А для мигров он был адом.

Показательно, что победитель конкурса компании «Назови нашу планету», талантливый чернорабочий-мигрант, придумавший название «Вулкан», отдал весь денежный приз, чтобы расторгнуть свой контракт, купить билет и удрать как можно дальше от Вулкана...

Амос Стэн был прирожденным бродягой. Во все времена были неугомонные странники, которые не брезгали никакой работой, но никогда и ни за какие блага долго не задерживались на одном месте. Их тянули незнакомые страны и дальние миры.

Одна планета была тесна для Амоса. Человек он был работящий — брался за любую работу в любом углу Галактики, если обещали хороший харч, литр спиртного в день и бесплатный билет до места назначения. Его мускулистые лапищи были к тому же золотыми: если нужно круглое катать, квадратное переваливать — пожалуйста; нового робота на шестой этаж при сломанном лифте затащить — никаких проблем; вашу косилку починить? станок наладить? — извольте. Словом, мастер на все руки.

Но удержать его на одном месте ничто не могло.

И жену он выбрал себе под стать. Фрида выросла на захолустной планете, в семье крестьян, и была полна неутолимого, исступленного желания повидать мир, все планеты. Помотавшись по Галактике, пара решила, что где-то все же следует обосноваться — или хотя бы попробовать обосноваться. Чтоб планета была не слишком многолюдна и чтоб простому человеку там не приходилось горбатиться за жалкие гроши. Этим они начали новый круг странствий — ведь каждая новая планета казалась им краше прежней и ни на одной не могли они остановить выбор.

Пока не угодили на Вулкан, как мухи в патоку.

Условия вербовщика выглядели идеальными. Двадцать пять тысяч кредиток в год главе семьи. Плюс солидные премии, достойные его многочисленных талантов. А Фрида будет получать по десять тысяч — чем не жизнь! Не говоря уже о возможности поработать на самом современном в Галактике оборудовании.

И вербовщик не лгал ни в одном пункте. Всякие «но» выяснились потом.

Оборудования такой сложности, как на Вулкане, Амос и впрямь отродясь не видел. Заглатывает аппаратище три болванки из трех разных металлов — и в его чреве они разом измельчаются и перемешиваются, да так хитро, что образуются новые электронные связи. Допуск для детали — Амосу потребовалось десять лет, чтобы выяснить, что же такое он производит,— составлял одну миллионную миллиметра плюс-минус одна миллиардная.

Должность Амоса называлась мастер-механик.

Но — вот оно «но» — обязанности его заключались в одном: подметать летевшие из станка стружки, не попавшие в сопло очистителя. Все остальное делалось автоматически под управлением компьютера, находившегося черт знает где.

И с заработком его не обманули. Но вербовщик забыл сказать, что рабочий комбинезон стоил сотню кредиток, кусочек мяса с гарниром из сои — десятку, а аренда трех комнатушек в бараке — тысячу кредиток в месяц.

Как ни крутись, скопить при таких ценах ничего не удавалось — и, стало быть, время окончания контрактов Амоса и Фриды все время отдалялось.

А потом появились дети. Незапланированные, но желанные. Компания поощряла деторождение. Это был источник рабочей силы следующего поколения, не требующий расходов на вербовку и транспортировку.

Компания старательно следила за тем, чтобы дети поменьше знали о мире вне Вулкана. Психологи поучали родителей, что, дескать, этими знаниями вы травмируете детей, которым пока что расти в особых условиях.

Амос и Фрида эти рекомендации решительно отвергали. Но как объяснить ребенку, который вырос в кривых серых коридорах и привык передвигаться между секциями в вагончиках монорельса, что такое пробежаться по морозцу на лыжах или шагать по дороге, ведущей неведомо куда? После долгих и жарких споров с мужем Фрида настояла на своем и купила большую, во всю стену, живую картину — пейзаж с идущим снегом. Стоил он столько, что ее контракт увеличился еще на полгода.

Целых восемь месяцев на милые домики падал снежок, а дверь ближайшего домика распахивалась, встречая усталого хозяина жарким веселым камельком. Потом живая картина сломалась, а на починку не было денег.

Для Амоса и Фриды эта живая картина значила гораздо больше, чем для Стэна. Но хотя юный Карл не имел ни малейшего понятия о жизни на просторах, вне тесных комнатушек и коридоров, перед собой он видел только одну цель: во что бы то ни стало улететь прочь с Вулкана.

— Запомни, мой мальчик, не медведь страшен, а то, откуда ты на него смотришь.

— Папа, а что такое «медведь»?

— Ты же знаешь. Это зверь, на которого любят охотиться офицеры лейб-гвардии. Разве не видел по видику?

— Ах да! Он похож на воспитателя.

— Немножко. Только чуть покосматей и не такой глупый. Так вот, когда ты смотришь на медведя сверху из патрульной машины, он выглядит не так уж страшно. Но когда он смотрит на тебя сверху...

— Не понимаю, куда ты клонишь, папа.

— Наш Вулкан — вроде того медведя. Если бы ты жил в Оке — он бы, скорее всего, казался тебе вполне симпатичным местом. Но когда ты простой мигр и прозябаешь тут, внизу...

Амос Стэн горестно покачал головой и налил себе еще одну полулитровую кружку наркопива.

— Заруби себе на носу, Карл: коли ввяжешься в бой с медведем, дерись до последнего — проигравшему пощады не будет. Но помни и то, что самое умное — обходить медведя десятой дорогой!

Как опасно попасть в лапы к медведю, Стэн понял на примере старого одинокого мигра по имени Элмор.

Квартирка Элмора находилась по соседству — в конце коридора. Почти весь свой досуг Элмор проводил с детьми — на игровой площадке. Любил рассказывать всякие истории. Чаще всего — фантастические. Это были чудесные образчики фольклора, созданного на основе устных рассказов крестьян, приехавших работать на Вулкан. Мало-помалу свезенные с тысячи планет рассказы-легенды переплавились в совершенно особенный фольклор Вулкана: «Месть Ардмора», «Летучий Голландец с Капеллы», «Фермер, ставший королем». Существовали и собственные легенды Вулкана, уже на нем рожденные. Например, «Дэлинки, спасшие компанию». Шепотом передавали зловещие предания о том, что происходит в заброшенных несколько поколений назад пакгаузах и заводских цехах, где призраки продолжают перетаскивать ящики с товаром и работать на станках.

Больше всего Стэн любил историю, которую Элмор рассказывал реже других,— о том, как все однажды изменится. Дескать, придет некий герой с другой планеты и поведет мигров наверх — в Око. Наступит час расплаты! И много кровушки начальников прольется — ох как много! Прекрасней всего был конец сказки, когда Элмор после долгой паузы сообщал, что предводитель мигров и сам будет из мигров.

Родители не имели ничего против того, что их детишки проводят столько времени с Элмором. Пусть себе слушают старика — меньше хлопот! В благодарность за то, что Элмор занимает ребятню и отвле-

кает ее от проказ, родители в складчину дарили ему что-нибудь на каждый День основания. А если кто из взрослых и знал, что большинство историй Элмора направлены против компании, то помалкивал. Защищать компанию дураков не находилось.

Как и следовало ожидать, все это закончилось печально. Кто-то из детей сболтнул лишнее не тому, кому надо. Например, воспитателю. И после одной из смен Элмор домой не вернулся. Сначала все хором гадали: куда сгинул старик? Но потом разговоры о пропаже Элмора приелись, и все благополучно забыли о его исчезновении. Только не Стэн. Он видел Элмора еще раз — в городке Развлечений. Старик, спотыкаясь, ковылял за уборочной машиной. Он остановился рядом со Стэном и посмотрел на мальчика. Рот Элмора открылся, он пытался что-то сказать. Но его язык лишь беспомощно шевелился, а с губ сходили какие-то утробные звуки. Машина нетерпеливо свистнула, и Элмор послушно побрел следом за ней. Стэна осенило: старику выжгли часть мозга!

Когда Карл рассказал о встрече отцу, Амос нахмурился.

— Усвой этот урок, мой мальчик. Когда они делают зиг, ты должен делать заг. Чтобы получился зигзаг — и чтобы они никогда не поймали тебя.

— Разве я тебе не говорил, что самое главное в жизни — вовремя увернуться?

— Я не мог, папа. Их было четверо, и все крупнее меня.

— Очень плохо, мой мальчик. На жизненном пути тебе встретится масса вещей крупнее тебя. И что же, ты будешь вечно ходить с разбитым носом?

Стэн задумался.

— Если зайти со спины, у меня будет преимущество даже перед крупными ребятами, ведь так, папа?

— Ужасная мысль, Карл. Ужасная. Особенно потому, что ты прав. Нападать со спины — омерзительно. Но иногда другого выхода не бывает.

Стэн поднялся на ноги.

— Куда ты?

— Пойду поиграю с ребятами.

— Нет. Пусть прежде сойдет синяк под глазом. Чтоб никто не знал, что ты дал себя побить!

Спустя две недели, когда один из тех четырех драчунов на тренировке лез по канату, тот оборвался. Парень упал с семиметровой высоты на стальной пол.

Тремя днями позже двое из той четверки исследовали недостроенный коридор. По несчастной случайности на них обрушилась не

до конца смонтированная стенная секция. После того как мальчишек выписали из больницы, воспитатель строго отчитал их родителей за то, что те оставляют детей без присмотра, а компании плати потом за лечение!

Заводиле обидчиков Стэна тоже сильно не повезло. После отбоя, когда погасили свет, кто-то прыгнул на него сзади и избил до потери сознания. Воспитатель провел короткое следствие и пришел к выводу, что нападение совершил один из дэлинков — малолетних преступников. Эта шпана населяет вентиляционные трубы и заброшенные помещения Вулкана; всех их ждет прижигание мозга, потому что рано или поздно все они попадают в руки блюстителей порядка.

Несмотря на официальную версию — четыре несчастных случая, никто из ребят больше не решался задевать Стэна.

— Карл, я хочу поговорить с тобой.

— Да, папа?

— Воспитатель собирал родительское собрание. Я присутствовал.

— Ну и что?

— Тебя не интересует, чего он хотел?

— Нет. То есть да. Конечно интересует.

— А сам не догадываешься?

— Понятия не имею.

— Сомневаюсь. Короче, кто-то из мигрят изобрел особенный спрейчик. Ты, парень, об этом ничего не слышал, а?

— Нет, папа.

— Мда-а... Словом, кто-то сочинил такую вонючую жидкость, которая пахнет — ну, как когда в коридоре восемнадцать — сорок пять прорвало канализационный рециркулятор. Помнишь?

— Да, папа.

— Хорошо беседуем, правда? Но это к слову. Итак, этим спрейчиком облили стулья, на которые должны были сесть — и сели — воспитатель и четверо его помощников. Никак тебе смешно?

— Ну что ты, папочка! Такая беда приключилась с воспитателем!

— Смотри не заплачь... Короче, воспитатель требует, чтобы родители сами нашли и выдали властям ребенка с... дай бог памяти вспомнить, как он выразился... ага! с ярко выраженным антиобщественным поведением.

— И что ты собираешься делать, папа?

— А я уже сделал то, что собирался сделать. Мы с твоей мамой шли мимо библиотеки. Дай, думаю, загляну. Пока мама заговаривала зубы библиотекарю, я глянул в формуляры, кто в последнее время читал книжки по химии.

— Ну?

— Вот тебе и «ну». Уходя, я забыл вернуть библиотекарю формуляры. С памятью у меня в последнее время просто беда.

Стэн молча потупился.

— Мой отец однажды сказал мне: если хочешь подпалить кому-нибудь пятки, сначала убедись, что по крайней мере у шести окружающих в сумке лежат точно такие же горелки, как у тебя. Понял, о чем я толкую?

— Да, папа.

— Мотай, мотай на ус — возраст у тебя такой, что дураком ходить стыдно.

Один из лучших периодов своей жизни Стэн называл про себя временем ксипака.

Компания регулярно организовывала геологические экспедиции. Члены одной из них обнаружили на какой-то богом забытой планете злобных маленьких хищников, получивших название ксипаки. Трудно сказать, кому и зачем понадобилось прихватить с собой этих агрессивных тварей. Но факт есть факт — крохотные рептилии появились на Вулкане.

Будучи высотой не больше двадцати сантиметров, ксипак страха не знал и норовил вонзить когти и зубы во все, что двигалось,— хотя бы существо было раз в десять больше его. По словам одного учителя, приехавшего работать по контракту с Прайм-Уорлда, ксипаки напоминали тираннозавров в миниатюре. Впрочем, Стэн не знал, что это за звери такие — тираннозавры.

Ксипак почти одинаково ненавидел всех живых существ. Однако пуще всего он ненавидел других ксипаков. Если отбросить короткий период размножения, главной радостью ксипака было разорвать в клочья сородича. Что делало ксипаков идеальными бойцовыми животными.

В то время Амос получил от компании премию как рационализатор. Он предложил перенести выхлопное сопло станка подальше от заборного отверстия компьютера — благодаря этому станок работал без поломок в среднем на тысячу часов больше. В торжественной обстановке Амосу списали целый год из контракта.

Будучи человеком крайне азартным, Амос использовал этот год на покупку бойцовского ксипака. Стэн возненавидел рептилию с первого же момента, когда молниеносный щелчок ее челюстей чуть не лишил его мизинца.

Амос тогда же пояснил ему:

— Я тоже не в восторге от этой твари. Мне не нравится, как она выглядит, как она воняет и сколько жрет. Но именно она может стать для нас билетом с Вулкана.

Его планы звучали убедительно. Амос собирался выставлять своего ксипака только в коротких предварительных боях, делая незначительные ставки.

— Рисковать не станем. Будем выигрывать понемногу — месяц контракта там, неделю здесь. Рано или поздно все это сложится в наш билет отсюда.

Даже мать Стэна согласилась, что очередная затея Амоса выглядит разумнее прежних.

А Стэн, которому шел тогда пятнадцатый год, больше всего на свете желал вырваться с Вулкана. Поэтому он стоически переносил отвратительный запах ксипака, прилежно кормил его — и старался не очень громко кричать, когда замешкавшуюся в клетке руку обжигал укус острых зубов.

Какое-то время казалось, что грандиозный план Амоса близок к осуществлению. До тех пор, пока на боях, проходивших в пустом коридоре несколькими блоками дальше, не появился воспитатель.

Стэн как раз шел за Амосом — выносил на арену клетку. Воспитатель заприметил их с противоположной стороны ринга и поспешил навстречу.

— Здравствуйте, Амос,— медоточивым голоском сказал он.— Я и не знал, что вы держите ксипака.

Амос недоверчиво кивнул. Воспитатель осмотрел шипящую тварь под мышкой у Стэна.

— Похоже, у тебя отличная зверюга. Как вы посмотрите, Амос, если в первом бою мы стравим ее с моим ксипаком?

Стэн бросил взгляд через ринг на необычно крупного, разъевшегося воспитательского ксипака, клетку с которым держал один из прихлебателей воспитателя.

— Пап,— сказал он,— лучше не стоит. Видишь, какой он гладкий и большой!..

Воспитатель сердито посмотрел на Стэна.

— Вы позволяете своему сопляку решать за себя, Амос?

Амос отрицательно мотнул головой.

— Вот и прекрасно. Докажем всем, что в нас с вами живет настоящий спортивный дух. Покажем другим коридорам, что нам надоели их хилые ящерки и мы предпочитаем стравить своих собственных зверей!

Он ждал. Амос несколько раз глубоко вздохнул.

— Думаю, что вопрос о переводе меня на волочильный станок еще окончательно не решен — не так ли, сэр?

Воспитатель расплылся в улыбке.

— Совершенно верно, еще не решен окончательно. И я могу заступиться за вас.

Даже Стэн знал, что работа с милями свернутой в кольца и раскаленной добела проволоки — самое гиблое занятие в смене Амоса.

— Мы с сыном будем рады чести сразиться с вашим ксипаком, господин воспитатель.

— Отлично, отлично,— сказал воспитатель.— Покажем всем, что такое настоящий бой!

И он поспешил на другую сторону самодельного ринга.

— Папа,— подавленно произнес Стэн,— его ксипак почти вдвое больше нашего. Мы пропали.

Амос кивнул.

— Со стороны выглядит именно так. Но ты помнишь, я тебе говорил? Они зиг — ты заг, они заг — ты зиг. Наш, он увертливей. Ладно, возьми мою статкарточку и сгоняй в лавку, где продают сою. Купи столько, сколько сможешь спрятать под рубашкой.

Стэн схватил отцовскую карточку и нырнул в толпу.

Воспитатель слишком увлекся, хвастаясь перед дружками, и не видел, как Стэн просовывал пучки сои в клетку с огромным ксипаком.

Споры, гомон, последние пари — вот клетки с ксипаками вынесли на ринг, опрокинули и шустро открыли, отбегая подальше.

Грузно переваливаясь, обожравшийся сои ксипак воспитателя выполз из клетки, зевнул, свернулся на полу... Поспать ему не удалось — Амосов ксипак растерзал его в два счета.

Вокруг ринга стояла мертвая тишина. Амос прикинулся простачком — тут он был мастер.

— Ах, какая незадача! Но мы все же показали им, сэр, что в нас с вами живет настоящий спортивный дух. Правда?

Воспитатель ничего не сказал. Просто повернулся и стал проталкиваться сквозь толпу.

Победа оказалась пирровой. С тех пор никто не хотел выставлять своего зверя против амосовского — ни на каких условиях. Никто особо не сокрушался, когда ксипака Амоса постигла та же судьба, что и всех остальных миниатюрных тираннозавров,— все они сдохли месяца через два. Как сказал кто-то — из-за недостатка необходимых микроэлементов.

К этому времени Амос уже был занят составлением другого плана, как им обогатиться и сбежать с Вулкана. Он обдумывал свой очередной прожект и в тот момент, когда Торесен обрек на гибель городок Развлечений — и всю семью Стэнов, за вычетом Карла, которому повезло по чистой случайности.

Глава 4

Раскатистый голос барона эхом разносился под высоким куполом переходного отсека. До Стэна доходили лишь отдельные фразы:

«Храбрые души... первопроходцы Вулкана... погибли ради блага компании... имена не будут забыты... тридцать миллионов наших сограждан будут помнить вечно...»

Стэн оцепенел от горя.

Собралось не меньше полусотни родственников тех, кто только что погиб страшной смертью. Стоя в этой толпе рыдающих, Стэн тупо смотрел на потолок, куда проецировалось во много раз увеличенное изображение барона. Торесен стоял посреди своего сада в свободно ниспадающих одеждах.

Барон тщательно подбирал наряд для траурной церемонии. Мигры должны быть тронуты его сочувствием и безмерной заботой. Но в глазах Стэна барон был такой же сволочью, что и воспитатель, только более холеной, более лицемерной.

В первую неделю после катастрофы Стэн не мог прийти в себя от шока. Мыслями он снова и снова возвращался к утраченным родителям, болтал с сестричкой и братом... Так инвалид какое-то время продолжает чувствовать только что ампутированную конечность.

Большую часть времени Стэн отсиживался дома, в одиночестве. Через определенные промежутки времени щелкал клапан пневматической доставки пищи — случалось, что Стэн подходил и съедал что-нибудь с подноса.

Стэн был даже благодарен компании за то, что его не трогали, не прислали человека с лицемерными утешениями. Лишь много лет спустя он узнал, что сотрудники компании просто следовали соответствующему разделу инструкции, который назывался: «Несчастный случай на производстве (со смертельным исходом), работа с родственниками погибшего».

Чтобы направить горе единственного родственника в нужное русло, все было рассчитано до мелочей: короткие соболезнования начальства по поводу гибели Амоса и Фриды, а учителей — по поводу гибели Аада и Джос, затем перевод на счет Стэна небольшой суммы — компания рассчитывала, что эти деньги будут потрачены в зоне отдыха. Инструкция особо подчеркивала желательность изоляции скорбящих родственников; меньше всего компании хотелось, чтобы рыдающие люди шатались по коридорам и напоминали другим, насколько эфемерна граница между жизнью и смертью в рукотворном мире Вулкана, где все подчинено наживе — наживе всех, кроме мигров.

Гладкие фразы барона вдруг совсем опротивели Стэну. Он повернулся, чтобы уйти прочь. Но тут кто-то взял его за рукав. Оглянувшись, Стэн так и застыл. Рядом стоял воспитатель.

— Трогательная церемония,— сказал этот негодяй.— Берет за душу. Мне прямо плакать хочется.

Он подтолкнул Стэна к ближайшему бару и усадил за стол. Затем сунул свою статкарточку в прорезь, и автомат выдал две стопки. Воспитатель отхлебнул глоток спиртного и прополоскал им рот.

Стэн неподвижно смотрел на свой стакан.

— Я понимаю твое горе, парень,— сказал воспитатель.— Но все мы прахом были и прахом будем...

Он достал что-то из кармана и положил перед Стэном. Это была пластиковая карточка с фотографией и надписью у верхней кромки: «КАРЛ СТЭН, 03857-19-2-МИГР-НЕКВАЛИФ.». Стэн удивился, когда это они успели его сфотографировать!

— Я знаю, тебя сейчас не может не волновать, что будет с тобой после этой трагедии. Ведь у тебя нет работы, нет кредита, нет средств

к существованию. И так далее.— Воспитатель сделал паузу и отхлебнул из стакана.— Мы просмотрели твое личное дело и решили сделать для тебя исключение.

Тут воспитатель осклабился и постучал желтым ногтем по новенькой статкарточке.

— Мы решили предоставить тебе гражданские права рабочего со всеми вытекающими из этого привилегиями — и обязанностями. У тебя будет ежемесячный кредит — как у взрослого рабочего. Можешь беспрепятственно посещать абсолютно все увеселительные центры. И владеть квартирой — той, в которой ты вырос. Мы ее не отнимаем.

Воспитатель подался вперед, дабы эффектно заключить:

— Начиная с завтрашнего дня, Карл Стэн, ты займешь место покойного отца в великолепных цехах Вулкана!

Стэн молчал. Воспитатель решил, что молчание — от избытка благодарности, а угрюмый вид — как ни крути, у парня только что родители сдохли.

— Компания предоставляет тебе все эти блага в ожидании того, что ты отработаешь те несколько лет, которые оставалось отработать твоему отцу. Если я не ошибаюсь, ему предстояло проработать еще девятнадцать лет. Да, девятнадцать. Однако компания проявила мягкосердечие и списала долг, числившийся за твоей матерью.

— Это очень любезно со стороны компании,— выдавил из себя Стэн.

— Конечно, конечно. Как любит повторять барон Торесен (а мы с ним частенько беседуем в его саду), процветание рабочих — прежде всего. Счастливый работник — производительный работник, как часто говорит господин Торесен.

— Да, конечно.

Воспитатель снова осклабился. Он похлопал Стэна по руке и поднялся. Немного поколебавшись, он вставил свою статкарточку в прорезь и нажал кнопку. Из автомата появилась новая стопка.

— Вот, выпей еще, полноправный гражданин Карл Стэн. Я угощаю. И позволь мне первым принести тебе поздравления с тем, что ты стал работником компании.

Он еще раз потрепал Стэна по руке и ушел.

Стэн проводил его взглядом до выхода. Потом взял оба стакана, из которых он не пригубил ни капли, и медленно вылил их содержимое на пол.

Глава 5

Взвыла сирена, предупреждающая о скором начале новой рабочей смены, и Стэн с кислым видом поднялся с постели. Он лежал без сна уже пару часов. Дожидался сирены.

Даже четыре цикла спустя в его трехкомнатной квартирке не прибавилось ни одной вещи — она оставалась такой же неуютно пустой.

Но Стэн уже усвоил старую истину: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Те воспоминания следовало навеки замуровать в дальнем углу памяти — хотя временами он терял бдительность, и тоска на миг показывала свое гнусное рыло. Однако большую часть времени он довольно успешно изображал из себя того уравновешенного и покорного мигра, каким компания хотела видеть своих работников.

В стене щелкнуло, и из отверстия выполз поднос с обычной стопкой энергизатора и горой таблеток от похмелья и против депрессии.

Стэн взял горсть таблеток и тут же вышвырнул в контейнер для мусора. Он в этой дряни не нуждался, но и не брать было чревато попаданием в черный список опасно положительных мигров. Через несколько часов поднос будет втянут обратно в стену — и какой-нибудь бдительный компьютер доложит по начальству, если Стэн позволит себе не употребить положенной нормы. Для начала его хорошенько отчитает воспитатель.

Стэн тяжело вздохнул. Здесь буквально на все существует минимальная обязательная норма потребления!

Далеко, в самом начале очереди у пропускной, рабочий коснулся своей статкарточкой окошка автомата, который фиксировал время прихода. Автомат мигнул, открыл щель для руки и считал нужную информацию с ладони, сунутой ему в пасть. Заодно он удостоверился, что в крови рабочего не осталось слишком много алкоголя и наркотиков после обычной пьянки, которой все предавались между сменами. Лишь после этого автомат раздвинул пропускные ворота.

Рабочий прошел внутрь, и очередь продвинулась вперед на пару шагов. Стэн медленно продвигался вместе с другими к проходной, невольно прислушиваясь к болтовне соседей.

— Ты только подумай: этот фран был самым большим разгвоздяем в смене! Никогда не мог выполнить нормы по пьянке! А компания обошлась с ним так благородно! Оболтусу оторвало руку — а он этой рукой, говоря по совести, только одно и делал — шлюшек за титьки щипал. Так вот, компания ему отвалила месячную зарплату за увечье! Обалдеть!

— Ты знаешь, на Вулкане ни одна сука меня не перепьет! А эти гады отстраняют меня от работы в следующую смену — дескать, я отлыниваю от потребления! Они бы, паскудники, дубаря дали, если бы потребили хотя бы половину того, что я потребил!

Наконец подошла очередь Стэна. Одуревший от скуки, он протянул статкарту, потом сунул ладонь в отверстие, тупо таращась на автомат, раздвинувший створки пропускных ворот. По-стариковски волоча ноги, Стэн прошел на территорию завода.

Сборный цех был гигантским сооружением — от пола до потолка набит всякой техникой: конвейеры, станки, лебедки, краны... Миграм приходилось глядеть в оба, передвигаясь по узким проходам меж-

ду машинами или по мосткам. Чуть зазеваешься — оттяпает руку или втянет в нутро какой-нибудь железной твари, которая вмиг тебя сжует, а потом раскатает и пошлет дальше по конвейеру, пока упаковщики не забракуют продукцию, испорченную посторонними примесями.

К третьему месяцу работы на заводе Стэн ненавидел своего «товарища» не меньше, чем завод в целом. Робот, с которым он работал, был приземистым коротышкой серого цвета и яйцеобразной формы. У него был один большущий глаз с уймой всяких сенсоров, располагающийся на ножке, как у некоторых насекомых. Передвигался робот по ровному месту на колесиках, а на лестнице выпускал что-то вроде лап. Более-менее живыми у него казались только щупальца-манипуляторы да этот сложносоставной глаз на ножке.

Что Стэн ненавидел больше всего в роботе, так это его визгливый ноющий голос. Точно так же противно гундосил дряхлый робот-библиотекарь, выдававший аудиокниги Стэну, когда тот был мальчишкой.

— Торопись! — зашипел робот на Стэна.— Мы отстаем от нормы! А хороший работник должен выполнять свою норму кровь из носа! Только вчера некий Майел Торкенсон из третьего сектора вдвое перекрыл норму. Вот на кого надо равняться! Вот настоящий передовик производства! Разве это не вдохновляющий пример?

Стэн кинул бешеный взгляд на серое яйцо с манипуляторами — что этот электронный придурок знает про кровь из носа! Так бы и наподдал ему ногой, будь «товарищ» помягче,— а то себе дороже: раз двинул его в сердцах, так потом два дня хромал.

А робот все поторапливал:

— Давай-давай! Следующий стул!

Стэн взял очередное сиденье из стопы в конце длинной, серебристого цвета трубы и понес его к месту, где уже поджидал неутомимый робот.

Стэн работал в паре с роботом в конце сборочного конвейера по производству бегунков — пассажирских капсул для движения по пневмотрассам, которые имеются почти на всех индустриально развитых планетах. Робот выполнял квалифицированный труд, а Стэн был «принеси-подай». В течение всего рабочего дня он делал одно и то же: брал очередное кресло из стопы сидений и прилаживал в пазы внутри бегунка, после чего робот приваривал его к раме. Можно было рехнуться от однообразия этой работы, а его электронно-механическому боссу хоть бы хны! Он не потеет, и мозги у него не пухнут, благо там и пухнуть особенно-то нечему. Зато Стэн никак не мог угодить ему.

— Да не так! — то и дело визгливо покрикивал робот.— Хоть бы раз правильно сделал! Тут же все четко размечено. Ну-ка, повыше. Толкай. Возьми ты повыше, кому говорю!

На груди робота замигало красное табло: отставание от нормы выработки!

— Быстрее! Следующее сиденье!

Стэн посторонился — мимо проходил знакомый рабочий, которого он знал только в лицо.

— Привет! — возбужденно сказал тот.— Ты слышал? Меня повысили!

— Поздравляю.

Дурачина прямо-таки сиял.

— Спасибо. Это дело надо обмыть. После смены я устраиваю большой гудеж. Приходи.

— Слушай,— сказал Стэн,— ты же просадишь всю свою прибавку. Какого черта?

Рабочий пожал плечами.

— Велика беда! Ну, продлю контракт еще месяцев на шесть и отработаю.

Стэна подмывало спросить этого парня: что за радость такая — каждую зарплату, полученную таким потом, ухать на развлечения, а потом и прибавку — коту под хвост. С каким легким сердцем этот работяга готов пустить на ветер шесть месяцев своей жизни... Впрочем, ответ был заранее известен: а плевать мне с высокой башни!

— Да, ты прав,— сказал Стэн.— Всегда можно продлить контракт.

Счастливый мигрант побежал дальше — приглашать всех встречных-поперечных.

В те дни Лета была едва ли не единственным светлым пятном в жизни Стэна. Во многих отношениях — самая заурядная шлюшка, девушка была родом из такого же заштатного звездного мира, откуда прибыли родители Стэна. Когда она нанималась проституткой на Вулкан, то простодушно верила, что оттрубит свой срок, поднакопит деньжат и рванет на одну из комфортабельных планет империи, где ей повстречается и предложит руку и сердце если не красавец королевских кровей, то хотя бы межзвездный негоциант с тугим кошельком.

Стэн не верил в сказочку про шлюху с золотым сердцем. Но ему хотелось верить, что Лете искренне нравится и болтать с ним, и трахаться.

Стэн молча лежал на краю кровати.

Девушка прижалась к нему и стала медленно поглаживать его кончиками пальцев. Стэн повернулся к ней и заглянул в глаза. Лицо Леты сияло нежностью — зрачки расширены благодаря наркотику.

— Что печалит моего пупсика? — мурлыкнула она.

— Свинские условия контракта. Чудовищные нормы. Тупость мигров.

Лета хихикнула.

— Ты-то умница. Хотя и мигр.

Стэн сел на постели.

— Я тут не на веки веков. Вот истечет срок контракта — и поминай как звали! Рвану с этой долбаной планеты и узнаю наконец, что такое быть свободным человеком!

Лета только рассмеялась.

— Я не просто болтаю. В кредит ничего брать не буду. Контракт продлевать и не подумаю. И больше не буду надираться до потери пульса. Я научусь ценить время собственной жизни. Научусь — и точка!

Лета насмешливо покачала головой и встала с постели. Глубоко вдохнув несколько раз, чтобы хоть немного разогнать дурь, она сказала:

— Ни шиша у тебя не получится.

— Но почему? — вскинулся Стэн.— Даже девятнадцать лет когда-нибудь да кончатся!

— У тебя ни черта не получится, потому что здесь все подтасовано. Здесь все просчитано заранее, все под контролем. И твоя работа. И твои развлечения. И здешние игорные заведения. И даже... даже наши с тобой поиграшки. Они так устроили, что ты отсюда никогда не выберешься, как муха из липкого дерьма... Они тебя опутывают со всех сторон — и делают это умеючи.

Стэн был по-настоящему ошарашен.

— Но если все обещания — туфта и никто с Вулкана не вырвется, сама-то ты что?

— А что я?

— Ты постоянно рассуждаешь о том, что будешь делать, когда улетишь отсюда. Какие планеты хочешь посетить. С какими людьми встречаться — чтоб от них не пахло машинным маслом и потом.

Лета прикрыла его рот рукой.

— Так это ж я, Стэн. Я не ты. Я улечу. У меня контракт, а это обеспечивает меня хорошим жалованьем, наркотиками, едой и питьем. А за игральные столы меня попросту не пускают — моя кредитная карточка в казино недействительна. Если я не сдохну прежде, мне гарантирован выезд с Вулкана. Как и всем девушкам моей профессии. Как и всем заводским шестеркам, мастерам, спецам, патрульным. Все они спокойно уедут, когда срок контракта истечет. А мигры останутся. Им отсюда пути нет.

Стэн замотал головой, не веря ни единому слову.

— Стэнчик, ты славный парень, но запомни — жить тебе на этом Вулкане до самой смерти.

Какое-то время он заставлял себя не ходить к Лете. Да пропади она пропадом! Не нужна она ему! И вообще, что за радость общаться с человеком, который говорит такие гадости... Врет же, вертихвостка! Ведь врет, да? Не может же это быть правдой... Но чем дольше

длилась разлука, тем больше он вертел в голове ее слова, тем больше терялся в догадках. В конце концов Стэн решил серьезно поговорить с ней. Надо показать Лете, что, может, она и права относительно прочих мигров. Но не относительно него.

Поначалу в публичном доме сделали вид, что и слыхом не слыхали про Лету. Когда он стал скандалить — припомнили. Ах, Лета? Ну да, конечно, конечно... Перевели девчушку куда-то. Извините, ничего больше не знаем. Да, как-то неожиданно перевели. Но она, похоже, очень обрадовалась, когда за ней пришли. Может, определили в новую зону отдыха для руководящего состава. Или еще куда, в хорошее место.

Стэн глубоко призадумался.

Но загадки кончились, когда он в очередное свободное от работы время пробрался в бывшую комнату Леты и обнаружил там крохотный микрофончик на потолке. Хотел бы он знать, что ей сделали за излишнюю болтливость!

РАСХОДЫ ПЕРВОГО МЕСЯЦА:

Квартира . . . . . 1000 кредиток

Питание . . . . . 500 кредиток

Штрафы за некачественный труд . . . . . 225 кредиток

Досуг . . . . . 250 кредиток

ИТОГО: 1975 кредиток

ЗАРПЛАТА ПЕРВОГО МЕСЯЦА: 2000 кредиток

РАСХОДЫ: 1975 кредиток

ОСТАТОК: 25 кредиток

Стэн в десятый раз перепроверил колонки цифр на экране. Опять он в итоге заработал сущие гроши! А между тем он урезал развлечения до минимума, питался чуть ли не воздухом и мало-мало не подыхал от голода, вкалывая на заводе до седьмого пота! Получая по двадцать пять кредиток в месяц, он сможет укоротить срок контракта разве что на полгода. А если будет так экономить и дальше, то лет через пять или рехнется, или ноги протянет!

Стэн решил еще раз все перепроверить. Может, он просто чего-то не понимает или не учитывает?

Вызвав на экран «Учебное пособие по трудовым взаимоотношениям», Стэн стал параграф за параграфом просматривать инструкции, которые компания предлагала своим руководящим сотрудникам. Должна же быть какая-то разгадка!

— Черт! — воскликнул он после того, как чуть было не пропустил нужное.

Он вернул нужный параграф. Прочитал его. И перечитал. И все еще не верил своим глазам.

«ГАРАНТИИ ПУТЕМ НАЛОГОВ: Со всех рабочих-мигрантов берется налог в размере не менее 35 кредиток и не более 67 кредиток с каждой месячной зарплаты. Исключение представляют те рабочие, которые выполняют в интересах компании особо тяжелые работы с угрозой увечья и/или смерти. С них ежемесячно взимается налог не менее 75 кредиток и не более 125 кредиток, так как компания обязуется взять на себя в случае необходимости расходы по медицинскому обслуживанию пострадавших и/или похоронам, стоимость которых не должна превосходить 750 кредиток и/или...»

Стэн в ярости ударил кулаком по клавиатуре компьютера. На экране сумбурно замелькали страницы, после чего он погас. Вот как они нас обштопывают. Твои двадцать пять минус тридцать пять налога — это сколько будет? То-то. Поймали тебя на фуфу. Хоть кишки из себя выпусти, из этой дыры не вырвешься. И такова судьба всех мигров.

Стэн как безумный зашагал по комнате: туда-сюда, туда-сюда.

Робот проворно закончил монтаж кресла в очередном бегунке и ждал, когда конвейер подаст новый сигарообразный аппарат. Тем временем готовый бегунок скрылся в пневмотрубе и унесся прочь, к погрузочной платформе. Но произошла накладка: сиденья закончились, а новых все еще не подавали. Стэн зевал без дела, а его робот возмущался по поводу простоя и яростно костерил другого робота, по вине которого происходила задержка. Тот виноватым себя не считал и запальчиво огрызался. Они препирались разом и вслух, и с помощью неслышной электронной связи, пока мостовой кран не опустил между ними нужное сиденье. Стэновский робот поспешно юркнул в капсулу бегунка, а Стэн взвалил сиденье на плечо и потащил на место установки.

Пока Стэн ворочал кресло внутри кабины, чтобы оно правильно вошло в пазы, его робот галдел про норму, про недопустимость отставания, про необходимость повыше закатать рукава... Когда робот стал нетерпеливо наклоняться с включенной горелкой, Стэн внезапно ощутил приступ тошноты. Неужели робот будет поучать его до седых волос? Неужели в его жизни больше ничего не будет, кроме идиотски однообразной работы и этого вечно бубнящего нотации серого яйца с лапками? Голова у Стэна пошла кругом. Он рванулся вперед, в бешенстве толкнул еще не установленное до конца сиденье на робота — и тот в следующую секунду взвыл, потому что от неожиданности нечаянно приварил себя к сиденью.

— Помогите, помогите! — канючил он.— Я выведен из рабочего состояния. Немедленно уведомь старшего мастера!

Стэн сам испугался своего порыва — растерянно заморгал глазами. Но потом с трудом скрыл злорадную усмешку.

— Будет сделано. Уже мчусь.

Он медленно выбрался из бегунка, набрал в легкие побольше воздуха, как перед прыжком в холодную воду, и нажал кнопку «РАБОТА ЗАКОНЧЕНА». Дверцы капсулы автоматически закрылись, и конвейер потащил ее к грузовой пневмотрубе, в которой она и скрылась через пару секунд.

— Известите мастера! Помогите! Помо...

Впервые с тех пор, как Стэна перевели из категории учеников в категорию рабочих низшего разряда, он испытал полное удовлетворение от проделанной работы.

Глава 6

Стэн «болел» больше недели, прежде чем к нему домой явился его воспитатель.

В первый день Стэн действительно был болен. Его мутило от страха, что кто-нибудь проведает о проделке с роботом. Как пить дать, подобное сочтут чистейшим саботажем. В лучшем случае дело кончится тем, что ему сделают электронную промывку мозгов и выжгут тот бунтарский участок серого вещества, который сочтут неприемлемым для созидания из Стэна Образцового Рабочего.

Но это в лучшем случае. А на Вулкане мягкость не в моде. Стэн мог только гадать, какой характер имеют здешние, по-настоящему жесткие меры наказания. Он наслушался рассказов про «адские цеха», куда направляют так называемых неисправимых. Однако никто не мог указать хотя бы на одного человека, побывавшего в этих жутких цехах. Тут два варианта: или все это пустые байки, или оттуда никто никогда не возвращается. В последнем случае впору предпочесть прижигание мозгов и перспективу стать ходячим овощем...

На второй день Стэн проснулся с веселой улыбкой. За ним не пришли — стало быть, никто не сообразил, по чьей вине случилась неприятность с роботом.

На радостях он нежился в постели два часа после того, как сирена оповестила о начале рабочей смены. А после этого идти на работу и вовсе не имело смысла — только себя огорчать. Он вытащил из загашника разные вкусные вещи и наслаждался бездельем, разглядывая картину на стене, на которой навеки замерли летящие к земле снежинки. Он не включал телевизор, чтобы смотреть программу новостей, и не шел в зал отдыха — в обоих случаях надо было пользоваться статкартой, что помогло бы компании быстро вычислить прогульщика.

К началу третьего дня Стэн уже решил вообще не ходить на работу. Он понятия не имел, как долго ему удастся безнаказанно прогуливать. Не знал и того, что с ним сделают, когда наконец поймают. Он просто сидел у себя в квартире и упивался бездельем. Мечтал о

снеге и воображал, какая это радость — гулять по свежевыпавшему снегу, не имея в кармане карточки с предписанием, где и когда ты должен быть и что сделать, явившись туда.

В последующие дни Стэн открыл большую тайну: если долго-долго щуриться, лежа на постели, то снежинки на картине начинают двигаться. Он как раз лежал и прилежно щурился, когда раздался звонок в дверь.

Он и не подумал встать. Звонок повторился.

— Стэн! — крикнул воспитатель через дверь.— Я знаю, что ты там. Пусти меня. Все замечательно. Мы справимся с неприятностями вместе. Только открой дверь. Все замечательно.

Стэн отлично понимал, что замечательного в ситуации мало. Но в конце концов пересилил апатию и поплелся к двери. Звонок надрывался. Потом наступила тишина. Кто-то шуршал карточкой в прорези электронного замка. Стэн замер у двери и ждал.

Он не знал, на что решиться. Потом метнулся чуть в сторону от двери. Щелкнул замок, который должен был узнавать только одного хозяина — Стэна. Дверь раскрылась. Воспитатель шагнул внутрь. Он раскрыл рот, готовясь что-то сказать, но тут Стэн кинулся на него с кулаками. Первый удар пришелся воспитателю в висок и отшвырнул его к стене. Ударившись головой, воспитатель рухнул на пол. И больше не двигался. Рот его так и остался открытым.

Стэна затрясло от ужаса.

Но через мгновение-другое его объяло странное спокойствие. Этим поступком он отрезал себе все пути назад. Оставался только один вариант дальнейших действий.

Стэн наклонился над лежащим без сознания воспитателем и проворно нашарил в одном из его карманов статкарточку. Если пользоваться чужим удостоверением личности, блюстителям порядка будет, наверное, много труднее быстро выйти на его след. Статкарточка воспитателя позволит Стэну пройти в те места, куда мигрaм ходу нет.

Стэн оглянулся и окинул быстрым взглядом голые стены своей квартирки. Что бы дальше ни случилось, сюда он уже никогда не вернется. Прикрыв за собой дверь, он побежал по коридору — вперед, к станции монорельсовой дороги. На поезде он доберется до космопорта — и прости-прощай окаянный Вулкан.

Выйдя из вагона на платформе у космопорта, Стэн сразу понял, что в одежде рабочего он обращает на себя нежелательное внимание. В зале космопорта мигров было совсем немного — только те, что тут работали. Они резко выделялись своими обтрепанными одноцветными рабочими комбинезонами. На прочих была одежда подороже и всех цветов радуги: тут сидели спецы, клерки, административные работники. Попадались и экзотические наряды — на гостях из далеких миров. Стэн поспешил к ближайшему автомату, который мог

продать ему комплект одежды. Сунув в щель статкарточку воспитателя, он затаил дыхание. А ну как сейчас где-то включился сигнал тревоги и блюстители порядка уже мчатся на платформу!

Автомат заурчал и высветил таблицу предложения. Стэн не стал выбирать: ткнул пальцем в первый попавшийся комплект подходящего размера — лишь бы не женский. Как только заказ появился в корзинке, Стэн схватил одежду и пробрался через толпу в туалет.

Уже в новой одежде, Стэн сунул свою карточку в щель автомата, который пропускал в служебные помещения космопорта. Надо было что-то делать с удостоверением воспитателя — куда бы Стэн ни шел, он везде засвечивался, оставляя за собой отчетливый след в электронной памяти — образно говоря, след шириной в лист компьютерной распечатки.

Поблизости от входа пожилой дородный клерк колотил по боку пивного автомата.

— Дурацкая машина. Что ты мне врешь, будто на моем счету нет денег! Дай кружечку, недоумок электронный!

Стэн со скучающим видом неторопливо подошел к нему. Очевидно, пожилой клерк работал в космопорту, после смены успел выпить и, будучи сильно под мухой, не желал помнить, что на его счету действительно не осталось ни одной кредитки.

— Наверное, это из-за пятен на Солнце,— сочувственно сказал Стэн.

Клерк уставился на незнакомца осоловелыми глазами.

— Вы думаете?

— Точно, точно. Когда я был тут последний раз между сменами, со мной произошла такая же нелепая история. Кстати, именно этот автомат ерепенился. А вы попробуйте мою карточку. Может, другая прочистит щель.

Клерк согласно кивнул. Стэн нажал кнопку, и карточка дородного старика выскочила. Стэн ее взял и вставил в щель карточку воспитателя. Через минуту клерк с довольным видом отошел в сторону с кружкой наркопива.

Его схватили через три часа. Бедолага сидел на своем привычном месте, в укромном уголке неподалеку от пивного автомата, и тихо посапывал после крепкой выпивки, когда на него накинулась чуть ли не целая рота блюстителей порядка. Он не успел глаза открыть, как на него навалились дюжие ребята, измолотили дубинками и поволокли в участок. Там клерка поджидал начальник патрульной службы, который с видом победителя схватил удостоверение бедного старика. Разумеется, это была статкарточка воспитателя.

Стэн ощутил *его,* как только вошел в зал ожидания космопорта. Да, он беглец, но уже ощущал *его* — какое-то упоительное чувство, которому было трудно подыскать название. Быть может, это и есть чувство свободы.

Он шел среди пестрой толпы — кого тут только не было! От дипломатов и не похожих на людей инопланетян до пузатых коммерсантов и крепко сбитых пилотов. Да и разговоры велись тут совершенно необычные: про разные звездные системы и про искривители времени, про двигатели на антиматерии и про интриги близких к императору вельмож.

Стэн миновал ряд проституток у входа в сомнительный ресторанчик на одном из этажей космопорта. Протолкавшись через толпу молодых парней из экипажа космического корабля, которые пересмеивались со шлюхами, прошел в бар и сел за стойку. Рядом молодой мужчина жаловался приятелю:

— Вообрази себе, этот сопливый лейтенантик меня в упор не хочет замечать. Меня — настоящего космического волка с пятнадцатью годами стажа!

Его товарищ согласно кивал:

— Они все такие, эти сосунки. Проучатся в поганенькой академии летного состава и мнят себя неизвестно кем!

— Ты только послушай, что было,— говорил первый.— Я докладываю: есть выброс сигналов на экране. А он мне: никаких причин для этого. Я ему свое: есть выброс сигналов на экране! Ну и через несколько минут мы, разумеется, влетаем в метеоритное облако. И одна каменюга летит нам прямо в морду, а остальные норовят долбануть по соплам. Но пилот молодчина — как рванет в сторону. Такой пируэт выписали, что с капитана чуть подштанники не сорвало при перегрузке.

Стэн взял стопку и заплатил наличными — из тех считаных кредиток, что у него были.

Он медленно прошелся по бару. Одна группа парней в форме космолетчиков привлекла его внимание. В отличие от прочей крикливой публики, спешившей опрокидывать кружку за кружкой, они — гладко выбритые и аккуратно одетые — тихо беседовали и медленно потягивали пиво с видом людей, которые чинно пьют на посошок перед отлетом.

— Пора отчаливать,— сказал один из них.

Вся компания разом поднялась и двинулась к выходу. Стэн пристроился за ними.

Стэну в итоге удалось проскользнуть на челнок и спрятаться в носовой части. Скрытый от членов экипажа панелью, буквально через несколько секунд после взлета Стэн увидел через прозрачный носовой пузырь грузовой корабль, к которому подлетал маленький челнок.

Грузовой корабль для дальних космических перевозок похож на исполинское насекомое длиной в несколько километров. Дюжина космических барж пристраивала к нему все новые грузовые секции. Та часть, где находился двигатель, была приплюснутой и уродливой,

а огромные сопла торчали как рога. Когда челнок подрулил под гиганта, тот оскалился. Прежде чем гигантский грузовой корабль проглотил их челнок, Стэн успел подумать: «Ничего прекрасней я никогда в жизни не видел!»

Он лишь вполуха слушал, как судья перечисляет все его преступления против компании. За спиной стояли блюстители порядка. Перед судьей стоял воспитатель, головы которого почти не было видно за бинтами, и, морщась от боли, кивал на каждый пункт обвинения.

Стэна обнаружили на челноке под грудой тюков в носовой части. Капитан, хотя и послал донесение на Вулкан с просьбой немедленно забрать «зайца», рассыпался в извинениях — видно, был наслышан про то, какая участь ожидает незадачливых беглецов.

— Мы ничем не можем помочь вам,— говорил он.— Живорезы из вулканской службы безопасности все равно прочесывают весь грузовой корабль перед отлетом в поисках таких вот беглецов.

Стэн ничего не отвечал.

— Послушайте,— оправдывался капитан,— я действительно не могу рисковать. Если меня накроют при попытке выручить вас, компания лишит меня торговой лицензии. И мне крышка. Я-то ладно, но надо думать обо всей команде...

Стэн очнулся, потому что монотонное бубнение судьи вдруг прервалось. Рассмотрение дела подошло к концу. Один из блюстителей порядка толкнул подсудимого в спину, чтобы тот вышел на середину зала для выслушивания приговора.

К чему же его присудят? Будут жечь мозги? Если да, то остается уповать только на то, что после этой процедуры у него останется достаточно ума, чтобы покончить с собой.

Судья вновь заговорил:

— Подсудимый, вы сознаете всю тяжесть вашей вины?

Первым импульсом было разыграть раболепного мигра. Да пропади оно все пропадом, терять ему нечего! Стэн гордо вскинул голову и бесстрашно встретил взгляд судьи.

— Понятно,— сказал тот.— Господин воспитатель, желаете добавить что-либо существенное для вящей пользы правосудия?

Воспитатель не пошел дальше невнятного «э-э», после чего отрицательно мотнул перебинтованной головой.

— Хорошо. Итак, Карл Стэн, поскольку вы совсем молоды и способны еще долгие годы служить на благо компании, то мы, не желая проявлять излишнюю суровость и надеясь на ваше возможное исправление, решили ограничиться переводом вас на новое место работы.

Стэн ушам своим не верил. Неужели он так легко отделается?

— Мы переводим вас в особый сектор. На неопределенное время. Если — гмм — обстоятельства того потребуют, через некоторое время я рассмотрю возможность изменения вашего приговора.

Судья кивнул охранникам, и те повели осужденного вон из зала.

Стэн, ничего не зная об особом секторе, плохо понимал значение приговора. Одно радовало — никто не полез к нему под черепную коробку, он остался жив.

Поворачивая к двери, Стэн на мгновение увидел лицо воспитателя, его злорадную ухмылку,— и понял, что если и остался жив, то, скорее всего, ненадолго.

Книга вторая

Пекло

Глава 7

— Мир катится к чертям, а всему причиной эта самая энтропия,— произнес тот, что постарше, поднимая кружку.

Сидящий рядом мужчина помоложе в пестром комбинезоне офицера космического флота презрительно рассмеялся, задрал ноги и с грохотом опустил их на стол. На груди его комбинезона значилось имя: «РАШИД, ИНЖЕНЕР ИМПЕРСКОГО КОСМОФЛОТА».

— И чего тут смешного? — обиженно и не без угрозы в голосе сказал старший. Дело происходило в одном из баров космопорта, и за столом сидели еще трое мужчин — все астролетчики, старшие офицеры торгового флота.— Вот мои офицеры, и они не слышали, чтоб их капитан сказал что-то смешное. Так, ребята?

Рашид обвел насмешливым взглядом троицу, которая пьяным хором торопливо подтвердила: «Так точно, сэр!» Обеими руками он взял свою кружку и осушил ее до дна.

— Еще по кружечке — и я скажу вам все как на духу. Вы не первый курчавый маразматик, который талдычит мне про то, что все, дескать, летит в тартарары и нынешние времена не чета прежним. Я слышу эти дебильные разговоры с тех пор, как начал службу в космосе на побегушках у стюарда.

Барменша — кроме нее, в этой забегаловке, пожалуй, не было ничего привлекательного — толкнула шесть кружек по гладкой алюминиевой стойке. Рашид встал, взял кружку пива, сдул пену и сделал длинный глоток.

— От разговора с дураком у меня горло пересыхает,— сказал он.— Даже если это многоуважаемый капитан большой космической колымаги.

Помощник капитана грозно насупился и повел могучими плечами неописуемой ширины, испепеляя наглеца взглядом. Этого бывало достаточно, чтобы осадить кого угодно, и срабатывало на тысяче планет в разных уголках Вселенной. Но Рашид только рассмеялся.

— Стареющий мужчина, когда уже не может постоять за себя, обычно таскает с собой молодого костолома для грязной работы. Вот что я вам скажу, капитан. Приведите мне хоть один пример — хоть один! — того, что наш мир клонится к закату, и я, быть может, сниму перед вами шляпу.

Капитан залпом осушил кружку, проливая пиво на свою форменную сорочку — и без того уже мокрую на груди.

— Извольте! Вот вам пример: то, как обращаются с офицерами космофлота. Поглядите на нас. Водим огромные торговые корабли. От наших действий зависит судьба сделок на многие миллиарды кредиток. Но посмотрите вокруг. Мы на Прайм-Уорлде. Эта планета — столица империи, сердце империи и прочие высокие слова. Но разве здесь относятся к нам, офицерам космофлота, с должным уважением? Ничего подобного, черт побери!

— Мы те шестеренки, благодаря которым функционирует империя! — рявкнул в поддержку своего капитана один из офицеров.

— А какого отношения к себе вы бы хотели?

— Я же сказал — чтоб уважали! Лет триста назад каждый прилетающий корабль встречали с огромной помпой. Все рвались узнать, как там — в далеком открытом космосе. Женщины сходили с ума... И послушайте слово человека в возрасте...

Капитан вконец разволновался, вскочил и наставительно поднял палец, но одновременно так громко рыгнул, что торжественность момента была несколько смазана.

— Когда империя забывает своих героев — это и есть вернейший признак всеобщего развала! — Капитан победно тряхнул головой и посмотрел на своих подчиненных.— Верно я говорю? Убедительно доказал?

Рашид проигнорировал согласные выкрики.

— Неужели вы и впрямь думаете, что энтузиазм может длиться на протяжении столетий? И что все должно быть как во времена первых примитивных космических кораблей на жидком топливе?

— Зачем лезть в историю так далеко? Еще пива!.. Иронизируйте сколько хотите, а я не прочь вернуться к временам не ахти каких надежных кораблей с ионными двигателями, которыми командовали по-настоящему мужественные люди!

— Мужественные жопочесы,— фыркнул Рашид и презрительно сплюнул на пол.— Вы что, не знаете, как летали эти корабли? С земли их поднимал компьютер. И он же их вел — вплоть до посадки.

Пятерка звездолетчиков оторопело уставилась на него.

— А что же делала команда? — спросил самый молоденький офицер.

— Сейчас скажу про команду! Первые герои взяли привычку помирать во цвете лет. Выяснилось, что на этих ионных кораблях, мягко говоря, жарковато — в прямом и переносном смысле. Именно в

той части, где команда,— от носа корабля до Барьера-тридцать три, который экранировал от излучения грузовой и пассажирский отсеки. Прошло не так уж много лет, и возникли очень большие трудности с набором новых молодых героев, потому что прежние молодые герои как один стали инвалидами или дали дубаря — после двух-трех рейсов.

И знаете, как решили кадровый вопрос? Стали набирать экипажи из бездомных алкашей, отиравшихся в окрестностях космопортов. Таких, которые не окончательно пропили мозги и могли при необходимости выполнить нужные команды и быстренько остудить двигатель, когда жар грозил перевалить за Барьер-тридцать три. Парням давали достаточно синтетического пойла, чтобы не просыхали,— а не то глянут с трезвых глаз, на каком ядерном костре они сидят голой задницей, и со страха повыпрыгивают в открытый космос. Вот вам и достославные герои, водившие ионные корабли, и их замечательные офицеры, которых набирали в тюрьмах среди более-менее образованных рецидивистов!

И вы что думаете, народ об этом не знал? Вы верите, что этих межзвездных алкашей, если им удавалось дожить до конца рейса (а порой приходилось добирать команду на промежуточных остановках), встречали в космопортах фанфарами и речами, а женщины с визгом кидались им на шею? Если вы этому верите, вы даже глупее, чем кажетесь.

Капитан нервно облизал губы и обвел взглядом своих подчиненных. Они ждали от него знака — как им реагировать на речь инженера.

— Откуда вам известно так много? И про Барьер-тридцать три... Умник нашелся! Небось сам не летал на тех кораблях! — Престарелый капитан со стуком опустил свою кружку на стол.— Эх, никакой жизни! Пришли в кабак, чтобы тихо-мирно пропустить кружечку-другую, покалякать, потравить байки... и нате — путается под ногами какое-то ничтожество, которое считает нас дураками, способными поверить...

— Я летал на корабле с ионным двигателем,— обронил Рашид, перебивая капитана.

Тот мгновенно покраснел от ярости. Его широкоплечий помощник с кулаками-кувалдами вскочил на ноги.

— Хочешь сказать, что тебе тысяча лет, начальник? — насмешливо скривился помощник капитана, поигрывая мускулами.

— Нет. Я значительно старше.

Капитан коротко кивнул своему помощнику, и тот размахнулся кулачищем, который можно было бы использовать как чугунный шар при сносе зданий.

Но кулачище ударил в пустое пространство — Рашид пригнулся, рванулся вперед и ударил одного из офицеров макушкой в лоб. Тот

опрокинулся, увлекая за собой другого. Пока с грохотом падали стулья, Рашид вскочил и, когда помощник капитана вторично размахнулся, молниеносным движением ударил противника сложенными пальцами в болевую точку на предплечье. Помощник капитана согнулся от боли. Рашид быстро обернулся в сторону двух других офицеров, которые уже вскочили с пола и наступали на него. От первого удара он уклонился, но тут в его голову попала кружка, запущенная капитаном, и Рашида отшвырнуло к стойке бара.

Еще на полу он с силой разогнул ногу и ударил одного из нападавших в живот. Тот охнул и повалился. Рашид дважды перекатился и вскочил, готовый отразить новую атаку помощника капитана.

Перехватив в воздухе руку противника, Рашид рванул ее и швырнул помощника капитана на стойку бара. Тот перелетел через нее, стукнулся лбом о кран пивной бочки и камнем рухнул вниз.

Капитан тем временем запустил в Рашида стулом. Тот перехватил стул в воздухе и огрел им самого капитана, чем на минуту вывел его из драки. Весело смеясь, Рашид схватил того офицера, который еще остался на ногах, за лацканы форменного кителя... но в этот момент офицер, которого Рашид уложил ударом в живот, пришел в себя, подполз к инженеру на четвереньках и рванул его за ноги.

Рашид упал, потащив за собой офицера, которого он держал за лацканы. Тот осыпал его ударами. Через секунду образовалась свалка — трое дерущихся катались по полу, а капитан, который успел оклематься, с неожиданной для его возраста прытью пританцовывал вокруг них и приговаривал: «Бей его, ребята! Так его, так!» При возможности он сам носком ботинка наподдавал Рашиду в ребра.

Две руки возникли из ниоткуда и почти нежно стукнули капитана по ушам — так, что он оловянным солдатиком бухнулся на пол.

Рашид вывернулся из-под тел двух нападавших, вскочил и кивком головы приветствовал нового человека, вступившего в драку. Затем он ухватил одного офицера поперек тела и перекинул его своему неожиданному союзнику — седовласому бегемоту с носом, переломанным столько раз, что ни один хирург не брался привести эту кашу в божеский вид. Седой детина подхватил офицерика одной лапищей и подержал перед собой на весу, как бы решая, что с ним делать. Потом лениво тюкнул его кулаком в переносицу, выронил и огляделся в поисках противника посерьезней.

Человек, на груди которого значилось имя Рашид, оседлал четвертого офицера. Запустив руку в волосы несчастного, он ритмично бил его затылком о пол.

Подойдя к столику с опрокинутыми стульями, седой детина схватил чью-то недопитую кружку пива, осушил ее и хохотнул.

— Похоже, твои доводы в споре оказались убедительнее,— сказал он Рашиду.

Тот наконец отпустил голову своего давно вырубленного противника и встал с пола. Мужчины весело переглянулись.

— Ну как оно, полковник?

Седой детина хмыкнул и сказал:

— Они год от года все глупее, господин инженер. Впрочем, все мы глупеем с годами.

— За всех не расписывайтесь. И потом, что это за дерзости, полковник?

— Нижайше прошу прощения. Не изволит ли его величество вечный император мириад звездных миров и властитель несчетного числа планет, а также неусыпный попечитель о судьбах обалденного числа распроклятых подданных,— не изволит ли его величество проследовать за своим преданнейшим и честнейшим слугой во дворец, где ожидают дела государственной важности... или вы хотите послать все к черту и рвануть дальше на поиски приключений?

— Приключения пока подождут, полковник. Не все же нам резвиться как молоденьким.

Вечный император положил руку на плечо полковника Яна Махони, шефа особо секретного отряда «Меркурий», проводившего самые скрытные шпионские акции во всех концах освоенной Вселенной,— и оба, похохатывая, в обнимку вышли из бара.

Глава 8

Барон томился от ожидания в передней, нервно прохаживался из угла в угол и косился на двух рослых лейб-гвардейцев, которые изображали из себя статуи у входа в покои вечного императора. Барон старался отвлечься от черных мыслей, но на самом деле ему было очень не по себе. Впрочем, не впервой. Торесену было сообщено, что император вызывает его на аудиенцию, ради которой барону пришлось лететь через половину Галактики. Приглашение было сформулировано без обычной придворной изысканной вежливости. Торесен твердо надеялся, что вызов никак не связан с проектом «Браво», ибо даже сверхловкая разведка императора не могла проведать об этой затее. Если они все же что-то пронюхали, Торесен, считай, покойник.

Когда створы двери с легким шипом распахнулись и вышедший из покоев императора тощенький чиновник вежливым кивком пригласил барона внутрь, а лейб-гвардейцы так и не пошевелились, продолжая стоять истуканами, Торесен облегченно вздохнул — может, все и обойдется.

Чиновничек оставил барона одного в просторном зале, заполненном бесчисленными экзотическими предметами, которые император собирал более десяти столетий. Чучела невиданных животных, убитых во время охотничьих экспедиций в отдаленнейшие миры, причудливые произведения искусства, старинные бумажные книги — некоторые, под стеклянными колпаками, были раскрыты на ил-

люстрациях, которые красотой и совершенством могли поспорить с произведениями компьютерной графики.

Барон настороженно оглядывался, ощущая себя темным человеком из далекой галактической провинции, который попал в сердце имперской цивилизации. Он не сразу заметил, что в конце зала к нему спиной стоит мужчина и взирает на прайм-уорлдский пейзаж через огромное выгнутое окно наподобие прозрачного «пузыря» в носовой части некоторых космических кораблей. На мужчине был простенький белый костюм.

Низко кланяясь, Торесен стал приближаться к вечному императору. Тот повернулся от окна и резко сказал:

— Помощники говорили, что у вас слава человека быстрых действий. Они ошиблись.

— Ваше величество, я вылетел мгновенно,— залепетал Торесен.

Император жестом приказал ему замолчать и повернулся обратно к окну. На протяжении немыслимо долгой паузы барон переминался с ноги на ногу, обливаясь холодным потом.

— А если вы, ваше величество, имеете в виду последние проекты компании,— не выдержав молчания, торопливо заговорил барон,— то уверяю вас, ваши помощники не ошибаются — мы действуем решительно и быстро. Я дорожу своей репутацией и...

— Вы только взгляните на это! — перебил его властитель.

Окончательно сбитый с толку, Торесен устремил свой взгляд туда же, куда смотрел император,— на лужайку перед дворцом, где веселились придворные дамы и кавалеры, выполняя сложные фигуры причудливого танца.

— Непроходимые дураки — воображают, что они-то и есть та ось, на которой вращается империя. А на деле миллиарды подданных трудятся в поте лица, чтобы эти бездельники могли порхать и развлекаться.— Тут император повернулся к барону. На лице его величества была теплая, дружеская улыбка.— Но мы с вами не из их числа, не правда ли, барон? Мы знаем, что надо держать рукава засученными и не бояться замараться работой. Мы знаем, что такое по-настоящему вкалывать!

Теперь Торесен просто ошалел от растерянности. То ледяной тон, то дружественный. Что за игра? Чего хочет этот человек? Или слухи о его старческом размягчении мозгов небеспочвенны? Нет, спохватился Торесен, не глупи и держи ухо востро. Ведь слухи о старческом маразме императора первым стал распускать я сам!

— Ну? — спросил император.

— Простите, ваше величество.

— Зачем вы просили об аудиенции? Давайте ближе к делу. Меня ожидают два-три десятка делегаций из разных звездных систем.

— Ммм... ваше величество, похоже, вышла ошибка... разумеется, вы к этому не имеете никакого отношения, это ваши секретари... Дело в том, что... Я-то думал, что это вы хотели...

— Так или иначе, мы рады видеть вас, барон,— перебил его император.— Будет очень кстати переговорить с вами о некоторых крайне тревожных сообщениях.

Он стал прохаживаться между экспонатами, а Торесен семенил за ним, не смея слишком отстать и робея подойти слишком близко. Голова у него шла кругом от этого сумбурного разговора. Понять бы, куда клонит император, если он вообще куда-то клонит.

— Сообщения о чем, ваше величество?

— Мы уверены, что это не стоящие внимания пустяки, однако некоторые из ваших торговых агентов, работая с потенциальными клиентами, говорят им кое-какие вещи, которые мои — хм — люди находят... как бы выразиться помягче?.. находят попахивающими государственной изменой.

— Например, ваше величество? — спросил Торесен, прилежно изображая страшное удивление.

— Да всякое, я уж и не припомню сразу. Ну, намекают прозрачно, что со многими вещами компания справляется лучше, чем имперские службы.

— Кто? Кто из моих агентов осмелился произнести столь кощунственные слова? Да я его мигом...

— Мы уверены, что вы накажете виновных. Однако не будьте слишком строги с ними: они, скорее всего, проявили излишнее рвение — так сказать, рвение не по уму.

— И тем не менее компания не потерпит, чтобы ее сотрудники болтали такие мерзости. Наша политика лояльности по отношению к правительству соблюдается неукоснительно, как это и записано в нашем уставе и во всех служебных инструкциях.

— Да-да, знаем, знаем. Ваш дед составил все эти документы. Я лично одобрил их своей подписью. Ваш дедушка — великий человек. Кстати, как он поживает?

— Боюсь, никак, ваше величество. Он скончался. Несколько сот лет назад.

— Неужели? Тогда примите мои соболезнования.

К этому моменту они подошли к двери, створы которой с легким шипом разошлись, и тощенький чиновник юркнул внутрь, чтобы проводить совершенно замороченного Торесена в переднюю. Когда тот уже переступил через порог, император бросил ему вдогонку:

— Погодите, барон!

— Да, ваше величество.

— Вы позабыли сказать, зачем вы пожаловали. У вас какие-то трудности? Мы с радостью окажем вам любую услугу.

Торесен потерянно молчал. Наконец быстро произнес:

— Премного благодарен вашему величеству. Но мне ничего не нужно. Я прилетел на Прайм-Уорлд по делу и решил... решил навестить вас.

— Весьма любезно с вашей стороны, господин барон. Знайте, что мои дела идут нормально, а планы осуществляются без сучка без задоринки. А теперь простите, я очень занят.

Створы двери сомкнулись. За спиной императора раздался сперва странный хрип, словно кого-то душили. Хрип перешел в хохот. Из-за ширмы, согнувшись пополам от смеха, вывалился полковник Махони.

Император, в свою очередь, осклабился и двинулся к старинному деревянному бюро со скользящей крышкой. Из ящика он извлек бутылку и два стакана. Наливая в стаканы какую-то желтую жидкость, властитель спросил:

— Когда-нибудь пили вот это?

Махони с опаской косился на стаканы. Среди придворных любителей выпить у его босса была репутация человека со специфическими пристрастиями в области выпивки, к тому же любителя разыгрывать собутыльников.

— Это что такое? — осведомился Махони.

— После двадцати лет экспериментов, проб и ошибок я более или менее точно воссоздал замечательный напиток, который я пивал во времена своей молодости. Раньше это называлось виски.

— Вашего собственного изготовления, сир?

— Не без помощи дворцовой лаборатории. Сегодня утром доставили.

Махони глубоко вдохнул, затем одним долгим глотком осушил стакан. Император с интересом наблюдал за ним. Махони какое-то время прислушивался к своим ощущениям, потом кивнул головой.

— Неплохая штуковина.

Император сделал маленький глоток из своего, языком погонял виски во рту и проглотил.

— Нет, опять не получилось. Настоящая дрянь.

Тем не менее император допил содержимое стакана и наполнил его снова.

— Ну, что скажете про него?

— Про барона? Хитрая бестия. Везде ждет подвоха. Думаю, он по утрам свои носки к ногам веревочкой привязывает — чтоб ненароком не свистнули. Однако Торесен не подхалим, хотя и вынужден был лебезить, пока вы играли с ним в кошки-мышки.

— А-а, и ты заметил. Да не будь я самым сильным мальчишкой во дворе, он бы горло мне перегрыз.— Император выпил еще одну порцию виски, сел в кресло и положил ноги на стол.— Отлично. Мы пообщались с ним, заглянули друг другу в глаза — кстати, спасибо за твое хорошее предложение повидаться с ним. И теперь я согласен с тобой: этот человек в достаточной мере глуп и одержим такой жаждой власти, что представляет собой угрозу для спокойствия империи. А теперь выкладывай: о чем именно должна тревожиться моя венценосная голова в связи с этим прощелыгой?

Махони подтащил к столу еще одно кресло, опустил в него свою тушу и положил ноги на стол — рядом с ногами императора.

— О многих вещах. К сожалению, убедительных доказательств его происков нет. Самое серьезное против него — то, что он, по сообщению моего надежного источника, продолжает тратить бешеные деньги на сверхсекретный проект под названием «Браво».

— Что за проект?

— Дьявол его знает. Два года назад мой человек в окружении барона рискнул своей задницей и напрямую поинтересовался насчет этого проекта. Торесен промолчал. Ответил только, что, цитирую, «этот проект отвечает жизненным интересам компании».

— Кто ваш человек у Торесена?

Махони развел руками, скорчив виноватую физиономию.

— Этого я сказать не могу.

— Полковник! Я, кажется, задал четкий вопрос!

Махони спустил ноги со стола. Время фамильярности закончилось. Наступило время выслушивать приказы.

— Простите, ваше величество. Мой человек в совете директоров компании. Его фамилия Лестер.

— Лестер... А ведь я его знаю. Был как-то у него на дне рождения. Совершенно надежный человек в том, что касается жизненно важных интересов империи. А вот за покерным столом... Ну, никто не без греха. Итак, Лестеру проект «Браво» кажется подозрительным?

— Очень подозрительным. Достаточно сказать, что Торесен, того и гляди, приведет компанию к банкротству из-за непомерных трат на этот непонятный проект. Он показывает минимальную прибыль, чтобы только акционеры не взвыли, а остальное всаживает в «Браво». Но Лестеру кажется, что Торесен подделывает всю бухгалтерию и на деле у компании большие убытки.

— Ну, этого для начала контроперации мало. Даже я не могу послать армию на Вулкан по одному подозрению. Меня ославят как самодура. Ведь я основывал империю под лозунгом полной свободы предпринимательства и гарантий против вмешательства в бизнес со стороны правительства.

— Так ли уж обязательно действовать в духе собственных пропагандистских штампов?

Император на миг задумался, потом ответил со вздохом:

— Увы, обязательно.

— В таком случае что мы предпримем?

Император наморщил лоб, похмыкал, потом опрокинул в себя очередную порцию виски.

— И не хочется делать это, а надо. Выбора нет.

— То есть?

— То есть придется мне на какое-то время расстаться с моим самым великим собутыльником.

Махони мигом вскочил на ноги.

— Да вы что, хотите послать меня в эту чертову дыру? Ведь Вулкан так далеко, что туда, кажется, и кометы ленятся залетать!

— А у вас есть лучшие предложения?

Махони крепко задумался. Затем тряхнул головой. Взял со стола свой стакан, осушил его и спросил:

— Когда отправляться?

— Удивляюсь, что вы еще не в пути!

Глава 9

Рабочий цикл воздушного шлюза завершился. Густой желтый газ колыхался по всему пространству пропускной камеры. Стэн, одетый в скафандр, с трудом различал фигуры других рабочих, стоявших у противоположной стены. Внутренняя дверь шлюза скользнула в сторону, и Стэн направился к своему рабочему месту, которое находилось под километровой полусферой, именовавшейся рабочей зоной № 35.

По его расчетам, он отмотал уже два года своего срока плюс-минус пять-шесть циклов. Или *всего лишь* два года. Это как посмотреть. С горьким чувством он думал: «Как же медленно тянется время, если ты только работаешь и никогда не развлекаешься!»

В огромных чанах первого этажа колыхалась и пузырилась питательная смесь, временами выплевывая серую вонючую слизь в проходы. Стэн пробирался вперед, стараясь не поскользнуться, между чанами и огромными живыми камнями — медленно растущими кристаллами.

Стэн остановился у первого пункта своей работы — возле одного из валунов метровой величины. С этим его подопечным все было в порядке. Стэн проверил клапаны на трубах с питательной смесью, которые шли от чана к живому валуну,— в порядке. Со следующим подопечным на своем участке он провозился целых полчаса и изрядно попотел: валун был болен, и, чтобы он не погиб, Стэн аккуратно выжег горелкой опухоль — спиральные завитки гранулярного рака. Остатки опухоли он бросил в бродильный чан, где микроорганизмы расщепят ее и превратят в питательный материал. После этого он двинулся вперед сквозь мутный желтый туман.

Зона № 35 представляла собой точное воспроизведение атмосферы и почвы одной далекой планетки, где выработалась особая форма жизни — на основе металлов, а не углерода. Металлические кристаллы-растения медленно «росли», «расцветали» и «умирали».

Среди множества видов металлических растений на той планете был один с уникальными качествами — металл невероятно легкий и в то же время тверже любого известного сплава. Найдя этот уникальный металл, геологи компании очень заинтересовались им и прочили ему большое будущее. И он мог действительно принести немыслимые доходы, если бы не два «но».

Первое: условия на планетке, где рос этот чудо-металл, были таковы, что добытчики быстро погибали. И это была не худшая из проб-

лем. Инженеры компании могли воссоздать практически любую среду обитания. А имея под рукой достаточное количество мигров в особом секторе для ухаживания за металлическими валунами и для сбора урожая, можно было не волноваться о высоком уровне смертности.

Второе «но» было серьезнее. Как обрабатывать сверхпрочный материал? Потребовались многие годы экспериментов, прежде чем из вирусов, которые существовали на той планетке и паразитировали на живых металлах, был получен нужный мутант. Этот вирус-мутант, пожиравший металл с фантастической скоростью, использовали в качестве биологического инструмента для обработки уникального металла, для придания ему нужной формы.

Готовый и отформованный металл использовали для конструкций, где требовалась повышенная виброустойчивость — так сказать, больше максимальной. Скажем, для самых важных узлов космических двигателей или ядерных реакторов. Впрочем, некоторые мультимиллиардеры заказывали своим женам украшения из этого драгоценнейшего металла. Стоимость суперметалла была баснословной. Бригадир однажды сказал, показывая на один особо крупный валун, что он будет стоить столько же, сколько получает за год высокооплачиваемый менеджер.

Скорость роста и размер каждого валуна аккуратно контролировали датчики, и компьютер неустанно следил за правильным развитием столь драгоценного организма. Однако Стэн нашел способ обмануть датчики роста на одном из валунов. На этом валуне на протяжении шести циклов жил крохотный, совсем неприметный нарост, который медленно увеличивался в размерах, прибавляя грамм за граммом. Стэн не собирался докладывать компании об этом нарасте. Это была его тайна.

Стэн проверил «свой» валун. Нарост «дозрел» — теперь его можно было обработать и выточить одну маленькую полезную штучку. Стэн вынул из кармана скафандра баллончик с вирусом-мутантом и, нажимая на кнопку распылителя, обвел основание нароста почти незаметным кругом красноватой жидкости.

Однажды Стэну довелось видеть жуткую картину — как один рабочий по неосторожности распылил немного вируса на свой скафандр. Парень даже не успел прыснуть нейтрализатором на место поражения. Вирус-мутант мгновенно проел дыру — скафандр взорвался и загорелся. Страшный факел был едва различим в желтом мареве, заполнявшем зону № 35.

Стэн подождал несколько секунд, затем нейтрализовал вирус и легко оторвал нарост от материнского валуна. С куском металла он зашел в крохотную мастерскую — маленький биозаводик. Поскольку все живые валуны были на строгом учете, то начальство не боялось, что эту мастерскую мигры станут использовать не по назначению, как это делал сейчас Стэн.

Положив кусок металла в герметичную биокамеру, Стэн закрыл ее, перевел аппарат на ручной режим и набрал нужную комбинацию на клавиатуре. Автомат распылил вирус-мутант по поверхности металла заказанным образом. Стэн подождал, пока вирус завершит первую грубую работу, впрыснул нейтрализатор, оценил результат, ввел новые параметры, еще раз распылил вирус.

И опять стал ждать. Теперь главное, чтобы не застукали.

Часов в особом секторе не имелось. Заключенным не полагалось знать, какова истинная продолжительность их бесконечного рабочего дня. Так что было только два способа как-то оценивать время. Первый — по количеству смертей среди товарищей. Но поскольку в этом месте никто не проживал больше года, Стэн благодаря этому способу мог узнать только одно: что ему пока страшно везет, но с каждым днем у него все меньше шансов и дальше оспаривать своей судьбой сухие данные статистики.

А второй способ как-то оценивать время — по скудным вехам памяти.

Приземистый бригадир с маленькими поросячьими глазками спокойно наблюдал за тем, как охранники снимали со Стэна наручники и ножные кандалы, чтобы потом быстренько смыться в основную секцию Вулкана,— суеверным костоломам было малоприятно находиться на территории особого сектора, про которую в их среде ходили ужасные рассказы.

Как только охранники удалились, бригадир внезапно размахнулся и ударом в челюсть свалил Стэна на пол. Поднимаясь на ноги, Стэн ощутил вкус крови во рту. На него внимательно смотрели поросячьи глазки.

— Хочешь спросить — за что?

Стэн молчал.

— Просто так, ни за что. А если будет за что — получишь втрое. Ты в особом секторе, заруби себе это на носу. Это там, на севере, с вами, миграми, цацкаются. А у нас тут мигры делают что велено, а если вякают — получают по заслугам.

Теперь слушай дальше. Наш сектор разбит на зоны. Во всех разные природные условия. Будешь работать по большей части в скафандре. Все зоны относятся к особо опасным, там работают исключительно добровольцы. Так что ты, парень, оказывается, доброволец. Ха-ха.

Спать, жрать и плевать в потолок будешь в одном из рабочих бараков — сооружение рядом с охранной зоной, где ты сейчас находишься.

От бараков на север ни шагу. Впрочем, можешь попробовать, если тебе покажется, что зона убивает тебя недостаточно быстро.

Первое место работы Стэна бригадир называл курортом и все приговаривал, что во всем особом секторе безопасней работы нет. Это был скоростной прокатный стан для изготовления проволоки. Атмосфера под куполом состояла только из азота. Беда заключалась в том, что механизмы не были до конца отлажены, а операторы работали на предельных скоростях, чтобы выдать побольше продукции. Металлические чушки, а затем проволока разного сечения двигались со скоростью в десятки километров в час — и внезапные остановки были чрезвычайно опасны. Однако на стане то одно заедало, то другое. То резко возрастало давление валков и включалось аварийное торможение, то шестеренки барабана с проволокой вдруг заклинивало. Последнее случалось особенно часто.

Всякий раз, когда прокатный стан внезапно останавливался, кто-нибудь погибал. Однажды в результате затора в формовочном аппарате на входе в него встала дыбом и упала в проход тяжеленная болванка, прибившая одного рабочего. Когда барабан на полной скорости заклинило, порвавшаяся проволока хлестнула другого рабочего и перерубила пополам. В другой раз свободный конец проволоки просвистел в воздухе и срезал голову зазевавшемуся инспектору.

В этой зоне работало около сотни «добровольцев». По подсчетам Стэна, там погибало по человеку за один цикл.

Стэн решил, что бригадир шутил, называя эту зону безопасным курортом. Но, поработав в других зонах, Стэн увидел, что те убивают мигров еще быстрее.

Вирус объел кусок металла так, что тот превратился в тусклый черный брусок в тридцать сантиметров длиной. Стэн нажал кнопку «сохранение формы» и, после того как автомат вбрызнул в камеру нейтрализатор, перешел к другому столу. Там он быстро создал компьютерную модель будущего изделия. В трех измерениях. И прибавил точные параметры своего не до конца сжатого кулака.

Рукоять заказанного инструмента будет пригнана к руке только одного конкретного человека.

— Так ты обещаешь отдавать мне свой рацион спиртного до тех пор, пока я сам не откажусь?

— Ты правильно понял.

— Что хочешь взамен?

— Ты здорово дерешься. Бригадир и его громилы не решаются связываться с тобой.

— Еще бы им связываться со мной! В каких только концах Галактики я не бил морды всяким скотам! Поверишь, временами даю уроки здешним охранникам.— Коротышка так и светился от гордости.— Стало быть, ты хочешь, чтобы я и тебя научил классно драться?

— Очень хочу.

— Молодец, парень. Хоть какое-то времяпрепровождение. Тут все равно никаких развлечений. Сидишь и ждешь смерти.

Стэн нажал нужную кнопку, и брусок переехал в другую камеру для более тонкой обработки. На табло высветилась надпись «программа в памяти», и он нажал кнопку «старт».

Небольшие лазерные установки забегали вокруг металлического бруска. Впрыснутый в герметическую камеру вирус разъедал металл, а лазерные лучи выжигали вирус там, где это было нужно и когда это было нужно. Таким образом вирус «ваял» заказанный Стэном предмет. Работа заняла несколько часов. Однажды в мастерскую заглянул охранник. Облившись холодным потом, Стэн выключил аппарат и приготовился выпалить заранее приготовленную довольно беспомощную ложь, но охранник тут же двинулся дальше, не подойдя близко к биокамерам.

— Прими основную стойку. Не так, олух! Ага. Плавно веди палку перед своим торсом. Всегда выше талии. Тогда ты в любое мгновение готов к отражению атаки.

— А если нож?

— Если обучишься работе с палкой, то в два удара сделаешь так, что парень, который нападает с ножом, загонит лезвие в собственное брюхо. Смотри. Левая рука вперед вверх. Палка прямо вверх, резко вниз. Вот так. Выпад... не так, остолоп! Ага. Или чуть иначе — со всего маха по сонной артерии. Да резче, резче, что ты тут бальные танцы устраиваешь!

За час до конца смены на табло высветилась надпись «задача выполнена». В сумасшедшей спешке Стэн залил готовое изделие нейтрализатором. Времени оставалось в обрез.

— Ты в пивнушке. Мужик разбивает бутылку и с горлышком в руке прет на тебя. Что ты делаешь в этом случае?

— Бью его.

— Придурок. Он тебя обязательно порежет. Бросай в него что попало. Если его руки опущены — цельсь в лицо. Если он готовится ударить сверху — цельсь в живот. Гляди не промахнись! Так. Теперь ты в него попал, он невольно останавливается или делает шаг назад. Твои действия?

— Бью. В коленную чашечку. В реберную дугу, если могу подскочить совсем близко. По шее.

— Хорошо. Он падает. Дальше?

— Перехватываю его руку с отбитым горлышком и всаживаю стекло ему же в рожу.

— Горжусь тобой, мой мальчик! Кое-что усваиваешь! А теперь не расслабляйся — упражняйся до начала следующей смены. В следующий промежуток между сменами мы поработаем над тем, как себя вести, когда нож в *твоей* руке.

Стэн открыл крышку камеры и вынул готовое изделие.

Оно принадлежало ему — и только ему. Впервые он держал в руке свою *собственность*. Прежде все принадлежало компании — было выдано или одолжено на время. Хоть и из краденого материала — разве он не заслужил чего-нибудь своим потом? — но это была его собственность.

За количество материала, из которого он выточил свой кинжал, можно было купить небольшой дворец. Но для Стэна имел значение не материал. Сейчас в его перчатках лежало грозное оружие. Обоюдоострый кинжал, рукоять которого идеально соответствовала его сжатой ладони. Стэн сможет держать нож именно так, как учил грозный коротышка по имени Хайт. Пятьдесят процентов успеха зависит от того, правильно ли лежит рукоять в ладони,— вот как его учил коротышка. Эта рукоять всегда ляжет правильно.

У двадцатидвухсантиметрового кинжала не было гарды, только небольшие выступы между рукоятью и лезвием, которое у рукояти имело ширину около пяти сантиметров, а толщину вдвое меньше и сужалось до толщины иглы. Возможно, это было самое смертельное холодное оружие, когда-либо произведенное. Заостренный конец кинжала на самом деле сужался до ширины в пятнадцать молекул, чего глазом, конечно, нельзя было заметить. А лезвием можно было без усилия разрезать алмаз.

Стэн сунул кинжал в один из карманов скафандра. А ножны он уже приготовил заранее. Это были очень необычные ножны. Их ему изготовил его друг, его единственный настоящий друг в зоне № 35, которого звали Хайт. Работал он фельдшером.

В бараке была нормальная атмосфера, и все ходили без скафандров. Однажды в промежутке между сменами они с Хайтом нашли пустую комнатку, куда в ближайшие часы охрана не должна была соваться. Хайт сделал Стэну общую анестезию и произвел тончайшую операцию с помощью инструментов для микрохирургических операций, тайком пронесенных в барак.

Ножны предстояло сделать под кожей — между локтем и кистью. Хайт отвернул полоску кожи на предплечье Стэна. На обнажившийся подкожный участок он наложил такую же по размерам полоску синтетического заменителя человеческой кожи, затем подсунул под край несрезанной кожи и намертво закрепил специальным цементирующим раствором что-то вроде приплюснутого наперстка из сплава металлов. Это был загодя изготовленный Стэном наконечник для кончика кинжала, чтобы в будущем острый конец ничего не касался — в том числе и дна наконечника.

Затем Хайт перезакрепил одну из мышц запястья так, чтобы она придерживала в будущем кинжал, а при особом сгибе ладони — пальцы тянутся к предплечью — высвобождала оружие, после чего то выскальзывало в ладонь. Эти хирургические преобразования Хайт прикрыл отвернутой вначале полоской кожи, посадил ее на медицинский цемент — и операция была закончена. На коже осталось только одно узкое отверстие поперек предплечья шириной чуть больше пяти сантиметров, через которое должен был выскакивать кинжал из своего укрытия между двумя слоями кожи.

Рана заживала несколько циклов. Но Хайт был очень доволен: отторжения пластикового кожзаменителя не произошло, и собственная кожа над «пещерой» для кинжала продолжала оставаться живой...

Внутри скафандра запикал сигнал, возвещающий о конце смены. Стэн проворно отключил все аппараты в мастерской и направился к воздушному шлюзу.

Никто в точности не знал, каким образом Хайт оказался в особом секторе. Было известно, что некогда он был прославленным хирургом — первопроходцем в своей области. А потом ни с того ни с сего на старости лет подписал контракт и направился работать фельдшером на Вулкан. И дураку было понятно, что надо очень сильно набедокурить в том, благополучном, мире, чтобы по собственной воле направиться на такую душегубку, как Вулкан. Однако все только гадали, что Хайт натворил, от чего бежал. И за какие прегрешения на Вулкане стал зэком и угодил в особый сектор.

Сам Хайт упрямо молчал о своем прошлом — даже Стэну ни словом не обмолвился о причинах своего появления сперва на Вулкане, а потом в этих бараках для самых отпетых.

Ни врачей, ни фельдшеров для смертников особого сектора не имелось. Так что Хайт был единственным врачом — в свободное время, потому что начальство все равно гоняло его на общие работы. Он же был единственным человеком, который жил — и оставался жив — в этом адском месте на протяжении очень многих лет.

Со Стэном у него сложились очень теплые отношения.

— Парень,— как-то раз сказал он новому другу,— твоя беда в том, что ты так редко смеешься.

— Ну ты скажешь! — возмущенно ответил Стэн.— А чему смеяться, будучи не просто на поганом Вулкане, а в самой его заднице? Здесь все и вся против меня, и смерть стережет за каждым углом, каждый день. Самое время веселиться!

— Ты не прав. Ведь это же так забавно!

— Что-то не врубаюсь в юмор.

Хайт наклонился поближе к нему и произнес громким шепотом:

— Очень забавно: все боги люто ненавидят тебя. У них на тебя зуб. Конкретно на тебя.

Стэн задумался. Потом расплылся в улыбке — первой за невесть сколько времени. Мало того, он рассмеялся — и смеялся очень долго, никак не мог остановиться.

Хайт внимательно наблюдал за ним. После очередного приступа стэновского смеха он произнес:

— Дружище, твоя беда в том, что ты слишком много смеешься.

— А?

— Чему смеяться-то? Ты в самой заднице Вулкана. Все и вся норовят вышибить из тебя дух. На твоем месте я бы серьезно задумался, а может быть, и наложил бы в штаны.

Стэн ошарашенно смотрел на товарища. Тряхнул головой и вытер слезы, сам не зная, что это за слезы — смеха или горя.

В раздевалке Стэн снял скафандр, по привычке закачал в него под большим давлением дезинфектант и герметично закрыл. Подождав для верности пару минут, он убедился, что протечек не имеется, выжал дезинфектант в сеть рециркуляции и повесил скафандр на плечики в шкафу. В целях экономии зэкам в особом секторе давали списанные скафандры, которые отслужили свой срок на плечах вольнонаемных мужчин и женщин из технического персонала. Старые скафандры часто давали протечки. А в зоне может не хватить времени залатать дыру — атмосфера там предельно ядовитая.

Зевнув от неимоверной усталости, Стэн направился через барак к своим нарам.

Теперь кинжал был спрятан в ножны — в хирургически созданный карман под кожей предплечья. Стэну не терпелось показать его Хайту.

Воздух в бараках был отвратительно вонючий. Его гоняли туда-сюда через старые, негодные фильтры, которые уже мало что отфильтровывали. В коридорах охранники появлялись редко — старались не высовывать носа из своих комнат, где стояли более или менее нормальные кондиционеры и фильтры.

Навстречу Стэну прошли двое зэков. Они переступили через лежащий в луже крови труп молодого парня, совсем мальчишки, и весело оскалились в сторону Стэна.

— Сегодня у нас свежее мясцо! — хохотнул один из них.

Стэн промолчал, нервно передернул плечами и пошел дальше, обойдя труп стороной.

Прямо в большом помещении с сотней нар была стойка для раздачи спиртного,— каждому выдавали дневную норму дешевого пойла. Жили по-скотски — мужчины и женщины вместе. И сейчас, подойдя к своему месту на нижней полке нар, он увидел, что женщина с верхней полки завесила свою постель его простыней. Из-за простыни доносились характерные ритмичные вздохи.

Стэн, не задерживаясь, направился в тот угол, где были хайтовские нары. Старик в последнее время побаливал. Стэн надеялся, что

в этом состоянии он однажды разоткровенничается и расскажет побольше о своем загадочном прошлом.

У постели Хайта Стэн увидел группу людей — бригадир со своими подручными. А рядом тележка-робот.

Две бригадирские шестерки взяли с постели что-то длинное, завернутое в грязную простыню, и бесцеремонно швырнули на каталку, которая тут же покатила сама собой прочь из помещения, лавируя между зэками и рядами нар.

Стэн побежал за каталкой, догнал — и врезал кулаком по кнопкам на панели управления. Каталка остановилась.

— Не психуй и не дергайся,— сказал один из бригадирских прихвостней.— Старый пердун сыграл в ящик.

— Что случилось?

— Умер естественной смертью.

Стэн понурился и сделал шаг восвояси, но вдруг рванулся обратно, перевернул тело, которое лежало странно, лицом вниз. Из шеи Хайта сочилась кровь. Стэн бешеными глазами посмотрел на бригадира. Тот спокойно сказал:

— Старик отказывался ходить на работу. Поэтому Малек говорит правильно: умер естественной смертью. Тот, кто не желает трудиться, естественно, умирает.

Бригадир имел глупость рассмеяться — довольный своим мерзким каламбуром.

Стэн дикой кошкой бросился на бригадира. Но шестерки были начеку. Один из них вовремя подсек Стэна, и тот растянулся на полу. Однако Хайт не зря учил его — Стэн мигом упруго вскочил.

Голос мудрого коротышки Хайта звучал в его голове: «Во время драки ярости волю не давай! Ты спокоен, ты ничего не чувствуешь, ничего не хочешь. Есть только мышцы. Работает только та часть мозга, которая отвечает за зрение и за мышцы».

Бригадирский телохранитель наступал на Стэна, тот размахнулся ногой — и коленная чашечка нападавшего громко хрустнула. Он упал.

— Взять его! — крикнул бригадир.

Шестерки кинулись на Стэна. Один громила заскочил со спины и облапил его, сдавливая грудную клетку. Стэн высвободил руку и ударил кулаком назад, выставив большой палец. Громила с воплем выпустил Стэна и завертелся — из его глазницы хлестала кровь. Стэн раскрутился и ударил громилу ногой по шее — та хрустнула, и бригадирский телохранитель замертво упал на пол.

— Да скрутите же его, придурки! — снова громыхнул бригадир, пятясь за спины своих шестерок.

Их осталось двое, и они в нерешительности косились то на Стэна, то на бригадира — решая, кто страшнее. Выбирать особенно не приходилось, поэтому один из них вырвал железную подпорку де-

ревянных нар, а второй выхватил из кармана нож. Они двинулись на возмутителя спокойствия.

Стэн опустил правую руку, поджал пальцы к предплечью. Кинжал скользнул в ладонь. Холодный, даром что был под кожей. Дающий приятное чувство уверенности.

Первым к нему подскочил тот, с железкой. Стэн встретил железную трубу лезвием своего кинжала, который прошел через нее, как сквозь масло. Нападавший ошалело уставился на железный обрубок в своей руке, и в это мгновение Стэн подскочил к нему и перерезал ему горло.

Теперь Стэн резко повернулся к парню с ножом. Тот сделал ложный выпад, а потом попытался ударить Стэна ножом в живот. Стэн блокировал удар...

Бригадир в ужасе увидел, как рука его телохранителя, все еще сжимая нож, отделилась от тела и упала на пол.

Он побежал, но побежал с испуга не в ту сторону. Не к помещениям охраны, а к глухому концу барака.

Стэн настиг его у раздевалки.

Бригадир повернулся — глаза дурные от страха, руки, которые привыкли бить беззащитных, теперь по-детски выставлены вперед.

Стэн полоснул его кинжалом только раз. Бригадир завизжал. Его внутренности вывалились из живота и мокрым шлепком упали на пол.

— Просто так, ни за что,— передразнил его Стэн.

В следующую секунду он лихорадочно надевал свой скафандр. Уже ревела сирена тревоги.

Оказавшись внутри зоны № 35, пустой в это время суток, Стэн слышал, как охранники колотят в стену шлюза. Но он не слишком волновался. Он выпустил из шлюза нормальный воздух, оставил дверь в зону открытой и заблокировал ее. Им придется потратить много времени, прежде чем они найдут способ пройти под купол.

Но и охранники не очень переживали: они воображали, что Стэн в ловушке. Ведь другого выхода из зоны не существует. А вне купола — безвоздушное пространство.

Весело усмехаясь, Стэн взял большой баллон с вирусом, поставил у самой стены, направил распылитель на стену, открыл клапан — и побежал к гравитолету. Струйка красноватой жидкости стала поливать стену купола.

В зоне не было ничего массивнее этой машины — гравитолета, на котором охранники временами совершали облет внутреннего пространства купола, вечно заполненного желтым туманом. Стэн закрепил гравитолет якорями, забрался в него и пристегнул ремень безопасности. Оставалось только надеяться, что эта махина устоит, когда все внутри полетит вверх тормашками. А тем временем дыра в

стене стремительно расширялась и углублялась, пока не стала сквозной. Сквозь нее зияло черное пространство космоса. Газ с ревом рванулся прочь из купола. Живые кристаллы астрономической стоимости и ценное оборудование утянуло к дыре, а потом вышвырнуло в открытый космос.

Гравитолет качало, как перышко. Якорные цепи очень скоро порвались, и машину увлекло к дыре. Она с оглушительным грохотом ударилась о стену купола, но дыра была еще не так велика, чтобы сквозь нее проскочил широкий гравитолет, и машина застряла между несущих балок стены.

Весь газ вырвался наружу, и вой прекратился. Среди того, что осталось под куполом, воцарилась полная тишина. Обычная тишина открытого космоса.

Кровь со лба затекла в глаз — Стэн расшибся о лицевой щиток, когда гравитолет врезался в стену. Он сморгнул кровь и машинально тщательно проверил, нет ли дыр в скафандре. Бессмысленное действие — окажись хоть один шов ненадежен, и Стэн был бы уже покойником.

Он расстегнул ремни безопасности, выбрался из гравитолета и через дыру вышел из-под купола.

Снаружи у него закружилась голова — впечатление было сильное: чернота космоса и яркий звездный свет. Так или иначе, но он все-таки выбрался из особого сектора. С кривой ухмылкой Стэн подумал: «Вот моя мечта оказаться вне Вулкана и сбылась». Он действительно был за пределами станции. Не тратя времени, он зашагал на север — в сторону основных строений станции, которые раскинулись от горизонта до горизонта. Только там можно укрыться. Точнее, можно попробовать укрыться.

Сперва Стэн шел мелкими шажками, боясь, как бы не улететь, ко всем чертям, в космос. Потом привык и расхрабрился, когда понял, что подошвы его сапог в достаточной степени намагничены и нет ни малейшей угрозы оторваться от планеты насовсем. Теперь он передвигался многометровыми прыжками по совершенно голой ровной местности.

Несколько раз почти прямо на него сверху опускались небольшие аппараты ремонтников и патрульной службы. У Стэна душа уходила в пятки, и он шарил глазами в поисках несуществующего места, где можно укрыться. Однако аппараты ремонтников и патрульной службы уходили к куполу. И до Стэна дошло, что в данный момент всем на него плевать.

Произошла катастрофа такого масштаба, что ее виновник пока никому не интересен. А ремонтники и патрульные, возможно, ничего и не знают. Просто произошел слышный за многие километры взрыв в зоне, где производился чрезвычайно дорогой товар. И все устремились выяснить, в чем дело, и оказать помощь при необхо-

димости. Если они и замечали человеческую фигурку в скафандре, то никак не связывали ее со взрывом.

Но скоро вспомнят и про него.

Дойдя до основных сооружений, Стэн двигался вдоль них вплоть до того момента, когда воздуха в скафандре почти не осталось и регулятор подачи запищал, предупреждая об опасности. Тогда Стэн подошел к ближайшему шлюзовому люку. Очевидно, эти люки предназначались для ремонтников, которые время от времени проверяли сохранность крыши куполов.

Стэн долго возился с запорами незнакомой системы. Но вот люк подался и отъехал в сторону. Стэн влез в тесную шлюзовую камеру, герметично закрыл за собой люк и нажал кнопку, открывающую внутреннюю дверь. Створки разошлись со стуком — добрый знак, стало быть, внутри есть воздух. Стэн вышел и очутился в длинном пустом коридоре. На полу лежал слой пыли, многие лампы на потолке не горели. Стэн, обессиленный от слишком сильных переживаний, прислонился к стене. Господи! Свободен! Опять дома!

Секундой позже он поймал себя на этих двух мыслях и улыбнулся. Потом рассмеялся. «Да, свободен. Пока тебя не сцапают. Да, дома. Но дом-то — все тот же Вулкан!» И все же он продолжал смеяться. Он помнил уроки мудрого коротышки Хайта, который умел своими ручищами и рот наглецам затыкать, и делать сложнейшие операции. Хайт прав. Когда тебя ненавидят все боги, остается только смеяться им в лицо.

Глава 10

Торесен поспешно шагал от гравитолета к челноку. Через несколько минут он покинет Прайм-Уорлд, столицу империи, и полетит обратно на Вулкан. Он все еще нервничал относительно странного поведения императора и опасался ареста в последнюю минуту.

Барон весь напрягся, когда из-за угла здания вышла группа лейб-гвардейцев. Но они оживленно болтали между собой и шли явно не с целью схватить его. Он облегченно вздохнул. Какая-то безрассудная часть сознания даже хотела немедленного выплеска агрессивных эмоций. Торесен ни перед кем не привык кланяться. Ему было противно, что кто-то нагоняет на него страх. Бояться он не любил. И, проходя мимо гвардейцев, он думал: а не напасть ли на них? Он бы справился. Если напасть внезапно, у него значительные преимущества. Первого он мгновенно задушит. Второму нанесет смертельный удар — вгонит кости носа в мозг. Третьего... Барон опомнился от дурного наваждения.

Лишь поднимаясь по трапу в челнок, он вздохнул с некоторым облегчением.

Чуть позже, уже сидя в кресле, когда аппарат поднимался в верхние слои атмосферы, где предстояла пересадка на межзвездный лай-

нер, барон расслабился по-настоящему. Впервые с тех пор, как он покинул Вулкан.

Теперь можно более спокойно продумать детали встречи с императором.

Существует несколько объяснений тому, что произошло.

1. Император впал в маразм.

2. Его величество пытался прикрыть ошибку своих секретарей. Нелепая мысль. Это не в характере властителя.

3. Император пронюхал о проекте «Браво». Исключено. Ведь Торесен до сих пор жив.

4. Император что-то подозревает, но никаких доказательств не имеет. А потому вызвал Торесена, чтобы прощупать и слегка напугать, толкнуть на неверный шаг. Вот это объяснение самое вероятное.

Хорошо. И что же император предпримет теперь?

Ответ был совсем прост. Он, конечно же, начнет более энергичное следствие. Пошлет на Вулкан дополнительных шпионов.

Барон улыбнулся про себя. Ситуация больше не казалась ему отчаянной. Он закрыл глаза с целью немного вздремнуть. Перед тем как погрузиться в сон, Торесен сделал мысленную пометку: надо приказать своей службе безопасности самым тщательным образом проверять всех прибывающих на Вулкан. Он уже предвкушал, как лично будет допрашивать выловленных шпионов.

Глава 11

Стэн пробыл в бегах около месяца, прежде чем встретил эту девчонку. Ее звали Бэт, ей было лет пятнадцать — одета в бесформенный комбинезон мрачного черного цвета, личико и руки перепачканы липкой грязью. Началось с того, что она чуть не убила его. Стэну казалось, что девушки красивей ее он еще не встречал.

До сих пор Стэна не поймали благодаря тому, что он прятался в вентиляционных трубах, которые пронизывали Вулкан во всех направлениях. Размер воздуховодов колебался от двадцатиметровых шахт у центрального трубопровода до узких отводов в квартиры, через которые взрослый мужчина едва протискивался. Стенки вентиляционных труб были покрыты скользкой грязью, которая копилась годами. Тут и там проход перекрывали большие решетчатые фильтры. Стэн преодолевал их с помощью маленького автогена или отвертки — все это он украл в одной мастерской.

Вентиляционные трубы вели в любое помещение — Стэну ничего не стоило залезть на склад или в пустую квартиру, когда появлялась необходимость пополнить запасы продуктов. Существовала только одна опасность — наткнуться на бригаду по обслуживанию воздушных фильтров. Но они так шумели, что разминуться с ними было

несложно. Временами Стэн слышал какие-то скребущие звуки и неясные шумы: очевидно, это были «крутые» или дэлинки — ребята из шаек, населяющих воздухопроводы, о жизни которых он в свое время слышал много россказней. До сих пор он удачно избегал встреч с дэлинками — вряд ли эта публика примет его с распростертыми объятиями.

По-настоящему Стэн боялся только одного — периодических рейдов блюстителей порядка по воздухопроводам с целью уничтожения живущих там преступных групп. Еще будучи законопослушным мигром, он слышал, что компания с обитателями вентиляционной системы не церемонится — тех, кого не убили на месте, ожидает прижигание мозга.

Но в общем и целом он жил не так уж плохо — даже нагулял лишний килограмм, а то и два со времени своего бегства из зоны № 35. Разве что начал сильно маяться от скуки и стал очень разборчив в еде — предпочитал потратить больше времени на поиски, но питаться только деликатесами.

Главным источником пищи для него была гидропоническая оранжерея. Она тянулась на несколько километров — когда стоишь посередине, обе стороны теряются в мареве: грандиозный зеленый мир растений, выращиваемых без почвы, в питательном растворе. Прежде Стэн видел такую красотищу лишь в библиотечных видеокнигах. Среди яркого зеленого моря — лиловые мхи. И бесконечные ряды из растений множества видов: одни цветут, другие плодоносят. Овощи, фрукты всех цветов и размеров.

После осклизлых вентиляционных труб Стэн словно в сказку попал.

В оранжерее не было ни души. Только сельскохозяйственные роботы сновали туда-сюда, ухаживая за растениями, собирая урожай. Но эти роботы, так сказать, с одной извилиной, самые примитивные — их можно не бояться, они ничего, кроме своей работы, не понимают.

Однажды Стэн привычно спрыгнул из воздуховода на пол оранжереи. Вернее, на зеленый газон — здесь Стэн впервые в жизни увидел траву, мог пощупать ее, погладить. И пошел между рядами растений, вдыхая бесчисленные ароматы. Воздух здесь был поразительно чистый. Глаза пировали, пожирая яркие, сочные краски. Стэн сорвал гроздь винограда и зашагал вперед, отщипывая по ягодке, упиваясь свежим вкусом. Он снял с себя рубаху и стал собирать в нее самые лакомые фрукты и овощи, пока она не наполнилась так, что швы затрещали.

За его спиной раздались тихие крадущиеся шаги. Стэн быстро положил на землю узел с добычей и резко повернулся — уже с кинжалом в руке. Но тут он немного растерялся. Это была девушка, чтобы не сказать девочка.

Она его еще не заметила.

У нее в руке было оружие, которое некоторые блюстители порядка предпочитали дубинке,— нунчаки. Это древнее оружие — две палки, соединенные цепью,— подверглось единственной, но существенной модернизации — прибавился электрошок.

Стэн медленно попятился за густые заросли и стал наблюдать за незнакомкой. Она шла уверенной походкой, но старалась ступать легко и воровато оглядывалась. Ни на мигрантку, ни на вольнонаемную не похожа. Стало быть, она из шпаны, обитающей в воздухопроводах.

Стэну вдруг вспомнилось любимое присловье отца: «Враг моего врага — мой друг». Он вышел из зарослей на открытое место. Девушка увидела совсем рядом с собой незнакомого мужчину и на полсекунды окаменела на месте. Затем замахнулась — и могла бы достать Стэна смертельным ударом, если бы он не крикнул:

— Погодите!

Ее рука замерла. Но девушка оставалась начеку. В ее глазах не было и тени страха. В них, правда, мелькнуло удивленное выражение, когда кинжал Стэна вдруг исчез под кожей его предплечья. После этого Стэн показал ей свои пустые ладони.

— Вы кто?

— Меня зовут Стэн.

— В бегах?

Он кивнул.

— Откуда драпанули?

— Из особого сектора.

Двойная палка снова угрожающе поднялась.

— Ну ты здоров врать! Никто никогда...

— Я взорвал зону номер тридцать пять, к чертовой матери. В скафандре вышел сквозь дыру в куполе. Теперь живу в вентиляционных трубах.

Девушка задумчиво сдвинула брови.

— Мы слышали про катастрофу. Но ты все равно врешь.

Стэн молчал.

— Ты много подтягивался вверх — у тебя разработана именно эта группа мышц,— рассуждала девушка.— На ногах характерные порезы... Ты действительно в бегах.

— А ты думала, я что здесь делаю — садоводством занимаюсь?

Девушка улыбнулась — одними губами, глаза оставались настороженными.

— А черт тебя знает, кто ты такой. Может, тебя заслали к нам. А может, ты с прибабахом, чокнутый. Хотя не исключено, что ты именно тот, за кого себя выдаешь.

Стэн пожал плечами.

— Ну-ка, руки вперед, ладонями вверх! — приказала девушка.

Стэн подчинился. Девушка исследовала его исцарапанные мозолистые руки и особенное внимание обратила на грязные обломанные ногти.

— Да, такие руки не подделаешь,— сказала она.— Раздевайся.

— Что?

— Снимай с себя все. Если ты подсадная утка, у тебя тело рыхлое, как у слизняков-патрульных.

Стэн застыл в нерешительности.

— Эти палочки у меня в руке,— ровным тоном произнесла девушка,— они могут не только кости переломать, но и током ударить. Одним ударом я парализую тебя, а потом приложу палочку к височку — и ты трупик, можно выбрасывать тебя в систему рециркуляции как мусор.

Это прозвучало очень убедительно. Стэн рванул молнию комбинезона вниз и выступил из него.

Девушка медленно обошла молодого человека, затем остановилась прямо перед ним и бесстыже разглядывала. Наконец она с легкой улыбкой сказала:

— А тело у тебя что надо.

Но улыбка тут же пропала.

— Ладно, одевайся. Меня зовут Бэт.

Пока Стэн одевался, она высыпала его добычу из рубахи на траву, рубаху вернула, а сама стала складывать в свой мешок сорванные им фрукты и овощи — отбрасывая те, что казались ей недостаточно спелыми.

— Тебе повезло, что ты наткнулся на меня. Почти всех беглецов отлавливают не позже чем через месяц.

— Ты крутая?

Она надменно покосилась на него.

— Да не будь я крутой, мне бы давно хана. Мы знаем способы уходить от облавы. Есть такие местечки, куда им не приходит в голову соваться. Настоящий дэлинк может продержаться... ну, лет пять.

Стэн был несколько ошарашен ее словами.

— А как долго ты в бегах? — спросил он.

— Уже три года.

Она взвалила мешок на плечо и пошла к вентиляционному люку.

— Топай за мной. Я отведу тебя к Орону.

Она залезла в широкую трубу, жестом позвала его, пропустила вперед себя. Затем поставила на прежнее место воздушный фильтр, закрывавший выход из трубы. Приладив на лоб вынутую из кармана ленту с фонариком, Бэт включила фонарик, проползла мимо Стэна, чтобы двигаться впереди и показывать дорогу. Когда она пробиралась мимо него, ее тело было плотно прижато к его телу — и у Стэна вдруг пересохло во рту. Ему пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, прежде чем он пришел в себя и последовал за ней.

Дэлинки в помещении давно заброшенного склада не обратили ни малейшего внимания на Стэна и Бэт, когда те вылезли из вентиляционной трубы.

Их было человек тридцать, все в дорогой нарядной одежде — они приоделись, празднуя удачный набег на склад особенно дорогих товаров. Кто не был пьян, тот балдел от наркотиков. Стэну впервые доводилось видеть пиршество, где царит почти полная тишина. Первое впечатление — он попал на вечеринку глухонемых. Но эти люди оживленно разговаривали — шепотом. Говорить постоянно шепотом стало второй натурой крутых. Даже на своей более или менее безопасной хазе они продолжали говорить очень тихо.

Однако больше всего его поразило то, что вся шайка состояла исключительно из подростков. Самой младшей казалась девочка лет двенадцати — сейчас она массировала, втирая масло, спину тринадцатилетнего мальчишки. Пока Бэт вела своего нового знакомого к главарю, Стэн не увидел ни одного подростка старше шестнадцати-семнадцати лет. Он ощутил себя стариком среди этой ребятни.

Орон возлежал на ковре в помещении конторы. На первый взгляд ему было за сорок — седые волосы, сухая рука, утомленный вид повидавшего жизнь человека. Но, приглядевшись внимательнее, Стэн понял, что Орон старше его от силы на год-другой.

Понять это было действительно трудно — ведь у Орона половина лица была парализована.

Рядом с главарем сидела невысокая толстенькая девочка, с аппетитом уплетавшая фрукты. Чуть поодаль, на кровати, устланной мехами, спали две голые девицы — обе красавицы и явно одурманенные наркотиками.

— Это Стэн,— сказала Бэт.— Он беглый.

Орон повернулся к толстушке и спросил пьяным громким шепотом:

— Это что за девка?

— Бэт,— ответила толстушка, не прекращая жевать.— Ты посылал ее на промысел — в оранжерею.

Каждый мускул у Стэна напрягся. Он был готов высвободить кинжал из подкожного убежища и прыгнуть первым на противника. Если Бэт — член шайки, какого черта Орон делает вид, что видит ее в первый раз?.. Орон перехватил напряженный взгляд Стэна и улыбнулся — половиной лица.

— Фадал моя память,— сказал он, ткнув пальцем в сторону толстушки.— А я... мне...

Единственная живая бровь заходила ходуном, и толстушка досказала за него:

— Ему сделали прижигание мозга.

— Да, в юности я сделал что-то плохое, за что меня жгли... Но у них чего-то там не получилось... или получилось не до конца... так что, я вот такой.— Работающей рукой Орон показал на парализован-

ную часть лица и на сухую руку.— Покалечили, гады. И голову мне попортили. Памяти совсем нет.

— А как же вы...— начал Стэн.

— В пределах одного дня я соображаю лучше некуда. А вот что было вчера — не помню. А что было раньше — в памяти только обрывки. Помню, что меня зовут Орон. Но даже это иногда забываю. Помню, что я главный. А вот имена моих ребят... ну, да мне их напоминают. И что я им приказывал — напоминают.

— Орон наш предводитель,— сказала Бэт,— потому что знает все места, где можно разжиться едой и всем прочим. И потому что никто лучше его не умеет скрываться от облав.

— Орон живет в вентиляционных трубах вот уже двенадцать лет,— пояснила Фадал.

Это было сказано с безмерным восторгом. Что ж, подумал Стэн, возможно, этот человек и достоин восхищения.

— Итак, ты беглец,— сказал Орон,— и хочешь присоединиться к нам?

Стэн не знал, что ответить. Покосился на Бэт и пожал плечами:

— Разумеется, хочу. Почему бы и нет?

— Ты можешь поручиться за него, Бэт?

Бэт была очень удивлена. Обычно новичков подвергали испытанию — и задавали им тысячу вопросов. Отчего же Орон на этот раз готов просто положиться на ее слово? Она уставилась на Стэна, который ожидал ее ответа. И тут до нее дошло. По его лицу она поняла, что ему наплевать на крутых и на Орона. Он был вполне уверен, что выживет и без них. Он хотел остаться здесь ради... да, ради нее.

У Стэна сердце подпрыгнуло от радости, когда она кивнула.

— Назначим ему товарища?

Бэт встретилась глазами с Ороном — и внезапно рассмеялась.

— Да,— сказала она.

— Хорошо, пусть Бэт будет твоим товарищем,— сказал Орон Стэну.— Если будешь слушать... и слушаться ее... и мотать на ус, тогда тебе ничего не грозит. Выживешь. А теперь садись и выпей с нами. И расскажи нам про свои приключения.

Стэн взял предложенный стакан вина и растянулся на полу рядом с Ороном и Бэт. Поглядывая на прелестную девушку, он начал подробное повествование о своих злоключениях.

Глава 12

— Хочу живые картинки, мамочка! Живые картинки!

Воспитательница, ласково улыбаясь, подошла к мальчику. Нежно погладив его по головке, она нажала нужную кнопку — стена осветилась, превратилась в большой экран, на котором забегали рисованные герои. Четырнадцатилетний мальчик загоготал от восторга.

Родители Бэт продали ее компании несколько циклов назад. Платой было уничтожение их кабальных контрактов — этой чете мигров дозволяли покинуть Вулкан. Обе стороны считали сделку чрезвычайно выгодной для себя.

Обычно дети мигров вырастали и становились рабочими на тех же предприятиях, что и их родители,— без надежды вырваться с Вулкана или подняться выше положения рабочего скота. Однако психологи компании по приказу руководства постоянно выискивали среди детей самых одаренных. И специалист удивленно присвистнул, когда увидел, какой у Бэт коэффициент интеллектуального развития согласно тестам. Представители компании переговорили с родителями Бэт, сделка была заключена. Как-то перед сном родители сказали Бэт, что отправляют ее в место, где ей будет намного лучше. Проснулась она в детском саду компании — в окружении детей, большинство из которых были младше ее. Компания, как правило, начинала работу с детьми не старше пяти лет, но у Бэт одаренность проявилась позже — и в порядке исключения ее забрали в спецпитомник в возрасте восьми лет.

Впервые в жизни Бэт была окружена любовью и вниманием — причем двадцать четыре часа в сутки. Детсадовские нянечки ласкали ее, целовали, давали игрушки, потакали капризам. Наказывали и ругали только за самые отчаянные проказы. Обычно же никто не повышал на нее голоса. И тем не менее Бэт ни секунды не доверяла милым нянечкам. Никто не подозревал о том, что она их ненавидит,— Бэт в очень раннем возрасте научилась держать язык за зубами, выглядеть паинькой, отвечать только тогда, когда спрашивают, и подчиняться воле взрослых.

Но очень долго Бэт не могла понять, почему ей так не нравится в уютном месте среди массы детишек и ласковых нянечек. Ее пугали... да-да, именно так! На нее наводили ужас ее маленькие товарищи по играм.

Стэн протиснулся рядом с Бэт и посмотрел вниз, в помещение склада. Здесь все было так, как описывал Орон: штабеля ящиков, бочки, тюки разного товара — от одежды до деликатесов для технического и руководящего персонала. В помещении такого склада люди никогда не появлялись — кроме, разумеется, воришек из вентиляционных труб. Тут работали исключительно роботы, начиная со смышленых и юрких электронных клерков и кончая тупыми погрузочно-разгрузочными махинами. Лишь изредка инспекторы проверяли исправность системы охранной сигнализации.

Бэт и пацан из дэлинков, посланный на разведку вместе с девушкой и Стэном, приглядывались к складской системе сигнализации.

Перед операцией Орон нарисовал схему расположения складских помещений, изложил план ограбления и попросил Стэна внести свои предложения.

— Нет, Стэн,— сказал он, выслушав новичка.— Так, как ты говоришь, не пойдет... нет варианта отступления. Сам подумай.

Он показал на плане ключевые пункты.

— Вы забаррикадируете вход тяжеленными ящиками. Но, даже зная, что никто не пройдет, нельзя сбрасывать со счетов возможность прорыва с этой стороны. А стало быть, вы должны быть заранее готовы к худшему. Иметь...

Он поискал нужное слово. Иногда он говорил очень складно, иногда вдруг спотыкался. Но Стэн очень быстро понял, что этот человек по праву занимает место главаря.

— ...иметь способ ретироваться. Крутые потому и крутые, что владеют тактикой. Правильная тактика — это все для выживания. Если ты разработал идеальный план — исходи из того, что он сорвется. Никогда не попадай в ситуацию, из которой нет выхода — в буквальном смысле слова.

Стэн согласно кивнул. И Орон показал ему, как в данном случае не подставить свои спины врагу и обеспечить безопасный отход в случае неудачи.

— Мы проделаем запасной выход в стене — вот здесь. Поставим парней на стреме тут, тут и тут.

Бэт аккуратно отключила первый пояс защитной сигнализации — перед воздушным фильтром, а пацан проворно снял решетку фильтра. Они быстро закрепили веревку, сбросили ее конец вниз и соскользнули из вентиляционного отверстия на пол.

Бэт махнула Стэну — мол, иди за мной к компьютерному терминалу. Из вентиляционной дыры спустились еще трое дэлинков и принялись за поиски скрытой сигнализации.

— Мы не должны оставлять следы! — прошептала девушка Стэну.

Ее пальчики шустро забегали по клавиатуре. Первым делом она вызвала программу «Инструкции для охранной системы» и ввела команду, после которой сигнализация больше не реагировала на появление биоагентов — то есть людей.

Затем она вызвала список товаров, имеющихся на складе. Пробежала его глазами, сделала себе пометки для памяти и внесла необходимые изменения.

— Ну вот, теперь все будет шито-крыто. Возьмем только то, чего в списке теперь нету. А раз в списке нету, никто и не хватится.

По ее знаку остальные члены шайки принялись подтаскивать добычу под вентиляционное отверстие.

Когда у стены выросла гора ящиков и тюков и они собирались втаскивать добычу наверх, раздалось слабое жужжание, которое быстро усиливалось. Все крутые юркнули за ящики.

Из-за угла выкатил робот. Его вытянутые вперед усики ходили из стороны в сторону в поисках «биоагентов». Воры затаили дыха-

ние. Но вот робот успокоился, втянул усики и зажужжал дальше — к выходу из помещения.

Внезапно он резко остановился. Один из дэлинков тихо застонал от досады. Когда пришлось срочно смываться в укрытие, он бросил один ящик посреди широкого прохода. Теперь робот наткнулся на этот ящик и переполошился. Он вскинул парализатор, стреляющий капсулами с обездвиживающим веществом, и снова выдвинул усики, чтобы выяснить, нет ли поблизости людей. Вот-вот включит сирену тревоги!.. Но нет, все еще колеблется. В программе электронного охранника есть поправка на ошибку робота-погрузчика — существует ничтожная вероятность его небрежности: бросил ящик посреди прохода.

Бэт сделала знак Стэну и показала пальцем наверх — лезем. Стэн подсадил ее на первый ящик, и они стали осторожно карабкаться по горе ящиков к вентиляционной дыре. Девушка была уже на самом верху, когда ящик под ней предательски громко скрипнул. Бэт испуганно пригнулась — деваться ей было некуда. Робот с жужжанием устремился в сторону подозрительного звука. Наконец он зафиксировал запах человека — в районе вентиляционного отверстия,— остановился и прицелился.

В головке Бэт все помутилось от страха, но она нашла в себе силы потянуться вверх, схватить бочонок, который кто-то уже затащил в вентиляционное отверстие, и метнуть этот бочонок в робота. Капсула с парализующим веществом, вместо того чтобы попасть в Бэт, ударилась о летящий бочонок и разбилась.

В следующий момент бочонок обрушился на робота. Тот закачался, но устоял, зато бочонок треснул и облил электронного охранника какой-то невероятно вонючей дрянью. Через секунду во всем помещении склада было не продохнуть от вони. Стэн сообразил, что это концентрат эротических духов. Воняло так, словно на складе переночевали пятьсот человек, которые ни разу не мылись на протяжении года.

Облитый веществом с таким резким запахом, робот ошалел и завертелся на месте — его чувствительнейшие сенсоры зашкалило. Стэн подхватил спрыгнувшую с ящиков Бэт. Зажимая нос и смеясь, она направилась неспешной походкой к остальным крутым. Она безбоязненно прошла по открытому месту — на виду у робота. Но тот больше не замечал людей. Он перестал крутиться на месте и только бессмысленно поводил из стороны в сторону парализатором.

Стэн последовал за Бэт и стал помогать остальным быстро затаскивать награбленное в вентиляционную трубу. Они больше не обращали внимания на робота, который стоял в проходе и уныло помахивал оружием. Беднягу зациклило — его программа зависла до той поры, пока убийственный запах не рассеется. А случится это не скоро.

Бэт ненавидела свою куклу. Эту мягкую на ощупь подлизу запрограммировали быть самой лучшей подругой для маленьких девочек. У Бэт мурашки бежали по телу, когда она прижимала к себе электронную подружку.

К этому времени Бэт исполнилось десять лет, и ее перевели в отделение «Б» для второго этапа воспитания.

Воспитательницы по-прежнему источали любовь и ласку, но теперь детей поощряли за неучастие в общих играх: чем меньше ребенок общался с другими и чем больше времени смотрел мультики в полном одиночестве, тем большие похвалы он заслуживал.

Однако Бэт помалкивала о своей ненависти к кукле, ничем себя не выдавала. Она заметила, что детей, которые мало играли со своей куклой или дурно с ней обращались, регулярно наказывали. Похоже, только нелюбовь к кукле воспитатели считали серьезным проступком и, соответственно, строго карали.

Бэт терялась в догадках, почему она так не любит свою куклу. Ее электронная девочка ничем не отличалась от кукол других девочек (у мальчиков были куклы мужского пола). Маленькая такая куколка с худенькими ножками и ручками и большой головой; на лице постоянная счастливая улыбка — Бэт считала эту улыбку идиотской. Но однажды поздно вечером, когда кукла ласково прижалась к ней в постели, засюсюкала и зашептала обычную просьбу поведать ей девчачьи тайны, Бэт внезапно взорвалась. В приступе бешенства она швырнула куклу на пол. И тут же обмерла от ужаса. Что она натворила!

— Кукла, кукла, не умирай...

Кукла открыла глаза и проникновенным голоском спросила:

— Бэт, ведь ты счастлива, моя дорогая, да?

Бэт кивнула.

— Тогда ложись и прижми меня к своей грудке, и мы сможем поведать... поведать... поведать друг другу наши маленькие секреты.

— Хорошо, кукла.

Она подняла куклу с пола и покорно уложила ее рядом с собой. Кукле падение, похоже, не причинило вреда — разве что стала изредка заикаться.

На самом же деле куклы были сложнейшими дистанционными сенсорами центрального компьютера спецпитомника. Они были снабжены всем необходимым для контроля за эмоциональным и физическим состоянием подопечных детей. Особый встроенный прибор следил за тем, чтобы ребенок не удалялся из пределов звукового контакта с куклой, а по ночам был совсем рядом с ним. Потому было очень важно, чтобы дети по ночам укладывали куклу в постель вместе с собой. Только тогда маленький робот мог делать им необходимые инъекции. Эти уколы замедляли как физический рост, так и умственное развитие ребенка, увеличивали его эмоциональную за-

висимость — то есть лояльность — и одновременно притормаживали половое созревание.

После того как Бэт швырнула в сердцах куклу на пол, ее сенсоры стали давать искаженную информацию. Они продолжали докладывать, что в своем умственном и физическом развитии она остается десятилетней девочкой. Очень скоро Бэт отнесли к разряду детей с очевидными признаками быстро наступившей дебильности — и уменьшили дозу отупляющего лекарства. Девочка была и прежде до того скрытная и неразговорчивая, так что воспитательницы только подтверждали выводы компьютера о ее безнадежном умственном отставании.

Через два года Бэт с ужасом осознала перемены, происшедшие с другими детьми, с которыми она почти не общалась. У мальчиков оставались пухлые щечки малышей, они не проявляли ни малейших признаков физического или умственного роста. Девочки глупо хихикали и играли в игры шестилетних.

Бэт приучила себя к постоянному одиночеству. Даже в общий душ она ходила одна, когда остальные уже помылись,— с тех пор, как у нее начали округляться грудки и расти волосы на лобке. Она с удивлением замечала, что этим она сильно отличается от других девочек, и пряталась от их любопытных взглядов. К счастью, ее половое созревание не оказалось ранним — и месячные еще не начинались.

Но Бэт отлично понимала, что вокруг происходит нечто ужасное, необъяснимое. И дети какие-то не такие, и воспитательницы какие-то не такие. Ей чудилось, что все это закончится чем-то уже совершенно страшным — но чем? И что можно против этого предпринять?

Стэну казалось, что Бэт и Фадал заходят слишком далеко. Наряженные проститутками, они дразнили дюжего спеца, отдыхавшего между рабочими сменами. Стэн наблюдал за ними из своего укрытия и качал головой. Его неодобрение вызывали не действия девушек — это было частью плана,— а то, сколько побрякушек они на себя нацепили. А ну как этот осел допетрит, что эти побрякушки — настоящие! Стэн придвинулся к самой решетке воздушного фильтра и внимательно слушал.

— Эй, вертихвостки,— говорил спец, похотливо облизывая губы,— ведь вы же совсем пацанки?

— Не беспокойся, мы с сестрой хоть и молоденькие, но опытные! И тебя чему-нибудь можем научить!

— Ах, так это твоя сестричка. Ничего у тебя сестричка, аппетитненькая... А вы уверены, что ваш папашка не будет в обиде — если, конечно, я еще захочу с вами...

— А чего ему? Это он нас посылает. Говорит, два года так вот поработаем и деньжат хватит, чтоб откупиться от контракта с компанией и убраться восвояси.

— Так это он вас посылает? Да-а, слышал я, что дети мигров быстро созревают, но думал — это просто байки.

Бэт и Фадал подхватили парня под руки и потащили к его квартире.

— Не робей! — смеялась Фадал.— Давай славно проведем время.

Когда Стэн ногой открыл дверь, спец стоял со спущенными до пола штанами.

— Черт побери! Это что такое? — завопил он.

Спеца чуть кондрашка не хватила. Одной рукой он прикрывал срам, а другой тянулся к своим штанам.

— Вы... вы кто та-такой?

Стэн стоял посередине комнаты с монтировкой в руке.

— Это мои сестры. Вот кто я такой.

Он повернулся в сторону кровати, где Бэт и Фадал, якобы насмерть перепуганные, прикрывались простыней.

— А ну марш домой, засранки!

Девушки поспешно оделись и упорхнули. Стэн закрыл за ними дверь и стал наступать на спеца, который хоть и привел свою одежду в порядок, но все еще не мог опомниться.

— А с тобой у меня будет особый разговор. Я тебя, жеребец, проучу! Сестричек моих совращать надумал?

— По-послушайте... они же сами сказали, что...

— Ах ты, сукин сын! Не хочешь ли ты назвать моих сестричек шлюхами? Боже, каков наглец!

Стэн высоко занес монтировку, словно хотел опустить ее на лысеющую голову спеца.

— Погодите! — взвыл тот.— Давайте договоримся!

Стэн опустил монтировку.

— К чему ты клонишь?

Техник сунул руку в карман и выхватил оттуда свою статкарточку. Он потряс ею перед Стэном.

— У меня на счету много денег... очень много! Только назовите свою цену.

Стэн про себя усмехнулся. Орон был прав: это до смешного простой способ добывать деньги!

Голоса. Бэт зашевелилась и проснулась — кукла вводила ей дозы снотворного, недостаточные для обеспечения беспробудного сна двенадцатилетней девочки.

Бэт встала на постели. Под дверью дортуара виднелась полоска света. В коридоре, где-то далеко, какие-то люди говорили приглушенными голосами. Бэт спустила ноги на пол и остановилась в нерешительности. Кукла «понимает», есть ли рядом с ней человеческое существо. Но способна ли она различать людей? Бэт отвернула одеяло на ближайшей кровати и сунула куклу соседке под мышку. Пусть противная Сюзи поспит сразу с двумя электронными дурами!

После этого Бэт быстренько натянула свой комбинезончик и побежала к двери. Выходить в коридор без взрослых им вроде бы и не запрещали, но воспитательницы очень ясно давали понять, что делать этого не стоит. Сейчас все дети крепко спали в своих кроватках под воздействием наркотика. Бэт сделала глубокий вдох, набралась храбрости и вышла в коридор. Коридор был ярко освещен, в его конце светилось открытое окно. Не зная, что это окно лаборатории, она на цыпочках подошла к нему. Голоса послышались снова. Теперь она различала слова. Один голос был тоненький — это, наверное, совсем маленький мальчик.

Мальчишеский голос произнес:

— Ведь я сегодня все правильно делал, правда, папочка? Я сам, без посторонней помощи, управлял большущим космическим лайнером! Подвел его к причалу! Это так здорово!

Второй голос принадлежал взрослому мужчине:

— Да, Томми. Ты у нас молодец. Ты наш самый лучший водитель! Я скажу доктору, какой ты молодец, и он даст тебе что-нибудь вкусненькое.

— Пряников? Он мне даст еще пряников? Я люблю с мятой. Ты же знаешь, как я люблю мятные пряники! Но чтоб пряники были с мятой, ладно?

— Обязательно, сынок. Я прослежу, чтоб были мятные.

Бэт заглянула в окошко — и чуть не закричала от страха. В комнате на чем-то вроде инвалидной коляски сидел обрубок мужчины, похожий на разорванную куклу. У него была большая голова взрослого человека на тонкой-претонкой шее. Дальше вместо тела был металлический ящик на колесах. Немного похоже на робота с человеческой головой и руками.

Но это была голова мальчика — хотя размером с голову мужчины. Пухлые щеки без следа растительности. Мимика ребенка.

Голова сказала тонким детским голоском:

— Сегодня я видел мигров, о которых ты мне говорил, папа. Как я рад, что компания не дала мне вырасти и стать одним из них. Бедолагам приходится передвигаться на ногах, и от них так противно пахнет. Им никогда не понять, как мне хорошо. Сегодня я могу быть краном, а завтра управлять космическим лихтером. И все так хорошо относятся ко мне!

— Можешь не сомневаться, все в компании очень хорошо относятся к тебе, Томми,— произнес другой голос, принадлежавший нормальному мужчине в белом халате.— Мы любим тебя и стараемся окружить теплом и лаской.

— И я люблю тебя. Из всех пап, которые у меня были, ты самый лучший!

Бэт бесшумно прокралась под окном и опрометью, хотя и на цыпочках, помчалась к выходу из спецпитомника. Оказавшись «на улице», она никак не могла остановиться — бежала куда глаза глядят,

бежала, пока не выдохлась. В конце концов она остановилась в каком-то дальнем коридоре, где все было покрыто толстым слоем пыли. Бэт прислонилась к стене и наконец-то расплакалась. Тут она заметила на уровне пола приоткрытую решетку широкой вентиляционной трубы. Девочка потянула ее на себя, увидела темную пещеру и заползла в нее. Здесь она могла поплакать вволю. Мало-помалу, все еще всхлипывая, она заснула.

Когда Бэт проснулась, все еще полумертвая от усталости, над ней склонялось доброе лицо Орона. Точнее, та половина, что не была парализована и выглядела приветливой.

Сухопарый дэлинк выглянул из вентиляционной трубы, потом сделал знак своим приятелям. Еще шестеро крутых спрыгнули за ним в пустой коридор коммерческого центра.

В вентиляционном отверстии появился Стэн. Тихо свистнув дэлинкам, он показал, в какой стороне тот магазин, который они планировали взять. Крутые стали продвигаться вперед — короткими перебежками, стараясь не задерживаться в освещенных местах.

Стэн остался на стреме.

Он был членом ороновской шайки без малого девять месяцев. Орон научил его очень многому. Стэн оказался хорошим учеником и быстро заслужил всеобщее доверие. Теперь он сам задумывал и возглавлял набеги. Стэн гордился тем, что ни один из его набегов не закончился трагически — никто в его команде не погиб, и всякий раз они возвращались с большой добычей.

Однако он прекрасно понимал, что удача будет сопутствовать ему не вечно. От судьбы не уйдешь. Рано или поздно дэлинки попадали в лапы блюстителей порядка во время облавы. А это означает смерть — или потерю личности на операционном столе, что едва ли не хуже смерти. Но тут уж ничего не попишешь: назвался крутым, полезай в трубу, а когда поймают — что ж, ты славно погулял на своем веку!

Как-то на разведке Стэн наткнулся на результаты облавы — блюстители порядка даже не позаботились прибрать тела дэлинков. Раны на почерневших трупах свидетельствовали о том, что раненых парней страшно избивали, а девочек насиловали.

Стэн подумал о Бэт. Он был по уши влюблен в нее, но признаться ей в этом не хватало духа. Она была такая... такая... Стэн тряхнул головой, чтобы прогнать наваждение, и стал более внимательно озираться по сторонам.

Тем временем крутые подошли к магазину. Вспыхнули небольшие горелки, срезая запоры со ставня, закрывавшего витрину. Сухопарый дэлинк по имени Рабет ручкой горелки разбил стекло. Ребята проворно собирали в мешки содержимое витрины.

Когда Стэн в очередной раз посмотрел в конец коридора, глаза его широко раскрылись. В густой тени крался блюститель порядка с винтовкой наготове.

Стэн облизал пересохшие губы и бесшумно переменил позу. Когда блюститель оказался под вентиляционным отверстием, Стэн прыгнул на него и сбил с ног. Патрульный, хоть и крупный малый, проворно вскочил. В его руках Стэн увидел гранату со слезоточивым газом. Еще перекатываясь через голову, Стэн поджал ноги, поэтому он успел не только вовремя вскочить, но и атаковать прежде, чем патрульный выдернул чеку. От удара пяткой в висок блюститель рухнул как подкошенный. Стэн отскочил и снова встал в боевую позицию, выставив вперед ребра ладоней. Но патрульный больше не шевелился.

Крутые до конца вычистили витрину, подбежали к Стэну, мельком взглянули на мертвого блюстителя порядка и проворно полезли в вентиляционную трубу. Исчезая в трубе, Рабет обернулся к Стэну, который был замыкающим; показал ему руку с поднятым большим пальцем и весело оскалился.

Стэн беспокойно ворочался на постели. Не спалось. В голову лезли мысли об убитом блюстителе порядка и о трупах дэлинков, увиденных в воздуховоде. С Вулкана надо бежать. Взять с собой Бэт — и деру. Но как? Воображению представали десятки планов. Каждый из них был продуман прежде едва ли не сотню раз. И признан никуда не годным. Однако должен же быть выход. Не может не быть выхода!

Что-то зашуршало. Он оглянулся — это Бэт проскользнула между занавесками и вошла в его комнату.

— Ты чего?

Ее пальцы мягко легли на его губы: молчи.

— Я ждала тебя каждую ночь. И больше ждать не могу,— прошептала она.

Медленно убрав руку с его губ, она взяла руку Стэна и направила ее к молнии своего комбинезона. Мгновением позже комбинезон соскользнул с ее плеч и упал на пол. На ней не было белья.

Голая Бэт потянулась, чтобы раздеть его, но он остановил ее.

— Погоди.

Он достал из-под подушки маленький сверток. Когда он развернул его, там оказалась нарядная прозрачная ночная сорочка, которая даже в полумраке играла радужными красками.

— Это для тебя. Подарок.

— Давно она у тебя?

— Очень.

— Я ее примерю. Но потом.

Она обняла его и юркнула к нему под одеяло. Они сцепились в объятиях. Но в полном молчании.

Бэт ползла за Стэном по узкой трубе. Сперва они шли в полный рост, но воздухопровод дважды уменьшался в размерах, и теперь они едва протискивались вперед. Бэт понятия не имела, куда они направ-

ляются. Стэн сказал, что хочет устроить ей сюрприз. За очередным поворотом была глухая стена.

— Вот так сюрприз,— сказала Бэт.— Тупик!

— Не торопись.

Стэн направил на стену узенький луч фонарика и стал работать горелкой. Стена оказалась дверцей, которая держалась, так сказать, на честном слове.

— Закрой глаза.

Бэт подчинилась и услышала шипение работающей газовой горелки, а потом металлический удар — дверца упала.

— А теперь открывай глаза.

Впервые в жизни Бэт увидела то, что бывает «снаружи».

Перед ней была небольшая, поросшая травой лужайка, шедшая под уклоном к прудику. Высокие зеленые штуковины — очевидно, деревья? — окружали прудик и небольшой аккуратный домик в архитектурном стиле древних-предревних времен. Сделан он был из невиданного материала — из дерева, что ли? Словом, такое Бэт видела только на картинках. А на крыше труба, и из трубы — дым. С ума сойти!

Стэн потянул девушку за собой, и она выползла из трубы вслед за ним. Они стояли на траве. Все кругом было подернуто легким туманом.

Задрав голову, Бэт увидела хоть и искусственное, но такое поразительно глубокое и голубое небо. У нее немного закружилась голова. Тут было так просторно! Так необычно просторно! Бэт захотелось снова забиться в черную дыру.

Стэн обнял ее за талию, и девушка быстро успокоилась. Кругом было очень красиво. А к хорошему быстро привыкают. Голова у нее больше не кружилась.

— Мне показалось, что я хлопнусь в обморок,— сказала она с тихим смешком.

— Ты привыкнешь,— сказал Стэн и тоже засмеялся.

— Где мы?

— Это частный рекреационный участок заместителя директора по кадрам Гэтсона. Сегодня он отбыл из нашей звездной системы на поиски новых дураков, которые согласятся работать на Вулкане.

— А ты откуда знаешь?

— Побеседовал по душам с компьютером. Скажу не бахвалясь, я с компьютерами всегда нахожу общий язык.

Бэт выглядела озадаченной. Место, разумеется, замечательное, но...

— Стэн, а что мы тут украдем? Ничего не вижу ценного.

— Почему обязательно красть? И потом — тут все ценнее ценного. Мы тут с тобой на отдыхе.

— На отдыхе? Ты хочешь сказать...

— Да, в ближайшие два дня мы будем лодырничать в свое удовольствие. Насладимся всем, что Гэтсон тут понастроил, и всем, что он оставил в доме. Наедимся, напьемся, поваляемся на мягкой постели! Никаких набегов. Никаких блюстителей. Никаких хлопот и страхов. Полный кайф.

Стэн повел Бэт к прудику. Он сорвал с себя комбинезон и пошел в воду.

— Как здорово! Я так давно мечтал искупаться!

Он пробрел по воде несколько метров, погружаясь все больше. Бэт напряженно ждала, что случится дальше. Стэн обернулся со счастливой улыбкой.

— Давай сюда!

— Ну как? — встревоженно спросила девушка.

— Нормально. Вода мокрая, как и положено.

Бэт робко улыбнулась. Потом улыбнулась смелее. И наконец рассмеялась. Она вдруг поняла, что не надо больше говорить шепотом,— и с громким смехом стала раздеваться. Господи, да она же не смеялась громко, от души с самого раннего детства. А дэлинки не смеются — даже тогда, когда их никто не может услышать.

Блестя глазами от радости, Бэт потянула вниз молнию своего комбинезона.

— Стэн?

— Ммм?

— Ты не спишь?

— Ммм... не сплю.

— Я вот лежу и думаю.

— Да?

— Я бы тут жила вечно.

Он заговорил только после долгого молчания:

— Придется уходить. И скоро.

— Знаю. Но это так несправедливо, так...

Он погладил ее и притянул к себе. Вытер ей слезы.

— Я убираюсь, к чертовой матери.

— Что ты имеешь в виду?

— С Вулкана.

— Это невозможно.

— Опять жить скотской жизнью дэлинков?

— Но как ты хочешь удрать сюда?

— Пока не знаю. Рано или поздно найду способ.

Бэт взяла его за руку.

— А меня с собой возьмешь?

Стэн кивнул.

— Непременно.

Он обнял ее и не выпускал из своих объятий до самого утра.

Махони на ходу спрыгнул с довольно быстро движущейся дорожки, перескочил через заградительный барьер, перекувырнулся и очутился в пустом машиностроительном цехе.

Он побежал вдоль конвейера, потом включил ленту транспортера и вскочил на нее. Через считаные мгновения он был уже в другом конце цеха, выбежал наружу и прыгнул уже на другую самодвижущуюся дорожку, которая повлекла его в южном направлении.

Махони отдышался, стряхнул пыль с комбинезона. Теперь уходить от возможного хвоста будет все труднее. Торесен и его служба безопасности проявляли живой интерес к передвижению по Вулкану сержанта интендантской службы императорской гвардии Яна Махони.

До сих пор этот интерес казался обычным проявлением патологического недоверия ко всем гостям станции. По крайней мере, Махони надеялся, что это так и такие же шпики приставлены к каждому посетителю Вулкана. Но теперь ситуация изменилась. Если его накроют сейчас, то ему крышка. Махони был переодет в комбинезон мигра, имел при себе украденную статкарточку больного мигра (чтоб не сразу хватились) и направлялся на юг.

Он был в нескольких километрах от Ока — то есть углубился чрезвычайно далеко в зону, куда доступ невулканцам был строжайше запрещен.

Если теперь его обнаружит кто-либо из службы безопасности или просто задержит бдительный страж порядка, руководство компании скорее предпочтет сунуть его в чан рециклизатора на пищевом комбинате, нежели связываться с долгой процедурой высылки.

Махони добровольно поставил себя вне закона. Его успехи в деле создания агентурной сети из вулканцев оказались нулевыми. Дальше Ока его, как гостя станции, никуда не пускали, а там он мог общаться или с подосланными провокаторами, или с немногочисленными миграми из обслуги — от этих забитых людей было мало толку, посторонних они боялись как огня. Оставалась единственная возможность как-то продвинуть дело — самому полезть в пекло. А иначе придется расписаться в своем бессилии и побитой собакой вернуться к императору.

Пока что Махони мало чем мог порадовать вечного императора. Узнал он только следующее:

1. Торесен по самую маковку своей наголо обритой головы погружен в козни против империи. Причем никого в свои коварные планы не посвящает — даже совет директоров. Готовится какая-то большая гадость. Впрочем, император подозревал об этом еще год назад, когда посылал Махони на это сложное задание.

2. Торесен ведет полускрытую пропаганду против империи, нацеленную в особенности на мигров. В этой компании очернительства он широко использует институт воспитателей, которые внушают молодому поколению презрение к империи, ставя компанию превыше всего. Но было очень трудно доказать личную ответственность барона за эту антиимперскую пропаганду — он всегда мог сослаться на излишнее рвение исполнителей, которые неверно истолковали какие-то из его слов. Махони не сомневался, что под империю ведется подкоп, но конкретные детали и размах интриги только предстояло выяснить.

Махони хмыкнул от досады, размышляя над этим. Любой задрипанный детективчик из военной разведки мог бы выяснить то же самое — и, возможно, куда быстрее. В противном случае его бы разжаловали в рядовые и послали месить грязь на какой-нибудь заштатной планетке.

3. Вулканская служба безопасности стоит на ушах и с особенной тщательностью, уже по-настоящему параноидальной, следит за всеми невулканцами. Ходили настойчивые слухи, что большая часть вулканского производства переводится на выпуск военной продукции. Впрочем, никаких доказательств этого Махони до сей поры не добыл. А если и добудет, компания заявит, что планировала широкое освоение новых планет и оружие необходимо для первопроходцев.

— Пока что я с одним справился — обнюхал большой кукиш со всех сторон,— проворчал Махони.

Тут он весь подобрался. В конце длинного коридора стоял кордон — несколько блюстителей порядка проверяли на портативном компьютере статкарточки всех проходящих и проезжающих. Карточка Махони была не настолько хороша, чтобы показывать ее слишком часто — можно нарваться на внимательного патрульного. Поэтому Махони соскочил с дорожки в первый же боковой коридор. Этот коридор привел его в большое помещение под куполом, главный выход из которого блокировала другая группа блюстителей порядка.

Махони засеменил по дорожке у стены. Главное в таких случаях не суетиться, идти медленно, дышать ровно. Как будто ты вразвалочку возвращаешься со смены к себе домой. Вид рассеянно-довольный.

При первой же возможности Махони медленно свернул в боковой коридорчик. Еще поворот, и еще. Пробежка по пустому коридору.

Потом Махони остановился и прислушался.

Так-так. Шаги за спиной. Все правильно. За ним кто-то следил. Но деваться некуда. Махони неторопливой походкой направился дальше: так и быть, побалую вулканских ищеек, дам загнать себя поглубже в недра Вулкана.

Первый шпик дал маху, когда решил загнать Махони в коридор, который заканчивался тупиком. Махони поджидал его у поворота. Шпик был мигом прижат к стене, и локоть Махони сдавил ему надгортанник. Выхватив пистолет из руки разом обмякшего шпика, Махони метким выстрелом уложил подбегавшего к нему второго филера.

С двоими покончено. Но тут Махони понял, что это были ищейки, а главные силы только на подходе. Из-за поворота вынырнул еще один парень из службы безопасности. Он взял Махони на мушку винтовки. Далеко за его спиной виднелись два блюстителя порядка, которые быстро шагали в сторону Махони, помахивая нунчаками.

Махони оказался проворней парня с винтовкой. Его пуля пробила глаз нападавшего. С криком тот рухнул на пол, обливаясь кровью.

До пары блюстителей порядка было далеко, можно было промахнуться, а патроны следовало экономить. Махони пошел им навстречу. И тут неподалеку от патрульных на уровне пояса открылась решетка вентиляционного отверстия. Из трубы выскочил чумазый парнишка и с кинжалом в руке метнулся к одному из патрульных. Секунда, и Махони только глазами захлопал: парень своим кинжалом смахнул голову блюстителя порядка — голова покатилась в одну сторону, тело — в другую. А парнишечка закрутился юлой и, выйдя из пируэта, вонзил кинжал глубоко в грудь второму блюстителю порядка. Потом спокойно вытер кинжал об униформу покойника. Махони залюбовался юным героем. Проворный убийца, ничего не скажешь!

Сунув пистолет за пояс, Махони поджидал парня, не делая лишних движений и демонстрируя пустые ладони.

Из вентиляционной трубы вылез еще один парнишка — нет, девчонка! А невысокому, ладно скроенному парню, который так просто разделался с парой блюстителей порядка, на вид было лет восемнадцать-девятнадцать, хотя такая уверенная походка могла быть и у сорокалетнего. Он был похож на любого беспризорника из вентиляционной системы — Махони случалось видеть их издалека. Но этот парнишка не был так сгорблен — очевидно, еще мало полазил по трубам. Их тут зовут дэлинками или крутыми. Что ж, этот пацан и в самом деле крутой. Махони приветствовал его улыбкой.

Стэн смерил Махони взглядом, оценивающе посмотрел на два трупа за его спиной — неплохая работа для старика. Этому человеку, видать, за сорок. На нем комбинезон мигра, но он явно не мигр. Стэн терялся в догадках, кто перед ним. За свою жизнь он видел только мигров и спецов, в широкую категорию которых входили и блюстители порядка. Еще он знал о существовании «руководящих кадров», но живьем их никогда не видел. А этот человек, похоже, ни к одному из известных сословий не относился.

— Сейчас сюда подвалит еще кто-нибудь из этой публики,— сказал Махони,— так что знакомиться будем по-быстрому.

— Мы никуда не спешим. Сроду не видел, чтобы за одним мигом гнались сразу пятеро легавых. Вы что натворили?

— Долго объяснять...

— Стэн, погляди-ка!

Не спуская взгляда с Махони, Стэн попятился и взял из рук Бэт статкарточки убитых.

— Стэн, трое из них не блюстители порядка. Они из начальства.

— Да, это люди из службы безопасности барона Торесена,— сказал Махони.— Они, надо думать, шли по моему следу от самого Ока.

— Бросьте, неужели вы не с Вулкана?

— Да, я прилетел сюда из Прайм-Уорлда.

Стэн принял решение и приказал незнакомцу:

— Раздевайтесь.

Махони вскипел яростью, но быстро взял себя в руки, ругнулся и подчинился. У этого парнишки мозги правильно работают. Махони снял с себя комбинезон, проворно прощупал каждую складку. Ничего. Потом он снял ботинки, постучал каблуками о стену. Во втором под каблуком оказался крохотный передатчик.

Стэн кивнул.

— Вот почему вы не могли от них оторваться. Теперь одевайтесь.

Взмахом руки Стэн отослал Бэт обратно в вентиляционную трубу. Она забралась первой, потом подала руку приятелю. Махони последовал за ними. В трубе он пропыхтел:

— Тесновато для человека моих лет.

— Возраст тут ни при чем,— сказала Бэт.

— Девушка, нехорошо смеяться над толстым дядей, который тебе в отцы годится.

— Ползите за нами,— коротко приказал Стэн.— И помалкивайте.

Тут Махони опять захлопал глазами: если ему не померещилось, парнишка спрятал свой кинжал прямо под кожу предплечья правой руки.

Вскоре труба расширилась, и Махони пополз на четвереньках вслед за юркой молодежью.

Глава 14

— Нет, Фадал. Как ни странно, я почему-то помню, что такое империя,— сказал Орон.

Махони хотел задать вопрос, но Стэн кивком головы остановил его.

— Вы из разведки?

— Да,— ответил Махони.

— Стало быть, подсматриваете, подглядываете... И хотите, чтобы мы делали для империи то же самое?

— Нет, просто меня чуть было не накрыли, а ваши ребята меня спасли.

Орон вопросительно посмотрел на Фадал. Та молчала.

— Торесен не стал бы посылать столько народу по моему следу, если бы не знал, кто я такой.

— Торесен — это Глава компании, наш враг,— шепотом подсказала Фадал.

— И чего вы хотите, человек?

— Я должен найти подтверждения того, что Торесен замышляет дурное. Я влезал в компьютерную сеть руководства компании, но там любая информация касательно проекта «Браво» — это и есть коварный план Торесена — надежно защищена. Даже вопрос об этом проекте автоматически вызывает сигнал тревоги.

— Очевидно, этот, как его, Торесен все хранит в своей голове.

— Да, но какие-то документы не могут не существовать.

Стэн вмешался в разговор:

— Если вы найдете доказательства, то каковы будут последствия?

— Мы пришлем армию. Император назначит новое, временное руководство компанией. И все тут переменится. И для мигров, и для всех остальных.

— Звучит не слишком заманчиво,— сказала Бэт.

— Да, Бэт права,— кивнул Стэн.— Пока ваша армия явится, нас тут всех перелущат. Разве вы не понимаете, что крутые не заживаются,— на нас охотятся посерьезнее, чем на крыс.

— Парень из другой шайки предупредил нас,— сказал Орон,— когда, бишь, это было, Фадал?

— Двое суток назад.

— Он сказал, блюстители порядка тренируются в одном пустом ангаре. Стреляют по мишеням из винтовок. Готовят огромную облаву. А нас слишком много, мы не можем спрятаться.

— Сколько человек в вашей команде?

— Пятнадцать,— сказала Фадал.

Махони прикинул в голове. Пятнадцать человек вполне можно разместить в воздушном шлюзе небольшого космического корабля, где находился подчиненный ему взвод гвардейцев. Если он вернется с убедительными доказательствами, никто не попеняет ему за вывоз пятнадцати ребят.

— Я могу обещать вывести вас со станции. Всех. На любую планету в империи — какую выберете.

У Стэна дыхание перехватило. Он облизал пересохшие губы и недоверчиво уставился на Махони.

— Я обещал — значит, сделаю. Пусть ваши ребята совершат налет на апартаменты Торесена. Раздобудьте любой документ касательно проекта «Браво». Тогда я посажу вас на космический корабль — и фьють. Империя свои обещания держит.

— Я считаю, что такое предложение надо принимать без обсуждения,— сказал Орон.— Все согласны?

Возражений не последовало.

Неспешно дойдя до конца коридора, дежуривший в нем патрульный зевнул, развернулся и двинулся обратно.

Стэн бесшумно выскользнул из вентиляционной трубы. Стараясь даже не дышать, он крадучись последовал за патрульным. Тут главное не поторопиться — и не промедлить. Взгляд его присмолился к спине патрульного. Спина ближе. Еще ближе. Они идут в ногу. Между ними осталось три метра — теперь ум выключился, работали только мускулы.

Рукой перехватив шею патрульного, Стэн всадил нож в район почек. Во рту дюжего блюстителя порядка что-то забулькало, он охнул. Стэн отступил в сторону и дал телу упасть на пол, затем оттащил убитого к вентиляционному отверстию и засунул в трубу. Потом он побежал в другой конец коридора, где находился вход на территорию высшего начальства. Поднапрягшись, Стэн отодвинул одну из стенных панелей. Ну, слава богу, все правильно.

Дэлинки долго изучали раздобытый Махони подробнейший план Ока, сидя в одном из просторных воздуховодов гостевого центра. И в конце концов нашли способ, как осуществить задуманное.

Начальство о своем комфорте заботилось всерьез. Поэтому стены коридоров в Оке были двойные — со звукопоглощающей перегородкой. Между перегородкой и стеной оставалось узкое пространство.

Заглянув за отодвинутую панель, Стэн удовлетворенно хмыкнул и призывно махнул остальным. Из вентиляционных труб высыпала вся шайка. По одному они протискивались в межстенное пространство. Орон был седьмым или восьмым в этой цепочке. Вид у него был отсутствующий — Фадал вела его за собой, как малого ребенка. Стэн ругнулся про себя: если Орон не придет в себя, не обретет память и смекалку, им всем крышка. Даже если кому-то из них удастся удрать обратно в недра Вулкана, где живут мигры, то за крутых возьмутся совершенно серьезно — и карательные экспедиции не прекратятся, пока в вентиляционной системе не останутся одни крысы.

Но Стэн, соглашаясь участвовать в операции, прекрасно понимал, что иного выбора нет. С одной стороны, хотелось вырваться с Вулкана, а с другой — слабо верилось в успех операции. То, что они так легко проникли в межстенное пространство, было добрым знаком. Значит, удача на их стороне, убеждал себя Стэн.

Тут межстенное пространство сузилось: должно быть, этот выступ — аварийная дверь. Грудь Стэна застряла — ни туда ни сюда. На мгновение он запаниковал, потом догадался выпустить воздух из легких и легко проскользнул вперед.

Они столпились перед огромной двойной дверью в принадлежащий Торесену отсек. Стэн с любопытством потрогал материал, из которого была сделана эта дверь. Шершавый, зернистый. Что-то вро-

де закаленной стали. Но намного прочнее. Стэн удивился: почему Торесен не приказал отшлифовать дверь, сделанную явно из какого-то органического материала невиданной прочности.

Бэт пыталась открыть замок с помощью небольшого мазера. Закрыв глаза, сосредоточившись на своих ощущениях, она пробовала разное давление ультразвукового пучка, пока не ощутила правильный напор микроволн. Замок щелкнул и открылся.

Бэт достала из своей сумки пластмассовый штырь, нажала кнопку подогрева и протянула в неглубокую нишу в стене — окошечко пропускного автомата. На конце подогретого до температуры человеческого тела штыря был отпечаток пальца Торесена — Стэн мог только гадать, каким образом Махони раздобыл этот отпечаток.

Щелкнули второстепенные замки, и массивная двойная дверь медленно открылась. Дэлинки схватились за оружие, но засады внутри не оказалось. Стэн вместе с другими очутился внутри святая святых — в личных апартаментах барона, главы компании.

Время остановилось, потому что они оказались в пространстве красоты неописуемой,— словно детишки в джунглях, где свирепых тигров нет и все поражает дружелюбием.

Они попали на самую вершину Ока. Через прозрачный купол торесеновского отсека виднелись мириады звезд. Стэн был единственным, кто уже побывал в открытом космосе, а потому не застыл с открытым ртом. Случись поблизости охранники, в этот первый момент они могли бы взять дэлинков голыми руками. Позволив товарищам упиваться зрелищем сияющих на черном бархате звезд, Стэн аккуратно затворил дверь и огляделся.

Похоже, под куполом никого.

Ухоженный садик. Мебель располагалась среди зелени — как будто кто-то убрал стены очень большого дома и позволил растениям проникнуть внутрь.

Дэлинки медленно приходили в себя.

Стэн заметил, что детектор, улавливающий движение, разворачивается в их сторону. Он кинулся с ножом к прибору и перерезал провода. Крутые окончательно пришли в себя, обрели обычную осторожность. Стэн, как самый глазастый, указал им еще на несколько детекторов, реагирующих на движение,— их следовало тщательно обходить стороной.

Дэлинки стали продвигаться вперед, к рабочему кабинету барона, дивясь густой экзотической зелени. Ее кусты помогали им скрываться от глазков многочисленных камер.

Стэн, Орон и Бэт держались вместе. Они искали уголок, который служил барону рабочим местом. С одной стороны огромного зала находилось что-то вроде оружейного зала: на панелях висели мечи, сабли, ятаганы и прочее холодное оружие, а также винтовки, ружья, пистолеты и виллиганы разных образцов.

В противоположном конце стоял роскошный письменный стол, рядом с которым находился компьютерный комплекс — Стэн только ахнул, когда увидел столько совершенной техники, собранной вместе. Неподалеку от рабочего пространства стояла стилизованная под старину статуя женщины, которая показалась Стэну до смешного жирной.

Стэн вопросительно взглянул на Орона. Глаза предводителя шайки горели. Он указал в сторону скульптуры. Стэн и Бэт подошли поближе. Орон с его уникальным чутьем, скорее всего, прав, сейф должен быть здесь. Стэн стал нажимать на все выступы статуи. Через несколько минут, уже отчаявшись, он обнаружил небольшую трещинку в боку статуи. Он направил на нее пучок ультрафиолетовых лучей — и автомат сработал: статуя сдвинулась с места. Под ней находился сейф с цифровой комбинацией.

Стэн достал из своего рюкзака подставку и небольшую морозильную камеру. Когда он открыл камеру, из нее повалил белый пар — внутри температура приближалась к абсолютному нулю. Стэн надел специальную перчатку со слоем изоляции и вынул из морозильной камеры цилиндр. Установив цилиндр на подставку, он направил его на дверцу сейфа, потом отбежал и нажал кнопку дистанционного управления.

Из цилиндра на стальную дверцу сейфа потекла струйка газа, который мгновенно кристаллизировался на поверхности. Бэт достала молоток из своего рюкзака и ударила по дверце. Металл раскалывался как стекло.

Трое друзей довольно переглянулись и расцвели улыбками. Они добрались до тайника.

Бумаги, бумаги — и пачки кредиток. Стэн начал набивать карманы деньгами, но Орон жестом остановил его.

И тут они наткнулись на красную папку, на которой было начертано «Проект "Браво"». Ура! То, что нужно!

Никто вовремя не заметил, что один из крутых забрел в оружейный зал и, зачарованный красотой стариннейшего арбалета, снял его с панели. И тем самым включил в комнате охраны сигнал тревоги.

Стэн передал папку Орону. Лучше бы он этого не делал! На Орона опять что-то нашло. Его взгляд снова стал бессмысленным. Он тупо посмотрел на папку в своих руках и порывисто встал. Папка упала на пол, раскрылась, и бумаги разлетелись во все стороны.

Стэн тихо выругался и стал поспешно собирать листы бумаги с ковра. Надо было торопиться...

Первой же очередью один из охранников изрешетил сразу троих — они и вскрикнуть не успели — и срезал несколько веток в садике.

Вторая очередь пробила грудь еще одному дэлинку, который пытался укрыться за кустами. Этот успел закричать, прежде чем рухнуть

замертво на пол. Из-за спины первого блюстителя порядка через взломанную дверь под купол вбежали еще несколько патрульных с пистолетами в руках.

Бэт схватила гранату на поясе, сорвала чеку и бросила в группу легавых, а сама кинулась на пол. Стэн покатился по полу в сторону оружейного музейчика и нырнул за первое же укрытие. Этим укрытием оказался музейный экспонат — три емкости, длинный шланг и две ручки, чтобы держать эту тяжелую штуковину. Какое-то оружие. Карточка внизу гласила: «Огнемет с планеты Земля. Один из первых образцов. Реставрированный». Что ж, очень кстати, что Торесен, подобно многим коллекционерам оружия, держит свои экспонаты готовыми к бою.

Стэн схватил огнемет, приподнял и направил в сторону патрульных. Сперва из шланга вырвалась маленькая струйка, но потом струя темного густого огня ударила через все помещение — метров на пятьдесят. В древности этот аппарат не был таким дальнобойным — проявились усовершенствования, добавленные мастерами барона.

Струя напалма облила всех патрульных до одного. Те из них, кому повезло, умерли сразу — огонь сжег им легкие. Остальные получили страшные ожоги от напалма и какое-то время метались между деревьями или катались по полу. Но в последний момент один из патрульных успел выстрелить в Орона, который, ничего не соображая, бродил между деревьями сада. Опекавшая его Фадал погибла. Выстрелом Орону буквально разнесло голову.

Стэн действовал как робот. Он водил шлангом огнемета, пока не уничтожил всех патрульных. Потом выключил аппарат и отшвырнул шланг. Он стоял как в ступоре и смотрел на дела рук своих.

Бэт ухватила его за локоть:

— Бежим!

Стэн пришел в себя. Все патрульные погибли. До одного. Путь был свободен. Но когда Бэт и Стэн побежали к двери, за ними последовал только один дэлинк. Из пятнадцати в живых остались лишь трое.

Они выбежали в коридор. Уйти через простенок не удастся — там они будут двигаться медленно и представлять собой слишком удобную мишень. Поэтому трое просто побежали прочь от апартаментов барона. Вся надежда была на то, что патрульные отстанут и у ребят будет достаточно времени, чтобы нырнуть в какой-нибудь вентиляционный люк.

Из-за угла появились патрульные и помчались за ними. Но они не могли стрелять: в коридорах было много чиновников, шедших по своим делам. Испуганные чиновники жались к стенам или забегали в открытые двери.

За очередным поворотом коридора Стэн увидел огороженный открытый люк в полу. Здесь, очевидно, велись ремонтные работы.

Вниз вели ступеньки — металлические скобы, а дно колодца терялось в темноте. Стэн понятия не имел, что там, внизу, но особенно выбирать не приходилось. Наверняка от него ответвляются какие-то туннели.

Стэн махнул Бэт: полезай первой, я прикрою. По тому, как она морщилась и с каким трудом залезала в колодец, он понял, что девушка ранена. Ладно, потом разберемся.

Стэн полез за ней.

Дэлинк, бежавший вместе с ними, отрицательно мотнул головой: колодец не показался ему безопасным путем бегства. А в следующий момент парень упал, сраженный диском антиматерии из ружья одного из патрульных.

Нога Бэт, спускавшейся двумя метрами ниже Стэна, поскользнулась на скобе и потеряла опору. Девушка вскрикнула, запаниковала — и не удержалась, ее руки разжались, и она полетела в колодец, казавшийся бездонным. Бэт еще кричала какое-то время. Потом где-то далеко-далеко внизу раздался едва слышный шлепок. Все было кончено.

Стэн проводил глазами ее тело, дождался того страшного, последнего звука. Но потом не тратил ни секунды. Он быстро полез по скобам вниз, метрах в десяти от пола обнаружил просторный туннель и побежал по нему. Теперь надо было добраться до условленного места, где его встретят люди Махони и помогут пробраться на космический корабль, который увезет его прочь с Вулкана.

Махони нервно прохаживался по своему кабинету на космическом корабле. Когда на Вулкане взвыла сирена тревоги, он проверил по компьютерной сети — да, вызван отряд особого назначения, как при серьезных беспорядках. Прошло уже много времени после начала суеты на станции, и надежда Махони на благополучный исход стремительно таяла.

Дверь внезапно распахнулась, и в комнату влетел Стэн. С пустыми руками.

— Они поймали нас! Поймали! И Бэт убита!

— Бэт? Та красивая девушка?

— Да. Они убили ее, убили! А документы... те самые, которые вы искали... они у Орона.

— А где Орон?

— Тоже убит.

Махони не стал тратить время на ругательства.

— Стало быть, провал,— сказал он.— Но наш уговор в силе. Неподалеку меня ожидает военный крейсер, и я заберу тебя с собой.

— Нет. Я не полечу.

— Тогда чего ты хочешь?

— Дайте мне оружие. Они убили Бэт.

— Ты сдурел? Хочешь вернуться?

— Они убили Бэт.

— Хорошо. В том ящике стола я храню два пистолета.

Стэн повернулся и шагнул к столу.

Махони бесшумно догнал его. Взмах кулака, и Стэн без сознания упал лицом на стол. Махони усадил его в кресло у стола. И только теперь коротко ругнулся. Потом взял с книжной полки книгу — «Устав гвардейской службы» — и положил на нее руку Стэна.

— Не знаю, какую религию ты исповедуешь. И веруешь ли вообще. Но эта книга в самый раз вместо Библии. Клянешься ли ты... как тебя там... ах да, Стэн, имя неизвестно... Клянешься ли ты, Стэн, защищать вечного императора и империю до последнего дыхания? Знаю, что ты хочешь ответить, мой мальчик,— «клянусь». Клянешься ли ты беспрекословно подчиняться приказу командиров, свято чтить традиции имперской гвардии, законы империи и следовать им? Знаю, что клянешься. Итак, Стэн, приветствую тебя в качестве рекрута его величества лейб-гвардии. Добро пожаловать на службу императору! Считаю честью зачислить тебя в ряды моего родного первого ударного полка.

Отложив книгу, Махони взъерошил волосы Стэна.

— Эх, бедняжка ты, бедняжка. Погано все сложилось, очень погано. Но одно я могу для тебя сделать — забрать из этого ада в более или менее нормальный мир, где ты, надеюсь, проживешь подольше, чем здесь.— Он нажал кнопку на аппарате внутренней связи и сказал: — Лейтенант, тут в моем кабинете свежеиспеченный гвардейский рекрут. Бедолага так проникся торжественностью момента, что на радостях хлопнулся в обморок. Заберите его, пожалуйста.

Махони взял со стола бутылку синталка — синтетического алкоголя — и, не пожелав возиться со стаканом, сделал большой глоток прямо из горлышка.

— Ну что ж, попутного ветра, приятель!

Глава 15

Начальник службы безопасности рассыпался в извинениях перед Торесеном. Чем больше барон смотрел на виноватое, пристыженное лицо на экране, тем больше ему хотелось ударить по нему кулаком. Этот тип говорит: «Никакого реального ущерба они не причинили!» — кто знает, кто знает! Это еще надо проверить!

Торесену было плевать на убитых патрульных и на материальный ущерб. Он беспокоился лишь о папке с материалами по проекту «Браво». Он ее нашел. Ничего не пропало. Однако следовало быть умнее и исходить из предположения, что кто-то все же успел проглядеть эти странички и получил взрывоопасную информацию.

Барон вскинул голову — одна фраза начальника службы безопасности задержала его внимание.

— Как вы сказали?

— Мы обнаружили тела тринадцати правонарушителей из числа живущих в вентиляционных трубах. Все опознаны.

— Нет, что вы сказали до этого?

— Есть вероятность, что двое из них бежали.

Вот как. Значит, он беспокоился обоснованно.

— Кто эти двое?

— Мы нашли один волосок в ваших покоях. Хромосомная проекция указывает на то, что этот человек...

— Я лично взгляну,— раздраженно сказал барон.

На экране компьютер стремительно производил воссоздание человека по хромосоме, выделенной из волоса. И вот появилась трехмерная фигура парня лет восемнадцати. Это был Стэн. Барон внимательно рассмотрел лицо парня, потом покачал головой. Он впервые видел этого типа.

— Имя?

— Карл Стэн, мигр. Пропал без вести во время взрыва в особом секторе несколько циклов назад.

— Вы хотите сказать, что человек, ответственный за тогдашний взрыв и наши чудовищные финансовые потери, остался жив? Но каким образом... Ладно, не будем об этом, пустой разговор... Все.

— Простите, сэр, есть еще кое-какая информация...

— Сам прочитаю доклад. Я сказал — все!

Барон внимательнейшим образом изучил биографию Стэна. Это не заняло много времени — если отбросить словесную шелуху, о нем было известно очень мало. Но барон мгновенно уловил связь между проектом «Браво» и тем, что Стэн был сиротой, родители которого погибли в двадцать шестом городке Развлечений. Этот парень был одержим жаждой мести.

Барон нажал кнопку на пульте связи, и на экране возникло растерянное лицо начальника службы безопасности.

— Этого человека следует найти немедленно. Задействуйте всех своих людей — до последнего!

— Простите, сэр, но это невозможно.

— Почему? — прошипел Торесен.

— Э-э... дело в том, что мы... э-э... нашли его, сэр... Он на имперском военном корабле, который направляется...

Торесен оцепенел от ужаса. Невероятная история. Ну и ловкач этот мигровский выродок! Барон быстро овладел собой. Нет, этого Стэна он из-под земли достанет. Ну а потом...

Вскоре барон вел обстоятельную беседу с маленьким серым человечком в маленьком сером мире. Охота за Стэном началась.

Книга третья

Гвардия

Глава 16

Свет от ядерных взрывов над поверхностью планеты ярко высвечивал силуэты боевых кораблей, находящихся вне ее атмосферы.

— Приготовиться к атаке. До условленного времени пятьдесят секунд. Пошел отсчет времени. Начать маневр по вхождению в атмосферу,— неслось из громкоговорителя в командной рубке десантного корабля.

На пульте замигали огоньки, и корабли начали спуск к поверхности планеты — через иллюминатор Стэн видел вспышки тормозных двигателей соседних транспортников. Гася скорость, они продвигались в верхние слои атмосферы.

— «Фоксфайер-шесть», произведен ракетный залп. Вероятное время пересечения орбит с вашей... э-э... тридцать пять секунд. Вероятность попадания восемьдесят три процента. Уходите в сторону! — раздался в динамике голос оператора со станции наблюдения.

Пилот «Фоксфайера-6» ругнулся и включил двигатель на полную мощность, одновременно давая приказ компьютеру выполнить комплекс маневров по уходу от ракет. Глубоко в недрах десантного корабля Стэна, перехваченного ремнями безопасности, мотало из стороны в сторону. Сперва его вжало в кресло резкое увеличение силы тяжести, потом потолок заходил из стороны в сторону над головой — и вдруг сила тяжести вообще пропала. Это отключился аппарат, создающий во время полета искусственное тяготение.

Стэну и его товарищам по десантному взводу приходилось несладко. Лежа внутри одной из двадцати капсул, они испытывали на себе бесчисленные взлеты и падения силы тяжести — «Фоксфайер-6» уходил то вбок, то вверх, то вниз, менял скорость.

В командном отсеке из динамика неслось:

— Четыре секунды до входа в атмосферу. Продолжать маневры по уходу от ракет!

Вспышки у боков орбитальных станций, которые осуществляли поддержку десантных кораблей,— и двенадцать ракет перехвата устре-

мились к шести дымным линиям, которые начинались где-то глубоко в атмосфере и быстро приближались к «Фоксфайеру-6».

Вспышки взрывов совсем рядом.

— «Фоксфайер-шесть», я уничтожил одну ракету, а у второй взрывом повреждены рули управления. Делайте отвлекающий залп.

По приказу командира из чрева корабля вылетели два тепловых шара, которые должны были увести за собой ракеты. Но лишь одна ракета поддалась на обман, изменила траекторию, погналась за шаром и взорвала его. Три оставшиеся ракеты упрямо приближались к «Фоксфайеру-6», невзирая на все его маневры. Очевидно, этими ракетами управляли с земли — и тепловые шары не обманули операторов.

— «Фоксфайер-шесть», вероятность попадания девяносто девять процентов. Предлагаю покинуть корабль!

Внутри стэновской капсулы загудел зуммер, и компьютер хрипло сообщил:

— Аварийное катапультирование. До момента касания поверхности одна минута двенадцать секунд.

Пилот ударил по кнопке аварийного катапультирования. Корабль словно взорвался: огромный конус впереди отстрелился, и из чрева корабля на большой скорости вылетело двадцать капсул с экипажем и десантниками. В каждой капсуле имелась автоматическая система управления, которая обеспечивала посадку в заданном районе — именно там, куда направлялся погибший корабль.

Седой капрал, лежащий в соседнем кресле, пробормотал:

— Думаю, они взяли нас на мушку. Шесть против пяти, что нас прикокнут до того, как мы приземлимся. Нет, восемь к пяти. Хочешь пари?

Стэн отрицательно мотнул головой.

Автомат включил тормозной двигатель — они вошли в атмосферу. Вскоре из боков капсулы выдвинулись широкие крылья, и она начала плавный спуск.

Внутри капсулы, предельно облегченной и лишенной звукоизоляции, стоял страшный гул, пока не раскрылись парашюты в хвосте. Они падали в океан, но компьютер подправил курс. Тормозные двигатели закончили работу и отстрелились.

Множество ракет класса «земля — воздух» разрывались вокруг — одни поражали капсулы, другие десантные корабли. Небольшие одно- и двухместные истребители чертили небо там, где не вспыхивали разрывы зениток. В небе царил сущий ад. Нападающие отвечали бомбами и лазерными лучами, которые сжигали наземные пусковые установки и зенитные батареи.

На столицу, центр которой был уже объят огнем, шла из космоса вторая волна истребителей и бомбардировщиков, поддерживающих транспортные корабли десанта.

У самой земли капсулу со Стэном и его взводом чуть было не разнесла на куски противовоздушная ракета, которая последовала за ними, когда пилот капсулы стал вручную сажать аппарат на одну из улиц города. Но у самой земли было столько отвлекающих объектов, что ракета во что-то врезалась и взорвалась.

Однако, уходя от ракеты, пилот не справился с машиной, фонарным столбом отхватило крыло, капсула перевернулась...

Стэн на несколько секунд потерял сознание. Когда он очнулся, верх капсулы отстрелился и его товарищи шустро выпрыгивали наружу, на мостовую, и бежали к ближайшему укрытию. Капрал двинул Стэна кулаком в бок, и тот быстро последовал за всеми.

Выскочив из капсулы, он перекувыркнулся, встал на ноги и выхватил из-за пояса виллиган. Взвод рассыпался по периметру вокруг капсулы — каждый боец примерно в десяти метрах от другого. До сих пор все шло как на учениях.

Взводный проорал:

— Первое и второе отделения — перебежками вперед. Третье отделение — прикрывайте. Отделение огневого обеспечения — сюда, за памятник. Вперед! Шевелись!

Стэн вместе с товарищами побежал вдоль улицы. Слух после контузии наконец вернулся, он слышал, как стучат башмаки по тротуару и скрипит портупея.

Первая ракета, запущенная отделением огневой поддержки, с хлопком взлетела и просвистела над их головами.

— Эй, ты! — прикрикнул сержант.— Не время ворон считать! Не отставать!

Тут рядом рванула мина, и все отделение залегло. Стэн вкатился было через распахнутую дверь в парадное, но тут раздался треск, Стэн выскочил и увидел, что вражеский танк движется прямо на ребят из его отделения, по дороге проламывая угол домика.

Стэн схватил висевшую на поясе яйцеобразную гранату, вырвал чеку и швырнул в приближающийся танк. Она разорвалась, не долетев до брони какого-то метра. Стэн видел, как одна из двух башен танка развернулась в его сторону и зарыскала пушкой. Он упал на тротуар и пополз за высокую кучу мусора.

Его барабанные перепонки затрещали, а позвоночник завибрировал, когда танковый мазер полоснул по стене над ним. Стена рассыпалась под воздействием направленного ультразвукового пучка. Стэн лежал не шевелясь, пока танк не прогромыхал мимо. Гусеницы прошли буквально в метре от него. Раздался истошный крик — очевидно, гусеница трехметровой ширины переехала товарища по взводу.

Стэн перекатился через плечо и вскочил сразу после того, как проехал танк. Он ухватился за буксирный штырь танка и повис на нем. Его тащило дальше, танк качало, но Стэн все же подтянулся, вволю

надышавшись выхлопных газов, и вылез из-под днища. Он пополз по броне поближе к башням и аккуратно положил гранату между ними. Затем спрыгнул на мостовую.

Стэн припустил прочь — тем самым вышел из мертвой зоны, и сенсоры танка обнаружили его. Башни развернулись, но открыть огонь не успели. Взрыв! Одна башня взлетела высоко в воздух и рухнула далеко от танка, своим весом раздавив сразу двух десантников, залегших за грудой камней.

Стэн вытянулся на мостовой позади танка — метрах в двадцати. Он видел, что из дыры наверху рвануло пламя, почти сразу же погашенное пеной огнетушителей. Вторая башня открыла огонь. Пули веером ложились у головы Стэна. Он вскрикнул, когда плечо обожгла резкая боль. Пуля прошла насквозь. Боль быстро нарастала, но Стэн мгновенно сконцентрировался и усилием воли отключил нервы вокруг раны. Боль почти исчезла, однако рука не действовала.

Танк остановился и перенес огонь на другие цели. Стэн увидел большой отряд вражеских пехотинцев. Ближайшим укрытием был вражеский танк, и Стэн, пригибаясь, помчался к нему. Когда он добежал до танка, мотор взревел и машина начала двигаться. Стэн побежал вбок, чтобы укрыться от пуль пехотинцев.

Наклонившись, он увидел, что вражеские пехотинцы уже подбежали к другой стороне танка. Он схватил гранату и перебросил ее через танк.

Сильная вспышка. О пехоте можно было больше не думать.

Танк полз в сторону, где залег стэновский взвод. Оставшаяся башня прицельно стреляла по его товарищам, не давая им и головы поднять из-за укрытия, а боковые башенки-огнеметы по мере движения машины поджигали дома справа и слева, чтобы выкурить из них противника.

Стэн схватился за ручку на броне, поднатужился и запрыгнул на танк. Пулемет резко развернулся в его сторону, но Стэн уже запрыгнул на главную башню танка. Глаза застилал пот...

Стэн сидел на кресле в комнате — в сверкающем шлеме, надвинутом на глаза. От шлема тянулись провода к компьютеру. Но сам Стэн уже давно воспринимал происходящее с ним как реальность. Сейчас он повис, вцепившись за ручки на башне танка,— шел бой не на жизнь, а на смерть на какой-то планете в бог весть какой звездной системе...

Башня рывками вращалась в разные стороны, чтобы стряхнуть его прочь. Но вот башня остановилась, и в то же мгновение щелкнул запор люка. Стэн устремился вперед, выхватывая из ножен штык-нож. Люк приоткрылся, появилось лицо танкиста, который держал пистолет у самой своей щеки.

Нож вошел танкисту прямо в рот. Кровь омочила руку Стэна. Убитый рухнул внутрь танка. Стэн попытался открыть люк до конца и нырнуть внутрь, но оттуда стреляли — пули защелкали по металлу.

Тогда Стэн сорвал с себя пояс с гранатами, вырвал чеку одной из них, после чего швырнул весь пояс внутрь танка.

Времени до взрыва оставалось мало. Стэн спрыгнул, и ногу пронзила боль. Очевидно, связка порвалась. Прихрамывая, он побежал к низкой стене, за которой собирался укрыться. С порванной связкой он не мог бежать так быстро, как рассчитывал. Не хватило одной секунды, чтобы перепрыгнуть через стенку и оказаться в безопасности. Танк взорвался, шар огня покатился в сторону Стэна — и догнал. Он ощутил, как что-то со всех сторон опалило его, зверская боль длилась не больше мгновения — потом наступила темнота, темнота смерти...

В этот момент запись прервалась.

Стэн сорвал с себя шлем и отшвырнул его на пол. Включился громкоговоритель:

— Только что вы приняли участие в первой атаке вашего десантного полка — первого ударного гвардейского полка — во время высадки на планете Деметер. За период успешно проведенной и в плановые сроки завершенной операции по захвату планеты первый ударный потерял убитыми шестьдесят четыре процента своего боевого состава.

В честь этой блестящей победы вечный император лично приказом по армии наградил первый ударный полк правом ношения красно-бело-зеленых аксельбантов. Помимо этого, многие гвардейцы были отмечены боевыми наградами. В их числе был награжден — посмертно — Галактическим крестом гвардеец Джейм Шавала, чей опыт вам посчастливилось пережить в качестве одного из этапов тестирования.

А сейчас у вас имеется тридцать минут свободного времени до ужина. Завтра тестирование продолжится. На сегодня все. Можете покинуть комнату.

Стэн, слегка пошатываясь, встал из кресла. Странно. Он все еще чувствовал, как пуля впилась в его тело, как обжег огонь...

Выйдя в коридор, он медленно направился через двор к столовой. Так вот как становятся героем. И вот как умирают. Ни героем становиться, ни умирать Стэну не хотелось. А впрочем, подумал он, тридцать шесть процентов выживающих — это статистика получше, чем в особом секторе Вулкана!

Но все равно ему надо побольше узнать о том, какие именно черты характера нужно иметь, чтобы стать достойным гвардейцем, настоящим солдатом Первого ударного.

В центре двора он присел на ступени памятника в честь какой-то позабытой битвы и коротал время в размышлениях. Для кандидатов в рекруты время тянется мучительно медленно, но Стэн упивался покоем и не тяготился ничегонеделанием. Он глубоко вдыхал неискусственный, чистейший воздух. И вдруг поймал себя на том, что счастлив. Как же так? А Бэт? Нет, тот ужас не закончился. И память о гибели родных не стерлась. Но нажит какой-то опыт скорби, который эту скорбь делает меньше. Если долго практиковаться, раз за разом отстраняя от себя горестные мысли, то в результате что-то получается. Скоро предстоит много практиковаться — в учебном центре. Так что клин клином...

А, ладно. Он встал и пошел по коридору. По крайней мере, он вырвался с Вулкана. И туда возвращаться уже не придется. Хотя сейчас он мечтал увидеть, как над самым Оком Вулкана взрывают мощную бомбу и вся станция разлетается на куски.

Стэн нехотя отбросил эту мечту и сосредоточился на одной мысли — как сильно он проголодался.

Глава 17

Рикор тоже была счастлива. В ее сознании бушевало арктическое море. Волны вздымались к серому хмурому небу, и огромные ледяные горы откалывались от ледников.

Она всплыла на поверхность, перевернулась, возбужденно фыркая, потом забила ластами по воде и стала перескакивать с волны на волну — мощными красивыми движениями. Но тут кто-то осторожно потрепал ее пониже головы.

Рикор приоткрыла один глаз и недовольно посмотрела на Фрезера, одного из своих помощников.

— Что вам нужно?

— Звонят из Прайм-Уорлда.

Рикор, раздраженно фыркая в усы, положила ласты на края бассейна, рывком подняла свое огромное моржеподобное тело и перевалилась в гравитационное кресло. Кресло жалобно скрипело под весом Рикор, пока она усаживалась, удобно размещая складки жира, многие из которых так и остались за пределами кресла. Она нажала кончиком ласта нужные кнопки, и кресло медленно проплыло через всю комнату к рабочему столу. Фрезер последовал за своей начальницей.

— Это звонок касательно нового гвардейского рекрута. Того, который под вашим личным контролем.

На экране видеосвязи не было ничьего лица, только помигивающие буквы. Рикор была немного удивлена, но тронула кнопку дешифратора и ввела свой шифр доступа. Взмахом ласта она приказала Фрезеру отойти подальше. Только после этого экран прояснился, и на нем возникло лицо Махони.

— Дорогая Рикор, позвольте злоупотребить вашим временем. Я хочу, чтобы вы занялись одним из моих парней.

Рикор нажала кнопку, и рядом загорелся второй экран.

— Вы имеете в виду Стэна? — спросила она.

— Вы сильны угадывать! — ответил Махони.

— Парень заинтересовал меня. Хотите знать его интеллектуальный коэффициент?

— Фу! Я не стал бы беспокоить главного психолога по пустячному поводу. Интеллектуальный коэффициент мне бы подсказал любой ваш сотрудник. Вы прекрасно понимаете, чего я хочу.

Рикор сделала глубокий вдох.

— Ну, говоря в общем, в его сознании, употребляя выражение из лексикона людей, «клубок змей».

Махони выглядел озадаченным, но решил промолчать и не задавать наводящих вопросов. Рикор продолжала:

— Интеллектуальный уровень очень высокий, хорошо ориентируется в обстановке и отлично владеет собой. Но это очень странно при его биографии. По идее, он должен быть или в ступоре, или проявлять агрессивность психопата. Вместо этого объект проявляет признаки полного психического здоровья — даже чрезмерного. Мы можем продолжить изучение психики объекта, но мне кажется, что он живет, так сказать, на автопилоте, отбрасывая предыдущий горестный опыт, не желая перерабатывать его.

— Поясните, пожалуйста.

— Я бы предложила ему перестать таить страшные эмоции от себя самого, раскрыться, излить чувства, освободиться от них. Сейчас он весь зажат, живет как робот.

— Погодите,— сказал Махони.— Вы говорите интересные вещи. Но мы с вами не поэта собираемся растить. Мне нужен солдат. Что с ним будет в учебной роте — не раскиснет?

— Нельзя предсказать с математической точностью. Скорее, нет, не раскиснет. Он в своей жизни столько стрессов пережил, что ему теперь море по колено.

Упомянув море в разговоре, Рикор мечтательно закатила глаза.

— А станет ли он хорошим солдатом?

— Он будет отвратительным солдатом.

У Махони был несколько ошеломленный вид.

— Объект проявляет минимальный интерес к обычным похвалам, совершенно равнодушен к гвардейским наградам. Огромная вероятность того, что он не станет подчиняться командам, которые сочтет глупыми или бессмысленно опасными.

Махони мрачно покачал головой.

— Впору задуматься, зачем я зачислил его в гвардию! В свой любимый полк!

— Вполне возможно, потому,— сухо сказала Рикор,— что его психические характеристики так совпадают с вашими собственными.

— Ммм... Может, именно эти психические характеристики приводят к тому, что я стараюсь держаться подальше от своего любимого полка и посещаю его только в День знамени.

Рикор неожиданно рассмеялась. Она завертелась на кресле, словно в волнах. Кресло чуть не опрокинулось. Отсмеявшись, Рикор сказала:

— Мне кажется, Ян, вы хотите звякнуть старым друзьям и попросить, чтобы этого парня не очень мучили в учебной роте.

Махони отрицательно мотнул головой.

— Не угадали. Не хочу, чтобы парня избаловали. Если не справится...

— Отошлете обратно, на родную планету?

— Нет. Просто мой интерес к нему пропадет.

Рикор повела плечами.

— Кстати, вы знаете, что у парня в руке кинжал?

— Извините за замечание, однако люди говорят, *иметь кинжал в рукаве.*

— Я не оговорилась. У него хирургически сделанный карман под кожей правого предплечья, где он хранит длинный кинжал — поразительно легкий, из какого-то чрезвычайно твердого металла.

Махони почесал подбородок. Этого он на Вулкане не заметил или не понял, хотя и видел кинжал в руке Стэна.

— Хотите, чтобы мы зашили этот подкожный карман?

— Не надо,— ухмыльнулся Махони.— Если инструкции это запрещают... ну да бог с ними, с инструкциями... Надеюсь, у него хватит ума не пользоваться этой штуковиной без существенного повода. А лишить парня возможности постоять за себя, если припрут к стенке... Словом, что вы думаете?

— Я ничего по этому поводу не думаю. Решайте сами. Вы, я понимаю, хотите, чтобы мы фиксировали изменения в его психике?

— Разумеется. Я знаю, это дело лаборантов, но я бы просил проследить вас лично — вся информация об этом парне должна быть засекречена. Я бы хотел, чтобы никто, кроме вас, с ним не работал.

Особенно пристально поглядев на Махони, Рикор сказала:

— Понимаю, понимаю.

Махони чуть заметно улыбнулся.

— Еще бы вам не понимать! Вы же наш лучший специалист по пониманию.

Глава 18

Киллер был обстоятельным малым, любил во всем аккуратность.

Для себя он отметил: Стэн, Торесен; время... время под вопросом. Торесен, кстати, тоже. Мотивы: личные. Опасность для меня существует. Нет, опасность для меня существенная. Так что за дело лучше не браться, если...

— Ладно, все упирается в сумму,— наконец сказал киллер, взвесив в уме все за и против.

— Мы это уже обговаривали. Вам очень хорошо заплатят.

— Мне всегда платят очень хорошо. Вопрос упирается в то, чтобы я эти деньги получил от вас без приключений. Мне нужны... э-э... гарантии.

— Вы нам не доверяете?

— Нет.

Барон прикрыл глаза и поудобнее развалился в кресле. Он не волновался о сделке. Просто давал отдых глазам.

— Видите ли,— сказал он после паузы, открывая глаза,— ваши проблемы не в том, как безопаснее получить деньги, а в том, что вы уже сейчас знаете столько, что обратной дороги вам нет. Зарубите это себе на носу. Надо мне объяснять дальше или вы уже схватили мою мысль?

Киллер лениво потянулся к столу и взял старинную ручку — в металлическом корпусе.

— Если вам придет в голову хотя бы посмотреть в сторону кнопки тревоги,— прошептал он,— я всажу эту ручку вам прямо в мозги.

Магнат не пошевелился в кресле; самообладанием он, похоже, обделен не был. Затем выдавил подобие улыбки на своих губах:

— Похоже, у вас всегда подготовлен запасной выход?

— Всегда,— ответил киллер.— Теперь еще один момент. После выполнения задания... Мой банк находится в...

Торесен вяло махнул рукой в его сторону:

— Это уже решено. Все подробности отрегулированы заранее.

— Денег недостаточно.

— Для чего?

— Для того, чтобы приступить к работе. Мне необходимо проникнуть в имперскую гвардию. Это означает еще несколько смертей, дополнительно к заказанной.

— Вы собираетесь поступить в гвардию?

— Возможно. А кроме того, проблема с тем человеком, кто рекрутировал Стэна,— оперативником имперской разведки.

— Это агент низшего уровня.

— Вы уверены?

Магнат помедлил с ответом.

— Да.

— Все равно нужно больше денег.

— Утрясем.

— Сроки?

— Да, вот это важно. Исполнение должно быть немедленным.

Киллер поднялся, собираясь уходить.

— В таком случае я не смогу вам помочь. Никто не сможет. Если вы все же захотите попытаться, я назову вам несколько имен. Но

никто из них, даже если и согласится, не компетентен в решении вопроса такой сложности. Предупреждаю вас.

Магнат внимательно поглядел на собеседника.

— Сколько вам понадобится времени?

— Ровно столько, сколько окажется необходимым.

Торесен выскочил из помещения, опередив киллера. Здесь будет удобнее... Дверь в коридор открылась, и оттуда появился дипломированный специалист по пресечению линии жизни. Торесен вежливо подскочил сбоку:

— Минуточку!

Киллер остановился, готовый выслушать.

— Я насчет той ручки. Расскажите, как можно убить человека с ее помощью?

Мастер покачал головой, не желая делиться производственным секретом.

— Нет.

— Я коллекционирую экзотическое оружие. Готов заплатить, сколько скажете.

Киллер назвал цену. Торесен согласился. Пятью минутами позже он уже держал согнутую в локте руку в нужном для правильного удара положении.

Глава 19

Стэн подхватил четыре кружки и отвалился от стойки автомата. Брякнул кружки на стол, осушил одну и облапил другую прежде, чем кто-то из его собутыльников успел это сделать. Реакция не подвела его и тут.

— Ну-таки, что ты шурупишь обо всей этой мазе, долгомученик стажер-капрал Стэн? — задал вопрос на своем немыслимом жаргоне Морг-Хан.

— А что здесь особенного думать! Тут все то же, что и на вонючей гражданке: получил повышение — будь любезен раскошелиться за здоровье друзей, разница лишь, что здесь бабки платят сначала, а не потом.

— Паршивенькая у тебя позиция, солдатик,— произнес Морг-Хан, всосав остатки из кружки.

Стэн, как раз набравший полный рот пива, застыл в задумчивости. Плохая позиция? Вряд ли. Он почти счастлив, несмотря на усилия Ланцотты и компании. Может, он и застрял в гвардии, но лишь на несколько лет. Он постарается сделать все таким образом, чтобы контракт не продлили. К тому же у Стэна появились... пусть не друзья, но, по крайней мере, люди, с кем можно посидеть и потолковать. Конечно, большей частью разговоры велись о том, какую новую гадость придумал поганый Ланцотта, зато Стэн теперь хоть не был

одинок. Местный жаргон, на котором все здесь говорили, не сильно отличался от языка мигров.

Стэн пресек мысли о Бэт и повернулся всем корпусом к Морг-Хану, худому, как щепка, рекруту. Шла последняя неделя физподготовки в мире с утроенной силой тяжести.

— Да, черт возьми, ты прав, положеньице не из лучших. Я не просил их вешать нашивки. Повышенного жалованья мне не дают — наверное, потому, что я, не стесняясь, заявлял повсюду, что они дерьмо, когда выгоняли первых, помнишь?

— А я считаю, что тебе следует радоваться,— мечтательным голосом сказал Бихалстред.— Я, например, горжусь своим положением. Приятно осознавать, сколько людей думает о тебе. Из нас просто хотят воспитать настоящих героических гвардейцев!

Стэн фыркнул. Бихалстред совершенно непроходим в своей простоте, этот крестьянский увалень. Кто сможет потягаться с ним в глупости? Стэн пожал плечами и опрокинул почти полную кружку прямо на колени Бихалстреда. Тот взвизгнул и ухватился обеими руками за ширинку, оттягивая ее:

— Сержантскому составу не разрешено указывать стажерам, что говорить и как себя вести! Или ты не знаешь устава? Желаешь вылететь отсюда?

Стэн поднялся на ноги.

— Ты первый.

— Не-е! Отправляйся без меня. А я потружусь над твоей порцией.

— Кончайте, ребята,— вмешался Морг-Хан.— Пей ту, что купили для Грегора. Похоже, он не появится.

Они осушили кружки, и Стэн с кислой миной вытащил из кармана очередную горсть кредиток.

— Я бабулечки сметаю, а ты за выпивкой слетаешь!

Бихалстред с кружками наперевес направился к автопоилке.

— Как ты сам-то думаешь, зачем они дают нашивки? — спросил Морг-Хан.

Стэн покрутил головой:

— Уверен, что тут не обошлось без упыря Ланцотты. Может, они хотят разделить стажеров по рангу, чтобы легче было отсеивать слабых? Ведь нас только теперь начинают всерьез обучать боевому делу.

— Сортировка? Система работать не будет, как любит говорить один мой дружок с гражданки по имени Гусь. У него плоскостопие, перемежающееся с близорукостью, так компьютерной крысой и остался. Кто-то, бывало, сварганит схему какую-нибудь или приборчик, ходит довольный, хвастается. А Гусь посмотрит, рыжей бороденкой потрясет, гад, очками блеснет и скажет: «Эта штука? Работать не будет!» И все, хоть застрелись, эта злосчастная штуковина, оказывается, действительно не работает. И работать не могла, потому что дураком сделана. Так вот, их сортировка, говорю, работать

не будет. Именем Гуся! — Морг-Хан припечатал пятерню к мокрому столу.

— Так уж и нет? Сколько нас осталось после девяти недель физподготовки, а?

— Тридцать семь. А было сто.

— Тропинка будет очень крутой, так Каррутерс сказала. Они выпускают по десять человек из роты новобранцев. А пока что отчислили лишь сорок процентов. Считать умеешь? А еще она сказала, что здесь каждому определяют его точную дорожку.

— Ну и что? Если захотят, они запустят тебя по любому пути.

— Ага, пошли высокие рассуждения! — Бихалстред вернулся с очередной партией полных кружек.— Валяйте в том же духе, полета не снижать! К нам лорд Грегор собственной персоной.

Грегор протиснулся на свободное место и придвинул к себе пиво.

— Видать, семечки сеял в чей-то округлый тазик? «Наш принц за теплый стан держался и надолго задержался!» — продекламировал Морг-Хан.

— Я был у Ланцотты.

— Почти час? Ого-го! Так ты у нас теперь не девочка!

Грегор угрюмо осклабился:

— У меня на подоле первая кровь уже давно просохла. А вот у Ланцотты скоро одно место точно будет в крови, это я вам обещаю.

Стэн выжидающе молчал.

— Ты сам ходил к нему?

— Только не трепитесь. Ходил и сказал, что посылаю письмо отцу.

— Бьюсь об заклад, это его очень заинтересовало,— торжественно произнес Бихалстред.— Чрезвычайно важно, когда новобранец пишет письма семье.

— Письмо насчет этих вонючих стажерских нашивок,— перекрывая речь Бихалстреда, словно какой-то неизбежный мешающий шум, терпеливо повысил голос Грегор.

Стэн вскинул на него взгляд поверх кружки:

— Считаешь себя неполноценным, раз тебе не пришили какие-то тряпочки?

— Я считаю себя недооцененным! Я заслуживаю их не меньше других, не будем указывать пальцем. Говорят, нашивки дают потенциальным лидерам. А я слабак, что ли?

— Может, они намекают, что тебя пора выгонять? — с ухмылкой предположил Морг-Хан.

— Давай померимся, кого скорее пора выгонять. Выйдем? — наливаясь яростью, произнес Грегор.

— Прекратите, вы оба! — вмешался в назревающую ссору Стэн.— Вы чего это, ребята? Мы здесь так нормально сидим, тихо попиваем пивко. Радуйтесь, что теперь хоть можно выползти из казармы на пару часиков вечером и назюзюкаться.

— Начальство и так устраивает нам достаточно горя, зачем самим искать приключений на собственную задницу, братцы? — рассудительно изрек Бихалстред.

Морг-Хан свирепо сделал огромный глоток — кадык на тощей шее так и заходил у него под воротником — и отправился за следующей порцией пива.

— Я им еще задам перцу,— не унимался Грегор.— Мой отец — влиятельная персона! Мне просто хочется справедливости. Я что скажу, Стэн. Вот тебе дали двойные нашивки. В роте мы с тобой единственные, кто хоть что-то соображает...

— Интересная мысль! — обиженно встрял Бихалстред, оторвавшись от кружки.— Рад, что такие два адмирала соизволили поделиться кружечкой пивка с мелюзгой вроде меня!

— Да я не это имел в виду,— раздраженно отмахнулся Грегор.— Из всех ребят только я и Стэн всерьез понимаем, насколько продвижение по армейской лестнице в будущем зависит от происходящего прямо сейчас, в учебке.

— Армейская лестница? — вступил в разговор Морг-Хан, возвратившись за стол.— Ого! Дела пошли серьезные!

— Дайте же ему договорить, пьяные рожи! — сказал Стэн.

— Короче, я написал отцу, чтобы тот обратился прямо в имперский суд. Пусть проведут расследование. Доколе гвардия должна терять свой лучший потенциал из-за того, что инструкции не позволяют даже вылить мочу из сапога, если это не выгравировано красной краской на каблуке?

— Продолжай, Грегор, я-то тут при чем?

— Я сказал о тебе для примера. Ты только что получил двойные нашивки, и тебе следует быть командиром взвода стажеров, не меньше. Я полагаю, что ты почти такой же хороший солдат, как и я,— если, конечно, не учитывать, что я лучше подготовлен.

— Кхм!

— Поэтому я и упомянул твое имя в письме. Когда отец займется расследованием, это сможет принести тебе пользу.

Стэн открыл было рот, но промолчал. Он решил сначала потратить несколько секунд на то, чтобы отцепить пальцы Морг-Хана от запасной кружки с пивом и высосать ее. Поставив кружку на стол, Стэн заговорил как можно более равнодушным тоном:

— Мне это ни к чему. Благодарю, конечно, а только мне не хочется командовать взводом. Я желаю идти собственной дорогой.

— Но...

— Грегор, это финиш, как ты выражаешься. Конец программы.

Грегор уставился на Стэна, затем пожал плечами:

— Как знаешь... Но ты совершаешь ошибку.

— Это мое дело.

Грегор поднялся на ноги.

— Как бы то ни было, письмо я написал.— И ушел.

— Стажер-капрал Стэн, разрешите обратиться!

Стэн обернулся на голос Бихалстреда, стоявшего в дверях по стойке «смирно», пошатываясь на нетвердых ногах.

— Говорите, стажер Дырявая Башка Бихалстред.

— Запрос информации по оперативной обстановке.

— Вопрос понял, к ответу готов. Отвечаю. Программа первая: кое-кому охота стать стажер-генералом гвардейской мусорной кучи и выслуживаться, выполняя приказы, тридцать годков. Мне лично — нет. Программа вторая: я собираюсь отчаливать отсюда. Халстед сказал, что завтра начнутся настоящие тренировки, и мне не хотелось бы идти на занятия с распухшей головой.

Три кружки взмыли вверх и столкнулись в воздухе, раздался торжественный звон. Так бывает всегда, когда у кружек отлетают ручки.

Глава 20

— Ита-ак,— в голосе Каррутерс сегодня звучали почти человеческие нотки,— перед вами самое совершенное орудие убийства, способное уничтожить любую материю, известную человеку. Инженеры нашей империи хорошо потрудились, чтобы вы не слишком напрягали свои куриные мозги, пользуясь этим оружием. Мне нужен один идиот-доброволец. Это будет — мм... вы.— И Каррутерс махнула рукой Стэну.— Встать.

Стэн вскочил со скамьи, пересек класс, двигаясь по подчеркнуто прямым линиям — только вперед, направо и налево; плечи вздрагивали при каждом ударе кованого ботинка о пол. Он застыл по стойке «смирно» у низкого учебного стенда рядом с Каррутерс. За его спиной простиралась километровая пустошь огневой дистанции с растущими там и сям деревцами и кустиками. Стрельбище окаймляла узкая дорожка.

Каррутерс открыла крышку стенда и извлекла оттуда оружие. Оно имело гладкий черный треугольный приклад; дальше шел толстый перевернутый конус, заканчивающийся семидесятисантиметровым стволом. Каррутерс уважительно погладила оружие по лоснящемуся металлу.

— Вы, может быть, видели такую винтовку или даже держали ее в руках. Это штурмовое ружье типа «Марк-одиннадцать». Мы зовем его «виллиган» — по имени инженера Роберта Вилли, который тысячу лет назад изобрел эту штуковину. Было это на планете Терра — слыхали о такой?

— Ружье сконструировано очень удачно,— продолжала Каррутерс.— Единстве-е-енной проблемой...— (Почему Каррутерс спотыкалась иногда на самых неожиданных словах, никто не знал. Может, это последствия контузии, когда бластер-граната взорвалась у нее в ру-

ке?.. Во всяком случае, от нее можно было вдруг услышать нечто наподобие: «...здесь установлена двадцатизубая т-т-т... шестерня».) Она нажала рычажок на прикладе, и оттуда выскочила длинная трубка.

— Это обойма боекомплекта, здесь содержится антиматерия-два, сокращенно АМ-два, та же, что используется в качестве топлива для космических кораблей. Одна обойма рассчитана на полторы тысячи выстрелов. Стрельба идет миллиметровыми шариками из АМ-два, законсервированными в силовом экране. Этот экран — единственное, что может предохранить антиматерию от взаимодействия с нашим миром и, следовательно, весь магазин от взрыва, а самого стрелка — от великолепной кончины. Мы подсчитали из любопытства, что энергии, запасенной в одном магазине, хватит для запуска корабля-разведчика на самый край нашей планетной системы. Вам не интересно, Бихалстред?

Бихалстред сидел, не отвечая, полуоткрыв рот, с бессмысленно вытаращенными, как у совы днем, глазами. На свое имя он отреагировал, начав ритмично постукивать носком сапога по полу. Слишком ритмично для бодрствующего. И тут Каррутерс выдала «коронку». Все тем же нудным, наводящим сонную скуку голосом она скомандовала:

— Всем, кто не спит, сидеть, остальным,— здесь она заорала во всю глотку,— КУРСАНТАМ ВСТАТЬ!

Бихалстред испуганно вскочил, грохнув о крышку стола коленями.

— Курсант Бихалстред, вам хочется спать? — вкрадчиво молвила Каррутерс.

— Никак нет, капрал! — Бихалстред попытался по-уставному щелкнуть каблуками, но вышло неудачно.

Каррутерс брезгливо поморщилась.

— Хо-о-рошо. Очень хо-о-рошо. И чтобы вам никогда не хотелось спать на моих занятиях, извольте выйти вот сюда и отжаться от пола пятьдесят раз!.. А мы вернемся к предмету. Итак, из ружья можно сделать полторы тысячи выстрелов. По рыночным ценам на антиматерию-два стоимость одного выстрела равна месячному жалованью гвардейца империи. Вы осознаете, насколько добра Родина, щедро дающая вам возможность пострелять? — Каррутерс замолкла, ожидая реакции.

— Так точно, капрал! — раздался нестройный хор.

— И вы счастливы, что будете служить в имперской гвардии?

— Так точно, капрал! — рявкнули тридцать глоток.

— Что-то вы не в форме, пиво вчера слишком холодное, видать, было? — проворчала Каррутерс.— Штурмовая п-п... винтовка типа «Марк-одиннадцать», вот она перед вами. Здесь всего две вещи, которые надо нажимать. Первая — спусковой крючок, вторая — предохранитель и переключатель одиночного и автоматического огня. Его рычаг служит для того, чтобы вы не разнесли в клочья друг друга

или меня, отвернув ружье от мишени в нашу сторону с идиотским вопросом типа «я вот тут жму-жму, а оно не стреляет!», или же не высадили сразу весь магазин, позабыв, что спусковой крючок иногда надо отпускать. Хотя, конечно, известно, что от дурака защиту сделать можно, а от курсанта — нельзя.

Заряд вылетает из ствола по траектории... Вы мне надоели со своими вопросами, курсант Печ!.. Повторяю для непонятливых: по траектории. Но не надо напрягать извилины, прикидывая направление ветра, атмосферное давление и тому подобное — лазер, спрятанный в прикладе, выбросит заряд и обеспечит его подрыв в нужном месте, там, куда вы нацелились. Вы должны лишь поймать цель в перекрестие визира и спустить курок.— Каррутерс немного помолчала. Это называлось «пауза для усвоения материала».— Вот и все особенности виллигана. Задолбите сказанное мной или хотя бы то, что сумели понять, в своих куцых мозгах. Демонстратор!

Стэн взгромоздился на возвышение и взял оружие из рук Каррутерс. С интересом взвесил винтовку на руке. Странно легкая, будто игрушечная! Каррутерс, глядя на него, усмехнулась.

— Не советую дарить такую игрушку младшему братику на день рождения,— сказала она, будто прочла его мысли. Затем раскрыла шкафчик учебного стенда и вытащила оттуда нечто завернутое в пластиковый пакет, спрыгнула с возвышения, где стоял стенд, подошла к низкому столику метрах в десяти от них и раскрыла пакет.

— Здесь находится мясо. Вы в своей рыгаловке — или как там ее, к-к-к... ну, столовой — едите соевые бифштексы? Так вот, мясо имеет примерно такой же вкус. Знающие люди очень его ценят. Гуманоиды состоят в основном из мяса, в меньшей степени — из костей и кожи. К вам, Морг-Хан, это замечание не относится.

Каррутерс положила сочащийся кровью кусок мяса на столик и вернулась к стенду.

— Стажер Стэн, подстрелите мне этот кусок ветчины.

Стэн неловко приставил приклад к плечу, прицелился, нащупал спуск и потянул его. Он тянул изо всей силы, но ничего не произошло.

— В таких случаях может быть полезным сначала снять оружие с предохранителя,— елейным голосом посоветовала Каррутерс.

Стэн щелкнул рычажком, снова прицелился и нажал на спуск. Послышалось легкое потрескивание ионизированного воздуха. От того, что произошло дальше, глаза Стэна вылезли на лоб, а дремавшие на лекции курсанты лишились охоты спать не только днем, но и ночью.

Микроскопический заряд ударил в трехкилограммовый кусок мяса, и тот словно взорвался изнутри. Брызги крови разлетелись на несколько метров в стороны.

— Подойдите поближе к расстрелянному объекту, стажер,— скомандовала Каррутерс.

На столе, увидел Стэн, подойдя, лежали жалкие ошметки. Расширенными глазами он осмотрел забрызганный кровью стол и землю кругом и молча вернулся обратно.

— Наблюдение этого опыта должно навести вас на мысль — а каково будет состояние здоровья владельца и распорядителя мяса, если он окажется на приемном конце нашего канала передачи антиматерии? — поучительно спросила Каррутерс и, педагогически повысив голос, продолжила: — Ответ таков: состояние здоровья приемника антиматерии станет величиной, близкой к нулю. Это значит, что вы стреляете в гуманоида или во что-нибудь родственное ему и оно умирает. Если в объекте образуется дыра недостаточная, чтобы в нее пролез кулак, наступает шок. Это в большинстве случаев тоже смертельно.

Каррутерс сделала паузу. Она ждала, пока сказанное ею осядет в мозгах слушателей. В классе было тихо, только сопел Бихалстред, извиваясь на полу. Ему осталось отжаться пятнадцать раз.

— Ну, хватит переваривать мои слова, как червяки навоз! И так топчемся на месте слишком долго. Довольно переглядываться с побледневшими физиономиями. Разбиваемся на роты и немного постреляем.

Каррутерс подождала, пока рекруты построятся в шеренгу, и добавила дружелюбным тоном:

— Мы пока что выгнали лишь тридцать процентов вашего набора — они вернулись в свои родные кучи дерьма, к папочке и мамочке. Сегодня мы отсечем еще некоторое количество мертвой ткани с нашего цветущего органа. Я имею в виду гвардейскую школу.— Не на шутку подбодрив новобранцев таким вступлением, она продолжила: — Дети, тому, кто не может стрелять, никогда не стать настоящим солдатом. Армия, бойцы которой боятся выпустить заряд по врагу, не продержалась бы и года. Вот почему мы заботимся о чистоте рядов нашей гвардии. Она существует уже тысячу лет, и мы, инструкторы, не намерены подрывать ее долголетие.— Каррутерс перевела дух после длинной тирады.— Сейчас у вас будет зачет по стрельбе,— перешла она к главному.— Если покажете очень хорошие результаты, последует вознаграждение — повышенная оплата и улучшенное обучение. Необходимо постараться. Сдавший зачет с хорошей оценкой попадает в пехотное формирование, сдавший удовлетворительно — в дежурный батальон. На вашем месте я постаралась бы попасть в первое место — не так часто придется чистить парашу. А теперь начинаем упражнение. На огневую позицию выдвигаемся по одному. Выполнение — на бегу. Пошел!

С десяток рекрутов, несмотря на все усилия Каррутерс — их разве что не били шомполами по заднице,— провалились. Назавтра матрацы их коек были уже скатаны.

Стэн не понимал, какие могут быть трудности со стрельбой. Все так просто: нацелься как следует и ты попал. Каррутерс сказала прав-

ду. По окончании стрелкового «ликбеза» Стэн получил направление на курсы снайперов. Это принесло ему дополнительную десятку в месяц, первую ленточку на рукаве и усиленные тренировки.

Как-то на занятии Каррутерс подошла к нему сзади, когда он был на огневой позиции.

— Поймал цель?

Стэн прицелился.

— Так точно, капрал.

Каррутерс тронула кнопку управления мишенями. Цель, которую выбрал Стэн, вдруг убежала в сторону и спряталась за каменной стенкой, выросшей на удалении в сотню метров.

— Отлично. А теперь сфокусируй зрение на стене. Перекрестье прицела стало расплывчатым, верно? Нащупай регулировочное колесико на корпусе прицела и вращай его, пока перекрестье не станет резким. Сделал? Теперь воспользуйся второй регулировкой — снизу прицела — и вращай колесико, пока перекрестье не окажется там, где, по твоему мнению, должна быть цель, хоть ты ее и не видишь. Готово? Дай одиночный выстрел.

Стэн нажал на спуск.

Снайперская винтовка сорокового века, которую держал сейчас в руках Стэн, была довольно просто устроена. Зарядом служил тот же самый кусочек антиматерии, однако выбрасывался он из ствола не давлением лазерного светового пучка, а с помощью линейного ускорителя, несколько неуклюжая катушка которого была намотана вдоль всего дула оружия. Если цель была скрыта препятствием, заряд долетал до него и поворачивал за угол, настигая жертву. Следовало только правильно целиться.

До Стэна донесся грохот взрыва, и каменная преграда рассыпалась.

— В яблочко.— Каррутерс хлопнула его по спине.— Так держать, солдат!

Сам не зная почему, Стэн обрадовался похвале.

Стэн свалил мусорный бак на кучу и перевернул вверх дном. Постучал. Перевернул обратно, посмотрел, остались ли объедки. Нет, пусто. Он сунул в бак шланг и включил воду. Затем грохнул баком пару раз о цемент площадки и поволок обратно в столовую.

Основную черную работу в гвардейском хозяйстве выполняли люди с гражданки и дневальные дежурного батальона. Но самую грязную начальство специально берегло для наказания провинившихся. Однако это не особо трогало Стэна; куда им до ночной смены на Вулкане! К тому же он не видел никакой возможности увильнуть и потому относился к проблеме со смирением. А сейчас Стэн вообще наслаждался, сидя на куче песка и наблюдая, как Халстед раболепно мнется перед разглагольствующим Ланцоттой.

— Мы тут не техперсонал сопливый воспитываем! — гремел Ланцотта.— Сколько раз я уже говорил об этом. Мы тут воспитываем беспощадных убийц, киллеров! Нам нужны люди, которые хотят увидеть, как у их противников лопаются глаза в глазницах! Которые, перегрызая неприятелю глотку, упиваются музыкой особого сорта — хрустом адамова яблока врага на своих зубах!

Лица большинства стоящих рядом новобранцев выражали ужас, смешанный с брезгливостью. Стэн хотел сглотнуть слюну, но испугался, что его сейчас вырвет, и плюнул на песок. Все, вздрогнув, обернулись на звук плевка, прозвучавшего громко, словно выстрел, и уставились на темное пятно с каемкой белой пены, расплывающееся в желтой пыли.

Снова послышался голос Ланцотты:

— Нам нужен доброволец для демонстрации.

Наступила мертвая тишина. Каждый боялся, что добровольцем заставят быть именно его, и пытался сжаться до размеров булавочной головки. И тут кто-то произнес:

— Капрал Стэн.

Стэн подумал, что это, наверное, Грегор решил подгадить, но отбросил шальную мысль. Сейчас ему больше всего хотелось стать невидимым или, на худой конец, обратиться в шланг, из которого моют мусорные бачки. Увы, Ланцотта расслышал.

— Который тут Стэн? Встать.

Стэн хрюкнул, поднялся с кучи и вышел вперед:

— Ну, я.

Перед Стэном вырос Халстед, сделав одно-два неуловимо быстрых движения.

— Стажер-капрал Стэн! Этот человек — опасный враг. Ваша задача — приблизиться и вывести его из строя.

Стэн встал враскорячку и иноходью, по-крабьи, как он это видел в фильмах про боевые искусства, стал приближаться к «врагу». Поставив руки, как он надеялся, в наступательную позицию (со стороны, правда, это выглядело как попытка оскорбить противника, посылая его жестами обеих рук в известные места), он подпрыгнул в воздух. Перекувырнувшись на лету, отскочил назад, лишь только ноги коснулись земли. Послышался странный хруст. Стэн бросил взгляд вниз — он стоял на куче объедков. Слава богу, что это не его косточки хрустели! Что же делать дальше?..

Над ухом раздался свистящий шепот Ланцотты:

— Не увиливайте, стажер-капрал, вы слишком хорошо умеете прикидываться шлангом. Я хочу, чтобы сейчас вы отошли обратно, не выпендриваясь перед однокурсниками, и атаковали капрала Халстеда.

Стэн не шевелился.

— Вместо этого вы, конечно, можете выбрать трехдневную работу по уборке мусора.

Стэн перевел дух и заставил себя шагнуть вперед. Халстед, тут же вступив в бой, своими клешнями впился в его руки, «выключив» их болезненным захватом. Бедняга Стэн вскрикнул и взлетел над землей, высоко задрав ноги, подкошенный бедром Халстеда.

Халстед обрушился сверху. Стэн вцепился в него, пытаясь использовать инерцию тела, чтобы вывернуться, но Халстед ускользнул, и рука Стэна соскочила, оказавшись прижатой мощным брюхом противника к земле. Халстед упруго выпрямился, дав Стэну прийти в себя после совершенного им суборбитального полета, затем отпрыгнул назад, и Стэн получил напоследок пару чувствительных ударов кованого ботинка по ребрам.

Халстед прекратил экзекуцию. Стэн открыл зажмуренные глаза и перевернулся на четвереньки, как лягушка. Курсанты, сбившись в кучку, испуганно молчали. Стэн увидел Ланцотту — тот со скрытым вздохом разочарования подергивал себя за большой палец.

— Пищевой! Этот стажер на три дня в вашем распоряжении.

Стэн подобрал с земли пилотку и поплелся к столовой. Вот так. К помойке, если подчинился приказу, к помойке — если нет.

Он зацепил второй мусорный бачок и потащил оба на кухню.

Пищевой, сержант по званию, ухмыльнулся, когда Стэн шел через зал столовой:

— Рад, что завтра возвращаешься к тренировкам?

Стэн отрицательно покачал головой:

— Нет.

— Тебе здесь больше нравится, что ли?

— Тоже нет.

— Так в чем же дело, малый?

— Завтра начинаются тренировки с холодным оружием.

— Ну и что?

А действительно, что с того? Стэн вдруг рассмеялся, волоча бачки на место. Что с того? Все равно это лучше, чем жизнь на Вулкане.

Даже Стэна затошнило, пока медик ловко обрабатывал зияющие раны на теле, изрешеченном шрапнелью; кровь лилась ручьями.

— Процедура не изменилась за тысячи лет,— объяснял мединструктор.— Прежде всего надо восстановить дыхание у раненого, затем прекратите кровотечение. После этого можно приступать к снятию шока.— Он закончил операцию, прикрыл тело искусственного гуманоида, служившее в качестве тренажера, покрывалом и выпрямился, оглядев класс.— Затем вы изо всех сил орете, вызывая медпомощь. Предполагается, что не каждая сволочь решит, что вы самая важная цель для поражения, и что нас, медвзвод, еще не всех поубивали.

— А потом? — задал вопрос Печ, толстый новобранец.

— При отсутствии квалифицированной помощи воспользуйтесь индивидуальной аптечкой. Когда кровотечение остановлено и внутренности более-менее собраны вместе, антисептическая повязка предохранит вашего товарища от попадания в организм разной нечисти.— Инструктор хохотнул.— Если, конечно, вы не оказались на планете, где водятся жуки, питающиеся бинтами и лекарствами. Но как бы то ни было, будет лучше, если вы оставите нам прилично выглядящее тело.— Медик посмотрел на пухлые формы съежившегося Печа.— В вашем случае, молодой человек, это может оказаться нелегко сделать.

Новобранцы захихикали. Медик был первым инструктором, который обращался к ним как к существам одушевленным.

Мединструктор открыл большой ящик и с помощью Стэна извлек оттуда еще один манекен, облаченный в боевой скафандр.

— Если раненый в боевом обмундировании, ситуация меняется. Индивидуальная аптечка закреплена внутри скафандра и должна срабатывать автоматически. Иногда так действительно и происходит.— Он снова хохотнул.— Если скафандр продырявлен, все, что вы можете сделать,— загерметизировать его и доставить раненого в госпиталь. После прохождения спецподготовки вы, будем надеяться, сможете более успешно помочь пострадавшему. А теперь мне нужен какой-нибудь тюфяк. Я имею в виду добровольца.— Мединструктор пошарил взглядом по аудитории и остановил выбор на Пече: — Прошу вас подойти сюда.

Печ промаршировал к стенду — жирные щеки сотрясались при каждом шаге — и встал по стойке «смирно».

— Вольно, вольно, зачем так напрягаться? Вы меня нервируете. Ну вот, о'кей. Представьте, что эта кукла — ваш лучший друг. Вы вместе проходили подготовку в нашей школе. За вами гонятся...— он задумался, желая представить ситуацию поживописнее,— ...ну, скажем, амебоиды. Все амебоиды мира! Вашему другу только что оторвало руку. Ваши действия?

Мединструктор отступил на шаг назад, оставив на сцене Печа наедине с манекеном. Печ нервно топтался вокруг тела в скафандре.

— Ну же, солдат! Ваш лучший друг истекает кровью. Поживее!

Нерешительный Печ хотел было шагнуть к лежащей кукле, как вдруг из ее руки фонтаном хлынула кровь, крупными пятнами испачкав и толстяка, и все вокруг,— это инструктор нажал кнопку маленького пульта, который он прятал в руке. Печ словно примерз к полу.

— Ну же, ну, парень! Скоро будет поздно! Шевелись!

Печ подошел к «раненому», нащупывая аптечку у себя на поясе. Фонтанчик «крови» ударил ему прямо в лицо. Печ расстегнул аптечку и вытащил оттуда кровоостанавливающий жгут.

— Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь... Все, солдат, можешь забыть о своем друге.

Печ, похоже, не слышал, что ему говорили; он боролся со жгутом, как античный Лаокоон с удавом, пытаясь поставить его на нужное место. Наконец поток крови прекратился.

— Вы ставили жгут трупу,— жестко сказал инструктор.— Ваш друг уже мертв. Он умер у вас на руках.

Печ, потерявший дар речи, медленно выпрямился и, весь в поту, тяжело дыша, водил вокруг глазами с видом человека, не понимающего, где находится.

Медик строго взглянул на каждого из стажеров. Убедившись, что всех проняло, он повернулся к медленно приходящему в себя Печу:

— Та кровь, что испачкала вам лицо и одежду, будет лежать несмываемым пятном в течение двух дней и, может быть, заставит задуматься о том, как бы вы себя чувствовали, если на месте куклы действительно находился ваш однополчанин.

Печ так и не смог оправиться от потрясения. Неделю-другую спустя, после еще нескольких оплошностей, он исчез из казармы. Отсеялся.

Стэн, яростно моргая, пытался сфокусировать расплывающийся перед глазами мир. Он и еще пятеро новобранцев оглушенно смотрели друг на друга. Халстед поднял темное забрало своего защитного шлема.

— Сколько времени вы были в отключке?

Стэн двинул плечом:

— Наверное, секунду или две, так, капрал?

Капрал сунул ему под нос циферблат. Прошло два часа!

Халстед отстегнул еще одну маленькую бластер-гранату от пояса и покатал ее на ладони:

— Мгновенная потеря ориентации во времени. Я применяю эту штуку, и вы не помните, что произошло, уверены, что все в порядке... Лучшее средство для скрытного просачивания на охраняемую территорию. А теперь рота отправляется на тренировку на батуте. О приходе доложите капралу Каррутерс. Берегите ребра! Для меня,— хохотнул он.

Стэн отсалютовал, и новобранцы выбежали, грохоча сапогами по настилу.

Стэн никак не мог выбросить этого человека из памяти. Вроде бы ничего особенного не приключилось, и все же почему-то время от времени образ офицера вставал перед его глазами.

В тот день Стэн дежурил по роте. Курсанты были на занятиях, и он вздремнул, сидя на тумбочке у входа в казарму.

Он не услышал, как распахнулась дверь.

— Гвардеец, вы здесь один?

Стэн подскочил от неожиданности и чуть не загремел кубарем на пол, забыв, на чем сидит. Офицер, разбудивший его, был высок и статен. Стэн, моргая, уставился на его униформу, которая, как шкура камбалы, изменчиво играла светотенью; сейчас она повторяла рисунок стены за спиной офицера. На голове незнакомца лихо сидел надетый набекрень мягкий головной убор — впоследствии Стэн узнал, что он называется «берет», на котором блестела эмблема — крылатый кинжал. Единственными знаками различия были капитанские звездочки на одном плече и черный силуэт какого-то насекомого, вышитый на другом.

Стэн даже заикаться начал, такое сильное впечатление произвел на него необычно одетый офицер, взявшийся неизвестно откуда, словно возникнув из пустоты.

— Э-э-э... Да, сэр, они... они... все на занятиях, сэр!

Офицер вручил Стэну запечатанный пакет:

— Для сержанта Ланцотты. Лично. Проследите, чтобы письмо попало прямо ему в руки.

— Так точно, сэр.

Офицер повернулся и ушел. Где-то через неделю Стэну представился удобный случай расспросить Каррутерс, кто это был. Когда Стэн описал форму офицера, Каррутерс присвистнула:

— Подразделение богомолов!

Стэн посмотрел на нее непонимающим взглядом.

— Значит, ты ничего не слыхал о подразделении богомолов?

Стэн покрутил головой, чувствуя себя первым в мире идиотом.

— Это самый мрачный отдел имперских вооруженных сил. Подлинная элита. Они работают в одиночку — гуманоиды, негуманоиды... Империя забирает лучших из гвардии, и они исчезают в недрах спецотряда «Меркурий» — в разведке.

Стэн вспомнил о Махони и кивнул.

— Сотрудники подразделения богомолов носят эту затейливую форму, когда хотят, чтобы их видели другие люди. А обычно их вообще никто не видит, и лучше бы с ними никогда не встречаться.

— Почему?

— Если ты увидел одного из этих парней в поле, знай, что сейчас будут крупные неприятности, причем, весьма вероятно, у тебя. Каждый из них держит на прицеле две-три тысячи жертв.— Каррутерс помолчала, затем скупо улыбнулась.— Очень сильные бойцы. Вспоминаю один случай на Альтаире-пять. Наш полк высадился с миротворческой миссией, и так вышло, что мы оказались в окружении, словно крысы в западне. Мы взывали о помощи на всех волнах и старались удержать плацдарм. Но, судя по всему, ближайшим значительным событием должна была стать наша гибель.

Каррутерс рассмеялась. Стэн сообразил, что она, видимо, пошутила, и засмеялся вслед.

— И вот, в один вечер на командном пункте вдруг появилась женщина из подразделения богомолов — проникла сквозь вражеские кордоны, сквозь наши пикеты, просочилась незамеченной через вспомогательные линии обороны. Мы узнали о ее появлении, лишь когда она пришла в командный блиндаж и потребовала себе ужин. Поев, она раздала нам запасные обоймы к оружию и бластер-гранаты, а затем снова исчезла. Я не знаю, что она делала и как она сделала это, но через двенадцать часов местного времени появились имперские штурмовики и помогли нам высвободить хвосты, казалось бы совсем безнадежно прижатые.— Каррутерс суровым взглядом уперлась в лицо Стэна, и это было много лучше, чем ее улыбка; улыбающаяся Каррутерс — такое зрелище он не хотел бы видеть слишком часто.

— Но обычно они заняты другим. Если ты увидишь кого-то из них еще раз, солдат, скорее заползай под любую корягу. Потому что, и это верно так же, как то, что вместо головы у тебя между ушей растет задница, сейчас должно произойти что-то очень скверное, о чем не говорят. Запомни это хорошенько, слышишь?

— Вы узнаете о боевом скафандре все. Абсолютно все,— многозначительно произнес Ланцотта.— Очень возможно, кто-то из вас и погибнет в нем. И вы узнаете, так же как узнал и я, что скафандр может убить быстрее, чем враг, и делает это чаще.

«Теперь можно и вздремнуть». Эта мысль читалась в глазах каждого из слушателей. Курсанты уже вычислили манеру Ланцотты вести занятие. Все его маленькие лекции строились одинаково: вначале введение, затем — любимый Ланцоттой исторический экскурс, самое время поспать. В конце урока шли действительно нужные сведения, вот тогда и открывались глаза и навострялись уши.

— Читать лекции по боевым скафандрам — мое кредо! — провозгласил Ланцотта, задумался и несколько неуверенно поправился: — Точнее, алиби...

— Хобби, господин сержант! — раздалось из угла.

Класс захихикал.

— Правильно, хобби. Молодец! Кто сказал? День исправительных работ за нарушение дисциплины на занятии. А почему? Я про хобби спрашиваю. Потому что я лично знаком с этими штуками. И потому еще, что эти штуковины — область вооружений, в которой наши ненаглядные инженеры достигли абсолютных вершин абсурда.

Ланцотта щелкнул пальцами. Курсанты встрепенулись и тут же снова вернулись в мир бессознательного. Оказалось, Ланцотта подал таким способом Халстеду команду выставить наглядные пособия; тот подошел к терминалу и ткнул мясистым пальцем в несколько клавиш. Раздались грохот и лязганье, и проснувшиеся новобранцы увидели немного фантастическую картину — из пола, подобно мертвецам, восстающим из могил, длинной вереницей один за другим вздымались скафандры.

Стэн разглядывал их, не в силах скрыть интерес. Многие скафандры, как он понял, уже побывали в бою. Огромные скафандры тяжелой защиты лишь отдаленно повторяли формы гуманоидов. Бросалось в глаза резкое отличие скафандров по величине. В начале строя этих, прямо скажем, довольно безобразных конструкций стояли небольшие модели, хлипкие на вид. Чем дальше, тем они становились крупнее и сложнее по устройству, а к концу вдруг снова уменьшались, хотя выглядели более прочными, чем первые.

Ланцотта прошелся вдоль ряда блестящих уродов, остановился подле самого огромного.

— Конструируя этого красавчика, техники превзошли сами себя. Просто из кожи вон вылезли, чтобы нам туда было сподручнее влезть. Скафандр чрезвычайно удобен, очень просто устроен, и пользование им на удивление понятно — для всех, кроме того, кому в нем воевать. Конечно, какую-то логику в этом найти можно — сначала изобретались все более и более пробивные пули, а затем — соответствующие им пуленепробиваемые жилеты, пока наконец не появился этот.— Ланцотта оглядел ряды клюющих носами страдальцев, похоже надеясь, что кто-то задаст вопрос, услыхав архаические названия. Но дураков не нашлось. Все знали, чем это обычно заканчивается. Обычно — это когда они сидят лишний час в мучительной дреме, а Ланцотта скачет на своем историческом коньке.

Ладно, сегодня я не стану рассказывать вам, что такое пуля и какие они были. Упомяну только, что хорошая пуля — например, со смещенным центром, способна провертеть в теле дырку не хуже доброго лома. И вообще она в некоторых смыслах лучше современного оружия, работает чище.— По садистской ухмылке Ланцотты Стэн догадался, что значит «чище».

Чем мощнее становилось оружие, тем крепче становилась и броня. И вот появился на свет этот скафандр, который защищал от всего. Лазеры, ядерное поражение, нульбомбы — вам хоть бы хны, надень вы такой костюмчик. Вы становились практически неуязвимы.

До Стэна, кажется, начало доходить, в чем заключается ошибка создателей блестящей громады.

— Лет пятьдесят назад я имел удовольствие испытать достоинства этого скафандра в боевой обстановке. Я и еще две тысячи моих товарищей.— Ланцотта засмеялся.

Аудитория напряглась — никто не мог понять, смеяться ли ему тоже или нет. Похоже, Ланцотта считал, что сказал нечто очень забавное. Но Каррутерс и Халстед стояли с каменными лицами, они явно не считали его слова смешными. Наконец Ланцотта прервал судорожные потуги слушателей, продолжив:

— Мы получили приказ подавить восстание на богом забытой планете Морос. Войска были вооружены по последнему слову, включая и новейшие боевые доспехи.

Стэн внимательно рассматривал чудовище. Этот самый крупный из стоящих здесь защитных скафандров имел ноги, а не гусеницы.

Повсюду внутри торчали какие-то радиодетали, провода, кнопки, экраны кругового обзора, виднелись многочисленные кармашки и ящички. Похоже, весил он не меньше тонны и требовал, чтобы внутри сидел целый полк техников, управляющих его механизмами.

— Я по-доброму люблю этот скафандр, но в основном — спереди,— сказал Ланцотта и строго оглянулся на слушателей, готовый сурово пресечь любое извращение его слов.— Он может все. Топливом служит антиматерия-два, двигателями — псевдомускулы. Человек в нем равен тридцати обычным солдатам по силе. Небольшая группа, облаченная в эти доспехи, может пройти сквозь любой заградительный огонь противника. Скафандр защищает практически от всего; внутри него можно жить месяцами без заправки.— Ланцотта восхищенно потряс головой, заходя то с правой, то с левой стороны монстра.— Конечно, никто и не подумал рассказать нам, хотя бы кратко, о жителях Мороса. К чему? Мы такие смелые и свирепые воины, а они даже не достигли среднемирового уровня техники, так что тут задумываться? Вперед!

Когда мы высадились, они убежали в джунгли и спрятались там. Мы двигались вперед, осыпаемые градом копий и стрелок из духовых трубочек, и на своем пути жгли их деревни. И вдруг однажды они устали бегать от нас.

Ланцотта захохотал снова, но Стэн и остальные были увлечены рассказом и не заметили этого.

— Они открыли для себя вот что: да, мы большие, сильные солдаты с огневой мощью танка. Но мы неманевренны и далеко оторвались от базы. И вот они придумали очень простой трюк: нарыли ям и замаскировали их. Ясное дело, многие наши свалились туда и запутались в сетях, которые на нас набрасывали дикари.— Ланцотта больше не смеялся.— Пока мы возились с этими сетями, они подбегали к яме и всаживали длинное копье в отверстие для вывода экскрементов. Они поражали нас, космических рыцарей, прямо в задний проход! Знаете, что случается, когда разрушается канализационная труба? Или когда в выгребную яму бросают пачку дрожжей в зной? Дерьмо идет наверх, вот что происходит! Раны нарывали так, что автоматическая аптечка просто не справлялась. Многие из нас сгнили заживо в вонючих скафандрах.

Ланцотта задумчиво покивал головой.

— Мы тогда потеряли до двух третей личного состава. И еще больше при повторной высадке. В итоге пришлось уничтожить планету — распылить ее и смотреть издали на зарево, которым пылал Морос, ставший зловонной могилой для многих наших товарищей... Уничтожение планет не считается хорошим тоном в дипломатических кругах. Император был очень расстроен.

Закончив рассказ, Ланцотта мрачно усмехнулся.

Стэн маялся в кабинете Ланцотты, не зная, куда деваться.

— Это ужасный грех и мерзость перед глазами Господними,— горячился Смазерс.— Я считаю своей обязанностью доложить об их поведении.

Ланцотта вперился в него злым взглядом, затем посмотрел на двоих новобранцев, стоящих по стойке «смирно». Стэна он как бы вовсе не замечал.

— Колрас, Нарак! Это правда?

— Да, господин сержант.

Ланцотта вздохнул и повернулся к Смазерсу:

— Смазерс, я хочу сказать вам кое-что удивительное. Гвардейцу не должно быть никакого дела до того, чем занимаются люди не при исполнении своих обязанностей до тех пор, пока они не окажутся отсутствующими на утренней поверке.

— Но...

— Но вы — выходец из мира, основанного Плимутом Бретреном. Прекрасно. Его стараниями воспитано немало замечательных людей. Однако все они знают, что их убеждения касаются только их самих и никого больше. И потом, с каких пор вы решили, что можете вмешиваться в дела своего сержанта?

Смазерс уперся взглядом в пол.

— Виноват.

— Ваше извинение принято. Но скажите, вы когда-нибудь ложились в постель с любимым мужчиной?

Смазерс с ужасом посмотрел на него:

— Господи, конечно нет!

— А если вы ничего не знаете об этой стороне человеческой культуры, то не считаете ли, что кое-что упустили? — спросил Ланцотта.

Смазерс молча выпучил глаза.

— В любом случае,— желчно продолжал Ланцотта,— вы слишком сильно заботитесь о том, что вас не касается. И раз уж вы так любите ковыряться в грязи, я думаю, мы нашли примерного добровольца почистить отхожие места. Принимаю вас на эту должность.

— Вы не собираетесь решить это дело как...

— Не собираюсь. А теперь идите!

Смазерс направился к туалету. Ланцотта повернулся к Колрасу и Нараку:

— Хотя гвардия и не вмешивается в то, чем вы занимаетесь друг с другом, мы должны уважать верования остальных солдат. Меня очень огорчает, что вы не заботитесь о выборе уединенного места для своих развлечений, а нарушаете сон и покой товарищей по казарме. Идите и составьте ему компанию.

Двое с пристыженными физиономиями медленно поплелись к унитазам. Только теперь Ланцотта будто бы вспомнил про Стэна:

— Новобранец капрал Стэн!

— Я, сержант.

— Почему вы не разобрались с этим делом сами?

— Я хотел, сержант. Смазерс настоял на том, чтобы обратиться к вам.

— Это его право. Особенно если бестолочь капрал оказался неспособен уладить ерундовое казарменное происшествие.

— Так точно, сержант.

— Во-первых, снимите нашивки.

— Есть, сержант.

— Во-вторых, присоединяйтесь к тем троим у параши.

— Есть, сержант.

— Вы разжалованы в рядовые.

Стэн шел к строю загаженных унитазов и думал, что в следующий раз он оставит каждому его долю неприятностей и лишь слезливому Смазерсу — вдвое больше.

Глава 21

«Слава богу, я пока что не выставил наружу свою мигровскую задницу». Сидя на корточках, Стэн поднял электрод восстановителя защиты, прикоснулся им к последней необработанной железке боевого пояса и наконец, завершив уход за оружием, поднял взгляд. Вверху было нечто!.. А точнее, ноги Томики, стоявшей над ним с вещмешком в руке.

Томика, так считал Стэн и много лет спустя, была самым приятным воспоминанием о гвардейской школе. И потому он старался, просто из кожи вон лез.

— Кто с тобой в паре, Стэн?

— Моя левая рука.

Она швырнула свои вещички на койку рядом и начала взбивать подушку. У Стэна отвалилась челюсть.

— Ты что, Томика? Я просто так вчера сказал, а...

— Там только мои трусики, не дрейфь.

Стэн вдруг подумал, что это не имеет большого значения и вдобавок довольно забавно, но тут же оборвал смех, бросив взгляд на Грегора.

— Теперь ты понимаешь, что я имел в виду? — сказал тот.— Видишь, как ты был не прав.

— Я всегда не прав, Грегор. Что на этот раз?

— Они творят произвол. Не дают мне звание, которого я заслуживаю. А теперь тебя ломают. Ты хоть это понимаешь?

— Не-а. Насколько я понимаю, я сам вляпался, но пройдет время, и я снова продвинусь.

— Я говорю о том, что творится прямо сейчас! Неужели ты не хочешь справедливости?

Стэн подумал, что Грегор очень уж резок.

— Тормози, парень. Это не сработает, как говаривал один Гусь Репчатый.

— Отец учил меня, что дело, не дающее стимулов к дальнейшему продвижению,— дохлое. Так вот, гвардия и есть натуральная дохлятина. Им нужно просто пушечное мясо. Всех, кого не заворожила идея героя-добровольца, посылают чистить дерьмо. А если они ошиблись в оценке человека, как это произошло с тобой, то спешат утопить его в этом дерьме, лишь только обнаруживают свой промах.

— Похоже, ты действительно так думаешь, Грегор,— сказала Томика.

— Но я выпрямлю ножки букве «А»! — горячо произнес Грегор.— Я написал отцу еще одно письмо. Пусть видит, как развивается дело.

Стэн так и сел:

— Ты обо мне написал?

— Нет. Только потому, что ты так захотел. Но ты пожалеешь об этом, вот увидишь.— Грегор усмехнулся и направился к своей койке.— Эй, бывший стажер-капрал Стэн! Значит, твой счет теперь — два нуля? С запахом?

Стэн не ответил, слушая безрадостный смех Грегора, когда тот забирался на нары.

— И что же случится, если я это сделаю? — Томика захихикала.

Стэн резко сел на койке и прикрыл ей рот рукой. Движение. Сдавленный смешок. Томика поднялась и, обхватив Стэна, повалила его обратно на подушку.

— Нет, Стэн,— выдохнула она.— Не торопись.

Стэн ждал — бесконечный ряд ударов сердца. И вдруг в казарме раздался шум. Кто-то зажег свет. Стэн высунул голову в проход. Около койки Грегора что-то происходило.

Стэн скатился с нар, инстинктивно занял боевую стойку, но тут же упал обратно на кровать, без сил от смеха.

Грегор вскрикнул еще громче и забился на койке как припадочный. Около его нар столпились новобранцы — у парня проблемы!

— Прямо Большой Паук с Одала,— раздался издевательски тихий голос.— Ты в беде, приятель.

Грегор и впрямь был в беде. Кто-то, видать, умыкнул в медкабинете баллон с самотвердеющей массой и, пока Грегор спал, соорудил настоящую паутину, вытянув из баллона клейкую нить и прилепив ее повсюду — к койке, от койки к шкафчику, от того — к сапогам, оттуда — снова к койке, опять к шкафчику и так далее. Не последней по значению опорой для сети, построенной Большим Пауком, служил нос Грегора.

Необычайно липкая и прочная нить, в которую превратились «сопли» вытащенной из баллона массы, прошедшей строгий контроль

военной приемки на клейкость и сопротивление разрыву, оплетала Грегора. И чем больше бился на койке Грегор, пытаясь освободиться, тем плотнее запутывался в липучей паутине. Сейчас он уже почти совсем замотался в кокон, подобно гусенице шелкопряда, и, не в силах больше бороться, взвыл.

Стэн посмотрел на Томику:

— Интересно, кто это так невзлюбил Грегора?

Она равнодушно шевельнула плечом.

— Да кто угодно. Чуть ли не все.— Хихикнула: — Видно, решили воспитать из Грегора хорошего воина, способного выпутаться раньше, чем ему воткнут перо в вентиляционное отверстие задницы.

— Ставлю три против одного, этим его не исправишь. Что бы с ним ни делали, все равно...

— Веселимся, ребятки?!

Новобранцы обернулись и оцепенели, узнав знакомый голос с педагогическими интонациями. Каррутерс говорила шепотом, но он показался всем громче свиста пролетающего истребителя.

— Почему не все стоят по стойке «смирно»?

Кто-то крикнул: «Всем встать! Смирно!» Каррутерс прошла к койке Грегора, раздвигая сгрудившихся новобранцев, и, оценив ситуацию, задумчиво хмыкнула:

— Гигантский паук с Одала. У нас есть крысы, вши, но пауков мы вроде бы вывели всех, еще во времена прошлого набора...— Она повернулась лицом к новобранцам: — Морг-Хан! Быстро вниз и принесите таз с растворителем. Не перепутайте, там есть отвердитель!

Дверь за Морг-Ханом захлопнулась раньше, чем Каррутерс успела договорить.

— Гигантские пауки, хммм... Это серьезно.— Шепот, переходящий в громогласный вопрос-приказ: — Рекрут Стэн, какую форму носят сегодня бойцы с пауками?

— Э-э... Не знаю, капрал...

Каррутерс, недовольно стуча каблуками армейских ботинок, прошлась туда и сюда между расступающимися перед ней новобранцами.

— Вы бывший служащий сержантского состава и должны это знать! Стажер Томика, расскажете ему.— Остановившись у двери, Каррутерс приказала: — Всем через пять минут быть в полной боевой форме охотников за пауками. Приготовьтесь провести остаток ночи в поисках гигантских пауков. По моей оценке, их должно быть не меньше пяти.

Дверь хлопнула. Новобранцы растерянно глядели друг на друга. Вдруг дверь распахнулась снова:

— Каждый одетый не по форме попадает на два дня мыть котлы. Это все, ребятки. Время к-к-к... пошло!

Когда Бихалстред переехал Халстеда боевой машиной пехоты, Стэн знал, что Бихалстред был абсолютно прав. И крестьянская тупость тут ни при чем. Зато ни одна душа не заподозрит его в преднамеренном нанесении увечий старшему по званию. Несчастный случай, и ничего больше.

Дело обстояло так.

— Перед вами,— разглагольствовал Халстед,— еще одна вещь, которую инженеры империи постарались сделать понятной даже таким тупицам с мозгами личинки, как вы. Лишь один указатель, он сигнализирует о количестве оставшейся энергии. Перекинете этот тумблер — машина заведется. Рычагом регулируете высоту парения — от одного метра и выше; доплеровский радар не даст вам нечаянно покинуть планету. Толкнете рычаг — машина двинется. Чем дальше вперед рычаг, тем быстрее, максимально две сотни километров в час. Рычаг в сторону — машина повернет. Есть доброволец покататься?

Халстед обшаривал стажеров взглядом, пока не увидел Бихалстреда, старавшегося стать невидимым.

— Бихалстред,— нежно позвал он.— Иди сюда, мой мальчик!

Бихалстред вытянулся в струнку перед капралом.

— Наверное, никогда машину не водил, а?

— Никак нет, капрал!

— А почему «никак нет», сынок?

— У нас на Дальнем Аутремере никто не верит этим штукам, капрал. Мы ведь эмцы.

— Да, это заметно...— Халстед с минуту размышлял, а затем, видимо, решил больше ничего не говорить и лишь скомандовал: — В машину!

Бихалстред аккуратно соскреб грязь с сапог о край подножки и забрался внутрь.

— Чистюля! Надеешься, что теперь в кабине будет меньше дерьма? Может, тебе вера не позволяет водить машину, ты, вонючка?!

— Никак нет, капрал!

— Вот и хорошо. Заводишь мотор, даешь на два метра вверх и рулишь поперек плаца. В конце повернешь обратно и сядешь, откуда поднялся. За выполнение начисляются очки. На сколько метров промажешь — столько очков и прочистишь в гальюне. Ха-ха!

Бихалстред тронул управление, и вдруг машина бесшумно подпрыгнула, повиснув в воздухе.

— Ну же, скотина сельскохозяйственная!

Сквозь лобовое стекло было видно, как Бихалстред озадаченно смотрит на пульт. И тут он хватает за рычаг и твердо наклоняет его вправо, в сторону Халстеда.

Капрал хотел что-то выкрикнуть, но бампер машины ударом по черепу прервал многоэтажную фразу, уже построенную Халстедом. Когда тот, завертевшись как в штопоре, слетел с возвышения, от-

куда преподавал урок, машина ринулась прямо вперед. Ее радар был достаточно чувствителен, чтобы уловить препятствие в виде рядов парт, забитых новобранцами (ряды эти, правда, очень быстро пустели); машина, грозя скальпировать тех, кто не успел нырнуть под стол, стала описывать круги на бреющем полете, то и дело со свистом проносясь над партами. В окне кабины торчал застывший как изваяние Бихалстред, накрепко зажав в кулаке рычаг управления. Фары у него были побольше автомобильных.

Итак, машина описывала круги вокруг капрала Халстеда, валяющегося на зеленой траве. Морда у него была под стать растительности — тоже зеленая.

«Сотрясение мозга,— подумал Стэн.— Хотя вряд ли там есть мозг, разве что костный...»

В конце концов Ланцотта с Каррутерс подняли в воздух второй транспортер, пристроились рядом с беспомощно кружащейся в воздухе машиной, и Ланцотта — ловкач, надо отдать ему должное! — прыгнул в отсек для пехоты. Просунув оттуда через маленькое окошко руку в кабину водителя, он ухватился сверху за неразжимающийся кулак Бихалстреда и, манипулируя им, попытался сладить с управлением.

Бихалстред, корча дикие рожи, наклонялся всем корпусом, как деревянный, туда, куда тянул его изо всех сил Ланцотта. Наконец тот догадался выключить зажигание, и машина брякнулась оземь. Ланцотта выволок Бихалстреда из кабины, но и на траве бедняга продолжал сидеть в водительской позе, зажав в кулаке пластмассовый шарик от рукоятки управления.

— Курсант Бихалстред,— произнес Ланцотта,— в настоящий момент я вас очень не люблю. Вы сбили инструктора, он лежит без сознания вон там.— Ланцотта описал рукой плавную кривую.— Это серьезный проступок. Я думаю, вы хотите чем-нибудь порадовать капрала, когда он очуха... окончательно придет в себя. Не так ли, курсант?

Бихалстред закивал головой. Он кивал очень энергично, потому что уже все понимал, но сказать пока ничего не мог — язык не ворочался.

— А если вы его не порадуете, боюсь, он убьет вас, курсант Бихалстред. И мне придется написать вашей матери объяснение, почему он это сделал. Короче, я уверен, что вы от всей души желаете сделать капралу приятное. Да?

Бихалстред снова мотнул головой.

— Видите во-он ту горушку? — Ланцотта указал на километровой высоты пик, торчащий в отдалении.— Там есть один ручей. Капрал Халстед необычайно любит воду из этого ручья. Почему бы вам не сбегать и не принести ведерко воды больному человеку? Это будет поистине живая вода! Для вас обоих...

— Э...а? — От неожиданности Бихалстред совладал с языком.

— Вы хотели сказать «Эа, *сержант*»? Значит, вы меня поняли?

Бихалстред мотнул головой, не рискуя выпускать язык на волю, затравленно посмотрел в сторону гор и направился к казарме.

Ланцотта следил, как он вбежал в дом, выскользнул оттуда с ведром и исчез вдали. Стэну, наблюдавшему картину со стороны, показалось, что плечи Ланцотты слегка подрагивают.

Кстати, капрал Халстед, когда очнулся, договорил-таки фразу, которую не успел сказать перед ударом по куполу. Сев на земле, он заорал:

— Не туда, дерьмо воловье!

Он был прав. Бихалстред принес воду не из того ручья.

После повторного пробега в горы его ступни стали как у распятого Христа, и целую неделю Бихалстред ковылял по-утиному, огребая бесчисленные наряды на кухню за нестроевой шаг.

Глава 22

Лицо Ланцотты просто светилось счастьем. Стэн внутренне сжался и хотел только, чтобы молот Господень миновал его персону. Это очень дурной признак, когда у Ланцотты такая рожа.

— Детки, сейчас я скажу вам кое-что очень интересное,— сладким голосом промолвил сержант и начал прохаживаться по классу туда и сюда.

Очень плохой признак!

— Я только что получил уведомление от одного, скажем так, высокостоящего органа. Там сообщается, что я не в полной мере выполняю свои обязанности в отношении вас и нужд родной империи.

Стэну нестерпимо захотелось забиться в укромный уголок, чтобы не видеть и не слышать происходящего.

— Я не уделяю соответствующего внимания некоторым из курсантов. Особенно это касается будущих офицеров. Автор письма считает, что я не даю возможности роста очень способным молодым лидерам. Да. Необычайно интересное письмо.— Улыбка слетела с лица Ланцотты, принявшего вид искреннего раскаяния.— Но я не терплю ошибок на службе императору даже от себя! Итак, стажер Грегор! Встать!

Стэн рассудил, что вот сейчас наступило лучшее время отправиться на тот свет. Грегор парадным шагом промаршировал через класс, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Рекрут Грегор! Отныне вы — командир роты новобранцев.

Кто-то из молодых необученных очень громко сказал:

— Вот дерьмо!

Но Ланцотта притворился глухим:

— Командир Грегор, перед вашей ротой стоит задача: через час быть готовыми к переброске для участия в боевых учениях.

Стэн больше не мог выдержать сипение и сопение невидимого психотерапевта, раздающееся из громкоговорителя. Он почесался, сунув карандаш под плечевую накладку, но это не помогло. Неизвестный гений сработал космический скафандр таким образом, чтобы чесалось именно там, где невозможно достать. Стэн убеждал себя, что ничего не чешется, и продолжал вслушиваться в хрипы и сипение командира Грегора из громкоговорителя.

«Ну же, давай! — мысленно подбадривал Стэн Грегора.— Соберись!»

— Первый взво... то есть, я хотел сказать, первый-первый!

Стэн включил микрофон:

— На связи!

— Патрульное судно класса «С».

То есть надо проникнуть в него через выхлопные дюзы. Замеры показали, что они холодные. Стэн отцепился от астероида, за которым он прятался вместе со взводом, и слегка всплыл, чтобы оценить обстановку. На расстоянии километров двух от них в черной пустоте висела древняя посудина, которую лишь при большой фантазии можно было назвать патрульным кораблем класса «С». Однако...

Стэн включил связь:

— Шестой? Здесь один-один. Прошу защиты канала.

Грегор хмыкнул и отрубил все станции, кроме своей и Стэна; теперь разговор шел без свидетелей.

— Командир, проникновение через дюзы описано в учебнике.

— Конечно, Стэн. Потому-то...

— А ты не думаешь, что те ребята могли тоже прочитать книжку и приняли меры защиты?

— Ты чего хочешь? Фронтальной атаки?

— Черт возьми, Грегор! Просто я думаю, что, когда мы пойдем через трубы, нас уже будут ждать. Выставь заслон, а я подведу свой взвод сбоку...

— Выполняйте приказ, первый!

Стэн не обратил внимания. За спрос не бьют в нос.

— ...и мы продырявим посудину. Обдерем обшивку и стравим давление. Это заставит их вылезти наружу, и, может быть, на нейтральной территории с ними легче будет справиться.

Сопение усилилось. Боже, ну почему отец Грегора не дал согласия на удаление сыночку аденоидов?..

— Нет, первый. Приказываю я.

Стэн якобы нечаянно рассекретил канал:

— Понял, капитан. Как пожелаете. Приказ понят.

Динамик заскрипел голосом Каррутерс:

— Первый, вы нарушили секретность связи. Работа на кухне.

Стэн услышал, как Грегор давится смехом.

— Здесь шестой. По номерам... в атаку перебежками... пошел!

Взвод Стэна на реактивных ранцах выдвинулся в открытое пространство. Стэн привычно сосчитал бойцов и подровнял строй. Другие два взвода давали через их головы жару — осуществляли огневое прикрытие. Прямо по хрестоматии!

Стэн задал взводному компьютеру, управляющему двигателями ранцев, программу движения «заячьим ходом». Бойцы запрыгали из стороны в сторону, понемногу продвигаясь к калоше класса «С». Когда они подошли к корме корабля, половина взвода беспомощно болталась в пространстве — это были «раненые». Операцию по их «отстрелу» проводил компьютер усложнения задачи, стоявший в инструкторском пункте, где хозяйничала Каррутерс.

Стэн вытащил мощный лазер из ящика с оборудованием, волочившегося за ним на привязи, подобно персональному гробу, и направил его на корму. Он уже собрался было сбить лучом щитки, прикрывающие дюзы, как вдруг...

Яркая вспышка ударила по глазам. Фильтр защитного забрала мгновенно потемнел. Стэн уставился на мерцающую надпись «Ранен» на стекле шлема. Лучше бы загорелось «Убит»! Раненым, когда учения кончатся, наверняка подыщут особо интересную работу в казарме.

Но выяснилось, что Ланцотта поймал рыбку покрупнее. Он стоял неподвижно, с каменным лицом, рядом с Грегором. Стэн успокоился и даже подмигнул сам себе. Ланцотта выговаривал Грегору:

— Командир новобранцев, вы поступали по учебнику?

— Так точно, сержант!

— А приходило вам в голову проверить электромагнитное излучение во всем диапазоне?

— Никак нет, сержант!

— Если бы пришло, вы бы поняли, что противник настроил кормовые солнечные экраны своего корабля так, что они стали отражать лучи, направленные на дюзы. Про это в учебнике не написано. Почему вы не провели проверку на излучение?

— У меня нет оправданий.

— Рассматривался ли другой вариант атаки?

— Нет, сержант.

— Почему?

— Э-э... потому что в учебнике сказано, что корабли этого типа атакуют через дюзы.

— Значит, вы каждый пук проводите по учебнику? Почему не подумали о другом способе атаки, командир Грегор?!

— Э-э... а...

— Отвечать, зараза свиноскотская!!!

Все чуть не подпрыгнули от неожиданности. Впервые Ланцотта так орал.

— Я не знаю, сержант.

— Зато я знаю! Вы думали, если буква в букву действовать по книжке, то все будет в порядке. Побоялись рисковать петличками. А в результате погубили половину личного состава. Или я неверно подсчитал?

Грегор хранил молчание.

— Подрулите-ка поближе, мистер,— велел Ланцотта и, когда Грегор приблизился, сорвал с него эмблему «стажер-гвардеец».

Когда Ланцотта удалился, по связи раздался голос Каррутерс:

— Рота отправляется принимать пищу. В двадцать один час проверка скафандров.

Рота двинулась в направлении полевой кухни. На Грегора никто не смотрел. Тот держался подчеркнуто независимо, как верблюд задирая голову в тесноте скафандра.

После еды, вернувшись на поле «боя», Стэн не увидел там ни Грегора, ни его командной капсулы. Как будто их и не существовало.

— Первый сержант, докладывайте!

— Роты А, Б и В на поверке присутствуют. Пятьдесят три процента в госпитале, двое на проверке скафандров.

Дежурный стажер отдал честь. Стэн ответил ему, повернулся к Ланцотте и отсалютовал:

— Поверка закончена, сержант. Все в порядке.

— Сейчас восемнадцать ноль-ноль, стажер-капитан. Вы принимаете командование ротой. Продвигайтесь по дороге к шестнадцатой учебной зоне. Распределите людей по стандартному оборонительному периметру. Необходимо занять позицию до сумерек, то есть до девятнадцати часов. Вопросы есть?

— Никак нет, сержант Ланцотта!

— Приступайте.

Стэн отсалютовал и повернулся к новобранцам:

— Рота-а!..

— Взвод первый!.. Второй!..— откликнулись командиры взводов.

— Правое плечо вперед! Оружие на пле-чо! Вперед ша-го-ом... арш!

Колонна длинной змеей втягивалась в проход под двумя рядами фонарей. Стэн шагал сбоку. Теперь он мог идти, маршировать или бежать — и совершенно не дремать при этом. Ланцотта слегка преувеличивал, когда грозился, что стажеры будут спать лишь по четыре часа в сутки.

Может, вначале так оно и было, но постепенно они научились использовать свободные минуты, да и сами стали выносливее. Отсеивать стали реже, но попасть «под метлу» становилось все легче.

Вручая Стэну петлички командира роты новобранцев, Ланцотта объяснил:

— Первые несколько месяцев мы ломали вас физически. Надо было отсеять слабаков, невезучих и пустышек. Теперь таких нет, рота «вошла в режим». Те ошибки, которые вы делаете на боевых учениях, служат вам на пользу. Но все же людей пока осталось слишком много.

«Слишком много!» — думал Стэн. Если предположить, что отбирают одного из ста тысяч, а всего новобранцев в трех ротах, насчитывавших по сто человек каждая, осталось шестьдесят один,— да. Много лишних людей.

Между прочим, не все вычеркнутые из списков были просто отсеяны. Столкновение боевых машин пехоты унесло четыре жизни; во время тренировки в горах погибли двое новобранцев. Стэн хорошо помнил мрачную церемонию полковых похорон стажера, удушенного разгерметизированным скафандром.

Ланцотта считал, что включение погибшего стажера в полноправные члены полка перед погребением имеет очень большое воспитательное значение. Стэн, в свою очередь, был уверен, что это дело имеет очень дерьмовое значение. Какой смысл возвеличивать смерть? Ей все равно; она сама знает себе цену. В той же мере наплевать на почести и трупу, насущнейшая задача которого — исправно кормить червей, не допуская перебоев с питанием.

Стэн отогнал мрачные раздумья и переключился на мысли о боевых учениях. Сегодня они переходят от отделенческих и взводных к полномасштабным ротным маневрам. Интересно, какой сюрприз приготовил им Ланцотта на вечер?

Ладно, стоп, пора дать голове отдых. Стэн расслабил мышцы лица, включил «автопилот» — ноги пошли сами по себе — и прикрыл глаза. Впереди — пять километров сна. Отдыхай, солдатик!

Стэн внимательно прислушался к вечерним звукам. Прошло несколько минут с тех пор, как бойцы затаились на занятых позициях. На холме было тихо. Зверье и птицы успокоились и занялись своими делами. Обычная тишина вечернего леса. Что ж, неплохо для начала.

Сзади подкралась фигура, мигнул фонарик. Это был Ланцотта.

— Прекрасно. Люди выведены и расставлены довольно сносно, только вот второй взвод слабо замаскирован. И еще, мне кажется, следовало бы разместить КП поближе к позициям. Ну а в общем... Недурно, недурно.

Стэн забеспокоился. Что-то уж слишком вежлив наш упырь. Наверняка придумал какую-то головоломку.

— Краткие вводные,— продолжил сержант.— Ваша рота уже второй день в наступлении. Потери: раненых — так, посмотрим... пятьдесят шесть человек, то есть три четверти личного состава. Угу, угу...— Он изучал в свете фонарика листок с заданием.— Вам был приказ атаковать сильно укрепленные позиции неприятеля — вон там!

Ланцотта нажал кнопку маленького пульта управления имитатора боевой обстановки, и на холме неподалеку от них мигнули огоньки.

— К несчастью, противник столь многочислен и хорошо вооружен, что вам пришлось отступить на эту высоту. Вы далеко оторвались от поддерживающей артиллерии. Кроме того, оперативная обстановка такова, что поддержка с воздуха также отсутствует.— Ланцотта снова поглядел в шпаргалку.— Раненые эвакуированы, так что в этом смысле затруднений у вас нет; проблема, и очень простая, в другом: скоро неприятель предпримет активное контрнаступление, и вам, скорее всего, не удастся удержать свои позиции. Командир подразделения дал вам право принимать решение самостоятельно. Позиции дружественных войск находятся,— сержант указал назад и нажал кнопку пульта; на вершине гребня возникли укрепления, еще не полностью выкрашенные ночью в черный цвет,— там. Между вами и этими позициями действуют бандформирования — разрозненные группы легковооруженных людей общим количеством примерно в две бригады. Тактические решения за вами. Вопросы есть?

Стэн тихо присвистнул.

— Стажер-капитан, начинайте руководить людьми. У вас две минуты на размышления.— И Ланцотта исчез в темноте.

Стэн подозвал Морг-Хана, своего старшего сержанта, и они бесшумно выскользнули из КП. Стэн надел прибор ночного видения и стал рассматривать окрестности. Мыслей нет... Безнадега!

— Э-эх!..— тихо выругался Морг-Хан.— Ну что, сдаемся прямо сейчас, чтоб до утра не мучиться?

— Гвардейцы не сдаются!

— Как думаешь, можно будет восстановиться, пусть даже через год? Ты подумай хорошенько, Стэн, не торопись. А я пока попрактикуюсь в разговорном вражеском.— Морг-Хан уполз обратно в КП к ожидающему их посыльному.

— Раз-два-три-четыре-пять! Кто не спрятался — я не виноват! — раздался из темноты голос Ланцотты.— Начинаем игру, детки.

Судя по всему, программа тренажера уже запущена... Тонкое ржанье, чей-то крик: «Наступают!», и земля под ними словно обрушилась. Прямо над головами прочертили небо фиолетовые огни лазерных трасс. Стэн молился, чтобы автоматическое оружие, имитирующее веерный огонь противника, не было запрограммировано на еще более низкий угол. А то и ползти будет некуда, разве что на кладбище...

Стэн нажал кнопку «Общий вызов» на селекторе и вкратце описал обстановку всем командирам.

— Шестой... Здесь два-один. На нашем участке обозначилось движение.

Это была Томика, командир второго взвода. Стэн почему-то вспомнил, как парни называли ее за глаза «командир, спереди не хрен, а дыр», но тут же переключился на серьезный лад и на второй канал, откуда шел вызов.

— Как оцениваете обстановку, два-один?

— Пробная атака. Возможно, ложная. Силы — до двух взводов. Расстояние сто метров. Прием.

— Два-один, здесь шестой. Поддерживайте огонь. Один-один, как у вас активность неприятеля?

— Нулевая, хоть вешайся. Стоп! Появились вражеские лазутчики. Они взбираются на холм, во-он я их вижу! И они... о черт!..

В связь ворвался голос Ланцотты:

— К сожалению, командир первого взвода слишком сильно вытянул шею. Убит прямым попаданием.

Стэн не стал тратить время на споры с Ланцоттой.

— Один-два. Принимайте командование. Как оцениваете обстановку?

— Сообщение первого-первого подтверждаю. Скрытная атака; силы — примерно рота. Прогноз — первая волна ножевой атаки. Разрешите открыть огонь?

Стэн мгновение подумал.

— Нет. Когда они подойдут на пятьдесят метров, они сами наверняка откроют огонь. Прогноз — артподготовка. Первому и второму отделениям с шумом отодвинуться на двадцать пять метров. Второе и четвертое вступают в бой, когда противник поравняется с вашими позициями. В это время первое и третье отделения контратакуют. Прогноз — опять обманная атака. Старший сержант! С орудийным взводом накрой их тылы и рассей вторую волну атакующих. Командный пункт твой, а я перемещаюсь в расположение третьего взвода.— Стэн отключил микрофон.— Посыльный! Пошли!

Они исчезли во вспыхивающей тьме. Стэн ориентировался по верхушкам деревьев, слабо выделяющимся на фоне неба. Огонь усилился, земля под ногами дрожала.

Вдруг — будто тысячи сирен завыли разом; Стэн аж подпрыгнул.

— На психику давят, гады.

— Я подумал было, что ты съел что-нибудь,— откликнулся посыльный.— А это, оказывается, просто так звук...

— Идем.

Они ввалились в землянку командира третьего взвода.

— Что там снаружи? — Стэн затаил дыхание и прикрыл глаза, сконцентрировавшись на слухе, поводя головой из стороны в сторону.— Жаль, что я не кошка, уши крепко к башке приросли! — И вдруг выругался: — Черт поганый! Броневики!

— Я ничего не слышу!

— Скоро услышишь. Судя по звуку, два. С трещотками для устрашения...— Стэн ткнул кнопку рации: — Вооруженцы, нужен свет. Готовьсь...

В эфире стоял только гул.

— Взвод вооружения, здесь шестой. Как слышите меня?

Из темноты возник посыльный и скользнул в отверстие землянки.

— Всем подразделениям, приготовиться. Шифр Р-семь.

Связист нажал несколько клавиш, и ротные рации перешли на новый шифр. Если у врага есть анализатор, такой шифр будет сломан за несколько секунд. Но иногда этого хватает, чтобы выполнить план.

— Два-один! Отводите солдат по одному за КП и усильте своими людьми подразделение один-два. Живее!.. Второй! По команде начнете фронтальную атаку на прорыв.

Стэн прерывисто вздохнул. Эта тренировка так близка к реальности! Знаешь вроде бы, что по-настоящему не убьют, а все равно мурашки по телу...

— Три-один! Держите оборону позади своих позиций. Приказываю стоять, несмотря ни на что. Если мы прорвемся, просачивайтесь по одному.

Всем подразделениям! Фронтальная атака против ложного наступления неприятеля в секторе второго взвода. Будем прорываться в одиночку. Держитесь точно на линии обороны союзника. Таким образом мы избежим плена и на рассвете соединимся с полком. С собой брать только воду, основное оружие и два магазина к нему. Остальное бросить, в том числе рации.

Стэн выключил микрофон.

Сзади вырос Ланцотта:

— Административное замечание, стажер-капитан Стэн. Без раций компьютер усложнения обстановки не сможет «отстреливать» раненых.

Стэн нашел в себе силы изобразить улыбку.

— Сержант, это не пришло мне в голову.— Тут он не кривил душой. Затем повернулся к передатчику: — Слышали? Оставьте рации, и делаем ноги!

— Командир, только что Ланцотта вывел из игры взвод вооружений. Сказал, что артиллерия противника накрыла его.

Стэн зарычал:

— Ленден!

— Тут, Стэн.

— Дай один зеленый свисток вверх и можешь помахать мне ручкой.

— Хочешь сказать, что меня сейчас убьют?

— Само собой.

— Может быть, на попутке подскочу,— пробормотал посыльный, вылезая из землянки.

С шипением ушла ввысь зеленая ракета. Сканер на пункте управления учениями засек стоящего в рост бойца; офицер-наблюдатель вытащил заглушку с личным номером Лендена из гнезда. Загорелось красное табло, и Ленден малой скоростью направился к месту сбора.

Ракета осветила склоны, и Стэн насчитал две... пять-семь атакующих танкеток, взбиравшихся на холм.

— Подпали им хвоста!

Командир взвода поколдовал над пультом управления вооружением и пустил горючий газ из баллонов, установленных у подножия холма. Выждав, чтобы образовалась взрывчатая смесь газа с воздухом, инструктор, действительный лейтенант, дал поджиг. Огненный смерч пронесся внизу, и три танка взорвались.

— Врассыпную отходите на шестьдесят метров и ставьте внутренний периметр.

Стэн вывалился из землянки и шмыгнул по направлению к КП. К тому времени, когда он распластался рядом с Морг-Ханом, у него уже созрел план действий.

Через поле боя метнулись тени в сторону расположения второго взвода. По периметру обороны третьего взвода стрельба вдруг усилилась вдвое. Стэн успокоенно положил ранец, подхватил оружие и последовал за всеми.

В кабинете стояла мертвая тишина. Стэн немигающим взглядом смотрел прямо перед собой.

— Из ваших бойцов остались в живых только четверо, господин командир роты. Сами вы в это число не попали.

— Так точно, сержант Ланцотта.

— Мне бы хотелось узнать ваш собственный прогноз относительно эффективности в реальном бою принятой во вчерашнем учении тактики. Какое влияние оказали бы ваши действия на остальной полк?

— Я... думаю, очень плохое.

— Это очевидно. Но вы не знаете почему. Войска могут нести огромные потери, сохраняя при этом полную боеспособность, только при двух обстоятельствах. Первое — если потери произошли враз, за короткий промежуток времени. Медленная, но неуклонная гибель людей разрушает боевой дух любых войск, даже самых элитных. Во-вторых, эти потери должны быть понесены «при исполнении». Понимаете?

— Не совсем, сержант.

— Я поясню на примере катастрофы, постигшей вас этой ночью. Если вы не сдадите высоту, пока не поляжете на ней до единого бойца, полк будет гордиться вами. Ваши имена вывесят в зале боевой славы, и, может быть, о вас даже сложат песню. Люди будут чувствовать душевный подъем оттого, что близко общались с такими героями, пусть даже они и рады чертовски, что их не было среди вас.

— Понимаю.

— Но вместо этого ваше подразделение погибло при попытке спастись. Выжить, чтобы завтра снова вступить в схватку,— это, конечно, хорошо. Однако подобный дух отнюдь не есть моральный дух не-

победимого бойца. Непобедимый воин либо выигрывает бой, либо погибает. Отказ понять это означает ваш провал как командира пехотной роты. Ясно?

Стэн молчал.

— Я не говорю, что вы должны принять это всем сердцем. Но вы понимаете?

— Да, сержант.

— Очень хорошо. Но не по этой причине я смещаю вас с должности и ограничиваю свободу казармой. Результаты тестов указывают на ваш высокий коэффициент интеллекта. Я принял подобное решение, ибо понял, что вы совершенно не годитесь для гвардии. Вам не должно быть гвардейцем. Действуя вчера так, как вы действовали, вы совершенно сместили цель тренировки.

Стэн разинул рот от изумления.

— Я объясню и это. Допустим, у вас есть солдат. Он раскрашивает для маскировки свое лицо, берет лишь нож и никакого больше другого оружия. В одиночку крадется в расположение неприятеля, проникает в бункер вражеского генерала, убивает его и возвращается к своим. Герой ли этот человек? Да, особого сорта. Но это не воин гвардии.

Ланцотта перевел дух.

— Гвардия — это неумолимая десница императора. Она служит для применения массированной силы в строго определенных точках, чтобы искоренять, излечивать вредные общественные явления, возникающие иногда, подобно гнойным язвам, на светлом лике нашей прекрасной Родины. Гвардеец вступает в битву с именем императора, с его именем на устах он погибает. Гвардия — единый боевой организм, а не собрание отдельных выдающихся личностей.

Стэн озадаченно раздул щеки. Он не понимал, куда гнет хитроумный Ланцотта.

— От гвардейца ждут, что он проявит доблесть. Взамен гвардия дает ему крепкие устои. Моральные и духовные на учебе и в гарнизоне, физические — в бою. Для многих из нас это больше чем честная сделка... Да вы слушаете меня?

Стэна интересовало только, что с ним теперь будет: отчислят в дежурный батальон? А вдруг выкинут обратно, на Вулкан?

— Позволю себе продолжить. Гвардеец всегда совершенствуется; чтобы быть кем-то большим, нежели просто гвардии рядовым. Он должен знать обязанности своего взводного командира и суметь выполнить их, если взводный выведен из строя. Точно так же сержант должен знать обязанности командира роты... И независимо от того, каким бы гением в области тактики он ни был, если он не понимает на уровне инстинктов душу людей, вверенных ему, командир не то что бесполезен, он опасен! И я буду повторять снова и снова: моя ра-

бота заключается не в том, чтобы просто воспитывать рядовых гвардии. Моя обязанность научить молодых людей жить!

Кажется, Ланцотта иссяк.

— Это все, сержант? — бесцветным голосом произнес Стэн.

— Четверо уцелевших из пятидесяти шести... Да, Стэн. Это все.

Стэн поднял руку, собираясь отдать честь.

— Нет. Я не принимаю салюта и не отдаю честь исключенным из школы.

Стэн поел, сдал учебные принадлежности и остальное казенное барахло и улегся спать под тонкое гигиеническое покрывало из пленки. Чисто по-человечески он хотел, чтобы кто-нибудь из друзей поговорил с ним, хотя бы просто попрощался. Но вообще-то лучше обойтись без этого. Стэн сам видел много раз, как выгоняют, и знал, что для оставшихся гораздо спокойнее, если неудачник просто тихо исчезнет.

Интересно, чего это они столько с ним волынят? Обыкновенно исключенный уже через пару часов после того, как узнает, что его выгнали, трясется по дороге к дому. Вероятно, задержка вызвана тем, что он натворил нечто действительно серьезное и его захотели как следует помурыжить в качестве последнего урока.

В общем, у Стэна оказалось время поразмыслить о своем будущем. Если его пошлют в дежурный батальон... Он хмыкнул. Теперь он больше ничего не должен родной стране, так что при первой же возможности смоется. Дезертирует. А может, лучше дотянуть лямку и после дембеля рвануть в сектор первопроходцев! На периферии всегда нехватка рабочих рук, а уж его-то, с гвардейским, пусть и незаконченным, образованием как пить дать примут. Но если Вулкан... Пальцы Стэна непроизвольно сомкнулись на рукоятке ножа. Если он вернется, компания прикончит его.

Стэн скорее почувствовал, нежели увидел или услышал, какое-то движение рядом. Нащупал ножны... Рука Каррутерс коснулась его плеча.

— Следуйте за мной.

Стэн лежал не раздеваясь и тотчас вылез из койки. Привычно прибрал ее и подхватил свой небольшой вещмешок.

Каррутерс поманила его к выходу, и Стэн тупо, как баран, пошел за ней. Он вдруг сообразил, что Каррутерс вела себя так, будто знала, что у него нож. Тогда странно, почему его давно уже не отобрали?..

Они остановились у грузовичка-автомата доставки боеприпасов, управляемого из командного пункта. Каррутерс указала на единственное имеющееся сиденье, куда Стэн немедленно залез, набрала пусковой код и отступила на шаг. Машина загудела. И тут Каррутерс вскинула руку в воинском приветствии!

Стэн глазам не верил. Каррутерс салютовала ему, исключенному из гвардии! Двоечнику! Стэн совсем растерялся и по привычке тоже отдал честь. Как только машина поднялась в воздух, Каррутерс повернулась и промаршировала, как только она одна умела это делать, обратно в здание.

Стэн огляделся. Машина неслась наискосок через тренировочную зону, почти скребя брюхом по земле, а затем поднялась метров на двадцать ввысь. На экране загорелось сообщение: «Задана доставка в зону с ограниченным доступом. Введите код допуска». Затем раздался щелчок, и по экрану побежали цифры. Наконец цифры исчезли, и появилась мигающая надпись: «Разрешен доступ в зону подразделения М. После посадки ожидайте сопровождающего».

Стэн сидел, ошалело вглядываясь в экран бортового монитора, а потом откинулся на спинку кресла и закрыл глаза...

Глава 23

Махони церемонно налил медицинского спирта в пустую гильзу и опрокинул ее в двухлитровую пивную кружку. Передал кружку Каррутерс и повернулся к остальным:

— Кому-нибудь еще нужна дозаправка?

Рикор взяла вяленую рыбину и пустила ее поплавать в своей емкости, слегка обдав Махони пивными брызгами. Ланцотта тряхнул головой.

Махони поднял свою кружку:

— За отчисленного.

Они выпили.

— Как он это воспринял, капрал?

— Даже не знаю, полковник. Паренек слегка шокирован. Вероятно, подумал, что мы отправляем его обратно для вторичной переработки в ту дыру, откуда он появился.

— Неужели он так глуп?

— Это я сегодня истерзал парня. Он не виноват, что ничего не может сообразить в такой момент.

— Похоже на правду. Вы всегда были спецом по части медленных пыток, Лан.— Махони помолчал.— Рикор, простите, что заставляю вас скучать уже целую минуту, но мне надо побеседовать. Когда мы закончим это маленькое дельце, можно будет сбросить полковничьи одежды.

Каррутерс неловко пошевелилась и погрузила нос в свою кружку.

— Мне нужна очень краткая итоговая оценка парня. Рикор?

— Менять первоначальное суждение нет причин. Как и предполагалось, его успеваемость близка к рекордной. Профориентация почти не изменилась. Стэн ни в каком случае не будет хорошим солдатом гвардии. Его независимость, инстинктивное неприятие власти,

стремление к самостоятельным действиям особо выделены на графике. Для ваших целей он — идеальный кандидат.

Непонятные психические травмы, о которых мы беседовали, когда он поступал в гвардейскую школу, во многом сохранились на том же уровне. Но в целом, исходя из того, насколько успешно Стэн показал себя в учении и во взаимодействии с людьми, он стал гораздо устойчивее как личность.

— Каррутерс?

— Не знаю, как выразиться поточнее, сэр. Однако в свою команду я бы такого не взяла. Он не трус, нет. Но т-т-т... полностью на него полагаться нельзя. Во всяком случае, в критических ситуациях.

— Выходит, типичный одиночка? Благодарю вас. Купите себе еще выпить. А заодно и мне.— Махони передал через стол свою кружку.

— Я бы мог развить оценку, данную Каррутерс,— осторожно начал Ланцотта,— но, наверное, нет надобности. Словами вряд ли удастся выразить суть дела лучше, чем она дала понять.

— Нет уж, Ланцотта, уж не тяните, как говорил пациент стоматологу. Вы-то знаете, что мне нужно.

— Я бы дал Стэну самую лестную рекомендацию для поступления в подразделение богомолов. Он напоминает мне некоторых юных жеребцов, которых я пытался приручить для вас.

Каррутерс резко обернулась к нему, разбрызгав пиво:

— Вы разве там служили?

— Он был сержантом в моей команде,— сказал Махони.

— Поэтому, Каррутерс, скажу я вам, есть разница между маршем плечо к плечу с такими же горячими, уверенными в себе и друг в друге парнями и перерезанием глотки выскочке-диктатору, когда он развлекается в постели с девочкой. Помните такой случай, полковник?

— Который из них? — Махони сделал приглашающий жест, и Каррутерс передала Ланцотте его порцию спирта и пиво.

Ланцотта уставился на янтарную жидкость в кружке, затем опрокинул ее себе в глотку.

— Мне это не нравилось. Я паршиво делал свое дело.

— Черта с два! Вы остались живы — вот оценка вам. А она у нас двухбалльная: пан — или пропал.

Ланцотта ничего не ответил. Махони рассмеялся и с чувством потрепал Ланцотту по лошадиному загривку.

— Я бы променял половину своей теперешней команды на одного тебя, дружок, если бы ты вернулся.— Затем полковник взял деловой тон: — Ваши выводы?

— Рекомендуется пересадка,— коротко бросила Рикор.

— Рекомендую пе-е-ресадку,— неловко, будто передразнивая, сказала Каррутерс.

— Он ваш, Махони; забирайте его.— Ланцотта произнес эти слова голосом смертельно усталого человека.— В ваших руках он станет выдающимся убийцей.

Фрезер соскочил с движущегося тротуара и торопливым шагом направился к зоопарку. Он нервничал — такое свидание... Да еще дискета жгла ему карман. Фрезер купил билет в зоопарк, зарегистрировался и прошел мимо привратника, величественно скрестившего руки на груди.

Ум банковского служащего, ум-калькулятор подсказывал Фрезеру, что беспокоиться нечего. Он отлично замел все следы, недаром слыл знатоком компьютера и уголовного кодекса. Пусть запись о его визите в зоопарк и занесена в информационную сеть города, все равно о цели прихода догадаться не сможет никто.

Фрезер остановился у заборчика, ограждавшего заглубленную в землю вольеру с саблезубыми тиграми. Зверюги прохаживались туда и сюда; это вносило дополнительную нервозность.

Зоопарк разводил немало генетических предшественников человека, среди них и гигантские насекомые, и отвратительного вида рептилии. Их запах доносился до Фрезера, смешиваясь с запахами тухлого мяса и гниющего болота... Фрезер почувствовал движение сзади.

— С собой? — задал вопрос киллер.

Фрезер кивнул и передал дискету. Долгое молчание. Наконец наемник произнес:

— Отлично.

— Я подобрал такого, чьими записями можно легко манипулировать,— пустился в объяснения Фрезер.— Все, что требуется...

Киллер улыбнулся:

— Я знал, что на вас можно рассчитывать. Превосходно. Вы просто компьютерный маг.

Хоть кто-то признал его талант... А ведь только он один, его величество Фрезер, сумел залезть в груду информации и выкопать оттуда нужное золотое зернышко.

— Да, а деньги?

Киллер вручил ему пачку кредиток. Фрезер спросил, изучая их:

— Надеюсь, не меченые?

— Ну что вы, я дорожу своей репутацией. Посмотрите сами.

Фрезер удовлетворенно вздохнул. Он сейчас сожалел лишь о том, что Рикор никогда не узнает, насколько он умен.

Киллер приобнял Фрезера одной рукой за плечи, и так они пошли вдоль рядов клеток.

— Вас, видимо, интересует вопрос моей лояльности? — начал Фрезер.

— Да. Без сомнения, вам надо быть лояльным, и вы будете,— ответил киллер, правой рукой ухватив Фрезера за подбородок, а левой

легонько стукнув сзади по шее. Раздался глухой щелчок — это раскрошился шейный позвонок, защемив спинной мозг; тело Фрезера обвисло в руках убийцы.

Никто не видел, как киллер подтащил труп к ограде и, крякнув от натуги, перебросил его к тиграм, а затем прогулочным шагом направился к выходу. Сзади раздались рычание и чавканье могучих челюстей.

Служитель даже обрадовался, обнаружив в тигриных экскрементах пуговицу. Слава богу, это не брошка и не значок! Шутка ли сказать — травма прямой кишки у реликтового животного. Такого бы ему не простили.

Глава 24

Император, видимо, окончательно свихнулся. Так думал Махони, наблюдая, как властитель склонился над большим котлом, в котором булькала пугающего цвета смесь, и бормотал себе под нос:

— Чуточку этого, немного вот этого. Зубчика два чеснока и чуть-чуть жира. Теперь тмин, буквально щепотку. Может, еще? Ах, нет, переборщил! — Император выпрямился, горестно качая головой, и только теперь обратил внимание на вошедшего.— Вы как раз кстати.— Он приветливо улыбнулся.— Дайте-ка мне вон ту коробочку.

Махони поднес ему изящно отделанный деревянный ларец. Император открыл крышку и извлек из ларчика несколько продолговатых ярко-красных предметов, показавшихся Махони похожими на слегка подсохшие блестящие какашки пришельцев.

— Полюбуйтесь на это чудо,— нежно ворковал император.— Десять лет биологических экспериментов!

— Что это?

— Перец, невежда. Перец!

— О, ух ты, грандиозно. Грандиозно...

— Да вы хоть знаете, что такое перец?

Махони пришлось признаться, что не знает.

— Горький перец, дружище,— это вещь! Где перец, там и горечь. А нет перца — нет и горечи.

— А что, это очень важно?

Вместо ответа император бросил перец в котел, ткнул несколько кнопок на кухонном агрегате, помешал в котле и предложил Махони отведать зелья. Уклониться от неумолимо протянутой столовой ложки с остро пахнущей кашицей не удалось. Император пытливо наблюдал за Махони, как тот осторожно пробует.

— Вроде бы ниче...

И вдруг Махони словно взорвался изнутри! Лицо его покраснело, он поперхнулся, из глаз потекли слезы... Полковник разинул рот,

шумно дыша и взмахами рук помогая хоть чуть-чуть охладить пламя, бушующее в глотке.

Император, посмеиваясь, хлопнул его по спине и предложил бокал пива. Махони лихорадочно глотал. Сопя, перевел дух.

— Похоже, не зря я столько работал,— сказал император.

— Вы считаете, что применили *это* по назначению?

— Уверен. *Это,* как вы его называете, предназначено для того, чтобы спалить растительность на вашем заду. А иначе это не называлось бы жгучим перцем.— Император наполнил два бокала пивом, жестом велел Махони приблизиться и уселся на большой, весь в подушках диван.— Ну ладно, чек за этот месяц вы отработали. А как насчет будущего?

— Вы имеете в виду Торесена?

— Именно.

— На этом чеке будут цифры: ноль, ноль и еще раз ноль.

— Может, нам надо поинтенсивнее работать?

— Я дал такую рекомендацию в своем отчете. Но это опасно: можно погубить все дело.

— Как же тогда быть?

— Лестер. Он сообщает, что в области проекта «Браво» резко усилилась активность. И он имеет возможность проникнуть в эту разработку. Проблема в том, что, если его схватят, мы лишимся резидента.

Император немного подумал, затем вздохнул.

— Велите ему действовать.— Он осушил бокал и налил еще.— Как с другими делами?

— Контрабанда оружия? Э-э... пока ничего не могу доказать.

— Но ведь она существует? Это же факт. Правда?

— Да... Мы точно знаем, что четыре планеты, по всей вероятности из числа наших конфедератов, шлют вооружения на Вулкан.

— Снова Торесен... К черту его! Хватит играть в игрушки. Посылаю гвардию, пусть они вытопчут эту сорную траву.

— Увы, это не такая уж свежая идея. Со своей стороны, я бы предложил...

— Знаю, знаю! Вшивую дипломатию. Ну а как насчет наших «меньших братьев» на этих четырех шариках? Не вижу причины, которая помешала бы сбросить их с кресел.

— Это уже делается.

Император слегка просветлел. Наконец хоть какие-то действия!

— Подразделение богомолов?

— Я послал четыре команды. Даю гарантию, что поток оружия будет перекрыт.

— И без каких-либо переглядываний и перестукиваний в дипломатических кругах?

— Без единого слова. Внутренние дела народов — кто же извне посмеет в них вмешиваться?

Императора такая постановка вопроса обрадовала еще больше. Он встал с дивана и подошел к кипящему на плите котлу. Понюхал... Прелестно! Взяв две тарелки, император стал наполнять их, говоря при этом:

— Составите мне компанию, Махони? Пообедаем чем бог послал.

Махони торопливо сполз с подушек и поспешил к дверям.

— Очень благодарен, может быть, сегодня вечером... Мне надо...

— Горячий денек?

— О да. Очень горячий! Хотя, правда, ваше угощение будет погорячее.

Махони вышел. Император занялся своим перцем, прикидывая в уме, кто из членов Верховного совета заслужил право разделить с ним вечернюю трапезу.

Глава 25

Магнат нетерпеливо следил за экраном, на котором толпа техов суетилась в трюме корабля-грузовоза, делая последние приготовления. Дело близилось к концу; еще несколько минут, и он узнает, стоило оно тех надежд, затрат и преодоленных опасностей или же нет.

Испытания по проекту «Браво» проводились в нескольких световых годах от Вулкана, подальше от обычных путей следования межзвездного транспорта.

Когда техи закончили, картинка на экране перед Торесеном сменилась. Теперь на нем был космический челнок. Камера заползла в его люк, и челнок начал удаляться от грузового корабля.

Торесен повернулся к теху, следившему за изображениями, мелькающими на экране монитора. Раздался голос:

— Все готово, сэр.

Торесен глубоко вздохнул и приказал:

— Приступайте.

— Внимание! Начинаю обратный отсчет...

Челнок остановился во многих километрах вдали от грузового судна. Техи на борту челнока приступили к работе, настраивая аппаратуру, готовые принять последний сигнал.

Нутро грузового корабля было пустым; на противоположных концах обширного трюма техи воздвигли два громадных устройства, в старину их назвали бы рельсовыми пушками, глядящими одна в жерло другой.

Торесен едва слышал голос теха, ведущего отсчет. Он сосредоточился на двух картинках, возникших на экране: на левой была сумрачная пустота трюма грузовика, на правой — космический челнок. Тех тронул его за плечо. Все было готово. Магнат вдруг почувствовал огромную слабость. Он неловко усмехнулся, как бы стряхивая нерешительность, и набрал код — сигнал запуска чудовищного опыта.

«Пушки» одновременно выстрелили, и две субатомные частицы равной массы понеслись навстречу друг другу со сверхсветовыми скоростями. Экран Торесена вспыхнул и погас, как будто кто-то выключил монитор. Затем экран снова ожил, но на нем ничего не было — никакого изображения. Лишь зияющая пустота. Ни грузового корабля, ни...

— Челнок! — взвизгнул тех.— Он исчез! Они все...

— Плевать на челнок! Что произошло?

Пальцы Торесена забегали по клавиатуре — он делал запрос о замедленном воспроизведении записи происшедшего.

...Частицы плыли навстречу друг другу, оставляя за собой светящиеся, словно у комет, хвосты... Пронзили пузырь магнитной ловушки, мерцающий бледным пятном в глубине трюма... Затем столкнулись друг с другом... Исчезли... Появились вновь: метались туда и обратно из нашего пространства-времени в неизвестное *нечто*... Туда и обратно... И вдруг на их месте возникла одна, совершенно отличная от них частица. Торесен засмеялся — это *он* ее породил! Неожиданно магнитная ловушка начала сжиматься, коллапсируя, а затем произошла ослепительная вспышка, и грузовик, а вместе с ним и челнок исчезли в облаке чудовищного взрыва.

Магнат обернулся к теху, который никак не мог оправиться от потрясения:

— Перенесите график дальнейших испытаний на более ранний срок.

Тех, в совершенном ужасе, темными расширенными глазами смотрел на него.

— Но те люди? Там, на челноке?..

Торесен озадаченно нахмурил брови и посмотрел на пустой экран. Затем до него дошло.

— Ах вот в чем дело. Да, с ними вышло не очень удачно. Но ведь незаменимых нет! — Он встал и пошел прочь из лаборатории. Обернувшись в дверях, добавил: — Да, и скажите следующей команде, чтобы держались на большем удалении от грузовика. Все-таки спецы дороговато стоят, чтобы заменять их новыми после каждого опыта.

Лестер улыбался и похлопывал теха по плечу. Человечек что-то бормотал, слезы текли по его шекам. Лестер подался вперед, чтобы получше расслышать,— нет, лепечет, словно младенец! Больше ничего не узнать.

Лестер подумал, до чего легко у него вышло, легче, чем он ожидал: обработал бедолагу меньше чем за неделю. Тонкие намеки на деньги, другой паспорт, проживание до конца дней где-нибудь в тихом курортном местечке... Человечек клюнул, но он был слишком запуган Торесеном; максимум, на что его хватало, это слушать Лестера, не пытаясь убежать, да пить за его счет. Но в один прекрасный

день он раскололся. Он был почти в истерике, когда позвонил Лестеру и попросил прийти к нему домой. Произошла совершенно ужасная катастрофа, сообщил он Лестеру, а когда тот начал жать на него, пытаясь разузнать подробности, затряс головой и с лицом, искаженным гримасой рыданий, сказал:

— Это он все придумал... Торесен!

И тут Лестер понял, что настал его звездный час: скользнул за спину человеку, вонзил ему в шею шприц, и моментом позже перед Лестером сидел пускающий пузыри идиот. Но этот идиот рассказал все.

Лестер уложил человека на кровать. Теперь он уснет, а проснется с жутким похмельем, как от наркопива, и не будет помнить ничего из происшедшего с ним в этот вечер.

Оставалось лишь выйти на связь. То, что Лестер сообщит Махони по поводу проекта «Браво», гарантирует безвременный закат карьеры Торесена.

За спиной раздался грохот и треск ломающегося пластика. Лестер резко обернулся и словно примерз к полу. Через развороченную дверь входил Торесен в сопровождении двух охранников из социопатруля. Магнат увидел валяющегося на кровати теха, криво улыбнулся:

— Маленькая пирушка, да, Лестер?

Лестер промолчал. Что он мог сказать! Торесен повелительно махнул охранникам; те подняли бесчувственное тело и унесли его.

— Итак, вам теперь все известно?

— Да.

— Очень скверно. А вы мне даже немного нравились...

Магнат шагнул вперед и схватил старика за шею. Лестер замолотил руками по воздуху, пытаясь освободиться. Он слышал, как с хрустом ломаются хрящи дыхательного горла...

Через несколько минут магнат небрежно разжал руки и отвернулся от падающего на пол тела. В комнату вошел охранник.

— Приведите его в порядок,— велел Торесен.— Внезапная болезнь со злокачественным течением — ну, или что-нибудь подобное. О семье усопшего я позабочусь сам.

Глава 26

Стэн беззвучно присвистнул и ногой закрыл за собой дверь. Вокруг оторванной головы Ха-мида, лежавшей на кассовом аппарате, уже кружили, жужжа, мухи.

Стэн нагнулся, потрогал кровавую лужу, в которой плавала остальная часть туловища ювелира,— немного липнет. Значит, прошло не больше часа. Стэн потянул труп за руку, повернул его и извлек метательную звездочку, застрявшую между лопаток. Затем, обогнув кас-

су, бесшумно взбежал по лестнице в жилую часть дома. Там тоже было чисто, никаких признаков разбоя или грабежа. Очень, очень скверно. Стэн осторожно выглянул из окна и проворно втянул голову обратно. Через пару домов от него на крыше распластались трое ку-рийцев. А внизу топтался еще один, прямо на запасном маршруте, избранном Стэном на случай неблагоприятного хода событий. Его выдавали блестящие носы ботинок, предательски торчащие из-под нищенской робы.

Пытаются «вести» его, или он уже в ловушке? Стэн выглянул еще раз. Нет, собираются взять. Окна продуктовой лавки на другой стороне узкой грязной улочки были закрыты ставнями — в такое-то время дня! Ясное дело, там прячется взвод эм-ланов, головорезов из частной гвардии племени ку-рийцев.

Стэн прижался спиной к стене. Вдох на счет «четыре», выдох на счет «четыре», задержка на счет «шесть»... Так десять раз... Ну вот, адреналин сбросил. Теперь можно с толком обмозговать, как отсюда выбираться.

Стэн взял с рабочего стола Ха-мида пригоршню неоконченных браслетов — камни еще не были вставлены. На полке стояла небольшая оплетенная бутыль с азотной кислотой. Стэн взял и ее, подошел к окну. Теперь надо подождать минут десять, пока они не решат, что пора все-таки выкуривать крысу из норы.

Раздался шум автомобильного двигателя. Ура, это именно то, что нужно. Стэн осторожно подбросил на руке бутыль с кислотой — сейчас она вступит в замечательную реакцию с сухим зерном в кузове машины. Прицелился...

Вспышка. Бутыль разлетелась вдребезги. Над кузовом заклубился дым, появились языки пламени. Шум, крики... Дым заполнил узкую улицу. О лучшем и мечтать нельзя!

Стэн подоткнул концы халата за пояс, сбросил сандалии и вылез в окно. Повиснув на руках, раскачался и отпустил пальцы. Он шмякнулся плашмя на землю и так продолжал лежать, распластавшись в пыли. Ожидание оказалось не напрасным. Ставни одного из окон резко распахнулись, и прямо над ним в грязную стену с визгом вошла пуля.

Стэн приподнялся. Три стремительных шага поперек улочки, и он рыбкой ныряет в открытое окно. Удар об пол, кувырок, и все это время палец на крючке непрерывного огня — Стэн превратился в стремительно вращающийся источник веером летящих пуль.

Трое эм-ланов, булькая кровью, лежали на полу, еще один ловил воздух разинутым ртом, развороченным пулей. Стэн сделал контрольный выстрел ему в голову и двинулся к задней двери. Молнией выскочил из нее и невольно выругался. Он оказался в типичной кроличьей норе.

Скрипучая лесенка вела вниз, к убогим лачугам фал-ици. Стэн перемахнул через ограду и нырнул в нагромождение хижин. С улицы доносились шум, крики, выстрелы. Стэн был спокоен: фал-ици ничего не сделают, чтобы помочь эм-ланам, даже под дулом пистолета.

Он вышел из лабиринта трущоб на другую улицу. Прекрасно. Первая удача: рынок. Повсюду толпа... и усиленные патрули эм-ланов. Они наверняка предупреждены и, если увидят бегущего человека, бросятся в погоню.

Стэн рывком перевернул вверх дном тачку с провизией, вскочил на нее, вытащил горсть браслетов Ха-мида и подбросил их высоко в воздух. Золотой дождь засверкал на солнце, и тотчас же начался хаос. Люди выскакивали из каких-то незаметных глазу углублений в стене, валились прямо из окон... Где-то в этой бурлящей куче завязли эм-ланы. Дерущиеся разделили их, и Стэн подумал: весьма вероятно, что один-другой из фал-ици сочтет приятным на мгновение отвлечься от драки за браслеты и не упустит возможность чиркнуть кинжальчиком из полированного стекла по горлу солдата...

Стэн замедлил шаг, выпустил полы халата из-за пояса и принял вид типичного зеваки. Бросив монетку торговке цветами и вытащив из корзины самый большой цветок, он уткнулся в него носом и засеменил дальше.

Стэну понадобился почти час, чтобы убедиться, что за ним не следят. Он был невысокого мнения о разведке ку-рийцев, но здесь их более чем достаточно, чтобы провести хоть и грубую, на взгляд специалиста, но эффективную операцию групповой слежки.

Стэн быстро прошел в ворота неприметного дома, который облюбовала команда подразделения богомолов, и поднялся в здание. Беспорядок здесь царил, казалось, больший, чем на рынке. Транспортная тележка рылась в огромной груде коробок, довольно аккуратно, но с какой-то неприятно суетливой быстротой переставляя их с места на место. Алекс стоял у двери, держа наготове виллиган. Стэн охватил всю это кутерьму быстрым взглядом:

— Нас накрыли?

— Адье, мадам,— произнес Алекс с ужасным шотландским акцентом.— Виннетса убеждает всех, что не успела она расстегнуть кнопки — на лифчике, что ли? — как ее уже перехватили. По слухам, они и надгробный камень могут заставить разговориться.

— Кто-то оторвал Ха-миду башку и оставил ее, чтобы я полюбовался,— в свою очередь, сообщил Стэн, потянулся к столу, взял банку с вином. Сорвал крышку, опрокинул банку в рот и одним махом проглотил содержимое. Сморщившись, подождал, пока жидкость приживется в желудке, а затем взглянул на полуметрового мишку,

удобно развалившегося в единственном мягком кресле. Создание ответило хмуро-доброжелательным взглядом.

— Что, Док?

— Типичные людишки,— лениво промурлыкал плюшевый медведь.— Вы способны драться даже камнями. Как я понимаю, эта ваша черта — доказательство божественного происхождения. Вы бы так и рыскали по своим джунглям, питаясь бананами, если бы не воля Божья. Однако ваш Бог, смею заметить, обладал довольно уродливым чувством юмора.

С лестницы торопливо сбежала Виннетса, вся в кольцах антенного канатика, на ходу застегивая кнопки чехла портативной рации:

— Пошли, Док, сейчас нет времени на объяснение в любви к человечеству.

Док развел лапами наподобие аналогичного людского жеста, выпрыгнул из кресла и начал запихивать аппаратуру в коробку. Из каморки, дверь в которую скрывала вход в рубку связи, не спеша вышла Ида; она изучающе смотрела на маленький приборчик.

— Док прав. Вам больше не от кого ожидать тонкости мышления, кроме как от нас. Скажите, а почему не посылают всю королевскую рать?

Алекс фыркнул:

— А потому, что наш император больше любит, когда мир украден для него, а не завоеван.

Ида задумалась.

— Значит, если мы украдем мир — а эта идея достойна империи,— то он перестанет волноваться?

Стэн взглянул вверх, где, зацепившись за потолочную балку, висели, ожидая приказаний, Фрик и Фрэк.

— Нас засекли?

— Нет,— проверещал Фрик.— Мы только что из облета окрестной территории и ничего не видели.

Возможно, возможно... Эти существа, похожие на гигантских летучих мышей, стояли в списке разведывательного отдела на последних позициях — что с них взять! Хотя, может быть, Стэн не слишком правильно задал вопрос? Они ведь дают лишь совершенно конкретные ответы...

Команда была готова к уходу. Все собрались в кучку.

— Значит, мы сматываемся,— тихо сказал Алекс.— А дано ли нам предписание об эвакуации?

Йоргенсен зевнул, растянувшись подле своего рюкзака. Пистолет на боевом взводе он прикрывал ладонью.

— Вы все ведете себя так уверенно, как будто мы просто хотим отойти на другую площадку. Махони подпалит нам хвосты за невыполнение задания.

Стэн посмотрел на Дока, который сидел, тихонько шевеля пушистыми усиками-антеннами.

— Майяткина-а! — воскликнул Стэн с ударением на последнем слоге.

Это было слово, вводящее Йоргенсена в состояние транса. Долговязый блондин застыл в неподвижности.

— Возможности,— дала запрос Виннетса.

Йоргенсен, закатив глаза, начал бормотать:

— Первая — отменить задание и возвратиться. Вторая — продолжать задание в надежде, что нас не накрыли. Третья — запуск альтернативной программы.

— Давай анализ,— приказал Стэн.

— По варианту первому: задание с высоким приоритетом; в настоящий момент не завершено. Вариант можно рассматривать в последнюю очередь. Вероятность выживания — девяносто процентов при условии выполнения в течение ближайших пяти часов.

По варианту второму: для точного прогноза не хватает данных. Предположение — местный агент раскололся на допросе. Вариант не рекомендуется. Вероятность выживания менее двадцати процентов.

Члены группы глядели друг на друга — шло безмолвное голосование. Как всегда, мнения Фрика и Фрэка никого не интересовали.

— Два Майяткина!

Йоргенсен очнулся:

— Ну и какой у нас план?

— Победу ухватит бегущий,— с поэтическим пафосом продекламировал Алекс.

— Неплохо,— одобрил Йоргенсен.— Стало быть, все, что от меня понадобится,— как следует бегать. Годится!

Стэн поперхнулся. Алекс стукнул его по спине — дружеский жест, от которого Стэн чуть не проломил собой перегородку между комнатами. Временами этот обрубкообразный коротышка из мира с утроенным тяготением забывал, что он не у себя на родине.

Стэн со свистом набрал наконец воздуха в зашибленные легкие:

— Нокдаун не прошел.

— Ты сильный парень, Стэн. Однако, как говорится, блеяние ягненка освобождает тигра, так, что ли?

Стэн хмуро кивнул и принялся снимать оружие.

Киллер наблюдал за ним с другого конца комнаты. Приходится ждать еще. Хорошо это или плохо, но его будущее зависело от успеха команды. Временно.

ОПЕРАЦИЯ «БАНЗИ»

Не заносить в папку общих приказов по гвардии; не заносить в имперский архив; запрещается размножение, помимо оригинала и одной копии в оперативном центре «Меркурия». Публикации ни в каком виде не подлежит.

Оперативное задание

1. *Обстановка.* Планета Саксон, условия близки к земным. Преимущественно покрыта пустынями. Доминирующая культура — кочевая (см. прилож. А). Главный город — Атлан, здесь расположены единственные на планете космопорт и промышленный комплекс; находится в одной из немногих плодородных долин. Наличие большой реки и искусственное орошение являются причинами процветания Атлана. Город, а следовательно, и внешняя политика всего Саксона контролируется многочисленным кланом-племенем ку-рия (см. прилож. Б), по-видимому, дочерней ветвью основной бедуинской культуры фал-ици. Промышленность и внешняя торговля также контролируются племенем ку-рия. В пределах Атлана власть ку-рия держится на штыках этнической группы эм-лан, построенной во многом по наследственному принципу. Власть ку-рия за пределами города практически не существует. Кочующие племена живут в состоянии полуанархии. Основной предмет экспорта Атлана — оружие, изготовляемое по технологии, предоставленной следующими развитыми государствами: планеты (вычеркнуто), (вычеркнуто) и (вычеркнуто). Второй по значению предмет экспорта — произведения примитивного искусства, в большинстве своем не высоко ценящиеся.

2. *Задание.* Пресечь отгрузку и перевозку оружия за пределы государства, а также существенно снизить эффективность его производства или разрушить производственные мощности.

3. *Условия выполнения.* Команда должна на месте определить, в каком варианте будет выполняться задание. Преимущество отдавать политическим методам; при необходимости — использовать военные. Факторы, влияющие на выполнение,— этот пункт не применяется по отношению к заданиям внутри империи. Необходимо прилагать все усилия к тому, чтобы не допустить утечки информации о вмешательстве империи (см. прилож. «Перечень методов и оборудования»).

Ограничения: минимальное количество пострадавших из племени фал-ици. Сохранение прежнего социального и биологического статуса группы ку-рия — несущественно. Изменение существующего общественного устройства — несущественно.

4. *Координация.* Помимо стандартной эвакуационной программы, учитывая условия операции «Банзи», может быть оказана лишь маломасштабная поддержка, заключающаяся в...

5. *Команды и сигналы.* Операция «Банзи» ведется согласно кодексу IXAL. Отряд богомолов выходит на связь по следующему графику...

Глава 27

Когда стражники втолкнули Стэна в темноту камеры, он споткнулся о кого-то, молча лежащего, так сильно, что покатился по полу. Стэн принялся было извиняться, но вдруг замолчал и принюхался. Примерно третий день, как бедолаге не нужны ничьи извинения, оценил Стэн.

Он поднялся на ноги. В камере было темно, словно в пещере. Стэн повращал глазами, сделал гипервентиляцию легких, отчего зрачки его расширились сверх обычного. Освещенность здесь не превышала одной свечи.

Тюрьма как нельзя более соответствовала духу человеколюбия, царящему на Саксоне. Постройте крепость с нерушимыми застенками и побросайте туда всех, кто вам не нравится. Кормите их так, чтобы они только не мерли с голода, и можете навсегда забыть о них. Что происходит в камерах — не интересовало никого.

Одна надежда, что Са-фаил еще жив.

Стэн нащупал в темноте прохладу камня и прижался к стенке спиной. Немного подождал. Да, паршивенько здесь. Чтобы добраться до него в такой темени, мальчику-мажору с его головорезами придется брести на ощупь минут десять... А, вот они приближаются.

Стэн не стал задавать лишние вопросы. Ребром ладони рубанул по горлу одного из мародеров и боковым в корпус свалил его, хрипящего остатками гортани. Второй заработал удар кулаком в заушную впадину. С каждым проведенным приемом Стэн чувствовал, как взлетает его рейтинг по местной шкале достоинств.

Он швырнул тело второго противника прямо на летящий кулак третьего из нападавших и, полуприсев, занял равновесную стойку. Однако третий паренек решил не испытывать судьбу.

— Мне нужен Са-фаил. Тот, что из Черных юрт. Где он?

Подхалимская улыбка давалась парню нелегко — видно, это не было у него в привычке. Стэн спокойно смотрел на жабью гримасу. Малый кинул взгляд на одну руку Стэна, потом на другую, хрюкнул:

— Там, за углом. Наводящий ужас пусть идет туда сам.

Стэн с доброжелательной улыбкой поблагодарил за предоставленную информацию и провел резкий удар в голову. Носовой хрящ размазался у малого по лицу, грабитель взвыл и упал ничком. Стэн перешагнул через корчащегося на полу; добивать его он не стал. Парень будет не меньше часа унимать кровь, прежде чем сможет сказать что-нибудь и направить погоню по нужному следу, чтобы отомстить обидчику. Этого времени Стэну должно было хватить с избытком.

Стэн прокладывал себе путь через тела, тихо зовя по имени того, кого искал. Наконец он нашел его. Са-фаил находился в окружении свиты. Стэн взглядом сверху вниз окинул группу узников. Выглядели они на удивление неплохо. Стэн подумал, что, может быть,

заключенных время от времени выпускают на свободу — для поправки.

Кочевник сел, поглаживая бороду узкой рукой.

— Ты не из Народа,— сказал Стэну кто-то, по-видимому приближенный Са-фаила.

— Да, я не ваш, о Герой Пустыни, Тот, Который Заставляет Трепетать Слизней ку-рия! — без запинки проговорил Стэн на диалекте кочевников.— Но я давно преклоняюсь перед тобой.

Пустынник кашлянул.

— Мне приятно. Твое уважение столь велико, что ты решил присоединиться ко мне в сем дворце.

— Благодарю тебя за теплосердечное отношение, О Тот, Кого Боятся Жабы,— сказал Стэн.— А сейчас я бы посоветовал тебе и твоим людям перейти поближе вот к этой стенке. Вы...— Стэн на секунду задумался, подбирая слова.— У вас не очень много времени.

— А что должно произойти? — поинтересовался приближенный Са-фаила.

— Скоро случится так, что большая часть тюрьмы перестанет существовать.

Кочевники загудели, но по мановению руки Са-фаила тотчас замолкли.

— Я полагаю, ты шутишь, чужеземец? Подобные шутки неуместны.

— Ты волен рассудить по своему усмотрению. Но решай быстрее.

Са-фаил задумался. Затем легко, как молодой, поднялся на ноги:

— Мы сделаем то, чего желает чужеземец. Что бы ни произошло, по крайней мере, развеем скуку, хотя шутка его совсем не смешна.

— Да, моя шутка совсем не смешна,— согласился Стэн.

Дром вытянул шею, пожевал черными губами и неожиданно плюнул в Алекса. Тот увернулся и врезал животному коленом под ребра. Дром фыркнул и лениво поднялся на голенастые ноги.

Никто из группы не любил дромов — вонючих, упрямых — основной транспорт в пустынях Саксена. Алекс оказался самым выносливым в обхождении с ними. Он однажды имел счастье попасть на Земле под арест, будучи еще в гвардии, и там довольно тесно общался с верблюдами, поднося им корм и собирая дерьмо на кизяк. Его уже не обращали в бегство ни вонь, ни дурная привычка животных плеваться во все движущееся слюной, от которой поднималась температура и прошибал недельный понос. Но этого конкретного представителя горбатого животного мира Алексу было немного жаль, учитывая, какая судьба уготована бедняге.

Дром переминался с ноги на ногу, высокомерно задрав шею, и звучно отрыгивал жвачку, а затем поднял хвост и с удивлением стал наблюдать за тем, как работает его кишечник. Алекс переместился

к наветренному борту корабля пустыни, но старался все-таки дышать пореже. Он нагнулся, внимательно изучая продукты питания, вышедшие из животного, и, видимо успокоенный, похлопал дрома по вислому горбу:

— Последнюю кормежку ты, дружок, не забудешь. Только потерпи, милый, не какай больше!

Охранники из службы безопасности, кишевшие около тюрьмы, сорвали и перетрясли весь халат торговца, который носил Алекс.

«Валяйте, ребята, попробуйте еще вывернуть наизнанку каблуки моих туфель»,— думал он, с равнодушной улыбкой коренного жителя пустыни наблюдая, как стражи пытливо исследуют его дневной пропуск — конечно же, фальшивый. Кто догадается искать бомбу в желудке дрома, привязанного подле тюремной стены? И среди барахла, наваленного на маленькую тележку, никаких пушек они не обнаружили...

Алекс присел на корточки у стены и занялся подсчетом истекающих секунд.

Фрик дал крен на крыло, подруливая поближе к Фрэк. Наполовину бессловесная, полуинстинктивная связь:

— Ничего необычного.

Остальные бойцы группы находились на своих местах. Фрик цепким коготком на конце крыла включил свой передатчик:

— Ничего. Ничего.— Выключил. Они с напарницей прицепились вверх ногами к камням городской стены. Если кому-то из команды понадобится связной — они будут тут как тут в считаные секунды.

«Наверное, когда рванет»,— подумал киллер. Потом отказался от решения: сейчас на счету каждый ствол.

Йоргенсен нервно теребил талисман-самоуничтожитель, болтающийся у него на шее. Когда признаки жизни перестанут фиксироваться следящим прибором, взрыв разнесет вдребезги тело шпиона и всю его амуницию. Отряд богомолов гарантировал своим сотрудникам, что никто не сможет опознать их после смерти.

«Еще на один день ближе к ферме»,— угрюмо думал Йоргенсен. Другого способа увидеть родные края не предвиделось. Йоргенсен раскатал молитвенный коврик и вытащил оттуда свой виллиган.

— Как я понимаю, вы сделали это нарочно,— мурлыкал зануда Док.— Вы ведь знаете, с какой неприязнью мы на Альтаире относимся к смерти.

— Нет,— отвечала ему Виннетса.— По крайней мере, я ничего такого специального не делала. Хотя это, пожалуй, чертовски заманчивая идея.

Док сидел на ступенях входа в усыпальницу, сжимая пистолет в своих миниатюрных пухлых лапках. Виннетса, в последний раз проверив готовность к работе ракетного пускача и виллигана, забросила наконец оружие на эластичном ремне за плечо.

— Месть... Одна из типичных отвратительных человеческих черт,— сказал Док.

— А у вашего народа такого понятия не существует?

— Нет. Считая, что мы подобны вам, вы попадаете в болото антропоморфизма. Не пытайтесь создать себе подобных, вы не боги! Вы — это вы, но не более. А мы — это мы. Время от времени мы вынуждены персонально переделывать то, что произошло по воле — как это у вас — судьбы.

Виннетса собиралась было ответить, но в этот момент по кладбищу хлестнул осколками первый взрыв. Две вооруженные фигуры, взяв низкий старт с могилы, устремились с быстротой спринтеров к казарме охраны, соединявшейся наземным туннелем с тюрьмой.

За неделю до описываемых событий подкупленный охранник заложил заряд в караульную будку у главных ворот — под предлогом ремонта стены.

Этот первый взрыв был небольшим, но эффект произвел какой следовало. Алекс приготовил взрывчатку, на вид не отличавшуюся от глины, и нашпиговал ее стеклянными шариками, скупив все, что были на базаре. Получившаяся добрая старая шариковая бомба вывела из строя с десяток стражников у ворот, собиравших дань с желающих пройти.

Алекс велел поставить заряд на высоте ниже пояса. «Чем больше будет воя, боли и возни с ранеными, тем сильнее это их отвлечет»,— пояснил он.

Виннетса добросовестно, как и следует отличнице, установила расстояние на взрывателе ракеты. Прицелилась, положив трубу пусковой установки на плечо. Перед тем как нажать спуск, она услышала крики офицеров, пытавшихся загнать свои оробевшие взводы в туннель...

Ракета гулко прокашлялась в трубе, как бы пробуя голос; занялся топливный заряд, и ракета с воем унеслась вдаль, разбрасывая огненные брызги. Виннетса, распластавшись на земле, смотрела, как боеголовка прожгла кирпичную стенку туннеля, а потом внутри грохнуло. Крыша туннеля обрушилась. «Ну вот, дополнительная небольшая приятность»,— подумала Виннетса уже на ходу, направляя свой бег к позиции Алекса.

— Будь я чуть-чуть умнее, меня бы тут сейчас не было... Второй и третий, прошу вас! — Алекс распахнул халат, чтобы удобнее было нажимать ключи подрыва на панели, прикрепленной к его брюху.

В противоположных концах тюрьмы прогремели взрывы.

— Родной мой дом — гвардия. Большего мне не надо... Четвертый и пятый.

Снова взрывы.

— Охо-хо, куда ушло то времечко! Да и мы уже не те, а тех уж нет, они далече...

Последние слова относились, видимо, к несчастному дрому и огромному куску тюремной стены, исчезнувшим одновременно с поворотом главного ключа адской машинки.

Алекс с ревностью профессионала смотрел, как взрывная волна валит остатки стены, а огромные булыжники молотят по зданию тюрьмы, круша его. Громко выли заключенные — кто в ужасе, кто в агонии.

— Бастилия пала! — воскликнул Алекс, но никто не понял, не подхватил эти глубоко доисторические слова. Что взять с них всех? Презренные потомки... Но может, виновато его неправильное шотландское произношение?

Алекс схватил с земли виллиган и встал на изготовку. Наружу высыпали яростно моргающие узники, ослепшие от дневного света.

— Пошел! Пошел! — торопил их Алекс, хотя никто особо не нуждался в понуканиях. Люди бежали врассыпную, кто куда, подальше от «дворца теней».

— Ну давай, Стэн, давай же, парень! Где ты там плетешься, не тяни время. Твоя мамка колченогих рожала, что ли?

Наконец Стэн, старейшина с бородой и несколько человек в одеждах кочевников гурьбой выкатились на улицу. И в этот момент Алекс увидал взвод стражников, выходящих из-за угла прямо на него.

— Ну, по этому векселю я еще могу заплатить! — проворчал он и нажал последнюю кнопку на брюхе. Взрывная волна заряда направленного действия, змейкой уложенного на тротуаре. достигла взвода и помчалась вдаль, унося в своем вихре глаза и зубы солдат.

Алекс бросил подбежавшему Стэну виллиган:

— Может, нам пришла пора прогуляться со двора? Ты знаешь, Стэн, как надоело сидеть и ждать в углу без дела!

Стэн захохотал, припал на колено и дал веерную очередь вдоль улицы. Потом кочевники со всех ног устремились прочь за двумя солдатами.

Док вяло махнул лапкой. Одновременно крякнули два виллигана, и у ворот повалились друг на друга стражники.

Стэн, Алекс и опекаемые ими кочевники бежали по улице вверх. Навстречу им вниз продвигались Виннетса с Йоргенсеном.

Городских ворот они достигли одновременно. Алекс опередил группу, подбежал к воротам, отстегнул ранец, взвел таймер и вернулся назад налегке:

— Я бы вам советовал прилечь на панели, чтобы очки не улетели.

Пустынники непонимающе глядели на человека-бочку, говорящего странные слова, и лишь после яростного жеста Стэна и крика «Ложись!» уткнули свои бороды в камень тротуара рядом с бойцами команды.

Взрыв; тяжелые створки ворот, как бы приглашая желающих погулять за городом, распахнулись и, грохоча, слетели с петель. С визгом бросилась в стороны подворотная живность — шестиногие собаки, коты-змееяды и во всех мирах одинаковые нищие. Разлетевшиеся обрывки железа застряли в глинобитных пузатых стенах, а также в животах тех солдат, которые слишком усердно догоняли беглецов.

— Обсчитался на секунду! — сокрушенно пробормотал Алекс.— Так бы всех укокошило...

Впрочем, фразу он не закончил. Они уже бежали по песку с наружной стороны городских стен — приходилось беречь дыхание.

— Здесь стоим,— тоном приказа произнес Са-фаил.— Мои воины ведут наблюдение за городом. Скоро они спустятся с дюн посмотреть, что за странные люди осмелились выйти за ворота Атлана без охраняющей их роты солдат.

Группа богомолов с автоматизмом, отработанным долгой тренировкой, построили периметр обороны; все залегли за камнями. Виннетса вытащила фляжку и пустила по кругу.

— Чужеземцы, фал-ици перед вами в долгу,— сказал Са-фаил, сделав глоток.

Стэн поглядел на Дока. Плюшевый мишка был довольно далеко, но тут же повернулся к ним передом. Его усики-антенны плавно зашевелились. Стэн отчетливо ощутил, как спадает общее напряжение. Неосознанно, все — и бойцы, и пустынники — почувствовали в маленьком создании своего лучшего друга. Это действовал механизм выживания, присущий существам, к которым принадлежал Док. Добыть шкуру говорящего альтаирского медведя — такая мысль сводила с ума охотников, перестрелявших всю дичь на своих родных планетах. Плюшевые мишки с Альтаира боялись и ненавидели всех, в том числе и друг друга, за исключением, пожалуй, периода течки и недолгого срока вынашивания потомства. Но на чужой взгляд, они просто излучали любовь. Любовь и доверие. Редкое существо на свете найдет в себе силы не утонуть в потоке доброжелательства, источаемого этими маленькими созданиями.

«А почему же ты,— допытывался как-то Стэн (они тогда проходили совместную подготовку),— не ненавидишь нас? Меня, например? Или ненавидишь? Почему?»

«Потому,— угрюмо ответил Док.— Меня обработали. Мы тут все отфрезерованные. Я вас люблю, потому что обязан любить. Но это не значит, что вы мне нравитесь».

Док с достоинством поклонился седобородому пустыннику:

— Мы чтим тебя, Са-фаил, как человека чести, так же как и весь твой народ.

— Фал-ици, живущие в пустыне, в самом деле таковы, как ты сказал. Но те, городские слизни...— Помощник Са-фаила пнул носком сандалии песок. Поднялось облачко пыли.

— Я догадываюсь,— медленно произнес Са-фаил,— что вы освободили меня не без причины.

— Несомненно,— промурлыкал Док.— Нам от вас кое-что нужно.

— Все, что только сможет предложить народ Черных юрт. Но сначала дайте нам уладить дело с ку-рия. Тоже в известном смысле дело чести.

— Может статься,— заметил Док,— что, разобравшись с ку-рия, вы уплатите по двум счетам одновременно.

В юрте было дымно, жарко и ужасно воняло. Почему о кочевниках всегда говорится лишь в романтическом ключе, удивлялся Стэн. Ни один из местных принцев не имеет большего количества воды для мытья подмышек, чем последний бедняк.

Увидев, что Са-фаил, сидящий во главе стола, церемонно погружает горсть плова Доку прямо в пасть, Стэн не смог удержать смешка. Дай бог, чтобы благородный кочевник извлек обратно все пальцы целыми.

Впрочем, все складывалось хорошо.

Стэн незаметно прижал ногу Виннетсы, сидевшей чуть сзади. Люди кочевого племени с большим трудом и немалыми потерями приняли, что Ида и Виннетса являются полноправными членами команды, а не «женщинами». Помог им смириться с этим фактом случай. Однажды вечерком на Виннетсу попытались запрыгнуть сразу трое романтически настроенных юношей из кочевого племени, и она при свидетелях уложила их несколькими ударами.

Стэн почувствовал прикосновение Алекса к своему плечу.

— Позволь, мой друг, скормить тебе это. Здесь самый смак и вся соль обеда.

Стэн не успел как следует раскрыть рот — он хотел спросить, что это такое, как Алекс уже просунул угощение ему между зубами. Стэн укусил кусочек, и сразу же язык и нёбо подсказали ему, что тут что-то не так. Такое нормальные люди не едят! Стэн напряг волю и протолкнул угощение сквозь сопротивляющуюся глотку. Но и желудок его оказался не рад подарку, свалившемуся сверху.

— Что это было? — страшным шепотом спросил Стэн, пытаясь унять рвотные позывы.

— Глазное яблоко моровы, здешнего стадного парнокопытного.

Стэн решил сглотнуть еще несколько раз — на всякий случай.

Город из юрт раскинулся на мили. Как только отряд богомолов и их подопечные прибыли в дом Са-фаила, по всей пустыне разлетелись всадники с вестью. Прибывали все новые и новые группы людей, разбивали палатки. Са-фаил проявлял чудеса красноречия, уговаривая анархически (точнее сказать, наплевательски) настроенных соплеменников пойти за ним на Атлан. Многие оставались с Са-фаилом только по причине своей непомерной склонности к бесконечно продолжающимся переговорам, пересудам, толкам и спорам.

Стэн и Виннетса сидели рядышком на большом валуне высоко над чернеющими юртами и дымными кострами. В нескольких метрах от них вышагивал часовой.

— Завтра,— сказал Стэн, продолжая размышлять вслух.— Если только все сработает — прогноз не слишком оптимистичен... Ну и что мы будем делать завтра?

— Смотаемся куда-нибудь подальше от всех,— мечтательно ответила Виннетса.— И неделю пролежим в ванне. Будем отмывать друг друга... Лучше всего начинать тереть со спины.

Стэн усмехнулся, метнул взгляд на часового и, пока тот не смотрел в их сторону, быстро поцеловал Виннетсу.

— А тем временем Атлан превратится в пустыню, а ку-рийцы будут поджариваться на медленном огне.

— Думаешь, это к лучшему?

Стэн задумался, потом встал и притянул за руки Виннетсу, заставив встать и ее.

— К лучшему, к худшему — какая разница?

Тем дело и кончилось. Они пошли вниз, каждый к своей палатке.

Убийца следил за тем, как Стэн спускается с холма, и тихо ругался. Все было нормально и правдоподобно — ревнивый кочевник, несправедливо отвергнутый Виннетсой... Но — часовой? Как же долго не подворачивается удобный случай! Может быть, завтра? Так утомительно ждать...

Команда разделилась для атаки. Док, Йоргенсен, Фрик и Фрэк пошли вместе с кочевниками.

Кочевники ссыпались с дюн в предрассветных сумерках, неся с собой раздвижные лестницы. Достоинство атаки заключалось в том, что люди забыли о возможном нападении таким способом. Док сообщил Стэну, что штурмовыми лестницами не пытались пользоваться уже лет десять, не менее.

Кочевники имели секретное оружие — простые луки. Отряд богомолов еще за месяц до событий снабдил ими людей Са-фаила. Тетивы гнусаво пропели и замолкли. Стражники попадали со стен вниз. Настал черед лестниц.

Лучники продолжали обстрел, пока это было возможно, то есть до тех пор, пока первые атакующие не взобрались на стену, а затем с гиканьем закопошились под стенами с оставшимися лестницами.

Четверка бойцов-богомолов защищала Са-фаила, чтобы того не убили во время атаки. Как у всех варваров, место вождя было на гребне атакующей волны.

Повсюду раздавались вопли, дома рушились в огне под звук мечей, разрубавших тела врагов, будто тысячи мясников исполняли симфонию «а-ля дьяволо» для оркестра топоров с разделочными колодами. Горожане бежали в поисках убежища и не находили его нигде.

Эм-ланы бились до последнего. Этим тупицам хватило ума понять, что никто не будет вести с ними переговоры.

Йоргенсен видел, как толпы кочевников ворвались в здание гарема; при мысли о том, что там сейчас началось, его передернуло.

Док потянул его за полу халата.

— Ну просто дети,— мурлыкнул он.— Какая здоровая, непосредственная веселость!

Его усики зашевелились, и слава богу, а не то Йоргенсен не смог бы совладать с желанием раздавить сапогом голову панде-коротышке.

Виннетса устремила неподвижный взгляд в долину, где пылало зарево умирающего города.

— Наверное, уже достаточно. Этим кочевникам понадобится не меньше пяти лет, чтобы худо-бедно восстановить разрушенное.

— Может быть,— ответил Стэн.— Но здешние заводы — автоматические. Чтобы быть полностью уверенным, надо прервать подачу энергии.

— А кроме того,— вставил Алекс,— неужто ты, красавица, не дашь мне сделать то, что так мне нравится?

Стэн рассмеялся, и они продолжили работу по минированию зала электростанции, стоявшего на гребне плотины. Станция питала электричеством оружейные заводы, разбросанные на огромной площади долины.

Следуя указаниям Алекса, Стэн и Виннетса размещали заряды и соединяли их запальными шнурами с адской машинкой. Количество взрывчатки, заложенной повсюду, было непостижимым, приходилось ступать очень осмотрительно, чтобы не раздавить детонатор какой-нибудь бомбы.

На вопрос, зачем так много взрывчатки, Алекс ответил:

— В этом есть две хорошие стороны. Во-первых, получится отличный салют. А во-вторых, не придется тащить домой всю эту тяжесть.— Говоря это, он без видимых усилий приподнял бетонный блок весом сотни в три кило и заложил под него последний заряд.

— Сходи-ка, Стэн, на тот конец, проверь. На этой стороне все готово.

Стэн с Виннетсой, отбрасывая двойную тень, затопали по длинному гулкому коридору. Стэн нагнулся над зарядом и, проверяя шнур, тихонько подергал запал; затем пальцами стал осторожно ощупывать детонаторы — не переломился ли какой-нибудь из них. Стэн был поглощен работой и не замечал, что в его затылок нацелен пистолет.

Виннетса стояла метрах в десяти от него, держа оружие в вытянутых руках, твердо расставив ноги. Самая лучшая стойка. Бить надо наверняка.

Алекс, возившийся с проводкой на другом конце машинного зала, вдруг начал хлопать себя по всем карманам и выругался:

— Черт, до чего же я здесь исхудал! И стал бестолковым — ведь Стэн забрал мои пассатижи!

Он развернулся и не спеша затрусил по коридору. Подбежав к углу, где застряла парочка, сержант сначала остолбенел от увиденной картины. Виннетса целилась в Стэна. Она не торопилась, будто смакуя последние секунды его жизни. Бить надо наверняка!

Алекс заметил большой фарфоровый диск электрического изолятора, схватил его и метнул. Дальше все происходило как в замедленном кино.

Диск, вращаясь, плавно летел по дуге, поблескивая в неярком свете ламп служебного освещения. Алекс отчетливо видел, как медленно движется спусковой крючок под пальцем Виннетсы, и так же медленно и плавно к Виннетсе приближалась летучая тарелка. Диск впился ей в руку повыше локтя и полетел дальше. А рука вместе с зажатым пистолетом упала на пол, отвалившись, как глиняная.

Стэн обернулся, когда что-то прошелестело мимо него, обдав брызгами, и увидел, что случилось с Виннетсой. Ее лицо кривилось в агонии, она скребла уцелевшей рукой по поясу, пытаясь достать второй пистолет; но тот оказался с другого бока, и она, совсем теряя рассудок, стала бессмысленно дергать обломком розовой кости, торчащей из мокрого разлохмаченного рукава. Затем упала на спину, сумев-таки вытащить пистолет...

По зданию прошло содрогание от первой серии взрывов; Стэн отскочил в сторону и машинально принялся действовать. Все чисто автоматически, как учили. Его пистолет оказался быстрее. Голова Виннетсы разлетелась, как лампочка, в которую попали из рогатки. Брызнула фиолетовая кровь вперемешку с желтыми прожилками мозгов.

Стэн упал на пол. Подошел Алекс, наклонился:

— Ты в порядке, малый?

Стэн кивнул. Он ничего не соображал. Ничего не чувствовал. Алекс посмотрел на него, потом на труп и снова перевел круглые от недоумения глаза на Стэна.

— Девчонка, видать, того...— Он покрутил у виска пальцем.

Стэн с усилием встал на четвереньки.

— Что с тобой, малыш? Тебя задело?

Стэн молча мотал головой. Алекс поднял его на ноги. Стэн стоял и тупо смотрел на то, что осталось от Виннетсы.

— У нас не слишком много времени,— произнес Алекс.— Поплачем позже. Я вижу, тебе это необходимо. Да и я... Хорошая была девчонка.— Он помолчал немного.— Нас ждет работа, слышишь, малыш? У нас есть еще дела.

Свои дела Алекс выполнял мастерски. Электростанция развалилась непоправимо — не осталось ни стен, ни механизмов. Огромные куски пенобетона плавали в воде перед плотиной — они раньше были крышей. Взрывной волной через гребень перебросило огромное количество воды. Сама плотина, правда, устояла.

Команда успела как следует оценить плоды трудов Алекса и насмотреться на впечатляющее зрелище пылающего города, сидя в ожидании эвакокрейсера империи.

Глава 28

Музей боевой и исторической славы отряда богомолов помещался в небольшом приземистом здании из полированного черного мрамора.

Стэн медленно поднялся по ступеням крыльца, сунул палец в отверстие на двери и подождал, пока компьютер сличит его отпечатки с зарегистрированными. В двери зажужжало. Стэн вошел в открывшийся проем. Пока он осматривался, стоя в тамбуре, дверь сзади сомкнулась, и по фигуре посетителя заплясал световой зайчик — дополнительная проверка с помощью лазерного сканера.

В зале царил полумрак. Освещение давали только точечные лампы над витринами. В дальнем конце Стэн увидел стоящего там Махони и отправился к нему, по ходу дела разглядывая экспонаты. Перекрюченный боевой скафандр; обугленные документы, тщательно вделанные в роскошную рамку; изуродованная взрывом аппаратура; нога какой-то непостижимой амфибии... Происхождение экспонатов определить было невозможно, да и их смысл был совершенно неясен. Было понятно только одно: это проявления героизма. Стэну попасть на эту выставку в качестве экспоната совершенно не улыбалось.

Махони стоял возле единственного места, где были какие-то надписи — список убитых или получивших увечья бойцов отряда богомолов; он тянулся от пола до потолка в три ряда. Комментариев список не содержал, и можно было понимать его по своему усмотрению — как перечень провалившихся ослов или как мемориал погибшим при исполнении государственной задачи.

Махони, разглядывавший этот памятный список, вздохнул — плечи его поднялись и опустились — и повернул голову на звук шагов.

— Я пришел посмотреть, нет ли здесь и моей фамилии — в самом верху. К сожалению, нет.

— И потому попросили меня прийти сюда, полковник? А могу я вынуть перочинный ножик и начертать здесь ваше несмываемое имя, а заодно и свое? Таким образом мы сэкономим подразделению расходы на камнереза.

Махони хмуро посмотрел на болезненно возбужденного Стэна.

— А почему, собственно говоря, твое имя должно быть увековечено на Доске Сожаления?

Стэн шмыгнул носом:

— Так ведь я совершил подвиг! Убил Виннетсу.

— А ты считаешь, что у тебя был выбор? Думаешь, она свихнулась — надлом психики в результате непосильной работы по выполнению боевого задания? Считаешь, что надо было как-то сохранить ее и впоследствии вправить ей мозги обратно?

— Да, я примерно так думаю.— Стэн бросил на Махони обескураженный взгляд и замолк.

Махони засмеялся мрачным смехом человека, умудренного опытом очень непростой жизни.

— Боюсь разрушить твои романтические иллюзии, Стэн. Знай, Виннетса не свихнулась. Она была наемным убийцей.

— Моя Виннетса?!

Махони на мгновение прикоснулся к его руке, а затем достал из кармана пузырек:

— Хлебни. Это придаст тебе сил и прояснит мозги.

Стэн дисциплинированно сделал несколько больших глотков. Он собирался вернуть пузырь Махони, но полковник отвел его руку:

— Он тебе еще понадобится.— И снова невесело усмехнулся.

— Прошу прощения, полковник, я не понимаю...

— Это был настоящий киллер. Высшего класса. И очень высокооплачиваемый.

— Как она сумела проникнуть в отряд богомолов? Успешно пройти проверку?..

Махони покачал головой:

— Нет, проверку прошла настоящая Виннетса. Мы разобрались с этой загадкой. Настоящая Виннетса погибла, когда была в отпуске. Это произошло на самой окраине империи, в зоне Первопроходцев, и мы не получили оттуда своевременного сообщения, потому что клерк по фамилии Фрезер уничтожил его. Он сделал это, чтобы женщина-убийца смогла встать на место Виннетсы.

— Как же вы собираетесь поступить с этим негодяем?

— Никак. Он исчез. Видимо, лже-Виннетса заметала следы.

Стэн прокрутил полученную информацию в голове. Во всем этом должен быть какой-то смысл... Черт, нет здесь никакого смысла!

— Не возьму в толк, зачем кому-то пускаться в такие расходы ради меня? Ведь это сумасшедшие деньги!

— Мы пока не знаем.

Стэн постарался припомнить всех своих врагов и нашел нескольких смертельных. Но они стали бы выяснять с ним отношения либо в баре, либо в подворотне. Он поднял голову:

— Не приложу ума, откуда тянется хвостик.

— Я подскажу тебе: с Вулкана.

— Не может быть! Конечно, за мной охотились. Но ведь я был дэлинк, то есть никто. Беспризорный малолетний преступник — и ничего больше. Нет, даже самый извращенный ум на Вулкане не породил бы идею нанять убийцу для охоты на людей моего социального статуса.

— И все-таки они сделали это.

— Кто? И зачем?

Махони жестом попросил фляжку.

— Существует единственный способ узнать это. Проба мозга.

У Стэна мороз пошел по коже. В памяти всплыл образ Орона.

— Нет.

— Мне это нравится так же, как и тебе, сынок,— сказал Махони,— но другого пути я не вижу.

Стэн энергично покрутил головой.

— Послушай, возможно, это связано с тем небольшим заданием, которое я тогда дал тебе и твоим друзьям.

— Но мы же ничего не смогли добыть!

— Кто-то думает иначе.

— Торесен?

— Именно.

— Но я все еще не...

— Обещаю, что не буду лезть никуда, кроме этого эпизода твоих воспоминаний. Сосредоточусь на последних часах, проведенных тобой на Вулкане.

Стэн взял фляжку, протянутую Махони, отпил. Задумался. Наконец произнес:

— Хорошо. Я согласен.

Махони положил руку ему на плечо и повернул к двери.

— Туда. Гравитолет уже подан.

...Стэн пролез сквозь дыру в перегородке, не сводя глаз с патрульного, стоящего к нему спиной...

— Нет,— сказал Махони.— Не то.

Стэн лежал на операционном столе. К его голове, рукам и ногам тянулись провода, подключенные к небольшой металлической коробке. Рядом с коробкой мерцал экран компьютера.

Махони, Рикор и инженер в белом халате смотрели на экран, наблюдая, как Стэн волочит патрульного к дыре и затаскивает внутрь.

Рикор отвлеклась на минуту, чтобы проверить, в порядке ли сигналы жизнедеятельности организма испытуемого, которые отображал медицинский монитор, и, удовлетворенно вздохнув, кивнула инженеру. Тот нажал какие-то клавиши, и на экране компьютера появилась новая картина.

...Стэн с другими дэлинками у двери в кабинет Торесена. Позади него стоит Бэт. Она вытаскивает пластмассовый стерженек из кармана и прикладывает его к дверному полотну точно посредине... Бэт... Бэт... Бэт... Бэ...

— Стоп! — резко приказала Рикор.

Инженер остановил сканирование мозга; лицо Бэт застыло на экране. Рикор наклонилась над Стэном и ввела успокаивающее средство. Судорожно напряженные мышцы испытуемого расслабились. Рикор бросила взгляд на медицинский монитор, по которому ползла зубчатая линия кардиограммы, и сказала инженеру:

— Можно продолжать.

...И Стэн вошел в комнату Торесена. Вот охранная сигнализация — детектор движущихся предметов...

— Почти нашли,— сказал Махони.— Проскочите на несколько минут вперед.

... Из сейфа Торесена вылетают бумаги за бумагами... Орон подбирает их... Толстая красная папка, надпись: «Проект "Браво"».

— Держите здесь,— приказал Махони.— Стоп!

— Это то, что вы искали? — спросила Рикор.

— Да.

— Вы хотите, чтобы я... чтобы мы удалились?

— Да.

— Следите за уровнем жизнедеятельности организма. Если сигнал начнет хоть немного слабеть, тут же отключайте мозговой пробник.

— Я сумею.

Рикор и инженер с сомнением переглянулись и покинули зал. Махони продолжил откачку содержимого мозга Стэна...

...Выражение лица Орона стало бессмысленным; папка упала и рассыпалась. Стэн лихорадочно начал собирать листочки, валяющиеся на полу. Он не мог почти ничего понять, однако его мозг фиксировал изображения!

Махони, проклиная себя, остановил картинку и копировал листок за листком с экрана. Пальцы его дрожали, когда он стучал по клавишам компьютера. Вот ведь дьявол, оказывается, то, что ему нужно, все время торчало у Стэна в мозгах!

Глава 29

Махони, вытянувшись в позе напряженного внимания, стоял перед императором.

— Антиматерия-два,— шептал император.— Да... Да, это имеет смысл. Только он способен...— Властитель посмотрел на Махони за-

туманенным от раздумья взором, затем спохватился: — Вольно, полковник.

Махони слегка отставил левую ногу.

— Судя по тому, что вы сейчас рассказали,— произнес император,— Торесен стоит на пороге создания АМ-два искусственным путем. Такова цель проекта «Браво». Браво!.. Простите за каламбур. Однако это лишь ваше мнение. Догадка. Это даже не мысль, а так, обрывок мысли дэлинка.

— Империя добывает АМ-два,— сказал Махони.— И только вы контролируете ее добычу. Кроме вас, никто не знает, где находится источник антиматерии. Поэтому...

— Поэтому я император. Я стал им благодаря АМ-два. И пока я в здравом уме, пока я... Короче, я всегда смогу обеспечить абсолютную стабильность в Галактике.

— Видимо, Торесен полагает, что сумеет заменить вас на этом посту...

Император покачал головой:

— Нет. Вы недооцениваете Торесена. Это очень тонкий человек. Если он способен изготовить АМ-два — а этого, между прочим, никто, кроме меня, делать не может,-- такая вещь очень дорого всем нам обойдется.

— Какова же цель его игры?

— Например, шантаж. Угроза обходится дешевле, а приносит много больше, нежели прямые действия. Если все будут знать секрет производства АМ-два, я просто окажусь не нужен. Надеюсь, Торесен достаточно проницателен и понимает, что утечка информации об АМ-два приведет к падению империи. Этого он не желает ни в каком случае...— Император надолго замолк. Затем неожиданно произнес: — Я хочу, чтобы вы были готовы к тому, что Торесен попросит нас кое о чем и будет обещать очень высокую плату.

— О чем же?

— Не важно. Важно то, что мы остановим его. Сейчас же.

Махони снова вытянулся по стойке «смирно».

— Итак: воспользуйтесь отрядом богомолов. Во-первых, необходимо разжечь мятеж на планете Вулкан. Во-вторых, изловить Торесена. Он нужен мне живой, понимаете?

— Да, сир.

— Так вот, когда Вулкан восстанет, я буду вынужден послать имперскую гвардию, чтобы установить там порядок. Естественно, компанию возглавит кто-то другой вместо Торесена. Он согрешил.

Император поднял бокал, покачал его, наблюдая за игрой света в гранях, отпил чуть-чуть, нахмурился и отставил бокал в сторону. Снова поглядел на Махони и полувопросительно поднял брови.

Полковник отдал честь, развернулся и вышел из императорских покоев. Властитель пристально разглядывал бокал. Да, ему надо следить абсолютно за всеми. Теперь это относится и к Махони.

Глава 30

Стэн и его команда сидели в комнате для брифингов. Собрание вел Махони.

— Итак, выбор, естественно, пал на вашу группу, учитывая прошлое Стэна. А теперь касательно самого задания. Я вижу программу, которая состоит из четырех этапов...

Когда Махони предложил Стэну поработать со своей группой на Вулкане, тот согласился без колебаний. У него были свои причины для визита туда, и даже если бы остальные члены команды отказались, он бы все равно что-нибудь придумал, только бы пролезть в состав группы, направляемой на эту планету.

Да, особые причины. Махони кое-что просмотрел, когда копировал листы во время пробы мозга Стэна. Он не обратил внимания на один листок в папке проекта «Браво», который, по его мнению, внимания не заслуживал. Лист начинался заголовком: «Зона отдыха № 26. Сводка действий».

Зона № 26... Она называлась городок Развлечений. Торесен отдал приказ уничтожить городок. Тогда-то и погибли отец, мать... Вся семья Стэна.

Махони закончил говорить, оглядел членов команды.

— Вопросы есть?

— Нет, сэр. Вопросов абсолютно никаких,— произнес Стэн.

Книга четвертая

Возвращение на Вулкан

Глава 31

Торесен наслаждался. Он шел по саду, снова и снова останавливаясь, чтобы вдохнуть аромат цветка. Кое-какие закавыки, правда, еще оставались, но в общем все шло в соответствии с его планом. Теперь он мог больше не беспокоиться об угрозе со стороны императора. Все утечки пресечены. И даже через того маленького скверного детеныша мигров по имени Стэн. Зловредный зверек мертв, в этом Торесен был совершенно уверен. Он получил информацию из метрополии.

— Я пробил брешь в системе защиты информации гвардии,— похвастался Крокер.— Так что теперь я качаю сведения прямо из их компьютера.

— Это что-нибудь значит,— спросил магнат,— кроме того, что вы потребуете прибавки жалованья?

— Это значит, что ваш Стэн отбыл в лучший мир. Убит во время учений. Несчастный случай. Там погибла еще какая-то девица.

Торесен улыбнулся. Просто замечательно. Какая экономия — не придется расплачиваться с киллером.

— Хорошая работа. Ну а что вы можете сообщить касательно моих отношений с императором?

— Здесь все в порядке. Недавно императору поступила одна жалоба — ничтожная, смею сказать,— на положение у нас на планете; властитель объявил персональный выговор жалующейся стороне: мол, он не потерпит клеветы в адрес такого признанного патриота, как вы.

Торесен сорвал цветок, задумчиво понюхал. Нет, этому верить нельзя. Ясно, что император начал какую-то игру. Однако причин для беспокойства нет. Единственный возможный финт императора в этой игре — ожидание. А проект «Браво» близок к завершению.

Да, Торесен мог с полным основанием быть довольным.

Они всем телом ощущали, как гудит от напряжения трос лебедки. Буксир неловко подтягивал один огромный валун, зажатый клешней транспортного захвата, к другому такому же. Грозило столкновение глыб. Ида, ругаясь на чем свет стоит, сражалась с управлением. Вот она не сумела справиться, и два гигантских камня столкнулись. Бойцы отряда богомолов шмякнулись об одну сторону камня, затем кувырком покатились в другую сторону, откуда раздался громкий звук нового удара.

— Разве нельзя заставить эту чертову штуковину идти ровнее? — крикнул Стэн Иде.— Так ты нас в банановый фарш превратишь!

— Я стараюсь... стараюсь! — нервно ответила Ида, обернувшись назад. Она поерзала на сиденье, устраиваясь прочнее, и снова заколдовала над клавишами.

Команда богомолов сидела в камне. Это был огромный пустотелый кусок руды; внутри все было устроено как в космическом корабле, не хватало только двигателя. По этой-то причине они и болтались на привязи за буксиром, проклиная Иду, которая с весьма переменчивым успехом управляла транспортным механизмом изнутри булыжника, заблокировав сигналы диспетчерского пункта.

— Я не виновата,— оправдывалась Ида.— Просто у этой чертовой машины мозги меньше микробьих.

— Зачем обижаешь маленьких животных? — сказал Алекс.— Все разумение, что есть сейчас в машине, придала ей ты,— ох, проклятье!..— моя милая.

Ида ухмыльнулась, заслышав болезненное восклицание Алекса. Снаружи послышался стук нового столкновения.

— Может быть, нам лучше всем заткнуться,— сказал Стэн, потирая ушибленный локоть,— и пусть пианистка играет как умеет.

Ида в очередной раз залезла в кресло, из которого ее только что выбросило, устроилась попрочнее и застучала по клавишам компьютера. Наконец ей что-то начало удаваться, и преследующая их глыба отодвинулась. Двигатель буксира дал тягу, и они медленно поплыли в нужном направлении — к поверхности планеты Вулкан.

Авторство способа скрытного просачивания на охраняемую территорию под видом куска скальной породы принадлежало Стэну. Он учел то, что руду Вулкан добывал без участия людей, работали только автоматы. Привязанный сзади на втором тросе булыжник, о который они все время бились, вез в своем нутре оборудование диверсионной группы.

Приближался контрольный пункт. Ида выпустила электромагнитное маскировочное покрывало и, обернувшись к остальным, приложила палец к губам. Капсула службы безопасности потыкалась но-

сом в их убежище и, ничего плохого не унюхав, дала разрешение на въезд.

Удар, сдавленные проклятия, и буксир поволок их к огромному зияющему порталу. Затем раздалось громкое лязганье, и они начали проваливаться вниз.

— Черт бы тебя побрал, Ида! — застонал Йоргенсен.— Вот уж не знал я, что в тебе так мало человечности!

— Ошибаешься,— возразил Док.— Неужели ты сам не видишь, сколько в ней этого... как ты сформулировал? Она весит столько же, как два человеческих существа средних размеров. В этом ее беда.

Их каменная капсула двигалась по ленте конвейера туда, откуда раздавался громовый звук жующих непомерных челюстей.

— Прибыли,— сказал Стэн.— Просьба ко всем выйти. И побыстрее!

Они открыли люк и выкарабкались наружу. В сотне метров впереди нетерпеливо ожидала прибытия очередной порции пищи камнедробилка, мерно открывающая и закрывающая свою гигантскую пасть.

Стэн с Идой подбежали к «багажному отделению», распахнули его люк и стали выгружать коробки. Йоргенсен стоял в сторонке, прижимая к груди большую полотняную сумку, свою неизменную спутницу, и время от времени поглаживал ее. Из сумки раздавалось подвывание — это стонали Фрик и Фрэк, упрашивая поскорее выпустить их на волю.

Наконец багаж был извлечен и подтащен к краю транспортера.

— Дальше,— запыхавшись, сказала Ида, опуская мешок в складной гравитолет,— поведешь сам.

— Не смогу,— ответил Стэн.— Похоже, у меня сломана рука — твоими стараниями.

Он увернулся от пухлого кулака, со свистом рассекшего воздух, и первым прыгнул в машину. Когда вся компания разместилась, Стэн включил ручное управление и повел вездеход к своему тайному пристанищу.

Стэн разведал это место еще в бытность свою дэлинком. Это было нечто гораздо большее и лучшее, нежели просто тайник. Это был дом, полный пищи, и питья, и чего угодно...

— Такому, пожалуй, и царь позавидует! — присвистнул Йоргенсен.

Даже Док с любопытством глазел на стэновскую находку. Они стояли в большом зале для игры в мяч, расположенном внутри того, что когда-то было первоклассным пассажирским лайнером. Лайнер этот сохранился еще со времен, когда межзвездные путешествия длились месяцами и конкурирующие компании пытались перещеголять друг друга разнообразием услуг и развлечений, которыми они привлекали пассажиров с толстым кошельком.

Здесь были и просто каюты — но какие каюты! — и помещения для отдыха и праздников, и несколько спортзалов, в одном из которых они находились сейчас. Все вокруг сверкало огнями, бликами отражавшимися в нетускнеющем полированном паркете. Сотни лет назад этот лайнер служил временной хижиной руководителям строительства Вулкана. Корабль был куплен у лопнувшей транспортной фирмы, установлен на поверхности планеты, а когда Вулкан вырос и вместе с ним выросли аппетиты начальства, прежние жильцы покинули его.

Высоко под сводом зала шелестели кожистыми крыльями Фрик и Фрэк, издавая пронзительные крики радости от наконец-то обретенной свободы.

— Ну что ж,— задумчиво произнесла Ида,— раз мышкам здесь нравится, значит, домик для жилья подходит.

Зато она не проявила большого восторга при виде компьютера, стоявшего в главной рубке, когда Стэн показал ей рабочее место:

— Это же чудовищный примитив! Ему место в музее!

У Стэна оказалось достаточно дипломатического чутья, чтобы попридержать язык за зубами, и вскоре он с удовлетворением наблюдал, как Ида, устроившись в кресле, оживила древнюю ЭВМ и стала вводить задание на вход в систему центральной вычислительной сети планеты Вулкан.

— Насколько я понимаю ситуацию,— произнес Док,— нашей главной задачей должна быть вербовка.— Он полулежал в глубоком кресле, болтая короткими ножками.

Разговор происходил в апартаментах капитана. Группа богомолов с волчьим аппетитом поглощала еду, предназначенную на Вулкане исключительно для руководителей.

— Ты хочешь сказать, что взрывать тут нечего? — разочарованно протянул Алекс.

— Потерпи, дружок,— успокоил его Стэн.— Очень скоро твои услуги понадобятся.— Стэн обратился к Доку: — А как ты представляешь себе вербовку? Если ты просто подойдешь к мигру и поманишь его пальчиком, он убежит от тебя как от черта рогатого. Решит, что ты — шпион компании.

— Дай мне питание, Стэн, я пораскину умом; смотришь, что-нибудь и напашу.— Йоргенсен отвалился от стола и сыто рыгнул, затем запустил горстью сублимированных вишен в потолок. Фрик перехватил шрапнель на лету, и они с подругой принялись за десерт.

Стэн отрицательно покачал головой:

— Я уже проанализировал ситуацию. Мы начнем с дэлинков.

— Ну, допустим, из твоих рассказов следует, что они будут все время с вожделением посматривать на наши шеи, примериваясь, с какого бока удобнее резать,— возразила Ида.

— Ваши предложения? — сказал Док.

Стэн изумился — Док обычно лишь констатировал факты. В его лексиконе вопросов, казалось, вообще не существовало. Поразмыслив, Стэн понял, что у Дока имеется свое понимание того, как вести игру, отличное от программы, которую им вдалбливал Махони на брифинге.

— Выкладывай, Док.

— Требуется лидер. Народу Вулкана нужен герой.

— Знаешь, как отвечают по телефону, когда ошибешься номером? Так вот, здесь таких нет.

— Я и сам это отлично вижу. Помолчи немного, я объясню.

Чтобы привести в действие план Дока, ждать пришлось не слишком долго. Ида проникла в компьютерную систему штаб-квартиры социопатруля, наладила перехват и удалилась спать, дав компьютеру команду разбудить ее в случае передачи существенной информации.

Ребята сели на ржавый гвоздь, это было очевидно — все выходы блокированы усиленными подразделениями социопатрулей. Кольцо облавы сжималось вокруг крупной банды молодых правонарушителей, попросту называемых дэлинками. У них были даже самодельные ружья. Привлекало внимание, насколько четко выполняются команды предводителя в анархической, казалось бы, шайке.

— Вы, трое, идите за эти ящики. Ты и ты — стойте вон там.

Раздался треск выламываемой патрулем наружной двери. Предводитель, а им была девушка, растерянно озиралась по сторонам. Что оставалось делать? Только молиться, чтобы кто-нибудь помянул их души. Еще пара минут — и придет смерть.

Девушка заняла позицию за складом ящиков и замерла в ожидании. Новый, еще более громкий скрежет, и дверь была взорвана, разлетевшись мириадами мелких металлических осколков. Раздались болезненные крики раненых. Предводительница, опомнившаяся одной из первых, бросила бутылку с горючей смесью в вооруженных людей, появившихся в проеме. Дэлинки повели яростный огонь из самодельного оружия и попытались прорваться наружу — безрезультатно. Патрульные наступали, прикрываясь выставленными вперед прочными щитами. Их ничто не брало!

— Всем лечь! — раздался откуда-то сверху повелительный возглас.

Предводительница увидела стремительно движущуюся фигуру — человек спрыгнул с потолочной балки на груду ящиков и оказался за спинами наступавших патрульных передового отряда. Девушка подняла свое оружие и прицелилась было в фигуру на вершине горы, но человек крикнул:

— Ложись, дура!

И тут начался кромешный ад.

Предводительница бросилась на пол, и как раз вовремя. Стэн, а это был он, открыл огонь из виллигана. Ряды патрульных смешались

в паническом испуге. Уцелевшие обратились в бегство. Стэн поливал им вслед, как из шланга. Все произошло за считаные секунды. На цементном полу валялось больше двадцати трупов в форме социопатруля.

Стэн спрыгнул с груды ящиков и направился к сбившимся в кучу дэлинкам. Они молча смотрели, как приближается человек с ужасным ружьем. Наконец один из мальчишек сделал нерешительный шаг ему навстречу.

— Кто ваш предводитель? — спросил Стэн.

— Ну, я.

Стэн вздрогнул, услышав позади себя девичий голос, и обернулся. Бэт...

Она падала, падала, падала куда-то в пропасть... Кричала, зовя Стэна; тело ее напрягалось от нестерпимой боли... Она снова была ребенком, задыхающимся в мертвящих объятиях ночного кошмара. А потом вдруг ее окружило что-то мягкое, как будто бы она, зарывшись в гору подушек, продолжала падать в бесконечно глубокий колодец. Подушки вдруг стали жесткими — она ударилась, падение прекратилось. Что это — дно? Затем — рывок вверх, еще и еще... Снова падение, и все стихло.

Бэт раскрыла глаза и поняла, что висит в воздухе над корытом грузового гравиподъемника, на котором обычно возят тяжелое оборудование. Бэт стала осторожно соскальзывать с невидимой подушки, поспешила и неловко свалилась на пол шахты подъемника. Стиснув зубы, чтобы перетерпеть боль от ушиба, она молча вперилась в темноту, изо всех сил пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Затем, потеряв самообладание, негромко подала голос, зовя Стэна. Тут же где-то наверху раздался шум, и по дну шахты зашарил яркий луч. Бэт едва успела откатиться в сторону, и выстрел патрульного не попал в цель. Она вскочила и со всех ног помчалась прочь от опасности по боковому штреку.

Нежась на шикарной постели, Бэт сладко потянулась, потом потерлась носом о плечо Стэна.

— Я никогда не думала...

Он закрыл ей рот поцелуем.

— Что тут думать? Мы живы, вот и все. Мы живем!

Ида расхаживала вперед и назад, сердито поглядывая на запертую изнутри дверь каюты, где квартировал Стэн.

— Просто великолепно,— сварливо говорила она Алексу.— Девка, которая умеет стрелять лишь глазами! А этот! Хорош, вояка хренов... Он что же, не понимает, что будет у нее просто очередным мужиком?

— А твои косточки никогда не ломило от любовной истомы, пышечка моя?

Ида разгневанно фыркнула, но не снизошла до ответа.

— Нам ведь всем было известно насчет Бэт,— мягко напомнил Алекс.

— Изве-естно! — взорвалась Ида.— Да, конечно, мы знаем психический профиль друг друга. Мне, например, известно, что ты тоскуешь по домашним пончикам, которые пекла твоя мать. Но это ведь не значит, что твоя бедная старая мамочка должна войти в состав отряда богомолов.

— Ну-ну, не умаляй достоинства моей матушки. У нее такая рука, что танк остановит одним ударом.

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду.

— Понял. Ты не права. Самую малость ошибаешься.

— Как это?

— Раз ты этого не видишь, нет смысла лезть вон из кожи, чтобы доказать. Стэн тебе лучше объяснит.

Ида помолчала, время от времени громко фыркая. Затем усмехнулась, отбросив проблему:

— К чертям! Пошли-ка вдарим с тобой по пивку.

— Ничего не выйдет! Давай лучше уедем прочь отсюда, как мы мечтали раньше,— упрашивала Бэт.

Стэн покачал головой:

— Не могу. Даже если бы мне разрешили, я бы все равно остался. Торесен...

— Проклятый Торесен!

— У меня есть план, как свести с ним счеты.

Бэт начала было говорить Стэну, что, даже если он и уничтожит Торесена, его семья не воскреснет... Но это было понятно и без слов. Она вздохнула:

— Я смогу как-то помочь?

— Ты командуешь этими ребятами с тех пор, как я... ушел?

Бэт кивнула.

— Из того, что я видел, можно заключить, что твоя команда очень неплохо организована...

— Ну, не так хорошо, как было у Орона,— возразила Бэт,— но на сегодня мы сильнее всех. У нас есть оружие, и мы не бегаем от патрулей, как бегали ребята Орона.

— Значит, в подпольном мире к вам относятся с уважением?

— А то!

— Отлично. Ты сможешь устроить общий сбор?

— Тусовку? Зачем?

— Сейчас все объясню.

Предводители шаек воинственно поглядывали друг на друга. Несмотря на все заверения Бэт, вожаки дэлинков опасались — а вдруг этот сбор инспирировали легавые из социопатруля?

Пятнадцать авторитетов преступного мира сидели рядышком за большим столом, тихо переговариваясь и стараясь не выдать, какое впечатление производит на них банкет в шикарном зале.

Местом сбора служил новый, только что отстроенный ресторан.

Официантки самой лучшей конструкции с приглушенным жужжанием сновали на изящных колесиках по залу, предлагая истомившимся от жизни в сырых коллекторах дэлинкам яства, которые по закону предназначались лишь руководителям высшего эшелона. Ресторан этот подыскала Ида после того, как Стэн объявил, что хочет произвести на ребят сильное впечатление:

— Чтобы они поняли, какие возможности в руках богомолов.

Первыми ударами искусных пальцев Иды по клавишам компьютера была произведена рассылка приказов всем будущим работникам нового ресторана оставаться еще несколько дней на старых рабочих местах; еще несколько ударов — и оказалось, что строительство ресторана серьезно затягивается из-за перебоев со стройматериалами. А для большей уверенности Стэн дал команду рабочим автоматам установить перед куполом, покрывающим ресторан, надпись устрашающих размеров и цвета:

ОПАСНАЯ ЗОНА. НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ.
ЗА СТЕНОЙ БЕЗВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО

— Давайте поглядим в лицо друг другу. Посмотрите друг на друга, вы, сидящие за этим столом!

Молодые преступники озадаченно смотрели то на соседей, то на Бэт, застывшую в позе статуи Свободы. Наконец один из них с подчеркнутой независимостью спросил:

— Ну и что?

— Ребята, ведь мы впервые в жизни собрались в одном месте и, похоже, не заняты мыслями о том, как перерезать горло соседу.

— Это ненадолго,— раздались обещающие голоса.— Дай только выйти отсюда...

— Подумайте о том, что это значит.— Бэт не обращала внимания на выкрики.— Мы вместе! Мы — это объединенные силы, наверное, четырех сотен дэлинков.

Оживление в зале.

— А что это нам даст? — крикнул один из предводителей по имени Патрис.

— В общем, ничего,— сказала Бэт.— Ничего не даст, кроме разве того, что с такими силами мы будем немножко лупить патрульных, а не наоборот. А в остальном — конечно, ничего.

— Это кто же проявляет такую заботу о легавых? — осторожно осведомился главарь по кличке Флинн.

Бэт указала назад:

— Он.

Тихие переговоры соседей превратились в общий ропот.

— Этого парня зовут Стэн. Слышали о таком? Он был с Ороном.

Шум усилился.

— Стэн спасся тогда, ускользнув с Вулкана. Сейчас он вернулся обратно; он хочет нам помочь.

Воцарилась неловкая тишина. Каждый подумал: «Ври, да не завирайся!»

— Вы слышали о том случае, когда патруль зажал мою команду в коллекторе? — спросила Бэт.— И о том, что дальше произошло?

Похоже, некоторым это было известно — они энергично закивали. Что ж, до ребят, кажется, начало доходить...

— Стэн уничтожил весь патруль. Один убил всех легавых.

— Она не врет,— подтвердил Патрис.— Мой связной своими глазами видел, как патрульные вытаскивали трупы из коллектора.

— Так этот Стэн просто богатырь,— протянул Флинн.— Великий герой! Ну и что великому герою из-под нас нужно?

Стэн поднялся из-за стола. Все замолкли, глядя на него.

— Мне нужно совсем немного. Я хочу захватить Вулкан.

Усилия взять Вулкан начались с того, что Док называл «темными операциями».

— Надо разжечь недовольство среди мигров,— произнес он,— а затем внушить им, что и компания уязвима.

Док считал, что предлагаемые «темные операции» — его лучшая работа. Йоргенсен считал, что это просто дурацкие шутки, ну а что сказал им Алекс, было совершенно невозможно понять из-за его жуткого жаргона. И только Ида была очарована. Она видела здесь бесконечные возможности для собственного обогащения.

— Этого еще дожидаться надо,— умерял ее пыл Стэн.

— Дожидаться? Чего? Я заставлю этот компьютер плясать под мою дудку!

— Так значит, ты обнаружила проект «Браво»?

— Ну, не совсем,— вздохнула Ида.

Док пристально взглянул на нее.

— Начинаю радиопередачу,— буркнула она.

Даже на Дока произвел впечатление прибор, на котором работала Ида. Он занимал целую каюту на старом лайнере. В сущности, это был обычный радиопередатчик, соединенный с энергосетями, мощности которых хватило бы, чтобы столкнуть Вулкан с орбиты. Ида оснастила его мини-компьютером богомолов и настроила на волну компании.

— Включаю этот тумблер,— сказала она,— и мы на их волне. Теперь все, что мы скажем, прозвучит так, будто передавалось с их станции.

— Не волнуйся! — сказал Док.— Я сочиню все, что надо будет сказать. А вы побеспокойтесь о том, что делать дальше.

Стэн и Бэт чинно шли вдоль заводского забора. Они неторопливо прогуливались, словно два мигра после смены направлялись за стаканчиком наркопива. Несколько рабочих вышли с завода и шагали по тротуару позади них.

Стэн подтолкнул Бэт локтем.

— Смотри-ка! — сказал он громко.— Это же подшипниковый завод номер двадцать три, да?

— Ага! — ответила Бэт.— Точно. Я об этом месте слыхала.

Стэн покачал головой.

— Бедняги! Ни за что бы не стал здесь работать. Ну да ладно. Я думаю, компания позаботится о лекарствах...

Толстый мигр уставился на них:

— Лекарствах? Лекарствах от чего?

Стэн и Бэт небрежно повернулись к собеседнику.

— О, так вы работаете здесь?

Мигр кивнул.

— Не обращайте внимания. Ничего страшного!

Толстый мигр и его приятели повернулись к ним:

— Ничего страшного в чем?..

Стэн и Бэт казались слегка взволнованными.

— Сказать, что ли,— произнес Стэн.— Но только не так близко, если вы не против. Не обижайтесь!

— Да что вы имеете в виду? Что значит «не так близко»?

Бэт потянула Стэна за собой.

— Пошли отсюда! Зачем нам лишние неприятности?

Стэн пустился прочь, но затем остановился.

— Все равно кто-нибудь еще им скажет,— объяснил он Бэт и повернулся к озадаченным миграм.— Мы работаем в Центре охраны здоровья.

— И что?

— А то, что в этом месте происходят странные вещи.— Стэн махнул в сторону завода, с которого рабочие только что вышли.

— Что за вещи-то?

— Не знаю,— сказала Бэт,— что-то со смазками, которые вы используете.

Мигры оцепенели.

— А что в них плохого? — спросил толстяк.

— Не могу сказать. Видимо, какая-то разновидность вируса. Поражает только мужчин.

— А что он с ними делает?

Стэн пожал плечами.

— Они, так сказать, не могут жить половой жизнью.

— И вероятнее всего, никогда не смогут,— добавила Бэт.

Мигры переглянулись. Стэн взял Бэт за руку и потянул прочь.

— Счастливо, ребята! — бросил он через плечо.

Мигры даже не обратили внимания. Их головы были забиты мыслями об импотенции.

Ида мурлыкала в микрофон. Док сидел позади нее, сверяя записи, проверяя все акценты, отмечая не заслуживающие доверия нотки в ее голосе.

— Прежде чем начать следующую передачу, собратья рабочие, у нас есть для вас сообщение. Оно из Центра охраны здоровья. Люди, работающие здесь, очень обеспокоены слухами, которые распространяются повсюду. Конечно, эти слухи беспочвенны. Дело идет о заражении вирусом смазки на подшипниковом заводе номер двадцать три. О, простите, я имела в виду не заражение смазки на... Ничего страшного. Как проинформировал нас Центр охраны здоровья, нет никаких причин для беспокойства. Совершенно неверно, что смазка вызывает импотенцию у мужчин. Точнее, никакого заражения нет, но если бы оно и было, оно не могло бы повлиять на потенцию мужчин. А теперь наша следующая передача...

Ида щелкнула тумблером, и опять включилось обычное радиовещание. Сияющая, она повернулась к Доку:

— Ну как?

— Бедные, бедные мигры, страдающие от импотенции...

В следующую смену только восемь мигров пришли на работу на подшипниковый завод. В течение пятнадцати минут и эти восемь узнали о радиопередаче и были таковы.

Патрис, переодетый в социопатрульного, небрежно прислонился к стене, наблюдая за миграми, развлекавшимися в зоне отдыха. Другой дэлинк — женщина, одетая потаскушкой,— непринужденно болтала с ним. Со стороны это выглядело, будто девочка собирается подзаработать.

Их внимание привлек высокий тощий мигр, не на шутку бьющийся с игральным автоматом. Вставляя карточку, он ждал, когда загорятся огоньки и остановятся колесики. Ругался: денег оставалось все меньше и меньше. Ему опять выпала дополнительная попытка.

— Он уже целый час этим занимается,— прошептал Патрис девушке.

Та взглянула на мигра.

— Вероятно, добавил уже полгода к своему контракту.— Девушка повернулась.— Делаем этого,— шепнула она дэлинку, стоящему за углом.

Звук удаляющихся шагов, и тот исчез. Прошло несколько часов, а мигр все еще был здесь. За стеной, позади автомата, дэлинк манипулировал клавишами на голубом ящичке, изобретении Иды. Иногда он давал мигру немного выиграть, чтобы у того не пропал азарт. В итоге бедняга здорово продулся.

— Черт побери! — крикнул он в конце концов, повернулся и отошел прочь. Патрис нажал незаметную кнопочку на своем костюме и пошел к игровому автомату. Дождался, пока мигр взглянет на него. Опустил карточку. Раздался непрерывный гул сирены, звонки... Лампочки замелькали как бешеные.

Проигравшийся мигр застыл.

— Вот черт! — обратился он к другому мигру по соседству.— Видел, что сделал тот слизняк?

— Ну! Вот счастье-то привалило!

— Но я за этой штуковиной полдня просидел и ни хрена не выиграл. А тут приходит этот и...

Собравшись на звуки выигрыша, другие мигры слушали разговор неудачника и бросали недоброжелательные взгляды на Патриса. В конце концов Патрис расслышал их разговор и зашагал к толпе, покачивая своей дубинкой.

— Убирайтесь! — приказал он.— Хватит глаза таращить!

Возмущенная толпа заколебалась.

— Грязное жульничество, вот что это такое! — завопил кто-то из задних рядов — дэлинк-«потаскушка».

— Смотрите на него! — заорал проигравшийся мигр.— Он украл мой выигрыш!

Ропот стал еще сердитее. Патрис нажал кнопку тревоги, и в мгновение ока отряд патрульных уже мчался его спасать. Он подождал, пока патрульные приблизятся к толпе, и скрылся из виду.

— Собратья рабочие! — произнесла Ида.— Мы все должны быть благодарны компании за изумительные центры отдыха. И добавлю, отнюдь не дешевые. К примеру, игровые автоматы, которые доставляют нам столько хорошего, чистого, честного удовольствия. Статистики компании доказали, что эти машины выплачивают больше, чем получают от вас. Однако всегда находятся и проигравшие, которые распространяют массу чудовищных слухов. Настолько чудовищных, что мне даже трудно повторить их. Ведь это же наглая ложь, будто автоматы позволяют выиграть только высоким чиновникам компании. Абсолютная ложь. Некоторые лжецы даже утверждают, что автоматы платят только социопатрульным. Можете себе представить! И именно этим людям компания с такими затратами дала...

Йоргенсен подвел итог.

-- Это все мелкие пакости,— сказал он.— Вам надо ударить по действительно чувствительному месту.

— Например? — засопел Док.

— Например, пиво!

Толпы мигров из отдыхающей смены устремились в купола отдыха. Вставили в автоматы свои карточки, решив хлебнуть стаканчик холодненького пивка.

Ничего. Ни капли. Автомат просто глотал карточки, вычитал деньги, а потом фыркал на клиента, прогоняя прочь.

— Черт возьми! — вскричал здоровенный мигр. Он снова сунул карточку в автомат. Опять ничего. Мигр ткнул увесистым кулаком в машину.— Наливай!

— Я собственность компании,— проинформировал его автомат.— И грубое обращение со мной подлежит штрафу!

В ответ работяга опять пнул машину. В пяти центрах социопатруля раздались сигналы тревоги. Патрульные бросились на помощь. Но нашли только безжизненные купола с вращающимися бочками пивных машин. Мигры опустошили их и тихо стонали на полу.

Док тряхнул головой.

— Нет. Слишком очевидно. Недостаточно темные дела. Пропусти разговор о пиве, Ида, и переходи к положению с продовольствием.

Ида повернулась к микрофону:

— Собратья рабочие! Компания рада представить вам новую программу по охране здоровья. Обнаружено, что все мы страдаем от избыточного веса. Исходя из этого, начиная со следующей смены рацион питания будет урезан на тридцать процентов. Эти тридцать... Ох, простите! Эта программа не даст желаемого результата до тех пор, пока... пока... Что? Неверное объявление? Черт! Программа не пойдет. Собратья рабочие! Это неправда, что рацион будет урезан на тридцать процентов начиная со следующей...

Стэн обошел стороной пьяного мигра, взял пивка, потом протолкался сквозь толпу к Бэт. Он поставил на столик пиво, присел рядом.

— Вот что я вам скажу,— бормотал мигр своим товарищам,— они заходят слишком далеко. Чертовски далеко!

Стэн подмигнул Бэт, та в ответ ухмыльнулась.

— Они надувают нас на каждом шагу. Делают нас импотентами, чуть пиво не перекрыли. А теперь хотят все контракты продлить на один год.

— Где ты такое слыхал-то?

— Да только что. Женщина по радио сказала.

— Но ведь она сказала, что это только слухи!

— Ну да! Так и есть! Если это только слухи, то почему они изо всех сил опровергают их?

— Прямо в точку попал,— вступил в разговор Стэн.

Мигр повернулся к Стэну. Вгляделся в него, потом просиял, хлопнул Стэна по плечу.

— Конечно! Компания так всегда и действует — сначала распускает слухи, смотрит на нашу реакцию, а потом превращает их в реальность.

— Ты вспомни прошлый год,— сказала Бэт.— Ходили тогда слухи, что нас лишат трех оплаченных праздников? А что потом произошло?

— Лишили,— угрюмо выдавил мигр.

Его друзья потягивали пивко — задумчиво, сердито.

— Что за черт! — вздохнул кто-то.— И ничего-то мы не делаем, только жалуемся.

Все согласно закивали головами.

— Вот что я вам скажу! — проговорил первый мигр.— Я бы что-нибудь сделал, было бы что. Семьи у меня нет, можно и рискнуть.

Другие мигры стали с испугом озираться вокруг. Обстановка становилась опасной. Один за другим они удалились. Остались только Стэн, Бэт и их новый знакомый.

— Ты понимаешь, что ты сказал? — спросил Стэн работягу.

— О чем?

— О компании.

Мигр недоуменно уставился на него.

— А ты что, шпион? — Он собрался вставать.— Хватит, я сыт по горло.

Бэт взяла его под руку, нежно проводила к автомату и даже купила пива.

— Если ты серьезно,— сказал Стэн,— есть люди, с которыми мне хотелось бы тебя познакомить.

— А что делать-то? Жаловаться, как все остальные? — Мигр обвел рукой посетителей бара.

— Нет, мы хотим больше, чем просто жаловаться,— ответил Стэн.

Работяга вгляделся в него, потом улыбнулся широкой улыбкой. Его рука протянулась через стол.

— Я в вашем распоряжении.

Стэн пожал предложенную руку.

— Как тебя зовут?

— Мое имя Уэбб.

Мигр встал и покинул бар.

— Мне кажется, в конце концов я поняла, как вся эта штука работает,— сказала Бэт Иде и Доку.

— Бедные люди,— вздохнул Док.— Ужас, до чего у вас маленькие мозги. Это же очевидно.

Бэт так взглянула на него, что усики Дока опустились до груди, повернулась и вышла за дверь.

— Погоди-ка! — сказала Ида.

Бэт остановилась.

— Док! — проговорила Ида.— Ты у нас, конечно, существо всевидящее, но иногда и ты не замечаешь того, что находится прямо перед твоей пухлой маленькой мордочкой.

— Например?

— Например, мы все-таки должны узнать, что же имела в виду Бэт.

Док подумал об этом, его усики колыхнулись. А потом он проникся самыми теплыми чувствами к Бэт.

— Виноват. Виною тому генетическая предрасположенность к ссорам и раздорам.

Смягчившись, Бэт вернулась и села в кресло.

— Я подумала вот о чем,— произнесла она,— о последних и решительных темных действиях.

— Каких именно? — спросила Ида.

— О древней легенде, которая ходит по Вулкану со времен первого мигра.

— Легенды? — встрепенулся Док.— Легенды я люблю. Их так много!

Бэт тяжело вздохнула.

— История говорит, что однажды произойдет восстание мигров. Этим успешным восстанием будет руководить чужеземец, который когда-то сам был мигром.

Док все еще соображал туго — просьба о прощении слишком смутила его. Но Ида поняла Бэт правильно.

— Ты имеешь в виду Стэна?

— Да.

— Ага! — сказал Док, наконец включившись.— Мифический спаситель. Стэн укажет им путь к свободе.

— Что-то вроде этого,— промолвила Бэт.

— Мы распространим слух,— сказала Ида,— что спаситель уже здесь.— Она взглянула на Дока.— Мы уже достигли этой стадии?

— Да! — кивнул Док.— Промежуточная ступень закончена.

Бэт нахмурилась:

— Но есть одна проблема.

— Какая?

— Как отреагирует Стэн?

Ида пожала плечами.

— А что за забота? Я бы даже хотела быть на его месте.

Слухи множились, словно колония вирусов в чашке Петри. По всему Вулкану мигры были напряжены, злы и чего-то ожидали, зная одновременно, что ничего никогда не произойдет. Если это возбуждение не подпитывать, оно затухнет в повседневной суете.

— Послушайте-ка! — воскликнул старый мигр.— Что-то вроде этого я уже рассказывал вашему отцу. Есть путь выбраться с Вулкана. И положить конец долбаной компании.

Его сын и невестка пропустили мимо ушей непристойность в адрес компании. Кивнули своим ребятишкам — дед прав.

— Я все время говорил, что найдется мигр, который засунет наши контракты компании прямо в...

— Папа! — предостерегла его невестка.

— Расскажи нам о нем, деда! — попросил ребенок.— Ну расскажи об этом мигре.

— Хорошо. Начнем с того, что он такой же, как и мы. Работяга. А потом ему повезло попасть в другой мир. Но он никогда не забывал о нас, и вот...

— Вот уж не думал, что служу в одной роте со спасителем,— сказал Алекс. Он церемонно поклонился и протянул кружку Стэну.

— Да пошел ты! — проворчал Стэн.

Бэт хихикнула.

— Эй, Бэт! Это прекрасно, что ты раскрыла белое пятно в мифологии. А я-то, темный, все молюсь о спасении души Святой Троице.

— Троице? — переспросила Бэт.

— Ну да.— Алекс нагнулся и поднял упирающегося Стэна за бедра. Подержал его высоко над головой, затем повернул в другую сторону и усадил обратно в кресло.— Во имя Бобби Бернса, Джона Нокса и моего дедушки! Аминь!

На этот раз Стэн даже не нашел подходящего грязного ругательства.

Глава 33

— Простите, сэр,— сказал воспитатель,— но вы не представляете, как все это выглядит оттуда. Вранье. Слухи. Каждый мигр готов перерезать вам горло.

— Чепуха,— прервал магнат.— Это нормальное их состояние.

Воспитатель сидел в садике Торесена, ожидая, когда топор рухнет на его голову. Но все складывалось иначе — он спокойно болтал с магнатом, держа стаканчик в руке. Такого обычно не бывало, когда Торесен вызывал к себе сотрудников. Особенно после всех этих историй, связанных с воспитателем.

— Я пригласил вас сюда,— начал Торесен,— памятуя о вашей знаменитой искренности.

Воспитатель просиял.

— А вот это,— продолжил магнат,— уже нескромно с вашей стороны.

Лицо воспитателя сразу опало. Вся сцена была спланирована заранее.

— Есть мнение, что вы придаете миграм слишком много значения.

— Я никогда...— начал воспитатель.

Торесен остановил его взмахом руки.

— Этого следовало ожидать. Вы всегда так делаете. Воспитатели чуть больше, чем надо, проявляют свою лояльность по отношению к рабочим.

Воспитатель немного расслабился. Описание магната было точным. Такова неформальная, но веками работавшая система.

— Мои трудности,— сказал он,— это слухи. Клянусь вам, что никогда и малой толики того, в чем меня обвиняют, я не сделал!

Торесен снова прервал его:

— Конечно же. Вы один из самых достойных и заслуживающих доверия моих сотрудников, по крайней мере самый благоразумный.

— Тогда почему же...

— Почему я вас вызвал? — Торесен поднялся и принялся шагать взад и вперед.— На самом деле я приглашаю к себе всех ведущих руководителей. Мигры снова стали ахать и охать. Это случалось и во времена моего дедушки. И отца тоже. Не это меня тревожит. Меня беспокоит излишне острая реакция моих людей.

Воспитатель подумал о недобрых взглядах, которые он только недавно видел. Нет, это не просто «оханье» мигров. Он начал было что-то говорить, потом замолк.

— Я же сказал,— продолжал Торесен,— что это цикл. Нормальный цикл. Но обращаться с ними надо осторожно.

— Да, сэр,— промолвил воспитатель.

— Тогда запомните первое: не раздражать мигров. Пусть поворчат немного. Не обращайте внимания. И выявите их лидеров. Мы с ними разберемся, когда все успокоится.— Он взглянул на воспитателя.— Все понятно?

— Да, сэр!

— Обо всех случаях неповиновения, даже самых незначительных, докладывать мне.

— Да, сэр!

— Никаких действий не предпринимать без моего ведома.

— Да, сэр!

— Тогда все успокоится... Что у вас еще?

Воспитатель немного помялся, затем заговорил:

— Передачи по радио мигров. Не грубоваты ли они?

— Прекрасный пример того, о чем я только что говорил. Избыточная реакция.

— А можно спросить, как отреагировали вы?

Торесен улыбнулся.

— Уволил ответственных. И приказал все передачи давать мне для просмотра.

Последовала неприятная пауза, воспитатель вдруг представил себя уволенным. Он приподнялся, почти кланяясь.

— Спасибо, что уделили мне время, сэр!

— Затем я и здесь,— успокоил его магнат,— чтобы выслушивать своих людей.

Он проводил взглядом воспитателя. «Неотесанный малый, но работник хороший. Если дела пойдут хуже, всегда можно отправить его к миграм. Впрочем, нет. Необязательно. Не сейчас. Все эти события слишком раздуты».

Глава 34

Для человека, уже достигшего определенного успеха, Ида выглядела мрачно. Она обнаружила проект «Браво». Лаборатории располагались недалеко от городка Развлечений. Или, точнее, от того, что было когда-то городком Развлечений. Специально разработанные компьютерные штучки, придуманные гением Иды, дали восхитительный результат.

— Все, что я сделала,— заявила она товарищам, собравшимся у ее терминала,— так это предположила, что проект «Браво» изолирован от остальной части Вулкана.

— Естественно,— хмыкнул Стэн.

Ида обожгла его взглядом.

— Следовательно, всех людей, которые работают здесь, окружает ореол строжайшей секретности. Но это особые люди, не узники. Как я понимаю, им предоставлены все удобства — лучшая пища, выпивка, секс. За все уплачено.

Док ухмыльнулся жуткой улыбкой плюшевого мишки. Ида была намного умнее, чем он думал.

— Я установила связь с терминалом склада деликатесов. Пища для избранных и тому подобное.

— Но тогда в чем проблема? — спросил Стэн.

Ида нажала несколько клавиш. На экране возникла трехмерная модель лаборатории проекта «Браво». Все молча смотрели на монитор, изучая картинку.

— Нужен план,— сказал Йоргенсен.— Прямое вторжение вызовет ненужные жертвы. Обычная тактика здесь не годится.

Док пропустил реплику мимо ушей, лишь усики колыхнулись в знак согласия. Все ожидали его решения.

— В этих обстоятельствах,— сказал он,— Йоргенсен прав. А что, если мы поднимемся на одну ступень?

Они обсудили это.

— Итак, переходим к следующему этапу,— объявил Стэн.

— Что мне им говорить-то? — прошептал Стэн.

Док пытался разучить ухмылку. Правильное выражение лица ему пока не удавалось.

— Пори обычную убедительную чушь. Вы, люди, очень легко поддаетесь внушению.

— Если все так просто, тогда почему бы тебе не подняться на те ящики и не произнести речь самому?

— Тоже просто,— сказал Док тихо,— кто поверит плюшевому мишке!

Стэн глубоко вздохнул и вскарабкался на самый верх сваленных в кучу ящиков. Сорок с лишним мигров уставились на него снизу. Их предводители, стоявшие позади, тщательно изучали Стэна.

— Не знаю, что подумает о вас компания,— начал Стэн,— но меня вы до смерти напугали!

Все слегка оживились.

— Мой папа говорил, что самый главный ваш инструмент — четырехкилограммовый молоток. Что, мол, когда надо привлечь внимание начальника, припечатываете ему промеж глаз. И вот гляжу я теперь на сорок семь таких молотков. Вы и ваши ячейки хотите привлечь к себе внимание. Прямо со следующей смены.

Позади него, где стояли лидеры ячеек, пробежал легкий гул.

— Вы и ваши люди уже промотали кучу денег. Я не собираюсь стоять здесь и указывать вашим мастерам, как надо работать. Однако учтите! Здесь только немногие из нас. И здесь мы словно неумелые подмастерья. Но рано или поздно мы можем поломать свои инструменты и уйти, не доведя дело до конца.

Люди закивали в знак согласия — Стэн говорил на их языке. Усики Дока закачались. Процедура верна, проанализировал он.

Стэн подождал, пока стихнут разговоры, затем приподнял руку в салюте:

— Вольный Вулкан!

Он подал знак дэлинкам проводить руководителей ячеек назад по своим местам через туннели и спрыгнул с ящиков.

— Ну как, Алекс?

— Не Бернс, конечно, но сойдет. Годится!

Мигр скептически разглядывал оружие — двадцатимиллиметровую медную трубку, опутанную проводами. Он отвинтил пробку пузырька, бросил в ладонь пару таблеток тиосульфата натрия, запихнул оружие назад в комбинезон и побрел по коридору. Дышать... дышать... дышать нормально. Ты идешь на доклад к мастеру. Это не страшно...

Мигр нажал кнопку звонка на двери. Послышались шаги, и на него уставился мастер в очках. Он выглядел немного удивленным неожиданным визитом и что-то спросил, но мигр выхватил свое оружие и нажал на спуск. По вольфрамовым проводам пошел ток; провода вспыхнули и подорвали смесь с нитратом аммония. Смесь вытолкнула патрончик с синильной кислотой, вгоняя газ в глотку теха. Он захрипел и повалился назад.

Мигр бросил газовое ружье на грудь мертвого спеца и зашагал прочь. Достал из кармана-комбинезона ампулу с амилнитритом, сломал ее, приготовив противоядие, снял перчатки и исчез.

Ида легко двинула рукой, и крышка кухонного робота открылась. Она уставилась на ряды сладостей на подносе.

— Потолстеешь,— предупредил Йоргенсен.

— Уточняю: не потолстею. Я уже толстая. И собираюсь еще поправиться.

Одной рукой она стала запихивать себе в рот какую-то сверхкалорийную стряпню, а другой продолжала нажимать клавиши компьютера.

— Ты все стерла? — спросил Стэн.

— Да, давным-давно.

— Тогда какого черта ты еще делаешь?

— Случайно я узнала пароль-доступ к ликвидным фондам компании. Теперь, если удастся подключиться, я смогу перевести любую сумму на любой банковский счет.

За ними с удивлением наблюдала Бэт.

— Что она делает?

— Устраивает себе персональный пенсионный фонд,— ответил Стэн.

— Это я сообразила,— сказала Бэт с легким презрением.— Я имею в виду стирание данных.

— Компьютер содержал записи обо всех нарушителях спокойствия. Миграм, которые не выполняют норму, выжигают мозги, а некоторых вообще уничтожают. Ида обнаружила записи о выработке и стерла их.

— Более того,— подхватила Ида, вытирая руки широким полотенцем,— я еще установила новый код, и теперь все вновь вводимые данные будут автоматически стираться.

Бэт была поражена. Ида занесла руки над клавиатурой.

— Ладно. Вернемся к имуществу компании.

— Говорит Вольный Вулкан! — раздался голос из миллионов динамиков. Служба безопасности пыталась обнаружить источник сигнала, но оказалось, что он передавался чуть ли не сотней различных вещательных станций, которые все время менялись, и задача была

совершенно безнадежной.— Свершилось! Мы, жители Вулкана, начинаем решительные действия. Семь чиновников компании свергнуты в эту смену за преступления против рабочих, которые велись многие годы. И это только начало.

Стэн рухнул в кресло и заказал себе наркопива. Осушил кружку и вновь ударил по кнопке заказа:

— Есть потери?

— Только один случай. Ячейка восемнадцать. Связной был остановлен патрулем для контрольной проверки. Его напарник запаниковал и открыл огонь. Убит на месте.

— Нужно узнать имя человека,— сказал Док.— Мученики — это двигатель революций.

— А вот и наш маленький сорванец,— одобрительно промолвил Док.

Лежа возле вентиляционного люка высоко над Центром посетителей, Стэн наводил бинокль на резкость. Наконец он обнаружил одетого в мигровский комбинезон дэлинка, стремительно несущегося через толпу невулканцев.

— Если его помыть,— сказал Док,— то он окажется ангельским маленьким ребенком, которого каждый не прочь считать своим собственным.

Стэн навел бинокль на четырех мигров, одетых в форму социопатруля, которые с криками гнались за дэлинком.

— Помедленнее, парень,— проворчал Стэн,— они отстают.

Будто услышав это, парень несколько секунд бесцельно метался, и «патрульные» приблизились к нему. Замелькали дубинки.

— Ага,— удовлетворенно вздохнул Док.— Слышу дикие крики нашего маленького героя. Что там происходит?

Из бара, возле которого схватили дэлинка, выскочили гуляющие пилоты, торговцы и прочие случайные для Вулкана люди.

— Они в праведном гневе?

Стэн навел бинокль на лица пилотов.

— Невулканцы застряли возле группы дерущихся. Один из них что-то прокричал о бандитах... Давай-давай,— пробормотал Стэн,— подразни их!

Дэлинк был лучшим актером, чем четверо взрослых. Он уступил, но затем наклонил голову и впился зубами в ногу одного из мужчин. Фальшивый патрульный завопил и взмахнул дубинкой.

Тогда это и произошло. Невулканцы вскипели и превратились в неуправляемую толпу. Четверо «патрульных» схватили парня и поспешили прочь.

Стэн нажал клавишу мини-компьютера рядом с собой. Пронзительно завыл сигнал тревоги о нарушении общественного порядка.

— Скажи мне, что происходит? — нетерпеливо спросил Док.

— Наши люди ушли. Все в порядке, сюда спешит ударный отряд охраны.

— А что делают невулканцы?

— Бушуют.

— Прекрасно. Сейчас кто-нибудь из настоящих патрульных запаникует и применит свою дубинку в полную силу. И тогда...— Док блаженно улыбнулся.

— Надеюсь. А вот и первый офицер. Трах!

— То, что ты мне говоришь, означает, что морально оскорбленные чужеземцы, явившись свидетелями зверского избиения прелестного ребенка и будучи атакованными головорезами, реагируют на это чрезвычайно сильно. Скажи-ка мне, Стэн, а они едят социопатрульных?

— Они же не людоеды!

— Жаль. Действительно, эту черту людей своими глазами я еще не видел... Ты можешь продолжать.

Стэн взял шланг, перекинул его через решетку и пустил рвотный газ из бака в Центр посетителей. Затем подхватил Дока, и они быстро ускользнули прочь.

— Отлично, Стэн, отлично! Пилоты и торговцы — ненасытные распространители слухов. Во всяком случае, компания предстанет не в лучшем свете. По счастью, очень многие из этих космических бродяг — моралисты, и я подозреваю, что они откажутся от полетов сюда. Особенно после того, как компания не только втянула их в эту смуту, но в придачу потравила газом!

Стэн решил, что единственная вещь, которая могла бы сделать Дока еще счастливее, это избиение младенцев.

ДИРЕКТИВА КОМПАНИИ —
ВЫПОЛНЯТЬ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО!

Из-за малой производительности следующие купола для отдыха рабочих-мигрантов должны быть немедленно закрыты: номера 7, 93, 70.

«Что-то вроде взрыва в вакууме»,— в сотый раз подумал Алекс, увидев, как лихтер превращается в огненный шар. Он подхватил свой ящик со взрывчаткой и выбрался из погрузочного дока.

Четыре других ящика, кроме одного, который только что уничтожил чужеземный грузовой корабль, были обнаружены. Глупо, казалось бы. С одним лишь «но». Только человек с опытом Алекса сумел бы сообразить, что они не могли взорваться. Не имели права. Тот, первый, взрыв должен быть привлечь внимание вольных торговцев, разрушив порожний автоматический грузовик, а другие бомбы уничтожили бы грузы компании вольных торговцев. Санкции на это у группы не было.

ДИРЕКТИВА КОМПАНИИ —
ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Все пропуска, выпущенные для персонала, занятого в следующих зонах: Центр посетителей, Грузовая транспортная секция и подразделения товарного склада, немедленно аннулируются. Новые пропуска будут выдаваться строго индивидуально. После этого ко всем членам патруля или персонала безопасности, не задержавшим граждан, использующих пропуска старого образца, компания будет применять дисциплинарные взыскания.

Секретарша тщательно проверила стол своего босса. Световое перо установлено правильно, вводы «только для руководителей» в дежурном положении, кресло аккуратно установлено в нескольких сантиметрах от стола.

— Эффективность — это все, Стэнскилл,— постоянно повторял Гэтсон.

«Удивительно,— подумала секретарша,— он никогда не говорил этого в постели. Наверное, слишком беспокоился о своем сердце».

Она подошла к двери, взялась за ручку и оглядела комнату в последний раз. Все привычно и на своем месте, как требовал того руководитель. Стэнскилл прошла через дверь и, согласно инструкции, оставила свою сумочку на столе в приемной. Взглянула на часы. Гэтсон, должно быть, уже где-то в туннеле.

Она встала на колени перед трубой воздухопровода, пока нетерпеливо ожидавший дэлинк держал задвижку открытой, влезла внутрь и скрылась. Неуклюже проползая поворот в трубопроводе, секретарша пожалела, что не сможет лично увидеть, как Гэтсон отдаст концы на своем обожаемом рабочем месте.

— Алвор?

— Ну! — Бородатый лидер ячейки заглянул через плечо Стэна.

— Ты приказал своей команде убрать этого Брауна?

— Ни черта подобного!

Стэн кивнул головой и свернул в трубку отчет службы безопасности. Кто бы ни убил Брауна, руководителя низкого уровня в Плановом отделе, Вольный Вулкан здесь не замешан. Что ж, лишний повод для беспокойства компании.

ДИРЕКТИВА КОМПАНИИ —
ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Перед началом патрулирования в установленном порядке маршрут следует согласовывать со сменным директором команды и картой R79L. Зоны, закрашенные синим цветом, должны патрулироваться исключительно группами из четырех чело-

век, оснащенных спецсредствами для усмирения беспорядков. Обсуждение этой директивы с сотрудниками, не имеющими соответствующего допуска, КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ.

— Говорит Вольный Вулкан! — звучали динамики.— Мы хотели бы знать, как вы чувствуете себя, руководители и сотрудники службы безопасности? Как будто петля сжимается вокруг вашей шеи? Ведь что-то происходит? Что случилось с тем социопатрулем, который был послан на склад Игрек-008? Об этом ничего не сообщалось, не правда ли? А руководитель Гэтсон? Не слишком приятный способ умереть. Однако теперь вы, руководители, которые используют своих секретарш в качестве девочек для развлечений, может, на секунду задумаетесь о судьбе Гэтсона. Да, это петля! И она постоянно сжимается!

— Запеленговали? — пристально глядя на шефа службы безопасности, спросил Торесен.

— Нет, сэр. Не думаю, сэр, что мы в состоянии это сделать.

Торесен погасил экран и связался с другим отделом.

— Отдел семантики. Слушаем, сэр!

— Вы провели анализ этого голоса?

— Весьма приблизительный, сэр. Ни мигр, ни тех. Хотя голос Вольного Вулкана...

Вам же было приказано не использовать этот термин!

— Простите, сэр. Наши теоретики говорят, что голос синтезирован.

Торесен отключился, засек время и направился в зал военной подготовки. Барон выхватил саблю из ножен и взмахнул ею перед инструктором.

— Наступайте,— прорычал он,— и по-настоящему!

Стэн с сомнением глазел на гидропонную ферму. Она выглядела точно так же, как и до того, как Алекс пригласил его сюда. Агророботы по-прежнему любовно ухаживали за продукцией, предназначенной в пищу руководителям высшего звена.

— А ты уверен, что все получится? — спросил он скептически.

Алекс снисходительно похлопал приятеля по плечу:

— А ты сам-то уверен, что стоит болтать под руку? Не учи отца жить, молокосос!

Стэн последовал за ним к грузовому порту и нырнул внутрь. Алекс закрыл дверь почти до конца, затем вставил в щель маленькую металлическую пластинку.

— А теперь смотри! — Он зажег небольшую сигнальную ракету, запустил ее в середину фермы и выдернул пластинку из двери. Пока

дверь еще не захлопнулась, Стэн успел увидеть, как отсек от пола до потолка заполнился пламенем.

— Знаешь,— сказал Алекс, когда стих грохот,— это называется объемный взрыв. Просто берешь входное отверстие для подачи удобрений, впрыскиваешь жидкое топливо, и пары заполняют помещение. Вот и все! — Алекс счастливо хихикнул.

ТОЛЬКО ДЛЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Мы обращаем внимание на чрезмерное число заявлений об уходе, отставке и переводе на другую работу, подаваемых руководителями, что чрезвычайно нас разочаровало. В это неспокойное время компании необходимо, чтобы наиболее квалифицированный персонал относился к своим обязанностям с максимальной ответственностью. В связи с этим все подобные заявления до особого распоряжения рассматриваться не будут.

Торесен

Уэбб перерезал горло социопатрульного от уха до уха, поднялся и отряхнул руки. Потом шагнул к единственному из оставшихся в живых членов десятки патрульных, которого удерживали у стены два свирепых мигра.

— Отпустите-ка его, ребята!

Удивленные мигры освободили патрульного.

— Мы предлагаем тебе сделку,— сказал Уэбб.— Ты же не хочешь, чтобы тебя покромсали, как остальных из твоей шайки. Мы тебя отпускаем. А за это ты давай топай назад в свою вонючую казарму и расскажи друзьям обо всем, что тут случилось.

Патрульный, почти окаменев от страха, кивнул.

— А в другой раз, когда пойдешь в патруль, ты не будешь выдрючиваться, как чертов герой... Ребята, пусть он бежит.

Патрульный взглянул на мигров и пустился прочь. Он бочком пробрался до изгиба коридора, свернул за угол и был таков.

— Думаешь, он так тебя и послушается, Уэбб? — спросил один из мигров.

— Не в этом дело. Во всяком случае, он больше не будет таким дерьмом. С другой стороны, служба безопасности может и удивиться, как это он вернулся целым и невредимым.

— Что-то не понял.

— Вот поэтому-то ты и не лидер ячейки. Ладно, пошли. Скоро поймешь.

Пятеро патрульных испуганно присели, когда Фрик и Фрэк пронзительно свистнули откуда-то с верхних балок склада. Один из патрульных успел выхватить ружье и пробил дыру сквозь несколько ящиков до того, как воспламенились запалы из белого фосфора.

Два крылатых создания с удивлением взглянули на адское пламя внизу под ними, где горящий фосфор выжигал мясо и кости, и скрылись в туннеле наверху.

— Эй! Это что такое? Жидкое дерьмо?

— Похлебка с соевым мясом,— ответил Стэн.— Позвольте положить?

— Нет! Только лишней заразы мне не хватало. Я сам себе положу.

Тех-медик зачерпнул супа из большого котла и перешел дальше. Стэн, стараясь сохранять невозмутимое лицо, с отвращением глядел на ряд подносов перед Бэт. Одетые в белые комбинезоны, они оба были неотличимы от других рабочих в столовой для спецов. Одна часть мозга Стэна уже начала обратный отсчет времени, а другая улавливала обрывки разговора техников за столами.

— ...Проклятый маленький урод! Папа это, папа то, папа се...

— ...Если бы были им не нужны, компания давно бы всех выперла...

— ...Рассказывай им сказки, гладь их по головке, подтирай им задницы. Компания все равно ни черта не платит...

— ...Как у вас дела с Билли?

— Мы с этим придурком достигли взаимопонимания. Я назначил его начальником канализации и теперь оставляю его там на две смены. Чертов сопляк хочет учиться.

— ...В самом деле, доктор. Компании нет никакого резона поддерживать эти создания так, как она это делает. По моей теории программа может быть успешно выполнена, только если удалить отставших в развитии.

— Гм... Интересная концепция. Мы могли бы развить ее...

Пора. Стэн щелкнул затвором виллигана и поднял ствол. Двое социопатрульных, сидевших у входа, рухнули с дырами в груди в кулак размером.

— Лежать! Лицом вниз! — крикнула Бэт работникам столовой.

Подносы взлетели, затем рухнули, когда Стэн швырнул две гранаты из своей сумки в середину зала. Бэт кинула пригоршню зажигательных бомбочек через комнату, еще две полетели вдоль линии с подносами. Прошли секунды, и тишину разорвал вопль с другой стороны раздаточной линии. Затем все заглушил взрыв.

Стэн поднял голову и взглянул на Бэт. Она хохотала. Он встряхнул ее хорошенько и, когда Бэт пришла в себя, подтолкнул к люку мусоропровода, который служил им путем отступления.

Он наконец начал ее немного понимать.

— Говорит Вольный Вулкан! Мы знаем, что значит быть мигром. Жить под пятой у компании. Сознавать, что нет справедливости и законов, кроме тех, которые выгодны власть предержащим.

Теперь на Вулкан придет справедливость. Справедливость для тех, кто из поколения в поколение живет в страхе. Мигры! Вы знаете, какой ужасный объект для шуток ваши воспитатели, а ваши конфликтные комитеты — приспешники зверств компании. Но этому приходит конец. Начиная со следующей смены. Вольный Вулкан будет проводить в жизнь права, которые имеют свободные люди во всей Вселенной.

Если ваши начальники принуждают вас работать две смены, если ваши коллеги подхалимничают перед компанией, если ваших сыновей и дочерей отняла или подкупила компания — все это зло теперь прекратится. Если они не остановятся, Вольный Вулкан покончит с теми, кто творит подобное.

Если у вас есть поводы для недовольства, говорите об этом. Вы можете и не знать, кто это — Вольный Вулкан. Может быть, это ваш старший по смене или сосед по конвейеру, потаскушка или гомик из зоны отдыха или даже техник. Но ваши слова будут услышаны, и наши суды отреагируют на них.

Мы принесем вам справедливость, люди Вулкана!

ПОЛИЦИИ КОМПАНИИ, ВСЕМ СОВЕТНИКАМ И РУКОВОДИТЕЛЯМ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Мое внимание привлекло внезапное неучастие неквалифицированных рабочих-мигрантов в нашей программе разрешения конфликтов. Наше мнение таково, что тревога, вызванная ничтожной кучкой мятежников, именующих себя «Вольным Вулканом», совершенно необоснованна, поскольку мы, без сомнения, в состоянии сейчас взять террор за горло.

Органы безопасности определяют основные области, в которых происходят подобные явления, так как они указывают, где располагаются мятежники. Соответствующие меры различного порядка будут неизбежно приняты. Всем воспитателям настоятельно предлагается довести до сведения рабочих, чье благополучие они оберегают, что если рабочие будут иметь дело с мятежниками, которые склоняют их к участию в незаконной системе «справедливости», то они также будут наказаны.

Торесен

— Мне пришла в голову мысль,— промолвила Ида, обходя бутыли со спиртным,— что вряд ли с нами захотели бы общаться наши предки.

— Некоторые из нас,— сказала Бэт спокойно,— в первую очередь сами не захотели бы общаться со своими предками.

— Не слишком ли мы жестоки, девочка?

— Предки? — пропищал Фрик.— У нас колония, наша колония заботится о нас.

Фрэк тоже пискнула — знак согласия.

— Если вы, люди, не наносите ран другим людям,— сказал Док,— то, наверное, и вам плохого не сделают.

Стэна это заинтересовало.

— А как панды уживаются со своими предками, а, Док?

— Вопрос решается весьма просто. Во-первых, самец сразу после копуляции быстро, словно от потери крови, умирает.

Док встряхнул своими усиками.

— Как только внутри самки зародился новый организм, он существует... гмм, словно паразит до своего рождения. А рождение, собственно говоря, происходит в момент смерти самки.

Бэт подмигнула:

— Не так уж много у вас половой жизни, а?

— Я удивляюсь, почему человеческий разум физиологически не ниже пупка,— ядовито парировал Док,— ведь большинство ваших мыслей связано как раз с этой областью... Но отвечу на твой вопрос. Некоторые из нас, заботясь о своем будущем, решаются на операцию кастрации. Эта операция увеличивает продолжительность жизни примерно до ста земных лет.

Стэн не знал, смеяться ему или потупить глаза.

— Могу себе представить,— протянул Йоргенсен.— Топаешь по дороге. Перед тобой ферма. Ныряешь в кусты, обстреливаешь окна, потом зигзагами пробежка к двери, пинком отворяешь ее, бросаешь внутрь гранату и кричишь: «Мамочка, я вернулся домой!»

— Не пойму, с чего это ты завел свою нудятину — «дом, дом...»,— оборвал его Алекс.— Никто из отряда богомолов домой не вернется.— Он осушил свой стакан с совершенно безмятежным видом.

Пот капал с лица воспитателя на его рваную, грязную робу.

— В этой истории буквально все — неправда. Мои отношения с вами, миграми...

— Может, мы и пользуемся этим словом,— перебил загорелый работяга,— но из твоих уст оно звучит фальшиво.

— Простите. Конечно, вы совершенно правы. Но... Клянусь, я никогда даже не пытался лишить хоть одного... рабочего-мигранта его честно заработанного жалованья. Все это ложь, происки моих врагов.

Во взглядах пятерых лидеров ячеек читалось дружное недоверие. Стэн наблюдал из-за полупрозрачной панели за «судом», устроенным в заброшенном складе. Он нашел забавным, что не испытывает большой ненависти к воспитателю. Но с другой стороны, у него не было ни малейшего желания вмешиваться.

— Можете проверить записи,— продолжал воспитатель.— Моя честность всем известна.

Резкий хохот заглушил все, что он собирался еще сказать. Алвор проговорил:

— Наше молчание позволяло тебе, отправляя мигров в смену, практически убивать их. Я знаю два, а может быть, и три случая, когда ты посылал людей на смерть.

Мигр на другом конце стола, до этого молча смотревший на воспитателя, внезапно встал:

— У меня вопрос, ребята. Я хочу задать его этому подлецу лично. Что тебе надо было от моей Дженис, когда она сбежала от тебя к дэлинкам?

Воспитатель облизнул губы. Мигр схватил его за волосы и рывком поднял со стула.

— Ты не ответил!

— Это... Она просто не поняла... Я пытался пообщаться.

— Пообщаться! Да ей всего десять лет было!

Стэн встал на ноги. Но мигр, схвативший воспитателя, сдержался. Он оглянулся на других лидеров ячеек:

— Мне больше ни черта не надо. Признать виновным.

Послышался одобрительный хор голосов.

— Единогласно,— подвел итог Алвор.— Какой будет приговор?

Стэн пинком опрокинул перегородку.

— Пусть идет к своим друзьям. Прочь.

Глаза воспитателя широко раскрылись. Почему? Затем он стал кричать и царапаться, когда лидеры ячеек схватили его. Они рывком отворили двойные двери и вытолкнули его. Воспитатель почти упал, свалившись в руки рабочих, ожидавших снаружи.

Алвор прикрыл дверь, но шум толпы снаружи был отчетливо слышен. Это было начало.

— Словно костяшки домино,— сказал Стэн. Он и Алекс направлялись назад к кораблю.— Еще три дня, и можно прекратить прятаться в кустах, начать революцию и вызвать гвардию.

— Цыплят по осени считают.

— Ну и какого дьявола это значит?

— Не знаю, просто любимая присказка моей бабули в случаях, когда говорят прежде, чем сделают.

— Бога ради, может, ты перейдешь на нормальный язык!

— Как говорю, так и говорю. Тебе надо уши настроить как следует, парень!

— Ну-ну. Ладно, сам посуди. Все готово. Во-первых, мы организовали сопротивление. Во-вторых, мы начали восстанавливать справедливость и убивать каждого руководителя, который нам встретится, и каждого теха, который может считать больше чем до десяти.

— Валяй, пока верно.

— В-третьих, мы создали оружие и научили мигров пользоваться им. В-четвертых, мы образовали собственное альтернативное правительство. И наконец, в-пятых, мы собираемся щелкнуть пальцами, и через три дня начнется революция.

Алекс снял с плеча виллиган — их сектор был уже достаточно безопасен, чтобы мигры открыто ходили вооруженными,— и остановился.

— Ты не понимаешь одной вещи, Стэн. Если уж мужчина или женщина получили в руки оружие, то никто не может сказать, что произойдет потом. Вот тебе пример. Мой братец тоже служил когда-то в отряде богомолов. И попал в один прекрасный мир с варварской цивилизацией, которому, по мнению нашего бесстрашного императора, требовалось новое правительство. Следишь за моей мыслью?

Так вот, они подняли простых людей и научили их, как надо бороться. Сделали их гордыми, чтобы они были самими собой, а не пресмыкающимися червями. Подняли кровавые красные флаги революции — и началось. Богатых резали в их постелях. Мой храбрец был с правительством, которое они учредили взамен старого продажного. А народу так понравилась кровь и резня, что они и новое правительство пустили на корм скоту. Братан-смельчак удрал оттуда без руки и теперь снова обслуживает суда на Эдинбурге. Выходит, я должен был поддержать честь семьи. Вот я и отправился в этот долгий путь.

Но лучше подумай: ведь когда ты даешь детям спички, никогда не знаешь, что они подожгут.

На борту корабля их встретил визг Иды. Толстушка монотонно повторяла: «Черт! Черт! Черт!»

— Что случилось?

— Да ничего. Но ты посмотри, что натворили твои проклятые мигры! — Она бегала по каюте. Другие члены команды и Бэт сидели, молча уставившись на экраны.

— Перехват каналов службы безопасности. Посмотри на этих идиотов!

— Черт возьми, Ида, скажи мне, что произошло-то?

— Как мы себе представляем,— объяснил Док,— социопатруль переводил нескольких верных мигров на юг, в экзотические секции. Один из мигров в этой партии, видимо, имел друзей.

— Так вот, они решили освободить его,— продолжала Ида.— Патруль, естественно, был усиленным; дружки этого парня тоже решили навалиться гуртом. В дело оказались втянуты большинство наших ячеек. Смотри.

Стэн уставился на широкие экраны. Время от времени он видел знакомое лицо из сил сопротивления.

— Похоже,— вставил Йоргенсен,— они собрали все свое оружие и пошли охотиться на медведей.

Ида усмехнулась и начала включать звук на разных экранах. Стэн завороженно сел и стал наблюдать.

Он увидел орущих мигров, которые атаковали группу патрульных, укрывшихся за перевернутым гравитолетом. Крупнокалиберные ружья дали залп, и мигры попадали. На другом мониторе женщина-мигр, размахивая отрезанной головой патрульного, вела наступающую клином группу бойцов сопротивления на боевой порядок патрульных. Камера вспыхнула и вышла из строя, но можно было успеть заметить, что убитых патрульных было больше, чем мигров. Третий экран показал неподвижную сцену на входе в экзотическую секцию. Шлюз был забаррикадирован, вокруг него расположились патрульные. Мигры наступали из коридора и вентиляционных шахт.

Стэн развернулся и залпом выпил кружку пива.

— Черт! Черт! Черт!

— Это я уже говорила! — заметила Ида.

Стэн повернулся к Йоргенсену:

— Майяткина-а!

Глаза Йоргенсена широко раскрылись. Он впал в транс.

— Дай прогноз происходящего.

— Процентное соотношение точно вычислить невозможно. Но, в общем, не в нашу пользу.

— Подробности!

— Если революции, а в особенности оркестрованной как сейчас, позволить начаться, не дождавшись соответствующего момента, возникнут следующие проблемы: очень вероятно, что жертвами станут люди с наиболее четкой мотивацией и самые квалифицированные из сопротивления, так как они будут атаковать скорее спонтанно, чем по организованному плану; подпольные коллаборационисты будут ликвидированы, так как для них вопросом жизни и смерти становится выход из подполья; поскольку военные усилия не могут быть организованы с полной эффективностью, вероятность того, что существующий режим в состоянии разгромить революцию с помощью армии, практически стопроцентная. Примерами вышеизложенному являются...

— Прервать программу,— притормозил его Стэн.— Если так случится, сколько времени понадобится, чтобы все вернулось на свои места?

— Формулировка нечеткая,— произнес Йоргенсен,— однако понятная. После того как революция будет разгромлена, репрессии усилятся; восстановление революционной активности займет долгий период времени. По самой скромной оценке, от десяти до двадцати лет.

— Стэн! — внезапно выкрикнула Бэт.— Гляди! На тот экран.

Стэн обернулся. И разинул рот от изумления. Экран, на который показала Бэт, давал изображение входа в экзотическую секцию.

— Но,— донесся голос Дока,— это ведь не наши люди!

Так оно и было. На экране чернела плотная стена мигров, не вооруженных совсем или же с дубинками и кольями. Они шли прямо на массированный огонь патрульных, сгруппировавшихся у входа. И умирали, цепь за цепью. Но они продолжали идти, переползая через тела, к своей собственной смерти и наконец опрокидывали защитников. На экране все происходило беззвучно, однако Стэн хорошо мог представить себе происходящее.

Все больше мигров рвалось вперед. Команды из рабочих зон, вооруженные стальными скамейками, ломились в ворота — вход в экзотическую секцию; ворота рухнули.

Йоргенсен, все еще в своем компьютерном трансе, продолжал бубнить:

— ...примеры случайного успеха. Как расовые волнения в городе Йоганнесбурге.

— Два Майяткина,— выключил его Стэн.

— Есть предложение,— сказал Алекс.— Пора присоединяться к нашим войскам. Иначе революция обойдется без нас.

Стэн шагнул сквозь разбитый иллюминатор капсулы осмотра купола зоны отдыха и посмотрел на тысячную толпу, глазевшую на него снизу,— потную, грязную, окровавленную и ворчащую.

В военном отношении затея не имела никакого смысла. Одна ракета могла вывести из строя не только развернутый отряд богомолов, но и всех бойцов сопротивления, которых они с таким трудом тренировали в течение долгих месяцев.

«К черту смысл»,— подумал Стэн и включил мегафон.

— Мужчины и женщины Вулкана! — прогремел его голос и раскатился эхом под куполом. Стэн невольно отметил про себя, что посты безопасности еще работают и за ним наблюдают. Интересно, сможет Торесен опознать его?

Свободные мужчины и женщины Вулкана! — поправился Стэн. Подождал, пока стихнет гул.— Мы пришли на Вулкан, чтобы помочь вам бороться за свободу. Но вам не понадобилась наша помощь. Вы выступили на ружья компании с голыми руками. И победили. Однако компания еще жива. Она укрылась в Оке. Наступило время... наступило время помочь вам. Помочь вам сделать Вулкан свободным.

Стэн щелкнул тумблером микрофона и вернулся в капсулу.

Алекс одобрительно кивнул.

«MYOR YJHH MMUI OERT MMCV CCVX AWLO...»

Махони отодвинулся в сторону и дал императору прочитать расшифрованное сообщение:

«ШАГ НОМЕР ОДИН ЗАВЕРШЕН. НА ВУЛКАНЕ ГРАЖДАНСКИЕ БЕСПОРЯДКИ. ПРИСТУПАЙТЕ К ШАГУ НОМЕР ДВА».

Император глубоко вздохнул.

— Развернуть части гвардии, полковник!

Глава 35

Магнат разглядывал фигуру на экране. Лицо человечка показалось смутно знакомым. Он нахмурился, щелкнул клавишами, и камера надвинулась ближе. Торесен остановил картинку. Вгляделся в лицо говорящего — нет, не припомнить. Барон вновь ударил по клавишам, приказывая компьютеру проверить память, чтобы идентифицировать личность.

Модель лаборатории проекта «Браво», которую сделала Ида, выглядела как надувной шар из серой пленки, с одного конца наполовину заполненный водой. За основу брать было почти нечего; Ида до сих пор не могла проникнуть в компьютерную сеть службы безопасности.

Члены команды и Бэт угрюмо уставились на модель. Стэн, Алекс и Йоргенсен надели, в первый раз с тех пор как появились на Вулкане, камуфляжную фототропную униформу подразделения богомолов. Иде и Бэт подошли комбинезоны техов первого и третьего классов.

Говорили не много. Никого не интересовали вдохновенные речи. Бойцы отряда накинули на плечи свои рюкзаки, молча сели в гравитолет, и Стэн поднял его в воздух, в коридоры сошедшего с ума Вулкана.

Вулкан быстро сдавался по мере того, как мигры захватывали улицы. Образы решительных боев, грабежей и поражений социопатруля проплывали на видеоэкране магната.

Торесен выключил экран. Безнадежно. Восстание не подавить. Можно лишь позволить ему разгораться дальше, чтобы оно выжгло само себя, а затем вернуть себе господство.

Замелькал огонек лампочки вызова. Торесен почти не обратил на нее внимания — наверняка очередной доклад истерической охраны. Но ответить нужно. Торесен щелчком включил связь.

Его сердце похолодело. Компьютер опознал лидера мигров. Стэн. Но ведь он... Как?!. И тогда магнат понял, что это почти конец. Была

только одна цепочка: Стэн — гвардия — проект «Браво». Значит, император в курсе, и именно император был инициатором восстания мигров.

В отчаянии Торесен искал выход. Что произойдет дальше? Как ему реагировать? Император ждет повода для высадки десанта. Ожидалось, что Торесен позовет на помощь. Проект «Браво» будет раскрыт, и тогда...

И тогда Торесен решился. Он пойдет в лабораторию. Заберет наиболее важные файлы. Остальное уничтожит и исчезнет.

Торесен понимал, что, пока у него в руках секрет АМ-2, он все еще нужен императору.

Барон встал и вышел за дверь. Подождал. Еще немного. И еще. Император мог приказать разрушить лабораторию. Стэн и его команда, вполне вероятно, уже на пути туда.

Торесен поспешил к своему видеофону. На экране возникло испуганное лицо шефа службы безопасности.

— Сэр! Мне нужно столько людей, сколько вы сможете выделить. Немедленно!

— Возьмите себя в руки, вы же мужчина!

Торесен выругался. Шеф одеревенело ответил: «Да, сэр!» — и отключился.

Так, что же можно сделать?..

Торесен угрюмо усмехнулся про себя, открыл ящик стола и достал небольшую красную коробочку. Потом сунул ее в карман и выбежал за дверь.

Глава 36

Фрик и Фрэк порхали взад и вперед высоко над палубой лаборатории проекта «Браво». Цепляясь за потолок, они скакали по входному коридору, прямо над постом безопасности. Они были невидимы человеческому глазу. В конце концов, на Вулкане нет птиц. А чего человеческий глаз не понимает, того он и не замечает.

Офицер-наблюдатель службы безопасности уставился на свои ногти. В последнюю смену он старательно грыз их. И систематически опрашивал каждого патрульного в радиусе двадцати метров. Ему больше ничего не оставалось, как потеть и решать свои проблемы.

Проблем было предостаточно. Охранять лабораторию, о назначении которой он не имел ни малейшего понятия, от вторжения, да еще эти чертовы мигры словно взбесились — его сменщик был обнаружен с полуметровым стеклянным ножом в груди. А теперь ему сообщили, что сюда спускается магнат Торесен!

Ну и ко всему прочему, забарахлил компьютер — вроде бы штука бесстрастная и неуязвимая.

Офицер взглянул на экран, на всякий случай постучал по нему кулаком. Ничего не изменилось. Экран по-прежнему показывал летающие объекты прямо в лаборатории.

Офицер подивился, зачем он пошел работать в компанию. Ведь мог бы с большим комфортом оставаться шефом секретной полиции у себя на родине!

Он поднял глаза на экран и увидел двух техов, которые быстро приближались по коридору.

Здоровенный спец первого класса — женского пола! — важно зашел в его офис.

— Вот еще радость,— пробормотал вполголоса офицер-наблюдатель.— А мне сейчас, кроме свеч от геморроя, ничего не надо.

Он сочувственно улыбнулся замученному теху третьего класса, тоже женщине, шагающей вслед за черноволосой слонихой.

«Бедняжка,— подумал он.— Бьюсь об заклад, что эта первоклассная хамка попыталась приставать к ней, а ассистенточка не согласилась и теперь вынуждена таскать за мужеподобной бабищей ящик с инструментами».

— Что-то в этом роде я и ожидала,— раздраженно буркнула Ида,— компьютер сломан. Будем сидеть тут и ковырять пальцем в носу.— Она повернулась к Бэт.— Одно слово, мужики!

Офицер решил, что смена будет очень долгой. Он попытался соблюсти все формальности.

— Мы получаем информацию...

— Я знаю, что вы получаете,— прервала его Ида.— У нас тоже есть терминалы.— Она некоторое время смотрела на экран, по которому скакали «призраки», затем уставилась на офицера.— Ха! Слушай, парниша, да ведь это плевое дело!

— Что вы имеете в виду? — спросил «парниша».

— Вон тот браслет. Ты повесил его слишком близко к терминалу, вот он и свихнулся!

— Это же браслет автоматической связи. Мы все носим их с собой, и никогда еще ничего подобного не случалось.

— Ага! Эти чертовы мигры тоже раньше не знали компьютеров. Так ты говоришь, все патрульные носят их?

— Да.

— Выброси, к чертовой матери!

— Что?!

— Да, у всех в смене забери и выброси, болван! Это будет проще всего. Проблема-то в том, что у кого-то браслет не те сигналы выдает.

— Но мы же не можем вызывать каждого патрульного! — начал офицер.

Ида пожала плечами:

— Прекрасно. Тогда мы с подружкой пошли. Придется доложить, что ситуация вышла из-под контроля.

Офицер уставился на экран. Летающие объекты все еще были здесь. Взглянул на Бэт. Она скользнула по нему сочувственной и очень теплой улыбкой.

Он принял решение, повернулся к микрофону и включил его:

— Третья смена! Всем немедленно явиться на центральный пост. Повторяю, всем немедленно явиться на центральный пост!

Бэт вытянула из сумки две гранаты и поднялась. Офицеры безопасности проекта «Браво» столпились в маленьком офисе. Ида стояла у двери.

— Все здесь?

Офицер-наблюдатель кивнул. Бэт воткнула запалы в гранаты, юркнула за дверь и, споткнувшись, шлепнулась прямо на Иду. Гранаты взорвались пурпурными вспышками. Патрульные рухнули.

Бэт скатилась с Иды и помогла ей встать. Ида тихо засопела, пробормотала что-то и вдруг резко свистнула в два пальца.

Стэн и другие члены команды ворвались в офис и подбежали к ним.

— Мы будем держать заднюю дверь. Вы оставайтесь здесь.— Ида шагнула внутрь, подняла ящик с инструментами, вытащила два виллигана с откидными прикладами, зарядила их и бросила один Бэт. В это время Стэн и другие вбежали в лабораторию.

Между тем Ида опрокинула на землю наблюдателя.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросила Бэт.

— Личные счеты,— ответила Ида, с силой наступив своей ножищей прямо на пах оцепеневшему мужичку.— Мне кажется, он думал обо мне всякие гадости.

Она оторвала от земли вторую ногу. Бэт поморщилась и отвернулась к длинному пустому коридору.

— А может, будет проще,— предложил Алекс,— разнести весь этот бардак?

— Проще, черт возьми,— кивнул Стэн.— Но если мы это сделаем,— он жестом показал на потолок,— то покрошим в лапшу всех техов наверху.— Он усмехнулся.— А тогда какого черта я их защищал?

— Потому что,— сказал Док,— инструкция нашей миссии предписывает уничтожить лабораторию с минимальными потерями.

Потолок лаборатории простирался высоко над ними — настолько высоко, что это ангароподобное здание имело даже свой климат.

Фрик и Фрэк скакали среди потолочных ламп. В центре лаборатории стоял небольшой космический грузовик, его багажные люки были распахнуты. Вокруг него на нижнем этаже громоздилась какая-то загадочная аппаратура. По разные стороны были двери, ведущие в лабиринты небольших лабораторий.

— Установить заряды в каждый банк хранения информации,— решил Стэн.— В каждый компьютер. И в каждый блок оборудования, который покажется незнакомым.

— Очень остроумно! — простонал Йоргенсен, снова впрягаясь в свой рюкзак.— Это означает, что наш общий друг взорвет здесь все, что не похоже на барана.

Алекс погрозил пальцем:

— От плюшевого мишки я готов еще терпеть такие оскорбления. Но не от человека, который сам только-только от сохи!

И они пошли работать.

Торесен, несмотря на его привязанность к оружию и военному искусству, никогда не служил в армии. Тем не менее у него хватило здравого смысла, идя по коридорам, ведущим к проекту «Браво», пустить впереди себя два усиленных отряда из пятидесяти патрульных.

Он достаточно трезво мыслил, чтобы понимать, что ситуация ответственная.

Бэт вытерла потные ладони о пластиковый приклад виллигана.

— Дыши глубже,— проговорила тихо Ида.— Возьми на себя тех десятерых.— Она вдруг поняла, что сейчас сказала, и усмехнулась.— А с другой стороны, может, лучше выбросить белый флаг?

Бэт нажала до упора на курок виллигана. Ружье выплюнуло заряд АМ-2 в плотную массу вваливающихся патрульных. Крики. Хаос.

Ида выхватила гранату, швырнула ее в коридор, затем быстро юркнула под покрытие пола, пока не грохнули ружья патрульных.

Бэт выдернула из виллигана пустой магазин и вставила новый. Девушка с удивлением обнаружила, что ее уже не пугает вид наступающих патрульных.

— Если бы я была с дэлинками,— проговорила она,— я сказала бы, что пора рвать когти.

— Но ты же не с ними, ты с отрядом богомолов... Так что пора рвать когти!

Ида выкатилась за дверь, палец на спусковом крючке, побежала к лаборатории. Бэт скользнула за ней. Женщины повернули, промчались по коридору и ворвались в лабораторию.

Алекс тихо напевал себе под нос, прокладывая провода взрывного устройства к центру лаборатории.

Мы поставим с тобой белый ящик с отравой,
И, как пикой, пронзим синей свечкой костлявой.
Из волос золотых мы чудесную нить размотаем...

Он обрезал провода и подсоединил их к пульту детонатора. Прокрутил в голове цепь подрыва и взглянул на Стэна. Тот подал ему знак, и Алекс нажал кнопку таймера.

— Знаешь, нам лучше топать. Еще час, и здесь будет шумно и неуютно!

Бэт и Ида ворвались в комнату. Ида пригнулась и бросилась по коридору.

— Патруль! — крикнула Бэт.

Члены команды, не пригибаясь, бросились к куполу. Ида опустошила свой магазин и стала карабкаться к кораблю.

Команда полукругом выстроилась перед грузовиком. Стэн нырнул за гигантскую машину, напоминающую буровой станок, когда в лабораторию ворвались отряды Торесена.

— Ты можешь отменить взрыв? — крикнул Стэн.

Алекс срезал патрульных внутри лаборатории, затем тихо сказал, не поворачивая головы:

— Я могу и обидеться, парень. На каждом заряде стоит блокировочное устройство.

— Шестьдесят минут?

— У нас есть,— Алекс взглянул на часы,— не больше пятидесяти одной минуты.

Боевые корабли, сновавшие перед штурмовым транспортом гвардии, наносили удары по дрейфующим спутникам безопасности возле Вулкана, не зная, что благодаря Бэт большинство из них уже лишились пилотов.

Штурмовые крейсеры двигались прямо к станции. Защелкали датчики, тормозные двигатели замедлили движение кораблей. Скорость упала до нескольких километров в час, затем стала еще ниже, и транспорты пробили внешнюю оболочку Вулкана, наполовину зарывшись в нее.

Носовые люки откинулись, и вооруженные гвардейцы посыпались наружу. Сопротивление было незначительным. Никто из патрульных внутри не предполагал, что такое может произойти, и не был готов к этому.

Гвардия почти беспрепятственно прорвалась через небольшие разрозненные отряды противника. За ними двигались облегченные лазерные установки поддержки, а вокруг кораблей вступали в действие военные инженеры, заделывая отверстия во внешней оболочке.

Противодействие, по сравнению с обычными противниками гвардии, оказалось небольшим. Социопатрульные, конечно, могли считать себя профессиональными головорезами, но, как они обнаружили, была чудовищная разница между размахивающими кулаками безоружными рабочими и прекрасно подготовленными опытными гвардейцами.

«Наемники в герои не годятся»,— решил Торесен, наблюдая, как офицер патруля посылал вперед свой отряд. Почти половина вояк столпились, даже не доходя до импровизированных баррикад, ко-

торые Торесен приказал установить прямо на входе в лаборатории. Другая половина нерешительно продвигалась вперед.

Бойцы отряда богомолов открыли огонь с другой стороны зала. Самые торопливые из патрульных были расстреляны в трех метрах от их ног и грохнулись на тела первой волны наступавших.

Простой подсчет заставил Торесена содрогнуться. У противника пять человек — Торесен не заметил Фрика и Фрэк, устроившихся высоко над ним на балке,— а у него наступает почти семьдесят. У них потерь нет, а он уже потерял тридцать патрульных!

Запищал зуммер связи на поясе. Торесен взял трубку, послушал, затем резко отключил связь. Магнат медленно побледнел от гнева, заполнявшего его. Гнева главным образом на самого себя.

Император, как полагал Торесен, не стал бы наступать без всякого предупреждения, но перепуганный тех из центра связи известил его, что гвардейцы уже здесь. Включая секторы повстанцев, почти треть Вулкана отдана врагу.

Торесен рванулся назад к патрульному офицеру.

— Нам нужно больше людей! Я буду руководить ими из офиса службы безопасности.

Стена над его головой вдруг взорвалась, и он ползком выбрался из лаборатории в коридор. Барон поднялся и побежал в конец коридора. Затем остановился и достал из кармана небольшую коробочку, набрал цифровой код и открыл прибор. Напечатал на экране 0.15 и замкнул цепь. Торесен заставил себя успокоиться и пошел прочь из лаборатории проекта «Браво».

Его ожидал гравитолет.

А позади, под полом главного пульта управления лабораториями, таймер запустил отсчет времени перед днем Страшного суда — мегатонный атомный заряд ограниченного действия должен уничтожить всю лабораторию и дать Торесену единственный шанс для спасения.

Ида методично обстреливала баррикады патрульных.

— Алекс! Ты понимаешь, что, если мы будем торчать здесь как прикованные, а твои заряды сработают, я больше никогда не налью тебе стаканчик?

Алекс не обращал внимания. Его взгляд застыл на приборе, извлеченном из рюкзака.

— Стэн! Возникла проблема посерьезней, чем мои хлопушки.— Он помахал приборчиком перед носом товарища.— Есть мнение, что где-то здесь скоро взорвется ядерный заряд.

Стэн взглянул на него.

— Где? Кто его установил?

— Не знаю. Но лучше бы нам его найти.— Алекс поводил прибором в разные стороны по комнате.— Ага! Прекрасно! Бомба установ-

лена прямо напротив нас.— Он жестом указал в сторону центрального пульта управления в пятидесяти метрах перед ними.— Посображай-ка. Во-первых, надо ухитриться пересечь то открытое место и как-нибудь не помереть при этом. А потом у меня будет еще интересная забава — как-нибудь постараться разрядить бомбочку, даже не зная, когда она хочет взорваться.

— Время Ч!!! — дал команду Стэн, и отряд открыл огонь по баррикадам.

Алекс ухватил свой рюкзак и вскочил на ноги. Зигзагами побежал. Вокруг него рвались пули. Йоргенсен приподнялся на локтях и прицелился в патрульного, стрелявшего в Алекса. Лишь на момент оставленный без внимания офицер-наблюдатель, придя в себя после травматической кастрации, выстрелил. Пролетев пол-лаборатории, снаряд лопнул, разбросав зазубренные стрелки. Плечо и рука Йоргенсена мгновенно были ими исколоты, а затем стрелки взорвались.

Бойцы отряда на миг прекратили стрелять, но дисциплина взяла верх, и они продолжили выполнять боевой приказ.

Стэн наблюдал, как Алекс вскрыл метровой ширины плиту пола и скользнул вниз.

— Отомстим за Йоргенсена! Он почти из нашего семейства...— Фрик и Фрэк устремились с купола вниз. Фрэк схватила небольшие бомбочки и сложила крылья. Камнем падая вертикально вниз, ни она, ни Фрик не делали ни малейшей попытки спастись.

Они умерли мгновенно, как только их маленькие тельца стукнулись о патрульного офицера. Затем взорвались бомбочки. Офицер превратился в огненный шар, а картечь срезала припавший к земле позади него отряд.

Стэн заметил, как Док выполз из своего укрытия неподалеку от тела Йоргенсена за виллиганом покойника. Плюшевый мишка неуклюже повернул ружье в сторону баррикад, потом, закачавшись, согнулся — оружие было слишком тяжело для него. Одной лапой Док нажал на курок и держал его до тех пор, пока магазин не опустел.

Алекс стоял на коленях возле ядерного заряда под полом лаборатории.

— Есть только надежда,— вслух размышлял он,— что любители, которые состряпали это взрывное устройство, уважали усовершенствования и сделали некоторую защиту, чтобы оно не рвалось в руках.

Бомба была устроена по-идиотски просто. Металлический шар, покрытый чем-то, напоминавшим клей для моделирования. Небольшие заряды направленного взрыва, служащие для сближения разделенных частей основной ядерной головки, были подсоединены к радиоприемному устройству и к тому, что Алекс принял за таймер. Он начал выдергивать провода, затем остановился и скосил глаза. Здесь

были еще какие-то проводки неизвестного назначения, которые он сразу не заметил.

— Ловушка для дураков. Начнем потихонечку вытягивать каждый заряд из своего гнезда. Интересно, сколько этих штучек я успею выдернуть, прежде чем бомба взорвется? — Он вытер вспотевший лоб.

Пилот и Торесен промчались по коридору до защитного щитка гравитолета. Бойцы сопротивления мигров прозевали их. Они с запозданием повернули головы, и лишь немногие вооруженные успели выстрелить. Гравитолет заложил крутой вираж и скрылся из виду.

Торесен огляделся. Прямо перед ним был вход в Око. Он облегченно вздохнул — Око еще охраняли социопатрульные.

— Есть! Получилось!

Уголком глаза Стэн увидел, как массивное тело рыбкой вылетело из подпола и Алекс скачками помчался через простреливаемое пространство. Последние пять метров до укрытия он проскользил по полу на брюхе.

— Эта маленькая штучка уже безопаснее моей бабушки!

— Ты оставил нам только одну проблему.

— Ага! — сказал Алекс.— Представляю себе, как мы уматывать будем, пока нас собственная хлопушка не раздолбала!

По меньшей мере пятнадцать патрульных упрямо удерживались за баррикадами.

— Не думаю,— сказала Ида,— что они пойдут на мировую.

— Уточняю,— мрачно добавил Док,— поскольку они так жестоко проигрывают, они решат, что мы их обманем.— Он выпустил еще несколько зарядов из виллигана.— Алекс Килгур, ты понимаешь, что это все ты виноват? И теперь у меня никогда не будет своей собственной юридической практики...

— Признаться, такого успеха я и не ожидал,— промолвил Алекс.

— Ида! — внезапно сказал Стэн.— Пошли. Алекс, мы попытаемся блефануть по-крупному. Обойдешь их с фланга, если они купятся на это.

Ида поднялась, и они вдвоем зигзагами кинулись к люку грузовика. Не понявшие ничего Алекс, Бэт и Док открыли прикрывающий огонь.

Стэн укрепил сигнальную лампочку на окне кабины управления и сунул в карман комбинезона портативную рацию.

— Как ты думаешь, они поверят?

Ида беспомощно развела руками.

— Цыган не верит в песни о смерти... Попытаться можно!

Стэн взглянул на часы — заряды Алекса сработают через десять минут. Они с Идой поспешили к люку и открыли огонь по патруль-

ным. Алекс, никем не замеченный, украдкой двинулся из импровизированного форта отряда богомолов в направлении фланга патрульных.

Патрульный выжидал. Рано или поздно один из них должен показаться. Рано или поздно...

Он вздрогнул, когда что-то похожее на взрыв осветило лабораторию из кабины управления грузовика. Затем наружные громкоговорители грузового корабля выдвинулись из своих отсеков и ожили. Прерывисто завыла сирена, и металлический голос произнес:

— Осталось две минуты до взрыва, осталось две минуты до взрыва. Всем срочно покинуть район взрыва. Повторяю, всем срочно покинуть район взрыва...

В первый же момент патрульный сообразил, что выхлопные сопла направлены почти прямо на него. Он не знал, что делать.

— Надо добраться до компьютера,— пробормотал человек по соседству.

— А что случится, если рванет? — поинтересовался патрульный.

— Тогда и мы поджаримся,— ответил его напарник.

Стэн откашлялся, затем нажал кнопку портативной рации. Ида связала его прямо с передающей станцией грузовика. Он попытался говорить голосом, как можно больше похожим на компьютерный:

— Тридцать секунд до взрыва. Тридцать секунд до взрыва. Отставить! До взрыва пятнадцать секунд!

Близкие к панике патрульные не заметили, как Алекс взломал оболочку. Даже если бы они и обнаружили это, учитывая нормальную человеческую реакцию, у них не хватило бы времени, чтобы остановить стремительный рывок Алекса.

Пригнувшись, он перескочил через баррикаду. Первый патрульный, которого он встретил, рухнул с проломленным черепом. Прикрываясь мертвым телом, Алекс прыгнул в воздух, перевернулся и обеими ногами ударил в живот сразу двоим. И тут же вскочил, размахивая телом второго человека, как дубиной. Стэн и Ида поднялись и, вскинув ружья, выстрелили. Стэн с изумлением увидел, как Алекс оторвал голову еще одному патрульному.

Крики. Затем тишина, и двое патрульных отступили, убегая к выходу. Алекс вспрыгнул на вершину баррикады, схватил трехметровую стальную скамейку и метнул ее, словно копье, вдогонку. Скамейка попала в точно в цель, размозжив черепа обоим патрульным.

Док и Бэт метнулись через зал.

— Я предложил бы,— проговорил плюшевый мишка, когда они достигли конца зала,— отказаться от дурацких человеческих поздравлений. У нас всего четыре минуты.

Четыре бойца богомолов и Бэт неслись по коридору. На бегу Стэн захлопывал защитные перегородки в надежде, что этого будет достаточно.

Заряды сработали, в точности как предсказал Алекс. Стэн, Бэт и Алекс уставились на странную лабораторию в форме кишки, тянущейся через проход в основной коридор. Ида держала Дока. Свет мигнул, потом еще раз и еще. Они почувствовали легкую дрожь плит под ногами — рушился проект «Браво». Направленные заряды взрывались тут и там, сотрясая пол и вырывая части из лаборатории, словно это была рыба, которую потрошили. Стэн внезапно подумал: «Вот так, наверное, все происходило и в городке Развлечений».

Рокот стих, стали слышны сигналы тревоги. Обломки нижней части лаборатории выбросило в космос. Но верхняя часть, населенная техами, осталась невредимой.

И тут Бэт заметила, что Стэн исчез.

Глава 37

Свершилось. Все следы проекта «Браво» были уничтожены взрывом. Впервые за многие часы Торесен почувствовал себя в безопасности.

Барон налил себе по такому случаю стаканчик. Мысли его еще были заняты бойней, но настроение уже поднялось. В конце концов, он победил императора. Все, что ему оставалось делать, это ждать, когда в дверь войдут офицеры гвардии, и поблагодарить их за освобождение от взбунтовавшихся мигров.

Как теперь поступит император? Привлечет его к суду? Но за что? Нет никаких улик. Кроме того, Торесен полагал, что император не захочет публично признавать возможность какой-то альтернативы его монополии на АМ-2.

В крайнем случае его понизят в должности, опустят на ступеньку в иерархии компании... Магнат пожал плечами. Пройдет несколько лет, и он опять взойдет на вершину. И тогда он им покажет! Он всем покажет!

Внезапно Торесен улыбнулся: как странно — рассуждать о самом себе. Он как будто бы наблюдал за собой со стороны, отмечая свои мысли и действия. И исследовал себя, подобно теху, изучающему микроба.

Что-то шевельнулось в глубине его мозга. А погиб ли Стэн на самом деле в том взрыве? Он ведь оказался совсем не таким, как представлял себе Торесен. Чем-то отличался... Торесен вдруг обнаружил, что даже хочет, чтобы Стэн остался в живых. Он сжал пальцы в кулак, представляя, как вгоняет его в мягкое горло мигра.

— Стэн,— пробормотал он.— Стэн! Иди ко мне!

Позади раздался неожиданный звук. Торесен усмехнулся про себя и повернул голову. В нескольких метрах от магната с ножом в руке крался Стэн.

— Спасибо! — сказал Торесен.— Ты расторопен.

Стэн остановился в растерянности.

— Ты знаешь меня?

— Да. И очень близко. Ведь это я убил твою семью.

Стэн бросился к нему, направляя руку с ножом прямо в горло. Торесен увернулся, судорожно дернувшись, когда кончик ножа коснулся его плеча, оставив кровавый след. Он ударил сбоку и с удовольствием услышал сухой треск ломающегося запястья Стэна. Нож вылетел и исчез в траве.

Стэн, не замечая боли, повернулся, чтобы уйти от нового удара, и сам ударил здоровой рукой. Его пальцы царапнули лицо Торесена, и тот отшагнул назад. Предчувствуя выпад врага, Стэн пригнулся.

Потом он понял, что Торесен не наступает. Позади, в нескольких метрах от него, была коллекция оружия, и магнат рванулся за карабином.

Стэн прыгнул к стене, протянул руку к старинному короткоствольному ружью с широким раструбом; Торесен в это время уже схватил виллиган и открыл огонь. Стэн кинулся на землю, прицелился и выстрелил. Заряд попал в верхнее освещение купола, все кругом окутала тьма. А он перекатывался и перекатывался с места на место, так как пули из антиматерии пронзали темноту, отыскивая его.

Стэн спрятался за дерево. Вокруг падали комья земли, куски дерева. Вдруг все стихло. Стэн прислушался и уловил, как с легким шелестом в темноте двигается Торесен. Магнат шел прямо на него.

Раздались щелчок и протяжный скрежет — Торесен открыл клетки. Два страшных серых бенгальских тигра-мутанта, выйдя на волю, негромко зарычали. Барон нажал клавишу управления. В их ошейниках раздались звонки, тигры повернулись, затем торопливо пошли прочь от магната.

Стэн двинулся через кусты. Где же Торесен? Почему не идет?..

Вдруг сзади донеслось рычание, Стэн обернулся, и в этот момент на него бросился тигр.

Стэн отшагнул назад, свел ноги вместе и изо всех сил прыгнул прямо вверх. Они столкнулись в воздухе. Зверь упал на землю и задергался в конвульсиях. Затем попытался встать, но упал уже мертвым. Его горло было пробито ударом Стэна.

Стэн поднялся на ноги, превозмогая боль в раненой руке. Тошнота подползала к желудку. Держаться!..

Загорелся свет. Стэн на минуту застыл, ослепленный яркой вспышкой, затем нырнул в укрытие, так как снова раздалось кряканье виллигана. Сколько сделано выстрелов? Стэн не слышал, чтобы Торе-

сен перезаряжал карабин. Патроны у него должны уже быть на исходе. Стэн на всякий случай осмотрелся, ища оружие.

Рядом, размахивая хвостом, стоял второй тигр. Он уже готовился к прыжку, потом зарычал. Стэн, пересилив себя, рассмеялся диким, почти истерическим смехом.

Магнат открыл огонь из виллигана, срезав тигра, как раз когда тот бросился на Стэна. Тигр завертелся волчком и рухнул на землю без признаков жизни. Торесен все стрелял. А потом раздался сухой щелкающий звук — патроны кончились.

Стэн вышел из кустов.

Торесен, заметив его, стал лихорадочно искать новый магазин. Бесполезно. Он кинулся назад, хватая первое попавшееся под руку оружие. Лезвие сабли свистнуло, когда он сорвал ее со стены и нанес удар.

Стэн застонал от боли — кончик клинка резанул его вдоль ребер. Он уклонился от бокового удара, пытаясь схватить оружие. Хоть какое-нибудь оружие... Рапира!

С громким звоном лезвия встретились. Стэн сделал выпад вперед, и рапира почти выскочила у него из рук, когда Торесен парировал удар. Стэн отступил.

Тонкая рапира согнулась, когда он оперся на нее, пытаясь удержаться на ногах. Торесен сделал шаг вперед, отчаянно размахивая саблей.

«Нет шансов,— подумал Стэн.— Сабля Торесена слишком мощная и острая, а у меня — тоненький стерженек заточенной стали. Гибкой стали». Внезапно Стэн понял, что в этом есть свое преимущество. Как бы ни был силен удар Торесена, можно отвернуть лезвие в сторону.

И Торесен ударил. Лезвия встретились. Рапира, как змея, металась вокруг сабли, используя силу удара противника, чтобы отразить его. Стэн сделал выпад и понял, что лезвие достигло цели,— Торесен вскрикнул.

Стэн сделал стремительный шаг назад как раз перед сверкнувшей саблей врага.

Пауза. Торесен стоял перед ним, задыхаясь; кровь капала из нескольких ран. Но похоже, сдаваться он не собирался.

Торесен опять двинулся вперед, нанеся сильный удар. Стэн попытался его парировать, однако тоненькое лезвие соскользнуло, и он почувствовал, как сабля глубоко врезалась в руку.

Торесен знал, что Стэн теперь попался. Он шагнул вперед, замахнулся для мощного бокового удара, который должен был обезглавить противника,— и закричал от боли, когда кончик рапиры вонзился в его локоть. Сабля выпала. Торесен отчаянно выставил вперед руки, оттолкнул лезвие прочь, ощущая, как пальцы превращаются

в кровоточащее мясо, и выбросил вперед здоровую руку с ножом, целясь Стэну под ключицу.

Он почувствовал, что попал в кость, и ударил еще. Но Стэн блокировал удар; одна рука его беспомощно свисала, он едва стоял на ногах.

Торесен сделал еще один выпад, и раненую руку Стэна пронзила страшная боль. Тогда, собрав последние силы, он ударил распрямленной ладонью, кончиками пальцев... Ребра Торесена хрустнули, словно сухое дерево. Стэн быстро сделал шаг назад, избегая ответного удара, упал на колено, и Торесен оказался на нем, пытаясь рукой сломать врагу шею.

Стэн со всей мочи ударил вверх, под ребра. Кость снова подалась. Еще удар, еще и еще...

Что-то чавкнуло под рукой, Торесен заорал от боли. И тогда Стэн вырвал из его груди сердце.

Какое-то страшное мгновение, растянувшееся будто на целую вечность, Торесен смотрел на собственное сердце — и упал.

Стэн застыл оцепенело, затем повернулся и забросил еще сокращающийся орган далеко в кусты, где лежали тигры.

Неожиданно сзади раздался выкрик, метнулась неясная фигура. Он попытался ударить...

Бэт подхватила его на руки и опустила, уже потерявшего сознание, на землю.

Глава 38

Лицо императора было каменно-холодным. Махони стоял перед ним, вытянувшись по струнке.

— Все ли следы АМ-два уничтожены?

— Да, сир!

— На Вулкане новое правительство?

— Да, сир!

— А Торесен?

— Он... мертв, сир.

— Почему не выполнен мой приказ?

— Оправдываться нечем, сир.

— Нечем? И это все, что вы можете сказать?

— Так точно, сир.

Махони склонился над Стэном, который изо всех сил пытался сосредоточить внимание. Очень это трудно, когда ты прикован к постели в госпитале в условиях невесомости.

— Я только что от императора.

Стэн ждал.

— Его комментарии были, надо сказать, довольно резкими. В особенности дело касалось, боец, прямого невыполнения приказов. Приказов империи.

Стэн представил себе, как это все было, глубоко вздохнул и приготовился к худшему. Вероятно, к наказанию.

— Вы можете что-нибудь сказать в свою защиту, лейтенант?

Стэн, конечно, мог. Но к чему? Он уже приговорен.

— Я жду, лейтенант!

— О, простите, сэр,— прохрипел Стэн,— но вы назвали меня лейтенантом.

Махони улыбнулся, затем присел на краешек больничной койки.

— Распоряжение самого императора, парень.— Он полез в карман кителя и вытащил пару маленьких серебряных погон. И нож Стэна.

И положил все это на кровать.

— Император был рад без памяти. А насчет этих приказов у него тоже появились другие соображения. Он просто не успел довести их до нас.

— Он хотел, чтобы Торесен был убит?..

— Только в самом крайнем случае.

— Ага. Но звание... Не гожусь я в офицеры.

— Я бы и согласился, но император думает иначе. А хороший боец всегда должен подчиняться командиру. Не так ли, лейтенант?

Стэн усмехнулся:

— Во всяком случае, почти всегда.

Махони собрался уходить.

— А как насчет Бэт?

— Если вы не возражаете, лейтенант,— ответил Махони,— она вступит в вашу команду.

Стэн не возражал.

Император благоговейно стер пыль с бутылки, с шумом открыл ее, наполнил два бокала. Махони поднял один, с подозрением посмотрел на жидкость.

— Опять виски, босс?

— Да. Но теперь это настоящее виски.

— Откуда?

— Не могу сказать.

Махони сделал глоток и поперхнулся.

— Что за... Что это?!

Император просиял. Отхлебнул, поиграл во рту напитком, смакуя его.

— Прекрасно,— сказал он и снова наполнил свой бокал.— Ты обо всем позаботился? Как насчет Стэна?

— Сделал все, как вы говорили, босс.

Император на минутку задумался.

— Держи меня в курсе его работы. Я думаю, за парнем надо присмотреть.

— Будет сделано, босс.

Махони заставил себя допить бокал. А затем дать налить себе еще. Ведь главное в его работе — заботиться о благополучии императора. А император терпеть не мог пить в одиночку.

Волчьи миры

Кэтрин и Карен по неиссякаемому множеству причин,
а также настоящему Алексу Килгуру

Книга первая

Штык в ножнах

Глава 1

На крейсере «Дженнисар» раздался оглушительный вой сирен, прогремел и смолк топот тяжелых ботинок. Потом на пульте управления замигала зеленая точка. Первый помощник удовлетворенно кивнул, отметив про себя, что нужно назначить дополнительное увольнение придурку, несущему вахту на посту ИСМ, и развернулся на стуле лицом к капитану.

— Все сектора укомплектованы, сигфер,— доложил он.

Капитан взял в руки амулет, повесил его на шею, поверх черной туники, и включил микрофон:

— Склонитесь, воины «Дженна»! Помолимся Таламейну! О Господь вездесущий, благослови нас на захват неверных. Просим Твоей помощи в одержании победы, ибо дело наше правое. Сикбет.

Корабельная команда хором повторила: «Сикбет». Капитан нажал на кнопку селектора.

— Сектора связи, вести радиоперехват. Оружие к бою. Привести в боевую готовность пушки ЛРМ — два, четыре, шесть. Сектора связи, установить контакт с кораблем-целью. Оружие применять по моей команде, после капитуляции врага. Задание ясно? Исполняйте!

Добычей крейсера должен был стать очередной возвращающийся с задания и рискнувший прошмыгнуть через внешнегалактические границы исследовательский корабль класса «Реджистер».

Овальный корпус корабля был сплошь перелатан, изъеден коррозией, а в некоторых местах даже проржавел от соприкосновения с атмосферой при редких приземлениях. Прямо из-под носовой части, в которой находились блоки контроля, торчали автоматические ковши-клешни для захвата грунта. Всем своим обликом суденышко удивительно напоминало краба, спасающегося бегством от акулы.

© Перевод В. Голубевой.

В действительности это был шпионский корабль империи. После выполнения задания «Сиенфуэгос» спешил домой.

Назначение корабля «Сиенфуэгос» (документ ОП КАМФАР) до сегодняшнего дня: исполняющий обязанности имперского вспомогательного судна.

Сведения о членах экипажа: СТЭН, лейтенант, отряд богомолов, секция Оружие; КИЛГУР, АЛЕКС, сержант, Разрушения; КЭЛДЕРЕШ, ИДА, капрал, пилот, специалист по электронным приборам; МОРРЕЛ, БЭТ, старшина, Управление Зверями; БЛИРЧИНАУС, рядовой, антрополог, медик.

Команде поручено выполнение индив. задания.

Примечание: ОП КАМФАР входит в состав разведотряда «Меркурий», дальнейш. разъяснения через полк. Яна Махони, командира подразделения «Меркурий».

Стэн восхищенно смотрел на обнаженную фигуру девушки, загоравшей под лучами гидрофонных прожекторов. Осторожно обойдя двух разлегшихся на пути огромных черно-белых сибирских тигров, Стэн подошел к краю лужайки.

Один из тигров приоткрыл сонные глаза и утробно зарычал в знак приветствия. Стэн не обратил на это никакого внимания, и зверь снова принялся вылизывать шею своего соплеменника. Заметив Стэна, девушка нахмурилась. Когда Стэн видел Бэт, сердце его по-прежнему билось учащенно. Бэт была блондинкой невысокого роста, под ее гладкой, смуглой от загара кожей играли хорошо накачанные мускулы.

После недолгих колебаний Бэт пересекла лужайку с вьющимися растениями и села рядом со Стэном.

— Я думала, ты уже спишь.

— Не мог уснуть.

Какое-то время Бэт и Стэн сидели молча. Тишину нарушало только низкое глухое мурлыканье Мьюнин и Хьюджина, двух огромных кошек Бэт. Ни Бэт, ни Стэн не были слишком разговорчивы. Особенно...

— Я подумал,— предпринял осторожную попытку возобновить разговор Стэн,— мы могли бы, ну, попробовать выяснить, что происходит?

— Происходит что-то не то, хотел ты сказать? — мягко спросила Бэт.

— Да, именно так.

Она помолчала.

— Не уверена, что хочу этого. Мы были вместе совсем недолго. Может быть, дело в этом. А может быть, всему виной эта дурацкая

операция. Мы неплохо поработали, и теперь остается только одно — сидеть на этой заштопанной посудине и бить баклуши.

— И дуться друг на друга,— добавил Стэн.

— И дуться.

— Послушай, почему бы нам не пойти в каюту и...— Стэн не смог закончить фразу. «Очень романтичное предложение»,— подумал он.

Бэт пребывала в нерешительности. Наконец она отрицательно качнула головой.

— Нет. Я хочу, чтобы все оставалось как есть, пока мы не вернемся. Может быть... может быть, потом у нас возобновятся прежние отношения.

Стэн вздохнул и кивнул в знак согласия. «Вероятно, Бэт права. Наверное, так будет лучше...»

Раздался певучий сигнал внутренней селекторной связи.

— Простите, юные любовнички, что прервала ваше воркование, но в командной рубке, кажется, возникла небольшая проблема.

— Какая, Ида? — спросил Стэн.

Тигры окончательно проснулись, навострили уши и стали плавно помахивать хвостами.

— А такая, что громадный военный крейсер направляется на нас с тыла.

Бэт и Стэн моментально вскочили на ноги и побежали в рубку.

Небольшого роста мужчина, как говорится что вдоль, что поперек, пристально вглядывался в экран дисплея и бурчал что-то себе под нос. Могучее тело тяжеловеса было столь же сильным, сколь и шотландский акцент, унаследованный им от предков.

— Вы даже не представляете, в какой переплет мы угодили.— Вглядываясь в экран, на котором появилось описание преследовавшего их корабля, Алекс стал что-то негромко напевать.

Стэн перегнулся через плечо товарища и прочитал вслух:

— 619.532. Патрульно-штурмовой крейсер. Имперский корабль класса «Турнмаа-Карьялаа». Диам.: 190/34. Да, внушительная посудина... Экипаж в составе: двадцать шесть офицеров, сто двадцать пять подчиненных.

— А нас — четверо плюс два тигра против целого войска,— добавила Ида. Тучная женщина задумалась над численным превосходством противника. Она была столь же пухлой, сколь и жадной. Ида прикладывала руки ко всему, что плохо лежало в империи.— Если кто-нибудь хочет заключить пари, я готова — ставлю на них.

Не обратив внимания на реплику Иды, Стэн продолжал читать:

— Вооружение: шесть противокорабельных ракетных установок класса «Гоблин», тридцать шесть резервных снарядов... три установки «Видал» по перехвату ракет... сорок пять снарядов в резерве... четыре лазерные установки систем «Линкс»... обычная внутриатмо-

сферная защитная установка типа «АА»... два самонаводящихся дальнобойных орудия, один штурмовой лазер класса «Белл», выдвижные наружные башни над палубой А... Основательно нашпигованный окорочок. Пожалуй, нам бы не мешало прибавить скорости...

— Дерьмовый компьютер! — с негодованием воскликнула Ида.— Только и может, что болтать, как мы плавно-плавно парим в космосе. Выяснили уже, кто эти вонючие мерзавцы?

Стэн не удосужился ответить на ее вопрос.

— Когда был произведен перехват? — неожиданно спросил он.

Ида включила дисплей, и на экране появился текст:

«При данной скорости "турнмаа" войдет в пределы досягаемости орудий через две корабельные секунды для запуска ракет «гоблин». Контакт будет установлен...»

Бэт выключила дисплей.

— Кого это волнует? Не думаю, что эти клоуны станут выкручивать нам руки.— Она повернулась лицом к Стэну.— Есть какие-нибудь соображения, лейтенант?

Зажужжал коммутатор.

— Ох-хо-хо, с нами хотят поговорить.— Рука Иды потянулась к кнопке связи.

— Подожди,— остановил ее Стэн.

В его осмотрительности был смысл. Хотя «Сиенфуэгос» и был самым настоящим шпионским кораблем, на борту которого находился надежно спрятанный суперкомпьютер, хотя он и был оснащен мощным двигателем, внешне он ничем не отличался от простого исследовательского судна, покрытого ржавчиной как снаружи, так и изнутри. Проблема заключалась в его экипаже: в подразделении богомолов, имперском суперсекретном отряде специалистов. Сначала ты проходил базисную одногодичную подготовку, а затем — если у тебя нужная специальность и еще не сформировавшиеся взгляды на жизнь — из корпуса «Меркурий» (военная разведка) тебя направляли на двухгодичное обучение в отряд богомолов.

«Но даже при такой подготовке,— думал Стэн, пытаясь разработать план сражения,— у нас почти нет шансов выжить. Да, проблема заключается именно в экипаже, состоящем из Мьюнин и Хьюджина, двух четырехметровых мутантных черно-белых тигров, одного здоровяка шотландца, одной толстухи, разодетой в цыганский наряд, одной симпатичной женщины и меня, лейтенанта Стэна, командующего группой «Богомол-тринадцать», группой смертников. Безумие. А, ладно, будь что будет».

Пока Ида манипулировала ключами связи, давая умышленно туманные ответы, Стэн подал знак Доку, и тот вразвалку направился к командиру. На самом деле усатого коалу звали Блирчинаус, но, поскольку никто не мог выговорить это альтаирское имя, его прозвали Доком. Маленький антропоэксперт (и медик) ко всем человече-

ским существам относился с полным презрением. Хотя его и считали ужасным занудой, он обладал двумя ценнейшими талантами: мог досконально проанализировать любую культуру по небольшим фрагментам каких-нибудь предметов; и, как один из ярчайших представителей сенсорных плотоядных, мог вызывать в окружающих чувства любви и сострадания как к собственной персоне, так и к своим компаньонам.

— Как ты думаешь, кто они такие? — спросил Стэн.

Док фыркнул.

— Я должен их *увидеть*,— сказал он.

Стэн подал сигнал Иде, усердно обматывавшей специальной лентой коммуникационный улавливатель, чтобы единственным видимым существом на борту была она.

— Эх, еще одно нарушение,— сказала Ида и набрала нужный ключ.

На экране появились три суровых мужских лица.

— Господи, ну и рожи.— Ида зевнула.— «Ходелл», исследовательский корабль Р-двадцать один.

— Именем Таламейна приказываю вам остановиться!

Невидимый для капитана «Дженна» Док принялся изучать внешность незнакомца и анализировать его речь. Ида удивленно посмотрела на капитана.

— Таламейн? Таламейн? Что-то не припомню такого.

Глаза двух мужчин, стоявших по обеим сторонам от капитана, расширились от ужаса, когда они услышали такое богохульство. Старший офицер свирепо посмотрел с экрана на Иду:

— Немедленно остановите корабль и приготовьтесь принять нас на борт. Властью, данной мне пророком и Ингильдом, его наместником, объявляю, что вы арестованы. Вы вторглись в зону запретного пространства. Ваш корабль будет захвачен, а экипаж доставлен на Казаурус для суда и исполнения приговора.

— Не сомневаюсь, что вы служите великой системе правосудия, капитан.

Ида встала со стула, повернулась спиной к улавливателю, задрала юбку и продемонстрировала представителю вражеского корабля свою необъятную обнаженную задницу. Затем она скромно опустила подол и снова повернулась лицом к экрану. Про себя Ида с удовлетворением отметила, что на сей раз добилась ответной реакции от всех трех мужчин в черной униформе.

— Если бессловесная коммуникация показалась вам недостаточной,— добавила Ида,— могу посоветовать зажать вашего пророка в одной руке, а дракха — в другой и посмотреть, кто из них обделается первым.

Не дожидаясь ответа, она прервала контакт.

— Не слишком ли прямолинейно, дорогая? — спросил Алекс.

Ида кокетливо пожала плечами.

Стэн терпеливо ждал анализа Дока. Усики медведя слабо завибрировали.

— Не пираты и не каперы. По крайней мере, не считают себя таковыми. Однако являются сторонниками авторитарной власти, что совершенно очевидно даже для «благоухающих» зверюг Бэт.

Хьюджин достаточно хорошо знал язык, чтобы понять, что Док нанес ему оскорбление. Тигр угрожающе зарычал. Усики коалы снова зашевелились, и рычание перешло в мурлыканье. Хьюджин попытался лизнуть Дока в морду, но тот отстранился.

— Я нахожу интересным, что кто-то самонадеянно присваивает себе привилегию абсолютного авторитета. Полагаю, что на этом корабле находятся либо представители консервативного государства, на протяжении веков строго соблюдавшего древние законы и обычаи, либо, что более вероятно, ярые поборники метафизического учения.

— Ты имеешь в виду их религиозность? — спросил Стэн.

— Я имею в виду их веру в загробную жизнь. Они считают, что имеют право уничтожать или эксплуатировать других. Это может быть метафизика, религия — что угодно. Свою личную теорию я бы строил на том, что вы называете религиозностью. Подсказка дана во фразе, которая может стать возможным индикатором,— «Именем Таламейна». Я бы расценил ее как военный приказ, основанный на диктатуре и поддерживающий ее. Эти люди исповедуют пуританскую религию. Будем называть их дженнисарами, для ясности. Отмечу также, что по обеим сторонам от офицера стояли два его помощника, которые были не кем иным, как телохранителями. Прихожу к выводу, что наши дженнисары не составляют большинство в этой... этой империи Таламейна, а являются элитарным меньшинством, нуждающимся в охране. Вспомните, какого цвета их униформа — черного. Само собой напрашивается следующее умозаключение: поскольку в человеческом сознании этот цвет ассоциируется со страхом, ужасом и даже со смертью, следовательно, дженнисары стремятся запугать людей, подчинить их своей воле.

Заметил ли кто-нибудь отсутствие знаков отличия на униформе? Для людей это очень нехарактерно. Но данный признак опять-таки служит доказательством того, что дженнисары поклоняются темным силам, иными словами, являются религиозными фанатиками.

Док закончил свою речь и стал ожидать аплодисментов. Тщетно.

— Мне ясно, что они не лучше Кэмпбеллов,— сказал Алекс.— Обратили внимание на их ножи? Разве это оружие для настоящего мужчины? Только чтобы подкрасться сзади и всадить в спину!

— Что-нибудь еще, Док? — спросил Стэн.

— Ходячий бочонок, отдаленно напоминающий человекообразное существо, уже сказал то, что я упустил.

Стэн поскреб подбородок, поднял голову и посмотрел в глаза каждому члену экипажа.

— Думаю, нужно предоставить им право первого хода.

Глава 2

— Слушай мою команду! — раздался резкий голос капитана крейсера «Дженнисар».— Привести в боевую готовность орудия «Гоблин» — два, четыре, шесть! Заряжай!

Послышался скрежет металла, когда из боковых отверстий в корпусе корабля показались три дальнобойных орудия. Ракеты были выпущены, из стволов повалила кипящая смесь окислителя и твердого топлива.

— Выстрелы произведены из второй и шестой...

— Орудие четыре, пли!..

— Орудие четыре — осечка!

— Повторный выстрел! — скомандовал капитан.

— Есть повторный выстрел! — покорно повторил офицер.— Попытка не удалась. Снаряд не вышел. Первая ракета застряла в стволе... Еще одна осечка. Орудие вышло из строя.

«Никто никогда не должен знать о душевном состоянии дженнисара»,— подумал капитан. Зайдя в круглое помещение центра управления орудиями, он взглянул на старшего офицера, внешне также остававшегося невозмутимым. В конце концов, о неисправности орудий было известно заранее. К тому времени, как имперский корабль был продан, он уже побывал во многих сражениях. «И все-таки,— подумал капитан, едва сдерживая гнев,— будь у нас, дженнисаров, хорошее оружие, чего бы мы только не сделали во имя Таламейна!»

Капитан переключил внимание на экран, на котором появилось изображение двух пятикилотонных снарядов, выпущенных по спасавшемуся бегством «Сиенфуэгосу».

— Кажется, появились новые данные,— сказала Ида.— Они выпустили ракеты.

— Давно?

— Подлетное время восемьдесят три секунды. У нас в запасе целая вечность.

— Не смешно,— заметил Стэн, плюхнувшись в кресло стрелка. Натянув на голову шлем, он погрузился в мир серых полутонов, где сознание раздваивалось. Часть его «видела» других членов экипажа, но они больше напоминали образы-призраки, чем живых людей. Другая часть уже стала единым целым со снарядом.

Система контроля орудий, конечно, также была подключена к органам чувств. Импульсы проникали через шлем и черепную коробку в мозг и побуждали к непосредственному восприятию того,

что происходило с боевой ракетой, выпущенной из орудия. Оператор, используя стандартный пульт управления, посылал снаряд и, словно камикадзе, отправлялся вместе с ним, в своем воображении, прямо в цель.

Стэн «видел», как перед ним открылось бортовое отверстие... образовалась воздушная пробка... затем — черно-белые полосы и абсолютная темнота. Секунду он удерживал антиракету в непосредственной близости от корабля, прикрывая фланг. Раздался щелчок, и будто сквозь туман донесся голос Бэт, работавшей с другим пультом управления:

— «Гремлин»-девять выпущен... жду контакта... жду контакта.

«Гремлинами» называли небольшие противоракетные снаряды, представляющие собой ложную цель, имитирующие сам «Сиенфуэгос». Наступила мертвая тишина. Все напряженно ждали, удастся ли «Гремлинам» отвести на себя и взорвать «Гоблинов».

Алекс заметил, что на верхней, усатой губе Иды проступили капли пота. Соленые струйки потекли и по его лбу, прямо в глаза. Сержант моргнул и украдкой посмотрел на Дока, Мьюнин и Хьюджина.

Тигры нервно расхаживали взад-вперед и хлестали себя хвостами по бокам — переживали. Док, словно мумия, неподвижно сидел на крышке стола.

— Ракета-один отклонилась от курса! — воскликнула вдруг Бэт.— Щучий хвост... ну, давай! Давай же, вперед!

Она отвлекла одну ракету «Гоблин» и была уверена, что идиоты с «Дженнисара» выпустили следующий снаряд в никуда.

— Болван! — победно воскликнула Бэт, снимая шлем.

Стэн неожиданно буркнул какую-то непристойность, рванул на себя рычаг и восстановил контроль.

— Глупая ракета погналась за подсадной уткой... нет больше никакой надобности выслеживать ее,— сказала Бэт.

Следующий «Гоблин» с бешеной скоростью пронесся в сторону «Сиенфуэгоса» и попал в поле зрения Стэна, который тут же сориентировался и нажал на нужную кнопку. Снаряд с небольшой ядерной боеголовкой взорвал «Гоблина». В пространстве образовалось некое подобие шаровой молнии. Но Стэн уже подключил себя ко второй антиракете, закрутил ее вокруг оси и нажал на кнопку полной скорости.

— Вряд ли тебе удастся это сделать,— сказала Ида, пытаясь сохранять спокойствие.

Стэн не ответил на реплику. Медленно, но верно он догонял снаряд, выпущенный с «Дженна». По мере приближения к ракете-носителю шлем автоматически переключил мозг стрелка с радиолокационного восприятия на визуальное.

«Достал... достал... я таки достал тебя»,— подумал Стэн, увидев прямо перед собой четко вырисовавшиеся почерневшие сопла «Гоблина».

— Семь секунд до цели,— сказала Ида, сама поражаясь, как ей удалось совладать со своим голосом. Тут Стэн взорвал антиракету, настигнув «Гоблина». Появилась еще одна «шаровая молния».— Все-таки есть еще один... нет, радиолокационное эхо. Мы сделали их всех, лейтенант!

Стэн снял шлем и обвел невидящим взглядом комнату контроля. Мысленно он находился со снарядом до самого взрыва. Яркая вспышка ослепила его. Постепенно к нему стало возвращаться прежнее мировосприятие. Вначале очертания комнаты расплывались перед глазами, как в тумане, потом стали слишком резкими, затем наконец нормальными.

Никто не зааплодировал. В конце концов, все они были профессионалами. Лишь Алекс прокомментировал удачные действия Стэна:

— Теперь можешь смело надевать шотландскую клетчатую юбку килт. Заодно не грех и штаны поменять.

— Хорошо,— невозмутимо произнес Стэн.— С первой проблемой покончено. По-видимому, теперь они смогут нас достать только дальнобойными орудиями. А это значит, что дженнисары будут догонять нас и приблизятся через...

— Четыре часа,— подсказала Ида.

— Через четыре часа? Великолепно. Найди для нас укрытие. Желательно какую-нибудь симпатичную планетку с одной сотой процента облачного покрова.

Ида опустила экран, включила кнопку поиска и стала внимательно изучать космическое пространство вокруг «Сиенфуэгоса».

— Предлагаю следующий план. Ида найдет какую-нибудь планету, где мы сможем залечь на дно,— сказал Стэн хорошо поставленным командирским голосом.— Может быть, нам удастся долететь до нее раньше, чем эти олухи доберутся до нас. Пройдем атмосферные слои, медленно опустимся...

— Пройдем атмосферные слои на этой развалюхе? — вставила Ида.

— ...затем сядем в местности, которая, как я надеюсь, окажется тропическим островом, и останемся там до тех пор, пока дженнисары не устанут искать нас. Ну а тогда мы сможем вернуться домой. Одобряете план? Док, у тебя есть альтернативное предложение крутиться здесь и ждать, когда нас уничтожат? — спросил Стэн.

Экипаж приступил к работе.

— Вражеский корабль изменил курс, сигфер,— доложил первый помощник.— Вероятно, задумали сесть на Баннанг-четыре.

У капитана чуть не сорвалось с языка ругательство, но он сдержался.

— Этот корабль не из Волчьих миров.

— Очевидно, нет, сэр.

— Интересно, откуда он взялся? Корабль не из миров, но вооружен достаточно хорошо, чтобы противостоять даже нам. Очевидно, это одна из тех посудин, что перевозят ценные грузы. Когда мы догоним их?

— Они окажутся в пределах досягаемости наших снарядов через три часа, сэр.

— А сколько времени им осталось лететь до Баннанга-четыре?

— Достигнуть верхних слоев атмосферы они могут приблизительно за то же время.

На лице капитана появилось некое подобие улыбки.

— Если бы меня не интересовал их груз, было бы соблазнительно позволить им сесть на Баннанг. Воистину, Таламейн отомстил бы им по-своему.

— Какие будут приказания, сэр?

— Продолжайте преследование. Уничтожьте их.

— Шикарной эту планету не назовешь,— вздохнула Ида,— но в данной ситуации она является для нас самой подходящей.

Стэн посмотрел на экран и задумчиво прочитал вслух:

— Центральное светило системы больше похоже на желтый карлик... пять планет... расположена слишком близко к Солнцу.

— Неизвестная-четыре удивительно похожа на наш дом,— вмешалась Ида.

— Да, кажется, ты права. Давайте-ка посмотрим... полярная ось — около двенадцати тысяч километров. Спектрограф... где он, черт возьми? О'кей: атмосфера пригодна для жизни. Сила тяжести — немного меньше, чем у нас. Большую часть занимает суша... возможное местонахождение воды... единственный источник электронной эмиссии...

— Итак, планета обитаема,— сказала Бэт.— А это значит, что мы не можем бросить на ней якорь. Вдруг местные жители окажутся родственниками тех болванов, что сидят у нас на хвосте?

— Ты права, Ида, эта планета может стать нашим новым домом, где мы успокоимся навечно.

— А может, и наоборот, планета действительно укроет нас,— возразил Док.— На обоих экранах, как вы могли заметить, одинаковое изображение. Мы доберемся до нашей Неизвестной-четыре примерно за то же время, что и снаряды «Турнмаа» — до нас. Интересно, успеем ли мы нырнуть в атмосферу?

Закончив речь, Док огляделся, стащил кусок соевого стейка с тарелки Мьюнин и проглотил его.

Стэн составил список предметов, необходимых для высадки: походные ранцы, оружие, спецодежда, снаряжение для выживания, аптечки со всеми медикаментами, какие есть на борту.

Компьютер щелкнул и выплюнул семь карточек. Каждая из них содержала в себе данные, дублирующие те, что были заложены в главном электронном мозге «Сиенфуэгоса», то есть сведения, собранные шпионским кораблем, а в частности — анализ минерала, найденного на планете из теперь уже такого далекого созвездия Эрикс.

Стэн задумался, почему императора настолько сильно интересовал этот серый камень, что в порыве гнева он превратил в груду обломков стоящий перед ним стол. А в общем, нужно просто делать свое дело, постараться выжить и не задавать лишних вопросов.

Стэн раздал карточки членам экипажа, не забыв вложить по одной и в ранцы Мьюнин и Хьюджина.

— Превосходная организация,— сказал Алекс.— Зачем теперь волноваться об образце? Тем более я проверил его состав час назад.

— И каков же он? — с любопытством спросил Стэн.

— Смесь иридия и алмаза. Правда, вес необъяснимо велик.

Стэн выдвинул из скрытой полости кристаллический нож. Этот кристалл он вырастил на Вулкане, когда готовил диверсию. Обоюдоострый, с костяной рукояткой нож имел лишь одно предназначение — убивать. Длина его была 22 см, ширина — всего 2,5 см. Между тем толщина самого лезвия составляла не более 15 молекул. Его края были острее любого лезвия. Такой нож с легкостью разрезал любой алмаз.

Стэн осторожно взял в руку образец инопланетной породы и попытался разрезать серый камень. Каково же было его удивление, когда нож наткнулся на какое-то препятствие.

— Ну надо же,— покачал головой Алекс.— Наш ножик оказался бессилен. Ай да порода!

— Да, вот так подвох...— протянула Ида.

— Не просто подвох,— добавил Док,— а всем подвохам подвох!

В то время как остальные члены экипажа готовились к высадке, Док и Ида трудились над созданием «приманок» — трех противоракетных «Гремлинов». Первую установку переделали таким образом, чтобы ее ракеты могли посылать такие же сигналы, как «Сиенфуэгос». Снаряд второй установки снабдили устройствами, способными изменять траекторию полета, а третья установка должна была производить запуски ракет, отражающих прямую атаку.

Наконец все члены экипажа выстроились вокруг трех установок, которые должны были обеспечить безопасность корабля.

— Прекрасно! — сказал Стэн.— Вопрос лишь в том, клюнут ли они на нашу хитрость?

— Кто, черт возьми, узнает об этом? — раздраженно спросила Бэт.— Если да, то с нами будет все в порядке. Если нет...

Она повернулась и зашагала к рубке управления. Мьюнин и Хьюджин важно последовали за ней.

— Есть контакт,— доложил дженнисар-помощник. Капитан задумался и не обратил внимания на слова старшего офицера. Он прорабатывал в уме тактику нападения. «Вражеский корабль будет: а) вовлечен в сражение и уничтожен; б) капитуляция... невозможна; в) если им удастся нас обмануть, он войдет в атмосферу. Единственный шанс...»

— Отсек ЕСМ! — рявкнул капитан.— Доложите готовность!

Ответа пришлось ждать довольно долго.

— Большинство орудий приведены в боевую готовность, сигфер. Включены системы перехвата, обнаружения, блокирования; наводка — плюс-минус сорок процентов.

На экране компьютера появился текст:

«32 минуты до перехвата... 32 минуты до вхождения цели в атмосферу».

Крабообразный «Сиенфуэгос» продолжал свое стремительное бегство. Экипаж находился в командной рубке, все накрепко пристегнуты к своим местам, включая тигров, изолированных в капсулах и не очень довольных тем, что вообще родились на свет. С этого момента можно было уповать лишь на волю богов, если таковые еще существовали в сороковом столетии, и молиться о благополучном исходе сражения.

Все, за исключением тигров, были одеты в защитные фототропные костюмы членов отряда богомолов. На этих костюмах не было знаков отличия, по которым можно было бы судить о воинском звании; униформы украшали лишь темные петлицы с левой стороны воротничков и иссиня-черные эмблемы спецподразделения — с правой.

На трех экранах появилось нечеткое изображение крейсера «Дженн», а на главном мониторе уже показалась атмосфера незнакомой планеты, удивительно напоминающая легкую туманную дымку. Зажегся центральный навигационный экран Иды.

Док заготовил ненужный и в какой-то мере даже садистский комментарий:

— Шестнадцать минут до входа в атмосферу... Пятнадцать минут до запуска ракет «Турнмаа»... Четырнадцать с половиной минут... Поздравляю, Ида, кажется, наши игрушки не пригодятся.

Дока перебил Алекс. Полулежа в своем противоперегрузочном кресле, здоровенный громила-шотландец настаивал, чтобы его похоронили в форме, как воина, если ему суждено будет умереть. Остальные члены экипажа заверили Алекса, что выполнят его пожелание, если сами останутся живы.

— Дело было задолго до вечного императора. В те дни мои предки назывались хайлендерами...

— Двенадцать минут до вхождения в атмосферу,— спокойно объявила Ида.

— В те старые добрые времена нашими врагами были бриты. Да, надо вам сказать, тогда все вокруг принадлежало нам, шотландцам, и у императора никто ничего не спрашивал.

Несмотря на нервное напряжение, Стэна заинтересовал рассказ товарища.

— Алекс, каким, черт возьми, образом можно управлять империей без ведома босса?

— Девять минут до вхождения в атмосферу,— объявил Док.

— Растолкую тебе как-нибудь в другой раз, юноша. Так вот, в один прекрасный день британский отряд — бравые гордые парни в красных камзолах и с мушкетами — вошел в узкую лощину и ну давай грохотать на барабанах, петь и кричать. Как вдруг они услышали громкий возглас со скалы над собой: «Я — Рыжий Рори Гленский!»

Британский генерал посмотрел вверх, на вершину той скалы, и увидел там отважного бородатого хайлендера в развевающейся клетчатой юбке и переброшенной через плечо медвежьей шкуре. В руке храбрый солдат держал палаш. Молодой гигант снова прокричал: «Я — Рыжий Рори Гленский! Пришлите мне наверх вашего самого лучшего воина!»

И вот британский генерал поворачивается к своему адъютанту и велит: «Адъютант! Отправьте наверх нашего лучшего воина. Пусть принесет мне голову этого человека!»

— Хватит трепаться! — резко оборвала Ида.— Мы под прицелом.

В рубке управления наступила полная тишина, лишь тигры все тяжелее дышали в своих капсулах.

Во внимание были приняты три объекта: цель/место назначения, преследователь, преследуемый. Сначала отсчитывались секунды... потом миллисекунды в единицах измерения светового года... «Сиенфуэгос» пытался скрыться в атмосфере. Получилось уравнение, состоящее из трех компонентов. И вдруг, после пуска ракеты-приманки, неожиданно появился четвертый объект.

— Капитан! Вижу две цели!

— Держать прежний курс! Повторяю, держать прежний курс! Отсек ECM, цель установлена?

— Нет, сигфер. Да поможет нам Таламейн... Все системы дают сбои.

Капитан включил переговорное устройство, соединяющее его с отсеками корабля, и, подавив желание разразиться самыми отборными ругательствами, которые он только знал, прочел молитву:

— Да пребудет дух Таламейна, присутствующий ныне в его единственном истинном пророке Ингильде, с нами!.. Всем, всем, всем! Приготовиться к бою!

Крейсер «Дженн» стал вдруг похож на огромную акулу, когда из отверстий в его носовой части, словно острые зубы, появились даль-

нобойные орудия класса «Видал». Выстрелы были произведены сразу из всех стволов. Акула осмотрелась в поисках жертвы и снова пошла в атаку.

— Докладывает оператор: цель... нет цели... Помехи... эхо... есть цель... цель... две цели... Первая цель пассивна... цель установлена... Наводка... всем системам наводка... всем единицам наводка... наводка...

Орудия системы «Видал» не относились к самым лучшим достижениям военной промышленности империи. Кроме того, после тяжелых двадцати лет службы, из которых последние годы вояки «Дженна», мягко говоря, халатно относились к своим обязанностям по техобслуживанию вооружения, эти установки находились в более плачевном состоянии, чем когда-либо. Большинство снарядов «Видал» покорно последовали за соблазнительной приманкой в открытый космос. Но из одного орудия, более мощного и находящегося в лучшем состоянии, чем его собратья, ракета полетела прямо в сторону «Сиенфуэгоса».

Оператор-наводчик крейсера «Дженн» с проклятиями попытался изменить траекторию полета ракеты «Видал», направляя ее на «настоящую» цель, однако безуспешно. Снаряд взорвался примерно в тысяче метрах от «Сиенфуэгоса», и корабль отбросило мощнейшей взрывной волной к атмосфере незнакомой планеты.

Ида пыталась ввести «Сиенфуэгос», этот летательный аппарат с характеристиками овального булыжника, в атмосферу плавно, чтобы посадка произошла удачно, но килотонный взрыв снаряда «Видал» напрочь разрушил все ее планы. «Сиенфуэгос» вздрогнул, перевернулся и закрутился волчком. Случись такое в открытом космосе, ничего страшного не произошло бы, генераторы Маклина выровняли бы корабль. Но при входе в атмосферу незнакомой планеты...

Взрывная волна сокрушила предохранительную систему грузового отсека и развернула корабль на сто восемьдесят градусов. Поскольку беда никогда не приходит одна, перевернутый кверху брюхом «Сиенфуэгос» в конце концов ворвался в верхние слои атмосферы на бешеной скорости.

Док был единственным существом на борту, находившим ситуацию, в которой управление судном полностью вышло из-под контроля, забавной. Все надежды Иды на благополучную посадку рухнули, как карточный домик, потому что теперь их полет перешел в обыкновенное падение, результаты которого невозможно было предугадать. Док сохранял присутствие духа, хотя жизнь его висела на волоске.

Впрочем, как и жизнь Стэна и всех остальных членов группы «Богомол-13».

Образно говоря, свалившись с небес, корабль пронзил нижние слои атмосферы. Сенсоры дико зафыркали при первом же соприкосновении с тем молекулярным соединением, из которого она состояла.

Буквы и цифры закружились, заплясали на экране главного компьютера. Стэн попросил Иду наладить приборы, и ее пальцы тут же забегали по кнопкам пульта управления. Ида пыталась выяснить, где именно случились основные неполадки. Когда корабль вошел в самый нижний слой атмосферы Неизвестной-IV, Ида почувствовала сильное внутреннее напряжение. Однако, совладав с собой, она нажала на нужную кнопку, и на корпусе корабля появились два небольших раздвижных крыла. Но потерявшее управление судно, пронзив воздушный слой, снова закружилось волчком.

Ида резко потянула правый тормозной рычаг — из сопла корабля вырвались и исчезли короткие языки пламени. Затем она потянула левый рычаг — на экране компьютера появилось четкое изображение. Но по мере того как судно все глубже входило в воздушный слой, помехи и шумы возникли снова. Вдруг изображение опять восстановилось, и корабль повел себя подобающим образом, то есть выровнялся.

Стэн огляделся вокруг. Бэт сидела в своем кресле — бледная, но спокойная. Алекс растирал занемевшие от напряжения мышцы. На мохнатой медвежьей морде Дока появилось выражение, какое обычно возникало, когда он обдумывал план мести. Посмотрев на Стэна через плечо, Ида выдавила улыбку.

— А теперь давайте поищем место, где можно было бы укрыться,— сказал Стэн.

Ида кивнула в знак согласия и снова повернулась к пульту управления.

Вдруг послышался пронзительный звук, возникающий, как правило, при двойном ускорении. Плотная воздушная масса обожгла корабль. «Сиенфуэгос» основательно тряхнуло, создалось впечатление, что он застонал. Послышался треск разрывающихся кабелей, в разные стороны полетели искры. Провода стали закручиваться и шипеть, словно электрические змеи.

От сопротивления мощного воздушного потока «Сиенфуэгос» снова подбросило, пульт управления окончательно вышел из строя. Огромный космический корабль стал беспомощно падать, с головокружительной скоростью приближаясь к поверхности незнакомой планеты.

Ида обругала переставший подчиняться пульт управления на чем свет стоит. И все-таки она старалась не унывать. Один из экранов наружного вида высветил место, куда, по всей вероятности, им предстояло упасть. После этого послышались шумы, появились помехи, и экран отключился.

Чтобы хоть как-то смягчить падение корабля, Ида включила не только тормоза, или то, что от них осталось, но и все отражатели, включая запасные, а также выдвинула ковши для взятия грунта. Корабль затрясся от сопротивления воздуха. Ида стукнула кулаком по приборной доске, и «Сиенфуэгос», как ни странно, снова стал управляемым. Минутой позже корабль с чудовищным грохотом рухнул на вершину вулканического кратера. От сильнейшего порыва ветра и мощнейшего акустического резонанса на близлежащем озере поднялись волны.

Сканнер предупредил, что «Сиенфуэгос» может по инерции продолжить падение на более низкие остроконечные скалы, обрамлявшие озеро. Ида догадалась об этом еще до того, как взглянула на экран внешнего вида. Единственное, что удалось сделать в данной ситуации, это развернуть корабль носовой частью вниз. Вспоров водную поверхность, «Сиенфуэгос» начал погружаться в озеро.

От сильного удара сознание Стэна отключилось. В бреду ему казалось, что он снова на Вулкане, бежит за Бэт, Ороном и другими дэлинками. Его догоняли солдаты службы социоконтроля, а он отчаянно кричал вслед удаляющимся товарищам, чтобы те остановились и приняли бой, чтобы помогли ему.

Помимо той боли, которую испытывал Стэн, находясь в полузабытьи, он ощутил другую, более реальную, и постепенно сознание вернулось к нему. Вокруг царил настоящий бедлам — завывали и мигали все сигналы тревоги. Док взгромоздился на грудь лейтенанта и методично хлопал его лапами по щекам, пытаясь привести в чувство. Стэн заморгал, приподнялся и сел.

Остальные члены экипажа с величайшей осторожностью передвигались по рубке управления, что было полностью оправдано чрезвычайно сложной аварийной обстановкой.

Стэн увидел, как Алекс тащит набор инструментов к выходу. Нет, это был не выход, а небольшая пробоина в борту корабля, через которую проникал яркий солнечный свет. Бэт выпустила из капсул до смерти перепуганных тигров и уговаривала зверей вылезти через узкий проход на поверхность. Ида наспех собирала самые необходимые электронные приборы, которые можно было унести в руках.

Алекс пробрался к Стэну, перекинул его через свое могучее плечо, свободной рукой схватил оружие и «доспехи» командира и протиснулся в образовавшуюся в борту щель.

Уложив Стэна на груду коробок и тюков, уже сложенных на поверхности, Алекс отправился за другим снаряжением. Стэн с трудом встал на ноги и окинул взглядом «Сиенфуэгос». Корабль был серьезно поврежден во многих местах, крылья и «клешни» исчезли в озерном иле. Да, похоже, что это судно уже никогда не взлетит.

Сознание Стэна еще не прояснилось до конца, но он уже отчаянно пытался восстановить в памяти список предметов, которые не-

обходимо взять с собой в первую очередь. Лейтенант подошел к пробоине и споткнулся о выступ, едва не потеряв равновесие.

— Подождите, нам нужно...

Но Алекс, появившийся в эту минуту из отверстия с еще одним прибором, перебил командира:

— Поторапливайся, приятель. Наша посудина скоро взорвется.

В считаные секунды члены экипажа нагрузились вынесенным в спешке оборудованием и стали взбираться по низким прибрежным скалам к вершине кратера. Едва они перебрались через его хребет, как раздался оглушительный взрыв, от которого содрогнулись даже горы. «Сиенфуэгос» прекратил свое существование, превратившись в груду обломков, оседающих на дно озера.

Глава 3

Кратер, на одну из гор которого рухнул злосчастный «Сиенфуэгос», по форме напоминал яйцо диаметром почти в семьдесят пять километров. Само озеро занимало половину его площади, хотя никаких сомнений не вызывало то, что оно вскоре должно было пересохнуть. Стоя на вершине горы, Ида увидела, что от широкой части «яйца» к более узкой протянулась трещина длиной в десять километров, образовавшаяся в результате падения корабля. Группе «Богомол-13» предстояла длительная прогулка к подножию кратера.

Мало-помалу члены экипажа полностью осознали серьезность сложившейся ситуации, которую можно было охарактеризовать одним емким понятием — катастрофа. Вследствие аварии они потеряли почти все приборы, в суматохе оставили крайне необходимые запасные защитные костюмы и кислородные аппараты, прихватив с собой лишь стандартные, индивидуального пользования приспособления для фильтрации воды, без которых, по слухам, ни один солдат спецотряда богомолов не мог и шагу ступить.

Скверно обстояли дела и с оружием — успели вынести лишь виллиганы, запасные магазины к ним и приставки АМ-2, при помощи которых можно было стрелять разрывными снарядами.

— Такая расхлябанность непростительна для мужчины,— с грустью пробурчал себе под нос Алекс.

— У кого-нибудь есть идеи? — спросила Бэт, продираясь сквозь заросли тростника.— Как нам выбраться с этой хреновой планеты?

— Составить план действия было бы немного легче, если бы Ида могла сказать нам, куда она посадила корабль.

— Разрази меня гром! — проворчала толстуха.— Постарайтесь припомнить: у меня было не слишком много времени, чтобы тратить его на такие пустяки, как навигация.

— Какое это имеет значение? — возразила Бэт.— Ты во всем виновата.

— Почему?

— Потому что всегда должен быть кто-то виноват,— объяснила Бэт.— Так гласит закон империи.

— С другой стороны, кто бы мог справиться лучше, чем наш миниатюрный пилот?

Алексу следовало придержать язык за зубами. После тяжелого дня шутки великана шотландца больше не казались Иде смешными. Она решительно повернулась к Алексу:

— Оставь меня в покое, а не то я выколю тебе глаза одним пальцем! Ах ты, вонючий кусок...

Стэн решил вмешаться, пока страсти не успели накалиться.

— Прекратите. Словами горю не поможешь.

— Не трогай их, пусть сами разбираются,— предложил Док.— В данный момент небольшое кровопролитие взбодрит меня неимоверно.

Вдруг Алекс присвистнул.

— А ну-ка, посмотрите сюда!

Выбравшись из зарослей тростника, они вышли на открытую местность. Когда-то земля здесь была покрыта толстым слоем вулканической лавы, которая впоследствии превратилась из ионизированной массы в твердые камни. Алекс указывал на группу огромных следов, глубоко отпечатавшихся на поверхности затвердевшей лавы. Стэн проследил глазами за направлением следов: они выходили из того места, которое в незапамятные времена должно было быть краем озера, тянулись вдоль него метров двадцать и на одном участке стали видны наиболее отчетливо — вероятно, здесь существо остановилось. Затем следы поворачивали обратно; создавалось впечатление, будто существо увидело что-то и стало в нерешительности топтаться на месте, после чего продолжило свой путь. Дальше следы терялись и постепенно исчезли совсем.

Стэн встал в один из следов, напоминавших по форме огромную человеческую ступню, и от удивления поднял брови. В этот след могли вместиться по крайней мере две его ноги.

— Надеюсь, мы не встретимся с нашими кузенами,— возбужденно сказал он.

Ида включила маленький переносной компьютер и исследовала застывшую лаву, после чего засмеялась.

— Можете считать, что вы в безопасности: этим следам по крайней мере миллион лет.

Все облегченно вздохнули.

— Интересно, какими они были? — протянула Бэт.

— Очевидно, озерные люди,— ответил Док.

Алекс подозрительно посмотрел на него.

— С чего ты взял, образина заумная? — спросил он.

Док пожал мохнатыми плечами.

— А как еще могли называть себя существа таких колоссальных размеров, жившие на берегу озера?

— Док, будь я женщиной азартной, каковой я и являюсь,— произнесла Ида,— то, изъясняясь языком картежников, я бы сказала, что ты превзошел самого себя. Откуда такие глубокие познания?

Все единодушно согласились с мнением Иды. Док поковылял прочь, оставив свой вывод без комментариев.

С вершины невысокого холма открывалась довольно интересная картина, при виде которой Стэн незамедлительно скинул с плеча виллиган.

Покатые склоны гор кратера плавно переходили в плоскую равнину, покрытую зарослями кустарника. Дальше виднелись разбросанные группами и казавшиеся отсюда крошечными покрытые тростниковыми крышами хижины. Вероятно, этих хижин, частично укрытых раскидистыми кронами деревьев, было две или три сотни.

Но гораздо больше Стэна и его товарищей насторожила сплошная стена воинов, выстроившихся плечом к плечу. Каждое из этих существ было не меньше трех метров ростом. Ида явно ошиблась насчет следов, оставленных неизвестными существами в затвердевшей лаве. Эти гиганты не только не вымерли, но пребывали в полном здравии.

Мало того, настроены они были враждебно. Огромные существа с кожей цвета тростника — под цвет окружавшей их выжженной саванны — щеголяли яркими балахонами, укрепленными на одном плече искусно сработанными пряжками. Воины были вооружены длинными копьями, возвышавшимися над их головами.

— Так что ты там говорила о нашей полной безопасности, Ида?

— Откуда мне было знать, что они все еще топают по этой планете? Во всяком случае, лестно я о них не отзывалась.

— Что теперь будем делать? — спросила Бэт.

— Кажется, один из них идет к нам на переговоры.— Стэн указал рукой в сторону воина, взбиравшегося по склону холма.

Все направили виллиганы на незнакомца.

— Сейчас же опустите оружие,— прошипел Стэн.— От нас не должна исходить угроза.

— Угроза? Что-то я не пойму, кто кому угрожает,— проворчал Алекс.

Существо остановилось в десяти метрах от них. С близкого расстояния оно выглядело просто громадным.

Воин казался еще выше ростом благодаря длинному узкому лицу с низко нависшими кустистыми бровями. Рыжевато-каштановые волосы его были гладко зализаны назад и напоминали шлем. В руках воин держал перевязанный веревкой кожаный чехол, содержимым которого, как оказалось, было оружие.

Члены экипажа невольно вздрогнули, когда существо швырнуло чехол в их сторону. Чехол упал прямо к ногам Стэна.

— Ари'сиа! Ари'сиа! — воскликнуло существо, указывая рукой в сторону леса, покрывавшего одну сторону холма.

— Чего он хочет, Док? — спросил Стэн.

Док покачал головой.

— Не имею ни малейшего понятия. Могу только сказать, что говорит он на малодоступном гортанном наречии.

— Ари'сиа! — снова выкрикнуло существо.

Затем оно отвернулось, спустилось вниз по холму и скрылось за деревьями.

— Высказываю свое предположение,— начал теоретизировать Док.— Это примитивная культура воинов-пастухов. Они больше не кочуют, а войны их скорее напоминают набеги и состязания чемпионов.

Стэн вздохнул, прошел вперед и, встав на колени, вытянул из кожаного чехла набор оружия. Ассортимент был довольно широким: одно короткое копье; один атлатл, или метательная палица; одна дубинка средних размеров; одно длинное боевое копье и один полированный резной кусок твердого дерева. «Наверное, эту деревяшку нужно метать»,— подумал Стэн, с любопытством разглядывая мудреное оружие, вырезанное в форме буквы «V».

— Нам бросили вызов,— продолжал Док.— Нашему представителю придется встретиться с ним один на один в этом лесочке. Если наш чемпион проиграет, все мы распрощаемся с жизнью. Если же мы победим, они назовут нас братьями и примутся спаивать каким-нибудь адским зельем.— Док был горд своим спонтанным умозаключением.— Вопрос заключается в том, кто именно из нас, героев, решится войти в этот лесок. Я бы мог предложить...

Бойцы отряда богомолов привыкли смело вступать в бой и не пасовать перед опасностями. К тому времени, как Док начал выдвигать свое предположение, Стэн уже принял решение сразиться с незнакомцем. Он молча поднял с земли оружие и начал быстро спускаться по склону холма вниз, к лесу.

Благодаря малой силе тяжести бег Стэна становился более стремительным, он почти влетел в лес. Со стороны саванны послышались жуткие улюлюкающие крики воинов.

Споткнувшись, Стэн перелетел через куст, перекувыркнулся в воздухе, упал на землю, перекатился через левое плечо и вскочил на ноги. Послышался топот тяжелых шагов, и в следующую минуту Стэн увидел перед собой огромные колени. Припав к земле, он услышал свист пролетевшего мимо копья, вонзившегося в дерево на том уровне, где должен был находиться его живот.

Стэн продолжал лежать, едва переводя дыхание, судорожно сжимая руками чехол с оружием. В эту минуту он вспомнил одну из лю-

бимых поговорок глубоко ненавистного ему инструктора богомолов по простейшим видам оружия: «Стоит тебе только подумать о смерти, солдат, и можешь считать себя мертвецом».

«Не думай о смерти. Действуй машинально. Слушай. Смотри»,— приказывал себе Стэн. Легкий ветерок донес до его обоняния нежный запах незнакомых цветов, послышался слабый шелест листвы. «К черту мысли о смерти»,— думал Стэн, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и пытаясь выяснить, где прячется воин.

Стэн углублялся в чащу леса. Видневшиеся вдали темные тени оказались виноградными лозами и корнями вековых деревьев. Тишину нарушали лишь шорохи копошившихся вокруг мелких животных да жужжание насекомых. Пригнувшись, Стэн продолжал преследовать существо, бросившее ему вызов.

Послышался хруст сломанной ветки. Враг притаился где-то рядом. А затем — снова тишина, нарушаемая лишь пронзительным жужжанием какого-то насекомого. Увидев впереди неясные очертания фигуры, Стэн мгновенно вытащил короткое копье, метнул его что было сил и одним прыжком отскочил в сторону.

Копье утонуло в зарослях кустарника. Тишина. «Промахнулся,— подумал Стэн и спрятался за дерево. Наступило томительное ожидание.— Неужели ты не выйдешь ко мне? — размышлял Стэн, ползком пробираясь вперед под прикрытием зарослей кустарника, в который угодило копье.— Впрочем, не так уж и мимо».

На примятой траве остались следы огромных ступней и пятна ржавого цвета, которые были не чем иным, как кровью.

Однако, судя по количеству этой крови, Стэн понял, что противник не был серьезно ранен. Он начал исследовать местность, пытаясь выяснить, куда скрылось существо. Про себя лейтенант с горечью отметил, что противником нельзя не восхищаться. Каким образом создание таких огромных размеров могло бесследно исчезнуть?

Встав во весь рост, Стэн направился в глубину леса.

— Ари'сиа! — снова послышался воинственный клич.

Стэн прислушивался в течение пятнадцати минут. По крайней мере последние пять из них он пытался придумать, что делать дальше.

Стэн осторожно отодвинул несколько веток и буквально опешил. Он оказался у края большой поляны, на противоположной стороне которой стоял воин. По-видимому, поляна находилась в самом центре огромного тенистого леса, и на ней не раз встречались, сражались и погибали эти существа. Воин отбросил в сторону кожаный чехол с оружием, оставив при себе лишь огромный бумеранг, вырезанный, по всей вероятности, из цельного ствола дерева. Угрожающе размахивая им, противник закричал пронзительным голосом «Ари'сиа!», вызывая Стэна на поединок.

Стэн бесшумно обошел поляну кругом, прячась за деревьями, пытаясь проследить за логикой воина. Очевидно, это сражение, игра оно или нет, состояло из определенных формальных правил: сначала противники должны были выслеживать друг друга в лесу, затем, если оба останутся живы, им предстояло пройти следующий тест — выдержать поединок на поляне, вступить в бой один на один, пользуясь одинаковым видом оружия. В данный момент все шло к тому, что они должны предстать лицом к лицу на открытой площадке и бросить друг в друга бумеранги.

Стэн находился в невыгодном положении, что создавало несколько проблем. Прежде всего он был уверен, что, хотя поединок полагалось вести до победного конца, многочисленные друзья, родственники и даже просто случайные собутыльники существа не слишком обрадуются, если Стэн снесет ему голову. Вторая проблема заключалась в самом бумеранге. Стэн в восемнадцатый раз взвесил его на руке. Он неоднократно метал штуки, подобные этой, на тренировках по примитивным видам оружия, но все они гораздо лучше подходили по размерам, то есть были длиной не более четверти метра. Это же оружие предназначалось для трехметровых гигантов. Стэн с трудом поднимал его, не говоря уже о том, чтобы прицельно бросить.

Лейтенант снова и снова взвешивал все «за» и «против», анализируя сложность создавшейся ситуации, но каждый раз приходил к одному и тому же выводу. Недовольно хмыкнув, он вышел на поляну.

Заметив противника, воин прекратил выкрикивать свою тарабарщину, лицо его озарилось улыбкой. Стэну показалось, что это улыбка удовлетворения, словно существо успокоилось, поняв, что его соперник не отказывается вступить в поединок.

Воин пригнулся и выставил вперед руку с бумерангом, который он держал за узкий конец. Стэн, чувствуя себя полным идиотом, попытался скопировать эту стойку.

Атака началась без всякого предупреждения. Громадное существо вложило все свои эмоции в бросок, разогнувшись, словно гигантская стальная пружина. Бумеранг скосил траву на уровне колен Стэна, но он высоко подпрыгнул, почти взмыв в воздух. Затем Стэн с ужасом заметил, что смертельное оружие летит обратно, вращаясь со страшной скоростью. Теряя равновесие, Стэн все-таки успел уклониться, как вдруг... жгучая боль повергла его в шок, и он упал на землю. Стэн вскочил на ноги, выплевывая землю и траву. Он осмотрел левую руку, задетую бумерангом, и услышал скрипучий смех своего оппонента. У ног Стэна лежал его собственный бумеранг, расколовшийся надвое.

Осознав, над чем смеется противник, Стэн впал в ярость — ему нечего было бросить в ответ, хотя какая в том разница? Он бы все

равно не смог метнуть бумеранг. Исход этой странной дуэли можно было предугадать с самого начала.

Воин поднял огромное копье и, словно гигантский кот, стал скачками приближаться к Стэну. В какое-то мгновение лейтенант хотел вынуть боевое копье, но вместо этого нащупал на поясе продолговатые ножны, осторожно расстегнул пряжку и почувствовал приятный холодок, когда нож скользнул в его руку.

Стэн пробирался сквозь высокую траву, кружа вокруг противника, выбирая удобный момент для внезапного нападения и удара, как вдруг воин сделал резкий выпад в его сторону, коснувшись острием своего копья острия ножа Стэна, и... исчез.

Стэн инстинктивно бросился на землю и стал перекатываться с одного места на другое, неожиданно увидев нечто невероятное: воин *переступал* через него. Плавно, размеренно, словно гигантская цапля, он перешагивал через тело Стэна... тяжелые ступни глухо ударялись о землю, из-под них вылетали комья грязи. Воин смеялся, его забавляла эта игра в кошки-мышки.

Стэн сделал кувырок через голову и встал на ноги. А затем, пользуясь преимуществами слабой гравитации, начал снова и снова подпрыгивать вверх, с каждым разом все выше, на высоту более двух метров, совершая головокружительные сальто в воздухе, словно какой-то сумасшедший акробат.

Вдруг Стэн в очередной раз увернулся от копья, взмахнул ножом и опустил его на боевое оружие соперника.

Воин остановился, в недоумении глядя на обломок своего копья. Воспользовавшись моментом, Стэн набросился на него и вцепился в горло. Когда воин стал задыхаться, Стэн взобрался ему на плечи и оседлал, плотно сомкнув на могучей шее колени. Стэн приставил нож к горлу своего противника и застыл в нерешительности, думая, что делать дальше.

— Ари'сиа! — произнес наконец Стэн, проведя ножом по коже гиганта.

Воин поднял голову и посмотрел на Стэна. Дыхание его было тяжелым. Затем лицо великана вдруг медленно расплылось в улыбке.

— Ари'сиа! — выдохнул он.— Ты победил, черт возьми!

Если бы воин воспользовался замешательством Стэна, он бы мог прихлопнуть его как клопа.

Глава 4

— Друг мой, этот сосуд сделан из тыквы?

— Хочешь выпить еще?

— Дьявол тебя забери! Неужели я до сих пор не прошла «духовное» крещение? Может, мне как женщине положено визжать от

восторга каждый раз, когда ты будешь предлагать мне эту гремучую смесь?

— Понял. Ты хочешь выпить еще.

Ида сделала вид, что выпила, незаметно выплюнула содержимое сосуда и передала его обратно Акау'лею. Такой трюк проделать было несложно, поскольку участники торжества сидели вокруг костра на расстоянии полутора метров друг от друга. Впрочем, Акау'лей, противник Стэна по поединку, вряд ли мог заметить небольшую хитрость Иды. Изрядно накачавшись «адским зельем», он сопел и кряхтел от удовольствия, периодически громко икая.

Стэн невольно восхищался своим бывшим соперником. Помимо других преимуществ трехметрового роста воин мог поглотить неимоверное количество спиртного. Подумав об этом, Стэн взял у своего нового приятеля сосуд, как следует приложился к его содержимому, передал сосуд дальше и затуманенным взором стал наблюдать за происходящим.

Прежде чем сильно захмелеть, Стэн сделал ряд выводов. Во-первых, племя новых друзей было одним из множества других племен, населявших эту планету. Во-вторых, оно называлось Стра'бо, что в переводе означало озерные люди. Стэн поморщился, вспомнив громогласный хохот Дока...

Празднование окончания поединка проводилось в хижине, где обычно собиралась родовая знать племени Стра'бо. Хижина представляла собой огромное помещение размерами с торговый склад. Круглое «здание» было выстроено из ветвей кустарника. По словам Иды, кустарник был единственным растением, произраставшим здесь с незапамятных времен. Поколения сменяли одно другое, границы кустарника расширились до сегодняшних колоссальных размеров, в то время как внутренняя часть равнины, по мере отмирания растений, превратилась в пустынное голое место, удивительно подходящее для проведения праздничных пиршеств. Существам племени Стра'бо оставалось лишь соорудить хижину на этой площадке, что они и сделали.

Открытое пространство вокруг огромной хижины было заполнено веселящимися великанами. Самцы и самки упивались довольно тонкого вкуса (но очень крепким) пивом и рассказывали всякие небылицы о том, какими они были храбрыми воинами.

Акау'лей пощекотал Стэну подмышки и передал огромную чашу, из которой исходил отвратительный запах. Стэн взял чашу в руки, поднес к губам и сделал вид, что отпил ее содержимое. Чаша была наполнена густой серовато-розовой жидкостью, где плавали красные волокна и сгустки.

— Напиток жизни! — с гордостью произнес Акау'лей.

Стэн с горечью подумал о бренности жизни, о своем желудке и решился отхлебнуть непонятную смесь. Отвратительное зловоние ударило Стэну в нос, он чуть не лишился чувств.

— Спасибо,— процедил лейтенант сквозь зубы, крякнул и передал чашу Доку, смотревшему на него умоляющим взглядом. В эту минуту Стэн почти сочувствовал умнику коалу, но затем вспомнил его ироничный смех и ухмыльнулся.

— Божественный напиток,— сказал Стэн.

Док втянул голову в плечи и сделал глоток. Тут случилось нечто невероятное. На морде медведя появилась блаженная улыбка, он весь просиял, вместо того чтобы разразиться ругательствами. Док сделал еще глоток.

Нем'и, вождю племени Стра'бо, пришлось чуть ли не силой отнимать у Дока чашу, чтобы насладиться «напитком жизни» самому.

— Из чего состоит эта смесь? — шепотом спросил Стэн.

— Из крови и молока,— ответил Док с нескрываемым удовольствием, причмокнув губами.— Ты... ама-аба-аб-сол... я и-имею в виду... абсолютно... Чтоб мне лопнуть! Ты прав. Это божественный напиток!

Док хрюкнул и, забрав чашу у гостеприимного вождя Нем'и, выпил омерзительную смесь залпом.

Стэн ужаснулся. Док был пьян в стельку. Он опьянел от крови! Стэн догадался, в чем было дело. Один из ярчайших представителей плотоядных, Док блаженствовал, попав в «рай мясника». Кровь ударила ему в голову, словно алкогольный напиток стоградусной крепости.

— По-по-почему ты не шме-шмеешься... глупый че-че-ловек? — Док посмотрел на Стэна осоловелыми глазами, повернулся к Нем'и и похлопал вождя по колену лапой.— З-зна-и-и-шь, не такой уж ты... ик... плохой... для примитивного существа. Пода-а-ай-ка мне вон ту ч-чашу.

— Ай-ай-ай, как тебе, должно быть, здесь одиноко, девушка. Пастухи — вечные скитальцы гор, и только ветер им компания.

Алекс сочувственно положил руку на смуглое колено Ди'н, одной из женщин племени Стра'бо. В ответ она слегка похлопала Алекса по руке своей огромной ладонью, от чего даже его могучие мускулы затряслись, как желе. Ди'н была благодарна за понимание.

— Какие у наших женщин занятия? — задала она риторический вопрос.— Часами ухаживать за скотиной. Однажды, в ночь двойной луны, мне придется метнуть дротик в голодного Царя-кота...

Женщина основательно приложилась к крепкому напитку, смахнула слезу и, поближе придвинувшись к Алексу, прошептала:

— Обещай, что не будешь смеяться, когда я тебе кое-что расскажу.

Алекс клятвенно пообещал и подвинул руку по коленке выше.

— У меня есть мечта, что где-то далеко живет сильный и красивый враг. Это только *мой* враг. Он полюбит меня, а я полюблю его, и мы вместе будем убивать.

Ди'н с нежностью посмотрела на Алекса. Сержант медленно убрал руку с колена своей собеседницы.

— Ты думаешь...— робко начала она, но смутилась.— Нет... Я никогда не осмелюсь попросить тебя об этом. Я все еще не прошла посвящение кровью. Смешно было бы надеяться, чтобы такой мужчина, как ты...

Алекс попробовал утешить подругу.

— Увы, моя прелесть, это невозможно. Сильно извиняюсь, но мы теперь должны быть друзьями. Не больше.

Ди'н разочарованно вздохнула и с громким рыганием передала Алексу сосуд с крепким напитком.

— Надо же, как интересно! — сказала Бэт.— Очень интересно!

Она зевнула и вежливо прикрыла рот ладонью. Бэт сморило не только от пива, хотя оно всегда нагоняло на нее сон, но и от болтовни ее нового компаньона, Акау'лея. Воин, которого победил Стэн, был чемпионом племени, а это звание обязывало его выполнять функции главного историка Стра'бо. И посему он добросовестно нагружал Бэт рассказами о своих бесчисленных предках.

История племени Стра'бо основывалась на войнах. С недавнего времени Стра'бо и другие племена поняли, что кровопролитным побоищам, которые велись тысячелетиями, нужно положить конец. И все же осталась одна проблема — как молодым воинам пройти посвящение кровью, чтобы соплеменники могли считать их взрослыми мужчинами и женщинами? Так возникли чисто формальные состязания, в которых победитель считался чемпионом.

Бэт предполагала, что ритуал посвящения стал проводиться около двухсот тысяч лет назад. Акау'лей знал подробности каждого сражения. Его истории удивительно напоминали предания о Иакове и всех, кого он «породил».

— ...затем, в год выжженной травы,— монотонным голосом бубнил Акау'лей,— Мейн'эры убили Кх'икунту, и было великое пиршество... На следующий год Кх'инту убили чемпиона Стра'бо, Шхун'те, и был великий траур...

Бэт подала знак Стэну в надежде, что тот поможет ей избавиться от надоедливого рассказчика, но лейтенант демонстративно не обращал на нее никакого внимания, продолжая пьяную беседу с вождем.

— И в год дождей чемпион торговцев...

Бэт насторожилась.

— Торговцев? — переспросила она.— Кто такие торговцы? И откуда они взялись?

Акау'лей был польщен внезапным проявлением интереса к истории своего племени. Он уже начал было подозревать, что его рассказ утомил гостью, но после внезапного вопроса решил, что глупо было допускать даже возможность такого предположения.

— Обыкновенные торговцы,— сказал Акау'лей.— Такие же существа, как вы. С тех пор прошло приблизительно пятьсот сражений. Наш чемпион победил их чемпиона. Мы обменялись множеством подарков, и они улетели. Подожди-ка, я сейчас вспомню имя их чемпиона. Его звали...

— Это не важно,— перебила Бэт.— Торговцы все еще прилетают?

— Конечно,— с удивлением сказал Акау'лей.— Они прилетают довольно часто. Разве мы не друзья? Разве друзья не хотят часто приезжать и обмениваться подарками?

— Как часто они здесь бывают?

— Почти каждые тридцать дней. Между прочим, они недавно были здесь.— Акау'лей поднял сосуд и сделал смачный глоток.— Мы думали, что вы — их соперники.

Бэт толкнула Стэна.

— Эти... торговцы,— осторожно спросил Стэн.— Говоришь, они не такие, как вы? — Он икнул.— А ты уверен, что они не приехали с другой части планеты?

— Мог ли я, Нем'и, вождь всех Стра'бо,— последовала отрыжка,— так опростоволоситься?

— Поглощая эту ослиную мочу,— тихо сказала Бэт,— запросто.

Акау'лей обошел ее сзади.

— Разве у пастухов есть серые плоты, которые летают по воздуху, вместо того чтобы плавать по воде? Разве у пастухов есть хижины, напоминающие по форме рыбу, которые также летают по воздуху?

— Так значит, это пришельцы из других миров,— с удовлетворением произнес Стэн.

— А можете вы отвезти нас к этим торговцам? — спросила Бэт умоляющим голосом.

— Чего не сделаешь для моих новых друзей, прошедших кровавое посвящение племени Стра'бо?.. Завтра, то есть на следующий день пира, можете отправляться туда в сопровождении лучших воинов,— заявил Нем'и.

— Мы благодарим вождя,— сказал Стэн, понимая, что язык его заплетался так же, как и у Нем'и.

— Должен вас предупредить,— хриплым голосом добавил старый вождь,— что это длинное и тяжелое путешествие, которое займет около тридцати восходов и закатов солнца.

— Нем'и, какая опасность...

Бэт замолчала. Вождь слегка осел, облокотился о Стэна и захрапел. Стэн и Бэт переглянулись. Бэт пожала плечами и подняла сосуд с пивом.

— Что ж, кажется, у нас появился шанс выбраться с этой... очаровательной планеты, избежав участи провести остаток наших дней

в поглощении крови и разбрасывании по округе кальцинированных какашек. Итак, не последовать ли нам примеру благородного Нем'и?

— Почему бы и нет? — спросил Стэн, поднимая сосуд. Он готов был согласиться сейчас с любым предложением.

Глава 5

Стэн проснулся. Слепящие лучи желтого солнца, словно копья, проникали сквозь щели хижины. Он жалобно застонал и зажмурил глаза.

Самочувствие было скверным, голова гудела, как будто по мозгу пронеслось стадо из тысячи — нет, двух тысяч — бизонов и остановилось у него на языке попастись и справить нужду.

Рядом кто-то зашевелился.

— Я сейчас сдохну,— пробормотал Стэн, плотно сжимая веки.

— Это точно,— подтвердила Ида.

— Заткнись, Ида. Я не шучу.

— Я тоже не шучу. Мы все сдохнем.

Стэн окончательно проснулся, сел и воспаленными глазами уставился на остальных членов группы, уже бодрствовавших, с хмурым видом ползавших по хижине.

— Впервые в жизни Ида не преувеличивает,— сказала Бэт.— Мы подцепили что-то вроде клопов и умрем через...

— Двадцать дней,— закончила фразу Ида.

— Дьявол задери! — воскликнул Алекс.— Лучше бы меня загрыз бешеный пес Кэмпбелл!

Стэн пропустил слова Алекса мимо ушей.

— Не сочтете ли за труд объяснить, что здесь происходит?

Ида щелкнула выключателем ручного сканнера, работающего в режиме медицинских исследований, и передала Стэну. Лейтенант стал всматриваться в экран и увидел существо, которое, в свою очередь, наблюдало за ним. Единственный протеиновый ДНА-глаз светился ненасытной злобой и ненавистью.

Клоп, как назвала его Бэт, представлял собой волнистую голубую ленту с тонюсенькими зелеными полосками, подчеркивающими его очертания. Сама лента по всему периметру была сплошь усыпана ярко-красными точками, напоминавшими следы от пистолетных выстрелов.

— Что это такое, черт побери?

— Что-то вроде микроплазмы,— ответила Ида.— Хочу отметить, что это клетка, но без клеточных стенок. Возможно, самая древняя жизненная форма Галактики — мерзкая, вездесущая и вечно голодная. В нас уже сидят миллионы таких красоток с тех пор, как мы впервые ступили на эту планету. Интересный факт — микроплазмы появляются только в районах действующих вулканов.

— Меня не интересует стиль жизни этой твари, Ида. Что ты можешь сказать о наших собственных перспективах?

— Все то же, Стэн: нам осталось жить двадцать дней.

— Есть какое-нибудь средство?

— Никакого. Мы останемся в живых только в том случае, если покинем эту планету.

— Двадцать дней,— задумчиво повторила Бэт.— До лагеря торговцев нам останется еще десять дней пути.

Стэн потер виски, что помогло ему избавиться от звона в ушах, поднял голову и посмотрел на своих помрачневших друзей.

— Отличные новости. Какой будет следующая неприятность?

Вдруг воздух завибрировал от пронзительного писка, раздавшегося над их головами. Стены хижины задрожали, и через щели в крыше на экипаж ринулась целая туча насекомых. Стэн и все остальные выскочили наружу и увидели, как по небу стремительно пронесся корабль дженнов.

Алекс повернулся к Стэну. На лице его появилась странная улыбка.

— Ты самый везучий парень, которого я знаю,— сказал он, указывая рукой в сторону «Турнмаа», взмывшего в воздух, а затем медленно направившегося в сторону деревни Стра'бо, готовясь к посадке.— Если уж мы умрем, то как настоящие мужчины — в сражении. Этим подонкам несдобровать.

Глава 6

— ИМЕНЕМ ТАЛАМЕЙНА ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ СДАТЬ ПРИШЕЛЬЦЕВ!

Голос капитана «Дженнисара» прогремел над саванной, заглушив крики тысяч воинов, выстроившихся перед кораблем и угрожающе потрясавших лесом копий.

— Невероятная глупость,— сказал Алекс.

Стэн, Алекс и другие члены экипажа прятались за деревьями, наблюдая за происходящим.

Стэн восхищался умелыми действиями дженнов, оказавшихся отлично натренированными солдатами. Едва корабль приземлился и не улеглась еще пыль, поднятая при посадке, как из люка посыпали дженны, вырыли укрытия в земле, выгрузили автоматические пусковые установки и обложили их мешками с песком.

На корпусе корабля выросла башня со стволом самонаводящейся пушки, направленным в сторону воинов Стра'бо. Башня двигалась взад-вперед, отслеживая перемещение противника, и напоминала Стэну микроплазмов, охотящихся в его венах. Микроплазмы также двигались взад-вперед, выискивая жертву единственным ДНА-глазом.

— ИМЕНЕМ ТАЛАМЕЙНА...

— Может произойти трагедия. Нельзя этого допустить,— сказала Бэт, поднимаясь на ноги. Остальные, даже Док, встали рядом с ней. Стэн вышел из-за деревьев первым.

И тут они услышали боевой клич Акау'лея:

— Ари'сиа! Ари'сиа!

Акау'лей отделился от толпы и направился в сторону корабля. В руках он нес чехол с оружием — подарок для врага, которого он мог бы с легкостью убить в лесу.

— Ари'сиа! — воскликнул воин вновь, остановившись прямо перед движущейся башней самонаводящейся пушки.

— СИКБЕТ! — прогремел голос капитана «Дженна».

Акау'лей бросил чехол с оружием на землю и отступил назад, указывая рукой в сторону леса, настаивая на ритуальном поединке.

— Ари'сиа! Ари'...

Пушка выстрелила. Акау'лей не успел выкрикнуть до конца свой последний боевой клич. Снаряд разорвал его на части.

Все воины как один двинулись вперед, и все пушки дженнов открыли по ним огонь одновременно, брызжа огненной слюной. Прежде чем члены отряда «Богомол-13» успели прийти в себя и сделать хотя бы шаг, сотня воинов Стра'бо корчилась в предсмертных муках на земле, а остальные бросились бежать.

В этот жуткий момент Бэт вспомнила, как Акау'лей с гордостью рассказывал ей про свое племя, утверждая, будто за всю историю, насчитывающую два миллиона лет, воины ни разу не струсили и не убежали с поля боя.

Слезы успели высохнуть на глазах Нем'и, но на щеках оставались следы от тонких струек. Он и Алекс лежали на склоне низкого холма, спрятавшись под одним из выступов и наблюдая за крейсером «Дженнисар».

— Если эти люди не уважают традицию, то они не уважают закон,— прошептал вождь.

— Твоя правда,— согласился Алекс.— Я уже говорил раньше, что они хуже подонков Кэмпбеллов.

Стэн лежал на вершине холма, внимательно следя за происходящим вокруг крейсера в бинокль, линзы которого не отражали солнечных лучей.

— Если у них нет закона, мы не можем выдать им наших друзей! — Нем'и продолжал тщательно анализировать ситуацию. Он все еще был глубоко потрясен гибелью Акау'лея.— Значит...

Стэн сложил бинокль и, ползя вниз по склону холма, невольно услышал обрывок последней фразы Нем'и.

— Это значит,— неожиданно вмешался он в разговор,— что с наступлением ночи мы с ними покончим. Мы перебьем их всех.

Как только солнце стало садиться за высокие горы кратера, освещая саванну таинственным сиянием, из репродуктора донесся хриплый голос:

— Вечернее построение. Всем склониться! Таламейн, благодарим тебя за признание нашего могущества. Благодарим тебя за дарованную нам силу для исполнения долга дженнисаров на планете неверных!

Ни один из солдат в черной форме, слушающих молитву своего проповедника, не шелохнулся. Лишь башня с дулом самонаводящейся пушки, расположенной в верхней части корабля, автоматически поворачивалась то в одну, то в другую сторону.

— Спасибо тебе за совет,— скрипучим голосом продолжал капитан,— за благословение на преследование врага, которое мы продолжим утром. Сикбет.

Солдаты тихо разошлись по своим постам.

— Почему ваш Стэн не выбрал одного из нас, одного из Стра'бо, чтобы начать атаку? — гневно спросила Ди'н.

Бэт нежно поглаживала холку Хьюджина, хотя обоим тиграм даны были инструкции и им уже следовало поторопиться. Ида не вызвалась добровольцем.

— Потому что Стэн уважает ваши обычаи,— наконец придумала она, собравшись с мыслями. Бэт окинула взглядом выстроившихся по рангам воинов племени Стра'бо, скрывавшихся за деревьями леса.— Слишком плохо зная ваши законы, он решил, что, возможно, его методы — методы нашей команды — могли бы показаться оскорбительными для вас, идти вразрез с вашими обычаями.

Ди'н улыбнулась, удовлетворившись таким ответом, и снова принялась натачивать наконечник копья кожаным ремнем, обмотанным вокруг пальцев.

Бэт посмотрела на тигров.

— Мьюнин, Хьюджин, бараны! Вперед!

Тигры вскочили с места и прыжками понеслись в сгущавшиеся сумерки по поросшей высокой травой равнине в сторону кратера.

«Ах вот вы где, проклятые недоноски,— подумал Алекс, увидев пятерых патрульных дженнов через ветви кустарника, под которым лежал.— Выходит, вы и часовых выставляете... Вот они приближаются».

Патруль прошел мимо куста, под которым притаился Алекс, не заметив его в кромешной тьме ночи. Килгур скинул с плеча виллиган и застыл на месте, прислушиваясь.

«Не смотри в их сторону,— напомнил себе Алекс, хотя такая предосторожность была излишней.— Проходите, проходите мимо, пожиратели навоза!»

Патруль, продвигавшийся по тропинке хорошо отработанной бесшумной походкой, прошел мимо кустарника, под которым прятал-

ся могучий шотландец. Алекс выскользнул из укрытия, огромной ручищей схватил шедшего в хвосте солдата, повалил на землю и свернул ему шею. Дженн даже пикнуть не успел. Алекс отволок труп в сторону.

В тишине ночи не раздалось ни единого звука. Патрульные двигались вперед; Алекс продолжал красться за ними.

«Теперь очередь этих двух с автоматами наперевес». Килгур выставил вперед руку со сжатым кулаком и молниеносным ударом перебил патрульному позвоночник. Согнувшись пополам, дженн рухнул как подкошенный. Алекс переступил через труп и здоровенной мясистой лапой обвил шею третьего солдата, посылая проклятия на свою голову, когда автомат соскользнул с плеча умирающего и с глухим звуком стукнулся о землю.

Сержант дженнов мигом развернулся и направил дуло автомата в ту сторону, откуда донесся шум. Он уже держал палец на спусковом крючке, когда Алекс одной рукой выхватил у него автомат, а ребром ладони свободной руки ударил дженна по горлу.

— Решил немного пошалить, мальчик? — спросил Алекс.

Последним, что запомнилось следующему патрульному, были треск сломанного автоматного ствола, предсмертные хрипы сержанта и сбившее его с ног тяжеленное тело. Впереди идущий солдат, услышав стоны умирающего сержанта, обернулся и познакомился с сокрушительными ударами ног Алекса, работавших как адская молотилка. Патрульный упал, его автомат отлетел на метр в сторону.

Дженн полез за ножом, но Алекс, согнув ногу в колене, со всей силой опустил ее на грудную клетку противника. Послышался хруст сломанных ребер, лицо дженна исказилось от боли — он испустил дух.

Алекс лег на землю и стал прислушиваться. Кругом стояла абсолютная тишина. Встав на четвереньки, Килгур оглянулся назад, на тропинку.

— Можешь собой гордиться, парень. Пять из пяти. А, ладно, катись дальше, вояка.

И Алекс стал спускаться по тропинке обратно, чтобы дождаться начала атаки.

Нем'и издали казался совсем маленьким. Он и Док заняли позицию примерно в километре от подножия вулкана, спрятавшись в высокой траве. Между ними и кратером в сторону загонов неторопливо двигалось стадо баранов.

Док пробирался сквозь траву, которая была для него настоящими джунглями, неся наперевес тяжелую — опять-таки для него — сумку с порохом.

Из отверстия, проделанного в сумке, на землю сыпался порох. Подняв голову, Док увидел, что подошел к подножию кратера, по-

вернул обратно и засеменил к вождю племени Стра'бо. Несмотря на сгустившиеся сумерки, было очень жарко.

Сделав привал, маленький медведь и высокий вождь печально посмотрели друг на друга.

— Существо вроде тебя заслуживает огромного уважения,— с грустью сказал Нем'и.— В моих глазах ты выглядел молокососом. Но теперь я понял, что ты настоящий воин, несмотря на свой юный возраст, немощное тело и такое же, как у меня, пристрастие к выпивке... Какой красивый вид открывается отсюда...

Док стиснул свои мелкие зубы и чуть не прослезился, проклиная цивилизацию, слуги которой убивали людей, относящихся к нему с такой симпатией.

— Спасибо тебе за эти слова, Нем'и,— поблагодарил вождя Док.— Я буду несказанно счастлив увидеть своими глазами, как ты рассчитаешься с подонками, прилетевшими на черном корабле.

Нем'и печально покачал головой.

— Боюсь, что тебе не придется насладиться таким зрелищем, мой друг. Мужчины моего возраста годятся только для прочесывания местности и поздравления молодых воинов с победой. Я не смогу принять участие в сегодняшнем ночном сражении.

Док произнес клятву верности из шести слов, которой научил его Алекс, и зажег спичку. Порох вспыхнул, языки пламени высоко взмыли в ночное небо. Высушенная лучами палящего солнца трава затрещала и застонала, словно живая, и саванна, полумесяцем окружавшая кратер, превратилась в преисподнюю, сжигающую все на своем пути к жерлу вулкана.

Почувствовав запах дыма, животные тревожно заблеяли. Их мерный шаг перешел в бег рысью. Позади них пылала прерия, бушевал огонь. Горящие головешки высоко взлетали в черное ночное небо, языки пламени перепрыгивали друг через друга, огонь начал пожирать сам себя.

Ветви объятых пламенем зарослей кустарника упали на спину кастрированного барана. Громко заблеяв от ужаса и боли, тот пустился галопом вперед. Паника охватила все стадо. Земля задрожала под копытами сотен овец племени Стра'бо, во весь опор несущихся к трещине в кратере.

Хьюджин нервно рычал, расхаживая вдоль трещины. Образованный мутантный тигр, он хорошо знал, что происходит с большими кошками, когда они становятся на пути стада парнокопытных.

Мьюнин ответила ему утробным рычанием, пытаясь успокоить, а затем села и помочилась. Хьюджин последовал ее примеру.

Стадо уже начало поворачивать обратно, не в состоянии протиснуться сквозь узкий проем в кратере, когда находящиеся впереди

животные почувствовали запах хищника. Хьюджин и Мьюнин не только обратили стадо в паническое бегство по тоннелю, но почти удвоили скорость этого бегства вперед... В кратер — прямо на крейсер «Дженнисар».

В командном центре «Дженна» царила неразбериха, со всех сторон раздавались возгласы:

— Из-за дыма и огня видимость нулевая...

— Патрульная группа «Альфа», говорит база. «Альфа»-патруль, что с вашим передатчиком?..

— Именем Таламейна, остановите их!..

— Всем постам... всем постам... Боевая готовность номер один...

Затем послышался долгий душераздирающий крик. От этого вопля кровь стыла в венах.

Закричал одинокий солдат «Дженна», несший вахту на наблюдательном посту, когда обезумевшее стадо вырвалось из саванны и понеслось прямо на него. Он нажал на спусковой крючок гранатомета. Трое животных покатились по земле и были тут же растоптаны своими соплеменниками.

Топот копыт бешено несущегося стада был подобен адскому грому. Хотя солдаты, сидевшие в окопах возле дальнобойных орудий под яркими лучами прожекторов, слышали сигналы атаки, они не успели сделать ни единого выстрела. Все они погибли под острыми копытами стада баранов.

Животные уже находились в каких-нибудь двадцати метрах от крейсера «Дженн».

Не было никакой возможности избежать столкновения.

У Стэна, притаившегося в кроне высокого дерева на окраине леса, вблизи которого сел крейсер, хватило времени, чтобы составить некое замысловатое уравнение: подсчитать изменения частоты колебания тела («Турнмаа»), когда на него действует определенная сила (стадо баранов, обращенное в паническое бегство). Согласно формуле, корабль должен был попасть в ад кромешный.

Мощная черная волна баранов обрушилась на столь же мощный крейсер... а паническое бегство все продолжалось. И, словно гигантская волна, стадо гребнем вздымалось все выше, когда животные перелетали через своих мертвых собратьев и попадали прямо в крейсер.

Находясь в пятидесяти метрах от корабля, Стэн слышал жуткие вопли, раздававшиеся внутри «Дженна». Огромный крейсер, стоявший на металлических подпорках, зашатался, когда группа животных провалилась прямо в открытый люк. Подпорки согнулись и треснули, крейсер «Дженн» сильно накренился и рухнул на землю.

Стэн услышал страшный грохот, заглушивший даже громоподобный топот стада баранов, пронесшегося прямо под деревом, на котором он сидел.

И конечно, животные снесли это дерево, продолжая панический бег в ночной темноте.

Стэн упал с дерева, покатился по земле, ударился о борт крейсера и стал выбира́ться из-под умерших и умиравших животных, когда «Турнмаа» вдруг осел на один бок. Стволы орудий, торчавших из башен крейсера, лежали теперь на каменистой почве.

Стэн скинул с плеча виллиган и стал ползти вдоль корпуса корабля, цепляясь пальцами за выступы, чувствуя, как ломаются ногти. Одна из башен заскрипела и пришла в движение, едва Стэн направил дуло своего виллигана на цилиндрический щиток самонаводящейся пушки.

Отползая назад, лейтенант нажал на спусковой крючок. Магазин виллигана вмещал в себя 1400 патронов. Каждая «пуля» размером не более миллиметра в диаметре была сделана из антиматерии-2, то есть из той же субстанции, которая использовалась в качестве топлива для полетов космических кораблей. На каждой пуле лазером был выгравирован герб империи. Пули обладали взрывной мощностью гранат, производимых в двадцатом веке.

Стэну понадобилось сделать двадцать выстрелов, чтобы пробить стенку башни. И его глазам предстал жидкий динамит, сердце действующего реактора, вместилище смертельной радиации.

То была картина ада. Стэн прошил башню очередью из пятисот пуль, отскочил в сторону и бросился на землю. Раздался оглушительный взрыв, разметавший башню, в которой находилась орудийная установка.

Взрывная волна подхватила Стэна, крутанула в воздухе и швырнула на спину удачно подвернувшегося в этот момент барана. Не удержавшись на покатой спине животного, Стэн упал и вдруг услышал знакомый голос.

— Говорил же тебе, что на свете нет ничего полезней овцы,— сказал Алекс, помогая товарищу подняться на ноги.

А потом мир превратился в хаос: Ди'н, Бэт и воины племени Стра'бо заорали во все горло; Хьюджин и Мьюнин, безмерно довольные собой, полные решимости сразиться с общим врагом, в несколько прыжков спустились с горы и присоединились к озерным людям; Док, с трудом переводя дыхание, что-то бурчал и выкрикивал невразумительные фразы...

Ида стояла позади них, стреляя из виллигана по воинам «Дженна», пытавшимся восстановить башню.

— Я Рыжий Рори, Повелитель Баранов! — взревел Алекс и прыгнул прямо на борт крейсера, уцепившись за какую-то выбоину, об-

разовавшуюся после взрыва. Стэн каким-то образом оказался рядом с товарищем, и они оба проникли внутрь корабля.

Перечислим наиболее запоминающиеся моменты кровавой битвы.

На лице Ди'н застыла довольная улыбка, когда она медленно насаживала на штырь офицера. Копья, со свистом пролетавшие по длинному коридору, вонзились в группу перепуганных дженнов. Алекс сорвал с петель дверь одного из отсеков и запустил ею в орудие, когда наводчик беспомощно схватился за верньер. Ида, сохраняя абсолютное спокойствие, короткими очередями расстреливала взвод дженнов, сбившихся в кучу и прорывавшихся к выходу. Бэт, сидя на спине разъяренного Хьюджина, выпустив вперед Мьюнин, сокрушила трех дженнов.

А затем наступила тишина. Красноватая дымка рассеялась, и Стэн начал осматриваться по сторонам.

Командная рубка была завалена трупами, все вокруг было залито кровью.

У входа в рубку выстроились: небольшая группа воинов племени Стра'бо с копьями наготове, тигры и бойцы отряда богомолов во главе с лейтенантом.

Повернувшись спиной к полукруглой панели главного пульта управления, облаченный в неизменную черную форму, сидел капитан дженнов.

— Таламейн отвернулся от нас,— тихо произнес капитан.— Мы не заслужили его расположения.

Ничего не ответив, Стэн подошел к офицеру.

— Ты вожак этого сброда? — спросил капитан. Молчание Стэна он расценил как знак согласия.— В таком случае именно ты мне и нужен.— Капитан медленно вынул из ножен саблю.— Я буду сражаться только с воином, занимающим положение, равное моему.

Стэн задумался над словами капитана. Вдруг Ди'н подскочила к Стэну и вложила в его руку копье, желая тем самым подтвердить, что все действительно считают его лидером.

Стэн взвесил копье в руке, отбросил его в сторону, скинул с плеча виллиган и сделал два выстрела.

Пули попали капитану в голову, снеся череп. Мозги растеклись по всему экрану пульта управления.

Нем'и был сильно потрясен увиденным, но вскоре пришел в себя и улыбнулся.

— Молодец,— сказал вождь.— Это за Аку'лея. Ты понимаешь нашу культуру.

— Думаешь, эта штука поднимется? — спросила Бэт.

— Конечно,— буркнула толстуха.— Итак, нам достался основательно потрепанный корабль со сломанным посадочным устройством, и к тому же я неделю не мылась.

— Для такой барышни, как ты, это не проблема,— заметил Алекс.

Мало-помалу страсти улеглись. Ида хмыкнула и включила пульт управления. Корабль вздрогнул, фыркнул, и нос «Турнмаа» поднялся вверх.

— А теперь, пока я не разобралась в этом компьютере и не сообразила, что делаю...

Ида нажала на оба рычага «полный вперед». Как ни странно, Юкава-драйв заработал, крейсер поднялся над землей, опалив ее вырвавшимся из сопел огнем, и взмыл вверх, держа курс в открытый космос.

Снизу за кораблем наблюдала горстка оставшихся в живых воинов племени Стра'бо. Они уже похоронили и помянули своих мертвых. Жизнь продолжалась.

Ди'н, стоявшая во главе своих соплеменников, не сводила глаз с «Турнмаа», пока корабль не исчез из вида, и еще долго была погружена в свои мысли: о печальных событиях последних дней и пришельцах из других миров, исчезнувших в заоблачной дали.

Книга вторая

Гардэ

Глава 7

Человеку, стоявшему в реке, на вид было немногим больше тридцати лет. Длинная удочка, которую он держал в руках, выгнулась дугой, прозрачная леска размоталась с катушки почти на всю длину и утопала в грохочущем пороге реки высотой в несколько десятков метров.

Из уст мужчины лился целый поток брани и проклятий, переходящих в полумолитву.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, вредный паскудник, я упущу тебя. Ну давай, лосось. Давай же, иди ко мне.

Вдруг лосось вынырнул, его серебристая спина сверкнула в лучах неяркого весеннего солнца, и снова ушел под воду. На голову рыбы посыпался град самых отборных ругательств. Мужчина нажал на кнопку, расположенную на катушке, придерживая большим пальцем левой руки леску, чтобы та не перемоталась. Метровая рыбина, как торпеда, понеслась прямо на рыбака. Он поспешно отступил назад, покачнулся, зацепившись ботинком о камень, и чуть не упал.

Рыбина изворачивалась теперь у него за спиной, пытаясь удрать. Рыбак снова нажал на кнопку, чтобы леска сматывалась дальше, убрав палец, которого чуть не лишился и который теперь здорово пекло.

Махони заглушил двигатель вездехода, и машина мягко остановилась на поросшей мхом земле. Через ветровое окно он увидел лес, в котором росли высокие красные деревья, и скептически покачал головой. Умом полковник понимал, что это совершенно безопасное место. Но седьмое чувство, благодаря которому он выжил, побывав в пятистах примитивных мирах, подсказывало ему, что здесь должны водиться привидения, кровожадные вампиры и ненасытные четырехрукие твари.

Как обычно, руководствуясь именно этим чувством, Махони выудил из-под заднего сиденья свои доспехи, нацепил на плечи погоны и затянул потуже ремень, на котором висели кобура с миниВиллиганом, связка гранат и боевой нож.

— Разрази меня гром, если я не прав,— сказал он самому себе, поднимая с пола небольшую походную сумку.

С опаской оглядываясь по сторонам, Махони вошел в лес. И вдруг прямо перед ним возник маленький кривоногий мускулистый мужчина, одетый в пятнистую коричневую форму охранника. На голове его была залихватски сдвинутая набок фуражка глашатая, за спиной висел виллиган. В правой руке, согнутой под углом в сорок пять градусов, солдат держал сорокадюймовый нож, лезвие которого так сверкало, что нож казался еще длиннее.

— Я — лейтенант-полковник Ян Махони из подразделения «Меркурий». Состою на службе его императорского величества,— представился Махони, стараясь не делать лишних движений и вспоминая, когда и почему он согласился под гипнозом выучить гуркали.

Солдат застыл словно завороженный. Махони осторожно вытянул вперед правую руку ладонью вниз. Охранник спрятал нож и включил передатчик, работающий на длинных волнах. Сделав небольшой шаг вперед, он обвел подключенным к компьютеру улавливателем вокруг запястья Махони. Компьютер прочел необходимые сведения и передал их главному компьютеру роты охраны и наблюдения. Раздался короткий сигнал, на улавливателе загорелась зеленая лампочка.

Гурка отступил назад и отдал честь, приставив руку к своему кукри. Махони ответил ему тем же и пошел дальше, углубляясь в чащу леса. Он был ужасно рад, что столкновения не произошло. Однажды Махони получил разрешение присутствовать на торжестве, которое отмечала рота преторианцев, где он встретился с солдатом, ростом не больше полутора метров, бросившим ему вызов. Этот солдат снес волу голову одним ударом церемониального ножа.

Махони улыбнулся, вспомнив о большой пьянке, последовавшей за религиозными обрядами и освещением боевого оружия роты. Традиция. С каких времен низкорослые непальцы с планеты Земля стали нести солдатскую службу? Вероятно, с незапамятных, до начала существования вечной империи.

Вдруг Махони услышал шум быстрого речного потока. Пройдя через заросли кустарника, он остановился на обрывистом берегу и увидел рыбака.

Картина была еще та. Удочка взмыла высоко над головой рыбака и зацепилась за корзину, висящую у него за спиной. Лосось извивался в бурном потоке воды, застряв между колен рыбака.

— Ох, если бы у меня была еще одна рука... Иди сюда, проклятая рыбина!

Махони решил, что проблема заключалась в сачке, который рыбак держал в левой руке. Он был слишком мал для такого чудовища.

Рыбак выругался покруче, повесил сачок на крюк, находящийся у него на поясе, вытащил из бокового кармана какой-то предмет, отдаленно напоминающий булыжник, и огрел им рыбу. Лосось трепыхнулся и обмяк.

— Оказывается, тебе не хватало именно этого,— пробурчал довольный рыбак.— Я просто облегчил твою участь.

Он снял со спины плетеную корзину, открыл крышку и принялся запихивать длиннющую рыбину.

— Приятно видеть человека, старания которого не пропали даром,— сухо сказал Махони.

Рыбак насупился, а затем повернулся к Махони и смерил его холодным взглядом.

— У тебя ко мне дело?

Махони снял берет и почтительно встал на колени.

— Так точно. Нижайше прошу принять мои самые искренние извинения за причиненное беспокойство, за прерванный отпуск и приветствую ваше императорское величество, властелина половины Вселенной со всеми ее обитателями, включая и это полумертвое пресноводное существо, лежащее в вашей корзине.

Вечный император фыркнул и стал выбираться на берег.

— Я всегда почитал за великую честь,— продолжал Махони,— служить человеку, который, несмотря на свое высочайшее положение, ценит маленькие радости жизни.

Император остановился как вкопанный в довольно глубоком месте.

— Маленькие, говоришь, чертов придурок? Да знаешь ли ты, чего мне стоит этот сраный лосось? Трех сотен лет, глупец! Сперва мне пришлось заверить правительство Земли, что проведение мною небольшого отпуска на крошечной территории ни в коем случае не помешает претворению в жизнь их местной политики, унаследованной от полоумных предков.— Император вылез на берег и направился в сторону лагеря.— Затем я выкупаю у провинции Орегон всю хренову реку Ампука. Потом покупаю города, находящиеся в верховье и в низовье этой реки, и переселяю каждого лоботряса на любую планету, которую он только пожелает, причем обеспечивая приличной пенсией. После этого я трачу несколько миллионов кредиток на очищение реки от нечистот и реализацию программы, в результате которой эти дерьмовые рыбины плывут вверх по течению и откладывают свои сраные яйца!.. Так что не говори мне о маленьких радостях жизни.

Махони пошел за императором, улыбаясь своим мыслям. Очевидно, властитель прекрасно проводил время, наслаждаясь коротким отпуском. Полковник надеялся, что настроение императора останется таким же приподнятым и после ознакомления с докладом Стэна.

Властитель жил в самом настоящем походном лагере, где прямо посреди зарослей кустарника были разбиты низкие, укрепленные

кольями палатки. На плоском валуне лежало полусгнившее бревно. Рядом находился треугольный очаг, выложенный из камней. Ничто не указывало на то, что в этом месте на протяжении пятидесяти лет останавливался сам император.

В очаге, под сложенными в форме вигвама сухими ветками и небольшими поленьями, лежал трут. Вечный император вышел из кустов, насвистывая какую-то веселую мелодию, и помахал зеленой веткой над грилем, выполненным в форме лыжи. Проходя мимо очага, властитель вынул из него первую попавшуюся палочку, зажег и бросил на хворост. «Вигвам» загорелся ярким пламенем высотой в четыре фута.

— Видишь, полковник? Хороший домик для огня. А все благодаря знаниям особенностей древесины... и литру бензина. Теперь, пока огонь будет потихоньку затухать, я почищу этого монстра.

Махони с любопытством наблюдал, как император взял в руку небольшой нож и ловко разрезал здоровенную рыбину от жабр до анального отверстия. Счистив с лосося чешую, он спустился к реке и обмыл его.

— Почему вы не поручите это сделать одному из гурков? — удивился Махони.

— Ты никогда не станешь настоящим рыбаком, раз задаешь такие дурацкие вопросы,— сказал император и тут же перешел к делу.— Ну что там у тебя? Выкладывай.

— Слухи подтвердились,— сказал внезапно помрачневший Махони.

— Дурак! — Император начал ругаться, а его руки, казалось, сами по себе разложили тушку лосося и аккуратнейшим образом разрезали по хребту на две равные части.

— Образцы, добытые группой богомолов в созвездии Эрикс, согласно предварительным анализам, полностью соответствуют «Империум-Х».

— Да будет тебе известно, что впервые за последние десять лет мой отпуск будет испорчен. И виноват в этом ты!

— Есть сведения и похуже. Дело не только в том, что Х-минерал может полностью заменить «Империум-Х» в оборонной промышленности, но, как оказалось, он вполне доступен. Из четырех планет, исследованных моей группой, месторождения этого Х-минерала имеются по крайней мере на трех.

— Я уже слышу шум золотой лихорадки,— проворчал император,— и начинаю чувствовать себя так же, как Джон Саттер.

— Простите, сир?

— Так, ничего. Это из истории, которую ваш брат отказывается изучать.

— Да, сир. Желаете слушать дальше?

— Валяй. Между прочим, ты не против выпить?

Император зашел в свою палатку и вышел оттуда со стеклянным графином, наполненным светло-коричневой жидкостью. Махони подозрительно посмотрел на сосуд. Стоять во главе имперской разведывательной службы, командовать подразделением «Меркурий» и считаться личным адъютантом-телохранителем властителя было не просто. Одна из проблем заключалась в том, что Махони приходилось подстраиваться под вкусы императора-чревоугодника. Вспомнив, каким крепким было адское зелье под названием «Чили», полковник вздрогнул.

— Этот напиток называется «Сияние»,— пояснил император.— Его трижды продистиллировали, что было не сложно сделать, затем прогнали через радиатор, добавив какую-то смесь — я так и не разобрался во всех этих тонкостях,— а затем поместили в карбонизированную бочку на день или около того. Попробуй. Приобретешь новый опыт.

Махони поднял графин. Желая поскорее пройти испытание, он сделал большой глоток, почти не почувствовав вкуса напитка.

Река вдруг показалась ему светящимся океаном, а в желудке запело так, словно туда бросили раскаленные угли. На глаза навернулись слезы, предметы стали раздваиваться, но полковник не выронил графин и даже смог передать его императору.

— Вижу, ты носишь виллиган,— доверительно сказал властелин.— Не мог бы ты направить его на меня, чтобы я не хлебнул лишку?

Махони все еще с трудом переводил дыхание, когда император влил в себя небольшую дозу крепкого напитка.

— Продолжайте докладывать, полковник. Вы же планируете остаться на ужин?

Махони утвердительно кивнул. Император терпеть не мог трапезничать в одиночестве, а его телохранители гурки предпочитали более скромную пищу вроде риса, дхаля и соевого стейка.

— Был получен компьютерный прогноз, сир. Мы можем скрывать сведения о существовании Х-минерала в течение двух, максимум трех лет. Затем каждый авантюрист, каждый искатель приключений и каждый предприниматель будет крутиться вокруг Эрикса в надежде разбогатеть.

— Я же сказал — начнется золотая лихорадка,— проворчал император, приправляя рыбу. Он сорвал немного ягод с ближайшего куста, росшего у края поляны, и несколько листьев с каждого из двух кустов, росших неподалеку от лагеря.

— Ягоды дикого можжевельника; два сорта местных специй — базилик и тимьян. Я посадил эти кусты двадцать лет назад,— объяснил властитель, выдавливая сок из ягод на обе половины разделанной туши лосося и посыпая их крошеными листьями.

Махони продолжал свой доклад:

— По вашему приказанию, сир, я проинструктировал группу богомолов, чтобы они возвращались обратно с Эрикса прямо в столицу.

— Очень благоразумно, если учесть, что по этому маршруту в поисках добычи могут отправиться все авантюристы, прослышав о минерале хотя бы краем уха.

— Судьба забросила их в Волчьи миры,— продолжал Махони.

— А это еще что такое, черт побери?

— Несколько сотен планет, большинство из которых населены... Одним словом — край света.

— Заселены кем, позвольте поинтересоваться? — удивился император.

— Корабль моей группы подвергся нападению со стороны одного из списанных крейсеров вашего величества, класса «Турнмаа».

— С ними все в порядке? — обеспокоенно спросил император. Напускная небрежность, с какой он разговаривал до этого, исчезла, словно ее и не бывало.

— Да, все обошлось благополучно. Когда крейсер начал обстрел, моя команда посадила корабль на примитивную планету. «Турнмаа» погнался за ними. Ну, ребята и захватили крейсер. Оставив на планете две сотни трупов в черных формах, они вернулись домой на «Турнмаа».

— А ты, я вижу, воспитываешь в своем отряде богомолов мальчиков и девочек, которым палец в рот не клади,— сказал император, немного успокоившись.— Вопрос заключается в том, почему эти говнюки напали на мой корабль?

— Переговоры они начали с воплей «Во имя Таламейна»,— сообщил Махони, как обычно предпочитая давать уклончивые ответы.

Император присел на край бревна.

— Таламейн! А я-то думал, что вбил осиновые колья в поганые сердца каждого из этих псов еще десять поколений назад!

Ни одному психоисторику за весь период существования истории как науки так и не удалось выяснить, почему лжемессии возникают и исчезают, подобно волнам, и почему в одно и то же время их появляется сразу несколько. Одна волна накатилась на Галактику каких-нибудь четыре сотни лет назад. С тех пор как император понял, что для процветания культуры необходимо разрешить свободу вероисповедания, он с трудом справлялся с самозванцами — пока один привередливый мессия не провозгласил себя самым последним осуществителем надежд рода человеческого и не объявил священную войну. Все, что мог сделать император до того,— пытаться поддерживать мир и порядок.

А это было делом хлопотным. Некий мессия Эндимион IV объявил, что все женщины являются его духовной собственностью, а все мужчины — вообще не нужны. Огромный интерес вызвало сообщение, в котором говорилось, что мужское население, все верующие и несколько новоиспеченных атеистов покончили с собой. Еще

более интересным было сообщение о том, что мессия оказался импотентом.

Целая звездная система поверила, что все существа, включая их самих, являются порождениями зла и должны быть уничтожены. Император так и не узнал, каким образом зачинщику бунта удалось достать на черном рынке планетарный бластер и как они смогли пульнуть из него по своему солнцу, после чего оно стало светить еще сильнее, а движение внезапно прекратилось.

Дюжина или около того мессий установили политику геноцида и начали преследовать своих ближайших соседей, но были незамедлительно схвачены войсками и высланы с планеты.

Мессия одного из движений обосновал наиболее приемлемую монотеистическую теорию, изобретательно разбавляя свои проповеди жаргонными словечками, пользующимися успехом у простонародья, и обратил в свою веру несколько планетарных систем. Император был несколько обеспокоен таким поворотом событий. Но вскоре спаситель удрал в один из игорных миров империи, прихватив с собой казну движения.

Один мессия стал утверждать, что нирвана есть долгий путь вперед. Его последователи выкупили несколько старых кораблей-монстров, объединили их в эскадру и отправились на поиски нирваны. Поскольку, согласно учению, нирвана находилась где-то на краю Вселенной, император сильно переживал и за них.

А затем возникла вера в Таламейна. В тот период, когда теология находилась в упадке, объявился некий молодой воин по имени Таламейн, проповедовавший чистоту морали и призывавший людей посвятить свои жизни цели, которой можно будет добиться в реальной действительности. Этот воин не колеблясь опускал карающий меч на голову каждого, кто отказывался принимать его веру.

Между представителями старой и новой религий назревал серьезный конфликт, который мог закончиться вооруженным столкновением. Но тут вмешался император. Он предоставил последователям Таламейна и их пророку достаточное количество транспортных средств, чтобы они нашли себе другую систему, в которой жили бы по своим законам. Осмеянные воины, присягнувшие на верность Таламейну, сели на корабли и исчезли в космосе, бежав от «сознания смертного человека».

Император был несказанно горд собой, приняв такое «гуманное» решение. Не потому, что сильно беспокоился, кто победит в гражданской войне, а потому что знал: а) старая теократия была бы уничтожена; б) приспешники Таламейна могли создать целую сеть мощных военных баз; в) вера неизбежно распространилась бы по всей Галактике.

Во всей этой катавасии императору не хватало только молодой сильной религии, последователи которой в конечном счете объяви-

ли бы его меркантильную империю ненужной. В результате была бы развязана внутригалактическая война, которая завершилась бы уничтожением обеих сторон.

Император не только урегулировал конфликт, но и гарантировал своим соотечественникам, что сумеет защитить их, если последователи Таламейна не угомонятся.

Все эти факты истории властитель прекрасно помнил, но, будучи человеком вежливым, терпеливо выслушал Махони.

— Положить вам еще кусочек рыбки, полковник?

Не в состоянии выговорить ни слова из-за сильной икоты, появившейся после второго выпитого кувшина, Махони просто утвердительно кивнул.

Когда березовые поленья догорели и превратились в угли, император положил на гриль лосося и продержал его там несколько минут. Затем быстро сбрызнул кожу рыбы пшеничной водкой и ловко перевернул на обратную сторону. После того как кожа лосося хорошо подрумянилась, император снял его с гриля. Махони никогда в жизни не ел ничего более вкусного.

— Итак, приспешники Таламейна прочно обосновались в этих... этих Волчьих мирах,— произнес властитель.

— Вслед за ними к созвездию устремились все ренегаты, дегенераты и отпетые бандиты. Словно паломники, потянулись они к своему святилищу, потому что, конечно, были истинными верующими и все это время искренне поклонялись Таламейну,— продолжал Махони.

— Расскажи мне о них поподробнее,— попросил император,— хотя я очень болезненно отношусь к подобным вещам. Что может быть хуже слепого фанатизма?

— Сложилась очень серьезная ситуация. Около ста пятидесяти лет назад люди, уверовавшие в Таламейна, разделились на две группы: первая, назовем ее условно «Таламейн-А», поселилась в одной части созвездия, имеющего форму сдвоенного полумесяца; вторая, или «Таламейн-Б», устроилась в другой его части.

У группы «Таламейн-А» был «истинный пророк» — человек, провозгласивший себя наследником самого Таламейна. Но эта «подлинная» вера деградировала и превратилась в обыкновенную жажду стяжательства, проповедуемую политиками-раскольниками и преемниками более чем абстрактных пророков.

В сложившейся ситуации, когда в рядах верующих произошел раскол, подлинная власть перешла в руки торговцев. В их совет входили представители торговых семейств баронов, с готовностью вносивших сумятицу в ряды руководства. Естественно, каждое семейство понимало, что совет — лишь временное явление и что он просуществует до тех пор, пока его члены не добьются расширения полномочий и не возьмут всю власть в свои руки.

Итак, кроме того, что этот «истинный пророк», безусловно, являлся видной фигурой на политическом небосклоне, он был ярым противником установления на одном «полумесяце» Волчьего созвездия абсолютной анархии.

На другой стороне «полумесяца» находились «изменники» — люди из группы «Таламейн-Б», ратовавшие за возвращение чистоты идеалов и первоначальной веры. Пуристы нуждались в прокторах, а посему «фальшивый» пророк группы «Таламейн-Б» создал правящий класс воинов-священников. Облаченные в черную форму, на людях они демонстративно избегали мирских благ, хотя их мрачные крепости славились именно тем, что изобиловали этими самыми мирскими благами.

Таковы дженнисары. Через одно поколение главный дженн должен был стать правителем людей из группы «Таламейн-Б».

— Итак, с одной стороны, мы имеем принцев торговли,— сказал император,— во главе которых стоит...

— Некий нарумяненный хлыщ по имени Паррел. Он временно возглавляет совет.

— А кто у него в пророках?

— Теодомир. В дни своей молодости этот тип принес в жертву множество неверующих, руководствуясь, скорее всего, не желанием очистить ряды, а страстью к антикварным вещам, отобранным у мучеников веры. Недаром столица главной планеты Санктус названа городом Могил. Теодомир — разложившийся, погрязший во взяточничестве мошенник.

— А кто пророк у дженнисаров?

— Убийца по имени Ингильд. Мои агенты доложили, что кроме прочих недостатков у него сильная тяга к наркотикам.

Император задумался, медленно потирая пальцами виски.

— Наш анализ...

— Хватит, полковник Махони,— оборвал властитель. Он вдруг полностью протрезвел, в голосе появились металлические командирские нотки.— Вот ваш анализ. Во-первых, нет никакой возможности добывать Х-минерал, удерживая информацию об этом в абсолютной секретности. Во-вторых, как только стяжатели-добытчики прознают о минерале, они тут же ринутся на его поиски в Волчье созвездие. В-третьих, либо торговцы обратят каперов в свою веру, либо дженны займутся разбоем. В-четвертых, начнется жуткая кровопролитная резня, инициаторами которой станут люди, рвущиеся к «золотым копям»... Открой-ка бутылку виски, полковник.

Махони откупорил бутылку и передал ее императору.

— В-пятых, после кровавого побоища я буду вынужден выслать войска для наведения порядка на межзвездных маршрутах и обеспечения безопасности кораблей в космосе. В-шестых, мои действия бу-

дут истолкованы как нарушение священнейшего слова вечного императора и преследование религиозных убеждений. Ну, давай выпьем... Хотя, «в-шестых» можно исключить, я уже выполнил этот пункт. В-седьмых, прежде чем сведения об открытии месторождений минерала станут общедоступными, Волчье созвездие должно находиться под контролем одного правительства. Между прочим, сколько Теодомиру Зарвавшемуся осталось еще коптить воздух?

— Вероятно, лет сто,— ответил Махони.— Имя его главного наследника — Матиас. Ему около тридцати. Он думает, что религия и политика — понятия несовместимые. Холост. Живет простой жизнью. Считает веру в Таламейна священной.

— О-хо-хо,— пробормотал император.

— Но Матиас свято убежден, что ряды поборников веры Таламейна должны расширяться, он сам об этом заявил. И собрал небольшой отряд молодых людей. Они много занимаются спортом, охотой, ведут уединенный образ жизни.

— Ммм.— Император снова задумался.

— В чем проблема, босс?

— Не могу вспомнить, на каком пункте я остановился — на седьмом или восьмом?

— Думаю, на восьмом. Открыть еще одну бутылку?

— У каждого властителя есть свои привилегии,— сказал вечный император, отпив два глотка прежде, чем передать бутылку Махони.— Итак, в-восьмых, мы хотим, чтобы созвездие находилось под контролем одного, но очень ответственного и надежного правителя. А это значит, что надобность в отправке войск отпадет, потому что он будет слушать меня безоговорочно. В-девятых, дженнисары просто несносны. В любом случае, мне придется не спускать глаз с горстки этих священников-головорезов.

— Тем самым вы хотите сказать, что нужно скинуть старину Тео с пьедестала?

— Вовсе нет. Я хочу приставить к нему своего человека.

— Кого конкретно вы имеете в виду?

Император пожал плечами.

— Да какая мне, к черту, разница? Сам выбирай достойного.

Махони начал трезветь.

— Очевидно, это будет тайная и опасная операция?

— Вы прекрасно все поняли, полковник. Конечно, я не хочу огласки. Никто не должен знать, что император сует свой нос в политику независимого созвездия.

Махони решил сделать вид, что не заметил, с каким сарказмом произнес император последнюю фразу.

— Значит, отряд богомолов.

— Кстати,— сказал император, аккуратно устанавливая бутылку между ног Махони,— не этот ли экипаж раздобыл образцы?

— Так точно, сир. Группа «Богомол-тринадцать» под командованием лейтенанта Стэна.

— Стэна?

— У него такая сложная фамилия, сир, что мы стали называть его просто Стэн.

— Вручите ему пару медалей, что ли,— вслух подумал император.

— Что ли? — смутился Махони.

— Будут какие-нибудь соображения, полковник? Пока мы не ужрались как свиньи, скажите — какой корабль вы намерены использовать?

Махони поднял бутылку и залпом осушил ее. Странно, но когда полковник был пьян или зол, он начинал проглатывать гласные буквы, что считалось признаком провинциального акцента.

— Могу ли я попрсить один из вших «Шайнов», император? И, отвечая на прдыдущий вопрс, хочу скзть, что у меня есть на примте один парьнь.

Глава 8

Стэну пришлось потратить немало времени, чтобы выловить членов экипажа и сообщить им о своей командировке. Они разбежались по питейным заведениям и другим злачным и вполне пристойным местам, отведенным на планете для проведения досуга воинов.

Бэт, согласно договоренности со Стэном, пошла своей дорогой, прихватив с собой путеводитель охотника и исчезнув в малонаселенной местности с Мьюнин и Хьюджином. Стэн послал ей сообщение незамедлительно, используя специальный код, но ответа так и не дождался и понял, что в житейских делах ему далеко до искушенности.

Ида отдыхала; она уютно устроилась в казино, пытаясь выяснить, успеет ли разорить его, используя в игре свои шулерские штучки, до того как служащие вышвырнут ее из заведения.

Док исчез в лабиринте единственного на планете Университета экзотических культур, но в конце концов был найден похрюкивающим от удовольствия в антропологическом отделе. Перед ним стояла фляжка с напитком Стра'бо из крови и молока — ингредиентов, которые он заставлял смешивать потрясенного и мучающегося тошнотой охранника.

Командировки были обычным делом для бойцов отряда богомолов. Но такого рода задание ни членам команды-13, ни самому Стэну выполнять еще не приходилось. Однако приказы императора не подлежат обсуждению.

Стэн уже заранее начал скучать по дому, а кроме того, был озадачен, каким образом один человек может справиться с заданием,

о котором рассказал ему полковник Махони. Тем временем он прочесывал питейные заведения, зная, что в одном из них обязательно найдет Килгура.

Громоподобный голос Алекса Стэн услышал еще до того, как переступил порог бара.

— Итак, адъютант сказал «есть» и отправил лучшего солдата британцев, который укреплял свой штык...

— Какой еще, на хрен, штык? — спросил другой голос.

— Это тебе знать не обязательно. Ты просто молчи и слушай. Итак, бравый британский солдат полез вверх на невысокий холм. И в ту же секунду его голова слетела с плеч и покатилась вниз. А молодой гигант закричал еще пуще: «Я — Рыжий Рори Гленский! Отправьте ко мне сразиться ваш лучший отряд!»

Стэн, невольно задумавшись над тем, слышал ли он когда-нибудь конец саги о Рори, вошел в бар. Алекс сразу заметил товарища и по выражению его лица понял, что случилось нечто серьезное. Он буркнул что-то двум мертвецки пьяным охранникам, сидевшим с ним за столиком и подпиравшим спинами стену.

— Ладно, просвещу вас как-нибудь потом, ребята. Ну-ка, быстренько делайте ноги!

Алекс придавил охранников столом, а затем убрал его, и бедняги попадали на пол. Стэн сел на один из освободившихся стульев.

— Выкладывай, парень. Я постараюсь выдержать.

Стэн повторил свой разговор с Махони слово в слово, вынув из потайного кармана, находящегося на ремне, ценную государственную бумагу.

— Боже, как я ошибся! Нет-нет, я не выдержу! — простонал Алекс. Приказ сильно огорчил его.— Моя мамаша упадет в обморок, когда станет известно, что меня вытурили из отряда.

— Это только прикрытие, черт возьми. Твоей маме ничего не станет известно.

— Да? Ты ее не знаешь.— Алекс тяжело вздохнул.

— Послушай, я хочу, чтобы ты хорошенько запомнил — я теперь бывший капитан Стэн из третьего полка гвардии, увешанный наградами и израненный, замешанный в убийствах и уволенный для вынесения приговора за бесчисленные злодеяния.

Алекс снова тяжело вздохнул, поднял свою громадную лапу, шутливо отдав честь, и придвинул Стэну кружку.

Глава 9

Согласно церковной догме, Таламейн приказал флоту переселенцев высадиться на Санктусе потому, что ему якобы явилось видение, будто эту планету благословил сам дух Космоса.

В действительности Таламейн направил флот к первой попавшейся планете земного типа, на которой было много воды, из-за того,

что в рядах его верноподданных назревал мятеж и они чуть было не перебили друг друга.

На Санктусе был один крупный город — город Могил, несколько небольших рыболовецких поселков, один маленький порт и сотни деревень. Население планеты составляли теократы и те, кого они эксплуатировали,— пилигримы и крестьяне, рыбаки и фермеры.

С некоторых пор на планете Санктус появился еще один обитатель — Стэн.

Холодный ветер леденил спину. Стэн неловко плюхнулся на каменную скамью, ударившись головой о спинку. Охранник пророка смерил его таким же холодным взглядом, каким было дуновение ветра, «приласкавшего» позвоночник. Стэн улыбнулся охраннику, и тот отошел.

Стэн просидел на этой скамейке три часа, но терпение считалось добродетелью, которой стоило выучиться на Санктусе прежде всего. В особенности это касалось города Могил с его невзрачными, облаченными во все серое священниками-бюрократами, массивными памятниками, выстроенными в честь давно умерших вождей, и мрачными холодными зданиями, в которых наверняка водились привидения.

«Порученьице не из приятных»,— подумал Стэн, с невыразимой скукой разглядывая обветшалую переднюю. Как и во всех остальных зданиях города Могил, она была выстроена из белого камня, который со временем превратился в желтый.

В огромной палате повсюду стояли бюсты, позолоченные статуи, на стенах висели искусно сработанные гобелены. В помещении, пропахшем курящимся фимиамом, царила нестерпимая духота.

Как и все остальное на Санктусе, здание было обветшалым и выцветшим. Даже охранник, с его обрядовой алебардой и далеко не обрядовым боевым оружием, выглядел каким-то поношенным и зачуханным в своей грязной, перелатанной форме.

Стэн же, напротив, был одет в чистенькую коричневую униформу дивизии Охраны, на груди его висели боевые ордена, которые они с Махони специально подобрали для такого случая. Ветеран подозрительно покосился на правый рукав, где совсем недавно красовалась эмблема дивизии Охраны. На том месте, с которого она была кем-то содрана, осталось темное пятно.

Деньги стояли на первом месте в империи Таламейна, а уж человеческая жизнь здесь не ставилась ни во что. Взятка помогала спасению души гораздо лучше любой молитвы. К счастью, Махони снабдил своего агента более чем достаточным количеством кредиток. На Санктусе Стэн находился вот уже неделю, смиренно прося аудиенции у пророка Теодомира. За это время ему пришлось основательно подмазать множество должностных лиц. Последнюю крупную взятку он дал вчера епископу. «Так вот, значит, как его святейшество выполняет свои обещания»,— мелькнуло в голове Стэна.

Он немного побродил по улицам жуткого города Могил с его огромными памятниками и высящимися, словно заводские трубы, фонарями. Некоторые из них горели ярче остальных. Их включали на полную мощность только тогда, когда богатые семьи города делали пожертвования в пользу недавно прибывших депортированных. Город Могил удивительно напоминал Стэну фабричную долину в предрассветный час.

Стэн сел на скамью, находящуюся всего в полуметре от главной двери, и попытался расслабить мышцы, чтобы согреться. Первое, что он успел заметить помимо невероятной безвкусицы в убранстве помещения, был нестерпимый холод, которым веяло от каменных плит и который пронизывал длинные коридоры и просторные палаты. «Будь начеку, парень,— предостерег себя Стэн,— не то скоро тебе начнут мерещиться призраки империи Таламейна».

Вдруг он услышал звуки «тук, тук, тук...» и поднял голову, когда охранник щелкнул каблуками. Массивная дверь с шумом распахнулась. Стэн встал, кланяясь человеку, подкупленному его взяткой.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать на Санктус!

Матиас, сын пророка, шагнул за порог и поприветствовал гостя.

Несмотря на то что Стэн прекрасно знал, с кем ему предстояло встретиться, внешность Матиаса глубоко поразила его. Здоровый цвет лица высокого молодого человека, ведущего аскетический образ жизни, говорил о том, что большую часть времени он проводит на природе. На нем была простая красная униформа, более напоминающая одежду военного, нежели священника. Однако самым интересным и странным было то, что Матиас встретил Стэна рукопожатием, как равного.

Стэн застыл в нерешительности, но все-таки сумел пробормотать обычные слова приветствия, пытаясь выразить свою признательность за оказанную честь. Молодой человек взял его под руку и повел по длинному темному коридору.

— Мой отец с нетерпением ждет встречи с вами,— сказал Матиас.— Мы много слышали о вас.

«Обо мне и моих деньгах»,— цинично подумал Стэн.

— Почему вы не пришли к нам сразу? Империи Таламейна очень нужны люди с вашими... способностями.

Стэн пробормотал какую-то жалкую оттоворку насчет того, что хотел осмотреть восхитительный город.

— И все же вам следовало явиться прямо во дворец. Ко мне. Я надеялся, что однажды встречу такого человека, как вы.

Стэну стало ясно, что Матиас говорит искренне и, возможно, не имеет ни малейшего понятия о том, сколько нужно дать взяток, чтобы добиться аудиенции у пророка.

— Надеюсь, мой отец и вы... достигнете взаимопонимания,— сказал Матиас.

— Я тоже на это надеюсь.

— Может быть, если представится случай... вы найдете время встретиться с моими компаньонами? С моими друзьями?

— Был бы несказанно рад,— ответил Стэн. «Наверное, какие-нибудь сборища молящихся и мне придется принимать в них участие».

Матиас неожиданно улыбнулся теплой, человеческой улыбкой.

— Вы, вероятно, думаете, будто мои друзья сидят в кругу и часами бубнят молитвы из Книги Таламейна?

Стэн отвел глаза в сторону.

— Нам знакомы слова пророка. Но мы считаем, что вера лучше постигается... вдали от городов. Мы пытаемся следовать учению Таламейна, чтобы обрести истинную свободу. Конечно, наши методы далеки от совершенства, но, возможно, вы предложите какие-нибудь новые способы.

Наследник пророка замолчал, остановившись в конце коридора. Двойные двери с грохотом отворились.

Стэн стоял на пороге огромной комнаты, которая, по всей видимости, служила тронным залом. Естественно, этот тронный зал был таким же обветшалым, как и все здание, однако гобелены здесь были намного толще и когда-то имели богатый вид. В самом дальнем конце, умостившись на пышных подушках, которыми было обложено массивное каменное кресло, восседал пророк Теодомир. За его спиной висела огромная карта «водного мира», каковым была планета Санктус, с одним-единственным островом-континентом Святого Таламейна. Большая рубиновая лампа освещала местоположение города Могил. По обеим сторонам карты стояли два огромных фонаря — символы чистоты веры.

Вдруг Стэн обнаружил, что Матиаса рядом с ним нет. Он оглянулся и увидел, что молодой человек стоит на коленях, почтительно склонив голову.

— Теодомир,— подобострастно произнес Матиас,— твой сын приветствует тебя во имя Таламейна!

Подумав, становиться ли ему тоже на колени, Стэн решил, что с пророка хватит и поклона.

— Кто это с тобой, Матиас?

Голос у пророка был тонким и скрипучим, как несмазанная телега. Матиас тут же поднялся с колен и подтолкнул Стэна вперед.

— Это полковник Стэн, отец, человек, о котором мы говорили.

Стэн опешил и быстро заморгал глазами, удивившись, что о нем уже был разговор. Собравшись с мыслями, он подошел к трону решительной походкой военного и, щелкнув каблуками, стал по стойке «смирно».

— Бедный солдат приветствует тебя, Теодомир,— отчеканил Стэн,— и просит принять этот скромный дар.

Теодомир побледнел и стал прерывисто дышать, когда Стэн вдруг вынул из-за пазухи нож. Стэна очень позабавила эта сцена, особен-

но когда он краем глаза увидел, как перепуганные охранники ринулись вперед. Аккуратно, с большой важностью, Стэн положил нож к ногам пророка.

Подарок был ценным и очень бесполезным. Нож был сделан из сплава мягких металлов и инкрустирован сверкающими драгоценными камнями. Стэн окинул взглядом потрепанную одежду Теодомира и на минуту задумался над тем, долго ли пробудет его подарок у пророка. Если сведения о пристрастиях Теодомира верны, то он покрутит нож в руках не более часа, после чего продаст.

Теодомир пришел в себя и подал знак виночерпию, чтобы тот принес кубок с вином. Прильнув к кубку губами, он долго не мог от него оторваться, что вовсе не подобало делать святому, а затем разразился громким смехом.

— О, это очень хорошо! Просто прекрасно! Тебе удалось пронести нож, несмотря на службу безопасности и тщательный компьютерный досмотр?

Вдруг его смех резко оборвался. Пророк повел желтыми глазами в сторону съежившихся от страха слуг, стоящих неподалеку.

— Разберитесь со службой безопасности,— елейным голосом произнес он.

Слуги согнулись в раболепном поклоне и выскользнули за двери.

Пророк опять приложился к вину и вновь засмеялся сдавленным, скрипучим смехом. Повернув голову в сторону шторы, висящей сбоку, Теодомир произнес тост за надежное укрытие.

— Ну, Паррел, как ты думаешь, можем ли мы использовать нашего смекалистого полковника Стэна?

Штора отодвинулась, и из-за нее вышел маленький сухощавый человечек с темным лицом. Отвесив Теодомиру легкий поклон, он повернулся лицом к Стэну и улыбнулся.

— Да,— ответил Паррел.— Но думаю, нам бы не мешало немного побеседовать для начала.

Они расположились в маленькой грязной библиотеке, уставленной стеллажами с книгами. Кресла в библиотеке были продавленными и ветхими, но довольно удобными. Стэн не мог не заметить, что на религиозных трактатах и священных писаниях лежит толстенный слой пыли. Его внимание привлекли несколько изрядно потрепанных эротических журналов.

Матиас в очередной раз наполнил бокалы каждого, обойдя только себя самого.

— Да, мы действительно считаем, что нам крупно повезло — найти человека, обладающего такими талантами, как полковник Стэн,— тихо произнес Паррел, отпив немного вина.— Однако не могу избавиться от мысли, что нам слишком уж повезло. Я хочу сказать, что если верить вам на слово, то вы вроде бы оказались в нашем далеком созвездии потому, что вас выслали. Почему человек, обладающий столькими талантами, вдруг оказывается в Волчьем созвездии?

— Все очень просто,— ответил Стэн.— В армии не любят церемониться. После того, как меня уволили из гвардии...

— Вероятно, «разжаловали» — более подходящее слово?

— Не придирайся к словам, Паррел,— резко оборвал его Матиас.— Судя по тому, что мы знаем о прошлом полковника, империя обошлась не очень уважительно с солдатом, мужественно сражавшимся за нее. Причины, по которым он оставил военную службу, нас не должны интересовать.

— Простите, полковник,— кивнул Паррел.— Продолжайте, пожалуйста.

— Не стоит извиняться. В конце концов, мы оба — бизнесмены.— Стэн поднес бокал ко рту, поймав на себе изумленные взгляды своих собеседников.— Вы занимаетесь делами торговыми, я — делами военными.

— А как же насчет верности долгу, присяге? Разве солдаты не сражаются за высокие идеалы? — спросил Теодомир.

— Я верен людям, которые меня нанимают. После подписания контракта я как бизнесмен держу свое слово и выполняю долг до конца.

Стэн посмотрел на Паррела загадочным взглядом, как торговец на торговца.

— Хотелось бы уточнить, что именно вы можете предложить на продажу, полковник?

— Вам — расширяющуюся ускоренными темпами империю бизнеса, первую торговую монополию в Волчьем созвездии.— Стэн повернулся лицом к Теодомиру.— Вам — церковь, которая снова станет единой.

Теодомир на мгновение задумался, постепенно его рот расплылся в улыбке.

— Осуществилась бы моя самая заветная мечта,— благоговейно сказал он.

Паррел оставался невозмутим.

— А где ваша армия, полковник?

— Ее не трудно сколотить.

— Чтобы свалить Ингильда, понадобится огромная сила.

— У вас на Санктусе чудесные леса,— туманно ответил Стэн.— Могу себе представить, какие высокие деревья в них растут, деревья, которые умирают, но продолжают стоять. Сколько силы нужно приложить дровосеку, чтобы повалить такое дерево?.. Моя сила заключается в том, чтобы, подобно дровосеку, точно знать, куда и как ее лучше всего приложить.

— Чтобы уничтожить Ингильда,— мечтательно прошептал Теодомир.— Все планеты снова будут моими. Этого достаточно.— Он обратился к Паррелу: — Ты не согласен? Разве ты не считаешь, что этого было бы вполне достаточно?

К великому удовольствию Теодомира, Паррел утвердительно кивнул.

— Ну что ж, э-э, поскольку вы так хорошо все рассчитали,— сухо сказал Паррел,— то, полагаю, у вас уже подсчитан бюджет и обозначены все суммы, необходимые для проведения операции?

Стэн вынул блокнот из внутреннего кармана кителя и протянул его торговцу.

— Спасибо, полковник. А теперь, простите, нам с пророком нужно обсудить поставленные вами условия поподробнее.

Стэн встал.

— Хотя,— поспешно добавил Паррел,— уверен, что мы примем их без всяких осложнений.

— Я проведу вас в ваши покои,— предложил Матиас.— Полагаю, вам захочется прогуляться по дворцу?

Стэн улыбнулся и поблагодарил Матиаса, поклонился Теодомиру и вышел вслед за сыном пророка. Как только двери за посетителями захлопнулись, Теодомир плеснул в свой кубок вина и стал нервно расхаживать по залу.

— Что ты обо всем этом думаешь, Паррел? Меня интересует, что ты думаешь на самом деле. Ему можно доверять?

Паррел пожал плечами и снова наполнил кубок пророка.

— Это не имеет никакого значения,— сказал он,— пока мы будем держать ухо востро.

— О, как бы мне хотелось увидеть...— произнес Теодомир.— Я просто горю желанием увидеть этого идолопоклонника Ингильда загнанным и раздавленным... Ты правда думаешь, что нам удастся это сделать? Игра стоит свеч?

— Мы рискуем разве что несколькими моими кредитными карточками да жизнями его людей,— сказал Паррел.

— Но если Стэн победит... если он все-таки победит, что мы будем с ним делать?

Паррел рассмеялся своим обычным холодным смехом.

— То же самое, что вы обычно делаете с наемниками.

На лице Теодомира появилась улыбка.

— Я подыщу ему симпатичную маленькую могилку,— пообещал Паррел,— рядом с тем местом, где будет покоиться Ингильд.

Глава 10

Дженнисар стоял возле ствола дальнобойного орудия и дрожал от страха. Рот его был залеплен пластырем, руки связаны за спиной. Стэн заметил, как глаза несчастного начали бегать от ужаса. Колени дженнисара подогнулись, когда две неуклюжие фигуры, стоявшие по обеим сторонам, подхватили его под руки и поставили на верхнюю площадку.

Капитан бхор вышел вперед, громыхая в тишине доспехами. Пятьдесят членов экипажа проводили его налитыми кровью глазами. Поднявшись к дженну, капитан остановился и злобно посмотрел на свою жертву из-под двух пышных кустов, которые бхоры называли бровями.

— Сикбет,— насмешливо произнес он.

Повернувшись лицом к своей команде, капитан поднял громадный, как кувалда, мохнатый кулак, в котором был зажат рог стрегана.

— За бороды наших матерей! — проревел он.

— За бороды наших матерей! — подхватила команда.

Все как один бхоры выпили из рогов стрегганов. Ото вытер мясистые губы и повернулся лицом к технику по оружию, стоявшему возле пусковой установки и ожидавшему команды. Когда Ото поднял лапу, отдавая приказание, Стэн услышал сдавленный крик дженна, вырвавшийся из залепленного пластырем рта. Стэн представил себе, что последует за этим, и ему стало немного жаль бедного придурка.

— Именем Сарлы и Лараза! — произнес Ото.— Именем Джемчиида и... и...

Осужденный посмотрел на техника умоляющим взглядом.

— Кхолерика,— низким басом прошептал капитан.— Очень жаль, что нам не удастся разделаться подобным образом с твоими чертовыми богами!

Ото прочистил горло, сплюнул и продолжил речь:

— Во имя Джемчиида и Кхолерика мы благословляем это путешествие.

Он опустил руку, и техник бхор включил установку. Дверцы орудия с шипением раздвинулись, два охранника подняли извивающегося пленника дженна и засунули его в ствол. Ото залился громким смехом, глядя на сопротивляющуюся жертву.

— Не бойся, маленький дженн! — воскликнул он.— Я, Ото, лично отправлю твою языческую душу в ад!

Команда разразилась радостным ликованием, когда дверцы орудия захлопнулись. Стэн и глазом не успел моргнуть, как техник нажал на кнопку «Запуск снаряда». Корабль основательно тряхнуло. Дженн даже пикнуть не успел, как его разорвало в вакууме на части.

Тяжелые ботинки загромыхали по металлическому полу — развеселившиеся члены экипажа бросились вперед, протискиваясь в помещение, где находился бортовой иллюминатор, чтобы посмотреть на увлекательное зрелище.

Стэна чуть не стошнило, когда Ото дружески похлопал его по спине лапой-кувалдой.

— Клянусь бородой моей мамы,— сказал капитан,— обожаю благословение. Особенно...— он указал большим пальцем правой руки

в сторону дверцы орудия, захлопнувшейся за принесенным в жертву дженном,— когда из пушки вылетает один из этих говнюков.— Затем он пристально посмотрел на побледневшего Стэна.— Дьявол! Ты, должно быть, думаешь, что я самый скаредный жмот на свете. Тебе нужно выпить.

Стэну ничего не оставалось, как принять любезное предложение капитана.

— Это хорошо,— сказал Ото,— что старые обычаи отмирают.— Он наполнил рог Стэна стреггом, обжигающе перченым напитком бхоров, придвигая к нему поближе свое грузное туловище.— Ты не поверишь, но когда-то мы, бхоры, были примитивным народом.

Стэн, успевший набрать полный рот стрегга, чуть не поперхнулся.

— Да,— выдохнул он,— трудно такое предположить.

— Все, что нам досталось от предков,— продолжал Ото,— это небольшое развлечение при благословении.

Он покачал огромной косматой головой и тяжело вздохнул.

— И это единственное, за что мы должны благодарить дженнов. Мы распрощались с традицией благословлять путешествия задолго до того, как дженны пришли и стали нас убивать, а это случилось... во времена молодости моего папы.

— Ты хочешь сказать, что для этой цели вы используете только дженнов? — спросил Стэн.

Ото нахмурился, сморщив массивный лоб.

— Клянусь отмороженной задницей моего папочки,— возмутился Ото,— нам больше не на кого держать зло. Я уже сказал, что мы — цивилизованный народ. Мы почти забыли о благословении, как вдруг появились эти дженны со своими сраными «сикбетами». Но когда они на наших костях построили целую торговую колонию, мы вспомнили... вспомнили, мать их за ногу!

Ото осушил свой рог и снова наполнил его.

— Тебя интересует тот недоносок, которого мы только что убили? Он был одним из пятнадцати, взятых нами в плен. Подумаешь, какая цаца! Одним больше, одним меньше. Мы вылавливаем их на кораблях и пускаем в расход одного за другим, при благословении. Между прочим, с сожалением должен отметить, что этот был последним.

Стэн все понял.

— Думаю, я смогу помочь в разрешении вашей проблемы,— спокойно произнес он.

Капитан смачно рыгнул, тряхнул головой в знак согласия и отодвинул в сторону кувшин со стреггом.

— А теперь, друг мой, поговорим о деле. Мы находимся в трех днях пути от Хокторна. Мой флот — в вашем распоряжении. Какими будут ваши приказания после того, как мы сядем на планету?

— Ждать,— ответил Стэн.

— Как долго?

— Полагаю, что кредитки, которыми я уже с вами расплатился, помогут вам продержаться некоторое время.

Бхор поднял руку в знак протеста.

— Не поймите меня превратно, полковник. Я не прошу о большей сумме...— Он оттопырил волосатые большой и указательный пальцы и потер ими друг о друга в универсальном для Галактики жесте.— Я вовсе не собираюсь нагревать руки на этом деле, друг мой.

Стэн пожал плечами.

— Не сомневаюсь.

— Вы собираетесь убивать дженнисаров? — спросил Ото.

— *Мы* собираемся убивать дженнисаров,— ответил Стэн.

Капитан снова сгреб кувшин со стреггом.

— Клянусь бородой моей мамочки, ты мне нравишься! — Он наполнил рога по самые края.

Стэн принял мудрое решение, выбрав в помощники бхоров. Они отличались пламенной преданностью союзникам, лютой ненавистью к врагам и умением твердо следовать намеченной цели. Бхоры являлись единственными коренными жителями созвездия, аборигенами ледниковой планеты, на которой, словно гроздья рябины, были разбросаны сотни вулканических островов, покрытых зеленью и окутанных густыми туманами.

С незапамятных времен бхоры жили и умирали в этом оазисе, выращивая то немногое, что можно было здесь вырастить, купаясь в теплых бассейнах, над которыми клубился пар. Довольно мужественный народ, поскольку охотиться приходилось во льдах.

Конечно, трудно сказать, кто на кого тогда охотился. Никому не ведомо, как выглядели в те далекие дни стрегганы. Но в рассказах и эпических поэмах бхоров описаны огромные, передвигающиеся на двух ногах шаркающей походкой звери, разевавшие на жертву громадную пасть с несколькими рядами острых зубов. Причем на смену выпавшему зубу тут же вырастал новый. Кроме того, эти животные почти не уступали в интеллекте самим бхорам.

Голод вытеснил бхоров во льды. Какой-нибудь ученый сухарь профессор, читающий нудную лекцию сонливым студентам, сказал бы, что это объяснялось естественной потребностью в источниках протеина. Пусть бы он рассказал это тому первому бхору, перемахнувшему через ледниковый хребет, на глазах у которого разъяренный стрегган только что растерзал его приятеля, первому бхору, оставившему дома полную миску с овощами, но сберегшему собственную шкуру.

Наверняка бхору было ужасно тяжело принять это историческое решение. В сравнении со стрегганом он был крошечной букашкой. Тем не менее в сравнении с гуманоидом бхор был существом значительных размеров: невысокий, с покатой спиной, кривыми, но мощ-

ными косолапыми ногами и лицом, которое могла любить только «бородатая мать». Тело его покрывала густая шерсть, лоб был широким и выпуклым, из-под кустистых бровей выглядывали карие глаза с красными белками. Хотя рост любого обычного бхора не превышал 150 см, ширина его груди достигала метра и более. Весил бхор в среднем больше центнера.

Так что стреггану приходилось сталкиваться с огромной силой, заключенной в маленькую упаковку, плюс со способностью бхоров производить и применять примитивное, но прочное оружие. Для полного счастья бхорам необходимо было выяснить, как одолеть стреггановов.

Поначалу было совершено много ошибок. Ранние легенды бхоров свидетельствуют о больших кровопролитиях. Однако в конце концов кому-то все-таки удалось навести порядок, и стреггановы стали главным источником желанного протеина.

Это была ранняя ошибка, которую удалось быстро исправить. Первое, что делали бхоры после убийства стреггана,— пожирали его внутренности сырыми. Поглощая стреггана, бхоры поглощали также и цианид. Смертельная доза витамина А, содержащегося во внутренностях стреггана, вдвое превышает его дозу (тоже смертельную) в земном полярном медведе или в столетней пикше. Поедание внутренностей своего врага считалось у бхоров главнейшим обычаем.

Прежде чем начать покорять новые миры, бхоры должны были стать хозяевами ледников на родной планете. Подчинив себе стреггановов, бхоры научились торговать, после чего у них возникла потребность убивать себе подобных. Да и чем, в конце концов, еще можно было похвастать на пьяной пирушке?

В отличие от многих других существ бхоры на протяжении веков вели небольшие войны, которые быстро заканчивались урегулированием и установлением странного рода единения, наступавшего после решающего сражения.

Главный принцип религиозной эмансипации бхоров: «У меня свои боги, у тебя — свои. Если я попаду в беду, можно будет занять парочку твоих?»

Когда бхоры, круша ледники, впервые начали расширять свой «оазис», раздался громкий призыв: «Спасите стреггановов!» Бхоры так преуспели в умении убивать, что их бывшие заклятые враги чуть не вымерли вовсе. На сегодняшний день их осталось всего несколько экземпляров, да и то — в зоопарках бхоров. Сейчас стреггановы гораздо меньших размеров, чем были раньше, но все еще достаточно свирепые для того, чтобы бхоровские мамаши пугали ими своих детей, как земные мамаши пугают своих бармалеями.

Легенды о стреггановах уходят корнями в глубокую древность, впрочем, как и поговорка «клянусь бородой моей матери». У всех бхоров, независимо от пола, на лице растут волосы, прикрывающие их вы-

дающиеся вперед подбородки. Лицевой волосяной покров у самок даже немного гуще, чем у самцов. В прежние времена мамаши бхоры носили длинные окладистые бороды, за которые детеныши цеплялись и висели, пока родители собирали овощи... или разделывались с протеинизированными внутренностями стрегганов.

К тому времени, как стрегганы стали героями детских сказок, за бхорами уже утвердилась слава торговцев во всем Волчьем созвездии. Даже люди Таламейна (обе группировки), ярые ксенофобы, знали, что бхоров лучше не трогать.

Пока бхоры держались друг друга и оставались внутри торговых анклавов, людям удавалось беспрепятственно проникать в созвездие. Бхорам просто не было до них никакого дела, так что сосуществование оказалось вполне возможным.

Так было до тех пор, пока дженнисары не решили, что им нужен враг, и не вооружили жуликоватых фанатиков, веривших в единого бога, против пантеистически настроенных торговцев-контрабандистов бхоров.

Когда Стэн встретился с бхорами, этим некогда многочисленным народом, они были близки к вымиранию, как их старинные враги стрегганы. Но скармливать свои души дьяволу бхоры не собирались.

Глава 11

— Хокторн-контроль. На связи «Бхолдер». Посылаю запрос о беспрепятственном выходе на орбиту.

Ото сидел за пультом управления. Выключив микрофон, он посмотрел на Стэна.

— Клянусь бородой матери, это странная планета. Когда мы в прошлый раз садились на нее, нам пришлось включить три пульта управления.— Ото немного повеселел.— Они клялись всеми святыми, что, если мы не высадимся в указанном ими месте, нас вышвырнут за пределы атмосферы. Могу тебя уверить, этого оказалось вполне достаточно, чтобы довести бхоров до белого каления.— Капитан улыбнулся, демонстрируя Стэну крупные желтые зубы.

— Да уж, представляю.— Стэн понял, что имел в виду Ото.

На ответчике произошло искажение звука, после чего слышимость восстановилась.

— Судно «Бхолдер», вам предоставляется площадка на приграничной территории.

— Говорит «Бхолдер». Мы находились двадцать корабельных дней за пределами Волчьего созвездия.

— Принято. Ваша цель — посадка?

— У меня есть разрешение на вербовку солдат,— сказал Ото.

— Судно «Бхолдер», говорит Хокторн-контроль. Принято. Добро пожаловать на Хокторн. Оставайтесь на связи до посадки. Предуп-

реждение: посадка должна быть произведена в строго заданном районе. За вами следят.

— И если мы сделаем «зиг», когда этот диспетчер скажет «заг»,— проворчал Ото,— то познакомимся с ракетами-перехватчиками.

Даже у наемников должен быть дом... или, по крайней мере, временное пристанище. Планета Хокторн как раз и была таким «временным пристанищем» этой части Галактики. Здесь наемников вербовали и обеспечивали военным снаряжением. Хокторн была также планетой, куда они «отползали» и зализывали свои раны после поражения или возвращались с почетом и праздновали победу.

На Хокторне царило анархическое правление. Правительство планеты постоянно менялось в зависимости от того, какая шайка наемников оказывалась сильнее в данный период времени. Затем их нанимали и увозили, а оставшийся вакуум заполнялся более мелкими валками. Бывали такие времена, когда ситуация полностью выходила из-под контроля и на планете воцарялся разгул анархии.

Наемники завербовывались в любые группировки и на любые должности. Здесь можно было встретить специалистов по орбитальным станциям, техников, вооруженных до зубов пехотинцев, немыслимо высоко оплачиваемых логистов и командиров различных рангов. Правда, проблема состояла в том, что в последних никто не нуждался.

«Бхолдер» выпустил ноги установки приземления, засвистел Юкава-драйв, и плоскобрюхий веерообразный корабль завис над землей.

Орудия были приведены в боевую готовность — бхоры предпочитали не доверять никому. Подпорки приземления выскользнули из веерообразного корпуса; «Бхолдер», жалобно застонав, сел. Открылся люк средней секции, и Стэн спустился по трапу на землю, держа в руке походную солдатскую сумку.

Точка, появившаяся на другом конце взлетно-посадочного поля площадью в один квадратный километр, росла по мере приближения и превратилась в третьесортный вездеход, управляемый сияющим Алексом.

Алекс спрыгнул с развалюхи и отдал честь. Стэн с первого взгляда понял, что здоровяк из Эдинбурга не в духе.

— Полковник, ты не представляешь, как я рад тебя видеть.

— Взаимно,— заверил его Стэн.

— И твоих союзников тоже. Пойдем, парень, покажу тебе наш миленький отель. Волшебное место! Я здесь неделю, и за этот срок произошли два убийства, одна бомбежка и без счету великолепной поножовщины.

Стэн ухмыльнулся и залез в вездеход.

Алекс объехал вокруг двух боевых космических кораблей пехоты, оспаривавших право на высадку в нужном им месте и лежавших

теперь, после перехвата вооруженным заслоном, в пыли грудой металлолома.

Центральная улица главного «города» планеты Хокторн была удивительна. По дороге сновали транспортные средства на любой вкус — от шикарных лимузинов с маклиновскими движками до быстроходных колесных разведывательных машин и небольших воздушных кораблей, проносившихся над головой на высоте не более пятидесяти футов.

Магазины, естественно, были специализированными: в них продавалось изготовленное на заказ или повидавшее виды оружие и всевозможные орудия убийства, не запрещенные империей (конечно же, включая являющиеся принадлежностью исключительно войск охраны виллиганы, впрочем, как и некоторые другие виды экзотического оружия). Рядом находились магазины, где продавалась форма. Ювелирные лавки специализировались на выгодной скупке награбленного добра у наемников, недавно вернувшихся из походов, и выдавали под большие проценты ссуды под залог любых драгоценностей, какие только мог предложить проигравший картежник.

Во всем этом хаосе маршировали, ходили важной или заплетающейся походкой, ползали или просто лежали в пьяном полубреду военные любых званий — от кадровых офицеров-пилотов до специально обученных для ведения партизанской войны в джунглях боевиков, одетых в маскировочную форму, и полицейских, облаченных в парадные мундиры.

По одну сторону улицы Стэн заметил очень чистенький дворик, где находилось небольшое аккуратное здание. Дорожка, ведущая к нему, была тщательно выметена, а фасад здания — свежевыкрашен.

Надпись на плакате гласила:

ВСТУПАЙ В ВОЙСКА ГВАРДИИ!
ИМПЕРИЯ НУЖДАЕТСЯ В ТЕБЕ!

Через открытую дверь пункта вербовки Стэн увидел одного-единственного человека — ужасно удрученного, одинокого и скучающего сержанта гвардии, смотревшего на окружающий мир полным безразличия взглядом. На форме сержанта красовались нашивки и ордена.

— Не понимаю я нашей гвардии,— сказал Алекс, проследив за направлением взгляда Стэна.— Или мы стремимся создать войско дезертиров?

Стэн нахмурился и утвердительно кивнул головой. Алекс оказался абсолютно прав. Хокторн — та еще планета!

«Чтоб тебе пусто было, Махони! — в сердцах подумал Стэн.— Ну, давай, сынок, иди вербуй несколько сот психопатов и плутов и опрокидывай две империи! А мы поглядим, сможешь ли ты управиться с заданием до завтрака...»

Да, бойцам отряда богомолов приходилось работать в любых условиях. Впрочем, по всей вероятности, Стэну и не хотелось бы, чтобы эти условия были оранжерейными.

Глава 12

КОММАНДОС! НУЖНЫ 200 ЛУЧШИХ ИЗ ЛУЧШИХ! ЗАЩИТИМ ВЕРУ СТОЛЕТИЙ! *Оплата гарантирована.*

Полковник Стэн, бывший военнослужащий третьего полка гвардии его императорского величества, набирает две сотни самых лучших солдат для выполнения важнейшего социального и теократического задания.

КАНДИДАТУРЫ НЕГУМАНОИДОВ, РАБОТАЮЩИХ БЕЗ КОНТРАКТОВ, К СОЖАЛЕНИЮ, РАССМОТРЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖАТ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ.

Волчье созвездие и вера Таламейна находятся под угрозой, подвергшись нападкам со стороны шайки безбожников и торговцев, что пытаются уничтожить самые красивые и преуспевающие планеты сектора, населенные миролюбивыми людьми. Желающим принять участие в праведной борьбе иметь при себе необходимое индивидуальное снаряжение: личное оружие, теплую одежду, походные космические костюмы. Опытным бойцам предоставляются льготы.

ТРЕБУЕТСЯ БРИГАДА БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ!

Полковник Стэн заслужил уважение в войсках гвардии своим многогранным опытом, полученным в сражениях (принимал участие в восемнадцати планетарных атаках, бесчисленных рейдах и боевых операциях). В третьем полку гвардии отмечен как офицер, под командованием которого потери всегда минимальны.

ЗАВЕРБОВАННЫЕ БУДУТ ОБЕСПЕЧЕНЫ ОБЫЧНОЙ СТРАХОВКОЙ ЖИЗНИ.

Принимаются только боевые офицеры, а также участники тайных операций, тяжелых рейдов, атак, засад и диверсий. Предпочтение отдается военным, владеющим следующими специальностями: имперского охранника, офицера Торгового флота. Рассматриваются кандидатуры специалистов некоторых специфических планетарных подразделений. (Просьба пройти проверку в пункте вербовки.)

ПРИЧИНЫ УВОЛЬНЕНИЯ С ПРЕДЫДУЩИХ ДОЛЖНОСТЕЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ КОНТРАКТА НЕ УЧИТЫВАЮТСЯ.

Индивидуальные приобретения опытных специалистов или трофеи, захваченные подразделениями, в судовой жур-

нал не вносятся и не регистрируются при условии, что изъяты они будут не у союзников.

Специалистам, отдельным солдатам или отрядам обращаться лично к полковнику Стэну, Брейкер Хауз...

Стэн прочитал объявление, появившееся на экране, и слегка поморщился.

— Ты это написал?

— Лично,— ответил Алекс, допивая свои пол-литра квилла.

— Эта информация разойдется по всей планете?

— Ага.

— Небось, считаешь себя умником?

— Честно говоря, да,— самодовольно кивнул Алекс и потянулся за следующей кружкой.

Глава 13

Посмотрев на человека, сидящего за соседним столиком в баре, Стэн решил, что жить ему осталось недолго.

Мужчина был на пару сантиметров выше Стэна и на пару килограммов больше его весил. Половина ястребиного лица незнакомца была ужасно перекошена. «Пластиковая реконструкция»,— подумал Стэн.

Вид у человека был такой, словно он держал под столом направленный на Стэна виллиган. «Надеюсь, он не хочет им воспользоваться»,— промелькнуло в голове Стэна. Алекс развалился на соседнем стуле и, казалось, отходил ко сну.

— Их, знаешь ли, называют заезженными клячами,— бодрым голосом произнес человек с ястребиным лицом.

— Кого — их?

— Семьдесят восемь человек...

— Семьдесят два,— поправил Алекс, не открывая глаз.— Двое в госпитале, одного вчера пырнули ножом, трое — в вонючей подземной тюрьме, и у тебя нет кредиток, чтобы их вызволить.

— Отличные солдаты,— продолжил человек, обрадовавшись тому, что его людьми интересовались.— Все имеют боевой опыт. Около половины из них были охранниками, некоторые — танхами, а остальных обучал я сам. Вам не найти лучших, полковник.— Мужчина выделил интонацией голоса последнее слово, уважительно подчеркнув звание Стэна.

— Ваши рекомендации произвели на меня впечатление, майор Восбер,— кивнул Стэн.

— Судя по предложенным вами условиям контракта — нет,— язвительно заметил офицер-наемник.— Я прочитал ваш призыв к участию в религиозной войне, развязанной двумя пророками. Вражду-

ющие стороны — совет торговцев, мать их за ногу, и эти, как их... дженнисары.

— Вы поняли суть,— согласился Стэн.

— И вы полагаете, что мои люди согласятся влезть в эту мясорубку, подписав дерьмовый стандартный контракт?

— Думаю, да.

— Не выйдет.

Стэн наклонился вперед.

— Мне нужен ваш отряд, майор.

— Вы не получите его за такую цену.

— Получу. Могу объяснить почему. Вы подписали контракт с Альдебараном-два; ваша сторона проиграла. Дальше... Восстание кемкви; мятежники победили, а вы покинули планету, оставив на ней большую часть оружия и боеприпасов. Продолжать? Система Таркviш — подписали перемирие до того, как вы туда добрались. Вам нечем крыть, майор. Как сказал мой сержант, вы не можете даже внести выкуп, чтобы вызволить своих солдат из тюрьмы!

Восбер медленно поднялся. Его правая рука непроизвольно потянулась к пуговице на мундире.

— Не делайте этого, майор,— предупредил Стэн.— Сядьте, пожалуйста. Мне нужны ваши солдаты... и вы нужны мне живым, чтобы командовать ими.

Восбер был потрясен и озадачен. Стэн продолжал сидеть неподвижно.

— Хорошо. Прошу извинить меня за несдержанность.

Стэн кивнул головой, не произнеся ни слова, а Алекс направился к стойке бара. Через минуту он вернулся с тремя литровыми кружками с горячительным напитком.

— У меня создалось впечатление, что я все еще нахожусь на рынке,— произнес Восбер, приложившись к крепкому напитку.— Работа заключается в том, чтобы скинуть этих дженнисаров и их босса, правильно?

Стэн помрачнел.

— Ох уж эти мне тайны.— Восбер заинтересовался, что крылось за реакцией Стэна.— Ладно, поговорим об этом позже. Каков план действий? Я имею в виду — детальный план.

— Стратегия еще не выбрана. Мы обоснуемся на планете под названием Небта. Ваши солдаты останутся довольны.

Алекс вручил Восберу регистрационную карточку, которую он тут же положил в карман.

— Никаких больших походов. Никаких предварительных совещаний. Наша цель — убивать. Будем проводить тщательно выверенные рейды. Никаких задержек после высадок. Прилетели — улетели. Риск минимальный.

— Так всегда говорят.— Восбер немного расслабился.

— Поскольку я буду принимать самое непосредственное участие в операциях, у меня есть определенный личный интерес в их успешном проведении,— сказал Стэн.

— О'кей. Допустим, я согласен подписать обычный контракт. Как будет произведена оплата?

— Половина суммы выплачивается вперед всем членам отряда.

— Годится.

Стэн оставался невозмутим.

— Где будет произведен полный расчет?

— На Прайме.

— На столичной планете? А империя?

— Я наводил справки. Они даже не знают, где находится Волчье созвездие. Никого не интересует частная война. У империи нет контактов с созвездием. Поверьте мне, я лично в этом убедился.

Восбер стал немного дружелюбнее.

— Когда вы выплатите нам жалованье? Когда этот Ингильд будет распят?

— Когда работа будет закончена.

— Мы еще вернемся к этому разговору, так ведь? Может быть... может быть, полковник держит в голове какие-нибудь планы, отвечающие его личным интересам? Может быть, когда дженны станут историей, возникнет другая цель?

Стэн молча приложился к кружке.

— Забытое созвездие,— задумчиво произнес Восбер.— Антикварная армия и религия, которую никто не принимал всерьез. За всем этим что-то наверняка кроется.

Майор осушил свою кружку, встал и протянул Стэну руку. Стэн тоже поднялся.

— Мы подпишем контракт, полковник.

Стэн пожал протянутую ему руку. Вдруг Восбер, польщенный вниманием к своей особе, вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь. Стэн ответил ему тем же.

— Сержант Килгур выдаст вам аванс. Вы и ваша команда подберете себе все необходимое личное оружие и снаряжение. Будьте готовы к отправке не позднее чем через десять дней, начиная с сегодняшнего числа.

Глава 14

Стэн опустил бинокль и повернулся лицом к Алексу. Вид у него был озадаченный.

— Если эта майор Ффиллипс — порядочная стерва и плутовка, как ты выражаешься, то как ей, черт возьми, удалось так долго продержаться на этом месте?

— Это для меня великая загадка,— сказал Алекс, задумчиво скребя подбородок.

Стэн зевнул.

— Ты считаешь, что эти танки, находящиеся внизу,— сборщики налогов?

— Ага.

У подножия холма, на котором они лежали, расстилалась широкая пыльная долина. В одном месте долина сужалась и переходила в каньон около двадцати метров шириной.

В долине располагались десять или пятнадцать дюжин боевых машин пехоты, оснащенных надежно замаскированными лазерными и ракетными установками, и оборудованные боевые позиции пехотинцев, обнесенные периметром сложной электронной системы защиты.

— Система сборов налогов на Хокторне,— продолжал Алекс,— штука весьма сложная. Только то правительство может ее обеспечить, у которого достаточно огневой мощи.

— Значит, когда временный правитель запрашивает кредитки, Ффиллипс советует ему засунуть налоговый счет туда, где лазер не светится?

— Беда крошки-майора — ее близорукая бережливость,— согласился Алекс.

— Итак, все, что нам нужно,— пробраться через периметр, проникнуть в каньон, убедить Ффиллипс в том, что мы можем оторвать ей хвост и захватить объект?

Алекс зевнул.

— Ага, лакомый кусочек.

Стэн вынул из кармана маскировочную краску для лица, пожалев в эту минуту, что не захватил с собой два комплекта фототропной камуфляжной формы.

— Что Ффиллипс не знает, а нам известно,— намекнул Алекс,— так это то, что две недели назад саперы профильтровали ее поганый периметр, к чертям собачьим. А вчера выкачали до дна все артезианские колодцы.

Стэн подозрительно посмотрел на мускулистого бычка из Эдинбурга, и ему, возможно в десятитысячный раз, показалось, что Алекс скрывает все свои умственные способности до последней минуты.

Стэн крался бесшумно, словно тень. На нем был плотно облегающий фигуру черный комбинезон, лицо покрывал густой слой темной краски. Следом за ним беззвучно скользил Алекс. Впереди находился электронный периметр.

Стэн и Алекс проскочили мимо оборудованных боевых позиций с легкостью. По традиции солдаты-пехотинцы свято чтят домашний уют, а это значит, что с наступлением ночи они уделяют вопросам безопасности минимум внимания, надеясь на электронную систему защиты. Стараясь «все петли надеть на одну пуговицу», они включают внутреннее освещение и храпят — аж стенки дрожат.

Прошмыгнув мимо орудийных платформ, Стэн с Алексом пошли в открытую, как будто являлись служащими подразделения, занимающегося сбором налогов.

Миновать левый пост оказалось тоже не проблемой. Два солдата, находившиеся позади войскового орудия, смотрели прямо перед собой, наивно полагая, что нет необходимости приглядывать за тылом.

Проблема заключалась в электронной системе. Стэн распластался на земле, ища глазами реле. Вытянув вперед руку, он закрыл глаза и нащупал переключатель пальцами. «Чтоб меня черти взяли! Эта штука такая древняя, что в ней наверняка есть транзистор!»

Алекс передал Стэну улавливатель. Стэн поднес его к реле, и в коробке раздалось два коротких щелчка. Пластинка улавливателя, которой Стэн дотронулся до реле, потеплела, а это означало, что сигналы *«О'кей о'кей о'кей никакого вторжения»* будут поступать даже в том случае, если здесь пройдет рота солдат. Двое мужчин поползли дальше.

Стэн и Алекс находились в каких-нибудь пятнадцати метрах от нужной позиции, как вдруг ночное небо озарилось яркой вспышкой.

«Спокойно... спокойно... уткнись лицом вниз... в пыль... жди... и надейся, что два этих вояки, сидящих в орудийной яме, не наставят дула своих автоматов тебе в спину».

Луч прожектора погас, все вокруг снова погрузилось в кромешную темноту. Алекс со Стэном поползли дальше.

Вторая линия электронной системы была более сложной. Если бы им не требовалось возвращаться обратно ползком, проще простого было бы подложить в электросеть парочку «привидений», и тогда предупредительная граница периметра вдруг показала бы, что на территорию вторглись полчища захватчиков, включая орды Аттилы.

Вместо этого Стэн вынул из-за пояса маленький, но мощный движок и осторожно, делая паузы между поворотами, вынул контактную пластинку сенсора периметра. Улавливатель уже подсказал ему, что антизамыкающего устройства в периметре нет.

Стэн положил контактную пластинку на песок и продолжил ковыряться в приборе. Алекс вынул из походной сумки дохлого грызуна и передал его Стэну. Стэн сунул маленький трупик носом в сенсор. Сенсор один раз засветился и потух. Тогда Стэн аккуратно согнул пополам контактную пластинку, чтобы создалось впечатление, будто грызун каким-то образом проник вовнутрь периметра. После этого снова вставил пластинку в коробку, и устройство стало выглядеть так же, как прежде.

Когда друзья ползли обратно, мимо отключенной электронной линии, Алекс вдруг схватил Стэна за лодыжку, проскользнул мимо него и вывел из строя вторую, самостоятельную кольцевую систему сигнала тревоги.

Затем он прочесал улавливателем зону, находящуюся перед этой системой. В довершение ко всему Алекс вынул из своей походной сумки маленькую пластиковую чашку и водрузил ее на улавливатель.

Стэн изумленно посмотрел на товарища. Алекс зевнул с деланой беззаботностью и махнул Стэну рукой, подзывая к себе.

— Согласен с вами, майор,— мягко сказал Стэн.— Вы и ваши солдаты — ценная находка. До сих пор мне не представлялось возможности работать с людьми из группы коммандос. Хотелось бы увидеть их в деле.

Ффиллипс была женщиной средних лет, невысокого роста, с прекрасной военной выправкой. Форма сидела на ней идеально, серебристые волосы были гладко зачесаны назад. Пронзительный взгляд холодных глаз Ффиллипс потеплел, когда она в хвастливой манере начала рассказывать о своих солдатах.

— Я сама их выдрессировала. Выбрала из планетарных войск самых лучших, подняла их боевой дух, научила следить за своим внешним видом, как и подобает настоящим бойцам. И, говоря откровенно, без ложной скромности, они действительно чертовски хороши. Смею вас заверить, я отношусь к ним как к собственным детям.

Стэн отметил, что подчиненные Ффиллипс и вправду производили хорошее впечатление, несмотря на то что ему с Алексом удалось проникнуть в каньон и прочесать лагерь беспрепятственно.

Некоторая самоуверенность Стэна основывалась на твердом убеждении, что никакой другой солдат, кроме как из отряда богомолов, не мог быть незамеченным до тех пор, пока его противник не почувствует холод стального клинка между третьим и четвертым ребром. И похоже, он был прав.

Из каньона открывался вид на широкую, зеленую, окруженную высокими скалами долину. Стены этих скал были испещрены множеством пещер, издали казавшихся черными точками. В самой долине, по всей вероятности, находилось не меньше полудюжины естественных артезианских колодцев.

Воинское подразделение Ффиллипс было разбито на небольшие отряды, каждый из которых состоял из трех человек — мужчин или женщин. Каньон окружали оборонительные позиции, а на высоких скалах, вероятно, находились посты противовоздушной обороны.

Долина погрузилась в ночную мглу. Темнотой были объяты и боевые позиции, и пещера, в которой находилась штаб-квартира Ффиллипс. Электроэнергию здесь экономили.

Поскольку ни машина, ни человек не могли пройти через узкий каньон, наемникам Ффиллипс удавалось удерживать свои позиции.

При тусклом свете ручки-фонарика Ффиллипс дочитала контракт до конца и покачала головой.

— Думаю, нет, полковник. Откровенно говоря, при всем уважении к вам я не могу предложить своим молодым мужчинам и женщинам столь низкооплачиваемую работу.

Стэн пожал плечами и обвел взглядом пещеру. Увидев камень размером с кулак, он поднял его, подошел к ближайшему колодцу и бросил в темную бездну.

Все присутствующие услышали эхо, когда камень с глухим стуком ударился о сухое дно. Стэн отошел от колодца и сел напротив Ффиллипс. Алекс делал вид, что с большим интересом рассматривает одну из скал каньона. На самом деле он едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

В конце концов серебристоволосая женщина с явным облегчением сказала:

— Повысьте нас в звании и дайте три дня на переподготовку.

Стэн улыбнулся.

Поначалу Стэн думал, что наемники работают либо ради денег, либо ради любимых (внушающих страх) лидеров, либо, возможно, даже ради каких-то идеалов. Ха-ха-ха. Уж по крайней мере ни одной из последних двух причин сборщики налогов точно не руководствовались.

Притаившись с Алексом в зарослях кустарника, росшего за штаб-квартирой, Стэн пришел к следующему умозаключению: независимо от того, в какой высокий чин произведут сборщика налогов, он так и останется ленивым, изнеженным, небрежно относящимся к своим обязанностям.

В структуре, на первый взгляд казавшейся хорошо отлаженной, было много показухи и недочетов. Пять треков, которым следовало находиться на линии, стояли полукругом возле штаб-квартиры. В распоряжении отряда, состоящего при командовании, было три оснащенных компьютерами трека, два легких компьютеризированных транспортера, один полутрек со специальным монитором и один базовый трек, являющийся одновременно жилищем командира отряда.

Рампы, находящиеся с тыльной стороны треков, слабо мерцали, освещая тусклым светом маленький лагерь.

Поскольку все солдаты, охранявшие периметр, занимали свои позиции в освещенном кругу, Стэн был уверен, что ночью они не увидят ни зги.

Стэн пихнул вытянутую ногу Алекса.

— Пора брать дворец, сержант.

Алекс вскочил, и они оба бесшумной кошачьей походкой направились к штаб-квартире. Стэн находился в каких-нибудь двух метрах от первого охранника, когда тот остановил его. Скинув с плеча гранатомет, караульный направил дуло прямо в грудь Стэна.

— Стой! Кто идет? — угрожающе выкрикнул он.

Стэн ничего не ответил. В тот момент, когда охранник уже готов был нажать на спусковой крючок, до него вдруг дошло, что рядом находится не один, а два человека. Алекс, подкравшийся незаметно, отвлек на себя внимание охранника.

Шлепнув караульного по заднице, Стэн заехал ему кулаком в челюсть. Голова часового откинулась назад. Вероятно, он уже был мертв, но Стэн, отступив на шаг, нанес ему еще один сокрушительный удар в область гортани. Подхватив тело охранника, Стэн осторожно положил его на землю.

После этого Стэн и Алекс побежали вперед. Алекс подкатил гранату под монитор полутрека, бросился на землю, когда раздался оглушительный взрыв и объятый пламенем часовой заметался по лагерю, и снова вскочил на ноги, услышав пронзительные вопли, раздававшиеся с одного из компьютерных транспортеров.

Увидев Алекса, подающий сигнал тревоги охранник поспешил закрыть дверь. Но Алекс успел ухватиться пальцами за косяк, когда дверь уже почти захлопнулась, и изо всех сил напряг свои стальные мускулы. Дверь соскочила с петель и отлетела в сторону. Один из техников, находившихся внутри, схватился за пистолет. Алекс одной рукой метнул в его грудь консоль. Сраженный наповал, техник растянулся на полу, кровь брызнула из глубокой раны и растеклась по главному компьютеру.

Алекс отряхнул пыль с колен и огляделся по сторонам, раздумывая, что бы ему разрушить. В штаб-квартире царил хаос: палили, казалось, из всех орудий, но только не по цели.

Поскольку паника распространялась, линейные посты рассекретились. Алекс задумался, по кому это они с таким остервенением стреляют, и пошел посмотреть, не нужна ли Стэну помощь.

Стэн в помощи не нуждался. Алекс вошел в базовый трек, предупреждая о своем появлении:

— Это я, крошка Алекс-пацифист.

Стэн улыбнулся и вышел из укрытия, вытирая окровавленный нож. Оказавшись на открытой площадке, Стэн и Алекс сами поразились, сколько шуму они наделали взрывами и пиротехникой.

— Пойдем-ка, парень. Эти клоуны будут бегать как ошпаренные всю ночь. Я так полагаю, пора выпить пивка.

И так же бесшумно, как пришли, они исчезли в ночной темноте.

— Я просто не мог отказать бедолаге,— виновато произнес Алекс.

— Пригото-о-вить оружие!

Существа в грязных лохмотьях, образующие некое подобие воинского формирования, подняли вверх оружие — по крайней мере те, кто его имел.

— Ох,— вздохнул Алекс,— нет слов.

— У тебя чувства юмора еще меньше, чем у Махони,— сказал Стэн.

— Оружие к осмотру!

Сбившись в кучу, обнадеженные наемники защелкали затворами ружей и автоматов. Молодой человек в синем мундире с капитанскими погонами и в брюках цвета хаки отдал честь.

— Отряд к осмотру оружия готов! — отчеканил он.

Стэн вздохнул, подошел к ряду вновь выстроившихся оборванцев и остановился перед первым из них, протянув руку к его оружию. Наемника била мелкая дрожь, он крепко вцепился в карабин.

— Ты должен отдавать его мне по первому требованию,— объяснил Стэн.

Солдат протянул карабин. Стэн провел мизинцем по внутренней стенке патронника — на пальце остался черный налет. Стэн вытер его, скептически посмотрел на проржавевший ствол, отдал карабин хозяину и подошел к следующему солдату.

Инспектирование продолжалось чуть больше минуты, после чего Стэн вернулся к капитану.

— Спасибо, капитан. Можете смело уволить всех своих людей.

Капитан открыл рот, испуганно глядя на Стэна.

— Но, уф... полковник...

— Капитан, ваши люди не обучены, неопытны, не готовы к сражению. Их оружие, если этот металлолом можно так назвать, годится для забивания гвоздей, но никак не для ведения боевых действий. Да если бы я завербовал ваш отряд, я был бы...

— Все равно что послать крошечного ягненка на кровавую бойню,— вставил Алекс.

— Простите, капитан, разговор окончен,— сказал Стэн и стал удаляться.

Молодой офицер догнал Стэна, начал лепетать что-то невразумительное, снова и снова пытаясь переубедить его.

— Полковник,— сказал наконец он.— Сэр, мы... моему отряду... просто необходимо получить задание. Мы все с одной планеты, выросли в одном районе. Мы потратили все свои сбережения, чтобы добраться до Хокторна, и пробыли здесь вот уже пять лунных фаз, а поэтому мы...— Вдруг капитан понял, что все его доводы звучат очень неубедительно, и, чтобы не повторяться, замолчал.— Спасибо, полковник, что уделили нам внимание,— пробормотал он.

— Подождите, капитан.— Стэну пришла в голову мысль.— Вы и ваши люди находитесь в стесненных обстоятельствах, да? Если смотреть правде в глаза, вас никто не завербует?

Капитан с облегчением кивнул головой.

— Я тоже не могу вас завербовать, но в городе находится человек, который будет рад встрече с вами и вашими людьми.

В глазах капитана заблестел лучик надежды.

— Это старый сержант. Вы найдете его в Центре вербовки имперской гвардии. Желаю удачи...

Стэн не сразу обратил внимание на парня, сидящего напротив него за грязным столом и пожирающего глазами Алекса.

— Еще одна неудачная шутка, сержант?

— Нет, сэр. Понятия не имею, откуда взялся этот сопляк.

На вид парню было около девятнадцати, он был ростом со Стэна, а весил, по всей вероятности, не более пятидесяти килограммов. Даже при дневном свете Стэн заметил, как блестят специальные оптические линзы, вставленные в его глаза.

— Как, ты тоже хочешь записаться?

— Естественно,— доверительно сказал парень.— Между прочим, меня зовут Иган. Я говорю от имени двенадцати коллег.

— Коллег? — удивился Стэн.

— Разумеется. Мы хотим записаться в ваш отряд. Мы ознакомились с контрактом и принимаем его условия.

Стэн выругался про себя. День слишком затянулся.

— Если вы внимательно прочли мое объявление, то должны были заметить, что...

— Как я понял, вам нужны бесстрашные и выносливые убийцы с кинжалами в зубах.

— Тогда почему...

Парень снова прервал Стэна:

— Потому что вам не выиграть войну без мозгов.

— Полагаю,— произнес Стэн,— что какие-никакие, но мозги у нас имеются.

— У вас, простых солдат? — Иган искренне удивился.— Вам необходимо делать анализ сражения. Вам нужны проекты. Вам нужен кто-то, кто провел бы логическое программирование, кто-то, кто может импровизировать с любой ECM-системой, которые, кстати, вам потребуются. Вам нужно... Простите, полковник, если мои слова показались вам заносчивыми. Но мы действительно нужны вам.

— Вы и ваши друзья... подозреваю, что они похожи на вас? — Стэн попробовал выразиться в более вежливой форме.— Прежде всего, как я могу убедиться, что вы на самом деле такой великий мыслитель, каким себя представляете? Почему я должен верить вам на слово?

— Возможно, потому, что я знаю ваш счет в банке Прайм-Уорлда. 000-14-765-666, код счета «ПИТОН», ваш текущий баланс до сегодняшнего дня — 72 654 080 кредиток.

Наступила мертвая тишина. Стэн изумленно вытаращился на парня, решив, что пора рассмеяться.

— Разрази меня гром! — воскликнул он.— Как ты это узнал? У нас система закрытых, зашифрованных счетов.

— Теперь поняли, почему мы вам так необходимы, полковник?

Стэн ответил не сразу. «Ох, Махони! Какого дьявола ты дал мне это задание? Откуда мне знать, что за люди нужны для ведения част-

ной войны? Все, чем я занимался до сих пор, было жалким ребячеством, не идущим ни в какое сравнение с этой головоломкой! Как бы мне хотелось оказаться сейчас дома, с Бэт и тиграми, заниматься простым делом вроде ликвидации какого-нибудь диктатора»,— пронеслось у него в голове.

Стэн начал издалека:

— Иган, у меня к тебе есть один вопрос. Кто ты и твои друзья?

— Мы... до настоящего времени мы были студентами лицея.

— Какого?

Иган замялся, а затем выдавил:

— На Прайм-Уорлде.

Стэн и Алекс были поражены. Даже простым солдатам известно, что для учебы в имперском лицее отбирают способнейших из способных.

— Так что же в таком случае вы делаете здесь?

Иган обвел настороженным взглядом заполненное людьми помещение, убеждаясь, что никто не прислушивается к их разговору.

— Как-то ночью мы экспериментировали. Я соорудил один приборчик... немного похожий на тот, каким вы пользуетесь, чтобы влезть в компьютер.

— Надо же, умники,— сказал Алекс.

— Вообще-то задумка была неплохой, но каким-то образом мы невольно подсоединились к компьютеру имперской разведки...

Соблюдая осторожность и пытаясь выглядеть невозмутимым, Стэн поднял вверх руку, призывая Игана к молчанию. Лицеист заткнулся. Стэн подал знак Алексу, друзья молча встали и отошли в дальний конец помещения, автоматически проверяя, нет ли поблизости подслушивающих устройств.

— Ты понимаешь, что сотворил этот юный поганец? Влез со своими мальчишками в картотеку Махони! — Алекс хихикнул.

— Что ты думаешь о нашем доблестном полковнике Махони в данную минуту?

— Лучше бы он послал нас на дьявольскую планету дракхов. В данную минуту я не очень хорошо думаю о нашем боссе.

— Итак, берем этих ребят?

— Я бы выразился иначе: у нас просто нет другого выбора.

Отпечатанные на компьютере листы бумаги валялись по всей комнате.

Стэн запустил руку в отросшие волосы, размышляя над тем, как, должно быть, трудно приходится бедным генералам. Он даже представить себе не мог, какая громадная бумажная волокита предшествует команде: «К атаке!»

Алекс растянулся на кушетке, безмятежно просматривая разложенные веером листки доклада, а Иган сгорбился над клавиатурой компьютера. Набрав последние серии ключей, он выпрямился:

— Есть, полковник. Все единицы находятся в состоянии готовности.

— Умница,— похвалил Игана Алекс, отбрасывая логические выкладки в сторону и хватая рукой стоящую рядом бутылку.

— Его глупость Стэн слушает вас.— Стэн сделал вид, что Иган полностью завладел его вниманием, и в шутливой манере отдал честь.— Готов приступить к исполнению своих обязанностей, сэ-э-эр! В моем распоряжении находятся двести человек, которые...

— Двести один,— прогремел низкий бас из дальнего угла комнаты.

Алекс вскочил, выхватив пистолет, Стэн принял угрожающую позу.

Обладатель голоса тяжелой шаркающей походкой вышел вперед, на середину комнаты. Стэн никогда прежде не видел столь безобразного и страшного гуманоида.

Незнакомец вытянул обе руки вперед, на уровне талии, ладонями кверху — универсальный жест, обозначающий «я не вооружен». Стэн и Алекс немного успокоились.

— Кто ты, к дракху, такой?

Человек сгорбился и, опустив голову, стыдливо посмотрел на них с высоты своего почти трехметрового роста.

— Меня зовут Киршейн,— представился он.— Я хочу присоединиться к вам.

Стэн расслабился и взял бутылку.

— Вербовка закончена вчера. Почему вы не появились раньше?

— Не мог.

— Почему?

— Сидел в тюрьме.

— С этим никаких проблем,— сказал Алекс, пытаясь проявить дружелюбие.— Мы все там побывали. Даже моя матушка.

— Но наверняка не с шайкой воров,— сказал Киршейн.— А поручиться за меня было некому.

— Если ты сам по себе, тогда что ты делаешь на Хокторне?

— Ищу работу.

— У тебя есть какой-нибудь опыт? — спросил Стэн.

— Думаю, да,— ответил великан.— У меня есть вот это.

Он сунул здоровенную лапу в походную сумку, вытащил из нее потрепанную, лоснящуюся персональную карточку и неохотно протянул Стэну.

Стэн ввел карточку в мобильный компьютер. Начиналась она со стандартных сведений, удостоверяющих личность уволенного охранника:

Документ выдан на имя КИРШЕЙНА, УИЛЬЯМА.
Срок военной службы: 20 лет.
Звание: первый штурмовик охраны.

Военные школы: никаких.

Награды: никаких.

Краткая биография: 27 планетарных атак, первая волна. 12 вспомогательных экспедиций, 300 штурмов поддержки (ТАВ-Х1 — подробности). Представлен к следующим наградам: Галактический крест — четыре раза; Имперская медаль — восемь раз; орден созвездия Титан — шестнадцать раз.

Замечен в убийствах: один раз.

Понижался в звании: четырнадцать раз (ТАВ-Х2 — подробности).

Компьютер продолжал считывать сведения с карточки. Стэн посмотрел на великана с благоговейным страхом. «Этот Киршейн был четыре раза представлен к имперской высшей награде. И...»

— За что вас понижали в звании четырнадцать раз?

— Я не умею ладить с людьми.

— Почему?

— По правде говоря, не знаю. В общем-то, они мне нравятся... поначалу. Но потом... потом они начинают такое вытворять... такие вещи... которые не кажутся мне хорошими. Не могу смириться.

«У меня и так забот полон рот»,— подумал Стэн, вынимая из компьютера персональную карточку.

— Киршейн, если бы наш отряд не был полностью укомплектован...

— Прошу прощения, полковник, не могли бы вы подождать? — вмешался Алекс.

Стэн удивленно посмотрел на товарища. Алекс медленно обошел вокруг странного создания.

— Мне знакомы такие, как ты. Ты из тех, кто знает, что правильно и неправильно, однако неверно оценивает ставки. Хочу убедиться, с кем имею дело.

Киршейн, наклонив голову набок, в недоумении уставился на приземистого сержанта.

— Предлагаю небольшую игру,— загадочно произнес Алекс.— Знаешь кулачный бой?

— Я знаю такую игру, маленький человек. Ты хочешь сразиться со мной?

— Ага,— ответил Алекс.

— Начинай ты первый.

— Нет, парень, ты,— сказал Алекс, и на его широком лице засветилась улыбка.— Покажи свой лучший удар.

Киршейн налетел на Алекса без всякого предупреждения, его кулак со свистом разрезал воздух и угодил в ребра. Удар был сильнейшим. Алекс отлетел на кушетку, которая тут же разлетелась на мелкие кусочки, ударился о стену и с минуту находился в лежачем положении.

С трудом поднявшись, Алекс подошел к Киршейну.

— Ага, неплохой удар, парень. Что ж, возвращаю. Нужно соблюдать закон спортивной чести. Теперь получи за свой долбаный удар, как у проклятого Кэмпбелла. Моя очередь бить. Но раз мы тебя берем в солдаты, предупреждаю: бью в центр груди. Слегка, потому что не хочу калечить.

Судя по тону и усилившемуся шотландскому акценту, Алекс здорово разозлился. Стэн в какой-то мере чувствовал свою вину в том, что произошло. Ему следовало остановить товарища. Непонятно почему, но он проникался к великану все большей симпатией.

Киршейн подбоченился, готовясь отразить удар. Однако вместо того, чтобы послать ответный удар, Алекс не торопясь подошел к Киршейну, схватил его — одной рукой! — и поднял над головой. А затем, как бы невзначай, отбросил в сторону.

Двухсоткилограммовый великан пролетел по воздуху через все помещение, словно законов гравитации не существовало вовсе. Ударившись о стену на высоте двух метров от пола, Киршейн вылетел через проломленное им отверстие в коридор. Обломки стены посыпались на голову гиганта, распластавшегося на полу коридора. Алекс подбежал к полубесчувственному кандидату и, склонившись над его ухом, прошептал:

— Ну как, крошка? Полагаю, работу ты себе нашел. Но больше не играй в эти игры.

Киршейн с трудом поднялся на ноги.

— Нет, сэр.

— Я не сэр. Я просто сержант. Стэн — вот кто сэр.

— Простите, сержант.

— Не стоит извиняться, парень,— снисходительно сказал Алекс.— Теперь ступай. Я хочу, чтобы ты вернулся сюда через десять часов, чистый и готовый к отлету.

— Есть, сэр!

Киршейн отдал честь и вышел. Стэн и Иган все еще стояли с разинутыми ртами, когда Алекс произнес:

— Теперь у нас двести один солдат, полковник Стэн.— Сержант подошел к консоли, сгреб лапой бутылку Стэна и осушил ее до дна.— Черт побери! Вот так чуть не погиб ради святого дела!

Глава 15

«А ведь в молодости передо мной, как перед оператором-кибролатом, открывалось прекрасное будущее»,— с грустью подумал Стэн, печально глядя на свою сборную команду. Выстроившиеся на взлетной площадке перед космическим кораблем «Бхолдер» люди скорее напоминали пестрое сборище, готовое для карнавального шествия. «Ох, Махони, доберусь я до тебя!»

Здесь были солдаты Восбера — немытые, небритые, похоже, сильно пьяные, но хорошо вооруженные. Рядом стояли коммандос Ффиллипс, бросавшие на окружающих враждебные взгляды.

На взлетной площадке находились и лицеисты-зубрилки подросткового возраста во главе с Иганом.

«И за что мне только это наказание?» — думал Стэн. Рядом с «полковником» стояли Восбер, облаченный в незамысловатую коричневую форму, Ффиллипс в платье-униформе индивидуального покроя (поразительно похожей на мундир офицера-охранника), Алекс и Киршейн.

Киршейн, возомнив себя телохранителем Стэна, повесил на плечо то, что, по его мнению, являлось идеальным для этой цели оружием; можно было только предполагать, поскольку Киршейн никому не позволял осмотреть его, что это был крупнокалиберный автоматический гранатомет. Ни одному нормальному человеку не удалось бы выстрелить из него, не будучи поверженным мощной отдачей. Под силу ли Киршейну воспользоваться столь грозным оружием, оставалось загадкой.

«Чтоб тебе пусто было, Махони,— не переставал сокрушаться Стэн.— Но дело есть дело».

— Отряд...

— Отряд... Отряд...

Возгласы наемников подхватил ветер, гулявший по взлетному полю.

— Командиры подразделений! Всем — на борт! Мы отправляемся на войну!

Под аккомпанемент завывающего ветра по взлетному полю прокатилась барабанная дробь топота солдатских ботинок. А затем — тишина.

Стэн с Алексом понимающе переглянулись. Они оба прекрасно знали, почему выбрали именно эту профессию. Итак, без торжественного сопровождения оркестра, без горнов и знамен, они отправились на войну...

Книга третья

Блеск штыка

Глава 16

Цитадель дженнов стояла на плато высокой, покрытой снегом и льдом, абсолютно вертикальной с трех сторон горы. Лишь с четвертой стороны к ее вершине вела извилистая, как змея, дорога, прорубленная специальными машинами в твердой горной породе. Через каждые десять метров на дороге стояли посты. Часть из них охранялась солдатами, часть — электронными приборами.

Цитадель была не только теологическим центром воинов, входивших в касту приверженцев веры Таламейна, но и учебным полигоном кадетов-дженнов. Именно с Цитадели Стэн и решил начать военный поход.

Крепость находилась на не особенно гостеприимной планете, причем почти в самой крайней точке северного континента.

С первого взгляда становилось ясно, что здесь правят бал монашеское посвящение, аскетизм и вера в загробную жизнь — то есть все те слагаемые, из которых состояло учение дженнов.

Стэну и его наемникам не составило особого труда добраться до заветной скалы, используя способности и взрывные устройства бхоров. Сейчас они, притаившись, залегли у подножия вертикального обрыва, самого крутого из трех. Стэн выбрал это место после тщательно проведенной рекогносцировки, сочтя, что самый трудный подход и охраняется хуже всего.

Высоко над головой Стэна, на горном плато, стояла мощная крепость, сильно напоминающая черного цефалопода с закругленным горбом на спине и растопыренными щупальцами — четырьмя продолговатыми бараками, в которых располагались кельи кадетов-дженнов.

В окнах бараков горел свет, казавшийся красным на фоне белого снега. В верхушке «горба» — массивного здания, где находились храм, спортзал, арена и административные офисы,— были установ-

лены «дышащие» мембраны, реагирующие на колебание атмосферного давления и изменение погодных условий. Благодаря этим мембранам в Цитадели поддерживался постоянный микроклимат.

Даже лежа у подножия скалы, Стэн мог разглядеть одну из этих пульсирующих мембран, сквозь которую струился желто-красный свет. С трудом удавалось избавиться от неприятного ощущения, что Цитадель была живым, мыслящим существом: животным, которое один из наемников метко назвал спрутом.

Стэн услышал хруст снега у себя за спиной и в следующее мгновение увидел рядом Алекса. Снова послышался хруст. На сей раз появился вездесущий Киршейн, скользящий по снегу ступнями-лыжами.

Стэн хлопнул Алекса по плечу, передал ему очки для ночного видения и развернулся, чтобы проверить, все ли в порядке у наемников, расположившихся на бугристом холме немного ниже.

Двести мужчин и женщин, одетых в теплую белую спецодежду, уютно устроились в глубоких снежных сугробах. Наметанный глаз мог бы уловить некоторое шевеление то в одном месте, то в другом, но только если знать, куда смотреть. Белыми были не одни лишь костюмы солдат, но и их оружие и лица.

Алекс снял очки и взглянул на Стэна округлившимися невидящими глазами, с непривычки плохо адаптировавшимися к специальным контактным линзам.

Стэн улыбнулся при виде глуповатого выражения лица сержанта, которого можно было брать в этот момент голыми руками. Зрение вернулось к Килгуру, и от удивления на его белом и круглом, как снежок, лице поднялась левая бровь. Стэн тут же перестал улыбаться, чтобы не обидеть товарища. Ему показалось, что в данных обстоятельствах Алекс вряд ли оценит шутку.

А обстоятельства были следующими: Цитадель, в профиль похожая на спрута, обвившего щупальцами вершину крутой горы, казалась совершенно неприступной. Белым одеялом из льда и снега были укутаны лишь хрупкие и шаткие камни. Однако Стэна волновал не крошащийся камень — с этим препятствием еще можно было как-нибудь справиться. Больше его беспокоили острые как бритвы десятиметровые глыбы льда.

Алекс еще раз посмотрел на километровой высоты скалу.

— Ох, не нравится мне это,— прошептал тяжеловес.— Тут и сорваться не трудно.

Стэн мрачно хмыкнул, а сержант тихим голосом передал по переговорному устройству приказание Восберу и Ффиллипс явиться на совещание.

Командиры подразделений осторожно выбрались из сугробов и подползли к полковнику. Стэн проинструктировал их в последний раз. Ему понравилось, что оба профессионала даже глазом не моргнули, получив приказ о тяжелом восхождении. Правда, Ффиллипс

заикнулась о дополнительной оплате, но Стэн оборвал ее на полуслове:

— Нужно ударить по самому уязвимому месту. Главная цель — часовня. Атакуем ее и уничтожаем. Ффиллипс, ваша группа берет на себя храм. Восбер — бараки; сейчас они должны быть пусты. Взорвите их, к чертовой бабушке, чтобы отвлечь внимание дженнов. Если встретите на своем пути офицера из преподавательского состава — убейте.— Стэн сделал паузу, подчеркивая значимость последних слов.— Но кадетов без надобности не трогайте.

Восбер брякнул что-то насчет того, что змееныши вырастают и превращаются в...

— Они — дети,— напомнил Стэн.— И когда война закончится, я предпочел бы иметь дело с дипломатами, а не с разгневанными родителями кадетов, их братьями и сестрами, обуреваемыми жаждой мести.

Восбер и Ффиллипс, высоко профессиональные военные специалисты, вспомнив о войнах, в которых они одержали победу, и о тех, в которых потерпели поражение, согласились с доводами Стэна.

Кадетов, за исключением некоторых, самых рьяных таламейновцев, нельзя было считать достойными противниками.

Стэн услышал, как кто-то переминался с ноги на ногу у него за спиной.

Ну конечно же, это был Киршейн. В руках великан держал сумку Стэна со снаряжением для восхождения. Стэн вздохнул.

— Ладно, можешь идти со мной.

И все-таки ему стало легче на душе, когда он подполз к подножию отвесной скалы.

Глава 17

Это был храм горящих факелов. Высокие золотые подставки отбрасывали длинные тени. Эхо подхватывало голоса юных дженнов, нараспев восхвалявших славные военные подвиги минувших поколений. Торжественная процессия из тысячи кадетов медленно продвигалась через храм. На мальчишках была черная форма с белой окантовкой.

Во главе процессии шел цветущий охранник, несший в руках две тяжелые золотые статуи. Одна из них изображала Таламейна, другая — Ингильда, человека, которого дженны называли истинным пророком. Матиас и его отец назвали бы его какими угодно другими словами, но только не этими. Истинного, а тем более пророка, среди дженнов не было.

Торжественное шествие посвящалось памяти «Невинных жертв», коими являлись воины отряда Семмера. В историю Волчьего созвездия это событие вошло как акт мести небольшой шайки дженнов. Они напали на одну из маленьких лун Санктуса, народ которой в бу-

дущем мог оказать большое влияние на ход политических событий, и перерезали всех ее жителей. Схваченные, дженны стали с ужасом ждать неизбежного наказания на Санктусе. После вынесения приговора в живых не осталось ни одного головореза. Этой позорной, кровавой страницей истории дженны страшно гордились.

Процессия медленно продвигалась по храму мимо огромных статуй воинов и флагов множества покоренных и уничтоженных ими планет. Массивные металлические двери закрылись за последним рядом покинувших храм мужчин. Кадеты медленно промаршировали по коридору, такому просторному, что даже в самые жаркие летние месяцы стены его оставались сырыми и холодными, впрочем, как и стены не менее громадной столовой.

Войдя в столовую, цветущий охранник чеканным шагом подошел к главному пределу, где находились широченная сцена и подиум, за которым стояли в ожидании почетные гости в черной форме и преподаватели военной школы. Кадеты замахали черно-белыми лентами и стали расходиться по пределу, уставленному обеденными столами, накрытыми на тысячу персон. Этим юношам вскоре предстояло вступить в армию дженнов.

Когда румяный охранник подошел к сцене, генерал Кхореа и преподавательский состав в количестве ста человек встали. За их спинами с потолка со свистом опустилось знамя черного цвета с вышитым золотым факелом. Знамя было шириной в двадцать метров.

Генерал Кхореа поднял руку:

— Сикбет!

Цветущий охранник отвесил глубокий поклон, развернулся, торжественно промаршировал обратно в часовню, поставил на место статуи и тихо вернулся в зал, чтобы отпраздновать столь знаменательное событие.

Генерал Суитан Кхореа презирал показуху. Кроме вышитых серебром погон и небольшого серебряного сердца на левом рукаве, на его мундире не было никаких знаков отличия, подтверждающих, что он является главнокомандующим армии дженнисаров. В своих молитвах он часто нараспев восхвалял имя Таламейна: «О, человек, смири гордыню, но преклонись перед славой Таламейна, ибо только она не может быть осмеяна».

Кхореа был твердо убежден в том, что даже в условиях жестокой теократической диктатуры самый последний крестьянин может подняться на вершину власти. По его мнению, все, что для этого требовалось,— обладать определенными способностями. В случае самого Кхореа этими способностями были беззаветная преданность идеалам веры Таламейна; физическая выносливость; постоянные сомнения в собственной безопасности; полная беспринципность и жестокость. Первое повышение по службе и звание младшего офицера он получил после некоторого случая. Корабль дженнов остановил малень-

кое судно. Возможно, это был заблудившийся торговый корабль, но, скорее всего, его экипаж занимался контрабандой.

Начальник Кхореа намеревался убить всех находившихся на борту судна, чтобы преподать подчиненным наглядный урок. Но до того, как он успел отдать приказ, учебное подразделение Кхореа перерезало весь экипаж, а затем во избежание наказания за мародерство взорвало злосчастную посудину.

Фанатизм вроде этого всегда поощрялся у дженнов. Началось стремительное восхождение Кхореа по служебной лестнице: с незначительной должности младшего офицера его перевели в начальники сторожевой заставы, находящейся в непосредственной близости от «границы», за которой простирались звездные владения Ингильда. Вероятно, такое повышение было обусловлено надеждой, что Кхореа станет легендой, лучше всего — посмертно.

Но, как говорится, дуракам всегда везет. Несмотря на многочисленные попытки дженновских врагов убить Кхореа, он выжил, хотя тело его было сплошь покрыто шрамами, будто старательная модистка тренировалась на его шкуре вышивать ажурной строчкой.

Поднимаясь по служебной лестнице, Кхореа сколотил отряд из молодых офицеров, таких же фанатичных и честолюбивых, как и он сам. Как-то раз, вечером, Кхореа пришел к бывшему генералу дженнов, и тот признался ему, что пытается побороть в себе страсть, которой он воспылал к собственному ординарцу. Не дав генералу закончить речь до конца, Кхореа проткнул его грудь саблей.

Представ после этого инцидента перед военно-полевым судом, Кхореа вел себя совершенно хладнокровно, завоевав тем самым большую симпатию со стороны офицеров, сидящих в зале суда. Кхореа могли либо наказать, что возвело бы его в ранг великомученика в глазах окружающих, либо благословить и... «И разве есть более достойная кандидатура на пост главнокомандующего армией дженнисаров?»

Ответ был однозначным. Кхореа вернулся в зал суда не только для того, чтобы найти свою саблю, обращенную эфесом к нему (наконечник означал бы смертную казнь), но и для получения генеральских погон.

Священник елейным голосом заканчивал традиционное чтение поминальной молитвы по «невинноубиенным» воинам Семмера, чьи подвиги записаны в Книге Мертвых. Кадеты слушали его, затаив дыхание. Наконец священник закончил обряд и захлопнул старинную книгу в черном кожаном переплете. В зале воцарилась полная тишина.

Кхореа сделал шаг вперед и высоко поднял вверх золотую чашу. Тысяча кадетов, как один, подошли к столам и взяли в руки точно такие же чаши.

— За мужественного Семмера! — громким голосом произнес тост генерал.

— За невинно убиенных! — грянул в ответ хор кадетов.

Жидкость в чашах загорелась, словно зажглось множество маленьких факелов. Кхореа, а за ним и кадеты влили в свои глотки пылающий алкогольный напиток.

Стэн откинул голову назад, глядя на отвесную ледяную скалу, возвышавшуюся, словно мощная крепостная стена. Восхождение по ней было настоящим безумием, но начинать нападение на дженнов следовало с самого уязвимого места.

Взглянув на Алекса, Стэн пожал плечами, словно хотел сказать: «Я и не надеялся, что будет легко». Алекс подставил руку. Стэн встал на нее, и тяжеловес поднял своего командира. Свободной рукой Стэн нащупал трещину во льду, вбил в нее первый костыль, поставил на него одну ногу, зацепился за небольшой выступ шипами ботинка другой ноги и начал восхождение.

«Самое главное,— напомнил он себе,— не сбиться с ритма. Быстрый или медленный, подъем должен быть выдержан в одном темпе».

Несмотря на опыт прошлых столетий, в теории и практике скалолазания мало что появилось нового. Для этого занятия требовались крепкие руки, крепкие ноги и умение держать баланс, особенно на льду. Глаза Стэна уже искали следующую трещину, он должен был знать наперед, за что можно зацепиться и куда вбить новый костыль. Если утро застанет Стэна на скале и он не успеет спуститься, когда дженновские солдаты обнаружат его, то он может считать себя трупом.

Стэн добрался до первой отвратительной части подъема — участка, покрытого гладким и прозрачным, как стекло, льдом. Быстро осмотревшись в поисках трещины или выступа и не найдя таковых, он вынул «питон», направил его на глыбу льда и нажал на спусковой крючок. Послышался свист сжатого воздуха, когда из дула «питона» вылетел длинный костыль и прочно вонзился в ледяную скалу. Защелкнув карабин в кольце костыля, Стэн продел невероятно легкую, но прочную веревку и спустил ее через карабины, находящиеся на его поясе, Алексу.

Вбивать костыли и крепить веревку не нужно было бы так основательно, если бы ими не должны были воспользоваться еще двести три человека.

Стэн выстрелил из «питона» еще и еще раз, прокладывая путь наверх по отвесной скале. К тому времени, как Стэн прошел ледяной участок, он порядком устал, но все-таки продолжил восхождение, довольный тем, что сбросил огромное количество калорий перед высадкой на планету.

В длинной узкой трещине представилась возможность сделать короткую передышку, восстановить дыхание и успокоить дрожащие мускулы. И все же следовало постоянно быть начеку, не допускать,

чтобы на ноги приходилась тяжесть всего тела, помнить о том, что внизу находятся Алекс и Киршейн.

И вдруг это случилось. Как только Стэн нащупал пальцами следующую выемку и, изо всех сил напрягая мускулы, стал подтягиваться, хрупкий камень выскочил из-под шипованного ботинка. Стэн беспомощно взмахнул руками и стал падать... падать...

Когда карабин одного из «питонов» щелкнул и веревка перестала скользить, Стэн попытался расслабиться, чтобы смягчить удар. Его основательно тряхнуло, а затем костыль с треском вылетел, и падение продолжилось. Но следующий костыль, тонко зазвенев, выдержал. Стэн больно ударился о скалу. Повиснув в воздухе, он болтался и раскачивался довольно длительное время. Затем пришел в себя и, не обращая внимания на боль в мышцах, произвел быстрый осмотр всех частей своего тела. Переломов не было. Взглянув вниз, Стэн увидел перепуганное лицо Алекса, расплывшееся в улыбке сразу же, как только Стэн хмыкнул и поднял большой палец правой руки.

Ухватившись за веревку, Стэн посмотрел вверх, на неясно вырисовывающуюся вершину массивной скалы. Набрав в легкие побольше воздуха, он продолжил восхождение.

Подтянувшись на руках, Стэн перевалил через выступ и оказался на вершине скалы. Немного отдышавшись, он сжал кулаки и напряг мышцы плеч, чтобы затем полностью расслабиться и переключить внимание на главную проблему.

Впереди горбилось туловище гигантского «спрута», черневшее на ослепительно белом снегу. Цитадель была не просто зданием, выстроенным для определенной цели; это было живое существо, живущее по своим законам. Оно пожирало топливо, дышало, его громадное тело отталкивало холод и сохраняло тепло.

Главную функцию жизнеобеспечения «спрута» выполняли мембраны. Стэну необходимо было пробраться именно к ним.

Он внимательно обследовал плато, в центре которого на невысоком покатом холме стояла Цитадель. Дженны прекрасно понимали, что с этой стороны никакой враг на них напасть не может, но придерживались принципа «береженого бог бережет». На ровной поверхности заснеженного плато, в радиусе около ста метров от края скалы до первого здания, виднелись небольшие бугорки — сенсорные мины. Мощные лазерные установки неустанно сканировали территорию, улавливая малейшее движение.

Стэн лег на снег и пополз вперед, благодаря судьбу за то, что она послала ему Игана с его ребятами. Остановившись перед первой сенсорной миной, он открыл походную сумку, вынул из нее отвертку и маленькую металлическую коробочку, начиненную проводками и еще бог знает чем. Сунув руку поглубже в снег, нащупал предохранительную пластинку, разъединяющую контрольную систему с эле-

ментами. Осторожно выкрутив отверткой первый винтик, Стэн бережно вынул его из гнезда и... остался жив.

Затем он быстро отодвинул пластинку, ловко перерезал кусачками провода, находящиеся в мине, и окинул взглядом остальные заснеженные бугорки, угрожающе «фыркающие» в тишине ночи.

Конечно же, это была просто игра воображения. Мины не могли издавать никаких других звуков, кроме как оглушительных, которые возникают при взрывах. Тем не менее на плато находились еще и другие, тщательно замаскированные сверхчувствительные сенсоры, не реагирующие на мелких животных вроде грызунов, но мгновенно уничтожающие любой движущийся предмет размером с человека.

Стэн крутил диск маленькой металлической коробки до тех пор, пока сенсоры не получили сигнал, что он превратился в мелкого пушистого зверька, который не стоит того, чтобы подрывать его.

Стэн встал на ноги. Сенсоры продолжали искать «настоящего» противника, не обращая внимания на такую мелюзгу, как он. Лицеисты оказались совершенно правы.

— Алекс, вперед! Поднимайся на плато! — сказал Стэн ровным громким голосом, но тут же спохватился и прислушался. Тишина. Значит, все в порядке, их не обнаружили.

— Ты что тут, чаи гонял так долго? — спросил вскоре появившийся на плато Килгур. Затем сержант взглянул на сканирующие мины, не отреагировавшие на появление даже такого тяжеловеса, как он, и не стал больше задавать лишних вопросов.

Алекс включил переговорное устройство и отдал приказ остальным наемникам подниматься наверх.

Киршейн, увешанный боевым снаряжением Стэна, первым перемахнул через скальный выступ. За ним появилась команда лицеистов во главе с Иганом, моментально принявшихся выводить из строя лазерные установки. Следом на плато поднялся Восбер со своими ребятами.

Подойдя вплотную к покатому горбу Цитадели, Стэн сознательно отбросил все волнения о подчиненных. Они ведь профессионалы, а посему задуманный им план должен был сработать как надо.

Глава 18

Кхореа поклонился коменданту Цитадели и подошел к подиуму. Он заранее приготовил речь для этого знаменательного события. Но вдруг в его мозгу произошло короткое замыкание, а в душе появилось какое-то странное чувство. Кхореа решил, что на него снизошел дух Таламейна.

Такое явление могло быть объяснено более прозаичными причинами — результатом воздействия алкоголя на организм полутрезвен-

ника, вырабатыванием адреналина в крови и большим самомнением. Тем не менее вряд ли один из дженновских психологов осмелился бы сказать об этом вслух.

Заготовленная заранее речь напрочь вылетела у Кхореа из головы. Начал он следующими словами:

— В самое ближайшее время мы подвергнемся большому испытанию. Мы, дженны, подвергнемся такому испытанию, какому никогда прежде не подвергались.

Кхореа обвел осоловелым взглядом тысячу кадетов, сидящих за столами, и подумал, что эти новоиспеченные офицеры могли бы стать лучшими из выпускников Цитадели. Генерал также здраво рассудил, что большинство из них погибнут буквально через несколько месяцев.

— Пользуясь удобным случаем,— продолжил он,— поскольку мы сегодня поминаем невинно убиенных и празднуем ваше вступление в ряды вооруженных сил армии дженнов, я хочу вам сказать, что всех нас ждут великие испытания. Испытания, которых мы можем избежать, только применив силу — силу наших рук, наших умов и нашей веры в Таламейна.

В рядах кадетов возникло замешательство, они зашушукались. Речь генерала сильно отличалась от той, которую они ожидали услышать, и тем более от тех речей, которые они привыкли слушать в стенах Цитадели.

— Я хочу предупредить вас об испытаниях, которые выпадут на вашу долю,— не унимался Кхореа.— Они были предрешены давно. Всем нам хорошо известна глупая болтовня выжившего из ума Теодомира. И все мы знаем о его сокровенной мечте уничтожить нашу пламенную веру, превратить ее в золу и вбить в наши головы свои извращенные, маразматические выкладки.

Такие речи были более понятны кадетам. Они успокоились, а некоторые из них даже стали мрачно улыбаться. Выпускники Цитадели привыкли к резкой критике в адрес Теодомира.

— Но этот безумец окончательно выжил из ума. Он решил попробовать одолеть нас силой оружия.

На лицах нескольких кадетов появились кривые усмешки. При прохождении последнего, практического курса обучения большинство из них принимали участие в рейдах против плохо вооруженных, недееспособных новобранцев Теодомира. Кхореа понял, почему кадеты улыбаются.

— Сегодня ночью вы станете настоящими дженнами и вскоре встретитесь с армией Теодомира. Но предупреждаю: это будет не тот сброд, с которым вы успели познакомиться. Теодомир прибег к услугам наемников, людей высокопрофессиональных, обученных мастерству убивать жестоко и беспощадно. И эту подготовку они прошли в своей добропорядочной империи Внутренних миров.

Кхореа демонстративно сплюнул.

— Да, они — наемники! Но наемники умеют сражаться, невзирая на то, что защищают зло. Вы должны противостоять им мужественно, как подобает дженнам. В данный момент Теодомир, фальшивый пророк, поднимает целую армию против наших миролюбивых планет, армию неверующих, солдаты которой в случае победы будут утверждать, что истина Таламейна и мы, ее слуги, не имеют права на существование. Если они победят, то случится непоправимое. Нас и все, что нам дорого, уничтожат, словно нас никогда и не было на свете.

Скажи мне, юный дженн, разве предотвращение этой угрозы не стоит смерти? Моей смерти, твоей смерти... смерти каждого человека, находящегося в этом зале?

Наступила мертвенная тишина. Вдруг один кадет встал. Кхореа автоматически с гордостью отметил его. Кадет воскликнул:

— Смерть! Да здравствует смерть!

Кадеты начали скандировать, а затем исступленно заорали, протяжно завыли, словно загнанные волки.

Стэн сделал пару круговых движений рукой и бросил крюк вверх. Веревка, прикрепленная к концу крюка и лежавшая свернувшейся змеей у ног Стэна, моментально размоталась и, взмыв к черному небу, исчезла где-то наверху, в смутно различимом снегу. Крюк скользнул по крыше Цитадели и вонзился острым концом в выступ, находящийся на высоте двадцати метров.

Стэн рывком дернул веревку, проверяя, прочно ли зацепился крюк. Удостоверившись в том, что бросок оказался удачным, он начал по-кошачьи взбираться наверх, отталкиваясь от стены ногами, держа корпус под углом почти в девяносто градусов от выпуклой поверхности «спрута». Добравшись до крюка, Стэн ухватился за него и метнул вверх следующий. Несмотря на то что на нем были шипованные ботинки, он поскользнулся и чуть не упал, в то время как крюк, проехав по округлой поверхности, затормозил и зацепился за что-то. Стэн снова сжал руками веревку и приступил к следующему этапу своего восхождения к крыше святилища дженнов.

Находившиеся внизу Алекс, Киршейн и коммандос Ффиллипс начали карабкаться наверх по внушающему благоговейный страх покатому туловищу «спрута», словно снежные мотыльки, цепляясь крюками, перчатками, ботинками за любую неровность на гладкой поверхности.

Стэн первым добрался до терморегулирующей мембраны и через светящуюся красную пленку заглянул в часовню, находящуюся под ней. В часовне никого не было.

Алекс поднялся к товарищу и схватил его за ботинок. Стэн опустил руку, и сержант, с трудом переводя дыхание, передал ему блистер. Стэн оценивающе посмотрел на прибор, снова благодаря про себя смекалистых подростков, лизнул холодную пластинку, к кото-

рой чуть язык не примерз, и приложил блистер пластинкой к «дышащей» мембране. Затем, оттолкнувшись от крыши, он заскользил по веревке вниз.

Блистер врос в мембрану и засветился, став с ней единым целым; затем вся поверхность мембраны начала медленно плавиться. Блистер полз вверх-вниз, оставляя за собой зияющее отверстие, под которым находилось сердце Цитадели.

Стэн взял у Алекса еще один крюк, зацепил его за край дыры и опустил веревку в часовню. Потом на руках спустился по веревке в помещение. Вслед за ним спустились Алекс, Киршейн и люди Ффиллипс. Они рассредоточились по часовне, проверяя, не задержался ли в ней какой-нибудь незадачливый дженн, и расставили посты.

Стэн остановился в центре часовни, почти физически ощущая, что в ее стенах притаилось зло. При свете мерцающих факелов огромные статуи военных героев выглядели устрашающе и напоминали горгулий, готовых наброситься из-за рядов свисающих со стен полковых знамен.

Сзади послышалось свистящее дыхание Алекса. Сержант слегка дрожал.

— Я насквозь продрог, глядя на все это,— прошептал он.

Стэн понимающе кивнул головой и посмотрел на Киршейна.

— Взорвать эту лавочку, к чертовой бабушке!

Кадеты-дженны молча ели. Офицеры, сидящие на огромной сцене, тоже трапезничали. Генерал Кхореа из вежливости попробовал по кусочку каждого блюда, отодвинул свою тарелку в сторону и отослал слугу, пытавшегося снова наполнить его бокал вином.

Кхореа обвел взглядом кадетов и почувствовал огромный прилив гордости. «Скоро все эти молодые люди присоединятся ко мне для выполнения великой миссии дженнов». Он знал, что многие из них погибнут, и задался вопросом, удастся ли одному из этих юных кадетов, мирно сидящих за столами, в один прекрасный день стать генералом вроде него.

Как вдруг ход его мыслей прервал оглушительный мощный взрыв, от которого замерло сердце. Это был один из тех немногих моментов в жизни генерала Кхореа, когда он содрогнулся от страха. Никто даже предположить не мог, что враг ударит по часовне.

Цитадель находилась под атакой.

Восбер и его люди ринулись к баракам. Несколько минут спустя охранники дженны, застигнутые врасплох, выгнанные из бараков взрывами гранат, были скошены автоматными очередями.

Восбер отдал команду, и его боевой отряд энергично двинулся вперед. Они быстро вывели из строя танковые огнеметы, разбили пульты управления и подожгли все, что можно было поджечь. Первый комплекс бараков вспыхнул ярким пламенем.

Киршейн подбежал к статуе и повесил пакет со взрывчаткой на ее громадную металлическую руку. Стэн, Алекс и люди Ффиллипс, находящиеся в часовне, проделали то же самое.

Стэн бросил последний взрывной заряд на пол часовни и бросился к массивной двери. Он и Киршейн последними покинули храм. Стэн выкрикнул приказ, и Киршейн на бегу нажал кнопку дистанционного управления.

В часовне один за другим стали взрываться смертоносные пакеты. Языки пламени набирали силу, из красных становясь белыми. Каждый взрывной пакет прибавлял нового жару. Огонь распространялся все дальше и дальше, подбираясь к стенам часовни, и вскоре вся она была объята слепящим белым пламенем.

Драпировка и полковые знамена вспыхнули, как порох, золотые статуи начали плавиться, словно таяли гигантские снеговики. Пузырящаяся и булькающая золотая река растекалась по всему полу.

Сквозь дыру в потолке ворвался ветер и распахнул двери часовни с ураганной силой. Сотворенный огнем полувакуум заполнился воздухом. А затем раздался страшный грохот — это взорвался весь храм.

Цитадель основательно тряхнуло. Стены столовой задрожали, как при землетрясении. Дженны бросились на пол. В огромном помещении начался хаос. Кхореа, находившийся на сцене, залез под стол, хватаясь дрожащими руками за оружие. Он был близок к истерике. Мимо него, размахивая автоматом, пробежал офицер с дико вытаращенными от ужаса глазами. Кхореа схватил было офицера, но тот вырвался и побежал дальше.

Генерал одной рукой сгреб со стола микрофон, и в следующее мгновение по всем громкоговорителям огромной столовой прозвучал призыв к соблюдению спокойствия, произнесенный громоподобным голосом. Этот командирский, хорошо поставленный на многих полях сражений голос возымел свое действие. Люди застыли на местах как завороженные. Придя в себя, они вытаращились на Кхореа подобострастными взглядами.

До того как он успел отдать какое-нибудь приказание, главная дверь с шумом распахнулась и на пороге появился отряд боевиков во главе со Стэном. Не обращая внимания на невооруженных кадетов, они прошли мимо юнцов, громыхая ботинками, и, разделившись на три отряда, разошлись по помещению, открыв огонь по офицерам-дженнам, находящимся на сцене.

Какой-то кадет занес над Стэном свой обрядовый кинжал, но Киршейн схватил мальчишку рукой и отбросил в другой конец столовой. Алекс, находившийся за спиной Стэна, поднял огромный стол и швырнул его в группу агрессивно настроенных кадетов. Им еще крупно повезло, потому что Килгур избавил их тем самым от необходимости вступить с ним в драку.

Стэн метнул гранату в группу офицеров, моментально исчезнувших в дыму и кровавом месиве человеческой плоти. За взорванной стеной, по левую руку от Стэна, находился взбешенный дженновский офицер, готовый ринуться в бой. Киршейн сорвал с плеча коротконствольный автомат и нажал на спусковой крючок. Офицер, прошитый очередью, замертво рухнул на пол.

Ффиллипс оказалась на сцене в тот момент, когда Стэн и его команда поднялись туда с другой стороны. Стэн узнал Кхореа с первого взгляда, поскольку Махони кратко описывал ему внешность генерала, и начал пробиваться вперед, к намеченной цели. Но между ним и Кхореа находилось несколько десятков дженнов. Нужно отдать им должное, они сложили головы, храбро защищая своего генерала.

Увидев Стэна, Кхореа инстинктивно распознал в нем командира отряда. Генерал бросился вперед, расталкивая офицеров локтями. Ему отчаянно хотелось убить Стэна. Однако телохранители сплотились вокруг Кхореа, подхватили его под руки и, невзирая на крики протеста со стороны генерала, потащили его в дальний конец сцены. Стэн в последний раз мельком увидел белое, перекошенное от злобы лицо генерала, когда телохранители выносили его через заднюю дверь.

Стэн развернулся и принялся пробивать себе дорогу обратно сквозь толпу офицеров. Ослепленные яростью, они били его кулаками, пинали ногами, отталкивая друг друга. Стэн рубил длинным ножом направо и налево, а они не отступали. Тело Стэна болезненно сжималось под бесчисленными ударами озверелых офицеров.

Алекс и Киршейн отчаянно сражались, пытаясь добраться до товарища. Опасаясь за жизнь Стэна, они вовсю работали руками и ногами, отбрасывая взбешенных дженнов в сторону, круша их черепа, ломая ребра.

Наконец-то Алекс и Киршейн пробрались к своему командиру. Между ними и истекающим кровью от множества неглубоких ран Стэном не было больше никого.

Алекс помог товарищу подняться на ноги. Они огляделись по сторонам в поисках недобитых дженнов. Вокруг валялись лишь горы трупов в черной форме, а чуть поодаль стояла Ффиллипс со своими коммандос, на лицах которых застыло свирепое выражение. Они также выискивали улизнувших дженнов.

Стэн помахал Ффиллипс рукой. Она радостно улыбнулась и подняла большой палец правой руки. Все было кончено.

Плато вокруг Цитадели горело ярким пламенем. Восбер отлично справился с работой. Все бараки были взорваны.

Стэн и Ффиллипс со своими людьми воссоединились с Восбером и Иганом с их солдатами у края дороги, ведущей вниз. Перед началом спуска они выстроились в ряд.

— Каковы потери убитыми и ранеными? — спросил Стэн.

— Трое убитых, двое тяжелораненых, десять контуженых. Легкая победа,— доложил Восбер.

— Ни одной потери,— с гордостью сказал Иган.

У Ффиллипс настроение было мрачным.

— Семеро убитых, двенадцать получили ранения средней степени. Все транспортабельны.

Стэн отдал необходимые распоряжения и повернулся к Алексу, махнув рукой в сторону извилистого горного серпантина.

— На сей раз пойдем по дороге.

— Согласен, парень,— сказал Алекс.— Кости Килгура слишком стары, чтобы вновь корчить из себя обезьяну.

Наемники бодрым шагом двинулись вперед. Они покидали высокогорное плато, оставляя после себя догорающие руины Цитадели и погребенные в них мечты дженнов о кровавых подвигах и славе.

Глава 19

Врачи суетились вокруг извивающихся пиявкообразных существ в ожидании, когда они выпустят сильное наркотическое вещество в вены пророка Ингильда. Для наркомана такие паразиты были просто находкой. Он впадал в состояние эйфории всего от нескольких калорий, находящихся в слизи этих маленьких монстров.

Ингильд раздраженно махнул врачам рукой, и те осторожно сняли крошечных выпуклых чудовищ. Ингильд сел и знаком велел всем удалиться. Врачи молча разошлись, не решившись раздражать его обычными церемониальными поклонами и восхвалениями.

«Фальшивый» пророк (как назвал бы его Теодомир) был не в духе. Обведя взглядом тронный зал, он вперился в охранников, пытаясь привести свои чувства в порядок до того, как наркотик возымеет успокаивающее действие.

Больше половины охранников, находившихся в тронном зале, были дженнами, одетыми в черную форму. Ингильд не поддался приступу инстинктивной паранойи. Он понимал, что охранники дженны наблюдают за ним больше из любопытства, нежели из желания защитить в случае попытки убийства. Остальные охранники были членами семьи Ингильда, что немного успокаивало его. Пророк отбросил в сторону мысль о прекрасной возможности свержения его с престола.

Симбиотический наркотик начал растекаться по венам Ингильда, ощутившего невероятный прилив облегчения. Он был *Ингильдом,* и все подчиненные обязаны оставаться преданными ему.

Ингильд, так же как его оппонент Теодомир, был мужчиной средних лет, то есть прожил на свете немногим более двухсот лет. Но выглядел он, подобно Теодомиру, глубоким старцем, смерть которого

ходила не за горами. С его плешивой куполообразной головы свисали тонкие нити тусклых волос.

Один бродячий знахарь много лет назад поведал Ингильду о причинах заболевания золотухой. Знахарь сказал, что глубоко засевшие в его душе страхи противодействовали полезным современным препаратам. Ингильд казнил знахаря за такой диагноз, но сохранил «пиявок» и прибегал к их услугам по нескольку раз в день.

Охранник дженн подошел к Ингильду чеканным шагом, как подобает военному, но пророк почувствовал в его взгляде презрение.

— Слушаю.

— Прибыл генерал Кхореа,— доложил охранник.

Ингильд умело скрыл охватившее его чувство страха и кивнул охраннику. Кхореа вошел, отвесил легкий поклон и приблизился к тронной кушетке.

Наркотик, вызывающий чувство уверенности в себе, стал действовать быстрее, и Ингильд внутренне улыбнулся. «Этот человек даже не потрудился переодеться после разгрома Цитадели»,— подумал он. Форма генерала была изрядно потрепана, а на открытых участках кожи виднелись пятна высохшей крови.

Кхореа вытянулся перед Ингильдом по струнке и торжественно отдал честь. Ингильд ответил на его приветствие лишь слабым кивком. Генерал бросил взгляд на охранников, подал знак, и, к ужасу пророка, все они удалились. После того как вышел последний человек, Кхореа сел на край тронной кушетки. Ингильд переборол в себе желание гневно закричать и затопать ногами. Вместо этого он улыбнулся Кхореа и покровительственно похлопал его по плечу.

— Наконец-то, мой генерал,— сказал пророк,— ты вернулся ко мне. Я молил богов о твоем спасении.

Кхореа раздраженно отмахнулся.

— Слушай меня внимательно. Я составил обращение. В нем ущерб, причиненный Цитадели, сводится к минимуму. В основном там говорится о том, что мы отразили подлую внезапную атаку, оттеснили врага и многих убили.

— Но,— возразил Ингильд,— в твоем докладе...

— Забудь о моем докладе,— резко оборвал Кхореа.— Он предназначался для офицеров.— А затем, как бы невзначай, добавил: — И для тебя.

Ингильд подавил в себе негодование.

— Когда будешь говорить с кадетами, обратишь особое внимание на героическую гибель офицеров. Это поднимет их боевой дух. В конце концов, они ведь почти еще дети.

Ингильд изумленно уставился на генерала.

— Но ведь там погибло несколько...

Кхореа смерил Ингильда испепеляющим взглядом, и пророк не решился больше встревать.

— Все готово к оглашению твоего обращения,— продолжил генерал, сделав небольшую паузу для большей выразительности.— Писаки, которые сочиняют мне речи, раздобыли для церемонии подходящего священника.

— Что мы будем делать дальше? — спросил Ингильд, ненавидя себя за покорность.

Кхореа улыбнулся.

— Сражаться,— ответил он.— Будем вести тотальную войну. В конце концов, они просто наемники и после нескольких боев сдадутся. Тем более что этому дилетанту — выскочке Стэну, являющемуся их вожаком,— просто-напросто везет. В действительности он вовсе не квалифицированный командир.

— Кто он вообще такой?

Кхореа скорчил недовольную гримасу.

— Бывший имперский гвардеец, приближенный ко двору и вышвырнутый оттуда. Вряд ли он представляет для нас серьезную угрозу.— Генерал встал.

— Но дженны обеспокоены выходками Стэна и его наемников. Ты и сам мог убедиться, что вера наших людей не всесильна.

— Я бы не советовал тебе прислушиваться к провокаторам и использовать их высказывания в своем обращении,— предупредил Кхореа.

Ингильд вздрогнул при этих словах и послушно кивнул.

На лице Кхореа появилась хорошо знакомая пророку холодная улыбка.

Он отдал честь и утрированно низко поклонился:

— Дженны будут ждать ваших дальнейших указаний, о Повелитель Огня.

Кхореа развернулся и чеканной походкой вышел из тронного зала.

Ингильд проводил генерала недружелюбным взглядом. Он ненавидел эти щелкающие каблуки и прямую, как натянутая струна, спину.

Минуту спустя охранники пророка вернулись в зал.

Глава 20

Даже в созвездии, населенном диссидентами, фанатиками и праздношатающимися бездельниками, в созвездии, раздираемом двумя враждебными религиями, может быть свой маленький рай.

Таковым являлась планета Небта, светский вариант Санктуса. Небтанцы контролировали главные торговые пути, проще говоря — перехватывали суда купцов, которых бхорам не удавалось перехитрить, заманить в ловушку и у которых шантажом или просто силой не получалось отнять товар. Небта была очень богатой и очень красивой планетой, на которой даже бедные отличались богатством — во всяком случае, по сравнению с обитателями других планет Волчьего созвездия.

В океанах Небты было мало соли, а маленькая луна обеспечивала слабые приливы. Круглый год планета нежилась в мягком климате. Большинство ее небольших по размерам континентов находились в самом сердце умеренной зоны. Товарные склады, взлетные поля и маклерские конторы были разумно расположены на экваториальном пустынном континенте. Небтанские принцы торговли предпочитали праздно проводить время в особняках и окружать себя роскошью, нежели заниматься бизнесом.

Правительство Небты исповедовало политику силы. У каждого принца торговли была своя армия, их города были надежно укреплены, а дома напоминали неприступные крепости. Планетой правил совет этих самых торговых воротил — совет, подкупленный и запуганный Паррелом много лет назад.

За стенами укрепленных городов жили клерки, специалисты по кораблям, банкиры и все прочие. Фермеры жили вокруг городов и по настоянию Паррела и с молчаливого согласия совета не допускались к участию в политических баталиях.

Поместье-крепость Паррела состояло из целого ряда строений и занимало площадь более ста квадратных миль великолепной, ухоженной парковой зоны. Паррел неохотно разместил Стэна с его наемниками в одном из своих домов — длинном мраморном чудовище, которое они с радостью превратили в нечто среднее между бараком и борделем.

Паррел решил дать званый ужин в честь успешно проведенного рейда, благодаря которому Цитадель пала и началась война. Судя по словам секретаря Паррела по социальным вопросам, на ужин были приглашены самые лучшие, самые красивые и самые умные мужчины и женщины небтанского великосветского общества.

Ну и конечно, с меньшей охотой пригласили почетных гостей. Это не значило, что на торжестве должны были присутствовать все двести наемников. В список гостей такого рода вошли: полковник Стэн, его помощники Ффиллипс и Восбер, а также, по настоянию Стэна, Алекс и, по настоянию Киршейна,— Киршейн.

Стэн и Алекс решили, что этот громила зашел слишком далеко в яром стремлении оберегать своего командира. Они не знали, говорить ли Киршейну, что ни одно подобное торжество не обходилось без драки или королевских состязаний. В конце концов, вечеринка есть вечеринка.

Однако, когда пятеро солдат поднялись по идеально выметенной лестнице в особняк Паррела, пройдя мимо слишком большого количества воинственно настроенных охранников, Стэн отметил, что вечеринка обещает быть особенно интересной.

Приглашенный обязан был явиться на торжество в парадной форме, и Стэн облачился в голубой мундир третьего полка гвардии, надев на голову кивер того же цвета. Ффиллипс также надела форму гвардейца, увесив грудь медалями, которые, как Стэн знал, ей никто

никогда не вручал. Восбер нарядился в чистую выглаженную форму без знаков отличия и наград, фасон которой, как подозревал Стэн, придумал он сам. Киршейн надел парадную форму войск Охраны своей планеты, на рукавах которой все еще виднелись темные пятна от нашивок, вначале старательно прикрепленных, а затем многократно отрывавшихся. Киршейн не повесил на себя ни одной ленты военных кампаний, в которых он участвовал, объяснив это тем, что они ему мешают. «Разве это так важно?» — спросил гигант.

А вот сержант Алекс Килгур сиял, как новенький золотой. Откуда-то со дна — Стэн даже предположить не мог, что такое окажется в его багаже, хотя никогда точно не знал, чем набивал Алекс свой старый потертый кожаный сундук,— Килгур достал и нацепил на себя следующие вещи: блестящие лакированные туфли на низком каблуке; спущенные до колен чулки в жуткую клетку цвета «вырви глаз»; кинжал с серебряной рукояткой в черных ножнах, инкрустированный драгоценными камнями, прикрепив его к правому шелковому чулку; и ворсистую юбку в такую же яркую клетку, что и чулки. Поверх юбки, над пахом, на серебряной цепи висела большая сумка с изображением какого-то неведомого животного. Цепь держалась на широком поясе с серебряной пряжкой; к нему же был прикреплен и тянувшийся через одно плечо ремень. С пояса свисала не только сумка, но и полуметровый кинжал с односторонним лезвием, без рукоятки. Находился он с правой стороны, так же как и длинный широкий меч с резным эфесом.

Стэн подумал, что Алекс, должно быть, перепутал вечеринку с маскарадом.

Обрисуем живописный вид сержанта Килгура до конца. Пояс был надет на камзол с жилеткой, причем и то и другое застегивалось на серебряные пуговицы. Шея Алекса была прикрыта ажурным шелковым жабо, а запястья украшали длинные кружева. Поверх всего этого Килгур нахлобучил пару метров ворсистой цветной ткани, приколов ее к левому плечу серебряной брошью. Завершением экзотического наряда служил некий головной убор, который Алекс называл боннетом, напоминающий кепку, но украшенный серебряным позументом. Сбоку из шапочки торчало некое подобие птичьих перьев. Стэн также знал, что в сумке, висящей на поясе, Алекс надежно спрятал маленький, но очень действенный пистолет.

Стэн не до конца понимал, что происходило вокруг, да и спрашивать об этом ему не хотелось. Естественно, все часовые, стоявшие при входе в особняк, салютовали Алексу, не обращая никакого внимания на Стэна и его компанию. Впрочем, это никого не огорчило, кроме Ффиллипс.

Переступив порог особняка, Стэн с облегчением снял кивер и вошел в центральный зал. Первым человеком, кого он увидел, была совершенно голая женщина с колчаном со стрелами за спиной, ко-

торая брала три бокала с каким-то напитком с сервированного столика.

Стэн обвел изумленным взглядом бальный зал. После созерцания обнаженной амазонки разум его немного помутился. Небтанская знать имела, казалось, весьма слабое представление о военной форме, но всячески старалась сделать свои наряды неповторимыми.

Стэн увидел пестрое разнообразие форменных костюмов всех армий, когда-либо создававшихся за тысячелетний период существования империи и в доисторические времена. Кое-какие он узнал. Например, по танцевальному залу расхаживал толстый человек с красным лицом, напяливший на себя боевой плащ танкхов, из-под которого почему-то выглядывала фиолетовая туника, украшенная аксельбантом. На ком-то из присутствующих Стэн увидел юбку, как у Алекса, но из обычной одноцветной ткани. На поясе другого висел широкий и короткий меч, на голове красовался металлический шлем, на ногах — наколенники, а на плечах — железные пластинки, напоминающие тарелки. Один из гостей вообще был облачен целиком в металлический костюм.

Стэн повернулся лицом к Ффиллипс и озадаченно посмотрел на нее, как бы вопрошая: «Что это такое?»

— Это называется доспехи с железными латами,— пояснила Ффиллипс, подавая командиру бокал.

— Но... что это за маски с дырками? Разве в них можно находиться в космосе?

Ффиллипс рассмеялась по какой-то одной ей ведомой причине, и Стэн прекратил задавать вопросы, чтобы не раскрывать дальше своего невежества.

Вдруг прямо перед Стэном, как из-под земли, возник Паррел. Костюм его был еще более фантастическим, чем у гостей: длинная вышитая сорочка, квадратная шляпа на голове, огромная сабля на боку — этот вид оружия был явно очень популярен на Небте — и мягкие тапочки на ногах.

— Добро пожаловать, господа,— вкрадчивым голосом произнес Паррел.— Поскольку этот праздник устроен в вашу честь, вы самые желанные гости на нем.

— Примите нашу благодарность,— ответила Ффиллипс.— Наша военная кампания, надеюсь, будет настолько успешной, что появится еще не один повод для не менее роскошных вечеринок.

Паррел пристально посмотрел на Ффиллипс, а затем демонстративно переключил внимание на Стэна.

— Полковник, у нас есть пара минут до того, как гости рассядутся за столом и начнут трапезу. Возможно, вы и ваши... подчиненные хотели бы познакомиться с некоторыми из присутствующих?

Стэн согласился чисто из вежливости. В его понимании вечеринка проходит идеально тогда, когда на ней много квилла, пива, па-

рочка словоохотливых собеседников и симпатичная женщина, с которой ты еще не успел переспать. Но это сборище ряженых, снующих туда-сюда по бальному залу, было ему не по душе.

Однако Стэн улыбнулся и поблагодарил Паррела, а затем медленно пошел сквозь толпу в сопровождении Алекса и молчаливого непьющего Киршейна.

— Надо сказать, наряд мой нелегкий,— пробормотал Алекс.— И голова трещит, будто молотом по наковальне бьют.

— Что мы здесь вообще делаем?

— Рисуемся героями,— фыркнул Алекс.— И ради этих паразитов я так сногсшибательно оделся!

— Ох,— тяжело вздохнул Стэн и поставил нетронутый бокал с вином на поднос.

— Покрутимся здесь, пока не поедим, а затем извинимся и потопаем в наш домишко. Ну а там уж хорошенько напьемся, как и положено цивилизованным солдатам,— сказал Алекс.— Как тебе мой план?

Стэн согласился с предложением Алекса и посмотрел на часы.

Принцы торговли планеты Небта торжественно помолились перед началом банкета.

Обеды на Небте были многоэтапными. Трапезы в двадцать приемов устраивались только в домах мелкой буржуазии. На каждом новом этапе подавалось основное блюдо — вареный ячмень, семена которого завезли на планету первые поселенцы, а к нему уже прилагались разнообразные экзотические кушанья. Конечно, принцы игнорировали ячмень и налегали на деликатесы.

Стэн решил, что единственная возможность не умереть от обжорства — попробовать всего понемножку. Он выбрал самое странное на вид блюдо и подал знак официанту, который тут же положил в его тарелку указанную еду.

На вкус блюдо оказалось не таким экзотическим, как на вид. Надо сказать, что во время службы в отряде богомолов Стэн без разбора поедал все, что: а) можно было разжевать; б) не слишком извивалось и в) не пыталось съесть его самого.

Официант поклонился Стэну, предлагая следующий образец.

Стэн пытался вести себя, как подобало опытному офицеру гвардии — гурману и чревоугоднику. За его спиной стоял Киршейн, отказавшийся не только от выпивки, но и от еды. Стэн подумал, что ему не стоит воспринимать своего так называемого телохранителя слишком серьезно.

Алекс, сидящий по правую руку от Стэна, блаженствовал, пожирая все, что попадало в поле зрения. Пространство вокруг его стола напоминало мусорную свалку. До сознания Стэна не доходило, как столько еды могло поместиться в желудке одного человека.

Есть больше не хотелось, и он стал терпеливо ждать, когда гости насытятся. Стэн с облегчением вздохнул, увидев, что официанты на-

чали собирать со столов пустые тарелки. Трапеза наконец-то закончилась.

Прослушав еще несколько нудных речей, Стэн возжелал только одного — отправиться домой и лечь спать. До встречи, назначенной на рассвете, оставалось всего несколько часов.

Паррел негромко шикнул, призывая присутствующих соблюдать тишину, и разговоры моментально смолкли. Тогда он встал и поднял свой бокал:

— Спасибо, уважаемые гости, что почтили своим присутствием мое скромное жилище. Мы, поддержка и опора истинной веры Таламейна, празднуем теперь победу, одержанную в сражении...

Стэн закрыл уши, уверенный, что не почерпнет для себя из этой речи ничего нового.

А речь все продолжалась, и тосты тоже не кончались. С каждым новым тостом Стэн едва пригублял бокал. Затем, видимо сжалившись над присутствующими, Паррел закончил речь, и из какой-то невидимой ниши полилась спокойная музыка.

— Полковник Стэн,— сказал Паррел, наделенный, должно быть, странной способностью неожиданно материализоваться в разных местах. Однако в этот момент вниманием Стэна завладел не он, а стоявшая за ним молодая девушка — одного роста со Стэном, с коротко остриженными темными волосами. Стэн уже представил эту прелестную головку лежащей рядом со своей на подушке.

Незнакомке было лет девятнадцать-двадцать. Вместо традиционной униформы на ней была темного цвета туника с глубоким вырезом, под которой угадывались прекрасные формы и гладкая загорелая кожа.

Сердце бешено заколотилось в груди полковника Стэна. Он услышал голос Паррела, звучавший как бы издалека:

— Это моя младшая сестра, Софи. Она ужасно хотела встретиться с вами и поздравить с победой.

Софи протянула Стэну изящную руку.

— Встреча с вами — большая честь для меня, полковник.

У нее был низкий гортанный голос. Стэн, запинаясь, промямлил какие-то слова, понимая, что выглядит в глазах девушки круглым идиотом. Он долго не мог оторвать от нее глаз, но, придя в себя, осознал, что она тоже смотрит на него. Конечно, он ошибается, и все же...

— Может быть,— предложил Паррел,— вы окажете Софи честь потанцевать с ней?

Софи вспыхнула.

— Я никогда... я не...— начал было Стэн, но заткнулся, вспомнив, что когда-то давно учился танцевать. Он взял Софи за руку и обвел вокруг стола.

Стараясь не смотреть на девушку, он следил за скользящими по полу ногами танцоров, пытаясь уловить суть танца. «Дьявол, как это

сложно! Сначала они отставляют в сторону одну ногу, затем поднимают другую и... Какая там у бхоров была поговорка?.. Господи, ради бороды моей мамочки, не дай облажаться!»

Но каким-то образом все разрешилось само собой, когда Софи слегка прильнула к Стэну. Почувствовав аромат ее волос, Стэн, всегда относившийся к музыке равнодушно, вдруг ощутил ее прелесть и легко понесся в танце по залу. Ему вдруг почудилось, что стены огромного бального зала сужаются, к горлу подкатил ком, когда он посмотрел в чувственные и печальные, как у лани, глаза своей партнерши.

— Вам нравится вечеринка? — шепотом спросила она.

— До настоящего момента я не был от нее в восторге,— совершенно искренне ответил Стэн.

— Ох,— вздохнула Софи и снова покраснела. И затем, если такое только возможно, она еще крепче прижалась к нему. Стэн решил, что он умер и попал в рай, существовавший в этой части империи.

Вдруг где-то рядом раздался грохот перевернутого стола. Стэн резко обернулся, забыв про Софи, и схватился за нож.

Центральный стол был опрокинут, а возле него стояли Алекс и молодой мускулистый мужчина, которого, как с трудом припомнил Стэн, звали синьор Фроулич.

— Я не дерусь с людьми из низших сословий,— громогласно заявил Фроулич.— Я с трудом выдавил из себя комплименты твоему начальнику, выразив сначала свое восхищение его воинским мастерством, а затем — разумное опасение по поводу того, что он вознамерился сопровождать леди Софи.

Благовоспитанные небтанцы расступались перед Стэном, направившимся к зачинщикам ссоры.

— В чем дело, сержант?

— Премного извините, господин полковник.— Голос Алекса звучал ниже, чем обычно. Полушепотом он добавил: — Просто решил проучить одного нахала.

Стэн счел нужным промолчать и не вмешиваться, как вдруг кто-то хлопнул его по плечу. Он развернулся и получил удар в скулу. Ослепленный гневом, Стэн принял угрожающую позу, выставив вперед сжатую в кулак руку, и... растерялся.

Рядом стоял другой человек, как две капли воды похожий на Фроулича, вероятно — его близнец. Это был синьор Трумбо.

— Как кузен синьора Фроулича, я тоже должен бросить вызов. Хочу также выразить свое восхищение вами, полковник.

Стэн поймал на себе взгляд Софи, когда вокруг него, Алекса и двух синьоров столпился народ.

«Устроили себе представление»,— со злостью подумал он. Хотя Софи и выросла в небтанском обществе, где практиковались дуэли, это зрелище ее, казалось, не радовало. Девушка была напугана.

«За кого она боится? За меня? Брось, не нужно обольщаться».

И тут вмешался Паррел:

— Полковник, позвольте объяснить вам некоторые из наших обычаев.

— Не стоит себя утруждать. Два смельчака желают драться. Сикбет,— иронично сказал Стэн, передразнивая дженнов.

— Завтра...— начал было кузен Фроулича.

— Завтра я очень занят,— ровным голосом произнес Стэн.— Будем сражаться сейчас, здесь.

По залу пронесся шепот, глаза гостей заблестели. Теперь-то им действительно будет о чем посудачить.

— В таком случае я, как бросивший вызов, имею право сражаться первым. Надеюсь, вы меня простите, синьор Трумбо? — сказал Фроулич и поклонился кузену.

— Ты столкнешься с большой проблемой, парень,— сочувственно предупредил Алекс.— Тебе никогда не победить моего полковника. Дерись со мной.

— Я уже сказал вам, что...

Алекс вынул из ножен огромный меч и одним махом разрубил перевернутый стол напополам.

— А я говорю, будешь драться со мной! Вызываю тебя на дуэль, как Килгур из древнего рода Килгуров. Мои свободолюбивые предки были дворянами уже тогда, когда твои первобытные соплеменники грелись у костров в западных землях. А теперь защищайся, или умрешь на месте.

Фроулич побледнел, но быстро взял себя в руки и лукаво улыбнулся.

— Интересно, очень интересно. Значит, мы будем драться с двумя противниками.

Пол танцевального зала был расчищен и посыпан песком за несколько минут. Небтанцы окружили импровизированную арену для боя. Алекс и Стэн стояли по одну сторону площадки, Трумбо и Фроулич — по другую. Сбоку от двух солдат находились Восбер, Ффиллипс и все еще спокойный Киршейн.

Поскольку Стэн и Алекс выступали в роли «ответчиков», им принадлежало право выбора оружия, места и времени поединка. Алекс, конечно, выбрал палаш, а Паррел с удовольствием предложил Фроуличу саблю с резной ручкой, вряд ли уступавшую по качеству эдинбургскому холодному оружию.

В голове Стэна мелькнула мысль, не воспользоваться ли ему своим чудодейственным ножом, но он моментально отмел ее. В конце концов, ему положено вести себя не только как солдату, но и как дипломату. Стэн решил не запугивать Паррела насмерть разделыванием подчистую в первые же две секунды боя его придворных выскочек. Поэтому он предпочел тонкие, как иглы, обоюдоострые кин-

жалы длиной почти в сорок сантиметров. Паррел с наслаждением выбрал лучшую пару из собственной богатейшей коллекции.

Стэн одобрительно посмотрел на предложенное ему оружие. Кинжалы, конечно же, были ручной работы, из отлично закаленной стали, рецепт изготовления которой в незапамятные времена был вывезен из древнего Дамаска. Чтобы уравновесить лезвие, мастер приварил к концу рукоятки увесистый металлический шарик. Оружие было сработано на славу.

Алекс нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Как долго, уважаемый Стэн, мне играть с этим кастратом, прежде чем его разделать?

— Дай ему хотя бы пару минут на раскачку.

Алекс утвердительно кивнул головой и вышел на середину арены. Фроулич стоял напротив, сгибая стальное лезвие то в одну, то в другую сторону, проверяя оружие на прочность, а также пытаясь выглядеть спокойным, уверенным в себе и даже веселым.

Алекс просто стоял на месте, в восьмой позиции, выставив руку с палашом вперед. Фроулич медленно подошел поближе к Алексу и сделал резкий выпад, взмахнув саблей. Алекс отразил удар, держа палаш наконечником вниз. Раздался звон металла.

— Сражайся, как положено мужчине. Вперед!

Услышав возмущенные возгласы небтанцев, Стэн понял, что Фроулич уже нарушил этикет. Возможно, он решил, что дуэль — простая формальность, повод повеселиться и растянуть вечеринку? Следовательно...

Фроулич лишь тянул время, прыгая по арене. Алекс продолжал терпеливо ждать. Вдруг синьор пошел в атаку, сопровождая ее серией молниеносных ударов (по крайней мере, он думал, что они были таковыми). Алекс скрестил с ним оружие у основания эфеса. При повторном выпаде Фроулича в «приз де фер» Алекс поднял руку противника с зажатой в ней саблей вверх и оттолкнул его. Фроулич с шумом отлетел назад, упал, покатился по арене, но довольно быстро (с уважением отметил Стэн) вскочил на ноги и занял оборонительную позицию. Затем, тяжело дыша, он стал наступать, выставив вперед правую ногу.

Но теперь настал черед Алекса ринуться в атаку. Фроулич едва успевал парировать серию мощных ударов. Зал наполнился громким звоном оружия. Палаш Алекса отсек пол-уха Фроулича. Фроулич сделал ответный выпад, направив саблю острием в живот Алекса... но Килгура там уже не было. Он отскочил почти на десять шагов назад и снова принял выжидательную позу.

Когда истекающий кровью, раскрасневшийся Фроулич с истошным криком бросился вперед, Алекс взглянул на Стэна. В этом взгляде угадывался вопрос: «Теперь можно?»

«Почему бы и нет?» — подумал Стэн и утвердительно кивнул головой. Острый меч сверкнул в воздухе и со звоном обрушился на

саблю Фроулича, убирая ее со своего пути... Затем, как в замедленной съемке, Алекс отвел руку с палашом в сторону, почти на уровень своей шеи, и со всей силы рубанул.

Залитая кровью голова Фроулича отскочила, описала в воздухе дугу и плюхнулась в чашу с пуншем. Обезглавленное тело пошатнулось и рухнуло на пол. Алекс вложил палаш в ножны и покинул арену.

В зале стояла мертвая тишина.

— А ты и вправду мог быть рыцарем Килгуром из древнего помещичьего рода,— прошептал Стэн.

— Конечно мог бы,— ответил Алекс.

К двум солдатам подошел потрясенный Паррел.

— Это было настоящее представление, сержант.

Алекс мрачно поблагодарил Паррела за комплимент.

— Полковник? Синьор Трумбо? Хочу предупредить вас, полковник: ваш соперник — один из лучших воинов на Небте, сражался в более чем двадцати дуэлях и на боевых турнирах, проведенных в его замке.

Стэн промолчал.

— Я в несколько затруднительном положении,— признался Паррел,— этот человек собирается вас убить. С одной стороны, мне не хочется терять доблестного командира наемников...

— А с другой стороны?

— Между семейством Трумбо и моим заключен своего рода союз. Его смерть была бы крайне нежелательной.

— Вопрос заключается в том, синьор Паррел,— тихо сказала Ффиллипс,— чью жизнь полковник выше ценит, так?

Паррел лукаво улыбнулся и вышел в центр танцевального зала, в то время как слуги принялись выметать с импровизированной арены песок и засыпать ее свежим. Труп убрали два вассала Фроулича, физиономии которых недовольно вытянулись, поскольку они сделали ставки на своего господина.

— Насколько я понял,— сказал Паррел, с явным облегчением покончив с ролью миротворца,— обе стороны — бросивший вызов и принявший его — отказываются разрешить спор мирным путем. Я прав?

Стэн и Трумбо молча кивнули и вышли на арену, оценивающе глядя друг на друга.

— В таком случае спор будет разрешен в боевом поединке,— выразительно объявил Паррел,— до первой крови.

Он дважды поклонился и покинул арену.

Трумбо принял оборонительную позицию. Во всяком случае, его кинжал не был направлен на Стэна, как шампур, на который собираются нанизать кусок баранины. Вместо этого он сжал левую руку в кулак и согнул в локте, прикрывая ею грудь. Его кинжал висел с

левой стороны, едва касаясь рукояткой бедра. Трумбо по-крабьи, боком стал приближаться.

Стэн стоял прямо, держа правую руку со сжатым кулаком на уровне пояса. Его оружие висело с левого бока, чуть пониже правой руки.

Стэн также начал двигаться по-крабьи, пытаясь подойти к Трумбо с тыла.

«Ну, давай, дружок,— думал он, внимательно наблюдая за действиями противника.— Давай, подходи ближе. Кто ж тебя этому научил, мать твою?» Трумбо, прищурив глаза, выхватил из-за пояса кинжал и стремительно бросился на Стэна, направив острие клинка ему в грудь.

Стэн успел отскочить, ударив Трумбо ребром ладони правой руки в область виска. Синьор попятился назад, однако быстро пришел в себя и вновь пошел в атаку.

Нож сверкнул в руке Стэна и вонзился в запястье правой руки Трумбо, сжимавшей кинжал. Из раны начала медленно сочиться кровь. Стэн принял оборонительное положение.

Трумбо стал действовать осторожнее. Главным правилом поединка на ножах было попытаться убить противника одним метким ударом. Но если вам попадался опытный соперник, то единственный способ одержать победу — это изранить его так, чтобы он умер от потери крови.

При следующем выпаде Трумбо нанес удар снизу, стараясь попасть в руку Стэна, сжимавшую нож. Стэн с легкостью парировал этот удар, заблокировав клинок Трумбо своим кинжалом, приблизившись к синьору вплотную.

После этого Стэн одним прыжком отскочил назад, принял оборонительную позу и начал медленно кружить по арене, отклоняясь то в одну сторону, то в другую. Трумбо снова приблизился к нему и... «ох, дилетант!»... попробовал проделать старый трюк с ножом, перебросив его из правой руки в левую. По идее, при подобном маневре противник не должен успеть изменить положение левой руки, защищавшей область живота; уверенный в успешности своих действий, Трумбо продолжил атаку, решив выпотрошить врага.

Но каким-то образом между правой и левой руками Трумбо оказалась нога Стэна, а в следующее мгновение кинжал небтанца взмыл высоко в воздух, проделав сложный пируэт и ослепительно сверкнув. Свободной рукой Стэн поймал клинок противника и заехал его рукояткой по челюсти Трумбо.

Ошеломленный Трумбо упал с глухим стуком. Стэн подождал, пока синьор пришел в себя, а затем отбросил свой нож в сторону. Стальной клинок со звоном ударился о пол танцевального зала.

Поединок был окончен. Стэн поклонился Паррелу и зашагал назад, к...

— Нет! — послышался крик отчаяния, который, как Стэн надеялся, принадлежал Софи.

Трумбо поднялся, сжимая в руке кинжал Стэна, и метнул его в ненавистного победителя. Стэн отпрыгнул назад, упал на колено, сложил пальцы правой руки лодочкой, и из тайника под кожей выскользнул его собственный нож. Острый клинок разрезал стальное лезвие кинжала, как сыр. Глаза Трумбо округлились от изумления. Стэн поднялся с колен в тот миг, когда Трумбо снова напал на него. Нож мягко вошел в грудную клетку синьора, пронзив сердце и легкие еще до того, как Стэн успел на него нажать. Мертвое тело с шумом рухнуло на пол.

Стэн втянул носом сладковатый воздух и отвесил Паррелу еще один поклон.

Глава 21

— Вы меня разочаровываете, полковник,— мягко произнес Паррел.

— Почему? — спросил Стэн.

— Я думал, все солдаты — запойные пьяницы. Кажется, кто-то из поэтов сказал, что у всех воинов назначено свидание со смертью.

Стэн покрутил в руке все еще полный бокал и слабо улыбнулся.

— Большинство из известных мне солдат,— сухо заметил он,— скорее помогли бы кому-нибудь другому попасть на это свидание.

Бокал Паррела также был полон. Двое мужчин сидели в библиотеке, обставленной с большим художественным вкусом. После поединка прошло уже несколько часов, праздник превратился в шумное веселье, сопровождающееся громким смехом. Паррел позволил Стэну и Алексу немного отдохнуть и переодеться в их апартаментах, а затем изъявил желание побеседовать со Стэном наедине.

Алекс, Киршейн, Ффиллипс и Восбер с облегчением покинули особняк Паррела. «В конце концов,— разумно рассудил Стэн,— мне не угрожает никакая опасность. Нужно быть умалишенным, чтобы убить командира наемников *до* одержания победы в войне».

— Я нахожу вас очень обаятельным и интересным человеком, полковник,— начал Паррел, едва пригубив бокал.— Во-первых, мы, жители Волчьего созвездия... ведем несколько изолированный образ жизни, и нам довольно трудно следить за последними достижениями основных направлений культуры, а вы являетесь ценным источником информации. Во-вторых, никому из нас до сих пор не представлялась счастливая возможность иметь дело с профессиональным солдатом. Между прочим, не слишком ли вы... молоды для теперешней должности?

— В кровавых войнах продвижение по службе происходит быстро,— ответил Стэн.

— Конечно. Причина, по которой я задал вам этот вопрос, кроется в моем желании завуалировать комплимент лично вам, как доб-

лестному воину, и побольше узнать о ваших намерениях и намерениях ваших подчиненных.

— Мы намереваемся выиграть войну для вас и пророка Теодомира,— сказал Стэн, пытаясь выставить себя в глазах Паррела предельно бестолковым, тупым солдафоном.

— Ни одна война не длится вечно.

— Разумеется.

— Вы рассчитываете одержать победу?

— Да.

— А после победы?

— После победы,— ответил Стэн,— мы заберем наши денежки и будем ждать начала следующей войны.

— Бессмысленное существование. Возможно... да, возможно,— продолжал Паррел, внимательно глядя в свой бокал,— вы и ваши люди могли бы найти дополнительную работу здесь.

— На каких условиях?

— Вам не кажется странным, что у нас существуют две культуры, очень похожие одна на другую? Разве вы не находите, что обе эти культуры основаны на религиозном вероучении, которое вы, искушеннейший в житейских делах человек, должны считать несколько архаичным?

— Меня учили никогда не вникать в вопросы вероисповедания клиентов.

— А не мешало бы. Должен заметить, я мало что знаю о наемниках. Но даже основываясь на своих скудных познаниях, я прихожу к заключению, что те из них, кто избежал смерти с мечом в руках, становятся... скажем, политически активными людьми.

Паррел сделал паузу в надежде, что Стэн прокомментирует его слова. Но полковник молчал.

— Человек, обладающий вашими недюжинными способностями, человек, который имел бы личную заинтересованность в успешном ведении дел своих клиентов, мог бы счесть для себя более выгодным продление контракта после того, как его срок истечет. Не находите?

Стэн встал и подошел к стене, на которой висела походная сумка наемника с набором необходимых принадлежностей: микрокомпьютером, машинкой для конвертирования денег, лучевыми весами и боевым оружием. Проведя рукой по сумке, Стэн вернулся к Паррелу.

— Насколько я понимаю,— сказал он,— успех в делах торговца зависит от его умения уклоняться от прямых ответов. К сожалению, я таковым не обладаю и не привык ходить вокруг да около. Я бы расценил ваш вопрос, синьор Паррел, как предложение остаться после уничтожения дженнисаров и заключить контракт на свержение Теодомира.

Паррел сделал вид, что его шокировали слова Стэна.

— Я бы никогда не осмелился предложить вам такое.

— Нет, не осмелились бы,— согласился Стэн.

— Вечер слишком затянулся, полковник. Полагаю, нам лучше продолжить беседу в другой день, может быть, в более удобное для вас время.

Стэн поклонился Паррелу, поставил полную рюмку на книжную полку и пошел к двери.

Глава 22

Стэн спустился по лестнице и сладко зевнул, глядя на полную небтанскую луну. «Очень длинная ночь,— подумал он.— Но у тебя еще четыре часа до встречи».

— У вас усталый вид, полковник,— донесся из темноты мягкий женский голос.

«Убей мужчину, люби женщину»,— часто повторял про себя Стэн. Ночь обещала быть захватывающей.

Стэн поклонился Софи, вставшей со скамейки балюстрады. «К дракху важную предрассветную встречу, к дракху Паррела с его предложением скинуть пророка, к дракху эту изумительную женщину, которая, я в этом твердо убежден, хочет заняться со мной любовью не только потому, что ей понравилась моя стрижка. Я живо разделаюсь со своими половыми инстинктами, настаивающими на том, чтобы я подальше послал императора, Теодомира и наемников». Стэн улыбнулся Софи.

— Потрясающее вы устроили зрелище,— сказала Софи.

— Предпочел бы развлекаться по-другому.

— Я искала вас после того, как убрали ваших оппонентов.

— Зря. Я решил покинуть зал, Софи, потому что считаю невежливым обнимать в танце женщину, когда руки твои по локоть в крови.

Софи была удивлена. События разворачивались не по сценарию.

— Единственное, о чем я искренне сожалею,— продолжал Стэн,— так это о том, что мне не представилась возможность сказать вам, насколько вы прекрасны.

Софи стала прерывисто дышать. Стэн подавил в себе острое желание рассмеяться.

«Инструкция отряда богомолов на этот случай кое-что предписывает. Пункт, который я порядком подзабыл. "При возникновении желания удовлетворить свои сексуальные потребности помните, что ваша партнерша (партнер) может изъявлять страстное желание побыть с вами наедине не только потому, что на нее (него) подействовало романтическое сияние луны и звезд, но и потому, что она (он) могла вступить в тайный сговор с силами оппозиции и теперь попытаться переманить вас на их сторону, или вовлечь в смертельно

опасную ситуацию, или задаться целью собрать на вас компрометирующий материал для последующей передачи его в руки противника и шантажа. В любом случае, до тех пор, пока вашей жизни не угрожает реальная опасность, рекомендуется делать вид, будто вы поддались обольщению. В подобных ситуациях можно почерпнуть весьма важную информацию"».

Итак, Стэн подошел к Софи совсем близко, нежно коснулся пальцами ее щеки и понизил голос:

— Не желаете пройтись? Может быть, у меня появится возможность поведать вам то, о чем я так и не успел сказать?

Улыбка исчезла с лица Софи, а затем появилась вновь.

«Очень интригующе. Девушка неопытна,— пришел к заключению Стэн.— Паррел, прими мой добрый совет — никогда больше не посылай свою маленькую сестренку выполнять работу шлюхи».

Рука в руке, парочка спустилась по лестнице вниз, в роскошный парк Паррела.

Глава 23

Парк был замечательным. С одной стороны, почти в километре от замка парк сужался, а затем расширялся и переходил в чудесный луг, через который текла спокойная река. И конечно, на этой реке, в центре луга, находилась небольшая пристань. И естественно, у пристани стояла лодка. «Технология изготовления здешних суденышек наверняка не слишком отличается от той, что используют в империи»,— подумал Стэн, нежно обнимая одной рукой Софи.

Планшир пластиковой лодки освещался бортовыми огнями. Никакого намека на мотор или весла не было. На палубе лежало несколько мягких подушек.

«Вот так устройство!» — удивился Стэн. Он поцеловал Софи, и девушка ответила долгим страстным поцелуем. В этот момент Стэн напрочь забыл, кто кого обольщает. Он наклонился, снял с ног Софи туфли и провел девушку на борт.

Лодка бесшумно поплыла по реке. Вверху, над их головами, повисла тусклая луна, озаряя все вокруг таинственным светом, а внизу, у борта лодки, плескались сверкающие серебристые рыбы.

«Итак, лодка, несущая нас по излучине реки, пристанет в каком-нибудь красивом, загадочном гроте. Что же ожидает меня там кроме объятий? Наемные убийцы? Неужели Паррел ведет двойную игру? Да хрен с ними со всеми!» Стэн наклонился и снова поцеловал Софи.

Грот был довольно большим, насколько понял Стэн, когда лодка тихо причалила к берегу, покрытому сочной травой. В скале был выдолблен потайной ход, тянувшийся под грохочущим водопадом и освещенный, наверное, парой мощных лазерных установок, преломляющих спектр и создающих желтое сияние.

«Дьявольская ловушка»,— подумал Стэн, поднимая Софи на руки и вынося из лодки, готовый не выпускать ее из своих объятий и защитить от любых притаившихся убийц. Но в гроте никого не было.

— Ваш брат обладает прекрасным вкусом, коль скоро приказал разбить парк в таком замечательном месте,— заметил Стэн.

— Паррел? — удивилась Софи.— Он не имеет никакого отношения к этой пещере. Она была создана по моему замыслу.

Стэн поставил Софи на траву и выпрямился. Девушка закинула обе руки за голову и насмешливо посмотрела на него. Стэн отставил одну ногу назад и дотронулся до каблука — крошечная лампочка индикатора не загорелась. Странно: вокруг действительно не было никакого постороннего движения. Похоже, ситуация начинала быстро выходить из-под контроля.

Стэн встал на одно колено, подогнув под себя вторую ногу, готовый в любую минуту схватиться за нож. Софи продолжала пристально смотреть на него.

— Ты понял, что Паррел велел мне танцевать с тобой?

Стэн вначале растерялся, затем утвердительно кивнул головой.

— Понял? — спросила Софи, немного удивившись.— А понял ли ты, что это по его просьбе я ждала тебя за дверью библиотеки? Известно ли тебе, что я должна была повести тебя... повести тебя в свои палаты? — Девушка вдруг заговорила быстро, уверенно. Стэн начал подозревать, что руководство к проведению секретных операций было далеко не полным. Он решил, что в данном случае рот лучше держать на замке.

— Знаешь ли ты, чего хотел Паррел?

— Могу себе представить.

Софи неожиданно замолчала. Ошеломленный, Стэн вдруг осознал, что зашел в своем флирте слишком далеко. Он притянул девушку к себе и медленно провел руками по ее щекам, груди, животу. Софи облегченно вздохнула и закрыла глаза, потом быстрым движением руки расстегнула пряжку на плече, придерживающую платье. Стэн неторопливо опустил тунику до талии Софи. Отраженные от водопада блики лазерного света упали на выпуклые соски ее маленькой груди.

Стэн целовал девушку в губы, в шею, нежно ласкал губами ее грудь, живот. Затем он встал и сбросил с себя форму. Вокруг не слышно было ни звука, кроме легкого шелеста соскользнувшей с обнаженного тела Софи туники и страстных вздохов двух молодых людей, слившихся в пламенных объятиях.

Глава 24

За несколько минут до рассвета Стэн, на сей раз облаченный в черную спецодежду, вынырнул из глухой тени и направился к алее, протянувшейся вдоль главной улицы Небты.

«Служба военного тяжела не только потому, что зачастую сопряжена со смертельной опасностью и необходимостью убивать,— с тоской подметил Стэн, которого ужасно тянуло в сон,— но и потому, что очень редко удается выспаться всласть».

Он предпочитал не задумываться, по крайней мере сейчас, над тем, что произошло между ним и Софи. Ему трудно было разобраться в своих чувствах, он не мог не признать, что Софи оказалась первой женщиной, затмившей звезду Бэт по части сексуальности.

Кроме того, впереди его ждала важная встреча. С наступлением темноты ни один здравомыслящий человек на улицах Небты не появлялся, поскольку их наводняли шайки вооруженных до зубов убийц, а также рыскали полицейские патрули, не менее опасные, чем убийцы, потому что считали: любой субъект, оказавшийся на улице в позднее время, является либо злодеем, либо человеком, отчаянно нуждающимся в сопровождении — «Деньги вперед, пожалуйста».

Стэн вошел в аллею, провонявшую затхлым мусором, нечистотами, смертью и насилием. В конце аллеи виднелась одинокая фигура человека, который явно кого-то ждал. Это был нищий, чьи язвы блестели в тусклых лучах предрассветного солнца.

— Подайте, добрый господин, будьте милостивы к убогому,— клянчил нищий.

— Махони,— выпалил Стэн,— будьте вы неладны! Вам трудно не подать милостыню. Ну и видок! Что за светящиеся в темноте раны?.. Ох, дайте мне прийти в себя.

Нищий выпрямился и пожал плечами.

— Этот грим — новое хитроумное изобретение нашей лаборатории.— Махони поежился и выпрямился во весь рост.— Я говорил им, что это уж слишком, да разве меня кто послушает, дьявол их забери!

Стэн покачал головой и прислонился к обшарпанной стене какого-то здания, краем глаза наблюдая за входом в аллею.

— Докладывай,— коротко сказал Махони.

Стэн поведал командиру о том, как успешно завербовал своих наемников, ни один из которых еще не попытался вставить ему нож в спину, о том, как удачно провел первый рейд против дженнов, поддавшись искушению взбесить их и руководствуясь более эмоциями, нежели здравым смыслом, о том, как Паррел начал вести с ним переговоры о свержении Теодомира.

— Никаких сюрпризов больше нет,— закончил свою речь Стэн.

— А как насчет Софи?

У Стэна отвисла челюсть от удивления, а Махони лукаво заулыбался.

— Видишь ли, мой мальчик, я перестану совать нос в твои, так сказать, личные дела только тогда, когда ты покинешь отряд богомолов. Но...

— Что вам известно о ней? — перебил Стэн.

— Девятнадцать лет. Жила в монастыре... нет, ты неправильно истолковал это слово... Девушка получила специальное религиозно-сексуальное образование. Паррел стремится поскорее выпихнуть ее замуж, чтобы породниться с выгодными ему людьми. Отнюдь не девственница. Умна, почти гениальна. Прагматична, хочет вступить в брак по собственному усмотрению, за человека, который, как я полагаю...— Махони решил не перегибать палку. Стэн предпочел держать язык за зубами.— Кажется, дела у тебя складываются удачно, парень. Возникла только одна проблема.

— Какая?

— К сожалению, результаты проведенных нами исследований показали, что сведения об открытии месторождения ценного минерала в созвездии Эрикс просочатся во внешний мир максимум через три стандартных года.

— И?..

— Мне действительно очень жаль, юноша, но не пройдет и двух лет, как каждый бродяга, геолог, старатель, живущий в этом секторе, прознает о регионе Эрикс — и попрется туда прямехонько через Волчьи миры.

Стэн помрачнел.

— Не сгущайте краски, полковник.

— Сама жизнь сгущает краски, Стэн. Итак, твое расписание сдвинулось. Мир и спокойствие должны быть восстановлены в Волчьем созвездии менее чем за два стандартных года.

— Из-за вас, босс, весь день у меня наперекосяк.

— Но ты же успел побывать в гроте,— вкрадчиво сказал Махони.— К сожалению, многое зависит не от меня.

После этих слов Махони сгорбился, прикрыл лицо плащом, вошел в пустынную аллею и вскоре скрылся, оставив Стэна наедине со своими невеселыми мыслями. Укрывшись в тени деревьев, Стэн наблюдал за сиянием первых ярких лучей восходящего солнца, теряясь в догадках, как, черт возьми, Махони удалось узнать о гроте.

Глава 25

Это маленькое серое здание находилось в лощине, расположенной почти в сотне километров к северу от столицы Санктуса. Молодой человек, облаченный в кроваво-красную униформу сторонников Матиаса, подвел Стэна ко входу в здание, открыл перед ним дверь и ушел.

Оглядываясь по сторонам, Стэн сделал пару робких шагов. Стороннему наблюдателю могло показаться, что лощина необитаема, однако Стэн уловил шорохи в мелколесье, когда проходил по ней в сопровождении эскорта, а также дым костров. Лес был объят тишиной — верный признак того, что в нем находились люди.

Стены внутри здания были серыми, как и положено при повышенной влажности — ведь большую часть планеты Санктус занимали водные просторы. Стэн прошел через пустые помещения, напоминающие административные конторы, поскольку были заставлены письменными столами и компьютерами, через заваленные бумагами кабинеты и неожиданно наткнулся на стеклянную стену.

Не считая коротких бриджей, на молодом человеке ничего не было. Стэн стал с любопытством наблюдать, как Матиас продел руки в металлические кольца, приделанные к трехметровым цепям. Казалось, эти цепи свисали из ниоткуда и не подчинялись законам гравитации.

Лоснящееся тело Матиаса представляло собой груду переливающихся мышц. Даже Стэн был поражен, с какой легкостью он подтянулся на кольцах. Мышцы живота атлета напряглись, когда он поднял ноги и сделал стойку на руках. Сначала Матиас отжался невероятное количество раз, затем медленно исполнил петлю в полный оборот. Он упражнялся снова и снова, но в конце концов разжал руки, закрутился в двойном сальто и идеально приземлился на ноги.

Стэн тихо присвистнул и вошел в стеклянную дверь. Матиас моментально заметил его и выкрикнул приветствие:

— Полковник, вас послал к нам сам Господь Бог!

Молодой человек поднял с пола полотенце и принялся вытирать взмокшее от пота тело. Стэн подошел к нему и пожал руку. Пока Матиас облачался в незамысловатый костюм из грубой ткани, Стэн рассматривал кольца.

— Отлично!

— Правда? — улыбнулся Матиас.— Мои друзья и я стремимся совершенствовать наши тела.

— Ваши друзья? — Стэн вспомнил запах костров.

— Компаньоны,— уточнил Матиас, беря Стэна под руку и ведя к задней двери.— Вы что-нибудь слышали о них?

Конечно же, Стэн слышал о шестистах молодых придворных, очень состоятельных и очень религиозных. Они вели аскетический образ жизни, получая удовольствие от занятий спортом, поединков и молитв, а также были беззаветно преданы Матиасу и древним канонам религии Таламейна.

— Да, я слышал о них.

Стэн прибыл на Санктус по личному приглашению Матиаса, в вежливой форме умолявшего полковника о визите. На то были веские причины, как заверил Стэна сын пророка. И хотя Стэн был ужасно занят, он, по политическим соображениям, решил уважить просьбу Матиаса.

— Я следил за вашими действиями,— сказал молодой человек, когда они вышли за дверь и стали спускаться по тропинке в папоротниковый лес.

Стэн ничего не ответил. Он ждал.

— Должен признаться, полковник, я восхищен вами.— Немного поколебавшись, Матиас добавил, как бы невзначай: — Так же как и мой отец.

Стэн молча поклонился, выражая свою признательность.

— Я вот тут размышлял,— продолжал Матиас,— вы и ваши люди принимаете главный удар на себя, за что мы вам очень благодарны. Но это неправильно.

Сын пророка поднял руку, призывая Стэна к молчанию.

— Жителей Санктуса можно было бы считать настоящими победителями только в том случае, если бы они проливали собственную кровь. Не поймите меня превратно, я ни в коей мере не хочу оскорбить ваше достоинство, но считаю, что наши люди способны сражаться ничуть не хуже наемников.— На лице Матиаса появилась пренебрежительная улыбка.— Мы нисколько не сомневаемся в том, что все ваши действия продиктованы преданностью делу Таламейна и истинного пророка — моего отца.

На сей раз Стэн насторожился.

— У меня есть к вам предложение, полковник. Нет, просьба.

Они свернули на тропинку, ведущую на прогалину. Матиас указал рукой в сторону группы людей в кроваво-красной форме, выстроившихся в несколько рядов. То были шестьсот его компаньонов. Молодые люди без всякой команды подняли руки, отдавая салют своему предводителю.

— Матиас! — кричали они в унисон.

Стэн слегка вздрогнул, когда Матиас громко крикнул им в ответ:

— Друзья!

Компаньоны стали бодро скандировать. Сияющий Матиас повернулся к Стэну лицом.

— Полковник, я вручаю вам мою жизнь и жизнь моих людей.

Стэн растерялся, не зная, как отреагировать на такое заявление.

— Что мне делать? — спросил Стэн Алекса.

Здоровяк расхаживал взад-вперед по рубке управления корабля бхоров.

— Они ведь не профессионалы.— Стэн плюхнулся в кресло.— Послушай, Махони передвинул сроки проведения операции на целый год.

— Завербуем еще немного ребят,— сказал Алекс.

— У нас нет на это времени. Люди нужны прямо сейчас. Будем вербовать везде, где только возможно.

— Пушечное мясо,— заметил Алекс.

Стэн покачал головой.

— Парни, конечно, не профессионалы, но в прекрасной физической форме. Кроме того, приказы они будут выполнять беспрекословно. Все, что от нас требуется,— переучить их на свой лад и сколотить настоящий отряд.

— Кто же займется их подготовкой? — подозрительно спросил Алекс.— Ффиллипс? Будет тренировать этих юношей как коммандос? На это уйдет уйма времени.

— Может, Восбер? — спросил Стэн, едва сдерживая смех.

— Нет-нет, только не он. Ребята станут еще хуже.

Стэн улыбнулся.

— В таком случае ответ напрашивается сам собой.

Алекс был в шоке.

— Я? — Он ткнул себя мясистым большим пальцем в грудь.— Будь я на твоем месте, я бы не стал делать Килгуру такое «одолжение».

— Я-то думал, ты сам этого хочешь.— Стэн вручил Алексу карточку.— Думаю, Рыжий Рори-Реклама, обучение компаньонов стоит начать с...

Глава 26

Алекс включил микрофон, прикрепленный к его шее.

— А теперь дружно встали и пошли на поле.

Пятьдесят компаньонов Матиаса окопались на вершине лесистого холма. Молодые люди были сильно озадачены, не имея ни малейшего представления о том, что им предстоит делать.

«Это будет небольшим доводом против героизма»,— подумал Алекс, прячась за кустом, в то время как на другом конце поросшего кустарником поля появились еще пятьдесят компаньонов, держа оружие наготове. Отряд новобранцев Матиаса был разбит на обычные взводы.

Алекс зевнул и потянулся, ожидая, когда солдаты подойдут ближе. Как только один из компаньонов приблизился к Алексу вплотную и вскинул на плечо автомат, шотландец стукнул его кулаком по шрапнельному шлему. Компаньон рухнул, потеряв сознание, после чего Алекс снова напомнил себе, что «с этим слабогравитационным народцем следует обращаться помягче».

Алекс подал сигнал «к атаке». На холме раздался оглушительный взрыв. Залегшие в окопах компаньоны открыли огонь. Одни из солдат, оказавшихся на открытой местности, бросились искать укрытие, другие с криками ринулись в атаку. Грохот канонады усилился. Алекс подождал шесть секунд, а затем выскочил из своего укрытия, пригнулся пониже и заорал в микрофон:

— Прекратить огонь, кровожадные вонючки! Прекратить огонь!

Стрельба стихла. Компаньоны-новобранцы, находившиеся на открытой местности, застыли в позах, которые приняли перед командой Алекса. Килгур махнул рукой другим пятидесяти компаньонам, приказывая покинуть окопы и спускаться вниз, на поле. Новобранцы выползли из своих укрытий и выстроились в две шеренги. Каждый солдат нес пластиковую мишень. Хитрость этого учения в том

и заключалась, что живые люди были заменены мишенями. Алекс хихикнул, предвкушая, как сейчас повеселится, устроив компаньонам разборку.

Он прошелся вдоль рядов атаковавшего взвода. Компаньон, предположительно нашедший укрытие, выдержавшее наступательный огонь, был заменен одним типом мишени — частью человеческой головы. Если бы он, напротив, спрятался за кустом (что, как правило, происходило в настоящем бою), на его месте появилась бы пластиковая голова и половина туловища. На местах компаньонов с замедленной реакцией или дураков, с трудом догадавшихся распластаться на земле или вовсе оставшихся стоять, появились мишени в человеческий рост. Самые огромные мишени заменили паникеров.

Потом Алекс приказал новобранцам снова взобраться наверх, к окопам, и занять боевые позиции. На сей раз командиры взводов раздали боевые патроны.

— Открыть магазины, зарядить автоматы! — приказал Килгур.— Слушай мою команду! Огонь!

Над холмом раздался треск автоматных очередей. Теперь уже Алекс подождал, пока новобранцы расстреляли все свои патроны (магазины боевого оружия, которым пользовались компаньоны и наемники, вмещали в себя по пятьдесят патронов и не шли ни в какое сравнение с вытянутыми магазинами замечательных имперских виллиганов, вмещавших по 1400 патронов каждый). Алекс приказал компаньонам покинуть окопы и спустился с холма. «Если бы Бог наделил вас даром видеть себя со стороны, вы бы посочувствовали слишком мягкосердечному Алексу»,— подумал Килгур, подводя отряд из ста человек то к одной мишени, то к другой.

— Теперь каждый из вас может лично удостовериться, что происходит с человеком, не нашедшим укрытия во время боя,— сказал он.— Взять, например, тебя, парень. Неужели ты не нашел поблизости хотя бы маленький кустик, за которым можно было бы спрятаться? Видишь, что от «тебя» осталось?

Новобранец с грустью посмотрел на изрешеченный пулями силуэт, тяжело вздохнул и кивнул головой. Алекс ударил по одной из прошитых пулями пластиковых мишеней кулаком.

— Я бы не посмел ударить героя. Но тот «смельчак», который погиб, не успев даже приблизиться к врагу, недостоин уважения. Думаю, он просто болван.

Компаньоны, воочию убедившиеся в том, что мог с ними сделать вражеский взвод, серьезно задумались над важностью боевой подготовки по дороге в походный лагерь.

Во взрывной мине, созданной в сороковом столетии, не было ничего особенного, кроме, возможно, того, что она здорово напоминала осколок метеорита. Такая мина могла сколько угодно беззаботно «плавать» в космосе, пока в радиусе ее действия не появлялся вра-

жеский корабль подходящих размеров,— тогда она и «просыпалась». Проблема заключалась в том, что после войны приходилось вспоминать, когда и куда они были сброшены, и пытаться обезвредить их. Однако наемников Стэна, не желавших торчать в Волчьем созвездии ни одной наносекунды после того, как игра будет окончена, это нисколько не волновало.

Люди Восбера и Ффиллипс, входившие в состав смешанного подразделения, разбросали полсотни подобных «булыжников» на орбите одного из главных дженновских патрульных спутников, после чего вернулись на корабль бхоров так же беспрепятственно, как и покинули его.

В первую неделю на минах никто не подорвался, но затем на одну из них напоролся огромный корабль, груженный топливом.

Стэн решил, что его команде ужасно повезло — поскольку до этого не произошло никаких взрывов, дженны не успели насторожиться. Маленькая ядерная чертовка уничтожила не только корабль с топливом, но и два сопровождающих его крейсера, а также пилотируемое судно, вышедшее им навстречу.

Разбросанные в нужных местах мины могут оказаться очень действенным оружием.

«Беда не в том, что компаньоны постоянно поют, куда бы они ни пошли. Беда в том, что музыкальный вкус у них ужасный. Разве нормальный человек может постоянно распевать скорбные гимны и повторять нараспев, как прекрасно встретить смерть в сражении с дженнами?.. Правда, в истории моего рода тоже есть довольно много темных пятен»,— справедливости ради отметил Алекс.

— Семьдесят секунд,— объявил один из лейтенантов Ффиллипс.

Иган со своими прилежными компьютерщиками не обратили на его слова никакого внимания. Двенадцать из них, с несколькими коммандос Ффиллипс, напали на один из спутников наблюдения дженнов. Трое дженнов, несших вахту на посту, были ликвидированы, и у Игана с его ребятами появилась серьезная работенка.

Проводки, реле, лазерные передатчики и оптиковолоконные кабели заполонили напичканный электроникой пункт связи спутника. Лицеисты ждали дальнейших распоряжений, пока Иган подбирал ключи на метровой ширины приборной доске, доставленной ими на спутник. Набрав последний ключ, Иган выключил пульт управления.

— Прекрасно! Можно взрывать эту лавочку.

Один из лейтенантов Ффиллипс отсалютовал и приступил к подготовке взрыва.

Банда лицеистов установила на спутнике терминал. Они намеревались проникнуть в дженновский боевой компьютер и выкрасть из записей судового журнала все сведения об акциях наемников.

«После этого плохим ребятам трудновато будет произвести тактический анализ. Работенки хватит на целый день. Отлично продуманная система, тут уж ничего не попишешь»,— размышлял Иган, войдя в компьютер, так сказать, через замочную скважину. Он никому не сообщил, что стер также записи, в которых было хотя бы малейшее упоминание о нем самом, Игане, и своих ребятах, и добавил команду «Забудь об этом» на тот случай, если кто-то захочет поинтересоваться их биографиями. В конце концов, солдат должен защищать свой тыл, ведь никакой гарантии того, что хорошие ребята победят, нет.

Итак, рейды продолжались. Результатами их проведения были: внезапно исчезнувший дженновский патрульный корабль; уничтоженный внешний спутниковый пост дженнов, с которого долго раздавались мольбы о помощи; подбитые корабли торговцев, вынужденных вернуться на свои планеты; несколько «ликвидированных» дженновских администраторов.

Человек гораздо крупнее москита, но и москит способен одолеть человека, если у него будет достаточно времени на то, чтобы высосать всю кровь. Вся военная мощь, подвластная Стэну, не составляла и одной миллионной от той, которой располагали дженны. Однако Стэн медленно выкачивал из дженнов кровь.

— Ты уверен?

— Совершенно,— ответил Алекс.— Компаньоны прошли хорошую подготовку и готовы идти в бой.

«Отлично,— подумал Стэн.— Теперь остается только определить, где и когда».

Глава 27

Стэн наблюдал за Софи с повышенным интересом, который она приняла за повышенный скептицизм. Они оба посматривали друг на друга с опаской.

Стэна многое удивляло в ее поведении. В частности, до его сознания не доходило, почему столь молодая женщина предпочитала такое необычное времяпрепровождение любовным утехам при зажженных свечах. А ведь ее тело, от полуопущенных бровей до кончиков пальцев, было таким соблазнительным!..

Софи, обнаженная и улыбающаяся, стояла на берегу, усыпанном черным вулканическим песком, и ожидала, когда Стэн подойдет к ней. У ее ног лежали две трехметровые прозрачные пластиковые доски ручной работы. Средняя, самая широкая — метровой длины,— часть каждой доски постепенно сужалась и переходила в узкий загнутый нос. К днищу хвостовой части досок были прикреплены рулевые лопасти.

Стэну, привыкшему считать, что лучшим местом для воды являлся аквариум, трудно было понять восхищение небтанцев водными видами спорта.

— Вы колеблетесь, о мой бравый полковник?

— Ты права, мать твою,— прошептал себе под нос Стэн, переводя взгляд с экзотических приспособлений для плавания на океан.

Хотя на Небте приливы, как правило, были мягкими, в некоторых прибрежных зонах, где рельеф дна отличался глубокими впадинами и наличием рифов, волны достигали огромных размеров. Таковым было и это побережье — одно из, казалось, бесчисленных убежищ Паррела. Укрытый зарослями тропического леса, неподалеку от крошечной, не более четырех километров в ширину, бухты стоял маленький коттедж. Волны изрядно поработали над созданием бухты, набирая во время приливов силу и вздымаясь вверх на высоту десяти-двенадцати метров, прежде чем обрушиться на берег.

Одна из таких волн с ужасающим грохотом налетела сейчас на маленькую бухту, покрыв метров триста ее берега. Брызги пены взмыли высоко к небу. Казалось, земля задрожала от такого натиска стихии. Стэн поморщился.

Софи похитила его на три дня. Стэн с удовольствием позволил ей это, хотя в мозгу его постоянно крутилось строгое предупреждение Махони о сдвинутом расписании и ограниченных сроках выполнения задания. Он все еще не составил четкого плана следующего нападения, которое должны были совершить наемники под его командованием.

— Это что, вид спорта? — спросил Стэн.— Больше похоже на ритуальное самоубийство.

Вместо ответа Софи отбросила одну доску на песок, к его ногам, подняла другую и ринулась навстречу закручивающейся пенистой волне.

«Махони, неужели мне суждено погибнуть, следуя этим странным местным обычаям?» — подумал Стэн, поднимая доску и забегая в воду. Распластавшись на непонятном прозрачном предмете, он заскользил по набегавшей волне вслед за девушкой.

Стэн не разделся догола, оставшись в коротких шортах, несмотря на насмешки Софи и ее собственный пример, отвесив плоскую шутку насчет того, что лишний киль ему все равно не понадобится.

«И все же,— подумал он, неуклюже гребя в надежде догнать Софи,— открывающийся отсюда вид стоит такого испытания».

Вдруг волна захлестнула Стэна, подхватила его доску, и он вынужден был вернуться на берег, чтобы выловить ее. Посмотрев в океанскую даль, Стэн заметил, как Софи ухватилась за доску обеими руками, выпрямилась и понеслась вперед на гребне большой волны.

«Этому стоит поучиться»,— подумал он, снова входя в воду. Боги, казалось, смилостивились над Стэном, утихомирив волны. Ему удалось оседлать свою доску и подплыть совсем близко к Софи.

— О, принцесса,— начал он, выплевывая соленую на вкус воду,— ты ознакомила меня с прекрасным видом спорта. Теперь, полагаю, неплохо было бы немного покачаться на волнах, лежа на этих странных снарядах, пока ультрафиолетовые лучи солнца не согреют нас, а затем отправиться обратно и заняться тем, чем занимаются все животные в брачный период. Согласна?

Когда позади них выросла волна, Софи засмеялась и принялась энергично грести руками. Волна подхватила ее и начала поднимать все выше и выше. Стэн, никогда прежде не сталкивавшийся с океаном близко, ужаснулся, услышав зловещий грохот обрушившейся на берег волны.

«Да тут запросто можешь утонуть, выделывая такие номера»,— подумал он, страшно удивившись, когда увидел Софию, присевшую на корточки, затем выпрямившуюся и высоко взмывшую в воздух на доске над колоссальной волной. Стэн как завороженный наблюдал, как умело балансировала она своим телом, ловя вздымавшиеся волны, плавно соскальзывая с одних, которые неминуемо должны были обрушиться на берег, на другие, которые только набирали силу.

«Невероятно! — настойчиво твердил его мозг.— Нужно взобраться на это плавучее средство, оседлать океанскую волну, несущуюся к берегу со скоростью не менее пятидесяти миль в час, встать, постоянно балансируя, и при этом еще оставаться способным...»

Софи крепко держалась пальцами ног за специальные углубления в доске, продолжая нестись по нескончаемым волнам. Очередная гигантская посланница океанского царя со страшным грохотом обрушилась на берег. Стэн чуть не захныкал: «Ну почему я должен был влюбиться в женщину-самоубийцу?»

Он отчаянно греб обратно к берегу, а в мозгу его эхом отдавалось: «Любовь? Софи? Ты прибыл сюда для выполнения специального задания империи. Секс — это одно, любовь — это... А знаешь ли ты, что такое любовь?»

«Да, знаю,— отвечал ему внутренний голос.— Я помню, как ты убивался, думая, что Бэт погибла. Я помню Виннетсу и внезапное воскрешение Бэт. Но я также помню и то, что ваша с Бэт любовь увяла и вы вдруг, незаметно для самих себя, стали просто друзьями. Ну и мысли у тебя,— подшучивал над Стэном все тот же внутренний голос.— Хороший способ избавиться от необходимости делать то, что делает Софи».

Стэн нырнул, чтобы поймать следующую волну.

И следующая волна стала расти, и Стэн осторожно взобрался на доску и встал на ноги, и почему-то не упал, и почувствовал, как воющий ветер подталкивает его в спину и несет вперед так же, как и волна, находящаяся под ним. Он ощутил невероятный душевный подъем и сильное возбуждение, когда набиравшая скорость волна понесла его к самой вершине, на гребень, и...

Волна закрутилась и обрушилась в пропасть, увлекая за собой какие-то щепки, несколько бревен, Стэна и его доску. Вначале доска оказалась над головой Стэна, а затем и вовсе исчезла. Несчастного полковника накрыло волной и выплеснуло на берег. Он лежал, не в состоянии пошевелиться, бездумно пережевывая песок и маленьких прибрежных рачков, набившихся в его рот вместе с водой. Наконец ему удалось подняться из океанской пены. На берегу царило полнейшее спокойствие, нарушаемое лишь смехом Софи.

Стэн убрал с лица океанские водоросли, сплюнул остатки моллюсков и вышел на берег.

— Я вижу, ты готов снова попробовать?

— Через пару минут,— парировал Стэн.— Сначала давай перекусим.

И он медленно поплелся по берегу к месту, оборудованному для пикника. Софи последовала за ним. Стэн был абсолютно уверен, что, даже если ему будет сопутствовать удача и даже если он будет пьян и одет в специальный спасательный костюм, он никогда в жизни не подойдет больше к этой доске-убийце ближе чем на пушечный выстрел.

Глава 28

Стэн и Матиас вошли в ангар, под крышей которого собрались наемники Стэна и компаньоны Матиаса.

— Люди пророка! — воскликнул Матиас, и Стэн поразился силе голосовых связок своих подчиненных, когда грянул гром ответного приветствия.

— Мы вступаем в схватку с сердцем дженнов! — громким голосом продолжал Матиас.— С Ингильдом! Мы уничтожим ересь и будем сражаться до победного конца во славу Теодомира и истинной веры Таламейна!

Услышав оглушительные возгласы ликования, донесшиеся со стороны легионов Матиаса, Стэну показалось, что он вновь на гребне той волны, которая чуть не раздавила его прямо на глазах у Софи. Стэн почти избавился от наваждения, однако благодаря накопленному годами опыту научился никогда не расставаться до конца с воспоминаниями подобного рода. Он решил обмозговать появляющиеся в этой связи ассоциации позже.

Матиас улыбнулся и поклонился Стэну.

— Наш доблестный полковник, предводитель, человек, который приведет нас к победе, расскажет сейчас, каким образом мы одолеем Ингильда, а также уничтожим те ложь и зло, каковые изначально заложены в учении антипророка и на коих основана прогнившая насквозь империя дженнов.

— Ну, полковник,— полушепотом произнес Алекс, стоявший за спиной Стэна,— ты, конечно, человек умный, но запудрить им моз-

ги будет не так-то просто. Не знаю, удастся ли тебе выкрутиться из этой ситуации.

Стэн этого, черт побери, тоже не знал. В громадном ангаре воцарилась полная тишина. Стэн посмотрел на огромную, размерами со стену, цветную карту с изображением военных гарнизонов на планетах дженнов, в надежде, что его посетит вдохновение, и начал медленно излагать свои мысли относительно хода сражения...

Глава 29

Ото снова наполнил кружки Стэна и Алекса стреггом, громко засмеялся и сказал:

— Нет, я не желаю слушать, что ты там наплел этим фанатикам. Однако раз уж ты здесь...— Голос Ото утонул в кружке со стреггом.

Алекс, следуя его примеру, хорошенько приложился к крепкому напитку. Стэн осторожно отодвинул свою кружку в сторону.

— Обрисую ситуацию. Наша цель — Урич, единственная планета в Волчьем созвездии, на которой дженны строят свои космические корабли.

— Ик! — согласился Ото.

— Итак, наша цель — захват всего комплекса.

Загудела приборная доска, в воздухе завибрировало голографическое изображение.

— Корабельные доки комплекса обозначены зеленым цветом; взлетно-посадочные площадки — голубым; лазеры, ракеты «космос — воздух» и многозарядные боевые орудия — красным.

Ото встал, не отрывая глаз от изображения, и произнес:

— Клянусь бородой моей мамы, черные неплохо оборудовали этот комплекс. Как обыкновенный коммерсант, не обладающий твоими знаниями, могу сказать, что никогда в жизни не додумаюсь сам, каким образом вы, гуманоиды, собираетесь захватить эту планету.

— А мы не собираемся это делать. Наша задача — совершить еще один набег и уничтожить комплекс.

— Будете использовать адские ядерные бомбы?

— Не угадал.

— Если бы я был воином, каковым, благодарение бороде моей мамы, не являюсь, мне бы понадобилось целое войско бхоров и несколько планетарных циклов, чтобы уничтожить это осиное гнездо.

— Нам надо взорвать только вот это место.— Стэн ткнул пальцем в огромное строение, которое находилось в центре комплекса, километр в ширину и два километра в длину.— Для начала пробьем снарядами фюзеляжи кораблей, и порт превратится в не что иное, как док для починки яхт.

Стэн нажал на другую клавишу пульта управления, изображение стало расплывчатым, затем сфокусировалось, на сей раз обозначив

спаренные корпуса завода — мрачные темно-серые строения. Над проекцией зависло изображение жизненно важных объектов завода — железобетонных конструкций и тетра-лучевой защиты. Стены, толщиной в пятьдесят метров у основания, постепенно сужались, и под покатой крышей их толщина уже достигала двадцати метров. С каждой стороны строения находились грейферные двери с контрольными будками, установленными в центре панелей.

— Здесь расположены наблюдательные пункты и аварийные установки, а между ними, в длинном туннеле,— административный центр, тянущийся вдоль внутренней части завода и составляющий средний этаж здания,— объяснил Стэн.

— Да у тебя в голове целый склад информации об этой штуке, полковник,— с восхищением произнес Ото.— Могу ли я узнать о ее источниках?

Алекс с гордостью сказал:

— При соответствующем освещении я выгляжу как заправский дженн!

Ото чокнулся кружкой с Килгуром, они выпили гремучую перченую смесь и наполнили кружки снова.

— Я уже чувствую, как меня касаются ветры перемен,— сказал Ото, с уважением глядя на Стэна.— Что требуется от бхоров?

— Две вещи. Самое главное — пятьдесят пилотируемых лайнеров.

— Для какой цели? — нахмурился Ото.

— Чтобы высадить отряд на планете. Затем вы и ваши пилоты откроете вспомогательный огонь.

— Нет, не пойдет.— Ото резким движением отстранил свою кружку и сгорбился. На его красном, как свекла, лице появилось скептическое выражение, какое бывает у торгашей при заключении сомнительной сделки.— Наверное, вы не понимаете, какую позицию занимают бхоры. Мы действительно не в восторге от дженнов и не упускаем возможности насолить им. Но все наши акции можно сравнить с блошиными укусами. Они не считают нас своими кровными врагами. Справедливость не всегда торжествует, вам известно это не хуже моего. Если вы проиграете... и благодаря счастливой случайности останетесь живы, вы и ваши солдаты сразу же отправитесь на другую войну, не успев как следует зализать раны. А мы, бхоры, останемся пожинать плоды ярости дженнов... Итак, мы охотно будем сопровождать вас и ваш отряд, полковник, и даже поможем с перевооружением. Но сражаться вместе с вами в этой войне?.. Нет уж, увольте.

Лицо Алекса сделалось пунцовым, он готов был что-то ляпнуть, но Стэн жестом запретил ему это делать.

— Мне понятны твои опасения, Ото. Ты должен заботиться о своих людях.— Когда Ото потянулся за своей кружкой, Стэн тихо добавил: — О своих людях и о своих... потомках.

Ото просиял, оторвавшись от кружки.

— Прими мои извинения, Ото. А теперь прости, нам нужно кое-что обсудить.

Стэн встал, Ото тоже поднялся и шаткой походкой направился к двери.

— Каждый должен сражаться со своими стрегганами.

До того как Ото успел отреагировать на последнюю фразу, Стэн отвернулся от него и подошел к распределительной доске.

— Как любил говаривать мой дедушка, ты положил в хаггис больше меда, чем уксуса,— сказал Алекс, восхищаясь выдержкой Стэна.

Стэн нахмурился, пожал плечами и сел за распределительную доску. Опустив с потолка терминал, он внимательно посмотрел на голографическую карту и начал сочинять боевой приказ.

Двери бесшумно распахнулись, на пороге стоял Ото.

— Клянусь отмороженной задницей своего отца, это действительно твои стрегганы! — Ото подошел к недопитой кружке со стрегганом, осушил ее, снова наполнил и проворчал: — Если бхорам необходимо встать на чью-то сторону, то они, по крайней мере, должны ознакомиться со всей имеющейся информацией.

Ото склонился над терминалом Стэна...

БОЕВОЙ ПРИКАЗ 14

Только для прочтения.

Подлежит распространению среди узкого круга офицеров и конкретных личностей.

Всем получателям расписаться в ознакомлении с приказом.

Делать копии запрещено.

По завершении ознакомления приказ передать сопровождающей охране для возвращения его в штаб-квартиру.

Примечание: Вовлеченному личному составу туземцев (воздушный командный состав бхоров, компаньоны Матиаса) приказ будет передан устно. Настоящий приказ не подлежит обсуждению в их присутствии.

Ситуация: По данным военной разведки, после успешного проведения первой операции «Вооруженный налет» и после присоединения к главному действующему отряду компаньонов Матиаса высшее военное командование дженнов, а также иерархи, поддерживающие теократическую форму правления Ингильда, заняли оборонительную позицию.

Необходимо учесть тот фактор, что после разгрома Цитадели, оплота дженновской морали, внутригосударственный конфликт, длившийся на протяжении многих столетий, вошел в активную фазу. Вышеуказанное вызвало не только падение боевого духа части дженнов, но и значительный рост числа самоубийств среди офицерского состава.

Гарнизоны дженновских патрульных служб, находившиеся прежде в четырех системах, покинуты, поскольку подразделения были переформированы и передислоцированы в гарнизоны, расположенные на главных планетах. По прогнозу разведслужбы, дженны проведут наступление через шестьдесят стандартных дней. Нападение будет, скорее всего, совершено либо на Небту, либо на Санктус.

Такое наступление недопустимо.

Задача: Боевая операция, в результате которой пала Цитадель, способствовала быстрому духовному обнищанию большей части дженнов. Вследствие проведения второй операции дженны лишатся возможности непосредственного патрулирования систем, находящихся под их контролем. Планета-цель — Урич, база военно-космического флота дженнов. (См. прилож. А, подробное описание объекта, расположенного на планете Урич.)

Первый силовой удар будет нанесен при содействии компаньонов Матиаса по взлетно-посадочному полю и по возможности будет направлен на полное уничтожение боевого оснащения флота, корабельных конструкций, топлива и материально-технической базы.

Руководство к действию: Первоначально, с согласия Паррела, к Уричу на расстояние четырех планетарных диаметров приблизятся вооруженные торговые корабли (подробности — прилож. Б). Корабли останутся на внешнеатмосферной орбите, а от них отделятся штурмовые и тактич. воздушные звенья. По завершении нападения торговые суда сядут на Урич, чтобы подобрать штурмовые и тактич. воздушные звенья. В боевом развертывании участвуют пятьдесят модернизированных планетарных бхоровских лайтеров с установленными на них орудиями средней дальности (подробности — прилож. В). Лайтеры будут обеспечены продовольствием и ремонтными бригадами. Управлять лайтерами будут пилоты личного состава команды бхоров (подробности — прилож. Г). Вышеуказанные бхоровские лайтеры обеспечат высадку группы штурмовиков и активное подавление огня противника (подробности относительно боевого формирования и особого технического оснащения — прилож. Д).

Главное боевое подразделение размещается на видоизмененном тяжелом грузовом судне класса «Притчард» (подробности относительно видоизменения — прилож. Е). Экипаж судна будет состоять из добровольцев, так же как и штурмовые отряды первого удара. Дополнение: на этом же судне располагается штаб-квартира. Тяжелое грузовое судно будет основным звеном и при первой волне нападения нанесет со-

крушительный удар по цели номер один, дженновскому корабельному оборудованию и цехам, производящим двигатели. На грузовом судне устанавливаются мощные взрывные устройства, при помощи которых будут произведены разрушительные взрывы менее чем через час после приземления групп штурмовиков. В дополнение к вышесказанному, штурмовики выборочно взорвут другие объекты, вступят в бой с наземными силами противника и помогут бхоровским тактич. воздушным звеньям уничтожить вражеские пусковые ракетные установки.

Координирование...

Стэн выключил терминал.

«Какое может быть "координирование" в этой "сборной солянке"? Прежде всего мне необходимо составить "букет" из парреловских торговцев и вынудить их забрать нас из самого сердца дженновской империи. Затем я должен буду добиться загрузки бхоровских лайтеров моими неприветливыми головорезами, каким-то образом попытавшись предотвратить столкновение между бхорами, наемниками и фанатиками Матиаса. Если мне удастся со всем этим справиться, я направлю в убийственную атаку чертово грузовое судно, которое до сих пор и в глаза еще не видел, прямо в центр этого громадного треклятого ангара. Каким-то образом оно должно пройти незамеченным, каким-то образом избежать обстрела и каким-то образом зависнуть над объектом и сдерживать дженнов до тех пор, пока корабли Паррела не опустятся и не заберут нас».

«Ничего из этого не выйдет, друг мой Стэн»,— говорил ему внутренний голос.

«Конечно нет. А у тебя есть идея получше?»

«Иди посмотри, чем занимается Софи»,— подсказывал ему все тот же внутренний голос.

Поскольку никаких аргументов против Стэн не нашел, он закодировал вход в компьютер и направился к особняку Паррела.

Глава 30

Паррел просмотрел последние доклады Стэна. Все складывалось в точности так, как и обещал этот человек. Серии удачных рейдов заставили дженнов поплясать. Теперь молодой полковник готовил мастерский удар: дерзкое нападение должно было сломить решимость дженнов продолжать войну.

Паррел прищелкнул языком.

«Да, парень на деле доказал, что платим мы ему не зря». Естественно, Паррел нисколько не сомневался, что Стэн почтет за честь принять все условия нового контракта. «Молодой глупец! Неужели

он не понимает, что, когда последнее сражение будет выиграно, ему придется сделать все, что прикажут? Этот полковник завоюет для меня созвездие!»

Паррел вздохнул. Очень скверно — ему действительно начинал нравиться этот человек.

Он провел компьютерный анализ донесений своих шпионов, сопоставив их и проверив, чтобы убедиться, не были ли упущены какие-нибудь детали и не прослеживались ли неувязки в сценарии. И вновь пришел к заключению, что есть только один способ избежать столкновения со Стэном — полковник и его наемники должны умереть. А Матиас? Еще одна неудача в военном бизнесе.

Паррел также поздравил себя с появившейся гарантией защиты от возможной угрозы со стороны дженнов или того, что от них останется после проведения рейда. Он с радостью подумал о прекрасно вооруженных космических кораблях, закупленных тайно и переданных его надежным людям. Эти корабли смогут отразить любую атаку, какая бы сторона ее ни проводила.

Довольный сам собой, Паррел выключил компьютер. Затем наполнил свой бокал вином и выпил за Стэна и его людей, которые в скором времени должны были завоевать для него новую империю.

Глава 31

Стэн решил, что название у судна просто ужасное. Тяжелые грузовые суда класса «Притчард» были ответом на один из тех вопросов, который никто никогда не задавал. Лет сто назад некий умник решил, что появилась нужда в малоскоростных, высокоэффективных тяжелогрузах для работы в глубоком космосе, способных также входить в атмосферы любых планет.

Дизайнер, должно быть, не учел факта наличия планетарных лайнеров — высокоскоростных, предназначенных для перевозки предметов роскоши и ценных грузов, а также последующее полное банкротство любых компаний, которые будут производить большегрузы.

Корабли класса «Притчард» были сконструированы по последнему слову техники, так что модифицировать их было почти невозможно. Тем не менее из главных служб они перекочевали во вспомогательные, затем — в системные, и в конце концов большинство из них оказалось в руках частных владельцев.

Наглядным примером было судно «Атерстон», стоившее чуть меньше груды металлолома. Бхоры отбуксировали этот корабль на Небту и поставили на прикол в одном из самых уединенных мест обширной экваториальной зоны, а парреловские высококвалифицированные корабельные мастера, совместно с бхоровскими специалистами, возглавляемые Восбером, приступили к работе.

Внешний вид «Атерстона» не претерпел никаких изменений.

Корабль с самого начала имел задранный кверху конусообразный нос и выдвижные приспособления для планетарных загрузок и разгрузок. Нос судна был основательно нашпигован сверхпрочным железобетоном, так же как и пятидесятиметровая передняя его часть, а выдвижные приспособления были сужены до таких размеров, что по ним едва мог пройти выстроенный в две шеренги взвод. К командной капсуле приделали огромный стальной шар с крохотными прорезями для наблюдения; шар крепился к капсуле перепончатыми подпорками.

И наконец, чтобы напрочь разрушить любое представление об эстетическом вкусе, если капля такового была вложена в это ржавое корыто при его создании, прямо к средней секции корабля были припаяны два двигателя Юкавы. Сопла, словно цветущие анемоны, торчали из-под носовой части корабля.

— Какова красотка, не правда ли, сэр? — игриво спросил Восбер.

Стэн пожал плечами.

— В жизни не видел лучшего дизайна для бомбардировщика-самоубийцы,— продолжал Восбер.— Думаю, маленький шанс выжить у вас все-таки будет после того, как вы рухнете на этот завод.

— Какой именно? — спросил Стэн.

— Это уж вам решать,— улыбнулся Восбер, но вдруг неожиданно посерьезнел.— Между прочим, полковник, можно задать два личных вопроса?

— Пожалуйста, майор.

— Первый. Предположим, вам... э-э... не повезет и по какому-нибудь нелепому стечению обстоятельств вы попадете в великий пункт вербовки, называемый раем. Кто тогда заменит вас на должности командира?

Стэн улыбнулся.

— Поскольку вы и Ффиллипс оба будете находиться вместе со мной на «Атерстоне», этот вопрос можно считать беспредметным. Договорились?

— Вовсе нет, полковник. Видите ли, я утаил от вас маленький секрет — я верю в свое бессмертие.

— Ха! — фыркнул Стэн.

— Итак, этот вопрос для меня очень важен, потому что ни при каких обстоятельствах я не передам командование своими людьми Ффиллипс, этой надменной чистоплюйке с полным отсутствием интеллекта.

— Думаю, Ффиллипс о вас примерно такого же мнения, майор.

— Возможно.

— Я подумаю над вашим первым вопросом. О чем еще вы хотели меня спросить?

— О рейде на Урич. Есть какая-нибудь вероятность того, что на нем война закончится?

— Нет, майор. Нам все еще предстоит очищать планеты от разбежавшихся дженнов и иметь дело с Ингильдом. А почему вы об этом спрашиваете?

— Просто хочу предостеречь вас, полковник. С той самой минуты, как Паррел или этот придурок-марионетка пророк поймут, что выигрывают...— Восбер провел большим пальцем по своему горлу.— Да будет вам известно, что наемникам всегда выгоднее и проще перерезать горло, чем заплатить кредитками.

— Здравая мысль, майор. Но я уже ответил на этот вопрос. Война еще даже не началась.

Восбер скептически посмотрел на Стэна, отдал честь и развернулся.

— Что это такое, сержант? — спросил Матиас, с любопытством глядя на деревянно-пластиково-бетонную конструкцию, возвышавшуюся над его головой.

— Хитроумное изобретение и дружеская шутка, капитан,— ответил Алекс.— Думаю, ваши ребята уже достаточно хорошо натренированы, чтобы справиться с этим заданием. Отдайте им команду взобраться наверх.

Матиас нахмурился, однако послушно взвалил на плечо увесистый пакет, в котором лежали пластиковые кирпичи, имитирующие взрывные устройства, и веревки, имитирующие бикфордовы и пентритовые детонирующие шнуры.

Как только Алекс отступил на шаг, Матиас дал своему отряду команду «вперед».

Компаньоны быстро вскарабкались на конструкцию и, балансируя, принялись устанавливать в определенных ключевых точках «взрывные устройства».

Алекс посмотрел на секундомер и нехотя признал, что даже фанатики могут хорошо справляться с заданием. Конструкция представляла собой имитацию туннеля с имеющимися в нем замками и затворами, которые отряду предстояло взорвать во время рейда на Урич.

Выполнив задание, Матиас и его люди подошли к Алексу. Сын пророка щелкнул каблуками и отдал честь. Он даже не запыхался.

— Ну как, сержант?

— Я засек время,— сказал Алекс.— У вас неплохой результат. А теперь проделайте то же самое в два раза быстрее и можете считать, что справились с заданием. Ночью вернемся сюда опять — будем тренироваться без света.

На взлетно-посадочном поле было расставлено несколько таких конструкций, и на каждой из них находилось по смешанной группе, состоящей из наемников и компаньонов Матиаса. Они до автоматизма отрабатывали технику диверсионной работы, чтобы, когда нач-

нется штурм Урича, справиться с заданием при любых обстоятельствах — будь они пьяны, заражены отравляющими веществами или ослеплены.

Стэн понял, насколько может быть ужасен в гневе Ото, когда услышал, как разъяренный бхор орал, увидев, что сделали с его торговыми лайтерами:

— Броня! Гранатометы! Щиты! Предохранители!.. Ради бороды моей мамы, вы имеете хоть какое-то представление, сколько времени уйдет на приведение лайтеров в прежний вид?

— Не беспокойся об этом, Ото,— сказал Стэн.— Не исключено, что мы все погибнем на Уриче и проблема отпадет сама собой.

— Ага! — согласился Ото, просияв и похлопав Стэна по спине.— Клянусь внутренностями моего деда, я об этом как-то не подумал. Не жахнуть ли нам стрегга по этому поводу, полковник?

— Матиас?

— Шестьсот обученных новобранцев готовы.

— Восбер?

— Готовы.

— Ффиллипс?

— Все подразделения прошли подготовку, цели знают, готовы приступить к выполнению задания.

— Иган?

— Все сенсоры разведслужбы находятся в состоянии готовности.

— Сержант Килгур?

— Никаких проблем.

— Группа захвата номер один,— сказал Стэн.— Все подразделения должны находиться строго в районе базового лагеря. Молниеносное реагирование по первой команде. Можете проинформировать своих солдат, что периметр патрулируют взводы Паррела. Им приказано стрелять без предупреждения, если у кого-нибудь из солдат вдруг появится желание уйти не прощаясь.

Садимся на корабль через два дня. Надеюсь, все к тому времени закончат сидеть на полной протеиновой диете, запасутся водой, проверят свое снаряжение и соберут походные сумки.

Посадка на корабль будет произведена после того, как я и Матиас вернемся с Санктуса.

Все, господа.

Глава 32

Стэн застыл у небольшого алтаря в кабинете пророка. Рядом с ним стоял Матиас. Из уст Теодомира лился нескончаемый поток молитв. Он читал их нараспев и размахивал палочкой, похожей на дирижерскую, указывая на все четыре стороны света. Наконец Теодомир приблизился к Стэну и остановился.

— Кто выдвинул его кандидатуру?

— Я,— ответил Матиас.

— Был ли совершен надлежащий обряд очищения?

— Был.

— Достоин ли этот человек служить вере Таламейна и ее священным идеалам?

— Достоин, клянусь в этом,— ответил Матиас.

— На колени,— приказал пророк.

Стэн опустился на колени. Теодомир слегка прикоснулся палочкой к плечам Стэна, затем отступил назад.

— Встань, о человек, заслуживающий доверия. Поднимись, воин Таламейна.

Едва Стэн успел подняться на ноги, как Теодомир загасил свечу и задвинул алтарь в стену. Дрожащей рукой пророк схватил полную вина чашу и залпом осушил ее. Сын пророка хорошо умел скрывать свои чувства, однако Стэн уловил тень недовольства, промелькнувшую на его лице.

— Пейте, полковник, пейте,— сказал пророк.— Такой чести вы удостаиваетесь не каждый день.

Стэн поблагодарил Теодомира, налил себе вина и выпил. Пророк с довольным видом потер руки.

— Скажите, полковник, о чем думает солдат накануне сражения?

Стэн улыбнулся.

— Почти ни о чем.

Пророк кивнул, как будто понял, что имел в виду Стэн.

— Да, могу себе представить. Должно быть, эти мысли носят приземленный характер. Плотские мысли. Лично я, как ваш духовный наставник, этого не одобряю. Но как мужчина мужчине, хочу дать вам добрый совет. Я знаю, что множество молодых женщин или... кхм... мужчин охотно разделили бы с вами последние часы пребывания на Санктусе. Воспользуйтесь этим.

Стэн снова уловил во взгляде Матиаса недовольство.

— Спасибо за совет, ваше преподобие. Однако простите, сэр, мне нужно идти — много дел.

Пророк рассмеялся и жестом подал Стэну знак удалиться.

— Идите, идите, занимайтесь своими делами.

Стэн учтиво поклонился, отдал честь, развернулся и вышел. Улыбка померкла на лице Теодомира, как только дверь за полковником закрылась. Выражение его лица стало задумчивым.

— Уверяю,— отреагировал Матиас на немой упрек отца,— он полностью подходит для выполнения этого задания.

— И все же,— произнес пророк,— представится ли тебе возможность в разгар сражения...

Матиас ужаснулся:

— Что ты говоришь, отец?

Пророк просверлил сына насквозь холодным надменным взглядом, напоминая, чтобы он знал свое место. Матиас занервничал, но вида не подал. Наконец Теодомир фыркнул и наполнил свой бокал вином.

— Видишь ли, мне в голову закралась одна мысль... Так или иначе, посвящение полковника лежит полностью на твоей совести.

Теодомир взмахнул рукой, и Матиас вышел. Пророк захихикал, допивая вино и вновь наполняя им свой бокал.

— Тебе еще предстоит многому научиться, сын мой, очень многому.

Глава 33

Урич был так же заложен и сконструирован, как любой хороший военный лагерь. Комплекс был единственным сооружением на абсолютно пустынной планете. С высоты двухсот километров он напоминал гигантскую букву «У». Со стороны его открытой части расстилался мелководный океан, который служил удобным полигоном для испытания двигателей, орудий, а также, конечно, подходящим местом для вынужденных посадок. В центральной, выгнутой, части находилась сама верфь, огромное машинное отделение — спаренный корпус завода. Вдоль корпуса были расположены сборочные цеха, защищенные бункерные склады для хранения топлива, фабрики по производству стали и тому подобное.

Наряду с этим во внутренней части У-образного здания, в доках, стояли главные корабли дженновского флота — несколько крейсеров, несколько облегченных эскадренных миноносцев и множество внутриатмосферных патрульных кораблей. Плюс, естественно, необходимые вспомогательные челноки, танкеры, ремонтные судна, корабли спецназначения и так далее.

С внешней стороны буквы «У» бесконечными километрами тянулись бараки, в которых в перерывах между полетами жили дженновские солдаты. Когда военные силы, участвовавшие в рейде, приблизились к планете Урич, в комплексе находилось приблизительно девять тысяч человек, то есть полный состав рабочих и охранников верфи, а также сам главнокомандующий армии дженнисаров генерал Кхореа.

Глава 34

Ото рассеянным взглядом следил за стрелкой секундомера, а краем уха слушал бесконечную историю, которую рассказывал сидящий у него за спиной гуманоид. Ото частенько сожалел, что этот гуманоид не был бхором.

— И вот,— продолжал Алекс,— британский генерал приказал своему отряду взобраться на холм и отрубить Рыжему Рори голову. И от-

ряд с громкими криками стал подниматься на холм. И раздались вопли и стоны, и по холму покатились головы солдат этого отряда. Тогда британский генерал посмотрел на холм и увидел, что на самой его вершине все еще стоит ненавистный ему гигант. И гигант воскликнул: «Я — Рыжий Рори Гленский! Пришлите ко мне наверх свою лучшую роту!» И британский генерал помрачнел и сделался еще более пунцовым от гнева, и сказал: «Адъютант!»

И адъютант ответил: «Я!» Британский генерал приказал: «Адъютант, отправьте наверх нашу лучшую роту! Мне нужна голова этого человека!» И адъютант ответил: «Есть!» — и послал на холм роту самых лучших солдат.

Стрелка секундомера подошла к нулю, Ото нажал на кнопку. Алекс прервал свой рассказ и взглянул на капитана бхоров.

— Клянусь Сарлой, Ларазом и... и всеми остальными богами,— пробормотал Ото, затряс своей косматой головой и посмотрел на Стэна.— Ты и сам прекрасно знаешь, что может произойти, полковник. Эти бараны, доставившие нас сюда, вероятнее всего, сбегут сразу же, как только мы войдем в атмосферу Урича.

— Сомневаюсь.

— Почему?

— Во-первых, потому, что я еще не заплатил им, а во-вторых, потому, что Паррел сдерет с них три шкуры, если они посмеют так поступить.

— А что, если они все-таки улизнут? — Ото прислушался к своему голосу и хрюкнул.— Пойми, полковник, ты пытаешься сделать из меня солдата, а я ведь из-за этого могу всего лишиться. Уф, скоро я начну рычать, как первобытный бхор.

— Это будет сильно отличаться от той манеры, в которой ты сейчас говоришь? — полюбопытствовал Алекс.

Ото лишь ухмыльнулся.

Трое членов экипажа бхоров во главе с Ото, Алекс, Стэн, Матиас, Иган с двумя компьютерщиками и вездесущий Киршейн собрались в рубке управления «Атерстона». Участники первой группы захвата, состоящей из двух подразделений Матиаса и людей Восбера, были благополучно отправлены на скоростных летательных аппаратах на планету. Над ними в космосе зависли пятьдесят бхоровских лайтеров, на борту которых находились коммандос Ффиллипс и оставшаяся часть отряда Матиаса.

Ото посмотрел на Стэна пытливым взглядом, словно ожидал услышать от него нечто из ряда вон выходящее. Однако Стэн был слишком косноязычен для произнесения героических речей; он просто взмахнул рукой, после чего Ото включил двигатель на полную мощность и направил корабль к планете Урич.

Дженновские пикетирующие корабли были быстро выведены из строя низкоскоростными ракетами-перехватчиками, выпущенными бхоровскими лайтерами два часа назад. Теперь у дженнов уже не было возможности передать на планету сигналы о нападении. Главная база узнала о нем только после того, как за пределами атмосферы взорвались пять килотонных бомб. Никаких радиоактивных осадков, никакой взрывной волны не было. Просто из-за напряжения электромагнитного поля все сенсоры дженнов вышли из строя.

К тому времени, как вторая группа отправилась на Урич, «Атерстон» и бхоровские штурмовые лайтеры вошли в верхние слои атмосферы и, не сбавляя скорости, стали приближаться к планете.

По первому сигналу тревоги стрелки-дженны побежали на свои посты. Один дженн, более шустрый, лучше обученный или более бдительный, выпустил в небо пять ракет, как только добрался до орудия.

Находящийся прямо над этим дженном бхоровский тактический воздушный корабль накренился, развернулся под углом в девяносто градусов и на полной скорости полетел вниз. Только пилот успел нацелить многоствольную пушку, как первая ракета зацепила борт лайтера.

Сила толчка оказалась слишком большой даже для массивных и выносливых бхоров. Пилот и его помощник временно отключились. Миллисекундой позже в борт ударили вторая и третья ракеты.

В ясном утреннем небе появилось огненное облако. Другие корабли ринулись в атаку.

— У твоей матери не было бороды, а у отца — задницы,— проворчал очнувшийся старший пилот, потянув на себя рычаг управления. Лайтер, находившийся уже чуть ли не в метре от взлетно-посадочного поля, взмыл в воздух. Пилот крепко зажал рычаг между колен, чтобы освободить руки для управления пушкой, установленной на носу лайтера. Пятьдесят снарядов вылетело из шести стволов одновременно. Орудие откатилось назад и перезарядилось.

Разрывные пушечные снаряды, начиненные метафосфором и картечью, рикошетом отскочили от твердой поверхности взлетного поля и разорвались, скашивая осколками дженнов, бегущих на свои боевые позиции.

Пилот нажал на нужные кнопки, продолжая тянуть рычаг на себя, и перевернутый кверху дном лайтер развернулся для нового захода. Раскатистый смех старшего пилота заглушил даже грохот пушечных выстрелов.

— Сейчас в нас начнут стрелять,— бодрым голосом сказал Ото и ввел корабль в атмосферу. Стэн с трудом сглотнул слюну, от смены давления его барабанные перепонки чуть не лопнули — корабль уже находился в каких-нибудь шести тысячах метров от суши.

Где-то на корме раздался сильный грохот, индикаторы засветились красным. На экране внутреннего терминала заплясали цифры, на которые уже никто не обращал внимания. Языки пламени кольцами обвивались вокруг радара. Стэн включил микрофон:

— Внимание! Всем подразделениям. На корабле пожар! Минус тридцать секунд.

Солдаты, находившиеся в капсулах воинских отсеков, потуже пристегнулись, стараясь ни о чем не думать и не смотреть на своих товарищей, выглядевших, по всей вероятности, не менее перепуганными. Под ними, на взлетном поле, большинство боевых позиций дженнов были приведены в действие, несмотря на мощный подавляющий огонь со стороны кораблей бхоров. Из пусковых установок со свистом вылетали ракеты, оставляя после себя в воздухе тонкие полоски дыма. Дула мощных многоствольных орудий были направлены на одну большую цель.

Громадная ржавая посудина «Атерстона», находящаяся теперь на высоте всего четырех тысяч метров от поля, летела прямо на орудия противника.

— Третий пост... У нас пробит отсек. Несколько человек из каждого подразделения погибли,— доложил офицер-бхор.

— Из чьих подразделений? — спросил Восбер.

Ответа он так и не услышал — ракета проникла в рубку управления и взорвалась. Стальной штырь метровой длины вонзился в спину Восбера чуть выше пояса. Убедившись, что Восбер мертв, Стэн убрал его тело с дороги и пошел проверить, как обстоят дела у Ото. С бороды бхора стекала кровь, один глаз был поврежден, но голос его оставался по-прежнему бодрым, а на лице появилась широкая улыбка. Ото включил Юкаву на замену вышедшему из строя корабельному двигателю.

— Двести метров...

Стэн прыгнул в свою капсулу.

«Атерстон», казалось, опускался на фонтаны разноцветных огней — все находящиеся на поле орудия палили именно по нему, как по цели, мимо которой невозможно было промахнуться. Вскоре отсеки и проходы были изрешечены снарядами; люди и бхоры истекали кровью, гибли.

Ото находился в тяжелом состоянии, из раны в горле сочилась кровь. Обессилевший капитан опустился на пульт управления. Корабль приблизился к огромному ангару, двери которого тут же закрылись. Стэн ничего не замечал, кроме этого массивного сооружения, ставшего для него сейчас центром Вселенной.

«Атерстон» пробил массивные стальные двери ангара, словно они были сделаны из мокрой бумаги, и уперся в толстенную железобе-

тонную стену, разделявшую две части завода. Вдруг, как по мановению волшебной палочки, двери, за которыми располагались цеха по производству двигателей и фюзеляжей, распахнулись, корабль прошел в них и рухнул на пол.

— Ну что же ты? Давай быстрее! — крикнул Стэн, услышав страшный треск сминаемой носовой части, скрежет сломанных деталей и механизмов.

Взвалив на одно плечо Ото, Алекс вытолкал хромающего Киршейна из комнаты контроля. Люди Матиаса и Восбера стремились поскорее покинуть корабль, сбившись в кучу у люка. Однако никакой паники не было. Стэн с гордостью наблюдал, как солдаты скинули с плеч автоматы, установили свои орудия и открыли ответный огонь по дженнам.

Бхоровские лайтеры летали над взлетным полем на уровне человеческой груди, обстреливая противника из пушек. Над позициями дженнов заклубились облака дыма.

— Вперед! Вперед! Двигайтесь живее!

«Почему, черт возьми, я не могу вдохновить солдат чем-нибудь другим, кроме криков? — думал Стэн, когда его команда разделилась на две группы, огибая ангар и направляясь к целям, которые им предстояло уничтожить.— И зачем я кричу, когда моего голоса совсем не слышно? Дьявол, да ты оглох, парень. Нет, этого не может быть». Стэн вдруг понял, что стреляли только солдаты, находящиеся в его личном подчинении. Выбежав с корабля, они сразу же открыли огонь, слепо следуя наступательному плану.

Алекс прекратил стрельбу. Ото подошел к Стэну и хмуро улыбнулся:

— В нашем распоряжении один час, полковник, а затем, клянусь бородой моей мамы, все это осиное гнездо черных провалится в преисподнюю.

Из колоритной речи товарища по оружию Стэн понял главное — Ото уже установил на корабле двухкилотонную ядерную бомбу с часовым механизмом.

Кхорея торопливо поднял руку в ответном салюте, входя на командный пост Урича. Генерал с одобрением отметил, что его офицеры сохраняли спокойствие. Все экраны внешнего вида были включены.

— Доложите обстановку.

— На территорию вторгся противник в количестве приблизительно тысячи человек,— доложил старший офицер.— Штурмовые и главные корабли в атмосферу не заходили. Нападающие звенья состоят из тактических воздушных летательных аппаратов.

— Вторженцы — торговцы?

— По всей видимости, да, генерал.

— И в этом корыте,— Кхореа указал рукой на экран с изображением неповоротливого, разбитого «Атерстона», все еще зажатого между двумя корпусами завода,— они прибыли для выполнения своей миссии?

— Да,— ответил другой офицер-дженн.— Очевидно, их разведка получила неверные данные относительно толщины стен. Сведения о разрушении цехов не поступали. Фактически, генерал, после того как рейдеры уберутся отсюда, мы восстановим объект полностью за три, максимум за четыре цикла.

— Превосходно.

Кхореа сел за пульт управления и задумался. «Проклятые теодомирцы попытаются совершить еще один рейд. На этот раз они потерпели поражение, но будут стараться разрушить как можно больше объектов. Раз у них нет никакого подкрепления, они наверняка надеялись захватить Урич. А это значит, что глупые недоноски будут ждать нашей капитуляции... Невозможно. Не может быть, чтобы торгаши так плохо знали дженнов. Значит, это отряд самоубийц? Вряд ли. Разве только вот эти,— генерал взглянул на экран,— в красной форме, которые, судя по донесениям, называют себя компаньонами Матиаса. Но все остальные — торгаши. А торгаши не станут подставлять свои головы под пули ради клиентов».

Внутренний голос подсказывал Кхореа, что рейдеров нужно окружить и уничтожить полностью. В голове генерала уже пронесся ряд приказов, которые необходимо будет отдать немедленно.

— Вон отсюда! Эй, вы, а ну-ка, живо выметайтесь! — грозно крикнула Ффиллипс.

Женщина-майор стояла у входа в сборочный цех, направив автомат на рабочих. За ее спиной двое коммандос подводили к цеху детонирующие шнуры.

— Мы не убиваем гражданских,— сказала Ффиллипс.— Бегите-ка отсюда что есть духу и как можно дальше.

Рабочие поднялись с колен и бросились к выходу. Один из рабочих-дженнов остановился возле зазевавшегося солдата, схватил его автомат и наставил дуло на Ффиллипс. Седовласая женщина, словно юная девушка, мгновенно отскочила в сторону, бросилась на пол и открыла огонь. Серия автоматных очередей прошила дженна насквозь. Ффиллипс встала на ноги и печально покачала головой.

— И все-таки я восхищаюсь твоей преданностью,— задумчиво прошептала она.

— Убейте их! Убейте всех до одного! — воскликнул Матиас, когда группа его компаньонов принялась вышибать двери бараков, в которых, как оказалось, размещался лазарет.

На койках лежали рабочие индустриальных цехов, получившие тяжелые производственные травмы, и просто больные.

Никто из них не был вооружен. Впрочем, для Матиаса и его компаньонов это не имело никакого значения. Все пациенты погибли, включая тех, что спрятались под койками.

— Какая красота! — воскликнул Киршейн.

Он был прав. Стэн, Алекс и Киршейн проникли в вычислительный центр комплекса, находящийся на цокольном этаже здания. Помещение было уставлено сложными компьютерами. Но вниманием Киршейна завладели не они, а кабинеты дизайнеров, увешанные набросками и моделями кораблей, многие из которых были сделаны вручную уричскими умельцами.

Стэн потянул на себя рычаг двадцатисекундного таймера, и электрический ток запульсировал в детонирующих блоках и проводах, забетонированных в полу здания. Киршейн как зачарованный смотрел на одну из моделей кораблей, открыв от восхищения рот. Стэн схватил модель и засунул ее поглубже в полупустую сумку Киршейна.

— Двигай отсюда, парень, если не хочешь взлететь на орбиту.

Как только трое мужчин спешно покинули здание, раздался мощнейший взрыв, в результате которого вычислительный центр провалился в подвал.

«Нет,— решила Ффиллипс.— Ни один человек, даже дженн, не должен умирать так мучительно».

Возглавляемые ею три группы коммандос засели в развалинах одного из зданий, стоявших перед площадью.

На другом конце этой площади засел взвод дженнов. Прямо над их головами навис огромный резервуар с химическим топливом.

Между двумя перестреливающимися формированиями, в самом центре площади, лежал раненый солдат из группы Ффиллипс.

— Прикройте меня! — крикнула девушка-коммандос и побежала вперед.

Дженны безжалостно скосили пулеметными очередями несостоявшуюся спасительницу, а затем прикончили и раненого. После этого Ффиллипс, ни капли не задумываясь, прошила пулями резервуар с топливом. Жидкий огонь водопадом обрушился на убийц в черной форме.

— Все единицы первой волны введены в дело, генерал,— доложил офицер.

— Спасибо, сигфер.— Кхореа взглянул на экран, отображавший ход сражения. «Очень хорошо, просто прекрасно. Первая волна поставила торгашей на место. Теперь вторая волна разобьет их шеренги, а третья сметет с лица этой планеты».

Кхореа все еще никак не мог понять намерений капитана торговцев. Ему не удавалось усмотреть рациональное зерно в этом рейде самоубийц.

Осмелевшие дженны вернулись на свои позиции и засуетились вокруг орудий. Это чуть не стоило жизни одному из бхоров, высоко взмывшему на лайтере над портовыми зданиями.

Отряд коммандос вышел из укрытия и ринулся вперед, к цели. Когда люди Ффиллипс оказались на открытой местности, ракета дженнов, сбитая с толку наземным передвижением противника, потеряла цель — бхоровский лайтер — и врезалась в здание. Коммандос услышали взрыв ракеты и страшный грохот рухнувшего десятиэтажного дома.

Вряд ли им самим удалось бы разрушить здание. Много лет спустя их друзья будут вспоминать об этом случае за кружкой пива и гадать, что же все-таки тогда произошло.

Вторая волна наступления прошла очень успешно, как решил Кхореа. Дженнам, похоже, удалось прорваться в периметр рейдеров.

После того как бхоровские тактические воздушные корабли вынуждены были набрать высоту, третья волна направилась на атакующее формирование, расположившееся на взлетно-посадочном поле, недалеко от грузового судна.

«Чудесно,— подумал Кхореа.— Теперь дженны покажут, на что они способны».

Стэн навел мушку оптической винтовки прямо на цель и нажал на спусковой крючок. Сигфер, находившийся в восьмистах метрах от него, скорчился в конвульсиях, подбросил свой автомат высоко в воздух и рухнул замертво. Стэн снова отполз в развалины, где сидели Ото, Киршейн и Алекс. Киршейн вытащил из сумки модель космического корабля и будто застыл, не отводя от нее зачарованного взгляда. Стэн принялся отпускать какие-то шутки насчет детей и их игрушек, как вдруг увидел маленькую синюю дырочку над глазом Киршейна. Алекс подполз к Стэну, и они оба вначале долго смотрели на труп Киршейна, затем друг на друга. Не произнеся ни единого слова, друзья взобрались на вершину развалин. «Такова жизнь. К сожалению, хорошие люди погибают в самое неподходящее время»,— подумал Стэн.

Грязный, окровавленный Иган проверил свои наручные часы, внимательно посмотрел на «Атерстон», превратившийся в жалкую развалюху, и решил узнать, где находится ближайшее укрытие, до которого он смог бы доползти.

— Дженнисары! — раздался в микрофоне голос Кхореа.— Перед вами враг!.. Сигфер, дайте команду своим эшелонам идти в атаку!

Когда началась третья наступательная волна и три тысячи вражеских солдат строем пошли мимо обломков «Атерстона», часовая бомба отсчитала свои последние секунды.

Выпущенная из носовой пушки бомба, поднявшись на километровую высоту, понеслась со скоростью более тысячи километров в час к задней двери завода. Но вопреки всеобщим ожиданиям, дверь, ведущая в ангар, осталась на месте. Бомба отскочила от нее и пролетела над «Атерстоном» через цех завода обратно, прямо на взлетно-посадочное поле.

Сверху взрыв напоминал боковой вид грибообразного ядерного облака. Это облако накрыло почти все огромное взлетно-посадочное поле вместе со стреляющими дженнами. Единственное, что можно сказать утешительного по этому поводу: умерли они очень быстро, почти не мучаясь,— кто от взрывной волны, кто от недостатка кислорода, кто под обломками рухнувшего здания. Лишь несколько неудачников, оказавшихся в непосредственной близости от места взрыва, превратились в живые факелы.

Менее чем за две секунды три тысячи дженнов ушли в небытие так же, как и завод по выпуску космических кораблей. Ничто другое, кроме многокилотонного ядерного взрыва, не могло бы полностью уничтожить это громадное здание, однако высокоэффективные взрывные устройства подняли здание вверх, а затем сбросили его вниз, на то же самое место, где оно стояло.

Некоторые из наемников, невзирая на строгий приказ, оказались слишком близко от места взрыва. Они погибли. Другие никогда уже не смогут слышать без хирургического вмешательства.

Рейд Стэна прошел более чем удовлетворительно. Попутная выгода, спасшая в конечном итоге жизнь Стэна, заключалась в том, что сеть компьютерных линий командного бункера была перерезана и Кхореа вместе с небольшой группой офицеров оказались оторванными от внешнего мира по крайней мере на три дня.

Глава 35

Паррел склонился над экраном, с огромным интересом наблюдая за событиями, происходящими на Уриче. План Стэна удался на все сто процентов.

Но полковник немного перестарался. Насколько понял Паррел, война была окончена. Осталось нанести лишь последний удар — и Паррел позаботится об этом сам.

Он включил пульт управления и соединился по микрофону со своими транспортными судами, зависшими в космосе над планетой Урич.

— Говорит Паррел. Всем кораблям покинуть орбиту. Повторяю: всем кораблям покинуть орбиту. Навигаторы, курс держите домой. Это все.

Конечно, никто из парреловских шкиперов не возражал против такого приказа. Все они были слишком хорошо подготовлены. Поскольку развернувшиеся корабли заняли видовой экран целиком, принц торговли немного пожалел, что не навел улавливатель на поверхность планеты, чтобы улицезреть последние минуты жизни Стэна. Паррел не сомневался в том, что они будут ужасно героическими.

Глава 36

Стэн встал и отряхнул с ног крошеный пластик. С другого края воронки на него одурманенными глазами смотрел Ото. Алекс не мог не улыбнуться, глядя на него.

— Ну как, сработало, парень? — с гордостью спросил Алекс.— Разве это был не самый классический взрыв из всех, что я когда-либо устраивал?

Стэн утвердительно кивнул головой, а затем медленно, словно пьяный, развернулся и увидел Игана. Юноша споткнулся и чуть не упал в воронку, глаза его округлились от ужаса.

— Полковник! — закричал он.— Нас бросили!

Стэн зевнул.

— Мы прикованы к этой планете! Нас бросили!

Килгур подошел к Игану и хорошенько встряхнул его.

— В такой форме доклады не делают, солдат,— упрекнул парня Алекс.— Разве ты не знаешь, как положено вести себя настоящему бойцу?

Иган взял себя в руки.

— Полковник Стэн,— официально обратился он, хотя его голос все еще дрожал,— группа компьютерной секции докладывает: контакт с грузовыми судами Паррела потерян. Расследование показало, что все вспомогательные корабли покинули свои орбиты.— Затем Иган снова потерял власть над собой.— Нас бросили здесь на верную гибель!

Книга четвертая

Ответный удар

Глава 37

— Что вы об этом думаете? — с гордостью спросил Танз Сулламора.

«Клоун вежливый!» — подумал император.

— Белиберда,— громко заявил он.

На Сулламору жалко было смотреть.

Эта картина, как и все остальное, была написана в стиле, который великий император имел обыкновение называть «русский героизм». На ней был изображен высокий, мускулистый молодой мужчина с темными волосами и сияющими голубыми глазами. Мужчина, вооруженный ранней моделью виллигана, направлял его на толпу обезумевших, враждебно настроенных гуманоидных фанатиков.

Стены изумительной галереи, протянувшейся почти на километр в длину, были увешаны картинами, которые, по заверениям Сулламоры, составляли самую большую и самую ценную коллекцию нового искусства империи.

Все картины представляли собой монументальные полотна, выполненные в столь модном сейчас сюрреалистическом стиле. Среднее полотно было выписано специальной вязкой краской, создававшей иллюзию объема. Оттенки цветов менялись в зависимости от того, под каким углом смотреть. При написании полотна художник использовал вместо кисти лазер.

Каждая картина (властитель сначала пристально изучал их, а затем мрачнел от увиденного) отображала какой-нибудь героический момент истории империи.

И каждая была столь реалистична, что циник император искренне удивился, зачем нужно было утруждать себя живописью, когда компьютерная фотореконструкция выглядела ничуть не хуже.

Император решил объяснить, чем вызвана его негативная реакция на картины, потому что Сулламора все еще находился в шоке.

— Просто ужас, насмешка какая-то, как и все остальные полотна в галерее! Куда делось старинное абстрактное искусство?

Очень богатый и очень проимперски настроенный человек, Сулламора возглавлял крупнейший горнопромышленный и научно-исследовательский центр. Было у него два тайных пристрастия, к которым он хотел приобщить и императора,— жуткие картины и несовершеннолетние девочки, ублажавшие своего господина в тандеме. Вот почему Сулламора пригласил императора на открытие галереи и вот почему он сейчас немного напоминал святого Бернара, обнаружившего, что его бочка с бренди оказалась пустой. Сулламоре удалось скрыть свою первую реакцию неподдельного ужаса и вторую, которая указала бы императору, не сумевшему по достоинству оценить совершенного искусства, на его консерватизм.

Сулламора отступил перед этим мускулистым, на вид лет тридцати мужчиной, который с незапамятных времен управлял галактиками. В этом заключалась его первая ошибка. Затем он начал лебезить перед императором и тем самым совершил вторую ошибку. Император обожал добрые споры и дискуссии. Такого отвращения, как сегодня, он давно уже не испытывал.

— Я думал, вам понравится,— пытался загладить свою вину Сулламора.— Разве вы не узнаете, кто изображен на картине?

Император снова взглянул на полотно. В облике изображенного на нем человека действительно было что-то знакомое.

— Нет, черт возьми.

— Это же вы сами,— сказал Сулламора,— когда сломили натиск неприятеля при битве у Ворот.

Присмотревшись повнимательнее, властитель действительно узнал себя. Внешность вечного императора была несколько приукрашена, хотя он всегда считал себя неотразимым красавцем и, естественно, большим героем, чем был на самом деле. Тем не менее выражение «Битва у Ворот» озадачило его.

— Что это еще за битва такая?

— Она произошла в ранние дни вашего правления.

Вдруг вечный император вспомнил, и его громкий хохот эхом прокатился по галерее.

— Ты думаешь, я вел себя так? — Император зашелся от смеха, указывая на искаженные от страха лица вопящих людей.

— Но это документальное свидетельство,— не унимался Сулламора.— Именно вы подавили восстание, вспыхнувшее семьсот лет назад.

— Ты меня что, за дурака принимаешь? Дьявол! — чертыхнулся в сердцах вечный император.— Слушай, дракх тебя забери, ты что думаешь, я направил бы на кого-нибудь автомат?

— Но легенда...

— Засунь эту легенду себе в задницу,— грубо посоветовал император.— Да будет тебе известно, что человека с оружием всегда мож-

но купить. Нет, Сулламора, это не я. Во время восстания я позаботился о том, чтобы остаться в тени, и раздавал взятки.

— Взятки?

— Конечно. Прежде всего я назначил цену за головы предводителей восстания. Мятежники быстренько восстали против своих лидеров. Кровь лилась рекой.

— А что вы сделали с солдатами-повстанцами? — Вопрос слетел с уст Сулламоры непроизвольно.

— Как ты полагаешь?

Сулламора задумался, а затем улыбнулся:

— Всех казнили?

Вечный император снова рассмеялся. Сулламора вздрогнул; его уже начинал раздражать насмешливый хохот императора, хотя он и понимал, что не стоит его принимать полностью на свой счет. При мысли о бренности человеческого существования по телу Сулламоры побежали мурашки.

— Нет,— сказал император,— я нанял их всех и повысил в звании. Теперь, не считая гвардии, это самый преданный мне полк в вооруженных силах.

Сулламора взял эту странную логику на заметку. Возможно, такой подход к делу пригодится и ему. Но нет, вряд ли что-то получится. Как можно доверять людям, пытавшимся тебя убить? Лучше поскорее уничтожить их, чтобы покончить с проблемой раз и навсегда.

После этого признания Сулламора стал меньше уважать императора.

— У тебя есть какая-нибудь приличная выпивка? — спросил властитель.

Сулламора кивнул, смело взял императора под локоть и повел в свои палаты.

Вечный император пил неотрывно два часа подряд, рассказывая разные непристойные истории. Сулламора делано рассмеялся над последней пошлой шуткой, которая ему, кстати, ужасно не понравилась. Император всегда высмеивал самого себя. «Да он просто дурак,— подумал Сулламора,— и нисколько не боится это афишировать».

Однако Сулламора недолго предавался размышлениям. Отметив тот факт, что вечный император основательно наклюкался, поглотив такое количество огненной воды, какое запросто свалило бы с ног мастодонта, он решил, что пора действовать. Сулламора незаметно подбросил в бокал императора четвертую одурманивающую таблетку за вечер. Посмотрев в слипающиеся глаза императора, он лишний раз убедился, что настал самый подходящий момент.

— Надеюсь, вы остались довольны своим визитом ко мне?

— Ес-с-стес-сно, Шалла... э-э... Шулла... нет... Танз. Н-ну да, Танз.— Император поднял бокал, расплескивая его содержимое, и

влил в себя очередную порцию спиртного.— Чудесная ночь. Теперь див... дав... давай прошвырнемся по портовым барам. Устроим драчку, а потом... снимем парочку девиц. У меня на примете есть девочки с такими фигурками,— он сделал круговые движения руками в воздухе,— и с такими умами, как... как...— Император выразительно щелкнул пальцами.— Будем спорить всю ночь, а затем... затем... ну, знаешь... заниматься этим... тоже всю ночь.— Совершенно неожиданно вечный император посмотрел на Сулламору пронзительным и в то же время печальным взглядом, подействовавшим на хитреца как разряд электрического тока.— Хотя, я вижу, ты задумал что-то другое,— добавил он.

— Но... но...— запротестовал Сулламора,— нет, я пригласил вас только для того, чтобы продемонстрировать свою новую галерею.

Вечный император снова насмешливо расхохотался.

— Да брось ты,— сказал он, не обращая внимания на замешательство Сулламоры.— Ты ведь являешься главой крупнейшей горнорудной промышленной компании этого региона. У тебя что-то на уме. И ты не счел нужным попросить об аудиенции, а вместо этого начал ублажать меня, как изнеженную королевскую особу. Дерьмо собачье все это... актер из тебя никудышный. Попытался опоить императора. Да ты просто выводишь меня из себя своими обезьяньими кривляниями.

— У меня не было никакой задней...

— Слова, Танз. Пустые слова. Лапшу будешь вешать на уши своей бабушке. Чему, черт возьми, в эти дни учат руководителей корпораций? Почему в мое время... Дьявол! Спрашиваю в последний раз: что у тебя на уме?

И Сулламора осторожно поведал императору о планах компании, о слухах, ходивших о Волчьем созвездии.

Шпионы Сулламоры (он, конечно, избегал употреблять это слово) заверили его в том, что сплетни относительно богатейших месторождений основаны на реальных фактах... И Сулламора от имени своей компании хотел лично преподнести эту новость императору.

— Лучше спросил бы меня прямо,— сказал вечный император.— Не выношу людей, кружащих вокруг да около.

— Ну хорошо,— согласился Сулламора,— говорю напрямую, без обиняков, так сказать. Моя компания желала бы внести крупную сумму для эксплуатации этого региона.

Вечному императору такая мысль показалась абсурдной.

— Нет,— ровным голосом произнес он.

Императору стало немного жаль Сулламору. Он наполнил бокал президента корпорации, подождал, пока тот как следует хлебнет крепкого напитка.

— А на уме у меня было создание консорциума.

— Консорциума! — поперхнулся Танз, ставя неверной рукой бокал на стол и проливая напиток.

— Ох-хо-хо,— произнес император.— Вы объединитесь с другими крупными горнорудными компаниями... я уже прозондировал для этого почву,— солгал император.— Создадите консорциум, отправитесь на Эрикс одной командой и вытащите этот хренов камень из недр планеты.

— Но как будет распределяться прибыль? — возразил Сулламора.— Слишком много компаний...

Вечный император перебил его, подняв руку:

— Послушай, я уже провел свои собственные исследования. Любая одиночная компания, собирающаяся проводить раскопки на Эриксе самостоятельно, обречена на банкротство. В конце концов, это известный регион. Если вы, ребята, сейчас объедините свои средства, вам может крупно повезти. Послушайся моего совета.

— Вашего совета!

— Да. Прими его или забудь о минерале. Подумай о моем предложении как следует. Между прочим... твой предыдущий запрос насчет оборудования компании...

— Да.— Голос Сулламоры дрогнул.

— Подумай хорошенько о создании этого консорциума, и я помогу тебе с решением предыдущего вопроса.

Поскольку выдача мощного горнорудного оборудования контролировалась вечным императором лично, Танз призадумался всерьез.

Властитель выпил еще один бокал и звякнул им о стол, отчего Сулламора подскочил на высоту двух футов.

— Даже больше: если тебе придется по душе мое предложение, я удвою квоту на поставку оборудования. Что ты на это скажешь?

Танз не был таким уж глупым человеком, каким казался на первый взгляд. Он принял предложение императора с большой благодарностью.

— Вы хотите удвоить им квоту? — поразился Махони.

— Да нет же, черт побери,— ответил босс.— Ненавижу все эти добывающие компании. Они почти такие же хреновые, как «Три старые сестры»...

Махони проигнорировал последнюю фразу. Император нетерпеливо махнул рукой, что означало «забудь об этом».

— В действительности ради старых добрых времен я *вынужден* буду удвоить квоту, раз они принялись за создание этого консорциума.

Махони был ошеломлен.

— Вы хотите сказать, что на самом деле разрешите этим людям отправиться в созвездие Эрикс?

Вечный император поднял руку, останавливая собеседника, улыбнулся и покрутил пальцем у виска.

— Не слышу поздравлений в адрес мудрого босса. Я только что выиграл для тебя время, Махони.

Полковник молчал. Император уловил перемену настроения у своего подчиненного и, перегнувшись через стол, спросил:

— Что-то не так?

Махони колебался.

— Черт возьми, что происходит?

— Я подумал о нашей оперативной группе, о Стэне. Не могу с ним связаться.

— То есть?

— Если бы я только знал, сир. Вспоминаю лишь старый девиз подразделения «Меркурий»: «Ничего не гарантировано».

Император потянулся к бутылке.

— Черт, кажется, я сам себя перехитрил.

Глава 38

— Он... он... мертв?

— Боюсь, что так, дорогая.

Паррел нагнулся, чтобы успокоить разрыдавшуюся сестру. Софи прильнула к нему, ища сочувствия, затем резко отстранилась и вытерла слезы.

— Но почему? Как?

Паррел улыбнулся ей самой теплой, братской улыбкой:

— О, он храбро сражался, как и все остальные. Но боюсь, на их долю выпало слишком много трудностей. Они попали в ловушку, погибли из-за подлости одного человека.

Софи испытующе посмотрела на брата, задумавшись над тем, говорил ли он правду, не оказался ли... нет, на такую гнусность не был способен даже Паррел.

Поддавшись охватившему ее горю, Софи бросилась в объятия брата.

Глава 39

— Иган погиб,— печально сказала девушка-лицеистка.

Стэн вздохнул, ничего не ответив. Времени на оплакивание не было.

— Он погиб,— повторила девушка.— Вышел из укрытия, чтобы принести продукты, и его пристрелили.

Виола замолчала, глядя на Стэна отсутствующим взглядом. До того как Стэн успел произнести какие-нибудь утешительные слова, Алекс увел девушку, вынул из ее сумки терминал и посадил делать доклад.

Впрочем, в этом не было необходимости. Цифры и так не выходили у Стэна из головы: «Задействовано — 670 человек (на Урич высадились 146 наемников и 524 компаньона). В живых остался 321 человек».

«Да, ты, полковник, великий командир,— подначивал Стэна внутренний голос.— Потери составляют всего пятьдесят процентов убитыми и ранеными? Прекрасное управление войсками в бою. Ну и что ты собираешься теперь делать?»

Стэн услышал шорох у себя за спиной, обернулся и увидел Матиаса. Лицо сына пророка было белым как полотно. Он пристально посмотрел на Стэна глазами, полными гнева и ненависти. Ненависти, направленной не на Стэна, но...

— Мой отец... Это он отдал приказ бросить нас?

Стэн замялся, а потом правдиво ответил:

— Не знаю.

— Своего родного сына,— прошептал Матиас.— Мои компаньоны...

Стэн сочувственно положил руку на плечо молодого человека.

— Возможно, приказ отдал Паррел. Паррел ведет свою игру.

Матиас вытер рукавом перепачканное сажей лицо.

— Я подозревал...— произнес он убитым голосом.

Стэн похолодел. Нужно было начинать думать, а не предаваться сентиментальности, не жалеть себя.

— Матиас,— решительно сказал Стэн, пытаясь вывести молодого человека из транса,— возвращайся к своим людям и жди моих дальнейших приказаний.

Матиас отрешенно кивнул головой и направился на свою позицию. Стэн осторожно высунул голову из развалин и осмотрел периметр. После того как члены отряда поняли, что корабли Паррела покинули свои орбиты, то есть просто-напросто бросили их, люди нашли укрытие в развалинах сборочного цеха. Засев там, они стали ждать, что же произойдет дальше.

Отряд был окружен оставшимися в живых дженнами — войском, состоящим из пяти тысяч человек, как успел подсчитать перед смертью Иган.

А это значило, что на одного солдата из отряда Стэна приходилось по двадцать дженнов. Пустяки — если бы солдаты были сказочными героями.

«Итак, у тебя осталось триста бойцов, большинство из которых ранены, полковник... Между прочим, ты забыл о бхорах». Действительно, тридцать или около того бхоров, сражавшихся бесстрашно, словно древнескандинавские воины, бесследно исчезли после того, как их лайтеры были оттеснены с периметра. Стэн с горечью подумал, что Ото, очевидно, погиб в неравной схватке при отступлении. Сведений о том, что кто-то видел самого капитана или тридцать нескладных здоровяков бхоров, не поступало. «Итак, полковник, какие у тебя соображения? В бою может быть только четыре возможных варианта: победить, отступить, сдаться или сражаться до последнего».

Чтобы сделать соответствующие выводы, не требовалось прибегать к боевому компьютеру. О победе не могло быть и речи, путей к отступлению не осталось. Сдача вообще не принималась в расчет — пятеро наемников Стэна испытали эту тактику на собственной шкуре. Между периметром Стэна и линией обороны дженнов находилась мертвая зона. Максимум через день весь десант должен был погибнуть. Стоит отметить, что зачастую дженнов провоцировали на обстрел периметра сами наемники, предпринимавшие дерзкие вылазки. Нет, сдаться дженнам было никак не возможно.

«Вот к чему ты пришел, Стэн, после всех своих мудрствований и планирований. Итак, у тебя остался один-единственный выбор — мужественно сражаться до последней капли крови. Пусть битва войдет в историю так же, как другие героические сражения: на планетах Камероне, Дайен Вайен Фу, Нью...»

Вдруг в душе Стэна вспыхнул гнев. Он вспомнил слова некоего Ланцотты, человека, который обучал его основам службы: «Я воевал за империю на ста различных планетах и буду воевать еще на ста, пока какой-нибудь мясник не уложит меня. Но я буду самым дорогим куском мяса из всех, что ему доводилось насаживать на крюк». Стэн снова почувствовал себя командиром.

— Алекс!

Услышав бодрый голос начальника, Килгур насторожился:

— Сэр?

— До наступления ночи осталось шесть часов. Я хочу, чтобы ты и пять человек, добровольцев из группы Ффиллипс, держались наготове.

— Есть, сэр!

— Данные о точном расположении командного поста дженнов уже получены?

— Так точно, сэр.

— Значит, сегодня ночью приступим к делу.

Улыбка медленно расплылась на лице Алекса. Он догадывался — нет, он знал, что должно было произойти, и воспрял духом при мысли об этом. Лучше умереть в бою, чем сидеть в окопе и ждать, когда смерть сама явится за тобой.

Глава 40

Почти два дня ушло на то, чтобы вызволить Кхореа и небольшую группу оставшихся в живых офицеров личного командного состава дженновской армии из бункера. Генерала нашли в одной из секций, под обломками рухнувшего потолка — в глубоком обмороке.

Доктора-дженны быстро привели его в чувство. Кхореа отказался от оказания ему дальнейшей медицинской помощи и стал настаивать на окончательном разгроме наемников.

По всей вероятности, генерал получил легкую контузию во время боя и все еще находился в шоковом состоянии. Он приказал дженнам пытать, а затем убить наемников-дезертиров и никого больше в плен не брать. Кхореа намеревался уничтожить пришельцев из далеких миров, опозоривших дженнисаров. Ему хотелось, чтобы оставшиеся в живых мужчины и женщины вражеского отряда умерли мучительной смертью.

Генерал засел за подключенные заново компьютеры командного поста и стал пристально всматриваться в экраны. Он ненавидел своих врагов и жаждал расквитаться с их командиром.

Кхореа криво улыбнулся. Вся его электроника и собственный анализ сложившейся ситуации выдавали один и тот же ответ — наемники не сдадутся, они не могут сдаться.

Кхореа включил командный сенсор, встал и подозвал старшего офицера.

— Слушаю!

— Завтра начнем наступление. Я сам поведу в бой последнюю группу штурмовиков.

Старший офицер подобострастно посмотрел на своего героического генерала и отдал честь.

— Итак, подготовьте отряд к сегодняшнему ночному наступлению. Покажем этим червям, как сражаются настоящие дженны. Однако сегодня вечером... вечером мы должны будем собраться все вместе и помолиться. Здесь. За час до наступления.

Глава 41

— ...но прежде чем приняться за преследование стреггана,— скрипучим голосом бубнил древний бхор,— мы тщательно готовились: изучали повадки нашего старинного врага. Только после этого мы с риском для жизни совершали восхождение на коварные ледниковые горы, где глубоко в своих берлогах прятались стрегганы... И если нам удавалось перехитрить их, мы устраивали настоящий пир.

«Старинные методы не всегда применимы в сегодняшней жизни»,— подумал Ото.

Одним из признаков приближения смерти у бхоров являлось изменение цвета шкуры на груди — она становилась серой. Вскоре после этого старый бхор собирал всех членов своей семьи и друзей — попрощаться, а затем исчезал во льдах, чтобы умереть в гордом одиночестве и отдать богам душу.

Тело этого древнего бхора сплошь покрыто белыми волосами — от кривых узловатых ног до кустистых бровей, однако он еще не собирался уходить на вечный покой. Все знали, что старик был последним охотником на стреггаиов.

Итак, бхоры собрались на совет. Члены совета внимательно и почтительно слушали рассказ Ото, получившего тяжелые ранения и все

еще перебинтованного, о том, как он вывел свой лайтер за пределы атмосферы, когда узнал, что Паррел бросил десантный отряд.

Старейшины выслушали мнение самых юных бхоров, считавших, что весь их народ должен немедленно прийти на помощь воинам, оставшимся на незнакомой планете. Они также выслушали мнение капитана торгового флота — довольно спокойно для бхоров (говорившего два раза перебивали: последовала одна госпитализация) — относительно причины, по которой наемники были брошены на произвол судьбы. Тот поведал о попытке одного высокопоставленного лица свалить всю вину на дженнов. Ото не преминул упомянуть, что этот человек является главой торговцев в своем регионе и его личным конкурентом.

Совет выслушал Ото, как выслушал бы любого другого бхора. Общественный строй у бхоров был воистину демократическим — любой из них мог высказаться по любому поводу перед любым советом. Однако процесс принятия решения длился неделями и проходил очень бурно. Бхоры долго обсуждали вопрос, спорили, вступали в драки, но в конце концов приходили к единому мнению.

Принятое решение обсуждению не подлежало. Впрочем, предшествующие ему дискуссии занимали весьма длительное время. Впервые в жизни Ото усомнился (и осознал, что виной тому — пагубное влияние безбородых гуманоидов) в том, что его общество было по-настоящему демократическим. Да способны ли престарелые члены совета за всеми проволочками и обмусоливаниями вопроса разглядеть главное и принять единственно правильное решение?

Старейшина упивался россказнями о делах давно минувших дней, даже не упоминая о событиях недавнего прошлого. Обычно Ото был первым слушателем и сидел по правую руку от старца, следя за тем, чтобы кубок его постоянно наполнялся стрегганом, внимая древним преданиям как зачарованный. «Но мои друзья... настоящие друзья, клянусь бородой мамы, гуманоиды гибнут в это время!» — думал Ото.

Он стиснул клыки. Ребята могут продержаться еще четыре или пять циклов. С тех пор как законы Роберта проникли в бхоровское общество, существовал один-единственный способ ускорить процесс голосования. Как правило, бхор, которому удавалось этого добиться, погибал.

«Клянусь отмороженными внутренностями моего папаши, ты будешь моим должником, Стэн. Если только я выживу, ты станешь моим вечным должником».

Старейшина продолжал разглагольствовать. В данный момент он описывал, каким на вкус надлежало быть мясу стрегтана в разное время года.

Ото поднялся со своей лавки, вышел на центр круглой площадки, где собирался совет, и вынул из висящих на поясе ножен метровой длины кинжал. Ни слова не говоря, он поднял со своей груди

длинную косматую бороду и, блеснув в воздухе кинжалом, с размаху отрезал ее. После этого бросил пучок густой шерсти на центр круга и, как положено было делать в таких случаях, встал на колени и склонил голову.

В понимании бхоров длина и густота бороды соплеменника символизировала его силу. Отрезание бороды рассматривалось советом как знак того, что данный бхор желает решить жизненно важный для него вопрос немедленно. Поскольку конфликтные ситуации не были в почете у бхоров, соплеменник, отрезавший бороду, как правило, лишался своих привилегий, а вслед за тем и головы.

Громогласные комментарии, перешедшие в рев, прервали ход воспоминаний старца.

Ото ждал. Теперь вопрос о спасении солдат-людей подлежал немедленному рассмотрению. Решение надлежало принимать путем голосования. Вероятно, Ото будет отказано в поддержке, и тогда какой-нибудь доброволец отделит его голову от туловища. Скорее всего, этим добровольцем станет его заклятый враг и конкурент Джемчидд.

Однако, вопреки обычаю, кто-то заговорил. Это был охотник на стрегганов. После первого же произнесенного слова бхоры понизили голоса до шепота.

— Старейшины иногда забываются и живут лишь воспоминаниями о славных подвигах своей молодости, большинство из которых, клянусь бородой моей мамы, они не совершали.

Когда убеленный сединами бхор вставал, его старые кости хрустнули. Дрожащей рукой он вынул свой кинжал и отрезал длинный белоснежный каскад древней бороды, бросив его на каменную плиту поверх бороды Ото.

Под гробовое молчание членов совета древний старец встал на колени рядом с Ото и склонил голову.

Глава 42

«Одним лишь хрустом позвонков здесь не обойдется»,— подумал Стэн, увидев, как с головы дженна, которому Алекс только что свернул шею, свалился металлический шлем. Не долго думая, Килгур сжал в кулак огромную лапу и заехал по челюсти следующему солдату.

Стэн залег недалеко от дженновского поста. Рядом с ним находились и пятеро добровольцев — люди Ффиллипс, включая ее саму. Они ждали, когда Алекс закончит расправу над часовыми.

Убедившись в том, что оба дженна испустили дух, эдинбургский бычок откатился от поста.

Группа стала осторожно ползти вперед. Линия обороны самоуверенных дженнов состояла из серии укреплений, между которыми на расстоянии пятидесяти метров один от другого были расставлены посты. Стэну хотелось, чтобы в данную минуту на месте наемников

оказались ребята из отряда богомолов. Тогда через оборонительную линию можно было бы протащить целый батальон. Но это желание оставалось лишь несбыточной мечтой.

Стэн прополз под действующими сенсорами, обезвредил ловушки и перерезал линии связи, соединяющие посты с командным пунктом. Рейдеры без труда пробрались через две замкнутые линии обороны противника.

Преодолев первое препятствие, Стэн и Алекс переглянулись. Стэн не знал, о чем думал Алекс, и не понимал, почему он не произнес ни слова, когда они покидали периметр дженнов. Впрочем, его неведение пошло лишь на пользу, потому что Алекс в это время пел про себя скорбную поминальную песню:

Увидел я, как острый меч
Отсек главу лихую с плеч;
А трупом павшим был я сам.
И не поверил я глазам.
Под небом вечным день и ночь
Лежало тело в дождь и в зной,
Но странник дальний или зверь
Не проходил той стороной.
Присел я с краю от себя
И призадумался, скорбя.
И вырыл я себе могилу,
Отдав ей тело, что остыло,
И забросал ее землей.
И вскоре холм порос травой...

Рейдеры поднялись на ноги и направились к командному бункеру. Подойдя ближе к строению, они услышали, как Кхореа низким бодрым голосом отдавал приказания своим подчиненным.

Двое часовых, стоявших у входа, внимательно прислушивались к речи главнокомандующего. Одного из них Стэн убил ножом. Другой получил серию ударов в различные части тела. Мастерский удар костяшками пальцев в висок добил зазевавшегося часового.

Стэн остановился на ступеньках, спускающихся в бункер, и посмотрел на Алекса, державшего в руке гранату замедленного действия. На лице Килгура застыла улыбка вампира.

И в это время появились корабли бхоров.

Они летели совсем низко над поверхностью планеты, включив посадочные прожектора. Стэн понял, что хорошо вооруженный грузовик тоже может быть приличным военным кораблем, когда все бортовые отверстия его внезапно открылись и дюжина бхоров начала стрельбу из лазерных установок, многоствольных пушек и гранатометов.

Позиции противника были объяты огнем. Офицеры-дженны стали вылезать из бункера и взбираться по ступенькам, познакомившись

с гранатой Алекса и его прекрасно отработанной техникой стрельбы из виллигана. Взрывная волна настигла Стэна и швырнула вперед, прямо на еще теплые трупы дженнов, скатывавшихся вниз по ступенькам, и... Стэн очутился в самом бункере. Перекатившись через липкое от крови тело одного из мертвых офицеров-дженнов, он встал на ноги и снова пригнулся, уловив боковым зрением силуэт чернобородого генерала Кхореа, державшего автомат на уровне пояса. В следующую секунду Стэн услышал треск автоматной очереди, пули просвистели прямо у него над головой. Свет погас.

Наверху, над бункером, гремели орудия, слышались истошные крики и душераздирающие стоны умирающих. Шел бой.

«Не думай, не думай об этом»,— приказывал себе Стэн, беззвучно пробираясь вперед в кромешной темноте. В помещении бункера площадью в сто квадратных метров не было никого, кроме Кхореа и Стэна.

Вдруг Стэн зацепился за что-то ногой. Встав на колени, он пошарил по полу рукой и нащупал компьютерную «мышку». Стэн отбросил ее в сторону, и в следующую минуту раздался мощный взрыв, яркой вспышкой озаривший помещение бункера. «Мышка» попала прямо во взрывное устройство. Следующие несколько шагов в темноте могли стоить жизни Стэну.

«Лежи здесь, на бетоне, и сосредоточься. Отбрось все мысли о войне, идущей наверху. Думай только о том, что сейчас ты находишься в темном бункере, можно сказать, слепой, и пытаешься убить такого же слепого человека, имеющего виды на твою жизнь».

Стараясь дышать как можно тише, изучая пустоту широко раскрытыми невидящими глазами, Стэн пополз вперед, прощупывая руками каждый сантиметр бетонного пола. «Ага, микрофон с присоединенным к нему проводом... Интересно... Провод длинный». Стэн подполз к стене, намотал провод на подпорку и протянул его через спусковой крючок мини-автомата. Длина шнура позволила ему отползти от стены на расстояние пяти метров в сторону.

Автомат был теперь привязан к вертикальной перекладине. Решив испытать свое приспособление, Стэн потянул за шнур. Раздалась автоматная очередь, пули рикошетом отскочили от потолка, пола, стен. Кхореа стал палить по пустому месту, где вспыхнул огонь автоматной очереди.

Стэн что было силы дернул за провод, и оружие стало стрелять автоматически. Мрак, окутывавший бункер, тут же озарился вспышками. Стэн увидел Кхореа, спрятавшегося за терминалом и открывшего прицельный огонь по ложной цели в расчете положить конец дуэли. Генерал лишь краем глаза успел заметить Стэна и сверкнувший в его руке нож. В следующее мгновение Стэн метнул нож — и стол накренился под тяжестью рухнувшего на него мертвого Кхореа.

В бункере наступила тишина. Лишь откуда-то сверху доносились последние взрывы ручных гранат, победные крики и песнопения бхо-

ров и наемников, покинувших периметр смерти и преследовавших недобитых дженнов для последней кровавой расправы над ними.

Темнота вновь поглотила бункер. Стэн сел на стул, вытянул ноги и начал обдумывать план мести Паррелу.

Глава 43

Встреча произошла на нейтральной территории — необитаемом планетоиде Волчьих миров, святая святых последователей Таламейна. Нога основателя религии впервые ступила на твердую почву именно этой маленькой планеты, а потом уже его флот высадился на Санктусе и других мирах созвездия.

Планетоид напоминал цветущий парк с широкими лугами, прозрачными и свежими ручьями, густыми лесами, изобиловавшими крупной дичью, и одним-единственным зданием — маленькой часовней.

Две группы военных стояли одна против другой возле часовни, держа оружие наготове, не спуская пальцев со спусковых крючков автоматов. Солдаты были личной охраной двух пророков-соперников. После многовековой вражды, сопровождавшейся зверскими по своей жестокости выходками с обеих сторон, они ждали сигнала, чтобы вцепиться друг другу в глотки.

Сначала Теодомир, а затем Ингильд отделились от своих телохранителей и медленно пошли по траве навстречу друг другу. Оба пророка были настороже, не зная, чего ожидать в дальнейшем.

Теодомир первым выдавил на лице улыбку и вскинул вверх руки в знак приветствия.

— Брат Ингильд, счастье переполняет мое сердце от сознания того, что мы наконец-то встретились. Рад видеть тебя в полном здравии.

Ингильд также улыбнулся. Пророк сделал шаг навстречу своему сопернику, легко обнял его и отступил назад. Из глаз Ингильда потекли слезы.

— Ты сказал «брат». Какое прекрасное приветствие! Я тоже всегда испытывал к тебе братские чувства.

— Несмотря на трудности, выпавшие на нашу долю,— добавил Теодомир.

— Да, несмотря на трудности.

Пророки снова обнялись, а затем развернулись и, рука в руке, направились к часовне, перед которой под большим цветастым зонтом стоял накрытый белой скатертью стол. По одну сторону стола стояли два удобных кресла. На самом столе лежали документы и две ручки, выполненные в старинном стиле.

Мужчины сели в кресла, улыбаясь друг другу. Теодомир первым завел разговор.

— Наконец-то восторжествовал мир,— сказал он.

— Да, брат Теодомир, наконец-то мир.

Теодомир оказал собеседнику честь, налив вино сначала в его бокал, а затем в свой, и целомудренно сделал небольшой глоток.

— Я уверен, что в этот момент,— торжественно произнес Теодомир,— Таламейн улыбается, глядя на нас с небес, и испытывает счастье оттого, что двое его детей сложили оружие.

Ингильд поймал себя на том, что отпил слишком много вина. В следующий раз он едва пригубил.

— Мы были большими глупцами,— сказал Ингильд.— В конце концов, какие между нами могут быть существенные расхождения? Все дело во власти, а не в религии. Всему виной борьба за титулы.

«Ах ты лживый кусок дерьма!» — подумал Теодомир, лучезарно улыбаясь.

«Пустозвон хренов»,— подумал Ингильд, улыбаясь в ответ и протягивая Теодомиру через стол руку для пожатия.

— Брат,— произнес Теодомир срывающимся от волнения голосом.

— Брат,— ответил Ингильд так же эмоционально. Слезы навернулись ему на глаза и потекли по носу. В данный момент он жаждал только одного — поскорее получить кайф от наркотических пиявок.

— Наши разногласия очень легко разрешимы,— сказал Теодомир, мельком взглянув на охрану Ингильда, сгорая от желания схватить маленького сморщенного наркомана за горло и выпустить из него дух.— На меня снизошло благословение,— продолжил он.— Сам Таламейн говорит сейчас с тобой моими устами.

— Странно,— сказал Ингильд.— В этот момент у меня возникло такое же чувство.— На самом деле он думал об ужасных потерях, а более всего — об огромном долге святого казначейства. Половину кредита ему придется выплатить этому дешевому куску дракха прямо сейчас.

— Итак,— продолжал Теодомир,— я предлагаю обоюдовыгодное решение вопроса.

Ингильд подался вперед, предчувствуя неладное.

— Мы разделаемся со всеми разногласиями,— пообещал Теодомир.— Каждый из нас возложит на себя обязательство духовного управления принадлежащими нам по праву регионами Волчьего созвездия. Мы оба будем именоваться истинными пророками, и каждый из нас обязуется поддерживать лозунги, провозглашенные другим.

— Согласен,— слишком поспешно ответил Ингильд.— Если все будет так, как ты говоришь, мы сумеем положить конец этой бессмысленной кровавой вражде. И каждый из нас сосредоточится на выполнении своих главных обязанностей. Подчеркиваю, только сво-

их обязанностей.— Ингильд склонил голову.— Храни, Господь, души наших братьев.

«Через два года,— думал он,— я нападу на Санктус с полумиллионной армией дженнов и спалю твой сраный трон дотла».

Теодомир разложил перед собой документы. Это были международные договоры, составленные на скорую руку перед самой встречей, его клерками.

— Перед тем как подписать бумаги, брат, не освятить ли нам это событие? — Пророк указал рукой на маленькую часовню.— Мы вдвоем встанем перед алтарем, только ты и я, и пропоем молитвы Таламейну.

«Ах ты мразь,— подумал Ингильд.— Еретик! Существует ли в мире подлость, на которую ты не способен? Неужели для тебя нет ничего святого?»

— Какое замечательное предложение,— сказал Ингильд.

Пророки встали и медленно пошли в часовню.

Паррел откинулся на спинку стула, наблюдая по экрану монитора, как двое стариков вошли в часовню и закрыли за собой дверь.

Паррел смеялся так самозабвенно, что из глаз его потекли слезы. Никогда в жизни он не видел более комичной сцены. Два трухлявых ханжи со своими лицемерными «брат мой», ненавидящие друг друга до желудочных коликов, рассыпались друг перед другом в любезностях, как закадычные друзья!

Паррел приказал слуге принести ему кувшин с выпивкой, чтобы отметить это знаменательное событие. Какой мастерский ход с его стороны! А Теодомир еще принял в штыки предложение о встрече — закричал, завизжал, затопал ногами. Но когда Паррел объяснил ему остальную часть плана, он замолчал.

Паррел вновь склонился над экраном, поскольку спрятанные в часовне мониторы засекли двух вошедших внутрь людей. «Представление будет очень интересным»,— подумал он.

Паррел еще раз поздравил себя с тем, что остался на Небте. Несмотря на свои обещания Теодомиру, он не был уверен в том, что все сработает как надо.

Пророки приближались к последней части церемонии. Напевные молитвы эхом разносились по часовне. «Слишком много времени ушло на их кваканье»,— с неудовольствием отметил Паррел. Как правило, Великое Единение занимало в общей сложности не больше часа. Сейчас же каждый пророк старался затмить другого подобострастностью чтения молитв, произнося их более медленно и торжественно, чем обычно.

Паррел возблагодарил в душе Таламейна за то, что старикам осталось только поднять книгу и благословить жертвенное вино. Естественно, пророки отошли от алтаря позже положенного времени и

принялись отвешивать бессмысленные поклоны огромной книге, установленной на резной подставке в центре часовни.

Старцы сделали по два шага вперед, подняв книгу одновременно. Затем... Ингильд отступил вправо, Теодомир — влево, и пророки поняли, что находятся на грани священной войны.

— Сюда! — закричал Ингильд.

— Нет-нет, дурак, сюда, налево!

В этот самый момент они, неожиданно для себя, обнаружили, кем были на самом деле. Пророки стали пугливо озираться по сторонам, осматривая часовню.

Теодомир кашлянул.

— О, прости меня, брат, но на Санктусе книгу берет находящийся слева.

— Разве это сказано в договоре? — подозрительно спросил Ингильд.

Теодомир умело скрыл раздражение.

— Это не важно,— с трудом выговорил он.— Согласно духовным правилам эйкуменизма, ты можешь положить ее с любой стороны.

Ингильд поклонился Теодомиру и прошаркал вправо, довольный своей маленькой победой.

Пророки быстро перешли к последней части церемонии: благословению и вкушению вина. Золотая чаша с вином была установлена в маленькой молельне, под остроконечной крышей. Пророки открыли небольшие двери, ведущие в молельню, взяли чашу и быстро пропели несколько последних молитв.

Теодомир пододвинул кубок Ингильду.

— Ты первый, брат,— сказал он, предлагая сопернику отведать вина.

Ингильд подозрительно посмотрел на Теодомира, покачал головой и процедил:

— Нет, первый — ты.

Теодомир грубо схватил чашу и до половины выпил ее содержимое в манере, совсем не подобающей пророку, после чего передал чашу Ингильду.

— Теперь ты! — резко сказал он.

Ингильд поколебался, неторопливо взял чашу из рук Теодомира, медленно поднес ее к губам. Вино оказалось вкусным.

Ингильд осушил чашу до дна и поставил ее на алтарь.

— Церемония окончена. Теперь нам следует подписать эти...

Ингильд закашлялся — поначалу слабо, затем более интенсивно. Лицо его сделалось лиловым, он схватился за бока и стал корчиться от боли.

— Дурак, какой же ты дурак! — трескучим голосом воскликнул Теодомир.— Вино отравлено.

— Но... но...— выдавал Ингильд,— ты ведь тоже пил.

Ингильд повалился на пол и начал биться в агонии. Кровь хлынула у него изо рта. Пророк прикусил язык, и красные струйки потекли из уголков губ.

Теодомир заплясал вокруг Ингильда, стал пинать его ногами, визжать от восторга.

— Для меня это благословенный, священный напиток! — вопил он.— Но не для наркомана! Для наркомана это яд.

Ингильд попытался встать на колени. Теодомир снова пнул его ногой.

— Так кто же из нас теперь истинный пророк? Спрашиваю тебя, кусок дерьма, кто теперь истинный пророк?!

Паррел заходился от хохота, глядя на пляску смерти Теодомира. Немного успокоившись, он выключил монитор. Представление было окончено. О да, по-настоящему окончено. Ему вдруг захотелось, чтобы Стэн сидел сейчас рядом с ним. Полковник сумел бы оценить его план по достоинству. Существует так много способов выиграть войну!

Вдруг сердце Паррела екнуло, он непроизвольно пригнул голову. Стекла дворца задребезжали от грохота канонады и воя ракет.

Глава 44

— Ей богу, полковник,— сказала Ффиллипс,— злодеи вооружены!

Эта женщина совершенно перестала волноваться после того, как наемники и компаньоны заняли наступательные позиции.

Бхоры, усмотрев коммерческую выгоду в поддержке Стэна, с радостью согласились высадиться на Небту и помочь его отряду. Они поразбросали достаточное количество отвлекающих и диверсионных ракет над столицей Небты, чтобы сбить с толку даже компьютеры имперской разведки. Корабли бхоров с шумом сели в предместьях столицы. Стэн пришел к заключению, что капитаны бхоровских торговых кораблей сделали это намеренно, чтобы оставить в целости и сохранности как можно больше памятников, монументов и особняков — для последующей их экспроприации.

Впервые за последнее время Стэн с радостью отметил, что вторжение прошло для его группы без эксцессов и потерь, чего нельзя было сказать о людях Восбера, умудрившихся наклюкаться стрегга до того, как погасли посадочные огни.

Три сотни солдат быстро объединились в боевое формирование и двинули на особняк Паррела. Вдруг раздались взрывы, земля задрожала, и Стэн понял, что Паррел оградил себя второй линией обороны. Отряд Стэна был встречен залпом тяжелых орудий.

Паника — удел неопытных солдат. Как же поведут себя в данной ситуации люди, прошедшие специальную подготовку? Стэн пытался вспомнить, где он видел фильм многовековой давности, в кото-

ром два грызуна уставились на трек и принялись обсуждать увиденное. «Нет, я — пас. Движущаяся лисья нора — зрелище не для слабонервных»,— сказал один из них.

Стэн повернулся лицом к ухмыляющемуся Алексу.

— Мы обречены,— сказал Килгур.— У парреловских вояк — с десяток треков и около двадцати пусковых установок. Может, нам лучше сдаться сразу?

— Постарайся не делать им слишком больно,— коротко ответил Стэн.

Битва на Небте, первая и, возможно, единственная в своем роде, длилась меньше часа после того, как У-образный строй треков двинулся в атаку.

Алекс притащил корабельную многоствольную пушку, установил ее на вращающуюся подставку, дождался, когда клинообразное формирование подошло к нему чуть ли не вплотную, и нажал на спусковой крючок. Маленькие ракеты повылетали из стволов и начали охоту. Пять ракет попали прямо в треки и превратили их в огненные шары. Шестая же, по причинам, известным лишь ее идиотскому компьютерному уму, решила, что статуя одного из парреловских предков — значительно более важная мишень, и угодила в нее.

Транспортеры были быстро остановлены проволочными заграждениями двухметровой высоты. Они врезались в заграждения, дали задний ход и начали ездить взад-вперед, пытаясь прорваться, пока недоумки водители окончательно не вывели машины из строя. Экипажи треков были тихо и спокойно сняты снайперами из группы Стэна.

Двум командным трекам удалось продержаться на несколько минут дольше, чем всем остальным,— то есть ровно столько, сколько времени понадобилось десяти лицеистам для того, чтобы полностью перерезать связь, а людям Стэна — подкрасться сзади и забросать незащищенные броней боковые рампы гранатами.

То, что тогда происходило, даже нельзя было назвать сражением. Стэн лишний раз убедился в этом, наблюдая за действиями Ффиллипс. Она ловко вставила железный лом в один из штурмовых треков и отступила назад, когда машина начала буксовать.

— В одном из старых учебников написано, что железяка, попавшая в гусеницу, остановит любой трек,— с грустью сказала майор Ффиллипс и метнула гранату в промасленную, закопченную выхлопную трубу боевой машины, через секунду превратившейся в горящий факел.

Все треки были остановлены, а недобитые члены их экипажей — вытащены на поверхность. Стэн понял, почему солдаты Паррела носили белые подштанники после того, как последняя линия обороны противника была разбита и началась массовая капитуляция.

Настало время разобраться с синьором Паррелом...

Глава 45

Паррел продумывал встречный план. Его великий сценарий, призванный стравить дженнов с наемниками, провалился. Оборона не удалась. Даже мощные треки, оснащенные импортной броней, не спасли положение. Паррел намеревался погрузить на корабль несколько последних ценных произведений искусства и дать деру. Этим кораблем был модифицированный юркий скоростной лайтер, стоявший посреди двора его особняка.

Небольшие по размеру, легкоконвертируемые ценности были спешно доставлены на корабль.

В новый план Паррела входил побег с Небты на какую-нибудь обитаемую планету, где можно притаиться и переждать, пока кончится шумиха — если это вообще когда-нибудь произойдет. Со смертью Ингильда, разгромом дженнов и его собственным выходом из политической игры над Волчьим созвездием впервые за многовековую историю нависла угроза установления мира.

Паррел был абсолютно уверен в том, что Стэн передаст бразды правления торговлей в руки бхоров. Роль самого Паррела в данной ситуации становилась менее чем бесполезной.

«Ничего,— утешал себя Паррел,— в любом случае этот божий одуванчик пьянчуга Теодомир не сможет продержаться у власти слишком долго. Рано или поздно ему понадобятся квалифицированная помощь, деньги и человек, который сможет оставаться трезвым дольше двух часов. А особняк на Небте выстроим заново».

Последний слуга погрузил на борт судна последнюю картину. Паррел засеменил по сходням. Ружейная стрельба становилась слышна все более отчетливо. «Что ж, пусть грабят особняк». Когда люк захлопнулся, Паррел с некоторой долей участия на мгновение задумался о своей сестре, Софи, исчезнувшей пару часов назад. «Наверное, она думает, что с постельным дружком ей будет лучше, чем с братом».

Паррел зашел в комнату контроля. Автоматика удерживала корабль на позиции «отбытие через тридцать секунд» почти целый час. Паррел плюхнулся на откидную кушетку, и пилот нажал на нужные кнопки.

Из иллюминатора сквозь прозрачный дым, выпущенный Юкавой, был виден некогда шикарный, а теперь увядающий парк Паррела, вдоль аллей которого стояли красивые скульптуры.

Пять секунд до старта...

— Таламейн благословил нас,— чуть слышным голосом произнес Матиас, натягивая на голову шлем.— Мы избраны самим Таламейном для выполнения этой миссии.

Его пальцы коснулись панели боевого компьютера.

Матиас с десятью компаньонами быстро установили мощное орудие на широкой дороге, ведущей к особняку Паррела. Сын пророка

застегнул ремешок шлема на подбородке, и его глаза стали «глазами» ракеты, в поле зрения которой попала центральная часть особняка и объятые пламенем деревья.

— Я готов,— объявил Матиас, взявшись руками за рычаги компьютерной ракетной установки.

— Запуск по команде.

— Готовность номер один,— доложил компаньон.

— Система приведена в боевую готовность номер один.

Матиас вздрогнул. В тысяче метров от него с внутреннего двора особняка поднялся корабль Паррела. Матиас уже успел нажать на кнопку запуска, расположенную в верхней части рычага. Когда ракета со свистом вылетела из ствола орудия, поднявшись на пятидесятиметровую высоту, его зрение стало мутным и расплывчатым, как у рыбы.

Матиас нажал большим пальцем левой руки на кнопку запуска второго рычага, вывел ракету на орбиту и стал ждать, когда корабль Паррела наберет нужную высоту. Как только тот развернулся, Матиас включил сенсоры ракеты на визуальное восприятие.

— Видимость нормальная,— коротко сказал он.

Ракета пошла наперерез кораблю, нацеливаясь прямо на его нос. Сначала Матиас увидел серый стальной корпус, а затем — яркую вспышку и брызги металла, ослепившие его. Он вовремя снял с головы шлем, успев разглядеть огненный шар, в который превратился корабль после того, как ракета попала в баки с горючим. Минутой позже корабль уже напоминал дымящуюся сигару, с которой, словно пепел, сыпались обломки.

Компаньоны ликовали, поздравляя Матиаса. Он встал и позволил себе разделить общее веселье. Однако лицо его вскоре вновь сделалось серьезным.

— Вам следует благодарить не меня, а Таламейна.

После этих слов приветственные крики мгновенно прекратились.

— Я расцениваю свой успех как благословение Таламейна, избравшего меня в качестве орудия мести. Это только начало. Вера превратится в карающий меч. Этот меч будет грозным в руках подлинного пророка. Наша теперешняя победа положила начало будущим подвигам. Воздадим за нее хвалу Таламейну!

Стэн и Алекс, выбравшись из зарослей кустарника, обнаружили десять молящихся коленопреклоненных мужчин возле передвижной ракетной установки.

Глава 46

Софи сидела на небольшом камне у самой кромки воды и смотрела, как огромные волны, столь горячо любимые ею, с шумом бились о берег. Столетия сменяли одно другое, гремели войны, кипели человеческие страсти, а океан оставался неизменным.

В двадцати метрах от Софи, на холмике черного песка, в ожидании стоял Стэн.

У Софи была истерика, когда он нашел ее в объятом пламенем особняке, на который рухнули обломки горящего корабля Паррела. Ворвавшиеся в здание солдаты из отряда Стэна принялись спешно выводить из него слуг. Стэн привел девушку в чувство и приказал солдатам доставить ее в свою штаб-квартиру, после чего с огромным трудом заставил себя заняться бесконечным множеством дел, возникающих после победы. Нужно было как следует продумать очередность дальнейших действий.

Прежде всего, естественно, следовало передать кодированное сообщение на планеты, находящиеся за пределами Волчьего созвездия. Для этого Стэн воспользовался сверхмощным передатчиком Паррела.

Сообщение было следующим:

ХОРОШИМ РЕБЯТАМ ПОВЕЗЛО — ОНИ ОДЕРЖАЛИ ПОБЕДУ. ХОРОШИЕ РЕБЯТА — ЭТО ЛЮДИ ТЕОДОМИРА. ФАЗЫ «А» И «В» ЗАВЕРШЕНЫ. ПРИМИТЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕРЫ.

Менее чем через три часа сообщение попало по инстанциям через разведподразделение «Меркурий» в руки Махони и императора. В ответном сообщении говорилось:

БУДЬТЕ НАГОТОВЕ В ОЖИДАНИИ КОНФИРМАЦИИ. НЕ ПОДВЕДИТЕ ИМПЕРАТОРА. ОСВОБОДИТЕСЬ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ. ПРЕДПОЧИТАЕТЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ, МЕДАЛЬ ИЛИ ДЛИТЕЛЬНЫЙ ОТПУСК? ВАШИ ДЕЙСТВИЯ ОЦЕНЕНЫ ПО ДОСТОИНСТВУ И ПРИРАВНЕНЫ К ПОДВИГУ, СОВЕРШЕННОМУ В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ БОГОМОЛОВ.

Читай: с текущими делами надлежит справиться до того, как на планету прибудет император со своими придворными для проведения обряда конфирмации Теодомира как законного пророка и главы Волчьего созвездия. Текущими делами были: захоронение мертвых, лечение больных, сдерживание наемников от совершения неблаговидных поступков и варварского разграбления, а также... Софи.

Итак, Стэн и Софи отправились на Черное побережье, не обмолвившись ни единым словом до самого заката. Сбросив одежду, Софи просидела на камне в абсолютном молчании почти два часа. Вдруг она резко встала, подошла к Стэну и опустилась рядом с ним на песок.

— Ты не убивал моего брата?

— Нет, я этого не делал.

— Но воспользовался бы случаем, если бы он тебе представился?

— Думаю, да.

Софи кивнула головой.

— Теперь ты и твои солдаты покинете планету?

— Да.

— Я отправлюсь с тобой.

Стэн оторопел. Он подумал, что Бэт не слишком обрадуется Софи при встрече, хотя Бэт вроде бы уже ему и никто. Стэн также с ужасом представил себе реакцию Софи на его признание в том, что он ни бывший солдат, ни тем более полковник.

Софи пожала плечами.

— Ты возьмешь отпуск после того, как тебе заплатят?

— Наверное.

— Я проведу его с тобой.— «Судя по тону, барские замашки засели в ней глубоко»,— про себя отметил Стэн.— А затем я тебя покину. Мне всегда хотелось посмотреть на императорский двор.

У Стэна тут же отлегло от сердца. Любовь — вещь прекрасная, но она длится не так долго, как солдатская служба. К сожалению.

— Не хочу видеть Небту — по крайней мере, какое-то время,— сказала Софи.

Стэн молчал.

Девушка взяла его за руку, они встали и пошли к маленькой хижине, стоявшей неподалеку от берега.

Глава 47

На орбите Санктуса зависли пять имперских боевых кораблей класса «Герой». Исполинов сопровождали три звена истребителей и звено крейсеров. Непосредственно за самой эскадрой тянулся флот вспомогательных кораблей, планетарные штурмовики и звенья двух батальонов первого полка гвардии.

Когда император прибывал на церемонию открытия какого-нибудь нового здания или на утверждение в правах завоевателя, он предпочитал, чтобы никаких сюрпризов не было — во всяком случае, таких, которые начинаются со взрывов или стрельбы.

Дискета, доставленная курьерским кораблем на планету, весила почти целый килограмм и содержала в себе все необходимые сведения о том, как нужно принимать императора. Называлась она: «Протокол имперских визитов» и содержала следующего рода информацию: какое оружие может носить почетный караул (никаких пулеметов и огнеметов; из личного оружия магазины должны быть вынуты); продолжительность приветственной речи (не более пяти минут); количество людей, допущенных к разговору при приземлении (максимум

три человека); расквартирование имперской службы безопасности (один барак плюс апартаменты, смежные с комнатами императора); стол для взвода штатских служб безопасности (обычные продукты питания для нормальных людей; дхаль, рис, дичь или соевые стейки для гурков); и так далее, и тому подобное, до бесконечности.

Благодаря этой дискете с досконально выверенной информацией императору удавалось выжить. По личным подсчетам властителя Вселенной, на него было совершено сто шестьдесят покушений, из которых только три оказались удачными.

Конечно, такое знаменательное событие происходило в один из немногочисленных солнечных дней. Это означало, что на каком-нибудь далеком континенте Санктуса влажность в этот день невероятно повысилась и стояла невыносимая духота.

Представители иерархии церкви Таламейна, одетые в парадные балахоны, выстроились на высокой трибуне еще за час до рассвета и теперь терпеливо жарились под палящими лучами солнца, мечтая, чтобы на город опустился густой туман или обрушился снегопад.

Император, выдерживая марку, заставлял их ждать. Самые уважаемые люди, включая и высокопоставленных компаньонов Матиаса в их красных униформах, стояли на взлетной площадке размерами в один квадратный километр. В дальнем конце поля, за охраняемым периметром, находились те счастливые граждане планеты, которым разрешено было улицезреть первый визит императора на Санктус, впрочем, как и в само Волчье созвездие.

Матиас стоял рядом с отцом. Они оба, вовсе не по-благородному, истекали потом. Отец и сын не находили нужным разговаривать друг с другом.

Вдруг толпа загудела. Высоко в небе материализовались пять точек и направились к взлетно-посадочному полю. По мере приближения точки росли и превратились в пять крейсеров. Послышались радостные крики толпы — крейсеры были авангардом императорского флота. Корабли заглушили двигатели в тысяче метров от взлетного поля и медленно опустились на него. Пятый крейсер сел прямо напротив трибуны.

Из люков четырех кораблей выскользнули сходни, по ним в две шеренги спустились военные — телохранители, державшие заряженные виллиганы наготове.

Военные, сошедшие по сходням с пятого корабля, выстроились перед трибуной. Все они были одеты в коричневую форму членов гильдии императорского двора, все служили в знаменитых войсках Охраны подразделения «Меркурий», то есть были оперативниками отряда богомолов.

Быстро, не унижая ничьего достоинства, они проверили оружие компаньонов, убедившись, что оно не заряжено. Военные следующего

взвода вежливо извинились, взошли на трибуну и обследовали детекторами каждого духовного сановника. Теодомир был оскорблен — один из штатских имел наглость конфисковать у него фляжку с вином, припрятанную во внутреннем кармане, как необходимый запас.

Затем начальник службы безопасности снял с пояса маленький компьютер, набрал нужный код, выслушал дальнейшие указания, после чего выключил компьютер, повесил его на место, повернулся к Теодомиру и низко поклонился:

— Готовьтесь к встрече с вечным императором, повелителем Тысячи солнц.

Теодомир воспрял духом, расслабился, облегченно вздохнул — скоро он станет помазанным пророком веры Таламейна — и, в знак уважения, отвесил ответный поклон.

— Полковник, как ты думаешь, эти придурки заметят, если мы с тобой хряпнем немного винца? — с игривой фамильярностью спросил император.

— Нет, сир,— ответил Махони, однако графин из соседней комнаты не принес.

Император тоже остался на месте.

— Как-нибудь в этом или следующем столетии,— продолжил властитель,— я кубарем слечу по помосту, завизжу высоким фальцетом, что объявляю новый великолепный мост открытым, и лично срежу ножницами все пуговицы с парадного мундира первого сановника. А на всех остальных благородных воров просто наблюю.

— Вопросов нет,— спокойно кивнул Махони.— Великолепная идея.

— Ох, чуть не забыл. Твой оперативник, как его?..

— Стэн.

— Да, Стэн. Его и наемников проинструктировали?

— Они не окажутся в поле вашего зрения, сир.

— Проблем не было?

— Абсолютно никаких. Теодомир их презирает. Большая часть наемников — дезертиры из гвардии. Кроме того, с каких это пор солдату нравилось привлекать к себе внимание начальства?

— Полковник,— сказал император, в сотый раз проверяя, все ли пуговицы на его полночно-черном мундире застегнуты правильно,— ты хороший психолог. Скажи, почему я до сих пор нервничаю перед событиями подобного рода — после тысячи лет царствования?

— Потому что вы вечно молодой,— ответил Махони.— Вы очаровательно наивны. Именно за это качество мы любим и ценим ваше вечное беспокойство.

— Да ну тебя,— проворчал император, крутя одну из пуговиц.— Капитан, опускай свою жестянку. Надоело ждать.

Пять боевых кораблей, почти километровой длины каждый, направились к взлетно-посадочному полю. Черное пространство за бортом корабля исчезло, в иллюминаторы проникли яркие лучи солнца Санктуса.

Четыре корабля повисли в ста метрах над головой людей, а пятый, «Верцингеторикс», мягко сел на поле. Следуя приказаниям, капитан включил генераторы Маклина, и днище корабля погрузилось на двадцать метров в грунт поля. Таким способом император оставлял личный автограф на планетах.

Борт корабля откинулся, превратившись в сходни двадцатиметровой ширины.

Теодомир, как ужаленный, замахал руками. Заиграл оркестр. Проиграв двадцать тактов, оркестр замолчал, поскольку на сходнях никто так и не появился. Только после того, как оркестр снова грянул и снова смолк, по сходням прошествовал император. На расстоянии трех шагов за ним следовали два взвода гурков. Смуглые низкорослые мужчины выстроились в две шеренги на поле, и император прошел сквозь этот строй к трибуне. Две орудийные башни, установленные на «Верцингеториксе», стали вращаться, прикрывая трибуну.

Император остановился перед трибуной и стал ждать. Иерархи Таламейна бухнулись на колени. Даже Теодомир, осознав, что совершил недопустимую ошибку, пал ниц. Один лишь Матиас остался стоять, глядя на мускулистого темноволосого императора сверху вниз.

Император включил свой микроларингофон. Техник на «Верцингеториксе» нашел нужную частоту громкоговорителей взлетного поля и подключил к ним микрофон властителя.

— Приветствую тебя, о пророк! — Многоголосое эхо подхватило слова императора.— Я, ваш император, приглашаю тебя и твоих людей вернуться в лоно империи и встать под ее покровительство. Как ваш император, я признаю героизм людей этой планеты, истинность их убеждений и долгое мученичество основателя веры, подлинного пророка Таламейна.

Император отключил микрофон и стал подниматься по ступеням на трибуну, размышляя над тем, как долго ему удастся продержать этих обливающихся потом болванов на солнце, прежде чем позволить им приступить к следующей, полностью предсказуемой части церемонии.

— А это,— с гордостью сказал Теодомир,— копия пушки, которую установил сам Таламейн в «Полете к свободе».

Матиас, император и Теодомир находились в самом сердце Санктуса, осматривая сокровища веры, хранящиеся в крепости.

Куда бы император ни поехал, его везде сопровождали сотрудники службы безопасности, одетые в штатское, а также взводы гурков.

За последними на расстоянии около сорока метров тянулся хвост сановников и компаньонов.

— Знаешь,— доверительно сказал император,— я, между прочим, был лично знаком с Таламейном.

Теодомир прищурил глаза, а Матиас почувствовал острую потребность встать на колени. Император улыбнулся, видя их конфуз.

— Я считал его... интересным собеседником. Он был необычайно просвещенным человеком... для своего возраста.

Матиас удивленно посмотрел на императора. Лишь дряхлые старцы с убеленными сединами волосами могли похвастаться тем, что непосредственно лицезрели Таламейна. Вряд ли Матиас ответил бы на вопрос, что шокировало его больше — мысль о том, что Таламейн ходил по планетам, как простой смертный, или то, что этот спокойный, уравновешенный человек, стоящий сейчас напротив него, разговаривал с первым пророком, а значит, был старше его.

Вдалеке от этой маленькой группы поднялась суматоха. Один из компаньонов услышал сказанные императором слова и с криком «Ересь!» потянулся к своему оружию, забыв, что оно не заряжено.

Прежде чем пальцы компаньона коснулись кнопки кобуры, один из гурков приставил к его горлу стальной клинок кукри, прошипев:

— Убери руку, неверный. Живо.

Компаньон послушался, а молодой гурка вежливо улыбнулся, отвесил небольшой поклон и вложил длинный кинжал в ножны.

Император изъявил желание сделать свое объявление после службы на широких ступенях внутренней лестницы крепости. Речь была записана на пленку и передана по всему созвездию.

— Посетив Санктус,— сказал он,— я увидел плоды деятельности Таламейна и убедился в том, что жители планеты достойны стать подданными великой империи. Я также узнал пророка Теодомира, выслушал его речи и понял, что он хороший и умный человек. По этой причине я объявляю: рука императора налагается на Волчье созвездие и его людей. Обещаю им покровительство в любом деле.

Отныне пророк Теодомир является законным правителем Волчьего созвездия. Он и его наследники будут считаться законными правителями этого региона до тех пор, пока я не решу убрать руку помощи с их голов.

Пусть силы Вселенной и первого пророка Таламейна одобрят и благословят это решение.

Началось бурное ликование, целые толпы народа впадали в истерику. Сейчас больше всего на свете императору хотелось вернуться на корабль, влезть в домашний халат и пропустить несколько... нет, много бокалов чего-нибудь крепкого.

Но он не мог позволить себе этого. Скоро должен был начаться банкет.

Глава 48

Проходя по улице Монументов, Махони пересчитывал могилы. Найдя нужный склеп, он подошел к нему поближе и огляделся. Слежки не было, никто не поджидал у входа. Махони незаметно проскользнул в темную дверь.

— Полковник,— послышался голос Стэна,— думаю, у нас может возникнуть проблема.

— Что случилось?

— Ничего особенного. Конкретных данных нет.

— Не темни, выкладывай.

— Так, слухи, эмоции. Поговаривают о священной войне. Но зацепиться не за что.

Махони в какой-то степени был рад темноте. Подчиненные не должны видеть своего начальника в расстроенных чувствах.

— Теодомир?

Стэн пожал плечами.

— Вряд ли,— сам себе ответил Махони.— Он же алкаш, развратник. Нет, эта версия отпадает.

— Знаю,— сказал Стэн.— Бессмыслица какая-то.

— Как насчет Матиаса?

— Возможно,— кивнул Стэн.— Послушайте, я же сказал вам, что все это досужие разговоры. Не будем гадать. Я хочу, чтобы вы дали мне больше времени на выяснение.

Махони с минуту подумал, затем покачал головой.

— Ты уже просил об отсрочке.

Стэн угрюмо молчал.

— В общем, ты прав, парень. Должно пройти какое-то время, чтобы возникла соответствующая ситуация. Тогда легче было бы во всем разобраться. Но времени, к сожалению, нет. Не могу сейчас объяснить тебе почему. Ладно, оставим сантименты. Ты у нас очевидец. Есть какие-нибудь соображения?

Стэн задумался.

— Постараюсь устроить так, чтобы наемники держались вместе какое-то время. У меня сейчас одна задача — оказаться в центре возможного конфликта.

— Ты понимаешь, что может произойти в худшем случае? Я имею в виду, помимо миллиона перерезанных старателей, развернутых военных действий в Волчьем созвездии, армий восставших под предводительством агрессивно настроенных вооруженных пророков, шастающих по Вселенной, а также поголовного заключения под стражу всех охранников? А произойдет вот что, парень,— нас с тобой вызовут на ковер.

— Ну что ж, я отправлюсь в штрафной батальон, а вы — в полевое командование.

— Ошибаешься. Нас обоих зафутболят на какую-нибудь болотистую планету. Тебя — в качестве рядового, а меня — в качестве сержанта,— сказал Махони.— Это, конечно, при условии, что император не выпотрошит из нас все внутренности, включая дерьмо. Тем не менее, полагаю, на данном этапе игры мыслишь ты правильно. Надеюсь, если случится худшее, ты и твои солдаты найдете способ разрешить проблему. Хотя я в этом глубоко сомневаюсь.

Махони покачал головой и направился к выходу из склепа.

— Полковник?

— Да, лейтенант?

— Будьте добры, сделайте одолжение. Впрочем, два одолжения.

Махони обмер от такой наглости. Лейтенанты не просят о личных одолжениях у своих командиров даже в отряде богомолов. Но лейтенанты обычно и не отваживаются заявить своему командиру, что его план сражения был полон дракха.

— Каких?

— Со мной служил один человек, Уильям Киршейн. Он погиб во время последнего рейда на дженнов.

— Продолжай,— сказал Махони.

— Когда-то он служил в первом полку гвардии. Мне бы хотелось, чтобы его восстановили в звании, посмертно. И... медаль бы тоже дать не помешало. Если у него остались родственники, они бы гордились им.

Махони не стал спрашивать, заслуживал ли этот человек таких почестей.

— Как я найду его документы, лейтенант? Знаешь ли ты, сколько Киршейнов служило у нас в гвардии?

Стэн ухмыльнулся.

— Вам не составит труда найти нужного, сэр. Его понижали в звании четырнадцать раз и представляли к Галактическому кресту четыре раза.

Махони облегченно вздохнул и согласился. Он сделает это одолжение.

— Насколько я помню, ты, сучий потрох, осмелился просить о втором одолжении?

Стэн замялся.

— Эта просьба интимного характера.

Махони ждал.

— Она касается сестры Паррела, Софи,— выговорил наконец Стэн.

— Красивая женщина, ничего не скажешь.

— Возьмите ее с собой. Она хочет быть представленной ко двору.

— Думаешь, ситуация стала настолько серьезной, парень?

— Не знаю, сэр.

Махони поразмышлял, пожал плечами, крякнул. «А почему бы и нет, черт возьми? Выполню и эту просьбу».

— Завтра вечером, лейтенант. Подведешь ее к третьему посту часовых. Пусть доложит о себе на «Верцингеторикс», трап «С». Я позабочусь о ней.

— Благодарю вас, сэр.

Глава 49

Островной континент Санктуса вздрогнул, когда императорский флот отделился от земли и завис на мгновение на одной параллели с трибуной, где рядом с компаньонами стояли Теодомир и Матиас. Затем корабли стали медленно удаляться, превращаясь в едва заметные точки, и вскоре исчезли совсем. Под ними, где-то далеко внизу, перед ангаром, стояли Ото, Стэн и Алекс.

Стэн помахал Софи на прощание рукой. Девушка была несколько удивлена, узнав о скором отъезде, однако почти ничего не сказала. Впрочем, они оба были немногословными во время последнего бурного занятия любовью, перед тем как Стэн проводил ее к сходням огромного имперского боевого корабля.

Стэн повернулся лицом к Ото.

— Вы, люди, обожаете прощаться,— начал было бхор.

— Не сейчас, Ото,— оборвал его Стэн.— Необходимо, чтобы ты заправил один из своих боевых лайтеров горючим. Я хочу также, чтобы два корабля вышли на орбиту Небты. Кроме того, мне нужны два пулеметчика из тех, что были на Уриче, и ты в качестве пилота.

Правая мохнатая бровь Ото поднялась вверх.

— Это невозможно, полковник. По окончании войны у меня появились свои меркантильные интересы, которые давно следовало...

— Это очень важно. Если ты откажешься выполнить мою просьбу, у бхоров может никогда больше не возникнуть меркантильных интересов.

Ото нахмурился, но, казалось, понял, что имел в виду Стэн.

— Каковы причины?

— Пока не могу сказать.

— Я так понимаю, от этого зависит твоя судьба.— Настал черед Стэна удивляться.— Надо так надо. Я подниму корабли с Небты через пять дней. Полагаю, они нужны тебе на тот случай, если отряду потребуется немедленное прикрытие.

Стэн с облегчением вздохнул. Теперь, по крайней мере, у него и наемников появится запасной выход.

К сожалению, коренные изменения в его судьбе произойдут не менее чем через двадцать часов. Корабли Ото просто-напросто не успеют к тому времени подняться на орбиту.

Глава 50

Стэн посадил гравитолет у обочины грязной дороги, вылез из кабины, поправил форму и зашагал вперед.

Дорога сужалась и переходила в тропинку, ведущую к лагерю компаньонов Матиаса. Вдоль тропинки, словно костры, алели знамена. Проходя мимо этих кроваво-красных стягов, Стэн вспомнил, о чем ему говорил Махони: «Нет никого опаснее солдата, получившего свою первую геройскую ленту».

В этом месте, казавшемся прежде безлюдным, появилось десять хижин.

Матиас с двумя компаньонами поджидали Стэна у последнего поворота тропинки. Все трое вытянулись по стойке «смирно» и застыли в чеканном приветствии. Стэн небрежно отдал салют, как и подобает старшему по званию офицеру. Матиас выступил вперед, протягивая Стэну руку для пожатия, широко улыбаясь.

— Полковник,— сказал он,— искренне рад видеть вас.

Стэн позволил пожать себе руку и пристально посмотрел в глаза Матиаса.

— Война окончена,— сказал он,— можешь обойтись без формальностей и не упоминать о звании, когда обращаешься ко мне.— Стэн убрал руку и отступил на шаг назад.— Я воспринял твое предложение приехать как приказ... Или я неправильно тебя понял?

— Я пригласил тебя как друга,— уклончиво произнес Матиас, беря Стэна под руку и ведя к небольшому спорткомплексу.— Нам нужно многое обсудить.

Стэн удивленно поднял бровь.

В небольшом офисе спорткомплекса произошли кое-какие изменения. На одной из стен висел огромный портрет Матиаса-героя и не менее огромная фотография офицеров-компаньонов с Матиасом посередине. Где-то в стороне притулился крохотный портрет отца Матиаса, Теодомира. На соседней стене появилась доска объявлений, увешанная военными рекомендациями, сообщениями и приказами Матиаса.

«А ты не терял времени зря, парень,— подумал Стэн.— Моя подготовка не прошла для тебя даром».

Он выдавил на лице улыбку, когда Матиас налил в свой кубок воды, а Стэну указал на графин с вином. Стэн отказался от вина, поднял кувшин с водой, наполнил свой бокал, поднес его к кубку Матиаса и произнес тост:

— За победу! — Стэн залпом выпил воду.

Матиас произнес ответный тост:

— За победу! — Сын пророка пригубил из кубка, сел и указал Стэну на соседний стул. Стэн ждал — ему это всегда хорошо удавалось.

— Ты изменил историю созвездия,— сказал наконец Матиас.

— Не без посторонней помощи,— напомнил Стэн.

Матиас внимательно посмотрел на Стэна. Что-то явно не давало ему покоя. Вдруг он встал и начал нервно расхаживать по комнате.

— Я смотрю по сторонам,— эмоционально начал Матиас,— и везде вижу зло. Я вижу лицемерие, ханжество. Я слышу лживую болтовню о преданности идеалам веры.

Стэн знал, что Матиас имеет в виду своего отца, и молчал. Матиас наклонился над Стэном.

— Я... мы должны изменить положение вещей.

— Не сомневаюсь, что ты сможешь это сделать,— сказал Стэн.— В один прекрасный день ты станешь пророком — после смерти отца.

Матиас посмотрел на Стэна почти умоляющим взглядом.

— Но несправедливость творится прямо сейчас,— страстно произнес он.— Война не окончена.

— Не понимаю, о чем ты говоришь,— покачал головой Стэн.— Я, так же как и вечный император, убежден, что война окончена...— Он поднял руку, не дав Матиасу перебить себя.— Будь терпеливей. Через несколько лет — двадцать, максимум тридцать — ты все это унаследуешь.— Стэн многозначительно обвел рукой офис, имея в виду Волчье созвездие.— Подожди, пока у тебя появится власть, при помощи которой все можно изменить.

— Но неверующие...— выпалил Матиас и тут же замолчал, поймав себя на мысли, что и так уже наговорил много лишнего. Сын пророка решил быть более осторожным в своих высказываниях.— Что собираешься делать дальше?

Стэн пожал плечами.

— Найду кого-нибудь еще, кто бы нанял меня.

«А любопытный вопрос. Так чем же ты займешься, лейтенант? Подожмешь хвост да отправишься на какую-нибудь более-менее цивилизованную планету, где тебе не пришлось бы проверять каждую ночь, не подбросили ли в твое жилище ядовитых насекомых и не прячутся ли по углам убийцы? Облачишься снова в форму, положенную тебе по чину? Просто напьешься с ребятами из отряда богомолов и будешь слушать россказни Дока о том, как он все ненавидит, откровения Иды о желании купить всю Галактику?.. Узнаешь, не погасла ли в Бэт страсть к приключениям?»

Стэн вдруг почувствовал смертельную усталость и ужасно обрадовался, что задание подходит к концу.

— Наемникам нужен отдых, они слишком долго дрейфовали в космосе,— нарушил молчание Стэн.

Матиас собрался с духом:

— Присоединяйся ко мне!

После этих слов он поспешно сел, отвел глаза в сторону и стал ждать реакции Стэна. Стэн выдержал паузу, словно размышлял над предложением Матиаса.

— Не к чему присоединяться.

— А компаньоны? — умоляющим голосом спросил Матиас.— Присоединяйся к компаньонам. Уверен, глубоко в душе ты такой же религиозный человек, как и мы. Я повышу тебя в звании. Я дам тебе денег. Я...

Стэн поднял руку, останавливая молодого человека.

— Я наемник, Матиас. Пойми это. А наемнику нужна война. Кроме того, я понял одну истину: по окончании войны наемнику лучше всего расстаться со своим нанимателем.

Стэн взял графин и налил себе вина.

— Но война продолжается,— сказал Матиас.

Стэн внимательно посмотрел на сына пророка, допил вино и встал.

— Нет, война закончилась. Прими мой добрый совет — пусть все остается на своих местах. Это созвездие заслуживает того, чтобы мир установился в нем на века. Когда станешь пророком, ты и твои потомки будете поступать как вам заблагорассудится.

Стэн по-отечески похлопал Матиаса по плечу.

— И уж если тогда что-то будет не по-вашему, дай мне знать. Уверяю, что бы ни случилось, ты сможешь полностью располагать мною,— пообещал Стэн и вышел из комнаты.

«Что ж, ладно,— подумал Матиас.— Искренне жаль, что придется так поступить».

Глава 51

Теодомир только что закончил молитву о воссоединении и пошел по приделу, не ожидая встретить ни слуг, ни охранников. Ему нужно было срочно напиться — требовалось успокоить нервы. Он взглянул на людей, все еще сидящих на церковных скамьях, и позабавился в душе. «Это даже не овцы, а бараны»,— подумал пророк, выскользнув за двери храма.

Ковыляя вниз по лестнице, Теодомир почувствовал легкое головокружение. После смерти Паррела он стал главным человеком в Волчьем созвездии. Сам вечный император утвердил его в духовном сане. Для Теодомира не было теперь ничего невозможного. Малейшее его предложение или высказывание становилось законом на тысячу световых лет.

Но сейчас ему больше всего на свете хотелось выпить. После этого можно будет подумать о вечернем досуге. «Кого бы мне лучше выбрать? — размышлял пророк.— Какого ребенка затащить к себе в постель: мальчика-танцора или девочку-певицу? Пожалуй, обоих».

Неожиданно перед пророком, как из-под земли, возник его сын. На лице Теодомира мелькнула и тут же исчезла слабая улыбка. Он уже собирался идти дальше, но Матиас окликнул его.

— Отец!

Теодомир приостановился на ступеньках, с раздражением подумав, чего этот болван сын от него хочет.

Матиас вынул кинжал. Пророк попятился по ступенькам назад. К Матиасу примкнули шесть человек в кроваво-красных униформах компаньонов.

— Не можешь подождать? — брюзгливо спросил пророк.— Я занят.

Такой ответ звучал странно даже в его собственных ушах. Он ведь уже догадался, для какой цели предназначен кинжал. Теодомир находился в растерянности, не зная, как выйти из этого состояния.

Он громко закричал, когда Матиас воткнул стальной клинок в его грудь. Истошные вопли пророка еще долго разносились по храму, пока остальные члены свиты так же безжалостно вонзали кинжалы во все части его дряблого тела.

Прибежали охранники Теодомира, держа оружие наготове, глядя на Матиаса и его компаньонов глазами, полными ужаса. Последний удар, последний хриплый стон — пророк умер.

— Он мертв,— объявил Матиас личной охране отца.

После небольшого замешательства охранники сложили оружие и начали громко приветствовать нового правителя.

Матиас стал истинным пророком.

Глава 52

Еще одно неписаное правило отряда богомолов гласило: «Если тебя мучают сомнения, готовь пути к отступлению».

Алекс подготовил пути к отступлению сразу же после возвращения Стэна из леса, где проходила его встреча с Матиасом. Алекс не знал, что должно было произойти, но чувствовал неладное.

С тех пор как наемников расквартировали в самом замке, из окон Стэна и Алекса стали свисать гранитного цвета сети. В стоящих у окон напольных вазах были спрятаны веревочные лестницы и защелкивающиеся карабины, на случай срочного спуска сети. Под формой Стэн и Алекс носили гражданскую одежду, чтобы при возникновении непредвиденных обстоятельств было проще покинуть планету.

Итак, услышав скорбные поминальные завывания по убиенному Теодомиру, Стэн и Алекс приняли меры. Первые двенадцать самонадеянных компаньонов, пытавшиеся вышибить дверь комнаты Стэна, напоролись на один из неприятных сюрпризов, приготовленных для них Алексом. Килгур вручную сделал две улавливающие мины, установил их по обеим сторонам от двери и включил сенсоры. Мины наделали много шума — достаточно, чтобы задержать следующую группу разъяренных компаньонов.

Благодаря этой временной задержке Алекс и Стэн успели прицепить крюки веревочных лестниц к сетке, сбросив сами лестницы за

окно, и стали быстро спускаться вдоль глухой вертикальной стены замка.

Ни один дурак не полезет на веревочную лестницу, обрывающуюся в двадцати метрах от земли,— ни один, кроме бойца богомолов.

Они спрыгнули на землю, проползли метров пятнадцать до ближайшего укрытия и облегченно вздохнули. Скинув с себя мундиры, Стэн и Алекс проворно побежали прочь от замка.

— Давай быстрее, парень,— поторапливал Стэна Алекс.— Нам здесь больше делать нечего. Выпить по последней кружке мы уже не успеем.

Они проскочили в ворота замка и побежали по направлению к городу. Вихрем пролетев по окраинным улицам, Стэн и Алекс понеслись к взлетно-посадочному полю Санктуса, где, как надеялся Стэн, их ждал лайтер Ото.

— Не нужно так сильно торопиться! — крикнул вдогонку Стэну Алекс.— Когда мы сбежим от взбесившихся фанатиков и окажемся за пределами этого созвездия, Махони с императором выплеснут весь свой гнев на нас.

На алее появился взвод компаньонов. Они заметили двух мужчин и бросились за ними вдогонку. Алекс опустился на колено, вытащил из сумки виллиган и начал палить по компаньонам.

«Если через час я все еще буду жив, то смогу вынести чей угодно гнев»,— подумал Стэн.

Глава 53

Матиас, единственный истинный пророк Таламейна, стоял перед выстроившимися ряд за рядом компаньонами, облаченными в кроваво-красную униформу. Пророк говорил три часа подряд, рассказывая о последних подвигах, укрепляя в своих подданных веру в него и в Таламейна, доводя собратьев до состояния экстаза. Компаньоны охрипли от криков, их щеки пылали, несколько человек упали в обморок.

Матиас поведал им о предательстве наемников Стэна, вступивших в тайный сговор с охраной его отца и подло убивших его. Теодомир был представлен как великомученик, сложивший голову за веру. Матиас заверил компаньонов, что, пока он жив, имя его отца не будет предано забвению.

Затем вперед вывели изменников из числа охраны Теодомира — сильно избитых и хранящих молчание; некоторые из них плакали. Матиас казнил охранников одного за другим под дикие одобрительные выкрики компаньонов. Истинный пророк завершил свою речь такими словами:

— Я не собираюсь убивать наемников предателя Стэна сейчас. Они будут ждать приговора судьбы в камерах, брошенные своими лидерами, трусливо сбежавшими Стэном и Килгуром.

— Убей их! — завопили компаньоны.

Матиас поднял руку, призывая к тишине:

— Не теперь. Не теперь, братья. Сначала мы будем судить их, чтобы вся империя узнала о грязных преступлениях, совершенных этими людьми. Только после этого мы вынесем приговор и казним их.

Матиас улыбнулся, с гордостью глядя на своих молодых солдат.

— Я создал комитет из числа компаньонов, призванный определить, каким именно образом они будут казнены.— Пророк сделал небольшую паузу, для большего эффекта.— Обещаю вам, что смерть предателей будет мучительной и долгой. Мы вытянем из них все жилы и выпустим кровь по капле. Они ответят за гибель моего отца!

Раздался многоголосый одобрительный рев компаньонов.

— Отныне Волчье созвездие принадлежит нам, друзья. Я посвящаю свою жизнь великой миссии — быть вашим пророком. Все люди будут поклоняться Таламейну и греться в лучах его славы.

— Сикбет! — грянули хором компаньоны.

Матиас вошел в раж. Он подался вперед и обвел горящими глазами толпу единомышленников. Казалось, его взгляд проникал в душу каждого из них.

— Но огромные силы встают сейчас против нас. Это неверующие, отрицающие Таламейна.

Низкий стон ужаса, переходящий в неистовый рев, прокатился по рядам компаньонов.

— В эту минуту враги не дремлют. Они объединяются и подползают к вратам нашего города, как змеи.— Матиас снова выдержал паузу.— Я считаю, что мы должны сражаться!

— Сражаться! Сражаться! За Таламейна! — заорали в ответ компаньоны.

— Объявляю священную войну! Войну против ереси! Против измены! Против всех богохульников, поносящих имя Таламейна!

Компаньоны впали в экстаз, ломая ряды, бросаясь к Матиасу, подхватывая его на руки... Началось триумфальное шествие.

Глава 54

Полковник Махони, командир разведывательного спецподразделения «Меркурий», покраснел, выпрямил спину, щелкнул каблуками и отдал честь. Он переживал не самые приятные минуты жизни, получая головомойку от величайшего головомойщика всех времен и народов.

— Не знаю, право, что и делать с вами, полковник. Даже не нахожу, что сказать... Ты хоть понимаешь, что произошло? Я только что благословил фанатика — фанатика, называющего меня еретиком. Меня! Меня!!!

Махони мудро воздержался от комментариев.

— Я выставил себя болтливым дураком, мать твою! Это ж надо! Нанес официальный государственный визит и объявил о широком покровительстве империи! Я, черт меня побери, объявил, что отныне Волчье созвездие считается открытым! — Император перегнулся через антикварный стол.— И если я что-то провозглашаю, то, клянусь всем святым, что есть в этой абсурдной несчастной империи, которую я имел глупость и неосторожность обосновать, я не отступлюсь от своих слов. Тебе это ясно, полковник?

— Да, сир.

— Нечего мне поддакивать!

— Так точно, сир.

— И не «такточничай»! — Император задрожал от гнева, глядя на Махони. Затем он тяжело вздохнул.— А, хрен с ними со всеми. Садись. Налей-ка чего-нибудь выпить. Лучше отраву, чтобы на душе полегчало, а в голове помутилось. Хочу напиться как сапожник.

Махони сел, но ошибки не совершил, не расслабился. Если представлялась возможность не терять бдительности, он ее не упускал. Полковник достал несколько бутылок виски из личных запасов императора, разлил по бокалам и выпил ровно столько, чтобы захмелеть, но остаться при военной выправке.

Император быстро разделался со своей порцией виски, вздрогнул и налил себе еще.

— Я здравомыслящий человек, Махони, и знаю, когда дела идут плохо. Итак, я очутился в одном болоте с аллигаторами. Что из этого следует? А ничего, я бывал там и раньше.— Властитель выпил.— У меня есть только один вопрос,— произнес он очень спокойным голосом.

— Какой, сир? — спросил Махони.

Вечный император встал.

— Кто посадил мою задницу в это болото, Махони? Кто? *Чья была идея?*

Не мог же Махони сказать своему боссу, что, в конце концов, идея принадлежала ему самому.

— Я возлагаю всю ответственность на себя, сир,— ответил он.

— Ты абсолютно прав, Махони, мать твою. Я собираюсь... Я собираюсь... Полковник, готовьтесь к тому, чтобы отправиться в самое худшее место империи. Его называют адской дырой. Вряд ли вам удастся там выжить больше недели.

— Да, сир.

— К завтрашнему дню предоставить мне полный отчет.

— Да, сир.

— И напомни-ка мне, как зовут того парня? Лейтенант...

— Стэн, сир.

— Правильно, Стэн. Он все еще жив?

— Да, сир.

— В этом заключается его первая ошибка. Значит, Стэн, говоришь... Его ждет особая кара. Плутон еще мой, Махони?

— Думаю, да, сир.

— Нет-нет, слишком мягкое наказание. Придется подумать над этим вопросом. Доставишь этого Стэна ко мне, полковник. Ты будешь слишком занят поисками адской дыры, куда я собираюсь тебя сослать.

— Да, сир.

Вечный император откинулся на спинку стула, закрыл глаза и, казалось, заснул. Махони чувствовал себя не очень уютно, ожидая, пока властитель выйдет из комы.

Наконец он открыл глаза и посмотрел на Махони усталым взглядом. В это мгновение полковник почувствовал, насколько древним был его шеф.

— Я рассчитываю на тебя, Ян,— мягко сказал император.— Разреши эту проблему. Избавься от пророка, сделай одолжение. Рассчитайся с ним за меня.

Махони встал на ноги, зная, что наконец-то получил приказ императора, и лихо отдал честь.

— С превеликим удовольствием, сир.

Махони браво развернулся на каблуках и строевым шагом направился к двери.

— Ян...

Полковник остановился.

— Слушаю, сир?

— Не подведи меня снова... пожалуйста. Постарайся уважить старого собутыльника.

— Постараюсь, сир.

— Терпеть не могу, когда меня подводят. Даже смешно: чем старше я становлюсь, тем больше мне это не нравится.— Император пристально посмотрел на Махони.— Ты думал, я поступлю по-другому? Думал, я сотру тебя в порошок?

— Не знаю, босс.

— В следующий раз непременно так и сделаю, Махони. Так что старайся как следует.

И вечный император вновь закрыл глаза. Махони бесшумно вышел из комнаты.

Глава 55

В тот момент перспектива быть сосланными на Плутон или еще куда похуже волновала Стэна и Алекса меньше всего. Они понуро склонили головы над компьютером, сидя в замке Ото — самом холодном, сером, унылом и мрачном здании из всех, в которых Стэну

приходилось бывать. Оба мерзли здесь уже целую неделю, питаясь самой отвратительной пищей, которую когда-либо пробовало живое существо. Два часа назад им удалось выйти на связь с Махони через компьютер. Теперь они ждали от полковника распоряжений.

— Уверен, что нас просто вздернут,— сказал Алекс.

— Нет,— ответил Стэн.— Махони не позволит нам так легко выйти из игры.

— Говорила мне мама: «Алекс, не ходи в солдаты».

Друзья замерли, когда в компьютере что-то щелкнуло и на экране появилось перекошенное лицо Махони.

— Я только что виделся с императором. Он недоволен.

— Могу его понять, сэр,— сказал Стэн.

Голос полковника потеплел:

— Ох, ладно, по крайней мере, вы живы. Я старался сделать для вас все, что мог, но, увы...— Махони пожал плечами. Это пожатие означало, что их карьера накрылась большим медным тазом.

— Что нам делать дальше, сэр? — спросил Стэн.

— *Тебе* — ничего,— ответил Махони.— Сиди тихо, ни во что больше не влезай. Через несколько недель за вами придет корабль.

— Но Матиас...

— Не беспокойся, лейтенант. Мы позаботимся о Матиасе. К тому времени, как ты вернешься домой, я сколочу другую команду богомолов.

— Сэр,— пролепетал Стэн.— Позвольте мне заняться этим делом. Верните мне команду «Богомол-тринадцать». Мы обуздаем Матиаса.

Махони нахмурился. Алекс слегка подтолкнул Стэна локтем — в качестве предостережения.

— Месть, лейтенант? Я-то думал, мы вас лучше обучили.

— Нет, не месть. У нас есть хороший шанс. Я знаю Матиаса. Я знаю Санктус.

— Тебе не удастся воспользоваться этим шансом, парень,— подружески сказал Махони.— Кроме прочих проблем есть одна далеко не маловажная: все разрешения на исследования и разработку месторождений минерала были санкционированы лично императором до того, как Матиас решился на убийство отца. Целый флот старателей направляется сейчас в регион Эрикс, прямо через Волчье созвездие.

— Матиас всех их перебьет,— сказал Стэн.— Раз дела обстоят настолько серьезно, тем более важно, чтобы нам было позволено вмешаться.

— Не могу понять, каким образом вы собираетесь справиться.

— У меня есть план.— Стэн затараторил, выкладывая свои соображения удивленному Махони.

Глава 56

В который раз головорезы-тюремщики выволокли гремящую цепями Ффиллипс из темницы и поставили на колени перед Матиасом. Однако, увернувшись от ожидаемого удара и поднявшись на ноги, седовласая женщина невольно подумала, что этот удар мог быть последним в ее жизни.

Оглядевшись по сторонам, Ффиллипс заметила, что после смерти недолго оплакиваемого Теодомира тронный зал претерпел значительные изменения. Гобелены и экзотические статуи исчезли, впрочем, как и подушки, лежавшие на каменном троне. Карта Санктуса была закрыта полотном с изображением символа веры Таламейна — двумя руками, сложенными в молитве над обнаженным мечом. Остались лишь факелы, установленные с обеих сторон от картины.

На каменном троне восседал Матиас, одетый в официальную теперь форму компаньонов алого цвета, без каких-либо знаков отличия. Ффиллипс почтительно поклонилась, не проронив ни слова,— выжидательная тактика, безотказно срабатывавшая еще задолго до того, как она поступила на военную службу.

— Я говорю от имени Таламейна,— выразительным голосом сказал Матиас.

— Сикбет! — хором воскликнули компаньоны.

— Здесь, в этом священном зале, сидя на троне служителя веры Таламейна, я, Матиас, избранный Светилом как истинный пророк Таламейна, обвиняю тебя, майор Ффиллипс, ввиду отсутствия твоего командира, лукавого безбожника Стэна, в измене. Я обвиняю тебя в предательстве по отношению к нашему государству, нашей вере, нашему народу!

«Да брось ты, мальчик. Неужели не мог выдумать более оригинальное обвинение?» — подумала Ффиллипс. Майор знала, что главное сейчас — тянуть время. Суд над изменником, как правило заканчивавшийся смертным приговором, затягивался на долгое время, пока обвиняемый не сознавался в совершении преступления или не принимал веру Таламейна. Ффиллипс, участвовавшая в двадцати военных кампаниях, не верила ни в Бога, ни в черта и сознаваться ни в чем не собиралась.

Она выдержала паузу, а затем подняла голову и посмотрела Матиасу прямо в глаза. Вдруг она пала перед ним на колени. Низкий шепот удивления прокатился по рядам компаньонов. Матиас был в замешательстве.

— Я не понимаю обвинения, пророк.

— Тебе растолкуют подробности, но все они связаны с убийством нашего последнего и самого уважаемого пророка Теодомира и твоей попыткой уничтожить наше священное государство.

— Пока ты не стал пророком, я знала тебя как искусного воина и веселого товарища. Могу только смиренно предположить, что об-

винение это выдвинуто либо по наущению завистников, либо на основании неверных сведений, предоставленных вашей светлости подчиненными.

— Ошибаетесь, майор Ффиллипс. Эти обвинения напрямую исходят из моей убежденности, моей молитвы и из моих уст.

«Хм, он жаждет нашей смерти»,— подумала Ффиллипс и решила сделать другой гамбит.

— Поскольку мы не знакомы с вашей системой, пророк, позволено ли мне задать один вопрос? Кто будет входить в состав суда?

— Если рассматривается дело о государственной измене,— сказал Матиас,— суд состоит из старейшин церкви и представителя Таламейна.

«Ни дать ни взять Звездная палата, выносящая приговор о смертной казни через повешение».

— Суд учитывает, кем было совершено преступление, если факт такового действительно подтвердится,— неверующими или членами церкви Таламейна?

— Майор Ффиллипс, поскольку на приговоре это никоим образом не отразится, могу сообщить,— произнес Матиас менее уверенным голосом,— что казнь производится различными способами. Однако выступающие под маской верующих могут рассчитывать на быструю смерть.

Матиас отвел глаза в сторону. Если он правильно понял, Ффиллипс клонит к тому, что в глазах общественности пророк должен выглядеть *справедливым* святым.

«Ну что, подловила я тебя, маленький фанатичный жук-навозник?» — подумала Ффиллипс.

— Не поймите меня превратно, пророк, мы не пытаемся оттянуть вынесение приговора, если нас все-таки сочтут виновными, однако хотелось бы обратиться к вам с одной просьбой. Мои подчиненные стали проявлять интерес к учению Таламейна после того, как увидели, насколько храбро и благородно сражаются солдаты веры.

— В чем заключается ваша просьба, майор?

— Возможно... поскольку, полагаю, сам Таламейн опосредованно спускается с небес для вынесения того или иного приговора, было бы справедливо и мудро с вашей стороны проинструктировать нас по части религии, чтобы мы могли побольше узнать о Таламейне, после чего вы примете окончательное и единственно правильное, справедливое решение.

Матиас задумался, затем утвердительно кивнул.

«Конечно, это затянет судебный процесс, но вдруг кто-нибудь из наемников захочет стать новообращенным и получить благословение? Вполне вероятно, солдаты младших чинов отдадут свои сердца вере Таламейна. В таком случае их можно пощадить и отдать на обучение компаньонам, чтобы в дальнейшем они приняли участие

в священной войне. Но Ффиллипс, ее офицерам и Стэну, если того найдут, пощады не будет».

— Ваше заявление будет изучено, майор,— сказал Матиас.— Должен признать, оно заслуживает рассмотрения. Пророк сообщит вам о своих выводах после того, как помолится, попостится и спросит о возможном проведении конфирмации у всемогущего и справедливого Таламейна.

Матиас встал и раскинул руки. Ффиллипс поклонилась.

— Спасибо тебе, Таламейн, за присутствие на этом заседании. Мы молимся за то, чтобы справедливость восторжествовала. Сикбет.

— Сикбет! — подхватил хор голосов.

Ффиллипс поставили на ноги и потащили обратно в темницу. Майор захромала, притворяясь, что у нее болит нога, и стала незаметно оглядываться по сторонам, прокручивая в голове различные варианты побега.

«Недурно, недурно. Тебе удалось убедить палача отложить казнь, а продажных сановников — прийти в зал суда. Но самое главное — ты выиграла время».

Ффиллипс гадала, чем сейчас занимается Стэн. Неужели он бросил своих солдат и просто-напросто сбежал? Делая вывод, майор прислушалась к голосу не сердца, а разума закаленного в боях наемника: «Полковник был бы круглым идиотом, если бы поступил по-другому».

Глава 57

Ото был абсолютно уверен, что наемник, называвший себя Стэном, многое скрывает от него. Например, у Стэна имелся модифицированный передатчик, настроенный, как обнаружил после тайной проверки Ото, на волну Галактического центра. Кроме того, бхор не мог понять, почему наемник, не получивший плату за свою работу, так сильно печется о своих еще менее удачливых подчиненных.

Поэтому Ото вовсе не удивился, когда его часовой, выглянувший из-за зубцов сторожевой башни, заорал во все горло о приближении каких-то незнакомцев.

По глубокому снегу к замку приближалась живописная компания: самка человека в сопровождении двух громадных черно-белых хищников с выпуклыми лбами четырехфутовой высоты; необъятная гуманоидная женщина с интересными усиками на верхней губе и крохотное мохнатое существо с подвижными усиками-антеннами.

Вся эта разношерстная братия восседала на четырех груженых гравитолетах.

Кто они были такие, как им удалось попасть на планету бхоров, не будучи замеченными, и узнать, где находится Стэн, оставалось для Ото полнейшей загадкой.

Мало того, он чувствовал, что ответов на эти вопросы не получит никогда.

Посему Ото просто открыл ворота, поставил на стол аппетитное, на его взгляд, блюдо, состоящее из вяленой рыбы с гарниром из пшенной каши, приправленной острыми специями, рубленым печеным бараньим желудком и остатками вчерашнего ужина, а потом послал слугу разбудить Стэна и Алекса.

Глава 58

Воссоединение группы «Богомол-13» проходило бурно и восторженно. Мьюнин даже встала на задние лапы и лизнула Стэна в лицо. Хьюджин — другой тигр, которого Стэн всегда считал более умным животным,— один раз мурлыкнул, прыгнул на стол и умял поднос соленой рыбы.

— Ну что, всемогущий бочонок с салом,— обратилась Ида к Алексу,— не можешь обойтись без моей помощи?

Алекс чуть не подавился кашей, однако про себя все же отметил, что был рад видеть тучную цыганку. Бэт отвела Стэна в сторону. Глаза ее выражали беспокойство.

— Что случилось?

— Мы были вынуждены слишком быстро сматываться,— с грустью сказал Стэн.— Через минуту я все тебе расскажу.

Док находился в очень подавленном состоянии — Стэн дважды обнял Бэт, что наводило на интересные мысли относительно того, чем они занимались в начальную пору своего знакомства. Затем Стэн отошел от Бэт и присел на корточки, чтобы заглянуть в глаза коалоподобному существу.

— Твоя месть страшна, Стэн,— печально сказал Док.

Стэн был озадачен.

— Знаешь ли ты, чем Махони заставил нас заниматься после твоего отбытия? Известно ли тебе, что поручил нам его величество имперская глупость? — Голос Дока сорвался на фальцет.

Стэн был уверен, что Док ему все сейчас расскажет.

— Задание простое,— продолжал антрополог группы,— как раз для такой команды, как ваша, сказал нам Махони — и отправил на тропическую планету, чье правительство скинули некие местные гуманоиды. Все, что от нас требовалось,— охранять посольство.

— Махони заверил нас, что император полностью одобрил революцию,— подключилась к разговору Бэт.— Нам предстояло защищать имперских слуг и их семьи от попадания в жернова, перемоловшие правительство этой планеты.

— И нам это удалось,— добавила Ида.— Ты представить себе не можешь, сколько кредиток я потеряла! А сколько моих... наших капиталовложений превратилось в дракх из-за того, что нас зажали в тиски!

— Дело того не стоило,— продолжил Док.— Мы замаскировались под солдат гвардии. Нам даже удалось убедить этих придурков, называющих себя представителями министерства иностранных дел, что Хьюджин и Мьюнин являются полноправными членами гвардейского отряда наряду с нами! Пфух,— фыркнул Док, кладя в рот огромный кусок стейка и мерно пережевывая его.

— Да уж, повеселились на славу,— добавила Бэт, воспользовавшись паузой, во время которой Док расправлялся со стейком. По лицу Бэт было видно, что она вот-вот прыснет со смеху.

Набив битком рот таким количеством еды, которое вряд ли уместилось бы в пасти Хьюджина, Док прошамкал:

— Конечно, мы тщательно подготовились к побегу: через задние ворота посольства, мимо домов, отстоящих друг от друга на приличном расстоянии, через площадь и неохраняемые городские ворота к полю, по которому шли двенадцать километров пехом до эскадренного миноносца гвардии.

— Так в чем заключалась проблема? — спросил Стэн.

— В детях,— сказал Док.— Ида, почему-то возложившая на себя миссию командира, приказала мне присматривать за посольскими иждивенцами — жуткими маленькими плотоядными говорящими гуманоидами.

— Они полюбили его,— объяснила Ида.— Ловили каждое его слово, заставляли петь им песни, кормили конфетами, ласкали и гладили его.

— Своими липкими лапами,— проворчал Док.— Я после этого три цикла не мог расчесать свой мех. И они называли меня...— Док поежился,— плюшевым медвежонком.

Стэн встал, стараясь не смотреть на Дока, чтобы не рассмеяться, и согнал Хьюджина со стола. Успокоившись, он снова повернулся лицом к друзьям.

— А теперь, после прекрасно проведенных каникул, не хотели бы вы приступить к серьезной и сложной работе?

Док проглотил еще один стейк. Отряд сел в круг, приготовившись слушать командира.

Глава 59

Ффиллипс решила, что подготовка к побегу идет великолепно. Наемники, за плечами которых был огромный опыт проигранных войн, всегда прятали в потайных карманах формы некоторые виды холодного оружия. Все это было брошено теперь в общий котел. Наиболее острые и пригодные для ведения подкопа ножи раздали самым низкорослым, крепким наемникам, не страдающим клаустрофобией.

Для поднятия каменных плит, которыми были умощены полы темницы, требовалось две ночи. Итак, подкоп начался. С каждой

сменой расчета тюремного караула работу приходилось приостанавливать и заталкивать в прорытые щели фальшивый цемент — куски жеваного сухого хлеба, валявшегося по всей камере.

Виола, принявшая на себя командование группой лицеистов после смерти Игана, произвела точный тригонометрический расчет туннеля, с тем чтобы подкопа не было видно из верхних зарешеченных окон сторожевых башен тюрьмы.

Наемники с лучшими актерскими данными, представившись набожными, вступили в учебные группы, возглавляемые инструкторами Матиаса.

Слушая проповеди и задавая вопросы, они притворялись, будто все больше проникаются верой Таламейна, хотя на самом деле принимали живейшее участие в создании туннеля — разбрасывали вырытую землю по грязному земляному тюремному двору.

«Что ж, дела у нас идут весьма недурно»,— подумала Ффиллипс, наблюдая за тем, как перепачканные грязью обнаженные солдаты один за другим выбираются из «норы».

Первая группа начала тщательно смывать с себя грязь остатками воды, выдававшейся тюремщиками по литру в день для питья и умывания.

«Нужно прорыть еще триста метров каменистого грунта, чтобы оказаться за пределами тюремных стен. Когда мы выберемся на поверхность, где-то на вершине скалы, нам останется только выяснить, каким образом можно спуститься со стометровой высоты и раствориться в сердце столицы Санткуса. Все это произойдет лет эдак через десять, не раньше... Ох, Стэн, Стэн. Где же ты, полковник?»

Ффиллипс сняла форму и, несмотря на жуткую боязнь замкнутого пространства, полезла в туннель, мимо истекающих потом «рабочих», накачивающих воздух, чтобы собственноручно копать путь к свободе.

Глава 60

Члены команды сели и принялись размышлять. Каждый продумывал всевозможные варианты, альтернативные предложению Стэна.

Тигры, пошевелив немногочисленными извилинами, вытянули лапы с растопыренными когтистыми пальцами, намекая на то, что в их мутантных мозгах созрел план всеобщего уничтожения, свернулись в клубки и принялись вылизывать друг другу морды.

Ида высказала свое резюме по поводу сложившейся ситуации:

— Итак, объявленную пророком религиозную войну будут вести солдаты-фанатики. После того как наш жутко дальновидный император благословил их на любые зверства, они будут убивать на протяжении семи поколений. Аминь. Геологоразведочные корабли уже

в пути — корабли, которые будут неминуемо уничтожены компаньонами.

— Ида права,— согласился Алекс.

— У меня есть одно предложение,— сказал Док.— Подождем, пока наемников подвергнут всяческим пыткам, приговорят к смерти и выведут на казнь. Твой Матиас, разумеется, не преминет там присутствовать. Естественно, церемония будет публичной. В самый разгар сожжения на костре или какой другой казни, которую пророк выберет для убийства твоих соратников по оружию, мы его схватим.

— Исключено,— категорично отрезал Стэн.— Необходимо спасти как можно больше людей.

— Махони знает, как ты настроен?

— Нет,— ответил Стэн.

Остальные члены группы не стали обсуждать этот вопрос. Все они чувствовали в душе, что Док одобряет романтизм и сентиментальность Стэна.

— Согласна,— сказала Бэт.— Нам остается только одно — схватить Матиаса до начала священной войны.

— Не витай в облаках,— усмехнулась Ида.— Мы, между прочим, еще не знаем, как добраться до Санктуса, тем более — каким образом проникнуть в столицу. Или твой блестящий ум уже продумал план нашего появления в крепости и вылавливания Матиаса, не говоря уже обо всем остальном, о великий военачальник?

— Не мой блестящий ум, а мой холодный зад,— ответил Стэн.

— Что?

— Моя отмороженная задница... плюс посланный Махони три дня назад геокорабль.

— Позволь тебе намекнуть, что ни один из нас не имеет ни малейшего представления, о чем ты говоришь, Стэн.

— Разумеется.

— Ладно.— Бэт пожала плечами.— Займешься этим сам. Я беру на себя проблему проникновения в столицу. И между прочим, больше никаких ползаний по земле. Это дурно влияет на цвет моего лица.

— Любопытно, как ты собираешься этого избежать,— сказал Алекс.— Твоих милых кисок, Дока и дородную рыбачку будет видно за версту.

— Если только мы не будем действовать полностью в открытую.— Бэт попыталась сделать серьезное лицо, но ей это не удалось.— Мальчики и девочки, мы устроим настоящее представление!

Все недоуменно посмотрели на девушку. Стэн и Алекс быстро сообразили, что она имела в виду. Вскоре комната наполнилась веселым смехом. Хохотали все, кроме тигров, решивших, что члены группы «Богомол-13» сошли с ума.

— Прекрасно придумано,— сказал Стэн, прекращая смеяться.— Ты уверена, что этот номер пройдет?

— Конечно,— кивнула Бэт.— После того как мы сожжем Матиаса, его осиное гнездо и веру Таламейна дотла, Волчье созвездие вздохнет с облегчением.

Стэн пожал плечами. Похоже, инициативу у него перехватили. Впрочем, он никогда слишком не доверял книжным героям-детективам, говорившим «дело в шляпе», после чего все садились вокруг и слушали их с открытыми ртами.

— Ото это не понравится,— промолвил Стэн, подходя к двери.

— Клянусь бородой моей мамы! — воскликнул Ото громоподобным голосом, от которого попадали подсвечники и два комплекта оружия для охоты на стрегганов.— Вы хотите выставить бхоров шутами гороховыми!

— Прости,— сказал Стэн,— но это единственное приемлемое решение. Если план сработает как надо, твоя задница не отмерзнет, как случилось с твоим отцом.

— Я категорически против! — заявил Ото.

Стэн до краев наполнил два рога стреггом и подал один из них Ото. Он знал, что во время хорошей пьянки бхор становился более уступчивым. Приходилось, однако, надеяться на то, что похмелье будет не слишком тяжелым.

Стэн забрался в холодную кровать и укрылся тяжелыми шкурами. Перепив стрегга, он не мог заснуть. Да разве можно заснуть, когда в твоем мозгу в сотый раз прокручивается один и тот же план?

За дверью послышался скребущий звук, после чего она со скрипом отворилась. Стэн вышел из состояния полудремы и нащупал пальцами нож. Разглядев вошедшую в комнату маленькую женскую фигурку, он успокоился.

Это была Бэт. Закрыв за собой дверь, девушка подошла к кровати и сбросила с себя одежду, оставшись абсолютно голой.

Стэн почти забыл, насколько она красива. Бэт забралась под шкуры и прижалась к Стэну.

— Но я думал... мы с тобой просто друзья.

— Знаю.— Бэт тихо засмеялась.— Но не просто друзья...

Стэн затаил дыхание, когда она начала целовать его грудь, как в старые добрые времена.

— *...а настоящие* друзья.

Разве Стэн мог устоять против такой железной логики?

Глава 61

Бородатый мужчина с переброшенной через плечо рыболовной сетью стоял на берегу океана и без особого любопытства разглядывал странную компанию, появившуюся на гребне набежавшей волны. Смачно сплюнув, он легкой походкой подошел к группе ярко рас-

крашенных коробок и ящиков, перед которой стояли группа «Богомол-13» и сердитый Ото.

Бхоровскому кораблю без всяких трудностей удалось подойти к единственному островному континенту планеты Санктус. Стэн и его люди пересели на лайтер, способный летать всего в нескольких метрах от поверхности океана, и высадились у самого побережья северного мыса континента. Стэн знал, что это место наиболее безопасно. Бхоры, опытные и хитроумные контрабандисты, могли высадить кого угодно где угодно, не будучи замеченными радарами.

— Надо же, привидения,— безразличным голосом сказал рыбак.

Большая часть населения главного континента не исповедовала веру Таламейна; среди них также не было и компаньонов. Для успешного проведения операции Стэну нужна была их помощь.

Местное население составляли деревенские жители, рыбаки и крестьяне. Главными добродетелями крестьяне считали подозрительность, суеверность и скептицизм, короче говоря, в большинстве своем были безнадежно тупыми. Впрочем, этот рыбак суеверностью и глупостью перещеголял даже их.

Стэн самокритично подумал, что если бы он сам был рыбаком, спустившимся на рассвете в свою любимую бухту и обнаружившим там медведя-коротышку, огромное лохматое существо, двух кошек невероятных размеров и четырех гуманоидов, то, скорее всего, пустился бы с криком наутек в ближайшую церковь Таламейна и покаялся бы в грехах.

Вместо этого абориген снова сплюнул, чуть не угодив в Хьюджина. Тигр угрожающе зарычал.

— Не бойся, добрый человек,— начал Стэн.— Мы самые обыкновенные бедные бродячие актеры. Наш корабль этим утром потерпел крушение. К счастью, нам удалось спасти свои пожитки.

— Э-хе-хе,— протянул рыбак.

— Нам нужна помощь — необходимо погрузить все это барахло на повозку. Мы можем заплатить золотом. Неплохо было бы также достать парочку волов. Если вас не прельщает красное золото, мы можем устроить бесплатный спектакль, самое лучшее шоу для жителей вашей деревни.

— Значит, кораблекрушение?

— Именно так.

— Лучше говорите, что вы — привидения,— посоветовал рыбак.— В это легче поверить.

Рука Алекса уже потянулась было к виллигану, спрятанному в широких фалдах его красно-зелено-голубого балахона, как вдруг рыбак произнес:

— Пойдете со мной в деревню. Может, через час у вас будут волы и помощники.

Рыбак снова смачно плюнул, развернулся и не спеша, без всякой паники, потащился туда, откуда пришел.

Люди Стэна удивленно переглянулись и начали разгружать пять десятиметровых лодок, на скорую руку сколоченных бхоровскими умельцами.

Лодки были переполнены всевозможной бутафорией, необходимой Бэт для представления, а также водонепроницаемыми ящиками, набитыми имперским оружием, включая лучевые установки, виллиганы и взрывные устройства в виде различных экзотических штучек.

Стэн твердо знал — обратного пути нет. Либо операция пройдет успешно, либо он погибнет. В таком случае через шесть месяцев императору придется послать в Волчье созвездие целую армию штурмовиков.

Если возникнет такая необходимость, полное уничтожение команды «Богомол-13» будет сущим пустяком по сравнению со всеми тревогами, которые обрушатся на голову императора.

«Кроме того,— успокаивая себя, подумал Стэн,— если произойдет самое худшее, мы все равно уже будем мертвы».

Глава 62

Кампания, тщательно спланированная Доком, преследовала две цели. Первая, самая главная: убедить аборигенов Санктуса в благих намерениях существ с ужасно странной внешностью и воспользоваться их помощью для безболезненного проникновения в хорошо охраняемую столицу планеты, чтобы вызволить из тюрьмы наемников и разрушить мечты Матиаса о священной войне.

Как правило, успех любой тайной операции зависит от незамысловатости способа ее проведения. Обычно представители оппозиции считают, что противник не настолько глуп, чтобы действовать в открытую. Теоретики тайных операций зачастую теряют главную нить в лабиринте умственных хитросплетений.

Вторая цель заключалась в том, чтобы настроить жителей Санктуса против их церкви. Шутки, сценки, анекдоты, меткие высказывания выставляли высших духовных лиц непроходимыми дураками, настолько невежественными и коррумпированными, что любой уважающий себя крестьянин начнет просто мечтать о падении ненавистного режима. По крайней мере, такой крестьянин уже не польстится на жалкую подачку за предательство единомышленников.

Док знал, что в малограмотном, частично репрессированном народе с низкой культурой развития удачная шутка или слух о скандальном происшествии разлетаются мгновенно, как будто их передали во всеуслышание по радио.

Если кампания будет проходить удачно, то есть если большинство крестьян воспримут последние антикомпаньоновские шутки как

надо, а отряд богомолов успешно проникнет в столицу и начнет боевые действия, лучшим вариантом для местного населения будет сохранение нейтралитета. Если же они выступят в поддержку Матиаса, за жизни Стэна, всей его команды и заключенных в тюрьме наемников никто не даст и ломаного гроша. С другой стороны, не дай бог, аборигены решат помочь Стэну и ринутся на штурм — начнется гражданская война, а гражданская война с религиозной окраской может длиться столетиями, до полного уничтожения всего народа и его культуры.

Док провел долгие часы наедине с компьютером, прежде чем бхоры высадили отряд на планету. Проштудировав брошюру «28 способов рассмешить» (у Дока, как и у любого другого альтаирца, напрочь отсутствовало чувство юмора), использовав врожденную неприязнь к гуманоидам и чудовищное презрение ко всему, что не касалось его лично, Док «выродил» полсотни анекдотов, несколько рассказиков о пикантных скандальных происшествиях и одну пьесу.

При постановке пьесы возникла существенная проблема. Поскольку личности Стэна и Алекса были хорошо знакомы компаньонам, в своем нормальном виде им нельзя было появляться ни на сцене, ни за ее пределами.

Для того чтобы они могли участвовать в пьесе, их внешний облик требовалось изменить до неузнаваемости. Стэна и Алекса заставили быть клоунами труппы — нарядили в немыслимые костюмы с жуткими рюшами, наложили на лица толстый слой белого грима с черными разводами и румянами, нацепили кошмарные парики. Но что они будут делать по окончании пьесы? Не оставаться же им в таком виде круглосуточно!

Главное правило наложения грима состоит в том, чтобы изменить внешность человека, используя как можно меньше косметики. Бойцам отряда богомолов это правило было отлично знакомо. Стэн обрил голову и приклеил к одной щеке безобразную бородавку. Алекс отрастил моржовые усы и длинные, как у монаха, волосы.

Содержание пьесы было до неприличия простым. Бэт играла роль наивной и бедной деревенской девушки-сиротки, подвергшейся грязным домогательствам со стороны развратного деревенского старосты (Алекса с длинной накладной бородой и родным шотландским акцентом) и его приспешника, продажного священнослужителя из числа приверженцев режима не долго оплакиваемого Теодомира. Роль священнослужителя заставили играть Иду, вытолкав ее на сцену буквально в шею.

Единственной надеждой Бэт (по роли) был ее прекрасный возлюбленный, ушедший из деревни, дабы примкнуть к войску компаньонов Матиаса, выступившему с крестовым походом на коварных дженнов.

Согласно выведенной к тому времени доктрине официальных властей, наемники только и знали, что заниматься фальсификацией, предательством, насилованием честных женщин и беспробудным пьянством. От возлюбленного не было ни слуху ни духу. Староста со священником радовались, чувствуя свою безнаказанность.

По прошествии двадцати минут пьесы, после соответствующих угроз со стороны священника и старосты, девушка, рыдая и всхлипывая, погружается в молитву, обращаясь за помощью к Таламейну. И Таламейн (снова Ида) загробным голосом, доносящимся из-за сцены, советует ей бежать в лес. В лесу на девушку нападают голодные тигры, но ее спасает нищий бхор (Ото), корабль которого потерпел крушение.

Когда Ото сказали, что он должен произнести хвалебную речь во славу веры, которую капитан считал абсурдной до смешного, он взревел от негодования. Узнав, что по сценарию ему придется к тому же произнести фразу: «Все бхоры испытывают к Таламейну ту же любовь, что и я», он заорал еще громче, стал бить себя кулаками в грудь и требовать, чтобы его пристрелили.

Затем нищий бхор ведет девушку к шалашу, в котором живут дровосеки — Стэн и Алекс в шутовских нарядах.

Каким-то образом (Док так и не смог объяснить, каким именно, сославшись на то, что публику это не интересует), согласно лихо закрученному сюжету, тигры вдруг становятся ручными и начинают выделывать всевозможные трюки, чтобы развеселить одинокую девушку и заставить ее смеяться в коротких перерывах между пением хвалебных гимнов, пока дровосеки рубят лес.

Потом на девушку нападает злой разбойник (снова Ида), однако сиротку спасает таинственное, смышленое и простодушное мохнатое существо (Док, несмотря на истошные вопли протеста).

Опять песнопения, опять молитвы, и затем вновь слышится голос Таламейна, предупреждающего девушку о том, что злокозненные староста со священником направляются в лес со своим войском (Стэн и Алекс).

Солдаты убивают дровосеков (Стэн с Алексом ловко прячутся за кулисами, переодеваются и выходят на сцену в шлемах). Девушка обречена и безутешна, ей остается только покориться подлым старосте со священником, уже распростершим свои объятия.

Как вдруг звучит голос Таламейна! На сцене появляется орущий во все горло Ото в сопровождении разъяренных тигров, пожирающих злодеев. Солдаты молят о пощаде и отрекаются от своих убеждений. В самом финале до героини долетает весть о том, что поход Матиаса против дженнов увенчался успехом. К сожалению, возлюбленный девушки погиб, совершив какой-то сногсшибательно героический поступок. Но вера Таламейна победила.

Пьеса заканчивается хвалебными гимнами, песнопениями, клоунскими выходками Стэна и Алекса и радостным гарцеванием тигров. Под бурные овации публики занавес опускается.

После этого Стэн и Алекс, конечно же, спускаются к толпе, начинают выделывать смешные трюки и показывать простые фокусы ребятишкам. Бэт разгуливает взад-вперед с тиграми, Ида устанавливает будку гадалки, а Док переключается на роль зазывалы.

После первого представления в рыбацком поселке бродячая труппа останавливалась в каждой деревне, на каждой ферме, продвигаясь все дальше в глубь страны, устроив даже парочку представлений перед деревенским духовенством.

Спектакль пользовался огромным успехом. Однако талантливая игра актеров здесь была ни при чем. Деревенские жители просто не знали других развлечений, кроме как посмотреть на поющих хвалебные гимны Таламейну священнослужителей по телевизору, помолиться в церкви да надраться брюквенного вина.

Медленно, но верно труппа приближалась к столице Санктуса.

— Мы находимся в двух километрах от главных городских ворот,— объявила Ида, выглядывая из-за занавески кибитки.

Стэн почтительно поклонился группе компаньонов-охранников в ярко-алых униформах, прокативших мимо на гравитранспортере, и хлопнул поводьями по спинам еле переставлявших ноги волов. Животные пошли немного быстрее.

— Лезем прямо к тигру в пасть,— пробормотал Алекс.

— Пасти Мьюнин и Хьюджина тихо похрапывают в дальнем конце повозки.— Бэт восприняла замечание Алекса по-своему. Она облокотилась о козлы, на которых сидели Стэн и Алекс.

— Заткнись, девушка,— сказал Алекс.— У меня нет настроения шутить. Видели бы Килгуры, чем я занимаюсь. Не думаю, что они стали бы мною гордиться.

— Наверное, ты прав,— согласился Стэн.— У нас у всех скверное настроение. Но оно может перейти в уныние, если ты не расскажешь о Рори.

— О Рыжем Рори? В самом деле? — просиял Алекс.— Ну так слушайте. Кажется, я остановился на том, как рота британских солдат взобралась на холм, чтобы отрубить ему голову.

Стэн устало кивнул головой. Он шел на эту жертву только ради поднятия духа своих людей.

— Итак, послышались крики, вопли, стоны, и головы покатились вниз по холму.

Британский генерал здорово струхнул. У его ног, в грязи, лежали головы целой роты солдат! Прежде чем он успел сообразить, что делать дальше, на вершине холма появился молодой великан и громко крикнул: «Я Рыжий Рори Гленский! Отправьте ко мне наверх целый полк!»

Генерал так побагровел, что адъютант испугался, как бы его не хватил апоплексический удар. Генерал завопил: «Адъютант, отправить наверх целый полк, дьявол его забери! Мне нужна голова этого человека!»

Солдаты целого полка прикрепили к ружьям штыки и стали взбираться на холм. Крики, вопли и стоны не смолкали полдня. Пыль стояла столбом, гремели выстрелы. В общем, шло самое настоящее сражение.

Генерал посмотрел вверх и вдруг, сквозь облако пыли, увидел знакомую фигуру. Его адъютант кубарем летел с холма вниз и кричал: «Бегите, сэр! Бегите! Это засада! Их здесь *двое!*»

Наступила полная тишина, длившаяся несколько минут. Наконец Стэн повернулся лицом к Алексу и недоверчиво посмотрел на него.

— Это что, та самая история, окончания которой я ждал целый год?

— Ну,— ответил Алекс.— Замечательная история, правда?

На сей раз пауза длилась еще дольше.

Глава 63

Матиас наблюдал, как тюремщики ввели очередного наемника в камеру пыток. Мужчина был обнажен и истекал потом. Яркий свет направленных на него ламп слепил глаза. Тело солдата было покрыто рубцами и ссадинами — результат многодневного избиения. Человек был измучен, глаза его бегали от страха.

Матиас подал знак надсмотрщику, производящему пытки. Исполнительный надсмотрщик тут же усадил несчастного на электрический стул и пристегнул ремнями.

Пророк сделал пару шагов, склонился над солдатом и заговорил вкрадчивым голосом:

— Сын мой, не склоняй нас к этому. Мне становится горько, когда я вижу упорствующего грешника. Прошу, пожалей себя, во имя милостивого отца нашего, Таламейна.— Матиас склонился над солдатом ниже.— Нам лишь надо, чтобы ты исповедался в грехах — своих и твоих начальников... Ну что, будешь каяться? Пожалуйста, сын мой.

Солдат мотнул головой, отказываясь давать показания против своих товарищей.

Матиас подал знак инквизитору начинать пытку. Солдат закричал от дикой боли, пронзившей все его тело.

Часом позже Матиас вышел из камеры пыток с довольной улыбкой на лице, взял хрустальный графин и наполнил свой кубок кристально чистой холодной родниковой водой. Эту воду брали из прозрачного горного источника, объявленного недавно священным.

На Санктус опустилась ночь. Матиас остался один в своей комнате, обставленной в спартанском стиле. Со стороны улицы слабо доносились звуки мерных шагов охраны.

Перед тем как лечь на жесткую военную койку, которую Матиас предпочитал любой, самой роскошной и мягкой кровати, он освежил в памяти свои планы. Пророк с сожалением подумал о том, что осуществить их на Санктусе так быстро, как ему бы хотелось, не удастся.

В своем воображении он стал рисовать будущее планеты. Ему представилась серия маленьких изолированных духовных коммун, в которых смиренные люди посвящают свою жизнь богослужению и раздумьям. Для создания этих коммун придется опустошить города и деревни, прогнать с ферм крестьян. Согласно последним докладам его подчиненных, эти действия вызовут большое недовольство со стороны местного населения, особенно фермеров и ремесленников. «Кто будет возделывать землю? — причитали они.— Кто будет мешать раствор и строить дома?»

«Такому меркантильному, небожественному образу мысли нужно положить конец,— подумал Матиас.— Нельзя позволить узколобым, темным людям встать на пути к достижению великой цели — славному и светлому будущему».

Матиас бегло набросал приказ компаньонам: «Расчистить деревни». То, чего не добиться убеждением, он возьмет силой. К своему приказу пророк добавил следующий пункт: «Сжечь дотла дома; разрушить фермы». После этого крестьянам просто некуда будет деться.

Матиас был очень доволен своим успехом по части привлечения все большего числа наемников на сторону компаньонов. Конечно, он приписывал эту заслугу лично себе, своему авторитету. Суд был назначен пророком на следующий день. Для того чтобы заседание суда прошло успешно, покаялось уже достаточное количество наемников.

После того как каждого из них признают виновным, Матиас с радостью отдаст команду казнить их. Приведение приговора в исполнение будет публичным. За этим торжественным событием последует великий всенародный праздник. Матиас уже огласил свой указ, согласно которому некоторые ограничения, возведенные Таламейном в правила поведения для всех и каждого, будут сняты на время фестиваля.

«Как мудрый пророк, я понимаю,— нахваливал он самого себя,— что мои подданные — всего лишь несовершенные живые существа, со всеми присущими им слабостями и недостатками».

Матиас черкнул несколько заметок относительно планетарной «чистки», которую нужно будет начать сразу же после праздника и провести за один месяц. У него возникли некоторые интересные соображения по этому поводу. Например, насчет порки кнутами... И самоистязание — добровольное, конечно.

Глава 64

Ффиллипс стояла перед своими людьми, одетыми в грязные изодранные лохмотья, напряженно следя за происходящим.

Заключенных выволокли на центральный тюремный двор. Ффиллипс, обладавшая обостренным восприятием, чувствовала, что на них наведены скрытые камеры — трансляция такого знаменательного события пойдет по всей планете. Вокруг двора были расставлены ряды белых паукообразных стульев, заполненных компаньонами. На некотором удалении от них, ближе к центру, сидели десять судей, отобранных Матиасом из числа офицеров Главного корпуса.

В стороне, на небольшом ониксовом троне, восседал сам пророк. На нем была обычная красная униформа, украшенная всего двумя маленькими золотыми медалями и золотым факелом — символом Санктуса.

Доказательством вины заключенных в основном служили унизительные признания, выбитые силой из мужчин и женщин, не сумевших выдержать пыток. Судьи вынесли обвинительный приговор, который вскоре надлежало привести в исполнение.

Ффиллипс знала, что она уже не жилец на этом свете.

Матиас поднял руку, призывая к тишине. Компаньоны мгновенно замолчали. Пророк слегка подался вперед на своем троне. Лицо его выражало полное спокойствие, почти безмятежность и доброту.

— Хочешь ли ты сказать что-нибудь в свое оправдание? — спросил он Ффиллипс.— Ради справедливости мы готовы предоставить тебе слово.

Ффиллипс смерила судей холодным взглядом.

— Я ее здесь не вижу,— ответила она.

— Кого? — спросил Матиас.

— Справедливости. Как солдат солдата я прошу тебя поскорее закончить этот фарс. Мои люди и я ждем твоего приговора.

До того как Матиас успел махнуть рукой, Ффиллипс воскликнула:

— Подразделение, смир-рно!

И ее печальные измученные люди вдруг снова почувствовали себя солдатами — выпрямились, сбросили с плеч усталость и страх. Приободрились даже покалеченные пытками. Некоторые из них с трудом стояли на ногах, их приходилось поддерживать. Наемники презрительно улыбались, обнажая сломанные зубы.

Матиас застыл в нерешительности, но вскоре спросил у судей:

— Каков вердикт?

Десять сидевших в ряд офицеров один за другим произнесли роковое слово:

— Виновны... Виновны... Виновны...

Судьба солдат была решена. Матиас встал и поклонился судьям.

— Мне больно слышать такой приговор. Но виновность этих заблудших душ была очевидна еще до суда. Как вы знаете, я испытывал к ним жалость и потому дал шанс оправдаться.

— Еще бы, никто не сомневается.— Ффиллипс произнесла эти слова намеренно громко, чтобы микрофоны уловили их.

Матиас не обращал на нее никакого внимания.

— Однако,— сказал пророк,— я должен склониться перед судейской мудростью. Судьям лучше знать о намерениях и помыслах Таламейна. Покорно присоединяюсь к их мнению. Спасибо за совет, духовный отец наш.

Матиас повернулся лицом к Ффиллипс и ее людям.

— С великим прискорбием должен объявить...

Ффиллипс отдала приказ:

— Подразделение, равнение направо!

Все как один солдаты выполнили команду. Гордые мужчины и женщины готовы были принять смерть с высоко поднятой головой. Матиас не мог допустить, чтобы люди видели, с каким достоинством и бесстрашием наемники встречают приговор, и приказал охранникам обступить их. Охранники стали угрожающе размахивать оружием, выкрикивая грубые ругательства.

Матиас заорал:

— Все вы приговариваетесь к смерти! Через пять дней вас казнят. До того, как люди Санктуса и...

Ффиллипс оборвала его напыщенную речь:

— Вперед... шагом... марш!

Солдаты строем пошли по тюремному двору, чтобы вернуться в свою темницу.

— Таламейн...— срывающимся голосом выкрикнул Матиас.

Всем своим видом Ффиллипс выказывала полнейшее к нему презрение. Обернувшись, она громко и отчетливо произнесла:

— А пошел ты!..

Окружающие жутко смутились. Когда наемники исчезли за тюремной дверью, Матиас визгливым голосом проинструктировал охрану и стал рассыпаться в жалких, бесполезных объяснениях перед видеокамерами.

За такие слова Ффиллипс могли убить на месте. Но умерла бы она красиво.

Глава 65

Гигантские трубы крематория Санктуса день и ночь изрыгали пепел, дым и пламя, поскольку очень состоятельные и жутко нервозные представители правящего класса Волчьего созвездия переполнили их жертвами, дабы умаслить нового пророка.

Стэн, Бэт и Алекс поступили хитро, направив свою пеструю кибитку в толпу народа, движущуюся к Святому городу.

Компаньоны делали безуспешные попытки проводить досмотр пилигримов, вылавливая из толпы первых попавшихся, шаря по их карманам, вытряхивая сумки. Большей части людей удавалось проскочить мимо них, как стаду баранов, огибающему препятствие. Не в силах сдержать хлынувший поток народа, компаньоны сердито озирались по сторонам.

Проникнув в ворота, Стэн сразу же отвел свою команду в сторону и беглым взглядом окинул новый Санктус — Санктус Матиаса.

По обеим сторонам улицы Могил по-прежнему стояли загаженные птицами памятники. Улица разделяла город на две части. Между маленькими домишками, многоэтажными строениями и редкими особняками с остроконечными крышами тянулись узкие переулки и широкие аллеи. Очевидно, столица строилась спонтанно, без всякого архитектурного проекта. Сейчас улицы-змейки, предназначенные только для пешеходов, кишели гостями столицы.

У Стэна похолодела спина, когда он вдруг обратил внимание на то, что крестьяне, ремесленники и торговцы одеты в свои лучшие праздничные цветастые наряды. Стэн также заметил, что в нескольких местах стояли другие повозки бродячих артистов.

Воцарился неописуемый хаос. В том, что у группы отличная маскировка, можно было не сомневаться. Однако давать представления значило терять драгоценное время.

Объявлений о казни развешано не было, но, прислушавшись к разговорам празднично разодетых туристов, Стэн понял, что состоится она скоро.

Бэт выскользнула из толпы, села рядом со Стэном и взволнованно прошептала:

— Матиас действует быстрее, чем мы предполагали.

Стэн делано рассмеялся, притянул ее к себе и поцеловал. Стоявший рядом компаньон с любопытством разглядывал их какое-то время, а затем отвернулся и ушел. Мимо кибитки прошел пьяный нищий, размахивая пачкой билетов.

— Все на казнь! — зазывал он.— Увидеть все своими собственными глазами... Осталось несколько свободных мест на площади! Не упустите счастливую возможность!.. Казнь... Предателей Таламейна...

Наконец его голос утонул в шуме толпы. Бэт отстранилась от Стэна и встала. Он шлепнул ее по заднему месту.

— Постарайся разузнать как можно больше.

Бэт утвердительно кивнула головой, залилась веселым смехом, спрыгнула с козел и исчезла в толпе.

Алекс, наблюдавший за происходящим из самой кибитки, вылез из-за занавески и сел рядом со Стэном.

— Двигай, парень,— сказал он.

Стэн еще раз представил себе, что ждет их впереди, и стал погонять ленивых животных.

Храм находился в конце улицы Могил, на покатом холме, возвышавшемся над городскими воротами на триста метров. Из-за толстых крепостных стен виднелся остроконечный шпиль центральной башни. Много лет назад набожные монахи молились здесь Таламейну, но с недавнего времени Теодомир, а вслед за ним и Матиас стали использовать храм как тюрьму.

Стэн указал на нее Алексу рукой.

— Так вот, значит, где они держат нашу Ффиллипс,— произнес Алекс и протянул Стэну бурдюк с вином.

Стэн основательно приложился к вкусному напитку и передал кожаную флягу обратно Алексу. Килгур поднес горлышко к губам, продолжая шарить глазами по окрестностям.

— Взгляни,— сказал Стэн, махнув рукой на скелет здания, стоявшего за бывшим монастырем, а ныне тюрьмой Таламейна.— Туда мы и двинем.

Алекс какое-то время не сводил глаз со строения, затем отвернулся. Высокая стальная конструкция, увиденная Алексом, совершенно не вязалась со зданием монастыря. Ходили слухи, что Матиас собирается строить на этом месте новые казармы для своих компаньонов. По иронии судьбы, их должны были назвать «казармы Теодомира» — в честь убиенного пророка.

Стэн и Алекс не заметили на конструкции ни одного рабочего. Очевидно, им дали выходной по случаю праздника. Однако, несмотря на то что улицы города были переполнены горожанами и туристами, на территорию тюрьмы никого не пускали.

Ниже по холму, вдоль все той же улицы Могил, стояла главная воинская часть компаньонов. Этот район также был пустынен.

— Сообразил? — спросил Стэн.

Алекс задумался.

— Целая армия,— промолвил он наконец.— Ничего, мы заставим их переместиться.

Стэн расшевелил вечно сонных волов, и кибитка покатилась вперед, углубляясь в Священный город.

На боковой улице, почти у подножия холма, где стоял компаньоновский склад с оружием, простирался парк. До того как Матиас взошел на престол, в этой небольшой зеленой зоне останавливались пилигримы. Три четверти территории бывшего парка были покрыты высокими и стройными деревьями. Но компаньоны нашли парку более практичное применение.

Место, которое некогда было зеленой лужайкой, превратилось в грязное месиво. Территория была уставлена маленькими передвижными пушками и высокоскоростными маневренными треками. Над кабинами треков, рассчитанных на двух человек, возвышались от-

крытые бронированные башни, из которых торчали стволы дальнобойных пушек. Между всей этой техникой фривольно расхаживали компаньоны — водители треков, механики, стрелки и их начальники. Хотя большинство компаньонов делали вид, что заняты выполнением своих обязанностей, на самом деле они глазели на праздношатающихся людей, разгуливавших по улице в ста метрах от них.

Ида с Доком отделились от толпы. Минуту или две за ними следом бежали хохочущие дети, забавляясь необычной внешностью странной парочки. Но как только Ида и Док подошли к уставленному треками парку, перепуганные родители стали звать своих детей, и те вернулись обратно.

Ида надела свою самую парадную цыганскую юбку с радужными разводами и кофту цвета «вырви глаз». Док ковылял рядом с ней на серебряной цепочке.

— Алле-оп! — выкрикнула Ида.

Док послушно сделал неуклюжий кувырок.

Двое скучающих компаньонов-часовых подошли к Иде с Доком поближе, чтобы получше разглядеть экзотические фигуры.

— Умри,— приказала Ида.

Док бухнулся на землю и задрыгал конечностями.

— Не перегибай палку,— прошептал он.

— Твоя идея,— прошептала в ответ Ида, наслаждаясь каждой минутой импровизированного шоу.

Двое молодых людей, опасливо оглядываясь по сторонам из боязни попасться на глаза своему командиру, подошли ближе.

— А теперь попрошайничай,— приказала Ида.

— Иди к черту! — возмутился Док, чуть не сорвавшись на крик.— Не буду попрошайничать!

Ида намотала поводок на руку и обежала взглядом парк, запоминая расположение взводов, а самое главное — треков.

— Клянчи милостыню, ну! — Лицо Иды расплылось в широкой улыбке.

Док исполнил приказание, встав на дрожащие задние лапы и жалостливо протягивая вперед мохнатые ручки. В этот момент он поклялся, что Ида горько поплатится за его унижение.

— Эй, что вы здесь делаете? — крикнул компаньон-лейтенант.

Молодые зеваки компаньоны подпрыгнули на месте как ошпаренные и в ту же минуту испарились.

Ида посмотрела сначала на лейтенанта, потом на Дока.

— Отрабатываем новый трюк, сэр. Это дикое животное. Оно еще не знает, как нужно себя вести.

Несколько увлекшись разговором с бравым молодым лейтенантом, Ида натянула цепочку, чуть не задушив несчастного мишку.

— В следующий раз,— гневно прошептал Док, когда их никто не мог услышать,— я *тебя* посажу на цепь.

Уже возвращаясь назад, к толпе, Ида оглянулась и заметила, что лейтенант все еще смотрит им вслед. Тогда пышногрудая цыганка хорошенько звезданула Дока под зад — исключительно ради маскировки, естественно.

Глава 66

Небольшой гравитранспортер подъехал к несостоявшимся казармам Теодомира. На подмостках металлического каркаса в полнейшем беспорядке валялись коробки со всевозможными инструментами, груды электрических проводов и приборов.

Стэн и Алекс сошли с гравитранспортеров и, не обращая внимания на охрану, стали набивать две пухлые сумки инструментами, паукообразными электрическими проводами и приборами. Скучающий командир охранников вяло поинтересовался:

— Эй, парни, что вы там делаете?

Стэн недовольно нахмурился, а Алекс вручил охраннику промасленный пропуск. Охранник вперился в документ.

— Здесь говорится,— недоверчиво сказал он,— что на пятнадцатом этаже произошли неполадки со сварочным аппаратом.— Охранник смерил работяг подозрительным взглядом и добавил: — Что-то я об этом не слышал.

Стэн заложил руки за пояс, к которому были привешены инструменты, и сделал недовольное лицо.

— А чего вы ожидали? Сегодня же праздник, мать его. Разве в этот день кто-нибудь о чем-нибудь слышит, кроме нас с напарником? Что за жизнь, ядреный корень! Мы сегодня должны быть на вечеринке. Но разве это кого-то волнует? Все кредитки потратили на заготовку бухала, сняли парочку смазливых девиц — все как положено. Так нет, позвонили, вызвали! Видите ли, у них неполадки с этим хреновым сварочным аппаратом. «Почините!» Я им говорю, чтоб искали других олухов. А они: «Или все исправите, или завтра можете на работе не появляться». Ну вот мы и пришли, и хотим поскорее все починить, чтобы успеть на вечеринку.

У охранника тоже была запланирована вечеринка, и еще вчера он не знал, что ему придется выйти на дежурство. Но охранник был упрямым.

— И все-таки,— сказал он,— меня не предупреждали о вашем появлении. Пока сведения не подтвердятся, к работе я вас не допущу.

Стэн пожал плечами, Алекс хмыкнул, и они оба полезли в транспортер. Стэн быстро сочинил докладную, используя маленький бортовой компьютер, вынул из принтера лист бумаги с копией и вручил охраннику.

— Подпишите.

Охранник уставился на бумагу, часто заморгав глазами.

— Здесь говорится, что я вас не пропустил. Вы обвиняете меня в том, что не можете починить сварочный аппарат...

— Должен же быть кто-то виноват,— сказал Стэн.— Послушай, будь паинькой, подпиши бумагу, и мы свалим. Как раз поспеем к началу вечеринки.

Охранник вернул Стэну докладную и покачал головой.

— Идите выполняйте свою работу.

— Не будь таким вредным,— взмолился Стэн.— Дай нам, черт возьми, отдохнуть как следует. Хочу домой, в горле пересохло!

Но охранник оставался непреклонным, указывая пальцем на здание.

— Чините,— коротко сказал он.

Стэн и Алекс вздохнули, нехотя вылезли из транспортера, выгрузили пухлые сумки и, бросив через плечо несколько раз «твою мать», начали неторопливо подниматься на пятнадцатый этаж.

Ида с Доком взгромоздились на бронированную башню трека. На земле, рядом с машиной, лежал без сознания лейтенант-компаньон. Лейтенанту просто не повезло — он вышел не в том месте не в тот час. Ида «слегка» ударила лейтенанта в живот, после чего Док оттащил бесчувственное тело за трек, чуть не отдавив себе заднюю правую лапу.

Ида достала из ридикюля крошечный прибор и взглянула на пульт управления.

— Нашел,— сказал Док, указывая на коробку зажигания. Через несколько секунд вставленный Идой в коробку зажигания приборчик проанализировал что к чему и набрал три последовательных кода. Трек завелся.

Включив двигатель на полную мощность, Ида плюхнулась в кресло водителя и немного пригнулась.

— Пристегнись, Док. Гонка будет еще та, чтоб меня разорвало!

Несколько треков сорвались с мест и бросились вдогонку. Из-под гусениц летели комья грязи. Ида резко потянула на себя рычаг, прибавив газу, и не отпускала его до тех пор, пока они не выехали из парковой зоны и не оторвались от преследователей.

Ида держала курс на склад с оружием.

Алекс позволил себе один едва слышный вздох, подобно светскому льву эдинбургского высшего общества, когда они со Стэном побросали сумки с инструментами на дощатый пол пятнадцатого этажа скелета теодомировского здания.

Стэн вытащил из сумки гарпун и прикрепил к его древку катушку с тросом, заканчивавшимся крюком. Алекс аккуратно доставал различные приспособления из другой сумки.

Внимательно прицелившись, Стэн выстрелил из гарпуна. Крюк со свистом пролетел по воздуху, увлекая за собой трос, и врезался

в посеребренную остроконечную крышу, находящуюся в ста метрах от каркаса, на двадцать метров ниже пятнадцатого этажа.

Бэт подала знак тиграм. Хьюджин и Мьюнин молнией помчались по тенистой аллее к воротам оружейного склада. В нескольких метрах от ворот хищники спрятались в тени деревьев, став практически невидимыми (за исключением хвостов, которыми они изредка помахивали).

Бэт похлопала Ото по сутулой спине, вышла из аллеи и, припадая на одну ногу, как подстреленная утка, заковыляла к металлической будке охранников. Она надела строгое и в то же время вызывающее крестьянское платье — летнее платье с глубоким вырезом, облегающее фигуру, но позволяющее ногам двигаться свободно. Она вела себя как беззащитная маленькая девочка.

Навстречу ей из металлической будки вышел молодой красивый компаньон.

— Могу ли я чем-нибудь тебе помочь, сестренка?

Глаза Бэт чуть не выкатились из орбит.

— О да, сэр, надеюсь. Я никогда раньше не была в Священном городе и... и...

— Потерялась?

Бэт, сама невинность, вздохнула и смущенно кивнула головой.

— Нас привел сюда деревенский священник.— Она словоохотливо пустилась в объяснения.— Я состою в группе юных приверженцев веры Таламейна... и один из парней стал, ну, знаете... слишком настойчиво добиваться моего расположения и... и...— Бэт замолчала, ее щеки вспыхнули самым сочным румянцем галактики.

— Ты отстала от группы? — Охранник старался выглядеть понимающим и заботливым.

Бэт утвердительно кивнула.

— И теперь хочешь узнать, как добраться до гостиницы?

Бэт снова кивнула. Охранник указал рукой в сторону спуска.

— Пройди вниз по улице метров сто, сестренка.

Бэт принялась взахлеб благодарить охранника, после чего, «наивно» вихляя задом, направилась в сторону гостиницы.

— Я постою пока здесь,— крикнул ей вслед молодой компаньон,— чтобы убедиться, что ты добралась благополучно.

Бэт помахала ему на прощание рукой, еще раз поблагодарила и продолжила свой путь, притворно хромая и замедляя шаг. Споткнувшись о маленькую канавку — ни дать ни взять принцесса на горошине,— она услышала звук захлопывающихся ворот и топот солдатских ботинок. Смена караула.

Бэт вошла в аллею. Через мгновение ей навстречу шаркающей, заплетающейся походкой вышел Ото — пьяный в дрезину бхор. Увидев мутными глазами Бэт, он оскалился в улыбке, грязно ругнулся, исторг отрыжку и направился прямо к ней.

— Клянусь маминой бородой, вот это походка! — воскликнул он.

Бэт закричала, попыталась бежать, но подвернула ногу, споткнувшись о камень. На лице ее был написан неподдельный испуг. Через минуту Ото навалился на нее, дико смеясь и лапая здоровенными волосатыми ручищами. Не будь компаньон таким полоумным, он бы знал, что для бхора совокупление с женщиной-человеком не менее омерзительно, чем с самкой стреггана.

Ото притворился, что не слышит криков известного уже нам компаньона и других охранников.

— Ах, как мне повезло,— ревел он.— Не бойся, маленькая леди, Ото собирается только...

Бхор сердито фыркнул от боли, когда компаньон ударил его по спине. Бросив Бэт, Ото сгреб стражника в охапку. Послышался хруст сломанного позвоночника.

Второй компаньон, стоявший у Ото за спиной, широко открыл рот от удивления. Бэт выстрелила в него, и он упал как подкошенный, не проронив ни единого звука.

По аллее прокатились крики, бряцание оружия, возгласы недоумения и растерянности. Бэт подняла голову и увидела изумленные лица охранников, прибежавших на помощь своим товарищам. Их было человек двадцать. Все они орали как сумасшедшие, показывали на Бэт и Ото пальцами и готовы уже были применить оружие.

Бэт вложила два пальца в рот и громко свистнула. Мостовая задрожала под могучими лапами рычащих тигров, выскочивших из своих укрытий. Мьюнин и Хьюджин вихрем налетели на оторопевших охранников.

Трое человек наложили в штаны и с дикими воплями бросились наутек, раньше других поняв, что произошло. Тигры кинулись на охранников, впиваясь в них когтями, раздирая на части острыми клыками. Началась паника. Целясь в тигров, перепуганные насмерть охранники попадали в своих.

С воплями отчаяния они побежали к туннелю, находившемуся за воротами. Каждый стремился попасть в укрытие первым, расталкивая других локтями. С противоположной стороны туннель заканчивался опускной решеткой. Ворота, выходившие на улицу, открывались только при смене караула. Служба безопасности требовала, чтобы другой — единственный другой выход — был постоянно закрыт.

Компаньоны, находившиеся внутри, содрогнулись от ужаса, когда увидели, как их друзья, преследуемые гигантскими хищниками, несутся прямо на них. Паникеры стали взбираться на опускную решетку, но тигры безжалостно стягивали их вниз. Грубо нарушив приказ начальства, охранник открыл внутренние ворота. Когда несколько полуживых компаньонов ввалились в туннель, охранник наставил

на тигров автомат. Однако прежде, чем он успел нажать на курок, в его голове появилось на одну дырку больше.

Бэт и Ото ворвались во внутренний двор. Путь к оружейному складу был свободен.

Глава 67

Стэн и Алекс прикрепили к тонкому тросу ручки с колесиками. Хитроумные крепления, установленные умелыми руками, способны были выдержать большой вес. Стэн дернул за ручку, проверяя приспособление на прочность, крепко вцепился в нее, без лишних слов оторвался от пола и заскользил по тросу к монастырской крыше. Скорость передвижения росла с каждым метром, и Стэн невольно затаил дыхание. Вслед за ним по тросу спускался Алекс.

Крыша приближалась с невероятной быстротой. Стэн приготовился к жесткому приземлению. Когда до крыши оставалось два метра, он спрыгнул — и немедленно раздался тревожный вой сигнальной сирены. Встав в полный рост, Стэн вытащил из сумки гранату; рядом с шумом приземлился на крышу Алекс. Стэн увидел, что Килгур перекувыркнулся через левое плечо и стремительно побежал вниз по скату. Один из охранников выстрелил в него, но не попал; Алекс прикончил компаньона из виллигана.

Друзья остановились в тридцати метрах от края крыши. Стэн быстро осмотрел отдушину, делая умозрительные заметки на карте, отпечатавшейся в его мозгу.

— То, что надо,— сказал он, устанавливая таймер гранаты на семь секунд.

Алекс снял с пояса еще три гранаты и проделал ту же операцию. Они прикрепили связку гранат к отдушине и отбежали в сторону.

Пошел отсчет: четыре, пять, шесть... От мощного взрыва заложило уши.

На месте отдушины зияла огромная дыра, из которой валил густой серый дым. Стэн с Алексом подползли к краю дыры. Алекс снял с плеч ранец и достал из него альпинистское снаряжение. Закрепив один конец веревки на крыше, он начал спуск во внутреннее помещение тюрьмы; Стэн заскользил вслед за ним. Вскоре друзья мягко опустились на каменный пол и побежали по длинному тюремному коридору.

Послышался топот солдатских сапог. Одна из дверей распахнулась. Возникшие на пороге солдаты от неожиданности замерли как вкопанные. Через миг придя в себя, они начали стрелять.

Пули засвистели мимо Стэна и Алекса, открывших ответный огонь. Друзья перепрыгнули через мертвых и умирающих охранников и бросились вперед, к концу коридора.

От Ффиллипс их отделяла массивная металлическая дверь. Стэн подложил под нее взрывчатку, нажал на кнопку и отскочил назад. Раздался взрыв. Дверь разлетелась на куски.

Стэн и Алекс расстреляли в упор группу компаньонов и побежали к камерам с наемниками.

Пустевшие на глазах улицы наполнялись криками о помощи. Ида с Доком находились на улице Могил, ожидая, когда к компаньонам придет подкрепление. Оно должно было появиться либо со стороны складов с оружием, либо из-за здания тюрьмы. Ида сидела за пультом управления трека, Док копался в механизме заряженной пушки.

Решив перекусить, они принялись делить насыщенную протеином плитку шоколада и чуть не подрались. Вдруг до их слуха долетел шум приближающегося подкрепления. Ида завела трек.

— Подожди,— сказал Док.

Ида подавила в себе желание грязно выругаться, благоразумно решив последовать совету маленького медведя.

На улицу Могил свернул отряд подкрепления. Впереди шли треки, идентичные тому, что угнали Ида с Доком. За ними двигалась колонна компаньонов-пехотинцев.

— Теперь давай!

Ида вывела трек на середину улицы. Прежде чем противник успел должным образом отреагировать на их появление, цыганка стала палить из орудия.

Верхняя часть улицы, на которой стоял похищенный трек, превратилась в огнедышащий вулкан, извергавший на треки и бежавших за ними компаньонов смертоносную лаву снарядов. Док заряжал пушку как заводной, едва поспевая за снайпером Идой, хотя ему ужасно хотелось хоть краем глаза полюбоваться театром военных действий, развернувшимся на улице Могил.

Стэн просунул крохотное взрывное устройство в замочную скважину двери камеры и зажмурил глаза. За яркой вспышкой небольшого взрыва последовал щелчок. Дверь открылась.

Ффиллипс вышла за порог тюремной камеры и посмотрела на Стэна долгим изучающим взглядом.

— Ты поспел вовремя, полковник,— сказала она.

— Еще немного — и мы бы опоздали,— заметил Стэн.

— Ладно, все отлично. Главное, мы теперь на свободе. Где наше оружие?

Стэн взял ее за руку и повел по коридору. За ними потянулась вереница наемников.

Группа беглецов вывалила за ворота. По всей вероятности, охранникам удалось бы сломить натиск заключенных, не будь они опытны-

ми, прекрасно тренированными солдатами, вооружившимися автоматами убитых ими компаньонов.

Вырвавшись на свободу, наемники направились вниз по улице, к складу оружия, издалека увидев огнедышащий трек, управляемый Идой и Доком.

Наемники проникли через туннель непосредственно в здание склада. К тому времени Бэт и Ото взломали двери и начали передавать бывшим заключенным автоматы, гранаты и другую амуницию.

Наемники радовались оружию, как малые дети конфетам. Профессиональные солдаты не любят издавать громкие крики во время сражения, но пребывание в тюрьме Матиаса не прошло для них бесследно. Они стали менее сдержанны в выражении своих эмоций.

Заорав во все горло, наемники ринулись к центральным воротам Санктуса, не забывая о главной цели, горя желанием отомстить за все те муки и унижения, которые им пришлось пережить в ненавистной тюрьме. Люди, которых зверски пытали и избивали до полусмерти, не потеряли своего человеческого достоинства и веры в справедливое возмездие.

Ффиллипс первой попалась на глаза небольшая группа компаньонов. Она подала знак наемникам, и они быстро бесшумно подкрались к «краснозадым». Наемники уготовили компаньонам гораздо более легкую смерть, чем та, к которой были приговорены сами.

То же самое происходило и в городе, когда отряд Ффиллипс рассредоточился по улицам, убивая быстро и хладнокровно. Солдаты ловко охотились на компаньонов, выбивая из их рук оружие, если вокруг оказывались мирные жители.

Глава 68

Все портовые города, в особенности расположенные на островных континентах, подвержены наводнениям во время приливов. Если город к тому же находится в сейсмоопасной зоне, какой была вся планета Санктус, инженеры сталкиваются с целым рядом проблем при возведении многоэтажных зданий.

Священный город стоял на местности, всего на пятьдесят метров выше уровня моря (соответственно, высота храма в общей сложности составляла триста пятьдесят метров). Мало того, почва здесь была преимущественно песчаной. Поэтому в случае землетрясения или сильного прилива возникала непосредственная угроза оползней и селевых потоков.

Инженеры решили, что здания можно спасти от разрушения, если ставить их на сваи, уходящие глубоко в землю. Но тут возникла другая проблема. При сильном землетрясении сваи могут слишком глубоко уйти в пески, становящиеся зыбучими, а при наводнении их может снести мощными селевыми потоками, после чего здание не-

избежно рухнет. Дизайнеры пришли к следующему заключению: сваи должны быть полыми. Во время землетрясения или наводнения вода, смешанная с песком, проникнет в полость сваи, что обеспечит большую устойчивость строения. Этот принцип инженерной архитектуры был известен еще в далеком девятнадцатом веке.

Полые сваи полностью соответствовали своему предназначению, за исключением того, что в них скапливался холодный воздух — гораздо более низкой температуры, чем атмосфера или вода в океане. Холодный воздух свай способствовал охлаждению всего стоявшего на них здания. Вот почему Стэн продрог до костей во время своего первого памятного визита в храм, когда он имел честь познакомиться с Паррелом, Теодомиром и Матиасом.

Однако благодаря все тем же ледяным сваям и геологическому обследованию местности, произведенному под руководством Махони, Стэну и его друзьям представилась возможность проникнуть в храм незамеченными.

В нескольких футах от того места, где стояли Стэн и Алекс, находилась канализационная труба, из отверстия которой нескончаемым потоком лились сточные воды, устремляясь по канаве к океану.

На некотором удалении от отверстия трубы канава расширялась («Подарок судьбы»,— подумал Стэн), а затем снова сужалась, исчезая в расщелине песчаной скалы.

Сидя в большом заплечном рюкзаке Алекса, Док пристально вглядывался в расщелину. Кроме альтаирца в рюкзаке находились небольшие плоские фонарики, один из которых уже был прикреплен к каске Алекса, несколько пайков и набор перчаток. К поясу Алекса был прикреплен мини-транспондер и комплект альпинистского снаряжения.

У Стэна была аналогичная экипировка плюс топографическая карта пещерного лабиринта, над которым возвышался храм. Подземная система была нанесена на карту специалистами имперского геокорабля. Стэн надеялся, что эта карта приведет их к одной из полых свай, по которой они попадут прямо в храм.

Мини-транспондер был одним из тех выдающихся достижений науки и техники, которому солдаты никогда не могли найти достойного применения. По идее, прибор должен был работать просто великолепно. Несколько датчиков устанавливались вокруг заданного района на расстоянии километра, под углом тридцати градусов один от другого. Эти датчики сообщали обладателю транспондера точные координаты его местонахождения и указывали на отклонение от курса. Прибор был чем-то вроде компаса для идиотов.

Причина, по которой солдатам никак не удавалось воспользоваться чудесным прибором, заключалась в том, что его изобретатели не могли найти способ внедрить датчики в глубь вражеской территории, то есть система еще не была апробирована.

Стэн включил транспондер и нажал на кнопку «Система проверки». Они установили четыре датчика вокруг храма, и вот-вот станут известны их точные координаты. Тем не менее Стэн, не доверяя экспериментальным приборам, прихватил с собой самый обыкновенный компас. То же самое сделал Алекс.

— Может, эта хитромудрая машинка и ничего, но не хотелось бы вляпаться в дракх,— проворчал Килгур.— Ну что ж, готов проверить себя на клаустрофобию.

С этими словами Алекс начал спускаться в расщелину. Проход был узким, и когда сержант исчез из вида, послышался пронзительный визг Дока.

Вслед за Алексом в темноте исчез Стэн.

«Приятная прогулка» Дока, сидевшего в рюкзаке за плечами у Алекса, на узком проходе не закончилась. В первом же месте, где Алексу пришлось проползать на животе под нависшей скалой, задыхающийся от гнева Док стал с пеной у рта настаивать, чтобы его поставили на землю. Дока вынули из рюкзака, и он засеменил вперед. За ним последовал Алекс, Стэн шел замыкающим.

Док шнырял по узким проходам, как хорек. Мощный Алекс пробивал дорогу наподобие трека. После него мог запросто пройти целый отряд, не зацепившись ни за единый выступ.

Подземный лабиринт в точности совпадал с картой. Пещера оказалась легкодоступной для маленького медведя, шаставшего под нависшими скалами на четвереньках. Только в двух участках ему пришлось подтягиваться на лапах и балансировать над пропастью, идя по узким навесным карнизам. Группе быстро удалось покрыть расстояние в тысячу метров, проникнув в глубь пещеры. Никто из участников необычной экспедиции даже не мечтал о таком легком прохождении.

И правильно.

Док тревожно взвизгнул, когда туннель, по которому он ковылял на задних лапах, внезапно оборвался буквально в нескольких сантиметрах от него. Док встал на четвереньки и опустил свой маленький фонарик в темноту пропасти. Где-то далеко внизу блеснула вода.

Стэн и Алекс подползли к Доку. Стэн повернул голову, и фонарь, прикрепленный к каске, осветил отвесные стены.

— Есть другой выход — вон там.— Стэн указал рукой в направлении пучка света, излучаемого его фонарем. Проход начинался в четырех метрах над уровнем гладкой поверхности черного озера.

Алекс отцепил от пояса альпинистскую экипировку, закрепил веревку на остром краю скалы и начал спускаться. Когда свет его фонаря стал едва различим, Док вынул из своего маленького рюкзачка два карабина, продел в них лапы и заскользил вниз по той же веревке. Стэн, используя карабины больших размеров, последовал за Доком.

Алекс продолжал спускаться до тех пор, пока не очутился под проходом. Прикрепив веревку к скале, он подтянулся на руках и забрался в проход. Двое его друзей были уже на подходе.

С каждым метром туннель становился все более труднопроходимым. Скала нависала ниже и ниже, пока Стэну и Алексу не пришлось ползти на карачках, а затем и вовсе распластаться на животе. Стэн зацепился спиной о скальный выступ и порвал форму.

— Я, конечно, не геолог,— теоретизировал Док,— но не наводит ли вас мокрый потолок на некоторые размышления?

Стэн ничего не ответил Доку, хотя прекрасно знал, что влажность скалы, нависавшей над узким туннелем, по которому они ползли, извиваясь, как змеи, могла означать только одно — наверху была вода. Если снаружи пойдет дождь (о чем первооткрывателям пещеры не удастся узнать вовремя), уровень воды резко повысится. Стэн даже думать боялся о возможности утонуть в пещерном лабиринте.

Вдруг он замер. Ему показалось, что каменный потолок вздулся и начал опускаться. Стэн с трудом подавил игру воображения и пополз дальше, пока не почувствовал спазмы в легких и не осознал, что ему не хватает кислорода. «Не может быть! Наверное, из-за Алекса в проходе образовалась воздушная пробка».

Стэн постучал костяшками пальцев по боковым стенам скального туннеля — обычный звук. Грудь его начала судорожно вздыматься, сердце бешено заколотилось, мышцы задрожали. «Возьми себя в руки!»

Стэн принялся делать дыхательную гимнастику. Вскоре душевная паника улеглась, он расслабился и легко прополз под низко нависшей скалой, перестав думать об абстракции, возникшей в его мозгу.

Неожиданно пещера начала увеличиваться в размерах. Потолок стал намного выше, и перед взорами двух мужчин и одного медведя предстала сказочная картина — целая страна сталактитов и сталагмитов, покрытых солевыми образованиями, сверкающими и переливающимися в лучах фонарей миллионами всевозможных оттенков.

Стэн, Алекс и Док встали на ноги и пошли вперед по мелкому песку, хрустевшему у них под ботинками. То здесь, то там возникали фигуры мифических животных, гигантских ползучих гадов и даже величественного готического кафедрального собора.

Они не могли вымолвить ни слова, проходя через загадочный зал, полный невиданных сокровищ первозданной природы. Однако, несмотря на всю завораживающую причудливость замысловатых скульптур, созданных великим зодчим, нужно было продолжать путь.

Пройдя через огромный пещерный зал, группа наткнулась на глухую вертикальную стену, с которой в глубокий бассейн падал грохочущий водопад. Никаких проходов и щелей видно не было. В этом месте пещера заканчивалась.

Озадаченный Стэн склонился над картой, согласно которой из зала с «сокровищами» вниз вел четкий выход и не должно было быть никаких бассейнов с водопадами.

Стэн все понял. Иногда подземная река поднималась в зал, заполняя нижний проход и образуя бассейн во впадине. На жаргоне спелеологов это называется «сифон». Естественно, премудрые исследователи с геокорабля не сочли нужным отмечать на карте такую мелочь.

Итак, у пещеры было продолжение. Имей бойцы отряда богомолов жабры, никакой проблемы не возникло бы... Ход мыслей Стэна был прерван, когда он увидел, что Док скинул свой рюкзачок и исчез в бассейне.

— Хватит таращиться на воду, а то глаза на лоб полезут. Давайка лучше перекусим,— сказал Алекс.— Альтаирцы, не в пример людям, могут часами задерживать дыхание.

Через четыре минуты (Стэн засек время) над поверхностью воды показалась морда Дока. Выйдя на берег, медвежонок отряхнулся и поежился — вода была холодной. Несмотря на отчаянное сопротивление Дока, Алекс завернул его в свою рубашку.

— На глубине трех метров есть узкая щель, метра четыре в длину. Не уверен, что вам удастся в нее протиснуться, но чем черт не шутит. Ну а дальше... если вы развернете свои нескладные туловища на девяносто градусов, то вынырнете в маленькой пещерной комнатке, над которой находится свая.

Стэн с Алексом переглянулись. Галантным жестом руки Стэн предложил Килгуру нырять первым.

— Нет, парень, уступаю это право тебе. Если я застряну, вы тоже не сможете выбраться.

Стэн сделал двенадцать глубоких вдохов — достаточно для того, чтобы насытить кислородом легкие, но не весь организм. Сняв рюкзак и пояс, он связал их и прыгнул в воду.

Грязная вода была черной, как самая безлунная ночь. Свет фонаря на каске едва пробивал ее толщу. Чем ниже погружался Стэн, тем вода становилась холоднее. Подплыв вплотную к скале, Стэн нащупал пальцами проход и протиснулся в него. Проход тянулся вверх. Стэн больно оцарапался животом о шершавую скалу и вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. Сердце готово было выскочить из груди. Пальцы выставленных вперед рук наткнулись на глухую стену. Дикий, безотчетный ужас охватил все его существо. Руки стали лихорадочно шарить по стенам прохода. Есть! В самом верху, почти над головой, Стэн нащупал узкую, словно лезвие ножа, щель. Отчаянно оттолкнувшись от дна ногами, Стэн вошел в нее. Острые выступы больно царапали кожу лица и головы, но Стэн не обращал на это внимания. У него было только одно желание — поскорее глотнуть воздуха. И вот наконец этот кошмар кончился. Вынырнув из

ледяной воды, Стэн открыл рот так широко, что чуть не вывихнул челюсть. Воздух, долгожданный воздух!.. Выбравшись на берег, Стэн никак не мог перевести дыхание.

В черной воде появилась мутная светящаяся точка. Док выпрыгнул из пещерного озера прямо на берег, как пингвин. Маленький коала сел напротив Стэна. Вид у него был очень несчастный — шерсть намокла и слиплась, маленькое тельце дрожало от холода.

Килгур таки действительно застрял. С большим трудом пробравшись к тупику, он попытался протиснуться в щель на потолке, но его грузное тело было просто-напросто не в состоянии проделать трюк «нож, входящий в масло». В этот момент Алекс горько пожалел, что не послушался одного знахаря, советовавшего ему сесть на специальную диету и сбросить несколько килограммов.

И все-таки он не отчаивался. Его огромные легкие вмещали много воздуха.

«Может, лучше повернуть обратно и подумать, что делать дальше, в безопасном месте?.. Стэна жаль. Как он там справится без меня?»

Сделав пару неловких движений, Килгур понял, что не может протиснуться обратно. Он снова предпринял попытку проскользнуть в щель, но безрезультатно.

Алекс понял, что скоро начнет задыхаться по-настоящему. «Да что я, в конце концов, хуже какого-то там Магомета, к которому гора то шла, то не шла?» — подумал Алекс и уперся в скальный выступ, считавшийся тупиком.

Это неправда, что земля задрожала и разверзлась, как потом утверждали в питейных заведениях бойцы отряда богомолов. Просто от скалы, не выдержавшей такого натиска, откололся громадный камень, уступая дорогу могучему шотландцу.

По-лягушечьи разгребая холодную воду ногами, Алекс устремился к поверхности, к воздуху, к свету.

Наконец Алекс вынырнул и сделал несколько больших глотков воздуха. Выгнув спину, с шумом отфыркиваясь, он медленно поплыл вперед, словно кит, собравшийся выброситься на берег.

Стэн, подплывший к тому месту, откуда должен был вынырнуть Килгур, уже готовился к повторному погружению (рискованному и бессмысленному) ради спасения товарища. Он помог полубесчувственному Алексу добраться до суши.

— Встретил знакомую рыбу... заболтался,— объяснил Алекс причину своего долгого отсутствия.

Группа продолжила работу. Все остальное для них было сущим пустяком. Транспондер точно указал местоположение огромных свай, стоявших на своде пещеры. Небольшой взрывной заряд произвел приличное разрушение фундамента полой сваи. В образовавшееся отверстие могли запросто пролезть три человека.

Измученным и продрогшим до костей членам группы оставалось только взобраться на семиметровую высоту по гладкой и скользкой, как стекло, внутренней поверхности железобетонной сваи.

Глава 69

Нападение не было внезапным, хотя предполагалось, что оно окажется именно таковым.

Планы сражений и диверсий никогда не выполняются точно по сценарию. Члены группы «Богомол-13» и семьдесят безработных наемников, которые не были госпитализированы немедленно, планировали собраться за воротами храма, чтобы снять любого достаточно глупого компаньона, посмевшего высунуть голову из-за крепостной стены, запалить всю имеющуюся пиротехнику, открыть артиллерийский огонь по воротам и, наконец, заорать во все горло в то время, как Стэн и Алекс будут вылавливать Матиаса.

Даже Ффиллипс была здесь, несмотря на то что нуждалась в экстренной медицинской помощи.

Она довольно удобно устроилась в кабине украденного Идой с Доком трека и прекрасно справлялась с ролью заряжающей, пока тучная цыганка палила из дальнобойной пушки по воротам храма.

— Я, конечно, не утверждаю, что профессия наемника не престижная,— сказала Ида,— но это хреновый способ зарабатывать себе на жизнь.

— У некоторых из нас,— объяснила Ффиллипс,— просто нет другого выбора.

— Чтоб меня разорвало! — фыркнула цыганка.— Выбор всегда есть.

— Даже у наемников? — недоверчиво спросила Ффиллипс.

— Естественно. Хороший убийца может стать прекрасным банкиром... или дипломатом, или охранником торгового склада. А последнее, скажу тебе по секрету, верный путь к продвижению по службе и получению весьма крупного кредита для открытия своего дела.

Ффиллипс никак не могла понять, говорит Ида серьезно или шутит.

Вдруг один из снарядов попал в шарниры, на которых держались ворота, давая всем возможность убедиться в том, что строители храма были не более добросовестными, чем большинство их коллег, работающих за низкую плату.

Глава 70

— Весь вопрос в том, в какую сторону пойдет взрывная волна,— прошептал Алекс, пристально вглядываясь в крохотное круглое взрывное устройство, установленное им в верхней части сваи.

Стэн, Алекс и Док висели на веревках в пяти метрах под «шапкой» сваи. Взрывчатка должна была обеспечить им выход в храм.

— Да, парень, с каждой минутой жизнь становится все более интересной,— вздохнув, сказал Алекс и нажал на кнопку дистанционного управления.

Под действием взрыва «шапка» сваи вытолкнула несколько каменных плит, которыми была умощена центральная часть храма. Взмывшие в воздух громадные каменные плиты убили наповал двух компаньонов-охранников и скинули статую безвременно почившего Теодомира.

Алекс, Стэн и Док преодолели последние несколько метров и очутились на поверхности, в самом храме.

Группа приступила к поискам Матиаса.

Ворота полетели в сторону, предварительно сделав несколько сложных пируэтов в воздухе. Дорога к храму была открыта. В этот момент внезапное нападение стало очевидной реальностью.

Наемники издали протяжные, завывающие звуки и, словно стая волков, ринулись в пролом. Исхудавшие, окровавленные мужчины и женщины с горящими глазами, обуреваемые жаждой мести, несли смерть своим обидчикам.

Ида плюхнулась на сиденье рулевого и завела трек. Ффиллипс продолжала заряжать пушку, а цыганка без устали палила из нее, выводя трек на главный двор храма.

Следом за ними молча шли Бэт и два тигра.

Глава 71

Ида высунулась из бронированной кабины трека, пытаясь дотянуться до древка знамени, показавшегося ей золотым, и оказалась совершенно незащищенной в тот момент, когда компаньон закончил перезаряжать свое оружие. Пули угодили в грудь цыганки. Перевалившись через борт трека, она грузно рухнула на землю. На лице ее застыло выражение удивления, гнева и глубокого разочарования.

Бэт подхватила Иду на руки и оттащила за трек, пока Мьюнин и Хьюджин заканчивали кровавую расправу над компаньоном, подстрелившим цыганку. Ослепленная жаждой мести, Бэт вскочила на ноги и скосила двумя очередями из виллигана взвод направлявшихся прямо на нее врагов. Земля задрожала от мощных разрывных пуль, начиненных антиматерией.

Глава 72

Советники Матиаса были расстреляны в упор Стэном и Алексом, пробившимся сквозь двойные двери конференц-зала. Упомянутые советники были слишком заняты, наблюдая с балкона за полным раз-

громом и паническим бегством через внутренний двор компаньонов, чтобы услышать вопли стоявших за дверьми охранников, для которых смерть была в тот момент наименьшим злом.

Матиас не испугался при виде кровавого месива и оставался совершенно невозмутимым, когда Док выскользнул из рюкзака Алекса и разоружил его. Пророк попытался сделать несколько шагов, но Алекс направил на него виллиган.

— Я ждал вас,— сказал Матиас,— мои лучшие друзья и заклятые враги.

Пророк сбросил с плеч красную тунику, обнажая мускулистый торс, сжимая кулаки и становясь в угрожающую позу. Стэн не двинулся с места.

— Пусть Таламейн рассудит нас,— спокойно сказал Матиас.

Стэн не послушал друзей, взывавших к голосу разума и резонно предупреждавших о коварстве пророка. Напротив, он снял рюкзак, экипировку и двинулся навстречу Матиасу.

В мгновение ока Матиас достал из-за спины пистолет, который был спрятан у него за поясом.

Стэн приблизился к пророку на два шага и резким движением правой ноги выбил из его руки пистолет. Впав в ярость, он продолжал наносить мощные удары в область живота пророка. Матиас согнулся пополам, застонал и выставил вперед руку, держась другой за живот. Вспышка гнева у Стэна прошла, и он повернулся к пророку спиной. Почувствовав, что Матиас разогнулся и поднял руку со сжатым кулаком, Стэн развернулся вполоборота, схватил руку пророка за запястье и завернул за спину.

— Ты не должен умереть,— сказал Стэн.

— Конечно,— согласился Матиас.— И я не умру. Ни сейчас, ни потом — никогда! Я прошел посвящение Огнем. На мне лежит печать бессмертия!

Матиас, прекрасный, хорошо тренированный гимнаст, выпрямился, оттолкнулся от пола и прыгнул на Стэна, пытаясь сбить его с ног.

Стэн отступил на шаг, пригнулся и ударил врага в пах. Пророк рухнул на пол, корчась от боли. Придя в себя, Матиас вытащил из потайного кармана небольшой нож и сделал резкий выпад, чуть не задев голову Стэна. Стэн ловко увернулся, но в следующее мгновение другой рукой, сжатой в смертоносный кулак, пророк нанес ему сильный удар в скулу. Матиас уже занес нож над Стэном, но лейтенант заблокировал его своим кинжалом и ударил ребром ладони в висок. Оглушенный, Матиас пошатнулся и стал оседать на пол. Однако сознание быстро вернулось к нему. Он сделал двойной кувырок назад и встал на ноги, надменно улыбаясь.

— Ты стоящий противник.— Матиас снова взлетел в воздух.

Стэн поднял вверх сжатую в кулак руку. Матиас изогнулся в полете и обрушил мощный удар на голову Стэна.

В первое мгновение у Стэна задвоилось в глазах, очертания комнаты стали расплываться. Стэн быстро пришел в себя и нанес резкий удар блокирующей левой рукой в область живота Матиаса. Пророк отскочил назад. Затем, используя тактику своего противника, Стэн с силой оттолкнулся от пола и налетел на Матиаса, сбивая его с ног. Поставив колено на грудь врага, Стэн придавил его к полу.

Сжав пальцы правой руки и согнув их лодочкой, он с силой хлопнул Матиаса по уху, отчего у пророка чуть не лопнула барабанная перепонка. Удар по ушам обеими руками запросто мог убить. Впервые в жизни пророк потерял сознание и перестал дышать.

Стэн принялся делать ему непрямой массаж сердца, с силой надавливая на грудную клетку. Матиас очнулся.

Когда Стэн в последний раз нажимал на грудную клетку, пророк схватил его за горло. Стэн сжал руками запястья Матиаса, после минутной борьбы резко отстранился от него и отскочил в сторону. Высоко подпрыгнув в воздухе, Стэн обрушил сильнейший удар ноги на грудь пророка.

Матиас упал на спину, ударившись затылком о каменную плиту. Док спешно засеменил к нему, чтобы проверить пульс.

— Прощупывается... прощупывается,— промямлил Док, вынул из своего рюкзачка шприц и вспрыснул в вену Матиаса сильнодействующий наркотик.

— По всей видимости, ты сломал ему ребра. Жить будет — некоторое время.

Стэн уже не слушал Дока. Он сел в позу лотоса и принялся восстанавливать утраченную энергию.

Глава 73

Бэт отстреливалась в центре двора храма. За ее спиной лежала Ида. Ффиллипс хладнокровно косила автоматными очередями компаньонов, попадавших в поле ее зрения. Ото вылавливал оставшихся в живых и сбрасывал их с крепостной стены. Тигры под градом пуль по-пластунски подползли к засевшим в укрытии охранникам и учинили над ними кровавую расправу. Истошные вопли смолкли. Укрытий больше не было.

Вдруг раздался громоподобный голос, заглушивший даже шум сражения. Компаньоны, наемники и бойцы отряда богомолов повернули голову в ту сторону, откуда он донесся. Наверху, на балконе храма, стоял Матиас. К его груди был прицеплен микрофон.

— Обращаюсь к вам от имени Таламейна!

Одиночные выстрелы тоже прекратились. Наступила полная тишина. Компаньоны боязливо озирались по сторонам, ожидая подвоха со стороны противника. Но наемники застыли на месте, как и все остальные, завороженно глядя на фигуру в красном, возвышавшуюся над их головами.

Компаньоны почтительно поклонились, когда Матиас заговорил снова. В голосе его было много металла, звучал он как-то странно, но убедительно.

— Я решил временно поместить свой дух в это бренное тело, чтобы обратиться к вам, люди веры и пламени. Я вошел в грешную оболочку, чтобы удержать моих людей от падения в пропасть ереси. Я, Таламейн, беру в руки пламя, чтобы дать тем, кого люблю, свободу. Мой дух по-прежнему любит вас, людей Санктуса и всего Волчьего созвездия.

Но я вижу, что вы запутались, как мухи в паутине, и объяты ненасытной жаждой разрушения. Моя вера была крестоносцем — крестоносцем, искавшим мир и свободу.

Обретя свободу, каждый из вас обретет свой путь: кто-то станет возделывать землю, кто-то займется торговлей. Но глубоко в душе каждого из вас останется пламенная вера.

Мне казалось, что, став пламенем, я смогу отдохнуть, потому что оставлял вас в мире, достатке и безопасности. Когда я покидал Санктус, вы были свободными людьми. Я стал наполовину вечным.

«Неплохая речь,— отметила про себя Бэт.— Док может гордиться собой».

— Но, видя безобразия, творящиеся на Санктусе, я не в силах обрести покой. Поэтому мне пришлось выйти из пламени: я решил проведать и испытать своих людей, а также наставить их на путь истинный.

— К моему великому огорчению, я нашел свой народ в бедности, обуреваемый враждой, ненавистью и жаждой разрушений. Я познакомился с юношей, в чьей бренной оболочке сейчас пребываю.

Ваш пророк Матиас — неплохой человек. Он уничтожил еретическое учение дженнов. Но он превзошел свои полномочия.

Отныне я, Таламейн, объявляю его методы ошибочными и грешными. Я, Таламейн, приказываю своим людям сложить оружие и вернуться по домам. Не стройте счастья на несчастье других. Только в мире и безопасности истинные чаяния Таламейна претворятся в жизнь. Только в мире и безопасности благословенное пламя Таламейна будет освещать Вселенную.

Отныне я предаю анафеме любого мужчину или женщину, которые осмелятся призывать вас к оружию от моего имени. Предаю анафеме любого мужчину или женщину, которые поднимут руку на иноверца. Вы можете обратить в свою веру только силой убеждения и собственным примером.

Предаю анафеме тех, кто использует имя Таламейна в корыстных целях, заключает неугодных людей в тюрьму, издевается над ними и попирает их права. Ваши сердца должны быть добрыми и откликаться на чужую боль.

А сейчас я вынужден буду покинуть вас и вернуться в священное пламя. Свято следуйте моим словам!

Если вы исполните мой наказ, то по сочтении дней ваших и спадении бренных оболочек с душ ваших я приглашу вас в братство пламени.

Увещеваю также, дабы вы не презирали этого человека, Матиаса, в котором я сейчас нахожусь и чьим языком говорю. Он искал правды, хотя и ошибался. Советую воздвигнуть в его честь памятники и мемориалы.

Пора мне возвращаться в пламя. Использовав и освятив это тело, я забираю в священное пламя душу, населявшую его. Мы, Таламейн и Матиас, объявляем, что эта оболочка более не служит плотским целям. Любые воздействия на нее будут считаться осквернением.

Прощаюсь с вами. Будьте благословенны! Живите в мире и достатке!

Микрофон на груди говорящего щелкнул. Матиас посмотрел остекленевшими глазами на горизонт, сделал несколько шагов вперед и выбросился с балкона. Тело пророка бесшумно полетело вниз со стометровой высоты и упало на каменные плиты двора.

Глава 74

Усеянный трупами двор храма стал пустеть. Компаньоны побросали оружие и направились через ворота в город, расстилавшийся у подножия холма. Ошеломленные наемники долго смотрели им вслед.

Бэт облокотилась на Хьюджина и стала осторожно вынимать осколок из лапы Мьюнин. Ффиллипс присела рядом с ней на корточки.

— Ты из отряда богомолов, зверушка, так же как и твоя хозяйка?

Бэт подняла голову и сделала вид, что не поняла вопроса.

— Простите, что вы сказали?

— Я — разумная женщина,— осторожно начала закаленная в боях Ффиллипс.— Когда офицер наемников, против всех законов логики, возвращается, чтобы спасти меня и моих людей, прихватив с собой к тому же... простите великодушно... странных существ, с которыми я никогда прежде не имела удовольствия видеться, и между делом выигрывает войну, скидывая на глазах у публики, скажем так, с престола тирана, я начинаю кое о чем догадываться. Галактика слухами полнится.

— Какими слухами?

— Да так, всякими. Имперские охранники по пьяни многое болтают. Разве вы не из спецотряда богомолов, действующего по предписаниям самого императора?

— Эй, недоноски хреновы, чтоб вам пусто было! — услышала Бэт знакомый надтреснутый голос у себя за спиной.— Может, кто из вас отвлечется от пискливых ликований и окажет мне медицинскую по-

мощь? Буду очень признательна, мать вашу за ногу. У меня четыре дырки в груди и капиталовложения за пазухой, которые, кстати, неплохо было бы перепрятать.

Изумлению Бэт не было предела. В следующую секунду она и Ффиллипс бежали в храм за Доком, потому что Ида каким-то чудесным образом воскресла и приняла сидячее положение. Один из тигров подошел к цыганке, громко замурлыкал и стал слизывать кровь с ее шеи.

Глава 75

— Вы должны понять нерешительность членов совета,— брюзгливо сказал седобородый, вставая с кресла.— Я не отношусь к вам предвзято, полковник... Кажется, так вам угодно себя величать?.. Должно быть, вы знаете, с какими трудностями нам пришлось столкнуться за последние несколько лет... тем из нас, кто не был согласен с ложной трактовкой учения Таламейна.

— Да,— ответил Стэн.

Он стоял перед двадцатью тщательно отобранными теологами Таламейна, избранными из числа остальных за преклонный возраст, опыт, честность и многоречивость. Они собрались в известном тронном зале храма. После гибели Матиаса здесь все оставалось без изменений, за исключением того, что знамя с изображением меча и сложенных над ним в молитве рук исчезло. Неизменные факелы-близнецы по-прежнему горели по обеим сторонам карты.

— Эти вопросы должны быть изучены,— продолжал старик.— Все нужно как следует взвесить и обсудить. Естественно, никто не сомневается в том, что Таламейн действительно явился...— Старейшины прошептали «Сикбет».— ...И все же нас озадачивает сама постановка многих вопросов. Мы не хотим идти на риск и подвергать новой опасности вероучение Таламейна. Легче всего рубить сплеча, но мы не имеем морального права так поступать.

На обсуждение уйдет длительное время. Что за этот период произойдет с вероисповеданием планеты?

В этом зале собрались старейшины, немногословные и мудрые мужи. Но мы должны понять, что за стенами храма находятся другие люди, множество простых людей, нуждающихся в духовном наставлении. Думаю, коллеги согласятся с моим мнением, заключающимся в следующем: мы не считаем себя способными справиться с этой задачей. Беру на себя смелость выразить общее желание относительно того, что, возможно, вы...

— Нет,— сказал Стэн.— Я простой солдат, гражданин Вселенной. Я иду своей дорогой. Такова моя судьба. Но в одном вы правы,— продолжил Стэн после минутной паузы, во время которой спросил себя: «Какого дракха я рассыпаюсь во всех этих объяснениях и сюсюка-

юсь с ними? Наверное, это влияние слишком длительного пребывания среди церковников, лицемеров и всякого рода титулованных особ»,— люди Таламейна действительно нуждаются в помощи и защите. Я приготовил вам подарок.

Стэн повернулся лицом к двум посторонним, сидящим в зале.

— Этот человек будет следить за тем, чтобы ваше правительство было честным и справедливым, а люди — свободными.

Ффиллипс привстала и улыбнулась.

— А этот представитель других миров будет вести дела торговли, коммерции и, самое главное, установит добрососедские отношения с существами, живущими за пределами Волчьего созвездия.

Ото хмыкнул и улыбнулся. Стэн поднял вверх медальон, подаренный ему Теодомиром несколько месяцев назад, когда он представил его к званию «воина Таламейна».

— Как я уже сказал, я — простой солдат. Но может быть, когда меня наградили знаком носителя Огня, мне вручили подарок, ставший символическим по отношению к событиям, произошедшим в будущем?

Мне совершенно ясны две вещи. Во-первых, незнакомцы-путешественники, искатели приключений, живущие в других мирах, должны посещать Волчье созвездие. Я считаю, что ваша задача заключается в оказании им содействия. Вы должны им доказать, что вера Таламейна несет народам мир.

Во-вторых, Матиас, как все знают, проводил политику насилия и жестокости. Но я почему-то чувствую, что в последние минуты жизни он понял свою ошибку и раскаялся. Судя по его последней речи с балкона, он действительно стал тем, кем всегда хотел быть,— перевоплощенным Таламейном.

Стэн опустил голову, секунд пять помолчал и направился к выходу.

Больше всего на свете он нуждался сейчас в шутках Алекса, в Бэт и литрах пяти какого-нибудь крепкого алкогольного напитка. От всей этой тягомотины и душеспасительных речей у Стэна пересохло в горле.

Глава 76

— Нет, Махони,— промурлыкал вечный император,— не испытываю ни малейшего желания читать подробный отчет. Я хочу высказать свои соображения по поводу того, что ты мне только что рассказал.

— Да, сир,— сказал ровным голосом Махони.

— Слушай внимательно и не перебивай меня, пожалуйста, полковник.

— Разумеется, сир.

— Твой отряд богомолов и этот молодой лейтенант... э-э, как его...

— Стэн, сир.

— Правильно, Стэн. Ему с горсткой наемников удалось свергнуть религиозную диктатуру, убедить фанатиков разойтись по домам и заняться хозяйственными делами, а также организовать беспрепятственное прохождение моих добытчиков через Волчье созвездие.

— Да, сир.

— Я ничего не упустил?

— Нет, сир.

— Замечательно,— продолжал император.— Присвойте ему звание капитана и дайте пару медалей. Это приказ.

— Слушаюсь, сир.

— А теперь давай-ка рассмотрим, как он разобрался со всей этой государственной путаницей. Военную и политическую власть всего вонючего Волчьего созвездия он передал в руки наемницы. Верно?

— Так точно, сир.

— Женщине, которая, как выяснилось, дезертировала из гвардии, потому что должна была предстать перед трибуналом после того, как сперла целый дивизионный склад с оружием и боеприпасами. Некто сержант Ффиллипс, если мне не изменяет память.

— Так точно, ваше величество.

— Прекрасно. Поехали дальше. Дипломатия, межзвездные связи и торговля были вручены чужаку, если не ошибаюсь?

— Да, сир.

— Чужаку, похожему на неандертальца. Не делай удивленное лицо, Махони. Книжки надо читать, а еще лучше — сходи в имперский музей и полюбуйся на ископаемое. Имя существа, происходящего из потомственного пиратского рода, кажется, Ото?

— Да, сир.

— Я хочу поджарить этого Стэна на медленном огне,— низким монотонным голосом сказал император.— Разжаловать мерзавца немедленно. Я ведь, по-моему, произвел его в чин капитана?

— Да, сир.

— Я также приказываю налить мне выпить.

— Простите, сир.— Махони подошел к буфету.

— Да не эту бутылку! Фляжку «Эрленмейер». Сто градусов. И открой два пива — на закусь. Так и спиться недолго, думая-гадая, как наказать одного из моих офицеров.

Беседа начинала забавлять Махони, но он подавил в себе желание улыбнуться, наполняя рюмки и открывая банки с пивом.

— Стэн... Стэн... Где я мог раньше слышать это имя?

— Он убил барона Торесена, сэр. Нарушил приказ. Помните стычку на Вулкане?

— И я не отправил его тогда в штрафной батальон?

— Нет, сир, вы дали ему лейтенанта.

Вечный император пропустил рюмку, поморщился, запил пивом и вставил дискету с докладом в компьютер.

— В голове этого Стэна возникают интересные идеи,— задумчиво произнес император, потягивая пиво.— Это ж надо — скинуть тирана и создать церковный совет старейшин для разборки! В каком году было последнее заседание кафедрального собора? В тысячном?

— Больше того, сир,— Махони икал, никак не придя в себя после выпитой рюмки,— он сказал, что выбрал самых многоречивых теологов.

Император выключил компьютер, встал, схватил фляжку и снова наполнил рюмки.

— Отряд богомолов... Зачем я только терплю людей, которые делают то, что я хочу, методами, которые мне совершенно не нравятся?

Махони молча пил пиво.

— Внесите поправку в мой последний приказ,— велел император, сменив гнев на милость.— Не отдавайте этого Стэна под трибунал. Он мне нужен. Переведите его из богомолов и вообще из спецподразделения «Меркурий» в какой-нибудь подходящий для героя полк гвардии.

— Гммм,— посмел недовольно промычать Махони.

— Итак, решено: капитан Стэн назначается командиром моего личного отряда телохранителей, гурков.

Махони выронил рюмку и перевернул на ковер банку с пивом.

— Черт возьми, ваше величество! Как я могу управлять службой разведки, если вы уводите у меня из-под носа лучших людей?

— Хороший вопрос, полковник.— Вечный император вынул маленькую дискету с приказами из письменного стола. Махони тут же понял, что дела его обстоят скверно.— Это приказ о вашем повышении. Поздравляю, генерал Махони. Примите также мои поздравления в связи с вашим увольнением из главного имперского управления разведки и назначением на должность командира Первой дивизии штурмовиков.

Махони сбросил дискету на пол, расстроившись, как малое дитя.

— Да разве так можно, мать твою!.. Я потратил семьдесят пять лучших лет своей жизни на создание корпуса «Меркурий», и...

— И я, разрази меня гром, как-никак вечный император,— сердито сказал властитель Вселенной, выходя из-за письменного стола.— Я, мать твою, вправе делать все, что мне заблагорассудится, генерал. Так что примите мои соболез... э-э... поздравления в связи с назначением вас на новую должность и... Мне что, выпороть твою задницу и оттаскать за уши, чтобы ты выпил со мной?

После секундного молчания Махони начал нервно хихикать.

— Нет, сир, ваше императорское величество. Спасибо, сир. Поскольку у меня нет выбора, ваше императорское величество, сир, я принимаю ваше назначение, сир.

Махони перестал дергаться, потому что понял: его судьба уже решена.

Император нахмурился и разлил спиртное по рюмкам.

— Ты служил мне верой и правдой, Ян. Знаю, что продолжишь в том же духе на новой должности. Не нужно все так усложнять, мать твою. Я это делаю для твоего же блага. Не забывай о Стэне,— добавил вечный император, беря в руки фляжку.— У меня такое чувство, что он далеко пойдет. Более того, хочешь предсказание? Стэн закончит свои дни на виселице или в должности адмирала флота.

И двое мужчин напились в стельку.

При дворе великого императора

Элизабет Р. и Лео Л. Банчам, а также четырем братьям: Чарльзу, Филипу, Дрю и Дэвиду

Для названия книг первой, второй, третьей и четвертой использованы парижские жаргонные обозначения различных частей гильотины. «Качели» — это доска, на которую кладут осужденного на смерть; «очко» — круглый зажим, охватывающий его шею; «барашек» — смертоносное лезвие с сорокакилограммовым противовесом; и, наконец, «щелкунчик» — рычаг, с помощью которого палач высвобождает лезвие, падающее отвесно вниз.

Название книги пятой восходит к временам якобинского террора в начале 90-х годов XVIII века, когда один французский депутат, некий месье Амар, в своем письме коллегам-депутатам пригласил их поприсутствовать на смертной казни, дабы «воочию увидеть, как отправляют Красную мессу».

Книга первая

«Качели»

Глава 1

Грозное рычание бента не произвело никакого впечатления на дикобраза, который забился в дальний конец полого пня и больше не шевелился.

Инстинкт подсказывал бенту: колючее существо съедобно. Однако условные рефлексы шестилапого кота говорили другое: пища — это лишь то, что он дважды в день, на рассвете и на закате, получает от двуногих в сопровождении ласковых слов. Хоть дикобраз и пахнет подобающим образом, но ведет себя совершенно не так, как привычная еда. Потому что привычная еда не тычет иглами в нос и не убегает.

Бент присел на задние лапы, чтобы передними вырвать две иглы, засевшие у него между щитками на носу. Но тут ему пришлось бросить свое занятие и припасть к земле. Из леса вновь донесся пугающе громкий звук — что-то вроде жалобного воя. Прежде чем принять окончательное решение, бент метнул встревоженный взгляд вверх по крутому склону горы, потом еще раз зыркнул в глубины леса.

Вопреки голосу инстинкта, он кинулся мимо последних деревьев леса к почти вертикальному голому склону, быстрыми ловкими прыжками поднялся вверх метров на двести и затаился за большими валунами.

Воющий звук нарастал. Вскоре над вершинами низкорослых деревьев показался гравитолет, который проделал несколько пируэтов в воздухе в поисках удобной посадочной площадки и опустился неподалеку от полого пня.

Командир прайм-уорлдского полицейского спецназа Теренс Крегер взглянул на прибор автоматической наводки, укрепленный над панелью управления гравитолета. Стрелка указывала прямо вверх по

© Перевод В. Задорожного.

склону горы, а индикатор расстояния сообщал, что до бента менее полукилометра.

Крегер вынул из креплений за сиденьем ружье, еще раз проверил, заряжено ли оно, снял с предохранителя и убедился, что точность прицела установлена на отметке один метр — примерная ширина грудной клетки бента.

После этого он взял бинокль и несколько секунд вглядывался в горный склон, пока не заметил какое-то движение за валунами. Крегер удовлетворенно хмыкнул и поднял гравитолет в воздух. Сегодня он уже один раз осрамился — упустил бента. Это не должно повториться.

Крегер воображал себя великим охотником, продолжателем славных охотничьих традиций. Все свободное от служебных обязанностей время он тратил на охоту или на подготовку к ней. Это было разорительным хобби — особенно в Прайм-Уорлде, планете-столице империи. В окрестностях императорского дворца дичи не водилось, а за лицензию на охоту в двух заповедниках планеты драли столько, что это было — до самого последнего времени — не по карману даже командиру спецназа.

Прежде Крегер был вынужден охотиться исключительно вне Прайм-Уорлда, притом на дичь или малоаппетитную, или непрестижную. Не то чтобы он очень переживал по этому поводу, но в отношении трофеев такая охота давала мало — тем более в отношении таких трофеев, которые могли бы вписать его в охотничьи анналы. Однако теперь все внезапно переменилось. Об этом позаботились его друзья.

Прослужив в полиции три десятка лет, Крегер по-прежнему превыше всего ставил честность. Он хорошенько подумал и пришел к выводу, что может удовлетворить желания своих новых друзей, не поступаясь совестью. Зато как по-царски они его вознаградили! Он на целых три недели оказался вдали от безумной суматохи, которая всякий раз сопровождает подготовку ко Дню империи и его празднование. Целых три недели упоительной охоты в обоих заповедниках — притом за чужой счет! Плюс лицензии на отстрел четырех по-настоящему опасных видов животных — носорога с Земли, бента, самца серви и гигантского ота.

Крегер уже успел прикинуть в уме, на какую стену чью голову повесит. Разумеется, у него и в мыслях не было сообщать своим новоиспеченным приятелям, где именно он раздобыл эти трофеи.

Гравитолет ткнулся бампером в валун и дернулся в сторону. Это вернуло Крегера к действительности. Сосредоточься, приятель, сосредоточься! Надо запомнить все мельчайшие подробности этого дня. Запомнить изумительную ясность воздуха. И аромат деревьев под днищем аппарата. И вихри пыли вокруг гравитолета.

Крегер уверенно вел машину над склоном — точно в том направлении, которое указывал прибор, реагировавший на сигналы передатчика, вживленного под кожу бента.

Внизу, среди редких деревьев, лавировал второй одноместный гравитолет. Им управлял Клифф Тарпи. Не прибегая к помощи бинокля, он просто следовал за Крегером на приличном расстоянии и теперь, все еще не замеченный, взмыл за ним вверх по склону.

А между тем бент был загнан в ловушку.

Слева обратный путь преграждал обрыв, а справа — та самая круча, по которой зверь ухитрился сгоряча подняться, но был не в силах спуститься, несмотря на фантастическую цепкость своих когтистых лап. Теперь бент в явной растерянности стоял за громадным валуном.

Аппарат Крегера опустился перед валуном, за которым пряталась его жертва. С оружием на изготовку Крегер ступил на землю.

Бент окончательно растерялся. Не так давно именно эта злобно воющая штуковина стала причиной оглушительного взрыва и острой режущей боли — именно эта боль погнала бента через лес к подошве горы. Но пахло-то двуногим! Хоть и незнакомым, но двуногим. Неужели бент чем-то провинился? Без сомнения, этот двуногий сейчас попеняет ему, потом милостиво покормит и вернет в уютное тепло берлоги.

Бент поднялся с земли и пошел навстречу человеку.

Как только зверь вышел из укрытия, Крегер вскинул ружье. Ну, теперь уж он не ошибется. Предохранитель снят, остается только хорошенько прицелиться.

Бент встревоженно мяукнул. Этого двуногого он видел впервые.

— Подонок!

Крегер стремительно обернулся, начисто позабыв о наступающем на него звере. Он настолько увлекся, что не слышал, как за его спиной приземлился другой гравитолет.

С расстояния пяти метров дуло ружья казалось зияющим колодцем. Тарпи помедлил, пока изумленное выражение на лице Крегера не сменилось гримасой животного ужаса. И только тогда нажал на спусковой крючок.

Пулька из мягкого металла расплющилась при ударе о грудину Крегера, ввинтилась между ребрами и поразила его в сердце. Тело Крегера, убитого наповал, сперва осело на небольшой валун, потом медленно рухнуло на землю, лицом вниз.

Тарпи вынул из поясного мешка тонкий кусок жареного мяса, швырнул его бенту и с усмешкой произнес:

— Ну, котище, а у тебя еще восемь жизненок осталось!

После этого вынул из рюкзачка баллончик аэрозоля и, пятясь, уничтожил свои следы на пыли. Возле крегеровского гравитолета

он остановился: вырубил двигатель и отключил радиомаяк. Чем позже найдут тело, тем лучше.

Наконец Тарпи сел в свой аппарат и направил его вниз по склону.

Бент взмахнул хвостом — вверх-вниз. Только один раз. Ему совершенно не нравился запах незнакомого двуногого существа. Бент подхватил зубами кусок мяса и полез через валуны в поисках прохода вниз. Поест он только после того, как очутится в знакомых, привычных местах. А когда насытится, возможно, у него будет досуг подумать о другом куске мяса — о том странном куске мяса, что весь утыкан иголками и к тому же бегает.

Глава 2

Мужчина в голубом рабочем комбинезоне держал длинный нож у горла адмирала Мика Лидо. Другой рукой он подталкивал обергофмейстера двора его величества вечного императора к самому краю зубчатой крепостной стены.

— Или вы примете наши требования — все без исключения, или этот человек умрет! — проорал детина с ножом, и его крик мощно разнесся над крепостным валом и, скатившись вниз с семисотметровой кручи, эхом прогремел над парадным плацем.

Ста метрами ниже и немного правее Стэн мучительно искал опору для своих рук и ног. Его скрюченные пальцы судорожно цеплялись за небольшие выступы известняка. Одна нога болталась без опоры над пропастью, другая прочно покоилась на лбу старшины-хавилдара Лалбахадура Тхапы. Плечо стэновского темно-коричневого боевого комбинезона было перехвачено ремнем портупеи, из которой торчал его верный виллиган. На локте покачивался моток бечевы с кошкой на конце — таким обычно пользуются альпинисты.

Сверху опять громыхнул голос террориста:

— У вас только несколько секунд на то, чтобы принять решение и спасти этого человека!

Левая рука Стэна поползла вверх в поисках новой опоры. Нашла. Но известняковый выступ стал крошиться, и Стэн едва не рухнул в пропасть. Инстинктивно он прижался к скале всем телом — пришлось силой заставить себя немного отпрянуть. После этого он на мгновение расслабился и облегченно вздохнул.

— Кафар хунну бханда марну рамро! — сдавленным голосом бормотал под ним Лалбахадур, на голове которого Стэн балансировал.

— Не скули — трусы, черт побери, живут дольше!

Стэн наконец прочно повис на руках и получил возможность двигать ногами. Когда его альпинистские башмаки нашли опору, он ощутил себя на какое-то время вне опасности и, переведя дыхание, опять превратился в машину, преодолевающую вертикальное препятст-

вие. Ниже его Лалбахадур и подчиненный ему отряд гурков медленно поднимались по вертикальному гранитному обрыву к двум человеческим фигурам наверху.

За пять метров до края крепостной стены оказалась удобная площадка — широкий каменный выступ. Стэн взял второй моток бечевы, притороченный у его талии на альпинистском сиденье, и тщательно закрепился. Затем повел рукой от пояса и обратно, давая понять, что он сидит прочно и способен помочь остальным членам отряда, которые оставались внизу. Третий моток бечевы полетел к ним.

Тем временем Лалбахадур поднялся так же высоко и оказался на одной линии со Стэном, справа от него.

Стэн нажал кнопку на цилиндре с еще одним мотком бечевы, на конце которой была кошка, и автомат выплюнул метров пятнадцать тонкого каната. Как следует раскачав рукой кошку, он резко швырнул ее вверх. Крохотная кошка высоко взлетела, бечева коснулась дула старинной пушки, торчавшего из амбразуры, и дважды его захлестнула.

Стэн защемил бечеву специальными зажимами и стал быстро подтягиваться вверх по тонкой, но сверхпрочной бечеве. А террорист — прямо над ним — настороженно поводил головой на самом верху крепостной стены, грубо прижимая к себе обер-гофмейстера, и щурился от слепящего света прожекторов, направленных на него. Он не заметил, как Стэн ящерицей проскользнул в амбразуру и оказался на крепостной стене.

— Мы ждали достаточно! Баста! — прокричал террорист то, что ему подсказали невидимые снизу товарищи.

Его нож поднялся для смертельного удара, но в этот миг из тени выскользнула сложенная пополам фигурка Стэна. Он выпрямился — словно мощная пружина разжалась. Одной рукой в когтистой перчатке он что было мочи ударил террориста в лицо, а второй рукой блокировал нож.

Детина в голубом рабочем комбинезоне зашатался и попятился, а внезапно освобожденный обер-гофмейстер мгновение-другое покачивался над пропастью, прежде чем восстановил равновесие. Тем временем террорист пришел в себя и двинулся на Стэна, нацелив на него лезвие ножа.

Но Стэн уже принял пружинистую атакующую стойку, выставив свои кулаки-кувалды. Молниеносный удар угодил мужчине с ножом в висок, и тот рухнул как подкошенный.

Из-за парапетной стенки с бойницами выскочили остальные террористы — поддержать товарища. Но момент был безвозвратно упущен. Из темноты высыпали уже поднявшиеся на стену гурки, блестя своими смертоносными кукри — тридцатисантиметровыми кинжалами.

— Эйо Гуркали! — прогремел над замком боевой клич гурков.— Эйо Гуркали!

Этот клич на протяжении жизни тысяч поколений вселял робость в сердца любых врагов — с тех давних-предавних времен, когда англичане в XIX веке впервые сформировали полк гуркских стрелков из непальцев.

Все террористы были перебиты в мгновение ока.

Лалбахадур наклонился над каждым из убитых — проверить, не жив ли кто. Наик Тхаман Гурунг снял со своей спины ракетницу-мортиру и установил на крепостной стене. Мортира плюнула огнем, металлический грузик с прикрепленной к нему бечевой унесся в темное небо, потом повернул обратно и шлепнулся далеко внизу — на парадном плацу.

Гурунг закрепил на зубце стены тот конец бечевы, что остался в мортире, потом повернулся к Стэну и осклабился:

— Готовы, капитан, идем вниз!

— Подразделение, стройсь! — выкрикнул Стэн.— По номерам... марш!

Первым был сам Тхаман. Он прикрепил скользящие зажимы на тончайшую, почти невидимую бечеву, которая тянулась вниз на семьсот метров, до самого парадного плаца. Потом перевалил через стену и быстро заскользил к земле — только воздух засвистел.

Стэн отдал честь обер-гофмейстеру.

— Пожалуйста, сэр.

Адмирал Лидо опасливо поморщился, поглубже натянул свою огромную церемониальную шляпу с гребнем, взял пару скользящих зажимов, протянутых Стэном, и, в свою очередь, исчез за крепостной стеной.

Стэн последовал за ним, прокатившись на колесиках зажимов до твердой почвы плаца. В последние секунды перед приземлением он притормозил, отбросил ручки скользящих зажимов, коснулся земли, дважды перекувырнулся и, невредимый, вскочил на ноги.

За его спиной шли Лалбахадур и остальные гурки — со стуком касались земли, ловко вскакивали на ноги и строились в две шеренги. Адмирал Лидо, слегка запыхавшийся после головокружительного полета, выступил на два шага вперед и отсалютовал. Глядя сверху, со своей трибуны, вечный император зааплодировал. Вслед за ним восторженно захлопали и взорвались криками одобрения пятьсот тысяч зрителей на стойках амфитеатра, который пятикилометровой дугой охватывал парадный плац. Аплодировали не только гуркам, Лидо и Стэну, но и «террористам», которые стояли высоко-высоко на крепостной стене и раскланивались в свете прожекторов перед публикой.

Лидо опустил руку, поднятую, чтобы приветствовать императора, и запыхтел вверх по лесенке на императорскую трибуну. Там его ждал стакан, который император наполнил до краев. После того как Лидо, закрыв глаза, осушил стакан, император спросил его с лукавой улыбкой:

— Кто придумал надеть на вас эту дурацкую шляпу?

— Я, ваше величество.

— Уфф! — насмешливо фыркнул вечный император.— И как только вы умудрились не потерять ее во время своего полета вниз, к спасению.

— Просто я использовал хороший клей. К счастью, он легко смывается.

— Ну и слава богу. А то я боялся, что вы приклеили ее навечно. Я бы не вынес, если бы человек, с которым я общаюсь ежедневно, носил на голове этакую... этакий ночной горшок для слонов.— Не дожидаясь ответа, он добавил: — Да вы не стесняйтесь, Мик, выпейте еще! Ведь не каждый же день вам доводится разыгрывать из себя Тарзана!

Этот второй приказ был выполнен без промедления и с благодарностью.

Вечный император справлял праздник собственного изобретения — День империи. Вот уже пятьсот лет, как повторялось это торжество, учрежденное им в честь победы в какой-то из войн — он успел позабыть, какой именно.

Центральное событие праздника было несложным: ежегодно все имперские военные подразделения устраивали торжественный парад — в том конце Вселенной, где их застал День империи, и приглашали всех желающих из местных жителей. Разумеется, одним парадом цель праздника не исчерпывалась. У всего, что ни делал вечный император, имелась вторая, а порой и третья скрытая причина. Торжественный показ военной мощи был призван убедить жителей империи, что их безопасность надежно защищена. И одновременно демонстрация военной силы должна была устрашать любых плохих парней, которые замышляли всяческие козни. Плохие парни обязаны были понять, что если уж им охота замышлять козни, то не против империи, а в ее интересах.

Естественно, самые масштабные празднества происходили на планете-столице — в Прайм-Уорлде. На протяжении многих-многих лет День империи был кульминацией двухнедельного праздничного марафона, в который входили состязания атлетов, череда выставок и громких событий в культурной жизни, а также нескончаемые военные парады. Словом, две недели перед Днем империи были чем-то вроде совмещенных в одно старинных праздников — тут как бы смешались сатурналии, октоберфест, Олимпийские игры и древние торжества в честь прихода весны. А под вечер Дня империи в императорский дворец пускали всех желающих праймуорлдцев — что было само по себе великим событием, которого никто не хотел пропустить.

Дворец — главная резиденция императора и правительства Прайм-Уорлда — стоял посреди кольца парков и садов. Радиус это-

го зеленого кольца равнялся пятидесяти пяти километрам. Эта цифра важна, потому что именно такова была граница видимости с высшей точки дворца. Император не любил, чтобы ему мозолили глаза те, кого он не желал видеть в данный момент.

В центре круга этих неисчислимых разнообразнейших парков с фигурно подрезанными деревьями и кустами располагался сам дворец. Впрочем, резиденцию императора было бы точнее назвать крепостью — что-то вроде средневекового замка, только на уровне требований новейшего времени. Пожалуй, нигде в обитаемом космосе не нашлось бы крепости, равной этой по неприступности — и изяществу.

Императорская резиденция и была построена по принципу средневекового замка — наружный двор, обведенный внешними стенами, и высоко поднятый над этим наружным двором собственно замок — с дворцом и внутренним двором.

Внешние стены образовывали многоугольник в двести метров высотой, с выступающими клиньями. Будучи в разрезе пирамидой, они имели пятидесятиградусный наклон. Собственно говоря, это был глухой бетонный небоскреб — и одновременно бункер, который обнимал площадь длиной в шесть и шириной в два километра. Внутри этой замкнутой стены с единственными воротами располагались рабочие помещения правительства и большая часть прайм-уорлдского аппарата управления. Нельзя сказать, что правительство и высшие чиновники были совершенно защищены от гибели при массированном ядерном ударе, но для разрушения этого чудовищной прочности сооружения потребовалось бы несколько прямых попаданий. Императорское правительство не прекратило бы функционировать даже в том случае, если бы все входы-выходы во дворец были завалены или блокированы. Запасов воздуха, воды и пищи хватало на десятилетия безбедной жизни.

Наружный двор крепости почти полностью занимал парадный плац, который тянулся на пять километров и упирался в семисотметровую скалу, на вершине которой располагался замок с дворцом — увеличенная копия дворца в замке Арундель на Земле.

В еще большей степени, чем при строительстве внешних двухсотметровых стен, при возведении замка был использован принцип айсберга. Жилые покои императора и его военный штаб находились в бункере под замком, на глубине в две тысячи метров.

Сама скала под замком — и, соответственно, над командным бункером — была сложена из каменных глыб и многометровых изолирующих слоев, поглощающих любую радиацию. Император желал, чтобы его резиденция внешне копировала средневековый замок, однако по надежности и комфорту была на самом передовом уровне.

В День империи посетить дворец мог любой желающий — посетителей доставляли вместительные гравиавтобусы имперской гвар-

дии. В остальные дни внутрь попадали лишь дворцовые служащие и чиновники. В тридцати четырех километрах от дворца — в Фаулере — они садились в поезда пневмоподземки, которая доставляла их к месту работы.

Поскольку возможность оказаться в прайм-уорлдском императорском дворце в День империи была чем-то сродни случаю быть представленным при дворе его величества, император еще в самом начале, давным-давно, сообразил, что места миллионам желающим не хватит и следует как-то ограничить число посетителей и разумно распределить их. Поэтому он установил систему допуска, которую сам же описал одному непонятливому сановнику как «трехъярусный цирк». Самые вожделенные зрительские места располагались почти у подножия замковой горы — рядом с трибуной императора. Туда император приглашал дворцовых фаворитов, разного рода героев дня, представителей прайм-уорлдской элиты и прочих заметных персон.

Второй ярус амфитеатра — впрочем, было затруднительно определить, где именно он начинался,— предоставляли тем, кто своими усилиями добился высокого положения в обществе, но не входил в самый узкий круг придворной элиты. Билеты на эти места являлись предметом купли-продажи, их добивались всякими правдами и неправдами, выманивали лаской, шантажом, угрозами. Хватало людей с положением, которые полагали, что присутствие на дворцовом параде в День империи — кульминация их жизненного успеха.

Билеты в третий ярус были самыми непрестижными, потому что третий ярус располагался уж очень далеко от трибуны императора. Эти билеты распределялись исключительно среди лиц, имеющих «прописку» в Прайм-Уорлде. Разумеется, изрядное количество билетов в итоге уходило за определенную мзду туристам, но император закрывал на это глаза — если «местные ребята» хотят чуточку «набашлять», пусть заработают кредитку-другую на перепродаже своего допуска.

Сами зрительские трибуны устанавливали за несколько недель до праздничной церемонии. Часть мест располагалась прямо на скате внешней стены. С практической точки зрения было безразлично, на каком расстоянии от места действия сидел зритель: громадные голографические экраны высились на внешних стенах через равные интервалы. На эти экраны транслировались крупные планы происходящего, и так же крупно показывали время от времени всех достойных внимания именитых гостей из первого яруса.

Некоторые события праздника происходили у самой трибуны императора, у подножия замка — как, например, «спасательная операция» Стэна. Но множество других событий и показательных боев разыгрывалось на площадках в других точках парадного плаца.

День империи был самой впечатляющей постановкой под открытым небом за весь год. Двор его величества гордо именовал себя дво-

ром Тысячи солнц (хотя в империи теперь насчитывалось уже намного больше тысячи звездных миров). И в блистательный День империи все эти солнца сияли особенно ярко.

Вместе с тем у этого дня был вечер, чреватый любыми неожиданностями...

Тяжело отдуваясь, Стэн прислонился к стене бетонного туннеля. В обычное время туннель перекрывали тяжеленные стальные противоядерные ворота. Сейчас эти ворота ушли в стену, открывая праздничной публике проход на парадный плац. Рядом с ним прислонился к стене еще более запыхавшийся старшина-хавилдар Лалбахадур Тхапа. Остальных гурков Стэн похвалил за отлично выполненное задание и отпустил. Им предстояло провести вечер куда веселее, чем их командирам,— видать, засядут за азартные игры и хорошо заложат за воротник.

— А неплохо мы выступили, да? — просопел Лалбахадур.

— Угу,— отозвался Стэн.

— Уж теперь, я уверен, ни одна сволочь, если вздумает взять обергофмейстера в заложники, не потащит его на край крепостной стены.

Стэн ухмыльнулся. За три месяца, что он командовал отрядом императорских телохранителей-гурков, Стэн успел заметить сходство непальского юмора со своим собственным. Главной чертой в манере шутить было полное неуважение к вышестоящим офицерам.

— Фу, как ты циничен,— сказал Стэн.— Ведь мы покрыли себя неувядаемыми лаврами.

— Ежели мы покрыты неувядаемыми лаврами, не помешает ли это совершать положенные омовения? — с печальной насмешкой спросил Лалбахадур. Потом, просветлев лицом, добавил: — Впрочем, слух о нашем героическом штурме разнесется по всей Вселенной и, быть может, дойдет до наших соплеменников на далекой Земле. И нам будет не так трудно подыскивать новых простаков, готовых карабкаться по вертикальной стене во славу его величества.

Ответная реплика Стэна потонула в шуме военного оркестра. Офицер и старшина выпрямились, потому что мимо них по туннелю на парадный плац выходили церемониальным маршем шеренги почетной стражи императора — полк преторианцев. Стэн и Лалбахадур отсалютовали их знамени и снова расслабленно оперлись спинами о стену, когда мимо промаршировало более шестисот преторианцев — в блестящей коже, с начищенной амуницией и винтовками.

Во главе колонны маршировал командир преторианской стражи — полковник Ден Фоли, который, поравнявшись со Стэном, вытянулся еще больше, резко повернул голову в его сторону и отдал честь командиру гурков. Затем Фоли устремил взгляд перед собой и вывел своих парней на парадный плац, где их приветствовали восторженные крики полумиллиона зрителей.

— Мой отец говаривал мне,— не без яда заметил Лалбахадур,— что в природе есть только два типа мужчин. Обычно я не пропускал мимо ушей его мнимомудрые высказывания, потому что сам я считаю, что мужчины действительно делятся только на два типа: на тех, кто делит мужчин на два типа, и тех, кто этого не делает.

Тут он замолчал, немного запутавшись в собственных словах.

— Ну так что твой отец говаривал про два типа мужчин? — помог ему Стэн.

— Папаша имел обыкновение говорить так: есть одни, которые готовы часами начищать до блеска оружие и кожаную амуницию, и другие, которые с большим удовольствием пропустят стаканчик. Капитан, вы к какому типу мужчин принадлежите?

— И не соблазняй, хавилдар,— досадливо хмыкнув, отозвался Стэн.— Я ж как-никак на службе.

Коренастый коротышка старшина отдал ему честь и зашагал прочь. У Стэна оставалось несколько минут перед началом обхода постов, поэтому он подошел к выходу из туннеля и стал наблюдать за парадным проходом преторианцев.

Да, эти парни были хороши, очень хороши — как и должны быть любые мужчины и женщины, которых собрали в подразделение и непрестанно обучали нехитрым вещам: беспрекословно подчиняться начальству, уметь часами стоять не шевелясь на часах и совершать дурацкие церемониальные пируэты.

Стэн понимал, что он не совсем справедлив к преторианцам, но его самого несколько раз заставляли участвовать в парадах, и всякий раз это было для него карой небесной. Возможно, чей-то глаз и радуют марширующие в ногу солдаты, однако разумный человек должен задуматься, стоит ли овчинка выделки — всех этих бесконечных отупляющих часов муштры, чистки оружия и амуниции.

Тем не менее Стэн не мог не признать, что преторианцы отлично обучены. Для парада они были вооружены архаичными винтовками — короткие виллиганы, их обычное оружие, хоть и обладали чудовищной убойной силой, для эффектной демонстрации ружейных приемов мало подходили. К тому же к виллигану нельзя примкнуть штык. В сороковом веке штык только на то и годен, чтобы им консервные банки открывать — да еще пускать солнечные зайчики на параде.

Но из песни слова не выкинешь — преторианцы очень красиво брали на плечо почти полуметровыми винтовками со штыком на конце.

Новая команда — и более шестисот винтовок, блеснув штыками, слетели с плеч и застыли на уровне поясов.

Теперь одна шеренга отделилась от строя, двинулась вперед, по команде развернулась кругом и пошла на поднятые штыки другой шеренги. Солдаты замерли в сантиметре от нацеленных им в грудь

штыков, и Стэн невольно испуганно заморгал, потому что подумал: а случись старшине на полсекунды запоздать с командой — они бы так и нанизались на эти штыки или все-таки инстинкт самосохранения их бы остановил?

Погромыхивая винтовками о твердое покрытие парадного плаца, солдаты совершали бесконечные эволюции с винтовками, имитировали штыковой бой...

Стэн наблюдал за всей этой великолепно отрепетированной и синхронной галиматьей со здоровым цинизмом, но, не будучи хорошим знатоком истории, не мог воскликнуть вслед за старинным поэтом: «Какая красота, но что тут от войны?»

Глава 3

Есть живые существа, навстречу которым душа раскрывается сразу: создается впечатление, что они существа некоего более высокого порядка, нежели мы, люди. Как ни странно, эта удивительная способность не рождает завистливой ненависти. Этим благородным особям свойственно чрезвычайно творчески подходить к собственной жизни и взирать на нее как на искусство — что отчасти претенциозно. Однако их выручает способность иронически относиться ко всему на свете, в том числе и к собственным претензиям на исключительность.

Именно такими существами были Марр и его любовник Сенн, которые сейчас расточали комплименты преторианцам — стражникам из императорской гвардии.

— Ах, какие крепкие ребята! — говорил Марр.— Мускулатура — залюбуешься! А как упоительно пахнут мускусом! Даже досадно, что я не человек!

— Будь ты человеком, ты бы понятия не имел, что и с одним из них делать! — насмешливо фыркнул Сенн.— Уж я-то тебя знаю! Я успел позабыть, когда ты приласкал меня в последний раз!

— Я восхищаюсь этими молодцами без задних мыслей. Просто их вид радует глаз. Секс тут ни при чем. Это ты у нас зациклен на сексе — только о нем и думаешь.

— А, не цепляйся к словам. Марр, дорогой, давай не ссориться. Ведь мы на торжестве. Ты же знаешь, я просто обожаю праздники.

Сенн бросил дуться — чтобы его поведение не напоминало поведение невоспитанного человека. Он поближе придвинулся к Марру, и их головные усики нежно переплелись. Марр тоже любил празднества.

Во всей империи, собственно говоря, была лишь горстка существ, которые разбирались в искусстве организации праздничных приемов так же хорошо, как Сенн и Марр. Празднества самого разного характера и масштаба были их специальностью. Они обладали талан-

том украсить любое помещение без значительных расходов, организовать хороший стол — опять-таки без серьезных затрат, а главное, они умели подбирать и правильно сервировать интересных гостей, так что и общение, и угощение на их празднествах было сытным и разнообразным. В Прайм-Уорлде Сенн и Марр занимали официальные должности поставщиков двора его величества и были по совместительству неофициальными императорскими церемониймейстерами. Они имели привычку ныть по поводу того, что очень часто уровень организации торжественных сборищ, которые затевает лично вечный император, вгоняет их в краску. Однако, будучи существами деловыми, они сетовали лишь из чистого кокетства — ведь именно благодаря императорскому пристрастию к частому приему гостей услуги Сенна и Марра требовались постоянно. Заказы на проведение банкетов были расписаны на многие годы вперед.

В эпоху, когда постоянство в любви стало редкостью, парочка милченцев представляла собой впечатляющее исключение. Их связь длилась более столетия, и оба страстно надеялись, что она продлится по меньшей мере еще столько же. Впрочем, такого рода постоянство отнюдь не было редкостью для того вида живых существ, к которым принадлежали Сенн и Марр; для милченцев из системы Фредерик-II характерна «любовь до гроба» — в буквальном смысле слова, ибо когда один из партнеров умирал, второй угасал в считаные дни. Среди милченцев абсолютно все долговременные связи были однополые. Союз заключался между самцами — назовем их так, за неимением другого термина. Представители второго пола — назовем его женским, опять-таки лишь для удобства — носили имя урсуулы. Среди множества живых существ неисчислимых галактик урсуулы выделялись необычайно нежной, хрупкой красотой. Этим легким полупрозрачным существам, непрестанно меняющим свой цвет и аромат, был отпущен короткий срок жизни — всего лишь несколько месяцев. Зато в этот краткий срок они предавались необузданной любви. Самым везучим парам милченцев удавалось соединяться с «самками» два-три раза в жизни. Такие тройственные союзы давали потомство — двоих «самцов» и полдюжины до времени погруженных в сон урсуул. Мать успевала шепнуть только несколько ласковых слов своим детям, после чего умирала, препоручая все заботы о многочисленном потомстве паре отцов.

Для милченцев жизнь была бесконечной трагедией, связанной с гибелью самок при рождении потомства, что снова и снова порождало муки одиночества у самцов и со временем могло бы привести к вырождению вида. В качестве защиты они использовали единственный выход — однополую любовь. Подобно всем существам своего вида, Марр и Сенн испытывали прочную взаимную привязанность, были преданы друг другу — и всему, что есть прекрасного в мире.

Внешне это были стройные существа примерно метрового роста, покрытые мягким золотистым мехом. Огромные черные глаза воспринимали спектр вдвое шире, чем глаза людей. Их головы украшали чувствительные обонятельные усики, которыми можно было ласкать друг друга, как перышками. На изящных руках, напоминающих обезьяньи лапки, имелись вкусовые сосочки — вот почему именно милченцы считались наилучшими кулинарами и поварами во всей империи. Сам вечный император ворчливо признавал, что в искусстве приготовления пищи милченцам нет равных среди живых существ, населяющих Вселенную. Разве что чиле кон карне — блюдо по старинному мексиканскому рецепту, острейшее мясо с красным перцем — готовят лучше все-таки люди.

Итак, оба милченца, приникнув друг к другу, наслаждались добрым вином и потрясающим зрелищем, подлинным пиршеством для глаз, которым было празднование Дня империи. Существа тщеславные и суетные, милченцы упивались не только картинами самого торжества, но и тем, что они находятся среди сливок прайм-уорлдского высшего общества. Марр шарил глазами по ложам для самых важных персон.

— Весь цвет собрался! — ахал он.— Нет, честное слово, тут буквально все! Все буквально!

— Вижу-вижу,— насмешливо фыркал Сенн.— Кого тут только нет! Тут даже те, чьи рожи здесь совсем неуместны!

В подтверждение своих слов он указал на ложу напротив — там сидел Каи Хаконе и его гости.

— Ума не приложу, как у него хватает наглости появляться на публике после того, как критики разнесли в пух и прах последнее представление его театра масок!

Марр захихикал.

— Я знаю этого типчика как облупленного. Очаровашка настолько глуп и туп, что согласился стать почетным гостем на нашем празднестве.

Сенн от восторга заерзал и прижался к Марру.

— Ах, я сгораю от нетерпения. О, мы увидим море крови — море, море!

Марр подозрительно покосился на возлюбленного.

— Что ты затеял, Сенн? Или это секрет?

Сенн рассмеялся.

— Я не преминул пригласить его критиков.

— Ну и?

— Они с радостью согласились. На банкет в честь маэстро слетятся все его злопыхатели!

Посмеиваясь своей злой шуточке, оба поглядывали в сторону Хаконе и гадали, подозревает ли тот о сюрпризе, который ждет его в ближайшие дни.

Марр и Сенн были бы разочарованы. Каи Хаконе — человек, которого одни называли величайшим писателем современной эпохи, а другие, наоборот, величайшей бездарностью современной эпохи,— и думать не думал о предстоящем банкете в свою честь. Был он далек мыслями и от сегодняшнего праздника, от всего происходящего на парадном плацу.

Вокруг Хаконе собрался десяток поклонников, очень богатых и щедрых на льстивые комплименты. Не было конца экзотическим кушаньям и напиткам, приносимым в ложу. Однако все это слабо напоминало торжество. Еще до начала чествования гости без труда сообразили, что на Хаконе опять нашло. Поэтому разговоры велись вполголоса, за столом царила неловкость, гости то и дело косились на нахмуренного мэтра — крупного мужчину, обросшего немодными нынче мышцами, с копной спутанных волос, с нависшими бровями и глубоко посаженными глазами.

У Хаконе все внутри дрожало, мышцы сводило от напряжения, на лбу выступала испарина. Его мысли лихорадочно метались, настроение поминутно менялось. Когда он думал, что все готово, он воспарял душой. Но тут же приходила мысль: а вдруг да сорвется, а вдруг да ошибка? Душу охватывал мрак. Все ли готово? Ах, надо было проследить за всем самолично! Нельзя было полагаться на других. Надо было сделать все своими собственными руками.

Так он думал, перескакивая с мысли на мысль, пережевывая детали своего плана. Когда на парадном плацу происходило очередное впечатляющее событие из программы торжества, толпа ревела от восторга. Но Каи Хаконе краем уха слышал эти взрывы эмоций. Лишь несколько раз он лениво похлопал в ладоши, присоединяясь ко всеобщим аплодисментам. В его сознании снова и снова проносились жуткие образы смерти.

После того как промаршировали последние оркестры и удалились танцоры, громкий говор толпы мало-помалу превратился в приглушенный гул.

Два гигантских гравитолета с воем влетели через ворота по краям парадного поля — каждый был нагружен стальными конструкциями, лебедками и стальными тросами. Оба аппарата с ровным урчанием заскользили над полем всего лишь в метре от поверхности. Время от времени гравитолеты останавливались; тогда с них спрыгивали обливающиеся потом солдаты в наглухо застегнутой парадной форме и стремительно сгружали металлические конструкции и лебедки, тут же бросали мотки тросов и кабелей. К тому времени, когда один из гравитолетов приблизился вплотную к императорской смотровой ложе, длинное парадное поле выглядело так, словно некий гигантский ребенок разбросал на нем свои строительные кубики. На самом деле на глазах у публики поле было превращено в загроможденный

полигон с узкими проходами, через которые могло протиснуться не более двух человек в ряд.

Перед тем как гравитолеты взмыли над императорским замком, с его стен были спущены две огромные мишени — на крепком стальном каркасе, с трехметровым слоем поглотителя. Мишени зависли в четырехстах метрах от поля. Сквозь ворота на поле прошли, чеканя шаг, шесть оркестров, заполнив все вокруг музыкой. Знатоки узнали в мелодии официальный строевой гимн имперских артиллеристов, но даже самые дотошные из знатоков и ведать не ведали, что он был написан на основе старинной слегка похабной песенки, которую порой называли «У канониров заросли в ушах».

Затем через те же ворота на парадное поле влетели два гравитолета размером поменьше. На каждом было по два десятка живых существ и по пушке. Однако эти пушки ничем не напоминали гигантские боевые мазеры или небольшие, но смертоносные лазеры-бластеры, которыми была вооружена имперская артиллерия. Это были легкие колесные пушки полевой артиллерии — возрастом лишь чуть моложе тех допотопных пороховых, заряжающихся с дула орудий, которые смотрели из бойниц замка.

Как только четыре десятка существ сгрузили пушки с гравитолетов, они выстроились в две шеренги и замерли по команде «смирно». Командир каждой из двух групп взял под козырек и салютовал императору все время, пока пороховые пушки на стенах замка давали залп за залпом — и клубы белого дыма скатывались на парадное поле. После этого сорок канониров взялись за дело.

Это зрелище называли по-разному: «состязание артиллеристов», «перетащи-пушку» и даже «эффектный идиотизм». Суть соревнования между командами была достаточно проста. Каждая команда должна была, маневрируя между препятствиями, проделать со своим полевым орудием путь от исходного пункта почти до самой императорской смотровой ложи. Там пушку следовало зарядить и попасть снарядом в мишень. Выигрывает та из команд, которая первой выведет пушку на огневой рубеж и поразит цель.

Правила категорически запрещали использование каких-либо антигравитационных устройств, а также объезд препятствий. Следовало двигаться по прямой, для чего приходилось разбирать пушку на части и затем в таком виде переносить, или перебрасывать, или перекидывать, передавая из рук в руки. Поскольку обеим командам предстояло в бешеном темпе перетаскивать и швырять тонну металлических деталей, то вероятность увечий была крайне велика. Тем не менее буквально все артиллеристы рвались поучаствовать в соревновании по перетаскиванию пушки — но в финал попадали только самые достойные команды, после серьезных отборочных турниров.

Сейчас особенный интерес состязанию придавал тот факт, что впервые в истории в финал попали команды артиллеристов, не слу-

жащих в одном из императорских гвардейских артдивизионов. Против офицеров из Третьего гвардейского артдивизиона — мужчин и женщин — выступала команда существ, не принадлежащих к виду гомо сапиенс, из 18-го звездного десанта.

Соревнование вызывало повышенный интерес и по другой причине: это было единственное состязание во время празднования Дня империи, во время которого разрешалось заключать денежные пари. Официальные ставки были несколько неожиданными: только восемь к пяти в пользу Третьего гвардейского. Но действительные ставки резко отличались от официальных. Люди из населения Прайм-Уорлда считали, что нелюди, н'ранья, обречены на сокрушительное поражение, и, соответственно, ставили на гвардейцев; а нелюди Прайм-Уорлда придерживались прямо противоположного мнения и делали ставки против людей.

Впрочем, трудно было что-либо предсказать. Н'ранья не были лишены антропоидных черт и внешне несколько напоминали людей, хотя весили не меньше трехсот килограммов. Более того, существа этой расы были потомками хищников, живших в джунглях на деревьях, а потому обладали инстинктивной блестящей пространственной ориентацией — мгновенно решали в уме сложнейшие практические геометрические и тригонометрические задачи.

Существовала давняя традиция касательно того, как успешно противостоять необычайным способностям н'ранья. Гвардейцев тренировали следующим образом: капитан команды артиллеристов намечал кратчайший маршрут, хватал какую-нибудь деталь пушки и, согнувшись под ее тяжестью, мчался к первому препятствию. Под препятствием его поджидали двое рядовых, которые уже поднесли туда прицел орудия. Они подхватывали своего капитана и буквально зашвыривали на самый верх стенки. А он сразу же помогал рядовым подняться наверх вслед за ним, после чего спешил ко второму препятствию.

К этому времени вся пушка была разобрана на детали: ствол, передок, тележка, колеса, механизм отката, прицел, приборы наводки и так далее. Эти детали члены команды сваливали у первого препятствия, затем бросали веревки первым двум солдатам, которые уже стояли наверху. Те подтягивали дуло, передок и прочее на стену. Остальные заскакивали на стену, помогая друг другу, и скидывали части пушки вниз.

Н'ранья между тем поступали проще. Они рассчитали, что два н'рана могут нести любую деталь пушки, вплоть до самой крупной. И действовали соответственно. Каждую деталь двое н'ранов подтаскивали к препятствию, раскачивали и подбрасывали двум н'ранам, которые уже стояли на верху стенки, ловили массивную деталь прямо в воздухе и швыряли еще одной паре, стоявшей по другую сторону препятствия.

Таким образом все и шло — продуманной командной игре людей противостояла грубая физическая сила н'ранов. Команда н'ранов

резко вышла вперед после преодоления высокой стальной решетки, потому что каждый н'ран поднимался наверх сам, волоча свою деталь на себе, а люди затеяли передачу деталей вверх с помощью канатов.

Зато когда потребовалось преодолеть сложную стальную конструкцию, которая громадным пауком преградила дорогу, люди проявили смекалку: подняли совместными усилиями саму конструкцию, и два солдата, обливаясь потом, быстренько пронесли все части пушки под препятствием.

К тому времени, когда команды преодолели последнее препятствие и принялись собирать свои пушки, всем стало очевидно, что гвардейцы выигрывают несколько секунд.

Н'ранской команде оставалось проделать еще несколько операций, чтобы закончить сбор орудия, а гвардейский капитан уже приладил прицел к своей пушке и заряжающие загнали снаряд в ствол. Осталось только установить приборы наведения, навести орудие на цель и выстрелить. И тут команда н'ранов нарушила привычные правила. Ее капитан решил пренебречь наведением с помощью приборов и навести свое орудие на глазок. Как только снаряд забили в пушку, он поднял ствол под тем углом, который казался ему правильным, и произвел выстрел. Члены его команды едва успели отскочить в сторону. Снаряд ударил прямо в центр мишени.

Зрители неистовствовали — кто от ярости, кто от восторга. Было заявлено несколько протестов, но в итоге букмекерам пришлось-таки, ругаясь на чем свет стоит, выплачивать премии тем, кто ставил на н'ранья.

А между тем в гвардейских артиллерийских дивизионах был распространен приказ командования о наборе добровольцев для командировки в миры, населенные н'ранья,— набираться опыта.

Коммерсант Танз Сулламора не был доволен ходом событий — особенно потому, что исполнение того, что он считал своим патриотическим долгом, обошлось ему в кругленькую сумму.

Когда он услышал, что впервые в истории к соревнованиям по перетаскиванию пушек будут допущены представители других рас кроме человеческой, он был неприятно поражён. Большой просчет в имперской политике — разрешить публично унизить нелюдей в День империи.

Вторично он испытал шок, когда узнал, что изрядное число жителей Прайм-Уорлда делают ставки на победу н'ранья. Патриотический пыл заставил его поддержать команду гвардейцев. И сейчас, после поражения людей, у него было паршивое настроение.

«Это не оттого, что я просадил столько денег,— думал он.— Это оттого, что результат состязания несправедлив. Н'ранья — жители джунглей, хищники и, можно сказать, мало-мало не людоеды. Ра-

зумеется, у них явно несправедливое преимущество. Разумеется, эти дикари нагуляли в своих джунглях черт знает какие мускулы, таская туши несчастных жертв. Император должен отчетливо понимать,— продолжал рассуждать про себя Сулламора,— что представители нечеловеческих рас составляют важную и полезную часть империи. Однако же они должны знать свое подлинное место — в самом низу социальной лестницы!»

Эта мысль навела Сулламору на размышления о том месте, на котором находился он сам. После всего, что он сделал на благо империи — от щедрых пожертвований на развитие патриотического искусства до трудов при императорском дворе,— как после всего этого его не пригласили в ложу императора?! На худой конец, могли бы выделить ему место в одной из лож поблизости, а не загонять в самый дальний конец первого яруса — чуть ли не в начало второго!

«Император,— думал Сулламора,— начинает сдавать. Да, он меняется, и меняется не в лучшую сторону,— с праведным негодованием продолжал он развивать свою мысль.— Новое в поведении императора — явственный знак разложения всей империи».

Словом, Танз Сулламора получил мало удовольствия от торжества.

Бесспорно, одно событие ежегодно планировалось в качестве пика праздника. И, понятное дело, это событие с каждым годом должно было становиться все масштабнее и эффектнее, чтобы воздействовать на притупляющееся восприятие зрителей.

К счастью, в этом году событие номер один не грозило никакими неприятными неожиданностями. А вот в прошлом году произошел просто-таки полный конфуз вместо эффектного зрелища. Гвоздем празднества должно было стать выступление Восьмой гвардейской дивизии: намеревались показать личную боевую ловкость пехотинцев. С этой целью с нескольких гравитолетов сняли антигравитационные приборы Маклина, их мощность уменьшили вдвое и облегчили до такой степени, что прибор можно было засунуть пехотинцу в рюкзак. А в результате солдат получал возможность свободно парить в воздухе, включив приборчик, спрятанный в рюкзаке за спиной. Парить без специального костюма и спасательного пояса.

Во время репетиций это производило довольно сильное впечатление.

Согласно плану, парни из Восьмой гвардейской должны были провести внезапную молниеносную и эффектную атаку с воздуха, спрыгивая с высоты из своих маленьких юрких боевых кораблей — спрыгивая без парашюта и приземляясь с точностью, доступной лишь самым искусным парашютистам.

Увы, командование Восьмой гвардейской дивизии не учло одной существенной мелочи — вмешательства погоды. Обычный в это

время года умеренный ветер, попадая в чашу парадного плаца, ограниченного двухсотметровой стеной, создавал такие непредвиденные завихрения, что в итоге при внезапной атаке очень многих пехотинцев отнесло на зрительские трибуны. Одни летающие пехотинцы не оказались внакладе, приземлившись в объятия зрительниц, другие создали панику, третьи переломали конечности — и себе, и кое-кому из зрителей. А у командира Восьмой гвардейской, даром что он сам не летал с маклиновским приборчиком в заспинном рюкзаке, оказалась сломанной карьера.

Император расхохотался, наблюдая, как пехотинцы червяками извиваются в воздухе и совершают молниеносную атаку на трибуны второго яруса.

Этот смех стал роковым для Восьмой гвардейской, ибо его раскаты выдули дивизию к черту на кулички — нудно патрулировать Драконию, пограничный сектор, почти безлюдные звездные миры, где приходилось время от времени усмирять бунтующие колонии первопроходцев, а развлечения солдат сводились к беспробудному пьянству.

В этом году настала очередь Двенадцатой гвардейской дивизии показать, на что она способна. Ее командиры долгие часы ломали головы: чем же поразить разборчивую прайм-уорлдскую публику? Наконец генерал, командующий Двенадцатой гвардейской, утвердил программу великолепного шоу. В нее входили боевые удары лазерными лучами, которые должны были отразиться под углом от намеченных участков поверхности парадного плаца и — ничего и никого не повредив — уйти в верхние слои атмосферы. Затем гром и грохот взрывов. И наконец, части Двенадцатой гвардейской дивизии произведут организованное отступление с арены.

Император одобрил этот план кивком головы. Идея его увлекла: очень редко ему доводилось видеть, чтобы кто-то устраивал показательное отступление.

И вот антенны взмыли в воздух, сигнальщики стали подавать световые сигналы. Из-за горизонта вынырнули корабли тактического космофлота и на бреющем полете пронеслись прямо над парадным плацем.

Эти аппараты прилетели за отступающими солдатами. Зенитки «противника» вели интенсивный огонь (на самом деле это были заранее запущенные в небо шары с газом легче воздуха, выкрашенные в небликующий темный цвет, с зарядом и таймером, который приводил в действие взрывное устройство). Невзирая на бешеный заградительный огонь, спасательные корабли сели, и, соблюдая строжайшую дисциплину, отступающие войска погрузились на них. После этого корабли поднялись высоко в небо, зависли над плацем... и воздух внезапно наполнился ревом и грохотом. Стоял сущий ад. Корабли уничтожали все живое под собой. Зрители на трибунах, вскочив,

завопили от возбуждения. Сам император стал сползать с кресла и чуть было не шлепнулся на настил трибуны — до того он был поражен. Император тщетно гадал, как кто-то ухитрился так точно имитировать выстрелы пушки-мазера.

Были уже сумерки, на небе высыпали звезды, но теперь их скрыли от глаз километровой длины корпуса двух космических линкоров класса «Герой». Лазерные пушки обоих линкоров открыли огонь; из портов, полыхая пламенем, вылетали боевые ракеты. И вот малопомалу все наземные огневые батареи «противника» на земле были подавлены и прекратили огонь. Тем временем тактические корабли взмыли еще выше, под брюхо линкорам, и исчезли в его раскрывшихся люках. Подобрав тактические корабли, линкоры ушли вертикально вверх, с хлопком преодолели звуковой барьер и почти мгновенно исчезли из виду. покинув атмосферу Прайм-Уорлда.

Полмиллиона зрителей бесновались на трибунах от восторга.

Вечный император налил себе большую порцию виски, выпил, тихо крякнул и решил, что Двенадцатой гвардейской не грозит опала и откомандирование в Драконию.

Годфри Алэна била легкая дрожь, когда он наблюдал, как имперские военные корабли исчезают в небе. Он мысленно представил, как эти боевые машины станут подниматься над планетами его родного союза звездных миров — превратив эти планеты в пепел, уничтожив все живое. И случится это, по его подсчетам, не позже чем через год. Будут сеять смерть во имя мира...

Алэну доводилось сталкиваться с имперскими гвардейцами прежде — и лично, в бою, и при разработке военных операций против них, поэтому он не с чужих слов знал подлинную мощь имперских сил. Но, странным образом, вид всех этих космических боевых кораблей и то, как они плавно уносят на своих бортах разом двенадцать тысяч великолепно обученных головорезов, потряс его до глубины души.

«И я фактически единственный человек, который может предотвратить возможность этого массированного вторжения. Таанский союз будет взирать на это безучастно. А мой родной народ в результате такого нападения будет попросту уничтожен до последнего человека. И дело, за которое я боролся всю жизнь, будет навсегда проиграно».

Годфри Алэн отнюдь не был самоуверенным эгоистом — все действительно складывалось так, что именно он, и только он, мог спасти свой народ. К несчастью, ему оставалось жить лишь двадцать четыре часа.

Кто не любит клоунов и акробатов! А сейчас больше тысячи клоунов-акробатов заполнили парадный плац. Среди их номеров был, например, такой: взвод мнимо пьяных солдат, которые решили при-

ветствовать императора, но спьяну не знают как. Все кончается дракой между ними; в результате они неожиданно выстраивают пирамиду из своих тел, самый «пьяный» карабкается наверх — и по-настоящему четко отдает честь императору, после чего теряет над собой контроль, снопом валится вниз, делает сальто и ловко приземляется на пятки. Были на арене и люди в бочках, которые скатывались по наклонным плоскостям между препятствиями и чудом не разбивали свои бочки в щепы. А еще акробаты, проходившие сотни метров на руках. И гимнасты, которые чего только не вытворяли в воздухе. И клоуны-боксеры, которые осыпали друг друга страшными ударами и вскакивали как ни в чем не бывало...

Публика была в восторге от представления.

Диктор объявил, что эта тысяча клоунов — часть имперского гимнастического полка. Но такого полка не существовало. Лишь император знал, что это единственный возможный вариант появления на публике людей из подразделения богомолов — лучшей, элитной части особого назначения, отряда коммандос, самого тайного и самого опасного орудия вечного императора.

Впрочем, дети — да и сам император — искренне наслаждались клоунской частью этого празднества.

В обычное время доктор Хар Стинберн наблюдал бы за празднованием Дня империи из частной ложи. В худшем случае его место находилось бы во втором ярусе. Но вероятнее всего, профессора пригласили бы в первый — гостем лечившихся у него высокопоставленных больных.

Однако сейчас время было необычное.

Стинберн сидел далеко-далеко от места, где приземлялись корабли тактического космофлота,— не в кресле, а на голой скамье. Такие скамьи предназначались для рядовых праймуорлдцев.

Рядовых праймуорлдцев. Крестьян. Рабочих.

Стинберн был стопроцентным расистом. Но у богов очень своеобразное чувство юмора. Весь ряд перед ним занимали грузчики из космопорта. И не люди-грузчики, а грузчики — осьминогоподобные существа из какого-то далекого мира. Они размахивали щупальцами с флажками, жевали что-то мерзкое, несъедобного вида, пили что-то еще более непотребное и временами обдавали профессора вонючим перегаром. Хуже того, грузчики неведомой расы выражали свой восторг от происходящего, широко раскрывая желеобразные серые пасти, расположенные на верхней поверхности их тела, вбирали побольше воздуха, а затем внезапно и с силой выталкивали его с трубным звуком через ноздри.

Стинберн попытался сделать вежливое замечание разбушевавшимся грузчикам, когда один из них небрежно вышвырнул объедки своей трапезы — нечто вроде вареной шляпы — и те угодили профес-

сору в лицо. Вместо извинений грузчик спросил, не хочет ли господин хороший, чтобы ему ради праздничка сделали вот так — и «осьминог», выставив свои угловатые яйца, сделал жест, будто откручивает их.

Стинберн нервно пригладил аккуратно причесанные седые волосы и, стараясь больше не думать о хамах, уставился на ближайший голографический экран. Тот показывал сперва крупные планы клоунов, потом — на мгновение — почти плачущего от хохота императора, затем разных знаменитостей, смеявшихся в своих уединенных удобных ложах.

У Стинберна кошки на душе скребли. Когда он только шел на трибуны, осторожно оглядываясь и воображая, что его никто не узнает, ему почудилось, будто он перехватил в толпе взгляд нанятого им человека.

Он ошибся, но настроение его решительно испортилось. Откуда ему было знать, находится ли его человек в назначенном месте? Известно, что для грязной работы надо нанимать профессиональных преступников. Но собственный опыт подсказывал и другое: эти мерзавцы крайне ненадежны.

Стинберн немного повеселел, когда парень из службы охраны порядка подошел к грузчикам и приказал им вести себя приличней, не то он вышвырнет их вон. Блюститель порядка прошел вверх по ступенькам мимо Стинберна и задержался на нем подозрительным взглядом.

«Нет, проходи мимо,— подумал Стинберн.— Стало быть, по мне видно, что я здесь не на своем месте? Чего он так уставился?.. Нет, парень, ступай дальше. А не то тебе крышка».

И Стинберн не преувеличивал. Несколько лет назад хирурги вшили ему вместо аппендицита трубочку со взрывчатым веществом и детонатор между лопатками. Чтобы взорвать капсулу и покончить с собой, уничтожив все живое в радиусе двадцати метров, профессору было достаточно предельно свести лопатки.

Но эта крайняя мера не понадобилась — блюститель порядка проследовал дальше, а Стинберн заставил себя перевести взгляд на арену, где клоуны заканчивали представление, и издать смешок в знак одобрения их очередных кульбитов.

По чувствительному позвоночнику Марра словно ледяная ладошка скользнула — это заговорил инстинкт самосохранения, тот самый, что в далекие времена спасал поколения милченцев от смерти в системе Фредерик-II. Сердце Марра испуганно затрепетало, он даже немного отпрянул от Сенна.

— Что такое, дорогой? — спросил тот встревоженно.

— Не знаю. Что-то происходит... Сам не знаю...

Сенн попробовал привлечь его к себе и успокоить, но Марр решительно замотал головой и поднялся.

— Отвези меня домой, Сенн. Что-то у меня все праздничное настроение пропало.

Глава 4

«Нюхач» зашевелился, учуяв подходящего к императорской гардеробной Стэна. Его миниатюрные усики заходили из стороны в сторону, покачиваясь, словно у небольшого грызуна, который к чему-то настороженно принюхивается. Электронный овод-стражник мгновение-другое колебался, поводя усиками-щупами, затем юркнул внутрь гардеробной, звонко постукивая крохотными металлическими ножками по полу.

Стэн остановился на пороге гардеробной и окинул взглядом длинные ряды висящих на вешалках нарядов императора. Какой одежды тут только не было! Сотни мундиров — будничных и парадных, костюмы на все случаи придворной жизни — от «простенького», ослепительной белизны одеяния наподобие тоги до последнего крика моды и технологии — плотно облегающего комбинезона, способного менять цвет по воле хозяина.

Видеосправочник, который Стэн просмотрел в своей комнате, содержал краткую историю каждого наряда. Скажем, «простенькая» тога предназначалась для императорского визита в небольшую звездную систему под названием Раза, где ему был присвоен официальный титул «Верховный философ». А облегающий костюм-хамелеон имел прямое отношение к какому-то событию, которое в справочнике называлось «Марди гра».

Стэн пока очень приблизительно помнил состав императорского гардероба — ведь за его плечами было лишь несколько месяцев на новой службе и мозг еще не успел в точности усвоить сотни обязанностей, сопряженных с чином капитана личной охраны императора. До сих пор все внимание Стэна сосредоточивалось на его основной обязанности — оберегать властителя от заговорщиков, наемных убийц, кровожадных психов и разного рода фанатиков.

Охрана императора была многослойной, то есть состояла из нескольких элементов. Прежде всего, ею занимались армия и полиция Прайм-Уорлда. Сам замок-дворец, резиденция императора, был начинен механическими и электронными средствами охраны. Спокойствие и порядок во дворце обеспечивали три гвардейских подразделения, хотя у всех на виду было одно — преторианцы. В обычное время их использовали как слуг: они занимались всеми хозяйственными делами, начиная от уборки помещений и кончая курьерскими поручениями. Но в случае беспорядков они могли мгновенно присоединиться к силам полиции, удвоив ее мощь.

Вторым подразделением охраны дворца была сама дворцовая челядь, потому что всех слуг набирали исключительно из богомолов, или из ударной группы «Меркурий», или из императорской гвардии.

И наконец, третьей составной частью охраны дворца были телохранители-гурки — сто пятьдесят человек из земной провинции, называемой Непалом. Большинство из них принадлежали к тамошней аристократии из кланов Тхапа, Пун, Ала и Рана. Они были потомственными наемниками — их предки занимались военным делом в течение по меньшей мере двух тысяч лет.

Невысокие, корснастые гурки сочетали в себе добродушие, хорошее чувство юмора, преданность долгу и почти невероятную личную выносливость. Подразделение гурков возглавлял старшина-хавилдар — Лалбахадур Тхапа, находившийся в подчинении у капитана Стэна, который был официальным главой дворцовой охраны и в этом качестве находился в постоянном тесном общении как с императором, так и с верхушкой дворцовой челяди.

Новые обязанности не имели ничего общего с привычной службой в отряде богомолов, где Стэн провел большую часть своей военной карьеры. Отныне Стэн больше не мог носить что попало, одеваться в цивильное; теперь он всегда был затянут в пятнистую коричневую форму гурков. Стэну очень понравилось иметь денщика — парня звали Наше Агансинг Раи,— хотя порой, особенно с похмелья, он сетовал про себя на то, что у его денщика досадная склонность язвительно комментировать промахи хозяина.

От периода, когда он был командиром гурков, у Стэна останутся две памятки: до конца своей армейской службы он не расстанется с нашивками в виде кукри на своем мундире и с самим кукри.

Сейчас у Стэна, ждавшего, пока «нюхач» закончит свою работу, на одном боку висел смертоносный кукри, а на другом — виллиган, которым вооружены все богомолы.

Наконец «нюхач» обежал комнату, где хранилась одежда императора, и вернулся к Стэну с характерным писком, обозначавшим «все в порядке». Стэн нагнулся, щелкнул выключателем на спинке «нюхача», сунул его себе в карман и вышел из гардеробной. Эта часть личных апартаментов его величества была проверена самым тщательным образом.

Стэн мысленно перепроверил безопасность всех помещений в этом крыле дворца — в уме пропутешествовал по каждому. Смена караула уже прошла... Всем офицерам, заступившим на дежурство, он доверяет...

— Капитан, я не имею привычки беспокоить человека, занятого работой, однако...

Стэн стремительно повернулся на голос, раздавшийся за его спиной, машинально уводя руку к поясу. Его пальцы уже готовы были сжаться на рукоятке кинжала...

Перед ним стоял сам вечный император. Он смотрел на начальника стражи сперва немного озадаченно, затем — с улыбкой в глазах. Стэну стало неловко за свое резкое движение, на мгновение испугавшее властителя. Он вытянулся по стойке «смирно», мысленно выругав себя: «Эх ты, задница неловкая!» Он еще не привык к спокойной дворцовой службе, у него в крови сидело с богомольских времен, что от быстроты реакции зависит жизнь,— и чуть что рука сама собой рвалась выхватить оружие.

Император рассмеялся.

— Расслабьтесь, капитан.

Стэн принял стойку «вольно», которая у образцового придворного офицера мало чем отличается от стойки «смирно».

Император ухмыльнулся, собираясь пошутить насчет того, что Стэн добродушное «расслабьтесь» понимает очень уж по-военному — как команду «вольно», но тут заметил смущение Стэна и не стал смущать его еще больше. Вместо этого он дотронулся до своего парадного костюма и с нарочитым отвращением фыркнул:

— Если вы не возражаете, я переоденусь. А то воняю как свинья, когда она борова хочет.

— Все в порядке, ваше величество,— отозвался Стэн.— А теперь... разрешите идти?

— Вы огорчаете меня, капитан,— донесся до него громкий голос императора из комнатки, где тот переодевался.

Стэн весь напрягся, стараясь припомнить, в чем он мог дать промашку. Чем его угораздило огорчить императора?

— Вы сколько уже работаете у меня?

— Девяносто четыре цикла, ваше величество.

— Ну да. Что-то около того. Вы уже девяносто с лишним дней шныряете по моим комнатам, действуете мне на нервы всеми этими проклятущими мерами безопасности, и ни разу — подчеркиваю, ни разу — вам не пришло в голову показать мне ваш легендарный кинжал.

— Кинжал, ваше величество? — Какую-то секунду Стэн пребывал в полной растерянности. Потом вспомнил о своем старом добром кинжале на поясе.— Ах, вы имеете в виду *этот* кинжал.

Император снова появился перед ним — теперь на нем был обыкновенный серенький комбинезон.

— Ну да. *Этот.*

— Все сведения касательно этого кинжала имеются в моем послужном списке, где отражен период моей службы в отряде богомолов...

— Капитан, в вашем послужном списке много всякого разного. На днях я перечитал ваше досье. Просто еще раз перепроверял — размышлял, оставлять ли вас на вашем нынешнем посту.

Он заметил, как озабоченно сдвинулись брови Стэна, и пожалел о строгости своего тона.

— Помимо сведений об уникальном кинжале я обратил внимание еще на один факт. Оказывается, вы любите закладывать за воротник.

Стэн не знал, как реагировать на это замечание, и счел за лучшее промолчать.

— Ну, какой из вас пьяница, мы сейчас проверим.

С этими словами император двинулся в свои покои. В дверях он остановился.

— Это не приказ, капитан. Это приглашение. Полагаю, что ваш рабочий день уже закончился.

За время службы в отряде богомолов Стэн научился многим вещам. В первую очередь — убивать, причем имел возможность опробовать все способы этого неблагодарного дела. Он напрактиковался в искусстве свержения правительств, поднаторел в стратегии атак и упорядоченных отступлений, наловчился из подручного материала делать атомные бомбочки малого радиуса действия... Но самый главный урок, вынесенный им за многие годы службы, был такой: если твой командир высказывает пожелание, воспринимай это однозначно — как приказ. Хоть он теперь сподобился служить под началом командира всех командиров, старый добрый навык сработал и сейчас. Поэтому Стэн принял решение мгновенно. Он выпалил в микрофон у подбородка несколько спешных приказов своим подчиненным и объявил, что заканчивает дежурство. После чего одернул мундир и проследовал за императором в его кабинет.

Мутноватая жидкость оросила горло Стэна и приятно согрела желудок. Он поставил на стол тяжелый хрустальный стакан и встретился глазами с императором, который выжидательно смотрел на него.

— Это виски?

Император кивнул и налил себе и начальнику своей охраны еще по порции.

— Нравится?

— Славное виски,— сказал Стэн, сознательно не прибавляя «ваше величество». У него было инстинктивное ощущение, что правило возникновения некоторой фамильярности за выпивкой действует в любом офицерском обществе — даже если ты пьешь с самим вечным императором.— Не могу понять, почему у полковника — простите, я имею в виду генерала Махони — всегда возникают с этим проблемы.

Бровь императора поползла вверх.

— Махони рассуждал о моем виски?

— Да, ему очень нравится,— поспешил исправить свою оплошность Стэн, дабы не навредить коллеге-военному.— Он просто ворчит, что к его крепости надо долго привыкать.

Стэн осушил вторую порцию, наслаждаясь бархатистым вкусом. Потом тряхнул головой.

— А по-моему, пьется волшебно, само в глотку просится.

Было бы просто хамством не отпустить комплимент на этом этапе разговора. Ведь император годы потратил на совершенствование напитка, знакомого ему с юности.

— Что ж, опрокинем еще по порции,— сказал император, снова наполняя стаканы.— А потом я попотчую вас по-настоящему крепким напитком.

Он осторожно взял кинжал Стэна, лежавший на столе между ними, еще раз внимательно осмотрел его и вернул хозяину. Это было узкое обоюдоострое смертоносное орудие с заостренным концом. Стэн самолично изготовил его из необычайно редкого кристаллического материала; лезвие было толщиной всего лишь два с половиной миллиметра, а острие сужалось до кончика намного более тонкого, чем человеческий волос,— до ширины пятнадцати молекул. Острием этого холодного оружия можно было резать алмазы. Император проследил пристальным взглядом, как Стэн сжал пальцы на рукояти кинжала и та скрылась в идеально облегающих ножнах из плоти.

— Славненькое «перо»,— наконец проронил властитель.— Нельзя сказать, что это уставное оружие, но ведь и вы человек, так сказать, неуставной...— Он сделал паузу, чтобы Стэн хорошенько вдумался в его слова, затем продолжил: — Впрочем, Махони заранее предупредил меня, что вы не из ординарных.

Стэн не знал, что на это ответить, и поэтому просто сделал еще глоток виски.

— Бывший уличный головорез,— вслух размышлял император,— и нате вам: выбился в капитаны императорской гвардии! Лихо взлетели, молодой человек. Очень лихо.

Он отпил немного виски и закончил свою мысль внезапным резким вопросом:

— А каковы ваши планы на будущее, капитан? — Тут он быстро предупреждающе поднял ладонь, прежде чем Стэн успел брякнуть какую-нибудь подобающую случаю глупость вроде «и дальше верой и правдой служить вашему величеству» или что-либо в том же духе.— Я имею в виду, не надоело ли вам тянуть военную лямку: вся эта проклятущая армейская тягомотина, хождение по струнке, непрестанные «есть, сэр», «так точно, сэр»...

Стэн пожал плечами.

— Для меня армия — дом родной,— сказал он, нисколько не кривя душой.

Император задумчиво кивнул.

— Мне подобная преданность знакома. Только я своим домом считал инженерное дело, а искусство убивать, слава богу, никогда не жаловал. Признаться, не люблю вояк. И никогда не любил. Даром что я верховный главнокомандующий такого количества солдат, какого вы себе... да, какого вы себе даже представить...

Он так и не закончил фразу — вместо этого осушил остатки виски в своем стакане.

— Короче говоря, я должен был стать инженером. И думал посвятить этому делу всю свою жизнь — чтобы оно стало мне навсегда домом родным.

Вечный император медленно покачал головой, словно изумляясь, что сохранил эти воспоминания более чем тысячелетней давности.

— Все имеет свойство меняться, капитан,— произнес он после некоторой паузы.— Вы и вообразить не можете, как все меняется в этом проклятущем мире!

Призвав на помощь все свои не ахти какие актерские способности, Стэн ответил многозначительным молчаливым кивком — дескать, как я вас понимаю! Император раскусил его игру и рассмеялся. Он потянулся к ящику своего письменного стола очень старинной работы и вынул бутылку совершенно прозрачной жидкости. Открыв пробку, властитель наполнил этой жидкостью два стакана — до самого края.

— Итак, вот заключительное испытание для вас, капитан Стэн. Миновали девяносто циклов вашей службы, юноша, и вот вам финальный тест. Осилите — и я вас зауважаю всерьез.

Император одним духом осушил полный стакан чистого спирта и с грохотом опустил его на стол. Теперь он внимательно следил за Стэном, который сперва осторожно нюхнул жидкость, слегка поежился — и послал этот белый огонь вниз по глотке.

Стэн залпом выпил содержимое стакана — и хоть бы поморщился. Поставив стакан на стол, он потянулся за бутылкой — налить еще.

— Крепенький напиток. На мой вкус, немного металлом отдает.

— Это из-за радиатора,— хохотнул император.— Я использую в качестве дистиллятора автомобильный радиатор. Для придания пикантного вкуса.

— О-о! — протянул Стэн с прежним непроницаемым видом.— Любопытно... Вы не возражаете, если я плесну себе еще?

Он налил еще два полных стакана и выпил спирт медленными глотками, словно это была обыкновенная вода. Император озадаченно наблюдал за ним.

— Бросьте,— сказал он не без нотки отчаяния в голосе.— Такого чистого спирта вы сроду не пробовали — и не вздумайте отпираться! Не дурачьте меня!

Стэн с невинным видом тряхнул головой.

— Вы правы, этот спирт и впрямь забористый,— согласился он.— Однако — уж вы не обижайтесь — пивал я напитки и покрепче.

— Например? — почти кипя от ярости, спросил император.

— Например, стрегг.

— Это что за проклятущая штуковина?

— Не знаю, помните ли вы такой народ — бхоры,— ответил Стэн.— Вот они этот стрегг и глушат.

— А-а, помню,— отозвался император.— Ребята, что населяют Волчье созвездие. Кажется, я им отдал в пользование какую-то звездную систему или что-то в этом роде.

— Да, что-то в этом роде.

— Ну и как пьется этот самый стрегг? Бьюсь об заклад, что мой самогонный спиртец куда лучше! У вас, часом, нет стрегга на пробу?

Стэн кивнул.

— Имеется. В моей комнате. Если вам действительно любопытно, могу отрядить курьера.

— Разумеется, любопытно!

Император поднял стакан для тоста.

— Чтоб моя матушка...— произнес он заплетающимся голосом,— чтоб у моей матушки... Ну-ка, повтори этот тост, который был принят у бхоров.

— Чтоб у моей матушки бородища выросла! — подсказал Стэн не менее заплетающимся голосом.

— Верно. Чтоб у моей матушки бородища выросла! — рявкнул император, охнул и ухватился за стол — подвластная ему империя вдруг закружилась перед его глазами.

— Проклятущий мноюгонный спирт,— нараспев сказал император,— ему, увы, далеко до стрегга, далеко! Стрегг — самое оно! У этих бхоров был еще один тожд... то есть тост. Чтоб мой папаша...

— Чтоб мой папаша зад себе отморозил! — снова подсказал Стэн.

— Не суйсь, сам помню... вот это тожжжд... тость... тост. Чтоб п-паша зад се заморозил! Ну и пойло этот стрехх...

Тут император поднес к своим губам пустой стакан и опрокинул его себе в рот. Потом отодвинул стакан от себя и обиженно воззрился на него. Наконец до властителя дошло, что стакан пустой. Это заставило императора встряхнуться и отчасти вернуть себе подобающий его величеству вид.

— Ну и нажрался я,— изрек он.

— Совсем косой,— подтвердил Стэн.— Со стреггом шутки плохи. Он тебя подстрегг... то есть вас... то есть я хотел сказать... дьявол, а который, бишь, час? Мне вроде как на дежурство...

— Ни на какое дежурство. Его величество будет недоволен. Его величество не терпит пьяных при исполнении. Если который пьяный — не люблю. Который пьет и пьянеет — таким не доверяю. И никогда не доверял!

Стэн таращился на него сквозь марево опьянения.

— Стал-быть, я уволен вчистую?

— Не-е. Не-е. Ежели стану пьяных увольнять — надо с себя начать. Вот протрезвеем — и уволю тебя к чертовой матери.— Импе-

ратор с кряхтением поднялся со стула. Его качало из стороны в сторону. Но он собрал волю в кулак и стал прямо.— Ангельская похлебка! Только она спасет твою карьеру.

— Что еще за ангельская похлебка?

— Тебе незачем знать. Если б ты про нее чего знал, есть бы не стал... Это яство заодно и рак лечит... Да-да, ведь и прежде знавали способы лечить рак!.. Короче, ангельская похлебка — это самое оно. Только она прочистит наши бедные мозги.

Выписывая кренделя, император двинулся вперед. Стэн последовал за ним — четким армейским шагом, но только с наклоном чуть ли не в сорок пять градусов.

В животе Стэна заурчало от голода, когда до него донеслись ароматы с кухни, которая находилась в императорских покоях и где его величество время от времени самолично стряпал. Пьяный в стельку, он зачарованно наблюдал, как отнюдь не менее пьяный император совершал цепочку чудес — малых и великих. Малыми чудесами были его колдовские манипуляции с разного рода неизвестными пряностями и травами; к большим чудесам относилось то, что император, приняв такую убийственную дозу стрегга, мог стремительно орудовать старинным французским ножом, шинкуя овощи с быстротой машины, а также отмерять на весах нужные ингредиенты... и при этом продолжать довольно оживленно болтать.

У Стэна в это время была одна обязанность: следить, чтобы стаканы со стреггом не пустели.

— Ударим еще по одной,— сказал император.— Не бойся — ангельская похлебка будет вот-вот готова.

Стэн сделал осторожный глоток стрегга и ощутил, как ледяная струйка расплавленным металлом прокатилась по его пищеводу. Но на этот раз, как ни странно, действие сверхмощного алкоголя было иным. Стэн сидел в святая святых императорских покоев — на его кухне, к тому же он сознавал, что пора вспомнить о своих обязанностях капитана личной охраны; оба этих соображения неожиданно частично протрезвили его.

Кухня императора была в четыре, если не в пять раз просторнее большинства стандартных кухонь в Прайм-Уорлде, где в нынешнем сороковом веке работали лишь компьютеры и роботы и весь процесс готовки был скрыт от глаз. Разумеется, в императорской кухне были некоторые современные элементы — встроенные шкафы, огромные холодильные камеры, открывавшиеся нажатием кнопки. Работала система абсолютной дезинфекции воздуха и всех поверхностей в помещении, а также суперсовременная система уничтожения отходов, которой император пользовался крайне редко. Обычно он сбрасывал очистки и все, что, на взгляд Стэна, было отходами, в один из контейнеров и совал его обратно в холодильник, а влажные отходы сгребал и сбрасывал в помойное ведро — дырявое, подтекающее, в чем Стэн со временем имел возможность убедиться.

Главной достопримечательностью кухни был огромный разделочный стол для рубки мяса — из дуба, очень редкой древесины. В середине разделочного стола находилась антикварная нержавеющая раковина. Установленная чуть ниже уровня столешницы, она постоянно омывалась струями воды,— когда император, рубящий мясо, сбрасывал туда ненужные мелкие кусочки, они немедленно исчезали в сливе.

Сразу же за спиной властителя располагался ряд огромных приспособлений для варки и жарки — плиты и печки: темные и массивные — из чугуна, сверкающие и изящные — из стали. Стэн разглядел одну печь, стены которой были толщиной в несколько сантиметров, рядом — большой электрический гриль и газовая плита с шестью горелками, которой пользуются повара-профессионалы, а дальше другой гриль — открытый, на дровах. Судя по легкому запашку в воздухе, печь работала на какой-то разновидности природного газа.

Стэн наблюдал, как император ловко управляется с продуктами, сопровождая все свои действия непрестанными комментариями. Если Стэн правильно уловил, готовить ангельскую похлебку начинают с того, что мелкими дольками нарезают чоризо — мексиканскую твердую колбасу. Затем чоризо вместе с большим количеством чеснока жарят в оливковом масле с добавкой тайского маринованного перца. Упоительно вкусные запахи разогретых специй защекотали ноздри Стэна, несмотря на то что он был все еще под отупляющим воздействием стрегга. Капитан охраны глотнул еще обжигающего напитка и усилием воли заставил себя вслушиваться в слова императора.

— Я когда-то считал,— говорил тот,— что пища — это всего лишь горючее для поддержания жизни. Ну, сам понимаешь: сосет под ложечкой, надо чем-то набить желудок, чтобы продолжать заниматься чем-либо серьезным.

— Вполне понимаю вас,— сказал Стэн, вспоминая тот период, когда он работал на Миге.

— Я так и думал, что ты меня поймешь. Я ведь был самым обыкновенным инженером в «медвежьих углах» космоса. Вкалывал почерному в экспедициях, организованных компанией, на которую работал, а во время отпуска слезал с девок только для того, чтобы к бутылке приложиться. Для смакования кушаний времени как-то не находилось. По мере того как я продвигался по служебной лестнице, командировки становились все продолжительнее. Я адски скучал вдали от цивилизации. И понял, что существует одна отдушина — хорошо поесть. А кормили стандартной пищей. Вот я и начал искать выход. Стал вспоминать, что готовили бабушка и дедушка. Мало-помалу восстановил их рецепты.

Император причмокнул губами.

— Даже странно, с какой цепкостью удерживаются в памяти запахи и вкус пищи, которую мы когда-то ели. Остается только исполь-

зовать свой язык в качестве точного прибора и проводить практические опыты, пока не добьешься желаемого результата. Как, например, с этой ангельской похлебкой. Еще не изобретено лучшего средства быстро протрезветь или мгновенно снять похмелье. Искусству готовить это чудо меня обучил один мексиканский пират. Впрочем, это уже другая история...

Он прервался, чтобы выпить глоток стрегга. Потом, улыбнувшись каким-то своим мыслям, лихо помешал чоризо на противне с кипящим маслом. После этого он продолжил свое дело: разрезал луковицы на пять-шесть долек, а помидоры — на четвертинки.

— Перескочим через чертову уйму лет. Это было после того, как я обнаружил АМ-два и начал сгребать в кучу все эти планеты, чтобы построить чертову империю.

У Стэна на мгновение закружилась голова. АМ-2 — антиматерия-два. Истоки империи. Ведь это все описано в видеокурсах истории — то, о чем так небрежно рассказывает этот человек, которому на вид не дашь больше тридцати пяти лет. Все эти вещи всегда казались Стэну красивыми легендами, в которых ни слова правды. Но вот он беседует с человеком, который — хочешь верь, хочешь не верь — самолично всю эту кашу заварил. И было это, черт возьми, почти двадцать веков назад!

А император продолжал рассказ, словно вспоминал о том, что было на прошлой неделе.

— Да, настало время, когда я почил на собственных лаврах — и было мне так скучно, что словами не передать. Я прибрал к рукам не меньше дюжины солнечных систем, все шло как по маслу. На моем банковском счету было несколько триллионов триллионов мегакредиток. Ну и что? Как по-твоему, способен ли один человек потратить хотя бы триллиончик триллионов? — Жестом он пригласил Стэна опрокинуть еще по стакану стрегга.— И вот, когда я совсем измаялся от скуки, до меня дошло, на что я могу потратить свои денежки. На изысканное гурманство. Одна беда — мне ничего не нравилось из кушаний, которые готовили в последние шесть-семь столетий. И тогда я начал самостоятельно экспериментировать. Восстанавливать в памяти старинные кушанья и воспроизводить их. Скупал книги с древними кулинарными рецептами и готовил все, что казалось заманчивым.— Император повернулся к морозильной камере, вынул оттуда полукилограммовый кусок кровоточащего мяса и принялся рубить его на кусочки.— Да, хорошая кухня — это серьезно. Отличный способ убивать время. Особенно если этого времени у тебя навалом.

Император выключил горелку под противнем с порезанной колбасой и чесноком и поставил на огонь другой противень с маслом, настоянным на большом количестве специй. Туда он добавил чуточку шалфея, немножко чабреца и тимьяна, потом рукой скатал в шарики несколько побегов розмарина и бросил поверх прочего. Получив-

шуюся смесь размешал, на секунду задумался, потом ссыпал на противень четвертинки помидоров и дал им прожариться. Затем он выключил газ под противнем, повернулся к Стэну и уперся в лицо молодого капитана задумчивым взглядом.

После долгого молчания император заговорил снова — обваливая мукой кусочки мяса и бросая их в миску со жгучим перцем.

— Вполне возможно, что с вашей точки зрения, капитан, я распространяюсь о вещах малоинтересных, о том, что было и быльем поросло. Словом, стариковская болтовня, которая нынешнему поколению совсем нелюбопытна.

Стэн хотел искренне запротестовать, но властитель остановил его царственным жестом. Это был монолог, а не диалог.

— Поверьте мне,— почти совершенно трезвым голосом сказал император,— мое прошлое кажется мне таким же свежим и близким, как вам — ваше. Так-то! А теперь перейдем к основной теме нашей сегодняшней беседы.

Он сделал короткое многоточие в своей речи — осушил полстакана стрегга.

— Мне хотелось бы знать, как идут ваши дела, капитан Стэн. Как вам эта чертова служба во дворце?

Мозг Стэна работал с максимальной скоростью. Параграф первый в неофициальном изустном учебнике «Как младшему офицеру выжить и преуспеть в армии» гласит: когда старший по званию офицер спрашивает твое мнение, не стесняйся — ври с три короба.

— Я очень доволен службой во дворце.

— Эх вы, врун проклятущий! — сказал вечный император.

Параграф второй упомянутого учебника выживания гласит: когда, бухая со старшим по званию, ты пойман на лжи, смело громозди новую ложь на старую.

— Нет, я нисколько не преувеличиваю. Я бы даже сказал, что ничего интереснее...

— Параграф второй у вас не пройдет, капитан. Кончайте вешать мне лапшу на уши.

В ответ на это Стэн выпалил:

— Этот дворец — нуднейшее место, переполненное занудами, да и вообще я терпеть не могу политику, пропади она пропадом!

— Вот так-то лучше,— улыбнулся император.— А теперь позвольте дать совет, который поможет вам сделать хорошую карьеру...

Тут он прервался, чтобы снова разжечь огонь под противнем с колбасой и чесноком. Как только масло стало опять закипать, властитель высыпал в него кусочки мяса, обвалянные в муке и пересыпанные жгучим перцем.

— Запомните первое: для своего возраста и чина вам дьявольски повезло, что вы попали во дворец.

Стэн раскрыл рот, чтобы выразить согласие, но императору было достаточно сурово зыркнуть на него, чтобы слова застыли у ка-

питана на губах. Помешивая кусочки мяса и дожидаясь ровной коричневой корочки, император продолжал:

— Подсказка первая: не задерживайтесь на одном посту. Если задержитесь, потеряете драгоценное время. Теперь мысль вторая: ваш нынешний пост, с одной стороны,— трамплин для блестящей карьеры, а с другой стороны — страшный тормоз для служебного роста. Кажется, это звучит так эффектно: «Уже начальник личной охраны его величества в таком-то и таком-то возрасте!..» Но вам придется столкнуться с вышестоящими — которые старше вас, одержимы завистью, и они станут распускать слухи, что я строю какие-то особенные планы относительно вас. Принимайте эти разговоры как неизбежное зло. А разговоры, несомненно, начнутся.

Император закончил с мясом. Теперь он взял огромный чугунок и вывалил все ингредиенты в него. Туда же были брошены нарезанный лук и помидоры. За ними последовали стручки красного перца, два-три стаканчика красного вина. Закрыв все крышкой и увеличив пламя до максимума, император довел похлебку до кипения и убавил пламя, чтобы кушанье дошло на медленном огне.

Присев рядом со Стэном и отхлебнув стрегга, он сказал:

— Не знаю, до какой степени вы осознаете это — и осознаете ли вообще, но у вас серьезный учитель в лице генерала Махони.

— О да! Я это сознаю,— заверил Стэн.

— Вот и хорошо. Вы пришлись ему по сердцу. Да и мне вы сейчас понравились. Неплохие результаты, молодой человек. Впрочем, не забывайте: я знаменит тем, что легко стать моим фаворитом и еще легче попасть в опалу. Я быстро загораюсь, но и быстро остываю к людям. Так что вам не следует слишком долго находиться у меня перед глазами. Когда дела идут из рук вон плохо, я порой ищу козла отпущения среди своего окружения. Иногда я совершенно искренне верю, что сам я безупречен и только мои подчиненные делают промахи.

— Мне случалось сваливать свою вину на других.

— А с кем такого не случалось? Жизнь мало-помалу учит молодых офицеров. Помои всегда стекают вниз. Эту простенькую истину нужно усвоить как можно раньше. И тогда вы будете знать, как быстро избавляться от помоев, когда заберетесь на самый верх.

Похлебка была наконец готова. Император встал и разливной ложкой наполнил две миски дымящимся кушаньем. У Стэна слюнки потекли. От смеси аппетитных запахов голова шла кругом. У капитана даже увлажнились глаза, когда император сперва поставил перед ним миску, а затем отрезал два огромных ломтя свежеиспеченного пшеничного хлеба и положил рядом с масленкой, полной свежевзбитого белейшего сливочного масла.

— Стало быть, программа ваша такова: хорошо справляться с нынешними обязанностями. А потом при первой же возможности

уйти из службы безопасности — и не иметь никакого отношения ко всем этим интриганам и людишкам, играющим в комедии «плаща и кинжала». Никто не достигал по-настоящему больших высот, если всю жизнь служил в органах безопасности. Я позаботился, чтобы это было именно так. Не доверяйте людям из службы безопасности. Никто не должен им доверять. Далее, переходите в летную школу. Нет, не вздумайте возражать! Я знаю, что вы обучены десантному делу и все такое. Я имею в виду совсем другое. Поступайте в космофлот и учитесь водить корабли.

Император не спеша намазал свой ломоть хлеба густым слоем масла. Стэн последовал его примеру, мотая на ус каждое слово, сказанное таким собеседником.

— Вам нетрудно будет получить чин капитан-лейтенанта. А потом можно дослужиться до капитана третьего ранга, потом стать командиром корабля и — чем черт не шутит! — при некотором везении даже командиром флагманского корабля. И уж тогда до чина адмирала рукой подать.

Стэну пришлось сделать большой глоток стрегга, чтобы скрыть свое волнение. Он — адмирал? Чокнуться! Еще никто не дослужился до адмирала, начиная с самого низа служебной лестницы.

Император снова наполнил стаканы до краев.

— К мнению своих адмиралов я прислушиваюсь. Так что хорошенько усвойте эти слова и возвращайтесь в мое окружение лет этак через пятьдесят. Может статься, я когда-нибудь стану выслушивать вас.— Император зачерпнул похлебку большой ложкой.— Ешь, сынок. Эта пища здорово прочищает мозги. Сперва уши огнем охватывает, потом серые клеточки мозга. А чтобы стать адмиралом, нужно много-много работать серыми клеточками.

Стэн проглотил первую ложку похлебки. Она обожгла его язык, жидким металлом потекла по пищеводу. В желудке ангельская похлебка взорвалась дьявольской атомной бомбой. Из глаз Стэна брызнули слезы, из носа сразу потекло, уши налились кровью и горели не меньше языка. Молекулы красного перца гонялись за молекулами стрегга и истребляли их подчистую.

— Нуте-с, как на ваш вкус? — спросил император.

— А что, если у меня нет рака? — выдавил Стэн, хватая воздух ртом.

— Ешь, парень. Если у тебя нет рака — не волнуйся, скоро заимеешь.

Глава 5

Императора мучили две неприятные проблемы относительно Прайм-Уорлда. Первую можно было сформулировать так: почему на планете-столице царит такой жуткий хаос? В течение десяти сто-

летий он успешно правил множеством звездных систем. Так почему же, черт возьми, нельзя в таком же порядке содержать эту проклятущую, по вселенским масштабам крохотную агломерацию городов, которые размещались на одной разнесчастной планете?

Вторая проблема: из-за чего все пошло наперекосяк?

Прайм-Уорлд являл собой классический пример того, как агломерация, растущая без четкого плана, превращается в бог весть что. Давным-давно, в те незапамятные времена, когда вечный император только-только довел до сознания всех людей, что он не только единственный, кто владеет топливом, подходящим для межзвездных перелетов, а именно АМ-2 — антиматерией-два, но также способен надежно оберегать секрет его изготовления от кого бы то ни было,— еще тогда, на заре его империи, он осознал, что Земля никак не подходит на роль столицы, тем паче столицы, призванной стать перекрестьем торговых маршрутов.

Он избрал планету, получившую название Прайм-Уорлд, по нескольким причинам. Она была необитаемой. Атмосферные и прочие условия на ней были максимально приближены к земным. Планету окружали спутники, которые могли стать идеальными погрузочно-разгрузочными платформами для транскосмического торгового флота. Вот почему император купил эту планету, до того — лишь пронумерованную точку на астрономической карте. Невзирая на то что к тому моменту он контролировал всего пятьсот — шестьсот звездных систем, император предвидел грядущее расширение своих владений. А с ростом империи неизбежно станет разрастаться и административный аппарат, бюрократия, будет увеличиваться штат вельмож при императорском дворе и так далее.

Чтобы будущий рост не застал врасплох, крайне разумным шагом было заполучить под столицу целую пустую планету. Следовало и распорядиться ею разумно. Поэтому к работе с самого начала привлекли самых талантливых архитекторов и планировщиков. Никакой скученности, много свободного пространства, широчайшие бульвары. Повсюду на планете должно быть невероятное количество парковых зон — как для красоты, так и во избежание загрязнения атмосферы. Сделали все, чтобы города, которым предстояло срастись, не превратились со временем в чудовищных размеров помойку. Участки земли сдавали в аренду сроком на сто лет. Никакое строительство не начиналось без предварительного одобрения городского совета, в который кроме архитекторов и специалистов по урбанистике входили также и экологи.

Прошло чуть больше тысячи лет — и, пожалуйста, Прайм-Уорлд превратился в чудовищных размеров помойку.

Причины до смешного просты: алчность, глупость и взяточничество — низменные черты людского характера, которые вечный император имел несчастье проигнорировать при планировке своей иде-

альной столицы. Если говорить цинично, император вовсе не нуждался в человеке, который сказал бы ему правду-матку, как тот раб, который в разгар триумфального входа в Рим осмелился шепнуть Цезарю, перекрывая восторженный рев толпы: «Все это мимолетно!»

Достаточно было ему самому совершить короткое, пятидесятипятикилометровое путешествие в Фаулер — ближайший от его резиденции город — и побродить по тамошним улицам. Подобно прочим городам Прайм-Уорлда, Фаулер представлял собой пестрый конгломерат одно-, двухэтажных домов и небоскребов.

Для иллюстрации: участок пятьсот на пятьсот метров, обозначенный в прайм-уорлдском земельном кадастре под шифром NHEBOFA13FFC2, был некогда продан в аренду правителю звездной системы Сандиа, большому любителю роскоши, который построил там что-то среднее между посольством и дворцовым комплексом. Но когда его отстранила от власти хунта со спартанскими вкусами, участок был сдан в субаренду Межзвездной торговой корпорации. МТК снесла дворцовый комплекс и выстроила небоскребище, ставший ее штаб-квартирой в столице. Однако со временем МТК стали преследовать неудачи — продавали не то и не там, корпорация стала хиреть, и ее руководство сдало большую часть небоскреба в субсубаренду массе фирм и фирмочек, работавших в масштабах какой-нибудь одной планеты или одной звездной системы. Наличие большого числа мелких арендаторов позволило вздуть до небес арендную плату. Дошло до того, что в качестве годичной ренты за офис из пары комнатенок выкладывали сумму, равную годичному валовому продукту какой-нибудь густонаселенной планеты.

Небоскреб МТК превратился в хаотический набор офисов — до тех пор, пока все субсубаренды не были выкуплены шахиней Хафиза, которая мечтала жить в собственной резиденции во время своих частых наездов в Прайм-Уорлд. Она снесла небоскреб и на его месте возвела очередной дворец.

Эта круговерть началась восемьдесят один год назад. И тем не менее в имперском земельном реестре участок все еще значится за свергнутым президентом звездной системы Сандиа, который вот уже сорок семь лет как насильно заключен в монастырь.

При наличии системы субаренды практически невозможно содержать здание в должном порядке. Квартирная плата достигает таких размеров, что квартиры, которые рассчитаны на одну семью, но одной семье не по карману, напоминают армейские казармы — столько в них жильцов.

Император старался как-то влиять на ситуацию, помогать нуждающимся. Он ясно сознавал, что даже в эпоху компьютеров и роботов требуется армия мелких чиновников, которым надо где-то жить и как-то сводить концы с концами. То и дело затевалось масштабное строительство дешевого жилья, но эти проекты как-то быстро

и незаметно прибирали к рукам всякого рода мерзавцы, и все кончалось пшиком — типичный пример того, к чему приводит полная свобода предпринимательства.

После восьмисот лет борьбы с практикой субаренды и провала кампании против взяточников, которые смотрели сквозь пальцы на отвратительные жилищные условия в городах, был наконец принят закон, резко ограничивший иммиграцию в Прайм-Уорлд. Разрешение на въезд получали только богачи, способные инвестировать большие деньги в экономику Прайм-Уорлда, или необходимые столице специалисты, или работники для заполнения новых рабочих мест. За соблюдением закона следили со всей суровостью. Это превратило жителей Прайм-Уорлда в потенциальных богачей. Любой из них — от чрезвычайного и полномочного посла какой-либо звездной системы, автоматически получающего вид на жительство в столице, до последнего уличного торговца — мог продать свою прописку за баснословную сумму и на эти деньги жить припеваючи в любом конце Вселенной.

Однако мало кто пользовался фантастической возможностью обогатиться. Праймуорлдцы гордились тем, что живут в центре Вселенной, им нравилось в Прайм-Уорлде. Большинство из них отнюдь не спешили продать свою прописку, предпочитая жить в бедности (правда, лишь относительной, ибо прожиточный минимум и право на элементарный отдых и элементарное жилище гарантировались государством), но не уезжать из столицы. Планета была центром цивилизации, здесь находился двор его величества императора Тысячи солнц. Ни люди, ни другие живые существа не рвались оставить навсегда оживленную столицу ради привольной жизни в провинции.

Иногда императору — спьяну, или после свары с придворными, или в припадке гнева — приходила мысль национализировать все строения на планете, осуществить генеральную чистку и снять ограничения на въезд в столицу. Но за этой мыслью всегда следовала другая: оголтелые капиталисты сумеют и национализацию повернуть себе на пользу. Как бы хуже не стало.

Словом, не буди лиха, пока спит тихо. Уж лучше жить с такими «малыми» неудобствами, как перенаселенность и устаревание городских карт в течение тридцати дней после их выпуска.

В довершение всех бед, в Прайм-Уорлде помимо городов и обширных парковых зон имелись частные усадьбы. Они тоже сдавались в аренду и располагались преимущественно вокруг императорского дворцового комплекса. Социальный статус вельмож негласно определялся близостью их усадьбы от императорского дворца.

Ближе всего к нему — в десяти километрах — находилось одно внушительное здание. Там заседал имперский парламент. Без парламента в государстве чего-то как бы не хватает, да и нужно нечто, оттеняющее блеск императорского двора. После того как вечный

император утвердил проект здания парламента, он повелел насыпать между своим дворцом и гнездилищем народных депутатов холм километровой высоты. Властитель смирялся с необходимостью иметь дело с представительной властью, но видеть ее днем и ночью из своего окна — избави бог!..

Если суммировать, Прайм-Уорлд был странноватым местом. Жизнь на столичной планете кое-как шла и не останавливалась. Хотите, считайте эту фразу похвалой, хотите — критикой.

Перевозку пассажиров между городами осуществляла пневмоподземка. Грузы перевозили гравитолеты. Товары из других звездных систем сгружали или на спутниках, или на искусственных космических причалах, которые понадобились в связи с расширением империи и соответствующим увеличением объема торговли. Затем эти товары или отправляли дальше на других грузовых кораблях, или опускали на поверхность планеты — в один из пяти портов.

Подобно всем портам в истории человечества, прайм-уорлдские порты если чем и славились, так это своей преступностью. Самый большой порт — Соуард был одновременно и ближайшим от Фаулера. В километре от соуардской взлетно-посадочной полосы располагался один из баров космопорта под названием «Ковенантер».

Как и во всех прочих городах Прайм-Уорлда, в Соуарде остро стоял вопрос перенаселенности и нехватки земли. Все вспомогательные помещения космопорта — залы ожидания, офисы, кафе, бары и все прочее — размещались прямо над огромными высокими пакгаузами, занимавшими более квадратного километра. На второй этаж, где, собственно, находился космопорт, вознесенный над складскими помещениями на хитрых переплетениях стального каркаса, попадали по пандусам — некоторые из них были оснащены движущимися лентами.

«Ковенантер» находился аж на третьем этаже. Чтобы попасть в этот бар, нужно протопать по пандусу, миновав первый, складской этаж, затем проехать на эскалаторе, а затем пешком преодолеть грязную, засаленную лестницу на третий этаж. Несмотря на эти неудобства, в «Ковенантере» было всегда людно.

Но не ночью.

Но не в дождливую погоду.

Годфри Алэн поднялся по эскалатору, отошел в сторонку, где было поменьше света, и остановился — проверить, нет ли за ним хвоста.

Прошло несколько минут, однако он не услышал ничего, кроме журчания потоков воды, стекающих по пандусу этажом ниже. Алэн получше запахнул водонепроницаемую куртку, но не спешил идти дальше.

Выйдя из своей комнаты в фаулерском отеле, Алэн посетил четыре снятые заранее «чистые» комнаты, где он мог на короткое вре-

мя ощутить себя в безопасности — переодеться, проверить наличие слежки. Похоже, за ним никто не следил.

Разведчик с опытом мог бы посоветовать Алэну менее разорительный способ ухода от хвоста, чем аренда четырех комнат. К тому же элегантный костюм и появление в районе космических доков делали его реальной жертвой грабителей.

Но Годфри Алэн шпионом не был, да и шпионские штучки-дрючки не очень-то уважал. В сознании большинства жителей империи он был отпетым террористом. В сознании своих товарищей-революционеров, в сознании своих соплеменников из Таана, большого союза звездных систем, и в своем собственном Алэн являлся убежденным борцом за свободу.

Как ни странно, свобода, за которую боролся Алэн, была ущемлена не вследствие политических интриг, а просто из-за перенаселенности Вселенной. В свое время звездные системы Таан были основаны на задворках известного тогда мира беженцами из империи, которые протестовали против тотальной технизации быта. Они выговорили невмешательство империи в их внутренние дела. Поскольку таанцы заняли группу отдаленных звездных систем, жили замкнуто, не высовываясь из своего мира и всем себя обеспечивая самостоятельно, то империи, занятой многочисленными проблемами, не было резона соваться в дела в техническом отношении слабо развитого окраинного союза. Но по мере того как у таанцев возникли трудности с перенаселенностью их мира, они стали искать новое жизненное пространство — и столкновение с империей стало неизбежным. Оно и произошло, как только первые таанские колонисты начали просачиваться на приграничные планеты империи, заселенные пока что горстками первопроходцев.

Между представителями двух очень несхожих культур достаточно быстро разгорелись конфликты — и обе стороны стали заваливать жалобами свои центральные правительства. Таанские власти сознавали, что для прямой военной поддержки претензий своих переселенцев у них нет средств, да и себе дороже рисковать открытым столкновением с империей. Империя, со своей стороны, тоже не желала слишком тратиться, чтобы оградить интересы имперских пионеров от посягательств таанских колонистов. Гарнизоны в местах конфликтов были чисто символически усилены немногочисленными пополнениями — не из лучших бойцов.

Алэн родился на планете в звездной системе Калтор — одной из тех, где столкнулись интересы Таана и империи. Поскольку таанские колонисты — в силу социальных традиций и из экономической необходимости — жили поблизости друг от друга и вообще держались кучно, у них были определенные преимущества перед имперскими поселенцами, менее дружными. Зато на планете стоял имперский военный гарнизон, да и вообще имперские первопроходцы ощу-

щали за своей спиной гигантскую межзвездную державу. Было обидно наблюдать, каких успехов добиваются юркие сплоченные таанцы — представители второсортного мира.

Подобные напряженные ситуации чреваты погромами. Во время одного из погромов родители Алэна были убиты.

Мальчик, видевший изуродованные трупы своих родителей и то, как начальство имперского гарнизона замяло очередной «инцидент», стал ходить в тайную школу. В этой школе учили, как превратить гравитолет в смертельный снаряд или в бомбу с часовым механизмом; как переделать космический тихоход — корабль-рудовоз — в быстрый трансзвездный аппарат; как из обычной стальной трубы соорудить миномет и как — едва ли не самый важный урок! — в массе трусливых обывателей организовывать многочисленные разветвленные ячейки тайного общества.

Мало-помалу движение сопротивления разрасталось, к нему подключались таанские колонисты на все новых планетах. Их выступления всякий раз официально осуждались далекими таанскими властями, которые втайне старались оказывать колонистам моральную поддержку и снабжали их немаркированным оружием, происхождение которого при провале было невозможно установить. Имперские поселенцы вкупе с «миротворческими» имперскими отрядами жестоко расправлялись с непокорными, но это лишь укрепляло решимость таанцев бороться до конца.

Алэн со временем возглавил таанское движение сопротивления. Через пятьдесят лет после того, как мальчик увидел трупы своих родителей среди руин родного дома, он стал лидером Освободительного движения Окраинных планет.

Как представителя мощного вооруженного объединения, борющегося против империи, Алэна пригласили посетить родину. Посещение планет родного — и в политическом, и в идеологическом отношении — Таанского союза разбило сердце Алэна. В случае успеха движения сопротивления именно Таанский союз должен был объединить все окраинные системы для решительной борьбы с империей. Однако на родине своих предков, куда он сам попал впервые, Алэн увидел совсем не то, что ожидал увидеть.

Прежде всего его повергло в уныние, что само правительство поощряет демографический взрыв. Ему не пришлись по нраву многие традиции в общественной жизни. Но главной причиной его разочарования стало отчетливое классовое деление таанцев, наличие непреодолимых барьеров. Выходец из колонии, где существовало стихийное равенство, где человека ценили только за способности и никому не был заказан путь на самый верх общества, Алэн был воспитан на понятии равенства возможностей. Умом он понимал, что классовая стратификация отнюдь не в традициях культуры таанского общества, возникшего когда-то из демократичных имперских пе-

реселенцев. Однако у него гвоздем засело в голове впечатление, что все таанцы довольны своим положением, принимают его безропотно: солдаты и не мечтают стать вровень с аристократией, представители низшего сословия — крестьяне и рабочие — не рвутся в купеческое сословие и так далее.

В сущности, это был классический конфликт представителя все еще развивающейся культуры с обществом устоявшимся, с обществом пусть и прекрасных, но застывших форм.

Такова была первая причина, почему Алэн вдруг сломался. Второй причиной стало то, что во время празднования Дня империи Алэн не столько умом, сколько своим нутром ощутил несложную истину, которую прежде упрямо не пускал в свое сознание: захоти того вечный император всерьез, и все революционное движение будет уничтожено в мгновение ока — просто истребят таанских колонистов всех до единого, чтобы ненароком не оставить на развод ни одного революционера.

Шесть месяцев назад Алэн начал совершенно секретные переговоры с временным послом империи. Сперва он намеревался обсудить возможности перемирия с империей и с теми из окраинных миров, которые она поддерживала. Однако на протяжении этих месяцев концепция перемирия в его сознании значительно изменилась.

Сегодня вечером он намеревался изложить специальному уполномоченному императора окончательный вариант своей новой программы. Не просто прекращение террористических актов и вооруженного сопротивления, а постепенное официальное признание его народа — таанских колонистов и легитимизация движения, возглавляемого Алэном. Приграничные миры следует признать независимой буферной зоной между Таанским союзом и империей.

До сих пор Алэн обсуждал проект перемирия лишь со старыми товарищами по борьбе и горсткой доверенных советников. Но таанская разведка могла без особого труда проведать о его планах, объявить Алэна контрреволюционером и получить добро на его физическое уничтожение.

Смерть лидера окажется на руку и многим из его давних врагов из имперского лагеря. Алэн смерти не боялся — пятьдесят лет партизанской жизни вытравили из души страх погибнуть. Но его приводила в ужас мысль, что он может быть убит до того, как изложит свой план императору.

Подготовка к встрече прошла тщательно и в строжайшей тайне. Алэна снабдили фальшивыми документами, на что было дано добро на самом высоком уровне, и он прибыл на Прайм-Уорлд в качестве одного из бесчисленных туристов, которые прилетали посмотреть на торжества, посвященные Дню империи, и поглазеть на диковинную жизнь планеты, где находится двор императора Тысячи солнц.

На всем протяжении празднеств в связи с Днем империи Алэну несколько раз передавали инструкции касательно предстоящей встречи, но делалось это так искусно, что он мог только догадываться, когда и как бумажки попадали в его карман.

Теперь он был относительно спокоен по поводу встречи с представителем императора, которая должна была состояться в космопортовской забегаловке. Возможно, в более или менее отдаленном будущем этот контакт с представителем императора окажется смертным приговором для Алэна. Но в данный момент сам император должен был опасаться, как бы кто не прознал, что его представитель общается с террористом — и не просто террористом, а с человеком, на которого коммандос из отряда богомолов дважды устраивали охоту, и оба раза безуспешно.

Хвоста за ним не было.

Алэн легко взбежал по лестнице. Сжимая рукоять пистолета под курткой, он оглянулся еще раз и проверил, нет ли слежки. Затем он двинулся дальше по эстакаде из частых стальных прутьев. Эстакада была широкая, метров десять, и между прутьями далеко внизу проглядывала земля. По обеим сторонам эстакады на разных уровнях громоздились стальные конструкции — кубы, параллелепипеды, разнесенные на некоторое расстояние друг от друга. Там находились офисы и небольшие мастерские — сейчас пустые.

Единственным строением над эстакадой был бар, оно же было единственным освещенным зданием. Над красным фасадом с облицовкой под дерево мрачно помигивали яркие объемные буквы: «КО ЕН НТЕР».

Алэн приближался к бару самым медленным шагом, стараясь держаться темной стороны эстакады. Но возле бара он не заметил ничего подозрительного. И похоже, ни одной живой души поблизости.

Мужчина наблюдал за входом в бар «Ковенантер» с недостроенного второго этажа складского помещения, которое находилось наискосок от эстакады. Он старался держаться в простенке между окнами — на случай, если кто-нибудь обследует район с помощью реагирующего на тепло бинокля.

Уже в течение двух часов взрывник то просматривал чуть ли не каждый сантиметр эстакады через прибор ночного видения, то ругал последними словами чертов дождь и самого себя — что взялся за эту работу. И сидел он в засаде подобным образом уже три недели подряд: приходил через два часа после наступления сумерек, а покидал свой пост лишь после закрытия «Ковенантера».

«Задницей я соображал, когда соглашался на эту мнимую халяву!» — думал взрывник не в первый и даже не в пятьсот первый раз. Вот наглядный пример, во что влипает человек, если он долго сидит без работы. Уголовная публика имеет на это особый нюх: они ка-

ким-то образом узнают, что профессионал на мели, и выползают из щелей, чтобы предложить дерьмовую работенку именно тогда, когда жизнь загнала тебя в угол и нет иного выбора.

Взрывника звали Динсмен. Хотя он воображал себя профессиональным специалистом по взрывным работам, на самом деле он занимался далеко не тем, что предполагает этот термин. Динсмен был коренным жителем Прайм-Уорлда и презирал понаехавших лимитчиков. О выходцах из бедных районов исстари принято говорить: «родились не по ту сторону от железнодорожного полотна». Так вот, Динсмен родился непонятно по какую сторону от железнодорожного полотна, потому что его старшие братья разобрали рельсы на ближайшем к родному дому участке и загнали их подпольному скупщику металлолома. Динсмен в то время был резвым и в целом очень сметливым пацаненком.

Если бы обстоятельства не складывались по-особенному, Динсмен пошел бы по дорожке, проторенной братьями и соседскими парнишками: начал бы с мелкого воровства, потом примкнул к шайке мелких бандитов, ежегодно представал перед судом и накопил бы столько судимостей, что в итоге его навсегда депортировали бы на планету-тюрьму.

Однако Динсмену, можно сказать, повезло. Счастье улыбнулось ему, когда в уличной пробке он высмотрел охраняемый грузовой гравитолет, выждал, пока охранник отвернется, выхватил из кузова один из ящиков и дал деру.

В ящиках были взрывпакеты для имперской гвардии. Взрывпакеты в полном комплекте — с таймерами, взрывателями и прочим плюс необходимые инструкции, как всем этим пользоваться. На кой все это сдалось мальчишке, который хотел загнать кому-нибудь краденый товар и заработать пару кредиток! Он сидел на крыше сарайчика и горестно глядел на ящик, ради которого пошел на великий риск — по крайней мере, в его глазах это был самый настоящий подвиг. И в итоге — пшик.

Но Динсмен не зря был коренным праймуорлдцем, из тех, про которых говорят, что они способны продать ветры после сытного обеда, выдавая их за экспериментальную музыку. Прошло немного времени, и Динсмен — ценой трех оторванных пальцев, пару раз наделав в штаны от страха и будучи вышвырнут из дома разъяренными родителями — стал настоящим специалистом по взрывчатым веществам. И мог доказать это любому сомневающемуся.

Таким образом, Динсмен приобрел верный кусок хлеба: занялся древней и почтенной профессией, примкнул к тем благородным душам, которые поворотом взрывателя превращали неудачные инвестиции, здания-развалюшки, космические корабли, ненужный инвентарь и т. п. в живые деньги, выплачиваемые страховыми компаниями. Клиентов у него было хоть отбавляй. На беду, самым солидным из клиентов оказался переодетый офицер имперской полиции.

Короче, так оно и пошло — оттрубив очередной срок, Динсмен снова принимался за свое ремесло сверхстремительной разборки надежно застрахованных строений и вещей.

С его опытом и природным чутьем было просто преступлением не заметить, что с нынешней халявой что-то не в порядке. Во-первых, наниматель был чересчур лощеным и безмятежно уверенным в себе и ничуть не напоминал заматерелого уголовника. И о Динсмене этот хлыщ знал на диво много — вплоть до того фактика, что Динсмен подзадержался на шесть циклов с выплатой карточного долга и тот, кому он задолжал, подумывал, не будет ли Динсмен выглядеть элегантнее, если его укоротить на голову.

Не будь Динсмен на мели, он бы послал хлыща с его работенкой куда подальше — о нем ходила слава как о человеке, который имеет достаточно силы воли, чтобы выйти из игры в кости даже тогда, когда игра идет его собственными кубиками с упрятанными в них кусочками свинца.

Седовласый хлыщ сказал, что работка не бей лежачего. Надо установить бомбу в баре «Ковенантер». Не просто бомбу, которая сделает громкий бабах и разнесет все на свете, а умную штуковину, у которой будет сложное задание. Затем Динсмену предстояло дождаться, пока в бар зайдет определенный человек. После чего следовало выждать строго заданное число секунд и нажать кнопку.

Только после этого Динсмену выдадут вторую часть его гонорара плюс фальшивое удостоверение личности и билет на космический корабль, чтобы убраться подальше из Прайм-Уорлда.

Динсмен снова осыпал проклятиями самого себя — чертов гонорар был слишком высок. Не менее подозрительным было и чрезвычайно дорогое оборудование, которое ему вручили: прибор ночного видения, спортивный секундомер самой дорогой марки, самая современная модель параболического микрофона с наушниками для прослушивания разговоров на большом расстоянии и опять-таки самый модерновый передатчик, с помощью которого предстояло взорвать детонатор.

До Динсмена мало-помалу доходило, что он сейчас как мелкая рыбешка, попавшая в бассейн с акулами. Но тут появился мужчина, который медленно шел по эстакаде в сторону «Ковенантера».

Динсмен внимательно изучал идущего мужчину. Ну-ка, ну-ка! За минувший час это первый человек, который направляется в бар. Одет с иголочки. Зажав в одной руке бинокль, Динсмен надел другой наушники и направил параболический микрофон в нужном направлении.

Алэн дошел до самого входа в «Ковенантер» и остановился. Из мрака навстречу ему вышел другой мужчина — Крейгвел, опытный дипломат, специальный уполномоченный императора по улажива-

нию конфликтов. Он был выряжен в спецовку космоинженера и держал руки перед собой, показывая, что безоружен.

— Инженер Рашид? — спросил Алэн.

— Да, я использую именно это имя.

Наискосок от них, на втором этаже недостроенного склада, Динсмен чуть было не пустился в пляс от радости. Наконец-то! После трехнедельных бдений! Наконец-то они явились! Он сорвал с себя наушники, включил радиодетонатор и взял в руку секундомер.

В то же мгновение, когда мужчины переступили через порог бара, Динсмен нажал кнопку таймера и отсчет секунд начался.

Глава 6

Десять секунд

Яниз Керлех, будучи совладелицей бара, выполняла в нем роли и повара, и барменши, и старшей официантки. Да и сам бар был ее творческим произведением.

Яниз отнюдь не назовешь обманутой деревенской простушкой из бедной семьи, которую жизнь заставила от стыда податься на большую планету, хотя она родилась и выросла на планете фермеров. Пятнадцать лет наблюдения за тем, как ее родители, занимавшиеся рубкой леса и обработкой древесины, от зари до зари рубят и пилят, рубят и пилят, заставили ее всерьез задуматься, как бы улизнуть из этого замкнутого круга изнурительной работы. Случай удрать явился в лице странствующего продавца, который сбывал дрессированных слонов, обученных перетаскивать древесные стволы.

Продавец слонов увез Яниз в ближайший городок. Девушке понадобилось всего лишь двадцать минут, чтобы сообразить, какая профессия там самая прибыльная, найти нужный оживленный угол и снять своего первого клиента.

Профессия девушки для утех ей ни секунды не нравилась — хотя бы потому, что она никак не могла понять, отчего большинству мужиков, которые отправляются на поиски платных приключений, никогда не приходит в голову предварительно почистить зубы. Но эта работенка была все же веселей, чем перспектива всю жизнь подбирать дерьмо за слонами и с тревогой заглядывать им в зад — как бы у них не случилось геморроя, который помешает как следует работать хоботами. Мало-помалу, подвизаясь в качестве ночной бабочки, Яниз поднакопила столько деньжат, что смогла передислоцироваться в Прайм-Уорлд.

К ее жесточайшему разочарованию, Прайм-Уорлд оказался не тем благословенным раем, где проливается золотой дождь — успевай только ладони подставлять. Профессиональных шлюх на планете-столице было видимо-невидимо. Хуже того, не было проходу от

шлюх-любительниц, которые готовы отдаться за что попало — скажем, за такую сущую нелепицу, как возможность быть представленной при императорском дворе.

Таким образом, Яниз Керлех переживала не лучшие времена, когда ей повстречался человек по имени Рашид, то чинивший космические корабли в доках, то летавший на них главным инженером. Проведя ночь-другую вместе, они обнаружили в своих характерах что-то общее и стали встречаться в других положениях, кроме горизонтального.

Говорят, что в постели языки развязываются. В моменты интимной откровенности Яниз Керлех взахлеб говорила о своей давней — двадцатилетней! — мечте. Она мечтала открыть собственный бар. Даже набрасывала на бумаге план заведения. Более того, вылепила из пластилина маленькую модель своего будущего бара и неоднократно восстанавливала ее, раздавленную офицерским сапогом во время очередного налета полиции нравов.

По прошествии года совместной жизни, когда сексуальные отношения, утратив прелесть новизны, стали способом дружеского общения, Рашид сумел не просто изумить ее, а вызвать у нее самый настоящий столбняк. Он протянул ей как-то банковский чек и сказал:

— Ты, кажется, мечтала о своем баре? Вот, возьми. Мы будем равноправными партнерами.

Рашид выдвинул единственное предварительное условие: одна кабинка — он предложил назвать ее кабинкой «Ч» — будет несколько отличаться от остальных: ее надлежит содержать в абсолютной чистоте.

Неизвестные люди в рабочих комбинезонах доставили и установили новейшие охранные электронные системы против подслушивания. Конструкция кабинки делала ее звуконепроницаемой; даже громкую беседу не было слышно в метре от столика. Специальные охранники раз в неделю перепроверяли всю электронную начинку кабинки «Ч».

Рашид сказал подружке, что хочет использовать особую кабинку для организации разного рода встреч. Никто не смел ее занимать, кроме самого Рашида, а в его отсутствие — кроме людей, которые называли его имя и особый пароль.

Яниз прекрасно сознавала, что корабельный инженер, даже главный, зарабатывает отнюдь не столько, чтобы потакать капризам своей подружки, бывшей проститутки высокого класса. Она догадалась, что Рашид прирабатывает чем-то не очень законным. Возможно, контрабандой. Или... а впрочем, какое ей до этого дело?

«Ковенантер» оказался заведением прибыльным — докеры и летный состав полюбили это тихое местечко, где можно было спокойно потолковать, а если вечерок становился интересней и кому-то при-

падала охота разбить чужой нос, то хозяйке и в голову не приходило вызывать наряд полиции, чтобы утихомирить забияк. До общих свалок не доходило, а с буянами справлялись сами посетители. Здесь же можно было подцепить девочек самых немыслимых цветов кожи, причем без риска подхватить от них что-нибудь экзотическое.

Рашид объявлялся от силы пару раз за весь прайм-уорлдский год, остальное время где-то пропадал, а где — о том помалкивал. Яниз пыталась вычислить, на какой именно посудине он сейчас летает, внимательно вчитываясь в колонки сообщений о передвижении кораблей, приписанных к соуардскому порту. Но ей никогда не удавалось связать имя своего дружка с каким-то космическим кораблем или конкретной транспортной линией. Да и раскусить, какого рода у него «друзья», она тоже не могла: кого только не было среди типов, беседующих в кабинке «Ч»,— от элегантных богачей до явных уголовников в обносках.

Вот почему, когда двое мужчин, Алэн и Крейгвел, попросили обслужить их именно в кабинке «Ч», хотя в баре были свободны все столики, она нисколько не удивилась и спросила их об одном: что господа будут пить?

Двадцать две секунды

Несколько недель назад Динсмен тайно проник в бар и приладил в нужном месте бомбу; тогда же он с секундомером рассчитал время взрыва. Итак, нужный человек заходит в бар. Это десять секунд. Оглядывается. Еще пять секунд. Идет к стойке бара. Семь с половиной секунд. Делает заказ. На все ушла минута. Вот он берет стакан и направляется к кабинке «Ч». Взрывник накинул немного времени на возможную очередь у стойки, если в баре вдруг окажется много посетителей. Поздним вечером в заведении никогда не бывало много посетителей, но Динсмен на всякий случай прибавил целых две минуты, чтобы не попасть впросак.

Алэн окинул взглядом батарею разных бутылок со спиртным и выбрал самый слабый напиток.

— Синтхэлк,— сказал он.— С водой. В высоком стакане. Льда добавьте по своему усмотрению.

Крейгвел, профессиональный дипломат, заказал то же. Следующие его слова обрекли обоих собеседников на смерть. А сказаны они были лишь для того, чтобы установить приятельскую атмосферу перед серьезными переговорами.

— Вы пробовали когда-нибудь метаксу?

— Нет,— ответил Алэн.

— В такой вечер этот напиток самый подходящий.

— Без наркотика? — подозрительно спросил Алэн.

— Чистый алкоголь,— сказал Крейгвел и шутливо добавил: — Хорош и для приема внутрь, и для чистки одежды.

Яниз налила им по стаканчику, а затем занялась приготовлением двух порций синтхэлка. Мужчины роковым образом задержались у стойки, вместо того чтобы сразу идти в кабинку «Ч».

Алэн поднял свой стаканчик:

— За мир!

Крейгвел искренне кивнул и осушил свою порцию метаксы.

Время истекло. Таймер зажужжал, и Динсмен нажал кнопку радиодетонации.

Мощное взрывное устройство, обложенное металлическими шариками, сработало. Двое мужчин и женщина погибли мгновенно, разорванные в клочья. Динсмен слегка переборщил с зарядом, и взрыв разворотил даже стену за стойкой бара.

Не глядя на руины, Динсмен побросал все свое оборудование в чемоданчик и побежал в дальний конец склада. Там он вылез из окна и проворно спустился по веревочной лестнице на землю. Нажал кнопку, крепление лестницы отстрелилось; лестница упала ему в руки и была немедленно спрятана в том же чемоданчике. Стараясь не выходить на освещенные участки улицы, Динсмен заторопился прочь, чтобы побыстрее спрятаться в своем любимом укромном местечке — в сердце прайм-уорлдского гетто, где проживали представители негуманоидных рас.

В ушах у него еще звенело от взрыва, и он не слышал стука башмаков с металлическими набойками по стальной решетке эстакады. Кто-то мчался в сторону руин того, что только что было баром под названием «Ковенантер».

За несколько мгновений до взрыва сержант Армус пытался смягчить оскорбленные чувства своего товарища из взвода спецназа. В секторе царило спокойствие, и их дежурства проходили настолько нудно, что казались своего рода дисциплинарным наказанием. А ведь они как-никак принадлежали к элитным частям спецназа. Предполагалось, что их будут посылать в районы повышенной криминогенной опасности, чтобы они наводили там порядок и передавали очищенный сектор обычным полицейским патрулям.

Вместо этого их заставили на протяжении целого месяца дежурить в районе, где было лишь чуть беспокойней, чем на кладбище. Сержант Армус в пятнадцатый раз выслушивал заунывное нытье своего капрала. Дескать, шеф спецназа Крегер, ясное дело, имеет зуб против них. В этом идиотском секторе ничего существенного не происходит, здесь для поддержания порядка достаточно одной патрульной «Черной Марии».

Армус чуть было не признался капралу, что в начале вечера почти теми же словами пенял на их положение своему приятелю. Да, бесспорно, у ребят есть причина скулить от досады. У Крегера, видать, совсем крыша поехала, раз он назначил их в этот сектор мо-

гильного покоя — как раз в то время, когда в другом месте в разгаре праздничные торжества, где всякое может случиться. Наверное, ведающий криминальной статистикой компьютер свихнулся и выкашлял неправильную информацию. А может, в этом районе живет девка Крегера, которая пожаловалась, что ее вечером на улице кто-то ущипнул за зад. Кто угадает, какие тайны сокрыты в немногочисленных извилинах мозга спецназовского капитана?

В целях соблюдения служебной субординации Армус держал свои горькие мысли при себе. Вместо этого он снова позаботился о том, чтобы ребята из его взвода меньше других дежурили сверхурочно. В обычных обстоятельствах совесть не позволила бы пойти на такое. Сейчас же весь отряд спецназа почти с самого начала праздничного марафона работал на пределе сил, лишних солдат не было, ребята валились с ног после продленных дежурств. Тем удивительнее тот факт, что взвод Армуса столько времени околачивается без дела в тишайшем секторе.

Но тут прогремел этот взрыв. Не успел он догреметь, а весь взвод уже мчался по пандусу, обогнул угол и рванул прямо к руинам бара «Ковенантер». Армус бросил один лишь взгляд на развороченную часть здания, и три мысли пронеслись в его голове: есть ли пожар? выжил ли кто после взрыва? понадобится ли машина «скорой помощи»? После этого он начал действовать.

Несмотря на то что не было никаких признаков пожара, сержант надавил рукой в стальной перчатке кнопку системы огнетушения, и больше тонны мыльной пены залило руины бара. Он прокричал своим подчиненным, чтобы они хватали в руки все, что может служить ломом, и растаскивали завалы, а сам включил микрофон радиосвязи — вызвать «скорую». Но слова замерли у него на губах — он увидел машину «скорой помощи», которая катила по эстакаде в сторону развороченного взрывом бара. С какой стати здесь эта машина? Ведь он еще не успел ее вызвать!.. Но размышлять было некогда. Армус отсоединил ремень безопасности и устремился к развалинам «Ковенантера» вслед за парнями из своего взвода.

Книга вторая

«Очко»

Глава 7

Дорогой Стэн!

Привет, дружище. Я так думаю, ты обалдел, что держишь в руках письмо от парня вроде меня, которого, кажется, и под расстрелом не заставишь написать пару строк. А повод такой — твой покорный слуга наконец получил давно заслуженное теплое местечко. И, смею добавить, это повышение по службе достойно потомка столь славных предков. Старший сержант Алекс Килгур — звучит, а? То-то, господин аж капитан! Уверен, ты и думать не думал, что я поднимусь до этаких высот!

Стэн невольно отодвинул письмо и уставился на него, не веря глазам своим. Килгур! Как же он сразу не догадался, что ему пишет старина Килгур! В жизни Стэн узнавал его по сильному шотландскому акценту. Но было бы странно ожидать, что Килгур и на бумаге сохранит свой акцент. Стэн рассмеялся и стал заинтересованно читать дальше.

Разумеется, старшим сержантам не по рылу пить с капитанами-задаваками роскошные напитки в роскошных офицерских клубах, но добрая пинта горького пива всегда остается доброй пинтой пива и пьется особенно приятно, когда знаешь, что твоя очередь угощать никогда не наступит. А я нигде не видал такого количества подхалимов, как тут. Но не мне отучать их угощать старшего сержанта. У меня такое впечатление, что в этих краях издревле свято соблюдается благородный обычай потчевать пивом старших сержантов. Разве можно идти против обычая?

Говоря по совести, это тепленькое местечко слегка действует мне на нервы. Терпение мое так истончилось, что уже тоньше ломтика хаггиса, который подают на крестинах у скупца. Начальство кинуло

меня куратором в чертов музей отряда богомолов. А ты сам знаешь, нужен пропуск первой категории, чтобы пройти хотя бы в предбанник этого музея, так что у нас посетителей — раз-два, и обчелся. Разве что заглянет какой-нибудь надутый чиновник из службы безопасности — отметиться по дороге из борделя в казино. Хотя тут среди посетителей нашлась одна такая киска... Впрочем, молчу, молчу. Килгур не из тех трепачей, что рассказывают о каждом поцелуйчике, особенно если его душечка по службе рангом выше.

Так или иначе, я нынче занимаюсь самым безопасным делом за все годы своей верной службы его величеству в качестве исправного головореза. И поверь, у меня шарики за ролики заходят от этой безопасненькой службки. Того гляди, ума решусь. Одно меня утешает — тебе, видать, не слаще на твоей работенке в прайм-уорлдском раззолоченном нужнике. Эх, боюсь, уж больше никогда нам не будет так хорошо после того, как они порушили нашу компанию — любимый наш тринадцатый взвод богомолов. Не хочу, чтоб кто-нибудь марал даже номер нашего взвода, этот номер пусть вообще не используют, а не то будут иметь дело с самим Килгуром!

Ты слыхал что-нибудь о других ребятах? Если твои новости старее моих, сообщаю, чего знаю. Бэт присвоили лейтенанта, она теперь целым подразделением верховодит — правда, какое задание она нынче выполняет, никто не ведает.

Что касается нашего милого Дока... Этот колючий пушистик изловчился получить годичный отпуск — якобы для научных ковыряний! Помнишь Стра'бо? Ну, та озерная раса! Жуткие дылды, которые питались только кровью и молоком. Уверен, помнишь! А помнишь, как наш симпатичный Док надрался этой крови с молоком и так забалдел, что мы животики надорвали? Короче, теперь он якобы изучает нравы этих озерян, а на деле дегустирует их традиционное пойло и не просыхает во имя Матушки Науки.

О ком я действительно ничего определенного не слыхал, так это об Иде. Когда срок контракта истек, она отказалась его продлить и исчезла с концами. Хотя немудрено — ей пришлось здорово поскрипеть зубами по ночам, когда начальство навешало на нее всех собак. Зато могу сказать про нее только хорошее — она вкладывала нашу с тобой добычу в ценные бумаги, и вот добрая новость: мою часть не зажилила, вернула со славным приварком. Я потратил одну увольнительную на то, чтобы перетащить эту чертову уйму денег. Если ты свою долю еще не получил — возрадуйся, она уже в пути. Нет, я взаправду, такая куча денег! Если она от тебя почему-либо прячется, ты только погляди колонки биржевых курсов — ежели какие завалящие акции вдруг стали резко падать или подниматься, лови того, кто их продает или покупает,— это наша пухленькая побирушка.

Ладно, спешу закончить, чтоб поспеть к ближайшей отправке почты. Надеюсь, у тебя все в порядке, дружище.

Твой верный Алекс Килгур

Стэн с улыбкой отложил письмо. Старина Килгур все тот же: ноет, когда посылают на горячее дело, и ворчит, когда получает синекуру. На него не угодишь. Но про Прайм-Уорлд он точно выразился — раззолоченный нужник. Внешне кажется, что Стэну подфартило — получил непыльную работу. Да уж больно она непыльная, эта его новая служба. До того, что страшно становится.

Стэн внимательно просмотрел досье своих предшественников на этом посту. Создавалось впечатление, что на протяжении последних столетий они палец о палец не ударили — тоска брала, когда он читал про их деятельность. Однако несколько раз кое-что все же происходило — и он не мог не заметить, что всякий раз заваривалась крутая кровавая политическая каша. После многих лет службы в отряде богомолов Стэн крови не боялся. А вот от политики он шарахался как черт от ладана.

Позабыв об игрушечных размерах своего кабинета, Стэн качнулся на стуле назад и крепко стукнулся затылком о стену. Он застонал — от сотрясения все милые прелести похмелья обострились до предела. Сегодняшнее его состояние было всем похмельям похмелье. Ангельская похлебка сумела только на время ослабить действие алкоголя и позволила ему вырубиться позже императора. На следующий день он умудрился выйти на работу, но к вечеру ему стало так паршиво, что он не нашел другого лекарства, кроме как снова напиться. Засыпая вчера ночью — точнее, впадая в беспамятство,— Стэн поклялся себе, что на следующий день и в рот не возьмет. Ни капли коварного стрегга не оросит его губы! Иначе — ухнет в запой. На самом же деле не по стреггу он тосковал, ему бы холодненького пивка!..

Он вымел мысль о пиве из своего сознания, хлебнул невинной воды, повел глазами по стенам своего кабинетика и наткнулся на портрет простоватой женщины. Про себя он опять надрывно застонал и попробовал найти более уютное прибежище своим рвущимся из орбит глазам. Но опять натолкнулся на испытующий взгляд все той же простоватой бабенки. Это была какая-то дьявольщина — куда бы он ни смотрел, везде натыкался на исполненный любви взгляд скуластой женщины с лицом недалекой домохозяйки.

Стены кабинетика были увешаны ее портретами — как объяснили Стэну, это было наследство от предшественника. Денщик Стэна Наик Раи уверял его, что предыдущий командир телохранителей императора был отличным человеком. Может, командиром он был прекрасным, зато художником — отвратительным. Никакого вкуса. Только человек без вкуса мог любоваться такой женщиной. Впрочем, Стэн думал так лишь поначалу, когда впервые рассматривал однообразные портреты на стенах. Пожив с неделю в обществе простоватой леди, он приказал убрать все портреты — если понадобится, взорвать стены, только бы убрать их, к чертям собачьим. Но ее образ стал преследовать его, и он вдруг по совершенно непонятной причине велел вернуть

картины на место. А когда это свершилось, до него внезапно дошла простая истина: предшественник действительно любил эту женщину, даром что она казалась такой бесхитростной.

Досье подтверждало: тот капитан был безмерно трудолюбив, преданный семьянин — и профессионал до кончиков ногтей, как и все занимавшие этот пост. Хотя он был постарше Стэна, ему были обеспечены долгие годы спокойной и многообещающей карьеры. Вместо этого он всеми правдами и неправдами добился перевода в приграничный гарнизон, где его карьере пришел бы конец, а незадолго до своего отъезда женился на женщине с портретов. Император был шафером на свадьбе.

Стэн нутром угадал, почему этот капитан сбежал в отдаленный гарнизон. Проведя несколько месяцев на службе при дворе, Стэн понял, что пост, который он занимает, может и должен занимать лишь холостяк или человек, которому плевать на жену и детей. Капитану личной охраны императора — если он не пренебрегает своим служебным долгом — дня не хватало, чтобы справиться со всеми многообразными обязанностями. И так было постоянно, изо дня в день. Вполне понятно, почему капитан, который педантично исполнял все положенное, вдруг взял да и удрал с простецкого вида дамочкой. Стэн считал, что его предшественник поступил мудро.

Если не обращать внимания на своеобразно украшенные стены, в остальном кабинет Стэна был типичным рабочим местом офицера-холостяка — груды личных вещей перемежались с вещами, связанными с работой. Нельзя сказать, что Стэн не знал, где что лежит. В его беспорядке был строгий порядок, присущий Стэновому дисциплинированному уму. Он всегда знал, в какую кучу сунуть руку, чтобы выудить нужную вещь или документ. Беда была лишь в том, что кучи имели обыкновение наезжать друг на друга и перемешиваться — совсем как его хобби.

Изучение по долгу службы многочисленных досье возбудило в Стэне аппетит к истории — истории как событий, так и людей. Интересовался он и военной техникой, без хорошего знания которой офицер в сороковом веке смешон. Будучи уроженцем Вулкана, планеты бесчисленных заводов, он невольно интересовался и техникой вообще. Словом, с момента отъезда с Вулкана он читал много и обо всем.

Две вещи в кабинетике особенно ясно иллюстрировали его профессиональные занятия и личные пристрастия.

Один из углов комнаты был полностью занят прислоненной к стене многократно сложенной огромной картой замка, окружающих его строений, подземной части всего сооружения, а также всех замковых коммуникаций. Эта гармошка из метровых секций показывала в двух измерениях все до последней мелочи — от залов и комнат до мельчайших закоулков в подвалах и даже незаделанных трещин в под-

земных туннелях. Стэн извлек эту пропылившуюся махину из архива в первый же месяц своей работы, когда понял, что сами чудовищные размеры замка и его недр не позволят ему самолично обойти все и все осмотреть — даже за десять лет службы. А если он не будет знать каждый сантиметр императорской резиденции, то не сможет по-настоящему эффективно выполнять свою главную задачу — обеспечивать безопасность его величества.

Заваленный другими вещами, на столе в метре от карты находился второй предмет, которому Стэн посвящал свои досуги — если таковые бывали. Этим предметом был очень дорогой мини-голопроцессор, самая дорогая вещь, приобретенная Стэном за всю его жизнь. А в небольшой коробочке, стоявшей рядом с мини-голопроцессором, лежали тысячи часов его упорного труда — дискетки с результатами ночных бдений.

В небольшой коробочке он хранил свои модели, потому что именно конструирование было увлечением Стэна. Не обычное склеивание моделек и размещение их в диораме, а создание полных, работающих и, можно сказать, живущих голографических моделей и целых голографических мирков — начиная от действующей модели старинного двигателя внутреннего сгорания и кончая моделью большой фабрики со снующими внутри рабочими. Каждая модель начиналась с набора компьютерных символов и кодов, которые оживали на большом голографическом экране.

Последним достижением Стэна была точная модель старинной лесопилки. Сперва он бит за битом кропотливо ввел в память компьютера все, что теоретически требуется для работы такой лесопилки,— в том числе и обязанности работников, их внешний вид, одежду, необходимые инструменты и запчасти. Запрограммировал и массу других деталей: например, износ ремней на приводах, склонность главного механика к пьянству и ошибки, которые он допускает с похмелья. Словом, фантазия его была ограничена только нехваткой свободного времени. Когда работа над программой завершилась и Стэн наконец, введя дискетку в щель голопроцессора, включил аппарат, на экране заработала настоящая лесопилка. Однако стоило Стэну зазеваться и вовремя не исправить какой-нибудь ошибки, как тут же один из рабочих спотыкался или бревно застревало в люке, и тогда все сооружение разваливалось на хаотические вспышки тысяч цветных точек.

Стэн виновато покосился на коробочку с дискетками. С тех пор как он стал главным телохранителем императора, ему удалось посвятить своему увлечению от силы несколько часов. Вот и сейчас времени совсем нет — пора приступать к работе.

По нажатии кнопки на дисплее перед ним появилось меню последних новостей. «ТЕРРОРИСТ ПОГИБАЕТ ПРИ ВЗРЫВЕ В КАФЕ КОСМОПОРТА».

Стэн вызвал на экран эту историю и быстро изучил детали происшествия. Впрочем, подробностей было мало. Сообщали лишь, что известный террорист Годфри Алэн, одна из самых заметных фигур среди революционеров Окраинных миров, стал жертвой несчастного случая в каком-то космопортовском занюханном баре. Высказывалось предположение, что погибли еще несколько человек, но их имена до сих пор неизвестны. В информации было больше пустых догадок — а именно, с какой целью Алэн прибыл на Прайм-Уорлд и что он делал в таком третьесортном заведении, как «Ковенантер».

Стэн зевнул от скуки. Его совершенно не интересовала судьба какого-то террориста. Хотя в свое время он поквитался со многими террористами, отправив их на тот свет. Сдох этот Годфри Алэн — туда ему и дорога. Однако капитан не преминул заметить, что нет никаких официальных версий гибели Алэна.

Стэн был уверен в одном — газетчики ошибаются насчет несчастного случая. Террористам несвойственно погибать случайно. Лениво подумалось: «А может, это кто-нибудь из отряда богомолов отправил Алэна на небо — встретиться с Творцом, главным революционером Вселенной?»

Стэн еще раз зевнул и хотел было потянуться, но тут зазвонил телефон. Император желал его видеть. Немедленно, и даже еще быстрее.

Глава 8

Вечный император был мало похож на того человека, с которым Стэн так лихо пьянствовал. Сейчас он выглядел намного старше — кожа на лице обвисла, глаза ввалились. Даже отличный ровный загар плохо скрывал сероватый тон императорского лица. Но еще важнее — этот новый человек, которого Стэн исподтишка разглядывал, был суров и мрачен, и чувствовалось, что под маской внешнего благообразия кипит жгучая ненависть, которая, того и гляди, выплеснется.

Стэн заерзал в кресле. В ситуации чувствовалось нечто пугающее, даром что Стэн ума не мог приложить, что вывело императора из себя и что тот намерен предпринять. Стэн только надеялся, что не станет главным участником предстоящих событий и гнев монарха обрушится не на капитана личной охраны. Очень не хотелось, чтобы все внимание разъяренного властителя сосредоточилось на его персоне.

— Вы, надо думать, читали это,— ледяным тоном произнес император, толчком руки посылая Стэну через весь стол бумагу с информационной распечаткой.

Стэн быстро пробежал глазами факс — знакомый ему отчет о гибели Годфри Алэна. Озадаченный, он еще раз перечитал текст — одни эмоции и очень мало фактов.

— Да, ваше величество, я в курсе.

— Вы знаете во всех подробностях, что это был за человек?

— Нет, ваше величество. Я знаю лишь то, что он был террористом и сучком в нашем глазу на протяжении долгого времени.

— Вам бы полагалось знать намного больше! — возмущенно фыркнул император.— Ну да это несущественно. Я разрешаю вам доступ к его секретному досье. После разговора со мной внимательно просмотрите эти документы.

Тут голос властителя мгновенно сорвался на крик:

— И я желаю видеть перед собой людей, которые все это допустили! Я хочу, чтобы все эти козлы стояли у меня на ковре — и не завтра, и не сегодня, а уже вчера! Чтоб все эти придурки были здесь, связанные за яйца в один вонючий букет! Вам ясно, капитан? Чтоб все эти мерзавцы были здесь, связанные за яйца! И потуже затяните веревку!

Стэн машинально кивал. Но потом одернул себя: что ж это я, как китайский болванчик, головой киваю... ведь я ничегошеньки не понимаю! Шестое чувство, отвечающее за выживание в трудных ситуациях, подсказало ему, что нельзя скрывать свою полную растерянность.

— Простите меня, ваше величество, но я не улавливаю, что происходит. Может, мне неизвестно что-то важное... Я никак не возьму в толк, какое отношение имеет Годфри Алэн к капитану личной охраны императора?

Лицо властителя исказилось яростью, и он стал подниматься из своего кресла. Но потом, взяв себя в руки, глубоко вдохнул и снова сел. Было заметно, что он совладал со своим гневом.

— Да, вы правы, капитан. Я напрасно горячусь.— Тут он сделал еще один глубокий вдох и продолжил: — В таком случае, ладно, я попробую объяснить. Этот... хм... несчастный случай принесет всем нам большие неприятности. Но если вы верите, что это был на самом деле несчастный случай, скажите мне об этом прямо — и я выставлю вас вон за профессиональную непригодность.

— Нет, ваше величество,— отрицательно мотнул головой Стэн.— Мне не кажется, что это был несчастный случай.

— То-то и оно. А теперь давайте я ознакомлю вас с закулисными обстоятельствами. Надеюсь, не надо предупреждать, что все сообщенное мной должно остаться между нами. Ну-с, начнем с того, что Алэн прибыл сюда для встречи со мной.

Стэн был огорошен этими словами. Чтобы вечный император назначил переговоры террористу?! Это никак не вязалось с официальной имперской политикой. Но тут Стэн осознал, кто устанавливает эту самую имперскую политику, и мудро промолчал.

— У этого типа был проект — и, уверен, очень серьезный проект, иначе бы я так не кипятился! — проект, как уладить наши проблемы

с Таанским союзом. Говоря очень коротко, он намеревался создать — под моей эгидой — буферную зону из Окраинных миров между Таа-ном и империей.

— Но ведь такое предложение превращает его в предателя таанских интересов!

Вечный император мрачно усмехнулся.

— Человек может быть предателем в глазах одних и патриотом в глазах других. Судя по всему, даже до таких тугодумов, как Алэн и его молодчики, наконец дошло, что их народ просто используют в качестве пушечного мяса. Каждый раз, когда происходят инциденты и мы начинаем мстить, таанским колонистам достается на орехи, а Таанский союз официально в стороне. Народ Алэна расплачивается за все и ничего взамен не получает.

— Так значит, он договорился о секретной встрече с вами? — сказал Стэн, когда император сделал паузу.— Должно быть, таанцы проведали об этом и убрали его.

— Вряд ли все так просто. Да, он собирался встретиться со мной. Но прежде должен был провести переговоры с моим доверенным лицом, одним из лучших дипломатов по имени Крейгвел.

— Именно его труп был среди неопознанных тел после взрыва в баре? — высказал догадку Стэн.

— Верно. И его труп должен остаться неопознанным. Я имею в виду, официально неопознанным.

— А должен ли я знать, кто еще погиб в баре?

Император надолго задумался. Потом решительно покачал головой — нет!

— Займитесь исключительно Алэном и Крейгвелом. Все должно было происходить следующим образом. После обмена паролями Алэн и Крейгвел прошли бы в кабинку «Ч». Эта кабинка была зарезервирована для них и проверена на безопасность. Затем Алэн должен был изложить свой план. Если бы Крейгвел убедился в искренности Алэна, тогда мы перешли бы к следующему этапу. А именно — к прямым переговорам со мной.

— Но тут вмешались таанские спецслужбы,— сказал Стэн.

— Возможно. Однако не спешите все валить на таанские спецслужбы. В этой истории замешано по меньшей мере пять заинтересованных сторон — и каждая из них имела резоны сорвать переговоры.

Не исключено, что взрыв — дело рук таанцев. Однако не исключено, что это сделал и кто-то из наших. Впрочем, Алэна мог убить и кто-то из его соотечественников. Короче, вам предстоит узнать точно, кто стоял за всем этим.

— Но почему именно мне, ваше величество? Это работа для профессионального сыщика. А я отнюдь не сыщик. Я понятия не имею, с чего начинают в подобных...

— Нет, капитан. Эта работа не для полиции. Ситуация слишком щекотливая. Полицейские ищейки уже работают. Им предписано найти несколько подозреваемых, доказать их вину и соответственно наказать.— Император наклонился к Стэну, чтобы подчеркнуть свои следующие слова.— Да, это будут козлы отпущения. Мне плевать, замешаны они в деле или нет. Просто надо кого-то скормить общественному мнению. Так что если вы обнаружите истину, она, скорее всего, застрянет под грифом «совершенно секретно» на ближайшие сто лет.— Он вперился в капитана холодным изучающим взглядом.— Вы четко поняли, что я вам сказал?

— Да, ваше величество,— отчеканил Стэн, срываясь с кресла и вытягиваясь по стойке «смирно».— Если это все, разрешите идти, ваше величество.

Он щелкнул каблуками и взял под козырек.

— Да, капитан. Это все. Пока что все.

Стэн круто повернулся и решительным шагом покинул кабинет императора.

Глава 9

— Пей, братва,— выкрикнул Динсмен.— Сегодня я плачу за всех!

Он забарабанил кулаком по столу, чтобы привлечь внимание бармена, и жестом заказал еще шесть больших кружек наркопива с добавкой синтхэлка. Приятели громко зашипели в знак одобрения. Динсмен с восторгом наблюдал, как Юсайдж, его самый близкий друг в собравшейся за столиком компании, схватил наполненную до краев большую кружку, распахнул пасть и одним духом влил в себя литр наркопива — даже не запыхавшись.

— Молодчина, Юсайдж! Так держать, старина! Ребята, пейте до дна, освобождайте кружки для новой порции!

Вообще-то выдуть литр наркопива одним глотком не такой уж большой подвиг для Юсайджа и его приятелей. Их безразмерные желудки могли растягиваться до бесконечности — существа с Псауруса глушили алкоголь в умопомрачительных количествах и без внешних признаков опьянения. Разве что, обычно лиловые, становились темно-лиловыми.

Юсайдж улыбался во всю пасть, заголяя ряды заостренных зубов, формой напоминающих зубья пилы.

— Дорогой Динсмен, я не хочу соваться не в свое дело,— произнес он шипящим голосом,— но сегодня ты швыряешься пачками денег такой толщины, что они могли бы застрять в пасти любого из нас.— Юсайдж показал жестом в сторону своих желтоглазых соплеменников.— Резкий рост твоего благосостояния радует нас безмерно. Однако...

— А-а! Ты хотел бы спросить, не можете ли вы тоже поучаствовать в моем «росте благосостояния»? — перебил его Динсмен.

— Да, старик, было бы здорово, если б ты подсказал нам, где можно так обогатиться. А то в нашем бизнесе какой-то застой.

— Увы, старина. Мне подвернулась только одноразовая работенка. Но зато какая! О такой всю жизнь мечтаешь. Пока я получил только аванец, а через несколько часов мне отвалят всю суммищу — остаток жизни буду как сыр в масле кататься!

Юсайдж постарался скрыть свое разочарование — что было трудной задачей: ведь у псаурусцев что в голове, то и на теле: кожа начинает как бы светиться, когда это существо переживает неприятные эмоции. Динсмен заметил, что тело приятеля лучится, и потрепал его по лапе.

— Ну-ну, не огорчайся. Динсмен не такой человек, чтоб старых друзей позабыть. Я ваш бизнес оживлю, факт. С моими деньжищами у нас дела пойдут — ого-го! Если у вас, ребятки, есть дельные предложения, но не хватает деньжат провернуть дельце, так вот он я — к вашим услугам. Дадите мне скромный процентик, ну там кое-что с прибыли, если все пойдет очень о'кей.

Кожа Юсайджа приобрела обычный оттенок. Сказанное Динсменом пришлось ему по душе. В уголовном мире Прайм-Уорлда если кто и давал деньги под проценты, так это были бешеные проценты — и упаси бог просрочить срок возвращения долга: расправа будет короткой и страшной!

— Друг, ты сказал очень правильные и хорошие слова. Мы обязательно обсудим это попозже. А пока прощай...— Юсайдж поднялся из-за столика — ростом он был за два с половиной метра. Длинным языком — сантиметров тридцать, не меньше,— он сделал жест приятелям: следуйте за мной.— Это ты, старина, теперь богатенький, а нам приходится потеть, чтобы платить за жилье.

— Что-нибудь приличное?

— Куда там. Угол на складе одной фирмы.

Динсмен вздохнул, показывая свое сочувствие, и проводил взглядом приятелей, которые проворно уползли из бара, длинными хвостами подметая пол. Он взглянул на часы — до встречи оставалось еще два часа. Досадно, что у Юсайджа и ребят дела, он надеялся, что скоротает время до встречи в их компании,— терпеть не мог ждать в одиночестве. А сейчас он просто сгорал от нетерпения. К тому же в его голове, хотя он еще не осознал это окончательно, робко звенел сигнал тревоги: не расслабляйся, рано расслабляться.

Динсмен заказал еще выпивку, сунул монетку в щель новостника, решил с помощью «мыши» выбрать в спортивном меню передачи, которые хотел бы посмотреть, и подавил зевок — выбирать было практически не из чего. Сразу после марафонского празднования Дня империи в спортивной жизни наступило временное затишье, особенно в тех видах, где имелся тотализатор. Разочарованно чмокнув, Динсмен перешел в раздел общих новостей. Обычно он мало чем

интересовался, кроме тех событий в Прайм-Уорлде, которые могли непосредственно отразиться на его судьбе. Жизнь «правильных» была ему до лампочки. Но может, что-либо интересное произошло в мире представителей его профессии? Он пробежался по меню, отыскивая все, что касалось преступности. Искать долго не пришлось. Новостью номер один был взрыв в баре «Ковенантер». Черт! Вот свинство! Мужики, которых он угробил, были завязаны на политике. И крепко завязаны!

Динсмен машинально опрокинул в рот порцию синтхэлка и потом почти так же машинально подавил подступившую к горлу тошноту. Спокойно, парниша, спокойно. Думай, не паникуй. Думай, черт тебя подери!.. Но первой пришла мысль, что ему теперь хана. Когда он через два часа пойдет за платой, его будут ждать не деньги, его будет ждать смерть. С ним, так сказать, расплатятся сполна и окончательно.

Динсмен поспешно обдумывал варианты действий. Ясно одно: следует удовлетвориться той пачкой банкнот, что шуршит в кармане, и не раскатывать губу на другие. Надо срочно уходить на дно. Но хватит ли полученного аванса на оплату безопасной «берлоги», где можно надолго залечь? И как долго его преследователи будут помнить о нем? Динсмен невольно застонал — он знал точный ответ на этот вопрос. Его подставили так же профессионально, как Годфри Алэна. Такие ребята о нем не позабудут, пока кишки не выпустят.

Выход был один, и этот выход пугал его не меньше, чем мысль о человеке с каменной физиономией, который скоро будет с неумолимостью робота идти по его следу. Динсмену надо было немедленно сваливать из Прайм-Уорлда.

Глава 10

Лейтенант Лайза Хейнз из отдела по расследованию убийств горела желанием кого-нибудь пришить. В настоящий момент она не знала, кого именно, но ей хотелось совершить это каким-либо оригинальным способом — скажем, медленно-медленно опустить свою жертву в кипяток. А потом не спеша, со вкусом выпотрошить этому подонку все внутренности, добавила она мысленно, когда бронемашина с императорским гербом на боку резко притормозила у обочины.

Человек, вышедший из бронемашины, ничем не напоминал того напыщенного пузатого бюрократа, которого она ожидала увидеть, когда ее начальство сообщило, что в расследовании будет принимать участие специальный императорский представитель. Мужчина, идущий к ней, был молодой, стройный и одет в скромный коричневый комбинезон — униформу служащих императорского двора. Похоже, он не был вооружен.

Стэн, со своей стороны, сознательно избрал особую линию поведения — предельная деловитость. Он лишь краешком сознания зафиксировал, что лейтенант была женщиной примерно его возраста и при других обстоятельствах он назвал бы ее весьма хорошенькой. Однако сейчас Стэн пребывал в полушоковом состоянии. Он так и не понимал до сих пор, почему император приказал заняться данным делом именно ему, человеку без малейшего опыта следовательской работы, не имеющему ни малейшего понятия о процедурах, связанных с расследованием убийства. До не такого уж давнего времени жизнь Стэна складывалась так, что ему было куда привычней уничтожать улики за собой, чем собирать их на кого-то.

С самого раннего детства Стэн на дух не переносил легавых, начиная с бээспов — «блюстителей социального порядка» — на его родном Вулкане и полицейских, с которыми он схлестывался на Мантисе, и кончая армейской милицией, гонявшей торговцев наркотиками и проституток, которые ошиваются вокруг военных частей.

— Капитан... э-э... Стэн?

Он тоже умел играть в эти игры.

— А-а... лейтенант... э-э... вам не трудно напомнить свою фамилию?

— Хейнз.

— Да, вспомнил, Хейнз.

— Я полагаю, вы желаете ознакомиться с моим рапортом,— сказала Лайза и, не дожидаясь ответа, протянула ему электронную записную книжку.

Стэн сперва сделал вид, что разбирается в куче шифров и меток, заполняющих экран, потом сдался.

— Будьте добры, расшифруйте ваши сокращения.

— Извольте. Двадцать сорок три — подразделение спецназа семь игрек докладывает о взрыве. Двадцать сорок семь — командир подразделения спецназа доложил то-то и то-то, отвечено то-то и то-то, машина «скорой помощи», подозреваемых не зафиксировано, описание места происшествия, описание находок на месте происшествия...

Стэн взглянул туда, где прежде стоял бар «Ковенантер». Площадка, на которой располагался бар, была забрана во что-то вроде громадного прозрачного пузыря. Со стороны помоста в надувном куполе имелся входной шлюз.

— При убийстве всякое расследование начинается с консервации сцены происшествия,— пояснила Хейнз.— Мы покрываем нужное место куполом. Если вас интересуют детали, могу добавить, что из-под купола откачивают воздух и заменяют его нейтральным газом.

— Можете не сомневаться, что меня интересуют все детали, лейтенант.

Стэн взялся во второй раз перечитывать рапорт, однако понял не больше прежнего. Рапорт напоминал тот педантичный бред, который пишут командиры в отчетах о законченном сражении. Стэн принялся читать рапорт в третий раз.

— Хотите осмотреть место происшествия, капитан? Я могу все показать. Но там, кстати, черт ногу сломит. Да и куски мяса по стенам. Словом, зрелище не для слабонервных.

— Если меня начнет мутить, я поставлю вас в известность.

Скафандры для работы под куполом несколько напоминали костюмы аквалангистов для работы на небольших глубинах, с той разницей, что повыше солнечного сплетения был привешен короб для вещественных доказательств, а в верхней части груди имелся выступ, из-за чего работающий в таком костюме со стороны напоминал зобатого голубя. Этот выступ сложной формы служил крохотным рабочим столиком, куда следователь мог класть свои записи, магнитофончик и тому подобные вещи. За спиной был рюкзак с запасом воздуха и электробатареи.

Застегнув скафандр, Стэн последовал за Хейнз через воздушный шлюз к развалинам «Ковенантера». Разумеется, Стэн не впервые обследовал место взрыва, но впервые он при этом не думал, как побыстрее убраться отсюда, и не ожидал увидеть через несколько шагов следы другого взрыва и новые трупы. Еще много-много лет назад он научился не обращать внимания на эти серые, розовые или желтые веревочки и ленточки, какие-то змеящиеся кусочки и раскрошенные кости — части того, что было человеческим лицом, человеческим телом.

Стэн мысленно восстанавливал планировку бара. Здесь, похоже, была дверь. Эта штуковина, вероятно, служила стойкой. А вон там... да, именно там были кабинки со столиками.

Под куполом находились еще двое полицейских в скафандрах — они прилежно стирали пену с пола и стен.

— Вы правы,— примирительно сказал Стэн.— Зрелище не для слабонервных.

— И расследование не для слабонервных,— с неожиданной горечью сказала Хейнз.— Это не расследование, а бардак.

— Простите?

— Капитан, я хочу сказать...— Хейнз осеклась, отключила сперва свою радиосвязь, затем микрофон Стэна. После этого она вплотную прижалась своим лицевым щитком к его щитку.— То, что я хочу сказать, информация только для вас. Здесь все так разнесло взрывом, что вероятность обнаружить какие-либо улики близка к нулю.

— Знаете что, лейтенант,— задумчиво произнес Стэн,— если бы вы не отключили микрофон, прежде чем сказать то, что вы сказали, я бы решил — вы организовываете себе алиби. Это очень в духе полицейской ищейки. Ну а так я что-то не пойму, куда вы клоните.

Хейнз подумалось, что, быть может, этот спецпредставитель императора не будет такой уж занозой в заднице, как ей представлялось раньше.

— Капитан, тут все яснее ясного. Когда полицейский офицер прибывает на место убийства, он совершает цепочку стандартных действий: прочесывает округу в поисках убийцы, вызывает бригаду «скорой помощи» и так далее. Затем он обязан немедленно официально зарегистрировать факт убийства. Только после этого в дело вступают следователи. В данном случае ничего подобного не произошло.— Она беспомощно взмахнула рукой.— Спецназ был тут вчерашним вечером за несколько минут до двадцати одного часа. И официально не фиксировал убийства в течение десяти часов!

— Почему?

— А кто же его знает почему! — сказала Лайза.— Но у меня есть свои догадки.

— Поделитесь.

— Спецназовцы воображают, что они лучше прочих. Как же — часть императорской гвардии! Я полагаю, они решили так: раз уж мы первыми прибыли на место происшествия, мы сами и следствие проведем.

Стэн мысленно пробежался по ее рапорту и спросил:

— А спецназовский патруль в этом секторе — обычное явление?

— Нет, они тут появляются редко. Только в случае серьезных беспорядков или когда требуется повышенная безопасность в секторе. Еще при вспышке преступности.

— А сейчас?

— Сержант спецназа сказал, что его подразделение патрулировало космопорт по периметру — и в течение трех недель ничего не случалось.

Странно. Стэн размышлял так: поскольку в последние две недели шла суета вокруг подготовки к Дню империи, создается впечатление, что это подразделение спецназа послали патрулировать космопорт по сущему недоразумению. Из собственного опыта общения с полицейскими Стэн вынес убеждение, что те всегда умеют находить повод держаться подальше от действительно опасных мест. Но совсем не тот нрав у спецназовцев, они не привыкли отсиживаться в спокойных местечках.

— Вы только взгляните,— сказала Хейнз,— никакого пожара не было, но сержант спецназа врубил все огнетушители. Его парни вваливаются сюда. Видят трех мертвецов, мертвее не бывает. И тогда этот сержант со своими дуболомами копается в руинах и корчит из себя детектива в течение целых десяти часов! К примеру...

Лайза указала на покрытие пола.

— Вы видите этот отчетливый отпечаток башмака сорок пятого размера? Это отнюдь не улика. Это просто какой-то капрал из спецназа ступил своим сапогом в пятно крови.

Стэн почувствовал, что даже такая милая женщина лишь отчасти смягчает его неприязнь к занудным ищейкам, и прервал ее:

— Хорошо, лейтенант. У всех проблем невпроворот. Какие у вас результаты на настоящий момент?

Хейнз затянула обычную судебную песню:

— Имеются доказательства, что бомба была установлена заранее. Нет ни малейшей зацепки для установления как типа детонатора, так и типа взрывчатки. Эксперты по взрывным устройствам еще не прибыли.

— Думаю, нужды в них не возникнет,— сухо сказал Стэн.— Я сам немного разбираюсь в этом.— Он уже разглядел характерные бороздки от взрыва на остатках потолка.

Стэн установил раздвижную лестницу под местом, где заметил бороздки. Пусть он понятия не имеет о полицейских следственных процедурах, зато знает чертову уйму вещей обо всем, что делает «большой бабах».

— Лейтенант,— сказал Стэн, включая микрофон,— я предлагаю начать фиксировать наши действия на магнитофонной пленке.

Хейнз пожала плечами: если императорский лизоблюд вздумал разыгрывать из себя судебного эксперта — на здоровье, пусть выставит себя дураком. А она что — как прикажут, так и сделает.

— Бомба была установлена под навесным потолком — там, где проходила электропроводка. У нас тут есть... это похоже на обрывки электрических проводов... так, взрывчатка была высокого качества, в корпусе, предполагавшем направленный взрыв. При взрыве вся разрушительная сила была направлена в стороны и вниз, сам потолок пострадал меньше всего. Специалисты по взрывным устройствам, очевидно, сумеют установить, имела ли бомба часовой механизм или была задействована по радио. По моему мнению, взрыв произошел по команде.

— Мы направили людей обыскать окрестности.

Стэн спустился с лестницы и еще раз издалека посмотрел на бороздки на потолке. Они расходились от центра веером, описывая почти полный круг. В одном секторе бороздки отсутствовали. Капитан, похмыкивая себе под нос, проследил взглядом, на какую стену указывает сектор без бороздок.

— Спасибо, лейтенант,— сказал он и решительно направился к выходу. Миновав шлюз, он снял скафандр и сразу же отошел подальше от технических работников, сновавших вокруг следственного купола.

Хейнз тоже вышла, сняла защитный костюм и присоединилась к нему.

— Ну как, капитан, закончили игру в детектива?

— Пора нам объясниться, лейтенант Хейнз. Здесь нас никто не слышит. Меня привлекли к этой поганой работе, но сам я не пони-

маю, чего ради. Для меня все это темный лес. Поэтому настроение у меня хуже некуда. А теперь, лейтенант, очередь за вами — вы-то с какой стати так беситесь?

Хейнз обожгла его взглядом.

— Примечание к вашим словам: я попала в ту же передрягу, что и вы. Но я служу в полиции. И считаю себя хорошим работником. Поэтому я торчу здесь и добросовестно исследую все, что может навести на след. Но тут внезапно появляется некий... некий...

— Некий сукин сын,— подсказал Стэн, улыбаясь уголками рта. Нет, эта женщина положительно начинала нравиться ему!

— Спасибо, выручили. И вот внезапно появляется некий сукин сын, роняет фразу-другую, потом мчится обратно во дворец, чтобы получить медаль на грудь. Хотите обижайтесь, хотите нет, но поверьте, капитан, меня такой поворот нисколько не радует!

— Вы закончили?

— Пока что да.

— Отлично. Давайте вместе пообедаем, и я постараюсь поднять вам настроение.

Ближайший ресторанчик находился в непосредственной близости с посадочной полосой 17AFO, от которой его отделяли мощные защитные щиты и небольшой уютный дворик. Заведение было типа кафетерия — с самообслуживанием. Поставив еду на поднос, Стэн и Хейнз заплатили кассирше и направились в дальний конец помещения, где было меньше посетителей.

Ресторанчик был заполнен наполовину. Тут обедали в основном грузчики, портовые чиновники и летный состав. Заметив чересчур броскую парочку — мужчину в костюме служащего императорского двора и женщину в полицейской форме, посетители норовили сесть подальше от них, так что Стэну и Хейнз было гарантировано уединение и возможность говорить, не опасаясь чужих ушей. Впрочем, еще идя к столику, они поймали друг друга на том, что одинаково профессионально шарят глазами в поисках параболических микрофонов. Оба понимающе улыбнулись, ничего вслух не сказав.

Хейнз попробовала кимчи со свининой и, с удовольствием жуя, произнесла:

— Прежде чем вы займетесь едой, капитан, хотите обсудить вопрос об этой странной кабинке?

Стэн пожевал губами и закивал с видом простака, который не очень-то понимает, о чем речь.

— Спасибо вам за помощь. Я и сама уже догадалась, что бомба была направленного действия. Точнее, очень избирательно направленного действия. Она должна была разнести в щепы весь бар — и оставить в сохранности одну кабинку.

— Любопытная догадка, лейтенант.

— Возникает занятный вопрос: единственная неразрушенная при взрыве кабинка была начинена всеми устройствами против прослу-

шивания, о которых я когда-либо слышала. Не знаете ли вы, часом, что по этому поводу говорят в высших сферах? Очень странно, что подобное супероборудование агенты службы безопасности установили в третьесортной забегаловке. Чего ради?

Стэн ввел ее в курс дела, не сообщив лишь имени Крейгвела и его полуофициального статуса — личный представитель его величества в делах самого деликатного свойства. Стэн решил, что и о предполагаемой встрече Алэна и императора лейтенанту знать не следует. Для работы ей достаточно того, что террорист хотел встретиться с неким высокопоставленным официальным лицом из окружения императора. Закончив свой рассказ и сменив тему разговора, Стэн опасливо поковырял вилкой кимчи на тарелке и спросил:

— Кстати, это что за кушанье?

— Кабачки, фаршированные чесноком и разными травами. Пища, популярная еще на матушке Земле. Если не принюхиваться, то очень вкусно.

— Будучи не совсем профаном в вопросе о взрывных устройствах, вы поняли, почему не использовали шрапнель?

Хейнз озадаченно сдвинула брови.

Стэн сунул руку в карман и вынул оттуда крохотный сплющенный металлический шарик.

— Да, взрывное устройство было очень избирательного действия. И чтобы все живое в баре было уничтожено со стопроцентной гарантией, преступник обложил взрывчатку слоем таких вот штучек. Не положил только со стороны, направленной к той самой кабинке. Врубаетесь?

Хейнз отставила тарелку, переплела пальцы и принялась размышлять вслух:

— Стало быть, преступник хотел, чтобы в баре погибли все, кроме тех, кто находился в той совсем особенной кабинке. Если бы Алэн и ваше официальное лицо в момент взрыва находились в этой кабинке, они бы... ну, были бы оглушены, в худшем случае — сильно контужены. Логично, капитан?

— Логично.

— Получается, злоумышленник не только знал о существовании кабинки, он знал и о том, что Алэн будет там в определенный вечер и в определенный час.— Хейнз тихонько присвистнула и осушила кружку пива.— Выходит, мы имеем дело с чисто политическим убийством. Ведь так, капитан? Какая мерзость!

Стэн мрачным кивком подтвердил ее догадку, встал, сходил к стойке и принес еще две кружки пива.

— Мы имеем дело не с простым политическим убийством, а с хорошо спланированным политическим убийством, потому что преступник был в курсе всех передвижений Алэна. Я попала в точку?

— Попали-то попали, но от этого на душе не легче!

— Дерьмо собачье! — с чувством выругалась Лайза.— Долбаная политика! Отчего мне так не везет? Почему бы мне не расследовать серийные убийства какого-нибудь сексуального маньяка? Нет, не с моим счастьем!

Стэн уже не слушал ее. Только что он продвинул следствие на шажок вперед, и теперь следовало обдумать следующий ход. Не очень вежливо он молча забрал у Хейнз ее компьютерный блокнот и стал перечитывать рапорт.

— Политическое убийство! — не унималась Хейнз, с каждой минутой впадая во все большее уныние.— Работал, конечно же, профессиональный убийца — даже если доберемся до него, заказчика прищучить не удастся. Какая-нибудь неприкосновенная особа. А я хотела баллотироваться в судьи. Если завалю это дело — черта с два за меня проголосуют.

— Может, и не завалите,— сказал Стэн.— Давайте вдумаемся. Помните, что мы говорили о бомбе? Она должна была оглушить Алэна. Итак, если бы все произошло по плану, он бы валялся в кабинке без сознания — ну и что? Что дальше?

— Чего гадать? На деле все получилось не так.

— А как вам такой вопросец, лейтенант? Почему через пару минут после взрыва там появилась машина «скорой помощи», которую сержант спецназа еще не вызывал? Не кажется ли вам...

Хейнз уже сообразила, куда он клонит.

Глава 11

Больница космопорта Соуард странным образом напоминала причудливые формы тела цнидарианина, работавшего регистратором в ее приемном отделении. В свое время больница начиналась с нескольких коек для приема пострадавших от несчастного случая, будь то авария на производстве, катастрофа при посадке космического корабля — словом, небольшой травмопункт для обслуживания Соуарда и его ближайших окрестностей в радиусе десяти километров. Но несчастья и катастрофы имеют тенденцию учащаться, усложняться, да и порт рос не по дням, а по часам, поэтому соуардская больница стала хаотически разрастаться в размерах: то добавляли платформы для посадки космолетов непосредственно на больничной территории, то строили отделения для пострадавших от радиации, то открывали операционные для представителей нечеловеческих рас.

Все это мало-помалу сделало тамошнюю централизованную службу по приему больных еще более кошмарной, чем в прочих больницах. Наличие у большинства поступающих больных пластиковых удостоверений личности с историей болезни, которую могли считывать сверхбыстрые компьютеры, и прочие суперсовременные штучки мало помогали справляться с неразберихой.

Стэн и Хейнз ждали возле огромного главного «пульта», охваченного кольцом архивных шкафов с информационными дисками. Внутренним кольцом был большой компьютер, мощностью соперничающий со штабными военными компьютерами.

Посередине суетился больничный клерк (или все же больничные клерки?) — колония разумных полипов-цнидариан. Эти живые существа рождались раздельно, а затем безопасности ради объединялись в одно целое, образовывая что-то вроде коралла. Будучи как бы единым организмом, они все же не утрачивали индивидуальности. И похоже, были не в ладах друг с другом.

Один цнидарианин прямо перед Стэном — Стэн назвал его условно «полип-А»,— кипя от ярости, выхватил у полипа-Б водонепроницаемый файл и перебросил его на другую сторону кольцевого стола полипу-В. После этого он грубо скинул с клавиатуры своего терминала щупальца соседа, полипа-Г и наконец занялся ожидающими его посетителями. Его пронзительный «голос» только усилил впечатление сумасшедшего дома, которым казалось это приемное отделение,— санитары в белом вывозили из лифта тележки с больными, ходячие больные стояли у стен или сидели, другие лежали на оттоманках у стен, окруженные плачущими или возмущающимися родственниками.

— Вы видите, какой у нас дурдом? Видите?! — проорал полип, возбужденно размахивая щупальцами.

— Полиция,— сухо сообщила Лайза, одной рукой протягивая полипу свое удостоверение личности. Она нажала выступ на карточке указательным пальцем, и на карточке на пару секунд высветилась бляха с ее полицейским номером.

— Опять полицейский. Что за денек, так его растак! Явился тут один — с мордой рецидивиста. Кровь из него хлещет, как... как из человека. Пьян в стельку, разумеется. И главное, молчит, что он в профсоюзе и ранен в рабочее время, ну я и отсылаю его в «Могилу». А как я должен догадаться, что он в профсоюзе, у него на роже не написано! У него там несчастный случай при исполнении и все такое. Теперь возись с данными — проверять и перепроверять. Он, скорее всего, коньки откинет, пока я заполню все бумаги на него... Ну а вам-то чего от меня нужно?

— Вчера вечером, около двадцати одного часа, на вызов приехала ваша машина «скорой помощи».

— Машин «скорой помощи» тысячи! Причина вызова?

— Взрыв.

— У нас тут всякого сорта взрывы — на космолетах, на атомных станциях, на строительстве... Я не могу помогать вам, если вы не помогаете мне!

Хейнз вручила полипу файл со всей необходимой информацией. Полип застучал по клавишам своего терминала.

— Так-так. Это была машина под номером GE-145. Нет данных, кто вызвал. Теперь вы наглядно видите, в каких условиях я вынужден работать. Никому, ровным счетом никому нет дела до правильного заполнения отчетов! А я тут крутись... Крайнего нашли!

Стэн перебил его:

— А куда бы эта машина направилась, если бы подобрала раненого?

— Спасибо, приятель. Так редко приходится слышать правильно сформулированный вопрос! Если ее посылали в питейное заведение, стало быть, она отвезла бы раненого или раненых в «Могилу».

— В могилу? Что вы имеете в виду?

— Отделение неотложной помощи для лиц с непроизводственными травмами,— скороговоркой проговорил полип и, схватив со стола плоский экран, коснулся его края. На экране высветился план больницы. Еще движение щупальца — и по коридорам на плане пробежала красная стрела.

— Смотрите, вы находитесь здесь. Вам нужно вот сюда. Запоминайте. Может быть, кто-нибудь по дороге подскажет, в чем я глубоко сомневаюсь.

Стэн задал последний вопрос:

— Почему вы называете это отделение могилой?

— Потому что туда мы направляем тех, кто... ну, сами понимаете, не тупой. А если они и могли бы поправиться, там их точно вгонят в могилу.

— GE-145. Странно.— Интерн в приемном покое выглядел озадаченным.— Лейтенант, нет никакой информации о том, кто направил ее на место происшествия. Прибыла с тремя трупами, которые направлены в морг для вскрытия.

— Разрешите вопрос, доктор. Если бы машина прибыла с живыми ранеными, что произошло бы в этом случае?

— Зависит от типа повреждений.

— Взрывная волна. Шоковое состояние. Возможно, переломы,— сказал Стэн.

— Хм... тогда бы их направили... ну-ка, посмотрю, кто вчера дежурил... Да, их направили бы к доктору Кноксу.

— Где он в настоящее время?

— Дайте-ка посмотрю... В сегодняшней смене не работает. Жаль, ничем не могу вам помочь.

— Когда он снова появится в больнице?

— А он тут больше не появится. Доктор Кнокс не нашего замеса. Работал некоторое время на добровольных началах.

— У вас есть номер его домашнего телефона? Как с ним связаться? — спросила Лайза.

— Сейчас найдем... Увы, в его личной карточке никаких данных. Как странно.

— Уже две большие странности, доктор. Мне бы хотелось самой просмотреть всю информацию об этом Кноксе.

— Извините, лейтенант, но без специального постановления суда доступ к подобной информации даже полицейским...

Стэн вынул из кармана свое удостоверение.

— Императорская служба безопасности, доктор.

У интерна округлились глаза.

— Да-да, конечно... пройдем в мой офис. Мы пользуемся тамошним терминалом. Дженевьева, ты не подменишь меня на время?

Десять минут спустя Стэн почувствовал, что они кое-что нащупали.

Говоря предельно точно, они нащупали пустоту там, где этой пустоте быть не полагалось. А это было уже кое-что.

«Кнокс, Джон, профессор» — этими словами начиналась сверхкраткая информационная справка о загадочном докторе. Стэну не стоило труда выяснить, что в Прайм-Уорлде врача с такой фамилией попросту не существует. Стало быть, этот «доктор Кнокс» ухитрился убедить кого-то — или компьютер,— что он практикующий врач и имеет право работать. Здание, в котором он якобы проживал согласно своей регистрационной карточке, было недавно снесено. В доме, где якобы была его частная клиника, на протяжении последних десяти лет находился ресторан.

— Итак, этот Кнокс две недели назад вынырнул из ниоткуда и предложил свои услуги в качестве доктора-добровольца,— задумчиво произнес Стэн, вертя в руке регистрационную карточку таинственного самозванца.

— Смею вас заверить, он был отличным хирургом,— сказал интерн.— Я лично готовил нескольких больных, которых он оперировал.

— Как он выглядел?

— Высокий,— не очень решительно начал интерн.— Думаю, метр восемьдесят пять, под девяносто. Среднего телосложения, скорее даже поджарый. Весит килограммов семьдесят. Очень гордился своей шевелюрой. Седая-седая. Клялся, что седина натуральная. Она у него как львиная грива.

— Хорошее описание,— сказала Хейнз.— Никогда не мечтали стать полицейским?

— На этой работе у меня порой впечатление, что я уже служу в полиции.

— Вы обронили фразу, что доктор Кнокс «не вашего замеса»,— сказал Стэн.— Что вы имели в виду? Что он вызвался оперировать добровольно?

— Нет. Видите ли... ну, как бы помягче выразиться... У нас тут врачи не того пошиба, что для больших придворных шишек. И пла-

тят тут — не ого. И условия — сами видите. Да и пациенты специфические. Поэтому когда такой классный доктор, как этот Кнокс, вдруг вызывается работать...— Тут интерн перебил самого себя и воскликнул: — А о его комнате-то я и позабыл!

— У Кнокса был свой кабинет?

— Разумеется. У нас у всех есть свои комнатки — мы тут работаем по двое суток подряд, настоящие марафонские дежурства.

— Где она находится?

— Сейчас взгляну на план.

— Этот Кнокс — тот еще тип,— констатировала Лайза.— Он тщательно следил за тем, чтобы никто не совался в его частную жизнь В своей комнатной карточке он просит, чтобы в отведенном ему помещении никто посторонний никогда не производил уборку — ни вручную, ни пылесосом. Это дает нам шанс найти что-нибудь стоящее.

Стэн подозревал, что ничего стоящего они не найдут, а если они не найдут ничего стоящего, тогда...

— Четыреста тринадцатая,— сказала Лайза, беря из шкафчика электронную карточку, которой можно было открыть четыреста тринадцатую комнату.

— Не торопись. И не подходи близко к двери.

Подойдя к четыреста тринадцатой комнате, Стэн миллиметр за миллиметром обследовал пространство перед ее задвижной дверью. Он искал почти невидимый седой волос.

— Нам нужна бригада экспертов-криминалистов. Возьми самых лучших. Но бомбы внутри они не найдут. И тем не менее комнату следует опечатать до прихода экспертов.

Лайза хотела было рассердиться на него, потом дурашливым жестом взяла под козырек.

— Да, сэр. Будет сделано. Еще приказания, сэр?

— Тьфу ты черт! — засопел Стэн.— Прости меня. Я совсем не хотел разговаривать с тобой, как... как...

— Как полицейский?

— Да, как полицейский,— с ухмылкой подтвердил Стэн.

Сразу после того, как перед комнатой 413 был раздут следственный пузырь, ее дверь осторожнейшим образом открыли. Только после этого внутрь прошла бригада криминалистов. Бригада состояла из трех спиндарцев — одного взрослого и двух подростков. Стэн никак не ожидал увидеть таких экспертов. Они мало отвечали его представлениям о матерых дотошных криминалистах. После того как с комнаты сняли печати и взрослый спиндарец неуклюже проковылял в спаленку Кнокса, из сумки на его животе выпрыгнули спиндарята, достали из сумочки, привязанной к сумке родителя, сантиметр

и другие инструменты совершенно кукольного размера и принялись с их помощью проворно обследовать все вокруг.

Взрослый спиндарец был двухметровым — что в длину, что в ширину, и покрыт чешуей, словно ящер. Он какое-то время наблюдал за действиями своих детишек — похоже, одобрительно, хотя человеку было трудновато разобраться в выражении его морды. Затем, снова расстегнув сумочку с инструментами и задумчиво почесывая живот пятой, хватательной лапой, он грузно сел на задние лапы посреди комнаты. Громадное существо трижды мыкнуло, готовясь произнести слова на человеческом языке, потом представилось:

— Работник криминальной службы Бернард Спилсбери.

Имена спиндарцев весьма специфические, человеку их ни за что не выговорить. Для их произнесения нужны две гортани — именно столько их у спиндарцев: главная и вспомогательная. Поэтому для простоты спиндарцы брали псевдонимами первые попавшиеся имена — как правило, фамилии когда-то живших людей, занимавшихся тем же делом, что и они.

— Очень необычное дело,— пропыхтел он после того, как представился.— Крайне необычное дело. Мне вспоминается только один подобный случай. Его расследовал мой многоуважаемый коллега Гальперин. Весьма занимательная история. Хотите послушать, покуда мои юные протеже собирают информацию?

Стэн посмотрел вопросительно на Хейнз. Та лишь пожала плечами, и Стэн догадался, что если спиндарец начал что-то рассказывать, его можно остановить только гранатой.

— Случилось это в одном малоосвоенном уголке космоса, как бишь его... нет, не припомню названия. Летели там на одном корабле два шахтера. Ну и поссорились. Страшно поссорились. То ли из-за денег, то ли по работе — словом, из-за своих шахтерских дел. Один из них дождался, когда второй надел космический скафандр, и выстрелил ему в лицо. А потом вышвырнул труп в открытый космос.

Спиндаренок подскочил к своему папаше и протянул ему компьютерчик с крохотным экранчиком, на котором забегали колонки цифр, совершенно непонятных Стэну. Малец что-то защебетал на непонятном наречии, а взрослый отвечал на том же языке, только рокочущим голосом.

— Да, дело становится все любопытнее,— наконец промолвил «Бернард Спилсбери».— Простите, я отвлекусь от рассказа.

Передней лапой он вытащил из сумочки инструменты нормального размера, потом на задних лапах проковылял к кровати и занялся осмотром. «Все любопытнее и любопытнее»,— приговаривал он.

— Кстати о любопытном,— спокойно заметила Хейнз, обращаясь к Стэну.— Ты удивлялся насчет подразделения спецназа? Думаю, мне необходимо узнать, почему именно их бросили дежурить в тот район. Я должна тебе кружку пива за дельную мысль, капитан.

Они обменялись улыбками. Однако у Стэна не было времени на ответную реплику — к ним возвращался спиндарец.

— Это тоже своего рода вещественное доказательство,— изрек он.

— Нашли что-то?

— Нет-нет. Я имею в виду того шахтера-убийцу. Мне осталось досказать, что после того, как он вышвырнул товарища в открытый космос, он разгерметизировал корабль, все вещички убитого выдуло; после чего преступник закрыл люк, заполнил отсеки воздухом и продолжал путь один как ни в чем не бывало. А когда через несколько месяцев упомянутого шахтера стали допрашивать, он стоял на том, что летел в одиночку. Дескать, в документах записано двое, но, когда его товарищ перед стартом не явился, он поленился переправлять документы. При самом тщательном обыске корабля никаких следов пребывания второго человека, разумеется, не нашли. Но Гальперин выдвинул довод, что один человек физически не мог за указанный срок так опустошить запасы продуктов на корабле. На что шахтер отвечал — я, мол, хороший едок. Поди ему возрази.

Было ясно, что рассказ спиндарца заканчивается. К этому моменту Стэн уже знал финал этой истории, но для приличия спросил, чем же все кончилось.

— Полиция космического фронтира — народ практичный. Чтобы не сказать — бессовестный. У них свои законы. «Ах, говоришь, сам все съел? Ну, голубчик, мы это сейчас проверим». Засадили они его в камеру, дали месячный запас еды на двоих. Дескать, съешь — невиновен. А нет — пеняй на себя. Я бы назвал это следственным экспериментом по обжорству. Горестная история.— Достав из сумочки с инструментами удлинитель, спиндарец метелкой что-то обметал с потолка в пакетик.— Словом, помер этот шахтер, от обжорства помер. Уже на третий день. У вас, у людей, странное понятие о правосудии... А наше нынешнее дело и того занятнее,— продолжал спиндарец, снова грузно опускаясь на задние лапы.— Вы, лейтенант, предупреждали меня, что, скорее всего, мы ничего не найдем. Мы нашли больше чем ничего. Мы обнаружили здесь, так сказать, отсутствие чего бы то ни было в устрашающих размерах.

Стэну его слова указали на первую действительно крепкую ниточку, которая могла вывести их на пропавшего доктора Кнокса.

Глава 12

— И что же, капитан, дает вам эта ловля призрака? Это «отсутствие чего бы то ни было в устрашающих размерах»? — ядовито осведомился вечный император.

Он бы мог умаслить властителя длинным отчетом, но Стэн полагал, что лучше избегать долгих разговоров и не считаться с императорским гневом, чем упускать драгоценное время. Он надеялся,

что император будет многое прощать ему, пока расследование не топчется на месте.

— Кнокс запретил проводить уборку в своей комнате. Я могу объяснить это так: он боялся, что какие-нибудь улики будут всосаны пылесосами и останутся на фильтрах. Мы не обнаружили ни единого отпечатка пальца. Нет ни одной частички отшелушившейся кожи. Нет ни мельчайшей капли мочи на простынях. На наволочке нет ни пота, ни жира.

— Не знаю, как вас благодарить, капитан. Вы со своими криминалистами заложили основы ничегологии — академически дотошного изучения пшика с маслом. И каковы же выводы вашей науки?

— Дело в том, что Кнокс не просто чуть ли не ежеминутно вычищал комнату, но использовал сложнейшую электронную технику, чтобы уничтожить абсолютно все следы своего пребывания.

— Из чего следует, что этот ваш Кнокс не просто дипломированный доктор.

— Да, такое предположение возникает,— осторожно согласился Стэн.— Лейтенант Хейнз — полицейский детектив — занята поисками врачей, которые в какое-то время своей жизни основательно изучали электронику.

— Удачи ей. Однако могу предсказать, капитан, вы вытащите на берег пустые сети.

— Не исключено. Поэтому мы продолжаем разрабатывать вторую версию — о бомбисте.

Император раздраженно пожал плечами.

— В этом деле уже есть один профессионал высшей марки. Тот, кто подложил бомбу, может оказаться таким же спецом по уничтожению следов.

— Не может. По меньшей мере одну ошибку он допустил.

Император задумался, потом сказал:

— Ладно, трудитесь над этой версией. Есть другие зацепки?

Стэн отрицательно мотнул головой. Не имело смысла упоминать странное присутствие спецназа в районе, до тех пор пока Хейнз не наведет справки.

— Еще одно, капитан. Только для ваших ушей. Первый секретарь Таанского посольства просит меня о встрече. Полагаю, мы оба догадываемся, о чем он хочет поговорить. И мне желательно вести разговор с ним на менее шатких основаниях, чем ваше «наличие отсутствия». Это все, что я хотел сказать вам, капитан. Вы свободны.

Глава 13

Стэн открыл ключиком свой почтовый ящик и рассеянно вынул корреспонденцию. Привычную макулатуру — «Известия имперской гвардии», «Военный журнал», ежедневную газету дворцовых новостей для его обитателей, бюллетень последних служебных назначе-

ний, рекламку ювелира, обслуживающего военных... Все это Стэн машинально швырнул в мусорный ящик. Один листок — портной напоминал о просроченном счете за пошив мундира — он сунул в кармашек на поясе и хотел было закрывать дверцу почтового ящика, когда заметил в его глубине нечто достойное внимания.

Это был бумажный конверт с адресом, написанным от руки: «Капитану Стэну из имперской стражи». Внутри помимо чистого конверта для ответа и сложенного листка бумаги Стэн обнаружил плотную картонную карточку с тисненым текстом:

МАРР и СЕНН
имеют честь
пригласить Вас
на торжественный банкет
в честь
КАИ ХАКОНЕ.
Ждем ответа.
(Приглашение на два лица)

Стэн озадаченно воззрился на приглашение. Разумеется, он знал, что Марр и Сенн — официальные поставщики двора его величества, распорядители большинства празднеств, а также негласные арбитры в спорах между обитателями дворца. Хотя он общался с ними лишь несколько раз, мимоходом и всегда в строго официальной обстановке, они успели заинтриговать его своим едким юмором в сочетании с явной сердечностью. Теперь он гадал, с какой стати такие важные персоны приглашают на торжество столь высокого уровня какого-то капитана, пусть и занимающего формально значительный пост при дворе.

Впрочем, все объяснила приложенная к карточке записка, написанная тем же почерком: «Пора бы встретиться старым друзьям». И подпись — Софи.

М-да... Стэн был в курсе, что женщина, с которой у него был короткий, но бурный роман на последнем месте службы, сейчас находилась в Прайм-Уорлде — он сам занимался эвакуацией Софи с Небты до того, как там начались военные действия. Но, не будучи уверен в своих чувствах к ней, он и не пытался найти ее на планете.

Стэн решил, что в этой ситуации ему нужен совет знающего человека. А для имперских стражников в роли надежного советчика обычно неофициально выступал обер-гофмейстер, кабинет которого находился всего в нескольких сотнях метров от рабочего кабинета его величества.

Мик Лидо, обер-гофмейстер, адмирал в отставке, величавого вида сановник, был всеобщим любимцем. Однако Стэн по долгу службы внимательно изучил и его досье, когда приступал к обязанностям

начальника личной охраны императора. В бытность офицером Мик Лидо отличался служебным горением. Один раз горел буквально. Во время бунта в системе Палафокс эскадрилья боевых космических кораблей под его командованием должна была обеспечивать поддержку ударной группы, которая десантировалась на небольшую планету. На беду, разведка дала маху: планетка оказалась отменно защищена орбитальными станциями — настоящими летающими крепостями.

Чтобы спасти жизнь десантникам, нужно было незамедлительно уничтожить крепости на орбите, и Лидо приказал превратить корабли своей эскадрильи в пилотируемые термоядерные ракеты. Он лично возглавил группу камикадзе. Ему и еще трем пилотам посчастливилось в последний момент удачно катапультироваться в спасательных капсулах и выжить.

В последующие десятилетия он стал лучшим в империи специалистом по десантным операциям с целью захвата планет и получал повышения со стремительностью, невиданной для офицера службы тыла и обеспечения. Ко времени Муэллеровских войн Лидо был уже адмиралом.

Надо сказать, что Муэллеровские войны относились к группе самых сложных военных конфликтов из всех пережитых империей, потому что бои шли одновременно в дюжине удаленных друг от друга звездных миров. Во время этой серии войн, отмеченных бездарностью военачальников и особой кровопролитностью, Лидо довелось командовать высадкой десанта в звездной системе Крайс. Он ухитрился завладеть системой с минимальными потерями — минимальными относительно других битв злополучных Муэллеровских войн, где убитыми и ранеными теряли от пятидесяти до семидесяти процентов личного состава.

После подписания мирного договора Лидо на несколько лет ушел в отставку, затем переселился на Прайм-Уорлд. Когда тогдашний обер-гофмейстер скоропостижно скончался, объевшись копченым угрем, Лидо стал его естественным преемником — вследствие своих боевых заслуг и, что существенно более важно, большого организационного опыта в службе тыла и обеспечения. Для Стэна было полнейшей загадкой, как Лидо умудряется удовлетворять бесчисленные разнообразные официальные и неофициальные взаимопротиворечивые потребности императорского двора с населением среднего города — и при этом остается в добрых отношениях со всеми. Стэн благодарил судьбу, что ему самому приходится беспокоиться всего лишь о личной безопасности императора и благосостоянии ста пятидесяти гурков.

Войдя в кабинет Лидо, Стэн молча остановился у двери.

Лидо был не один — вместе с командиром преторианцев полковником Фоли и казначеем императорского двора Арбогастом рассматривал какие-то схемы на настенном экране.

— Полковник,— говорил Арбогаст,— у меня и в мыслях нет вмешиваться в дела военных. Я лишь ищу ответ на запрос его величества, который обеспокоен, цитирую, необычайно высоким уровнем дезертирства в вашем подразделении.

— А чего еще может ждать император, если мы поселяем молодых солдат прямо в сердце Прайма? Тут и самый невинный соблазнится.

— Увы, я не специалист по соблазнам,— огрызнулся Арбогаст. Они с Фоли люто ненавидели друг друга. Лидо постарался выступить в роли посредника между ними.

— Четыре дезертира только за последний месяц,— сказал он.— Полковник, отчего бы вам не проверить методы отбора в части преторианцев?

Фоли повернулся к Лидо.

— Что ж тут проверять, адмирал? Окончательно кандидатов отбираю лично я. Или мой заместитель.

Опередив ответ Лидо, Арбогаст сказал:

— Полковник, сейчас мы не ищем, на кого бы взвалить вину. Однако, согласно документам, на протяжении последнего земного года из вашего подразделения пропали без вести почти четыре десятка парней. Ни один дезертир не вернулся добровольно. Ни один не был найден и арестован! У императора складывается впечатление, что здесь что-то не так.

— Мне это известно,— сказал Фоли.— И мои люди со всей тщательностью изучают этот вопрос.

— Как знать,— промолвил Лидо,— наверное, мы действительно требуем от юношей невозможной стойкости перед соблазнами...

— Возможно,— примирительно кивнул Фоли.— И тем не менее я сам займусь данной проблемой.

— Спасибо, полковник. Я доложу императору, что отныне вы приняли на себя всю ответственность по данному вопросу.

С этими словами Арбогаст забрал свои документы, кивнул Лидо и Стэну и удалился в помещение архива, который бесчисленными коридорами и коридорчиками напоминал кроличью нору.

— Чертовы чинуши,— проворчал ему вслед Фоли, повернулся и, заметив Стэна, приветствовал его: — Здравствуйте, капитан.

— Добрый день, полковник.

— Я разыскивал вас на протяжении почти целого дня.

— Простите, полковник,— сказал Стэн.— Я выполнял особое поручение.

Фоли фыркнул.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь... Я приглядываюсь к вашему подразделению, капитан. Не в моей привычке учить уму-разуму других командиров, но сдается мне, ваши солдаты относятся к своему внешнему виду без должного внимания.

— Гурки не большие любители чиститься и мыться,— согласился Стэн.

— Я командовал солдатами всех рас и могу сказать, исходя из личного опыта: ни одну расу, кроме нашей, невозможно обучить должной военной выправке.

Даром что Стэн ни в малейшей степени не зависел от Фоли, ибо тот не входил в его порядок подчиненности, но от пикировки со старшим офицером никто и никогда не выигрывал. Поэтому Стэн сказал подчеркнуто официальным тоном:

— Спасибо, что привлекли мое внимание к непорядку. Я прослежу, чтобы нарушений больше не было.

Фоли кивнул чисто армейским кивком: ать — подбородок резко вниз, два — подбородок резко вверх. Собрав свои документы в папку, он на мгновение принял положение «смирно», отсалютовал Лидо и быстро шмыгнул мимо Стэна.

Когда стук полковничьих ботинок с металлическими набойками стих в конце коридора, Лидо расплылся в улыбке.

— Вольно-вольно, молодой человек. С чем пришли?

Стэн все еще смотрел исподлобья в сторону двери.

— Не дразните полковника, мой мальчик. Он так и ищет, на ком бы поточить свои резцы.

— Оно и видно. Но если его солдаты дают деру, я-то тут при чем?

— Ревнует.

— Простите?

— Полковник Фоли всерьез озабочен тем, что вечный император — по крайней мере, по мнению Фоли — так мало доверяет преторианцам, что предпочитает гурков в качестве личной охраны.

Стэн удивленно заморгал.

— Не хочу никого обижать, сэр, но это чертовски глупо с его стороны.

— Молодой человек, надо прощать военным некоторую ограниченность ума в мирное время. Итак, что вас привело ко мне?

— Дело личного характера. Сугубо неофициальное.

— Ох-хо-хо.— Лидо коснулся клавиши на своем столе, и створки дверей за спиной Стэна плотно сомкнулись, при этом над входом в кабинет зажглась надпись «Идет совещание».— Который у нас час?

Стэн покосился на свой перстень-часы.

— Семнадцать сорок пять.

Лидо удовлетворенно хмыкнул и, вынув из ящика стола фляжку и два оловянных стаканчика, приглашающе повел рукой:

— Присоединяйтесь. Разопьем жидкость, которую наш вечный самогонщик именует шотландским виски.

— Э-э, я не совсем уверен, что я не при исполнении...

— Своей обер-гофмейстерской властью предоставляю вам увольнительную.

Стэн с ухмылкой наблюдал, как Лидо наполняет стаканчики.

— Ума не приложу,— ворчливым тоном проговорил старый адмирал,— отчего его величество упорно дарит мне это пагубное пойло. Ну, за все хорошее.

Оба выпили.

— А теперь к делу, молодой человек.

Стэн показал полученное по почте приглашение.

— О, великая империя! А вы таки попали в правильную обойму, юноша. Растете! Даже я не удостоен приглашения атаковать праздничный стол в сей компании.

Стэн протянул ему записку от Софи.

— Ага. Теперь ясно. Что за Софи?

— Ну-у... словом, молодая женщина, с которой я... ну, дружил.

— Теперь мне все ясно как день. Налей себе еще стаканчик, сынок.

Стэн подчинился приказу.

— Во-первых, местные сплетники говорят, что этот банкет — сборище номер один в наступившем сезоне.

Стэну не хотелось показаться невежей, но он все-таки спросил:

— А кто такой Хаконе?

— Фу-у! Молодым офицерам следует хоть иногда держать в руках книгу. Хаконе — писатель, неоднозначная натура и все такое. Пишет в основном о военных — и, скажем так, с весьма неординарной точки зрения. Не будь у вечного императора такого мягкого сердца, писания этого Хаконе давно бы признали государственной изменой — они того заслуживают.

— Стало быть, я не иду.

— Тут вы попали пальцем в небо, молодой человек. Император поощряет свободомыслие — хотя желающих мыслить свободно что-то мало. И вы, вероятно, имели случай убедиться после Дня империи, что ему нравится, когда его сановники мыслят независимо.

— Стало быть, я иду?

— Идите. Для вашей карьеры полезно показаться там. Но тут остается загвоздочка. Эта молодая особа... Софи.

— Да-а...— согласился Стэн.

— Скажите прямо, молодой человек, какие чувства вы к ней питаете в данный момент?

— Сам не знаю.

— Стало быть, это настоящая беда, причем я имею в виду не наши пустые стаканы. Спасибо, вы меня правильно поняли... Так вот, ваша беда состоит в том, что Марр и Сенн свято верят, скажем так, в постоянство чувств и пожизненную привязанность. И обожают протежировать особам, желающим вступить в крепкий брак. Они, собственно говоря, самые настырные свахи во всей империи.

— Вот те на! — охнул Стэн и чуть было не расплескал виски.

— Да, тут шутки плохи. Если эта Софи получила право пригласить вас на празднество, стало быть, она в очень добрых отношениях с Марром и Сенном и они взяли ее под крылышко, то есть активно поощряют ее матримониальные планы.

Стэн никак не мог поверить.

— На кой я ей сдался?

— Не прибедняйтесь, капитан. Вы завидный жених. Насколько я знаю, Софи родом с какой-то отдаленной планеты, но ее родители — из тамошней знати. Возможно, весьма состоятельные люди. Разве не заманчиво для нее выйти замуж за увешанного медалями героя, за человека, который служит при дворе и добился своего высокого положения еще совсем молодым?

— Ноги моей не будет на этой гулянке!

— Ну, Стэн, существуют не только крайние решения. Ведь приглашение на два лица. Вот и воспользуйтесь этим, чтобы изящно разрешить возможное затруднение. Договоритесь с какой-нибудь невероятно хорошенькой молоденькой знакомой и возьмите ее с собой на банкет. Это поставит Софи в неловкое положение и сбавит ее пыл.

Стэн допил виски и грустно покачал головой.

— Адмирал, с самого прибытия на Прайм-Уорлд я только тем и занимаюсь, что работаю как проклятый. Поэтому я тут не знаком ни с одной молоденькой леди, не говоря уже о невероятно хорошенькой.

— Что ж, в таком случае не исключено, что император загорится желанием сосватать вам эту Софи.

Стэн побледнел от ужаса.

Глава 14

Башня была мерцающим столбом света в конце длинной узкой долины. Гравимобиль яркой светящейся точкой перемахнул через горную гряду и прочертил долину стрелой посадочных огней — сперва завис в воздухе на мгновение-другое, пока автопилот ориентировался на местности, а затем на полной скорости, со свистом рванул к башне по горной теснине, которая напоминала расщелину узкого городского проспекта, зажатого небоскребами. Через несколько секунд за первым гравимобилем проследовали другие — тем же маршрутом, и каждый на мгновение-другое притормаживал, чтобы потом устремиться в сторону башни.

Марр и Сенн в создание этой башни вложили половину своих средств и почти целиком — свои сверхартистические души. Пирамидой-иглой она уходила в небо — широчайшее основание и изящный небольшой пентхауз. На строительство башни пошли только те материалы, которые всего лучше дружат со светом,— самые причудливые разновидности минералов, металлов и хрусталя со всех концов Вселенной. Когда Марр и Сенн создавали свое жилище, их не устра-

ивали обычные строительные материалы. Равным образом они не заботились о единообразии формы и размера строительных блоков: почти овальные плиты громоздились на правильных квадратах. Согласно задумке архитекторов, в этом здании над всем и вся царил свет — во всех мыслимых формах. Когда у его обитателей случался всплеск эмоций, сооружение вспыхивало рубиновым светом; когда к башне приближались живущие в долине дикие животные, она голубела от их запаха. В зависимости от влажности воздуха и температуры башня принимала один из оттенков всей гаммы возможных цветов. Причем оттенки свечения одних частей огромного сооружения, ведя цветовую мелодию, менялись непрестанно, тогда как цвета других оставались неизменными на протяжении многих часов, будучи чем-то вроде басовых нот в этой цветовой симфонии.

Марр и Сенн не считали свое жилище изощренным произведением архитектурного гения, относились к нему просто — это был их родной дом. Но никогда прежде башня не сияла более причудливыми красками, чем в тот вечер, когда гости слетались на банкет в честь Каи Хаконе. Это было действительно важное торжество.

В горле Стэна внезапно противно запершило. Он кашлянул раздругой, но странный комок в груди душил его пуще прежнего. Хуже того — уши капитана пламенели, пальцы рук и ног покалывало как с мороза, а язык стал совсем чугунным. Он лихорадочно соображал, что ему делать с восхитительно элегантной женщиной, в объятиях которой он безнадежно тонул. Его руки мучительно парили справа и слева от ее талии, потому как он не мог прийти к окончательному решению, что же этими руками делать — привлекать или отталкивать. Не спасало и то, что от женщины исходил аромат с дьявольским искусством составленных духов, могучий аромат, способный пробудить жеребца в любом существе мужского пола,— пожалуй, даже в мужчине, который дал дуба менее девяноста шести часов назад. Кончилось тем, что ладони Стэна припали к узким бедрам красавицы, слегка — приличия ради — потискали их, а затем — опять-таки вежливо — оттолкнули.

— Мм... и я рад увидеть тебя снова, Софи.

Софи отступила на пару шагов, дабы неспешно впитать глазами всю его фигуру,— и в глазах ее закипало томление. Стэн ощутил, что она смотрит на него с искренним — ну, скажем, с почти искренним — одобрением, и он вдруг горько пожалел, что под плотно облегающей униформой офицера отряда гурков не принято носить нижнее белье.

Но тут девушка опять ринулась к Стэну и обняла его, припаявшись к нему всем своим роскошным телом и шепча в ему в ухо:

— Как давно мы не виделись, Стэн, любовь моя... Я могла бы... могла бы... Ах, да ты и сам знаешь...

Угу, еще бы Стэну не знать! Он помнил все куда как хорошо — и благодарной памятью. Воспоминания были чертовски приятны... Да вот беда — при встрече он в первый момент с превеликим трудом узнал Софи. Нет, он бы не посмел сказать, что на нее смотреть противно, отнюдь нет! Но в его памяти остался образ простодушной девушки лет девятнадцати-двадцати, с темным венчиком коротко стриженных волос и глазами, которые смотрели на мир открыто и честно. А теперь перед ним стояло восхитительное произведение пластической хирургии с идеально правильными обводами тела, с водопадом поблескивающих волос ниже ягодиц.

Кстати, эти волосы были ее единственным одеянием. Софи была модно обнажена, лишь кое-где кожа была пестро раскрашена. И тем не менее от прежней Софи что-то оставалось — это все та же Софи, с теми же доверчивыми глазами.

Стэн готов был локти кусать, что ему когда-то взбрело в голову представить ее при дворе императора.

— Ты... ты выглядишь грандиозно, Софи,— пробормотал он, стараясь держать ее на приличном расстоянии от себя. Не потому, что ему не нравилось держать в объятиях голую красавицу; просто он предпочитал делать это в более уединенных местах.

— Нам надо столько наверстать! — проворковала Софи, подцепляя его локоть своей рукой.— Давай найдем тихое местечко и вдоволь поболтаем.

Стэн ощутил себя маленькой собачкой, которую волокут на поводке куда хотят.

— А вот и наша выпивка, Стэн,— раздался за его спиной желанный голос.— Ты не поверишь, эти умницы робофицианты так ловко... О-о... а-а... Стэн?

Стэн с огромным облегчением остановился и развернулся в сторону голоса. Полицейский лейтенант Лайза Хейнз стояла с двумя бокалами в руках. У нее было крайне озадаченное выражение лица, которое грозило стать обиженным в следующий момент.

Говоря фигурально, Стэн — слегка онемевшими, но по-прежнему проворными пальцами человека с врожденным талантом выпутываться из любой передряги — вцепился с отчаянием погибающего в конец веревки, который бросала ему лейтенант Хейнз.

— Лайза,— сказал он громче, чем нужно,— ты подошла как раз вовремя, чтобы познакомиться с моей старой доброй подругой Софи Паррел.

Софи окинула подошедшую женщину ледяным взглядом.

— О-о! — протянула она язвительно.

— Софи, разреши представить тебе лейтенанта Хейнз. Она... э-э... Я хочу сказать, мы... э-э...

Лайза протянула руку Софи.

— Меня сюда пригласил Стэн — я его *новая* подруга,— сладчайшим голоском проворковала Лайза.— Как приятно встретиться с его

старой знакомой. Зная характер капитана, я могу предположить, что у нас с вами должно быть много общего.

Софи без энтузиазма пожала протянутую руку:

— Да, уверена, что это так.

Тут она вновь повернулась к Стэну, и глаза ее словно подернулись корочкой льда.

— Прости меня, Стэн, но я, увы, должна пообщаться и с другими гостями. Быть может, нам удастся перекинуться парой слов попозже.

Она повернулась к ним своей гладчайшей, прелестной спиной и засеменила прочь. Стэн не знал толком, чего именно он избежал, но был чуть ли не до радостного визга доволен тем, что вовремя вывернулся. Он рассеянно взял протянутый Лайзой бокал, но замер, не донеся его до губ, потому что заметил какую-то особенную улыбку на ее лице.

— А я и не знала, Стэн, что у тебя тут есть знакомые!

Он залпом выпил содержимое бокала — и обнаружил, что ему протянут второй бокал.

— Ну, пара-тройка знакомых тут у меня сыщется,— сказал он и рассмеялся. Он вдруг почувствовал себя раскованней.— Впрочем, это я махнул. Ты видела единственного человека, с которым я тут знаком. И этого мне хватает с лихвой.

Осушив второй бокал, он покосился на Лайзу. А ведь она хороша! Очень хороша. Какая красивая, резко очерченная фигура — и как здорово обрисовывает все линии этой фигуры ее белое платье. И в голову не придет, что она из полиции.

Хейнз отобрала у него оба бокала.

— Ладно, пойдем поищем еще горючего. Будем наслаждаться праздником. И надеяться, что сюрпризов больше не будет. А?

— Нет. Никаких других сюрпризов. Надеюсь.

Как бы не так! Стэн попал пальцем в небо.

Спустя несколько секунд их бокалы были вновь наполнены, Лайза стояла рядом с ним, оркестр заиграл новую мелодию, и на танцевальной площадке было не слишком тесно. Стэн решил рискнуть и попередвигать ноги под музыку — может, никто и не заметит, что он не мастак танцевать. Тем более оркестр играл мелодию, в которой даже Стэн мог узнать медленный танец на три четверти.

Он поклонился Лайзе и повел ее на полированный металлический пол танцевальной площадки. Как он понял задним числом, именно характер пола должен был насторожить его. Словом, они с Лайзой, уютно обнявшись, протанцевали совсем недолго, прежде чем до Стэна дошло, почему вечеринки, затеваемые Марром и Сенном, называют супервечеринками. Когда оркестр перешел к припеву, кто-то врубил генератор, и ошарашенные танцоры обнаружили,

что они сперва воспарили над площадкой, а затем их потянуло в стороны — к нейтрализующим генераторам. Танцевальная площадка внезапно превратилась в цирковую, а танцоры — в растерянных акробатов, которые вычерчивали в воздухе медленные кульбиты.

Стэн помянул добрым словом свою летную подготовку в условиях невесомости, когда мимо него пролетела Лайза — с перепуганными глазами и юбкой, которая собралась у талии. Он сгруппировался, как его учили, и поплыл догонять подругу — сперва ухватил ее за щиколотку, подтянул к себе и мало-помалу переместился так, что их лица оказались рядом.

К Лайзе вернулось хорошее настроение, она одернула юбку и сказала, улыбаясь:

— Еще одна неладица.

Стэн не понял этой фразы, но решил, что момент упускать глупо. Поцелуй в невесомости ничуть не менее сладок, чем обычный, разве что слюны оказывается неожиданно много и ведет она себя чуточку странновато.

Стэн не упустил и другой момент: паря в воздухе и целуясь, он уголком глаза все же посматривал вокруг, и, когда неподалеку от его ног проплывала дородная матрона, он изловчился и как бы случайно пнул ее ногой по широкому заду, который должен был стать опорой для хорошего прыжка.

От удара они с Лайзой полетели кувырком к самому краю танцплощадки. Тут Стэн чуть подтолкнул Хейнз, и после очередного пируэта она очутилась в пространстве с нормальной силой тяжести. Оттуда лейтенант протянула руку и вытащила Стэна из маклиновского поля, созданного генератором антигравитации.

— Славная вечеринка! — сказал слегка запыхавшийся Стэн.

— Славненькая,— отозвалась Лайза.— А я и не знала, что невесомость делает вас смелее, капитан!

— Не правда ли, гетеросексуальная любовь приходит странными портами,— прошептал Марр после того, как внимательно наблюдал за кульбитами Лайзы и Стэна.

— Ты хотел сказать, путями,— поправил его Сенн.— Займемся этой парочкой попозже?

— Как захочешь. Нам надо взять их под свое крылышко и... О, почтенный господин Хаконе! Какая честь!

Они не заметили, как к ним подошел великий мэтр. В руке у него был наполовину пустой стакан.

— Будучи почетным гостем, имею ли я право высказать свое мнение о том, как протекает ваш праздник?

Сенн широко распахнул свои влажные черные глаза, имитируя крайнее удивление:

— Что-нибудь не так?

— Для банкета в мою честь,— сказал Хаконе,— в этом помещении, на мой взгляд, чрезмерно много людей, которые только о том и мечтают, как бы понаделать себе из моих косточек зубочисток.

— Мы разослали приглашения до предварительного просмотра вашей пьесы в театре масок,— сказал Марр.— Мы не могли предположить...

— Разумеется, вы тут ни при чем,— огрызнулся Хаконе.— И вы оба отнюдь не принадлежите к тому типу существ, для которых успех банкета определяется количеством дуэлей, им спровоцированных.

— Вы норовите нас оскорбить? — прошипел Сенн.

— Быть может,— с безразличным видом произнес Хаконе, осушил свой стакан до конца и тут же взял новый с подноса катившегося мимо робофициантa.— В моем представлении, торжественный вечер — это сбор товарищей, единомышленников. Ясное дело, наши с вами представления о хорошем празднике отличаются как день и ночь.

— Знай мы,— вроде бы примирительным тоном начал Марр,— что вы мечтаете собрать компанию своих старых друзей по оружию и весь вечер травить байки про давно минувшую юность, чтобы довести друг друга до исступления брехней о былых подвигах,— знай мы это, мы бы непременно пошли навстречу вашему желанию.

Хаконе, который оделся на банкет во все черное — на нем были облегающие черные штаны и свободного покроя черная рубаха,— позволил себе улыбнуться.

— Я же сказал — наши подходы радикально отличаются. Кстати, тут есть один человек, с которым я бы хотел познакомиться...

— А мы вас с ним не познакомили? Просим прощения и готовы исправить свой грех.

— Вот с ним.

Хаконе махнул рукой в сторону Стэна, который отмечал свое возвращение в весомость, держа в руке наполненный до краев стакан.

Марр стрельнул глазами в сторону Сенна. Оба были озадачены. Затем Марр взял Хаконе под руку и подвел писателя к Стэну.

— Капитан?

Стэн как раз собирался еще разок поцеловать Лайзу. Он не без досады оглянулся на оклик, узнал хозяев башни, а также и почетного гостя — благодаря тому, что в свое время прилежно изучал тысячи досье с фотографиями в дворцовом архиве.

— Добрый вечер, многоуважаемый господин Хаконе.

— Позвольте представить вам,— произнес Марр,— молодого человека, который, верим, далеко пойдет. Капитан Стэн. И?..

— Лайза Хейнз,— коротко рекомендовалась подруга Стэна. Подобно большинству полицейских, она не торопилась ставить людей в известность о своей профессии без особой на то нужды.

Хаконе любезно улыбнулся, но затем одним махом исключил из разговора и Лайзу, и Сенна, и Марра. Он спросил:

— Вы командуете императорской личной охраной?

Стэн кивнул.

— Это, думается, очень интересная работа.

— Как вам сказать... очень не похоже на то, что я делал прежде,— уклончиво ответил Стэн.

— Не похоже? А чем вы занимались прежде?

Разумеется, Стэну теперь приходилось помалкивать о своем прошлом — об участии в операциях отряда богомолов. В его официальном досье значилась служба в одном из очень удаленных миров — в достаточно беспокойном месте, что могло служить объяснением двух рядов нашивок на его груди, хотя на самом деле все эти медали были получены за тайную и грязную деятельность.

— Служил в охране. Большей частью в малоосвоенных районах космоса.

— Крайне необычно,— сказал Хаконе,— что человек ваших лет, такой молодой — поверьте, я не хочу обидеть,— вдруг выбран на подобный пост.

— Я полагаю, при дворе просто хотели иметь человека, который мог бы сновать вверх-вниз по бесконечным дворцовым лестницам без риска получить инфаркт.

— У вас хороший учитель,— не унимался Хаконе.

— Простите?

— Да это я так... Капитан, можно задать вам откровенный вопрос?

— Да, сэр.

— Судя по многочисленным нашивкам на вашей груди, вы бывали в гуще сражений. И вот вы здесь, в самом сердце империи. Как вам тут нравится?

— Не совсем понимаю ваш вопрос, сэр.

— Подобно всем нам, вы поступили на военную службу с верой в ее важность и необходимость. Воображали, что будете служить великому делу.

— Полагаю, да.

Стэн отличнейшим образом знал, почему он завербовался в армию,— чтобы спасти свою шкуру, чтобы вырваться из звездной системы, носящей название Вулкан, этой адской сети заводов, пожирающей жизни рабочих.

— Когда вы оглядываетесь вокруг...— тут рука Хаконе совершила круговой жест, указывая на увешанных бриллиантами придворных, составлявших большинство публики на банкете,— когда вы оглядываетесь вокруг, вам не кажется, что вы ожидали чего-то другого?

Стэн слушал его с непроницаемым видом.

— Вам не бросаются в глаза признаки тлена и упадка?

Никакого тлена и упадка я не усматриваю, вот что ответил бы Стэн. И вы бы их не усмотрели, если бы явились сюда из мира, где мальчиков и девочек приучают к рабскому труду с четырехлетнего возраста. Но разве такое скажешь вслух?

— Простите за грубость, многоуважаемый господин Хаконе,— произнес Стэн,— но в мире, откуда я родом, *животные* — привычные сексуальные партнеры.

Лицо Хаконе передернула гримаса отвращения, потом до него дошел смысл Стэновых слов.

— А-а, вы шутите, капитан.

— Лишь до определенной степени.

— Читаете?

— Когда есть досуг.

— Возможно, мы при случае обсудим эти вопросы. А пока я хотел бы послать вам несколько своих книг. Они дойдут до вас, если я направлю их просто во дворец?

Стэн кивнул. Хаконе отвесил ему официальный поклон и отошел. Стэн проводил писателя взглядом. Любопытный вопрос: с какой стати почетный гость решил пообщаться с ним? И потом битый час валять дурака, прощупывать его взгляды? Похоже, на этой вечеринке сюрпризам нет конца.

Гости мало-помалу разъезжались, оживление быстро сходило на нет. У всех находился повод уехать раньше времени, и завершение вечера было скомкано потоком извинений — столь многим придворным оказалось совершенно необходимо попасть еще и на другие приемы и торжества. Стэн и Лайза, новички в прайм-уорлдском высшем свете, оказались в самом хвосте очереди гостей, которые покидали башню.

Марр настиг их у пневмотрубы — они собирались спуститься к своему гравимобилю.

— Куда же вы так рано, милые мои! Еще совсем-совсем рано!

Он схватил их за руки и потащил обратно через толпу. Стэн весь напрягся — солдаты, как и кошки, инстинктивно не любят, когда их тащат туда, куда бы они не хотели возвращаться. По трепету пальцев Лайзы в его руке он почувствовал, что и она отчаянно упирается. Как ни странно, это было как бальзам на его душу — он ощутил себя ближе к ней из-за того, что они одинаково скептически относились к радушию хозяина.

— Нет, серьезно, Марр,— сказал Стэн.— Нам действительно пора уходить. Нам обоим с утра на службу. И совершенно нет времени...

Марр перебил его, презрительно фыркнув:

— Ах, эта служба, эта, как вы выражаетесь, чертова служба! А что касается времени — это хреновина, которую выдумали ученые олухи, чтобы ничего не случалось сразу, а только по очереди.

Он почти выволок их из толпы и затащил в пульсирующий золотистым светом коридор. Тут Стэн еще раз уперся. Пальцы Лайзы напряглись, потом она потянула его за собой. За поворотом коридора они оказались у развилки — туннели расходились в трех направлениях. Марр потянул их налево — в голубой коридор, и по напряжению в ногах Стэн догадался, что туннель ведет наверх.

— Мы с Сенном наблюдали за вами,— говорил Марр.— Весь вечер напролет. Вы оба чувствовали себя слегка не в своей тарелке, мы правильно угадали?

— Да, и простите нас за это,— сказал Стэн,— мы не очень-то привыкли к таким...

Марр замахал передними конечностями.

— Бросьте эти глупые извинения. Наши сборища нельзя назвать утонченными светскими раутами. В глазах общественного мнения, мы устраиваем нечто противоположное чинным приемам.

— О господи,— вдруг ахнула Лайза.— Я так и знала, что в чем-нибудь дам маху.— Она опустила взгляд на свое платье из полупрозрачной ткани.— Ведь оно просвечивает насквозь, да? Не напрасно я думала, что мне нужно...

Стэн покрепче прижал ее к себе, чтобы девушка замолчала.

— По-моему, он говорил о чем-то совсем другом,— сказал капитан.

Марр продолжал тащить их за собой, словно не замечая, что гости усиленно упираются. Они быстрым шагом проходили мимо комнат, которые или переливались всеми цветами радуги, или зияли множеством оттенков черноты. И вот хозяин и пара его гостей очутились почти на самом верху башни, где располагалась художественная галерея. Здесь в каждом зале были собраны несметные сокровища, чего Стэн и Лайза, отнюдь не доки в искусстве, понять не могли. Запахи и звуки в галерее сменялись стремительно — зовущие, чарующие, но Марр торопился вперед и ни на секунду не умолкал.

— Это совсем особенное,— говорил Марр.— Это такое, что только вы двое можете понять. Вы увидите, своими глазами увидите, почему мы с Сенном построили наше жилище именно здесь.

Неожиданно коридор влился в большой зал, и Стэн ощутил, что их легко овевает душистый ветерок.

— Смотрите! — воскликнул Марр.— Смотрите!

Своей короткой лохматой лапкой он сделал широкий круговой жест.

Место, где они находились, проще всего описать как сад на крыше под высоким куполом. Причудливые, невиданные растения тянулись к ним, норовили обнять, нежно коснуться своими листьями... Что за невидаль? Лайза, слегка напуганная, жалась к Стэну.

— Сюда, пожалуйста,— произнес Марр.

И они последовали за ним — уже медленно — по извилистой темной тропке. Казалось, они бредут сквозь ряд воздушных пузырей. Аромат периодически густел, свечение воздуха неуловимо усиливалось... усиливалось... напряжение достигало пика, разряжалось взрывом удовольствия, после чего начиналась новая область душистого света: аромат густел, свечение неуловимо усиливалось... Еще был и звук — возможно, как-то синхронизированный со свечением, потому что у гостей шумело в ушах. Стэн ощущал, что Лайза разомлела от всего этого.

И тут двойной изгиб тропы вывел их в тупик. Какое-то мгновение Стэн не чувствовал ничего, кроме округлой выпуклости Лайзиного бедра, прижатого к его бедру. Марр снова заговорил — и, пока он говорил, Стэн поймал себя на том, что неотрывно смотрит вверх.

— Это случается трижды в год. Произведение искусства, которым можно любоваться, но которое нельзя продать.

Марр указал на дрожащее марево, отделявшее сад на крыше от реального мира. Стэн увидел облитые лунным светом горы, которые жались друг к другу и выгибали высоченные хребты к небесному куполу. Он шагнул чуть в сторону, почувствовал под ногой раздавленный цветок, который с легким шипением обдал его густым ароматом, после чего каждое прикосновение Лайзы к любому месту его тела начало необычайно воспламенять Стэна.

— Впитывайте это зрелище! — произнес Марр.

И они упоенно впитывали глазами расстилавшийся перед ними пейзаж. Внезапно то, что казалось еще одной огромной скалой у самой луны, недалеко от горизонта, стало медленно темнеть. Скала в небе наливалась чернотой — больше, больше, пока не превратилась в пульсирующий огромный черный шар.

— Погодите, сейчас...— певучим голосом произнес Марр.— Сейчас, сейчас...

И черный шар вдруг взорвался. Бесшумное стадо разъяренных грозовых туч покатилось к луне, затоптало ее и неслось дальше. Было столько оттенков черного, что тучи казались разноцветными. Минутой позже тучи уже не казались стадом — они сошлись в черную воронку, которая опустилась к самому дну ущелий и побежала меж гор по долинам и теснинам, далеко-далеко от башни, на вершине которой стояли зрители.

Мгновение — и Стэн с Лайзой могли видеть лишь верхний широкий конец воронки, мчащейся по небу в ярком свете освобожденной луны.

И одновременно было так тихо вокруг, так умиротворенно... Стэн обнаружил, что держит Лайзу в своих объятиях. Под куполом царил мрак, рядом были расплывчатые тени едва освещенного сада. Голова Лайзы оказалась в ореоле мерцающего света.

— Я...— начал он.

— Тсс,— прошептала она, прикладывая палец к губам.

Он привлек ее еще ближе к себе и шестым чувством ощутил, как растения вокруг них притихли.

Марр и Сенн наблюдали на экране, как двое влюбленных целуются под куполом. Они невольно теснее прижались друг к другу, когда Лайза тихо и чувственно произнесла: «Тсс».

Сенн повернулся к Марру и обнял его.

— В мире лишь одно лучше новой любви...

Марр нажал кнопку, и экран целомудренно погас.

Улыбнувшись любимому, Марр докончил его мысль:

— В мире лишь одно лучше новой любви — это старая любовь. Очень и очень старая любовь.

Когда Стэн еще сильнее сжал ее в своих объятиях, Лайза покраснела — совсем не по-лейтенантски. Рука, лежащая на груди капитана, ласково отстранила его. Белое платье медленно соскользнуло вниз. Остались только Стэн и Лайза, и ничего между ними.

Глава 15

— Эх ты, дилетант поганый,— процедила Лайза, обращаясь к трупу.

Стэну показалось, что, не будь рядом его и криминалистов-спиндарцев, она бы непременно пнула мертвое тело ногой.

Бывший шеф спецназа Крегер зловеще улыбался — стервятники выклевали почерневшие губы и заголили зубы. Одна его рука была оторвана и, наполовину объеденная, валялась метрах в пяти от тела, у самого края скалы.

— У вас, людей, занятные представления о спорте,— ворчал Спилсбери, пока пальчики его пятой лапы оживленно бегали по клавиатуре крошечного компьютера.— Что за удовольствие можно получать от выслеживания и убийства других живых существ? Это выше моего понимания. Да-да, я этого абсолютно не понимаю.

— У некоторых живых существ довольно вкусное мясо,— внес свое замечание Стэн.

— Причина смерти? — спросила Хейнз, у которой не было настроения пускаться в философские споры. Телефонный звонок раздался, к счастью, не в один из бурных моментов ночи, а уже под утро, когда Стэн и Лайза проснулись в достаточной степени, чтобы вновь потянуться друг к другу. Все равно досадно.

— Несчастный случай во время охоты. Судя по входному отверстию, смертельная рана нанесена из реактивного ружья. Плюс к этому — и данный факт должен порадовать вас, лейтенант,— выходное отверстие отсутствует. Предполагаю, снаряд застрял в теле. Че-

рез короткое время один из моих отпрысков извлечет снаряд для вашего исследования. Итак, вывод: смерть в результате несчастного случая во время охоты.

— Чертовски удобный вывод,— пробормотала Хейнз.

Компьютер Спилсбери затрещал, и спиндарец протянул женщине-полицейскому распечатку своего рапорта.

— Время смерти... время смерти... Ага! — Хейнз быстро прикинула в уме.— За один цикл до взрыва бомбы.

— Плюс-минус три часа,— уточнил Спилсбери.— Точное время мы установим немного позже.

Хейнз собиралась задать следующий вопрос, но Стэн кивком головы пригласил ее отойти в сторонку. Они прошли на дальний конец скалы.

— Вы попали в точку, лейтенант. Удобная смерть.

До сих пор Хейнз гадала, как следует называть в официальной обстановке коллегу, с которым ты только что была в постели. И вот обращение прозвучало впервые. Она тут же про себя одобрила решение Стэна вернуться к формальному стилю общения.

— Полицейские не принимают на веру совпадения.

— И я тоже.

Однако Стэн старался держать в узде свою недоверчивость — ведь совпадения действительно случаются в жизни. Даже самые невероятные.

Спилсбери подковылял к ним с пакетом для вещественных доказательств.

— Вот отчего он умер.

Стэн взял пакет. Пуля была из какого-то довольно мягкого металла, ее головка расплющилась так, что стала раза в два шире основания.

— Точный калибр определить не могу,— продолжал Спилсбери.— Но вне сомнения, это пуля от охотничьего карабина. Судя по входному отверстию, убитый начал разворачиваться в сторону гор как раз в тот момент, когда его сразила пуля. Можно только пожалеть, что у вас, людей, такой непрочный внешний слой кожи — в отличие от более удачных произведений природы.

— Да, обалденно жаль,— согласился Стэн.— Лейтенант, вы в курсе, на какую дичь охотятся в этом заповеднике?

— На опасных зверей.

— К примеру?

— Я позвоню в администрацию заповедника,— сказала она и вынула из кармашка на поясе трубку-телефон.

Стэн пожевывал свою нижнюю губу, а Хейнз, с трубкой возле уха, перечисляла животных, на отстрел которых давали лицензии в этом заповеднике. Два-три раза капитан уточнял детали о животных. Лайза закончила перечисление и вопросительно посмотрела на него.

— Да, тут обитают зверушки, с которыми опасно связываться,— протянул Стэн.— Природа одарила их всем, чтобы талантливо убивать.

Лайза озадаченно покосилась на него.

— Да,— продолжал он,— как только что выразился сотрудник заповедника — «эффективные орудия смерти». Мохнатые, крепкая чешуя, панцирь и все такое. Словом, звери, которых убить непросто, одной пулькой не свалишь.

Однако до Хейнз все еще не доходило, к чему он клонит.

— Когда пытаешься свалить большое и свирепое животное,— продолжал пояснять Стэн,— особенно если оно имеет панцирь, нужно прибегать к помощи по-настоящему больших пуль.

Когда он служил у богомолов, ему случалось по долгу службы сталкиваться лоб в лоб с большими и свирепыми существами — и убивать их.

— Так вот, необходима пуля из самого твердого сплава, литая. Всякая другая, что помягче, непременно расплющится, когда ударится о панцирь.

Лайза взяла пакет с пулькой из рук Стэна и задумчиво проговорила:

— Таким образом, даже начинающий охотник зарядит ружье пулей из мягкого металла только в одном случае — если идет на легкую дичь, у которой к тому же тонкая кожа.

— К примеру, хочет убить человека,— закончил за нее Стэн.

— Да, капитан, не нравится мне все это. Поганое дело.

Стэн был вынужден согласиться.

— Знаешь,— продолжала Хейнз,— что скажут мои боссы, когда я доложу им, что начальник спецназа Крегер был замешан в заговоре? Что спецназ направили в этот район, зная о предстоящем,— и затем расплатились с Крегером дыркой в грудь.

Стэну достаточно было одного взгляда на нее, чтобы понять: детектива по расследованию убийств волнует не это. Как узнать, один ли полицейский столь высокого ранга замешан в этом деле? А вдруг их несколько?

— Что-то мне подсказывает, что многие из твоих боссов трусливо подожмут хвост,— сказал Стэн.

— Мерзость, мерзость и еще раз мерзость. Ладно, двигаем отсюда и поглядим, какие еще гадости поджидают нас сегодня.

Глава 16

— Динсмен — вот кто наш тронутый бомбист,— мрачным тоном изрекла Лайза.

Стэн мог только теряться в догадках, почему она не рада этому открытию, но сейчас было важнее удостовериться, что полиция не

ошибается в личности преступника. Он понимал: безопаснее доложить императору, что докладывать нечего, чем дать недостоверную информацию.

— Этого типа лишь подозревают по основательным причинам или же он уличен окончательно?

— Никто не уличен окончательно, пока не расколется. Но за вычетом Динсмена, никто не мог совершить такое преступление. Он единственный незарегистрированный спец по бомбам в Прайм-Уорлде.

— А каким образом вы регистрируете тронутых бомбистов? — заинтересованно осведомился Стэн.

— Мы очень пристально наблюдаем за типами, которые зарабатывают на жизнь взрывами,— сказала Хейнз.— А поскольку их вообще не много и они к тому же периодически подрываются на своих же взрывных устройствах, то следить приходится за горсткой людей.

— А мы исходим из предположения, что преступник — коренной житель Прайм-Уорлда?

— Приходится для начала ограничить круг подозреваемых. К тому же за последний год на Прайм-Уорлд не прилетал ни один из подпольных специалистов по взрывным устройствам.

— Продолжай.

— Динсмен — специалист по раскрутке страховых компаний. Использует армейскую взрывчатку.

— Кем бы ни был преступник, он действительно использовал армейскую взрывчатку.

— Второе: этот фокусник за всю жизнь ни разу не покидал нашей планеты. За несколько циклов до того, как из Алэна сделали котлету,— продолжала Хейнз,— Динсмен был в долгах как в шелках и задолжал всем акулам-ростовщикам в округе. А потом вдруг разом расплатился со всеми и стал швырять деньги направо и налево. Он околачивался по разным питейным заведениям с псаурусцами. Хочешь спросить, кто такие псаурусцы? Объясняю: существа вроде ящериц — размером крупные, но промышляют жульничеством — мелким. Словом, этот Динсмен вдруг начинает платить за всю шайку и обещает в будущем закатывать еще большие пиры. А поскольку он расплатился с соуардскими подпольными ростовщиками, которые дерут десять процентов в месяц, ему снова повсюду открыли кредит. После чего он исчез.

Стэн глубоко задумался над тем, что сообщила Лайза. Погруженный в свои размышления, он подошел к перилам ее дома-корабля и стал рассеянно смотреть на лес внизу.

В связи с перенаселенностью Прайм-Уорлда и нехваткой места для жилищной застройки, которая к тому же строго контролировалась властями, умные головы измыслили некоторые довольно изощ-

ренные формы решения проблемы жилищного кризиса. Скажем, некто владеет лесным массивом, в котором строительство жилья категорически запрещено. Но в законе ничего не сказано о пространстве над лесом. И вот оно уже сдано внаем и над лесом возносятся дома-корабли, оснащенные мощным маклиновским генератором. Форма домов самая разная, но квартплата примерно одинаковая — непомерная. Зато жильцы получают по-настоящему уединенное жилье, причем очень комфортабельное, за вычетом того, что эти дома немного треплют штормовые ветры.

Хейнзовский дом-корабль состоял из одной, но очень просторной комнаты. Кухня и туалет располагались на корме за перегородкой. Лайза разделила комнату передвижными ширмами, что давало ей возможность с необыкновенной легкостью менять конфигурацию своего жизненного пространства в любой день, когда выдавался свободный часок. Обстановка состояла из одноцветных навесных шкафов, которые смотрелись весьма необычно в эпоху повального увлечения многоцветьем, а также из нескольких низких столиков и подушек, которые служили и стульями, и кушетками, и кроватями.

Стэна, в общем-то, не тянуло что-либо изменить в этом уютном доме. Он ему нравился. Но рабочие проблемы не давали расслабиться.

— Ты рассказала мне не все?

— Угу. Этот Динсмен направился в космопорт, огрел железкой по голове полицейского, который охранял космояхту одного богача. И стартовал через пару минут.

— Где Динсмен научился управлять космическими кораблями?

— Э-э, капитан, вы прослужили в армии так долго, что совсем оторвались от жизни. Эти яхты построены для людей, у которых денег больше, чем мозгов. Необходимо только одно — сунуть в щель компьютера карточку с указанием маршрута, а уж электроника позаботится обо всем остальном. Таким образом, и в этом случае электроника позаботилась обо всем остальном, и Динсмен благополучно оказался в космосе.

— Замечательное свинство.

— Согласна. Но мне известно еще кое-что. В том числе и то, куда этот Динсмен направился.

— Так почему же ты мрачнее тучи? — спросил Стэн.

— Да, я мрачнее тучи. Стэн, у меня по-настоящему поганая новость. Вначале предыстория. Когда я стала следователем в отделе убийств, мне подумалось, что рано или поздно мне захочется записать в свой компьютер что-либо действительно секретное. Поэтому я закодировала вход в память моего компьютера. Однако на случай, если кто-то все же прорвется через код, я установила ловушечку. Уж если кто и вломится в память моего электронного дружка, я, по крайней мере, буду знать, что в ней побывали незваные гости.

— Язви вашу душу! — ругнулся Стэн. Он уже догадался, что произошло, и вскочил.

— Налей и мне. Хватит. Спасибо. Так вот, кто-то влез в мой компьютер. И приобщился ко всему, что мне известно.— Хейнз горестно вздохнула и залпом выпила содержимое своего стакана.— Но и это еще не самое плохое, дорогой мой. Мне удалось частично проследить, откуда производился взлом. Капитан, тот, кто украл мою информацию, действовал с терминала в императорском дворце!

Глава 17

— Этого мне только не хватало,— произнес вечный император достаточно спокойным тоном.

— Так точно, ваше величество,— поддакнул Стэн.

— Поздравляю, капитан. Вы отменно поработали. Мне чертовски жаль, что я дал вам это поручение... Ладно, продолжайте расследование. По дыму, который вы учуяли, я предполагаю тут большой огонь — что-то похуже просто шпиона в моем дворце.

— Так точно, ваше величество. Этот Динсмен летел на яхте, пока не кончилось горючее, а потом бросил ее.

— У вас есть его след?

— В докладе лейтенанта Хейнз указано, что Динсмен пересел с яхты на трамп, на который он завербовался в одном космопорте. Если быть точным, в Холлистере.

— Каким образом, черт возьми, этот субъект завербовался на грузовой корабль? Разве не вы говорили, что у него нет ни малейшего опыта работы на межзвездных линиях?!

— Ни малейшего. Однако, согласно реестру Ллойда, это межзвездный танкер, перевозящий легковоспламеняющиеся сорта горючего. Охотников работать на нем маловато, так что в команду набирают кого попало.

— М-да... Продолжайте.

— В настоящее время трамп направляется с грузом на Хиз, ваше величество. Разовая перевозка.

— Да-а, капитан Стэн, вы пришли с букетом радостных новостей.— (Планета Хиз была метрополией таанских миров.) — Уже пили, капитан?

— Нет, ваше величество. Еще не успел.

— Ну так начнем.

Император налил две порции из своей фляги со спиртом и без промедления опрокинул себе в рот стаканчик.

— Капитан, позвольте, я введу вас в святая святых и дам образчик мышления вечного императора. Итак, или (пункт А) Таанский союз *на самом деле* несет ответственность за ликвидацию Алэна...— тут тон императора несколько изменился,— и за некоторые другие...

мерзости, или же (пункт Б) вся эта история превращается в невиданный кошмар, в котором концов не сыщешь.

— Видимо, так, ваше величество. Не могу знать, ваше величество.

— Эх вы, горе-помощник!.. Ладно, капитан, все в порядке, в полном порядке. Налейте себе еще стаканчик, да не вытягивайтесь по стойке «смирно», просто побудьте рядом, покуда я решаю касательно плана действий. Начнем с гипотезы, что вы достойны моего полного доверия. Вы дьявольски молоды, еще не слишком высоко поднялись по служебной лестнице, на службе у меня совсем недавно и не успели ни с кем снюхаться. Я доверяю гуркам. Кстати, как вам нравится старший субудар? Его зовут, кажется, Лимбу?

— Отличный парень.

— Передайте командование гурками ему. Я направляю вас в командировку. Приказ сформулируем предельно четко — помнится мне, когда вы служили в отряде богомолов, то порой отличались... скажем так, несколько вольным толкованием приказов вышестоящих. Итак, вы летите на поиски Динсмена. Доставьте его сюда живым и невредимым. Он должен быть в форме, чтобы ответить на все вопросы, которые мне будет угодно задать. Вы все поняли, капитан?

— Так точно, ваше величество,— отчеканил Стэн. Отпив глоток спирта, он добавил: — Мне потребуется поддержка, ваше величество.

— Капитан Стэн, думайте только о том, как лучше выполнить мой приказ. В вашем распоряжении все, что пожелаете,— вплоть до передачи под ваше командование гвардейского полка, если вы сочтете это целесообразным. Но только доставьте, доставьте мне этого Динсмена!

Глава 18

Двери сомкнулись за спиной Тарпи. Инстинктивно он прислонился спиной к стене, пока глаза привыкали к полумраку. Его зрачки расширились — он различил над собой светящиеся точки: звезды и космические корабли.

Место действия в зале, который, подобно планетарию, имел форму полусферы, резко изменилось — стало светло как днем, потому что одна из звезд приблизилась и разрослась в размерах — имперская десантная флотилия находилась «под» этой звездой и «над» планетой, которая казалась пятнышком побольше. В центре комнаты, возле проектора, луч света которого веером охватывал полусферу потолка, Тарпи различил в кресле фигуру Хаконе.

Тем временем место действия снова изменилось. Теперь боевые машины и транспортные корабли десантников плыли над поверхностью планеты, которая проецировалась на пол, так что Хаконе видел ее словно из кресла пилота, сидящего в одном из боевых кораб-

лей. Легкие корабли-истребители метались из стороны в сторону, ведя дальний бой с защищающими планету спутниками.

— Это ты?

Тарпи не потрудился ответить. Чего ради попусту сотрясать воздух — ведь он единственный из слуг Хаконе имеет доступ в зал сражений. Стало быть, войти мог только он, и нечего попусту спрашивать.

— Этот человек удрал в Таанский союз,— сказал Хаконе.

Тарпи криво усмехнулся.

— Ему там будет нелегко залечь на дно и затаиться.

— Бери все, что тебе потребуется. Без ограничений. Если сочтешь нужным, прихвати с собой несколько наших преторианцев-дезертиров — для поддержки.

— Важно ли, каким образом я его уберу?

— Нет. Это проходимец мелкого пошиба, которого занесло в общество, где насилие — привычное дело. Никто не станет тщательно разбираться, что с ним приключилось.

Тарпи коснулся кнопки, и створки двери разошлись.

— Кстати... знайте, что император также направил своего человека на розыски.

Книга третья

«Барашек»

Глава 19

Старший сержант Алекс Килгур, откомандированный на спецзадание штабом отряда богомолов — подразделения Первой дивизии императорской гвардии, унылым взглядом окинул свой безвкусный крикливый наряд — фиолетово-зеленую рубаху и цветастые свободные штаны, характерную одежду местных профессиональных сутенеров — и стал смотреть через мощеную улицу на школьный двор. Там пожилой таанский отставник в офицерской форме преподавал строевую подготовку детишкам лет восьми.

«И этот небось талдычит малявкам: трудно в учении, легко в бою»,— подумал Алекс и поморщился от скуки. Впрочем, ему было глубоко наплевать на то, как маршируют малолетки. У него была куча других малоприятных забот, которые он принялся перебирать в голове, поджидая Стэна.

Ничего плохого в том, что его откомандировали выполнять спецзадание. В глубине души Алекс не мог не признавать, что так проявляет себя суровая неизбежность. Он прослужил в отряде богомолов достаточно, чтобы с ясностью понимать: часы рано или поздно остановятся. Лишь в самое последнее время таймер, отмеряющий его жизнь, чуточку подзамедлил ход. И вот опять — в самое пекло.

«Смерти я не боюсь, нет,— страстно запротестовал Алекс,— так что не в этом главная причина того, что я не в своей тарелке. Я поступил служить императору солдатом и знаю свой солдатский долг. Сейчас судьба забросила меня в какой-то кретинский мир и выряДила в шутовской наряд. Да, в ближайшую тысячу лет — может, когда выйду в отставку,— я просто обязан поведать императору, что я пережил на службе его величеству. Бедняга небось и знать не знает, чего мы тут, служа ему, переживаем, в какие передряги попадаем!»

«Кретинским миром» был Хиз, столица Таанских миров. Алекс и Стэн прибыли туда под вымышленными именами, с вымышлен-

ными биографиями. Впрочем, Килгур не переставал насмешливо фыркать по поводу их «легенды» — Стэн решил, что им подойдет образ двух сутенеров большой руки. Таким скользким типам обычно задают мало вопросов относительно того, откуда они, куда и с какой целью.

На протяжении своей службы Алекс частенько попадал в самую гущу диковинных миров с совершенно необычной культурой, это было частью его профессии. Он отвык удивляться. Но Хиз сумел поразить его.

Таанское общество состояло из замкнутых сословий, отделенных раз и навсегда непреодолимыми барьерами. К высшему сословию относились прежде всего военачальники — наследственная земельная аристократия, занимающая главенствующее место как в политической, так и в военной структуре. Рангом ниже шли потомственные офицеры и младшие офицеры и, наконец, потомственные воины. Второй класс составляли купцы, третий — любой рабочий люд. На низшем сословии лежало ярмо постоянного и неизбывного тяжелого трудового бремени — от работы в полях и ручного неквалифицированного труда в городах до службы оруженосцами у молодых аристократов.

«Вот именно это меня и злит пуще всего,— думал Алекс,— просто из себя выводит. Чертовы рабы из третьего сословия, похоже, совсем не против того, что на них ездят все, кому не лень. Да как же можно такое терпеть!»

Похоже, столетий десять назад из Килгура получился бы пламеннейший революционер.

«Добро бы этих покорных полурабов кормили по-человечески. Нет, ихнюю жратву цивилизованное существо хавать не станет. Едят какие-то океанские водоросли, жарят каких-то тощих зверьков, от мяса которых с души воротит, а здешние овощи по вкусу напоминают древесный уголь. Человеку и думать про ихнюю пищу тошно!»

Алекс икнул от отвращения.

Не мастак подолгу философствовать, он замкнул цикл своих размышлений приятным воспоминанием о здешнем пиве — отменный напиток, крепкий, и достать его без проблем. Единственное, что примиряет с таанским миром... На этой-то мысли и застал его Стэн.

Алекс окинул взглядом товарища и сказал вместо приветствия:

— Если шмотье тебе выбирала мамочка, она у тебя большущая оригиналка.

Стэн был одет еще экстравагантнее, чем Алекс. Но по обычаю таанского уголовного мира, чем обычнее и скучнее ты одет, тем больше бросаешься в глаза. На Стэне был смокинг с фалдами до колен — в оранжево-черную полоску — и угольно-черные облегающие спортивные штаны. По сведениям Стэна, это был последний писк моды у тех, кто шакалил в мире проституток.

Стэн только хмыкнул в ответ на язвительное приветствие друга. Он тоже стрельнул взглядом в сторону школьного двора. Таанский старый вояка поймал пацана на какой-то ошибке и монотонно пробирал его перед строем. Стэн кивнул, и друзья двинулись в сторону района «красных фонарей» — именно там они поселились.

— Ну, нашел своего идиота-бомбоклада? — спросил Килгур.

— Да.

— Ух ты! Тебе бы не мешало рассказать мне поподробней. Судя по твоей физиономии, ты не очень-то рад.

— Тут порадуешься,— сердито отозвался Стэн.— Сукин сын и здесь проделал то же самое.

Да, похоже, Ли Динсмен действительно был с тараканами в голове. После того как он благополучно добрался до Хиза, сошел с корабля, поселился в укромном местечке, вволю попил, завел любовницу и как-то очень скоро промотал большую часть своих денег, он пустил гулять по уголовному миру слух о том, что он специалист по подкладыванию бомб и вообще человек крайне полезный и дорого не берет. Маленькая шайка с большими планами с ходу нанята его сделать пролом в подземное хранилище Центрального таанского банка.

Впервые в жизни у Динсмена все прошло без сучка без задоринки — бомба превратила железобетонную стену в кучу обломков. Банда набила мешки деньгами и драгоценностями, прихватила Динсмена на свою хазу и напоила до бесчувствия. Не будучи дураками, они смекнули, что таанская «полиция» (на самом деле просто вооруженные отряды, выделенные из военных частей для несения полицейской службы) не уймется, пока не найдет виновника такого крупного ограбления, и подсунули ей Динсмена в качестве козла отпущения.

— Стало быть, наш приятель в тюряге! — присвистнул Алекс.

— Хуже.

— Брось! Что может быть хуже? Ты знаешь, Стэн, когда я работал в музее, я всерьез подумывал об отставке. Музей был в графстве Росс Гален — одном из самых красивых на планете под названием Эдинбург, а замок стоял на озере Лох-Оуэн. И зажил бы я где-нибудь на бережке этого Лох-Оуэна — так нет, черт меня занес к этим варварам!..

— Да заткнись ты, балаболка! — рявкнул Стэн. Не будучи в настроении выслушивать досужую болтовню Алекса, он сразу же добавил тоном ниже: — Динсмен не в тюрьме. Этого гада отконвоировали дальше.

— У-у-у! — понимающе протянул Алекс.

— Вот тебе и «у-у-у»! Его посадили на корабль и отвезли на планету-тюрьму.

— Какая незадача. Я бы с горя выпил.

— И я не прочь надраться,— сказал Стэн.— Может, после пятого стакана и придет в голову мысль, какими словами объяснить императору, что не в силах человеческих вызволить Динсмена из самой страшной таанской колонии строгого режима.

К счастью, Алекс почти сразу же углядел бар, который только-только открылся. Оба имперских шпиона круто развернулись и ринулись внутрь.

Глава 20

Тарпи также напал на след Динсмена. Для приезда в Хиз он использовал куда менее остроумное прикрытие, чем Стэн. Пять преторианцев-дезертиров прикинулись командой борцов, совершающих турне с показательными выступлениями, а он — их менеджером. О рекламе они не заботились, поэтому их выступления то и дело отменялись из-за малочисленности публики. У Тарпи и преторианцев было достаточно времени для поиска исчезнувшего специалиста по подкладыванию бомб.

Тарпи возбужденно крутил в руке чашку чая, хотя сейчас он на радостях выпил бы и чего-нибудь покрепче. Но у него был собственный набор законов — нерушимых и ни разу не нарушенных законов, которые помогали ему выходить сухим из воды и не погибнуть на протяжении семидесяти пяти лет. Среди его строжайших законов был такой: когда ты на задании, ничем не задурманивай мозги.

В конце концов он поставил чашку на стол и жестом приказал своему денщику Мирку рассказывать дальше.

Блаженное тепло разливалось по телу Тарпа. Не столько от выпитого чая, сколько от приятной информации. Ему очень редко приходилось получать задания, которые не требовали бы прибегать к насилию, проливать кровь. Но нынешнее обернулось легкой прогулкой, простеньким дельцем, за которое он отхватил изрядный куш.

Тарпи быстро просмотрел компьютерные данные о планете-тюрьме, куда угодил Динсмен. Девственная природа. Все заключенные приговорены к пожизненному заключению. Средний срок жизни заключенных в колонии — пять лет. Количество побегов за все годы существования колонии — ноль. В отличие от большинства наемных убийц, Тарпи верил в старую пословицу — «кровь радости не приносит». Он даже несколько усовершенствовал эту пословицу. У него она звучала так: не проливай кровь без нужды.

Шансы Динсмена вернуться в империю были равны большому жирному нулю. «Ох уж эти людишки,— расслабленно философствовал Тарпи,— вечно они строят какие-нибудь козни, и вечно им невдогад, что боги долго терпят, но в итоге всегда проливают чашу гнева на того, кто играет с огнем».

Тарпи пружинисто встал, вынул дискетку из считывателя и пошел к гостиничному умывальнику. Выплеснув заварку и ополоснув чашку, он открыл шкафчик и вынул оттуда бутылку чистого квилла. Налил себе, затем, после секундного размышления, достал вторую чашку и налил квилла Мирку. Мирк выпил алкоголь молча, не выразив своего удивления по поводу того, что хозяин без объяснений нарушил святой закон, о котором было известно и денщику.

Тарпи осушил свою чашку и сказал:

— Собирай ребят, капрал. Ближайшим рейсом мы улетаем обратно на Прайм-Уорлд.

Динсмен навсегда выведен из игры. И о том капитане, посланном императором, больше нет нужды беспокоиться. Осталась одна забота: какой процент своих комиссионных отстегнуть преторианцам-дезертирам, чтобы они не чувствовали себя обиженными — шли на дело, а все кончилось раньше, чем началось.

Глава 21

На Хизе ходила горькая шутка, что широкая река, протекавшая через центр столицы, была единственной рекой во Вселенной, которая когда-нибудь горела.

А она действительно горела — на протяжении нескольких дней. Докам, жилищам докеров и прочим строениям на ее берегах был нанесен огромный ущерб, равно как и прибрежной природе (в самой реке вся живность давно вымерла). Но даже после того, как огонь перестал бушевать на поверхности предельно загрязненной реки, таанские лэндлорды не ударили палец о палец, чтобы очистить ее, даром что они бесконечно рассуждали о своей любви к буколически простой жизни и нетронутой природе. Оно и понятно — аристократы-военачальники имели собственные усадьбы с чистенькими садами и чистейшими озерами и могли прогуливаться по тропкам своих парков, складывая оды, стилизованные под буколики, воспевавшие деревенский образ жизни. А что до крестьян, так пусть хоть дерьмо жрут.

Впрочем, какие доки, в каком веке и на какой планете не горели хоть раз? Можно взглянуть на пожар как на благотворный способ обновить городские районы. Впрочем, так оно и произошло — сожженное быстро отстроили, и жизнь вернулась на берега отравленной реки.

Кхаг был отличной иллюстрацией вышесказанного. Популярность этого оживленного города зиждилась на двух причинах: он был важным транспортным узлом — и с речным портом, и с космопортом, вдобавок тут можно было раздобыть любой незаконный товар и предаться любым незаконным утехам.

Двое мужчин в баре мало отличались от обычной публики — разве что своими серыми мундирами тюремных охранников. Их заля-

панные грязью штаны были заправлены в высокие болотные сапоги. Оба имели при себе оружие, но в Кхаге этим никого не удивишь — тут вооружены все поголовно. На кожаных поясах обоих мужчин в серых мундирах красовался одинаковый набор оружия: пистолет обычный и газовый, полицейская дубинка и газовый баллончик. Голоса у дружков были грубые, хриплые; оба были сильно под мухой и говорили чересчур громко. Один из них, его звали Киит, изрек с грустью, вперив взгляд в лежавший перед ними на стойке бара пакет с билетами и документами:

— Последний день, компаньон. Последний денек — и отчаливаем!

Его собутыльник Охлсн важно кивнул головой:

— Знаю-знаю. Ты удивишься, мистер Киит, но до меня вдруг доперло, почему мы с тобой в таком дерьме сидим.

— Да, проблем у нас хоть отбавляй.

— Не скажи,— возразил Охлсн. Он был в той стадии опьянения, когда в голову приходят блестящие идеи, но достаточно трезв, чтобы поддерживать здравый разговор с более пьяным собеседником.— У нас с тобой одна-единственная беда — мы никак не можем определиться в жизни, сидим между двух стульев.

— Не врубаюсь.

— А ты хлебни еще — и врубишься. Нас призвали, и нам придется оттрубить там цельных три года. И об чем мы будем мечтать, об чем будем маяться эти длинные-предлинные три года?

— По родине будем тосковать, вот чего мы будем там делать. Задница у нас будет свербеть — как бы поскорее вернуться.

— Ну и зря. Разве у воина задница свербит по дому? Стало быть, справедливо, что мы с тобой не принадлежим к военному сословию, кишка тонка!

— Уж больно ты нас круто!

— Поделом! Нам бы, дуракам, сейчас радоваться, а мы как в воду опущенные. Сам подумай — ведь там у нас будет какая-никакая, а власть! Сколько раз тебе доводилось вмазывать кому-нибудь просто потому, что тебе не понравилась его рожа? А там — можно. Сколько раз самые красивые цыпочки без ломания прыгали в твою постель? А там — все красавицы станут вешаться тебе на шею, потому как ты — власть.

— И в морду, и цыпочки — это законная часть нашей будущей работенки, Охлсн.

— Правильно. Но ты посмотри на нас со стороны. Мы принадлежим к низшему сословию, верно? Забудем про тоску, давай эти три года проведем с кайфом, заживем не хуже твоего офицера или какого аристократа! Гуляй, братва, не стесняйся!

— Для нас это совсем новое дело. Как бы оно не оказалось кучей дерьма.

— Не бери в голову, приятель. Если подумаешь, сам поймешь — бояться нечего. Мы здесь тем же делом заняты были, в тутошней тюряге, только без всякой для себя выгоды. Так что справимся.

Киит насупился, видно было, что он хочет вдуматься в слова товарища. Но усилию мысли мешало то, что он при этом разливал по стаканам остатки квилла из литрового графина. Чтобы не пролить ни капли, нужно было полностью сосредоточиться на процессе.

Момента, когда опустеет их графин, с нетерпением ждали Стэн и Алекс, сидевшие за столиком метрах в трех за спиной Охлсна и Киита. Теперь Стэн взмахом руки подозвал официантку.

— Видите этих двоих у стойки? Повторите их заказ — за наш счет.

Сунув официантке несколько кредиток, он посмотрел на Килгура.

— Угу, ты прав,— ответил Килгур на невысказанный вопрос.— Эти парни — то, что нам нужно.

Когда девушка принесла дружкам новый графин, озадаченные Охлсн и Киит поинтересовались, кто их угощает. Киит обернулся и вытаращился на пару сутенеров. Стэн высоко поднял свою кружку и улыбнулся. Киит и Охлсн переглянулись, вспомнили, как мало денег на выпивку у них осталось, и подсели за столик к переодетым имперским шпионам. Но доброжелательные физиономии сутенеров не произвели на них большого впечатления.

— Не люблю, когда меня угощает лицо неизвестное! — задиристо прорычал Киит.

— Мы братья Кемпбеллы,— ничуть не обидевшись, сказал Алекс.

— Братья! Я просек, чем вы занимаетесь, братики!

— У нас такого рода профессия, что без рекламы мы никуда,— сказал Стэн.— Никакие девочки не станут работать с нами, если мы будем выглядеть несолидно.

— Терпеть не могу сутенеришек,— заявил Охлсн.— Знали бы вы, как мы поступаем с ними там, у себя.

— Вот поэтому я и не суюсь к вам, туда,— сказал Стэн, наполняя их кружки.

— Не вешай нам лапшу на уши,— буркнул Киит.— Ты знаешь, кто мы такие, и угощаешь нас не за красивые глаза.

— Разумеется, нет,— согласился Стэн.— У нас с приятелем возникла одна проблема.

— Еще бы таким, как вы, не иметь проблем!

— И мы размышляем, нельзя ли пресечь это зло в зародыше, пока дело не зашло слишком далеко.

— Ну-ка, я угадаю,— сказал Киит.— Одна из ваших шлюх нашла постоянного кавалера и намыливается выйти из бизнеса?

— Послушай, да этот парень умеет читать мысли в чужой голове! — с насмешливым восхищением сказал Стэн, обращаясь к Алексу.

— Вы, канальи, знаете порядки. Раз девка удрала, она больше не ваша. И на аркане не вернете. Остается только замочить со зла. Только не пробуйте подкупить нас, чтобы мы разыскали и вернули вам эту золотую дырку. Не пройдет. Сроду таким не занимались.

— Мы не настолько глупы,— сказал Алекс.

— В таком случае какого хрена вы нас поите?

— Видите ли, эта девочка...— терпеливо начал Стэн,— она прелесть что за штучка. Но ума у нее с наперсток — спуталась кое с кем оттуда.— Стэн потыкал большим пальцем в потолок. Этот жест на Хизе обозначал представителя более высокого сословия.— Его третьей жене это пришлось не по нраву. Кончилось тем, что нашу подружку Дину обвинили в перекупке краденого и отправляют на планету-тюрьму.

— Какие страсти вы рассказываете! — криво ухмыльнулся Киит.

— А ведь она делала для нас такие большие бабки! — со вздохом произнес Стэн.— Поэтому я хочу, чтобы в тюрьме она ни в чем не нуждалась, чтоб с нее там пылинки сдували. Дина такая неприспособленная, такая хрупкая.

Киит и Охлсн озадаченно переглянулись.

— Чего же вы хотите?

— Чтобы кто-нибудь заботился о ней на Дрю. Чтоб с ней ничего дурного не приключилось. И чтоб она не наломала дров.

— Желаете, чтобы мы приглядывали за ней?

— Вы правильно поняли меня.

— Чепуха какая-то. Зачем она вам сдалась? Ушла — и никогда не вернется.

— В нее вложены большие деньги. Видите ли, у этой Дины подрастают сестры. Такие бутончики, еще краше ее. И в случае, если я позабочусь о ней и о защите ее семьи...

Охлсн счастливо хрюкнул. Он вообразил, что может ставить свои условия сделки.

— Отлично, канальи. Мы возьмем вашу девку под крылышко. Но что мы будем с этого иметь? Сейчас. Здесь.

Алекс вынул из кармана рулончик таанских кредиток.

— Фи! — протянул Киит.— Это гроши, ребята. Мы едем аж на три года, а вы предлагаете нам вот это? Издеваетесь?

— Давайте свои условия.

Киит потряс пакетиком с билетами и документами.

— Тут пропечатано, что наш корабль вылетает через восемь часов. Это значит вот что: ежели хотите купить нас, вам придется предложить нам то, чем мы можем попользоваться в эти восемь часов. И что не втравит нас в неприятности. Так что не подсовывайте нам ничего... э-э... такого...

— Когда мужчина пьет квилл, его начинает тянуть на *кое-что*,— вмешался Охлсн, чтобы вырулить разговор в нужном направлении.

Стэн сделал большие глаза.

— Извините, друзья, я бываю туповат. Разумеется, это очень легко устроить.

— Братишка,— добавил Килгур,— мы можем доставить им самых сладких лапочек. Но похоже, эти джентльмены ведут крутой торг. Что ж, как насчет сестер Дины?

Киит похотливо облизал губы.

— Как, вы уже взяли их в оборот?

— Спрашиваешь! — сказал Стэн.— Ее родителям плевать. Такой уж они народ. Растят детей как скот. Дождутся, чтоб девчушкам стукнуло десять,— и продают. Две сестрички Дины работают на нас уже больше месяца. Правильной дорогой пошли девочки.

— Тогда мы согласны,— кивнул Киит.— Плюс вы снабдите нас жратвой и выпивкой в дорогу. И проверните все так, чтобы мы не опоздали на транспорт с заключенными.

Обе парочки обменялись удовлетворенными улыбками, и Стэн заказал еще графин — выпить за сделку.

На ночной улице солоноватый холодный ветер мигом протрезвил Стэна. Он напился до такой степени, что уже всерьез обдумывал, не сказать ли двум олухам в серых мундирах, какая участь их ждет. Сейчас, достаточно протрезвев, капитан отстал от Киита на полшага и опустил правую руку. Он согнул пальцы, по-особому развернул кисть, и в руку из рукава выскользнул его неизменный спутник — кинжал. Стэн чуть заметно кивнул Алексу.

Алекс внезапно повернулся на месте и, разогнав кулак, ударил Охлсна в грудную клетку с силой, равной утроенной силе тяжести. Ребра прогнулись внутрь, и шок от удара остановил сердце жертвы.

Кровь хлынула изо рта Охлсна — он умер мгновенно, так и не сообразив, что произошло.

Смерть Киита была «аккуратнее», но такой же мгновенной. Нож Стэна врезался в основание затылка и перерубил спинной мозг.

Искусство убивать без раздумий, на уровне рефлексов было привычкой, приобретенной обоими в отряде богомолов. И это искусство не забылось. Стэн и Алекс подхватили тела убитых, не дав им упасть, и быстро оттащили подальше в темноту.

Они быстро сняли с трупов оружие и одежду, забрали билеты и документы. У ближайших мусорных баков лежали припрятанные заранее большие мешки для мусора, в которые имперские шпионы проворно засунули трупы двух охранников. Уже через несколько минут после смерти тела Киита и Охлсна оказались в мешках на дне реки — той самой, что когда-то горела.

Не пройдет и десяти часов, как ядовитая вода полностью растворит трупы, и криминалисты ровно ничего не определят по оставшейся слизи.

Алекс сложил мундиры и сунул себе под мышку.

— Много я в жизни нагрешил,— задумчиво изрек он,— но впервые я загрязняю водоем.

— Алекс, да помоги же мне! — жалобно позвал Стэн.

— Минутку, дружище. Минутку. Я уже заканчиваю.

Они находились в крохотной квартирке, которую сняли в бедном районе города, и Алекс был действительно очень занят. Килгур скормил документы и фотографии Киита и Охлсна, а также свою фотографию и фотографию Стэна специальному аппарату — они прихватили с собой кое-что из богомольского спецоборудования, совсем мало. Этот аппарат сделал копии документов — паспортов и личных послужных карточек охранников, но вставил в нужные места фотографии Алекса и Стэна и все их физические характеристики.

— Сержант Килгур, я выше вас по званию, черт возьми!

Аппарат выдал предпоследнее фото — на нем Киит стоял, нежно обняв знаменитую кинозвезду. А на последнем фото ту же кинозвезду ласково обнимал Стэн. Килгур лукаво заулыбался и нажал кнопку. Аппарат зашипел — пройдет полминуты, и оригиналы документов превратятся внутри аппарата в труху, пластиковую стружку, по которой ничего не определишь. Алекс наконец оглянулся — что там со Стэном.

— Я не швея! — твердо отчеканил Стэн.— Я капитан гвардии его величества. Меня не учили перешивать мундиры. Даже при помощи пошивочного клея и ножниц мне не справиться с этими чертовыми мундирами! Ты видишь, все кончилось тем, что я склеил себе пальцы.

Килгур поцокал языком, налил себе стаканчик — в баре он пил как бы на службе, теперь можно было выпить в неслужебное время. Грустным взглядом он спокойно наблюдал за метаниями друга.

— Как же тебя угораздило склеить обе руки? А вот у моей мамочки никогда не было проблем с шитьем.

Прежде чем Стэн сообразил, как со склеенными руками дать затрещину насмешнику, Алекс разрешил проблему простейшим способом — вылил ему на руки содержимое из своего стакана.

Алкоголь растворил клей, который Стэн так бестолково использовал, пытаясь подогнать форму Киита под свою фигуру.

Килгур снова наполнил стакан и протянул Стэну, который с досады осушил его залпом — так что подавился и на глазах у него появились слезы.

— Так-так,— мудро покивал Алекс,— ты подтвердил старинную пословицу.

Стэн набычился и грозно уставился на своего друга.

— А старинная пословица звучит так: как сошьешь, так и наплачешься.

«Этот сукин сын Килгур,— решил про себя Стэн,— напрочь лишен чувства субординации».

Глава 22

Мышцы у него заныли, когда их окатила первая холодная мутная волна. Был час отлива, но Динсмен, как новичок, еще не наловчился идти так, чтобы отлив помогал ему и вода сама несла за собой. То же самое случалось всякий раз в Час Трубного Гласа, когда сирена на берегу возвещала о конце рабочего дня. Опытные старожилы колонии возвращались в поселок, тратя минимум сил, следуя за приливной волной и заботясь об одном — поддерживать равновесие. А Динсмен и утром, и в течение дня, и вечером воевал с волнами. Наказанием была ночная бессонница — ноги ломило так, что было не до сна, несмотря на смертельную усталость.

Его беды усугубляли ребристые камни на дне и острые как бритва раковины моллсков. А на ногах Динсмена были лишь пластиковые башмаки с тоненькой подошвой.

— Проклятье! — охнул он в который раз, потому что очередная раковина отхватила еще кусочек кожи.

Сердце бешено колотилось. Он почти физически ощущал, как из ранки на ноге вытекает в воду струйка крови. Было противно думать о страшилище, что сидит в раковине моллска и принюхивается к его крови. Динсмена передернуло от страха и отвращения. Он постарался взять себя в руки и не сбиваться с маршрута. Справа и слева от него сорок заключенных планеты-тюрьмы Дрю широкой шеренгой двигались по воде в сторону от берега — брели очень осторожно, стараясь приметить пузырьки воздуха над испуганными моллсками, ловлей которых они занимались.

Никогда в жизни Динсмену не приходилось так много трудиться и испытывать такую степень животного страха. Он предпочел бы обезвредить десять самых хитроумных мин, чем ловить одного коварного моллска. Динсмен никогда не отличался ловкостью рук — даже работая с такими чувствительными механизмами, как взрывные устройства. Семь оставшихся пальцев слушались его плохо, для тонкой работы не годились. Он продержался так долго в качестве спеца по бомбам, невзирая на руки-крюки, лишь потому, что был очень хладнокровен, перебирая опасные проводки, глупо не рисковал, а береженого, известно, и Бог бережет.

— Динсмен! — проорал надсмотрщик с берега.— Ну-ка, пошевеливайся, не то я тебя пошевелю хорошим пинком в зад!

Вздрогнув от крика, словно от удара электрического тока, Динсмен неловко шагнул вперед, держа наготове ловушку.

Большинство работ на Дрю были примерно того же характера, что и дело, которым сейчас занимался Динсмен. Шла добыча чего-нибудь чрезвычайно экзотического и очень дорогого, но представляющего опасность для жизни тех, кто этой добычей занят.

Нежное мясо моллска ценилось обитателями многих звездных миров — как за восхитительный вкус, так и за легендарное свойство повышать потенцию мужчин и распалять похоть женщин. Моллск был мутантом земного двустворчатого моллюска — килограмм съедобного мяса, защищенный раковиной полуметрового диаметра с острыми как бритва краями.

Потребовались усилия многих и многих поколений селекционеров, чтобы вывести столь восхитительных на вкус моллсков. К несчастью для охотников, те же самые гены, которые сделали мясо моллска таким нежным, сделали тварь не просто юркой, а невероятно юркой. Эти существа предпочитали жить в холодной морской воде на прибрежном заиленном дне, где в изобилии водился криль — мелкие рачки. Когда моллск питался, он приподнимал верхнюю створку раковины и, покачивая ею, словно опахалом, загонял кишащие в воде микроорганизмы в свой желудок-фильтр. Хотя у моллска не было ни зрения, ни осязания, он искал партнера для скрещивания и убегал от опасности за счет совершенного нюха. Именно по этой причине — чтобы моллски не учуяли — ловцы работали во время отлива. Теоретически запах организмов, разлагающихся в иле у самого берега, должен маскировать запах охотящихся людей. Так оно и было, но лишь до того момента, пока ловец не приближался к моллску на расстояние примерно метра. Тут моллск слышал запах человека, начинал паниковать и зарывался глубоко в ил — при этом на поверхность выскакивали пузырьки воздуха. И тогда ловец хватал его. Или, если обладал ловкостью Динсмена, мучительно пытался схватить его.

Динсмену, как и всем остальным ловцам, выдавали специальную ловушку. Она состояла из мешка-сетки и двух полутораметровых ручек, управлявших двумя заостренными лопатками, которые расходились и сходились под действием пружины,— что-то вроде гигантских плоскогубцев в сочетании с бреднем. Ловец медленно брел по полосе прибоя и, держа ловушку наготове, вглядывался в буруны, стараясь заметить пузырьки воздуха, помечающие место, где перепуганный моллск зарывается в ил. Ловец проворно погружал ловушку туда, откуда поднимались пузырьки,— с поправкой на преломление света в воде. Протащив нижнюю лопатку по илу, ловец приводил в действие пружину, которая захлопывала ловушку, куда вместе с илом попадал и моллск. Вытащив добычу из мешка-сетки, ловец бросал ее в заплечный короб.

Динсмен справлялся с этой работой хуже всех. Он замечал пузырьки с опозданием, неправильно засекал место, откуда они поднимались, и частенько в его заплечном коробе к концу смены не

оказывалось ни единого моллска. Это значило, что его почти не кормили,— на Дрю рацион заключенных и наличие послаблений в режиме напрямую зависели от дневной выработки. Не прошло и месяца, как брюшко Динсмена исчезло, а ребра стали топорщиться под углом в тридцать градусов. Как будто муки голодом было мало, всякий раз, когда он возвращался с пустым коробом, старший надсмотрщик, верзила Четвинд, со словами «Ну-ка, сопля, покажи цыпленка!» заносил свой кулачище и давал Динсмену такую затрещину, что тот клевал носом землю.

Сейчас Динсмен медленно двигался вперед, стараясь нащупать ногой ровное место на дне. И тут совсем рядом появились пузырьки воздуха. Динсмен панически засуетился. Он погрузил ловушку в ил, вслепую, бестолково, и тут же нажал механизм, приводящий в действие пружину. Миллион пузырьков взметнулись наверх, и Динсмен почти истерично расхохотался — между створами вытащенной из воды ловушки был зажат ненавистный моллск. Нажав рычажок, открывающий створы, Динсмен вынул раковину и бросил ее в заплечный короб. «Ага,— возбужденно думал он про себя,— у меня таки получилось!» Он зашагал дальше, испытывая прилив уверенности в себе. Но очень скоро прежние сомнения и страхи вернулись с еще большей силой. В памяти всплывали страшные истории, которые рассказывали в поселке,— про то, что за чудища поджидают человека в этом проклятом море и как они нападают именно тогда, когда расслабишься и не ждешь подвоха.

Динсмену не доводилось видеть своими глазами такое нападение, зато он не раз наблюдал, как Четвинд и другие надсмотрщики выволакивали на берег трупы заключенных. Поговаривали, что в этом море водится чертова уйма смертельно опасных тварей. Двух тварей боялись особенно, говорили о них постоянно и видели в ночных кошмарах.

Первое из этих чудовищ, менее опасное, называлось морэя и *тоже* охотилось на моллсков. Формой морэя отчасти напоминала трехметрового удава — плыла, стремительно поводя ребрами и используя хвост как руль. Этим же хвостом морэя захлестывала свою жертву при нападении.

На громадной голове морэи была пасть с челюстями, которые раскрывались почти на сто восемьдесят градусов, так что она могла заглотить кусок шире толщины своего тела. И подобно большинству подводных существ, она была чрезвычайно массивной, что сообщало ей огромную убойную мощь, неожиданную даже в трехметровом существе. Очевидцы рассказывали, что одна морэя, ухватив ногу, свешенную за борт лодки, способна утащить и владельца ноги, и всю лодку под воду. К счастью, успокаивал себя Динсмен, морэя редко охотилась во время отлива. Но вот когда ловцы с приливной волной возвращались на берег, тогда-то и наступал самый опасный момент,

и заключенные тревожно озирались, стараясь побыстрее оказаться на суше.

Однако самой страшной морской тварью считался гурион. Это была вечно голодная *штуковина*, которая охотилась в любое время дня.

Сейчас Динсмен с ужасом подумал, что находится в воде по пояс. Именно на таком мелководье любит порезвиться гурион. Эту тварь он еще ни разу не видел — и не печалился об этом. Судя по рассказам, гурион напоминал земную морскую звезду, но только громадную — метра два, не считая длины щупалец. На этих длинных широких щупальцах — опять-таки по рассказам — тварь могла, крепко вцепившись в дно, торчать из воды при трехметровой приливной волне. Гурион двигался в воде быстрее, чем бегущий человек — на суше. Так что удрать от него не было никакой возможности. Покрытые толстой бугристой кожей, гурионы были почти молочной белизны. Большими присосками на щупальцах гурион хватал раковину, раскрывал ее створки и не моллска посылал себе в рот, а протягивал к нему свой желудок, бывший одновременно и пастью с рядами острых зубов. Желудок смыкался вокруг жертвы и втягивался обратно в тело гуриона, где начинал рвать еще живую жертву на части и одновременно переваривать ее.

Динсмен уповал на то, что никогда в жизни не увидит живого гуриона.

После того как его приговорили к пожизненному заключению на Дрю, Динсмен невольно думал: уж лучше бы я угодил в лапы прайм-уорлдской полиции. Он всю жизнь чувствовал себя человеком, чьи таланты недооценивают. Но на Дрю его таланты и вовсе никому не были нужны. Он считал себя человеком, который может приспособиться к жизни в любом обществе. Никаких предрассудков у него нет, лишь бы ему не мешали заниматься любимым делом, в котором он настоящий профессионал,— взрывать, взрывать, взрывать. Когда кровавое дело сделано, можно уютно посидеть в хорошей пивнушке с компанией таких же профессионалов, как и он сам.

Четвинд его таланты оценил сполна. И Динсмен уже не так жалел, что попал в таанскую, а не имперскую тюрьму.

Кстати, Динсмен нисколько не винил таанскую систему за то, что его осудили. Дал маху — расплачивайся. Во всем он винил коварных грабителей, с которыми его угораздило связаться.

Начальство начальством, охрана охраной, но настоящая власть в поселках на Дрю сосредоточивалась в руках самых боевитых из числа заключенных. Четвинд был бригадиром и всевластным неофициальным старшиной в одном из не сообщающихся друг с другом поселков, разбросанных по всей планете Дрю. Таанский режим, по существу своему тоталитарный и фашистский, создал эту планету-тюрьму с одной целью — вышвыривать туда уголовников и дисси-

дентов. Для таанских властей было одинаковым преступлением, если ты ограбил банк или вышел на улицу с плакатом в защиту прав крестьянства. Как все фашисты всех времен, таанцы были людьми с практической жилкой. Прежде чем умертвить своих врагов, они норовили использовать их даровой труд. Если планета-тюрьма, то на самоокупаемости. А еще лучше — с хорошей прибылью.

Скажем, там, куда попал Динсмен, в прибрежные воды были запущены для размножения моллски. Двадцать граммов мяса моллсков стоили маленького состояния таанским богатеям. В глубине континента по пустынным просторам носились похожие на перекати-поле растения, содержащие драгоценный мускус. Они опять-таки были специально завезены на Дрю. Поскольку любого, кто к ним прикасался, эти растения обильно обрызгивали проедавшей кожу кислотой, при их сборе погибло немало заключенных. В других частях Дрю находились ранчо, фермы и шахты, где «никчемные подонки» ценой своих жизней производили необходимые таанской аристократии товары.

Динсмен понял, что попал в мясорубку, еще до того, как его привезли в поселок на берегу моря, где царем и богом был Четвинд. Он решил выжить любой ценой. И намерения Четвинда делали планы Динсмена не такими уж фантастическими.

Когда-то Четвинд был рабочим лидером и боролся за права докеров в главном таанском космопорте. До этого у него было весьма богатое и крайне пестрое прошлое — мордобой, грабеж, убийства. Но то, что он возглавил забастовку докеров из-за какого-то ныне забытого повода, стало последней каплей, переполнившей терпение таанских властей. Наручники защелкнулись на его руках, и судья со злорадной ухмылочкой объявил, что Четвинду предстоит осваивать новую профессию сборщика моллсков.

К тому времени, когда на планете появился Динсмен, решительный здоровяк Четвинд стал бригадиром у ловцов моллсков, а также их верховодом и был признанным владыкой в приморском поселке, с которым считались и охранники,— удобно иметь человека, поддерживающего порядок среди матерых преступников.

Начальство обычно закрывало глаза на бесчинства и злоупотребления бригадиров, пока люди в бригаде выдавали норму и не бунтовали.

Четвинд одевался приличнее других заключенных, конфисковывал у приезжающих все сколько-нибудь ценные вещи — для себя и своих прихвостней, без которых не мог бы в одиночку править поселком. У него имелся даже свой гарем из женщин-заключенных. Впрочем, надо заметить для справедливости, женщин он не всегда брал силой; помимо его положения вожака и относительного богатства женщин привлекал и он сам — крутой, обаятельный, мастер выживать в невыносимых условиях.

Когда Динсмена доставили на Дрю и определили в поселок, где бригадирствовал Четвинд, незадачливый взрывник быстро подпал под обаяние уверенного в себе вожака. Началось с того, что огромный детина внимательно прочитал украденную копию сопроводительных документов на Динсмена.

— Стало быть, любитель делать трах-тарарах? — задумчиво произнес он.— Похоже, ты тот самый парень, который нужен мне, чтобы вернуться на Хиз.

Четвинд сразу же засадил Динсмена за производство бомб, освободив от тяжелой, а главное, смертельно опасной работы в море. Разумеется, материалы для создания бомбы были самые экзотические, малоподходящие — что нашлось. Но Динсмен старался превзойти самого себя и вздыхал о том, что он мог бы сотворить, будь у него настоящие инструменты и набор нужных веществ.

Он никогда не спрашивал Четвинда, для кого, собственно говоря, предназначаются бомбы. Очевидной целью были охранники. Но случись одному из них получить хоть царапину — расплата будет такой жестокой, что и думать об этом не хотелось. Тем не менее Динсмен покорился без вопросов и в итоге смастерил такое взрывное устройство, которое реагировало на перегар наркопива — а надо сказать, от всех охранников разило этим пивом двадцать четыре часа в сутки.

Испытания закончились сокрушительной неудачей.

Динсмена угораздило сделать крохотную ошибочку при изготовлении феромонного взрывателя, реагирующего на запах. Четвинд затеял праздник в честь первого взрыва — и мускус, которым умащала себя очередная пассия Четвинда, привел в действие взрыватель бомбы гораздо раньше положенного времени.

Динсмен думал, что его убьют на месте. Однако Четвинд лишь надавал ему плюх, а потом, после долгого совещания со своими дружками-громилами, определил его на общие работы — собирать моллсков. Когда Динсмен впервые зашел в воду, побрел с ловушкой в руке за волнами отлива и гадал, кто укусит его первым — морэя или гурион, он думал, что лучше бы Четвинд убил его сразу, а не посылал на эту муку...

Слева раздался пронзительный крик. Динсмен завертел головой и увидел, что все члены бригады как сумасшедшие бегут к берегу. Другой пронзительный крик донесся справа. До Динсмена дошло, что он слишком замечтался, пережевывая свои беды, и теперь отстал от товарищей, которые спасались паническим бегством.

Он понимал, что надо бежать, но вместо этого зачарованно смотрел на что-то темное, что змеилось по воде — со стороны моря, по направлению к нему. Морэя! Боже мой, это же морэя! Динсмен нашел в себе силы стряхнуть морок, заработать ногами, но двигаться против отлива было неимоверно трудно — казалось, он бежит на од-

ном месте и берег нисколько не приближается. Сердце колотилось отчаянно, мускулы работали из последних сил, но берег так и не приближался. Ему чудилось, что тварь сейчас тяпнет его за пятку, выхватит кусок мяса на бедре... Но вот он каким-то чудом домчался до кромки воды и рухнул, товарищи вытащили его на берег. Динсмен задыхался. Его трясло от пережитого страха. Увидев, что он не ранен, товарищи оставили его и побежали к берегу. Динсмен услышал жуткий крик, привстал на песке и посмотрел в сторону моря.

Четвинд стоял почти по пояс в воде, и что-то большое, темное тянуло его в воду — вместе с товарищем, которого он пытался спасти. Четвинд держал товарища под мышки, и тело несчастного, который кричал в предсмертной агонии, ходило ходуном в руках бригадира. Тварь терзала свою жертву, которая все не умирала, все еще кричала, кричала, кричала, а Четвинд не разжимал мертвой хватки и волок, волок умирающего к берегу. Он тянул и тянул, пока скрытое водой существо не выпустило свою жертву. Четвинд рухнул на песок у воды. Заключенные издали радостный вопль, который сменился воплем ужаса. Победило все-таки чудовище — Четвинд вытащил на берег лишь половину человека, без ног, с кишками наружу. Несчастный прожил еще секунду, успел страдальчески усмехнуться Четвинду — и тут глаза его закатились, кровь хлынула через рот.

Динсмен отвернулся. Его стошнило.

Глава 23

— Принимайте заключенного, мистер Охлсн!

— Есть принять заключенного, мистер Киит!

Подбодренный дубинкой Стэна, работавший в казарме охранников заключенный побежал рысцой по белой полосе через небольшой плац к воротам, где его поджидал Алекс. Килгур отсалютовал «Киите» по-таански — вытянув руку вперед ладонью вниз — и выпустил заключенного за ворота, где, собственно, и начиналась тюрьма. На планете Дрю зэки жили на свободе — или вроде как на свободе, а охранники — в огороженных и надежно защищенных лагерях.

Алекс закрыл тройным запором ворота и строевым шагом двинулся через плац к своему другу. Подойдя к нему вплотную, он еще раз выбросил руку в приветствии. Стэн сделал в ответ такой же, но вялый жест, и оба направились в казарму, где обитали после прилета на Дрю.

— Эх, Стэн, Стэн,— забубнил Алекс Килгур,— много чего я на своем веку сделал для императора, но ты втравил меня в черт-те что. Господи, в каких ролях мне приходится выступать! Я был, к примеру, совсем неплох в роли разжалованного солдата, когда мы воевали с этими психованными талиеманерами. Но ты заставляешь меня

исполнять совсем кретинские роли — сначала сутенеришки, теперь тюремщика! Нет, моя мамочка не одобрила бы то, как ты со мной поступаешь!

Килгур не прекращал ныть с тех пор, как друзья взошли на борт корабля, который транспортировал заключенных на Дрю. Документы ни у кого не вызвали подозрения. Впрочем, их и не проверяли как следует. Даже одержимым подозрительностью таанцам в голову не приходило, что у кого-то найдется причина добровольно лететь охранником на планету-тюрьму.

Хотя в службе охранника в этом жутком месте были свои прелести. Добрая половина всех ценностей, попадавших на Дрю, оседала у охранников. Они бессовестно пользовались служебным положением, чтобы удовлетворять свои сексуальные потребности: и женщины, и мужчины, попавшие на Дрю, очень быстро с радостью смекали или были вынуждены принять как суровый факт, что могут продлить себе жизнь, если не побрезгают постелью охранника или охранницы. Стэн и Алекс любовниц не заводили и, чтобы не казаться белыми воронами, распространили слух, что перед отлетом на Дрю переспали с одной шлюхой и разом подцепили дурную болезнь, которая плохо и долго лечится.

Покойный Охлсн был прав: для не избалованных жизнью людей низшего сословия, которых призвали служить тюремщиками, это время было сплошным праздником.

Уже на подходе к казарме, проходя вторые ворота, Алекс прошептал:

— Слушай, Стэн, ты уверен, что нам следует только выкрасть отсюда этого проклятого подкладывателя бомб? А что, если мы напоследок устроим здесь маленький фейерверк, оставив бомбочку в серединке лагеря?

— Идея симпатичная, старшина. Но я говорю решительное «нет».

Килгур горестно вздохнул, и они вошли в здание.

Пивной автомат щелкнул, забулькал и снова щелкнул. Алекс приподнял пластмассовую крышку, взял две кружки наркопива и направился к столику, за которым его поджидал Стэн. Все комнаты отдыха в бараках были на один манер — много плюша из вульгарного стремления подражать дорогим покоям таанской аристократии, но с дополнением — пивными автоматами. Алекс, предварительно поморгав, заставил себя отхлебнуть напитка из кружки. Уроженец свободного мира, солдат привилегированного подразделения имперской гвардии, он не привык к сомнительным радостям, которые дает наркопиво. Да и Стэн тянул наркопиво без удовольствия — в свое время ему довелось вволю попить этого пойла на Вулкане, планете заводов и грубых нравов.

— Пусть эти таанцы и жрут не приведи господи что,— проворчал Алекс,— они хоть пиво пьют человеческое.

— Я бы не назвал это человеческим пивом.

— Да, верблюжья моча, думаю, вкуснее, чем тутошнее пиво.

— Делают из низкосортного зерна и добавляют процентов пять опиума.

Алекс, только что сделавший глоток, выплюнул пиво обратно в кружку.

— Ты что, шутишь?

Стэн отрицательно повертел головой. Память подсказывала, что вкус у наркопива малоприятный. Но теперь оказалось, что он просто омерзительный.

— А как оно действует? — спросил Алекс.

— Пьянеешь, разумеется. Здорово забалдеваешь. Но похмелье особенное: денек, а то и два это пивко выходит потом и трясет тебя при этом как в лихорадке.

— Славный напиточек. Сперва Алекса делают сутенером, потом поганым тюремным надсмотрщиком, а теперь — извольте! — наркоманом. Эх, знал бы император, чего я терплю ради него!

Стэн не без ехидства заметил, что информация о напитке не помешала Алексу опустошить свою кружку до дна. Дальнейшее нытье Килгура было заглушено громкими криками, которыми охранники приветствовали двух своих товарок; Стэн и Алекс за три недели пребывания на Дрю их еще не видели.

— А-а, близняшки Фэрлоу!

— Попользовались лотерейной удачей, сестрички?

«Близняшки Фэрлоу» было прозвищем подруг-охранниц. Они и сестрами-то не были, просто очень похожи друг на друга. А Фэрлоу в их прозвище появилось оттого, что они когда-то принудили спать с собой красавца заключенного по фамилии Фэрлоу и использовали его на пару.

Та из «близняшек», что постарше и погрузнее, властно подняла руку и призвала разошедшихся охранников к тишине.

— Желаете отчет, ребята? Отлично. Душонка усопшего зэка, по которому мы безутешно скорбим — как, бишь, его или ее фамилия? — душонка его потопала на небо к Создателю, а тело, как и полагается, пошло в дело.

— Кто об этих головорезах плачет!

— А вот мы с Кей нашли новый способ славно проводить отпуск на Хизе.

Все охранники и охранницы навострили уши.

— Вы, ребята, обычно как в отпуске — так сразу на курорт. А мы сами себе курорт устроили, не выезжая на природу. Сейчас на военной базе строят новые военные корабли, вовсю наращивают нашу

мощь — ну и понаехало рабочих рук. И все молодые парни, все в соку. Вкалывают по-черному, а в город их не отпускают.

Мы с Кей смекнули, что заработки у них ого-го, а денежки тратить не на кого. И парни свои денежки ухнули на нас — мы на всю катушку воспользовались своим правом провести отпуск в центре отдыха при военной базе.

— Славно скоротали времечко! — хихикнул кто-то.

— И я вам так скажу,— продолжала охранница наставительно,— нам было в кайф. Эти парни крутили с нами не потому, что деваться некуда, а потому, что сами того хотели.— Тут она осклабилась и добавила тоном, который она считала кокетливым: — Ну-ка, мужики, не слушай. А вам, девочки, скажу по секрету — когда по доброй воле, оно... как бы это... позабористей! К тому же за все платят они сами.

Сержант-вертухай встал и церемонно поднял свою кружку.

— Мы рады приветствовать наших друзей. С возвращеньицем. Похоже, вам есть о чем порассказать. Но если и в следующий раз вы, крошки, снова выиграете в лотерее, кого-то вынесут вперед ногами. Вы уже в третий раз на протяжении двух лет выигрываете в лотерее и мотаетесь в отпуск на Хиз. Пора и честь знать.

Стэн и Алекс переглянулись, поняв друг друга без слов. Они подошли к автомату, наполнили свои кружки наркопивом и присоединились к компании охранников.

Перед ними остро стояла нерешенная проблема: если удастся найти Динсмена — каким образом увезти его с Дрю, да и как самим отсюда выбраться? Будучи профессионалами в деле выкрадывания нужных людей, они были уверены, что выход всегда найдется. Но прошло три недели, а выход не находился, сколько они ни ломали головы. Дрю окружала охранная сеть спутников — автоматических и управляемых солдатами. Улететь с планеты можно было лишь двумя способами — на борту рейсового корабля, перевозившего заключенных, когда тот возвращался порожняком, или на грузовом корабле, который увозил с Дрю дорогие товары, произведенные заключенными. На корабле, перевозившем заключенных, была нешуточная команда охраны — даже Стэн и Алекс, при всем их удальстве и выучке, не могли бы захватить транспорт, охраняемый сотней хорошо обученных солдат. На грузовом корабле не было ни души — им управлял компьютер; но поддерживалась температура ниже нуля, и атмосфера состояла из одного азота.

Вот почему информация о лотерее показалась занятной имперским шпионам.

А лотерея была действительно интересной затеей. Таанские власти могли гордиться планетой Дрю. Она не просто приносила прибыль. Все было поставлено так рационально, что ее пленники использовались на все сто процентов — порой даже после смерти.

При стрессе гипофиз человека выбрасывает в организм сильное обезболивающее вещество. Чем больше стресс, тем больше выброс. Поскольку почти все заключенные умирали на Дрю в условиях чудовищного стресса, их тела были полны драгоценного наркотика. Неудобство заключалось в том, что тело следовало тут же заморозить — наркотик при нормальной температуре быстро разлагался. Заключенные на Дрю умирали как мухи, но немногие из них погибали при условиях, когда их тела можно было начать замораживать незамедлительно, через считаные минуты. Вот почему заключенные, попадавшие за провинность в изолятор, покидали его лишь одним образом — в мешках для трупов.

Стэн и Алекс выяснили, что «хороший» труп, то есть вовремя замороженный, отправляют на Хиз. На Дрю наркотик из трупа не выкачивали по двум причинам: во-первых, мало кто из медиков соглашался ехать в такую дыру, как Дрю; во-вторых, подобно всем сильным обезболивающим, этот наркотик, производимый человеческим гипофизом, был отличным галлюциногеном. У того из таанских аристократов, кто придумал извлекать наркотик из трупов, хватило ума сообразить, что нельзя производить наркотики рядом с матерыми уголовниками и коррумпированными охранниками — никакие меры безопасности не сработают. Вот почему когда набиралось достаточное количество «хороших» трупов, их разом отправляли на Хиз — в сопровождении двух конвоиров. Для охранников, которые завербовались на много лет, это был единственный способ временно покинуть Дрю, кроме отпуска, предоставляемого раз в три года. Двух конвоиров выбирали с помощью лотереи.

К концу вечера Стэн и Алекс вконец окосели от поглощенного наркопива. Зато они знали, как можно улизнуть с Дрю. Улизнуть самим и прихватить Динсмена.

Глава 24

Первый шаг сделал Алекс: завелся рассказывать длинную занимательную историю.

— О-хо-хо,— насмешливо зевнул он.— И месяца не проканто-вался на Дрю, а уже переслушал все ваши байки, ребята.

— Так порадуй нас своей, Охлсн! — сказал один из охранников. Коренастый коротышка шотландец успел снискать уважение охранников и стать всеобщим любимцем. В том числе и потому, что всегда с охотой угощал коллег.

— Уж если я возьмусь рассказывать, так извольте заткнуться и слушать раскрыв рот.

В комнате отдыха стало тихо.

— Я вам расскажу про то, что случилось на старушке Земле. Еще до того, как появился нынешний император. В те давние-предавние

времена, когда шотландцы еще разгуливали босиком по свободным зеленым просторам своего родного острова. Но и тогда была империя и император — правда, не вечный. Империя звалась Римской. И вольные шотландцы, храбрые воины, были занозой в заднице империи. Поэтому те взяли и перегородили остров высокой-превысокой стеной. Они, значит, по одну сторону, а мы, значит,— по другую. Эту стену они назвали по имени своего императора — Адриановой.

Но даже в те времена торговля была делом святым. А посему в стене были ворота, чтобы народ с товаром мог ходить туда-сюда. А у ворот, понятное дело, стояли охранники.

И вот в один прекрасный вечер охраняли ворота два римлянина — парни по имени Марк и Флавий...

Тем временем Стэн делал второй шаг к возможности покинуть планету-тюрьму.

Следовало найти Динсмена и к тому же суметь подделать результаты лотереи в свою пользу, чтобы именно Стэна и Алекса послали отконвоировать трупы на Хиз. Обе эти задачи нельзя было разрешить, не имея терминала и доступа к головному компьютеру планеты-тюрьмы.

Начальство не приветствовало наличие терминалов у персонала, а те терминалы, что имелись, находились под строжайшим контролем и реагировали только на голос своих хозяев из высшей администрации тюрьмы.

Однако Стэн обнаружил, что игровые компьютеры, стоявшие в комнате отдыха, на самом деле довольно сложные машины. Если охранник выигрывал, машина платила ему сразу же или наркопивом (отдавая приказ стоявшему рядом пивному автомату), или начисляла выигранную сумму денег на счет победителя. Разумеется, когда охранник проигрывал, компьютер производил немедленные отчисления из его зарплаты. Стэн расцвел довольной улыбкой, когда понял, что именно такие игровые машины стояли на Вулкане и знакомы ему с раннего детства.

Пока Алекс отвлекал внимание охранников своим рассказом, Стэн делал вид, что азартно играет, для видимости нажимая ногами на педали управления. На самом же деле он нащупывал выходы в головной компьютер, в памяти которого хранилась вся необходимая информация. Для этого Стэн включил крохотные приборчики, которые он провез на Дрю контрабандой под видом плеера и батареек к нему. Один из приборчиков — миниатюрный «жучок» — повел игру с компьютером за Стэна, пока тот был занят совсем другим.

Наконец экран замигал, Стэн быстро нажал на нужные клавиши и вышел из режима игры. Компьютер был блокирован кодом, но кодом до смешного простым для профессионала. Стэн задумался на минуту, потом ввел другой код. Пора делать следующий шаг.

— ...Марк отслужил на острове четыре года, а бедняжка Флавий был новичком, приехал с месячишко назад и на дежурстве впервые. И вот этот самый Флавий стоит насупленный-насупленный. Не нравится ему местная еда, местная погода, а больше всего ему не нравятся шотландцы. «Не переживай,— говорит ему старый служака Марк.— Ты тут часов около девяти услышишь страшный гам, вопли. Так в штаны не накладывай — это просто орда шотландцев вываливается из наших кабаков». Однако у бедняжки Флавия все равно неспокойно на душе...

У «бедняжки» Стэна тоже было неспокойно на душе. Он оглянулся — все охранники с увлечением смотрели в рот Алексу. Стэн приложил к стенке игровой машины коробочку с крохотным экраном, которая залипла там и начала работать после того, как он нажал кнопку «анализ-внедрение».

— ...И тут часы бьют девять, начинается страшный шум и гам, и прямо на них, к воротам, валит толпа шотландцев — волосатых, грязных, в медвежьих шкурах, а в руках у каждого топорик и дубинка. Флавий перепугался вусмерть, думает — пришел мне конец! И так ему не хочется помирать на краю света, на каком-то острове в нескольких световых годах от родного Рима. Словом, трясется парень и потеет. А Марку хоть бы хны: нацепил на лицо улыбку и смело глядит всей этой орде прямо в глаза.

«Добрый всем вечер»,— говорит.

«Проклятые римляне!» — проорал кто-то из толпы, а другой потянулся к мечу.

«Замечательно выглядите сегодня вечером»,— продолжает Марк как ни в чем не бывало.

А в ответ ему то же самое: «Проклятые римляне!»

Шотландцы подступают все ближе, ближе, дышат Флавию в физиономию перегаром. Ну, думает Флавий, не видать мне моей римской мамочки.

А Марк гнет свое:

«Славный вечерок»,— говорит.

Флавий, тот глаза закрыл, чтоб не видеть, как внутренности вывалятся, когда его мечом по животу рубанут. Ждет-пождет с закрытыми глазами, а ничего не происходит. Все отчаянные волосатые головорезы прошли через ворота на свою сторону.

И Флавия не тронули. Парень тогда поуспокоился, отдышался и улыбается Марку.

«Ты, однако же, прав. Эти шотландцы парни ничего».

«Да, приятель,— отвечает Марк.— Вот ты и научился кое-чему. Но попомни мои слова, в один прекрасный день, когда напьются их *мужчины*, у этих ворот может действительно стать очень жарко».

Как всегда, конец килгуровской байки был встречен гробовым молчанием. Никто не понял соли.

Тишина была нарушена двумя звуками.

Стэн как раз обнаружил нужный код и вошел в память головного компьютера, но в этот момент загудел зуммер игрового аппарата. Стэновский «жучок» перестарался и одержал головокружительную победу, и через несколько мгновений заурчал и застучал пивной автомат, наполняя кружки пивом невиданными темпами. Стэн едва успел смахнуть себе в карман «жучок» и прочее оборудование, когда вокруг его игрального автомата сгрудились все присутствующие.

— Везет же некоторым,— проворчал один из охранников.— За целый год я выиграл только две кружки пива. А Кииту вон какое счастье.

На табло горела цифра выигрыша — 387 кружек.

— Прямо ума не приложу, на кой мне столько,— сказал Стэн.

— Мистер Киит,— сказал другой охранник,— если у вас такое затруднение, мы можем выручить. Будьте уверены, наши животы вместят всю эту прорву.

Стэн и Алекс внутренне подобрались — им предстоял трудный долгий-предолгий вечер...

Глава 25

Крупный мужчина бездельничал на берегу и лениво наблюдал, как неровная шеренга ловцов медленно заходит в воду в поисках моллсков. Вокруг него было с полдюжины дружков-прихлебателей, которые нежились на солнце, но краем глазом поглядывали на Четвинда, не пожелает ли тот чего. Бригадир даже не пошевелился, когда раздался звук приближающейся машины. Он сделал вид, что не слышит, как машина затормозила и песок заскрипел под чьими-то башмаками.

— Четвинд?

— Ну.

— Встать, когда с тобой разговаривают!

Четвинд неспешно повернул голову и изобразил на лице искреннее удивление, когда увидел двух охранников. Столь же неторопливо он поднялся на ноги и насмешливо вытянулся по стойке «смирно».

— Простите, мистер, я прозевал, как вы появились,— делано плаксивым голосом сказал он.— Мы не ожидали, что у нас будут гости.

— Да, ужасная досада. Мне так неудобно беспокоить такого важного мерзавца, как ты.

Стэн внимательно приглядывался к Четвинду, который стоял по стойке «смирно» и ел его глазами. Теперь ничто, кроме наглой искры в глазах, не выдавало Четвинда. В остальном этот громила выглядел тем забитым и покорным зэком, который одним своим видом радует глаз любого охранника. Да, очень опасный тип, подумал Стэн.

— Мы ищем одного уголовника.

— Здесь самое место для поисков, мистер,— ввернул Четвинд.

Стэн проигнорировал тонкое хамство этого замечания.

— Его фамилия Динсмен.

— Динсмен... Динсмен? — недоуменно свел брови Четвинд. Потом его взгляд просветлел: — Ах, Динсмен! Есть у нас такой. Еще жив.

— Где?

Четвинд ткнул в сторону плоскодонного ялика у самого берега. Незадачливый спец по бомбам был занят его уборкой.

— Никчемный парень, если позволите высказать мое мнение, мистер. Не способен выполнить и половину дневной нормы. Я его в конце концов отослал на кухню. Только, боюсь, этот разгвоздяй всех нас отравит.

Стэн и Алекс проигнорировали комментарий бригадира. Песок под их башмаками звучно заскрипел — они решительно зашагали в сторону ялика.

Динсмен, как всегда рассеянный, не заметил приближения охранников. В последний момент он хотел было повернуть голову в сторону подошедших, но Алекс уже сгреб его за загривок и одним движением поднял над землей.

— Динсмен?

— Та-а-ак то-о-о-чно, ми-и-и-стер.

— Есть разговор, парень.

Алекс швырнул щуплого хиляка Динсмена в лодку, потом вопросительно взглянул на Стэна. Тот одобрительно кивнул и запрыгнул в ялик. Пока Стэн отвязывал причальный канат, Алекс подхватил весла и последовал за другом. Через считаные секунды Алекс мощными взмахами весел уже отогнал ялик на изрядное расстояние от берега.

— Господа! Господа! — причитал Динсмен.— Я ничего дурного не сделал, честное слово, ничего дурного...— Потом, по наитию, указал на удаляющегося от них Четвинда и громко прошептал: — Это все он, он! Он заставил меня сделать ту бомбу!

— Вот как? — протянул Стэн.— Стало быть, ты у нас бомбодел?

У Динсмена все так и обмерло внутри. Может, они ничего про это и не знали, а он взял да и... Господи, в какую же очередную историю он влип?

— Ну-ка, расскажи нам про эту бомбочку, миляга,— добродушно предложил Алекс.

— Да он сам... словом, попросил меня... а я... я что?.. я человек подневольный, я и говорю — мол, было дело, разбираюсь во взрывных устройствах... а он...

— Заткнись! — прошипел Стэн.— Нам наплевать на твоего Четвинда.

Динсмен молча уставился на Стэна — у него возникло чувство, что сейчас произойдет что-то совсем ужасное.

— Ты нам лучше расскажи про «Ковенантер»! — рубанул Стэн.

— Пресвятая Дева...— прошептал Динсмен.

Алекс потрепал его по плечу.

— Ты, малый, не богохульствуй!

— Пусть себе,— сказал Стэн.— Будем его прямо сейчас кончать? Чтоб долго не возиться.

Стэн подогнул пальцы, и из его рукава выскочил кинжал с узким лезвием — так, что рукоять легла в ладонь. Динсмен увидел лезвие и взмок от ужаса.

— Я не знал, что это связано с политикой,— залепетал он.— Я никогда с политикой не связываюсь. Можете хоть кого спросить — все скажут, что Динсмен в политику никогда не лез... Я просто... просто...— Он поймал взгляд Стэна и разразился слезами.— Я в политику не лез, пропади она пропадом!

Стэну стало совсем тошно.

— Алекс, чего ты тянешь, черт возьми! Это тот самый тип. Делай свое дело.

Динсмен завизжал и привскочил. Такой пронзительный и отчаянный вопль еще ни разу не касался ушей Стэна — хотя чего-чего, а уж предсмертных воплей он в своей жизни наслушался предостаточно. Но тут до него дошло, что Динсмен так страшно заорал не из-за них.

Стэн повернул голову и посмотрел туда же, куда вытаращился Динсмен.

Нечто неслось за ними по воде с невероятной скоростью — узлов пятнадцать. Оно приближалось так быстро, что казалось, просто бежит по воде, перебирая полудюжиной длинных ног.

Динсмен завизжал снова:

— Это гурион!

Алекс предпринял отчаянную попытку развернуть ялик в сторону берега, но, не имея опускного киля, только закружился на месте. Стэн схватил шест, которым отталкивались от дна на мелководье. Но когда тварь поднялась над водой в полный рост и выплюнула в их сторону свой огромный чудовищный желудок в сетке синевато-красных вен, Стэн услышал за спиной сильный плеск воды.

Что бы ни происходило у него за спиной, об этом должен был позаботиться Алекс, поэтому Стэн даже не оглянулся. Он изо всей силы пихнул шест прямо в пасть-желудок гуриона. Конец шеста расщепился, чиркнув по зубам чудища, но все же вонзился в его плоть. Гурион издал жалобный чавкающий звук, однако не прекратил атаки — обхватил ялик и стал его раскачивать.

У Алекса было еще меньше времени на реакцию. Через секунду после второго вопля Динсмена он увидел еще одного гуриона, который нападал на них с другой стороны. Килгур замахнулся на тварь веслом, но тут он ощутил, как ялик подскочил, словно на прилив-

ной волне, солнце метнулось Алексу навстречу — и он с головой ушел в воду. Толстая часть щупальца охватила его поперек тела, а конец щупальца рвал мундир. Килгур попытался встать на ноги — беда случилась на достаточно мелком месте. Но попытки высвободиться ни к чему не приводили.

А Стэн опасался, что через секунду челюсти твари сомкнутся на его голове, поэтому что было силы полоснул кинжалом по уязвимой мембране желудка гуриона. Но ялик заходил ходуном под ним и вышвырнул его в воду. Еще в воздухе Стэн сумел правильно сгруппироваться и опустился на дно на полусогнутых ногах. Распрямившись, он обнаружил, что вода достает ему лишь до верха бедра. Из первого гуриона гейзером хлестала кровь. Стэн мгновенно определил, что этот гурион уже не опасен, выбросил его из головы и обернулся посмотреть, что происходит с Алексом.

Тот с головой ушел под воду. Легкие Килгура готовы были вот-вот разорваться, но все же сержант ухитрился одной рукой вцепиться в передний луч твари, другой — в выступ на спине. Остальные лучи-щупальца с силой мяли и душили его. Алекс видел под водой красные зубатые разъемы гурионовского желудка в нескольких сантиметрах от своего лица. Последним усилием мышц, выпустив большим пузырем остаток воздуха из легких, Алекс медленно, томительно медленно стал выворачивать щупальце твари, направляя его прямо в зловещую пасть. Рефлекторно челюсти чудища ходили вверх-вниз — оно чувствовало близость плоти. Алекс напрягся еще, сделал немыслимое усилие и впихнул конец гурионовского щупальца ему же в пасть.

Что-то вроде пронзительного стона ударило по барабанным перепонкам Стэна. Гурион, который топил и душил Алекса, выпустил свою жертву и встал в воде в полный рост. Стэн увидел, что гурион заглотил один из своих лучей и визжит от боли — едкий желудочный сок окатывал его собственную плоть, а острые зубы безжалостно полосовали ее. Тварь пожирала саму себя. Диковинная физиология не позволяла ей остановиться — началось рефлекторное, независимое от мозга движение стенок желудка, усеянных направленными внутрь зубами.

Стэн почувствовал что-то твердое у своих ног — и выловил Динсмена. Тот истерично отбивался. Стэн нащупал его сонную артерию, слегка сдавил ее, и Динсмен обмяк. Но когда Стэн потащил его к берегу, раздался крик Алекса:

— Еще твари!

Примерно в четверти километра от них над водой выросли еще три темные массы и помчались в их направлении. Теперь Алекс был рядом со Стэном, плечом к плечу, и они, волоча бесчувственного Динсмена за воротник, устремились к берегу, понимая, что только проворством могут спасти свои жизни.

На берегу Четвинд и его дружки с ленивым интересом наблюдали за битвой, происходящей в воде. Четвинд даже поднялся на взгорок, чтобы лучше видеть, как пара охранников спасают этого дохляка Динсмена.

Скажи Четвинд хоть слово — и его люди могли бы выручить и Динсмена, и охранников.

Стэн за много-много метров от Четвинда словно читал мысли бригадира: у пристани стоят ялики, десяток заключенных, вооружившись тем, что под руку попадется, могут мигом погрузиться в лодки и отбить атаку гурионов. Но чего ради? И Четвинд покатился от хохота. Смех словно рождался в пятках и волной пробегал по всему его огромному телу. Никогда Четвинд не попадал в такую забавную ситуацию. Он сперва присел на песок, а потом и вовсе повалился, катаясь от смеха. Заключенные, вслед за бригадиром, осознали потешность происходящего и залились смехом. Да, если они не придут на помощь, охранники подохнут в животах этих тварей. Но ни одна собака не сможет обвинить в их смерти Четвинда и его ребят. Все заключенные помирали от смеха.

А Стэн и Алекс тем временем делали последнюю отчаянную попытку спастись, потому что вода за ними уже закипала — гурионы настигали. Последним рывком Стэн и Алекс преодолели несколько метров до берега и рухнули лицом вниз на песок.

Стэн лежал без сил, казалось, целую вечность. Он слышал, как кругом гогочут заключенные. Но вот его дыхание восстановилось, он открыл глаза. Заключенные примолкли.

Стэн сперва перевернулся на спину, потом встал и отряхнулся. Четвинд стоял перед ним и ухмылялся.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, мистер? — вежливейшим тоном осведомился он.

Стэн встретился взглядом с его насмешливыми глазами. Все в нем кипело, он сжал рукоять кинжала в руке и подумал, каким приятным будет ощущение...

— Какого черта! — выдохнул Стэн.

И страшное чувство ушло. Стэн обнаружил, что теперь он смеется. А что ему оставалось, кроме как взглянуть на происшедшее глазами Четвинда?

Машина на воздушной подушке мчалась по каменистому полю. Алекс был за рулем. Динсмена они уложили между собой и сейчас направлялись к лагерю охранников.

Динсмен застонал и пошевелился.

— А этого парня не так-то легко прикончить,— сказал Килгур.

— Ну, сейчас мы его утихомирим окончательно. Давай сюда.

Повинуясь взмаху руки капитана, Алекс выудил из кармана шприц и протянул его Стэну, который уже закатал рукав Динсмена. Злосчастный «бомбодел» открыл глаза, узнал Стэна, шарахнулся от него. Но

Стэн прижал зэка могучей рукой к сиденью и всадил ему в руку иглу шприца.

— Сладких снов, дурачина,— сказал он и надавил на стерженек шприца.

Глава 26

Стэн мог только удивляться, как просто все получилось. Головной компьютер планеты-тюрьмы оказался доисторическим монстром, таким примитивным, что обмануть его было плевым делом. Стэн и Алекс выиграли в ближайшем розыгрыше лотереи и получили отпуск на Хиз.

Другие охранники прямо взбеленились.

— Везет же дуракам! — возмущались многие из них.— Не прошло и двух месяцев службы, а им подвезло сопровождать мешки с «сосульками».

«Сосульками» на Дрю называли свежезамороженных покойников.

— Это все мой дружок мистер Киит,— говорил всем Алекс.— Этот тип и гроша ломаного не выиграет в карты, а на скачках всегда поставит на лошадь, которая придет последней. Но когда ума не нужно и игра идет просто на счастье, тут ему везет.

Сержант их подразделения не счел нужным скрывать свое раздражение.

— Мистер Киит, мистер Охлсн, я считаю большущим свинством, что вам, новичкам на Дрю, привалило такое незаслуженное счастье.

— Так точно, сэр,— сказал Стэн. Они с Алексом, в парадной серой форме, стояли навытяжку перед сержантом.

— Зарубите себе на носу, господа. Пока вы будете эскортировать трупы на Хиз, я тут проведу дотошное расследование.

— Расследование? Чего именно? — спросил Алекс.

— Этой вашей странной «удачи». Надеюсь, после вашего возвращения будет много-много больших сюрпризов.

— Так точно, господин сержант! — горячо поддержал его Алекс.— В следующий раз, когда вы увидите нас, будет много-много больших сюрпризов.

Прежде чем Алекс не ляпнул чего-нибудь еще, Стэн незаметно ткнул его кулаком в бок. Оба отсалютовали сержанту, развернулись на каблуках и вышли из кабинета своего начальника.

Покинув атмосферу Дрю, корабль-робот автоматически выключил драйв Юкавы и перешел на драйв АМ-2 для межзвездных перелетов. Стэн и Алекс уже взломали дверь в отсек управления полетом и стояли у терминала.

— Эти тааицы мнят себя большими умниками,— говорил Алекс,— а их автопилота перепрограммировать не сложнее, чем горошине через гуся пропутешествовать.

Проделав все необходимое, Алекс сказал:

— Стэн, может, разморозим этого Динсмена?

— Чего ради хлопотать? Была б охота беспокоиться о мертвом преступнике!

— Да. Когда мы доберемся до места рандеву, у специалистов будет достаточно времени оживить нашего Лазаря.

Под «рандеву» имелась в виду встреча со сверхскоростным имперским истребителем, который маневрировал поблизости от границы с Таанским союзом и поджидал на определенной частоте сигнала от Стэна. Как только истребитель подберет Стэна и Алекса, корабль-робот будет возвращен на свой обычный маршрут на Хиз — чтобы его не хватились раньше времени. Но корабль-робот будет запрограммирован так, что никогда не попадет к месту назначения и превратится в груду металлолома, которая бесцельно путешествует по космосу.

— Мы заполучили нашего дурачка-бомбодела, мы целы-невредимы — о чем еще можно мечтать! — изрек Алекс.

— О доброй выпивке,— буркнул Стэн и направился пошарить по шкафчикам в отсеке для охранников, не оставила ли там какая добрая душа литр-другой алкоголя.

Глава 27

Голубой огонек замигал на пульте рабочего стола Лидо. Адмирал в тот же миг прервал не слишком важный разговор с интендантской службой его величества, нажал на пульте кнопки, блокирующие вход в его кабинет и зажигающие у двери светящееся табло «Идет совещание». После этого он прошел к двери, которая вела из его кабинета в рабочий кабинет императора, постучал костяшками пальцев и сразу же вошел.

Император сидел к нему спиной и смотрел на парадный плац, в сторону которого было развернуто его кресло. Два графинчика стояли на рабочем столе: один с тем, что властитель изволил называть виски, другой — с чистым медицинским спиртом. Лидо невольно поежился, узнав напиток.

Не оборачиваясь к вошедшему, император пророкотал:

— Желаешь выпить, адмирал?

— Э-э... не то чтобы очень.

— Вот и я не хочу. Докладывай о самом плохом за сегодняшний день.

Лидо доложил без околичностей, чтобы побыстрее закончить разговор о неприятном.

— Первый секретарь таанского посольства выразил свою неудовлетворенность состоявшимися встречами.

— Воображает, что он один ими недоволен?

— Позвольте продолжить, ваше величество. О своем недовольстве он сообщил по обычным каналам таанским властям. Я получил... э-э... их официальный ответ.

— Валяй. Порти мне настроение.

— Полный текст коммюнике на моем столе, если вы хотите знать дословный текст,— сказал Лидо.— Нет, не хотите? Все сводится к тому, что в связи с обострившейся ситуацией вокруг пограничных миров таанские властители желали бы встретиться с вами лично.

— Все?

— Не совсем. Из-за гибели Алэна они не хотели бы встречаться на Прайм-Уорлде. Они просят организовать встречу на нейтральной территории, в дальнем космосе. И выражают готовность обсудить место встречи и меры безопасности с обеих сторон. Они настаивают на том, чтобы встреча состоялась не позже чем через двенадцать земных месяцев.

— Хамство. Скотство! Они мне ставят условия!

— Так точно, ваше величество.

— Как насчет бунтов в пограничных мирах?

— Четыре столицы объяты мятежом. Положение в столицах провинций пока неизвестно. Пополнения тамошним гвардейским дивизиям уже направлены. Количество пострадавших? По нашим оценкам, около двенадцати тысяч. С обеих сторон.

— Знаешь, когда-то я полагал,— произнес император ровным голосом,— что любую проблему, с которой я сталкиваюсь, можно решить, хорошо пораскинув мозгами и не суетясь, или с помощью гвардии, или, наконец, оглушив себя алкоголем. Похоже, что я был не прав, адмирал. Сдается мне, складывается ситуация, когда хоть лбом о стенку!.. Я попробую изложить по пунктам, и посмотрим, согласишься ли ты со мной. Факт первый. Таанский союз пытается использовать смерть Алэна для давления на меня. Они хотят, чтобы империя убралась из пограничных миров. Правильно?

— Скорее всего, да,— сказал Лидо.

— Я уйду оттуда — и оставлю с большущим носом всех переселенцев из империи, которым было обещано, что империя будет опекать их и защищать во веки веков. Нет, об этом и помыслить невозможно, даже если мне удастся убедить всех колонистов вернуться обратно — в чем я глубоко сомневаюсь.

Факт второй. Алэновские повстанцы по сю пору не понимают, что объединение с таанскими мирами приведет, скорее всего, к их полной ассимиляции и полному краху всех идеалов, за которые они нынче сражаются. И теперь некому просветить повстанцев насчет печального варианта их будущего. Словом, они действуют иррацио-

нально — от победы им станет только хуже. Я верно говорю, адмирал?

— Пока не вижу ошибок в ваших рассуждениях.

— Таким образом, у меня только одна возможность раскрутить этот узел — найти того, кто повинен в гибели Алэна (и было бы *намного* лучше, окажись им неимперский житель), а затем отправиться на встречу с таанцами. Туда, куда они велят приехать. И молча проглотить положенную порцию дерьма. Неужели нет иного выхода?

— Мне нечего добавить, ваше величество.

— Да, от тебя помощи... А вот Махони обязательно придумал бы что-нибудь.— Император опалил Лидо яростным взглядом, потом смягчился и добавил: — Ну-ну, прости. Это я не со зла... Что ни говори, в ту давнюю пору, когда я был бортовым инженером, я прибегал к другим способам решать проблемы.

— И как же вы решали проблемы в то время?

— Очень просто. Выпивал все, что имело градусы и попадалось под руку, а потом шел бить морды всем, кто создавал мои проблемы.

— Забавный способ,— осторожно сказал Лидо.

— Да, помощник из тебя аховый,— проворчал император, встал и направился в свои покои.

Еще прежде, чем он вышел, Лидо проворно спрятал в шкафчик оба графина.

Глава 28

Гурион кинулся прямо на него, мазнув по лицу кроваво-красным желудком. Завопив от ужаса, Динсмен отпрянул, попятился. Краем глаза он видел, как тот охранник, что угрожал ему кинжалом, сунул шест зверюге в пасть-желудок, после чего ялик покачнулся.

Динсмен рухнул на дно ялика и ползал там, цепляясь за перекладины. Мысли его смешались, легким не хватало воздуха, и никакими силами невозможно было заставить себя приподняться и посмотреть, что происходит кругом. Потом его вышвырнуло из лодки, и он так же слепо стал ползать по дну — пуская пузыри, не решаясь встать. Все кругом забурлило, вода приобрела сладковатый привкус крови. И сразу же что-то схватило его, потянуло, и тут уж Динсмен совсем утратил рассудок. Он стал хлебать воду и рванулся наружу, к воздуху. Не успел он хлебнуть воздуха и прийти в себя, как увидел склоненного над собой охранника. В его руке поблескивало лезвие. Динсмен что было сил рванулся прочь от него. Но рука с лезвием медленно приближалась. Динсмен был отвратительно беспомощен и зачарованно смотрел, как кинжал нырнул в ножны, а ладонь потянулась к его шее, надавила между ключицей и шеей, и Динсмен ощутил, что проваливается... умирает... умирает... умирает...

Тело Динсмена, привязанного к столу, забилось в судорогах. Автомат включил капельницу и впрыснул успокаивающее. Динсмен затих.

Доктор Рикор, один из ведущих имперских психологов, работавших для нужд армии, пребывала в глубокой задумчивости. Она была одобенкой — массивным ластоногим существом, напоминавшим моржа. Сейчас она тяжело отдувалась, поводя своими висячими усами. Проведя по усам передним ластом, доктор Рикор подалась на спинку кресла, и оно жалобно скрипнуло под ее немалым весом.

— Сложный случай, мой молодой друг. Мозг бедолаги без конца проигрывает один и тот же эпизод.

Нигде это не афишируя, доктор Рикор специализировалась еще в одном — считывала с помощью приборов мысли людей в интересах разведотряда «Меркурий» и отряда богомолов. Иногда она участвовала в таких специфических исследованиях, как нынешнее глубокое сканирование сознания Динсмена. Однако травматический опыт наглухо блокировал его мозг. При сканировании шли повторы одного-единственного момента, когда Динсмен чуть было не погиб.

Стэн не без досады рассматривал несчастного бомболюба. В его наготе на лабораторном столе было что-то неприличное — возможно, из-за того, что бедолага был опутан едва ли не тысячей проводов, подведенных к разным частям его тела, прежде всего к голове. Стэн видел на экране уже раз пятнадцать, как Динсмен переживает один и тот же ужас — нападение гуриона. Глубже в его память забраться не удавалось.

Капитан поднялся и нервно зашагал по отсеку.

— Попробуйте снова. Позарез нужно пробиться в глубины его памяти. Проломить травматический блок. Это очень и очень важно. Все, кто мог что-то рассказать, погибли.

Рикор кивнула и полностью сосредоточилась на сканировании. Экран над ними снова ожил. Сначала замелькали невнятные черно-белые образы, потом завертелся вихрь красок. Отдельные мазки стали складываться в расплывчатую картину. Когда они стали резче, на долю секунды мелькнул крупным планом гурион, потом его изображение рассыпалось на безумный танец желтых пятен. И вдруг пошло последовательное четкое цветное изображение — Стэн видел воспроизведение давних впечатлений Динсмена.

Высокий, поджарый, с густой гривой седых волос человек протягивал через стол кружку наркопива. Экран пересекла рука Динсмена и взяла кружку. Голос Динсмена произнес:

— В следующий раз угощаю я...

Человек на экране улыбнулся, и Стэну подумалось, что такая улыбка могла бы показаться Динсмену зловещей, подозрительной. И по

некоторому дрожанию в голосе Динсмена стало очевидно, насколько он робеет перед этим седовласым человеком.

— ...если вы не возражаете, мистер Кнокс.

И тут гурион потянул длинное щупальце к Динсмену, он завизжал, ощутив холодное прикосновение к своей шее...

— Стоп! — крикнул Стэн.

Рикор взглянула на застывший кадр — эту жуткую тварь — и отключила систему сканирования. Динсмен на столе перестал постанывать и снова затих. Доктор Рикор ждала дальнейших приказов.

— Меня интересует Кнокс,— сказал капитан.— Дайте увеличенное изображение.

Экран, который подчинялся мысли доктора Рикор, замигал, потемнел, потом высветил крупным планом фигуру и лицо седовласого господина.

Стэн внимательно изучал изображение Кнокса.

— Да, мы ищем именно его. В больнице дали верное описание. А что еще мы можем узнать? Как он пах? Возможно, он душился чем-нибудь специфическим.

Доктор Рикор подключила сканер запаха.

— Ничего особенного. Обычный запах человека, который тщательно следит за своей внешностью.

Она подвела курсор на экране к его прическе, уложенной волосок к волоску, чтобы иллюстрировать свою мысль.

— Собственно говоря,— продолжала Рикор, поглядывая на мониторы других приборов,— за вычетом приятной внешности, это человек ничем не привлекательный. Запах — невыразительный. Голос твердый, но опять-таки невыразительный. Аура — неотчетливая.

Лениво поведя головой в сторону Стэн, она закончила:

— Да, это человек без выраженных свойств. Чрезвычайно подозрительный. Коэффициент выразительности тела... нет, кругом заурядность, заурядность и заурядность.

Стэн разглядывал эту хитрую бестию, прятавшуюся за фамилией Кнокса. Только суперпрофессионал может быть таким неуловимо никаким. И вдруг внимание Стэна привлекло что-то желтеющее на пальце левой руки Кнокса.

— Увеличьте левую руку.

Теперь ладонь занимала весь экран. Тусклая желтая полоска оказалась кольцом. На плоском верху отчетливо виднелась эмблема. Стэн узнал ее сразу, но не поверил своим глазам — нога ниже щиколотки с какой-то меткой у самой пятки.

— Крупнее! — воскликнул Стэн.

Да, почти у пятки были изображены два крылышка.

Стэн хмыкнул и повалился на спинку кресла. Дело оборачивалось еще хуже, чем он ожидал. Даже всегда хладнокровная доктор Рикор была несколько шокирована.

— Разведотряд «Меркурий»,— проговорила она и тихо запыхтела, раздувая усы.

— Да-а,— сказал Стэн,— и остается только надеяться, что этот изменник действует сам по себе.

Они пытались снова и снова. Мозг Динсмена упрямо сопротивлялся сканированию. Стэн чуть не подпрыгнул, когда на экране мозгового сканера он наконец увидел яркие буквы вывески, чуть расплывающиеся в тумане:

КО ЕН НТЕР

Динсмен не знал научной причины, но, по его наблюдениям, по ночам космопорт всегда был в какой-то дымке. А сегодняшняя ночь была особенная. Он ждал...

«Ага, вот идет эта задница! Наконец-то!» — прошептал мысленный голос Динсмена Стэну и Рикор.

Динсмен и в этот момент вел себя с привычной неуверенностью. Экран вдруг заполнило крупное изображение его дрожащей руки. Двух пальцев не хватало.

— Ну же, ну! — нетерпеливо воскликнул Стэн. Рикор нажала кнопку ускорения. Изображение замелькало. В убыстренном темпе двое мужчин в полутьме приветствовали друг друга перед входом в кафе.

— Звук на полную мощность,— приказал Стэн.

Алэн на экране окинул взглядом человека в комбинезоне и спросил:

— Инженер Рашид?

Стэн и Рикор увидели, как мужчины прошли в кафе, затем с нормальной скоростью стали наблюдать за мельканием рук Динсмена, который готовился к взрыву и выжидал. Таймер вообще-то беззвучный, но оказалось, что в своем воображении Динсмен слышал тиканье часов. Для него слова «инженер Рашид» были отправным моментом. Он отсчитывал время от них до того, как, поприветствовав Яниз, мужчины зайдут в кабинку «Ч».

Часы, тикавшие в голове Динсмена, отсчитывали последние секунды жизни трех человек. Еще не время... почти уже... теперь!

Лаборатория осветилась вспышкой белого на экране, и уши Стэна и доктора Рикор заложило от грохота.

Затем вновь на экране возник гурион с его страшным пульсирующим брюхом. Мертвец, бывший Динсменом, опять забился на столе и застонал.

Доктор Рикор со слезами на глазах наблюдала за ним.

— Что мне с ним делать? — спросила она.

Стэн пожал плечами. Рикор вытерла глаза кончиком ласта. Потом решительно отключила систему. Динсмен внезапно совершенно затих. Наконец-то тело его обрело покой, полный покой — навсегда.

— Вы верите, что люди способны возвращаться в виде призраков? — спросила Рикор.

Стэн на секунду-другую задумался.

— Возможно, и верю... Но в возвращение этого — нет.

Рикор подумала над его ответом, потом нажала кнопку, и кресло покатилось в соседнюю комнату, где был бассейн с морской водой. Со всплеском она нырнула в бассейн и уже оттуда крикнула Стэну:

— А вы оптимист, молодой человек.

Стэну представилось, как доктор, нырнув, досмеивается под водой. Но, выходя из лаборатории, капитан продолжал гадать, на что же она намекала своими последними словами.

Глава 29

Переминаясь с ноги на ногу и перекладывая объемистый архивный ящичек из руки в руку, Стэн терпеливо ждал на пороге императорской мастерской.

Не без любопытства он наблюдал, как сидящий на стуле император склонился над большим предметом — над чем-то вроде фигурной коробки со струнами.

Сперва император дергал струны неуверенно, потом смелее и затем вдруг запел мягким, чуть хрипловатым голосом:

В ружьеце моем заряд —
Отойдите, братцы.
Правду час настал сказать.
Вот кто мэра запугал,
Вот кто золото украл.

Одна струна вдруг издала отвратительный воющий звук, и властитель затопал ногами от ярости.

— Черт! Черт! Черт!

Он бросил инструмент на пол, и струны жалобно звякнули. Довольно долго он хмуро смотрел на отброшенную, странного вида дырявую коробку со струнами, затем пинком отшвырнул к куче таких же диковинных коробок. Только сейчас император заметил в дверном проеме Стэна. Первой его реакцией было нахмуриться, второй — распустить морщины и собрать их снова, но теперь в ироническую улыбку.

— Никогда, запомните — никогда, не пытайтесь самостоятельно сделать гитару.

— Мне и в голову не придет заниматься этим, ваше величество,— сказал Стэн и наконец прошел в мастерскую.

Он посмотрел на груду отвергнутых инструментов на полу, обвел глазами стены. Там на крючках висели гитары разной степени готовности и просто еще не отполированные заготовки, в том числе разных размеров и форм шейки — с отверстиями для колков. Стэн учуял неприятный резкий запах клея, варившегося в горшке на открытом пламени камина.

— Извините, ваше величество, но что такое гитара?

— Музыкальный инструмент,— ответил император.— По крайней мере, тот сукин сын, что изобрел гитару, предполагал извлекать из нее музыку.

Стэн задумчиво покивал головой.

— Так вот вы чем тут занимаетесь.

Он взял один из отвергнутых инструментов, покрутил в руках, подергал за струны, заглянул в дырку.

— А где провода? Как это будет работать?

— С большим трудом, с большим трудом,— сказал император. Он снял с крючка на стене полуготовую гитару, сел на стул и принялся тереть ее наждачной бумагой.

— Весь секрет в строении корпуса инструмента,— продолжал властитель, зачищая пятнышки, которые показались Стэну потеками клея.— Звуки как-то по-особому отражаются от стенок. Беда в том, что в наше время нет ни одного специалиста по акустическим гитарам. А старинные мастера все делали на глазок — подровняют тут, убавят здесь. Эти тонкости мастерства в архивных бумагах не зафиксированы.

Охваченный новым приступом раздражения, император сбросил гитару на пол. Но Стэн обратил внимание, что на этот раз он был осторожней — отбросил гитару на толстый ковер. Император заметил, куда капитан смотрит, и с гордостью прокомментировал:

— Ливанский ковер. Ручной работы. Ты и не представляешь, каких бешеных денег он нынче стоит...— Тут властитель вгляделся в озабоченное лицо Стэна и стал серьезней.— Ладно,— сказал он.— Ты хотел поговорить со мной в надежном месте, где нас никто не услышит. Это оно и есть.

Император обвел рукой свою мастерскую, в которой было множество старинных инструментов и большой запас поделочных материалов.

— Более безопасного места я не знаю. Я ежедневно самолично прибираю в этой комнате и вышвыриваю всякую дрянь.

Стэн чуть заметно улыбнулся. Из днища своего ящичка для архивных карточек он вынул крохотный приборчик изящной формы.

— А я с этой дрянью пришел,— сказал Стэн, показывая императору противоподслушивающее устройство.

Император зыркнул на него и вопросительно поднял брови. Стэн взял ту гитару, которую властитель с презрением отшвырнул, повертел ее в руке и задумчиво произнес:

— Не исключено, что гитара звучала так паршиво именно из-за этого аппаратика. Извините, ваше величество.

Вечный император насупился и решал про себя — осерчать ему или нет. Решил — принять с юмором. Улыбнувшись, он взял недоделанную гитару, кисть и горшок с дурно пахнущим клеем и занялся работой.

Стэн с помощью своей аппаратуры проверял мастерскую на наличие подслушивающих устройств. Император оторвался от работы и поднял голову.

— Ну?

— Все чисто,— доложил Стэн.

— Валяй, рассказывай,— сказал император и снова принялся колдовать над гитарой.

Стэн разложил на столе принесенные материалы и первым делом протянул властителю фотографию Кнокса, сделанную с экрана мозгового сканнера.

— Вот тот, кого мы искали.

Император внимательно вгляделся в лицо Кнокса.

— Большой босс,— сухо бросил он.

— Если вы хотите сказать, что он ключевая фигура в этой истории, боюсь, это не так. Он должен был просто проследить за Динсменом — чтобы тот выполнил работу. На наше счастье, этот человек не удовлетворился своей ролью и превысил полномочия.

Стэн показал следующую фотографию — крупный снимок руки Кнокса. Император тотчас же заметил эмблему на кольце.

— Разведотряд «Меркурий»!

— Да, ваше величество. К тому же мы знаем, что этот человек — будем пока продолжать звать его Кноксом — доктор. Скорее всего, он был штатным медиком в разведотряде «Меркурий».

— Был или остается?

— Надеюсь, что он уже не служит в отряде. Но точно не знаю. Инспектор Хейнз уточняет это в данный момент.

Стэн на несколько секунд замолчал, глядя, как император ошкуривает дерево. Затем властитель вынул из кармана маленький металлический предмет — что-то вроде вилки с двумя зубьями — и этим предметом стал легко ударять по корпусу инструмента. Раздался низкий глухой звук — протяжное «буммм»...

Император приложил вилочку к щеке — и звук исчез.

— Созвучие пока не то,— сказал он.— Продолжайте, капитан.

Стэн сделал глубокий вдох перед тем, как ступить на зыбкую почву.

— Можно мне говорить совершенно свободно, ваше величество? — спросил он, понимая, насколько глуп этот вопрос. Кто же может говорить с императором совершенно свободно! Но дело было слишком серьезно. Надо решаться.

— Говори.

— В этой головоломке недостает одной важной детали. Центральной детали.

— Что необходимо, чтобы раздобыть эту деталь?

— Честный ответ.

— Кто-то не хочет сказать правду?

— Да, ваше величество.

Император уже давно сообразил, о чем речь. Но все еще играл в кошки-мышки.

— А может быть, загадочный кто-то — это я?

— Боюсь, что да, ваше величество.

— Ну ладно, выкладывайте свой вопрос,— кивнул император. На его лице было до странности мягкое выражение.

Стэн облегченно вздохнул.

— Позвольте сперва изложить вам остальные факты. А потом я задам свой вопрос.

— Хорошо, делайте как вам удобнее. Только передайте мне клей.

Стэн недоуменно уставился на него, потом сообразил, что император просит передать горшок с вонючей жидкостью. Стэн подчинился.

Император промазал верх гитары этой жидкостью, снова покалотил по ее боку раздвоенной металлической штучкой и удовлетворенно хмыкнул:

— На сей раз гораздо лучше. Возможно, именно то, что нужно.

Затем он стал широкими мазками наносить клей по изгибам инструмента.

— Начну с того,— сказал Стэн,— что, похоже, существовала кодовая фраза, после произнесения которой через определенный отрезок времени должен был произойти взрыв. Жизненные ритмы Динсмена подскакивали на двенадцать пунктов всякий раз, когда мы прокручивали ему эту фразу.

— Что за код?

Внимательно слушая капитана, император прилаживал верхнюю стенку корпуса.

— Кодом служило имя Рашид. Взрыв следовало произвести, если кто-то использует имя Рашид. Точнее, словосочетание «инженер Рашид».

Стэн просматривал свои документы и не заметил, что на лицо императора легла тучa.

— Продолжайте,— молвил он негромко.

— Вторым кодом была кабинка «Ч»,— сказал Стэн.— Динсмен должен был взорвать бомбу тогда, когда кто-то спросит насчет кабинки «Ч».

— Стоп! — сказал император. Сказал спокойно, но это был самый строгий приказ, слышанный Стэном за всю его жизнь.— Так значит, это я убил ее... Стало быть, я сам.

— Простите, ваше величество?

Вместо ответа властитель достал из-под стула бутылку, приложился к горлышку и сделал долгий-предолгий глоток. Потом протянул бутылку капитану.

Стэн молча ждал, вглядываясь в понурое лицо императора. Если можно в какие-то моменты пробиться к скрытой сущности этого человека — ведь он не только император, но и человек! — то сейчас один из таких моментов.

— Инженер Рашид — это я,— произнес император.— Это одна из моих многочисленных масок, капитан. Мне приходится надевать личину, когда я хочу побыть среди своих подданных.

Вся головоломка прояснилась для Стэна после этого признания.

— В таком случае, ваше величество, следует сделать однозначный вывод — целью покушения были вы, а не Годфри Алэн. И не ваш специальный представитель, с которым Алэн встречался вместо вас.

Император грустно улыбнулся.

— Да. Я велел ему представиться инженером Рашидом. Они не должны были сидеть за стойкой. Предполагалось, что они попросят Яниз сразу провести их в кабинку «Ч».

— Яниз? — переспросил Стэн.— Кто такая Яниз?

Император махнул рукой — дескать, не будем на этом останавливаться. И Стэн продолжил нанизывать цепочку фактов.

— Хорошо. Значит, события развивались предположительно следующим образом. Динсмен установил в баре бомбу. Она устроена так хитроумно, что должна разнести все в баре и пощадить одного нужного человека. То есть вас. Остальное проще простого. «Скорая помощь» должна была доставить вас — ошарашенного или оглушенного — к доктору Кноксу.

— После чего, по их мнению, я оказался бы в их полной власти,— подхватил император.— Чертовы дураки! И не такие пробовали — да не вышло!

Он снова сделал большой глоток из горлышка бутылки. Потом тряхнул головой, закрыл горлышко пробкой и сунул бутылку под стул.

— Иногда я сам себе противен,— сказал он.— У вас не бывает такого чувства?

Стэн сделал вид, что вопрос императора — риторический, и счел менее рискованным продолжать свою линию размышлений.

— Сэр,— произнес он почти вкрадчивым голосом,— у меня сложилось впечатление, что таанцы не имеют никакого отношения ко всему этому. На деле кто-то в империи — возможно, кто-то из вашего окружения — горит желанием стать императором вместо вас. А таанцы примешались сюда по недоразумению — из-за случайной гибели Годфри Алэна.

Он ждал от властителя ответа, но тот молчал, погруженный в собственные мысли. Стэн решил, что наступило время задать ключевой вопрос.

— Кем она была для вас, ваше величество?

— Яниз,— сказал император, поднимая свои такие молодые, такие древние брови.— Просто Яниз. Мы были любовниками. Несколько лет назад, когда я чувствовал себя так... а, кому интересно, как я себя чувствовал тогда...

Я рассказывал ей всякие байки. Про свое темное прошлое. Про то, каким богатым стану. А она... она... Да, сынок, она меня слушала, черт возьми...

— Но на самом деле вы были императором,— деликатно вставил Стэн.

Император покачал головой — нет.

— Я и был инженер Рашид. Мечтатель и проходимец. Страшный врун. А она, черт возьми, верила мне. Я бывал в их городе регулярно — раз в год или в два года. Потом я повысил себя — стал капитаном Рашидом. Да, это звучало как музыка — капитан Рашид. Большая персона.

— Но это было давно,— высказал свое предположение Стэн.

— Да,— кивнул вечный император.— Мы перестали быть любовниками, но остались друзьями. Я оставлял ей достаточно денег. Я был совладельцем бара, но доходы шли только ей. Только кабинка «Ч» меня интересовала. Она ждала меня или моих людей. Там было установлено самое лучшее во всей империи оборудование против прослушивания.

Годфри Алэн был не первым, с кем я тайно встречался в кабинке «Ч». Иногда диву даешься, во что превращаются отношения с бывшей любимой женщиной...

Император надолго задумался и кончил тем, что снова потянулся за бутылкой под стулом. На этот раз он глотнул совсем немного — для прочистки сознания.

— Что посоветуете, капитан?

Стэн встал и зашагал по комнате, вслух рассуждая:

— Мы имеем дело с утечкой информации, ваше величество. Необходимо перекрыть все возможные каналы. Можно с определенностью сказать, что кто-то пытается убить вас.

Император странно улыбнулся. Он хотел было что-то сказать, но промолчал. А Стэну было очень важно, чтобы император высказался до конца. Что у него на душе? И о чем он умалчивает?

— Итак, цель преступников — вы. Мы не знаем, сколько их. Выход один — не доверять никому. Я займусь выяснением личности этого Кнокса. А вы, ваше величество...

— Да, капитан, что прикажете делать мне?

Стэн осекся. Язык мой — враг мой.

Император насмешливо взял под козырек.

— Да не переживайте за меня, капитан. Что мне сделается? Я в полной безопасности. Хотя временами я бы хотел...

Не докончив своей мысли, император взял последнюю из сделанных им гитар и начал перебирать струны.

Даже Стэну, которому медведь на ухо наступил, сложные аккорды на гитаре показались приятными. Эти же аккорды словно пропели ему: «Можете идти, капитан».

Глава 30

Каи Хаконе высыпал мелко посеченный табак на табачный лист. Осторожно побрызгал лист водой и свернул его. Сделав самокрутку, Хаконе удовлетворенно посмотрел на нее, потом макнул в стакан с земным коньяком. Удовлетворенный своим произведением, он откусил кончик самодельной сигары, щелкнул зажигалкой в деревянном корпусе и с наслаждением затянулся, откинувшись на спинку кресла. Мэтр находился в самом приватном зале одного из самых дорогих прайм-уорлдских клубов, где ему было очень удобно встречаться со своими приспешниками, не опасаясь подслушивающих устройств.

В этом зале собралось человек пятьдесят — все примерно ровесники писателя или немного постарше. Промышленные воротилы, крупные чиновники в отставке, видные предприниматели, почившие на лаврах. Сторонний наблюдатель сказал бы, что в этом зале пахнет не просто большими, а невероятно большими деньгами. А для Хаконе это был запах смерти, запах тлена.

Но этот же запах был все равно что щекочущий ноздри запах зажаренного ягненка или свинины с румяной корочкой — запах, который взбадривал Хаконе, возвращал к жизни, будил в нем писателя.

Есть люди, характер которых определил какой-то один эпизод в их жизни. Хаконе относился именно к таким людям.

Почти с младенческих лет он мечтал летать. Летать в космосе. Он родился в спокойном мире в благополучной семье. Его матери когда-то пришла в голову замечательная идея — открыть магазин одежды, где человек мог бы зайти в кабинку, компьютер снимет с него мерку, и через несколько минут любая одежда будет подогнана под покупателя. Эта идея принесла матери Хаконе и большое состояние, и моральное удовлетворение.

Родители не одобряли желания сына покинуть родную планету и бороздить космос, но и не возражали против его мечты стать пи-

лотом военных космических кораблей. В итоге Каи Хаконе стал учиться и вскоре в чине лейтенанта получил в свое командование небольшой боевой разведкорабль — это было как раз в начале Муэллеровских войн.

Хаконе принял близко к сердцу уроки, преподанные ему в академии летного искусства, и искренне стремился стать хорошим командиром, примером и добрым другом всем членам своего небольшого экипажа — под его командованием было тридцать восемь человек.

Однако судьба сложилась так, что его маленький корабль был сразу послан в самый ад — обеспечить огневую поддержку при высадке массированного десанта на Сарагоссу. В той злосчастной битве погибло четыре громадных линкора с десантом, а также большая часть Седьмой гвардейской дивизии. Среди миллиона погибших, чьи трупы с разорванными легкими заполнили верхние слои атмосферы или остались лежать на каменистых просторах планеты, были и члены экипажа под командованием Хаконе — мужчины и женщины.

Разведкорабль погибал долго — сперва его обшивку пробили ракеты, потом их жег с близкого расстояния лазер, и в довершение их расстреляли снарядами из пушек. Лейтенант Хаконе был единственным оставшимся в живых. Его извлекли из обломков корабля и долго лечили — как телесные, так и душевные раны.

По окончании Муэллеровских войн армию следовало сокращать, и император приветствовал тех, кто добровольно подавал в отставку. По состоянию здоровья Хаконе не смог бы сделать карьеру в армии, и он благоразумно уволился. Он вдруг оказался штатским — совсем молодой парень, который получил более чем солидную пенсию, не имел ни малейшего желания вернуться на родную планету и познал наркотический запах смерти.

Именно этот аромат смерти сделал Хаконе писателем. Его первая видеокнига — роман о космической бойне с массой кровавых приключений — прошла незамеченной. Зато вторая — дотошный анализ Муэллеровских войн — стала бестселлером. Она была опубликована через десять лет после событий, то есть в удачное время для пересмотра представлений об этих событиях. С тех пор каждую работу Хаконе, даром что это были мрачные книги, трактующие о страшных смертях и исполненные пессимизма, встречали как произведение литературного патриарха, зрелого мастера, который шествует от удачи к удаче.

Его шестая книга была возвращением к документальной прозе — монументальный анализ неудачной высадки на Сарагоссу. Центральная мысль книги была скандальной — Хаконе высказывал идею, что молодой вице-адмирал, который командовал этой битвой, стал лишь козлом отпущения, а настоящим виновником поражения был сам император. Разумеется, эта мысль высказывалась изощренным эзо-

повским языком, завуалированно, чтобы автора нельзя было обвинить в политической клевете.

Но умные люди все поняли. Именно эта книга стала поворотной в судьбе Хаконе. Благодаря ей он стал вращаться в кругу самых богатых людей. Но сейчас в этом зале он чувствовал себя призраком на роскошном празднестве. Однако Хаконе подавил в себе эту мысль — как он давил в себе на протяжении очень долгого времени свербящий вопрос: а что бы стало с молодым лейтенантом, если бы имперские силы выиграли битву за Сарагоссу?

Он побарабанил по столу, призывая всех к вниманию, и в зале установилась тишина.

Он обвел глазами своих сообщников. Будь Хаконе человеком более проницательным или более склонным к безжалостному анализу, он бы непременно задал себе вопрос — почему среди этих пяти десятков людей нет ни одного отставного военного, на погонах которого было бы больше одной звезды; почему среди промышленных воротил с ним только те, кто не сам нажил состояние, а получил его в наследство; почему все поддерживающие его предприниматели сколотили свои капиталы на сомнительных спекулятивных сделках в далеких приграничных районах империи. Но природа заговоров такова, что сообщников выбирать не приходится.

— Господа,— произнес Хаконе тихим голосом, который так противоречил его медведеподобной внешности,— прежде чем мы начнем, позвольте заверить вас, что этот зал был тщательно проверен на наличие электронных подслушивающих приборов. Исключена и возможность любых других способов подслушивания. Господа, мы можем говорить, ничего не опасаясь.

Один из присутствующих встал. Это был Со Тойер, который нажил состояние на поставках мундиров имперской гвардии.

— Время течет неумолимо, уважаемый Хаконе,— сказал он тоном упрека.— Мы — а я полагаю, что высказываю общее мнение,— отпустили вам щедрый, действительно щедрый срок. Мы ожидали, что нечто наконец-то произойдет — сразу после Дня империи. Как вы и обещали. И что же? Я не хочу влезать в ваши секреты, но у нас такое впечатление, что ничего не происходит. По крайней мере, ничего такого, что мы могли бы ощутить и оценить. Не будь я душой и телом с вами, я бы задался вопросом — куда пошли мои пожертвования, в какую черную дыру они ухнули?

— Как раз это и есть цель нашей встречи,— сказал Хаконе.— Я собрал вас, чтобы проинформировать о происходящем.

Хаконе мог бы изложить все в деталях. Рассказать, что попытка оглушить императора при взрыве и похитить его окончилась полной неудачей. Что его убийца благополучно удрал из Прайм-Уорлда. Что Харс Стинберн, «доктор Кнокс», руководитель операции и по совместительству необходимый им человек с медицинским образованием,— исчез. Но Хаконе было известно и то, что все следы не-

удачной операции или уничтожены ее участниками, или уничтожены вместе с ее участниками — а командир спецназа Крегер убит. Словом, все концы в воду.

Однако Хаконе поостерегся выкладывать все это перед собравшимися. Если хочешь добиться успеха, не стоит волновать богатых вкладчиков досадными мелочами.

— Да, первый этап нашей операции закончился неудачей,— сказал он вслух.— Но император ни о чем не подозревает. Характерно, что он поручил расследование происшествия не опытному человеку, а начальнику своих телохранителей. Мы со своей стороны можем гарантировать, что никаких следов наших действий не отыскать.

Однако одна проблема все-таки остается. А именно — наш источник информации пересох. У нас больше нет возможности получать сведения о будущих планах императора.

Хаконе снова погрузил свою сигару-самокрутку в коньяк и зажег ее, пережидая разочарованный гомон собравшихся денежных мешков.

Дегенераты. Эти люди никак не поймут, что до цели всегда остается не меньше километра. Но оптимистическая жилка в Хаконе заставила его подумать: за одного битого двух небитых дают.

Мэтр снова настоятельно постучал пальцами по столу, требуя тишины. Тем не менее заговорщиков обуял страх, и они продолжали шуметь. Хаконе макнул палец в коньяк и стал водить им по краю стакана. Пронзительный звук заставил собравшихся замолчать.

— Спасибо,— сказал Хаконе.— Что было, то прошло. А теперь — хорошие новости. Наш координатор весьма доволен происходящим.

— С какой стати? — спросило сразу несколько голосов.

— Потому что, невзирая на наш временный неуспех и на тщетные усилия императора добраться до истины, дело сдвинулось с места и набирает обороты.

— Так что же мы теперь предпримем? Неужели каждый выберет щель понадежнее и юркнет в нее? — Этот вопрос задал Бэн Лусери, один из немногих генералов, которых Хаконе искренне уважал.

— Нелепо даже думать об этом. Наш координатор — и я всей душой согласен с его решением — дает «добро» на переход ко второму этапу операции. Этот этап, господа, мы окрестили «операция Заара Ваарид». Итак, дни невыносимого диктата сочтены. Операция «Заара Ваарид» обречена на успех.

Глава 31

Маленький человечек с помощью крюка вылавливал бревна в пруду, втаскивал на конвейер, а пьяница — главный механик — тем временем сидел, опершись спиной о штабель распиленных досок,

и горланил песню. Наик Раи и старший субадар Читтаханг Лимбу одобрительно наблюдали за работой карликовой лесопилки.

Стэн захлопнул коробочку с моделью лесопилки, и фигурки тут же исчезли, хотя капитан в душе надеялся, что его бухарик успел сделать еще глоток из бутылки, прежде чем исчезнуть.

— Нехорошо, что вы переезжаете,— сказал наик Раи.— Как вы там будете разбираться, какие носки когда носить?

— Вы уверены, что поступаете правильно? — поддержал его Лимбу на гуркали.

— Да будь оно все проклято,— ругнулся Стэн.— Я ни в чем не уверен, субадар. Я ничего не знаю наверняка, кроме того, что откомандирован для выполнения особого задания. И что ты примешь командование над гурками.

— А я знаю наверняка одно — я за вас готов любому яйца открутить! — рассмеялся Лимбу и козырнул своему капитану.— Ума не приложу, что происходит, капитан. Надеюсь, все обернется к лучшему.

— Спасибо за добрые слова, Читтаханг. Не кипятись по поводу того, что я уезжаю. А теперь — все. Свободны.

Оба гурка взяли под козырек и вышли из комнаты Стэна. Тот занялся упаковкой чемоданов. Загудел дверной звонок, и Стэн хлопком ладони открыл дверь.

Это была Лайза. Он сразу обратил внимание на ящичек с антипрослушивателем в ее руке. Аппарат был включен. Как только дверь за ней закрылась, он решил, что долг первым делом обязывает его поцеловать лейтенанта Хейнз — крепко-крепко.

Когда они наконец оторвались друг от друга, Лайза улыбнулась.

— Ну что, опять жизнь вверх тормашками — как обычно?

— Зато ногами в воздухе от души подрыгаю,— отшутился Стэн.

— Переезжаешь?

— Какая ты наблюдательная! Переезжаю организовывать «надежную явку».

— А я знаю, что ты не переезжаешь, а улетаешь. И очень далеко. Вместе со своим коротконогим пузатым и хамоватым дружком.

— Говори, да не заговаривайся!

— Мы разыскали нашего знаменитого доктора Кнокса.

Хейнз бросила карточку с информацией на стол капитана.

— Ну-ка, ну-ка, рассказывай — с подробностями.

— Настоящие имя доктора Кнокса — Харс Стинберн. Уволен из разведотряда «Меркурий». В заключении военного трибунала сказано, я цитирую, «уволен с целью очищения рядов».

Стэн испытал первый прилив облегчения — по крайней мере, в заговор вовлечен человек, который уже не служит в армии.

— Судя по документам, этот доктор Стинберн, человек нрава крутого, сторонник крайних мер в имперской политике, был отправлен в качестве бортового врача с командой, у которой был приказ

умиротворить жителей одной звездной системы — в карточке указано, какой именно. Там возникли беспорядки, и нужно было как-то утихомирить бузотеров.

Обитатели этого мира были существами непритязательными — все, что им требовалось, это копья со стальными наконечниками. Вот им и подарили для установления мира большое количество таких копий. Да только доктор Кнокс устроил так, что стальные наконечники оказались высокорадиоактивными. Вот, оказывается, чем вы, ребята, занимаетесь! Ну и ну!

— Не капай мне на мозги, Лайза.

— Извини. У меня был тяжелый день. Короче, все местные жители по-быстрому откинули коньки. Смерть косила их в таком темпе, что уже к тому времени, когда команда умиротворителей вместе с хитроумным доктором Стинберном покидала планету, разумных существ там не осталось и она была свободна для заселения имперскими колонистами. К несчастью для нашего доброго доктора Стинберна, кто-то настучал на него, и он попал-таки под трибунал.

Стэн уже сунул карточку в считывающий аппарат на своем столе и слушал Хейнз только в четверть уха.

— Так-так... Выдворен из рядов... В тюрьму все же не попал... дураки, надо было засадить!.. уволен в запас... нигде не работал.

Стэн выключил считывающий аппарат и вопросительно посмотрел на Лайзу.

— Хоть он нигде и не работал,— сказала она,— мы все же разыскали его. Но он не в Прайм-Уорлде.

— А где?

— Затаился в укромном местечке Вселенной — на малой планете под названием Кулак.

Хейнз протянула капитану еще несколько карточек.

— Как ты умудрилась найти его так быстро?

— Ты подчеркивал, что этот наш доктор Кнокс — самовлюбленный эгоцентрик. И я подумала, а может, он настолько тщеславен и недалек, что не пожелал расстаться с профессией, которая может его выдать, и продолжает работать врачом — вместо того чтобы стать кем-то неприметным, вроде корабельного повара. И я оказалась права. Он нанялся врачом по контракту на Кулак — под именем Уильяма Блока.

Стэн запустил карточки в считывающий аппарат и по мере просмотра материала об астероиде Кулак то бледнел, то серел, то покрывался холодным потом. Не будучи человеком трусливого десятка — вся его биография доказывала это,— сейчас он здорово перепугался и радовался, что Хейнз, занятая своими размышлениями, смотрела на него мало и рассеянно.

«Лучше бы я остался в отряде коммандос,— думал Стэн про себя.— Вероятность, что я так влипну, была меньше, чем десять тысяч к одному. Но не с моим счастьем...»

— Ты слышал о планетке Кулак?

Еще бы он не слышал! Но Стэн не стал вдаваться в подробные объяснения — все это было до такой степени личное, болезненное. Кулак был малой планетой — очень крупный астероид с ядовитейшей атмосферой и с окружающей средой, убийственной для человека. Вертится на своей орбите где-то на самом краешке Галактики. Только одно представляло интерес на Кулаке — тамошние металлы кристаллической структуры были живыми и росли подобно растениям. Один из этих металлов был неправдоподобно легким и одновременно тверже любого металла или сплава, известного имперским ученым. Как раз его химические особенности и описание внешнего вида имелись на одной из карточек.

Но Стэн был отлично знаком с этим металлом, он собственными руками сделал из этого металла спрятанный в рукаве кинжал, что был его постоянным спутником. Кинжал был изготовлен еще тогда, когда Стэн жил на Вулкане — в тамошнем «Адском Котле», тюремном секторе для провинившихся рабочих-рабов. В Адском Котле он работал в тридцать пятой зоне, которая была точнехонькой копией всех прелестей убийственной атмосферы и прочих условий на Кулаке — вплоть до того, что там и там смертность среди работников была стопроцентной. И вот судьба подкидывает Стэну кошмарный сюрприз — необходимость как бы вернуться в зону № 35. Да, никогда в жизни он так не пугался, а уж жизнь пугала его и пугала — казалось, пора бы ей и устать.

Стэн усилием воли угомонил резь в желудке и продолжал просматривать содержание информационных карточек. После открытия астероида Кулак обнаружившая его компания пыталась вести там разработки природных богатств, но сочла это нерентабельным и опасным и забросила тамошние шахты. Через несколько лет независимые шахтеры, закаленные мужчины и женщины, возобновили работы — не пропадать же добру! Работа на Кулаке не относилась к разряду легких, поэтому за врача, изъявившего желание работать там, да еще целых два земных года, вцепились руками и ногами. А поскольку большинство шахтеров сами были отпетыми уголовниками, которые скрывались на краю Галактики от имперской полиции, то лишних вопросов Харсу Стинберну никто не задавал, хотя нанимали отлично понимали — от хорошей жизни на Кулак не летят. Про Кулак говорили, что там даже к государственным изменникам отнеслись бы не строже, чем к прохиндею, который забыл уплатить налог на поддержку сирот.

Стэн придал своему лицу нормальное выражение и отбросил карточку.

— Да слыхал я про этот Кулак, слыхал.

— Я подготовила к отлету малый боевой корабль,— сказала Хейнз.— Никто не знает, куда летим. Даже пилот. И я доставила на борт специальные скафандры для работы в ядовитой атмосфере.

Разные варианты ответа пронеслись в голове Стэна, и ни один из них не годился для произнесения вслух. Но тут в комнату ввалился пузатый Килгур, размахивая информационной карточкой.

— Слушай, Стэн! — закричал он прямо с порога, не обращая внимания на лейтенанта.— Нет, ты только послушай, куда нас эта чертова баба хочет направить!

— Да, знаю.

— Извините, лейтенант. Нам со Стэном надо переговорить наедине.

— Не суетись,— сказал Стэн.— У твоего бесстрашного командира поджилки трясутся не меньше, чем у тебя.

— Стэн, какого шута нам туда переться? Неужели нельзя послать туда батальончик солдат и выволочь этого кобеля из его конуры?

— Чтобы он опять удрал в последний момент?

— А ты прав, приятель. Прав. К моему огромному сожалению. Итак, что будем делать?

— Сдается, жизнь приперла нас к стене,— сухо заметил Стэн.— Придется лезть в шахту на чертовом Кулаке.

— Нам предстоит хорошо позабавиться,— сказал Алекс.— Нет, моя мамочка не похвалила бы тебя за то, как ты со мной обращаешься!

Но капитан уже не слушал его стенаний. Он продолжил упаковывать вещи.

Глава 32

Джилл Шерман была единственным законом на Кулаке. Кулакский кооператив, состоявший сплошь из забубенных голов, оказал ей высокое доверие — выбрал своей начальницей, чтобы она железной рукой поддерживала хоть что-то похожее на порядок в шахтерском поселке под большим куполом. Будучи ничем не лучше самых отпетых из шахтеров, она резко превосходила их интеллектом — и у нее хватало ума не слишком давить на своих кооператоров. Джилл требовала, чтобы свято блюли лишь три закона: никакого оружия, которое могло бы продырявить купол над поселком (остальное негласно разрешено); мошенничество в азартных играх равно государственной измене и карается соответственно; подсчет, кто сколько кристаллов добыл, ведется совершенно честно.

Шерман сочла удобным завербоваться по контракту на Кулак после того, как на предыдущей работе наломала слишком много дров. Она служила заместителем шерифа в одной звездной системе, где мятежи были образом жизни (оно и понятно, этот мир был заселен множеством мелких враждующих народцев; когда один из них дорывался до власти, он начинал подавлять и истреблять остальные меньшинства). Правительства менялись чаще, чем времена года. На-

конец у Шерман лопнуло терпение, и она поступила оригинально — бросила атомную мини-бомбочку, превратив в пыль очередное правительство. Но одновременно она превратила в пыль и свою карьеру — пришлось бежать от имперского закона, потому что ей предъявили обвинение в убийстве, превышении служебных полномочий и попытке геноцида.

Именно эта женщина, изучив документы Стэна и Алекса, хмуро уставилась на двух новоприбывших, которых еще слегка мутило после посадки.

— Доктор Блок работает отлично. С какой стати я должна помогать вам забрать его отсюда?

— Я не хочу зачитывать ордер на ваш арест,— устало проронил Стэн.— Там перечислены ваши мелкие проказы — государственная измена, массовое убийство, заговор, бегство от судебных властей. Сами знаете, что там. Весь джентльменский набор.

— Мой друг, это Кулак. Нам тут плевать, что человек делал в цивилизованном мире до прибытия сюда.

— Киска,— начал было Алекс,— может, мы угостим тебя стопариком и тихо-мирно обсудим...

— Уймись, старшина, нечего перед ней стелиться,— обрубил его Стэн. Это было, скорее всего, неразумной грубостью с его стороны. Но корабль так долго мотало перед посадкой на Кулак, что Стэна до сих пор подташнивало и настроение было хуже некуда.— Вы тут работаете по императорской лицензии. Достаточно одного моего рапорта, и вас этой лицензии лишат. И сюда прилетит полдивизии выручать меня. Хотите неприятностей, госпожа Шерман? Извольте.

Если бы желудок не стоял у него под горлом, Стэн бы наверняка избрал другую тактику общения с крутой хозяйкой Кулака. Да, он допустил ошибку, и едва слышный тяжкий вздох Алекса подтверждал это.

— Что ж, простите... кто вы у нас... да, простите, капитан. Ищите доктора Блока в секторе «В», комната шестьдесят.

Стэн совершил вторую ошибку: надменно кивнул, подхватил Алекса под руку и поспешил в сектор «В». А Шерман дождалась, покуда за ними не захлопнулась дверь с двойным замком, и кинулась к микрофону интеркома.

Даже улицы города под куполом были допотопного вида. Поддерживалась определенная температура, и воздух очищался, но за влагооборотом следили плохо — всегда клубился туман, накрапывало что-то вроде дождика, под ногами хлюпала грязь.

— Ты все испортил, приятель,— ворчал Килгур, пока они топали в тумане по грязным улицам.— Телка-то классная. Я бы ее за час охмурил — была бы как ручная.

Стэн зло рявкнул на друга, хотя тот был совершенно прав. Но Стэну было не до деликатности: его пугал этот мир, страшили воспомина-

ния, связанные с подобным же гибельным местом — с зоной № 35, где он воочию видел, сколько существует вариантов медленной мучительной смерти.

Даже скафандры, надетые на них, вызывали у Стэна страх и недоверие. Все на Кулаке носили скафандры — постоянно, находясь под куполом, где атмосфера была вроде бы близка к приемлемой. Правда, лицевые щитки поднимали на время разговоров, чтобы сохранять хоть какую-то видимость нормальной жизни. Скафандры были любопытной конструкции — большие, бронированные, настолько неуклюжие и тяжелые, что даже такой здоровяк, как Стэн, был вынужден ходить в скафандре медленно и вперевалочку. Одной из причин такой массивности скафандра было то, что в каждой конечности имелась система изолирующей блокировки. Если скафандр пробивало на одной из конечностей, человек мог отрезать пострадавшую часть скафандра — разумеется, вместе с конечностью. Ампутация, остановка крови и санация ампутированного места — все это обеспечивалось автоматически.

Словом, были веские причины для того, чтобы Стэн потел от такого страха, какого не испытывал уже много лет.

Доктор Харс Стинберн-Кнокс-Блок был вовремя предупрежден Джилл Шерман. Он поспешно надел скафандр, затем вооружился привычным на Кулаке оружием — длинным, зловеще изогнутым подобием сабли и прихватил арбалет-лопату, которую здешние старатели использовали для работы.

При сборе уже «спелых» металлических выростов вне купола шахтеры использовали особого рода арбалет-лопату — метательное приспособление с двумя ручками и мощнейшей пружиной, которая выстреливала метровое копье с плоским наконечником шириной двадцать пять сантиметров, причем край наконечника был острее бритвы. Скорость копья-лопаты достигала пятисот метров в секунду, что делало ее смертельным оружием.

Стинберн загодя готовился к возможному нападению — только не имперских блюстителей порядка, а кулакских головорезов. Он понимал, что после неудачного заговора сам стал опасным свидетелем, которого могут попытаться уничтожить его же товарищи. Он считал это нормальным и не обижался. Просто заботился о сохранности своей жизни — для того-то и поспешил убраться с Прайм-Уорлда.

Опять-таки в целях безопасности, Стинберн поселился в комнате, одной из стен которой служила поверхность купола, и позаботился о герметичности двери в эту комнату, чтобы при случае превратить ее в шлюзовой отсек.

Сейчас был такой случай. Стинберн опустил и закрепил лицевой щиток и посмотрел на данные приборов: комната идеально герметична, никаких утечек. Он нажал кнопку, и воздух из комнаты

стал вытесняться под купол. Теперь его палец завис над другой, красной кнопкой, а глаза неотрывно смотрели на экран, который показывал, что творится в коридоре перед дверью.

Стинберн не стал ждать, пока там появятся два пришельца. Он нажал красную кнопку, раздался хлопок несильного взрыва, заднюю стену его комнаты выдавило наружу, и оставшийся воздух увлек Стинберна за собой — он кубарем вылетел на поверхность планеты.

Даже сквозь стену коридора Стэн услышал гулкий хлопок разгерметизации стинберновской комнаты. Машинально и он, и Алекс захлопнули свои лицевые щитки. И стали ждать. Стрелки измерителей давления, которые имелись во всех комнатах и коридорах, сперва заметались, потом застыли на прежнем уровне.

— Парень умотнул наружу,— сказал Алекс.

Стэн не считал нужным вести разговоры — он быстрым шагом направился на улицу, чтобы найти ближайший шлюз и выйти из купола. Однако на грязной улице их поджидала толпа шахтеров во главе с Джилл Шерман. Стэн остановился и поднял свой лицевой щиток.

— Мы все согласились на том,— сразу взяла быка за рога суровая начальница шахтерского поселка,— что у вас свои законы, а у нас — свои. Нам врач нужен. И он у нас есть. Отдавать его мы не намерены.

Стэн понимал, что сейчас любые угрозы прозвучат жалко.

— Отныне все, что попадает на нашу планету, на ней же и остается.

— Значит ли это, киска,— не без тоски в голосе спросил Алекс,— что вы не отпустите нас домой?

Шерман энергично кивнула головой.

Скафандр Стэна был почти точной копией шахтерских скафандров — но чуть более современной модели, с небольшими дополнениями. Стэну оставалось надеяться, что одно из этих дополнений неизвестно шахтерам и поможет ему и Алексу в этой отчаянной ситуации.

Он схватил прямоугольный контейнер, висевший на поясе, сорвал с него крышечку — оттуда вырвалась тонкая видимая струя газа. Стэн захлопнул свой лицевой щиток и швырнул контейнер в толпу шахтеров. Увеличив до предела громкость звука своего встроенного в скафандр микрофона, Стэн проорал: «Газ! Коррозионный газ!» — и побежал прочь. Пока шахтеры в панике метались и искали, куда бы спрятаться от контейнера, который вертелся волчком в грязи, шипя и выбрасывая струю газа, капитан и старшина были уже далеко.

А к тому времени, когда анализатор атмосферы на внешней поверхности скафандра Джилл Шерман определил, что в контейнере был просто сжиженный запас кислорода, Стэн и Алекс стояли у входа в ближайший шлюз.

— Уфф! — сказал Алекс, тяжело отдуваясь, и энергичным движением втолкнул Стэна во внутреннее помещение шлюза.— Ладно, я буду тем парнем, который на мосту задерживает превосходящие силы.

И прежде чем Стэн успел ответить, Алекс закрыл дверь за своим другом. Стэну оставалось одно — выйти из купола и преследовать Стинберна. Алекс повернулся в сторону приближавшейся толпы разъяренных шахтеров.

— Ну, кто будет первым?

Первым был шахтер выше Алекса на две головы. Алекс блокировал его удар и ударил сам. Гигант полетел вверх тормашками в середину толпы.

Кулак был планетой с очень небольшой силой тяжести. Местные и драться привыкли по-особому. У Алекса, только что прибывшего из мира с нормальной силой тяжести, были большие преимущества. Но на него надвигались десятки громил — и тут никакие преимущества не действовали. Положение было отчаянным.

Впрочем, не совсем отчаянным. Ведь шахтерские ножи, без которых тут никуда не ходили, были под скафандрами. А в коридоре у шлюза слишком мало места, чтобы стрелять из арбалета стрелой-лопатой. К тому же стрела могла продырявить ближайшую стенку купола.

Поэтому схватка у шлюза одного героя с толпой не стала трагедией, что произошло бы в любом другом мире. Драка безоружных людей в скафандрах — впечатляющая возня, но не более. Зато это была драка, которая вошла в анналы кулакской истории,— и старожилы долго рассказывали о ней новичкам, расцвечивая тогдашний бой все новыми и новыми деталями. Впрочем, старожилы на Кулаке не заживаются.

Алекс обожал кулачные бои. Сейчас в массивном скафандре он казался огромным бронированным шаром, который разгонялся, отскакивал рикошетом от стен коридора, врезался в свою цель, потом откатывался к двери шлюза — и при этом не прекращал громко и торжественно распевать, вспоминая свои полузабытые корявые вирши:

Был смелым воином Гораций,
Что капитаном у ворот.
Без всяких там морализаций
Губе любой даст разворот.

Сейчас развороченной губе противника был равен расколотый лицевой щиток нападавшего на Алекса шахтера. Когда этот шахтер рухнул, надолго контуженный храбрым шотландцем, тому некогда было упиваться победой — приходилось отражать новые атаки. Перехватив руку с занесенным над ним сварочным аппаратом, он этой чужой рукой ударил третьего шахтера, который подкрадывался к нему

сбоку. Сварочный аппарат пробил скафандр на руке, тот разгерметизировался, сработала ампутационная система и отрубила нападавшему руку — шахтер завопил и потерял сознание.

Тут кинул славный Астур
Надменного Горация через колено...

Тем временем Алекс швырнул второго шахтера на стенку с такой силой, что тот, ударившись головой, потерял сознание.

Он трижды двинул парню в рожу —
Прости, дружок читатель,
Поэт свободен в выборе словес.

Остальные шахтеры попятились подальше от Алекса — перегруппировать силы. Старшина сильнее приоткрыл вентиль кислорода и ждал. Толпа нападавших наполовину поредела, а у тех, кто остался, пыла поубавилось.

Никто не рвется в смертный бой.
Покуда задние вопят: «Вперед, вперед!»,
Передние напуганы пальбой:
«Ах, мама, вдруг меня сейчас убьет?»

Напрасно он пропел эти задиристые строки. Шахтеры взбесились не на шутку и опять перешли в наступление — организованной фалангой. Но фаланга хороша, покуда не смешались ее первые ряды. Когда шахтеры разогнались так, что уже не могли бы в своих тяжелых скафандрах сразу же остановиться, Алекс вдруг лег плашмя в уличную грязь и покатился первому ряду фаланги под ноги.

Шахтеры повалились, на узком пятачке коридорчика перед шлюзом возникла куча-мала, а Алекс тем временем крушил задние ряды — ногами, кулаками, головой, которая благодаря шлему превратилась в могучее оружие. Толпа нападающих была ошарашена и стала спасаться бегством.

Алекс не преследовал их, а остановился, чтобы прийти в себя. Дрался он в своей жизни часто, но это была всем дракам драка. Сержант отключил подачу воздуха в скафандр — надо было экономить кислород — и отбросил лицевой щиток, чтобы эйфория первого легкого успеха прошла и адреналина немного поубавилось.

Чтобы успокоиться, Алекс на ходу сочинял не то победную песнь, не то эпитафию себе:

Где-то на краю света
Могила эта.
Склоненный на колено Алекс —
В носках высоких, в юбке горца.
А ниже золотом рассказ,
Как шлюз удержан силой чудотворца,
Который был врагам — угарный газ.

Хотя последние две строки Алексу не очень понравились — надо бы переделать на досуге, если когда-нибудь возникнет досуг,— все же он ждал одобрения публики. Однако его публикой теперь были только пострадавшие от его кулаков: одни лежали бездыханными, другие ползали и скулили, что им нужен врач, а третьи спешно уползали подальше от страшного шотландца.

— Кое-что из спетого мной — моего собственного сочинения,— пояснил Алекс тем, кто желал его выслушать.— Остальное пето мамочкой, когда она качала меня на своих коленях.— Тут он с беспокойством оглянулся на шлюз.— А тебе, Стэн, не мешало бы поторопиться. Нам надо убраться из этого места вместе с проклятым доктором до того, как здешние ребята займутся мной всерьез...

Над поверхностью Кулака, вне купола, стоял желтоватый туман — взвесь металлических опилок. Стэн краем глаза взглянул на пролом в стене купола — там, где была комната доктора,— и зашагал за Стинберном.

К счастью, на пыли остались отчетливые следы бежавшего преступника.

Следы поднимались каждые десять метров на очередной холм — впрочем, эти выпуклости можно было называть холмами лишь условно, потому что они жили, пульсировали, то поднимались, то опускались, а то и вовсе пропадали.

След вел вокруг большого валуна. Стэн чуть было не погиб: этот валун был созревшим растением, которое в этот момент со взрывом «расцвело» — раскрылось, чтобы выбросить «споры», и при этом отшвырнуло Стэна. Он поднялся и пошел дальше, теперь держась подальше от валунов.

След бежал по холмам, потом спускался в долину и тянулся вдоль реки жидкого металла.

Что-то очень легко все складывается, предупреждающе зазвенело в голове Стэна. Он вглядывался в окрестности сквозь желтое марево, стараясь побыстрее определить направление следов — ветерок их быстро заносил. Следы вились по долине и пропадали в груде камней.

Там Стэн обнаружил маленький грот — на самом его пороге сохранилась не унесенная ветром металлическая стружка. Извилистый грот вел в сторону реки.

Стэн стал осторожно продвигаться по гроту вслед за Стинберном. Не прошел он и трех шагов, как его осенило: да что ж это я! Ведь не зря в старой шутке задается вопрос: как узнать человека из отряда «Меркурий»? По тому, что он ходит задом наперед.

Грот был ловушкой. И только Стэн сообразил это, как откуда-то сверху, с камня, на него прыгнул Стинберн — и они покатились по дну грота. Стинберн норовил разбить лицевой щиток капитана

своим арбалетом, но Стэн ударом кулака отшвырнул его, и доктор выкатился на желтую пыль.

Стэн успел вскочить на ноги к тому моменту, когда Стинберн нажал на спуск арбалета, и пригнуться за долю секунды до выстрела — это его и спасло.

Двое мужчин в огромных скафандрах, которые превращали их в смешные карикатуры, стояли друг перед другом на площадке, и желтоватая металлическая пыль чуть вихрилась у их ног.

Стинберн включил радиосвязь.

— Кто вы? С кем я имею дело?

Стэн не был мастером эффектных сцен. Он сказал просто:

— Я капитан Стэн. Служу его величеству. У меня ордер на ваш арест, доктор Стинберн.

— Что мне ваш ордер,— сказал Стинберн.— У меня свидание со смертью.

— Все мы с ней рано или поздно встретимся,— сказал Стэн, гадая, к чему клонит доктор.

— Я скажу вам на прощание, капитан... Стэн, значит, ваша фамилия?

— Доктор, не говорите, словно вы собираетесь умирать. Я намерен сохранить вам жизнь.

— Сохранить жизнь? — удивился Стинберн.— Чего ради мне жить? Ведь понятно, что все сорвалось. Или нет?

Слова Стинберна показались Стэну лепетом безумца. Не впервые он встречал сумасшедших, но все-таки ему стало не по себе.

— Все сорвалось? Что сорвалось?

— Вы хотите, чтобы я все рассказал? Вы тут за этим?

— Разумеется, хочу.

— Капитан, вам не мешало бы знать, кем я был на самом деле.

— Вы служили в разведотряде «Меркурий». И мне доводилось служить в нем,— сказал Стэн, незаметно продвигаясь влево от доктора.

— Да, при других обстоятельствах и в другое время мы могли бы быть друзьями...

Стэн застыл, как будто обдумывал слова доктора.

— Да,— сказал он медленно, тоном размышления.— При других обстоятельствах мы могли бы стать друзьями. Ведь я когда-то, черт побери, мечтал стать врачом.

— Но это могло случиться только в давно прошедшие времена,— сказал Стинберн, и Стэн сообразил, что он вполне нормален, просто ведет какую-то игру.

— Свидание со смертью не у меня одного. У нас обоих.

— Это мы еще посмотрим. Валяйте, доктор.

И Стэн приготовился к бою.

— Нет, кулачный бой тут ни при чем. Вы умрете, капитан. Здесь и сейчас. Но мне кажется несправедливым, если человек умирает в невежестве. Я вас просвещу предварительно. Это Заара Ваарид.

Стинберн замолчал. Стэн крутанул ручку усиления звука. Ничего. Он понял, что последние два слова и были объяснением.

За годы службы в отряде богомолов Стэн узнал множество способов, которыми агент может покончить жизнь самоубийством. Поэтому он понял, что Стинберн внутри скафандра дергается неспроста — хочет свести плечи, и тогда...

Стэн стремглав бросился за камни, покатился — в исступленной надежде, что эти живые минералы смогут защитить его от взрыва...

Первый взрыв был не слишком громким — бомба, вживленная Стинберну на место аппендицита, не обладала уж очень большой взрывной силой. Второй хлопок был мощней — взорвался кислород в системе жизнеобеспечения скафандра.

Стинберн превратился в факел огня и покатился по дну грота.

Вскоре все стихло, только выла поземка. Стэн выглянул из-за камней. От Стинберна остались догорающие обрывки матерчатых частей скафандра.

«Заара Ваарид»,— мысленно повторял капитан, направляясь обратно к куполу. Что ж, это ниточка. Но Стэн отлично знал, что одной ниточкой тут не обойдешься.

Он возвращался по остаткам своих следов, сверяясь с компасом. Он спешил. Прежде всего надо выручить Алекса. Если сержант еще жив, это не составит труда.

Настоящим же испытанием станет встреча с императором. Ведь они вернутся с пустыми руками.

Книга четвертая

«Щелкунчик»

Глава 33

Двухэтажное, причудливой формы здание «Блю-Бхора» тянулось по берегу реки Уай. Это была построенная почти столетием раньше гостиница-харчевня, которая обслуживала жителей долины — местных рыбаков и фермеров. Долина по краям плавно поднималась, переходя в гряду низких серовато-голубых гор. В этой долине можно было сносно жить, промышляя рыбной ловлей, или кое-как сводить концы с концами, обрабатывая землю,— снова и снова выбирая из нее камни и непрестанно ворча, что здешняя почва родит больше камней, чем картофеля. Но жизнь в живописной долине не была лишена прелести для того, кто обосновывался здесь прочно и надолго и растил детей.

Однако в один прекрасный день долину открыли прайм-уорлдские спортсмены. С тех пор каждый рыбный сезон туристы наводняли долину, чтобы половить хитрую шуструю золотую рыбешку, которой в местной реке было видимо-невидимо. Построили новые дороги. Затем сюда потянулись предприниматели, и кончилось тем, что в исконно фермерском краю появился городок — Эшли-на-Уай.

С тех пор как в долине начался туристический бум, для «Блю-Бхора» наступила пора процветания. Начинало заведение как харчевенка с комнатами наверху. Затем она переходила из рук в руки — каждый новый владелец делал пристройки и с выгодой продавал гостиницу следующему хозяину. Теперь в «Блю-Бхоре» было больше дюжины роскошных комнат с каминами, два ресторана, а кухня занимала столько же площади, сколько здание харчевенки, бывшей здесь когда-то. Поскольку каждый новый владелец занимался достройкой — прибавлял комнату, или внутренний дворик, или, на худой конец, новый камин, то не было ничего особенного, что и в этот день у здания суетились строители: что-то сгружали, что-то поднимали лебедкой.

Работами распоряжался самый последний хозяин гостиницы — Крис Фрай. Этот высокий худой мужчина, отставной военный, купил заведение на свои пенсионные сбережения, и дела у него шли не то чтобы очень хорошо. Вся беда заключалась в том, что он был человеком добрым, любил угощать за свой счет полюбившихся клиентов, к тому же очень много времени проводил на реке с удочкой, вместо того чтобы спешить заработать лишний грош. Да и любил он по-настоящему только рыбаков — местных и настоящих профессионалов среди приезжих. Сам заядлый рыбак, он имел обыкновение калякать с другими рыбаками и угощать эту в основном небогатую публику.

Незадолго до появления Стэна Фрай подумывал о продаже гостиницы — сбыть ее с рук и провести остаток жизни спокойно, с удочкой в руках. Стэн и Фрай были наслышаны друг о друге и с первых же минут знакомства очень подружились — как могут подружиться два ветерана из отряда богомолов. Хоть служили они в разных местах, им было что вспомнить.

Последние годы службы Фрай провел в том подразделении богомолов, которое контролировало переход власти на планетах звездного скопления Лупус. Власть переходила от народа религиозных изуверов к добродушным мохнатым бхорам, которые установили мягкий режим правления. Не один день Фрай провел в компании бхоров, попивая стрегг и произнося тосты за матушкину бороду и отмороженный папашин зад. Он выслушал не меньше тысячи разных историй про то, как Волчье созвездие стало переходить под власть бхоров. Большая часть этих историй походила на сказку. И героем многих из этих баек был один человек — удалец и бабник по имени Стэн. Все бхоры соглашались, что этот Стэн был самым большим драчуном, любовником и пьяницей в бхорской истории. Тем не менее они любили каналью, даром что он принадлежал к другой, человеческой расе.

— Говоря по правде,— признался Стэн Фраю,— эти истории припахивают враньем. За все время, что я там провел, мне удалось трахнуться только пару раз, да и почти во всех драках я был бит — кроме самой последней.

— Ну, эта последняя и была самой важной,— возразил Фрай.

— Может быть, может быть,— согласился Стэн.— Однако пока я там был, все равно что голым задом на раскаленной плите сидел. Этих чертовых бхоров не перепьешь — разве что у тебя припасены таблетки от опьянения. Но и с таблетками я всякий раз заканчивал вечер под столом, а похмелье мучило по двое суток!

Фраю Стэн очень нравился. Хотя он про себя решил, что молодой человек просто врунишка, который служил в отряде богомолов и присвоил себе имя Стэна. Настоящий Стэн не мог быть таким... таким обыкновенным. В воображении Фрая рисовался какой-то су-

пермен, с которым страшно садиться выпивать,— ведь бхоры робели перед его способностью пить. С другой стороны, с настоящим, идеальным Стэном, наверное, было бы очень трудно общаться. Поэтому когда Стэн представился, Фрай без смешка принял его псевдоним, хотя знал, что по Вселенной мотается не меньше полусотни таких вот «Стэнов». Ребята из отряда богомолов склонны к мистификациям.

И вот однажды, в конце длинной-предлинной вечеринки в «блюбхоровском» стиле — то есть когда стол ломится от всякой снеди, от жареной рыбы и дичи, а десертам нет числа,— Фрай и Стэн ударили по рукам. Фрай разрешил Стэну и Хейнз превратить свою гостиницу в «надежную явку», то есть в место, где исключается наблюдение и электронное прослушивание. Здесь император мог на время скрываться, вести переговоры с нужными людьми. Благо был мертвый сезон, Фрай закрыл заведение на ремонт — как бы для очередных переделок. Чтобы переделка обошлась дешевле, решили поселить строительную бригаду в самой гостинице.

Для обоих мужчин это была выгодная сделка. Ведь дабы никто ничего не заподозрил, нужно было на самом деле перестроить гостиницу, а не просто начинить ее соответствующей аппаратурой. Все расходы шли за счет императорской казны. Счета за комнаты рабочих и их питание Фраю оплачивались исправно — если какой-либо проныра сунется в его бухгалтерские книги, он не обнаружит ничего странного. Щедрое финансирование позволило Хейнз пригласить под видом постояльцев-отдыхающих большую команду экспертов. А на грузовиках со стройматериалами привезли огромное количество необходимой электронной аппаратуры.

Словом, для Фрая этот год оказался золотым — особенно если учитывать, что такие заработки привалили ему в мертвый сезон. Он даже подумывал остаться хозяином гостиницы еще несколько лет — Стэн платил ему так щедро, что Фрай мог беззаботно ловить себе рыбку круглый год.

Сейчас Хейнз устало прошла в бар и села на высокий стул у стойки. Во дворе последняя группа рабочих сгружала оборудование с гравитолета. Хейнз потянула носом, пригнувшись к рукаву своего рабочего комбинезона, и поморщилась.

— Несет от меня, как будто я две недели пролежала в могиле!

Фрай еще раз провел тряпочкой по и без того блестящей поверхности стойки, достал высокий стакан и налил лейтенанту пива. Придвинув стакан, он чуть перегнулся к ней и внимательно принюхался.

— А по мне, так ничего! — с ухмылкой сказал он.— Меньше пахнет полицейским, а больше честным трудовым потом.

Хейнз глянула на него исподлобья и молча быстро осушила стакан. Это немного исправило ей настроение, которое улучшилось еще больше, когда Фрай снова наполнил ее стакан до краев.

— Вы, похоже, не любите полицейских, а?

— А какой нормальный человек их любит?

Хейнз снова насупилась, но потом коротко рассмеялась.

— Вы правы. Даже полицейские не любят полицейских. Поэтому я перешла в отдел по расследованию убийств. Когда ты детектив и погружена с головой в свою работу, другие полицейские-недоумки не рвутся тебе в друзья.

Фрай хотел что-то возразить, но послышался звук шагов, и в бар по ступенькам поднялся седоватый мужчина. Вид у него был крайне неухоженный, одежда ветхая, старомодные штаны с заплатами. В руках он держал удочку.

— Бар закрыт! — пренебрежительно бросил Фрай оборванцу с удочкой.

Мужчина никак не отозвался на его слова. Он стоял на пороге и глазел по сторонам, немного щурясь с яркого солнца.

— Я сказал: не обслуживаем! — повторил Фрай.

— Идет ремонт,— пояснила Хейнз, чтобы чужак побыстрее убрался.

Оборванец потряс головой, потом прошаркал к бару и сел на высокий стул.

— Такой поганой рыбной ловли у меня не было по меньшей мере сто лет! Жуть как хочется холодного пивка.— Положив на стойку несколько банкнот, он продолжил: — Кружку пива. Нет, давайте сразу целый кувшин!

Фрай отпихнул его деньги.

— Мистер, раскройте уши. Я вам человеческим языком говорю: бар закрыт. У нас идут перестроечные работы.

Незнакомец насупился.

— Что ж мне — в Эшли переться за кружкой пива? — Тут он покосился на хейнзовский стакан с шапкой пены.— Ей-то вы дали! Стало быть, кого-то обслуживаете. Я не хуже других. Плачу двойную плату. Кран работает. Чего вы привередничаете?

У Хейнз заколoло затылок. Тут что-то не так. Ее рука скользнула в карман комбинезона и нащупала револьвер. Она встала со стула и отступила на несколько шагов, не спуская глаз с настырного оборванца и косясь на дверь.

— Когда вам что-то говорят, мистер,— сказала она, выхватывая револьвер,— извольте прислушиваться. А теперь берите свою удочку и проваливайте. Бар закрыт.

Фрай тоже потянулся к чему-то под стойкой.

— А если я не желаю уходить, то что? — врастяжечку спросил незнакомец. Затем он ленивым жестом подтянул к себе хейнзовский стакан с пивом и спокойно осушил его. Со стуком поставив стакан на стойку, он насмешливо переводил взгляд с Фрая на Хейнз и обратно.

— Лейтенант! — громыхнуло за ее спиной.

Она полуобернулась на голос Стэна — так, чтобы не выпускать оборванца из поля зрения. Тот широко улыбался...

Внезапно Стэн подскочил к ней и выбил оружие из ее руки. Она чуть было не кинулась кошкой на любовника, но застыла на месте, вытаращив глаза. Стэн вытянулся перед оборванным рыбаком.

— Извините, ваше величество,— произнес он,— мы не ожидали вас сегодняшним утром.

Подбородок Хейнз отвис чуть ли не до того места, где у нее начиналась грудь.

— Не переживай,— сказал мужчина.— Я решил появиться заранее — немного поудить рыбки.

Стэн прошел за стойку и налил императору кружку пива. Рыбак-забияка разом осушил ее, потом повернулся к Хейнз и подмигнул.

— Ваше величество,— начал Стэн,— разрешите представить вам лейтенанта Хейнз...

— Так это действительно император собственной персоной?! Ну дела...

Император поклонился, не вставая с высокого табурета.

— Ваш покорный слуга, мэм.

Стэн вынужден был подхватить Хейнз за локоть, потому что у бывалого полицейского, детектива из отдела по расследованию убийств, слегка подкосились ноги.

— Заара Ваарид, Заара Ваарид,— повторял император, катая эти два слова по нёбу, стараясь разбудить свою память.— Нет, не вызывает никаких ассоциаций... И он больше ничего не сказал?

Стэн тяжело вздохнул.

— К сожалению, это были его единственные слова. Мне очень жаль, но я плохо справлялся со своими обязанностями с тех самых пор, как вы назначили меня вести это дело.— Он придвинул кружку пива к себе, потом решительно отпихнул.— Ваше величество, я полагаю, мне следует...

— Уйти в отставку? — прогремел император.— Черта с два! Я по уши в дерьме, а ты хочешь юркнуть в сторону и прохлаждаться!

— Осмелюсь заметить, ваше величество,— не сдавался Стэн,— что я не преуспел ни на одном этапе при выполнении вашего задания.

Император начинал багроветь от гнева, однако Стэн упрямо замахал вскинутыми руками, настаивая на том, что каждый человек имеет законное право при желании оставить работу.

— Все мои действия свелись к тому, что я потратил грузовик денег ради наперстка информации. В итоге мы не имеем ничего, кроме кое-каких предположений и сомнительных слухов. Замечательный результат!.. Да, я вышел на Стинберна. И получил его труп. При

этом заварил страшную кашу на Кулаке, и вам придется года два утихомиривать тамошних разбушевавшихся шахтеров. Из этой горе-экспедиции я привез два никому не известных слова. Если бы это была операция богомолов, то вы или Махони оторвали бы мне голову, а что осталось бы — сунули в морозильник.

Император задумался — то ли для устрашения капитана, то ли всерьез обдумывая варианты казни незадачливого детектива. В конце концов он громко фыркнул, потом протянул Стэну свою кружку, чтобы тот наполнил ее лучшим пивом из запасов Криса Фрая.

— Я занимаю то место, что занимаю, благодаря умению быстро принимать решения и затем неуклонно проводить их в жизнь, даже если наружу вылезают какие-то погрешности. Иногда я попадал впросак из-за такой стратегии, но чаще — побеждал. Можешь сколько угодно рыться в исторических архивах — они только подтвердят, что маленький избыток самоуверенности никогда мне не вредил.

Стэн прикусил язык — было бы политической ошибкой затевать дискуссию насчет размеров императорского «избытка самоуверенности». Поэтому капитан допил свое пиво, набрал побольше воздуха в легкие и с вежливым наклоном головы произнес:

— Покоряюсь вашему величеству. Что прикажете?

Император какую-то долю секунды прикидывал в уме, до какой степени следует посвящать в свои планы молодого человека, сидящего перед ним. Но он не мог не заметить, каким цепким взглядом наблюдает за ним проницательный капитан — понимая, о чем сейчас думает собеседник.

— Дело заключается в следующем,— быстро заговорил император, так и не решившись довериться капитану до конца.— Таанцы берут меня за горло и настаивают на переговорах по определенному вопросу. Мои советники резко возражают — дескать, Таанский союз приличные государственные образования не признают из-за его одиозной политической системы, выходит, не может быть и речи о том, чтобы сесть за стол переговоров с ними.

Император замолчал.

— Однако вы считаете,— сказал Стэн,— что в каком-то виде встреча состояться может. Так?

— Не может, а должна,— со вздохом ответил император.— Я пробовал увильнуть: дескать, если будете настаивать на встрече с первым лицом империи, переговоры могут и не состояться. Если я лично проведу переговоры, это станет признанием таанской военной аристократии де-факто. В некоторых частях империи мне этого не простят. Да и негоже, чтобы всякие там инопланетцы крутили вечным императором по своему усмотрению, во избежание подрыва самих основ имперской системы. Нельзя разрушать окружающий меня мистический ореол власти. Это не потворство моему раздутому «я», капи-

тан, это забота о том важном, что цементирует воедино разрозненные миры.

— Итак, вы тянете время,— промолвил Стэн.

— А разве вся дипломатия не есть искусство тянуть время и водить за нос? — с улыбкой спросил император.— Кое-кто из моих самых дорогостоящих юристов придерживается иного мнения, но я считаю, лучше протирать штаны на переговорах, чем рвать их в клочья на войне.

Император допил пиво и встал.

— А разлад с таанцами не рядовой войненкой закончится, а настоящей, страшной войной.

Властитель уже направился к выходу, но в последний момент оглянулся и одарил Стэна чарующей улыбкой:

— Разумеется, если бы я мог предъявить миру кучку заговорщиков, то мигом поставил бы таанцев на место.

— Как долго вы сможете увиливать от переговоров? — спросил Стэн.

— Времени в обрез,— сказал император.— Продолжайте копать — до самого последнего момента.

Стэн кивнул.

— Я из-под земли добуду мерзавцев.

— Верю. И надеюсь.

С этими словами император подхватил свои удочки и пошлепал прочь.

Пока Стэн смотрел на удаляющуюся спину, его фантазия не могла не рисовать различные, но весьма схожие между собой варианты его судьбы, если он все же не добудет мерзавцев.

Даже для операции отряда богомолов Стэн, Алекс и лейтенант Хейнз не могли бы создать лучшей «надежной явки». Чудо, совершенное этой троицей, было тем удивительней, что при оборудовании здания и дальнейшем обслуживании «надежной явки» взаимодействовали сразу три департамента, сотрудничество между которыми при любых других обстоятельствах было бы немыслимо. Даже циничный Алекс был поражен всеобщим взаимопониманием и рвением.

Прежде всего требовалось обеспечить абсолютную безопасность. Стэну и Алексу нужны были самые крутые ребята для охраны, которые могли бы взять любого, кто вздумает шататься вокруг старой гостиницы. Поэтому они с должной осторожностью набрали команду из своих старых приятелей по службе в отряде богомолов — искали отставников или организовывали нужным парням отпуск по болезни. Эти ребята не ворчали, что их приглашают на скучное дело. Для друзей они готовы были разбиться в лепешку.

Нельзя было обойтись и без полиции и имперской службы безопасности. Тут ответственной за подбор нужных людей была Хейнз.

Дело поставили так: дюжие парни из отряда богомолов, приятели Стэна и Алекса, дежурили двадцать четыре часа в сутки снаружи, а люди Хейнз работали внутри гостиницы. Временами Стэн и Алекс уставали от общения с полицейскими, не выдерживали и приглашали внутрь своих приятелей. Букет полицейских экспертов, собранных Хейнз, гарантировал то, что все они будут присматривать друг за другом. Это были специалисты, обладавшие талантами в разных областях,— от хакеров, умевших проникнуть в память любого компьютера, до компьютерных программистов и техников, а также асов по части подслушивания, чьей задачей было подслушивания не допустить. Это были люди умные, достойные доверия — и друзья Хейнз.

Стэн отдавал им должное — работали они первоклассно. Именно они вышли на след сперва Динсмена, а потом и Стинберна. И то, как они взялись за дело в гостинице, которую переделывали под «надежную явку», было достойно восхищения. Будь за операцию ответственно начальство отряда богомолов, здесь установили бы самый совершенный, самый мощный компьютер — и потом блуждали бы в чаще миллионов плохо систематизированных файлов. К тому же такой компьютерище был бы очень уязвим для проникновения со стороны. Огромной проблемой Прайм-Уорлда было то, что каждое мало-мальское предприятие или фирма, не говоря уже о специальных службах и профессиональных бандитах,— все, кому не лень, норовили заглянуть в чужие информационные банки. Прайм-Уорлд был не только столицей империи, он был столицей шпионажа, и на промышленный и прочий шпионаж тратились фантастические суммы.

Вот почему в целях безопасности Глава компьютерной службы «Блю-Бхора» Лиз Коллинз предложила оригинальное решение: установить сеть из примерно пятидесяти компьютеров, каждый из которых был не умнее пятилетнего ребенка. Но когда эти не ахти какие мощные и не самые современные компьютеры особым образом соединили в мыслительную цепь, получился удивительный разум с огромным запасом памяти и уникальными способностями. С этой компьютерной системой мало что могло соперничать на всей планете. А что еще важнее — подобная сеть компьютеров была абсолютно гарантирована от проникновения извне, а сама умела проникать в чужие банки информации так искусно, что не оставляла следов. Дополнительным преимуществом этой сети было то, что Лиз научила ее незаметно воровать электроэнергию. Специальный токосъемник был подключен к кабелям нескольких компаний по производству электроэнергии и воровал энергию такими малыми единовременными дозами, что никакие приборы не показывали ущерба. Это было важно, потому что ни у кого не возникало вопроса: отчего гостиница «Блю-

Бхор» вдруг стала потреблять электроэнергию в таких бешеных количествах?

Что касается Алекса, он оценил Лиз Коллинз не столько как специалиста, сколько как женщину. Ему страстно захотелось познакомиться с ней поближе. Она была немного выше его ростом и отличалась именно той пышностью форм, которая так нравилась старшине. В то же время, невзирая на пышность форм, Лиз была женщиной крепкой.

Первая встреча с ней произвела на Алекса неизгладимое впечатление. В начале переоборудования гостиницы его гравитолет с грузом завяз в болотистой низине неподалеку от «Блю-Бхора». Пока Алекс суетился вокруг машины, проходившая мимо Лиз наклонилась, крякнула, приподняла гравитолет — и тот легко вышел из трясины. Алексу невольно представилось, как эти мускулистые руки обнимают его. Только тут он понял, как давно его не обнимали по-настоящему.

Главный терминал компьютерной сети, установленной Коллинз, находился в самом просторном зале гостиницы, который назывался Покоями короля Джилла. Когда Алекс зашел в Покои короля Джилла и увидел сидящую за рабочим столом Лиз, ему понадобилась вся сила воли, чтобы вести себя более менее прилично и хоть на какое-то время отводить свой взгляд от ее мускулистого, но увесистого зада. Талия у нее что надо, думал он, облизывая пересохшие губы. И действительно, талия у Лиз Коллинз была узкой. Зато плечи были широкие, внушительные, а грудь — пышности необыкновенной. Когда настоящий шотландец видит женщину с такой фигурой, он точно знает, что у него шевелится под юбкой.

Лиз отвела взгляд от экрана и приветливо посмотрела на Алекса. Сержант так и растаял от ее взгляда с поволокой.

— Вы принесли мне выпить? Как мило с вашей стороны. Но может, мы погодим с этим? Я вот-вот должна получить важный результат.

Алекс готов был выпить море или умереть от жажды — как она прикажет.

— Да я не то чтобы очень хочу пить. Выпьем, когда вам будет угодно... Есть новости в работе?

Лиз повернулась к экрану и застучала по клавишам.

— Сейчас мы ведем поиски в двух направлениях. Первое направление самое сложное.

— Касательно Заара Ваарид?

— Да, относительно последних слов Стинберна. До настоящего момента ни в одной области поиска не мелькнуло ни одного намека. И поверьте, этих областей мы перебрали невероятное количество! Просмотрели все словари, все энциклопедии... Да чего мы только не проверили!

— А может быть...

— Не пробуйте подсказать. Компьютеры прочесывают все подряд, все возможные варианты. Беда в том, что тотальное прочесывание займет прорву времени. Даже при наличии компьютеров такого быстродействия, как наши.

Лиз ласково улыбнулась терминалу компьютерной системы «Блю-Бхора». Эта система была ее детищем, которым она очень гордилась.

Алекс вздохнул про себя: отчего я не этот компьютер?

— Голубушка,— сказал он,— нельзя так терзать свою умную головку работой. Почему бы вам не бросить все и не пойти поплясать со мной?

Он ухарски склонился над столом, но строго следил за собой, потому что его рука так и норовила обвиться вокруг тонкой талии Лиз. Девушка улыбнулась в ответ на его слова — и комната будто осветилась вспышкой света. Сердце Алекса каждый раз начинало бешено колотиться, когда Лиз одаривала его своей улыбкой. Случалось это, увы, не часто. Уж слишком она была увлечена своей работой. Сейчас он взирал на нее умиленно, с пунцовым лицом и херувимской улыбочкой на пухлых губах.

— Мне кажется, мы скоро нащупаем нечто важное,— сказала Лиз.

Алекс вглядывался в буковки и цифры на экране — они плыли перед глазами. Нет, скоростной просмотр информационных блоков не для него!

— Похоже, вы взяли покойного доктора Стинберна в крест окуляра! — несколько подобострастно промолвил сержант.— Ему от такого снайпера не улизнуть!

Лиз с энтузиазмом закивала. Алексу она нравилась еще больше в запале охоты на информацию.

— Мы его прищучим! Смотрите. Он создал полдюжины подставных фирм на отдаленных планетах. Всякий раз, когда он переходил на новую работу или занимался консультациями, деньги проводились через одну из этих подставных фирм.

— Ловкий способ увильнуть от налогов.

— Вы правильно поняли. И такой способ, что за руку никак не поймаешь. Этот доктор был голова.

— А второе направление поисков? Наверное, вы исследуете биографию Стинберна?

Лиз кивнула.

— Ситуация прямо противоположная. Там было море информации, в котором я тонула, а тут информации кот наплакал. Этот парень умел заметать следы. Опыт службы в разведке ему ой как пригодился! Он использовал буквально все известные разведчикам штучки.

— Но вы-то все его штучки разгадаете! — воскликнул Алекс.— От вас и самый большой умник ничего не скроет!

Лиз покраснела.

— Да, кое-что я умею,— скромно сказала она.

Алекса так и подмывало ласково потрепать красавицу по одной из округлостей... А вдруг Лиз неправильно поймет его? Или поймет слишком правильно? А может, просто правильно?.. Нет, надо сосредоточиться на работе!

Еще раз прочистив глотку, он сказал:

— Вы еще что-нибудь выяснили, кошечка моя?

Лиз протянула ему листок с распечаткой.

— Не знаю, есть вот это.

Алекс просмотрел текст — отчеты на полицейском жаргоне о четырех смертях. У всех четырех смертей были две общие черты: люди умерли в результате несчастных случаев, причем весьма странных; и все смерти произошли в окрестностях дворца. Алекс пробежал глазами описание случаев, потом стал внимательно читать о первой смерти. Женщина. В крови большое количество алкоголя. Захлебнулась собственной рвотой. На шее небольшой синяк. Эта женщина какое-то время назад дезертировала из преторианской гвардии.

Что-то всплыло в памяти Алекса. Он просмотрел нужные места в других отчетах, и в его мозгу забрезжил ответ.

— Вы правы, голубушка, ваш ум работает как часы!

Он указал Коллинз на третью общую странность четырех смертей, подчеркнув ногтем важные места в тексте.

— Все четверо служили прежде во дворце,— воскликнула Лиз.— Бывший чиновник. Бывший техник. Бывший охранник в музее. И у всех...

— Да, у всех куча друзей-приятелей во дворце! — закончил за нее Алекс.

Лиз тяжело вздохнула.

— Стало быть, никаких несчастных случаев. Всех четверых использовали, а затем убили.

Оба были готовы погрузиться в уныние от бесплодности своего поиска, когда экран вдруг покраснел и замигал. Так компьютер извещал о том, что нашел очень любопытную информацию. Лиз даже вскочила. После тысяч часов работы наконец нашлось кое-что действительно существенное. Как Стинберн ни путал следы, они прищучили его.

— Матерь Божья! — прошептал Алекс.— Этот сукин сын работал на Каи Хаконе!

Глава 34

— Никогда прежде не видел подобных штуковин,— сказал Каи Хаконе.— Вы разрешите посмотреть с более близкого расстояния?

Стэн протянул ему пластиковую карточку — удостоверение офицера императорской личной охраны, содержащее — в целях безошибочной идентификации — информацию о запахе ее владельца и его

неповторимом сердечном ритме. Пока Хаконе держал карточку в руке, императорский герб на ней ярко пульсировал.

— Говоря откровенно, капитан,— произнес Хаконе, возвращая Стэну его удостоверение,— я теряюсь в догадках относительно того, что привело вас ко мне. Но пришли вы очень вовремя.

Стэн вопросительно хмыкнул. Хаконе собирался ответить, однако его слова заглушил пронзительный вой взлетавшего космического корабля, который на высоте менее полукилометра включил драйв Юкавы.

Особняк Хаконе находился на самом высоком холме возле Соуарда и выходил окнами на этот крупнейший прайм-уорлдский космопорт. Некогда дом был построен в свободное от работы время капитаном грузового космического грузовика — здесь космический волк намеревался жить, уйдя на покой. Капитан до пенсионного возраста, увы, не дожил — роковым образом предложил полупервобытному народу на одной планете в виде платы за их товары что-то вроде дешевеньких бус, тогда как воинственные обитатели далекого мира интересовались лишь колющими и режущими орудиями убийства.

Поскольку шум космопорта и взлетающих кораблей отпугивал тех богатых праймуорлдцев, что могли позволить себе роскошный особняк, то Хаконе приобрел дом почти за бесценок. Оформив по-своему интерьер и кое-что перестроив, писатель сделал существенное дополнение к особняку — возвел на заднем дворе сферический павильон-планетарий, который он сам называл боевым залом.

Вой драйва Юкавы прекратился, корабль перешел на совершенно бесшумный драйв АМ-2 и мгновенно исчез в небе.

— Мне нравится жить среди звуков того, о чем я пишу,— обронил Хаконе в виде пояснения и жестом пригласил Стэна внутрь.— Как по-вашему, капитан, время не слишком раннее для того, чтобы промочить горло?

— Солнце уже взошло?

Хаконе улыбнулся и повел гостя через просторную прихожую и еще более просторную гостиную в свое логово.

Рабочий кабинет, который Хаконе обычно называл логовом, был стилизован под старинную земную библиотеку, но с существенными современными прибавлениями. Шкафы до самого потолка — двадцатиметровой высоты — хранили неисчислимое множество видеокассет, архивные документы и даже архаичные бумажные книги. В центре комнаты располагался низкий длинный стол. Но на этом сходство с библиотекой восемнадцатого века, принадлежащей какому-нибудь графу или маркизу, заканчивалось. Стол был уставлен компьютерными терминалами; видеокассеты, документы и книги с полок доставала лестница-робот.

Хаконе подвел Стэна к шкафчику-бару, способному похвастать, как краем глаза заметил капитан, богатейшим выбором напитков.

— Виски у вас есть? — спросил Стэн.

— А-а, вы переняли привычки императора! — Хаконе взял бутылку и наполнил до середины два стакана.

Стэн только пригубил виски и поставил стакан на столик. Хаконе сделал то же самое.

— Почему вы сказали, что я пришел вовремя, многоуважаемый господин Хаконе?

— Я как раз собирался пообщаться с вами,— сказал Хаконе, приглашая Стэна присесть на широкую кушетку.— Вы, часом, не видели мою последнюю пьесу? Ту, что показывали перед самым Днем империи?

— К сожалению, я был на дежурстве.

— Ну, судя по высказываниям критиков, вы не много потеряли. В общем, сейчас я в поисках темы для новой работы. И вот мне пришла в голову занятная мысль — знаете ли вы, что еще никто не писал об истории императорского дворца?

Стэн сделал вид, что для него это новость, отрицательно мотнул головой и хлебнул виски.

— А следует рассказать не только о самом дворце, но и о людях, которые там служат,— возбужденно заговорил Хаконе как бы в порыве писательского энтузиазма.

— Любопытная идея.

— Вот и мне так кажется. Как, впрочем, и моему издателю. Разумеется, я бы стал больше писать о людях, живущих во дворце,— по-настоящему меня интересуют только человеческие судьбы, а не технические штучки и архитектурные навороты.

Стэн ждал и помалкивал.

— Вы, должно быть, знаете,— продолжал Хаконе,— что я прежде всего военный историк. Если быть откровенным, у меня свои источники информации. И когда в голове зародился этот проект, первым делом я стал собирать данные о тех, кто в данный момент служит во дворце. Именно поэтому, кстати сказать, я так рвался познакомиться с вами на банкете, который устраивали Марр и Сенн. Ведь вы, капитан Стэн, человек во многих отношениях замечательный.

Стэн изобразил на лице глубокий интерес.

— Вы самый молодой начальник личной охраны императора за всю историю дворца. Вам это известно?

— Да, адмирал Лидо отметил этот факт.

— Этот факт заинтересовал меня до такой степени, что я раздобыл документы о вашей предыдущей службе. Честно говоря, я спрашивал себя: достойны ли вы столь высокого поста?

Стэн поленился даже улыбнуться: он-то знал, что файл с его вымышленной биографией надежно засекречен. А правду о его прошлом знали только несколько человек в штабе отряда богомолов, сам император и генерал Ян Махони.

— У вас послужной список, которым можно гордиться: никаких взысканий, безупречная характеристика. Все командиры довольны и отзываются наилучшим образом. Плюс энное количество геройских поступков, которые были отмечены соответствующими наградами.

— Некоторым просто везет.

— Если говорить совсем откровенно, капитан, некоторым везет даже сверх меры.

Стэн молча допил виски.

— Капитан, как вам понравится, если я выскажу предположение, что ваш послужной список — чистейший вымысел?

— Не будь я у вас по делу государственной важности, многоуважаемый Хаконе, за такие слова — в зависимости от настроения — я угостил бы вас стаканчиком или расквасил вам нос.

— Я не хотел оскорбить вас, капитан. Просто высказываю предположение, что, по моему глубокому убеждению, вы получили назначение на свой нынешний пост благодаря успешной службе в частях «Меркурий» или в отряде богомолов.

Стэн сыграл под дурачка:

— В «Меркурии»? Простите, господин Хаконе, я отродясь в разведке не служил, а про богомолов и слыхом не слыхал.

— Другого ответа и не ожидал. Похоже, я лишь понапрасну обидел вас. Сменим тему разговора. Что вас привело ко мне?

Хаконе снова наполнил стаканы.

— Некоторое время назад вы наняли на службу некоего доктора Харса Стинберна,— быстро отчеканил Стэн с намерением застать писателя врасплох.

Хаконе и впрямь резко отреагировал на вопрос — пожалуй, даже слишком нарочито: уронил на пол пробку от бутылки.

— Проклятье! Этот придурок опять что-то натворил?

— Опять? Многоуважаемый Хаконе, должен предупредить вас, что наша беседа записывается на магнитофонную пленку. Вы имеете право на присутствие адвоката и врача, дабы засвидетельствовать, что при снятии показаний не применялись методы психологического давления, равно как и меры физического воздействия или наркотические препараты.

— Спасибо за предупреждение, капитан. Нет нужды в таких официальных мерах. Доктор Харс Стинберн действительно работал у меня на протяжении четырех месяцев — прайм-уорлдских месяцев. Затем я уволил его — и хотел бы добавить, без положительной характеристики.

— Продолжайте, многоуважаемый господин Хаконе.

— Моим хозяйством обычно занимается от полусотни до трехсот слуг. Поэтому мне удобней иметь врача, постоянно живущего в моем доме. Это было первой причиной, почему я решил воспользоваться услугами доктора Стинберна.

— Была и вторая?

— Да. Он такой же боевой ветеран, как и я. Служил во время Муэллеровских войн и участвовал в битве за Сарагоссу.

— В которой участвовали и вы.

— А-а, вы тоже интересовались моей биографией.

— Да, я в курсе основных фактов вашей жизни. Почему вы уволили его?

— Потому что... нет, он врач толковый и работящий. Я бы даже сказал, очень хороший доктор. Я вынужден был расстаться с ним, потому что он полностью погружен в прошлое.

— То есть?

— Он ни о чем другом не хотел разговаривать, кроме своей военной службы. Ему казалось, что его предали.

— Предали?

— Быть может, вы уже знаете, что его выгнали из армии с громким скандалом. Но виновным он себя не считал — дескать, я просто выполнял приказ, а потом, когда дело было сделано, меня использовали в качестве козла отпущения.

— Империя, как правило, не практикует геноцид, господин Хаконе.

— Стинберн был убежден, что геноцид допустим и необходим. Короче, его навязчивые рассуждения о прошлом стали действовать мне на нервы. Вот почему я предпочел отказаться от его услуг, как только истек срок контракта.

Стэн хотел было задать еще один вопрос, но удержался. Тем временем в глазах Хаконе появилось задумчиво-отсутствующее выражение.

— Я использовал фразу «погружен в прошлое». — Он разом осушил свой стакан.— Поскольку вы, капитан, имели случай ознакомиться с моей биографией, то моя ирония могла показаться вам неуместной — ведь я грешу тем же. Вам не кажется, что я зациклен на прошлом?

— Я не историк, ваша честь.

— А как вы относитесь к войне, капитан?

Стэну хотелось ответить искренне: считаю ее жуткой глупостью. Но он понимал, что такой ответ не придется собеседнику по вкусу. Поэтому он благоразумно промолчал.

— Я где-то читал,— продолжал Хаконе,— что война есть ось, вокруг которой вращается жизнь. Очень правильная мысль. Для некоторых из нас все в жизни действительно вращается вокруг войны. А для доктора Стинберна и, если быть совсем откровенным, для меня тоже жизнь клином сошлась на одном военном событии — битве за Сарагоссу.

— Могу только повторить: я не историк, ваша честь.

Хаконе взял оба стакана, прихватил из бара графин и направился к двери.

— Я мог бы рассказать вам, капитан. Но лучше покажу.

И он повел Стэна в свой «боевой зал».

Муэллеровские войны, которые завершились почти за сто лет до рождения Стэна, могли служить классическим подтверждением его определения войны. Колонии в созвездии Муэллер были созданы так поспешно и непродуманно и на таком расстоянии от империи, что связь с метрополией оказалась чрезвычайно слабой. Имперские чиновники, которые заведовали связью с этими новыми мирами, ленивые и невежественные, запустили торговлю с созвездием Муэллер, не реагировали на нужды тамошнего населения.

В итоге население роптало, стали вспыхивать бунты под разными лозунгами: мол, лучше подчиняться хоть черту, чем поганой империи. К тому времени, когда император сообразил, что проблемы муэллеровского созвездия превратились в снежный ком, было уже слишком поздно. Оставался единственный способ привести подданных в повиновение — послать гвардейские дивизии.

Но оголтелый экспансионизм империи проявился и в военном отношении. Войны велись с огромным размахом и в то же время бестолково. Время и место битв и даже противник — все это выбиралось чуть ли не на авось.

До сих пор, когда у императора случался приступ безграничной самоуверенности, ему достаточно было вспомнить Муэллеровские войны, чтобы «вернуться на землю». Пока мятежные муэллеровские колонии не принудили к полукапитуляции, произошло много страшного. Сарагосская катастрофа числилась среди наихудших событий тех недоброй памяти лет.

Не было ни малейшего смысла завоевывать Сарагоссу. Да, в тамошней колонии возобладали изоляционистские настроения — надо было дать жителям Сарагоссы вкусить полной свободы: пусть познают ее минусы. Достаточно было спокойно ждать, когда не очень-то нужная империи Сарагосса запросится обратно в ее состав. Вместо этого туда направили для усмирения целую великую флотилию плюс Седьмую гвардейскую дивизию. Впрочем, завоевание выглядело поначалу легкой прогулкой — трудно ли такими силами поставить на колени звездный мир с одной-единственной планетой, которую защищает несколько примитивных искусственных спутников. На деле военная операция превратилась в сущий кошмар.

Самоуверенные адмиралы, отдавшие приказ о нападении на Сарагоссу, не дали себе труда задуматься над небольшой неувязкой: первоначально разведка донесла о наличии семи искусственных спутников вокруг Сарагоссы, а при подходе к планете был обнаружен лишь один. В результате преступной халатности погиб почти миллион солдат.

Согласно плану операции, транспортные корабли Седьмой гвардейской дивизии должны были войти в атмосферу планеты при поддержке пяти тяжелых боевых кораблей. И вот загадка отсутствия шести спутников разрешилась — когда транспорт и боевые корабли уже вошли в ионосферу.

Огромные спутники были взорваны, причем так искусно, что их осколки остались на орбите вокруг планеты. И на каждый осколок размером больше бейсбольного мяча был высажен сарагоссец-камикадзе — в скафандре и с реактивным двигателем в ранце. Вообразите, легко ли кораблям прорваться через густой пояс астероидов — с одних астероидов стреляют из пушек, а другие, мелкие, используют как торпеды, которыми управляют смертники!

Первый линкор был вмиг продырявлен и оказался не менее беспомощным, чем три транспортных корабля. Командующий десантом — адмирал Роб Гадес — спешно перебрался с остатками своего штаба на небольшой истребитель. А тем временем еще четыре линкора были взорваны и превращены в груду космического мусора.

На этом этапе операции было уже поздно отзывать транспортные корабли. Большинство из них погибли до того, как солдаты успели катапультироваться в спасательных капсулах. Спасательные капсулы остальных расстреляли с земли при спуске плотным огнем зениток и ракетами.

Именно в этот момент погиб корабль, которым командовал Хаконе. Сам Хаконе был контужен и не видел окончания боя. А закончился бой приказом адмирала Гадеса — *sauve qui peut*, то есть «спасайся кто может». Приказ об отступлении позволил сохранить оставшуюся треть десанта.

— В живых осталась только треть, капитан, только треть! — сказал Хаконе и погасил звездное небо над ними.— Больше миллиона погибших. Хорошая бойня, а?

Стэн внезапно вспомнил свой страшный опыт еще до окончания армейской подготовки — как на его глазах героически погиб Яаме Шавала и как он сам решил после этого, что его совершенно не тянет участвовать в масштабных битвах, да и в малых тоже... Однако тогдашнего своего обещания держаться подальше от кровавых событий он не выполнил... Стэн не стал раскрывать свои чувства — укрылся за туповатым:

— Не знаю, господин Хаконе.

— Не хотите знать, скорее. Но теперь, надеюсь, вам понятно, почему я взял Стинберна к себе на службу. Он прошел через тот же ад, что и я.

Стэн не мог не отметить про себя любопытный факт: пока Хаконе показывал ему ход битвы на полусфере планетария, он как-то незаметно выпил полграфина виски.

— Кстати, капитан, вам известно, что стало с Гадесом?

— Нет.

— За его — я цитирую решение трибунала — «отступление перед лицом врага» он был отстранен от командования и выпихнут в отставку. Думаете, это справедливое решение?

— Справедливое? Простите, господин Хаконе, мне никогда не доводилось исследовать понятие справедливости. Не знаю, что это такое.— Стэн встал и церемонно кивнул головой.— Засим позвольте откланяться. Спасибо за информацию, ваша милость. Если в ходе следствия возникнут еще вопросы, смею ли я надеяться на ваше дальнейшее сотрудничество?

— Можете, можете,— без выражения в голосе сказал Хаконе.

Стэн чуть было не решился спросить Хаконе в лоб, не знает ли тот, что обозначает словосочетание «Заара Ваарид». А вдруг эта шальная пуля угодит в цель? Вместо этого он выключил магнитофон и зашагал к выходу.

Если бы он вышел минутой раньше, он мог бы застать одного из слуг Хаконе за интересным занятием — тот прикреплял маленькую пластмассовую коробочку к корпусу капитанского гравитолета.

Выйдя из зала-планетария, Хаконе вернулся в библиотеку, где его поджидал полковник Фоли. Полковник выглядел мрачнее тучи.

— Полагаете, я допустил ошибку? — спросил Хаконе.

— Какого дьявола вы перед ним разоткровенничались? Зачем было рассказывать ему все это? Ведь это же личный детектив императора!

— Я закидывал удочку, полковник.

— Чего ради?

— Прояви он хотя бы крупицу понимания и сочувствия — одной искорки в его глазах было бы достаточно! — мы бы попробовали привлечь его в наши ряды.

— В теории ваш план шик, а на деле пшик. Только зря распустили язык.

— На самом деле я добился важного результата — теперь понятно, что к капитану Стэну ни с какой стороны не подступиться. Зато по моему приказу к его гравитолету прицепили радиомаячок, и группа гвардейцев-дезертиров будет следить за ним, пока он не выведет их на «надежную явку», которую он использует в процессе своего расследования. Ну а после этого мы прикончим неподкупного капитанчика, так-то! Вы свободны, полковник.

Фоли вытянулся, отсалютовал писателю, повернулся на каблуках и вышел вон. Было в голосе Хаконе что-то такое повелительное... Полковнику и в голову не пришло спросить себя, почему он беспрекословно подчиняется человеку, который снял военную форму почти сто лет назад.

Глава 35

В центре затемненной комнаты светился большой настенный экран компьютера. В одном углу крупная надпись «ЗААРА ВААРИД» указывала цель поиска. По остальному пространству экрана бежали сменяющиеся строки. В данный момент компьютер исходил из предположения, что это словосочетание обозначает некий коммерческий продукт, и искал его в соответствующих разделах своей памяти — в частности, в архивах имперской патентной службы.

Лиз Коллинз, специалист-компьютерщик, сосредоточенно вглядывалась в строчки, бегущие по экрану, чтобы поймать хоть какой-нибудь намек или обнаружить новую область поиска. Она останавливала каждую длинную строку, быстро прочитывала ее и нажимала клавишу. Сейчас она просматривала каталог домашней утвари, устаревшей лет на сто, а то и больше. Ей приходилось делать усилие над собой, чтобы внимание не рассеивалось: работа была утомительной и скучной. «Не расслабляйся, подружка,— думала она про себя.— Если эта работа кажется тебе скучной, достаточно подумать о том приятном, что последует за ней». Но тут она невольно застонала — после заключительных звездочек предыдущего громадного раздела на экран выскочил заголовок следующего раздела, самого чудовищного по своим размерам,— «ОБОРОНА».

Воздух за спиной Лиз дрогнул, дверь открылась, и раздались мягкие шаги. Она обернулась. За ее спиной стоял Алекс с двумя кружками пива с аппетитными шапками пены.

— Хотите хлебнуть пивка, киска? — ласково спросил Алекс.— Надеюсь, я вам не помешаю, а?

— Конечно,— сказала Лиз, отвечая на первый вопрос. Заметив, что Алекс понял ее неправильно и поник, она поторопилась уточнить: — Конечно, я с удовольствием выпью. И конечно, вы мне не помешаете.

Коллинз перевела компьютер в автоматический режим работы — в случае обнаружения чего-то любопытного машина подала бы сигнал,— взяв кружку из руки Алекса, сделала жадный глоток и ойкнула.

— Да это не просто пиво! — воскликнула она и улыбнулась, заметив, что в дно кружки вделан стаканчик.

— Коктейльчик,— пояснил Алекс.— Порция виски для смазки пивных пузырьков.

Лиз сделала неспешный долгий глоток.

— Мммм, славный коктейльчик!

Она пересела на покрытую меховым покрывалом кушетку, закинула ногу на ногу и стала оправлять форменную юбку, подтягивая к коленям, но тут заметила, каким голодным взглядом Алекс смотрит на полоску ее голого тела выше чулка... и забыла до конца поправить

юбку, а вместо этого призывно хлопнула ладошкой по кушетке рядом с собой.

Словно проснувшись, Алекс вздрогнул и несколько неуверенно двинулся к кушетке. Перед тем как сесть, он тоже до странности долго колебался. А когда сел, принялся внимательно изучать стену напротив, старательно избегая пытливого взгляда Лиз.

— Так значит,— произнес он, когда молчать дольше казалось неприлично,— вы полагаете, что у нас есть шанс обнаружить подлинное значение абракадабры «Заара Ваарид»?

Лиз ничего не отвечала. Она просто отхлебнула пива.

— Я имею в виду,— лепетал Алекс дальше, путаясь в словах,— я в виду имею, значит, что вы столько работаете за компьютером, не щадя своей очаровательной...— Он хотел сказать «попки», но вовремя поправился: — Не щадя сил, а значит...

— Алекс,— прошептала Лиз, перебивая его.

Он повернулся и взглянул ей в глаза — впервые с тех пор, как вошел в комнату.

— Да, киска.

— Нам обязательно говорить?

— Нет, киска.

— Тогда иди сюда.

До Алекса наконец дошло. Он обвил рукой талию Лиз, и в следующее мгновение сильные, но дивно нежные ручки обвились вокруг его шеи. Лиз и Алекс и не заметили, как уже лежали рядом на кушетке.

И опять Лиз позабыла, что видна полоска кожи над чулком. Сейчас эта полоска расширялась, расширялась...

Им было не до экрана, а он между тем пульсировал красным цветом. Компьютер терпеливо помигивал, желая сообщить: я нашел! нашел! нашел!

На экране высвечивался текст:

ИСТОЧНИК: Джейнс, «Исторические анналы». Боевой космический корабль «Заара Ваарид».

Далее следовали характеристики корабля, год постройки, вооружение, сведения об экипаже, история — вплоть до момента, когда «Заара Ваарид» закончил свой славный путь в качестве флагманского корабля во время битвы за Сарагоссу во времена Муэллеровских войн. Корабль был уничтожен в бою, девяносто процентов команды погибло...

К счастью для милующейся парочки, они прочтут эту информацию лишь спустя час-другой. И пока избавлены от горького разочарования. А предстоит им узнать, что расследование опять зашло в тупик, потому что боевого космического корабля «Заара Ваарид» попросту больше не существует.

Глава 36

Поднявшись с посадочной площадки возле особняка Хаконе, Стэн направил свой гравитолет от космопорта Соуард к императорскому дворцу. Миновав город, он снизился до пятидесятиметровой высоты. До сих пор капитан действовал согласно предсказанию Хаконе. Теперь он должен был направить свою машину к «надежной явке» неподалеку от Эшли-на-Уай. Но сотни людей — из тех, кто остался в живых,— могли бы посоветовать Хаконе быть менее уверенным в своих предсказаниях, ибо Стэн — человек в высшей степени непредсказуемый.

Гравитолет Стэна внешне казался стандартным летательным аппаратом. На деле это было не так. И хаконской шестерке — тому парню, что прикрепил передатчик к стэновской машине,— стоило бы быть повнимательней и обратить внимание на то, что гравитолет основательно переоборудован.

Сейчас Стэн отдал управление автопилоту, который медленным ходом повел машину над лесом, а сам занялся проверкой и своей одежды, и гравитолета на предмет «жучков». На частоте 22,3 герца детектор заревел, как бент в брачный сезон. Стэн снял прибор с крепления и с ним в руке обошел свою машину по периметру. Понадобилось всего несколько секунд, чтобы обнаружить радиомаячок.

Перебирая в голове варианты действий, Стэн перевел управление в ручной режим. Решение было принято, и гравитолет взмыл на высоту в тысячу метров. Стэн изменил курс — направился в сторону Великого Южного моря. Тем самым он на восемьдесят градусов отклонился от первоначального курса на «Блю-Бхор». Стэн мог только гадать, зачем к его машине прицепили маячок, но он решил: для пущей безопасности лучше пролететь несколько лишних тысяч километров, чтобы понять намерения противника.

Объяснение не заставило себя долго ждать. Бортовой радар ближнего действия запикал, предупреждая Стэна, что к нему сзади приближается некий объект. Стэн обернулся и всмотрелся в горизонт через гравитолетовский бинокль.

Если забыть о переоборудовании, машина Стэна была стандартной боевой машиной — открытая, четырехместная, с маклиновским движком, размером десять на пять метров. А его настигал имперский гравитолет-бронетранспортер, предназначенный для перевозки целого взвода солдат,— тоже открытый, двенадцатиместный, размером вдвое больше стэновского.

В нагоняющем со скоростью шестьдесят километров в час аппарате Стэн разглядел шестерых мужчин. Он решил подыграть этим парням и замедлил ход своей машины. Его преследователи тоже притормозили.

«Стало быть, они пока просто следят за мной. Им дали задание не убирать меня, пока я не выведу их на "надежную явку". Дурака нашли!»

Стэн презрительно присвистнул и пристегнулся двойным ремнем безопасности. Он отжал рычаг управления от себя, набирая скорость до максимальной, и отключил встроенный радар безопасности. На обычных боевых машинах радар безопасности, связанный с компьютером, работает постоянно, его просто невозможно отключить: каким бы идиотом ни оказался пилот, компьютер сверяется с радаром и не дает хозяину ни во что врезаться — ни во время ливня, ни в тумане, ни в дыму, ни когда пилот — в дымину. Однако стоит повторить, что машина Стэна была серьезно модифицирована.

Другой, нестандартный радар следил за движением сзади и зафиксировал ускорение аппарата хаконовских молодчиков только до восьмидесяти километров в час. Отстают. «У ребят довольно медленная реакция»,— подумал Стэн.

Пилот преследующего гравитолета не успел ничего сообразить — настолько быстрыми и неожиданными оказались действия капитана. Стэновская машина взяла круто вверх, ее нос задирался все больше, больше... пока аппарат не сделал классическую мертвую петлю. Обычные гравитолеты на такие фокусы не способны — устройство ручек управления не позволяет. Совершив «мертвую петлю», Стэн внезапно оказался позади преследователей и на полной скорости догонял их — словно хотел протаранить, как камикадзе!

Гравитолет с преторианцами нырнул немного вниз — его пилот пришел в себя. Затем на гладком днище распахнулись люки и выплюнули четыре блестящих предмета. Огонь, дым — и четыре ракеты класса «воздух — воздух» полетели в сторону стэновской машины. Однако Стэн оказался шустрее — машина уже брала новый крутой вираж. Ускорение вжало его в кресло, но он смог точно в нужный момент выпустить аварийную осветительную ракету.

Яркая многоцветная вспышка над тем местом, где он был несколько секунд назад... Четыре ракеты, наводящиеся на инфракрасное излучение, уловили точечное тепло — и столкнулись на месте взрыва стэновской аварийной осветительной ракеты. Машина Стэна была уже далеко, а вот гравитолет преследователей тряхнуло изрядно — как-никак рядом рванули разом четыре ракеты. Невзирая на ремни безопасности, парни ухватились за ручки — в страхе, что ударная волна вытряхнет их из машины. Когда преторианцы опомнились, из завесы дыма внезапно вынырнул гравитолет Стэна. Пилот-преторианец с перепугу засуетился, резко увел в сторону свою машину... Поздно. Гравитолет Стэна шел почти точно над ними. Затем случилось то, чего ни один из шести преторианцев и в страшном сне не мог вообразить. Стэн передал управление автопилоту, зафиксировал высоту и скорость, а сам... сам он отстегнул ремни безопасности и прыг-

нул с борта своей машины вниз, прямо в середину другого гравитолета.

Сгруппировавшись в воздухе, капитан в последний момент выхватил кинжал и упал на грудь одному из преторианцев, переломав ему ребра и вышибив дух. Пока Стэн поднимался с колен, второй преторианец поднял виллиган на уровень живота капитана, но тот распрямился и растопыренными пальцами левой руки что было мочи ударил в глазницы противника. Пальцы продавили глазные яблоки и вошли в мозг. Пока второй труп валился на дно машины, Стэн круто развернулся и вспорол кинжалом живот третьего преторианца. Кровь хлынула ручьем. Преторианец удивленно уставился на свои вывалившиеся внутренности и рухнул замертво.

Четвертый преторианец кинулся на врага с гвардейским боевым ножом. Кукри Стэна разрезало сталь ножа. Ошарашенный этим преторианец полсекунды промедлил — и клинок Стэна пронзил его череп. Капитан кинулся вперед, где оставались пилот и его сосед. Но тут он поскользнулся в луже крови и плашмя упал на дно машины.

Это спасло ему жизнь. Пятый преторианец, сидевший рядом с пилотом, уже освободился от ремней безопасности, стоял во весь рост и стрелял из виллигана. Диски антиматерии пролетели над головой Стэна. А через секунду он уже приподнялся и вонзил кинжал в пах стрелявшему. Тот рухнул на ошалевшего от ужаса пилота. Пилот лихорадочно сдирал с себя ремни безопасности, потом спихнул окровавленного товарища и отбежал к борту машины. Стэн не преследовал его. Он намеревался взять одного языка и с пристрастием допросить его. Но пилот, как оказалось, совсем ошалел от страха. Глядя на мрачного Стэна, который был в пятнах крови, как мясник, и все еще сжимал в руке серебряную полоску окровавленного металла, пилот неожиданно перегнулся через перила и сиганул вниз, навстречу другой смерти.

Стэн метнулся к нему, однако рука чиркнула по воздуху в сантиметре от воротника несчастного. Капитан проводил глазами визжащее и извивающееся тело. Все было кончено.

Теперь нужно прийти в себя. До этого он не был человеком, он был роботом, который убивал не задумываясь,— крушил, крушил... Возбуждение проходило, и Стэн приговаривал про себя: «Дыши глубже, глубже». Способность спокойно мыслить вернулась, и Стэн окинул взглядом пять трупов. Одна часть мозга говорила: Хейнз могла бы извлечь какую-то информацию из осмотра покойников. Другая часть мозга подсказывала: и так все ясно, костоломов послал Хаконе.

Император наделил его чрезвычайными полномочиями, и Стэну не составляло труда арестовать Хаконе и прибегнуть к любым методам допроса — в том числе и к сканированию мозга, дабы выяснить степень участия писателя в заговоре с целью убить властителя.

Но это было бы самым примитивным решением проблемы. Что-то подсказывало Стэну, что Хаконе, этот знаменитый краснобай, находящийся в фокусе общественного внимания, не мог быть застрельщиком и главной движущей силой заговора против императора.

Глава 37

Туман клубился у сверкающей черной поверхности космического корабля — до того длинного, что он занимал почти всю посадочную площадку. Через ярко освещенные транспортные люки шла погрузка оборудования и экипажа.

Это место на секретных картах обозначалось как запасная взлетно-посадочная площадка имперского военного космофлота для экстренных ситуаций. На самом же деле ею пользовался исключительно император, когда не хотел, чтобы его прилет или отлет попадал в выпуски последних новостей и транслировался по телевидению.

Да и сам торгово-пассажирский корабль «Нормандия» был с секретом. Роскошный суперскоростной лайнер снаружи выглядел весьма обычно, но строился он с единственной целью — быть личным космическим лайнером императора, когда тот покидал столичную планету для отдыха или для выполнения своих секретных проектов. Вооружением «Нормандия» не отличалась от боевого истребителя, а мощностью двигателя — от самого быстрого космического линкора.

Экипаж «Нормандии» — хвала современной автоматизации! — не превышал сотни человек. Однако экипажу было все-таки тесновато — большую часть корабельного пространства занимали апартаменты императора. Благодаря массе передвижных перегородок и палуб властитель мог изменять конфигурацию своих апартаментов, размещать гостей и любовниц, устраивать многолюдные вечеринки или совещания с первыми лицами империи.

Поскольку официально «Нормандии» больше не существовало — согласно документам, после третьего полета ее поставили на консервацию,— при необходимости лайнер принимал имя одного из внешне похожих на него больших торгово-пассажирских кораблей. Возможно, этот личный императорский корабль был самым крупным неуловимым кораблем-призраком в истории человечества.

— Марр, ты нежен, как комнатный цветок! Здесь нет и следа загрязнения атмосферы!

— Рассказывай, рассказывай! — фыркал Марр.— А я скажу тебе одно: нюхом чую — двигатель дымит.

Марр и Сенн были, скорее всего, единственными поставщиками за всю историю всех императорских дворов, чьи поставки подвергались лишь зрительному контролю со стороны охраны. Сейчас эта

любящая парочка наблюдала за погрузкой контейнеров в чрево «Нормандии».

— Ладно, некоторое загрязнение имеет место, тут я доверяю твоему тонкому обонянию. Однако это никак не повредит нашей рыбе. Она же в герметичных аквариумах, а не в открытых бассейнах, где можно нахвататься всякой дряни из воздуха.

— Просто я опасаюсь, что этим таанцам не понравятся наши продукты,— сказал Марр.— То-то будет сраму, если переговоры сорвутся из-за того, что у таанцев понос от нашей пищи!

Их предрассветную перепалку прервало появление старшего субадара Лимбу. Гуркский офицер был в полном боевом облачении — с виллиганом на бедре и кукри на поясе за спиной. Поприветствовав поставщиков, он осведомился:

— Эта рыба, не для моих ли она парней?

— Нет, Читтаханг. На борту достаточно риса, сои и мясной вырезки, чтобы каждый из ваших наиков превратился в колобок — такой же, в какой вот-вот превратитесь вы.

Читтаханг ласковым и задумчивым взглядом уставился на свое брюшко, потом сказал с ухмылкой:

— Доброе пузо не помеха.

Когда он ушел надзирать за дальнейшей погрузкой, Сенн произнес со вздохом:

— Боже, с какой грубой публикой нам приходится общаться!

В это время возле «Нормандии» приземлились пять больших флиттеров.

— Ага, вот и наш бесстрашный предводитель! — прокомментировал Марр.

— Посмотри-ка, и слизняк Сулламора рядом с императором! — прошипел Сенн.— Не понимаю, зачем властитель пригласил этого типа!

— Дорогой, я могу только догадываться, что министр торговли приглашен не ради его красивых глаз. Очевидно, будут обсуждаться проблемы торговых отношений с Таанским союзом... Слушай, Сенн, мы действительно ничего не упустили при подготовке?

Марру и Сенну поручили заботиться о провианте на время переговоров сразу же после того, как был определен срок и место встречи императора с таанскими дипломатами. Поставщики немедленно занялись выяснением пищевых пристрастий таанцев — в частности, их военной аристократии. К счастью, видеофильмы об экзотической кухне были столь же популярны в сороковом веке, как и в любом предыдущем. И в итоге Марр и Сенн загружали в чрево «Нормандии» контейнеры со всем необходимым — начиная с живых креветок в соленой воде до крахмала и овощей, растущих в ящиках с почвой. Ну и конечно, среди запасов провианта были кое-какие дополнения — какой же повар не мнит, что может улучшить чужестранную кухню!

В люки корабля промаршировало, громко чеканя шаг по покрытию посадочной площадки, подразделение преторианцев. Ими командовал полковник Ден Фоли.

— А на этих хватит припасов? — обеспокоенно спросил Марр.

— Еще бы не хватило! Сто пятьдесят преторианцев и тридцать гурков. Мы доставили на борт столько продуктов, что сможем кормить их хоть тысячу лет. У экипажа свои припасы. А что до императора, то на его вкус не угодишь — всегда что-нибудь удумает новенькое... Для Сулламоры, хоть он и мерзавец, я припас особые продукты — готовить его любимые блюда. А остальное — для таанцев, мы можем при необходимости прокормить целую орду голодных таанцев. Словом, дорогой мой, мы готовы на все сто!

— Да, но что будем есть мы?!

Мембраны Сенна в тревоге задвигались, но в этот момент ударил гонг, возвещающий о конце погрузки. Последние контейнеры исчезли внутри корабля, и грузовые люки закрылись, флиттеры улетели, после чего громко зашипел Юкава-драйв «Нормандии», и гигантский корабль поднялся в воздух.

Вне звездной системы «Нормандию» поджидали эскадрилья боевых истребителей и несколько линкоров. Находящимся на борту этих кораблей солдатам было сказано, что им поручается отконвоировать один торговый корабль к месту назначения, обеспечить его безопасность и вернуться на базу. Даже офицеры не знали, что на борту этого «торгового» корабля будет сам император, который летит на встречу с таанским руководством, и эта встреча — единственная возможность предотвратить полномасштабную межгалактическую войну.

Глава 38

Несколько человек молча сидели за длинным столом в кабинете Фрая — его главной «ворчательной» комнате. Все пребывали в сильнейшем унынии. В самом конце стола Хейнз со скучающим видом постукивала по клавишам мини-компьютера. Напротив сидел непривычно тихий Алекс и угрюмо таращился на Лиз, которая возилась со своей техникой.

Когда в комнату вошел Стэн с листами компьютерной распечатки в руке, все глаза устремились на него.

— Нет,— объявил он с порога.— Никаких новых сведений. Но я тут кое-что набросал. Бумажка получилась странная, но за неимением лучшего от нее и будем танцевать.

Троица ожила. Раздавая им листы, Стэн говорил:

— Будучи еще салагой, я научился в армии важной вещи: когда вгрызаешься в проблему, набросай списочек: что тебе известно, а что — нет. Очень помогает.— Тут он улыбнулся какой-то болезнен-

ной улыбкой и, пожимая плечами, добавил: — По крайней мере, создает впечатление, что ты вроде как при деле.

Хейнз, Алекс и Лиз принялись изучать «странную бумажку» Стэна. В ней факты были подытожены следующим образом:

1. Изначальная цель заговора — убийство императора. Все данные свидетельствуют о масштабности заговора.

2. Заговорщики так и не отказались от своих планов. Иначе как объяснить загадочные смерти в районе Соуарда? Все жертвы — бывшие преторианцы или бывшие дворцовые служащие. Нападение на Стэна совершено неспроста. Нападавшие — бывшие преторианцы, большинство из них — дезертиры. Информация к размышлению: в прошлом земном году исчезли по меньшей мере сорок преторианцев.

3. Один из заговорщиков — в самом дворце. Доказательство — наличие утечки информации с дворцовых компьютеров.

4. Повторимся: если заговорщики не отказались от своих намерений, значит, жизнь императора по-прежнему под угрозой.

— Как полицейского,— сказала Хейнз,— меня бы максимально успокоило лишь одно: сознание, что намеченная жертва находится в полной безопасности.

— Ну, это-то, по крайней мере, обеспечено,— отозвался Стэн.— Император покинул Прайм-Уорлд. Не имею права сказать, куда он направился, но он действительно в полной безопасности — окружен доверенными советниками и преданными телохранителями.

Алекс облегченно вздохнул.

— Слава богу, что рядом с властителем нет этих долбаных преторианцев.

— Император в курсе, насколько глубоко мы увязли в нашем расследовании? — спросила Лиз.

— Нет, он не в курсе,— ответил Стэн.— Мы договорились: в целях конспирации — никакой связи. Я могу связаться с ним лишь в случае самой крайней нужды. Существует прямая связь с императором — из дворца.

Трое его сотрудников ждали, не скажет ли он еще что-нибудь, но поскольку он молчал, они снова углубились в чтение.

5. Каи Хаконе, со всей очевидностью, одна из ключевых фигур заговора. Об этом говорят его контакты с Стинберном и многочисленные ниточки, которые тянутся к битве за Сарагоссу. К тому же нападение на Стэна произошло сразу же после его визита к подозреваемому.

6. «Заара Ваарид» — еще одна ниточка, уводящая в прошлое, к битве за Сарагоссу. Вопрос: как этот давно уничтоженный корабль связан с нынешним заговором?

7. Факт, запутывающий дело: Хаконе никак не связан с императорским двором. Этого известного противника властителя никогда не принимают во дворце.

— А не пора ли нам арестовать подонка? — воскликнул Алекс.— Я его кишки на кулак намотаю, и он у меня назовет всю эту срань, которая покушается на его величество!

— Не выражайся, Алекс! — прикрикнул Стэн.— Арестовывать Хаконе глупо. Нужно брать всю банду разом. Тем более что у них есть шестерка во дворце.

— Да,— сказала Хейнз,— если мы сцапаем одного Хаконе, остальные уйдут между пальцами.

Три головы снова склонились над текстом.

8. Следует ли нам еще глубже копнуть архивы касательно битвы за Сарагоссу? Не обнаружатся ли при этом некие новые нити?

— У нас что, целый год в запасе на расследование? — сухо спросила Лиз.— Не знаю ни одного компьютера в империи, который смог бы перелопатить гору фактов про те события меньше чем за год.

— Тогда предложение снимается,— сказал Стэн.

— И это все? — спросила Хейнз.

— Да,— кивнул Стэн.— Остается только Хаконе.

— Я как раз копаюсь в фактах его биографии,— заметила Лиз, указывая на свой монитор.

— Неприлично эксперту так долго гонять горстку фактов,— сказал Стэн.— Это ни к чему не приведет.

Лиз хрипло хихикнула и возразила:

— Когда дело ни тпру ни ну, тогда дурачкам не остается ничего другого, кроме как гонять факты на компьютере.

— Где-то у него должен быть штаб,— сказал Стэн.— Не может же он руководить заговорщиками прямо из своего особняка — встречаться с ними, вести переговоры... Трудно представить, что они встречаются на улице или в ресторане.

— Может, дачный домик? — предположила Хейнз.

— В каком-нибудь медвежьем углу,— добавила Лиз Коллинз и сразу начала просматривать перечень принадлежащей Хаконе собственности. Она использовала ту же изощренную программу, которая уже помогла ей однажды прорваться сквозь туман, напущенный Стинберном и его товарищами.

— Этот тип — отпетый милитарист. Фанатично любит войну,— сказал Алекс.— На этом-то мы и должны подловить его. Ведь он написал эту дурацкую книжищу про Муэллеровские войны...

Не успел старшина закончить фразу, как на экранчике у Лиз высветился ответ на ее запрос. Догадка Алекса оказалась верной.

— *«Заара Ваарид»*,— начиналась строка на экране.— *Регистрационный номер KH173. Взлетная площадка 82. НУЖНА ЛИ БОЛЕЕ ДЕТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ?*

— Еще бы не нужна! — взревел Стэн, пока Лиз набирала соответствующую команду.

Каи Хаконе принадлежала небольшая подержанная космическая яхта под названием «Заара Ваарид». Она находилась примерно в сотне километров от них, на частной взлетной площадке № 82.

— Немедленно войдите в бортовой компьютер этой яхты! — приказала Хейнз.

— Не торопитесь, лейтенант,— произнесла Лиз.— Можно наломать дров. Что, если тамошний компьютер заблокирован и поднимет тревогу при попытке проникнуть в его память?

— Она права,— согласился Стэн.— Мы нащупали нечто очень важное, теперь главное — не напортачить.

— Я сделаю запрос: не нуждается ли яхта в текущем ремонте,— сказала Лиз.— Это вполне рутинный запрос, который не вызовет никакой тревоги.

Бортовой компьютер «Заара Ваарид» ответил, что потребности в текущем ремонте нет.

— О'кей, теперь надо задать какой-нибудь официальный и достаточно невинный вопрос.

— «Когда корабль в последний раз покидал причал?» — предложил Стэн.

Лиз набрала вопрос.

— Ни разу на протяжении более чем года. Но это к лучшему. Я могу запросить данные бортового журнала, самые общие. Все это ненавязчиво. И при этом мы будем постоянно на связи с бортовым компьютером «Заара Ваарид».

Яхтовый компьютер начал выдавать данные бортового журнала по мере того, как Лиз проводила зондаж мощности самого компьютера и задавала ему вопросы — обтекаемо сформулированные, вроде бы совсем невинные. Казалось, она электронной пчелкой перелетает с цветка на цветок, собирая мед знаний.

— Ну-ка, полюбуйтесь! — воскликнула Лиз, выводя на свой экран данные об интеллектуальной мощности яхтового компьютера.— У этого прогулочного кораблика компьютер, который впору ставить на самый большой лайнер!

— С какой стати на яхте компьютер такой невероятной мощности? — спросила Хейнз.

— Ой-ой-ой! — причитала в это время Лиз, напряженно работая, высунув в азарте язычок и обращаясь к яхтовому компьютеру, как к ребенку: — Нет, деточка, нет, будь умницей, раскрой свои секретики. Ах ты, «Заара» — чертов — «Ваарид»!

Лиз оттолкнула клавиатуру и сказала Алексу:

— У тамошнего компьютера столько же ловушек против вторжения, сколько кружек пива ты в состоянии выдуть за неделю! Я, конечно, могу продолжить диалог, но эта штуковина в лучшем случае просто сотрет всю информацию из своей памяти, и нам достанется шиш.

Стэн в отчаянии шмякнул кулаком по столу:

— Неужели опять тупик? Неужели ты ничего не вытянешь из этого электронного чудища? Ты же такая опытная укротительница компьютеров!

— Он выдал мне код для входа в яхту,— сказала Лиз и записала на бумажке необходимую информацию.

Стэн порывисто встал.

— Ну, за дело, Алекс. Надо прошвырнуться туда и поглядеть, что это за яхточка.

Друзья направились к двери. Неожиданно Лиз за их спиной присвистнула.

— Капитан! — позвала она.

— Ну?

— Тут еще кое-что выяснилось.

— Не томи.

— Судя по всему, на борту «Заара Ваарид» находится бомба. И кажется, бо-о-ольшущая.

— Спасибо.

— Не за что.

Стэн и Алекс, как-то разом сгорбившись, медленно вышли из комнаты.

Глава 39

Это была маленькая каюта на маленькой быстроходной космической яхте. Сама яхта не принадлежала к классу самых роскошных, но кто-то когда-то любовно отделал ее внутри — паркетный пол, со вкусом подобранное пластиковое покрытие стен, добротная мебель. Теперь это были остатки прежней роскоши — каюта была невообразимо запущена. Повсюду валялась одежда, грязные контейнеры от пищи, немытая посуда — нынешний обитатель ленился выбрасывать хоть что-нибудь в мусоросборник.

Тарпи, превративший каюту в свинарник, возлежал на койке с закрытыми глазами и довольной полуулыбкой на губах. На нем вос-

седал целый выводок котов. В иную эпоху их называли бы бродячими. Достаточно было одного взгляда на них, чтобы понять — эти пушистые твари не имеют родословных. Тарпи называл любимцев космическими бродяжками — и это племя, населяющее космопорты и временами летающее в космос, было всех мастей и пород. Сейчас он поглаживал дюжину жирных котов, которые расположились на нем, грозя раздавить.

Что-то заурчало под левым плечом, и Тарпи приподнял его чуть-чуть — так, чтобы котенок мог вылезти. Котенок присоединился к своим братишкам и сестричкам, сосавшим маму, которая царственно возлежала на груди Тарпи.

Только благодаря котам Тарпи не свихнулся от скуки на этой проклятой развалине, именуемой «Заара Ваарид». С тех пор как он заступил на дежурство, на яхте ничего — ровным счетом ничего! — не происходило. В кормовом отсеке ютились дуболомы охранники, но Тарпи свел общение с ними до минимума. Охота ему иметь дело с придурками, которые только тем и ценны, что готовы в нужный момент пожертвовать свои никчемные жизни для «общего дела»! Куда приятнее коротать долгие часы безделья с умными и ласковыми котиками!

Сейчас левое ухо Тарпи немного заколoло от нового, непривычного звука — бип-бип-бип! Пульс его резко ускорился, и Тарпи пришлось силой воли унять сердцебиение. Так-так! Что-то начинает происходить — наконец-то!

Тарпи неспешно снял с себя всех котов и котят и сел на койке. Он включил экран монитора — посмотреть, что происходит снаружи.

За причалом для космических яхт удобно наблюдать. Тут все как на ладони. Причал напоминает двухкилометровое дерево с множеством веток. «Ствол», стержень строения, заполнен магазинами, ресторанами, ремонтными мастерскими по обслуживанию яхт. А на «ветвях» расположены частные пронумерованные ячейки для яхт — от огромных, близких по размерам к лайнерам, до суденышек, которых называют космическими скорлупками.

Тарпи заметил какое-то движение неподалеку от «Заара Ваарид». Он увеличил изображение, и как раз в этот момент из тени выдвинулись две фигуры — Стэн и Алекс. Они медленно крались в сторону яхты. Тарпи узнал их, ухмыльнулся и нажал сигнал тревоги для охранников в кормовом отсеке.

Затем он вскочил с койки, быстро надел портупею и устремился к двери. Там на секунду задержался и окинул взглядом открытые контейнеры с едой — достаточно, чтобы его приятели не маялись от голода до конца операции.

Люк-дверь с шипением распахнулся. Мгновение — и Тарпи был таков.

Глава 40

Алекс еще раз внимательно осмотрел причальное помещение. Ни души. Даже техников нет поблизости.

— Вперед, дружище,— сказал он Стэну,— здесь все чисто, как в королевском винном подвале.

Стэн направился прямо к панели у входа в яхту, отодвинул крышку и стал набирать входной код, который раздобыла Лиз. Набрав первые три цифры, он подождал, пока компьютер проверит их верность и даст добро вводить остальные цифры.

— Алекс, хорошенько соберись и готовься к прыжку. Неизвестно, что ждет нас за дверью.

Старшина кивнул и еще раз огляделся по сторонам. Прежде чем его сознание зафиксировало опасность, мышцы сами собой напряглись и по позвоночнику пробежал холодок.

— Здесь целая шайка! — свистящим шепотом сказал он и стремительно метнулся прочь от входного люка.

Стэн вовремя оглянулся и заметил вдалеке за своей спиной фигуру, которая перебегала от одной стальной стойки к другой. На протяжении трех ударов сердца Стэн и Алекс оказались за ближайшим укрытием, сжимая в руках виллиганы.

— Вон там! — прошептал Алекс.

Стэн медленно повернул голову в ту сторону, откуда появился Тарпи. Он шел к ним по открытому пространству.

— Привет, ребята! Могу вам чем-нибудь помочь?

Стэн заметил, что за небрежной походочкой Тарпи скрываются повадки профессионала — двигается он по выверенному полукругу, идет не прямо к ним, а незаметно смещается в сторону.

— Тут их несколько, этих крыс,— сказал Алекс.

— Сколько?

— Четыре. Быть может, пять.

Стэн выглянул из своего укрытия, нацепил на лицо улыбку и спросил приближающегося врага:

— Эй, приятель, имя у тебя есть?

— Тарпи, если вам интересно.

Стэн кивнул и с глуповатой улыбкой продолжал:

— Ты имеешь отношение к этой ржавой колымаге?

— Может, и имею,— сказал Тарпи.— Если вас интересует эта колымага, говорите со мной.

— Интересует,— сказал Стэн.— Мы с другом ищем дешевую яхту. Чтоб починить и использовать.

Тарпи лениво улыбнулся в ответ.

— Эта яхта в лучшем виде, в ремонте не нуждается. Но беседовать о продаже надо с владельцем. Получить разрешение и все такое.

— Берегись! — крикнул Алекс.

Стэн вскинул свой виллиган и выстрелил в Тарпи, однако тот уже упал на платформу и скрылся за кучей железного лома. Капитан увидел, как диск антиматерии пронесся куда-то ему за спину, и почти одновременно услышал предсмертный вопль.

— Все в порядке, дружище,— проговорил Алекс.— Я уложил гада. Выходит, этих мерзавцев было пятеро. А теперь стало четверо.

Тарпи с такой легкостью метнулся в укрытие, что Стэн еще раз восхитился его профессионализмом. Теперь надо было найти остальных.

Под ним раздался едва слышный звук шагов — кто-то крался. Стэн заглянул в пространство между «Заара Ваарид» и своим гравитолетом. Прямо под капитаном стояла очень дорогая большая космическая яхта. Один из костоломов Тарпи подкрадывался к нему снизу. Все это напоминало игру в трехмерные шахматы: атаки можно было ожидать откуда угодно — слева, справа, спереди, сзади, сверху, снизу.

Стэн подал сигнал Алексу. Тот должен был держать оборону по левому флангу, Стэн — по правому. Сперва им предстояло заняться парнями Тарпи, которые неизвестно где, а потом уж разобраться и с самим Тарпи.

Стэн услышал тяжелый шлепок — это Алекс спрыгнул уровнем ниже, к следующему яхтовому причалу. А над Стэном была лестница, которая вела на следующий уровень, частично защищенная от могучих высотных ветров несколькими рифлеными металлическими панелями. Стэн сделал два шага по направлению от лестницы, чтобы привлечь огонь, а потом рванул обратно, к лестнице, и быстро взбежал по ней. Приходилось уповать на счастливый случай — что никто не держит эту лестницу под прицелом. Пока он сломя голову перескакивал через ступеньки, спина у него нехорошо чесалась в ожидании диска антиматерии.

Первого из парней Тарпи Стэн заметил, когда тот неторопливо перебирался в полумраке за темный корпус стоящего на платформе гравитолета, выбирая удобную позицию для выстрела. Мелькнул только его зад. Но этого было достаточно. Через пару мгновений капитан уложил его выстрелом в живот.

Стэн кошачьей поступью двинулся дальше — на поиски следующей жертвы. Однако в голове свербела мысль, что он точно выполняет план Тарпи. Уже ясно, что его костоломы — неопытные пехотинцы, пушечное мясо. На месте Тарпи Стэн так бы и поступил: подставил бы этих олухов, а сам выбрал бы удобное место для неотвратимого удара и дожидался благоприятного момента.

Сейчас чуткие уши Стэна уловили перешептывание вверху, прямо над ним. Он посмотрел в конец наклонной платформы, которая вела к причалу, где виднелась еще одна большая яхта. Тарпи? Вряд

ли. Он дождался, пока шептавшиеся остановятся. Шаги стихли у заправочной стойки. От этой стойки к яхте тянулся шланг, которым управлял робот. Еще шумок наверху — те парни выбирали удобную позицию для засады.

Согласно портовым инструкциям, во время заправки никто не должен находиться на борту. Стэн тщательно прицелился в топливную стойку. Будем надеяться, что эта яхта застрахована... С этой мыслью он выстрелил. Пламя полыхнуло во все стороны. Стэн стремительно шагнул в сторону, потом побежал вниз, к «Заара Ваарид». Платформой ниже он упал и покатился — ожидая, что вот сейчас его расстреляют как удобную мишень. Пронесло. Когда он вскочил, сверху сыпались какие-то обломки, пролетело что-то темное, круглое, с красной дырой вместо рта.

Немного потрясенный взрывом и своим бегством, Стэн прокрался обратно, к носовой части «Заара Ваарид». Выглянув из-за корпуса, он увидел Алекса, который перебегал от одной металлической стойки к другой, перепрыгивая через многочисленные кабели. Алекс заметил его и показал два растопыренных пальца. Еще двое костоломов бесславно погибли. У Стэна заныла правая рука, он посмотрел на кисть — из ранки сочилась кровь. Так часто бывает во время боя, даже не знаешь, когда и где ранило. «Вот что делает прилив адреналина»,— мелькнуло в голове Стэна. Он переложил виллиган из правой руки в левую, поднял руку и стал зализывать кровь.

Все это время он не прекращал думать о Тарпи. Шестое чувство подсказывало ему, что они даже сейчас играют на руку этому хитрецу. Стэн был уверен, что Тарпи где-то скрывается и поджидает удобной минуты. Может, он как раз сейчас охотится за Алексом?

Вдалеке, за колонной, Стэн видел лицо Алекса, который поводил головой и напряженно осматривался. Но его лицо внезапно переменилось — и в тот же момент, не раньше, Стэн уловил движение за своей спиной. Капитан резко обернулся, готовясь сразу же выстрелить, поднимая виллиган на уровень пояса,— но он отлично понимал, что виллиган не в той руке. Поэтому Стэн одновременно с поворотом начал падать, поджимая пальцы правой руки, но он опаздывал, роковым образом опаздывал...

Тарпи подловил Стэна, и тот был в его власти. Грузный коротышка Алекс находился с капитаном на одной линии. Это был отличный шахматный ход — нажимая курок, Тарпи с удовлетворением подумал, что первый выстрел уложит Стэна, а второй — сержанта. Надо только вторично нажать курок, когда Стэн рухнет на платформу...

И вдруг словно ледяная сосулька вошла в тело возле левого соска. В следующий момент он упал на платформу — в глазах застыла не боль, а удивление.

Стэн, мокрый от пота, медленно распрямился, подошел к Тарпи и выдернул кинжал у него из груди.

Тяжелый топот. Рядом стоял Алекс.

— Ты понял, что мы были у него на крючке? Он нас поимел как мальчишек.

Алекс шмыгнул носом и зашагал к входному люку «Заара Ваарид».

— Да, дружище,— проворчал он.— Этот парень нас поимел. Но время от времени такое случается. И на старуху бывает проруха.

С ржавым скрипом входной люк медленно открылся. Стэн быстро юркнул внутрь — он горел от нетерпения узнать тайну этой яхты. Алекс остался на страже у входа.

Хотя он и торопился, Стэн передвигался по яхте с предельной осторожностью. Мин не оказалось, но, похоже, никто не собирался использовать эту яхту как космический корабль — все внутри обветшало, проржавело, никакая техника не работала, провода оборваны.

Стэн медленно пробирался через заросшую грязью кают-компанию к отсеку управления. Однако когда он туда заглянул, он мысленно ахнул. Пульт управления был убран — словно лазером срезан. Вместо него стоял огромный новенький компьютер очень современной модели. Его сияющая поверхность разительно контрастировала с ветхостью всего остального. Пока Стэн рассматривал это чудо, словно волшебником заброшенное в царство тлена, маленький робот-уборщик занимался своим делом — распылял средство для чистки по одной из боковин компьютера и начищал ее тряпочкой.

Стэн подошел к креслу у терминала. Он до сих пор понятия не имел, что может послужить сигналом к взрыву заложенной бомбы. Больше всего его беспокоил вопрос: когда? Несомненно, у бомбы есть таймер. Это логично — взрыв не должен происходить мгновенно, чтобы в случае недоразумения знающий человек мог остановить часовой механизм бомбы и сохранить драгоценные файлы здешнего компьютера.

Его пальцы побежали по клавишам терминала:

ВНИМАНИЕ! ЗААРА ВААРИД!

Экран покорно зажегся.

КТО СПРАШИВАЕТ?

Стэн заколебался, потом решительно ввел имя:

ХАКОНЕ.

СПРАШИВАЙТЕ.

Стэн облегченно вздохнул. До сих пор все идет гладко... Главное, не задумываться надолго. Как знать, может, промедление с ответом тоже является сигналом взорвать бомбу.

ПРОСМОТР ФАЙЛОВ.

Компьютер покорно выдал на экран бесконечный список файлов. Сперва Стэн не уловил, что именно он видит. Это оказался не столь уж длинный список, который повторялся вновь и вновь без

пробела. Этот повтор тоже грозил взрывом, если его быстро не прервать. Стэн напряг внимание и наконец увидел нужное:

КОМИТЕТ ВААРИД, ПОДРОБНОСТИ О СОСТАВЕ.

Стэн остановил бег названий и подвел курсор к названию этого файла. Когда он попытался вызвать файл на экран, тот дважды мигнул, после чего стал строка за строкой выдавать информацию — имена, цифры, адреса, даты... Но почти одновременно случилось и другое — в правом верхнем углу появились очень крупные буквы. Они то вспыхивали, то гасли — ритмично. *ГАДЕС! ГАДЕС! ГАДЕС!* Снова и снова следовал этот повтор: *ГАДЕС! ГАДЕС! ГАДЕС!*

Внутри у Стэна все похолодело. Амба! Часовой механизм бомбы включился. Было ясно, что нужно ввести какой-то код в ответ на слово «ГАДЕС!», чтобы предотвратить взрыв. Но кода он не знал, и гадать о нем было некогда. Поэтому Стэн совершил единственное логическое действие, которое можно было совершить в данной ситуации тому, кто печется не столько о своей шкуре, сколько о пользе дела.

Он продолжал смотреть на экран, предельно сосредоточившись, и запоминал, запоминал, запоминал — все эти имена, цифры, адреса, даты...

Раздался оглушительный вой предупредительной сирены. Стало быть, до взрыва бомбы остаются считаные мгновения. Но Стэн не сдвинулся с места, словно прирос к полу. Он впитывал информацию. В его мозгу сирена звучала приглушенно, как небольшая помеха. Он был весь внимание, он читал, читал, читал...

Сзади раздалось странное рычание, потом огромная рука облапила его, подняла над полом. Однако Стэн был так погружен в колонки имен и цифр, что никак не отреагировал. Он прочитал все, дело было сделано. Только краем сознания он понимал, что кто-то тащит его на спине прочь из корабля. И этот кто-то спешит, пыхтит и ругается на чем свет стоит.

Через секунду-другую после того, как Стэн оказался вне корабля, все кругом осветила вспышка света.

Могучие руки швырнули его через загрузочный контейнер. Стэн пролетел метров пять в воздухе, увидел, как приближается к нему платформа. И в тот момент, когда он ее коснулся, платформа содрогнулась от взрыва.

Он лежал оглушенный. И долго приходил в себя. А когда начал немного соображать, увидел рядом Алекса, который оказался тут неизвестно каким чудом.

Старший сержант медленно встал, кряхтя и стряхивая пыль с одежды. Вдалеке завыли полицейские сирены.

Помогая Стэну подняться, Алекс недовольно бурчал:

— По совести, мне бы полагалось вздуть тебя за твои дурацкие штучки, из-за которых мы едва дубаря не дали!

Глава 41

Пространство вокруг особняка Хаконе напоминало сейчас плац военной базы после сигнала тревоги. Люди в военной форме поспешно загружали оружие в гравитолеты, садились в них, поднимались над землей. Гравитолеты образовывали строй боевых машин, похожих на свору гончих псов, готовых по первому приказу устремиться за зверем.

Люди в военной форме не были бывшими солдатами, потому что по-прежнему выступали в роли подразделения имперской армии. Это были те самые дезертиры-преторианцы, которых посулами или шантажом сманили из дворца. В последние месяцы заговорщики интенсивно использовали их для своих грязных дел. Им было в радость снова надеть привычную форму и идти на настоящее боевое задание. Да и Хаконе был счастлив — после стольких лет тщательной подготовки дело близится к завершению!

Но как большинство событий в жизни, и это происходило в незапланированное время. Хотя Хейнз и Коллинз были уверены, что им удалось совершенно прервать связь яхты «Заара Ваарид» с окружающим миром, на самом деле сигнал тревоги был подан — в последний момент перед взрывом. И Хаконе узнал, что яхты больше не существует.

Каи Хаконе не без основания гордился свой способностью быстро оценить ситуацию и принять необходимое решение. Итак, «Заара Ваарид» и ее мощный компьютер уничтожены. Хаконе было велено ничего не предпринимать, не посоветовавшись с главным координатором заговора, который находился на лайнере «Нормандия». Однако события повернулись так, что не было ни времени, ни возможности снестись с координатором. Приходилось решать самому.

Хаконе счел необходимым начать финальный этап операции. И отдал соответствующий приказ, после чего все пружины заговора пришли в действие. Убежденный, что император будет непременно убит, Хаконе мог опасаться одного — что некоторые приверженцы императора сдадутся не сразу. Однако писатель силой заставил себя не думать о худшем и держался бодро — он знал за собой порочную склонность к пессимизму и боролся с ней. С веселым видом он вскочил в свой гравитолет и залихватски промолвил водителю:

— Ну, сержант, дорогу помните?

— Еще бы не помнить! Столько лет мотался туда! — ответил обезьяноподобный, волосатый преторианец-дезертир.

Машина взмыла в воздух. Остальные гравитолеты последовали за ней, выстраиваясь боевым ромбом во время пролета над космопортом Соуард.

Глава 42

Пилот проверил данные на ближайшем от себя экране, сверился с экраном радара и удовлетворенно хмыкнул. Затем нажал кнопку на пульте, и лапа лебедки плавно переместила пилотское кресло прочь от панели управления — вниз, в командный зал. Там пилот отстегнул ремень безопасности, встал — и, прежде чем доложить по форме, решил для пущего эффекта включить большой, во всю стену экран.

На экране было ясно видно свечение в нескольких световых годах от пульсара. Таанский пилот услышал, как лорды-правители недовольно зашумели — им было слегка не по себе оказаться так далеко от своего родного мира и в такой близости от противника. Пилот отключил изображение на экране, затем поклонился лордам.

— Корабль вышел в запланированный район,— доложил он.— Вы видели свечение — это военные корабли империи. Встреча с ними состоится примерно через десять часов.

Лорд-правитель Киргхиз в ответ поклонился пилоту и торжественной поступью двинулся к выходу. Остальные лорды гуськом потянулись за ним.

Окрестности пульсара, обозначаемого в астрономических каталогах как NG 467H, были одним из трех мест встречи, предложенных императору таанскими лордами. И только это место встречи было одобрено императором, потому что близость к пульсару гарантировала полную невозможность радиосвязи для любой из сторон, ведущих переговоры. Если ловушка не подстроена заранее — а властитель был более чем уверен, что имперские приборы достаточно чувствительны, чтобы довериться их показаниям о полной безопасности района свидания,— итак, если ловушка не подстроена заранее, можно не бояться никаких сюрпризов, кроме проявлений дурного характера таанских лордов в виде словесных перепалок.

К тому же у императора была, так сказать, припрятана в рукаве козырная карта. Имперская наука на шаг опережала таанскую. Поэтому властитель имел возможность связаться со своим дворцом даже из такой «радиоямы», какой являются окрестности пульсара. Император отчаянно надеялся воспользоваться этой линией связи в ходе переговоров. Точнее, этой связью должен был воспользоваться Стэн. Если капитан сумеет вывести на чистую воду и назвать главного заговорщика, повинного в смерти Алэна, переговоры пойдут как по маслу и таанским лордам придется идти на уступки.

«Нормандия» и сопровождающие ее военные корабли засекли таанский флот несколькими часами раньше. Такое преимущество объяснялось существованием еще одного бережно хранимого секрета. Не только тайна топлива драйва АМ-2 свято хранилась императо-

ром, но все топливо перед продажей «кодировалось». Космические корабли в империи ходили на чистом топливе, а в другие миры продавали топливо меченое. Благодаря этому имперские корабли-разведчики за многие световые годы могли обнаруживать и идентифицировать неимперские корабли.

На экранах «Нормандии» таанские корабли, которые приближались к месту встречи, пульсировали фиолетовым свечением. Император выключил экран в своем рабочем кабинете, глубоко вдохнул и сказал сидевшему рядом Лидо:

— Ну, готовься, сейчас пойдет-поедет...

Глава 43

Стэн должен был почуять опасность еще тогда, когда они с Алексом проходили через ворота Аруделя. Его сознание никак не зарегистрировало странный факт, что на проходной дежурили двое преторианцев не в привычной полевой пятнистой форме, а в парадных боевых мундирах. Да и ничто другое во дворце не указывало на совершившийся государственный переворот. Служащие привычно сновали по коридорам, сановники беседовали на кушетках в холлах, и дворцовая жизнь, казалось, текла по-прежнему.

Это впечатление было нарушено только тогда, когда Стэн и Алекс вышли из лифта на этаже, где находились апартаменты императора. Лишь там Алекс подметил непорядок.

— Капитан,— удивился он,— а где же гурки?

Тут и Стэн насторожился. Те гурки, которых властитель не взял с собой на «Нормандию», должны были патрулировать коридоры на этом этаже. Вместо них друзья увидели преторианцев — в полной боевой форме.

Но осознание беды пришло слишком поздно — на Стэна и Алекса уже надвигались четверо преторианцев, нацелив виллиганы.

— Ребятки,— сказал Алекс,— вы делаете нехорошую ошибочку...

В этот момент из кабинета обер-гофмейстера вышел Каи Хаконе. Он вежливо кивнул Стэну и Алексу и произнес:

— Капитан Стэн, вы арестованы.

Глава 44

NG 467H представляла собой вихрь слепящего света — интерференция создавала чудовищные помехи на радиочастотах, что исключало возможность радиосвязи между имперскими и таанскими космическими кораблями, которые зависли на стационарной орбите вокруг нейтронной звезды.

«Нормандия» и таанский огромный боевой линкор замерли на орбитах, а вокруг них сновали аппараты размером поменьше. По-

скольку близость к пульсару исключала возможность применения привычных навигационных методов, то маневрирование космических кораблей производилось с помощью компьютерных вероятностных программ — такие программы обычно использовали лишь для обучения будущих пилотов и — опять-таки в учебных целях — при разыгрывании космических боев. А связь между кораблями обеспечивали крохотные боевые катера или беспилотные коммуникационные торпеды. Пилоты — как имперские, так и таанские,— несомненно, поднаторели в искусстве управлять кораблями исключительно с помощью приборов. Однако возле NG 467H все надежные обычно инструменты оказались неприменимыми. Таким образом, пилоты были вынуждены полностью довериться своим бортовым компьютерам — те определяли координаты корабля и ближайших к нему объектов, после чего корабль начинал движение. Однако при неработающем экране радара компьютер не мог учитывать перемещение других объектов после того, как его корабль уходил из начальной точки. Поэтому все пилоты договорились о примерных маршрутах, приняв за ориентиры три ближайшие звезды. Но в общем-то, приходилось больше уповать на правильность компьютерных расчетов и счастливый случай. В избытке света вблизи NG 467H два левиафана и окружающая их мелкота были все равно что в непроглядной тьме океанских глубин — их пилоты ощущали себя мальчишками, впервые севшими за пульт управления.

Книга пятая

«Красная месса»

Глава 45

Стэн лежал на диванчике и продумывал план дальнейших действий.

Арестовав, Алекса с заломленными за спину руками увели под конвоем в подземную тюрьму — туда, куда уже бросили гурков. А Стэна, к его несказанному удивлению, отвели в его рабочий кабинет и выставили охрану у дверей. Но по размышлении Стэн понял, что такая мягкость по отношению к нему не лишена логики; по крайней мере, у Хаконе есть серьезные причины поступать именно так.

Хаконе, несомненно, просчитывал все на много ходов вперед. Тем не менее Стэн, в прошлом участник не одного и не двух государственных переворотов, считал мягкотелость Хаконе головокружением от быстрого успеха. Он бы на месте Каи Хаконе незамедлительно поставил и Стэна, и Килгура, да и всех гурков к стенке — позже можно лицемерно пожалеть, что это было сделано сгоряча и понапрасну.

Предварительно его кабинет обыскали, забрали все оружие. Трое вооруженных до зубов бывших преторианцев охраняли дверь. У Стэна остался только кинжал в рукаве, не замеченный при обыске.

На душе капитана кошки скребли — он понимал, что часы его сочтены. Не расстреляли сразу, так догадаются прикончить в ближайшие сутки. Он уже справился с огромной картой дворца, стоящей в углу, но ближайшая комната, из которой можно было попасть в разветвленные коридоры подземелья, находилась метрах в пятидесяти от него.

О бегстве через окно Стэн даже и не помышлял — Хаконе не дурак и наверняка поставил внизу парочку снайперов.

«Предположим абсурдное,— думал Стэн,— что тебе удастся пройти через дверь, уложить трех преторианцев и юркнуть в дворцовые катакомбы. Хрен получится, но вдруг. Тогда ты сможешь добраться

до радиорубки, где находится единственный канал связи с "Нормандией". Предположим, у тебя будет достаточно времени, чтобы передать предупреждение его величеству. Предположим, это сообщение достигнет адресата и его не отловит по пути чертов Лидо. Ну ладно, предположим немыслимое, приятель. Итак, император получает твое сообщение. Что дальше?

А дальше Хаконе сделает из тебя решето. Ну а потом император (будем надеяться на лучшее) вернется на Прайм-Уорлд, отвоюет дворец, перевешает заговорщиков. Если все закончится благополучно, тебя наградят — посмертно. Самой-рассамой почетной медалью».

Стэн почему-то никогда не мечтал носить на груди самую-рассамую награду — Галактический крест. Тем более получить ее посмертно.

Он силой заставил себя вернуться мыслями к своему настоящему положению. Что предаваться пустым мечтам — ведь на самом деле он даже из этой комнаты не сможет вырваться...

Кулак громыхнул по двери, Стэн вскочил с диванчика, и грубый голос приказал:

— Встать спиной к дальней стене, точно напротив двери!

Стэн подчинился.

— Стоишь у стены?

— Да.

— Я открываю дверь. Если сразу не увижу тебя — бросаю внутрь гранату.

Дверь резко распахнулась. За ней стоял мужчина, который, как догадывался Стэн, был старшим охранником. В руке у него была боевая граната. Шагах в двух за его спиной маячили двое преторианцев — с поднятыми на уровень груди виллиганами.

Еще дальше стоял Каи Хаконе.

Стэн не сделал ни одного движения, пока охранники заходили в комнату и располагались по бокам от него. После этого в кабинет прошел Хаконе.

— Поговорим, капитан?

Стэн ухмыльнулся — будь его воля, он бы многое сказал этой скотине.

— Я могу отпустить вас из дворца под честное слово, что вы ничего не станете предпринимать против нас. Можете вы дать слово офицера?

Стэн прикинул в уме: а не солгать ли? Решил — не стоит. Ему надо бы кое-что сделать, а для этого необходимо оставаться во дворце — тогда будет хоть крохотный шанс выполнить задуманное.

— Нет,— ответил Стэн.

— Я так и думал,— сказал Хаконе, и по его кивку в комнату вошли еще четверо охранников.— И все же я намерен кое-что обсудить с вами.

В голове Стэна мелькнула мысль: если император выживет и вернется во дворец, дел у него будет невпроворот. Например, восстановить все дворцовые сады, изрытые оборонными траншеями и перепаханные самоходками с ракетами «земля — воздух» — это преторианцы готовились к обороне. Хаконе, идущий рядом со Стэном, казалось, не обращал внимания на суету подготовительных работ.

Семеро преторианцев, образовав широкий ромб, сопровождали Стэна и Хаконе, постоянно держа капитана на мушке. Хаконе и этого вроде бы не замечал. Как всякий «думатель», вдруг ставший активным «делателем», он не мог удержаться от многословных, почти истеричных объяснений своих действий.

— Ах, насколько было бы проще, если бы уже первый этап заговора завершился успехом!

Стэн был тоже слегка не в себе: сейчас его, как-никак офицера разведки, мучило — почти до истерики — любопытство касательно деталей заговора.

— Первый этап, господин Хаконе? К сожалению, мне не все подробности известны. Как я понимаю, вы намеревались взрывом бомбы оглушить императора. Верно? Его собирались доставить на «скорой помощи» в соуардский госпиталь, где доктор Кнокс позаботился бы об остальном. И что бы это вам дало?

— Обычно после Дня империи властитель на неделю-другую удаляется от дел, отдыхает и не появляется на публике. Поэтому в нашем распоряжении было бы две недели, чтобы воздействовать на его психику.

— И чьи приказы он стал бы исполнять?

— Лидо и прочих разумных патриотов, которые убеждены, что следует идти иным путем и имперской политике нужно вернуть ее былой блеск.

— Но теперь вы намерены убить императора!

— Необходимость — жестокая штука.

Стэн про себя содрогнулся: может ли такой человек, как Хаконе, *действительно* мыслить подобными клише.

— Итак, властителя вы убьете. А кого на его место?

— После гибели императора все главнейшие имперские средства связи и вещания окажутся в наших руках. И никакая ложная информация не просочится в эфир.

— Вроде той, кто на самом деле сотворил все это?

Хаконе лишь усмехнулся и не счел нужным отвечать.

— Кстати, Хаконе, если уж об этом зашел разговор и мой вопрос не очень возмутит вас: кого вы собираетесь объявить виновником гибели императора?

— Конечно, таанцев. Кого же еще?

— Ловко. А вам не кажется, что лорды, которые вели переговоры, изложат свою версию событий? И вдруг поверят не вам, а им?

— Покойники не излагают версий.

Доселе невозмутимое лицо Стэна передернулось гневом:

— Да это же война!

— Так точно, капитан. Когда разразится война такого масштаба, кто станет копаться в причинах смерти императора? Да, будет война, в которой империя спустит жирок, накопленный в последнее время,— жирок, который мешает ей нормально функционировать. К тому же таанская проблема будет решена раз и навсегда.

— Когда все это случится?

— У нас нет точного расписания событий. Преторианцы во главе со мной взяли дворец за три дня до намеченного срока. То, что вы нашли «Заара Ваарид», заставило нас выступить досрочно — решительно и быстро. А точный час физического устранения императора будет определен адмиралом Лидо лично.

— Неужели вы верите, что этот ваш комитет, или как вы его там называете, окажется способен править огромной империей?

— А почему бы и нет? Одна голова хорошо, а двадцать — лучше.

Стэн хотел возразить, что двадцать голов отнюдь не лучше — члены любой хунты очень скоро начинают грызться между собой, подсиживать друг друга, вырывать друг у друга власть. Но вместо этого он выдвинул другой аргумент:

— Двадцать голов не знают секрета АМ-два.

— Капитан, вы всерьез верите в эту околесицу про секрет изготовления топлива?

Околесица? Вот уж нет, черт возьми! Стэн провел рядом с императором достаточно времени, чтобы понять: в чем, в чем, а уж в этом властитель не блефует. Этот секрет — его главнейшее оружие.

— Никто не убедит меня в том,— продолжал Хаконе,— что один-единственный человек во Вселенной знает секрет АМ-два. Что формулы состава этого топлива не имеется в каком-нибудь архиве — электронном или еще каком.

Разговор тек дальше. Точнее, монолог — Стэн помалкивал и ждал, когда Хаконе перейдет к своему предложению.

Так и случилось.

— Я хотел переговорить с вами наедине,— наконец приступил к делу писатель-заговорщик,— потому что... потому что после... э-э... события начнутся некоторые перестановки наверху. Быть может, вы пригодитесь нам.

— Вам лично или комитету двадцати?

— Разумеется, всему комитету. Впрочем, я бы хотел, чтобы вы обо всем докладывали мне лично.

Стэн не позволил себе улыбнуться. Итак, Хаконе уже сейчас подбирает людей, которые станут подстраховывать его от удара в спину. Стало быть, он не очень-то верит в свои красивые теории.

— А чем я займусь на новой работе?

— Вам будет дозволено остаться в нынешнем качестве. Но я... то есть я хочу сказать, мы... словом, время от времени вы будете выполнять некоторые поручения в области разведки.

— Вы забываете, что я принес клятву верности императору.

— Вы не обязаны быть верны ему после его смерти. Так?

— Предположим, я скажу «так», что тогда?

Хаконе просиял, но затем всмотрелся в лицо Стэна и спросил:

— Лжете, капитан?

— А вы сомневаетесь в этом?

С несколько изменившейся улыбкой Хаконе кивком подозвал охранников подойти поближе.

— Вы осторожная бестия, капитан,— сказал он.— Не будем торопить события. Пусть все пока остается как есть. Посидите под замком в своем кабинете вплоть до дальнейших указаний. А после кончины императора мы, наверное, возобновим наш разговор.

Стэн вежливо поклонился и пошел обратно в сопровождении преторианского конвоя. Хаконе больше не занимал его мыслей. Капитан уже придумал, как можно улизнуть из заключения. Нашел хороший способ, дававший ему по меньшей мере десятипроцентную уверенность в том, что он в итоге выживет. Когда он служил в отряде богомолов, судьба редко предоставляла ему такой большой шанс выжить — целых десять процентов!

Глава 46

Невзирая на ворчливые протесты прочих таанских сановников, лорд Киргхиз сел на голую скамью пехотного катера и решительно пристегнул ремень. Повинуясь его кивку, второй пилот задраил люк. Через несколько мгновений пехотный катер вылетел из чрева линкора и отвалил в сторону «Нормандии».

Киргхиз считал необходимым в интересах высшей политики проявить некоторый стоицизм и прокатиться в отнюдь не комфортабельном пехотном катере, в котором даже офицеры старались не летать. На карту было поставлено слишком много, чтобы брезговать пятиминутным полетом на голой лавке, предназначенной для солдатни. Достаточно сказать, что едва ли треть Таанского Верховного совета дала согласие на проведение данных переговоров — ярые противники империи и сторонники немедленной войны составляли большинство.

Благодаря закулисным интригам и личному влиянию Киргхиз сумел навязать свою волю большинству, используя раздоры между фракциями и разброд в стане антиимперцев. Однако в его отсутствие «ястребы» способны перетянуть на свою сторону нерешительных и колеблющихся, баланс сил в Верховном совете может качнуться... Словом, переговоры лучше не затягивать.

Но некоторые из тех требований, которые ему предлагали выдвинуть в первый же день переговоров, ставили крест на всем дальнейшем. Имея за спиной не одно десятилетие дипломатической работы и политической борьбы, Киргхиз отлично понимал, что именно император сочтет абсолютно неприемлемым.

Будь он на месте императора, Киргхиз прервал бы переговоры сразу после заслушивания этих возмутительных требований.

Хоть он и не верил ни в каких богов, Киргхиз про себя молился, чтобы император оказался человеком достаточно здравым и политически зрелым, сумел бы обуздать обиду и понял, что в декларации таанских лордов, которую вынужден изложить Киргхиз, больше демагогии и дешевых рассуждений о защите интересов таанского крестьянства, чем реального желания ввязаться в войну. Если же император станет в позу, сочтет нужным оскорбиться и положить конец переговорам — тогда кровавое месиво неизбежно, Таанскому союзу и империи придется схлестнуться в межгалактической бойне.

Ни один суперкомпьютер не мог предсказать исход подобной войны. Но все компьютеры, проигрывая возможные варианты, делали один и тот же вывод: и в случае победы, и в случае поражения экономика таанского мира окажется в самом плачевном состоянии, а сам он — в руинах.

Киргхиз, будучи человеком жестокого таанского мира, воином и аристократом, даже не думал о своей личной судьбе в случае неудачи переговоров — а если договор не будет заключен, его непременно осудят и казнят те же самые лорды-«ястребы», которые сейчас поносят его за желание заключить мир.

Глава 47

Стэн решил про себя: «Если мне суждено выжить после попытки удрать — что очень и очень сомнительно,— я непременно потребую выплатить мне стоимость сломанного миниголопроцессора. Эта штуковина недешево мне обошлась, и вот приходится жертвовать ею».

Но ввиду смерти и бесчестья имело смысл ради своего спасения искорежить драгоценный аппарат.

Голопроцессор предназначался для создания очень крохотного иллюзорного мирка десятисантиметровой высоты — с фигурками, механизмами и диорамами. Проклиная недостаточность своих познаний в электронике, Стэн заменил все плавкие вставки внутри голопроцессора обычными проводками от лампы для бритья, а также закоротил все предохранительные цепи. Затем он обшарил память аппарата в поисках какого-либо чудовищного зверя, ничего по-настоящему страшного не нашел, хохотнул про себя и ввел в голопроцессор описание вида и поведения жуткого гуриона, который недавно задал жару им с Алексом, когда они мотались на планету-тюрьму за Динсменом.

Завершив работу, Стэн поставил мини-голопроцессор в паре метров от двери. Пульт дистанционного управления лежал у его ног. Сам капитан расположился в нужном месте — напротив двери — и размышлял, какую дешевую уловку применить. Сказаться больным? Даже тупые преторианцы вряд ли ему поверят. Проорать, что он хочет есть? Тоже глупость. Но тут Стэна осенило.

Он швырнул видеокассету в дверь и добился нужного — громкого стука.

— Чего там? — громыхнул настороженный голос преторианца.

— Я готов.

— К чему ты готов, так твою растак?

С деланым удивлением Стэн пояснил:

— Как к чему? К разговору с господином Хаконе.

— Нас не инструктировали насчет этого.

— Разве вы не слышали, что Хаконе просил меня подумать и переговорить с ним опять, когда я приду к определенному решению!

— Он нас ни о чем не предупреждал.

Стэн молчал. И это молчание работало на него.

— А кроме того, Хаконе велел, чтоб никого не водили беседовать с ним, пока он сам не вызовет.

— Каи Хаконе, насколько я знаю, в имперском бункере связи. Думаю, он захочет переговорить со мной.

Редкий сержант не способен заморочить мозги рядовому, и редкий капитан не умеет одурачить сержанта. По крайней мере, когда Стэн служил в полевых частях, так оно и было. Оставалось только надеяться, что мир не очень изменился с тех пор.

— Мне надо посоветоваться с сержантом охранной службы,— сообщил голос за дверью.

Преторианец уже засомневался, и Стэн поспешил додавить его:

— Как хотите. Только господин Хаконе хотел, чтоб о наших переговорах знало поменьше народу.

За дверью зашелестели голоса преторианцев-охранников, которые вполголоса обсуждали ситуацию. Стэн разобрал обрывки фраз: «Этот чертов Хаконе темнит... а мы тут разбирайся... да пошел он... отведем капитана в бункер, пусть сами...»

Наконец громкий голос велел:

— Ну-ка, встань у стены напротив двери и не шевелись!

Стэн встал у стены напротив двери и вытянул руки перед собой, показывая пустые ладони. Старший стражник поглядел на него через недавно вставленный в дверь глазок, затем отпер дверь и вошел. За ним следовали двое подчиненных ему преторианцев. Не успели они пройти и трех шагов, как из голопроцессора на потолок спроецировался объемный двухметровый гурион и кинулся на них.

Реакция охраны была мгновенной и предсказуемой — преторианцы в испуге разрядили в потолок свои виллиганы.

Стэн тоже не терял времени — он покатился по полу в сторону стражников, приподнялся у голопроцессора, который уже дымился, потому что все предохранители были убраны. Затем распрямился и вонзил лезвие кинжала в грудь старшего стражника.

Тело преторианца остановило инерцию стэновского прыжка, лезвие вошло по самую рукоять, кровь брызнула сквозь уже угасающее объемное изображение гуриона. Кулаком левой руки Стэн уложил второго охранника точным ударом в висок — этот парень стоял слева от него и, будь он проворней, мог бы изрешетить капитана. Прежде чем третий охранник опустил дуло оружия и нажал на спусковой крючок, капитан вырвал кинжал из груди первого убитого и метнул его в третьего врага. Преторианец рухнул на пол, а Стэн уже стоял у самой двери в боевой стойке на случай появления еще кого-нибудь.

Не тратя времени на радость по поводу победы, Стэн выбежал из своего кабинета и, настороженно оглядываясь по сторонам, помчался по пустому коридору ко входу в дворцовые катакомбы.

Килгур тоже ломал голову над тем, как вырваться из плена.

— Поганые преториашки! — орал он, стоя под дверью.— Все вы пальцем деланные! Ваши мамаши с баранами спали! А сами вы козлы вонючие! Поняли, козлы вонючие! Мои предки таким, как вы, яйца откручивали еще сорок веков назад! Вы глупы, как Кэмпбеллы!

Но из коридора не следовало никакого ответа.

Алекс отошел в глубину огромной камеры, которая сейчас была перенаселена — сюда бросили сто двадцать гурков.

— У поганцев совсем нет самолюбия! — в сердцах сказал Килгур своим товарищам по несчастью.

Алекс не придумал ничего лучше, как разозлить преторианцев до такой степени, чтобы они вломились в камеру с целью измолотить дерзкого обидчика,— и тут сказался бы численный перевес. Сто двадцать мускулистых, хорошо обученных и бесстрашных гурков могли бы справиться с несколькими преторианцами, даром что те вооружены до зубов.

Старшина-хавилдар Лалбахадур Тхапа, стоявший у стены неподалеку от шотландца, вяло проронил:

— На гуркали есть страшное ругательство: ты, с лысым лобком! Может, это их проймет.

Алекс расхохотался:

— Более глупого ругательства я никогда не слышал.

— Не глупее, чем сравнивать с какими-то Кэмпбеллами.

Внезапно стена поблизости от Тхапы шевельнулась, от нее отошла плита, и в проеме появился Стэн.

— Опять пикируетесь, ребятки? — сказал он.— Вас слышно за сто метров. А теперь хватит таращиться — и за мной!

Когда гурки преодолели первое изумление и потянулись в тунель за капитаном, Стэн объявил им:

— Оружейная комната тремя этажами выше, надо будет еще пройти через коридор.

— Похоже, за мной кружка пива,— пробормотал Алекс, последним с пыхтением протискиваясь в узкую дыру в стене.

Стэн с видом знатока дворцовых катакомб нажал незаметный выступ, и плита задвинулась за их спинами.

— Одной кружкой не отделаешься... Вперед, ребята, поторапливайтесь!

Глава 48

Годы спустя Стэн и Алекс будут с удовольствием припоминать эти события и добрым словом поминать императора, который построил замечательный дворец со столь хитрой системой потайных ходов. Они с пониманием отнесутся к тому, что он потратил столько времени и сил, строя Арундель. Человек, который верит в романтику и в любовь, просто не мог не подумать о создании потайных лабиринтов.

Но о назначении многих из внутристенных ходов можно было только догадываться. Скажем, и Стэн, и Алекс находили вполне логичным, что несколько тайных лесенок ведут в секретные роскошные спальни. Могли они понять, зачем несколько ходов заканчиваются в камерах подземной тюрьмы.

А вот то, зачем многие туннели имеют скрытые выходы в коридоры дворца, было труднее объяснить. Неужели император был настолько предусмотрителен!

Преторианцы-мятежники тоже могли бы подумать о феномене внутристенных проходов и лестниц — те, кто выжил. А выжили немногие.

Происходило это так. Преторианец шагал по коридору, неся патрульную службу. Внезапно во вроде бы ровной и голой стене бесшумно отодвигалась панель, оттуда выскакивал невысокий зловеще улыбающийся человек с кинжалом в руке — чем-то средним между мачете и коротким мечом. Мгновение — и с преторианцем покончено.

Ста двадцати гуркам, неуловимым, неприметно перемещающимся по тайным ходам и нападавшим неожиданно, как призраки, противостояло чуть больше тысячи преторианцев. Так что исход был предрешен.

Отвоевывание дворца шло стремительно, бесшумно, но преторианской крови пролилось очень и очень много. По плану Стэна гурки охватили дворец по периметру и медленно продвигались к его сердцевине, выбивая преторианцев из императорских покоев, из командного центра, чтобы в итоге освободить ту комнатку, где находился единственный канал связи с властителем.

Бронированная дверь командного центра была заперта, но для взвода гурков одолеть ее не составляло труда. Один наик уже прила-

живал миномет, чтобы взрывом снести дверь с петель, когда появился Стэн и остановил его.

— Йак-пубес! — закричал он на гуркали.— Совсем вы, ребята, спятили! Подумайте, что случится, когда реактивный снаряд рванет в этом коридоре!

Наик с минометом пожал плечами. Алекс, который доставал мину из ящика, взятого в оружейной комнате, тоже не проявлял особого беспокойства.

— Встанем по сторонам коридора, и ничего, с божьей помощью! — сказал он.

Стэн понял, что проворного Алекса уже не остановить, и отпрыгнул к стене. Раздался взрыв, и бронированную дверь сорвало. Гурки с кукри наготове устремились в пролом, но боя не получилось. Кучка перепуганных преторианцев столпились у дальней стены помещения. Они не сопротивлялись. С кукри в руке Стэн пробежал к обычной двери, которая вела в заветную комнатку чрезвычайной связи. Толкнув дверь ногой, он пригнулся и вкатился в проем. Вскочив на ноги, Стэн увидел развороченный пульт и перерезанные провода.

В нише комнаты стоял Каи Хаконе и целился в него из миниатюрного виллигана.

— Маленько опоздали, капитан,— процедил писатель, свободной рукой показывая на разрушения. Держа противника на мушке и не спуская с него глаз, Хаконе продолжал: — Что ж, дворец ваш, зато император — в наших руках. Аппаратура связи уничтожена. Пока ее восстановите, дело будет уже сделано...

Хаконе сопроводил свои слова театральным жестом. Но тут он покосился на дверь, не ворвется ли в комнату кто-либо из товарищей Стэна. Этого секундного отвлечения было достаточно. Капитан схватил конец разорванного кабеля под напряжением и ударил им Хаконе.

Голый конец захлестнул руку заговорщика, он упал на пол, выронив виллиган. Его тело забилось в судорогах, стало чернеть — предохранители наконец сработали, ток отключился, и мертвое тело успокоилось. От него шел дымок.

За спиной Стэна раздался знакомый голос с шотландским акцентом:

— Похоже, у императора теперь одна надежда — что мы, как верные сыны, не оставим его в беде и направимся «за дальние горы, за дальние поля».

Стэн кивнул, и товарищи поспешили в командный центр дворца.

Глава 49

«...И последнее. Потерпевшая сторона торжественно просит его величество императора проявить историческую мудрость и справедливость, а также должное сочувствие по поводу гибели отдельного

человека и признать героическую и трагическую смерть Годфри Алэна в качестве прискорбного факта. Алэн был человеком, которого глубоко уважали...»

Адмирал Лидо продолжал чтение бубнящим голосом, в который раз перечитывая требования таанских лордов. Его аудитория состояла из двух человек — самого императора и Сулламоры.

Сулламора усиленно таращил глаза, пытался не заснуть и быть внимательным. Он косился на властителя, дабы его лицо в каждый момент выражало те же чувства, что и лицо его величества. Это было трудным делом — на лице императора не прочитывалось ни единой эмоции.

«...В назначенное время император лично зачитает своим подданным или иным способом доведет до них послание, текст которого предлагается согласовать. Основными пунктами этого обращения будут следующие...»

— Хватит,— сказал император.— Сыт по горло. Я понял, чего они хотят. Теперь будем решать, как им ответить.

Брови адмирала Лидо взмыли высоко вверх.

— Я собирался предложить следующее,— промолвил он.— Если мы детально ознакомились с их требованиями, можно передать документ на анализ нашему дипломатическому компьютеру.

Император рассмеялся.

— Бросьте, Лидо. Вы вдруг заговорили так же напыщенно, как чертовы таанцы.— Он взял чайник и налил всем троим еще по чашке.— Что касается дипкомпьютера — забудьте о нем. У меня в голове компьютер помощнее и с большим быстродействием. Я занимаюсь распутыванием дипломатических клубков столько же столетий, сколько у меня орденов на груди, а орденов у меня немало.

Сулламора кивнул с умным видом.

— Я ожидал, что вы скажете именно это, ваше величество. Надеюсь, вы не сочтете меня нескромным, если я скажу, что и за моими плечами долгий опыт общения с этой публикой.

— Потому-то я и взял вас с собой. Они максимально доверяют вам, Сулламора, доверяют до той степени, до которой они вообще могут доверять нетаанцу.

Сулламора усмехнулся.

— Это не столько доверие, ваше величество, сколько алчность. Ведь я, собственно говоря, единственный человек, которому вы поручили заведовать торговлей с Таанским союзом.

— Вот почему вы мой скрытый козырь,— сказал император.— Вы у меня как хорошая наживка на крючок.

Сулламора понятия не имел о рыбной ловле, но придворное чутье подсказывало ему, что его хвалят, и он верноподданно улыбнулся.

— Ну а теперь,— сказал император,— давайте переведем эту дипломатическую тарабарщину на человеческий язык. У них пять тре-

бований к нам. Думаю, по всем пунктам можно вести переговоры. Начнем с пункта первого. Они желают, чтобы я дозволил им осуществлять административный контроль в приграничных мирах. В переводе на человеческий: они хотят, чтобы я подарил им все эти системы.

Сулламора возмущенно фыркнул.

— Вы, разумеется, ответите решительным «нет»!

— Отвечу «нет», но с оговорками,— сказал вечный император.

Сулламора начал было протестовать, но властитель властно поднял руку. Казалось, он не замечает, что Лидо до странности безучастен и предпочитает отмалчиваться.

— Давайте пройдемся по следующим пунктам, а потом я скажу вам, как мы поведем себя на переговорах. Итак, второе требование: разрешить иммиграцию. Мое возражение: они наводнят приграничные миры таанцами, что будет равнозначно полному отнятию этих миров у империи.

Третье. Полная и безусловная амнистия всех алэновских мятежников. Тут проблем нет. Черт с ними, прощу. А самых гнусных и опасных зачинщиков можно со временем выудить поодиночке. Не поднимая шума.

Четвертое. Очень скользкий пункт. Они желают построить свободный космопорт в приграничных мирах.

— Это открывает широкие торговые перспективы,— заметил Сулламора.

— Не спорю. Дело прибыльное. Но это одновременно значит, что мне придет повысить их квоты на покупку АМ-два. А это значит, что они могут накопить больше горючего для своих боевых машин и в конечном итоге мы же пострадаем от этого.

Последний пункт. Они желают, чтобы я принес публичные извинения в связи с гибелью Годфри Алэна.

Лидо поднял голову и криво улыбнулся императору.

— А ведь вы никогда не просите прощения, ваше величество,— с горечью в голосе сказал он. Его собеседники не заметили агрессивности его тона.

— Да, ты прав, адмирал. Стоит мне начать извиняться за свои поступки — и пиши пропало, пора подыскивать себе преемника. В тот последний раз, когда я просил прощения, мне это обошлось в половину всех нажитых сокровищ.

— Стало быть, отвечайте твердым «нет», ваше величество,— посоветовал Сулламора.— Говоря по совести, я не вижу, на какие уступки мы можем пойти. По всем пяти пунктам. Мое мнение: надо послать их куда подальше, и пусть катятся к себе домой.

— Я вроде бы и согласен с вами, Танз. Но давайте рассмотрим мои предложения и поглядим, не изменится ли ваше мнение после этого.

Сулламора неожиданно вышел из своего сонливого состояния, и на его лице появилось выражение неподдельного интереса. Он чуял личную прибыль.

— Для начала я превращу их пятое требование в мое собственное первое требование. Я предложу построить мемориал в честь павшего смертью храбрых Годфри Алэна, а также в память обо всех погибших — с обеих сторон. Вместо того чтобы приносить извинения, я выступлю с заявлением, что все люди доброй воли проявили недостаточно усилий для предотвращения происходящей трагедии и несут равную степень ответственности за судьбы мира.

Чтобы подсластить пилюлю, я возьмусь финансировать эту мерзопакость. Я построю город-мемориал на таанской планете-столице. Это будет своего рода коммерческий центр империи.

На лице Сулламоры расцвела алчная улыбка.

— Иными словами, под видом коммерсантов вы внедрите своих людей в самое сердце их столицы. У вас будет свой военный гарнизон под окнами их Верховного совета.

Вечный император громко расхохотался.

— Умница! Да, в коммерсанты я назначу лучших офицеров своей армии — разведчиков, десантников, мужчин и женщин.

— Замечательно! Насколько я знаю таанцев, народ они ограниченный и с легкостью купятся на вашу уловку.

— Далее: вместо передачи приграничных миров под частичную юрисдикцию таанцев я предложу ввести туда миротворческие силы. Состоящие наполовину из наших, наполовину из их солдат.

Сулламора замотал головой: не согласятся!

— Не спешите, Танз. Я позволю им назначить своего командующего этими миротворческими силами.

Сулламора задумался.

— Но не равнозначно ли это отдаче приграничных миров таанцам?

— Так оно и будет выглядеть — внешне. Миротворческим силам будут даны наши космические корабли. С нашими экипажами. Которые будут подчиняться моему человеку. Так что у таанского командующего будут связаны руки, если он вздумает ерепениться. А чтобы позолотить договор, я стану платить своим солдатам из миротворческих сил двойное жалованье.

Сулламора даже привскочил от удовольствия.

— Это значит, что по сравнению с таанскими солдатами наши будут просто богачами. И стало быть, вы тем самым станете подрывать мораль таанских солдат!

Министр взял на заметку эту хитрость и подумал, что неплохо было бы применить ее каким-либо образом при назначении на самые сложные посты в своем торговом ведомстве.

Вечный император продолжал:

— Они просят открыть двери для иммигрантов. Ладно. А теперь касательно открытого космопорта. Соглашусь. С одним условием — его начальником будет мой ставленник.

— Им придется пойти на это — после того как их человек возглавит миротворческие силы,— кивнул Сулламора.— Но кого вы предложите на этот пост?

— Вас,— сказал император.

Сулламора нервно облизался. Он чуял свою выгоду, но теперь она обещала быть запредельной.

— Почему меня?

— Кто лучше вас знает таанцев? К тому же ваша преданность не вызывает у меня сомнений. А коль скоро вы будете строго подчиняться моим приказам, то я смогу контролировать потребление АМ-два в этом космопорту и не допускать воровства. За этим будете следить вы.

— Разумеется,— сказал Сулламора.

В деле подделки документации рука у него была набита. На бумаге ни грамма горючего не уйдет налево.

— И наконец, я выступаю с фантастически великодушным предложением. Оно сформулировано так, что дурачки дипломаты будут писать кипятком от радости. Главная проблема таанских миров — помимо того, что у них безобразный фашистский режим,— перенаселенность. Именно из-за этого мы столкнулись лбами в приграничных мирах.

Сулламора согласно кивнул.

— Поэтому, дабы решить проблему перенаселения таанских миров, я берусь финансировать разведэкспедиции по поиску новых пригодных для жизни планет. Дам корабли и людей и поддержу деньгами.

Даже словно набравший в рот воды обер-гофмейстер вдруг ожил.

— И какие же преимущества вы...

— Эти корабли начнут поиски в противоположной от приграничных миров стороне. А если что-то найдут... Да, если появится возможность дальнейшей экспансии для таанцев, они станут расширяться в другом направлении, прочь от империи. Если нам повезет, таанские первопроходцы и колонисты станут сталкиваться лбами с представителями других миров. Вот с ними пусть они и воюют, раз такие воинственные. Ну, что скажете?

Вечный император откинулся на спинку кресла в ожидании реакции двух ключевых фигур своего правительства.

— План кажется мне хорошим,— поспешно сказал обер-гофмейстер.

Сулламора с ответом не спешил. Он надолго задумался. Потом солидно кивнул:

— Да, кажется, должно сработать.

— Должно сработать, черт возьми! — воскликнул император.— Если, не дай бог, не выгорит...

В этот момент лампочка над дверью замигала.

Лидо нахмурился и коснулся кнопки на пульте. Послышался голос адъютанта:

— Прибыл офицер связи, сэр.

— Я же велел не прерывать совещание!

— Адмирал,— вмешался император,— это может быть сообщение, которого я с нетерпением ожидаю.

Лидо нажал другую кнопку, и дверь открылась.

Дежурный офицер растерялся: отдать ли честь императору или поклониться ему. В итоге он сделал и то и другое — одновременно. Вышло достаточно нелепо.

Но императору было не до того. Он надеялся, что офицер принес благую весть от Стэна — что заговорщики схвачены и их можно представить таанцам в качестве подарка, перевязав для красоты пестрыми ленточками.

— Э-э... э-э...— робел офицер связи. Наконец он решил, что проще изложить донесение адмиралу Лидо, и обратился к нему: — Мы поймали сигнал бедствия.

— Ерунда! — раздраженно бросил Лидо, забирая у офицера распечатку полученного сообщения.— Это нас не касается. Сейчас не до того. Ответа не будет.

— Погодите. Дайте-ка взглянуть,— сказал император.

Лидо передал ему распечатку. Согласно сообщению, в нескольких световых годах от пульсара NG 467H торговый корабль «Монтебелло» находился в самом отчаянном положении. Взорвалось топливо, все офицеры погибли или тяжело ранены, члены экипажа получили ожоги. Корабль взывал о немедленной помощи ко всем, кто окажется поблизости и примет сигнал «SOS».

— Ослы! — воскликнул император.— Для экономии топлива пошли опасным маршрутом, а сами не способны без фонаря свою ширинку найти.

— Ваше величество,— сказал Сулламора,— адмирал Лидо прав, у нас тут дела куда важнее. Некогда нам отвлекаться на дюжину-другую придурков, которые обгорели из-за своей же глупости.

Скорее всего, император и сам бы принял решение не вмешиваться. Но Сулламора допустил характерную ошибку: выбрал не те выражения и раздразнил властителя. Тому вспомнилось, что и сам он тысячу лет назад был среди «придурков», летал на небольшом корабле и его судьба мало кого интересовала.

— Лейтенант,— сказал император офицеру связи,— отнесите это сообщение в командный отсек. Пусть они там отрядят истребитель на помощь. Немедленно.

Офицер на этот раз просто приложил руку к козырьку и поспешил убраться с глаз императора.

А его величество вернулся к текущим делам.

— Теперь, адмирал, призовите на помощь все ваши дипломатические способности, и давайте продумаем, как нам сформулировать мои «великодушные» предложения в таких обтекаемых фразах, чтобы лорд Киргхиз не подумал, что мы просто спятили.

Глава 50

— Спасибо, мистер Дженкинс. Я поведу корабль.

«Черта с два я его поведу,— подумал командир имперского истребителя Лавонн, когда палубный офицер взял под козырек и отступил на несколько шагов.— Мы возле этого проклятого пульсара слепее слепых, мне придется целиком полагаться на поганый компьютер — он наша собака-поводырь. И все равно можем врезаться во что-нибудь».

Лавонн еще раз сверился с экраном, на котором высвечивался курс корабля.

— Наши координаты нулевые?

— Нулевые, сэр,— отозвался второй пилот.

— Курс влево тридцать пять. Вспомогательный двигатель... одна четвертая скорости.

— Есть вспомогательный двигатель на одну четвертую скорости.

Лавонн мысленно скрестил пальцы — авось повезет и на этот раз и в следующие секунды они не пересекут орбиту какого-нибудь другого истребителя.

— Двигатель к старту.

— Есть двигатель к старту.

Имперский истребитель «Сан-Хасинто» слегка задрожал — это корабельный гироскоп развернул аппарат в нужном направлении, после чего последовала новая команда, включился Юкава-драйв, и «Сан-Хасинто» отделился от стоящих на стационарных орбитах имперских кораблей.

Лавонн подождал тридцать секунд, затем приказал:

— Вспомогательный до половины скорости.

— Есть вспомогательный до половины скорости,— без выражения отозвался второй пилот.

— Мистер Коллинз... начинаем отсчет... начали! Через пять минут включение основного двигателя.

— Есть пять минут до включения основного двигателя, капитан. Отсчет пошел.

Пять минут капитан «Сан-Хасинто» сидел как на иголках. Он хотел взять управление на себя, отняв его у автопилота. Нет, нельзя давать волю нервам. Надо расслабиться и подумать о другом.

При нормальных обстоятельствах командир истребителя Лавонн рвал бы и метал, получив подобное задание — спасти терпящий бедствие торговый корабль. До того как он стал командиром «Сан-Хасинто», он столько этих торговых фитюлек переспасал, что возвращаться к прошлому не было ни малейшей охоты. К тому же, по его мнению, весь торговый флот следовало передать в ведение военных. Лавонн не то чтобы ненавидел штафирок, но за свою жизнь перевидал столько грузовиков, которые терпели бедствие по самым безобразным причинам: то экипаж небрежен, то спасательные отсеки устаревшей конструкции или завалены товарами, тогда как должны быть свободны. Зачастую грузовиками управляли пилоты, которым, судя по их квалификации, даже большой гравитолет нельзя было доверить.

Однако сейчас новое задание давало командиру и экипажу «Сан-Хасинто» хоть какое-то занятие. Вообще-то Лавонн был польщен, когда на военную базу пришел приказ: его истребитель будет сопровождать лайнер до места назначения. Кто-то там наверху — на самом верху! — посчитал, что «Сан-Хасинто» — хороший истребитель, а его командир достойный профессионал, стоящий во главе отличного экипажа. У Лавонна иногда случались приступы самолюбования, и тогда он думал, что участие в экспедиции для переговоров с таанцами зачтется ему и будет большим плюсом в служебной характеристике, когда станет вопрос о его повышении.

Слухи среди экипажа, куда они направляются и что является конечной целью экспедиции, достигли пика, когда «Сан-Хасинто» подошел в район NG 467H и через иллюминаторы они увидели таанский линкор. Лавонн сообразил, что его корабль принимает участие в некоем великом историческом событии. Только в каком? Он представлял себя седым адмиралом, который, уйдя в отставку, будет рассказывать своим внучатам: «Довелось мне участвовать в событии огромной исторической важности. Оно происходило у далекого пульсара. И там произошло — а что произошло, я не знаю, и никто не удосужился мне сказать».

Хуже всего было то, что радиосвязь и радары вблизи пульсара не работали. Экипаж бездельничал, все ощущали себя сардинами в банке, маялись от скуки.

Приказы от командира эскадрильи прибывали на маленьких торпедах. Но они никак не проясняли ситуации: патрулируйте там-то и там-то, потом вернитесь на прежнюю орбиту и не отклоняйтесь от нее ни на йоту.

Разумеется, экипаж честил командование последними словами, когда поблизости не было офицеров. Количество нарушений дисциплины росло. Рядовые, жившие парочками, внезапно ссорились и просились в общие каюты, разрывая многолетние союзы. А помощника боцмана, любимца Лавонна, который за всю службу напился

только один раз, когда они были в каком-то порту на чертовски развратной планетке,— этого тишайшего парня пришлось временно разжаловать в рядовые, потому что его поймали на том, что он переделал устройство очистки корабельной воды в самогонный аппарат, на котором изготавливал напиток, валивший с ног не хуже АМ-2, если его принять внутрь.

Словом, экипаж был деморализован бездействием, и Лавонн только порадовался, когда получил приказ отделиться от имперского флота, действовать самостоятельно и спасти грузовик «Монтебелло», который терпит бедствие.

— Четыре минуты тридцать секунд.

Лавонн вернулся на корабельный мостик и приказал:

— За пятнадцать секунд начните отсчет вслух.

— Есть начать отсчет за пятнадцать секунд. Пятнадцать, сэр! Двенадцать... одиннадцать... десять... девять... восемь... семь... шесть...

— К пуску главного двигателя... товсь!

— Есть готовность к пуску.

— Две... одна...

— Пуск!

«Сан-Хасинто» завибрировал — это включился драйв АМ-2 и начал вывод корабля на орбиту, которая пройдет «над» пульсаром и приведет в ближайшую точку пересечения с орбитой несчастного «Монтебелло».

— Этот корабль напоминает мне одного моего предка — тот тоже был латаный-перелатаный,— заявил Алекс собравшимся вокруг него гуркам.

Корабль, на котором они летели, был грузовиком, сменившим немало владельцев, но начинал он как разведывательный корабль спецотряда богомолов, и на нем установили двигатели не менее мощные, чем у боевого истребителя, да и электронная начинка — по тем давним временам — была первоклассной.

Сейчас это был ветеран. К тому же вместо команды из четырех человек в него набилось сорок гурков плюс Стэн и Килгур. Было тесновато. Зато весело и шумно.

Перед тем как нажать кнопку подачи аварийного сигнала, Стэн определил координаты нескольких имперских спутников, поставленных на дальних подступах к пульсару для обеспечения полной безопасности — чтобы они засекли пульсацию драйва любого корабля, который осмелится подойти слишком близко к району переговоров на самом высшем уровне.

Стэн знал, что эти же спутники отслеживают тугой лазерный пучок из прайм-уорлдского дворца, готовые передать срочное сообщение оттуда императору, невзирая на помехи, создаваемые пульсаром. Капитан надеялся, что, внимательно отслеживая эфир, связисты на спутнике поймают и сигнал бедствия с «Монтебелло».

Краем уха Стэн слышал, как Алекс травит очередную байку скучающим гуркам. Особых занятий у него не было, и мало-помалу он заинтересовывался болтовней Алекса все больше и наконец стал слушать внимательно.

Алекс говорил:

— Мой предок, надо вам знать, был человек особенный. Звали его Алекс Селкирк Килгур. И вот, значит, вдруг занадобилась этому Селкирку справка от врача, чтоб ему позволили и дальше летать по торговым делам. Ну, приходит он, значит, к доктору, а тот ему говорит:

«Э-э, да у вас, приятель, кой-каких частей тела не хватает».

Мой предок отвечает:

«Верно».

«А чего ж вы трансплантаты себе не поставили? Это ведь так просто!»

«Понимаете,— объясняет Селкирк,— не было никакой возможности. До недавних пор я, видите ли, пиратствовал».

Доктор закивал — резонно, дескать, Селкирк говорит. И осматривает того дальше. Закончил и говорит:

«Да вы, приятель, здоровее здорового. Вот одно только — коечего у вас не хватает».

Тут Селкирк ему и объясняет:

«Ноги у меня нет. Деревяшка вместо нее. Ногу отхватило люком, когда брал на абордаж яхту одного богатея».

Доктор слушает, уши развесил.

«Видите крюк вместо руки? Срезало руку лазерной пушкой».

«А с глазом что случилось, почему нету?»

Селкирк ему и отвечает:

«Да чайка на него капнула».

Доктор глаза вытаращил, говорит:

«Никогда не слышал, чтобы от помета чайки глаза вытекали!»

«Правда ваша. А дело было так. Стою я, значит, в одном порту на берегу, а тут чайка пролетает. Ну и капнула мне на глаз».

«Но каким образом?..»

«Видите ли, доктор, мне только накануне поставили крюк вместо руки, и я к нему тогда еще не привык».

Стэн почесал в затылке, хотел сказать что-нибудь хлесткое, не нашелся и уставился на экран, на котором высвечивалась карта звездного неба вокруг «Монтебелло».

«Сан-Хасинто» подошел на самой малой скорости вплотную к «Монтебелло». Лавонн, наученный горьким опытом, исходил из предположения, что на грузовике может оказаться нестандартный стыковочный узел, невзирая на все строгие предписания об унификации. Поэтому он принял решение на всякий случай приготовить надувной переходной коридор.

И вот гармошка коридора наглухо прилегла к шлюзовому люку «Монтебелло». Лавонн стоял в скафандре в шлюзовом отсеке своего корабля во главе спасательного отряда из двадцати человек. Еще со времен, когда он принимал участие в наземных боевых действиях, он верил, что командир всегда должен быть впереди своих подчиненных.

Через этот шлюз предстояло принять пострадавших с «Монтебелло», для которых наспех оборудовали лазарет в одном из самых просторных отсеков.

— Приготовиться к открытию люка! — приказал Лавонн.— Открыть люк!

— Есть открыть люк, сэр.

Воздух пронзительно засвистел, давление в шлюзовом отсеке и переходном коридоре выровнялось. Придерживаясь за поручень, Лавонн пролетел к входному люку грузовика.

Открыв люк и дождавшись, когда давление выровняется, Лавонн и его бортовой врач первыми вошли в шлюзовую камеру «Монтебелло». Командир «Сан-Хасинто» готовился увидеть что-нибудь жуткое: панику, хаос, тела, разорванные на куски из-за разгерметизации, или обожженных мужчин и женщин, или обезумевших мятежников. Он готовил себя к чему угодно, только не к тому, что увидел.

А увидел он трех вооруженных мужчин в имперской военной форме. У высокого худощавого мужчины, стоявшего чуть впереди остальных, были нашивки капитана личной охраны его величества. Все трое держали Лавонна и доктора на прицеле виллиганов.

Лавонн растерянно заморгал. Прежде чем он пришел в себя, капитан произнес:

— Будучи облечен чрезвычайными полномочиями лично его величеством императором, я принимаю командование вашим кораблем, сэр.

Глава 51

В зале, где велись переговоры, вполголоса обсуждали свои вопросы члены таанской дипломатической делегации и — отдельно от них — советники императора. В дальнем конце зала происходили главные события — беседа между императором и лордом Киргхизом, в которой принимал участие Танз Сулламора. Все присутствующие с тревогой ждали, чем же закончится эта беседа. Соглашением или немедленным объявлением войны?

Если бы они могли проникнуть в мысли императора в тот момент, когда таанская делегация вошла в зал, они бы знали точный ответ. Император отметил про себя, что все таанцы, начиная с наименее знатного лорда и заканчивая лордом Киргхизом, одеты в парадные военные мундиры — изумрудного цвета плащи, красные кители и

зеленые штаны. На кителях сияли всеми цветами радуги орденские ленты и позвякивали медали.

Вечный император постарался скрыть улыбку при виде этих пестрых попугайских одеяний: люди так выряжаются на банкет, а не для объявления войны. Сам он оделся как можно проще — на нем был его каждодневный элегантный серый мундир. Никаких орденов и медалей, только один значок, свидетельствующий о том, что он Глава империи,— небольшой золотой кружок с буквами АМ-2 на фоне атомарной решетки. Вечный император не раз говорил Махони, что есть единственный способ выделиться в толпе разряженных вельмож,— быть одетым как можно проще. «Если вы босс всех боссов,— говаривал властитель,— вам ни к чему это афишировать».

Император встал и протянул руку Киргхизу.

— Итак, мы пришли к обоюдному согласию?

Лорд Киргхиз старался сохранить на лице выражение сановитого спокойствия, но невольно расплылся в улыбке:

— Да, мы пришли к согласию.

— В таком случае оставим нашим сотрудникам обсуждение деталей,— сказал император.— Окончательное подписание договора может произойти в удобное для нас время.

Затем император обратился ко всем присутствующим:

— Дамы и господа, позвольте мне высказать предположение, что наша работа близится к концу и увенчается мирным договором. Приглашаю всех на прием по поводу успешного завершения переговоров.

По взмаху императорской руки створки огромных дверей с шипящим звуком раздвинулись. Таанцы невольно вытягивали шеи, чтобы взглянуть на длинные столы, ломившиеся от яств. Под приветственные крики и смех вечный император пригласил гостей в банкетный зал.

Этот банкет был звездным часом Марра и Сенна — пиком их долгой карьеры поставщиков двора его величества. Они не пожалели ни денег, ни усилий, чтобы этот пир стал одним из самых замечательных и необычных в истории империи.

Начать с того, что им досталась нелегкая задача сделать максимально уютным огромный корабельный банкетный зал. Для этого они приказали оставить некоторые передвижные перегородки и драпировали их тканями мягких оттенков, чтобы атмосфера в зале стала теплее. Столы были расставлены так искусно, что никто из гостей не чувствовал себя отрезанным от средоточия вечера — императора и Киргхиза, которые сидели друг против друга за главным столом. Марр и Сенн отказались от верхнего света и установили скрытое освещение, которое выгодно подчеркивало серебро посуды. В приглушенном свете подаваемые блюда выглядели особенно аппетитно.

Но величайшим чудом была сама еда. Естественно, коль скоро император был хозяином вечера, меню состояло преимущественно из таанских кушаний, приправленных соусами и специями, которые должны были прийтись по вкусу именитым таанцам. Что касается прислуги, то и здесь Марр и Сенн превзошли самих себя. Обслуживание автоматами или дорогими роботами-официантами не ценилось так, как обслуживание обычными официантами. Поэтому было решено, что за столом будут прислуживать преторианцы. За спиной каждого гостя стоял дюжий детина в парадной форме, готовый по первому знаку налить тому вина, принести новое блюдо, убрать ненужную тарелку.

Однако участие преторианцев в банкете больше всего нравилось адмиралу Лидо. Он мог только мечтать о таком благоприятном для себя повороте. Сейчас он взял бокал с вином и, медленно потягивая приятный напиток, мысленно похваливал Марра и Сенна. Жаль только, что это будет последний банкет в их жизни.

Лидо встретился взглядом с сидевшим напротив полковником Фоли — и поднял свой бокал в молчаливом тосте. Фоли так же молча приподнял свой бокал.

Глава 52

Во времена, когда межзвездная связь была доведена почти до совершенства, связь между космическими кораблями по проводу была не менее устаревшей, чем переговорная трубка. Но в окрестностях пульсара все иначе, вот почему за небольшой ракетой, запущенной в сторону «Нормандии», тянулся провод.

Ракета подлетела к императорскому лайнеру, примагнитилась к его брюху. Связь, пусть до смешного архаичная, была установлена.

— Это доктор Шапиро,— донесся голос с «Нормандии».— Много у вас пострадавших?

— Говорит командир корабля Лавонн. Тридцать пять пострадавших. Мой бортовой врач говорит, что двенадцать в критическом состоянии — ожоги третьей степени. А у других ожоги второй степени, положение тяжелое.

— Оставайтесь на связи.

Из брюха лайнера выдвинулись две полукруглые лапы, захватившие «Сан-Хасинто» и подтянувшие корабль так, что двери его шлюза совпали со шлюзовым люком «Нормандии».

Когда автоматика завершила стыковку и двери открылись, Стэн и сорок гурков устремились внутрь лайнера. Они были вооружены не только кинжалами и виллиганами — у каждого за плечом висело газовое ружье, способное оглушить человека на некоторое время.

Приказ Стэна был прост. Первое: выводить из строя всякого, кто встретится. Второе: если встреченный не вооружен, оглушите; если

человек вооружен и ведет себя агрессивно — без колебания убивайте. Третье: найти императора и обеспечить его безопасность. Четвертое: никто не имеет права приближаться к императору ни под каким видом — любой, кто попробует подойти к властителю, невзирая на его чин и причину такой попытки, должен быть убит на месте.

Гурки есть гурки: когда приказ им ясен, его выполнение гарантировано. Все встреченные не позже чем через пять секунд лежали без сознания или бездыханными. Даже дежурные в командном центре не успели передать сигнал тревоги о том, что корабль захвачен неизвестными.

По команде, словно это было на учебном плацу, капрал Люк Кезаре вышел вперед с блюдом, которое было накрыто салфеткой. Киргхиз обернулся к нему и улыбнулся в ожидании нового блюда. Держа в левой руке блюдо, Кезаре выхватил правой рукой лежащий под салфеткой кинжал и вонзил лезвие прямо в улыбающийся рот таанца. Лезвие прошло через нёбо — прямо в мозг.

Глава 53

Колонна гурков во главе со Стэном в молчании двигалась по главному коридору в той части корабля, где располагались каюты экипажа, когда из громкоговорителя внутренней связи раздался испуганный голос:

— Всем прибыть в банкетный зал. Кто-нибудь... помогите! Они пытаются убить императора!..

Голос прервался на полуслове, послышался какой-то шум, крики... Репродуктор замолчал. Члены команды выбегали из своих кают — и гурки тут же оглушали их газом.

Когда гурки подошли к лифтам, Стэн жестом приказал им остановиться. Часть своих людей он послал под началом старшины-хавилдара Харкамана Лимбу пройти через ту часть корабля, где были каюты офицеров, и захватить командный отсек и мостик «Нормандии». Оставшиеся двадцать гурков последовали вместе со Стэном в банкетный зал.

Огромные створки дверей банкетного зала были раздвинуты, когда Стэн и Алекс приблизились к ним.

Из дальнего конца зала доносились звуки ожесточенной схватки. По сигналу Стэна Алекс и гурки осторожно просочились в зал.

Зал, превращенный усилиями Марра и Сенна в произведение искусства, представлял собой картину полного разрушения. Столы перевернуты, скатерти горят. По полу было трудно ступать — ноги скользили по изысканным кушаньям. Страшно искалеченные трупы скалились на гурков рядом с каждым из перевернутых столов.

Стэн и его друзья торопливо пробирались в дальний конец зала. Все кругом внушало ужас. Стэн обратил внимание, как много таанцев убито — но одновременно и преторианцев. Иногда попадались тела гурков, которые пали, защищая своего императора.

Глаза Алекса налились кровью при виде этого кошмарного зрелища.

— Подлые изменники! — рокотал он.— Мразь навроде Кэмпбеллов!

Стэн с облегчением заметил, что среди трупов нет тела императора.

Вокруг главного стола валялись пятнадцать преторианцев-изменников, мертвые, с зияющими ранами. В центре круга лежал один из гурков, тоже мертвый, с простреленным горлом. Стэн узнал Хемедара Кулбира. Он умер доблестной смертью, до конца выполнив долг перед императором, которому приносил клятву верности.

— Вот геройская смерть,— шепнул Алекс Стэну.

Не успел Стэн отозваться на его слова, как в коридоре, ведущем из банкетного зала, раздался хлопок выстрела.

— Вперед! — крикнул Стэн. Гурки устремились в сторону коридора, перепрыгивая через распростертые тела.

За углом они обнаружили взвод преторианцев, которые нападали на троих гурков — последних из тех, кого император взял с собой на «Нормандию». Стэн подоспел к тому моменту, когда Лимбу с кукри в руке кинулся на группу преторианцев без всякой надежды выжить в неравной схватке и убил двоих, прежде чем был убит сам.

Гурки, которых привел Стэн, напали на преторианцев сзади. Через несколько мгновений пятнадцать изменников лежали бездыханными в коридоре, а команда Стэна проследовала дальше в поисках императора.

Глава 54

Император пнул ногой жирного Сулламору, чтобы тот побыстрее спускался вниз по лестнице, затем обернулся и стал спускаться сам — пятясь, с виллиганом в руке. Однако время поджимало, преследователи могли появиться в любую секунду. Не задумываясь, император сел на перила и съехал вниз. Молнией мелькнуло в голове: есть еще порох в пороховницах, тело само соображает, что делать в трудной ситуации.

Как только ноги властителя коснулись батарейной палубы, он мгновенно отскочил в сторону — и вовремя, потому что то место, куда он съехал по перилам, было разворочено диском антиматерии из виллигана. Вверху стоял преторианец и целился в императора, чтобы на этот раз не промахнуться. Император выстрелил первым, и диск АМ-2 разорвал солдату грудь. Императорский виллиган еще трижды плю-

нул дисками антиматерии, которые подрезали опоры лестницы, и она упала вниз.

— Это остановит их на какое-то время — пусть помозгуют, как спуститься сюда без лестницы,— пробормотал властитель.

Воспользовавшись передышкой, он секунд тридцать стоял за колонной и обдумывал свое положение.

Когда преторианец внезапно ударом кинжала сразил Киргхиза, император от неожиданности в первый момент растерялся. Мелькнула глупая мысль: а не плюнуть ли на все. Пусть убивают. Надоело! Хотя это была мимолетная мысль, но она на миллионную долю секунды парализовала его — и это могло стоить ему жизни.

Спасли его гурки. Когда изменники метнулись к столу, где сидел император, наик Тхаман Гурунг свалил его величество на пол и прикрыл своим телом. Смертельный заряд вошел в грудь Гурунга. Тем временем Читтаханг Лимбу использовал виллиган как автомат и очередью уложил не меньше дюжины преторианцев. Затем сам рухнул с простреленным горлом.

Император выбрался из-под тела своего спасителя, взял его виллиган и возглавил бой. Гурки вместе с ним начали отступление к выходу. Преторианцы не были готовы к такому отчаянному сопротивлению и на минуту растерялись, дав гуркам занять более удобные позиции.

Надо где-то забаррикадироваться, думал император. Было бы естественнее всего отступить в свои апартаменты, но, как опытный инженер, он принял другой план — отступать в машинное отделение «Нормандии».

Он сообразил, что горстка отчаянно смелых гурков под командованием Лимбу продержится считаные минуты. Но за это время можно ретироваться в машинное отделение. Там он сумеет сперва запаять входные люки, а потом держать оборону даже в одиночку, благо запасов антиматерии в машинном отделении достаточно, чтобы уложить хоть тысячу врагов. Сейчас император осматривал батарейную палубу, на которой он находился. Здесь стояли пусковые ракетные установки и лазерные пушки, но в целом этот широкий коридор мало отличался от прогулочной палубы океанского лайнера. Нет, тут негде укрыться, надо побыстрее убираться отсюда.

Лидо поджидал императора у следующей лестницы, которая вела вниз, на корабельную кухню. Император сделал знак рукой, и его сопровождающие двинулись вперед. Лишь сейчас до него дошло, как мало людей осталось с ним — только Сулламора, Лидо и двое гурков.

Но что было удивительнее всего, происходящее приятно щекотало его нервы.

Стэн, Алекс и гурки соскользнули на батарейную палубу по стволу шахты для подъема снарядов. Метрах в пятидесяти от них группа преторианцев топталась у разрушенной лестницы. Их не меньше два-

дцати, отметил про себя Стэн. Один из преторианцев увидел противника и криком предупредил товарищей.

Стэн спустился на батарейную палубу последним. Там он шустро приподнял предохранительный колпачок и нажал красную кнопку на стене, над которой была надпись «ЗАРЯЖАНИЕ». Снаряд типа «гоблин» автоматически пошел к началу шахты и стал подниматься вверх, навстречу преторианцам, которые посыпались в шахту, норовя догнать Стэна и его товарищей.

Автоматическая система заряжания подает снаряд каждые шесть секунд, поэтому массивные снаряды идут на большой скорости и двигаются по подъемной шахте со скоростью шестьдесят километров в час. И вот тысяча килограммов стали столкнулась с несколькими сотнями килограммов человеческой плоти, которую она тут же превратила в просто мясо.

Пятеро преторианцев погибли, прежде чем остальные сумели блокировать работу аппарата и соскользнули вниз невредимыми. Здесь гурки встретили их плотным огнем, и преторианцам пришлось попрятаться за ракетными пусковыми установками, лазерными пушками и другими укрытиями на батарейной палубе. Они открыли ответный огонь по гуркам.

— Да сколько же можно! — ворчал Алекс.— Как мне эти сволочи надоели!

И он решил действовать самым радикальным методом.

На «Нормандии» имелось оружие не только для военных действий в космосе, но и для ведения боя на поверхности планет.

Разумеется, такое оружие обычно хранилось под замком. Упаси бог использовать его на корабле — пробивает переборки. Но на батарейной палубе в нише на стене был закреплен огнемет — громоздкое тяжелое устройство, с которым можно справиться только вчетвером. У обыкновенного человека, как говорится, пупок развяжется, если он попробует орудовать огнеметом в одиночку.

Но старшина Алекс Килгур никогда не был обыкновенным человеком. А необыкновенные обстоятельства только увеличивали его силу и энергию. Диском антиматерии он перерезал цепь, которая приковывала огнемет к нише, вывернул аппаратище, снял предохранитель, прицелился — и выстрелил. И все это сделал в мгновение ока, чтобы Стэн не успел запротестовать, а преторианцы — принять меры к спасению своих шкур.

Из сопла огнемета вырвалась струя, шар пламени ударил о переборку, пошел рикошетом в сторону преторианцев — и разлился морем огня.

Когда выстрел из огнемета используют для подачи сигнала, его вспышка видна с расстояния в одну световую секунду. Можно представить себе, что произошло на батарейной палубе на пространстве десять на десять метров.

Гурки и Стэн лежали пластом за своими укрытиями, закрыв глаза. Система пожаротушения «Нормандии» сработала четко и быстро — с грохотом и шипением на палубу обрушились несколько тонн пены и подавили огонь.

Но к этому моменту от преторианцев остались лишь обугленные трупы.

По оплавившемуся полу батарейной палубы Стэн и его команда поспешили дальше в поисках императора.

Глава 55

Марр и Сенн прятались в огромной микроволновой печи.

Когда началась бойня, оба находились в просторной корабельной кухне. Услышав истерические крики из громкоговорителя, за которыми последовал шум и еще более страшное молчание, они благоразумно решили не высовываться.

Напуганный Сенн прижимался к Марру.

— Когда они закончат свое дело там, то явятся сюда, чтобы прикончить и нас.— Он ласково провел рукой по шерсти своего любовника, с которым никогда не расставался.— Ну что ж, мы неплохо пожили и любили друг друга.

Марр вдруг решительно поднялся во весь рост.

— Еще посмотрим, кто кого! — воскликнул он.— Мерзавцы!

— Думаешь, мы справимся с ними?

— Не знаю, мой милый. Но мы с тобой доки по части кухни. И если эти скоты ворвутся сюда, пусть пеняют на себя!

Он забегал по кухне, делая необходимые приготовления к последнему смертному бою. Сенн догадался, что задумал его возлюбленный, и тоже вывалился из печи, позабыв о намерении умереть тихо и без сопротивления.

Начали они с микроволновой печи — трехметровой высоты и такой же ширины. Внутри было множество решеток, огромных противней и вертел, на который можно насадить целого быка. Жарка производилась с помощью сонара, который внешне напоминал большую кинокамеру, стоящую на гидравлических лапах. Когда печь включали, толстые двери автоматически наглухо закрывались, а сонар медленно перемещался по камере, посылая широкий звуковой луч на ультракоротких частотах.

Первым делом Марр взломал запоры, которые безопасности ради преграждали доступ к сонару. Затем они вывернули прибор из гнезда, однако из печи вытащить не успели.

На лестнице, ведущей в кухню, раздались шаги. У Марра и Сенна, которые возились внутри печи, сердце упало — конец! Но тут в кухню спустился вечный император. Левой рукой он тащил за собой спятившего от страха Сулламору, а правой отстреливался из виллигана.

Секундой позже в кухню забежали обер-гофмейстер и двое телохранителей-гурков. Наики Рамсинг Рана и Агансинг Раи осыпали своих преследователей ругательствами и вели по ним огонь из виллиганов.

Диски антиматерии из преторианских виллиганов врезались в пол и стены кухни, оплавляли стальные стены.

— Сюда! — крикнул император и повел свою небольшую команду к запасному выходу из кухни. Оттуда можно было попасть по переходу в главную кладовую, а затем в машинное отделение.

Преторианцы уже ворвались на кухню. Рам задержался у двери, прикрывая бегство властителя. Диск антиматерии вспорол ему живот, и верный телохранитель, негромко вскрикнув, упал замертво. Преторианцы бежали к двери, за которой скрылись два сановника, император и его единственный оставшийся в живых телохранитель.

Ни секунды не поколебавшись, Сенн собрался в пушистый комок, выкатился из печи, проворно нажал кнопку «ПАРОВАЯ ЧИСТКА КУХНИ» и так же шустро нырнул обратно в печь, затворив за собой ее дверцы.

Из отверстий в стенах повалил раскаленный пар. Санитарные сенсоры определили координаты скопления больших биологических масс загрязнения и направили струи пара прямо на преторианцев.

Одиннадцать преторианцев, которых автомат приравнял к микробам больших размеров, заорали от боли. Их легкие заполнились раскаленным паром — и сварились, прежде чем солдаты успели закричать второй раз. Кожа несчастных пошла огромными волдырями, которые лопались, снова вздувались...

Процесс паровой очистки занял тридцать секунд — как и положено по инструкции. К этому моменту все преторианцы умерли страшной смертью. Или умирали — человеческий организм крепок и сдается не сразу...

Но по лестнице снова грохотали армейские ботинки. Новая группа преторианцев с полковником Фоли во главе ворвалась на кухню. Полковник увидел мордашку Сенна, который выглядывал из печи.

— Убить! — крикнул Фоли.

Сам он с четырьмя преторианцами устремился к запасному выходу, через который бежал император. Остальные преторианцы кинулись к Марру и Сенну.

— Помоги мне,— пискнул Марр. Сенн подставил свои плечики под сонар, оба поднатужились и взгромоздили прибор на решетку открытой печи, направив его в сторону атакующих.— Давай!

Марр нажал кнопку включения сонара; оба друга выскочили из печи и под градом выстрелов укатились за стальной мусорный контейнер.

Ни о чем не подозревающие преторианцы надвигались в луче невидимых губительных волн. Прибор был установлен на предельную

мощность — нападающие изжарились буквально за несколько секунд. Микроволновая печь начинает жарку *изнутри*, поэтому до того, как их кожа начала краснеть, а потом чернеть и дымиться, у преторианцев поджарились внутренние органы — тела разорвало, и куски мяса разлетелись по всей пятидесятиметровой кухне.

Марр выглянул наружу, и от увиденного зрелища ему сделалось дурно. Сенн хотел было тоже выглянуть, но Марр пихнул его обратно, чтобы тот не получил психическую травму на всю жизнь. В душе самого Марра что-то оборвалось: он понял, что не сможет больше так же безмятежно эстетствовать, как прежде,— после всего увиденного.

Однако их оружие сработало.

Теперь любой, кто спустится на кухню, погибнет той же лютой смертью. Марр выключил сонар, но держал лапу у кнопки — на случай, если появится новый враг.

На лестнице опять кто-то шумел. Донесся топот множества армейских ботинок. Марр готовился нажать кнопку.

Первым в кухню вбежал высокий стройный мужчина. Марр на десятую долю секунды включил смертоносный прибор, потом узнал Стэна и отключил сонар. Задрожав от ужаса — он понял, какой беды только что избежал,— Марр бессильно привалился к Сенну.

Заглянув в огромные сияющие глаза своего возлюбленного, Марр воскликнул:

— Я чуть было не убил нашего славного капитана!

Мордочкой он зарылся в мягкую шерсть Сенна и разрыдался.

Стэн и Алекс покончили с четверкой преторианцев, пытавшихся в дальнем конце комнаты взломать дверь запасного выхода, через который бежал император. Фоли единственный вовремя нырнул в узкую щель за разделочной машиной. Эта машина для разделки туш представляла собой красную стальную махину трехметровой высоты и пятиметровой ширины. Сейчас ее острые ножи и манипуляторы для передвижки мяса были неподвижны.

Стэн опустился на колени и протиснулся в щель между разделочной машиной и стеной. У машины был сложный контур, и Стэн оказался в извилистом туннеле. Худой, в отличие от Фоли, Стэн обладал некоторым преимуществом. Но ползти со света в темноту, где затаился противник, было делом опасным.

Будет ли Фоли уползать от него или притаится за поворотом туннеля? Увернуться от выстрела в таком узком пространстве нет никакой возможности.

Стэн переложил виллиган в левую руку и проворно пополз вперед — потея от напряжения и неприятного чувства своей чрезмерной уязвимости.

Ага! Стэн увидел в почти полном мраке дуло полковничьего виллигана. Он что было мочи ударил по виллигану. Костяшки обожгло

болью от соприкосновения со сталью, но Фоли выронил свое оружие — с металлическим звоном оно упало на пол. Однако Стэн при ударе потерял равновесие и упал. Он стал быстро подниматься, хватаясь за что попало, но удар в челюсть свалил его. Падая, он все же дернулся и откатился, насколько можно было в узком туннеле,— и только так избежал кинжала, с которым Фоли кинулся на него. Опасаясь рукопашной с молодым противником, Фоли рванулся прочь и пополз дальше по туннелю.

Стэн преследовал врага и схватил за каблук в последний момент перед тем, как полковник вынырнул из туннеля на разделочный стол.

Фоли тяжело упал на металлическую платформу. Датчики среагировали и привели весь аппарат в действие. К лежащему Фоли протянулись манипуляторы. Они шарили в поисках туши для разделки. Не обращая на них внимания, полковник начал распрямляться, чтобы встретить выползающего из туннеля Стэна ударом кинжала.

Но в этот момент острый крюк впился ему в горло, а манипуляторы перехватили его поперек тела и потащили по конвейеру. Фоли, насаженный на крючок могучей механической рукой, орал благим матом и извивался червяком. Но машина не знала жалости.

Парализованный ужасом, Стэн наблюдал за тем, как машина искусно свежевала полковника. В считаные секунды ножи содрали кожу с живого Фоли, при этом небольшие шланги смывали с него кровь. Затем большие ножи стали перерубать суставы и сдирать мясо с костей...

Предсмертный крик Фоли еще звучал эхом под сводами кухни, когда моментальная разделка была закончена: мясо было упаковано и отправлено в холодильник.

Стэн как пьяный дотянулся до рубильника, выключающего машину, и на ватных ногах двинулся обратно по туннелю, у выхода из которого его поджидал Алекс.

Глава 56

Горючее и двигатели невероятно изменились за прошедшие столетия, но астронавтов двадцать первого века мало что удивило бы в машинном отделении «Нормандии» — такие же просторные отсеки с металлическими стенами, где звук шагов отдавался эхом и невидимые силы заставляли дрожать пол. Под сверкающими кожухами драйва АМ-2 могли бы прятаться дизельно-электрические или фотонные двигатели. Переходы, мостики и лебедки вокруг всего этого нагромождения машин мало отличались от бытовавших на заре межзвездной космонавтики, в далеком двадцать первом веке. Поскольку «Нормандия» стояла неподвижно, в машинном отделении дежурил только один офицер и один механик. Сейчас оба лежали в лужах крови.

Этажом выше император заметил двух преторианцев, которые крались за одной из труб. Император прикинул, как лучше их уничтожить, хорошо прицелился и сделал четыре выстрела. Четыре диска антиматерии срезали решетчатую площадку, на которой стояли преторианцы, и они упали вниз. Как стрельба по тарелочкам, подумал император и, прежде чем преторианцы опомнились от падения и вскочили на ноги, спокойно прикончил обоих парой выстрелов.

— Вперед, адмирал. Помогайте! — крикнул он.

Лидо и последний из гурков помогли ему подтащить сварочный аппарат к двери аварийного входа. Император был чуточку горд тем, что его руки помнили, как пользоваться сварочным аппаратом, и тем, с какой ловкостью он быстро заварил аварийный люк.

— Так-то, Мик! — удовлетворенно воскликнул он.— Это задержит негодяев на какое-то время.

Лидо пристально смотрел на него, и где-то в глубине императорского мозга мелькнул удивленный вопрос: а что, собственно, происходит с этим человеком? Когда началась стрельба, Лидо первым выхватил пистолет, который тут же был выбит у него из рук одним из чересчур уж бдительных гурков. Сейчас Лидо ведет себя странно. Неужели он напуган? Но разве может такой бывалый воин быть так перепуган? «Впрочем,— думал император, ведя по эстакаде троих оставшихся с ним людей,— прошло уже столько времени с тех пор, как Лидо лично участвовал в боях и видел направленные на себя виллиганы. Видать, все дело в привычке».

Возможно, он не менее перепуган, чем Танз Сулламора, который совсем очумел от страха и плетется позади императора с багровым лицом — будто его вот-вот удар хватит.

Лидо дожидался, когда они — все четверо — поднимутся на очередную платформу. «Теперь,— решил он.— Хватит медлить». Тот проклятый непалец помешал ему за столом. А теперь — самое время. Адмирал выхватил свой церемониальный меч и размахнулся, чтобы полоснуть по спине ни о чем не подозревающего императора.

Но так же как прочие заговорщики недооценили боевое искусство гурков, так и Лидо недооценил быстроту профессиональной реакции наика Агансинга Раи.

Раи, бывший денщик Стэна, умудрился вовремя заметить резкое движение адмирала и в последний момент каким-то чудом оказался между лезвием меча и спиной императора. Удар рассек ему легкие. Труп рухнул на платформу, чуть не повалив за собой адмирала.

Лидо с усилием вырвал меч из груди гурка и шагнул назад, готовясь к новому удару. Но тут героем проявил себя Танз Сулламора.

Толстяк внезапно сорвал с плеча свой виллиган, из которого он, быть может, ни разу в жизни не стрелял, и прикладом что было мочи ткнул адмиралу под ребра. Удар отшвырнул Лидо к перилам платформы.

Пока Сулламора приходил в себя от собственной неожиданной прыти, адмирал действовал. Он развернулся, кинулся на Сулламору и рубанул его мечом по шее. Тот захрипел и рухнул на платформу. А Лидо уже разворачивался в сторону императора, готовясь к атаке...

Император стоял метрах в четырех от него, в конце платформы. Отступать ему было некуда, виллиган висел за спиной.

— Позвольте узнать, что все это значит? — хладнокровно спросил он.

Лидо задыхался от гнева и не мог сразу заговорить — все эти годы тайных замыслов и скрываемой жгучей ненависти, как о них сказать одной фразой?! Единственное, что он промолвил, было:

— Роб Гадес — мой сын!!!

И бросился на императора с мечом.

Тот схватил двумя руками железную кочергу из набора для аварийного тушения пожара и парировал удар адмирала. В его голове мелькнуло: какого такого Роба Гадеса имеет в виду этот сумасшедший?

Лидо с горящими ненавистью глазами снова наступал. Теперь его удар должен был разрубить императора пополам, но тот опять кочергой остановил удар. Сразу же после этого властитель перешел в наступление и, подпрыгнув, ударил адмирала ногой в грудь.

Меч против кочерги — никчемное оружие. Это выяснили, к своему большому удивлению, некоторые недоброжелатели в те давние годы, когда император был еще корабельным инженером — великим забиякой и отменным драчуном.

Пока Лидо, шатаясь, отступал, император изо всей силы ударил кочергой по мечу, конец которого в тот момент касался платформы. Меч переломился у самой рукояти. Император немного изменил угол удара кочерги, направив ее на кисть Лидо.

Раздался треск кости, и адмирал закричал от боли. Выронив рукоять меча, он левой рукой ухватился за белую кость, которая, прорвав ткань, показалась из рукава. Лидо упал на колени.

Император с презрением разглядывал его.

— Подонок,— сказал он. Но его голос был не совсем лишен жалости.— Несчастный подонок. Глупый подонок.

Он зашагал прочь — к аварийному командному отсеку, вход в который был рядом со стендом, где висел аварийный набор инструментов.

Император уже позабыл о Лидо и думал только о том, что следует предпринять в следующий момент.

Килгур в отчаянии молотил прикладом по запаянному люку. Стэн отодвинул его в сторону.

Из ножен, спрятанных в рукаве, выскользнул его чудо-кинжал. Стэн вонзил острие толщиной в несколько атомов в сталь — и оно

вошло в нее, как нож в масло. Стэн рассек обгорелые места спайки. Оставалось только подналечь плечом — и дверь поддалась.

Стэн ворвался в машинное отделение. Там он увидел четыре трупа. Императора среди них не было.

Стэн быстро огляделся, пробежал взглядом по этажам зала, по лестницам,— при этом он мягкой поступью перебегал с места на место, как тигр во время охоты.

Наверху, на платформе, капитан увидел еще два распростертых тела и двух мужчин.

Император! Он жив. Слава всем богам, какие только существуют! А второй человек, который почему-то стоит на коленях... Ба! Да это же адмирал Лидо!

Ни император, ни Лидо не слышали, как Стэн проник в машинный зал.

Стэн помчался вверх по лестницам.

Он был лишь одним этажом ниже, когда увидел, что адмирал оправился от болевого шока и здоровой рукой вытащил из-за пояса миниатюрный виллиган. Стэн был еще достаточно далеко, а Лидо целился в императора. Оставалось одно. С такого расстояния трудно было поразить Лидо насмерть кинжалом. Но это почти килограмм стали. Стэн с ходу метнул свой кукри.

Результат получился лучше, чем он ожидал. Сталь вошла в спину адмирала и перерубила ему позвоночник.

Лидо так и не успел нажать курок. Его тело забилось в судорогах и наконец затихло на решетчатом полу платформы.

Стэн поднялся до конца лестницы, не спуская глаз с императора. Одному из них сейчас стоило бы сказать что-нибудь очень красивое, историческое. Но драматические фразы придумываются задним числом, для последующих рассказов. А сейчас двое окровавленных мужчин просто стояли и молча смотрели друг на друга — испытывая облегчение, но не в силах даже улыбнуться.

Глава 57

Хейнз лежала голой под ярким солнцем и думала: «Вот это, наверное, и есть рай. У тебя под рукой холодная выпивка, солнце приятно печет, а легкий ветерок со стороны леса обвевает ее заякоренный дом-корабль и приятно свежит. Словом, благодать!.. Нет, это не совсем рай,— поправила она себя.— Любимого нет рядом. А в мире вокруг назревает дурное...»

Последние месяцы, после возвращения императора на Прайм-Уорлд, были заполнены лихорадочной деятельностью и показались годами. Надо было как-то выбираться из той страшной ситуации, в которую поставили империю заговорщики. Хейнз только радовалась, что не на ее плечи лег весь груз нынешней тягостной ситуации

и она отчасти сторонний наблюдатель. Стэн регулярно вводил ее в курс происходящего.

Как только с преторианцами-изменниками на борту «Нормандии» было покончено, императорский флот незамедлительно двинулся прочь от пульсара. Бегство было спешным и вынужденным — даже изворотливый ум вечного императора не мог изобрести сколько-нибудь убедительного и правдоподобного объяснения происшедшей трагедии — гибели главы дипломатической миссии и всех членов его свиты. Правда выглядела слишком невероятной.

Очевидно, Киргхиз или кто-то из его подчиненных регулярно докладывал о происходящем на переговорах, потому что уже через сорок восемь часов имперский флот, удирающий прочь от пульсара, настигли таанские боевые корабли — два скоростных линкора и множество истребителей. Будь «Нормандия» одна, лишь со своим прежним эскортом, ее бы уничтожили без особого труда. Но император успел вызвать мощнейшее подкрепление — две эскадрильи линкоров.

Участь таанских кораблей была предрешена. Их солдаты бились до конца — можно было только гадать, чего они хотели: вызволить лорда Киргхиза или отомстить за его смерть. Император не знал, что именно известно таанцам. Они не отвечали на попытки связаться с ними по радио. Так и погибли — в гордом молчании, не идя ни на какое общение с противником.

По возвращении на Прайм властитель первым делом попытался довести до сведения таанцев истинные причины гибели их делегации. Но Таанский союз уже прервал дипломатические отношения с империей, отозвал своего посла и персонал посольства.

Хейнз была слишком занята, чтобы вникать в подробности этих событий — сама она выслеживала и арестовывала оставшихся на свободе заговорщиков. Никогда в жизни ей не приходилось арестовывать таких богатых и видных людей!

Затем состоялся показательный процесс над заговорщиками — император надеялся, что хоть это произведет впечатление на таанцев, отрезвит их и заставит прислушаться к правде. Увы, на таанцев показательный процесс не произвел ни малейшего впечатления — уж кто-кто, а главы тоталитарных режимов отлично знают, как просто заставить людей публично принять на себя вину за любые кошмарные преступления. Даже попытки убедить таанцев поверить в искренность императора через послов нейтральных миров не увенчались успехом.

Серия процессов была отупляющей. По крайней мере, Хейнз имела возможность выступить свидетелем в суде. Стэн тоже давал показания, но, как доверенное лицо императора и секретный служащий, он свидетельствовал из опечатанной комнаты, и голос его был изменен электронными средствами, чтобы никто не мог его узнать.

Как ни старались адвокаты заговорщиков, как ни пытались доказать, что обвинения подтасованы, девяносто пять процентов их подзащитных были признаны виновными в государственной измене, которая каралась смертной казнью.

Даже те пять процентов заговорщиков, что были оправданы и уцелели, не избежали императорской мести. Скажем, только накануне в новостях промелькнуло короткое сообщение о том, что недавно отпущенный на свободу видный промышленник погиб при странных обстоятельствах — его яхта взорвалась...

Хейнз пресекла все мысли в этом направлении. Сейчас она наслаждалась райской благодатью отдыха и не хотела думать о мерзком. Для нее даже санкционированное императором убийство не переставало быть убийством.

Солнце медленно клонилось к закату, Хейнз дремала, и в ее сознании шевелились томные мысли...

Раздался какой-то шум — приближался летательный аппарат. Хейнз стряхнула дремоту и потянулась за простыней. Тут она узнала в водителе гравитолета Стэна — и оставила простыню в покое. Ее томные мысли обрели более четкие очертания.

Стэн пришвартовался, зашел сперва в кухню, взял банку пива и вышел к своей подруге на палубу.

— Как дела? — спросила она.

— Бог их знает,— сказал он.— И плохо, и хорошо.

— Располагайтесь рядом и докладывайте, капитан.

— Начну с хорошей новости. Меня повысили.

— О, за это стоит выпить! Раздевайтесь, майор!

Стэн подчинился приказу, разделся и лег рядом с голой Хейнз. Он заурчал от животного наслаждения, перекатываясь на солнце. Хейнз переждала, пока он дурачился, затем строго сказала:

— Давай, Стэн, не томи. Рассказывай!

В этот день действительно смешалось хорошее и дурное.

После того как «Нормандия» вернулась на Прайм, Стэн занял прежний пост командира отряда гурков, но то и дело его откомандировывали для выполнения особых заданий — в том числе давать показания в суде.

Количественный состав отряда гурков был восстановлен, и на время отсутствия Стэна ими формально командовал Читтаханг Лимбу, хотя на самом деле он пока залечивал раны в госпитале.

Стэн только ночевал во дворце да еще залетал туда перекусить. Несколько случайных встреч с императором в коридорах носили тревожащий капитана характер — были короткими и очень официальными.

Но этим утром властитель вызвал его к себе.

Пока Стэн входил в его кабинет, отдавал честь и докладывал о своем прибытии, император молча неподвижно сидел за своим рабочим столом. Прошло довольно много времени, прежде чем он заговорил.

Стэн примерно предполагал, о чем пойдет речь. Но он ошибся.

— Капитан, вы готовы отправиться на войну? — внезапно спросил император.

Стэн заморгал глазами. В голове мелькнуло несколько вариантов ответа. Все показались ему глупыми, и он промолчал. И оказался прав — вопрос был риторическим.

— Выслушайте мое предсказание, капитан,— продолжил император.— Но пусть оно останется между нами. В ближайшие пять лет война с Таанским союзом неизбежна.

Вид у императора был довольно грустный.

— Ладно, капитан Стэн, вольно. Садитесь.

Стэн испытал некоторое облегчение. Он решил, что император вряд ли предложил бы человеку сесть перед тем, как отправить его в отставку.

— Ну-с, капитан, что думаете?

Стэн был вконец озадачен. Как всякий профессиональный военный, он свято верил в ту несколько нелогичную истину, что дело любого солдата любыми способами избегать войны.

Император продолжал вещать:

— И эта война будет страшной, уж поверьте мне. Да-да. Разведка докладывает, что таанские доки работают на полную мощность — вооружают все космические корабли, вплоть до прогулочных яхт. И таанцы скупают АМ-2 — где угодно, у кого угодно и по любым бешеным ценам. Я запретил рассказывать об этом в программах новостей, но на границе уже произошло множество стычек между таанцами и нашими патрульными кораблями. Впрочем, зачем я не говорю всей правды! Все разведывательные корабли вернулись продырявленными.

Император достал из ящика стола фляжку. Стэн еще больше успокоился. Раз властитель пригласил его сесть, а теперь, может, и выпивкой угостит — дела не так уж плохи для Стэна. Возможно, он сохранит свои капитанские лычки.

— Я так старательно избегал вас, капитан,— сказал император,— потому что старался поменьше думать о том страшном событии, которое повлекло за собой теперешние осложнения. Говоря по совести, все, кто был как-то замешан в заговоре, попали в мой черный список. Если ты император, ты всегда прав, и горе тому, кто видел твои ошибки.

Он наполнил два металлических стаканчика, и Стэн узнал запах стрегга.

— К этой штуке хоть и не сразу, но привыкаешь,— промолвил властитель, но Стэну стаканчик пока не предлагал.— Помните, как мы набрались в День империи?

Стэн помнил.

— А помните, что я вам тогда сказал?

Стэн не забыл.

— Ладно, я сделаю следующий шаг вместо вас.

Император взял со стола несколько листков бумаги с приказами и положил перед Стэном.

— Не трудитесь читать сейчас. Говоря коротко, вы получаете новое назначение. В летную школу. Так-то вот... Кстати, как зовут вашего друга-толстячка?

— Старший сержант Килгур, ваше величество.

— Да, он самый. Вас не удивило его внезапное исчезновение?

Алекс действительно неожиданно исчез месяца полтора-два назад.

— Я сорвал его с места, потому как до меня дошли слухи, что он вознамерился жениться. На какой-то бабенке из полиции. Болван. Разве сорвиголовы вроде него, которые так часто играют со смертью, имеют право жениться? Впрочем, он сейчас вроде бы не горюет — осваивает ремесло быть важной персоной.

Парень теперь больше не сержант. Я его произвел в мичманы. Раз уж он остается служить в космофлоте, где сословная система цветет махровым цветом, не хочется, чтобы офицеры затирали такого парня.

Император в задумчивости поднял свой стаканчик и произнес:

— Капитан, а теперь я бы не возражал, если бы вы встали по стойке «не очень вольно».

Стэн взметнулся со стула и вытянул руки по швам.

— Касательно вас...— Император выдвинул ящик стола и выудил оттуда маленькую голубую коробочку.— Вы у нас теперь майор. Вот ваши знаки отличия.— Он толкнул коробочку по столу в сторону Стэна.— А сейчас можете наконец взять стаканчик.

Стэн подчинился.

— Я хочу произнести тост. За вас, майор. Это последнее наше свидание. Больше мы никогда не свидимся — ни при каких обстоятельствах.

Император встал.

— Итак, ваше здоровье, майор Стэн.

Стэн выпил. Сейчас стрегг показался ему не крепче воды.

Пока Хейнз обдумывала все рассказанное — за вычетом уверенности императора в неизбежности войны, о чем капитан умолчал, Стэн допил пиво и пошел в дом за добавкой.

— Да, я узнал еще одно,— сказал он, вернувшись и садясь рядом с подругой.— Ты тоже получишь какое-то повышение.

Но Хейнз думала совсем не об этом.

— Выходит, ты покидаешь нас, чтобы стать курсантом летного училища? Когда?

— Когда?.. Между прочим, есть еще одна хорошая новость,— сказал Стэн.— Похоже, у меня завелись кое-какие деньжата.

Дело заключалось в том, что высланные Идой деньги наконец дошли до него. И теперь у новоиспеченного майора появились такие пачки банкнот, какие ему и не снились.

— Прежде чем я поеду учиться, а ты приступишь к работе на новом месте назначения,— закончил Стэн,— мы с тобой устроим себе долгий-предолгий отдых в каком-нибудь шикарном спокойном месте.

Хейнз улыбнулась, отпила из своего стакана и подмигнула возлюбленному:

— Эй, солдатик, не хочешь подурачиться?

Стэн рассмеялся и опустился на колени рядом с ней. Она притянула его к себе, и он ощутил прикосновение ее грудей и губ, а потом — потом было только дурманящее тепло его величества солнца.

Флот обреченных

Оуэну Локу, Шелли Шапиро и Рассу Галену —
преступным соконспираторам

Книга первая

К бою

Глава 1

Крейсерский корабль Таанского союза огибал угасающую звезду. Капитан ввел в машины последнюю поправку к курсу, и через несколько часов корабль должен был опуститься на бело-серую поверхность Фунди — главного планетарного тела в системе Эрибуса.

По правде говоря, Эрибус казался самым последним местом, где захочет поселиться любое нормальное существо. Звезда эта уже почти погасла, и ее тусклые лучи едва освещали испещренные кратерами спутники. Полезных ископаемых здесь не хватило бы даже для одного-единственного горняка. Зато в системе Эрибуса прекрасно думалось о смерти.

Сдерживая нетерпение, леди Этего слушала переговоры между ее кораблем и главным центром связи на Фунди. Голоса на другом конце свидетельствовали о солдатах ленивых, безразличных и недисциплинированных — никакого сравнения с приятной четкостью и подтянутостью ее собственного экипажа. Подобная небрежность оскорбляла таанское достоинство леди Этего.

Леди была высокого роста, выше многих своих офицеров. С первого взгляда она могла показаться красивой — длинные волнистые темные волосы, широко расставленные черные глаза, чувственные губы... Формы ее стройного тела могли бы радовать глаз, особенно когда, как сейчас, они выгодно подчеркивались военной формой: темно-зеленая куртка, красная туника и зеленые облегающие брюки. Впрочем, уже со второго взгляда все мысли о красоте исчезали, сменяясь холодом в груди и бегущими по спине мурашками. В леди Этего чувствовался таанский королевский род. Один ее кивок мог решить чью угодно судьбу — и по большей части в худшую сторону.

© Перевод М. Тарасьева.

Корабль уже выходил на посадочную орбиту, когда леди Этего взглянула на своего капитана, наблюдавшего по мониторам за действиями команды.

— Уже скоро, леди.

— Мне потребуется одно подразделение.

Она отвернулась. Леди Этего думала о забывших дисциплину дураках, которые ждали ее на Фунди.

Огромный корабль плавно опустился на лед в полукилометре от портового комплекса. Стихли двигатели, и все кругом снова затянула серая пелена несущегося по ветру мокрого дождя со снегом.

Большую часть поверхности Фунди покрывал снег, лишь кое-где выступали черные скалы. Трудно представить, что кто-то захотел бы здесь работать, но таанцы готовились к войне с вечным императором, и система Эрибуса стала ключевой в этой подготовке. Вот так Эрибус превратился в гигантскую фабрику по производству военных кораблей. Тысячи звездолетов собирались, переоборудовались и снаряжались вокруг угасающей звезды. Если даже великий император и узнает о том, что творится в этом далеком от торных путей звездном секторе, будет уже поздно.

Когда крейсер вошел в систему, леди Этего могла увидеть все собственными глазами. Маленькие мощные буксиры тащили вереницы оболочек в много сотен километров длиной — из них потом будут собирать боевые корабли. На всех планетах Эрибуса круглые сутки работали громадные заводы, озаряя ночное небо заревом мартенов.

Таан призвал на службу всех, кто имел хоть какой-то опыт. Плохая подготовка рабочих и стала основной причиной, почему пришлось разместить заводы на планетах, а не в открытом космосе. Строительство в космосе требовало высококвалифицированной рабочей силы; учитывая масштабы стройки, найти такое количество специалистов было просто-напросто нереально. Кроме того, космические фабрики стоили куда дороже наземных, а сейфы Таанского казначейства и так уже порядком опустели.

Государство хотело получить как можно больше боевых кораблей. И как можно дешевле. Любые неисправности будут проблемой экипажей. В конце концов, Таан — раса воинов, и не пристало солдату жаловаться на остроту своего копья.

Леди Этего спустилась по трапу в окружении отборных воинов лучшего отряда. Это были ее личные телохранители, избранные не только за свое воинское искусство и абсолютную преданность, но и за высокий рост. Каждый из охранников был выше, чем даже сама леди Этего. Солдаты жали плечами, притопывая на внезапном морозе, однако леди Этего даже не удосужилась завернуться в термоплащ.

Она с отвращением смотрела на далекий портовый центр. Почему местный администратор не посадил корабль поближе? Идиоты!.. Впрочем, ее это не удивляло.

Леди Этего решительно двинулась по снегу, и отряд телохранителей поспешил вслед за ней. Мимо с воем проносились гравитолеты, груженные деталями и припасами. На некоторых из них, цепляясь за борта, висели мужчины и женщины, торопившиеся в центр после смены на заводах, кольцом окружавших космопорт.

Не глядя по сторонам, леди Этего шла вперед. Из сторожевой будки возле главной двери ее окликнул часовой. Не отвечая, она прошла мимо; охрана мигом объяснила незадачливому вояке, что к чему. Стуча сапогами по каменным плитам длинного коридора, они прошли в командный центр.

И тут из-за угла им навстречу выскочил приземистый, наскоро оправляющий форму запыхавшийся человечек. Заметив адмиральские нашивки, леди Этего остановилась.

— Леди Этего,— забормотал толстячок.— Мне очень жаль. Я не думал, что вы прилетите так быстро...

— Адмирал Дин? — остановив его на полуслове, спросила леди Этего.

— Да, леди?

— Я займу ваш кабинет,— сказала она и пошла дальше.

Дин, спотыкаясь, устремился за ней.

Леди Этего молча изучала данные на экране монитора. Пара ее телохранителей, с оружием на изготовку, застыли в дверях. Остальные заняли стратегически важные позиции в большом и чрезмерно роскошном кабинете адмирала.

Войдя в комнату, леди Этего бросила всего один взгляд на обстановку. Чуть искривившаяся губа яснее ясного показывала, что она обо всем этом думает — совершенно не по-таански.

Она просматривала архивы, а у нее над ухом, пытаясь что-то объяснить, бормотал Дин:

— Вон, видите... Вот тут... Буря. Мы потеряли целый день... Нам пришлось взрывать грунт, чтобы построить новые посадочные площадки для транспортов. Другого выхода не было. Они забили всю орбиту, а у нас не хватало ресур...

Поток слов внезапно прервался — леди Этего нажала на кнопку, и монитор погас. Она долго глядела на пустой экран. Наконец, поднявшись из-за компьютера, повернулась к Дину:

— Адмирал Дин, именем лорда Ферле и Верховного совета Таана я снимаю вас с должности.

Художник, несомненно, восхитился бы безукоризненной белизной, залившей лицо Дина.

— Подождите, леди, ну пожалуйста,— взмолился бывший адмирал.

Леди Этего остановилась, чуть приподняв идеально прочерченную бровь.

— Да?

— Позвольте хотя бы... можно мне оставить оружие?

Она на мгновение задумалась:

— Вопрос чести?

— Да, леди, вопрос чести.

И снова долгая пауза. И наконец ответ:

— Нет. Думаю, что нельзя.

Леди Этего покинула кабинет, тихо прикрыв за собой дверь.

Глава 2

Стэн и Лайза Хейнз пробирались сквозь толпы народа, запрудившие космопорт. Соуард, главный порт Прайм-Уорлда, всегда был переполнен, но подобное столпотворение казалось просто несусветным. Приходилось буквально с боем продираться сквозь сплошную стену рук, щупальцев и антенн бесчисленного множества существ. Проталкиваясь к нанятому гравикару, Стэн и Хейнз могли только поражаться этой невероятной давке.

— Что, черт возьми, тут происходит? — спросил Стэн, в общем-то и не ожидая ответа.

— Понятия не имею,— сказала Лайза,— но, по-моему, я уже теряю мой загар, и если мы сейчас не выберемся отсюда, то меня просто стошнит.

— Кончай давить на психику,— огрызнулся Стэн.— Следователя по особо важным делам не может стошнить. Иначе бы он не получил эту работу.

— Сейчас проверим,— мрачно пообещала Лайза.

Схватив ее за руку, Стэн пропихнул капитана полиции мимо какого-то нетвердо стоящего на ногах солдата.

— Со времени вводного курса я не видел столько людей в форме,— заметил он.

Они с облегчением уселись в гравикар, и Стэн запросил у местного транспортного центра разрешение на взлет. В ответ он услышал, что ждать им придется по меньшей мере минут сорок.

Полтора часа спустя, после многочисленных задержек, в чем дежурный неизменно винил военные колонны, Стэну наконец удалось поднять гравикар в воздух.

Тут, впрочем, дела обстояли не многим лучше. Казалось, над Фоулером завис практически непроходимый трехмерный затор. Но как бы то ни было, в конце концов они пробились за город и устремились к громадному лесу, где парил на якоре летучий дом Лайзы.

— Тут всегда так было? — спросила Лайза.— Или я просто отвыкла?

Майор Стэн, бывший командир личной охраны вечного императора, не удостоил ее ответом. Обилие существ в форме и невероятное количество военных машин говорили сами за себя.

Казалось, Прайм-Уорлд готовится к войне. Это, Стэн не сомневался, было совершенно невозможно. И тем не менее император явно проводил мобилизацию, а значит, намечалась какая-то крупная военная операция. Одно только Стэн знал наверняка — где стреляют, там, без сомнения, ему потребуется не раз рисковать своей задницей.

— По-моему,— сказал он,— пока я даже не хочу знать ответ. Кроме того, у нас осталась еще пара дней отпуска. Вот и давай отдыхать.

Прижавшись к Стэну, Лайза принялась нежно поглаживать его бедро. И к тому времени, когда они добрались до дома, к ним вернулся покой, найденный ими во время долгого совместно проведенного отпуска.

Дом Лайзы лениво покачивался на якорных канатах высоко над колышущимся морем древнего леса. Этот лесной массив был одним из нескольких заповедников дикой природы, устроенных вечным императором на Прайме. Однако на планете, столице огромной империи, места катастрофически не хватало, и земля стоила баснословно дорого. Чего только не придумывали в поисках места для жилья!

Зарплату полицейского никто не назвал бы роскошной, вот Лайзе, как, впрочем, многим другим, и пришлось воспользоваться лазейкой в Законе о заповедниках. В лесу строить запрещалось, но о пространстве над лесом в законе ничего не говорилось. Короче, некий предприниматель взял в аренду запрещенную для строительства землю и поставил над ней большие, питаемые от маклиновских генераторов летучие дома всем, кто способен за них заплатить. Такое жилье, тоже не даровое, Лайза уже могла себе позволить.

Причалив к дому, они по палубе прошли ко входу. Лайза прижала большой палец к замку, и дверь распахнулась. Прежде чем войти, девушка внимательно оглядела прихожую — полицейская привычка, изжить которую было очень и очень нелегко. В этом они со Стэном походили друг на друга. После долгих лет, которые он прослужил в подразделении богомолов, Стэн просто не мог войти в комнату, не убедившись сперва, что внутри все в порядке.

Несколько минут спустя они уже, раскрыв настежь окна, валялись на диване. Стэн прихлебывал пиво, надеясь залить растущее чувство печали. Он влюблялся и раньше и был не новичок с женщинами. Но никогда еще ему не приходилось проводить столько времени вдвоем с одной и той же дамой, причем без каких-либо посторонних дел.

— Жаль, что все уже позади,— беря его за руку, тихо сказала Лайза.

— Ну, пока еще не совсем,— ответил Стэн и привлек ее в свои объятия.

Стэн и Лайза отлично поработали, разоблачая зревший на высшем уровне заговор против императора. В итоге все получилось далеко не идеально, но, может, и правда не надо хотеть слишком многого.

Во всяком случае, их повысили в звании и наградили отпусками. Благодаря старому другу Стэна по службе в отряде богомолов, Иде, нашлись и средства, чтобы провести этот отпуск так, как он того заслуживал.

Они купили билеты на далекую планетку, состоящую из одного громадного океана и разбросанных по нему райских островков. Взяли напрокат вездеход-амфибию и неделю за неделей с блаженством носились с острова на остров или же просто стояли на якоре посреди ласкового моря, наслаждаясь солнцем и друг другом.

Все эти месяцы Стэн и Лайза старательно избегали контакта с внешним миром. Следовало успокоить разыгравшиеся нервы и немного подумать о будущем.

Что касается Стэна, то он смотрел в будущее без особого восторга. Дело в том, что вечный император не только повысил его в звании, но и настоятельно рекомендовал ему перейти из армии во флот. Подобная рекомендация генералиссимуса и главнокомандующего всего вокруг была равносильна приказу. Стэн это прекрасно понимал.

И потому сейчас в нем боролись ужас и радостное предвкушение нового. Поступить в космический флот, даже в чине капитана третьего ранга, что примерно соответствовало его нынешнему армейскому званию, значило начать все сначала. «Интересно,— с тоской подумал Стэн,— если меня отчислят, смогу я получить свою прежнюю работу?..» Черт побери, он бы не возражал опять стать милым, глупеньким, ни о чем на свете не беспокоящимся рядовым.

Стэн проснулся не сразу. Пощупав постель, он понял, что Лайзы рядом нет, и, оглядевшись, увидел ее на другом конце комнаты, просматривающей на компьютере записи звонков и сообщений.

— Счет,— бормотала она.— Счет, счет, счет, письмо, снова счет, взносы в профсоюз полицейских, письмо... Слушайте, да отстаньте вы все! Я же в отпуске.

— Для меня что-нибудь есть? — лениво потягиваясь, спросил Стэн.

Он не имел своего домашнего адреса — ни сейчас, ни раньше, начиная с семнадцати лет,— и потому попросил всю почту направлять на адрес Лайзы.

— Спрашиваешь! Полсотни звонков. И все от одного и того же типа.

Стэн сел. Он печенкой чувствовал, что праздник кончился.

— От кого?

— От капитана Хенкса.

Подойдя к терминалу, Стэн через плечо Лайзы застучал по клавишам, вызывая нужный файл. Так и есть. Звонок за звонком, и все от Хенкса. Лайза даже ничуть не преувеличила — капитан и в самом деле звонил раз пятьдесят, не меньше.

Стэн включил запись оставленных Хенксом сообщений. Тон визгливого мужского голоса постепенно переходил от обычной спешки до десятибалльной боевой тревоги. Но суть сообщения не менялась: Стэн требовался немедленно. Точнее, он был нужен еще вчера. Сразу же по возвращении ему предлагалось считать себя отозванным из отпуска. Его ждала Императорская летная школа.

— Вот дерьмо-то,— выругался Стэн.

Отойдя к окну, он с тоской посмотрел на зеленый океан колышущегося внизу леса. Подошедшая сзади Лайза мягко обняла его за талию.

— Мне хочется плакать,— тихо сказала она.— Смешно, но со мной это в первый раз.

— Плакать совсем не трудно,— ответил Стэн.— Надо только закрыть глаза и подумать о чем угодно.

Стэн выполнил приказ Хенкса не сразу. Сперва им с Лайзой еще предстояло как следует попрощаться.

Глава 3

Вечный император весьма отчетливо представлял себе, что такое пикник.

Тихий дождичек, кончающийся за десять минут до прилета гостей, придает воздуху свежесть. Указанный дождь был заказан и проведен в срок.

Легкий ветерок, несущий приятную прохладу, помогает раздразнить аппетит. Потом ветер должен стать теплым, чтобы собравшиеся могли поваляться в тени деревьев, спасаясь от жаркого солнца. Названные ветры также были внесены в программу.

Ну и наконец, император полагал, что самое лучшее угощение на пикнике это жаркое. Причем каждое блюдо приготовить должен непременно сам хозяин дома.

Властитель с растущим разочарованием смотрел на обширные площадки для пикника. Он добавил последнюю щепотку этого и капельку того в свой знаменитый мясной соус, и пятьдесят роботов-поваров в пятидесяти открытых кухнях в точности скопировали каждое его движение.

Сотни лет назад императорский пикник, проводившийся раз в полгода, задумывался как совершенно неофициальное мероприятие. Император затеял его потому, что любил готовить. А любить готовить означает и любить смотреть, как другие наслаждаются приготовленными тобой кушаньями. Сперва на пикник приглашались только близкие друзья — в количестве около двухсот, не больше. Взяв пару помощников, на такое количество император мог наготовить без особого труда. Он вообще полагал, что есть ряд блюд, которые становятся лучше, если готовить их в больших количествах. Например, его мясной соус.

Да, тогда он мог запросто провести пикник в маленьком тенистом пятидесятипятикилометровом садике своего дворца. Но потом стала заметна ревность среди придворных. Кое-кто начинал нервничать из-за того, что он, или она, или оно якобы не входили в несуществующий круг особо приближенных. Эту проблему император решил просто — расширил список приглашенных. Но тогда завидовать начали другие, и волна этой ревности докатилась до самых дальних уголков империи. Количество приглашенных выросло сверх всякой меры.

Сегодня, например, ожидалось не менее восьми тысяч гостей. Император просто не мог самостоятельно приготовить угощение на такую ораву. Дружеское застолье на открытом воздухе грозило перерасти в официальный праздник, что-то вроде Дня империи.

Император подумывал даже отказаться от традиции. Но ему по-настоящему нравилось проводить пикник — одно из немногих мероприятий, от которого он получал истинное удовольствие.

Проблема с приготовлением пищи решалась просто. Император обзавелся целой кучей портативных полевых кухонь и толпой роботов-поваров. Они в точности копировали каждое его движение — вплоть до мельчайшей пылинки специй, которую он стряхивал с ладоней. Но ограничить число гостей уже не представлялось возможным.

Император понюхал кипящий на слабом огне соус. Ммм, прелестно!.. В основе этого рецепта лежали продукты столь мерзкие и на вид, и на запах, что Марр и Сенн, поставщики двора его императорского величества, наотрез отказывались приходить на пикник. Каждый раз в этот день они брали выходной.

Сам соус зарождался в десятигаллонном котле. Властитель всегда начинал готовить его заранее, обычно за много дней до пикника. Он говорил, что исходные компоненты должны как следует «подышать». Марр и Сенн утверждали, что правильнее было бы сказать «подыхать», но император их не слушал. Эти десять галлонов становились заправкой всего соуса — оставалось только вложить в него столько всяких добавок, сколько существ должно было принять участие в трапезе.

Окунув в соус корочку сухого хлеба, император попробовал свое творение. О, лучше!.. Он снова оглядел поле для пикника. Все костры уже горели. Мясо, готовое к насаживанию на вертела, лежит в холодильниках. Закуски кипят или остужаются, где как надо, а сложенные в штабеля бочки с пивом так и просят, чтобы их поскорее открыли.

Но где же гости? Император подозревал, что некоторые из них или чудовищно опаздывали, или же, что вероятнее, решили вовсе не приходить. Слуги уже закрывали столы, которые явно не пригодятся.

Ну и пес с ними! Что за пикник без муравьев? Он не даст испортить себе настроение. «Соус,— напомнил себе властитель.— Надо сосредоточиться на соусе».

Секрет соуса крылся в тухлом мясе. Императору потребовались долгие годы, чтобы убедить мясников, что мясо на самом деле должно быть тухлым. Ему не нужна вырезка лучшей филейной части. Нет, император желал получить куски тухлой говядины с желтым прогорклым жиром. Даже натертое чесноком, солью, перцем и розмарином, оно все равно воняло до небес.

— А если тебе становится плохо,— объяснял властитель,— всегда можно понюхать чеснок на руках.

На поле опустилось еще несколько гравикаров. Из них высыпали припоздавшие гости. Приглашенные, император это заметил, собирались маленькими группками, о чем-то тихо говоря между собой и частенько поглядывая в его сторону.

Отстоявшееся в котлах мясо следовало затем развесить над коптящими кострами — на этой стадии, по рецепту, особого жара не требовалось, а вот дыма от настоящего природного дерева желательно было иметь побольше. Император предпочитал пользоваться орешником — конечно, когда его удавалось достать. Он постоянно переворачивал мясо так, чтобы оно пропиталось дымом со всех сторон. В этом ему помогала структура начинающих разлагаться кусков — они подсыхали, становясь пористыми, и отлично впитывали запахи. Потом император и копирующие его движения роботы сваливали мясо в котел, наливали туда воды и, добавив чесноку, ставили тушиться на маленький огонь. Еще в получающееся варево надо было положить кое-какие специи — три или четыре лавровых листика, полторы пригоршни мяты и горсть чабреца, чтобы убрать горечь от мяты. Соус кипел часа два-три, в зависимости от жирности мяса. Чем больше жира, тем дольше тушится мясо. В эти часы на месте будущего пикника пахло, как на планете с атмосферой из одной только серы.

Император увидел, как прибыл Танз Сулламора со своей громадной свитой, без труда занявшей сразу два или даже три стола. Сулламора — это хорошо. Император не больно-то любил общество торговца, но тот мог оказаться весьма и весьма полезным. Сулламора

обладал большим влиянием в кругах крупных промышленников и к тому же имел тесные связи с Тааном — до последних событий, разумеется. Император надеялся, что, когда кризис закончится, эти связи удастся восстановить.

Императору уже довелось пережить много кризисов, но проблема с Тааном уверенно лидировала среди всех, лишавших его сна. Невозможные люди из невозможного общества воинов, вторгнувшиеся в пределы древней империи. Пару тысяч лет тому назад вопрос можно было закрыть раз и навсегда одним массированным ударом. Но со временем расклад политических сил стал таким, что военное решение проблемы сделалось невозможным. Ну разве что в случае провокации со стороны Таана. И то далеко не всякой. Вечный император просто не мог напасть первым.

Несколько месяцев тому назад появилась возможность кое-что сделать дипломатическим путем. Но предательство и пролитая кровь сорвали этот шанс.

Как звали того молодого человека, который спас императорский зад от изрядной порки? Стрег? Нет, Стэн. Точно, Стэн. Вечный император гордился своей способностью безошибочно запоминать имена и лица; сотнями тысяч он хранил их в своем мозгу. Стрегг, припомнил он, это название жутко крепкого напитка, с которым его познакомил Стэн. Одно тянет за собой другое.

Дожидаясь, пока мясо дотушится, властитель вполне мог выпить много бокалов стрегга. Одновременно он не торопясь готовил оставшиеся компоненты для соуса. Возможностей тут было море, но император обычно предпочитал взять десяток крупных луковиц и головок чеснока — всегда смело бери побольше чеснока! — зеленый перец, перец чили, еще немного мяты и специй и, разумеется, ворчесширский соус. Однажды он попытался объяснить Махони, как готовят ворчесширский соус. Но стоило только огромному ирландцу услышать, что все начинается с гнилых анчоусов, как его чуть не стошнило.

Смесь следовало засыпать в очищенное масло. Затем перелить в другой котел и вскипятить, добавив туда предварительно дюжину разрезанных на четыре части помидоров, чашку томатной пасты, четыре зеленых перчика и щепотку сухой горчицы. Туда же отправлялись несколько кружек сухого красного вина. Потом — торжественный финальный момент. Помешивая, в котел опускалась приготовленная заранее прокопченная мясная заправка, варево доводилось до кипения и держалось на огне десять минут. Все. Соус готов.

Император выпил еще немного стрегга.

Несколько поваров, насадив половину бычьей туши на вертел, принялись вертеть ее над огнем. Тем временем в стороне уже жарилась разделанная на порции свинина. Пришла пора жаркого.

Что ж, решил император, все гости, которые хотели прийти, уже пришли. И, судя по количеству пустых столов, добрых две трети при-

глашенных нашли себе важные дела где-то в другом месте. Властитель решил потом еще раз свериться со списком. Он запомнит имена тех, кто не явился.

Взяв поварешку, император начал поливать соусом жарящееся мясо. Сердито зашипели стекающие на угли капли. Роботы-повара в точности повторили его движения, и над кухнями поплыл пахнущий дымком аромат печеного мяса.

Обычно в этот момент император мог позволить себе расслабиться — пиво для него, соус для мяса. Откинувшись в кресле, делая вид, будто ему все безразлично, он мог вдоволь любоваться углубившимися в еду гостями. Но сейчас перед ним были напряженные, полные тревоги лица, и это вконец испортило ему настроение.

В конце концов, что творится в Таане? Информации — кот наплакал. Да, с тех пор как он повысил Махони, корпус «Меркурий» уже не тот.

— Проклятый Махони,— вслух выругался император.— Где он, черт возьми, когда он нужен?

— Несет вашему величеству пиво,— раздался голос у него за спиной.

Это был генерал-майор Ян Махони собственной персоной. В руках он держал две полные до краев, с крутыми пенными шапками кружки пива.

— Какого черта ты тут делаешь? Тебя же не приглашали.

— Устроил себе выходной, сир. Есть свои плюсы, когда ты сам себе командир. Я думал, вы будете не против.

— Ясно дело, нет. Я всегда говорил: если хочешь подкрасться к кому-то, делай это с пивом в руках.

Глава 4

Махони намазал хлеб чесночным соусом, откусил кусок побольше и тяжело вздохнул. Потом хлебнул пива и начисто вытер тарелку остатком хлеба. Вечный император, едва притронувшийся к еде, наблюдал за ним с неподдельным интересом.

— Ну как? — спросил он.

— Райское блаженство,— ответил Махони и сделал еще глоток пива.— Виноват. Райское блаженство, сир.

Нахмурившись, император отщипнул кусочек мяса.

— Может, на сей раз я переложил тмина?

Махони срыгнул. Он вопросительно поглядел на властителя, и тот, усмехнувшись, передал ему свою практически не тронутую тарелку. Махони тут же засунул в рот здоровенный кусок мяса.

— Да нет, тмина вроде в самый раз,— сказал он.

Вечный император выглядел куда моложе, чем Махони. На вид ему можно было дать лет тридцать — тридцать пять. Высокий и муску-

листый, он напоминал древних чемпионов декатлона. Откинувшись в кресле, подставив лицо теплым лучам солнца, властитель ждал, когда же генерал перейдет к настоящей цели своего визита.

Наконец Махони допил пиво, вытер салфеткой губы, оправил китель и, насколько это вообще возможно, сел по стойке «смирно».

— Ваше величество, я почтительно прошу вашего соизволения развернуть Первую гвардейскую на Пограничных мирах.

— Вот как? — делано удивился император.— На Пограничных мирах? Наверное, ты нервничаешь из-за таанцев.

— Да, сир. Из-за таанцев.

Вечный император невольно оглядел поле для пикника. Те немногие гости, что удосужились прийти, поспешно расходились. Роботы-официанты уже убирали посуду. Через полчаса здесь снова будет идеальная чистота — широкие зеленые лужайки да кустики редких азалий.

Вечный император указал на один из цветущих кустов:

— Знаешь, Махони, сколько труда стоили мне эти азалии?

— Нет, сир.

— Ты даже не поверишь, как много. Они любят сухой климат...— Вечный император сорвал с ближайшего кустика цветок и начал раздирать его на части — лепесток за лепестком.— Что они затеяли? Я имею в виду таанцев.

— Со всем моим уважением, ваше величество, полагаю, они намереваются как следует наподдать вам под розовый императорский зад.

— Вот дерьмо-то!

Подняв принесенный Махони бочонок с пивом, император налил себе новую кружку. Поднес ее к губам, но потом, передумав, поставил обратно.

— Печаль в том,— сказал он после долгого раздумья,— что мне чертовски труднее двигаться, чем таанцам. Для одной только обороны мне надо удвоить наш флот. Для контратаки потребуется еще треть. Для полноценного штурма — вдвое больше. Тысячу лет тому назад я поклялся, что до подобного не дойдет. Это идиотизм — слишком большая империя. Слишком сложно ее защищать. Бог мой, ты хоть представляешь, чего стоит сегодня провести контракт на строительство хотя бы одного-единственного корабля?

Махони благоразумно молчал.

— Я пытался как-то поправить положение. Я создал лучшую разведку из когда-либо... да что там, лучшую разведку всех времен и народов. И что я получил взамен? Сплошное дерьмо.

— Да, сир,— кивнул Махони.

— Судя по вашему тону, вы, генерал, кажется, критикуете своего властителя, или мне это только послышалось? Вы недовольны повышением?

— И переводом, сир.

— И переводом,— повторил император.— В другой день я бы сказал, что дружеская критика пойдет мне только на пользу. В опытных руках она поможет вечному императору держать себя в форме. Но все это только теория. На самом деле наверняка ничего не известно. Вокруг нет ни одного императора моего типа, на чей опыт я мог бы положиться.

— А на кого вы вообще можете положиться, сир? — дождавшись удобного момента, спросил Махони.

Наступило молчание. Властитель задумчиво наблюдал за тем, как слуги собирают тарелки и увозят столы. Не считая уборщиков, на лугах для пикника остались только император и Махони.

— Так как насчет моей просьбы, сир? — устав от ожидания, нарушил тишину генерал.— Насчет Первой гвардейской и Пограничных миров.

— Я должен знать подробности,— ответил император.— Я должен знать все. Тогда я смогу выиграть много времени.

— И все-таки как с Первой гвардейской, сир?

Император отодвинул кружку в сторону.

— Нет, генерал. Ваше предложение отклоняется.

Махони чуть не откусил себе язык, сдерживая напрашивающийся ответ. В такой ситуации куда умнее промолчать.

— Узнай все поподробнее, Махони, чтобы потом не оказалось, что я поставил не на ту лошадь.

Махони не стал спрашивать, как и что он должен узнать.

— Похоже, пикник закончился.

— Похоже, что так, сир.

— Смешно. Все эти неявившиеся... Наверное, мои так называемые союзники сидят сейчас и думают, как бы им договориться с таанцами. На случай, если я проиграю.

В этом вечный император ошибался. Время раздумий давным-давно прошло.

Глава 5

Первая ступень Императорской летной школы находилась на туристической планете Салишан. Стэн и остальные будущие пилоты собрались на приемном пункте. Тут их разбили на взводы по тридцать существ в каждом и предложили немного подождать. Скоро их перевезут на базу.

Народ среди курсантов подобрался довольно пестрый — начиная от только-только освоивших курс молодого бойца мужчин и женщин и выпускников хотя и ориентированных на флот, но все-таки гражданских подготовительных школ до уже успевших послужить офицеров и рядовых. Но в смысле боевого опыта все они были чисты, как

свежевыпавший снег. Стэн понял это по отсутствию орденских планок на кителях, по топорщившейся неподогнанной форме, по выправке, которую так рьяно вбивали в рекрутов в военных училищах. Впрочем, Стэн и с закрытыми глазами мог бы сказать, что его спутники — зеленые новички.

Дожидаясь обещанного гравитолета, они горячо обсуждали, где и как будут развлекаться. Это же туристическая планета, и служба здесь вряд ли окажется трудной. Они наверняка будут регулярно получать увольнительные в рай. Да и сама база, без сомнения, окажется настоящим дворцом.

Стэн едва сдерживал смех.

Краем глаза он заметил кривую ухмылку одного курсанта. Похоже, тот тоже знал, что почем в императорской армии. Стэн приглядеался к нему повнимательней. Внешне — просто идеальный солдат-коммандос, мечта любого офицера. Высокий, мускулистый, со шрамами на лице. Три ряда орденских планок и Знак планетного штурма украшали его пятнистую форму гвардейца. Крепкий парень, знакомый с войной не понаслышке. И он абсолютно не походил на привычный большинству образ пилота. Стэну даже стало любопытно, как тому удалось получить назначение в летную школу.

Рядом приземлился гравитолет, оттуда вылез солидного вида сержант с папкой в руках.

— Ну ладно,— объявил он.— Если бы вы, господа, построились в одну шеренгу, я проверил бы списочный состав и отвез вас на базу, к вашим товарищам по учебе.

Пять минут спустя, когда гравитолет уже взлетел и на полной скорости несся прочь от роскошных туристических центров, речь сержанта звучала совсем по-другому:

— Эй, вы, там! Кончайте болтать! Это вам не кружок мягкой игрушки!

Основное правило любой армии: вежливость твоего командира прямо пропорциональна близости и количеству потенциально шокируемых гражданских.

Стэн прошел, как ему иногда казалось, чуть ли не все военные школы империи — курсы начальной подготовки, выживания, медицинские и так далее, и тому подобные, включая спецобучение в отряде богомолов. И теперь он воспринял как должное, когда вместо туристических красот внизу поплыли сосновые пустоши.

И в раю военные построят свою базу рядом с мусорной кучей.

Стэн даже удивился, что школа, по крайней мере с воздуха, выглядела не так уж плохо. Большая часть смахивала на обычную военно-воздушную базу с ангарами, ремонтными доками и взлетно-посадочными полями. С одного края, в окружении роскошного сада,

стояло несколько трехэтажных зданий — там, похоже, располагалось командование базы.

Второй раз Стэн удивился, когда гравитолет сел прямо перед этими самыми зданиями. Он невольно припомнил другое основное правило воинской учебы и, не сдержавшись, выругался. В армии всегда сперва как следует втаптывают курсанта в грязь и лишь потом лепят из него солдата. Такого, каким он должен стать.

Инструкторы обычно не тянут с первым уроком. Стоит только курсантам переступить порог, как они тут же демонстрируют свой метод на примере какого-нибудь несчастного, первым попавшегося им на глаза. У Стэна были все шансы получить эту незавидную роль.

Поспешно расстегнув китель, он отцепил свои орденские планки. Награды, конечно, были настоящие, хотя многие из них Стэн получил за совершенно секретные операции в подразделении богомолов, и в документах на них значилась совершеннейшая чушь. Как бы там ни было, никакой молодой офицер не заслуживал такого количества орденов.

Он едва успел спрятать планки в карман, как крыша гравитолета распахнулась и в кабину просунулось сердитое лицо помкомвзвода.

— Давай, давай! — заорал он.— Пошевеливайтесь! Чего, мразь такая, расселись! Я хочу видеть ваши жопы!

Новобранцы как горох посыпались за борт. А помкомвзвода продолжал ругаться:

— Ты! Да-да, именно ты! И ты тоже! Лечь! Быстро! И отжиматься! Я хочу видеть много-много отжиманий!

«Бог ты мой,— подумал Стэн, вместе с остальными выбираясь из гравитолета.— Я снова прохожу курс начальной подготовки. Даже чертовы слова те же самые. Этот помкомвзвода, если бы не его пол, был бы точной копией... как ее там... да, Каррутерс».

— Я хочу видеть три шеренги! Вчера! Длинные ослы налево, карлики направо!

Уже не в первый раз Стэн благодарил судьбу за свой небольшой рост. Небольшой — однако не настолько маленький, чтобы, как перо в заду, торчать последним.

Наконец помкомвзвода устал орать.

Стэн решил, что пока он держится как надо. В общей суматохе ему удалось отделаться всего лишь пятьюдесятью приседаниями. Во взводе было много куда более заманчивых жертв.

— Взвод... строй-ся! Правое плечо вперед! Шаго-ом... арш!

А еще Стэн радовался, что все курсанты знакомы хотя бы со строевой подготовкой. Не хотел бы он оказаться на месте того, кто собьется с ноги.

Печатая шаг, они вышли на главный плац и замерли напротив трибуны. В тот же миг из здания напротив вышел высокий худой офи-

цер. Он выглядел так, как и должен выглядеть человек, занимающий его пост. Адмирал с одной звездой, начальник летной школы, без сомнения, старый пилот, летавший на всех кораблях, какие только существовали в империи, во всех условиях, какие только могли приключиться. Вот только голос у него подкачал. У оперного тенора такой голос был бы куда уместнее.

Стэн дождался, пока начальник представится — адмирал Невар,— и начал думать о своем. Чего лишний раз слушать эту речь. Ее держал каждый начальник каждой военной школы. И все они говорили одно и то же.

Добро пожаловать. Вас ждет напряженная учеба. Вам могут не понравиться наши методы, но мы на опыте убедились, что они действенны. У тех из вас, кто сумеет приспособиться к нашим правилам, не будет никаких проблем. Однако остальные... У нас тут строгая дисциплина, но если кто-то сочтет, что с ним обошлись несправедливо, обращайтесь прямо ко мне.

Блевотина, блевотина и еще раз блевотина.

Первая ступень обучения пилотов называлась отбором. Главной задачей было точно и достоверно определить, что курсанты и в самом деле могут летать.

Летные школы заслуженно славились среди всех других военных заведений империи числом отбракованных на первом этапе. А еще адмирал Невар сообщил курсантам, что из-за сложной политической ситуации первый этап будет ускорен.

«Вот уж повезло, так повезло»,— мрачно подумал Стэн.

Потом курсантам велели снять все нашивки и погоны. С этого момента их прежние звания не играли никакой роли. Все они становились просто «курсантами».

Ха-ха!.. Стэн отлично представлял себе некоторые другие формы обращения, типа «ублюдок», «бестолочь», «дерьмо», и многие-многие подобные, также запрещенные уставом имперских вооруженных сил.

Собственно, больше ничего полезного адмирал не сказал.

Все это время Стэну приходилось постоянно напоминать себе, что теперь он курсант. Не крутой майор, и не бывший командир гурков, телохранителей императора, и не секретный спец из подразделения богомолов. Теперь он курсант.

Если уж на то пошло, то даже и не офицер.

К тому, чтобы стать пилотом, Стэн относился философски. Он поступил в эту школу, повинуясь личному совету императора. Тот решил, что следующей ступенью в карьере Стэна должен стать перевод во флот — выполнено — и учеба в летной школе.

Теперь, если его отчислят, он наверняка окажется в отделе планирования имперского флота. В который уже раз Стэн думал о том, насколько трудно ему будет вернуться из флота в армию и в подразделение богомолов. Это если его действительно отчислят.

Адмирал тем временем успел закончить свою речь и ушел с плаца. Помкомвзвода тут же повел курсантов вокруг здания. Вещи они оставили перед трибуной.

«А теперь,— думал Стэн,— мы встретим убийц, или как там в летных школах называют сержантов-строевиков. Они уж постараются наглядно показать нам, какое мы все дерьмо, и что мы гроша ломаного не стоим, и как они сотрут нас в порошок, если мы хотя бы плюнем не вовремя».

Так, в общем, и произошло. Не считая, конечно, пары маленьких сюрпризов.

Взвод остановился на большой площади, по щиколотку засыпанной песком. Приказав курсантам встать в положение для отжимания, помкомвзвода куда-то исчез. Потянулись минуты. Несколько курсантов в изнеможении упали на песок. Они дорого за это заплатят... Что касается Стэна, ему стойка в упоре на руках не доставляла особого беспокойства.

Минут через десять к ним подошел сержант, с виду вовсе не такой садист, какого ожидал увидеть Стэн. Инструкторы-строевики всегда выглядели лучшими солдатами, чем могли рассчитывать стать подчиненные им свиньи курсанты. Этот же сержант был откровенно толст. Носил он потертый и засаленный летный комбинезон, один из карманов которого был оторван. Не торопясь, сержант прогуливался между рядами застывших курсантов. Он укоризненно покачал головой, когда еще у одного несчастного подогнулись руки.

— Добрый день, подонки.— Голос сержанта напоминал хриплый протяжный рык.— Меня зовут Феррари. Вы будете называть меня *мистер* Феррари или сэр, иначе вас ждет верная смерть. Я ваш главный пилот-инструктор.

За отведенное нам время я постараюсь сделать все, что только в моих силах, чтобы вы поняли: учеба на пилота — самое гнусное, самое отвратительное занятие, какое только может выбрать для себя разумное существо.

Как и наш уважаемый командир, я всегда готов вас принять. Но только с одной-единственной целью: чтобы выслушать вашу просьбу об отчислении. Я искренне надеюсь, что за долгие дни и ночи, которые вам предстоит провести со мной, вы не забудете о том, как легко и просто избавиться от всех и всяких мучений. Придите ко мне в кабинет. Или даже просто шепните словечко кому-нибудь из обслуживающего персонала, и вы тут же отправитесь на новое место службы. Там вам наверняка будет лучше, чем здесь.

Между прочим, мы, инструкторы первого этапа обучения, полагаем, что даже Шиол был бы лучше того, что вам предстоит. Те из вас, кто не знает, что такое Шиол, могут спросить об этом у своих товарищей по взводу. Наша программа, безусловно, предоставит вам все возможности для сравнения.

Те из вас, кто еще не упал, могут встать. Те же, кто упал, будут ползти. Я бы хотел, чтобы вы ползли в строю до конца этой площади. А потом, пожалуйста, еще два раза вокруг. Кстати, это совсем не упражнение в садизме. Дело в том, что где-то по дороге я потерял монетку в четверть кредитки. Я был бы крайне признателен тому, кто сумел бы ее найти.

Глядя на ползущих вокруг площади курсантов, Стэн от души надеялся, что среди них не найдется пройдохи, который бы вынул монетку из своего кармана. Как соблазнительно отдать ее Феррари в надежде избежать долгого ползания по песку!.. Инструктор, без сомнения, осмотрит «находку» и с грустью в голосе объявит, что это не его монета. Скажем, не совпадает год или что-нибудь в этом роде. А потом он с наслаждением примется с мясом рвать ногти незадачливому обманщику.

Феррари сделал шаг в сторону. Теперь пришло время главного негодяя.

Этот тип тоже носил летный комбинезон. Но только на нем тот сидел как влитой. Лицо его украшал длинный шрам, и при ходьбе сержант немного прихрамывал. Голос инструктора звучал так же мелодично, как скрип дерева по железу.

— Меня зовут Масон. Я не умею говорить, как мистер Феррари. Потому я буду краток. Я просмотрел ваши дела. Дерьмо. Вы все. Ни одному из вас я не доверил бы даже боевой машины пехоты. Если мы тут обосремся и пропустим кого-то из вас на летную палубу, дело добром не кончится. Так я и заработал вот это.— Он постучал пальцем по своему шраму.— Пустили какого-то идиота вроде вас за штурвал корабля. Столкновение в воздухе. Восемнадцать трупов.

Моя работа крайне проста. Друг друга можете убивать сколько вам влезет. Я же буду следить, чтобы не пострадали посторонние. И позабочусь, чтобы вы не причинили особого вреда флоту. Возможно, вы уже слышали что-то подобное от других инструкторов. Может быть, вы думаете, что это я только так говорю. Вы ошибаетесь, жабы. Я ненавижу вас. Всех и каждого.

Он оглядел строй, и Стэн почувствовал легкую дрожь в коленках. Ему и в самом деле доводилось слышать подобные речи. И не раз. Но Масон, похоже, не шутил.

— Я хочу только одного,— продолжал сержант.— Чтобы вас отчислили. Всех до единого. В каждом взводе есть один говнюк, которого я почему-то ненавижу больше других. Я сразу его выбираю. И списываю первым.

Масон снова оглядел курсантов.

Стэн знал за миг до того, как это произошло, на ком остановится его взгляд.

«Дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо!» — думал он, замерев, как кролик перед удавом.

К тому времени, когда Феррари и Масон закончили пытку, называемую ими «зарядкой», уже перевалило за полдень. Помкомвзвода — Стэн так никогда и не узнал, как его зовут,— принял командование и отвел курсантов в отведенную им казарму.

Измученные новобранцы сквозь двойные стеклянные двери вошли в здание. Они не сомневались, что внутри их ждет еще один оборотень в образе очередного инструктора. А еще они ждали, что казарма, как бы мило она ни выглядела снаружи, внутри будет представлять собой гулкие пустые коридоры, гладкие пластобетонные полы и древние шкафчики с ломаными дверцами.

Как же они ошибались!

Внутри, в прихожей, напоминающей фойе небольшой и весьма роскошной гостиницы, их уже поджидали пятьдесят немолодых существ, одетых словно придворные в императорском дворце. Один из них вышел вперед.

— Я полагаю,— объявил он,— что перед тем, как мы покажем вам ваши номера, вы не откажетесь немного развлечься в комнате отдыха. Надеюсь, вы останетесь довольны.

Через раздвижные двери служитель провел курсантов в большой, отделанный деревянными панелями зал. В одном конце зала взгляд привлекал огромный камин. Вдоль стен стояли автоматические раздатчики еды и питья, компьютерные терминалы и игровые автоматы. Над ними висели абстрактные картинки. А еще в зале стояли игровые столы с комфортабельными мягкими креслами и диванами.

В мозгу Стэна заверещал сигнал тревоги. Он заметил, как один из курсантов ошалело, что проявлялось в дрожании двойных колец белого меха вокруг глаз, глядит на ближайший автомат.

— Пиво,— произнес курсант, в волнении потирая мохнатую грудь крохотной черной ручкой.— Это же автомат по раздаче пива!

Он шагнул вперед.

— На твоем месте я бы не торопился.

Это сказал тот самый сержант со шрамами, которого Стэн приметил еще до погрузки в гравитолет.

— Почему?

— Ну... может быть, потому, что они собираются испытывать нас на выносливость, а похмелье еще никогда реакцию не улучшало. А может, они следят за этим агрегатом и каждый, кто хотя бы притронется к нему, тут же получает черный крестик в дело за слабоволие.

— Это все глупости,— заявила маленькая изящная женщина.— Все пилоты, каких я только знала, хлестали пиво, словно материнское молоко.

— Точно,— кивнул сержант.— Но это после того, как они получили свои крылышки. Скорее всего, они и пьют-то так из-за чертова отбора.

Возможно, сержант был прав, а возможно, все это была чистой воды паранойя. Так или иначе, за все время обучения к пивному агрегату никто не прикоснулся.

Выделенная Стэну комната также оказалась весьма интересной. По сути, это была даже не одна комната, а две — спальня, она же кабинет, выдержанная в спокойных тонах, и ванная, где находились не только все обычные моющие и чистящие устройства, но и последней модели джакузи. Похоже, «зарядки» Феррари кончатся еще очень и очень не скоро.

Распаковаться для Стэна было делом одной минуты. Он давно уже научился путешествовать налегке. Единственным излишеством, которое Стэн себе позволял, были собранные им за многие годы фиши для мини-голопроцессора. В свободное от службы время Стэн любил создавать действующие модели древних заводов и фабрик.

В этой школе у него, похоже, будет не много свободного времени для игр. И все же Стэн решил подключить процессор к сети. Увы, универсальный переходник оказался вовсе не таким универсальным, как обещалось в рекламе. Во всяком случае, таких разъемов, как в этой комнате, на нем не оказалось.

Стэн решил поговорить с соседями: может, у них найдется подходящий разъем? Выйдя в коридор, он постучал в ближайшую дверь. Тихий, осторожный стук, говорящий, что это не школьный инструктор и что он (она) может не таить то, что он (она) делает.

В ответ на стук из динамика возле двери раздался выразительный женский голос:

— Полетай секунду, браток, и мы будем вместе.

Мгновение спустя дверь открылась, и Стэн оказался лицом к лицу, если так можно сказать, с форменным ужасом.

Стэн, в общем-то, был человеком без комплексов. Он не был зациклен на своей культуре и этносе. Кошмарный фабричный мир, в котором он вырос, вообще не дал ему никаких врожденных предрассудков подобного рода. Он не страдал ксенофобией — об этом позаботились тренировки в отряде богомолов и боевые задания на тысячах планет с тысячами разных разумных рас. Он не был и формистом, как это называли его современники: его не заботило, как выглядят, или пахнут, или звучат другие существа. Во всяком случае, раньше Стэн так думал.

Однако когда дверь открылась и перед ним возник двухметровый волосатый паук... Много позже Стэн даже гордился своим поведением в этот момент. Единственное, чем он выдал свой шок, так это стуком ударившегося о пол отвалившегося подбородка.

— Наверное, мне следовало вас предупредить,— сказал паук.

Стэн чувствовал себя как последний болван.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Ну... да...— Стэн попробовал собраться с мыслями.— Не знаете, когда у нас ужин?

— Примерно через час,— ответил паук, поднося к фасетчатым глазам одну из ног с весьма неуместными на ней дорогими часами.

— Черт возьми, извините! Меня зовут Стэн.— И он протянул пауку руку.

Паук внимательно посмотрел на руку Стэна, потом на его лицо. Затем поднял другую ногу, с крохотными коготками на конце, и положил ее на ладонь человека. Нога оказалась теплой, а шерсть на ощупь напоминала шелк.

— Меня зовут Ш'аарл't. Может, зайдете?

Стэн вошел в комнату. И не только из вежливости. Ему было любопытно, какие условия империя предоставляет паукообразным.

Кровать отсутствовала. Вместо нее с высокого потолка свисал какой-то решетчатый каркас. В углу стоял рабочий стол, а на месте стула — широкий кругляк.

— Ну и как тебе тут? — спросил Стэн.

— Мне кажется,— ответил приятный женский голос паука,— что не мешало бы проверить мой панцирь. Наверное, он где-то треснул, раз мне захотелось стать пилотом.

Контакт налаживался, хотя Стэн и содрогнулся, когда Ш'аарл't махнула лапой, предлагая ему сесть.

— Я ввязалась в это безумие только потому, что мой род всегда плел паутину выше всех остальных. Но если можно, личный вопрос... Ты-то почему тут оказался?

Стэн понимал, что правду говорить нельзя. Ну скажет он, что в летную школу направлен лично вечным императором... Или его примут за неисправимого лжеца, или за важную шишку, с которой лучше не связываться.

— В свое время идея казалась не такой уж и плохой,— пробормотал он.

— А можно поинтересоваться, какое у тебя звание?

— Капитан третьего ранга.

Ш'аарл't шумно вздохнула. Конечно, она была самкой — даже громадные обитатели Аранеиды верны биологическим традициям.

— Должна ли я встать по стойке «смирно»? Я всего лишь космонавт второго класса.

Стэн сумел даже рассмеяться.

— По правде говоря, я бы хотел на это посмотреть. Как вы, при ваших восьми ногах, встаете по стойке «смирно»?

Ш'аарл't отпрыгнула на середину комнаты, и Стэн, машинально реагируя, чуть не пробил головой потолок. Стойка «смирно» для паука

означала, что все нижние сегменты ног вытянуты вертикально, а остальные расположены под углом в сорок пять градусов к туловищу.

— В особых случаях я также выпячиваю мои клыки самым воинственным образом. Хочешь взглянуть?

— Гмм... Лучше в другой раз.

Ш'аарл't хлопнула себя по панцирю одной из ног. Стэн решил, и вполне справедливо, что у пауков это равносильно смеху.

— Ну, у тебя вряд ли возникнут проблемы с отжиманиями,— заметил он.

Снова стук в панцирь.

— Слушай,— спросила Ш'аарл't,— как по-твоему, насколько они серьезны?

— Насчет Феррари не знаю,— подумав, ответил Стэн,— но этот Масон мне здорово не нравится. Он меня просто пугает.

— Меня тоже. Но может, некоторые из нас удержатся... пока других списывают. Не могут же они отчислить всех. Права я или нет?

Стэн понял, что Ш'аарл't не больно-то уверена в своих словах. Ей хотелось поддержки, и потому Стэн вместо искреннего «По-моему, эти типы способны на все, что угодно» ответил:

— Надеюсь. Кто-то должен выжить... Кстати, коли уж речь о выживании, не спуститься ли нам в холл? Посмотрим, может, жертв перед смертью тут хотя бы кормят?

— Отличная идея, капитан.

— Неверно. Надо обращаться «курсант». Или «ты, олух».

Опять стук по панцирю.

— Ладно, пойдем кушать? Рука в ноге, нога в руке...

Смеясь, они вместе вышли из комнаты.

Позже вечером в дверь Стэна легонько постучали. Снаружи оказался один из служителей. Если все тут выглядели как придворные, то этот тип больше напоминал разряженного дворецкого.

После долгих извинений за беспокойство он сказал, что его зовут Пилхам. Он, дескать, будет денщиком Стэна, пока тот не закончит первый этап учебы.

— Ты хочешь сказать, пока не закончу или пока меня отсюда не вышвырнут.

— Ну что вы, сэр! — Пилхама, казалось, даже шокировало такое предположение.— Я позволил себе, сэр, заглянуть в ваше дело. И должен сказать... не мне, конечно, судить... но мы, кто здесь работает, устраиваем маленький тотализатор: кто из кадетов закончит курс, а кто — нет. Уверяю вас, сэр, я не льщу, говоря, что без колебаний поставил на вас свои деньги.

Отойдя от двери, Стэн позволил Пилхаму войти.

— Не льстишь, значит,— покачал он головой и уселся за стол, наблюдая, как его новый денщик проворно перебирает висящую в шкафу форму.

— Мистер Стэн, я заметил, что вы сняли ваши награды.

— Точно. Планки лежат в кармане.

— Я полагаю, вы хотите...

— Я хочу засунуть их на самое дно самого темного ящика, где их никто не увидит. Это ясно, Пилхам?

Пилхам довольно странно посмотрел на Стэна.

— Как угодно, сэр. Но ваша форма настоятельно нуждается в небольшой утюжке.

— Естественно. Она пару месяцев провалялась на дне вещмешка.

Собрав в кучу несколько комплектов формы, Пилхам направился к двери.

— Что-нибудь еще, мистер Стэн? Вы можете обращаться ко мне в любое время дня и ночи.

— Пока ничего, Пилхам. Хотя... подожди минуточку. У меня есть вопрос.

— Если только я смогу ответить...

— Кто такая Рикор?

Пилхам был настоящим профессионалом. Он только едва заметно моргнул при упоминании имени моржеподобного существа, которое было одним из самых талантливых психологов империи. Только моргнул, и все.

— Никогда о такой не слышал.

— Попробуем с другого конца. Правда ли, что ты и все остальные работники в этой казарме, такие услужливые денщики, на самом деле играете особую роль в отборе?

— Ну разумеется, сэр. Мы понимаем, что курсантам очень нужно время и для занятий, и для отдыха, и мы изо всех сил пытаемся им помочь, беря на себя мелкие...

— Я имел в виду нечто совсем другое. Еще раз. Верно ли, что вы все — опытнейшие психологи, а эта казарма, такая тихая и уютная, должна заставить нас расслабиться, чтобы вы могли узнать, какие мы на самом деле?

— Вы, наверное, шутите, сэр.

— В самом деле?

— А если нет, то вы мне очень польстили. Подумать только, кто-то решил, что я мог бы быть врачом! — Пилхам захихикал.— Нет, сэр. Я всего лишь денщик, и ничего больше.

— Спасибо за ответ, Пилхам. Доброй ночи.

— Доброй ночи, сэр.

Доктор В. Ринвилли Пилхам, обладатель семи научных степеней в разных областях психологии, прикладной психологии, анализа стрессов у человека и военной психологии, закрыл за собой дверь. Лишь отойдя на несколько метров от комнаты Стэна, он позволил себе беззвучно рассмеяться.

Глава 7

Первые недели отбора оказались довольно простыми. Инструкторы выбивали мозги курсантам утром, днем и вечером. По ночам проводились тревоги, хотя построение всегда принимал кто-то из офицеров. Сержанты в казарме не показывались.

В промежутках между физическими и психологическими муками курсантам приходилось сдавать целую кучу разных тестов. В значительной степени они повторяли зачеты курса начального обучения — тест на быстроту реакции, на интеллект и так далее. Проходные баллы, однако, были куда выше, чем при поступлении в армию. А еще сдавать эти тесты приходилось по нескольку раз, причем зачастую в самое неожиданное время.

На Стэна это не произвело особого впечатления. Он полагал, что, если бы не спешка, их не мучили бы подобными повторами. Наверняка существовали более надежные, хотя и не такие быстрые, методы тестирования.

В один прекрасный день предположение Стэна, что тестировали их в основном методом тыка, подтвердилось окончательно и бесповоротно. Его завели в пустую комнату, где стояло одно только глубокое кресло с иллюзошлемом. По инструкции Стэну полагалось сесть в кресло, опустить на голову шлем и ждать, что будет дальше.

Подобное испытание Стэн уже проходил — давным-давно, еще до вступления в армию. Идея заключалась в том, что через иллюзошлем испытуемый переживает определенные события, а по его реакциям психологи составляют подробный профиль личности тестируемого.

Когда Стэн проходил это испытание в прошлый раз, иллюзозапись повествовала о некоем не слишком умном, но зато очень смелом стражнике, гибнущем при попытке взорвать вражеский танк. В конце Стэна чуть не вырвало, и это доказало его непригодность к службе в пехоте. Зато реакции Стэна оказались идеальными для отряда богомолов, где превыше всего ценились умение выжить и способность действовать в одиночку.

На этот раз, прежде чем сесть в кресло, Стэн проверил надписи на кассете с записью. После всевозможных кодов он нашел название: «ШАВАЛА, ДЖЕЙМ, СРАЖЕНИЕ, СМЕРТЬ, ШТУРМ НА ДЕМЕТРЕ».

Возможно, при тестировании будущих пехотинцев подобный сюжет еще и имел какой-то смысл, но для будущих пилотов?..

Осмотрев шлем, Стэн нашел входной кабель. Мучиться еще раз не хотелось. Настало время проявить изобретательность. Он согнул особым образом пальцы, и на ладонь выскочил замаскированный с помощью хирургии нож. Существование этого обоюдоострого кинжала Стэн держал в строжайшей тайне. Он сделал его собственны-

ми руками из одного чрезвычайно редкого кристалла. Толщина клинка не превышала двух с половиной миллиметров, а лезвия — пятнадцати молекул. Другими словами, нож мог разрезать практически все, что угодно. Сейчас, впрочем, Стэн ничего резать не собирался.

Острием он осторожно перекинул контакты нескольких проводков внутри входного кабеля иллюзошлема. Затем, спрятав нож, как и предписывалось, сел в кресло.

«Так... Теперь посмотрим. Запись уже началась. Я должен почувствовать удивление. Страх. Возбуждение. Сомнение в собственных силах. Шок от высадки. Стремление во что бы то ни стало выполнить задачу».

Обучение в отряде богомолов включало практику по обманыванию всевозможных устройств для тестирования, начиная от древнего и ненадежного полиграфа и кончая самыми современными мозговыми зондами императорской разведки. Главное, разумеется, свято верить в то, что ты говоришь, думаешь и чувствуешь чистую правду. Сейчас Стэну очень даже пригодилось это его умение. В сочетании с развитой, практически абсолютной памятью оно делало Стэна весьма и весьма тестоустойчивым.

«Так, что там у нас дальше... Сейчас Шавала увидел свой чертов танк... Ужас... Увидел смерть однополчан. Злость... Видит надвигающийся танк... Решимость... Больше решимости... Прыгает вокруг танка, получая ранения в самые разные места... Боль и еще больше решимости... Черт, я уже, наверное, мертв. Шок и все такое».

Приподняв уголок шлема, Стэн услышал, как щелкнула у него за спиной закончившаяся кассета.

Гордость за то, что был частью этой имперской глупости.

Стэн решил, что психологам уже хватит материала. Он снял шлем и вылез из кресла. Придав лицу тошнотворно-решительное выражение, он вышел из комнаты, артистично споткнувшись сразу же за порогом.

Стэн, задыхаясь, выполз на вершину холма и сразу же сверился с компасом и часами. Можно четыре минутки отдохнуть.

Это испытание было вариацией любимого всеми военными маршброска. Но как и все остальное в отборе, оно проводилось с некоторыми необычными дополнениями.

Курсантам давали карту с компасом и сообщали место встречи, куда им следовало попасть к определенному сроку. Однако когда они добирались до указанной точки, оказывалось, что самое интересное еще впереди. Тут курсантам обычно сообщали координаты новой цели, и они, хочешь не хочешь, снова отправлялись в путь.

Это упражнение не имело ничего общего с подготовкой пилотов, зато напрямую было связано с упорством и силой воли. К тому

же — с чем Стэн хотя и неохотно, но мог согласиться — подобные истязания наглядно доказывали курсанту, что его мозг туп и предлагает телу остановиться и отдыхать, когда ресурсы организма еще далеко не исчерпаны.

Для Стэна все это было не так уж и трудно — в отряде богомолов он такие кроссы бегал для развлечения. Однако кое-кто из курсантов все-таки сломался. Из тридцати с лишним существ во взводе Стэна десять куда-то исчезли.

Ни о чем не думая, Стэн, задрав ноги, лежал на земле. И тут послышались шаги. Вернувшись к реальности, он увидел спокойно бегущую вверх по склону холма маленькую женщину — ту самую, что в самый первый день так убедительно рассуждала о пилотах и пиве. Вместо того чтобы ничком повалиться на землю, она бодро сбросила рюкзак и принялась делать какие-то упражнения.

Стэну стало любопытно. Странный у нее был метод уговорить тело сделать лишний шаг. Он решил подождать, пока женщина закончит свою зарядку. Это, между прочим, стоило ему лишней минуты.

Спускаться с холма пришлось по камням, и Стэну удалось перекинуться с Викторией, так звали женщину, парой слов. Обмен данными: лейтенант флота. Она была профессиональной танцовщицей и акробатом. И выступала, как решил Стэн, вполне успешно — иначе ей не довелось бы гастролировать на Прайме.

Ему даже показалось, что он помнит труппы, в которых она работала.

Но почему же служба во флоте?

Семья потомственных военных. Кроме того, танец — это тяжелый труд. Работать профессиональной танцовщицей все равно что быть рыбой на песке.

Стэн даже сумел засмеяться.

К тому же, продолжала Виктория, ей всегда нравилась математика.

Стэн содрогнулся. Он разбирался в математике, как и каждый офицер, но в свободное время его не тянуло для развлечения пощелкать уравнения.

Внутренние часы Стэна дали команду на перекур. Виктория же побежала дальше. Если кому и суждено преодолеть все это дерьмо под названием «отбор» и стать пилотом, то, конечно, Виктории.

Зеленая волна перехлестнула через планшир и ударила в стекла мостика. Стэн невольно пригнулся.

Лодка качалась, и желудок плясал вприсядку. «Заткнись, тело! Все это только иллюзия».— «Заткнись, голова,— последовал ответ,— пошла ты к черту. Сейчас мне будет плохо».

Блюющему через борт Стэну было очень не просто следовать нашептываемым ему на ухо инструкциям.

— Это двадцатиметровый корабль. Он предназначен для коммерческой добычи рыбы. Вы его капитан. Корабль возвращается в гавань. Он убегает от шторма.

Гавань находится где-то впереди. Чтобы выполнить задание, вы должны благополучно вернуться в порт. Вход в гавань вам укажет радар. Он часто выходит из строя.

Вам также известно, что вход в гавань перегорожен так называемой мелью — местом, где глубина слишком мала для вашего корабля. Во время шторма мель может помешать кораблю войти в гавань.

Счастливого плавания.

Стэн, уже поднаторевший в тестах, сразу же посмотрел на экран радара. «Ага, вон там, чуть правее... Значит, я должен направить судно...»

И тут, как и было обещано, экран вспыхнул равномерным зеленым светом.

Стэн оценил ситуацию. Иллюзию он испытывает через шлем. Но в отличие от теста с Шавалой здесь все его действия будут абсолютно «реальны». Если, например, судно напорется на скалу, он потерпит кораблекрушение и, скорее всего, так как ведущие отбор типы имеют явную склонность к садизму, узнает, что чувствует медленно тонущий человек.

Простое решение — самое лучшее. Надо всего лишь включить антиграв, и корабль... Неверно. Перед Стэном на пульте были три ручки управления: большое рулевое колесо и две подвижные рукоятки. Корабль движется лишь в двух измерениях.

Еще на пульте находилась целая куча разных индикаторов, на которые Стэн решил не обращать внимания. Они, скорее всего, показывали, как работает мотор, но Стэну эти сведения все равно ничего не говорят. Он же не знает ни какой у него двигатель, ни на чем тот работает. А раз так, то нечего тратить время на их изучение.

Накатилась новая волна, и маленький кораблик дернулся в сторону. Стэн, решившись, двинул правую рукоятку до упора вперед, левую — до упора назад и круто повернул вправо руль.

Корабль вернулся на прежний курс.

Стэн поставил рукоятки одинаково. «Похоже, у меня два мотора»,— подумал он, возвращая руль в исходное положение.

Пелена шторма на миг прояснилась, и впереди возникли окутанные пеной отвесные скалы. Чуть левее появился разрыв в гранитной стене — вход в гавань. Стэн направил свое суденышко именно туда. Скалы приближались, и беснующиеся течения так и норовили развернуть корабль. Стэн отчаянно орудовал двигателями и рулем.

Отлично, попали в створ!

Дождь стих, и буквально в нескольких метрах перед носом судна на месте отхлынувшей воды Стэн увидел землю. Чертовы подонки! Вот она, их мель!

Стэн поспешно дал машинам задний ход.

Несколько волн одна за другой ударили в корму. Стэн не обращал на них внимания. У него родилась одна неплохая идейка.

Когда волна ударяет в мель, вода поднимается. Все, что требуется, это дождаться по-настоящему большой волны и бросить корабль вперед на полной скорости. Глядишь, вместе и переберемся через мель в гавань.

План сработал как нельзя лучше. Огромная волна, как пушинку, перенесла кораблик через смертоносную полосу песка. И тут Стэн, позабывший о боковом течении, почувствовал удар суденышка о бетон пирса.

Как Стэн и ожидал, он не просто стал свидетелем крушения. Ему еще и довелось на собственной шкуре испытать все ощущения тонущего человека.

Причем тонущего о-очень медленно.

Оценка: удовлетворительно.

К этому времени Стэн уже знал, как зовут остальных курсантов его взвода.

Видавший виды сержант, которого, как думал Стэн, вышибут из школы раньше всех, все еще держался в строю. Да какое там держался! Пока что они с Викторией никак не могли поделить место первого ученика во взводе. Это, возможно, и не удивило бы того, кто хорошо знает древнюю историю. Сержанта звали Уильям Бишоп 43-й. Стэн, истории не знавший, удивлялся — как, впрочем, и остальные курсанты, окрестившие сержанта Грантом. Бишоп ничуть не возражал против такой клички.

Мохнатый любитель пива по имени Лотор оказался просто незаменимым в любой компании — он стал взводным клоуном. Тут надо отметить, что лишенные нормальных воинских развлечений типа выпивки и увольнительных курсанты время от времени бесились. Лотор, например, начал «водяную войну».

И первой ее жертвой стал Стэн.

Однажды глубоко за полночь в его комнату осторожно постучали. Ничего не подозревая, Стэн открыл дверь и тут же получил в лицо контейнер холодной воды.

Вычислив, кто это сделал, Стэн решил отомстить. Предварительно замуровав сток, он наглухо задраил дверь в душевой, где мылся Лотор. Сжалился он, лишь когда вода уже подбиралась к потолку.

Лотор, обсушив мех, решил, что у Стэна наверняка были союзники. Хотя бы Ш'аарл't. Поэтому как-то ночью он подсунул под ее дверь пожарный шланг и включил воду.

Ш'аарл't проснулась оттого, что комната быстро наполнялась водой. Нисколько не теряясь, она открыла дверь и выкинула шланг в коридор. А потом снова отправилась спать к себе на потолок.

Лотор не учел того, что ссориться с паукообразным всегда чревато неприятностями. Следующей ночью Ш'аарл'т сплела паутину от своего окна до окна обидчика, спустилась по ней и аккуратно заменила подушку под спящим Лотором на соответствующих размеров бурдюк с водой.

Тогда Лотор выбрал себе новую жертву. Ею стал Грант. Привязав небольшой заряд взрывчатки к мешку с водой, Лотор подкатил его к двери Бишопа и постучал. Затем поскорее смылся. Грант открыл дверь как раз в тот миг, когда мешок взорвался.

Его месть была поистине ужасной. Она включала в себя такую страшную вещь, как метеорологический воздушный шар, заполняющийся водой. Шар этот, естественно, находился в комнате Лотора. Будучи человеком действия, Бишоп, начиная операцию, не удосужился проверить, где находится его жертва. В итоге потребовались усилия всей казармы, чтобы вытащить несчастного Лотора из-под раздувшегося шара.

На этом водяная война закончилась — никто из сражающихся не мог придумать более крутой атаки. Да и усталость брала свое.

Единственной пользой от войны стала дружба ее участников — Лотора, Бишопа, Стэна и Ш'аарл'т. Они сплотились хотя и не в твердый, но коллектив. А своим талисманом избрали Викторию. Как оказалось, каждый из них чувствовал то же самое, что и Стэн во время марш-броска,— один из них должен дойти до конца. И Виктория виделась им самым вероятным кандидатом.

Ей они ни о чем не говорили. Да она и не спрашивала. Просто с благодарностью присоединилась к их маленькой группе.

Впятером они обсуждали перспективы на будущее и то, кем на самом деле оказались бы служители в казарме, если бы вместо своих нарядов и комбинезонов они вдруг взяли бы да и надели военную форму.

Они болтали, и шутили, и попивали травяной чай, гарантированно не дававший побочных эффектов. А потом расходились по своим комнатам, возвращаясь к бесконечной учебе.

Во всяком случае, расходились почти все.

И вполне возможно, что травяной чай не давал *доложенных испытуемыми* побочных эффектов.

Как бы там ни было, однажды Стэн и Виктория проводили до двери Ш'аарл'т. Далее Стэн намеревался проводить Викторию до ее комнаты, но вместо этого неожиданно пригласил ее к себе. Виктория приняла приглашение.

Она расправила постель и взбила подушки. Потом коснулась пальцем молнии своего комбинезона, и тот упал к ее ногам, открыв взорам Стэна миниатюрное и совершенно идеальное тело.

Стэн был одновременно рад и расстроен. Он много раз мечтал заняться любовью с балериной. В особенности с Викторией. Он не решался сделать предложение потому, что искренне сомневался в своих

способностях. Что, если он сделает предложение, оно будет принято, а он проявит себя совершеннейшим импотентом, как его ежедневно обзывает Масон. В конце концов, усталость, перенапряжение и все такое...

Возможно, Стэн и не ошибался насчет своих возможностей, но он недооценил фантазию бывшей профессиональной танцовщицы.

На следующий день и Стэн, и Виктория показали очень-очень низкие результаты во всех без исключения тестах. Еще бы, ведь в ту ночь они не спали даже и часа.

Глава 8

Отбор перешел от письменных и иллюзозаданий к псевдореальным, жизненным проблемам. И это дало Феррари и Масону шанс в полной мере проявить свои садистские наклонности.

Стэн догадывался, что следующая проблема будет настоящим шедевром. Недаром Феррари так и сиял, и даже Масон позволил себе едва заметную кривую ухмылку.

— Мы называем это задание «Групятствие»,— почти ласково объяснял Феррари.— Группа. Препятствие.

В группу входили Бишоп, Виктория, Стэн, Лотор и еще шесть курсантов. Препятствие же заключалось в том...

— Мы с вами стоим,— продолжал Феррари,— в командной рубке эсминца. Класса «цветок», если вам интересно. Выглядит она ужасно.

Он дал курсантам время выразить свое согласие.

— А выглядит она так потому, что наш эсминец разбился на поверхности некоего планетоида. На планетоиде есть пригодная для дыхания атмосфера и питьевая вода. Но пищи на нем нет никакой, и не из чего сделать даже мало-мальски приемлемое укрытие.

Феррари улыбнулся.

— Те из вас, кто проходил экотренировку, могут не объяснять мне, что такой планетоид совершенно нереален. Не я придумал эту проблему, я вам ее только задаю. Как бы там ни было, вы видите эту командную рубку? Да, видите. Ужасная картина. Вы видите проход, ведущий на поверхность планетоида, так живописно изображенного нашими голографистами. Я лично не очень-то верю, что где-то деревья бывают пурпурными. Впрочем, кто его знает. Мистер Масон, продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо, сэр. Я буду краток. Вы, мерзавцы, разбились. Без еды и укрытия жить на планетоиде нельзя. Единственная ваша надежда — добраться до аварийных ранцев. Ранцы находятся в конце этого коридора. Но коридор завален обломками. Это первая проблема.

Глядя на проход, Стэн мог только поражаться, как аккуратно инструкторы подготовили задание. Все было вполне реалистично. Сна-

ружи, когда они только вошли в этот огромный зал, и в самом деле казалось, будто громадный космический корабль разбился посреди пурпурных джунглей. Да и внутри, за редкими исключениями, и исключения эти Стэн старательно подмечал, все выглядело как в настоящей рубке настоящего корабля.

Одно только не давало Стэну покоя. Почему перед началом испытания Масон, отозвав Бишопа в сторонку, что-то долго ему втолковывал? Причем, судя по выражению лица Гранта, нечто весьма важное.

— Вторая проблема,— между тем продолжал Масон,— заключается в том, что на вашем реакторе запустилась программа самоуничтожения. У вас есть двадцать минут. Потом этот корабль взорвется. Если вы не доберетесь до аварийных запасов, вы провалили задание. Вы все. Если через двадцать минут вы еще будете на корабле, вы тоже провалили задание. И снова вы все.

— Спасибо, мистер Масон.

— Да, сэр.

— Задание начинается... сейчас!

Идеи посыпались со всех сторон. Виктория предложила прежде всего определить цель задания. Грант сказал, что сперва следует выработать план действий. Лотор сказал, что если они не знают, как глубоко они угодили в говно, то о каком плане вообще может идти речь?

А ситуация была элементарно простой.

Проход, ведущий к аварийным ранцам, был завален мелким мусором. Убрать его — раз плюнуть. Однако крест-накрест поперек коридора протянулись толстенные стальные швеллеры, и сдвинуть их с места просто не представлялось возможным. Два курсанта попробовали, но даже не смогли их пошевелить.

— Вот! — закричал Лотор, подходя к небольшому швеллеру, лежащему в соседнем коридоре.— Из этого получится отличный рычаг. Нам не хватает только точки опоры.

— Да брось ты, Лотор,— сплюнул Грант.— У нас нет никакой чертовой точки опоры.

— Какого беса нет! — воскликнула Виктория.— Эй вы, тащите сюда тот здоровый сундук с картами, что стоит на второй палубе!

— Все равно ничего не выйдет,— покачал головой Бишоп.

Стэн мог только поражаться. Что такое случилось с Грантом? Обычно он первым хватался за любую, самую сумасшедшую идею.

Пока пара курсантов волокла сундук, Стэн обследовал местность вокруг корабля. Когда он вернулся в рубку, сундук уже установили возле толстых швеллеров. Малый швеллер подсунули под большие, курсанты дружно навалились, и дело пошло.

Первый швеллер зашатался и с грохотом упал на пол. С торжествующими криками курсанты продвинули сундук вперед. Но со вторым швеллером так просто справиться не удалось.

— Тут все равно ничего не выйдет,— буркнул Бишоп.

— Наверное, ты прав,— кивнул один из курсантов и отпустил импровизированный рычаг.

Он заметил алую панель в стене.

Большие черные буквы на ней яснее ясного гласили: «ТОЧКА КОНТРОЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ». И внизу, чуть помельче: «Не входить без допуска одиннадцатой степени. Не входить, если корабль не дезактивирован полностью».

Курсант без труда открыл панель. За ней вдоль нужного коридора шел узкий гладкий проход.

— То, что надо! — воскликнул курсант.

— Ты надпись-то читал? — спросил его Стэн.

— Читал, ну и что? Этот корабль явно дезактивирован. Куда уж больше.

— Он прав,— легко согласился Бишоп.

И снова Стэн мог только удивиться.

Курсант влез в проход, и красная панель автоматически захлопнулась. Пять секунд спустя из-за стены раздался страшный вопль. Об этом позаботились демоны, придумывающие испытания для летных школ. В проходе следовало бы находиться перегретому пару. Но это все-таки была учебная модель, и потому незадачливого курсанта облили всего лишь горячей водой — достаточно, чтобы заработать ожоги первой степени, но не больше. А потом автоматика вышвырнула бедолагу за пределы испытательного зала, где Феррари с радостной улыбкой сообщил курсанту, что испытание тот не прошел.

После первой «смерти» команда еще отчаяннее заработала рычагом. Но освободить второй швеллер никак не удавалось. Реально оценив силы, Стэн сказал, что рычаг — это дохлый номер, и отправился искать другое решение. Еще раз осмотрев корабль, он снова выбрался наружу.

И нашел ответ.

К тому времени, когда Стэн втащил в рубку сорокаметровый обрывок кабеля, выброшенного взрывом в джунгли, его друзья уже опустили руки, признав свое поражение.

Оставалось всего семь минут.

Стэн не стал тратить время на объяснения. Привязав кабель к швеллеру, он быстро уложил несколько петель и потянул другой его конец к массивной ферме наружного люка, а оттуда обратно к швеллеру.

— Какого черта ты делаешь? — остановил его Бишоп.

— Целуюсь с императором,— огрызнулся Стэн.— Чего стоишь как баран, помоги!

— Не торопись, ты только зря тратишь время.

— Объясняю один раз. Слушай, Грант. Мы сделаем систему блоков, соорудим полиспаст и выдернем швеллер, к чертовой матери.

— Стэн, мне кажется, это не сработает. Почему ты не хочешь сперва все обсудить?

— Потому что у нас осталось всего пять минут.

— Точно! И мы не хотим потратить их впустую.

Тут наконец до Стэна дошло, что к чему.

— Ясное дело,— кивнул он.

Его ладонь мелькнула как молния. Руки Стэна могли убить, искалечить или оглушить любое живое существо, известное имперским спецам боевого искусства. Сжатые пальцы ударили Бишопа по шее, чуть пониже уха. Курсант рухнул на пол, как мешок с песком.

— Мо-олчать! — крикнул Стэн своим возмутившимся товарищам.— Собирайте чертов полиспаст и давайте тянуть. Бишоп саботажник. Я видел, как Масон отдавал ему приказ... Давайте, друзья. Мы должны выбраться отсюда!

Полиспаст вырвал застрявший в стене коридора конец швеллера, и отряд наконец получил так необходимые им припасы. Экипаж выскочил из готового «взорваться» корабля, имея в запасе еще почти целую минуту.

Бишоп, придя в себя, подтвердил, что Стэн не ошибся. Масон и в самом деле поручил ему роль саботажника.

Чуть позже Феррари неохотно признал, что их отряд стал одним из немногих, успешно прошедших этот тест.

Оценка: блестяще.

Глава 9

У Стэна возникли проблемы.

Не то чтобы он был полным профаном в математике — в имперских вооруженных силах таких не водилось. Просто Стэн не чувствовал сухие числа так, как он, например, инстинктивно ощущал окружающие его предметы. А еще он никак не мог перевести эти самые цифры в реальные планеты и корабли.

В итоге ему потребовалась помощь.

Виктория в качестве учителя? Никаких проблем. Все ведь знали, что она единственный курсант, который с гарантией получит свои крылышки. Но Бишоп? Математическим гениям надлежит быть низенькими и тощими, говорить фальцетом и иметь хирургически исправленное зрение.

«На таком стереотипе далеко не уедешь»,— думал Стэн, глядя, как толстые пальцы Бишопа уверенно стучат по клавиатуре компьютера и мельтешат цифры на сенсорном экране. С точностью и терпением настоящего педанта Грант пытался объяснить ему, что математические формулы описывают мир куда точнее любых слов и картинок, каким бы воображением ни обладали их создатели.

Стэн глядел на экран и не видел никакой связи.

— Чертов псих,— сплюнул Бишоп и повернулся к Виктории.— Принеси пожарный топорик. Надо же как-то до него достучаться!

Но Виктория нашла менее болезненное решение.

Они подсоединили голопроцессор Стэна к главному компьютеру. Теперь, когда он вводил координаты, перед ним зажигалась крошечная трехмерная звездная карта. В конце концов, после ряда попыток, Стэн начал кое-что понимать.

Оценка математического ощущения: требует доработки.

По никому не известной причине все школы, в каких только доводилось бывать Стэну, тестировали своих курсантов на устойчивость к перегрузкам.

Стэн понимал, зачем надо знать, сколько «G» выдерживает данный курсант и сколько раз надо поменять направление силы и как быстро, чтобы его потянуло блевать. Но когда все это уже известно, зачем проверять результаты снова и снова?

Стэн знал, что без гравикостюма он лично может действовать как солдат вплоть до 3,6 Терра-гравов. Он может работать сидя при 11,6 Т-гравах. Он теряет сознание под пиковой нагрузкой в 76,1 Т-гравов или под мгновенным ударом в 103 Т-грава. Все это было записано в его медфайле.

Ну так и зачем тестировать по новой?

Стэн решил, что это все тот же прикладной садизм, с которым он сталкивался в каждой школе, начиная с родной фабричной планеты Вулкан.

Из всех ненавистных методов тестирования на перегрузки самым мерзким Стэн считал центрифугу. Умом-то он понимал, что организм не может догадаться, что его вертят по кругу. Да, умом он это понимал... но тело говорило: «А спорим?», и Стэна начинало тошнить.

Ну и разумеется, в летной школе при отборе пользовались именно центрифугой.

Закусив губу, Стэн глядел на висящего над ним стального монстра.

— Вы, кажется, чем-то обеспокоены, курсант?

Это Масон.

Стэн застыл в позе, изображавшей в этой школе почтительное внимание.

— Никак нет, сэр. Не обеспокоен, сэр.

— Вам страшно, курсант?

Шикарный вопрос. Стэн жалел, что рядом нет Алекса. Его приятель, родившийся и выросший на планете с повышенной силой тяжести, наверняка нашел бы подходящий ответ. Вполне возможно, он сделал бы из Масона котлету.

Впрочем, Килгур уже побывал в этой школе. Стэн ничего от него не слышал и потому полагал, что Алекс все же получил крылышки... не убив при этом Масона.

Немного подумав, Стэн решил, что такое невозможно. Значит, Килгур проходил Первый этап на другой базе. Издав в ответ на вопрос Масона несколько ничего не значащих звуков, Стэн шагнул на стальную лесенку, ведущую в капсулу центрифуги.

Уже ночью желудок Стэна немного успокоился, и он даже почувствовал легкий голод. Оставив свою комнату, он спустился в комнату отдыха. Какой-нибудь из агрегатов наверняка готовит жидкую кашку.

Ш'аарл't, Бишоп и Лотор в молчании сидели за игровым столом. Стэн со своей миской пристроился рядом с ними.

— Сегодня списали Викторию,— сообщил Лотор.

Стэн так и подскочил.

— Провалилась на G-тесте,— отвечая на невысказанный вопрос, сказал Бишоп.

— Чушь собачья,— не поверил Стэн.— Она же чертов гимнаст. Профессиональная танцовщица.

— Похоже, и у атлетов бывает головокружение,— отозвалась Ш'аарл't.

— Сколько G?

— Двенадцать с мелочью.

— Черт! — выругался Стэн.

Даже не очень суровые боевые маневры в корабле с выключенными генераторами Маклина давали ускорения покруче.

Первый этап отличался изощренным садизмом, но в одном курсантов оберегали — когда кого-то отчисляли, то больше его никто и никогда не видел. Стэн даже немного удивился, что они вообще узнали, на чем засыпалась Виктория.

Он также понял, что теперь, с потерей талисмана, ни у кого из них не осталось ни малейшего шанса добраться до Второго этапа.

Глава 10

Экран информации в холле казармы курсанты не без основания называли «Доской приговоров». На нем Стэн и прочитал последние указания: в 16.00 все курсанты должны собраться на центральном плацу.

«Интересно,— подумал он,— какую еще коллективную пытку придумали наши инструкторы. В конце концов, до окончания Первого этапа осталось всего несколько дней, а кое-кто все еще не был отчислен. В том числе Ш'аарл't, Лотор и Бишоп».

И тут он добрался до собственно «приговора».

Форма одежды — парадная.

Стэн понял, что лафа кончилась. Он совсем не зря прятал в ящике свои орденские планки, еще давным-давно заметив, что чем больше наград у курсанта, тем больше сержанты стараются «поставить его на место». Пока что, несмотря на откровенную ненависть Масона, Стэну удавалось держаться в тени.

Но все хорошее рано или поздно кончается.

— Ну не красавчиком ли вы выглядите, курсант,— приветствовал его Масон.— Так много ленточек и бантиков!

Стэн подумывал даже не надевать планок. Но он знал, что в данной ситуации это было бы грубым нарушением устава. С этих гадов вполне может статься взять личные дела и сверить планки и рукавные нашивки. Малейшее несоответствие — и прости-прощай крылышки.

Стэн вытянулся перед Масоном, но его мысли были заняты другим. Он не уставал поражаться главному пилоту-инструктору Феррари.

Можно забыть о популярной в казарме теории, будто толстякам никогда не дают звания выше старшины. Не исключено, что Феррари и занимал эту должность, но сейчас на плечах его красовались звезды адмирала флота, а ряды орденских планок упорно старались переползти на спину.

Не без восхищения Стэн заметил, что чуть повыше пояса на форме Феррари темнело жирное пятно от пролитого супа.

— Если бы я знал, что вы у нас такой герой,— между тем продолжал Масон,— я уделял бы вам побольше внимания... Ну ничего, у нас еще есть время.

Отлично. Стэн почувствовал, что тонет. Интересно, как Масон собирается пустить его ко дну?

Несколько минут спустя он уже знал это совершенно точно.

Построив курсантов, Феррари поздравил их с окончанием официальных испытаний. Все, кто вышел сегодня на этот плац, прошли отбор. Остался всего один, самый последний тест.

— Можете не дергаться,— сказал Феррари.— Не ройтесь в ваших конспектах, не пытайтесь что-то доучить. Все это вам не потребуется. Мы очень гордимся нашим последним тестом, и не в последнюю очередь потому, что он не имеет ничего общего со всем, чем вы тут у нас занимались. У вас есть двадцать четыре часа. Можете на досуге подумать, что бы это могло быть за испытание. Мы уверены, что подобное раздумье пойдет вам на пользу. Тест, между прочим, будете проходить поодиночке. Каждый инструктор выберет себе курсантов, и с этого момента они поступят в полное его распоряжение.

Теперь Стэн знал, как Масон с ним разделается.

Летательный аппарат — по крайней мере, Стэн полагал, что это устройство способно летать — был самой невероятной кучей металлолома, какую ему когда-либо доводилось видеть. Он состоял из плоской металлической платформы диаметром около двух метров с двумя сиденьями и двумя штуками, напоминавшими Стэну панели управления. Впереди находилось ветровое стекло. За сиденьями располагался какой-то двигатель, от которого тянулся ажурный, словно металлическая паутина, хвост с маленьким винтом на конце. Над платформой параллельно земле висел еще один винт с лопастями длиной около шести метров. Все это устройство стояло на широких металлических полозьях посреди пустого поля. Лишь в двухстах метрах впереди из земли торчали какие-то столбы.

На всем поле было только два живых существа: Стэн и Масон.

— У нас в школе,— говорил Масон,— есть одна теория. Мы знаем, что существуют пилоты от бога — к вам, дуракам, это, разумеется, не относится. А еще нам известно, что многим из вас доводилось управлять самыми разными аппаратами.

Что толку проверять на талант, если испытуемого сажают на его любимую игрушку? Правильно я говорю, курсант? Вот потому-то мы и выбрали то, на чем, насколько нам известно, никто не летал уже добрую тысячу лет. Эта куча дерьма называется геликоптер. Или вертолет. В свое время он прикончил столько пилотов, что ты и не поверишь. Когда появился антиграв, эту штуку списали быстрее поросячьего визга.

Ты, курсант, будешь на ней летать. Или же можешь искать работенку в другом роде войск. Я, кстати, слышал, будто в новых секторах требуются планетарные метеорологи.

— Так точно, сэр.

— Но мы не бессердечны. Мы готовы немного тебе помочь. Прежде всего, ты должен знать пару фактов. Факт номер один: геликоптер, в отличие от всех аппаратов, с какими мне только доводилось сталкиваться, совсем не хочет летать. Он не поднимется с земли без уговоров. Он планирует, как булыжник, и садится не лучше. Особенно если ты не понимаешь, что делаешь. Факт номер два: если ты можешь гладить его по головке и одновременно пинать ногой в живот, то летать на вертолете совсем не сложно.

Стэн не знал, что и подумать. Неужели Масон шутит? Невозможно. Он же начисто лишен чувства юмора.

— Теперь так. Мы с тобой пристегнемся, и я покажу, как на нем летают. Потом ты возьмешь управление на себя и будешь следовать моим инструкциям. Начнем с простого.

Точно. С простого.

Внешне органы управления выглядели совсем несложными. Рукоятка впереди регулировала угол наклона лопастей во время вращения. Ее можно было крутить во все стороны и так, по словам Масона, маневрировать вертолетом в воздухе. Вторая рукоять, чуть в стороне, двигалась вверх и вниз и еще вращалась. Она задавала обороты двигателя и, следовательно, скорость вращения большого винта. Две обитые резиной педали контролировали маленький винт на хвосте, не дававший всему агрегату вертеться на месте.

Первое задание: зависнуть в воздухе.

Масон поднял вертолет, опустил и снова поднял. Просто до идиотизма.

— Все, что от тебя требуется, это держать его в двух метрах от земли.

Он передал управление Стэну.

И тут вертолет проявил свой строптивый характер. Стэн схватил ручки, и тот рванулся вперед, накренился, задел передними концами полозьев землю. Затем, когда Стэн компенсировал обороты, рванулся назад... снова вперед... и Масону пришлось самому хвататься за рукояти.

— Хочешь попробовать еще раз?

Стэн кивнул.

На сей раз у него получилось уже лучше. Хотя и ненамного. Мощность... осторожнее с этой рукоятью...

Теперь уже авария им не грозила, но вместо положенных двух метров вертолет болтался на высоте от нуля до четырех.

Летный комбинезон Стэна потемнел от пота.

Еще попытка.

Колебания уменьшились до плюс-минус метра.

— Ну хорошо,— кивнул Масон.— Теперь мы полетим вперед.

Он двинул вертолет по прямой, примерно метров на пятьдесят. Потом вернулся и повторил маневр.

— Держи высоту два метра, лети прямо. Остановишься, когда я тебе скажу.

Вертолет пополз вперед. Он дважды зацепился полозьями за землю и летел как пьяница, которого неудержимо мотает из стороны в сторону.

Взяв управление в свои руки, Масон провел Стэна по этому пути еще три раза.

Стэн мог только гадать, какое будущее ему светит — пилота или метеоролога.

Следующее задание оказалось еще сложнее. Предстояло добраться до столбов и, ловко маневрируя, пролететь между ними по фигурным, S-образным кривым.

В первый раз, когда Стэн попытался выполнить это упражнение, стало ясно, что с прямым полетом он еще кое-как разобрался, но вот с поворотами... Вертолет задел, наверное, все столбы, какие только

попадались на пути. На четвертый раз Стэн задел всего штук пять или шесть. Масон поглядел на него молча, затем подал сигнал конца упражнения.

Стэн откинулся на сиденье.

Через минуту Масон уже посадил геликоптер там, где они начали этот тест. Он расстегнул ремни, и Стэн последовал его примеру. Пригибаясь под вращающимися лопастями, они отошли от вертолета.

— Это все, курсант,— с каменным выражением лица сказал Масон.— Возвращайтесь в казарму. Вам сообщат окончательный результат.

Дерьмо. Вот и каюк идеям императора о новой карьере его бывшего начальника охраны.

— Курсант!

Стэн остановился.

— Курсант, вы ведь раньше уже летали на вертолете?

И, искренне отрицая это несправедливое подозрение, Стэн почувствовал надежду, что все, быть может, еще кончится хорошо.

Глава 12

День спустя имя Стэна, как, впрочем, и имена Ш'аарл't, Бишопа и Лотора, появилось в списке под заголовком: «Первый этап. Приняты. Направлены в Императорскую летную школу».

На Втором этапе их будут учить летать.

Следовало бы, конечно, устроить вечеринку. Но все так устали, что было не до веселья. Из пятисот кандидатов мясорубку отбора прошло чуть более сорока.

Согласно армейскому фольклору, выпускной вечер должен был ознаменоваться грандиозным торжеством. Инструкторы, выкатывающие бочонки с пивом, и все такое. Вместо этого Ш'аарл't, Бишоп, Лотор и Стэн вместе раздавили по чашечке травяного чая и отправились паковать вещи. Им хотелось только одного — поскорее отсюда убраться. И подальше.

Возле гравитолетов, увозивших курсантов с базы, поджидали Феррари и Масон.

Опять-таки если верить фольклору, то с одной стороны следовало ожидать понимания, а с другой — одобрения. Но выражение на лице Масона оставалось точно таким же, как в самый первый день: казалось, ему до ужаса жаль, что кто-то все-таки сумел окончить курс. А на Стэна он и вовсе смотрел как на заклятого врага.

Впрочем, и Стэн глядел на него не дружелюбнее.

К черту прощение и понимание. Ему хотелось встретиться с Масоном в темной аллее за ангарами или где-нибудь еще, в не слишком людном месте. Уж он бы подарил ему парочку новых шрамов на память. Лучше всего поперек горла...

Название «Пограничные миры» предполагает какое-то географическое и политическое единство планет, разбросанных в пространстве между империей и Таанским союзом. Но вот единства-то как раз не было и в помине.

Это звездное скопление понемногу заселялось колонистами империи. Не радикалами и не искателями приключений, как, например, в Волчьих мирах; тут селились более простые и миролюбивые существа. Среди них значительную часть составляли отставные военные и бывшие государственные служащие, начинающие здесь вторую или даже третью карьеру. Другие намеревались начать тихую жизнь мелких торговцев или бизнесменов.

Но если среди них не было героических первопроходцев, то одновременно не было и всегда сопутствующих им негодяев. Во всяком случае, до тех пор, пока расширение Таанской империи не привело в Пограничные миры новых, таанских иммигрантов.

Правительства Пограничных миров вполне подходили своим жителям. Колонисты предпочитали парламентаризм — от слегка либерального до слегка авторитарного. Ну а раз будущие диктаторы искали счастья в других краях, вооруженные силы Пограничных миров представляли собой нечто среднее между таможенной службой и спасательной командой. Единственной объединяющей звездное скопление силой, и то экономической, обладало общее промышленно-торговое собрание, созывавшееся раз в пять лет. Короче говоря, отсталая провинциальная система, вполне довольная своей судьбой.

Пока не пришли таанцы.

Таанцы, иммигрирующие в Пограничные миры, пользовались полной поддержкой своих властей. Уровень рождаемости и политические амбиции таанцев требовали новых земель. Эти иммигранты были настоящими первопроходцами. И так как их общество всегда поощряло совместное ведение хозяйства, у них вскоре появились существенные преимущества перед первыми колонистами. Вот так ситуация и скатилась к откровенному насилию. В Пограничных мирах начались бунты и погромы.

Таанцам не разрешалось владеть большими участками земли. Они не имели права голоса. Их загоняли в гетто — наглухо закупоренные поселения, как в городах, так и в сельской местности.

Недовольство своих поселенцев искусно подогревало руководство Таанского союза, давно уже планирующего прибрать к рукам весь этот сектор. Что же касается вечной империи, то она словно и не замечала возникшей на ее рубежах проблемы. В конце концов, кому какое дело до всяких там провинциальных сложностей. А бунты, какими бы они ни были кровавыми, это все-таки не геноцид.

Имперские гарнизоны, расквартированные в Пограничных мирах, разъелись и обленились. Вместо того чтобы поддерживать мир,

они во всем соглашались с колонистами. Ведь таанцы и в самом деле были другими, а это значит «хуже».

Сравнительно недавно войну между империей и Тааном еще можно было предотвратить. Наиболее дальновидные таанские революционеры понимали, что в подобной схватке от них не останется даже мокрого места. Вот почему они в глубочайшей тайне послали на Прайм-Уорлд главу своей организации Годфри Алэна. Но он погиб во время покушения на императора. Переговоры между империей и мирной фракцией в Таанском Верховном совете тоже закончились кровопролитием.

Гром боевых барабанов и не думал стихать. Особенно в Пограничных мирах. Но никто в секторе не представлял, как мало осталось времени до глобальной войны.

Глава 14

Пыльный гравикар лениво тащился над проселочной дорогой. Давным-давно устаревшая модель: длинный коробчатый корпус с задним грузовым отсеком. Судя по тому, как он вздрагивал и скрипел, гравикар явно без передышки использовали с той самой секунды, как он вылетел за ворота завода.

Склонившийся над пультом управления мужчина с широким добродушным лицом выглядел таким же потрепанным, как и его машина. Широкие плечи распирали давно вышедший из моды костюм. Он что-то тихонько напевал себе под нос в ритм с чихающим маклиновским движком.

Торговец ехал спокойно и расслабленно, но глаза его, как у хищника, так и рыскали по сторонам.

Кругом лежали бедные, неплодородные земли, усыпанные камнями и поросшие согнутыми ветром деревцами. Казалось, еще немного, и весь этот край превратится в громадную чашу с пылью.

В течение дня торговец уже миновал с полдюжины крохотных ферм, принадлежащих иммигрантам с Таана. Он останавливался у каждой и, удостоверившись в крайней нищете владельцев, летел дальше. Ни на одной из этих ферм ни одно нормальное существо не попросит даже глотка воды. И не из-за враждебности местных жителей — вещи вполне реальной и более чем зримой. Просто если этот глоток и будет предложен, он запросто может оказаться последней водой, какая еще оставалась на ферме.

Но вот вдали торговец заметил какую-то зелень. Он чуть подправил курс и вскоре подлетел к большому и, похоже, не слишком бедному хозяйству. Земля здесь выглядела достаточно плодородной — не пух, но и не голый камень. Во все стороны протянулась густая сеть оросительных каналов. А посреди обработанных полей, у артезианского пруда, стояло большое обшарпанное здание. Несколько человек работали в поле на ржавых, скрипящих машинах.

Все так же напевая, торговец посадил свой гравикар рядом с загоном для скота. Он делал вид, что не замечает устремленных на него настороженных взглядов. Выбравшись из кабины, торговец беззаботно отошел к ближайшему кусту и облегчил мочевой пузырь. Затем лениво огляделся, прислонился к ограде и закурил. Он с интересом поглядывал на замерших на месте крестьян — один профи оценивает работу другого. Затем громко фыркнул.

— Неплохое местечко,— наконец сказал он.

Его голос прозвучал в той чуть повышенной интонации, с какой говорит любой фермер, обращаясь к соседу на другом конце поля. Навстречу пришельцу вышел пожилой таанец, и гость широко улыбнулся. Он подчеркнуто не обращал внимания на остальных фермеров, которые, подобрав оружие, обходили его со всех сторон.

— Вот уж не думал, что можно выращивать капусту в этих краях,— сказал торговец, когда пожилой таанец подошел совсем близко.— Хотя она и выглядит чуть вялой и желтоватой.

Таанец остановился по другую сторону ограды. Его сыновья и дочери уже окружили незваного гостя. Послышался звук спускаемых предохранителей.

— Следующий город примерно в сорока кликах,— мрачно сказал фермер.

Это было весьма прозрачное предложение сесть обратно в машину и валить отсюда подальше.

Торговец снова фыркнул:

— Угу. Я заметил по комп-карте. Вшивый городок какой-то.

— Что есть, то есть,— нехотя согласился таанец.— Следующее поселение имперцев будет через два, два с половиной дня пути.

— Раскусили меня, так? — засмеялся торговец.— Какого черта, я не стыжусь. Кроме того, я фермер, и другого гражданства мне не надо.

— Если ты фермер, то почему ты не на своем участке?

— Бросил после восьмидесяти лет,— ответил торговец.— Можно сказать, я в отставке. Но это не точно. Скорее, я поменял профессию.

Фермер огляделся, проверяя, где стоят его родичи. Потом осмотрел горизонт в поисках других имперцев.

— В самом деле?

Смерть дышала торговцу в затылок.

— Ну,— беззаботно ответил он.— Теперь торгую удобрениями. Мое собственное изобретение. Может, вас это заинтересует?

Фермер снова посмотрел на простиравшиеся капустные поля. Вдали он заметил черный выжженный участок — следы визита какой-нибудь бродячей банды колонистов-имперцев.

— Прямо скажем, увяданию это не поможет, но желтизну как корова языком слижет. Положитесь на мое слово.

— Мистер,— начал фермер,— вы или непроходимый дурак, или...

Торговец опять засмеялся.

— За мою жизнь меня обзывали и похуже, чем дураком.

— Послушайте, мистер. Вы имперец. Вы что, рехнулись — вот так заявляться к таанцам?

Приезжий пренебрежительно фыркнул.

— Дерьмо все это! Вы что, чертов политик? Единственное, что у меня общего с политиками, это товар. Мы продаем одно и то же, только от моих удобрений куда больше пользы. И они не прилипают к ботинкам.

Он повернулся к грузовому отсеку своего гравитолета. Опустившиеся было дула снова встрепенулись. Но торговец всего лишь вытащил из большой коробки несколько маленьких бутылочек. Одну он с самым невинным видом протянул старому фермеру.

— Моя визитная карточка.

Таанец с любопытством взял бутылочку. Он посмотрел на этикетку.

— Ян Махони,— сказал торговец, решив, что настало время представиться.— Лучший сидр и удобрения... Не стесняйтесь, попробуйте. Сварганил эту партию своими руками. Немного сыровато, но, в общем, ничего.

Фермер открыл бутылочку и понюхал. В нос ударил сладкий аромат свежих яблок. И резкий запах алкоголя.

— Обычный яблочный сидр,— пояснил Махони.— Семьдесят пять градусов или около того.

Фермер попробовал и аж крякнул. Классное пойло, что есть, то есть! Не колеблясь, таанец парой глотков прикончил бутылочку.

— Чертовски хороший сидр,— кивнул он.

Махони фыркнул.

— А посмотрели бы вы на мои удобрения. Никакой органики. Чистая сладкая химия. Супер для растений, и не надо волноваться, что ваши детки заполучат солитера... если, конечно, будут держаться подальше от скота.

Фермер улыбнулся, и Махони заметил, что таанцы вокруг опустили оружие.

— Скажите, мистер, у вас еще такой сидр есть?

— А то как же!

Снова оглушительно высморкавшись и почесав зад, генерал-майор Ян Махони полез в грузовой отсек за выпивкой.

Глава 15

Это был сельский трактир — большой, сверкающий чистотой, с намеренно открытыми взорам посетителей балками из дорогого натурального дерева. Гравикары, стоявшие у входа, выглядели новыми и явно стоили много-много кредиток. На километры вокруг раски-

нулись гладкие, ухоженные, наполненные влагой поля. Называлось это место трактир «Имперские силы».

«Чертовски подходящее название»,— подумал Махони, открывая дверь. Из зала донесся гул голосов.

— Грязные таанцы! По мне, так пусть полиция вычистит их отсюда всех до одного!

— Пошла эта полиция знаешь куда? Надо самим о себе позаботиться! Каждый лично должен шлепнуть своего гада. Я вам говорю, соберемся ночью и...

Махони вошел внутрь, и его появление ни в коей мере не осталось незамеченным. В трактире наступила тишина, как на кладбище в полночь.

Махони инстинктивно высморкался. Мысленно он проклинал себя за эту придуманную им привычку. Не глядя по сторонам, Ян подошел к стойке и присел на свободный стул.

— Одинарный и пиво,— сказал он бармену.

Вокруг каждое его слово ловилось с настороженным вниманием.

Бармен поставил перед Махони наполненную пивом кружку. Мгновение спустя рядом звякнул и стаканчик с выпивкой покрепче.

— Вы тут проездом? — небрежно спросил бармен.

— Ясное дело,— кивнул Махони.— Но сегодня я не спешу. Чертово похмелье.

Он сделал глоток пива и запил его содержимым стаканчика. Бармен наполнил стаканчик еще раз.

— Слишком веселая вечеринка?

— И не говорите,— простонал Махони.— Вчера я оказался у Макгрегоров. Вы знаете их участок... кликов тридцать отсюда.

Бармен и все остальные посетители дружно кивнули. Макгрегоров знали все.

— Они женили своего младшенького,— продолжал Махони. Это было уже не новостью.— Я появился там как раз к приему гостей. Такие милые люди. Мы сразу сошлись, и они пригласили меня остаться.— Он вытер платком покрасневший нос.— Ясное дело, им не пришлось долго меня уговаривать.

Махони почувствовал, что настороженность в зале пропала. Мгновение спустя трактир уже вновь заполнился гулом голосов. Бармен даже преподнес ему стаканчик за счет заведения.

Прихлебывая пиво, Ян поглядывал по сторонам — обычный посетитель, ищущий, с кем бы поболтать. Не прошло и минуты, как к нему подсел хорошо одетый мужчина.

— По виду, так вы связаны с торговлей,— начал он.

— Неужели уже заметно? — рассмеялся Махони.— Две трети жизни я тянул фермерскую лямку, а теперь, едва стал коммивояжером, меня спрашивают, не связан ли я с торговлей!.. Что ж, действительно связан. В некотором роде.

— Как это «в некотором роде»?

Махони сразу почувствовал симпатию к своему собеседнику. Он полез в карманы за брошюрами и рекламными проспектами.

— Я занимаюсь удобрениями. Посмотрите на этих красавцев. Дешево и сердито, и пригодится где угодно, начиная от огорода до чертовой фермы на хрен знает сколько акров.

Мужчина, похоже, искренне заинтересовался.

— Знаете, может, нам бы это и пригодилось.

— Только без обид,— пытливо посмотрел на него Махони из-под густых бровей.— На фермера-то вы не больно похожи.

— Без обид,— согласился мужчина.— Я занимаюсь всяким железом. Тридцать два магазина, и скоро станет еще больше.

— Слушайте, да вы же настоящий клад! Давайте я расскажу вам все подробнее.

И Махони начал свой, как он это называл, «номер танцующего медведя». Для этого потребовалось много выпивки и почти целый час времени. Постепенно слушателей становилось все больше, и вскоре Махони раздавал по кругу свои «визитные карточки».

Яну довелось побывать уже на одиннадцати планетах в стольких же звездных системах. Легенда прикрытия у него просто от зубов отскакивала. Теперь он понемногу подбирался к столице Пограничных миров — Кавите.

Махони выдавал себя за пожилого фермера, который всю свою жизнь обрабатывал большой плодородный участок земли на одной из сельскохозяйственных имперских планет. А еще он якобы вечно придумывал всякие штучки и с их помощью избавлялся от разных мелких неудобств.

Удобрения и в самом деле были коньком Махони. Он мог часами расписывать низкое качество и дороговизну обычных удобрений — что он частенько и делал, к ужасу своих гостей. Как бы там ни было, Махони-фермер изобрел новое растительное удобрение и на свои деньги даже организовал компанию по его производству.

Сейчас он работал своим собственным агентом по сбыту и, объезжая фермы, неустанно хвастался своим детищем. Даже самые подозрительные жители Пограничных миров успокаивались, когда Махони объяснял, что не просит у них денег. Ему достаточно разрешения прислать к ним одного из своих коммивояжеров.

Махони считал, что домашний сидр придает достоверность выбранному им образу. Как, впрочем, и его старческая болтовня, и знание всех фермерских мелочей, и способность до смерти наскучить практически кому угодно. Единственное, о чем он жалел, так это о привычке громко сморкаться. Раз начав, Махони уже не мог остановиться. Временами его охватывал ужас при мысли, что и вернувшись на Прайм-Уорлд, он все так же будет надрывать нос в этом кошмарном сморкании.

— Звучит совсем не дурно,— сказал владелец тридцати двух магазинов.— Правительство дало вам лицензию без проблем?

— Лицензию? — Махони фыркнул особо выразительно.— Правительство? За кого вы меня держите? Я что, похож на идиота? Черт возьми, да я всю жизнь проработал с проклятым правительством. Им только дай волю, они на край света пойдут, лишь бы разорить честного фермера.

Собравшиеся вокруг фермеры одобрительно заворчали.

— Кроме того, мне и жить-то осталось лет тридцать, не больше. Пока эти канцелярские крысы соблаговолят дать лицензию, я буду уже давно гнить в земле.

Против этого возразить было нечего.

— А как с транспортировкой? Были какие-нибудь сложности?

— Ну, я же пока ничего и не вез. Пока что я знакомлюсь с людьми, показываю свой товар. А что? Думаете, здесь могут быть проблемы?

И тут хозяина магазинов прорвало:

— Чтоб мне лопнуть, если не будет! Да у меня весь офис завален заказами. За наличные. И со всеми этими делами с таанцами я могу завтра вылететь в трубу!

Он начал жаловаться на непоступающие грузы и на нестабильную обстановку. Его поддержали другие, и вскоре беседа стала общей.

Махони слушал о хитрых ленивых таанцах, о нападениях на таанские участки и об их контратаках. Ему рассказывали о практически парализованной экономике, о беспомощной полиции и более чем беспомощных имперских войсках. Он услышал и о загадочных огнях над коммунами таанцев, и подозрения о расположенных там складах оружия и регулярных частях армии Таана, якобы готовых поддержать своих мерзких сородичей.

Сами имперцы, разумеется, были совершенно ни при чем. Они старались восстановить мир. Да что там, все они пошли на жертвы — на собственные деньги купили оружие для защиты своих ферм и имперской собственности.

По мере их рассказа лицо Махони становилось все мрачнее и мрачнее. Внешне он целиком и полностью соглашался с возмущением фермеров. К тому времени, когда трактир опустел, Ян мог бы уже написать большой и весьма подробный рапорт.

А еще он начинал понимать, что положение дел в разведке куда хуже, чем докладывали императору. Подразделение «Меркурий» предоставляло информацию, совершенно ничем не походившую на правду. В Пограничных мирах разведка была скомпрометирована, коррумпирована и, по сути, прекратила существовать.

Этого с лихвой хватило бы для того, чтобы добрый ирландец бросил пить.

— ...И тогда мы сказали этому имперскому куску дерьма, чтобы он засунул свои налоги туда, куда не светит солнце, и убирался к чертовой матери с нашей земли.

Высокая и крупная женщина, таанка, зашлась от хохота и одобрительно стукнула Махони по спине.

— Иначе с ними нельзя,— добавила она и пьяно рыгнула.— Сворачиваем здесь.

Махони последовал ее совету, и вскоре они выбрались на вершину маленького холма. Впереди светились огни большой общественной фермы таанцев, которой как раз и руководила спутница Махони. Они познакомились у местного колодца. За обильными возлияниями пива, сдобренного яблочным сидром, решительная таанка и Махони быстро стали друзьями.

Махони охотно принял предложение Фреды провести пару дней на ее ферме — «посмотреть, что и как мы делаем». Она уверяла своего нового знакомого, что ему это будет интересно. В своем интересе Махони как раз и не сомневался. Он ведь оказался здесь совсем не случайно. Смутные слухи и намеки, подслушанные им в дюжинах баров, привели его в эти края.

Даже ночью ферма выглядела весьма внушительно. Когда они подошли ближе, Махони увидел большие стальные бараки, окруженные пренеприятнейшей, острой как бритва проволокой. А еще он заметил весьма совершенную охранную систему.

У входа их остановили два вооруженных до зубов фермера. Фреда приветствовала часовых дружескими непристойными шуточками.

— Что это за тип с тобой, босс? — спросил один из них.

— Мой приятель,— ответила Фреда.— Торговец. Очень хороший человек. Классно пьет. Любого под стол загонит, кроме разве что меня.

Часовые засмеялись. Насколько Махони понимал, Фреда славилась своей любовью выпить. И похоже, не без оснований. Махони за вечер тайком израсходовал половину своего запаса отрезвляющих таблеток, и то сейчас он едва держался на ногах.

— Я уложу его у себя,— продолжала Фреда.— Хорошо, если утром кто-нибудь из вас покажет ему наше хозяйство.

— А что бы вы хотели посмотреть, мистер? — подозрительно спросил один из таанцев.

Может, Фреда здесь и самая главная, но сейчас она под хмельком, и потому не стоит особо полагаться на ее ручательство. Так, во всяком случае, показалось Махони.

— Есть у вас тут свиньи? — спросил он.

— Конечно, у нас есть свиньи. Что мы тут — лаптем щи хлебаем?

— Да нет,— фыркнул Махони.— Просто у меня слабость к свинкам. Изучал их всю жизнь. Я могу целый роман написать о свиньях.

— И поговорить о них он тоже любит,— вставила Фреда.— Все уши прожужжал своими поросятами, прежде чем мне удалось его напоить и переключить на другую тему.

Часовые расслабились. Посмеиваясь в кулаки, они пропустили гравикар за ворота.

Махони проснулся от яркого солнечного света, бившего прямо в зарешеченное окно комнаты. Снаружи доносились отрывистые короткие крики. Несмотря на таблетки, после вчерашнего развлечения упрямо болела голова — ему пришлось чуть не всю ночь скрипеть матрасом с Фредой.

С улицы снова послышались крики. Звучали они, надо сказать, несколько странно. Больше всего похоже на команды... Привычно высморкавшись, Махони встал с постели и начал одеваться. «Сейчас поглядим, Ян, с чем едят этих таанцев».

Махони выглянул из барака Фреды, и то, что он увидел, заставило его даже присвистнуть от изумления.

Несколько фермеров гоняли двадцать с лишним подростков по вполне военного вида полосе препятствий. «Охо-хо, Махони, мой друг. Охо, черт побери, хо...»

Подойдя к одному из таанцев, Махони долго наблюдал за успехами молодых парней. Стоило только одному из них замешкаться, как на него обрушивался целый шквал отборнейшей ругани.

— Что вы тут делаете, приятель? — спросил Махони.

— Вы вроде тот торговец, что остановился у Фреды? — покосился на него таанец.

Махони кивнул.

— А отвечая на ваш вопрос, мистер,— мы тут решили немного поразмять молодежь. Пусть-ка порастрясут жирок.

«Понятно»,— подумал Махони.

— Отличная мысль,— согласился он.— Молодежь нынче ленивая, как черт знает что. Лишний пинок под зад ей не повредит.— Он посмотрел на стенку из скрученной колючей проволоки.— А это что за штуковина?

— Это? Это еж. Примерно такой же, как и вокруг нашего поселка.

Махони едва не выдал себя. «Значит, ты называешь это "ежом", приятель?» Теперь Махони знал наверняка: стоявший рядом с ним таанец — такой же бедный фермер, как из свиньи балерина. Это профессиональный солдат, присланный сюда тренировать молодое пушечное мясо для грядущей бойни.

— Небось чертовски противная штука,— заметил Махони, в шутку потирая якобы уколотый зад.

Таанец расхохотался.

— Штаны-то, мистер, всегда можно зашить,— сквозь смех сказал он.

Следующие пару дней Махони лениво бродил по ферме, между прочим весьма процветающей даже по меркам имперских поселенцев. Он заводил новых друзей, болтал ни о чем и отлично питался на коммунальной кухне.

Кроме того солдата, с которым Махони познакомился в самый первый день, Яну встретились еще двое военных. Все остальные, похоже, были теми, за кого себя выдавали. Здесь жили несколько сотен привыкших к тяжелому труду фермеров-таанцев, которые, устав от вечной нищеты, объединили свои усилия и все-таки добились успеха.

Судя по разговорам за столом, этот их успех не больно-то нравился окрестным имперским фермерам. На поселение таанцев не раз нападали, и порой довольно крупными силами.

Махони прекрасно понимал, почему фермеры так легко попались на удочку таанской военщины. Теперь они могли себя защитить. Кроме того, фермеры понимали, что им тут все равно не жить. Рано или поздно их заставят покинуть эти края, а солдаты наверняка обещали помочь с эвакуацией.

На самом же деле, и Махони в этом ни секунды не сомневался, в один прекрасный день боевые корабли таанцев с ревом возникнут в голубом небе, и фермеры, все как один, поднимутся на помощь своим братьям по крови.

Имея за спиной горький опыт, Махони понимал, что все эти крестьяне, их жены и дети станут всего лишь живым щитом для кадровых воинских частей. Разве он сам, в дни службы в подразделении богомолов, поступил бы иначе?

Фермеры предоставили Махони полную свободу. Ему позволялось бродить где угодно, за исключением одного-единственного места. Стоило гостю только приблизиться к зерновому колодцу, расположенному в полуклике от свинарника, как его тут же заворачивали прочь.

В этом поселении фабричного производства зернохранилище выглядело несколько неуместно. Казалось сомнительным, чтобы с трудом сводящие концы с концами таанцы вдруг решились на такое дорогостоящее строительство. Да и зачем им подобная громадина?

В первый раз Махони спросил про подземный склад просто так, для порядка. На самом деле тот интересовал его, как прошлогодний снег.

— А, это...— протянул его проводник.— Просто колодец для хранения зерна. Ничего нового. Вам это будет совсем неинтересно. А те-

перь я покажу вам наши инкубаторы. Бьюсь об заклад, вы никогда не видели столько вылупляющихся птенцов зараз.

Тааанцы не торговали птицей. Вся продукция птицефермы шла на стол. А раз так, то как мог полудохлый инкубатор порадовать взор отставного фермера?

И все-таки что там такое с этим зернохранилищем? Махони невзначай еще разок задал этот вопрос. И снова его собеседник перевел разговор на другую тему.

«Ян,— сам себе сказал Махони,— пора тебе рискнуть своим толстым ирландским задом».

В последнюю ночь своего пребывания на ферме он выскользнул из комнаты и, словно тень, прокрался мимо полосы препятствий и свинарников. Это было проще простого. По дороге к зернохранилищу засек часового — тот громко храпел в своем укрытии. Дисциплина у тааанцев ни к черту.

Обойдя часового, Махони проник в колодец. Единственной охранной системой был примитивный нюхач, без труда блокированный Махони.

Колодец оказался подозрительно пуст — всего несколько тонн зерна. Учитывая переполненные амбары на поверхности, тут могло бы лежать и побольше.

Сотрудник отряда богомолов нашел бы тайник за несколько минут. Махони понадобилось немного больше, стоило как следует осветить фонарем бункер. В одном из углов валялся старый ломаный черпак. Что он здесь делает? Черпать тут нечего, а ремонтный цех находится совсем в другом месте. Черпак был весь ржавый, за исключением сустава одной ноги, блестевшей свежей смазкой. Махони немного покрутил свою находку и даже подпрыгнул, когда кусок пола с шипением отъехал в сторону.

Под черпаком находился огромный зал площадью едва ли не больше, чем все зернохранилище. В нем аккуратными штабелями стояли ящики с оружием — всяким-превсяким, какое только может пригодиться солдату на поле боя. Обычный фермер, без специальной подготовки, и не догадается, с какого конца браться за многие из этих игрушек. Это были штучки для профессионалов.

И тут у себя за спиной Махони услышал какой-то шорох. Крысы? Какие могут быть крысы в суперсовременном зернохранилище?

Махони отпрыгнул в сторону, и удар тяжелого молота лишь разрезал воздух рядом с его головой. Кувырок вправо, потом влево и снова на ноги. Что-то тяжелое и острое обрушилось на пол. Мимо.

Выхватив крохотную бластер-гранату, Махони швырнул ее в маячащую в полумраке черную тень. И тут же рухнул на пол, прикрыв голову руками. Мгновение спустя бункер озарился короткой, почти невидимой вспышкой.

Лишь через несколько секунд Махони сумел подняться на ноги. И попытался понять, что же произошло. Бластер-граната вызывала временной взрыв, стиравший у жертв память о последних нескольких часах. Успевший прикрыться Махони, по его оценке, потерял всего несколько секунд.

Оглядевшись по сторонам, он увидел лежащего рядом мужчину — того самого солдата, который спал на посту. Похоже, здесь была вторая, не замеченная Махони, охранная система.

Махони нашел и быстро разрядил сработавшую сигнализацию. Затем оттащил мирно дрыхнущего часового обратно в его кусты, вновь активировал обе системы охраны и спокойно вернулся в кровать.

Утром Махони громко и весело попрощался со своими новыми друзьями. Он роздал подарки, обменялся рукопожатиями и поцелуями — там, где они были уместны. Заспанному солдату он подарил лишнюю бутылочку сидра, и тот, широко улыбаясь, хлопнул Махони по плечу и пригласил заезжать еще.

Солдат, между прочим, был совершенно искренен.

Глава 17

— Я скажу вам, как решить проблему таанцев,— произнес фермер,— и для этого нам не нужно никакое чертово правительство.

Фермер был крепким мужчиной с округлым животиком и мягкими белыми руками. Его участок размерами во много раз превышал земли коллективной фермы таанцев, на которой недавно побывал Махони, и, насколько Ян мог судить, фермер этот все свое время проводил, играя с цифрами на компьютере или на совещаниях со своими банкирами.

Махони изобразил на лице живой интерес.

Они сидели за обеденным столом: сам фермер, его полная розовощекая жена и целый табун несносных детей. Один из них как раз пытался привлечь к себе внимание Махони, стуча по его руке измазанной в подливке ложкой.

— Подожди, сынок,— остановил его Ян.— Я хочу послушать, что скажет твой папа.

«Маленький поганец,— подумал он.— Только попробуй еще раз ткнуть в меня этой гадостью, и я сверну тебе шею».

— Ну так как же нам быть с таанцами? — спросил он у фермера.— Это вопрос, который многим из нас не дает покоя.

— Чертовски верно сказано, мистер,— кивнул фермер.— Все таанцы говно. От них, черт возьми, просто нет житья.

— Милый, ну пожалуйста,— укоризненно вставила жена.— Здесь же дети.— Она повернулась к Махони.— Надеюсь, вы извините моего мужа. Порой он позволяет себе такие некрасивые выражения...

— Я слышал и похуже,— понимающе улыбнулся Махони.

— Я тоже,— улыбнулась женщина.— Если бы вам пришлось жить с этими таанцами, вы бы поняли, почему мой муж так разволновался. Они и в самом деле...— Она наклонилась к Махони.— Действительно другие.

— Могу себе представить,— кивнул Махони.

С бокалом отличного портвейна в руках, он поудобнее уселся в кресле послушать излагающего свои идеи фермера. У самого кровожадного тирана кровь бы застыла в жилах от подобных предложений.

Махони отлично знал, что он сообщит вечному императору. Но как это подать? Где тут герои и где негодяи?

— Если можно, еще капельку вашего замечательного портвейна.

Глава 18

Второй этап летной школы стартовал в глубоком космосе. Стэн и все остальные существа его нового взвода, к которым теперь, вне зависимости от пола и внешнего вида, обращались «мистер», начали полеты с надутых пузырей космотакси.

«Учитесь... Учитесь задницей чувствовать, куда надо приложить силу. Поймите, когда следует тормозить. Научитесь рассчитывать орбиту от точки "А" до видимой на экране радара точки "В". Научились? Сделайте это еще раз».

Когда курсанты набили руку в пилотировании такси, их пересадили на настоящие корабли. И снова учеба, снова в космосе. Теперь им предстояло освоить вторичный двигатель — Юкаву-драйв.

Курсанты набирались опыта, и задания становились все сложнее. Корабль, летящий на АМ-2, разумеется, не может обойтись без сложнейшей математики. Несмотря на сомнения в своих способностях, Стэн держался довольно неплохо. Порой ему еще приходилось прибегать к помощи Бишопа, но в основном дела шли весьма бойко. Благодаря одному большому преимуществу — Стэна никак нельзя было назвать новичком. За время службы в отряде богомолов он с лихвой повидал настоящего боя, начиная от массированных десантов и кончая одиночными вылазками и сражениями кораблей. У него накопилась чертова пропасть боевого опыта, который позволял ему без труда переводить абстрактные примеры в реальные астероиды, с которыми лучше не сталкиваться.

С другой стороны, опыт Стэна временами ставил его в весьма неудобное положение.

Второй этап отличался от Первого тем, что здесь инструкторы на словах так и мечтали довести своих курсантов до конца курса. Если бы!..

К сожалению, преподававшаяся курсантам тактика во многом была чисто теоретической. Инструкторы, которые ее читали, сами никогда не вели корабли в бой или же были и вовсе призваны из резерва.

Стэн знал, что многое из того, чему их учили, было верным способом отправиться на тот свет. Знал на своем собственном опыте. Об остальном оставалось только гадать. Может, и там такая же чушь?

Подобное исследование могло бы послужить прекрасной темой для дипломной работы, но из всех курсантов только Стэн и Бишоп могли бы ее выполнить. Их не имевшие боевого опыта друзья по курсу видели в этом только лишний повод поругать инструкторов.

Тем временем начиналось самое трудное: посадки, взлеты, маневры на планетах с самыми разными атмосферами, климатом и силой тяжести. Пока что со всего курса отчислили всего дюжину курсантов, да еще трое погибли. Но теперь тренировки становились по-настоящему опасными.

У Лотора была одна дурная привычка, и она стоила ему жизни. Весьма одаренный пилот, он занимал далеко не последнее место в классной «табели о рангах». Его недостаток, как потом узнал Стэн, был довольно типичен.

Лотор полагал, что полет завершен, когда его корабль заходил на посадку. Сколько раз Ш'аарл't повторяла ему старую шутку, что полет заканчивается, только когда ты рассказываешь о нем в баре за второй кружкой пива.

В дни, когда миры вовсю пользовались антигравами, недостаток Лотора не казался таким уж серьезным. Он наверняка мог бы хоть до посинения безаварийно летать на частных судах или даже на пассажирских линиях.

Но военная школа тренировала пилотов для любых чрезвычайных ситуаций.

Задание: высадить боевой отряд на мир, практически лишенный атмосферы. Местность высадки представляет собой чашу пылеобразного силикона глубиной до двадцати метров. Из пыли торчат острые скалы.

Дополнительные требования: отряд следует высадить скрытно. Посадка «на Юкаве» встревожит пыль, поднимет облако, которое будет оседать много-много часов; кроме того, посадить корабль надо так, чтобы не оставить ни малейшего следа.

Решение: зависнуть на высоте пятидесяти метров от поверхности. Отключить Юкаву-драйв и перейти на генераторы Маклина. Спустившись почти до самой почвы, высадить боевой отряд.

Инструктор дал задание Лотору. Тот проанализировал требования и нашел верное решение.

Они вдвоем полетели проводить «десант». Им был выделен легкий штурмовой бот класса «коннор» с дельтовидными крыльями.

Курс летной подготовки не только учил действовать в чрезвычайных ситуациях, он еще иногда и заставлял курсантов летать на не самых подходящих для выполнения задания кораблях. С таким подходом Стэн был согласен целиком и полностью. Он на своей шкуре узнал, что, когда тебе до зарезу нужна отвертка, за нее сойдут и клещи.

Но широкие крылья оказались последней каплей.

Лотор подлетел к нужному месту и отключил Юкаву. Бот упал на метр, и он поймал его на генераторы Маклина. Медленно уменьшая нагрузку, Лотор плавно спускался к «земле». Сложность работы с антигравитационным экраном в первую очередь заключается в том, что «низ» всегда направлен к генератору и никак не связан с «верхом» и «низом» за бортом. Корабль Лотора имел в высоту около трех метров и, как ему казалось, спускался достаточно вертикально. Но когда он перевел рукоять генератора на «ноль», бот снова упал. Совсем чуть-чуть, однако одно из длинных крыльев ударилось о камень. Бот опрокинулся.

Согласно дистанционной записи, в этот момент инструктор врубил маклиновские движки на полную. Лотор тоже понял, что он в чем-то здорово ошибся, и включил Юкаву. К этому времени корабль уже практически развернуло боком. Удар мощных двигателей в сочетании с давлением маклинов погнал бот кувырком.

Дальнейшее скрыла поднявшаяся столбом пыль. Удалось разглядеть лишь красную вспышку, когда скальные пики, словно консервную банку, вспороли кабину кораблика.

Пыль оседала почти целый планетарный день. Спасательные отряды искали тела, но ничего так и не нашли.

Стэн, Ш'аарл'т и Бишоп, поминая своего товарища, пытались перепробовать все те сорта пива, которые Лотору уже не суждено было выпить.

Глава 19

Погибали и другие. Кто по глупости, кто по случайности. Остальные на опыте познавали то, что Стэн уже знал и так. Сколько ни горюй, а мертвых не воскресить. Жизнь и летная школа идут дальше.

Казарма Второго этапа обучения была далеко не такой комфортабельной, как на Первом. Но зато выдавались увольнительные, и менее напряженный распорядок дня оставлял все-таки курсантам немного времени на личные дела. И на разговоры.

Самой популярной темой стало: «Что будет дальше?» Однокашники Стэна просто помешались на этом вопросе. Каждый из них, разумеется, молчаливо предполагал, что он таки закончит благополучно весь курс обучения.

Но особенно их занимал вопрос: «Что будет дальше со Стэном?» Большинство курсантов или только что начали службу, или носили

гордое звание рядовых. С ними все было ясно: по окончании школы они станут унтер-офицерами или лейтенантами. Но Стэн уже имел офицерский чин, причем совсем не маленький. Что во флоте сделают с бывшим офицером-армейцем?

— Наш Стэн попал в беду,— рассуждала Ш'аарл'т.— Капитан должен командовать по меньшей мере эсминцем. Однако никто не доверит эсминец пилоту без летного опыта. Значит, подобное назначение нашему Стэну не светит.

Вместо ответа Стэн открыл очередную банку с пивом об один из клыков Ш'аарл'т.

— Это все гордыня виновата,— подхватил Бишоп.— Капитан Стэн услышал, что отставные адмиралы устраиваются лучше, чем армейские калеки. Вот он и переметнулся во флот... Ваша песенка спета, капитан. Я вижу это яснее ясного. Вы станете первым допущенным к полетам командиром детского сада какой-нибудь военной базы.

— Болтайте, болтайте,— кипел от гнева Стэн.— Я всегда считал, что и младшим офицерам тоже надо иногда давать слово. Только помните — в день выпуска я желаю видеть, как вы отдаете честь. И четко! Всеми восемью ногами!

Стэн обнаружил у себя талант, о существовании которого он раньше даже и не подозревал. Эту способность можно было назвать автоматическим пространственным восприятием. То же самое интуитивное ощущение окружения, не дававшее Стэну в темноте наталкиваться на столы и стулья, теперь распространилось на весь пилотируемый им корабль. Каким-то непонятным образом он без всяких сенсоров знал, где именно находится нос его судна и на сколько в каждую сторону протянулись, если таковые имелись, атмосферные крылья.

Стэн никогда не задевал стен ангаров при взлете и посадке. Но однажды он убедился, что и у его нового таланта есть свои пределы.

Они как раз тренировались в пилотировании тяжелых штурмовых транспортов — громадных мастодонтов, используемых при атаке планет. Больше всего этот корабль напоминал торговый грузовик с неестественно раздутыми носом и кормой. У Стэна он вызывал искреннее отвращение. То, что контрольная рубка была зарыта где-то в глубине судна, ничуть не улучшало ситуацию. Но делать нечего, и, пряча недовольство, Стэн послушно гонял транспорт по предписанным орбитам.

В конце дня всем курсантам предстояло завести свои корабли в док. Маневр был предельно прост: поднять транспорт на антиграве, дать реверс и ввести бронированную громадину в соответственно огромный ангар. В рубке хватало экранов заднего вида, да и в самом ангаре вовсю работал робот — указатель курса.

Но Стэн, непонятно как, ухитрился потерять ориентировку. А империя потеряла ангар.

Медленно и величественно транспорт врезался в стенку. Так же медленно и не менее величественно крыша рухнула на корабль Стэна. Тяжело бронированный транспорт, разумеется, ничуть не пострадал. Стэну же пришлось шесть часов просидеть в рубке в ожидании, пока разберут созданные им завалы. И все это время он слушал красочные рассуждения пилота-инструктора о своих способностях к пилотажу. Ну а уж друзья по взводу позаботились, чтобы Стэн не скоро забыл об этом маленьком происшествии.

Глава 20

Стэн обожал незатейливые такшипы. В этом он расходился с большинством однокашников. Такшипы — от одноместных до больших с экипажем в добрых двадцать существ — были многоцелевыми кораблями. Их использовали и для разведки на короткие расстояния, и для быстрых, как молния, атак, и для ударов по наземным целям, а в случае крупномасштабного сражения — как первую линию и атаки, и обороны. Короче, именно для тех заданий, которые Стэну нравились больше всего.

Это, разумеется, не объясняло, почему он полюбил такшипы. Ну что в них хорошего? По сути, просто оружейные платформы с мощными двигателями и потрясающей, не всегда в лучшую сторону, маневренностью.

Корабль можно проектировать по-разному. Но так или иначе неизбежны компромиссы. Раз в вопросе о скорости/маневренности/вооружении мы заняли принципиальную бескомпромиссную позицию, значит, нам придется начисто отказаться от таких понятий, как броня и комфорт экипажа.

Стэн обожал входить на такшипе в атмосферу, играя на управлении, переключаться с АМ-2 на Юкаву, пикировать с воем до самой земли и выходить из пике в последний момент. Ему нравилось висеть в пространстве и, осторожно маневрируя, незаметно подкрадываться к громадному крейсеру, нажимать кнопку «ПУСК» и видеть, как «вражеский» корабль «взрывается» на экране радара. Он любил, скрываясь от ищущих добычу эсминцев, прятать свой маленький кораблик в самые невероятные укрытия.

Его друзья хотя и получали удовольствие от таких «забав», полагали, что служба на такшипах — верный способ сделать очень короткую, хотя, вполне возможно, и яркую карьеру.

— Какого черта, ты думаешь, я поступил в летную школу? — спрашивал у Стэна Бишоп.— После третьей высадки с гвардией я понял, что эти ублюдки хотят меня прикончить. Я имею в виду ублюдков на нашей стороне. Вы долго соображаете, капитан. Ничего удивительного, что вы стали чертовым офицером.

Стэн, как оказалось, любил такшипы даже слишком. За несколько недель до выпуска он сдал тесты начальнику школы и дюжине старших инструкторов. Где-то на полпути Стэна осенило — его хотели сделать инструктором.

Стэн даже позеленел от страха. Он мечтал остаться в тылу не больше, чем превратиться в гомосексуалиста. Но его желания не спрашивали. В первый раз Бишоп и Ш'аарл't не издевались, а сочувствовали товарищу. Стать чертовым инструктором — это, конечно, не смерть, но и не многим лучше.

Опасения Стэна оказались вполне обоснованными. Его и в самом деле выбрали на пост инструктора в летной школе. Вышел даже соответствующий приказ.

Но этот приказ каким-то образом затерялся, так и не дойдя до Стэна. На его счет были получены иные, вполне конкретные указания — как говорилось в сопроводительном письме, с «самого высокого уровня».

Начальник школы протестовал. Протестовал до тех пор, пока кто-то не подсказал ему, что этот «высокий уровень» находится не где-нибудь, а на Прайм-Уорлде.

«Главное отличие армии и флота,— думал Стэн,— в том, что во флоте все значительно вежливее». Армейский приказ хватал за шиворот и указывал, где и когда надо быть и что там делать. А приказ во флоте... Совсем другое дело!

Вас, капитана третьего ранга Стэна, просят и вам приказывают, по воле вечного императора, принять на себя командование так-дивизионом Y47L, в настоящий момент готовящимся к выходу в имперском порту Соуард.

Далее, вас просят и вам приказывают вместе с означенным так-дивизионом Y47L проследовать для несения службы в систему Калтор. Вам надлежит доложиться и служить под командованием адмирала флота К. Р. Ван Дурмана.

Подробные инструкции будут переданы вам позже.

Спасен.

Стэн задержался лишь для того, чтобы узнать о системе Калтор. Она принадлежала к Пограничным мирам, а это значило, что от нее рукой подать до таанцев. Там уж не придется прозябать в бездействии.

Прыгая от радости, Стэн отправился на поиски своих друзей. Он собирался поцеловать Ш'аарл't.

Черт побери, он был так счастлив, что готов был расцеловать даже Бишопа.

Выпуск Второго этапа совсем не походил на выпуск после отбора. Бывшие курсанты закинули главного инструктора школы в фонтан. Когда начальник школы начал протестовать, они и его засунули туда же.

Сидя по горло в воде, два пожилых офицера со скукой глядели на разыгравшееся вокруг буйство. Наконец начальник школы повернулся к главному инструктору:

— Столько лет, а они все не могут придумать ничего оригинальнее, чем забросить нас в этот фонтан.

Инструктор ничего не ответил. Он с мрачным видом выкручивал свою фуражку.

Ш'аарл't, Бишоп и Стэн наскоро попрощались. Они поклялись писать друг другу, раз в год обязательно встречаться, ну и все такое прочее, что разумные существа при расставании обещают и никогда не делают.

Ш'аарл't все еще ждала распределения. Бишоп уже дождался своего — водить громадный безоружный транспорт из одной всеми забытой, а следовательно, и мирной системы в другую. Стэн мог только гадать, увидит ли он еще когда-нибудь своих друзей.

Глава 21

Без шума и помпы, без всяких пышных церемоний, леди Этего перенесла свой командный пункт с линкора «Форез» на крошечную «Занию».

За долгую службу в Таанском военном флоте адмирал Деска имел возможность хорошо изучить леди Этего. Она не любила построений и парадов и требовала только одного: чтобы ее приказы выполнялись быстро, точно и беспрекословно. Тех же, кто подводил леди Этего, ждала самая незавидная участь. Несмотря на свои размеры, «Зания», как и остальные корабли ее класса, являла собой настоящее чудо таанской технологии. Проектирование и разработка таких судов обошлись бы проектным бюро имперского флота в приличную часть их бюджета.

«Зания» предназначалась для самой современной минной войны — того самого типа боевых действий, которому имперский флот не уделял особого внимания. Возможно, дело было в том, что империи уже давно не приходилось сражаться с противником, равным ей по силе. Даже жестокие Муэллеровские войны и те по масштабам протянувшейся на сотни тысяч парсеков империи представлялись всего лишь стычками местного масштаба.

Что касается мин, то ими пользовались при позиционной войне. Например, чтобы загородить проход кораблям противника или обе-

зопасить свою оборону. Еще ими можно было нарушить нормальные полеты по традиционно используемым врагом маршрутам. Что же касается военной стратегии, то здесь мины казались оружием не очень-то и важным.

Другая причина слабого интереса имперского флота к минам крылась в их «неромантичности». Простая мина представляла собой кусок металла, уныло болтающийся в пространстве, пока что-то не заставит его взорваться. Обычно это происходило — если происходило вообще — много позже того, как тральщик установил мину на место. Минеры не носили длинных белых шарфов и не получали щедрых наград за несравненный героизм, хотя мины — на земле, на воде и в космосе — оставались самым смертоносным и самым экономичным способом уничтожения вражеских сил.

Таанцев куда меньше волновала «красота» боя, чем его итог. Они стремились победить. Любой ценой. И «Зании» предстояло стать одним из ключиков к этой победе.

«Зания» умела устанавливать мины с невероятной быстротой. И не простые мины, а самые современные, каких еще не знала история космических сражений. Сделанные таанцами мины представляли собой торпеды с атомным зарядом, мгновенно чувствующие появление поблизости любого корабля. «Дружественное» судно передавало специальный код «свой — чужой». Считав его, мина оставалась в бездействии. Если же замеченный корабль не передавал кода или же код оказывался неверным, реакция была совсем иной: все остальные мины в пределах досягаемости активизировались и, включив двигатели, устремлялись на вражеский корабль. В минном поле, насчитывающем тысячи мин, спастись не смог бы даже самый могучий крейсер или линкор.

Попутно таанцы решили еще одну проблему. Война в космосе не стоит на месте. Даже когда позиции сторон четко определены, свое собственное минное поле может помешать атаке или, скажем, отступлению, пусть мина и определяет идущие корабли как «свои». Врезаться на приличной скорости в кусок металла не менее губительно, чем подорваться на атомном заряде.

«Зания» умела собирать мины почти так же быстро, как она их устанавливала. Это открывало любопытные возможности в создании и перестройке минных полей на поле боя. Теоретически. На практике кораблям подобного класса еще только предстояло пройти последние испытания. Таанцы спешили, но авария следовала за аварией, и каждая стоила жизни и очередному кораблю, и его экипажу. Деска не сомневался, что наконец-то им удалось разобраться со всеми проблемами. Он был уверен в успехе, но все-таки не настолько, чтобы рисковать жизнью леди Этего. Адмирал объяснил это своему командиру, она внимательно выслушала все его доводы, а потом, немного подумав, приказала созвать команду.

Экипаж маленького кораблика собрался в кают-компании. Дождавшись, пока все заняли свои места, леди Этего начала речь.

— Сегодня,— сказала она,— мы должны доказать ценность «Зании» для нашего флота. От успеха зависит многое. Вы это понимаете?

Никто не произнес ни слова. Экипаж даже не дышал.

— Предыдущие испытания окончились неудовлетворительно. Потому-то я сегодня с вами. Если вы погибнете, погибну и я. А значит, вы должны постараться. Выполняйте свои обязанности как можно тщательнее, и мы добьемся успеха.

Леди Этего оглядела зал холодным, ничего не выражающим взглядом.

— Я могла бы об этом и не говорить, но если и сегодня мины не сработают как положено, нам лучше погибнуть вместе с кораблем.

Она щелчком сбросила со стола воображаемую крошку. Экипаж мог быть свободен.

Управляемый роботом такшип на полной скорости несся к «Зании». Между ним и тральщиком располагались несколько недавно созданных мин. Леди Этего, стоя за пультом управления, внимательно следила за полетом.

— Положение.

— Все мины распознали корабль как «свой».

— Измените опознавательный код.

Капли пота выступили на лбу оператора. До сих пор все аварии происходили именно в этот момент. В прошлых испытаниях при изменении С-Ч кода мины или отказывались атаковать противника, или же нападали на все без исключения корабли в радиусе своего действия.

На сей раз едва контрольные приборы показали изменение статуса такшипа, как шесть мин уже устремились в атаку. Робот открыл огонь антикорабельными ракетами. Две мины взорвались. Третья разворотила ему обшивку. Остальные, обследовав обломки, вернулись на свои места.

— Мины как-нибудь отреагировали на создаваемые роботом электронные помехи? — спросила леди Этего.

Оператор сверился с данными на мониторе.

— Нет. После опознавания все сообщения с вражеского корабля игнорировались.

Леди Этего повернулась к адмиралу Деске. Она позволила себе на миллиметр приподнять одну идеально очерченную бровь.

— Адмирал, можете сообщить совету, что мы запускаем мины в серийное производство.

Час спустя «Форез» снова стал флагманом. Леди Этего вернулась к звездным картам и боевым планам.

Глава 22

Стэн, капитан без кораблей, высадился на Кавите, центральном мире системы Калтор.

Среди недостатков такшипов следовало отметить их малую дальность действия. Кроме того, их нежные двигатели требовали куда более тщательного ухода, чем движки большинства других кораблей. Вот почему четыре такшипа, отданные под командование Стэна, сейчас тащились где-то между Кавите и Соуардом в трюме тихоходного транспорта.

Сам Стэн прибыл на место службы на пассажирском лайнере. Лететь ему пришлось около месяца, и часть этого времени Стэн уделил краткому, но тщательному изучению планеты, на которой ему предстояло работать.

Диаметр Кавите был на треть меньше, чем у Прайм-Уорлда, и народу на нем обитало совсем немного. Промышленности практически не было — в основном экономика базировалась на сельском хозяйстве. Из других промыслов отмечались рыбная ловля и лесозаготовка. Климат не сильно разнился от климата Прайма — весьма умеренный. Лишь снег выпадал чуть чаще.

Все остальное время Стэн изучал схемы, описания и проекции своих новых чад. Он вел себя словно влюбленный перед первым свиданием. И неважно, что пока весь его отряд состоял из четырех новеньких такшипов. Команду еще только предстояло набрать на Кавите.

Стэн прибыл в Соуард как раз перед «спуском» своих кораблей. Собственно, никакой особой церемонии и не было — изготовитель корпусов под расписку передал их вторичной верфи. Транспортный кран подхватил готовые такшипы, пока еще без вооружения, электроники, оборудования и помещений для экипажа, и повез их в другой док.

Стэн с первого взгляда влюбился в эти пусть еще и не достроенные кораблики. Он, как стихи, читал и перечитывал статью в новом выпуске электронного журнала «Джейн».

НОВЫЙ ТАКТИЧЕСКИЙ ШТУРМОВОЙ КОРАБЛЬ

По слухам, империя начала производство нового класса тактических кораблей. Пока что подтвердить эти сведения не удалось, и поэтому сообщение должно рассматриваться как сугубо предположительное. По непроверенным данным, указанные корабли придут на смену сразу нескольким классам тактических судов, в настоящее время стоящих на вооружении имперского флота и, по мнению ряда экспертов, считающихся устаревшими.

Есть мнение, что корабли этого класса уже строятся, однако мы не располагаем никакими данными ни о количестве заказанных кораблей, ни о сроках их ввода в строй. Повторяем, вся эта информация должна рассматриваться как сугубо предположительная.

Стэн решил, что редактор «Джейн» просто прикрывает себе зад на случай порки. Местами приводимые журналом данные были, на взгляд Стэна, даже слишком точны.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Тип: Патрульный корабль флота.
Длина: 90—97 метров.
Экипаж: Численность неизвестна.
Вооружение: Предполагается, что оно куда тяжелее, чем у любого другого корабля подобного класса.

Остальные пункты тоже были неизвестны, но Стэн мог бы без труда сообщить все детали.

Каждый корабль имел экипаж из двенадцати существ. Три офицера — командир, его помощник, он же специалист по вооружению, и начальник двигательной части; и девять матросов. Такшипы класса «бакилей» и в самом деле были отлично вооружены. Для ближнего боя они несли две пушки типа «Чейн». Сражение на средней дальности предполагалось вести с помощью восьми пусковых установок ракет типа «Гоблин-IV» с улучшенными «мозгами» и боеголовками на десять килотонн. На каждую установку корабль мог взять на борт по три «Гоблина».

Для обороны разработчики предусмотрели ограниченную противоракетную систему «Фоко» — не слишком мощную, но с удивительно умной электронной начинкой. Такшип имел четыре таких ракеты.

Но главным оружием кораблей являлись «Кали» — тяжелые шестидесятимегатонные ракеты, достигавшие почти двадцати метров в длину. Под луковицами боеголовок этих монстров прятались компьютер не глупее корабельного и оригинальное устройство электромагнитной защиты. Запускалась ракета из специальной трубы, протянувшейся вдоль оси корабля. Вокруг этой трубы хранились три запасные ракеты.

Неудивительно, что со всем этим вооружением для экипажа места на корабле практически не оставалось. Капитанская каюта по размерам напоминала платяной шкаф с опускающимися со стен столиком и койкой. Это была самая уединенная каюта на корабле. Еще бы, ведь вход в нее закрывала занавеска. Два других офицера вместе ютились в каютке размером не больше капитанской. Койки экипажа располагались по сторонам самого большого помещения на ко-

рабле. Оно служило одновременно и кубриком, и камбузом, и кают-компанией.

Подумаешь! Если бы Стэна заботили удобства, он вместе с Бишопом летал бы сейчас на транспорте.

Глава 23

Обычный гнусный ритуал: когда офицер прибывает на новое место службы, он докладывается старшему по команде. В гвардии это означало, что надо надеть форму и явиться в канцелярию. Офицер и его бесстрашный командир посмотрят друг на друга, вновь прибывшему в двух словах обрисуют его обязанности, и на том все и закончится.

Во флоте, как узнал Стэн, эта операция проходила значительно формальнее.

Специальный посыльный доставил Стэну «приглашение» от адмирала Ван Дурмана. Настоящее, не какие-то там фиши электронного хранения информации. Нет, приглашение был отпечатано на бумаге.

Это, как понял Стэн, означает полную парадную форму. Белую. С перчатками.

Черт побери, и со стрижкой.

Лестью и подкупом Стэн уговорил денщика казармы временного проживания холостых офицеров погладить его форму и одолжить у кого-нибудь, а может, и украсть пару белых перчаток.

Со стрижкой дело обстояло проще. Волосам Стэна редко удавалось дорасти до двух сантиметров.

Приглашение гласило, что адмирал будет счастлив увидеть своего нового подчиненного в 14 часов ровно. Имея в запасе целый час, Стэн на гражданском гравикаре отправился на военно-воздушную базу. Пробравшись через толпы, запрудившие улицы Кавите, гравикар подлетел к воротам базы за двадцать минут до назначенного времени.

Стэн прямо ошалел, когда скучающий часовой, проверив его документы, без лишних слов пропустил гравикар на территорию.

«Ну и чудесные же здесь порядки,— думал Стэн.— Мы находимся на грани войны, а чертов таксист может ездить, где ему вздумается. Секретность тут явно на высоте».

Расплатившись с таксистом, Стэн подошел к докам. И даже онемел от изумления.

Его глазам предстал флагман 23-го флота, имперский крейсер «Свампскотт». Стэн смотрел на этот невозможный корабль и видел, что построили его семьдесят пять лет тому назад, а затем, вместо того чтобы списать, решили «усовершенствовать».

Трудно было передать, какое ужасное впечатление оставлял корабль.

Когда-то этот крейсер был, несомненно, последним словом в вооружении, двигателях и броне. Но жизнь не стояла на месте. «Усовершенствования» начались с того, что корабль разрезали пополам и в середину вставили еще кусок корпуса длиной около пятисот метров. На следующей стадии весь крейсер снаружи украсился большими буграми. После этого разработчикам, видимо, уже никак не удавалось простыми средствами модернизировать корабль. В итоге «Свампскотт» выглядел так, словно он, чудом не развалившись, на полной скорости врезался в каменную стену.

И как достойное завершение титанической работы, на корпусе появились две башенки, как две капли воды похожие на пагоды, возводившиеся на древней Земле во времена династии Тан.

«Свампскотт» никогда не принимал участия в боевых действиях, и потому все эти уродства не имели особого значения. Надраенный до блеска корабль использовался только для официальных церемоний. Он двигался медленно, словно королева-мать, сходящая по ступеням бального зала. Если бы ему когда-нибудь пришлось штурмовать планету, крейсер наверняка оказался бы абсолютно беспомощным. В аэродинамической трубе его модель обладала бы всей грацией и изяществом древнего подсвечника.

Оправившись от потрясения, Стэн сверил время и поспешил к лифту.

Поднявшись на палубу, он увидел перед собой не одного, а сразу четырех одетых в парадную форму и откровенно скучающих офицеров.

Отдав честь несуществующему флагу, Стэн передал дежурному лейтенанту свое приглашение.

— Бог ты мой,— воскликнул тот.— Капитан, вы ошиблись!

— Ошибся?

— Так точно, сэр. Штаб адмирала Дурмана находится в городе.

— В городе? Разве это не флагман?

— Так точно, сэр, флагман. Но адмирал предпочитает отель «Карлтон». Он говорит, что там ему лучше думается.

Стэн и лейтенант понимающе переглянулись.

— Сэр, боюсь, вы здорово опоздаете. Позвольте мне заказать вам гравикар. Адмирал Дурман очень высоко ценит пунктуальность.

«Прекрасное начало службы»,— отметил про себя Стэн.

Может, адмирал Дурман и ценил пунктуальность, но, похоже, он полагал ее обязательной только для своих подчиненных.

Запыхавшийся Стэн появился в отеле на двадцать минут позже назначенного срока. Его провели в нижний из трех занимаемых адмиралом номеров. Здесь он доложил о своем прибытии скучающей

секретарше, и та предложила ему подождать. Адмирал еще не освободился.

Стэн ждал.

И ждал.

И ждал.

Однако ему было совсем не скучно. Скорее Стэн пришел в ужас от разговоров болтавшихся в огромной адмиральской приемной офицеров. От разговоров, невольным свидетелем которых он стал.

— Ну конечно, я попробую объяснить адмиралу, что сдирать анодированное покрытие очень трудно. Но ты же знаешь, как он любит блеск надраенной бронзы,— говорил один толстый штабной офицер обеспокоенному чем-то капитану.

— Отлично. Значит, договорились. Ты отдаешь мне Дж'рака для бокса, а я передаю тебе моих барабанщика и трубача.— Это беседовали два капитана.

— Плевать мне на ваши тренировки, лейтенант! Вы уже израсходовали отведенные на них в этом квартале нормы.

— Но, сэр, половина моего экипажа — зеленые новобранцы, и я...

— Лейтенант, я научился выполнять приказы. Может, и вам пора научиться тому же?

По-настоящему Стэн был потрясен, когда из лифта в холл вышли двое: молодые мужчина и женщина. Они были прекрасны. Капитан — молодой, решительный, высокий, симпатичный и светловолосый. Белый, пляжного вида костюм подчеркивал отличную мускулатуру. Его спутница, тоже блондинка, щеголяла в коротеньких шортах. Они шли, весело смеясь, наслаждаясь жизнью и свободой.

Стэн возненавидел их с первого же взгляда.

Весело болтая, пара миновала Стэна. Вдруг женщина остановилась и, поставив ногу на ближайший стул, аккуратно перевязала шнурки своих спортивных туфель. Ее глаза столь же аккуратно препарировали Стэна и занесли в архив. Покончив со шнурками, она рассмеялась, взяла своего спутника под руку, и они исчезли за дверью.

Фигура, кстати, у нее была такая, что не смотреть ей вслед было просто-напросто невозможно. Вот Стэн и смотрел.

— Это не про вас, капитан,— тихо произнесла секретарша.

Стэну вообще-то было все равно, но он вежливо и удивленно приподнял бровь.

— Эта леди — дочь нашего адмирала.

Стэн хотел пошутить, но его спас сигнал селектора. Еще через минуту Стэна провели в кабинет адмирала Ван Дурмана. Слово «кабинет» в применении к адмиральским покоям звучало как-то не совсем уместно. Единственными более просторными апартаментами, какие Стэну доводилось видеть, были залы для церемоний императорского дворца на Прайм-Уорлде. Стэну, цинику всегда и во всем, сразу стало интересно, кто платит за все это великолепие. Хватило

адмиралу для этого своих средств или же ему пришлось залезть в армейский карман?

Ксавьер Рижн Ван Дурман выглядел под стать своему кабинету. Все в нем, начиная от белой гривы завитых волос, сурового взора, твердого подбородка и кончая выкаченной «адмиральской» грудью,— все в нем выказывало настоящего военачальника. За таким командиром люди пойдут до самых врат ада...

Через десять минут беседы Стэн понял, что именно там все они и окажутся. Куда бы их ни вел этот блестящий адмирал.

О Ван Дурмане, как и об одном другом офицере, служившем много столетий ранее, можно сказать, что он никогда не позволял свежей оригинальной мысли испортить ему настроение. И все же он олицетворял собой мощь флота. Он мог с успехом выступить перед любым парламентом, успокоить взволнованного политика, произнести тост на банкете, пустить пыль в глаза банкиру. Не хватало ему только одного — умения командовать флотом, который, и Стэн это знал, очень скоро станет первой линией обороны в войне с таанцами.

Ван Дурман был исключительно вежлив и необычайно искусен в лавировании по минным полям светских бесед. Перед встречей он явно ознакомился с личным делом своего нового подчиненного. И теперь очень интересовался прежней службой Стэна — в императорском дворце, командиром отряда телохранителей-гурков.

Ван Дурман гордился, что ему удалось присутствовать на нескольких Днях империи и что его даже представили самому императору на церемонии вручения наград.

— Я уверен, капитан,— говорил Дурман,— что вы поможете нам всем выйти на новую орбиту светской моды. Мы тут в Пограничных мирах, пожалуй, приотстали от последних веяний.

— Сэр, я постараюсь, но... я не очень много внимания уделял официальным церемониям.

— Ну ничего, ничего. Мои жена и дочь, ничуть не сомневаюсь, помогут вам понять, как много вы все-таки помните.

Просто великолепно! Придется еще делать реверансы перед всей его семейкой.

— Думаю, вам будет интересно служить у нас, капитан. Из-за климата и из-за того, что все мы так далеко от дома, мы не очень строго смотрим на нарушения режима.

— Сэр?

— Вы, несомненно, поймете, что все ваши обязанности можно выполнить в первую пару вахт. Я не хотел бы видеть скучающих офицеров. И потому забочусь о том, чтобы весь наш офицерской корпус был готов принять участие в любых дипломатических мероприятиях.

— Боюсь, я не понимаю вас, сэр.

— Ну, я имею в виду балы, визиты на другие планеты... У нас тут есть свои собственные спортивные команды, весьма успешно высту-

пающие против команд колонистов. Я также считаю, что одна только служба делает офицера однобоким. Я поощряю увольнительные, причем не краткосрочные. Например, здесь у нас можно отлично поохотиться. Мы помогаем всем, кто интересуется подобными вещами.

— Гмм... Сэр... У меня совершенно новые корабли... Откуда взять время на развлечения?

— Я получил приказ оказывать вам содействие, капитан. Это само собой разумеется. И первым делом я помогу вам обзавестись приличными поварами.

Тут бы Стэну рассыпаться в благодарностях и откланяться. Но у него всегда был слишком длинный язык.

— Спасибо, сэр. Но боюсь, мне придется отказаться. Я буду слишком занят своими кораблями.

Видя ледяное выражение лица адмирала, Стэн мысленно проклинал свою несдержанность.

— Ах да, ваши корабли... Честно говоря, капитан, я всегда возражал против такшипов.

— Сэр?

— По многим причинам. Прежде всего, они весьма дороги в обслуживании. Во-вторых, чтобы ими управлять, требуется очень умелый экипаж. А это означает, что те, кто служит на этих мелких суденышках, будут потеряны для более крупных кораблей. Это несправедливо по отношению к прочим командирам. Это несправедливо и по отношению к тем, кому предстоит служить на ваших такшипах,— им нелегко сделать карьеру, труднее заслужить поощрения и повышение по службе. И самое главное — безопасность. Вам никогда не убедить меня, что служба на ваших, гмм, комариных лодчонках может быть такой же безопасной и комфортабельной, как, скажем, на «Свампскотте».

— А я и не знал, что мы поступили во флот ради комфорта и безопасности,— сердито ответил Стэн.

Ни один адмирал на свете не потерпит таких заявлений от своего подчиненного.

— Мы разные, капитан,— сказал Ван Дурман и поднялся из-за стола.— Спасибо, что нашли время меня повидать. Мне кажется, у нас была очень интересная беседа.

Интересная? Беседа? Стэн вытянулся.

— Разрешите задать вопрос, сэр?

— Конечно, молодой человек.— От голоса Дурмана веяло арктическим холодом.

— Как мне набрать экипажи для кораблей, сэр? У вас, наверное, есть какая-то установленная процедура?

— Вы можете напечатать приглашение в бюллетене флота. Любой офицер или рядовой, пожелавший перейти к вам, получит на то

мое разрешение. Разумеется, если не будет возражать его непосредственный начальник.

Дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо.

Стэн отдал честь, сделал идеальный поворот кругом и вышел из адмиральского кабинета.

Последнее предложение Ван Дурмана, переведенное на нормальный язык, означало, что Стэн может взывать к добровольцам хоть до посинения. Ну какой нормальный офицер вот так запросто отпустит хорошего специалиста?

Стэн знал, что ему достанутся разгильдяи, бездельники и прочий сброд. Оставалось надеяться, что их в 23-м флоте хотя бы много.

Глава 24

Космос вовсе не черен. И космические корабли не могут красться. Однако именно так представлял себе капитан Лавонн действия своего эсминца «Сан-Хасинто». Они находились в системе Эрибус и шпионили за таанцами.

С официальной точки зрения в том, что для выполнения задания выделили «Сан-Хасинто», не было ничего из ряда вон выходящего. В конце концов, эсминцы умеют действовать скрытно. И могут вести разведку.

Правда, только в чрезвычайных обстоятельствах. И не в том случае, когда в таанских секторах, по слухам, бесследно исчезли все до единого посланные туда корабли. Причем не какие-то эсминцы, а суда, специально созданные для ведения разведки и шпионажа.

Но приказ есть приказ.

Лавонн долго думал, прежде чем проложить курс. По его мнению, прежние корабли-шпионы попались потому, что орбиты их полета начинались на территории империи. Поэтому он выбрал курс, уводящий «Сан-Хасинто» далеко в глубь Таанской империи. Второй курс уводил корабль еще дальше в глубь давным-давно захваченных таанцами звездных скоплений. И только третий курс возвращал «Сан-Хасинто» обратно, к имперскому космосу и системе Эрибуса, которую эсминцу и поручили разведать. Теперь, если бы таанцы и засекли «Сан-Хасинто», предполагаемая точка его вылета не должна была вызвать у них подозрений.

И вот эсминец неуверенно продвигался вперед, то в режиме АМ-2, то вновь вываливаясь в обычное пространство. Выключив все оборудование, от кондиционеров воздуха до игровых автоматов в кают-компании, «Сан-Хасинто» обшаривал пространство чуткими сенсорными системами. Помимо штатных сенсоров на эсминце перед этим полетом установили еще несколько специальных устройств. И все они вглядывались, вслушивались, вчувствовались в космос, пытаясь понять, обнаружил враг имперский корабль или нет.

Лавонн знал, что сенсоры имперского флота чувствительнее, чем у таанцев. И раз на экранах он не видел ни одного вражеского корабля, значит, и его пока никто не видит. Так, прыжок за прыжком, «Сан-Хасинто» подбирался к угасающему Эрибусу.

И нашел то, за чем его послали.

Вся система представляла собой сплошную строительную площадку. Только в одном этом секторе находилось больше кораблей, чем, по оценкам имперской разведки, имел весь военный флот таанцев.

В этот момент Лавонну и следовало прекратить наблюдение. Следовало бросить все и полным ходом возвращаться на базу. В его руках оказались данные, какие не удавалось еще добыть ни одному кораблю, проникавшему в контролируемое таанцами пространство. Пустись он сейчас наутек, ему, возможно, и удалось бы удрать.

Но вместо этого окрыленный успехом Лавонн продолжал подкрадываться к гаснущей звезде. В конце концов, у имперского флота было одно немаловажное преимущество: в АМ-2, источник энергии для сверхсветового межзвездного полета, производимый в империи и больше нигде, перед тем как продать другим системам, вносилось одно маленькое дополнение. Лавонн знал, что на экранах «Сан-Хасинто» каждый двигатель на АМ-2 высветится пурпурным огоньком.

Капитан и не подозревал, что на некоторых кораблях таанцы замаскировали АМ-2. Пусть при этом двигатель терял в мощности — это с лихвой компенсировалось тем, что теперь он не регистрировался на мониторах имперцев.

В общем, когда экраны эсминца вспыхнули тревожным алым огнем, враг был уже слишком близко.

Влетев под надрывный вой сирен в контрольную рубку, Лавонн с первого взгляда понял, что к чему. С правого фланга сенсоры засекли обширное минное поле; впереди лежали главные миры системы Эрибуса, а слева на полной скорости к «Сан-Хасинто» приближался линкор таанцев в окружении крейсеров и эсминцев.

Не раздумывая, Лавонн развернул свой корабль на новый курс. Ему оставалось только одно — спасаться бегством. Причем бежать приходилось не к Пограничным мирам, а в обратную сторону, к центру Таанской империи. Но ничего, стоит только отделаться от преследователей, и он запросто вернется домой.

Лавонн надеялся на успех. В конце концов, новый имперский эсминец должен был обогнать любые таанские крейсера и линкоры.

Эти минуты, исполненные надежд на спасение, кончились, как только бортовой компьютер бесстрастно сообщил, что линкор, оторвавшись от своего эскорта, стремительно догоняет «Сан-Хасинто». Через пять с небольшим часов линкор неизвестного в империи типа подойдет к эсминцу на дальность боевого пуска.

Этим линкором был «Форез». Адмирал Деска тоже рассчитывал время. Успеет ли он догнать эсминец прежде, чем тому удастся удрать? Если имперский корабль ускользнет, все с таким тщанием разработанные планы таанцев пойдут прахом. Империя узнает и о строящейся армаде, и о новых типах военных кораблей, и о замаскированных двигателях. А значит, имперцы без труда вычислят и стратегические замыслы Таанского союза.

Деска еще раз покосился на часы. Никаких проблем, имперский эсминец обречен.

Четыре часа сорок минут спустя капитан Лавонн признал неизбежное.

Оставался один, последний шанс.

Он приказал отключить АМ-2. Возможно, линкор проскочит мимо.

Реакция у таанцев оказалась отличной.

«Ну ладно»,— мрачно подумал Лавонн и, развернув корабль, направил его прямо на «Форез». Иногда и шавка может свалить дога.

Капитан приказал открыть огонь из всех вспомогательных орудий. Он надеялся, что вспышки разрывов и помехи электромагнитных устройств хоть немного, да отвлекут вражеский линкор.

Лавонн знал, что его корабль обречен. Все, на что он мог надеяться, это причинить возможно больший ущерб громадному линкору, заполнившему уже все экраны «Сан-Хасинто». Ему оставалось всего несколько световых секунд до зоны, где он мог бы открыть огонь на поражение, когда «Форез» ударил по эсминцу ракетами главного калибра.

Палец Лавонна уже навис над красной кнопкой, когда шесть таанских ракет пересекли орбиту «Сан-Хасинто».

И ничего не осталось от новенького имперского эсминца. Только бесконечно расширяющееся облако радиоактивного газа.

Книга вторая

Свистать всех наверх!

Глава 25

Всю историю своего существования таанцы представляли собой крупную неприятность, только и ждущую, пока о них кто-нибудь да споткнется. Их цивилизация зародилась на руинах и выросла под гром нескончаемых сражений. Даже вечный император с трудом мог припомнить тот конфликт, с которого все и началось.

Корни таанцев уходили в кровавую гражданскую войну, охватившую звездное скопление далеко-далеко от их нынешнего дома. На протяжении полутора веков там отчаянно бились две могучие армии. Это скопление лежало на самой окраине, и императору было совершенно безразлично, кто победит. Пусть себе дерутся.

Под конец те, кому суждено было стать таанцами, потерпели сокрушительное поражение. Победители предоставили побежденным приятный выбор: геноцид или всеобщая иммиграция. Таанцы избрали бегство; этот момент своей истории они запомнили навсегда. Вот так трусость стала первородным грехом. Первый и последний раз таанцы предпочли жизнь верной смерти.

Почти вся волна миграции состояла из воинов и членов их семей. А это автоматически означало, что куда бы таанцы ни обращались, никто не хотел иметь с ними дело. Ни одна система, ни одно правительство не горело желанием пускать к себе такое количество профессиональных солдат. Короче, не нашлось дураков пригласить их к своему очагу. Это таанцы тоже запомнили. Они сочли себя отверженными и с тех пор обращались с чужаками соответственно.

Район, где они нашли себе пристанище, считался одним из самых неуютных во всей империи. Обосновавшись на пустынных планетах, в окружении чуть более зажиточных соседей, таанцы начали воссоздавать свое общество. Они как были, так и остались ориентированными только на войну.

Эта слабость таанцев со временем превратилась в их силу. Они процветали и расширялись. Их соседи начали нервничать. Большин-

ство пошло на переговоры. И всегда таанцы использовали переговоры только как средство выиграть время. Они заключали договоры, подписывали протоколы, а потом атаковали без объявления войны. Они не считались с потерями — бросали в бой все свои силы и в конце концов добивались победы. Почти триста лет таанцы непрерывно сражались. Они разгромили своих соседей, на их костях создав свою новую империю. Не важно, что при этом погибло восемьдесят процентов всех таанцев — возрождались раньше, возродятся и сейчас. Вскоре вечному императору пришлось иметь дело с новой, окрепшей империей таанцев. Куда большей, чем она была когда-то.

Быстрый рост подарил таанцам целую кучу проблем: как никогда расплодились диссиденты, а кровавые чистки в Верховном совете стали явлением вполне заурядным. Сама того не желая, империя подсказала удобный выход. И вот теперь у таанцев вновь появилась общая цель. И общий враг.

Глава 26

Несколько недель спустя капитан Стэн больше уже не был капитаном без кораблей. Четыре такшипа — «Клаггет», «Гэмбл», «Келли» и «Ричардо» — были выгружены в кавитских доках. Однако Стэн все еще оставался капитаном без команды. Он дал объявление, и результат оказался таким, как Стэн и предполагал. Ноль. Ни одного квалифицированного добровольца.

Зато в 23-м флоте нашлось некоторое количество никому не нужных олухов. Если бы Стэн командовал эсминцем, он, возможно, и сумел бы рассовать этих уродов по разным постам корабля. Но когда речь шла всего о четырех экипажах из двенадцати человек плюс небольшом отряде обслуги — увы, тут каждое существо на счету.

А между тем отпущенное ему время подходило к концу.

Адъютант Дурмана уже трижды заглядывал к Стэну с «дружеским» визитом. Он сочувствовал проблемам Стэна и обещал, насколько это вообще возможно, ничего не сообщать Дурману — обычная услуга одного офицера другому. Стэн полагал, что у адъютанта небось штаны на ходу горели, так он торопился рассказать адмиралу, в каком дерьме сидит тот молодой нахал.

А может, у Стэна уже начиналась мания преследования. Это тоже было вполне возможно. Все свое время Стэн проводил на такшипах. Когда организм требовал пищи, он открывал первую попавшуюся банку, разогревал ее и съедал, одновременно просматривая схемы электроцепей, гидравлики и прочих механизмов своих волшебных корабликов.

В тот день Стэн сменил грязный рабочий комбинезон на повседневную форму и отправился сражаться со штабными крысами 23-го флота. Он обнаружил, что установленные в 23-м флоте правила позво-

ляли командирам кораблей иметь в распоряжении один-единственный дневной боезапас — то есть то количество ракет и снарядов, которое корабль мог зараз взять на борт. Для такшипов Стэна пополнение боекомплекта означало возвращение на Кавите, а следовательно, и уменьшение радиуса патрулирования.

Стэн пытался что-то объяснить окопавшимся в штабе офицерам. Начинал с вполне логичных доводов, что бросать патрулирование и пилить черт знает сколько обратно на базу только потому, что кончились ракеты, по меньшей мере глупо... Его не слушали. Он доходил, возможно, до чересчур радикальных заявлений, что, дескать, во время войны громадные склады на Кавите запросто могут быть уничтожены вражеской бомбардировкой — и что тогда?

Офицеры и слушать не желали о проблемах дальнего патрулирования. Они раздраженно морщились при одном упоминании о возможной войне и откровенно смеялись при мысли, что Кавите не сумеет уничтожить любого противника задолго до того, как тот подберется к складам боеприпасов.

Глава 27

Этот день ничем не отличался от остальных. Стэн опустил гравитолет возле ограды, окружавшей недавно прибывшие такшипы, небрежно ответил на салют часового у ворот.

— Добрый день, сэр.

Часовому нравился Стэн. Он и его друзья по казарме делали ставки на день, когда Ван Дурман снимет Стэна и отправит обратно на Прайм. Жаль, конечно, но до названного часовым дня оставалось совсем немного, и лишняя пара кредиток была для него куда важнее судьбы любого офицера.

— Добрый день.

— Сэр, ваш специалист по вооружению уже на борту.

Стэн не колебался.

— Часовой, поднимайте охрану по тревоге! Немедленно!

— Но, сэр...

— Быстрее, приятель! У меня нет специалиста по вооружению!

Часовой нажал на кнопку, и несколько мгновений спустя рядом со Стэном уже стояли шесть солдат, нервно сжимающих в руках заряженные виллиганы. Сам Стэн вытащил мини-виллиган, который он всегда носил на спине за поясом, и все вместе они направились к «Клаггету», единственному кораблю с открытым входным люком.

Саботажник? Шпион? Или просто любопытствующий бездельник? Не имело значения. Расставив солдат возле люка, Стэн бесшумно поднялся по трапу.

У входа на корабль он замер, прислушиваясь. Изнутри, со стороны носа, доносились стук, звяканье и невнятное бормотание. Стэн

уже хотел подать команду солдатам войти в такшип, когда наконец разобрал слова:

— Давай же ты, чертово отродье! И без шуток, дескать, я не могу запустить тебя хотя бы раз.

Стэн высунулся из люка:

— Прошу прощения, господа. Я дал маху. Похоже, у меня и в самом деле появился специалист по вооружению. Я внесу его в список личного состава.

Удивленные солдаты отдали Стэну честь, пожали плечами и отправились обратно в караулку.

Стэн же пошел в носовую часть корабля.

— Мистер Килгур! — рявкнул он с порога рулевой рубки и с удовольствием увидел, как вынырнувшая из-за пультов голова с размаху стукнулась об один из мониторов.— Вы что, не знаете, как надо докладываться своему командиру?

Потирающий лоб унтер-офицер Алекс Килгур выглядел виноватым.

— Парень, а я думал, ты играешь в поло с адмиралом.

Алекс Килгур родился и вырос на планете Эдинбург. Сила тяжести там была куда больше стандартной. В отряде богомолов он был сержантом. Потом, когда Стэн перешел в дворцовую охрану, он перевел Килгура к себе. Позже Алекс совершил трагическую ошибку: влюбился, подал прошение о выдаче разрешения на брак, и император отправил его в летную школу даже раньше, чем Стэна.

Стэн понятия не имел, как и почему Килгур оказался на Кавите. Но он был чертовски рад его видеть.

— Получить назначение в твой отряд, дружище, было чертовски просто,— объяснял Килгур за кофе в чулане, игравшем на «Клаггете» роль кают-компании.— Я держал руку на пульсе. Словечко тут, улыбочка там, и фьюи-ить — Килгур уже в пути. Но хорош об этом. Черт возьми, капитан, где твоя проклятая команда?!

Стэн вкратце обрисовал свои проблемы. Алекс внимательно его выслушал, потом потрепал по плечу, чуть не проломив при этом палубу.

— Теперь можешь расслабиться. Килгур с тобой. Беда твоя в том, сынок, что ты не там ищешь добровольцев.

— Ты чего, спятил? Да я разве что на кладбище только не вербовал!

— Ну, дела у нас не настолько плохи, чтобы брать живых мертвецов, капитан. Никаких проблем. Доверься мне.

Глава 28

— Сколько-сколько поколений ваш род был воинами, лейтенант Стикка? — не веря своим ушам, переспросил Стэн.

— По крайней мере двести,— услышал он в ответ.— Но это уже после того, как клан иммигрировал с Земли. До этого мы, Мендиго-

сы, если верить легендам, были воинами еще сто поколений. Это не значит, что, кроме солдат, среди нас больше никого не было. Военные историки, дипломаты, политики... даже один актер. Мы стараемся о нем не вспоминать, хотя, говорят, в свое время он был неподражаем.— Стикка засмеялся. Его смех так же ласкал уши, как и его великолепный баритон.

Стэн снова заглянул в личное дело Стикки. Выглядело оно очень даже неплохо. Вполне достаточно замечаний и выговоров от начальства — хватит, чтобы уравновесить поощрения и награды.

Он убрал в конверт фиши и забарабанил пальцами по крышке своего крошечного столика.

— Вам нравится рисковать?

— Вовсе нет,— покачал головой Стикка.— Исход любого действия можно просчитать. И если вероятность успеха больше, чем вероятность поражения, то, по-моему, выбор очевиден.

— Добро пожаловать на борт, лейтенант,— решился Стэн.— Вы будете командовать «Келли». Второй корабль слева.

Стикка замер по стойке «смирно», едва не протаранив головой низкий потолок.

— Спасибо, сэр. Два вопроса. Где мои офицеры?

— Их пока нет. Вас я принял первым.

— Понятно. А экипаж?

— В вашем распоряжении четверо бывших заключенных и один рвущийся в бой новобранец. Распорядитесь ими, как сочтете нужным.

— Так точно, сэр.

— Лейтенант Стикка, у меня тоже есть к вам вопрос. Как вы узнали об этой вакансии?

Стикка чуть приподнял бровь.

— Из адмиральской колонки в последних ведомостях флота, сэр.

Стэн едва сумел скрыть свое удивление.

— Ясно. Спасибо, лейтенант. Это все. Выходя, не откажите в любезности, попросите мистера Килгура зайти ко мне.

— Килгур! Скажи, что ты этого не делал.

— Делал.

— Но как?

— Говноеды, охраняющие типографию, не знают, что такое несение караульной службы.

— Значит, ты просто забрался туда и подделал адмиральскую колонку? Я правильно понимаю?

После успеха с заключенными Алекс счел себя настоящим добытчиком свеженьких добровольцев.

Стэн решил чуть изменить тему:

— Могут они доказать, что это был ты?

— Доказать? Что это сделал я? Человек, предотвративший заговор против нашего императора?

Стэн закрыл лицо руками.

— Мистер Килгур. Я знаю, что на кораблях флота сухой закон, но, быть может, совершенно случайно...

— Совершенно случайно. Сейчас принесу.

Глава 29

Алекс любил дождь. Особенно мелкий промозглый дождичек, какой постоянно лил на его родной планете. Но тропические ливни Кавите начисто выводили его из себя. Ругаясь под нос, Алекс шел по узкому темному переулку. Он отсчитал нужное количество шагов и постучался.

Изнутри его аккуратный стук, вероятно, звучал как удары кузнечного молота.

— Пароль? — прошелестел синтезированный голос где-то наверху.

— Тут чертовски мокро, и у меня уже нет никакого терпения,— пожаловался Алекс и пнул дверь ногой.

Он и ударил-то не слишком сильно, но подкованный сталью каблук расколол дверь пополам. Раздвинув обломки, Алекс вошел внутрь.

Прежде чем появился первый охранник, он успел заметить, что внутри бордель выглядел очень даже уютно — конечно, если вы любите красный вельвет и потемневшие от времени картины. Охранника Алекс впечатал в стенку отломанной половинкой двери. Его приятель выскочил из коридора, напоролся на Алекса, был поднят в воздух и улетел обратно несколько быстрее, чем пришел.

— Я ищу мистера Вилли Саттона,— объявил Алекс.

— У вас есть ордер? — поинтересовался голос.

— Нет.

— Вы вооружены?

— Вы что, за дурака меня принимаете?! Конечно вооружен.

— Пожалуйста, держите руки на виду. За вами наблюдает особая сенсорная система. Любое исходящее от вас электромагнитное излучение повлечет за собой немедленные контрмеры. Вы все время находитесь в поле зрения автоматических боевых систем. Любой враждебный акт будет пресечен прежде, чем вы успеете его реализовать.

Алексу интересно было бы потягаться с этими автоматическими стрелялками, но сейчас он старался вести себя мирно.

— Пройдите, пожалуйста, прямо по коридору, мимо входа в само заведение. В конце коридора вы увидите лестницу. Поднимайтесь наверх и далее через холл ко второй двери. Войдите в комнату и ждите. Мы определим, известен ли нам Вилли Саттон.

Алекс сделал все так, как ему сказали. Проходя мимо приемного зала этого дома терпимости, он дважды влюбился, мило кивнул обеим женщинам, но прошел мимо. Сейчас Килгур был на работе.

Комната, куда он попал, отличалась красным вельветом и старинными картинами. Стеклянные лампы едва рассеивали мрак. Зато мебель тут оказалась довольно необычная — три или четыре широких, очень крепких на вид гамака. Прислонившись спиной к стене, Килгур ждал.

Дверь на другом конце комнаты бесшумно отворилась.

— Я не ошибся, вы хотели бы поступить ко мне телохранителем?

«Вилли Саттон» почти вкатился в комнату. Он был спиндарцем, огромным двухметровым — в любом направлении — чешуйчатым существом, немного напоминающим доисторического земного ящера с лишней парой рук. Речевой аппарат человека не мог произнести настоящие имена спиндарцев, и потому они брали себе имена более привычные для большинства населения Галактики. Причем не какое попало имя, а какого-нибудь прославленного в избранной спиндарцем области деятеля.

Килгур понятия не имел, кто такой был Вилли Саттон, но он не сомневался, что филантропом тот не был.

— Унтер-офицер Алекс Килгур.

На заданный ему вопрос он решил не отвечать.

— Наверное, дезертир?

— Нет, Саттон. Но я подумывал об этом.

— Ты не из военной полиции, по выражению лица вижу. Так как же мое заведение и я сам можем тебе помочь? Это, конечно, если считать, что ты не желаешь мне вреда.

— Мы хотим, чтобы ты вернулся.

Запыхтев, спиндарец уселся на свой хвост.

— Во флот? Это вряд ли. За годы службы я повидал достаточно трибуналов, и повторение опыта меня как-то не привлекает.

Саттон говорил чистую правду. Во всем императорском флоте, вероятно, не существовало другого снабженца, которого судили бы столько раз. И всегда за одно и то же: незаконное присвоение имперских запасов и оборудования.

А еще во всем императорском флоте, вероятно, не существовало другого снабженца, которого бы так быстро повышали снова. И опять всегда за одно и то же: за отличную службу.

— Нам нужен вор,— сказал Килгур.

Спиндарец запыхтел еще сильнее. Алекс тем временем объяснил суть проблем, с которыми пришлось столкнуться Стэну.

Задумавшись, спиндарец выпустил спрятанные в руке когти и в клочья разодрал перед собой ковер. Оглядевшись, Килгур заметил, что ковер разодран и в других частях этой комнаты.

— А как насчет обвинений, из-за которых, скажем так, мне было желательно удалиться с последнего места службы?

Килгур вынул пару фишей и протянул их Саттону.

— Первая — твое настоящее личное дело. Возьми ее в подарок.

Спиндарец почесался.

— Вторая — твое новое личное дело. Не хочу хвастать, но чище просто не бывает. Работаешь с нами — и через несколько минут ты уже другой человек.

— Начать новую жизнь...— Спиндарец задумчиво покачал головой.

— Мой босс ставит только одно условие. Если ты думаешь, что сможешь и нас водить за нос, то сильно ошибаешься. Только пихни какую-нибудь мелочовку на сторону, и мы живо накрутим тебе хвост. Много чего неприятного может с тобой случиться. Так что об этом я больше говорить не стану.

— В сводничестве и проституции все так однообразно,— вполголоса пробормотал спиндарец.— У людей крайне ограниченная сексуальная фантазия.— Он опять запыхтел.— Вернуться на службу. Какое необычное предложение... Передай своему командиру, что я сообщу ответ завтра к этому часу.

Глава 30

Задрав ноги на стол, Стэн развалился в кресле. Всем своим видом капитан старался показать, какой он спокойный и невозмутимый. Но внутри у него все так и кипело. Стэн нервничал и надеялся, что этого никто не заметит.

Про себя Стэн полагал, что в этой позе он выглядит как последний дурак. Все, чего ему не хватает, это стука в дверь, тревоги, и, наверное, классно он будет смотреться, распутывая ноги в каюте размерами два метра на три.

И тут в дверь действительно постучали — тревожно и настойчиво. В следующий миг дверь распахнулась. Стэн чуть не снял ног со стола. Он даже согнул колени, но в последний миг заставил себя расслабиться. Какое выражение лица должно быть у командира в такой момент? Что лучше — усталое равнодушие или спокойная озабоченность?

В каюту, насколько это было возможно, ввалились Алекс и спиндарец по имени Саттон.

— Что еще за...— начал Стэн.

— Сэр! — прервал его Саттон.— Нас сейчас будут брать!

Стэн инстинктивно оглянулся. Может, враги захватили планету? Или изнасилована адмиральская дочка?.. Будут брать? Кто?

Опустив «почему» и «где», Стэн решил, что «брать будут» прямо сейчас.

Впрочем, сию секунду Стэна больше всего беспокоило, как бы ему распутать ноги так, чтобы это выглядело солидно. Главное — не

торопиться. Хорошо еще, что Алекс пустился в объяснения и тем самым подарил ему немного времени.

— Мистер Саттон хочет сказать, что нас заложили. Я не знаю, за что именно, но в последние дни мы, возможно, и впрямь несколько зарвались.

Стэн едва сдерживал смех. Он уже понял, в чем дело. Но Алекс и вправду в последнее время здорово полагался на свою удачу. Пора было его немного приструнить.

С выражением озабоченности на лице Стэн поднялся из кресла.

— Итак, господа, в чем же, собственно, проблема? — Голос его звучал небрежно и спокойно.

— Мы как раз и пытаемся вам объяснить, сэр,— воскликнул Саттон.— Нас окружила полиция!

Стэн позволил отвести себя к выходному люку. В доках возле «Гэмбла» выстроилась фаланга черных полицейских гравитолетов — пять машин с каждой стороны, по два полицейских в машине.

— Я же говорил, сэр,— зашептал Саттон.— Нас собираются брать! — Он повернулся к Алексу: — Ты меня выдал!

— Тебя? Да кто ты такой, черт возьми? У тебя мания величия, парень. Они сейчас накроют нас всех! — Алекс покосился на Стэна.— Не знаю, можешь ли ты что-то сделать, но, Стэн, попытайся, ладно?

Стэн хранил гордое молчание. Как ни странно, это отчасти успокоило и Алекса, и Саттона.

Дверь переднего гравитолета с шипением распахнулась, и оттуда вылез огромный представитель полицейских сил. Еще секунда оправления формы и разглаживания всклокоченных волос, и, цокая каблуками по бетону, представитель пошел к Стэну. В вытянутой руке он держал какую-то официального вида бумагу.

— Ордер на обыск и арест,— прошептал Алекс.— Я же говорил.

Стэн хранил молчание.

Полицейский подошел к Стэну, четко отдал честь и протянул бумагу.

Не удержавшись, Алекс заглянул через плечо своего командира и ошалело замотал головой.

— Ты не мог это сделать!

— Я это сделал,— невозмутимо ответил Стэн и, повернувшись к полицейскому, сказал: — Спасибо, констебль Фосс.

— Пожалуйста, сэр,— почтительно ответил Фосс.— Простите, сэр, но вы сможете за час принять двадцать добровольцев? Или кому-то из нас надо подъехать попозже?

— Двадцать добровольцев? — наконец пришел в себя Алекс.— Давайте, давайте ко мне, как сказал паук мухам.

Пару минут спустя они с Саттоном уже строили завербовавшихся на такшипы полицейских.

— Вот, значит, до чего дошло,— на ходу шепнул он Стэну.— Набираем чертовых легавых.

Стэн бросил на Алекса свой, лучше других отработанный, командирский взгляд.

— Жуткое дело война, правда?

Первый лейтенант Над Эстил был чудом, которое следовало бы держать под стеклянным колпаком. Он выглядел просто супер! Он звучал просто супер. Он был просто супер!

Эстил отдал Стэну идеальный, острый, как неизвестно что, салют, и каблуки его щелкнули, словно выстрел.

— Если это все, сэр...

Стэну не часто приходилось встречать такое совершенство. Эстил был офицером, невольно заставлявшим даже капитана чувствовать грязь на своем воротничке. Сравнение получалось особенно тягостным, потому что Стэн и Алекс щеголяли сейчас в промасленных рабочих комбинезонах. Они не планировали интервью с добровольцем. Это вышло как-то случайно — краткий перерыв в бесконечном техобслуживании корабля. И сейчас Стэну было так же трудно отпустить Эстила, как недавно в него поверить. Ну как разговаривать с ходячей рекламой военного флота?

— Я с вами свяжусь, лейтенант,— наконец выдавил Стэн и едва удержал челюсть на месте при виде безукоризненного поворота кругом.

Эстил не прошел, а прямо-таки промаршировал к выходу, и Стэн с облегчением прислонился к переборке.

— Кто его послал? Этот лейтенантик небось чертов шпион или еще чего похуже. Такой красавчик не может, ну никак не может, вызваться служить на маленьких и грязных такшипах!

— Он не шпион,— ответил Алекс,— а до сих пор служил у Дурмана. Спиндарец его проверил.

— Ну ладно,— кивнул Стэн.— Но ты посмотри его дело — благодарности, награды, поощрения... Идеальные характеристики от каждого офицера, под чьим началом ему довелось служить.

— Но не в боевых условиях,— напомнил Алекс.— С другой стороны, ни единого доброго слова от самого главного командира — Ван Дурмана.

— Эстил слишком хорош,— покачал головой Стэн.— Я ему не верю.

— У нас есть экипажи для всех четырех кораблей. Нам не хватает двух капитанов.

Стэн задумался. Он гадал: кем-то станет для него лейтенант Эстил — подарком небес или источником будущих ночных кошмаров? Кроме того, обладал ли Эстил...

— Удача,— сказал Алекс, словно читая мысли Стэна.— Интересно, сопутствует ли ему удача?

— Если бы я смог найти ему хорошего помощника...— пробормотал Стэн.

Откуда-то сверху донесся рев двигателей, и усиленный электроникой голос проревел:

— Эй вы, увальни деревенские, кончайте протирать штаны и лучше помогите даме.

Подняв головы, Стэн и Алекс увидели над собой ржавый корпус зависшего буксира. Его пилот уже подхватил один корабль и теперь пристраивался над «Гэмблом». Длинные тонкие механические руки отцепляли доковые крепления.

— Какого черты ты делаешь?! — заорал Стэн.

— А на что это похоже? — ответил сверху женский голос.— Тащу ваш корабль на стенд для проверки двигателей. По графику сейчас ваша очередь? Или ваш капитан держит это в тайне?

— Ты не можешь тащить два корабля сразу,— надрывался Стэн.

— Спорим? Да в хороший день, черт возьми, я таскаю и по три. Давай пошевеливайся с этим тросом!

Ошеломленные Стэн и Алекс сделали то, о чем их просили. С удивлением и восхищением они смотрели, как женщина, ловко маневрируя буксиром, буквально за несколько секунд подцепила такшип и поволокла его прочь.

— Что-что, а водить эта девочка умеет! — заметил Алекс.— Давненько я не видел такого пилотажа!

Но Стэн его не слушал. Он уже со всех ног бежал за буксиром. К тому времени, когда он добрался до испытательных доков, «Гэмбл» уже занял свое место на рабочем стапеле.

— Эй, наверху,— заорал Стэн,— я поднимаюсь!

И, не дожидаясь разрешения, полез по спускающимся с буксира стальным сетям. Вскоре он уже втиснулся в крошечную кабинку пилота. Внешность женщины потрясала не меньше, чем ее незаурядные летные таланты. Она была высокой и стройной, с огромными карими глазами и длинными черными волосами, подобранными под пилотский шлем. Она весело и с интересом глядела на Стэна.

— Если ты всегда так приглашаешь девушек выпить с тобой пару пива, то ты, похоже, крутой парень. Я сменяюсь через два часа.

— Вообще-то,— смутился Стэн,— я пришел не за этим.

— Да? Слушай, а ты что за тип?

— Обычный капитанский тип,— сухо ответил Стэн.

Женщина явно была озадачена.

— Только не это,— простонала она.— Я и мой длинный язык! Похоже, моя работа только что вылетела в трубу. Какого черта! Я с таким трудом нашла это место.

— В таком случае,— сказал Стэн,— я жду тебя завтра в восемь часов утра. Хочу предложить тебе должность первого помощника.

— Ты шутишь? — Женщина явно не верила своим ушам.

— Нет. Работа тебя интересует?

— Вот прямо так? Первого помощника?

— Да. Вот прямо так. Только с этого момента тебе придется называть меня «сэр».

Женщина задумчиво покусала губу.

— Наверное, я смогла бы к этому привыкнуть.

— Сэр,— напомнил Стэн.

— Сэр,— кивнула она.

— Между прочим, как тебя зовут?

— Лиз. Лиз Тапия. О черт, я хотела сказать Лиз Тапия, сэр.

Так одним ударом Стэн решил и проблему с офицерами для «Ричардса», и свои сомнения насчет Эстила.

Вскоре вакантным оставалось одно-единственное место — капитана «Клаггета», и это препятствие пока что казалось непреодолимым. Алекс и Стэн уныло глядели на несколько имен, венчавших список возможных кандидатур.

— Жалкое зрелище,— промычал Алекс.— Я бы не доверил им не то что боевой корабль, но и обыкновенный гравитолет.

С этим Стэн спорить не мог. И что еще хуже, отпущенное ему время быстро подходило к концу. Дурман не собирался делать поблажки молодому капитану. Его адъютанты, назойливые, как комары на болоте, требовали от Стэна непрерывных рапортов о положении дел и грозили самыми страшными карами. А Стэн чувствовал себя совершенно бессильным.

В дверь громко заскреблись.

— Войдите! — крикнул Стэн.

Короткая пауза, и скрип раздался снова, еще громче. Стэн вскочил на ноги.

— Какого черта...— начал он и нажал кнопку.

Дверь отъехала в сторону. Глазам Стэна предстал откровенный, чистой воды ужас, и он взвыл от радости.

— Какого черта ты тут делаешь?

— Слышала, ты ищешь капитана? — ответил ужас.

И Стэн упал в объятия, объятия и еще два раза объятия Ш'аарл'т.

Глава 31

Еще только проходя под витиеватыми воротами офицерского клуба, Стэн последними словами крыл себя за непроходимую глупость. За большим ухоженным садом, обрабатываемым, Стэн в этом не сомневался, бедными салагами, стояло роскошное здание клуба. Оно бы считалось шикарным даже по меркам Прайм-Уорлда: множество высоких белых колонн, переливающаяся многоцветная подсветка, над центральным корпусом — медно-желтый купол, издалека весьма похожий на золотой, во всяком случае на позолоченный.

Стэн только зубами скрипнул, подумав, сколько кораблей можно было бы построить на эти деньги. До него доносился шум гуляю-

щих братьев и сестер по офицерству. Смех почему-то казался слишком громким, веселые голоса — какими-то визгливыми.

Стэн чуть не повернул назад. Но потом он подумал — какого черта! Он пришел сюда отпраздновать готовность своих кораблей хорошим обедом и приличной выпивкой. Решено — надо выполнять, и Стэн пошел дальше. Кроме того, не могут же все до одного офицеры Дурмана оказаться идиотами? Наверняка найдется кто-то, с кем можно поговорить.

Стэн как раз проходил мимо большого дерева, когда из полумрака на него бросилась какая-то тень. Стэн повернулся, и нож привычно лег ему на ладонь. Он уже изготовился для удара, когда почуял странную смесь крепкого алкоголя и дорогих духов. Задержав удар, Стэн поймал нападавшего, и внезапно руки его ощутили удивительную, женственную мягкость.

Очутившаяся в объятиях Стэна молодая женщина слабо улыбнулась.

— Пришел меня обнять? — хихикнула она.

Это была Бриджит Ван Дурман, дочь адмирала. И она была в стельку пьяна.

Стэн отчаянно пытался поставить ее на ноги. Он старался, без особого на то успеха, избегать тех мест, которых касаться ему не следовало. Мысли его неотступно вертелись вокруг военных трибуналов и расстрелов.

— Что такое? — запротестовала Бриджит.— Ник-ик-гда не видел, что ли, как девушка вуть чипила? То есть чуть выпила?

— Пожалуйста, мисс Дурман...— бормотал Стэн.

Она безвольно повалилась ему на грудь. Стэн попытался удержать обворожительную ношу, но Бриджит, словно намасленная, выскользнула из его рук и упала на траву. Теперь ее почему-то охватил неудержимый смех.

— У нас... ик!.. было сор-сор-соревнование. Кто боль-ик!.. больше вып-п-пит. Я победила.

— Заметно,— кивнул Стэн.

— Ему это не понравилось.

— Кому не понравилось?

— Он мой жених.— Бриджит вдруг стала очень серьезной.— Старина как-там-бишь-его. Рей. Точно. Рей Халдор. Моя единственная и верная любовь.

— Может, мне пойти поискать этого Рея? — предложил Стэн.

— Нет-нет! Он с папкой. Папочка тоже не любит, когда я пью.

Чертовское везенье. Лучше и быть не может. Так Стэн думал до тех пор, пока Бриджит не начала рыдать. Нет, она не заплакала тихо и печально, как подобает воспитанной леди. Она взвыла подобно пожарной сирене. Стэн заметил, как из клуба высунулись первые любопытные.

— Давай я отвезу тебя домой,— поспешно сказал Стэн.

Бриджит немедленно перестала плакать.

— Точно,— обрадованно закивала она.— Домой. И никто ничего не узнает.

— Вот и хорошо,— согласился Стэн.— Никто и не должен знать. Ну, вставай...

Ему потребовалось добрых пять минут, чтобы поднять Бриджит на ноги. Впрочем, он мог бы и не беспокоиться — все равно она каждые два шага снова падала на землю. Кончилось тем, что Стэн взял ее на руки и отнес к своему гравикару.

Он только-только загрузил девушку в кабину, как она заснула. Отрубилась окончательно и бесповоротно. Стэн чуть не сошел с ума от ярости. Из всех маленьких гнусных... Да ну все к бесу! Он и без нее узнает, куда лететь. Покопавшись в директории гравикара, Стэн отыскал адрес Ван Дурманов и включил автопилот.

По дороге представилась возможность как следует разглядеть Бриджит. Если бы не легкий румянец на ее щеках и не безвольно раскрытый рот, никто бы и не догадался, что она пьяна.

Ну напилась, и что? Стэн легко мог представить, что быть родственником Ван Дурмана — это тот еще подарочек. Значит, она решила повеселиться? Чего ж тут плохого? В конце концов, она имеет на это право.

Во сне Бриджит казалась очень мирной, по-девичьи невинной и... Черт, держи себя в руках, Стэн. Ну и пусть она красавица. Она еще и адмиральская дочка, об этом ты не забыл? И не думай ни о чем другом. Совсем не думай.

Когда они подлетели к дому, Бриджит все еще спала. В итоге Стэну пришлось на руках отнести ее в спальню и уложить в кровать. Потом он выключил свет, тяжело вздохнул и вышел на улицу.

У гравикара его уже поджидал взбешенный блондин в форме капитана. Последний раз Стэн видел его в шортах, рука об руку с Бриджит. Стэн и не применяя дедуктивного метода сразу понял, кто это такой.

— Вот ты где, дерьмо! Я покажу тебе...

Капитан замахнулся на Стэна кулаком — могучий аперкот, начинающийся где-то на уровне колен. Стэн легко отступил назад, и блондин, промахнувшись, чуть не упал.

— Вы, наверное, Рей Халдор. Жених Бриджит.

— Ты чертовски прав! — заорал Халдор, снова замахиваясь кулаком.

Стэн увернулся. Подняв руки, он тщетно призывал капитана к спокойствию:

— Послушайте, Халдор. Я тут ни при чем. Бриджит напилась. Я ее нашел. Отвез домой. И все. Больше ничего.

Размахивая руками, Халдор устремился в атаку. Стэн попытался снова увернуться, но один из ударов задел его по уху. Причем весьма болезненно.

— Ну ладно, идиот,— буркнул Стэн.— Получай.

Рука напряглась. Ладонь угодила точно в цель, и Халдор обнаружил, что лежит на спине, в пыли, глупо глядя на стоящего над ним Стэна.

— Ты... ты меня ударил,— воскликнул пораженный Халдор.

— И как же вы догадались, капитан? — притворно поразился Стэн.— Только встаньте, и я сделаю с вами что-нибудь похуже.

— Я хочу знать, как тебя зовут! Отвечай, мерзавец!

— Мерзавца, с которым вы разговариваете, зовут капитан Стэн. И я к вашим услугам.

— Мы с тобой еще встретимся,— пообещал Халдор.

— Нет проблем,— кивнул Стэн и сел в гравикар.

Он чуть не сломал приборную доску, набирая код, который вернет его домой. «Я просто в восторге, как ты знакомишься с новыми людьми, Стэн. Надо же, какой светский шик ты приобрел на Прайме!»

Глава 32

— Эй, шеф, по-моему, я что-то нашел,— воскликнул Фосс.

— Правильно обращаться «капитан» или «сэр», сынок,— не сдержался Килгур. Несмотря на долгие годы, проведенные в не слишком-то формализованном отряде богомолов, он порой оказывался удивительным служакой.— И так не докладывают.

Но Стэн не стал дожидаться, пока Фосс переведет свою реплику на уставную воинскую речь. Он мигом подлетел к командному пульту — в крохотной рубке сделать это было совсем не сложно — и приник к экрану.

— Что ж,— протянул он, дожидаясь, пока бортовой компьютер определит, что это за точка, в каком секторе она находится и как далеко.— Мы что-то засекли. Хорошо бы не птиц.

Фосс покраснел.

Отряд Стэна уже три недели в полевых условиях отлавливал блох в корабельных системах. Спокойной минуты пока еще не выдавалось ни разу.

Соедините видавших виды бывших заключенных, полицейских без всякого опыта службы в армии, нетерпеливых новобранцев и не нюхавших боя офицеров. Теперь добавьте к этому корабли, сделанные по последнему слову науки и техники. Термин «по последнему слову науки и техники» легко расшифровывается любым инженером или техником с практическим опытом как «тебе обещают все на свете, но на деле практически ничего не дают. В критической си-

туации то, что тебе нужно больше всего, обязательно выйдет из строя». Такшипы класса «бакилей» идеально подтверждали это правило.

С тех пор как «Гэмбл», «Клаггет», «Келли» и «Ричардс» покинули базу на Кавите, Стэн и Алекс практически не спали. Сам взлет, плавное парение к верхним слоям атмосферы, представлял собой мучительное ковыляние к открытому космосу. АМ-2 на корабле Ш'аарл't, «Клаггете», не захотел включаться, и такшипам пришлось тащиться на стационарную орбиту на Юкавах. Потребовалось несколько часов прослеживания цепей, чтобы узнать: какой-то раздолбай-строитель оставил между двумя фильтрами свою газету. Ее жирный заголовок гласил: «ИМПЕРАТОР НАКОНЕЦ ЖЕНИТСЯ?»

Замечание Стэна насчет птиц вовсе не было шуткой. Бортовые экраны идентифицировали одну из лун Кавите как антарктическое озеро. Бортовой компьютер подтвердил такое определение; что еще хуже, в графе «выбор оружия» он рекомендовал воспользоваться луком и стрелами. Разумеется, профессиональные параноики из кавитских полицейских сразу же усмотрели в этом вражескую диверсию. Стэн мог только печально качать головой. Если бы так! Он по своему опыту знал: чем совершеннее компьютер, тем более он оказывался расположен к черному юмору. Во всяком случае, у любого разумного существа это называлось бы именно так. Фосс всего за сутки сумел разобраться, в чем дело, и устранить неисправность.

Эрик Фосс оказался удивительной находкой. Начать с того, что именно он помог завербовать полицейских. По правде говоря, если бы не это, Стэн и Алекс наверняка не обратили бы на него внимания. Громадный краснолицый юноша, едва достигший призывного возраста, он успел несколько месяцев прослужить в кавитской полиции регулировщиком движения. Несмотря на свои габариты, этот парень вел себя так тихо, так спокойно, что временами казалось, будто он спит. Но баллы, набранные им в тестах по системам связи, выглядели просто невероятными. Стэн лично вновь протестировал Фосса, и результаты оказались даже лучше, чем было указано в личном деле. Будь Стэн суеверным, он бы решил, что Фосс экстрасенс. Вместо этого он назначил юношу командовать всеми коммуникациями своего небольшого отряда.

А «ловля блох» тем временем продолжалась. Пожарные раструбы перекосило, и они залили огневые позиции едкой пеной; топливопроводы оказались чуть ли не завязанными узлом; чтобы разобраться в работе камбуза, требовалась по меньшей мере ученая степень; а об аэраторах лучше было и не вспоминать.

С другой стороны, энергетические установки давали энергии даже больше, чем указывалось в спецификациях, наводка на цель происходила практически мгновенно, а пусковые испытания прошли как по маслу.

Как ни странно, экипажи довольно быстро набирали необходимую форму. Единственным печальным инцидентом стала драка —

бывший вор, поссорившись с бывшим полицейским из-за последнего куска соевого бифштекса, достал нож. Он думал, что на этом спор закончится, но бывший полицейский сломал ему руку в шести местах, нож в двух, а потом сообщил дежурному офицеру, что его товарищ, такой бедняга, споткнулся и очень неудачно упал.

И командиры тоже понемногу набирались опыта. Ш'аарл't на «Клаггете» практически ни в чем не уступала Стэну; другого, впрочем, он и не ожидал. Ламин Стикка на «Келли» был просто великолепен, и теперь Стэн понимал, как его род пережил всю эту чертову пропасть поколений сплошных воинов. Лейтенант Эстил на «Ричардсе» при помощи Тапии тоже держался молодцом. Он все еще предпочитал слепо следовать приказам, но Стэн надеялся, что это скоро пройдет.

По крайней мере, никто не влез под работающие дюзы и никто не протаранил одним кораблем другой. Стэн и Алекс, хотя и держались с видом «пока получается не очень, парни, попробуем снова», на самом деле были весьма довольны.

Вот только со сном были проблемы.

«Еще семь дней,— обещал сам себе Стэн.— А потом мы начнем отрабатывать посадку и выжидание в укрытии на самом миленьком, самом уединенном мирке, какой только можно найти».

В этот момент и прозвучал сигнал боевой тревоги. Изображение на экране сменилось текстовым сообщением:

ОБЪЕКТ ИДЕНТИФИЦИРОВАН. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСКУССТВЕННОЕ. ОБЪЕКТ ЕСТЬ КОРАБЛЬ С АМ-2 ДВИГАТЕЛЕМ... ПРОФИЛЬ, КОНГРУЭНТНЫЙ ПРОФИЛЮ ОБЪЕКТА, В АРХИВЕ ОТСУТСТВУЕТ... КОРАБЛЬ НЕ ВЕДЕТ ПЕРЕДАЧ НИ НА ОДНОЙ ИЗ КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЧАСТОТ... КОРАБЛЬ ПО РЯДУ ПАРАМЕТРОВ РАБОТАЕТ В РЕЖИМЕ СТРОГОГО Э-М МОЛЧАНИЯ...

Текст сменился контуром корабля. Стэн и Алекс не отрывались от экрана.

— Ну и урод,— пробормотал Алекс.

— Почище даже, чем «Сиенфуэгос»,— кивнул Стэн. Он имел в виду тот замаскированный под искателя руд корабль-шпион, на котором они с Алексом как-то чуть не сложили головы во время службы в отряде богомолов.

Алекс понял намек с полуслова.

— Эй, Фосс, окликни-ка его на аварийной волне.

Но прежде чем Фосс успел изменить частоту передатчика, на экране высветилось новое сообщение.

ЗАКОНЧЕН АНАЛИЗ ИЗЛУЧЕНИЯ ДВИГАТЕЛЯ. ПО КОДУ ДВИГАТЕЛЯ КОРАБЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ТААНСКОЙ ИМПЕРИИ.

Стэн включил микрофон:

— Неизвестный корабль... неизвестный корабль... Говорит имперский такшип «Гэмбл». Вы находитесь в закрытом секторе. Повторяю, вы находитесь в закрытом секторе. Приготовьтесь к досмотру.

Не дожидаясь ответа, он через плечо Фосса переключился на межкорабельную связь:

— «Клаггет», «Келли», «Ричардс». Это «Гэмбл». Всем кораблям полная боевая готовность. Оружие к бою. Следовать моей летной схеме. Капитанам приготовиться к самостоятельным действиям. Это не учения. На огонь противника отвечать огнем. Повторяю, это не учения.

— Имперский корабль «Гэмбл»,— пролаял приемник,— это «Бака». Не понял вашего последнего указания. Прием.

Снова изменение частоты.

— «Бака», говорит «Гэмбл». Повторяю. Приготовьтесь к досмотру.

— Говорит «Бака». Мы протестуем. Это гражданское экспедиционное судно, действующее в соответствии с установленными международными нормами. Если в наш курс закралась ошибка, мы готовы принять эскорт вплоть до пределов закрытого сектора. Мы не хотим никаких досмотров.

— Говорит «Гэмбл». Выходим на параллельную орбиту. Стыковка через восемь стандартных минут. Любые попытки избежать стыковки и уклониться от досмотра будут решительно пресечены. Передача закончена.

Стэн повернулся к Алексу.

— Мистер Килгур, вы пойдете со мной. Взять личное оружие. Еще четверо с виллиганами. Живо!

Может, экипаж «Гэмбла» еще и не до конца освоил летные маневры, но насчет взломов опыт у него был всем на зависть. Впрочем, вламываться никуда не пришлось. «Бака» послушно открыла наружный люк и вытянула переходной шлюз.

Два матроса с виллиганами наперевес застыли у входа. Еще двое встали по бокам Стэна и Алекса. Вместе они двинулись по переходной трубе. На полпути все кругом чуть сдвинулось — отряд перешел из поля искусственной гравитации «Гэмбла» в поле «Баки». Внутренний люк таанского корабля медленно открылся.

Стэн ожидал криков и ругани. Вместо этого он столкнулся с тихим негодованием.

На палубе Баки их встретил человек, представившийся как капитан Деска. Он отлично держал себя в руках и тем не менее прекрасно давал почувствовать свою злость.

— Капитан... Стэн! Это ничем не спровоцированная агрессия. Я немедленно буду жаловаться моему правительству.

— И на каком, интересно знать, основании? — спокойно спросил Стэн.

— Вы задержали наш корабль лишь потому, что мы таанцы. Это откровенная дискриминация... Моя компания совершенно не интересуется политикой.

Моя компания? Простой капитан корабля вряд ли сказал бы «моя». Стэн решил, что врать этот капитан не умеет.

— Вы находитесь в закрытом секторе.

— Это ошибка! — возмутился Деска.— У нас есть все необходимые разрешения. Они в моей каюте.

Стэн вежливо улыбнулся. Что ж, будет очень интересно познакомиться с этими документами.

Деска провел Стэна в свою каюту. Коридоры корабля, в отличие от любого нормального экспедиционного судна, блистали безупречной чистотой. Встреченные по пути члены экипажа тоже ничем не напоминали бородатых холостяков, обычно вербовавшихся в далекие и долгие экспедиции. Нет, экипаж «Баки» составляли гладко выбритые, коротко подстриженные молодые люди. Причем все они носили одинаковые комбинезоны. Стэну не потребовалось много времени на изучение представленных документов. Отложив фиши, он встал из-за консоли в спартанской каюте капитанаЕски.

— Как видите,— сказал Деска,— наше разрешение было запрошено лично Сулламорой. Если вы о нем не слышали...

— Я знаю, кто такой Танз Сулламора,— прервал его Стэн.— Если уж на то пошло, мы с ним даже знакомы.

Неужели Деска на миг растерялся? Или Стэну это только показалось?

— Вот и чудесно,— оправившись, радостно воскликнул таанец.

— Интересный у вас корабль,— как бы между прочим заметил Стэн.— Такой чистый...

— Грязи нет, и не может быть извинений.

— Я тоже так думаю. Хотя, конечно, я-то человек не гражданский... И экипаж у вас обучен лучше, чем мой,— переменил тему Стэн.

— Спасибо за комплимент, капитан.

— Думаю, на самом деле вы не слишком-то мне благодарны. Властью офицера империи, я беру этот корабль под арест. Любая попытка сопротивления аресту или невыполнения моих команд будет решительно пресекаться. Если потребуется, то и силой оружия. Вам предписывается под моим командованием проследовать к ближайшей базе имперского флота. В данном случае к Кавите. Там вам будет предоставлена вся защита, на какую вы имеете право по законам империи.

— Но почему, капитан?

Стэн коснулся пары кнопок на висящем у него на поясе устройстве.

— Вы действительно хотите знать, капитан Деска?

— Да, хочу.

— Ну хорошо. Между прочим, я только что отключил мое записывающее устройство и включил блокиратор. Я полагаю, вы ведете запись всего происходящего в этой комнате. То, что я сейчас скажу, не будет зафиксировано вашими устройствами. Это я вам гарантирую.

Капитан, я арестовал ваш корабль потому, что считаю его шпионским. Нет-нет, капитан, вы меня спросили, и я вам отвечаю. Ваши люди выглядят как военные моряки, как офицеры. Если бы я был подозрителен, я сказал бы, что вы сами — весьма крупная шишка в таанском военном флоте. А заявились вы сюда, чтобы разведать подходы к Кавите. Вы даже фальшивое разрешение припасли. На всякий случай. Ну что, капитан, разве я не прав?

— Это просто возмутительно!

— Конечно. Я тоже так думаю. И все равно вы арестованы. Между прочим, даже если вы убедите Кавите, что вы невиновны, невиновны и еще раз невиновны, прежде чем отпустить вас, мы все равно сотрем всю информацию, собранную вашими сканерами.

Адмирал Деска, заместитель командующего объединенного флота, возглавляемого леди Этего, с ненавистью глядел на Стэна.

— Вы крупно ошиблись, капитан. И поверьте мне на слово, я вам это еще припомню.

Глава 33

— Что вы сделали? — не сдержался Стэн.

Он даже не заметил, что забыл добавить «сэр». Впрочем, Ван Дурману сейчас не требовались лишние причины для негодования.

— Я не спрашивал вашего мнения, капитан. Я просто проявил любезность и лично сообщил вам мое решение. Но раз вы туги на ухо, я готов повторить. После внимательного изучения данного случая нашими офицерами под моим личным руководством было решено, что арест таанского научного судна «Бака» был ошибочным. Возможно, они и в самом деле случайно залетели в закрытый сектор, но капитан Деска заверил меня, что в их распоряжении имелись только устаревшие и не вполне точные карты.

— Сэр, вы лично видели эти карты?

— Молчите, капитан Стэн! Капитан Деска настоящий джентльмен, и я не вижу оснований не верить его слову.

Стэн, стоя по стойке «смирно», мрачно глядел на полированный стол Ван Дурмана.

— Я также передал наши извинения начальству капитана Дески и руководству его компании на Хизе, которая, как вам, несомненно, известно, является столицей Таанских миров.

И опять Стэн не сумел удержать язык за зубами:

— Сэр, всего один вопрос. Вы, по крайней мере, стерли записи корабельных сканеров?

— Разумеется, нет. Как бы они тогда добрались домой?

— Спасибо, сэр.

— Я еще не закончил. Вы, капитан, можете считать, что вам крупно повезло.

— Сэр?

— Офицерам и матросам Двадцать третьего флота было бы стыдно, узнай они об этом прискорбном случае. А потому я, разумеется, не мог внести соответствующий выговор в ваше личное дело.

Перевод: Ван Дурман не сообщил об аресте таанского корабля на Прайм-Уорлд.

— И вот что еще я скажу вам, молодой человек. Когда вы только поступили под мое начало, я сильно сомневался в ваших способностях. Флот заслуженно гордится своими традициями. Наши офицеры — это прежде всего джентльмены. Вас, с другой стороны, воспитала армия. Такие, как вы, тоже, наверное, нужны, с этим я не спорю. Но с точки зрения флота вы, как офицер, ведете себя просто неподобающим образом.

Я надеялся, что тут, на Кавите, видя перед собой пример сослуживцев, вы исправитесь к лучшему. Но я ошибался. Вы не только избегали общества своих коллег, но и окружили себя, не преувеличивая можно сказать, настоящими отбросами нашей службы.

Пусть будет так. Вы вылезли из помойки... и предпочли в ней и валяться. Но при первой же возможности, капитан, при первой же вашей ошибке я сломаю вас пополам. Я расформирую весь ваш отряд, а вас отдам под трибунал и, искренне надеюсь, сумею-таки отправить на тюремную планету в кандалах. Это все. Можете быть свободны.

Стэн отдал честь, четко повернулся и вышел из кабинета Ван Дурмана. Он выбрался из отеля и только в саду, прислонившись к толстому дереву, дал волю душившему его смеху. Адмирал Ван Дурман полагал, что смешал Стэна с грязью. Ему бы не мешало поучиться у самого вежливого сержанта в отряде богомолов.

Отбросы военного флота в лице Стэна отправились обратно к своим кораблям. Стэну не только хотелось выпить; ему еще не терпелось узнать — Алекс наверняка в курсе,— что, черт возьми, означает «в кандалах».

Глава 34

— Шеф, мне кажется, вам надо выпить.

— И побольше,— кивнул император.— Давай, Махони, тащи сюда стул и бутылку.

Смешивать напитки для императора было проще простого. Следовало только взять бутылку того, что император называл виски, и плеснуть немного на донышко бокала.

— Любопытно,— произнес Махони, осушив бокал и наливая себе новую порцию,— что так зудит у Сулламоры в дюзах? Он расхаживает по приемной с таким видом, будто вы только что национализировали его мать.

— Черт побери! — выругался император.— Я уже шесть раз говорил Сулламоре, что не сомневаюсь в его невиновности. Разумеется, документы «Баки» были фальшивые. Я, кажется, растолковал ему все яснее некуда. Что же мне теперь — каждый час ему об этом говорить?!

Махони удивленно приподнял бровь.

— Ладно,— вздохнул император.— Похоже, когда ты уйдешь, мне снова придется чесать Танзу за ухом.

Дело было в аресте и последующем освобождении «Баки». Хотя Ван Дурман предпочел не подавать рапорта, один из агентов Махони, внедренный в штаб 23-го флота еще в те времена, когда Ян заправлял имперской разведкой, так называемым подразделением «Меркурий», не поленился сообщить подробности.

— Первое, что мы должны сделать, сир, это разжаловать болвана Дурмана до палубной крысы третьего класса.

— Я никогда не понимал,— задумчиво проговорил император,— становятся ли существа солдатами по врожденной глупости или это форма превращает их в идиотов.— Он сделал глоток.— Шесть... сосчитай по пальцам, шесть кретинов в моем дурацком парламенте считают Дурмана величайшим флотоводцем со времен адмирала Нельсона.

— И вы оставите этого чудака заправлять Двадцать третьим флотом?

— Разумеется, нет. Я соберу, крайне тщательно, огромную массу доказательств. В подходящий момент я отправлю в Пограничные миры пару-тройку моих ручных депутатов. Вернувшись, они расскажут мне, как там все ужасно. Вот тогда-то я, с большой неохотой, повешу Ван Дурману еще одну звезду и отправлю к черту на рога сторожить айсберги.

— Сир, боюсь у нас нет на это времени. И мой агент, и Стэн утверждают, что весь экипаж «Баки» состоял из военных моряков. Они и вправду собираются на нас напасть.

— Бросьте на минутку этого вашего Дурмана и наполните мой чертов бокал. А потом скажите мне, что я должен сделать. И нет, сразу вам говорю, я не дам согласия на упреждающий удар по Хизу.

— Это,— произнес генерал Махони, наполняя бокалы,— было одним из моих предложений.

— Не забывай, Ян. Я не начинаю войн. Я их только заканчиваю.

Махони мог лишь развести руками. Он уже не в первый раз выслушивал мнение императора о том, что в войне не бывает победителей и что чем больше нация воюет, тем слабее она становится.

— Но как насчет этой войны, сир? Как насчет...

— Вы уже пробовали этот довод, генерал. Я все равно не разрешу разместить Первую гвардейскую в Пограничных мирах. Сейчас мы стоим в каком-то миллиметре от войны с таанцами. И я буквально из кожи вон лезу, лишь бы она не началась. Я пошлю туда твоих громил, и — бах! — все кончено.

Махони тщательно обдумывал свои слова. Император мог считать его доверенным лицом, возможно, даже другом, но он все равно оставался вечным императором. Один неверный шаг, и можно отправиться сторожить айсберги вместе с Дурманом.

— Не обижайтесь, сир, но что, если нам не удастся остановить таанцев?

Император нахмурился, хотел что-то резко ответить, потом решил сперва допить виски. Подойдя к окну, он задумчиво оглядел дворцовый сад.

— Все бывает,— наконец произнес властитель.— Возможно, я теряю гибкость мышления.

— Значит, я могу...

— Нет, генерал. Никакой гвардии.— Император еще немного подумал.— Когда, скажите мне, гвардия в последний раз проходила курс тренировок в джунглях?

— Шесть месяцев назад, сир.

— Слишком давно. Мне стыдно за вас, Махони. Вы позволили им обленииться и заплыть жиром.

Махони даже и не протестовал. Он видел, что император что-то придумал.

— Мне кажется, я владею милым кусочком бездонного болота в интересующей вас части Вселенной. Там во время Муэллеровских войн располагалась база нашего флота.

Подойдя к терминалу одного из императорских компьютеров, Махони запустил программу на поиск.

— Так точно, сир. Ишби-тринадцать. Необитаемая планета, если не считать некоторых весьма вредных тварей и обслуживающего персонала главной базы. Так, во всяком случае, записано в фише. Вы правы. Эта система лежит совсем рядом с Пограничными мирами. Лететь туда... около недели.

— Может, хватит беспокоиться о Пограничных мирах? Мы разберемся с милыми таанцами методами дипломатии. Я и посылаю-то вас на Ишби только затем, чтобы узнать, любят ли тамошние москиты ирландскую кровь.— Император внезапно стал серьезным.— Махони, это все, что я могу сделать. Сейчас мне просто не остается ничего другого.

И генерал-майор Ян Махони подумал, что стоит, пожалуй, проверить, все ли в порядке с его собственной страховкой.

Глава 35

Тридцать семь членов Таанского совета молча слушали леди Этего, докладывающую о состоянии дел в системе Эрибуса. Жесткая деловая хватка высокородной дамы чувствовалась, несмотря на многие световые года, отделявшие ее от Хиза. Если леди Этего и склоняла перед кем-то голову, то лишь перед своим учителем, лордом Ферле, самым влиятельным членом совета.

— ...Таким образом,— говорила она,— подводя итог, можно заключить, что общая готовность флота составляет шестьдесят процентов, горючего и других припасов — сорок три процента, оружия и амуниции — семьдесят один процент.

Ферле поднял палец, показывая, что берет слово.

— Один вопрос, леди. Некоторые члены нашего совета высказывали опасения по поводу экипажей. Не могли бы вы объяснить нам, в чем здесь загвоздка?

— Мне это крайне неприятно,— призналась леди Этего,— но я могу дать только самые приблизительные оценки. По правде говоря, экипажи еще не достигли принятого у нас уровня.

— Приблизительная оценка нас вполне устроит,— кивнул Ферле.

— В этом случае я бы сказала, что у нас достаточно людей, чтобы сформировать минимальные экипажи на всех имеющихся судах. Некоторые, даже ключевые, позиции будут пустовать, но я надеюсь, что со временем мы решим и эту проблему.

— У меня тоже есть вопрос, леди,— подал голос новый член совета полковник Пэстор.

С трудом сдерживая нетерпение, Ферле покосился на лорда Вичмана, но тот едва заметно покачал головой.

— Да, мой лорд?

— Сколько нам потребуется времени, чтобы довести флот до полной готовности?

— Минимум два года,— не задумываясь, сказала леди Этего.

— В этом случае,— продолжал Пэстор,— члены совета были бы рады выслушать ваше мнение. Как вам кажется, должны ли мы одобрить действия, обсуждаемые на текущем заседании?

— Этот вопрос выходит за пределы моей компетенции.

— И все-таки как вы полагаете?

Леди Этего так и сверлила полковника взглядом.

«Отлично,— подумал Ферле.— Невинный на первый взгляд вопрос Пэстора не застал ее врасплох».

— Мой долг, глубокоуважаемый лорд, выполнять приказы совета, а не пытаться угадать его решения.

Однако Пэстор так просто не сдавался.

— Совершенно справедливо, леди. Тем не менее, как командир нашего флота, вы, несомненно, можете оценить наши шансы на успех в случае, если мы атакуем без промедления.

— Удовлетворительные, мой лорд.

— Всего лишь удовлетворительные?

— Разве таанцам этого мало, мой лорд?

Пэстор покраснел, а по залу заседаний совета прокатился одобрительный шепот. Теперь Ферле решил вмешаться. Хотя старый полковник и надоел ему своими сомнениями, нарушать единство совета не следовало.

— Спасибо, леди Этего. Пока с вами все. Через час мы сообщим вам наше решение.

— Благодарю, мой лорд.

Ферле нажал на кнопку, и изображение леди Этего исчезло с большого экрана.

— Должен сказать,— поднялся Вичман,— и думаю, ко мне присоединятся все члены совета, что лорд Ферле сделал исключительно удачный выбор, назначив леди Этего командовать флотом.

Члены совета опять одобрительно закивали . Все, кроме полковника Пэстора.

— На вашем месте, лорд Ферле,— произнес он с какой-то странной улыбкой,— я бы как следует приглядывал за этой женщиной. Она слишком хороша, чтобы нам быть спокойными.

Пэстора порой понять было просто невозможно. Вот, например, сейчас. Ферле даже засомневался в правильности своего решения ввести Пэстора в совет. Ладно, чего сейчас жалеть. Дело сделано. Кроме того, Пэстор был одним из крупнейших промышленников Таанского союза и обладал невероятной способностью набирать крупные воинские отряды там, где и людей-то на первый взгляд уже не оставалось.

К тому же крайняя воинственность лорда Вичмана прекрасно компенсировала слабости Пэстора. Да, Ферле считал Вичмана одним из своих успехов. Пройдя весь путь от рядового до генерала, тот мог похвастаться практически всеми наградами, какими Таанский союз только удостаивал своих героев. И что еще важнее, Вичман умел находить общий язык с массами. Ему каким-то чудом удавалось подвигнуть на жертвы даже вечно недовольных рабочих. Впрочем, никого особенно и не интересовало, как это у него получается. Главное — был бы результат.

В прежние времена Таанский Верховный совет наверняка бы сравнили с русским политбюро. Каждый его член представлял определенную сферу деятельности таанского общества. Все решения принимались единогласно и не подлежали дальнейшему обсуждению. По сути, голосования и не проводились. Никогда за всю историю совета разногласия в нем не становились достоянием общественности. Любой вопрос, прежде чем попасть в повестку дня, тщательнейшим образом обсуждался в кулуарах. В случае необходимости кто-то шел на компромисс, кто-то терял голову, но итоговый план уже не встречал возражений. Само заседание совета являлось пустой формальностью.

— Значит,— подвел итог Ферле,— мы все согласны начать атаку на империю.

Члены совета закивали. Только Пэстор не пошевелился.

— Я все-таки не до конца уверен в правильности такой спешки,— сказал он.— Может, стоит обождать? Через пару лет империя даже гавкнуть на нас не посмеет.

В зале воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на Ферле, ждали, что он ответит.

Председатель совета ничем не выдал своего раздражения.

— Мы уже это обсуждали. Чем дольше мы ждем, тем больше вероятность, что вечный император что-нибудь пронюхает. Тем больше кораблей они успеют построить. Нам не выиграть технологической войны с империей. Ты-то,— Ферле в упор посмотрел на Пэстора,— лучше всех должен это понимать.

— Да, конечно. Но что, если операция не увенчается успехом? Мы рискуем всем нашим флотом! А если мы его потеряем? Что тогда? Снова под пятой вечного императора!

— Я не останусь в одной комнате с трусом! — взревел Вичман, вскакивая из-за стола. Лицо у него даже покраснело от ярости. Цокая каблуками, он пошел к выходу. Совет загудел, как растревоженный улей.

И тут Ферле громко стукнул кулаком по столу. В зале мигом воцарилась тишина. Вичман замер, словно каменная статуя.

— Господа! Вы что, забыли, где находитесь?

Он холодно осмотрел сидящих за столом членов совета, и под его взглядом они как-то съеживались и начинали неловко ерзать в креслах. Потом Ферле поднял взор на Вичмана.

— Я уверен, что полковник просто неудачно выразился. Мы все знаем, что он не трус.— Ферле одарил генерала ледяной улыбкой.— Вы согласны со мной, мой лорд?

Понуро опустив плечи, Вичман вернулся на свое место.

— Я прошу прощения за грубость,— сказал он Пэстору.

— Я тоже прошу прощения. Мне еще так много предстоит узнать о работе совета.

Напряжение в комнате спало, и Ферле решил, что пора заканчивать.

— Значит, решено. Атакуем немедленно!

Все собравшиеся поторопились высказать свое одобрение. И голос Пэстора звучал громче всех.

Глава 36

— Мистер Килгур,— произнес Фосс, мечтательно глядя на экран,— можно мне задать вам один вопрос?

— Валяй, парень.— Килгур посмотрел на часы.

До конца вахты оставалось еще около часа. Что ж, разговор всегда считался прекрасным средством от скуки.

— Посмотрите на этих толстых торговцев под нами. Когда вы были молодым, вам никогда не хотелось стать пиратом?

— Знаешь, приятель,— хмыкнул Килгур,— у меня есть для тебя новость. Я был пиратом. Мой род — род потомственных бандитов. Вот так, дружище.

Фосс с сомнением покосился на Килгура. Он никогда не мог понять, когда тот говорит правду, а когда просто заливает баки.

Отряду Стэна было поручено сопровождать транспорты. Растущая напряженность на границе с Таанским союзом резко сократила торговлю с Пограничными мирами. Однако некоторые грузы все-таки приходилось везти через эти ставшие смертельно опасными сектора. Теперь корабли собирали в конвои и сопровождали вооруженным эскортом. Возле самой границы их усиливали кораблями имперского флота.

Сейчас под такшипами Стэна находились пять похожих на огромные бочки транспортов из флота Сулламоры, цепочка контейнеров с четырьмя тягачами, два наскоро вооруженных резервных крейсера и один древний эсминец, «Ниошо», из флота Ван Дурмана.

Для Стэна упорно оставалось загадкой, о чем думает Ван Дурман — если, конечно, тот вообще способен думать. Доблестный адмирал, похоже, предпочитал держать свои корабли на земле, а не в космосе. Возможно, он боялся забыть о них, потеряв из виду.

Впрочем, к маленькому отряду Стэна это не относилось. Ван Дурман оказался верен своему слову. Ему явно не терпелось как следует прищучить Стэна, и потому он без продыха гонял его на задания. Чем только не занимались «Клаггет», «Гэмбл», «Келли» и «Ричардс». Они и возили почту, и уточняли карты, и, как в этот раз, сопровождали конвои транспортов.

Хитрый замысел адмирала не больно-то пугал Стэна. Даже наоборот. Если бы Стэн сам хотел погубить чью-то карьеру, он бы уж постарался все время держать свою жертву в поле зрения и вовсе не давал бы подниматься с земли. А бесконечные полеты только позволяли Стэну лучше обкатать свои разношерстные экипажи.

Единственной проблемой был износ нежных двигателей такшипов. Если бы не гений Саттона, добывавшего куда больше запасных частей, чем полагалось по инструкциям, корабли Стэна уже давно исчерпали бы свой ресурс.

Как бы там ни было, сейчас четыре такшипа мирно дремали в позиции верхнего эскорта. Капитан «Ниошо» с легкостью согласился на предложение Стэна держать такшипы «над» конвоем, электронным зонтиком совершенных сенсоров прикрывая всю флотилию. «Ниошо» занял гордое место головного судна, и, насколько Стэн мог судить по межкорабельным переговорам, капитан и старшие офи-

церы эсминца тут же отправились кутить на идущий первым транспорт.

Стэн даже немного им завидовал. По слухам, корабли Сулламоры были весьма и весьма роскошны — их экипажи не больно-то жаловали спартанский быт.

Электронные глаза и уши такшипов работали на полную катушку. Слишком уж часто в этих секторах исчезали суда. Объяснений могло быть множество, торговцы никогда не отличались аккуратностью в сообщении своих координат; нельзя сбрасывать со счетов и несчастные случаи, и нападение пиратов. Но все равно оставался еще большой знак вопроса.

Предположение о существовании пиратов мало кто принимал всерьез. Несмотря на многочисленные популярные иллюзоленты, никто не мог бы разбойничать в космосе. Имперский контроль за АМ-2 быстренько положил бы конец любому рейдеру.

Но вопросительный знак оставался.

Через четыре дня после присоединения такшипов к конвою Стэн получил ответ на свой вопрос.

Проревела сирена тревоги, и Стэн, бросив недописанным очередной отчет Ван Дурману, выскочил из каюты в командную рубку.

Конвой растянулся впереди и ниже такшипов. Один транспорт, как всегда, немного отстал и теперь тащился в самом хвосте колонны. А «снизу» и «сзади» к нему подбирались три неизвестных корабля. Стэн сверился с экраном оценки курсов. Через несколько минут транспорт окажется в пределах досягаемости потенциального противника.

Стэн привел все системы «Гэмбла» в боевую готовность. Одновременно он передал сигнал тревоги на остальные три своих корабля. Переключившись на якобы всегда открытый канал связи с конвоем и не получив ответа на свой вызов, Стэн тем не менее передал предупреждение об опасности.

«Внизу» воцарился настоящий хаос. «Ниошо» и первый транспорт летели как летели, словно ничего и не услышали; развлекались там, похоже, весьма круто. Два других транспорта тут же начали маневрировать и в результате едва не столкнулись друг с другом. Третий транспорт вообще устремился куда-то в сторону. Цепочка контейнеров изогнулась, как громадный червяк, а капитаны буксиров разом принялись тянуть каждый в свою сторону. Отставший транспорт внезапно — и совершенно бесполезно — дал полный ход, и резервные крейсера разразились градом идиотских вопросов.

Но сейчас Стэну было не до них.

— Всем такшипам. Говорит «Гэмбл». Перейти на независимое командование. Разобрать цели. Прошу следить за моими попытками связаться с неизвестными кораблями. Разрешаю открывать огонь по усмотрению капитанов.

Стэн перешел на аварийную частоту, которую, по правилам, должны были прослушивать все без исключения суда.

— Неизвестные корабли... это имперский такшип «Гэмбл»... Кто вы такие? Измените траекторию, или будете атакованы.

Экран коммуникатора оставался темным. Килгур указал на фиолетовое свечение, сопровождавшее горящие на экране точки трех догоняющих конвой рейдеров.

— Сперва «Бака»... теперь эти клоуны. Мне кажется, таанцы что-то больно разыгрались.

На другом экране высветился компьютерный анализ трех вражеских кораблей.

— Дилетанты,— пробормотал Килгур.— Я думаю, это переоборудованные патрульные суда. Вооружения у них — только-только справиться с транспортом. Ну и отряд для штурма и захвата.

Фосс завороженно глядел на Килгура — может, этот тип с Эдинбурга и в самом деле раньше был пиратом.

— Такшипам можно атаковать,— приказал Стэн.— Огонь вести на поражение.

Килгур перевел «Гэмбл» на боевую орбиту, а рейдеры явно ничего не замечали. Все их внимание, похоже, было обращено на плетущийся в хвосте каравана транспорт.

— Выбор оружия, сэр?

— Мы не станем тратить на них «Кали». Дайте мне отсчет по дальности для «Гоблина».

Килгур поглубже надвинул контрольный шлем.

— И шесть... и пять... и четыре... и три... и два... и один. «Гоблин» пошел.

Первый рейдер даже не узнал, что с ним приключилось. Он просто-напросто исчез. Второй и третий бросились врассыпную. Один, сделав крутой разворот, решил спасаться бегством. Стэн поглядел на индикатор — любой из такшипов был по меньшей мере на треть быстрее, чем этот рейдер. Третий корабль, похоже с более умным капитаном, выпустив пару ракет, кинулся к транспорту, рассчитывая, вероятно, спрятаться в его тени.

— «Клаггет», «Келли», «Ричардс»,— приказал Стэн.— Хотите снять для меня беглеца? Я возьму на себя того, что похитрее.

— Вас понял, «Гэмбл»,— раздался в динамиках спокойный голос Стикки.— Вы всегда выбираете то, что поинтереснее.

— Между прочим, «Келли», постарайтесь раздобыть парочку пленных. И может, вы подскажете мне, откуда взялись эти парни?

— Попробуем. Конец связи.

Пока Стэн разговаривал с капитанами, Алекс запустил три антиракеты типа «Фокс» и через несколько секунд уже наблюдал два весьма впечатляющих взрыва.

— Приближаемся... приближаемся...— монотонно бубнил Фосс.

— Неизвестный корабль, говорит имперский такшип «Гэмбл». Немедленно выключите двигатели!

Никакого эффекта.

— Глупышка,— покачал головой Алекс.— Ему бы следовало пальнуть по транспорту в надежде, что мы мягкосердечны и, бросив его, кинемся спасать команду торговца... «Гоблин» пошел. Что толку говорить с идиотами... Попадание... Готов.

Второй рейдер превратился в облачко быстро расплывающегося радиоактивного газа.

— «Гэмбл», говорит «Клаггет». Рейдер уничтожен. Уцелевших нет.

— Всем такшипам. Говорит «Гэмбл». Вернуться на прежнюю орбиту.

— «Гэмбл», это «Ниошо». Что происходит?

Вопрос прозвучал, надо сказать, довольно жалко.

Фосс совершенно разумно не стал отвечать на радиограмму с эсминца. Пусть подождут, пока Стэн и Алекс придумают ответ, за который Ван Дурман потом не отдаст их под трибунал.

Глава 37

Стэн очистил поверхность рабочего стола, включил усилители и подсел поближе. Он решил, что не позволит испортить себе этот вечер. Выдалось редкое время, когда можно спокойно заняться своим хобби.

Стэн выписал экипажам такшипов увольнительные на двадцать четыре часа. Теперь он был свободен. Плеснув в бокал немного стрегга, капитан поболтал кристально чистый напиток и сделал маленький глоток. Жидкое пламя потекло по его жилам.

Вздохнув в предвкушении удовольствия, Стэн достал из-под стола маленький черный чемоданчик, щелкнул застежками. Внутри лежала дюжина с небольшим крошечных карт, исписанных не видимыми глазом компьютерными уравнениями. Стэн давно уже увлекался построением голографических моделей древних фабрик и заводов. Одна карта, например, содержала в своих микросхемах целую лесопилку начала двадцатого века. Крутились колеса, вгрызались в бревна пилы, крошечные рабочие занимались каждый своим делом — все точно так, как это и было сотни лет тому назад. Стэн смастерил лесопилку за время службы на Прайм-Уорлде.

В летной школе он начал свою последнюю работу. На сей раз Стэн решил создать голографическую модель староанглийской плантации хмеля. Он вставил карту в щель и включил компьютер. На столе возникли маленькие фигурки крестьян, обрабатывающих поле. Порывшись в архивных фишах, Стэн узнал, что хмель, используемый в те времена для приготовления пива, выращивали на высоких трехногих опорах. С наступлением осени крестьяне убирали урожай и

в помощь себе приглашали мужчин и женщин со всей страны. Хмель вырастал таким высоким, что собирать его приходилось на ходулях.

Пока что создание Стэна состояло из поля зрелого хмеля, части работников и запряженных ослами повозок для вывоза собранного урожая. До завершения оставались еще месяцы и месяцы кропотливого труда.

Нажав несколько клавиш, Стэн вызвал незаконченное изображение повозки и, взяв световое перо, приготовился рисовать. К чертежу следовало кое-что добавить.

И тут в дверь негромко постучали. Стэн даже рассердился. Какого черта! Он же, кажется, ясно просил его не беспокоить.

— Войдите!

На пороге стоял весьма перепуганный солдат.

— Прошу прощения, сэр, но...— он даже заикался от волнения,— но... там... сэр, к вам пришла леди.

— Пусть это даже сама королева... Ладно. Кто такая?

— Думаю, это дочь адмирала Ван Дурмана.

Черт возьми! Именно то, чего ему не хватало. Уж без этой пьянчужки он мог бы и обойтись.

— Скажи ей, что меня нет.

Солдат повернулся, заколебался, а потом снова обернулся к Стэну. Он протянул капитану розу и перевязанный цветной лентой пакетик.

— Она велела, сэр, передать вам это,— словно прыгая в холодную воду, выпалил солдат.— И передать, что она просит прощения... Я... я думаю, сэр, она сразу поймет, что я вру. Это... когда я скажу ей то, что вы велели мне ей сказать.

Сжалившись над несчастным часовым, Стэн принял подарки.

— Я сейчас выйду.

Отложив розу в сторону и глотнув для храбрости стрегга, он раскрыл пакет. Внутри лежала маленькая компьютерная карта — точь-в-точь как те, что он использовал. Это еще что за новости?.. Стэн вставил карту в свой компьютер, и на поверхности стола появилась крошечная трехмерная модель старой башни. Точная копия амбаров, использовавшихся на древних плантациях хмеля! Откуда она только узнала?

Как на это ни посмотри, лучшего извинения, наверное, и не придумать.

Они отобедали в одном из самых фешенебельных ресторанов Кавите. Бриджит Ван Дурман настояла, что платить будет она.

В первый момент Стэн даже не узнал ждущую его женщину. В последний раз, когда он видел Бриджит, она была пьяной, с капризной гримасой на губах. На сей раз капризное выражение исчезло без следа, оставив только широко раскрытые глаза и беспокойную улыбку.

— Отчасти я даже надеялась, что тебя нет,— тихо сказала Бриджит.— Я не больно-то умею извиняться. Особенно лично.

— По-моему, у тебя получается просто великолепно.

— Ты имеешь в виду мой амбар? Это было совсем не трудно.— Девушка небрежно махнула рукой.— Я просто посоветовалась с твоим другом.

Так вот почему Алекс ушел в город этим вечером, вот почему он так многозначительно ухмылялся, и хмыкал, и толкал локтем в бок!..

— Наверное, он и сказал тебе, что я собираюсь остаться на борту? — спросил Стэн.

Бриджит рассмеялась.

— А что, это такая страшная военная тайна?

Стэн посмотрел на длинные струящиеся волосы, на гибкое стройное тело девушки.

— Нет,— ответил он.— Наверное, нет...

Капитан проводил ее до гравитолета, и эта короткая прогулка каким-то непонятным образом переросла в долгий разговор, который им обоим очень не хотелось заканчивать. Где-то на полпути они решили вместе пообедать. А потом отправились в ресторан, кухне которого, по мнению Стэна, могли бы позавидовать даже Марр и Сенн.

Это было экзотическое кафе на открытом воздухе, обосновавшееся на краю частного летного поля. В центре располагался садик, где посетители могли посидеть в тишине и покое, немного выпить и побеседовать, пока официанты собирали заказанные корзинки для пикника. Вокруг садика бесконечным хороводом кружилось множество небольших, непрозрачных снаружи шарообразных кабинок. В каждой с комфортом могли разместиться два гостя и корзинка с деликатесами.

Стэна не удивило, что Бриджит заранее заказала места. Они около часа прождали в садике — разговаривая, потягивая пиво и следя за тем, как похожие на разноцветных светлячков насекомые кружатся вокруг кабинки. Стэн в меру способностей рассказал Бриджит о себе. С внезапным смущением он обошел годы, проведенные в отряде богомолов. Он так привык тут врать, что и сам уже начинал верить в свою «легенду». Странно, что теперь, ни с того ни с сего, она вызвала у него какой-то дискомфорт. Может, дело в теплой тихой ночи и охлажденном вине?

А Бриджит в красках описывала свое детство, в котором она, пока ее отец рос в чинах, вдоволь налеталась по звездным системам. Напрямую девушка этого не говорила, но у Стэна сложилось впечатление, что ее смущает та пышность, с которой Ван Дурман обставил свое «правление» 23-м флотом. И от этого, похоже, она чувствовала себя виноватой.

В конце концов гостей пригласили в их собственный шар. Крыло входа мягко закрылось, и они взлетели, вливаясь в карусель других пирующих. В корзинке оказалось более сотни королевских яств —

все нарезанные на удобные кусочки «на один укус». И все-все разные. Бриджит поведала Стэну оставшуюся часть своей истории. Разумеется, у нее был любовник.

— Мне кажется,— сказала она,— это был самый красивый мужчина, какого я только встречала... Пойми меня правильно. Он не щеголял накачанными мускулами, вовсе нет. Стройный, жилистый и смуглый...— Она помедлила.— Он был таанцем.

И тут Стэн все понял. Дочь адмирала и ее любовник таанец. Стэн прекрасно представлял, что сделал Ван Дурман в этой ситуации. Тут наверняка не поздоровилось обеим сторонам. А еще Ван Дурман из кожи вон вылезет, чтобы его дочь не скоро забыла о своей ошибке.

— У меня только один вопрос,— сказал Стэн.

— О Рее?

— Ну да, Рей. Насколько я понимаю, вы обручены.

— Рей думает, что мы обручены. Отец знает, что мы обручены. Но что до меня...— Она пожала плечами, задумчиво глядя на горящие вдали огни Кавите.

— Да?

Бриджит рассмеялась.

— Я считаю, что Рей полное дерьмо.

— И что же ты намереваешься делать?

Бриджит откинулась на мягкую спинку дивана, протянувшегося вдоль одной из стенок шара.

— Пока не знаю. Буду играть, как смогу. Пока не подвернется что-нибудь получше.

Это Стэн уже слышал. И не раз.

— Мне казалось, что прекрасные принцы несколько вышли из моды,— заметил он.

Бриджит прильнула к его боку. В притворной умильности моргая длиннющими ресницами, она снизу вверх посмотрела на Стэна.

— Ах, сэр,— проворковала девушка, подставляя губы для поцелуя,— я вовсе не верю ни в каких принцев.

Мгновение спустя они уже целовались, и Бриджит опустилась на диван. Ее платье соскользнуло на пол, открыв нежную кожу цвета слоновой кости. На ней остался лишь крохотный клочок шелка между ног, удерживаемый на месте обвившейся вокруг талии тонкой золотой цепочкой. Стэн нежно коснулся губами восхитительной мягкости ее живота. А потом осторожно расстегнул цепочку.

Глава 38

— Говорит имперский такшип «Гэмбл». Прошу разрешения на посадку.

Видеосигнала с планетоида не поступало, но и без него Стэн представлял, как вылупился оператор там, внизу, услышав подобный запрос.

— Говорит Ромни. Вас не понял.

— Говорит «Гэмбл»,— терпеливо повторил Стэн.— Я хочу приземлиться на вашей преступной куче дерьма.

— Ждите.

Долгое-долгое молчание.

— Я думаю, Стэн, ты слишком любезничаешь с этими негодяями.

— Может, и так.

Наконец динамик снова ожил:

— Имперский корабль, это Ен Вайлд. Насколько я понял, вы просите разрешения на посадку.

— Совершенно верно.

— С каких это пор империя стучит в двери вроде нашей?

Килгур облегченно вздохнул.

— Ты был прав, парень. Теперь дело пойдет.

— Говорит «Гэмбл». С тех пор, как мы захотели с вами торговать.

— Торговать? Я вижу только один корабль.

— Справедливо, сэр Вайлд.

— Посадку разрешаю. Следуйте по навигационному лучу. Хотел бы я чем-то вам пригрозить, если вы врете... Однако наш с вами разговор записывается, и я имею право на адвоката, юридическую консультацию и все такое прочее...

Под конец голос звучал уже совсем неуверенно.

— Интересно будет, если вы все-таки сказали правду,— чуть оправившись, продолжил Вайлд.— Я вышлю к вам транспорт. Он доставит вас в мой отсек. Конец связи.

Ен Вайлд был та еще штучка. Как, впрочем, и его планетоид. Ромни находился в глубоком космосе, там, куда еще не дотянулись длинные руки сильных мира сего. Много поколений тому назад здесь воздвигли ретрансляционную станцию. С тех пор технология шагнула далеко вперед, ретрансляционные станции безнадежно устарели, и планетоид оказался заброшенным — пока у него не появились новые хозяева.

Стэну пришлось порядком потрудиться, прежде чем он нашел Ромни. Если уж на то пошло, исходная идея принадлежала Килгуру.

— Знаешь, приятель, о чем я думаю? — как-то раз спросил он.— В любом тоталитарном государстве, например в таком, как у таанцев, всегда найдутся свои нарушители. Такова уж человеческая природа. Я прав?

— Мы достаточно повидали всякой мрази, когда были на Хизе,— кивнул Стэн.

— Рад, что ты со мной согласен. Но если у таанцев есть сутенеры и разбойники, то почему бы не быть и контрабандистам?

Стэн мигом понял, на что намекает его друг.

Выбравшись за пределы Пограничных секторов, такшипы зависли в пространстве, молча следя за полетами одиноких кораблей. Собранные данные не пересылались в разведотдел 23-го флота — Стэн знал, что сразу же получит приказ разобраться с нарушителями. Со временем данных накопилось столько, что стало возможным даже строить некоторые прогнозы. Контрабандисты действительно существовали. И действительно летали в контролируемые таанцами сектора. И наконец, они действительно имели базу — по сути, скорее даже и не базу, а перевалочный пункт, где хранились предназначаемые таанцам товары.

Но бывают контрабандисты — и контрабандисты. Захватив несколько судов, направлявшихся к Ромни, Стэн проверил груз и допросил экипажи. Получив необходимые ответы, он высадил пленных со всеми припасами, но, разумеется, без средств связи на далекую от торных путей планету. Теперь он во всеоружии мог поговорить с тем, кто руководил подпольными операциями. Судя по всему, таким человеком был Ен Вайлд.

Стэн по-разному представлял себе самого главного контрабандиста — от чертовски толстого, укутанного в роскошные одеяния сибарита до тощего неврастеника. Чего он никак не ожидал, так это что Ен Вайлд будет выглядеть как самый заурядный клерк из давным-давно расформированного имперского статистического бюро.

А еще Стэн не ожидал, что штаб Вайлда больше всего будет напоминать биржевой зал. По первому впечатлению, Ен мог бы вполне успешно занять место главного распорядителя громадной торговой империи Сулламоры.

Вайлд предложил Стэну и Алексу выпить, но, похоже, не удивился, когда они отказались. Сам он то и дело прихлебывал из большого стакана какой-то совершенно прозрачный напиток. Стэн сильно подозревал, что это простая вода.

— Вы хотите торговать,— наконец произнес Вайлд.— Чем?

— Ты видел мой корабль.

— Видел. Он выглядит весьма внушительно.

— Но он не слишком комфортабелен.

— Разве адмирал Ван Дурман не снабжает вас всем необходимым? — с деланым удивлением спросил Вайлд.

Стэн предпочел не отвечать на этот вопрос.

— С чего вы решили, что я могу вам чем-то помочь? — продолжал Вайлд.

Стэну уже надоело ходить вокруг да около, и он протянул Вайлду список грузов с захваченных им кораблей. Ен надолго замолчал, погрузившись в изучение объемистых документов.

— Допустим, что я и в самом деле имею какое-то отношение к этим грузам,— после долгого молчания сказал он.— И допустим, что в некотором смысле я мог бы оказывать эквивалентные услуги и вашим судам. Короче, какую долю прибыли вы хотите получить?

Килгур вскинулся так, будто его ударили. Стэн успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Не угадал, Вайлд. Плевать я хотел на ваши прибыли.

— Ого-го...

— Теперь моя очередь. Я захватил ваши суда лишь для того, чтобы убедиться: не переправляете ли вы таанцам оружие, двигатели или горючее. Теперь я знаю, что тут вы чисты.

Предположение Стэна, казалось, по-настоящему шокировало Вайлда.

— Чем я горжусь, капитан,— с подкупающей искренностью сказал он,— так это что никогда не связываюсь ни с какой военной контрабандой. Но если я могу доставить людям, имеющим средства, какие-то мелкие вещи, делающие жизнь более приятной, причем не заставляя моих клиентов связываться с дурацкими таможнями и запретами... Тут, на мой взгляд, нет ничего плохого.

— Спасибо, сэр Вайлд. Мы будем с вами не менее откровенны.

План Стэна и Алекса отличался исключительной простотой. Наблюдая за контрабандистами, они заметили, что одни и те же корабли многократно проникают в контролируемые таанцами районы и так же часто их покидают. А значит, они нашли орбиты, не пересекающиеся с многочисленными таанскими патрулями. Раз они не торговали ни оружием, ни горючим, сам факт контрабанды Стэна интересовал как прошлогодний снег. Таанцы платят контрабандистам наличными — значит, часть денег не будет потрачена на их собственных планетах. Может быть, это пусть и совсем чуть-чуть, но повредит и так не больно-то стабильной таанской экономике.

Предложение Стэна было простым. Он хотел получать всю военную информацию, какой только могли обладать люди Вайлда. Взамен, до тех пор пока те не касались оружия, он готов был оставить контрабандистов в покое.

— Мне это не нравится,— хмуро покачал головой Вайлд.

— Но почему?

— Слишком уж вы честные.

— Я же сказал,— усмехнулся Стэн,— что кроме информации нас еще интересует и торговля. Вот тут-то мы вас и надуем.

Вайлд облегченно вздохнул.

— Это уже лучше,— кивнул он.— Но мне надо будет поговорить с моими капитанами.

— Только говори поосторожнее,— посоветовал Килгур.— Если эти новости дойдут до таанцев и нам подстроят ловушку...

— В моей осторожности можете не сомневаться,— усмехнулся Вайлд.— Я занимаюсь контрабандой вот уже полвека, и пока еще никто не подбирался ко мне так близко, как вы.— Он встал.— Я не думаю, что возникнут какие-то сложности. А теперь давайте посмотрим схемы траекторий и выберем наиболее удобное место встреч.

— Мне почему-то кажется, что мы заблудились.

— Это просто глупо! Мы с тобой с блеском закончили школу навигации. Так как же мы можем заблудиться в какой-то паре кликов от ворот базы? Дай-ка мне еще разок взглянуть на карту.

Стэн и Алекс вновь склонились над картой города Кавите. Остальные члены экипажа стояли рядом и изо всех сил старались не смеяться слишком громко над своими озадаченными командирами.

— Ладно, еще одна попытка,— решил Стэн.— На юг по Имперскому бульвару...

— Так мы и шли.

— Налево у Дислера...

— Есть.

— Потом направо у Гаррета...

— Согласен.

— Теперь мы должны увидеть перед собой небольшую аллею, идущую прямиком к авеню Бурнс. Так, во всяком случае, получается по карте.

— Значит, эта чертова карта врет. Тут нет такой улицы!

Проблема заключалась в том, что улицы Кавите представляли собой настоящий лабиринт, совсем как в древнем Токио. К тому же таблички с названиями улиц давным-давно посбивали местные хулиганы.

А начиналось это путешествие вполне невинно. Стэн решил наградить своих людей за отличный труд хорошим обедом. Он предложил им выбрать любое заведение — и плевать на расходы! Узнав решение экипажей, капитан был несколько удивлен. Практически единогласно они решили провести время в таанском ресторане. Большинство при этом предпочитало заведение под романтическим названием «Лес дождей». Ресторанчик находился далеко на окраине и славился самой острой таанской пищей в городе.

Стэн ничего не имел против подобного решения, но ему было крайне любопытно.

— Почему именно таанская кухня? Что плохого в местных блюдах?

Его вопрос был встречен таким оханьем, что сразу стало понятно: лучшие местные деликатесы колеблются между «пресно» и «жирно». Итак, решено: все идут в «Лес дождей». В последний момент у Стэна и экипажа «Гэмбла» возникло одно неотложное дельце на борту, и им пришлось чуть-чуть задержаться. Договорились, что они присоединятся к своим товарищам уже в ресторане.

Стэн был откровенно шокирован, когда увидел центр города. Имперский бульвар начинался как широкая чистая улица, тянущаяся мимо первоклассных магазинов, отелей и сверкающих рекламой кон-

тор. Но потом он превратился в... как бы это назвать... в поле боя, что ли. В мостовой зияли огромные дыры. Половина магазинов были или наглухо заколочены, или сожжены. Вдоль тротуаров тянулись выгоревшие остовы машин. Люди на улицах, за исключением отрядов полицейских в полном боевом облачении, едва завидев экипаж «Гэмбла», поспешно прятались по темным углам.

— Какого черта тут творится? — поинтересовался Стэн.

Фосс, бывавший на улицах города значительно чаще всех остальных, без труда объяснил, в чем, собственно, дело. Когда забили военные барабаны таанцев, местные жители начали нервничать. Причем чем дальше, тем больше. Сперва понемногу, потом все больше и больше, бросая свои дома и бизнес, они начали уезжать. Вскоре безработица стала почти поголовной. Одновременно резко возросло количество уличных банд. Таанский район города превратился в охваченное непрерывными боями гетто.

— Ты хочешь сказать, что наш ресторан стоит посреди зоны боев?

— Что-то в этом роде, сэр.

— Чертовски интересно. В следующий раз мы будем есть все пресное и жирное.

Но делать нечего, надо было идти дальше. Оставалось только полагаться на проклятую карту, которая, по выражению охранника у ворот базы, «точна, как система наведения ракеты». Сейчас Стэн с наслаждением думал о том, каким образом он добьется перевода того часового в вечные уборщики гарнизонных сортиров.

— Наверное, мы где-то не туда повернули.— Стэн со вздохом передал Алексу карту.— Вернемся к Дислеру и попытаемся снова.

Экипаж «Гэмбла» дружно застонал.

— Да к тому времени, как мы заявимся, они там все сожрут,— печально сказал Фосс. Тут только он вспомнил, к кому обращается.— Прошу прощения, сэр.

— А если не возвращаться, то что же делать? Какие будут предложения?

— Я готов рассказать очень интересную историю о пятнистых змеях,— с надеждой в голосе предложил Алекс.— Просто так, сэр, чтобы поднять настроение.

Прежде чем Стэн успел вцепиться Алексу в горло, из-за угла вышла девушка. Никогда еще Стэну не приходилось видеть на человеческом существе столь грязного и одновременно столь откровенного костюма. В отличие от всех остальных прохожих, девушка не кралась в тени и не пряталась при каждом подозрительном шорохе. Нет, эта труженица улиц шла открыто, смело и спокойно. У нее на поясе болтался громадных размеров пистолет.

— Гмм... Простите, мисс?..

Девица окинула Стэна оценивающим взглядом. Затем посмотрела на столпившихся у него за спиной матросов.

— Ты, парень, спятил! — возмутилась она.— Я не возьму вас всех сразу, ни под каким соусом! Да я же неделю потом не смогу работать!

— Нет-нет,— запротестовал Стэн.— Вы меня неправильно поняли. Мне просто нужна помощь.

— Я в этом и не сомневалась.

В конце концов Стэну удалось заставить ее слушать, хотя для этого ему пришлось помахать у нее перед носом пачкой кредиток. Он изложил свою проблему. Девица, качая головой и поражаясь непроходимой тупости военных, указала на полуобвалившуюся арку за обугленным остовом гравитолета:

— Вам туда. Потом налево, опять налево, а там не ошибетесь.

Десять минут спустя они уже поднимали пенящиеся кружки в «Лесу дождей», изо всех сил стараясь догнать своих товарищей.

«Лесом дождей» ресторан назвали неспроста. Под его небольшим куполом и в самом деле находился настоящий лес. Столики стояли между деревьями, возле ласково шумящих водопадов. Откуда-то дул теплый мягкий ветерок, вокруг порхали мелкие птички и большие пестрые бабочки. Владельца заведения звали Тайге. Этот добрый пожилой таанец, похоже, искренне наслаждался удовольствием, какое его еда доставляла многочисленным посетителям.

Меню было не менее экзотичным, чем сам ресторан. Блюда варьировались от слегка острых до обжигающих. Их полагалось запивать большим количеством мягкого таанского пива.

Похлопав себя по надутому, как барабан, животу, Стэн тяжело откинулся на спинку стула.

— Еще удин кусочек,— простонал он,— и я лопну.

— Что с вами, капитан? Потеряли форму? — Весело ухмыляясь, Лиз навалила полную тарелку всякой съедобной всячины.

— И куда в тебя только лезет? — поразился Стэн.

Он не шутил. С трудом верилось, что в такую стройную женщину может влезть такое неимоверное количество еды.

— Вы поверите, сэр, если я скажу — в деревянную ногу?

Сегодня Лиз была в гражданском: надела пару снежно-белых шорт, самых коротких в этом секторе Вселенной, и нечто этакое сверху, едва прикрывающее ее маленькую крепкую грудь. Ноги у нее были длинные, стройные и загорелые. Стэн не мог не восторгаться ими.

— Нет.— Он покачал головой.— В деревянную ногу я поверить не смогу.

Поймав себя на вовсе не подобающих командиру мыслях, Стэн густо покраснел. Лиз заметила его румянец и улыбнулась. Она знала, о чем думает ее капитан. Легонько потрепав его по руке, девушка вежливо отвернулась к Стикке. Стэн понял, что каким-то образом его только что спасли, и за это еще больше полюбил Лиз.

Вдруг снаружи раздались крики и какой-то грохот. Подняв глаза, Стэн увидел, как в ресторан вбежала насмерть перепуганная мо-

лодая пара. Лицо мужчины было залито кровью, одежда на женщине разорвана. В мужчине Стэн сразу признал таанца.

В дверь ударили чем-то тяжелым, и пластик затрещал.

— Давай их сюда! — орали на улице.— Чертовы таанцы, путаются с нашими бабами!..

Тайге показал паре на запасной выход, и та опрометью бросилась туда. Но в этот миг входная дверь рухнула, и в зал ворвались четверо дюжих молодцов. Один из них держал в руках увесистую дубинку. Заметив своих жертв, они радостно взвыли и устремились вдогонку. Тайге, хотевший их остановить, рухнул на пол, сбитый тяжелым ударом кулака. Молодого таанца и его спутницу оттеснили в угол.

— Сперва мы разделаемся с тобой, ты, кусок дерьма,— сказал один из хулиганов.— А потом примемся за твою шлюху.

— Ребята, вы мешаете нам обедать,— раздался у них за спиной спокойный голос.

Повернувшись, четверка увидела перед собой Алекса и Стэна.

— Вы можете уйти,— продолжал Стэн,— только сперва заплатите за причиненный ущерб.

— Еще нашлись любители таанцев! — громко расхохотался мужчина с дубинкой.

Краем глаза Стэн увидел, как его экипаж начал подниматься из-за стола. Небрежным движением руки он велел им сесть обратно.

— По-моему, нас пытаются оскорбить,— сказал Стэн, обращаясь к Алексу.

— По-моему, тоже. Этот парень такой чертов грубиян...

Мужчина без предупреждения что есть силы взмахнул своей дубиной. Он целился в Алекса, и тот даже не попытался увернуться. Поймав дубинку на полпути, он, словно игрушку у ребенка, вырвал ее из рук хулигана. Молодчик зашатался, а Алекс, схватив его за локоть, ногой под зад вышвырнул за дверь.

Килгур не зря вырос на планете, где сила тяжести намного превосходила стандартную. От его удара мужчина пролетел по воздуху несколько метров. Он не попал в дверь и, врезавшись головой в стену, без сознания плюхнулся на пол.

Его товарищи, взбешенные таким обращением, бросились в атаку. Поднырнув под вытянутый вперед нож, Стэн коротко рубанул ладонью, и его противник с безумным воем рухнул под стол, обхватив переломанное запястье. Тремя сжатыми пальцами Стэн ударил другого нападавшего в горло. В последний момент он придержал удар, решив не убивать, а лишь обезвредить противника. Развернувшись на пятке, Стэн приготовился сразиться с третьим бандитом, но нужды в этом уже не было. Держа последнего из молодчиков за пояс, Алекс поднял его высоко в воздух.

— Послушай,— мягко и рассудительно говорил Алекс.— Мы понимаем, вы здорово выпили. С кем не бывает. Плати по счету, и можешь идти. Подобру-поздорову. Как честный человек.

Но тот от страха не мог даже и рта открыть.

Потеряв терпение, Алекс перевернул свою жертву вниз головой и немного потряс. Кредитки так и посыпались на пол. Удовлетворившись результатом, Алекс небрежно вышвырнул мужчину на улицу. Затем они со Стэном быстро обыскали остальных, забрали деньги и вышвырнули тела из ресторана.

Стэн подошел к Тайге, утешавшему плачущую пару, и протянул собранные деньги.

— Если этого мало,— сказал он,— мы готовы скинуться...

— Большое, большое спасибо, молодой человек,— ответил таанец.— Но вам надо уходить. И побыстрее. Прежде чем они вернутся с подкреплением.

Стэн пожал плечами.

— Мне кажется, у нас достаточно сил, чтобы справиться с парой-тройкой хулиганов.

Тайге только покачал головой:

— Нет-нет. Вы даже не представляете, с кем связались...

Снаружи раздались громкие сердитые крики. Стэн подскочил к двери. Теперь он понял, о чем говорил старый таанец. За какую-то пару минут перед рестораном собралось, наверное, больше сотни имперских колонистов. И все они жаждали крови. А из боковых улиц к ним на подмогу валили все новые и новые. Самое смешное, что совсем рядом в своем черном гравитолете находился полицейский патруль. Полдюжины полицейских с хищными ухмылками не только не сдерживали, а, наоборот, только подзуживали толпу.

— Я знаю, что делать,— сказал Тайге.

Он нажал на кнопку возле двери, и тяжелые стальные прутья крепко-накрепко загородили вход. Прочные решетки со звоном закрыли окна ресторана.

— Уходите,— повторил хозяин.— Уходите, пожалуйста. Без вас нам тут ничего не угрожает. Но если вы останетесь...

Несколько секунд спустя Стэн обнаружил, что он, вместе со своими людьми, выбирается из ресторана через черный ход.

— Знаешь, парень,— тихо произнес Алекс,— я не уверен, что мы сражались на той стороне.

На это Стэну было нечего ответить.

Глава 40

Ситуация, с точки зрения Стэна, сложилась совершенно парадоксальная. Он точно знал, что война начнется с минуты на минуту. Об этом говорило каждое сообщение контрабандистов Вайлда. Таанцы вооружали корабли и собирали их в эскадры. Гражданское население на Хизе уже успело привыкнуть к комендантскому часу и карточкам.

А на Кавите все было наоборот. Стэну казалось, что Ван Дурман и его офицеры, окончательно порвав с реальностью, решили навсегда поселиться в мире фантазий и воздушных замков. Приемы адмирала раз от разу становились все пышнее. Остатки воинской дисциплины среди экипажей таяли, словно дым.

Но это время, даже задним числом, было поистине золотым. Для Стэна, возможно, здесь сыграл роль его роман с Бриджит. Другой составляющей, вероятно, стал контакт с Вайлдом. Контрабандисты скрупулезно выполняли свои обещания. Стэну казалось, что даже при дворе вечного императора он не питался так хорошо.

Постепенно собранные с бору по сосенке команды практически без проблем стали настоящими боевыми экипажами. Лейтенант Эстил и тот вполне приемлемо вписался в общий коллектив. Те немногочисленные сложности, которые все-таки возникали, без труда разрешались быстрым кулаком мистера Килгура, взявшего на себя поддержание порядка в отряде. Но самое главное было в том, что четыре такшипа и те, кто вызвался на них служить, выполняли свою задачу так, как считали нужным. Так, как полагалось. И никто не лез им в душу.

Стэн старался пореже бывать на Кавите. Даже для капремонта он набивал механиков в корабль и отправлялся на какую-нибудь заброшенную планетку. В доках Кавите потом никто не понимал, почему специалисты по двигателям или, скажем, по корпусам возвращаются после многодневной работы такими загорелыми и веселыми.

Летать для Стэна стало так же естественно, как дышать. Больше всего ему нравились атмосферные полеты на малой высоте. Здесь скорость чувствовалась, как нигде. Теперь в долгом одиночном патрулировании он нашел новое развлечение. Такшипы много времени проводили, просто вися в пространстве над плоскостями эклиптики разных планетных систем. Они оценивали возможность использования таанцами этих систем в качестве военных баз, проверяли, не перемещаются ли там таанские корабли. Стэну следовало бы скучать.

Но он не скучал. О какой скуке могла идти речь, когда Алекс модифицировал одного «Гоблина», удалив боеголовку и вставив на ее место дополнительные баки горючего? Стэн обожал — разумеется, в свободные от вахты часы — опустить на голову запасной контрольный шлем и вывести «свою» ракету в космос. Он понимал, что ощущение «верха» и «низа» — чистой воды условность, сформированная компьютером. Знал он и что чувство «жара» от близкой звезды и «холода» от замерзших планет тоже не более чем игра воображения. И тем не менее для Стэна управление громадной ракетой стало истинным воплощением извечной мечты человечества о полете. Неплохо было и то, что, если с «Гоблином» что-то случится, сам Стэн находился в безопасности на борту «Гэмбла».

Вахта сменялась вахтой, день шел за днем. Если бы не нужда в дозаправке, Стэн, наверное, вообще не возвращался бы на базу.

Как-то раз, вдали от торных путей, Стэн в первый раз повстречал «Форез». И одновременно вторично встретил адмирала Деску.

«Келли» и «Гэмбл» пытались проследить истоки одного из метеорных потоков. Лейтенант Стикка утверждал, что тот произошел от какой-то разрушенной планеты; Стэну это казалось маловероятным. Большой размер каменных глыб сам по себе еще ни о чем не свидетельствовал. Но развлечения ради он дал разрешение на разведку.

Вой сирен боевой тревоги мигом положил конец развлечениям.

— Это самый большой линкор, какой мне только доводилось видеть,— пробормотал Килгур.— И наш бортовой компьютер не знает такого типа корабля.

— Все по местам,— приказал Стэн, сверяясь с картой.

Они находились в нейтральном секторе, однако Стэн прекрасно понимал, что если таанцам захочется порезвиться, это ему не поможет.

— Неизвестный корабль,— прогудел коммуникатор.— Назовите себя, или будете уничтожены.

— Наглые твари,— пробормотал Килгур.

Стэн переключился на защищенную связь со Стиккой.

— «Келли», говорит «Гэмбл». Если начнется стрельба, вы немедленно летите на базу.

— Но...

— Это приказ.

Он переключил каналы.

— Имперский такшип «Гэмбл» слушает.

Экран прояснился, и Стэн увидел рубку таанского линкора. Он даже не сразу узнал офицера, стоявшего за спиной специалиста по связи.

— Капитан Деска! Поздравляю. Похоже, вы получили повышение.

Деска тоже недоумевал, где он слышал этот голос. Потом вспомнил. Воспоминание было не из приятных.

— Имперский корабль... Вас не слышим.— Ну не благодарить же, в самом деле, за поздравление.— Это линкор «Форез». Вы нарушили границу Таанского союза и с этого момента находитесь под арестом. Приготовьтесь к приему десантного отряда.

— Жаль,— повернувшись к Алексу, сказал Стэн,— что с нами нет Иды.

Алекс ухмыльнулся. Когда-то, еще во время службы в отряде богомолов, одна цыганка-пилот в ответ на подобное предложение только задрала выше головы юбки — под которыми, между прочим, ничего не было.

Стэн не мог придумать столь же достойного ответа и потому просто отключил связь.

— «Келли». На полной скорости возвращайтесь на Кавите. С докладом подождите сорок восемь стандартных часов или до моего возвращения — что произойдет раньше.

— Я принял корабль не для того, чтобы... Так точно, сэр.

Одной причиной для беспокойства меньше. «Келли» отставал от «Гэмбла» на несколько световых минут, и Стэн не сомневался, что таанцам Стикку не поймать.

— Мистер Килгур,— немного подумав, сказал он.

— Сэр.

— Проложите курс точно на «Форез».

— Есть, сэр.

— Три четверти мощности.

Кто-то на «Форезе» явно рассчитал траекторию «Гэмбла». Призывно запищал приемник аварийного канала, но Стэн сделал вид, будто ничего не слышит.

— Новый курс в световой минуте от этого подонка... по счету... три... два... один!

Сторонний наблюдатель увидел бы, как «Гэмбл» резко вильнул в сторону.

— Похоже, что линкор взял нас на сопровождение,— сообщил Фосс.

— Слишком далеко. Фосс, мне нужна эта твоя случайная траектория. На счет... два... один!

Фосс разработал специальную, случайным образом генерируемую траекторию для атаки. Он утверждал, что ни одна машина во Вселенной не сможет отследить ракету, запущенную по такой орбите. Сейчас по такой траектории летел сам «Гэмбл». Было только два «но». Во-первых, хотя и очень маневренный, такшип все-таки не мог сравниться с маленькой ракетой. А во-вторых, даже генераторы Маклина не способны полностью компенсировать подобные скачкообразные изменения курса.

Стэн держался до предела. А потом его озарило:

— Новый курс... Приготовиться... Мне нужна траектория для абордажа.

— Сэр?

— Черт возьми, вы что, оглохли?

— Траектория для абордажа. Так точно, сэр.

Два корабля стремительно сближались.

— Мистер Килгур, как полагается приветствовать корабль таанцев?

— Будь я проклят, если знаю, капитан. Наверное, надо всадить ему ракету в спину, да и дело с концом.

Стэн выругался. Это было бы действительно смешно. Честно говоря, сам он не нервничал из-за «Фореза». Во всяком случае, нерв-

ничал не слишком сильно. Если бы таанцы объявили империи войну или если бы боевые действия начались без объявления, адмирал Деска уж не упустил бы случая ткнуть Стэна носом в этот факт. Далее, ракеты «Фореза» по размеру наверняка были больше, чем весь «Гэмбл». Ну и наконец, такшипы просто не атакуют, тем более дважды, вражеские линкоры.

«Форез» и «Гэмбл» миновали друг друга в какой-то паре световых микросекунд — недостаточно близко, несмотря на возражения утверждавшего обратное Килгура, чтобы стереть о борт линкора антирадарное покрытие такшипа.

Корабль с включенными генераторами Маклина не имеет ни настоящего «верха», ни настоящего «низа». Поэтому о реакции «Фореза» на маневр «Гэмбла» знали только офицеры в рубке линкора да матросы в его навигационном центре. Но Стэн, следивший в кормовой экран за таанцами, с огромным удовольствием увидел, как громадный корабль несколько раз повернулся вокруг своей оси — стандартный маневр против абордажа.

— Аварийная мощность, мистер Килгур,— приказал капитан, не стыдясь самодовольных ноток, звучащих в его голосе.— Самый полный вперед!

Глава 41

Стэн, сдвинув каблуки и вытянув руки по швам, стоял перед адмиралом Ван Дурманом. Он стоял и думал, какой из его многочисленных грехов привел его в этот кабинет. Но адмирал выглядел странно довольным. Стэн догадывался, что причина хорошего настроения Ван Дурмана крылась в толпе маляров и плотников, запрудивших все подходы к адмиральскому номеру отеля «Карлтон».

— Капитан, я понимаю, что торжественные церемонии для вас ничего не значат. Но вы хотя бы знаете, что до Дня империи осталось всего семьдесят два часа?

Стэн это знал. Празднование Дня империи установил лично вечный император. Каждый стандартный год все имперские вооруженные силы, не принимающие участия в боевых действиях, устраивали нечто вроде дня открытых дверей, и общественность могла наглядно убедиться в остроте имперского штыка, обычно скрытого в ножнах.

— Так точно, сэр.

— Даже удивительно, что вы об этом не забыли. Так вот, капитан, я хотел отдать вам указания о размещении ваших судов и экипажей для осмотра.

— Для осмотра, сэр?

— Ну разумеется,— с легким раздражением сказал Ван Дурман.— Как и всегда, в День империи весь Двадцать третий флот будет открыт для посетителей.

— Мне очень жаль, сэр, но этого мы сделать не можем.

Ван Дурман нахмурился. Потом улыбнулся. Наконец-то! Вот он, предлог, чтобы взять нахального капитана за жабры.

— Это не просьба, капитан. Это приказ.

— Сэр, я не могу его выполнить.— Хотя Стэну и хотелось посмотреть, насколько багровым может стать адмирал, он решил не тянуть и объяснил: — Сэр, согласно распоряжению R-278-XN, мои корабли считаются совершенно секретными. Это приказ императора, сэр. В ваших файлах наверняка есть копия.

Номер Стэн придумал, но сам приказ действительно существовал.

Судорожно глотая ртом воздух, Ван Дурман откинулся на спинку кресла. Он несколько раз открывал рот, намереваясь что-то сказать, и столько же раз его закрывал.

— Значит, вы и ваши бандиты в День империи будете прохлаждаться? Весьма патриотично, нечего сказать.

И тут Стэну в голову пришла совершенно шикарная идея. Он подумал о Дне империи, вспомнил вечного императора и как тот любил обходные маневры...

— Никак нет, сэр! Мы бы этого не хотели, разве что вы так прикажете.

И прежде чем Ван Дурман успел отреагировать, Стэн уже начал излагать свое предложение:

— Честно говоря, сэр, я как раз хотел записаться на прием у вашего секретаря.

Ван Дурман ждал, что последует дальше.

— Сэр, мы не имеем права никого пустить на борт наших кораблей, но это еще не означает, что никто не должен их видеть.

— Допустим,— поднял брови Ван Дурман.— Каковы ваши соображения?

— Почему бы нам не совершить торжественного парадного полета, сэр? Например, после того, как вы произнесете речь.

— Гммм...— Адмирал глубоко задумался.— Я видел вас в полете. Весьма впечатляюще... хотя, как я вам уже говорил, на мой взгляд, в бою от ваших корабликов толку не будет. Впрочем, смотрятся они весьма и весьма неплохо.

— Так точно, сэр. И мои офицеры весьма искусны в атмосферной акробатике.

Ван Дурман даже улыбнулся.

— Возможно, капитан, я относился к вам слишком сурово. Мне казалось, вас не слишком заботит репутация нашего флота. Наверное, я все-таки ошибался.

— Спасибо, сэр. У меня есть и еще одна идея.

— Продолжайте.

— Если бы вы выписали нам разрешение, мы бы могли устроить в полете небольшой салют.

— Насколько мне известно, пиротехника не состоит на вооружении такшипов.

— Так точно, сэр. Однако мы могли бы разрядить некоторые из устаревших ракет, хранящихся на складе.

— Отлично, капитан! Это будет очень интересно. К тому же мы одним ударом избавимся от этих старых монстров, и никакая инспекция к нам не придерется.

Стэн догадался, что адмирал так шутит. Он послушно засмеялся.

— Очень хорошо. Просто замечательно. Я сегодня же подпишу разрешение. Знаете, капитан, мне кажется, мы начинаем думать в одном направлении.

«Боже упаси»,— промелькнуло в голове Стэна.

— И еще одно, сэр.

— Еще идея?

— Никак нет, сэр. Вопрос. Вы сказали, что весь флот будет открыт для посетителей?

— Да. Не считая двух патрульных шлюпок. Таков у меня обычай.

Стэн отдал честь, четко повернулся и вышел.

Военный совет состоял из Стэна, Алекса, Ш'аарл'т, Эстила, Стикки и Саттона. Проходил он в одной из выделенных отряду мастерских.

— Прошу рассматривать эту информацию как закрытую,— начал Стэн.

Он пересказал все, что произошло в кабинете адмирала. Его офицерам потребовалась добрая минута, чтобы переварить услышанное.

— Может, я излишне подозрителен,— между тем продолжал Стэн,— но, будь я на месте таанцев и желай я захватить империю врасплох, мне трудно было бы выбрать для начала войны более удачный момент, чем День империи. Каждый чертов корабль нашего мудрого адмирала будет сидеть в строю на потеху публике. Охрана сводится к двум шлюпкам и нескольким пешим патрулям.

— Неплохо придумано,— сказал Алекс.— Таанцы никогда не заботились о таких мелочах, как объявление войны.

— И если они ударят по Кавите,— заметила Ш'аарл'т,— я предпочла бы в это время находиться где угодно, только не на этом проклятом параде.

— Может, я чего-то не понимаю, капитан,— подал голос Эстил.— Но допустим, вы правы и мы находимся в воздухе, когда... если... на нас нападут. Что нам толку от чертова фейерверка?

Алекс с восхищением посмотрел на лейтенанта. С тех пор как Эстил поступил на военную службу, он выругался, наверное, в первый раз. Такшипы явно пошли ему на пользу.

— Тонко подмечено, лейтенант,— кивнул Стэн.— У нас будет расчудесный фейерверк — из «Гоблинов», «Фоксов» и «Кали». Ван Дурман разрешил нам ограбить арсенал. И мы воспользуемся его любезностью.

— А что, если вы ошибаетесь,— рассмеялась Тапия.— Что вы будете делать, когда Ван Дурман потребует свой салют?

— Это будет всем салютам салют, и всем нам придется менять специальность. Голосуем?

Узнай Ван Дурман о разведенной Стэном демократии, он разжаловал бы его на месте.

Килгур, естественно, был «за» руками и ногами. Как и Тапия. Стикка и Ш'аарл't, немного подумав, тоже высказались в поддержку плана Стэна. Эстил улыбнулся.

— Паранойя, похоже, заразна,— сказал он, поднимая руку.

— Отлично. Мистер Саттон, собирайте рабочую бригаду и прихватите с собой побольше гравитолетов.

— Есть, сэр. Между прочим, вы не будете возражать, если мои ребятишки, кстати совсем ничего не смыслящие в арифметике, прихватят кое-какую лишнюю амуницию?

— Мистер Саттон. Я и сам не смог бы сосчитать до одиннадцати, не снимая ботинок. А теперь за работу.

Глава 42

Сэр Эку завис над самым песком, совершенно белым и кристально чистым. Чуть качнув крыльями, он приземлился возле ведущей в этот мертвый сад двери. Ему было противно.

Лорд Ферле заставил Эку ждать вот уже больше двух часов. Но нетерпение уважаемого сэра не имело ничего общего с длительностью ожидания. Сэр Эку принадлежал к расе, которая высоко ценила умение тянуть время. Только не сейчас. И не в этих условиях.

Эку полагал, что лорд Ферле бросил его в песчаном саду, чтобы продемонстрировать свое тонкое понимание искусства. Кроме терпения, манаби славились еще и своей чувствительностью к зрительным образам.

Песчаный сад представлял собой идеально круглую чашу радиусом около полукилометра. В нем находились десять камней, от тридцати сантиметров до пяти метров в поперечнике. Все они были разного цвета — от густо-черного до оранжеватого. Камни располагались через правильные, математически точные интервалы.

Это было самое унылое произведение искусства, с каким сэру Эку довелось столкнуться за свои сто с хвостиком лет. За два часа ожидания он так и не пришел к окончательному выводу, о чем думал лорд Ферле, создавая сей шедевр.

Размышления эти почему-то не успокаивали. Будь хоть один из камней хоть ненамного сдвинут или песок где-то не так идеально чист, сэр Эку чувствовал бы себя гораздо лучше. Сейчас же ему не оставалось ничего другого, как пытаться изменить безукоризненное совершенство сада своим собственным присутствием.

Тело сэра Эку было черным, с проблесками красного под кончиками крыльев. Его протянувшийся на три метра хвост сужался на кон-

це, в незапамятные времена у предков сэра Эку там находилось смертоносное жало. Эку поминутно перелетал с места на место, но почему-то неизменно оказывался в одном и том же углу сада. Если уж на то пошло, его присутствие делало это идеальное место психологически еще уродливее.

Даже для таанца лорд Ферле как дипломат не поднимался выше нуля — по десятибалльной шкале. Подобную оценку Эку мог сделать со всей ответственностью. Его раса славилась дипломатическими способностями — потому-то Ферле и вызвал Эку к себе.

При любых других обстоятельствах сэр Эку после первого же получаса ожидания покинул бы негостеприимный сад. Гнев незаслуженно обиженного мог стать незаменимым оружием в межпланетных переговорах. Но только не в этих условиях. Сейчас сэр Эку искренне сомневался, что его расе удастся сохранить свой традиционный нейтралитет. Впрочем, если таанцы и вечный император столкнутся лоб в лоб, то под вопросом может оказаться не только нейтралитет, но и само существование манаби. И поэтому он будет упорно ждать Ферле в этой гнусной пародии на нормальный сад. Пародии, прекрасно иллюстрирующей таанскую логику.

Лорд Ферле появился еще через полчаса. Он был вежлив, однако нетерпелив и вел себя так, будто это не он заставил себя ждать, а совсем наоборот. Ферле описал отношения, сложившиеся в последнее время между таанцами и империей. Все это, за исключением отдельных несущественных деталей, сэр Эку уже знал.

— Прекрасное обобщение, мой лорд,— решился он прервать Ферле.— Точно и четко. Даже элегантно в своей краткости. Но я-то тут при чем?

— Честно говоря,— сказал Ферле,— в ближайшее время мы планируем начать широкомасштабное наступление на империю.

Все три желудка сэра Эку судорожно сжались. Им доставалось и в прошлом; тогда сэр Эку даже полагал, что никогда больше не сможет насладиться своими излюбленными микробами. Но происходящее сейчас... Просто катастрофа.

— Умоляю, мой лорд, продумайте все еще раз. Неужели ваши разногласия действительно непреодолимы? Неужели возможности переговоров исчерпаны? Мой опыт...

— Потому-то я вас и пригласил,— кивнул Ферле.— Выход, конечно, есть. Войну еще можно предотвратить.

Сэр Эку знал, что стоящий перед ним человек лжет.

— Рад это слышать. Наверное, у вас есть какие-то условия? Может, мы сумеем найти компромисс?

Ферле презрительно фыркнул.

— Вовсе нет. Мы согласны только на полную и безоговорочную капитуляцию.

— Не обижайтесь, сэр, но это не самая лучшая позиция для начала переговоров.

— И тем не менее я хочу начать именно с этого,— нахмурился Ферле.— Я подготовил фиши с нашими предложениями и передам их вам, как только вы будете готовы вылететь на Прайм-Уорлд.

— Сколько времени вы даете императору для ответа?

— Семьдесят два стандартных часа,— сухо объявил лорд Ферле.

— Мой лорд! Это же невозможно. Будет чудом, если за это время я вообще успею добраться до Прайма. На переговоры просто ничего не остается.

— И все-таки семьдесят два часа, и ни секундой больше.

— Это безумие, сэр!

— Значит, вы отказываетесь?

Теперь сэр Эку наконец-то все понял. Ферле требовался именно отказ. Потом он скажет, что сделал все возможное, дабы предотвратить войну, и что манаби отказались вести для него переговоры. Эку мог только восхищаться этим планом — так же, как он восхищался неподражаемым уродством песчаного сада. Кодекс чести его расы не позволял ему взяться за подобное, совершенно безнадежное поручение.

— Да, мой лорд. Боюсь, мне придется отказаться.

— Как вам угодно.

И с этими словами лорд Ферле покинул сад.

Мгновение спустя сэр Эку расправил крылья и устремился прочь, оставив на белом песке осколки разбитого нейтралитета манаби.

Глава 43

Прогноз погоды на День империи был самый что ни на есть неблагоприятный. Густая облачность и дождь, временами даже сильный. Поганая погода для праздника, но она спасла жизни нескольких тысяч жителей Кавите и, вполне возможно, помогла уцелеть такшипам Стэна.

За двадцать четыре часа до праздника Стэн перевел свой отряд на казарменное положение. Команды, естественно, встретили этот приказ без энтузиазма. Еще бы, ведь многие планировали как следует повеселиться. Впрочем, энергии на возмущение не оставалось: все силы и время отнимала аварийная погрузка на такшипы припасов и амуниции. Видя, что снаряды и ракеты не просто загружаются на корабли, но и приводятся в боевую готовность, экипажи начали понимать — происходит нечто из ряда вон выходящее.

К 19.00 корабли были готовы к взлету. Стэн не удержался от улыбки, увидев, что в самом конце на борт подняли настоящую пиротехнику, невесть каким образом закупленную Саттоном на черном рынке. Когда погрузка закончилась, Стэн приказал всем спать. Кто не сумеет уснуть так, может воспользоваться гипносном. Он и сам отправился немного отдохнуть — впрочем, безуспешно.

Накинув дождевик, Стэн полночи бродил вокруг своих судены-шек и думал, почему это ему всегда приходится все решать самому.

В 01.00 Стэн разбудил экипажи.

В 02.30 «Келли», «Клаггет», «Гэмбл» и «Ричардс» бесшумно поднялись на Юкавах. Рассветало сейчас в 04.45. Открывающий праздник адмирал Ван Дурман выступал с речью в 08.00.

А у таанцев был свой график. Он базировался на графике 23-го флота.

Месяц тому назад разведчик-таанец, работающий в штабе 23-го флота, передал своему настоящему начальству полный план-график празднования Дня империи на Кавите. Сейчас эта информация светилась на одном из боковых экранов в командной рубке «Фореза». Леди Этего и адмирал Деска туда даже и не глядели. Они знали составленное Ван Дурманом расписание буквально наизусть.

Рядом с «форезом» в черной пустоте космоса висел второй линкор, «Кисо». Вокруг них сплошным облаком застыли бесчисленные крейсеры, эсминцы, штурмовые корабли и десантные транспорты. Таанские силы ждали на границе системы Кавите. Уничтожение военной базы 23-го флота леди Этего взяла на себя. Другие, не менее внушительные флоты готовились к атаке на остальные Пограничные миры.

Точно в назначенный срок леди Этего отдала приказ начинать штурм.

Дистанционные сенсоры, разбросанные вдали от Кавите, были частично уничтожены, частично заблокированы. В 05.00 пять отрядов таанских десантников атаковали разведцентр 23-го флота. Места убитых солдат за пультами заняли переодетые таанцы.

В 07.30 главные ударные силы флота леди Этего замерли на орбите Кавите. Две патрульные шлюпки были уничтожены эсминцами. Их экипажи, следившие в телескоп за начинающимися внизу торжествами команды, даже и не заметили приближения врага.

А на взлетно-посадочном поле базы адмирал Ван Дурман сверился со своим хронометром — еще десять минут — и начал подниматься на трибуну.

Зависнув в ионосфере, штурмовые корабли таанцев открыли грузовые люки, и маленькие юркие бомбардировщики устремились в атаку.

Больше всего Стэна беспокоил вопрос «Куда спрятаться?». Если он не ошибался и таанцы действительно нападут на Кавите, то скрыться от них будет очень даже не просто. Стэн не сомневался в своих такшипах, однако принимать бой на орбите с линкором или даже несколькими линкорами таанцев в сопровождении мощного флота было равносильно самоубийству.

Тучи, даже самые густые, не могли скрыть корабли от обнаружения. Если уж на то пошло, то на большинстве радарных экранов облака и вовсе не видны.

После долгих раздумий Стэн решил увести свой отряд к лежащему километрах в двадцати от Кавите океану. Там, под тридцатью метрами воды, враг вряд ли сумеет засечь его такшипы.

Первым заметил врага Фосс.

— Всем кораблям,— передал Стэн.— Атаковать независимо. Берегите боеприпасы и не давайте зайти себе в хвост. Это война!

Вынырнув из-под воды, «Гэмбл» на полной скорости устремился обратно в Кавите.

Первая волна таанцев, спикировав до высоты одного километра, выпустила настроенные на поиск металла ракеты типа «воздух — земля». Сделав залп, они на миг выровнялись и усыпали летное поле шрапбомбами.

Земля превратилась в клокочущий ад.

Не верящий своим глазам Ван Дурман успел увидеть ракеты и упасть, своим телом прикрывая жену и дочь. В следующее мгновение мысли покинули его, и оставалось только зубами цепляться за содрогающуюся от ударов почву.

Корабли таанцев развернулись и на бреющем полете прошли над полем, поливая его огнем своих орудий. Офицеры, матросы и собравшиеся на праздник гражданские, не убитые первыми взрывами, бросились врассыпную.

Ван Дурман заметил возвращающиеся бомбардировщики, и это было все, что он запомнил.

Он уже не видел появившихся на фланге «Ричардса» и «Клаггет». Не видел, как их «Чейны» в клочья разносили слабо бронированные корабли таанцев. Не видел, как на замерший на параде 23-й флот посыпались обломки, причинившие вреда, наверное, не меньше, чем иной ракетный залп.

После того как «Ричардс» и «Клаггет» ввязались в бой с бомбардировщиками, Стэн решил изменить свой план. Приказав «Келли» занять место ведомого, он устремился вверх.

Штурмовой корабль таанцев не ожидал нападения и потому оказался легкой добычей «Гэмбла». Не желая тратить «Кали», Килгур задействовал «Гоблина». Дистанция, наводка... и ракета пошла. Мгновение спустя в борту вражеского судна раскрылась громадная дыра, из которой выплеснулось алое, как кровь, пламя.

А на «Келли» контрольный шлем спеца по оружию надел сам Сикка. Ведь это он воин и сын воинов во многих поколениях. Боевой клич, который шептали его губы, насчитывал более двух тысяч лет, а перекрестие прицела легло на громаду «Фореза». Не дожидаясь приказа, Сикка выпустил «Кали».

Даже идя на драйве АМ-2, такшип вздрогнул, когда огромная ракета вырвалась из центральной пусковой трубы и включила свой собственный сверхсветовой двигатель.

Для Сикки в мире не осталось ничего, кроме растущего в прицеле таанского линкора. Он и «Кали» стали одним целым.

Кто-то придумал этой ракете весьма удачное название, решил Сикка, когда его «Кали» угодила точно в оружейную палубу «Форeза». Двести пятьдесят таанцев погибло в первом разрыве. Еще по меньшей мере столько же — в серии вторичных взрывов.

Сняв шлем, Сикка позволил себе слегка улыбнуться. На экране он видел несущиеся к нему четыре таанских эсминца. Что ж, если даже они его и убьют, что значит смерть одного воина?

Два таанских крейсера, наверное, никак не ожидали нападения со стороны такого крохотного кораблика, как «Гэмбл». Во всяком случае, они даже не попытались уклониться и встретили атаку такшипа лишь несколькими зенитными ракетами. Стэн знал, что «Гоблины» могут весьма серьезно повредить крейсер, но он совсем не рассчитывал лицезреть два практически одновременных взрыва. Не думал после первого же залпа увидеть, как характеристики целей сменятся на экране надписью «ЦЕЛИ УНИЧТОЖЕНЫ».

— Слушай, парень,— проворчал Алекс, снимая шлем,— что там у них такое с этими чертовыми крейсерами?

Он не дождался ответа. Стая опоздавших к драке эсминцев устремилась к «Гэмблу», и Стэн уворачивался от них, как только мог.

Линкор содрогнулся от новой серии взрывов, и леди Этего в командной рубке «Фореза» едва устояла на ногах. Отчасти она была даже довольна — несмотря ни на что, обученные ею люди действовали быстро, четко и без паники.

— Какие будут приказы?

Леди Этего перебрала имеющиеся в ее распоряжении варианты. Выбора, по сути, не оставалось.

— Адмирал Деска, прекратите высадку на Кавите. Мы не можем продолжать штурм только с одним линкором. На остальных планетах системы высадка должна продолжаться. Мы с вами пèреходим на «Кисо». «Форез» пусть возвращается в передовой ремонтный док.

— Слушаюсь, миледи.

Флот таанцев начал отступление, и такшипы Стэна вернулись на базу.

Назвать это победой — язык не поворачивался. Таанцы отступили, но 23-й флот, единственная воинская часть империи в Пограничных мирах, был уничтожен практически полностью.

А война еще только-только началась.

Книга третья

Держать курс по ветру

Глава 44

Война между империей и таанцами началась не со штурма системы Калтора и Кавите. Этот исторический момент произошел стандартным часом раньше — в атаке, нацеленной на самого вечного императора.

Тысячи таанских кораблей практически одновременно обрушились на ничего не подозревавшую империю. Где-то это были небольшие рейды, где-то — штурм военных баз, где-то — грандиозные битвы целых флотов. По завершении начальной стадии таанцы оценивали ее успешность в восемьдесят пять процентов. Этот день стал одним из самых черных во многовековой истории империи.

Скоординировать атаку было исключительно сложно. Таанцам хотелось на полную катушку использовать преимущества, которые подарил им День империи. С формальной точки зрения минута начала возмездия, в военной среде именовавшаяся «Временем Ч», одновременно была отмечена на всех аммониевых мазерных часах, стоящих в рубках всех без исключения командиров флотов.

Однако на самом деле каждый командир выбирал момент атаки, исходя из местных условий. Впрочем, стараясь не слишком уходить от установленного свыше момента — империя не должна успеть объявить тревогу.

А еще таанцев очень заботил «моральный фактор». Им казалось вполне правомерным начать войну без предупреждения и дипломатических угроз. И они даже считали нечестным не ударить, как они говорили, по мозгу тигра.

Прайм-Уорлд. Вечный император.

Для начала войны выбрали День империи — по вполне весомым причинам. Таанцы справедливо полагали, что в этот день воинские части империи будут заняты парадами, а значит, не так бдительны, как в другое время. Кроме того, если атаки увенчаются успехом, по-

ражение в праздник сильно скажется на моральном духе войск. И наконец, только в этот день, один из всех дней в году, совершенно точно известно, где будет находиться вечный император — у себя дома, в ожидании гостей.

Домом императору служил громадный средневековый замок, стоящий посреди пятидесятипятикилометровой парковой зоны. Перед замком простирался гигантский двор размерами два на шесть километров, в толстых стенах которого располагались важнейшие имперские службы. Сам замок приютил не только императора, его охрану, помощников и слуг, но и контрольный центр всей империи. Большая часть техники находилась глубоко под землей, в убежище. Запасы воздуха, воды и продовольствия в нем не кончились бы и после вековой осады.

В День империи властитель ждал в гости своих подданных. Раз в году неприступные ворота замка распахивались настежь, открывая ни с чем не сравнимое шоу оркестров, военных смотров и разнообразных игр. Получить приглашение или еще каким-то иным способом достать билет во дворец считалось весьма многообещающим знаком.

На подготовку атаки таанцам потребовалось целых четыре года. Молниеносный точечный удар — вот единственный вариант. Нечего рассчитывать протащить военный флот или даже эскадрон эсминцев мимо системы космической безопасности.

За исключением Дня империи, воздушное пространство над замком было наглухо закрыто для полетов. Если уж на то пошло, то контролировались воздушные сообщения по всему Прайм-Уорлду. Любое отклонение от заявленного полетного плана приводило зенитные системы дворца в боевую готовность. Нарушителя сбивали после первого же предупреждения. По земле подобраться к дворцу также не представлялось возможным. Единственной не воздушной связью замка с внешним миром служила подземная пневмодорога, соединяющая резиденцию с ближайшим городом Фоулером.

Но в День империи...

В День империи между дворцом и Фоулером курсировали специальные гравилайнеры. Меры безопасности были сведены до минимума. Все пассажиры проверялись и, естественно, досматривались. Сами лайнеры следовали по строго определенному маршруту, отвечая на запросы кодового устройства «свой — чужой».

Обойти подобные предосторожности было проще простого.

За два года до начала войны таанская разведка подобрала и вывела на важные позиции трех до мозга костей верных иммигрантов. Все они были ветеранами движения Пограничных миров Годфри Алэна. Одному поручили найти работу в порту Фоулера, Соуарде. Второй устроился барменом. Третий поступил на службу садовником в одной из роскошных вилл, расположенных неподалеку от дворца. Садовником, между прочим, он оказался великолепным. Торговец,

хозяин виллы, клялся и божился, что никогда не встречал такого трудолюбивого, такого скромного и честного работника.

Атаку решили провести ракетой. Но не простой, а специально изготовленной. Таанцы не без оснований полагали, что императорский замок имеет ядерный щит и потому взрыв даже в непосредственной близости от дворца может не дать желаемого результата. Сама ракета выглядела довольно необычно. Длиной около десяти метров, она была сконструирована так, чтобы на экранах сенсоров и радаров походить на большой гравилайнер.

Внутри ракеты располагались два ядерных заряда. Таанцы научились применять кумулятивный эффект к ядерным взрывам. Для фокусировки энергии взрыва они использовали империум, материал, обычно применяемый при работе с АМ-2. За первым зарядом располагался механизм наведения, а за ним — второй ядерный заряд. Помимо системы наведения в ракету было вмонтировано устройство, передававшее код «свой — чужой», используемый гравилайнерами в День империи.

Эту ракету по частям, контрабандой, доставили на Прайм-Уорлд за несколько месяцев до «Времени Ч». Здесь в специально арендованном складе целая бригада специалистов, разумеется таанцев, подготовила ракету к старту.

Трое таанцев с Пограничных миров, конечно, и понятия не имели о местонахождении ракеты. Они знали только одно — в назначенное время им следует быть в указанной точке с указанным оборудованием.

За двое суток до Дня империи таанец, подававший трап в порту Соуард, установил на генераторах Маклина переданное ему накануне устройство. За сутки до Дня империи контролер таанских диверсантов с чистой совестью покинул Прайм-Уорлд.

В 11.00 в День империи все три таанца заняли исходные позиции.

Садовник сидел за контрольным пультом одного из гравитолетов своего хозяина. Его странное поведение осталось незамеченным обитателями роскошной виллы — об этом позаботились две канистры бинарного нервно-паралитического газа. Два других диверсанта находились на крыше высотного здания в Соуарде. Один следил за таймером, другой отсчитывал поднимающиеся лайнеры.

Седьмой корабль был «тем самым».

Пилот включил двигатели, лайнер начал подниматься — и вдруг, плюясь дымом, рухнул обратно. Диспетчер порта, ругаясь на чем свет стоит, приказал немедленно подать новый корабль для пересадки пассажиров.

Стрелка таймера достигла нуля, и следящий за ним таанец нажал на кнопку. Замаскированные взрывные устройства в клочья разнесли крышу склада, и оттуда на маклиновских движках поднялась ракета. Набрав высоту, она отбросила маклины, врубила Югаву и, быстро набирая скорость, устремилась к замку императора.

Тем временем садовник тоже начал действовать. В заранее назначенную минуту он поднял в воздух свой гравитолет. Таанец искренне надеялся, что системы защиты дворца не станут вот так сразу его сбивать.

Коротко пропищал коммуникатор, сообщая, что ракета уже достигла зоны приема. Прицелившись из похожего на большое ружье устройства в ворота дворца, агент нажал на спуск. Низкоинтенсивный лазерный луч четко подсветил цель. Второй сигнал коммуникатора возвестил, что ракета цель взяла.

Три таанца выполнили задание. Теперь им предстояло, избегая ареста, пробраться в заранее назначенное место неподалеку от Соуарда.

Таанская разведка, разумеется, не собиралась эвакуировать своих агентов. И свидетелей она тоже оставлять не хотела. Поэтому все предоставленное оборудование содержало в себе свои собственные маломощные взрывные устройства. Они сработали через пару секунд после того, как ракета легла на боевой курс.

Никто не заметил взрыва, разорвавшего на части двух спускающихся по лестнице таанцев. Однако дежурный офицер дворца заметил, как возникший на экране гравитолет превратился в облако пламени. Он потянулся к красной кнопке, но его опередила автоматика. Внешние сенсоры засекли, что приближающийся к дворцу гравилайнер движется куда быстрее, чем следовало бы, и подняли тревогу.

Вечный император в это время находился в своих покоях. Проклиная необходимость полной парадной формы, он прикалывал к кителю свои многочисленные награды. Вместе с ним в комнате находился капитан Читтаханг Лимбу, командир личных телохранителей императора. Это был самый высокий пост, какой когда-либо занимал гурк.

Не особо прислушиваясь к ругани императора, капитан с удовольствием вспоминал, как торжественно его принимали в родной деревне, куда Лимбу ездил в отпуск. И тут раздался надрывной вой тревоги.

Уколовшись от неожиданности булавкой очередной медали, император так и подскочил на месте. Он еще не понял, что произошло, а Лимбу, нажав кнопку на висящем у него на поясе пульте, уже заталкивал властителя в мгновенно открывшийся в стене люк.

Ракета попала точно в цель. Тонкий заостренный ее нос, как и планировалось, сплющился. Сработал первый ядерный заряд, и направленный взрыв разорвал защиту замка. Ракета продолжала сплющиваться, и вот уже пришел черед второго заряда.

Императорский дворец, сердце империи, исчез в горниле новорожденного солнца.

Глава 45

Стэн медленно пробирался на своем боевом гравитолете над руинами главной улицы Кавите. Вчера еще тут кипела жизнь. Стэн достаточно повидал и городов, и планет, где на смену словам приходил рев орудийных батарей. Но он впервые оказался в центре войны поистине всеимперского значения.

А еще он очень беспокоился о Бриджит.

На закате чудом не пострадавшие такшипы вернулись на базу. Иногда обман окупается — Стэн спрятал хитростью добытые Саттоном припасы и амуницию в заброшенном складе где-то в районе испытательных полигонов. В итоге при атаке таанцев они ничуть не пострадали.

Стэн приказал такшипам после дозаправки вернуться на орбиту. Сам он решил отправиться в штаб, выяснить, как обстоят дела.

База горела. Тут царил полный хаос. И никто ничего не знал. Тогда, позаимствовав боевой гравитолет, Стэн отправился в отель «Карлтон». Если отель не рухнул, то остатки штаба Ван Дурмана наверняка собрались там.

Город Кавите, в общем-то, пострадал не сильно. Несколько бомб и ракет угодило на центральную улицу, Имперский бульвар, но большинство зданий уцелело. На ночных улицах Стэн увидел только спасательные команды и пожарных. Местные жители явно предпочитали сидеть по домам. Впрочем, во время катастрофы всегда так, что бы там ни рассказывали о мифических толпах горожан, беснующихся на улицах.

Стэн уступил дорогу гравитолету с наспех нарисованными на бортах красными крестами. Откуда-то доносились звуки боя — шел штурм разведцентра. Таанцы отказались от высадки, и потому захватившие Центр десантники полегли до последнего человека.

Стэн не знал, что это за стрельба. Да, по правде говоря, его это сейчас и не заботило. И без того ситуация была плачевной. Приземлившись перед отелем, он вошел внутрь.

«Охрана, во всяком случае, стала строже»,— кисло улыбнувшись, подумал он. На подходе к отелю у Стэна трижды проверили документы. Но кое-что не менялось: у входа в штаб два одетых в парадную форму часовых взяли виллиганы на караул. Стэн мог только гадать, знают ли они, что их мундиры забрызганы грязью и кровью.

Если на базе царил хаос, то адмиральское крыло отеля было форменным сумасшедшим домом.

Стэну требовалась информация о понесенных флотом потерях, хотелось получить и приказ о дальнейших действиях своего отряда. Поэтому первым делом он направился в контрольный зал. Тут было пусто и темно, только деловито перемигивались неутомимые компьютерные терминалы. Пробегавший мимо техник сказал, что, по слухам, весь персонал погиб.

Ладно. Тогда стоит заглянуть в отдел разведки.

Увидев настежь распахнутые двери, Стэну сразу надо было заподозрить неладное. Склонившись над монитором, капитан Ладислав вводил в компьютер программу за программой. Он весело приветствовал Стэна и показал ему планы завтрашних боевых порядков. Отбросить таанцев, заверил он, не составит большого труда.

Стэн знал, что большая часть кораблей, которыми так уверенно оперировал капитан, сейчас догорали на взлетном поле базы. Но спорить не стал. Улыбаясь, он зашел Ладиславу за спину и вытащил из медпакета инжектор со снотворным, затем быстро сделал безумцу укол в основание позвоночника. Ладислав тяжело уронил голову на свои нереальные распечатки, а Стэн направился в кабинет адмирала.

Адмирал Ван Дурман был спокоен и собран. Его командный центр казался настоящим островком мира в сошедшей с ума Кавите. Стэн заметил выглядывающую из-за полуоткрытой двери личных покоев адмирала Бриджит и возблагодарил небо, что девушка осталась в живых.

Ван Дурман мрачно изучал висящий у него над столом экран готовности кораблей. Стэн тоже взглянул на экран — и содрогнулся. Ситуация была даже хуже, чем он предполагал. 23-й флот практически перестал существовать.

На заре он состоял из одного тяжелого крейсера, двух легких крейсеров, тринадцати эсминцев, пятидесяти разнообразных и большей частью устаревших патрульных лодок и тральщиков, отряда такшипов под командованием Стэна, одного госпитального корабля и обычной кучи транспортов и кораблей технического обслуживания. Если верить висящему перед адмиралом экрану, то один легкий крейсер таанцы уничтожили, а другой тяжело повредили. Из строя выбыло шесть эсминцев и добрая половина легких боевых судов и кораблей поддержки.

Как ни парадоксально, «Свампскотт» не пострадал. Причина крылась в успешной атаке Стикки на «Форез». Леди Этего хотела самолично прикончить флагманский корабль 23-го флота.

Полученный Стэном приказ был прост — держать такшипы в космосе. Ему давали полную свободу действий. И он мог рассчитывать на любую возможную помощь со стороны штаба.

«Просто расчудесно,— думал Стэн.— Куча мертвецов и один сумасшедший».

В коридоре ему в объятия бросилась Бриджит. Ее мать погибла. Все погибло. Все.

Наверное, Стэну следовало остаться с ней той ночью. Но холодность всегда служила Стэну защитой — холодность, родившаяся после смерти его собственных родителей на Вулкане. Холодность, помогавшая ему выдержать гибель друзей. Он не остался. Только крепко обнял плачущую девушку и помчался в Центр связи. Он хотел, чтобы оттуда его забрал «Гэмбл».

Дожидаясь, пока такшип опустится перед отелем, Стэн не уставал поражаться выдержке адмирала. Тут крылась какая-то загадка, а значит, следовало держать ухо востро.

Но вот корабль сел, люк открылся, и Стэн напрочь забыл и о Ван Дурмане, и о Бриджит, и о том, что весь его отряд, скорее всего, погибнет в системе Калтора.

Все его мысли были заняты только одним: «действовать по усмотрению...»

Глава 46

Вечный император заметил впереди что-то интересное и пошел туда в своем неуклюжем антирадиационном костюме. Под ногами его простирались руины, бывшие некогда одним из розовых садов. За императором, с виллиганами на изготовку, шли два также облаченных в защитные костюмы гуркских стража. Над их головами, ощетинившись стволами орудий, парил боевой гравикар.

Лимбу удалось вовремя впихнуть императора в контролируемую маклинами спусковую трубу. Она вела в безопасный бункер в двух тысячах метрах под замком. Кинув властителя вниз, телохранитель нырнул следом. Они падали вместе, и за ними захлопывались воздушные шлюзы радиационной защиты.

Наверху мало кто уцелел. Несколько гуркских бойцов, один взвод недавно сформированной преторианской стражи да дюжина слуг. Ядерные взрывы сровняли замок с землей.

Однако защита до некоторой степени все-таки сработала. Стены многокилометрового двора потрескались, но устояли, уцелели расположенные в них службы. Не пострадало и здание Парламента, стоявшее примерно километрах в десяти от эпицентра. Как ни смешно, уцелело оно только потому, что императору было противно каждый день видеть его из окна и он воздвиг между дворцом и Парламентом километровой высоты гору, отразившую основную энергию взрыва.

Гражданское население Прайм-Уорлда практически не пострадало. Все разрушения ограничились пятидесятипятикилометровой территорией императорского дворца.

Наклонившись, император поднял с земли маленький серый предмет. Осмотрев находку со всех сторон, он показал ее гуркам — каким-то чудом одна роза, сгорев в ядерном огне, не рассыпалась в прах, а осталась целой.

Гурки бесстрастно рассматривали розу, и тут сверху послышался гул работающего генератора Маклина. Подняв виллиганы, охранники дружно повернулись на шум.

— Не стрелять,— приказал император, и стража опустила оружие.

К императору спускалась небольшая капелька. За ее прозрачным колпаком виднелось черно-золотое тело манаби. То мог быть только сэр Эку.

Капля дипломатично зависла в трех метрах от властителя.

— Вы живы,— спокойно отметил Эку.

— Я жив,— согласился император.

— Примите мои соболезнования, замок был прекрасен.

— Дворец восстановить не трудно.

Капля слегка покачивалась на ветру.

— Вы говорите от имени таанцев? — спросил император.

— Они меня просили, я отказался. Они хотели, чтобы я передал вам ультиматум. При этом они даже не давали мне времени добраться до Прайма.

— Очень на них похоже.

— Теперь я говорю от имени манаби. И от себя лично.

«Весьма любопытно,— подумал император.— Манаби практически никогда не выступали единым фронтом».

— Разрешите сперва задать вам один вопрос?

— Пожалуйста. Но я могу не ответить.

— Разумеется.

Эку развернул каплю так, что теперь она, казалось, смотрела на гуркских телохранителей.

— Их можете не стесняться,— заверил император.— Они умеют молчать не хуже вас.

Это была чистая правда. Ни гурки, ни манаби не раскрывали чужих тайн. И ни пытки, ни наркотики, ни психологические приемы не могли заставить их говорить.

— Я только что прибыл на Прайм. Как вы оцениваете ситуацию?

— Как весьма плачевную,— честно сказал император.— Я потерял минимум дюжину флотов. По меньшей мере сорок систем либо уже захвачены таанцами, либо будут захвачены в ближайшее время.

Эку задумался.

— А ваши союзники?

— Они все еще не решили, как им поступить,— сухо ответил император.— Я полагаю, что лишь половина из них объявят таанцам войну. Остальные поддержат победителя.

— И как, по вашему мнению, закончится эта война?

Император долго разглядывал сгоревшую розу.

— На этот вопрос я отвечать не стану.

— Понимаю... А теперь я хотел бы говорить от имени моих предков, моих сородичей и всех поколений, которым еще только предстоит вылупиться. Мы не воинственная раса. Однако в этой войне мы хотели бы принять сторону империи. Мы будем и дальше поддерживать видимость нейтралитета, но вы можете свободно располагать всей информацией, которую нам удалось собрать и которую мы еще соберем в будущем.

Император едва не улыбнулся. Заявление сэра Эку было единственной хорошей вестью в кошмаре ежедневных сводок.

— Почему? Похоже, таанцы побеждают.

— Это невозможно,— ответил Эку.— Мы могли бы поговорить наедине?

— Я уже...

— Я повторяю мою просьбу.

Император кивнул. Из капли Эку выскользнул длинный стержень, и стража снова подняла виллиганы. И опять император знаком велел им опустить оружие.

Стержень коснулся шлема властителя.

— Я думаю,— послышался голос Эку,— что даже ваши самые верные слуги не должны стать свидетелями этого разговора. Вы полагаете, таанцы верят, что антиматерию-два можно открыть заново или что, победив, они смогут найти ее источник?

Наступило долгое молчание. Где и как возникала АМ-2, было самой большой тайной империи. Еще бы, ведь только АМ-2 могла сохранить империю как единое целое.

— Возможно, они действительно рассуждают именно так,— наконец согласился властитель.

— Значит, они ошибаются. Можете мне ничего не отвечать. Мы уверены, что единственным, я повторяю, единственным источником АМ-два являетесь вы сами. Мы не знаем, как это произошло, но не сомневаемся в правоте нашего вывода. И потому эта война может закончиться двояко. Если победите вы, все хорошо. Но победа таанцев приведет к полной и окончательной гибели и без того невысокого уровня цивилизации, какую мы сейчас наблюдаем во Вселенной.

Стержень втянулся обратно в каплю. По пути он задел розу, и сухой серый пепел осыпал перчатку императора.

Глава 47

— Капитан, до какой степени вы готовы воспользоваться свободой, предоставленной адмиралом?

Стэн ждал, пока Саттон пояснит свою мысль. Четверо командиров такшипов, вместе с Саттоном и Килгуром, обсуждали план дальнейших действий. Они собрались в уголке старого склада, приспособленного Саттоном для хранения припасов отряда.

— Я... гмм... успел как-то привязаться к нашим кораблям,— продолжал спиндарец.— Они напоминают мне потомство нашей расы. Даже покинув родительскую сумку, крошки не могут уходить далеко — иначе смерть.

Стэн сразу понял эту аналогию. Его такшипы из-за малого запаса воздуха, продуктов и амуниции тоже не могли далеко улетать от базы.

— Таан снова ударит по Кавите,— сказала Ш'аарл'т.— Может, ковровой бомбардировкой, а может, высадят десант. Мне бы не хотелось держать здесь все наше барахло.

— Красиво будет,— добавил Стикка, обводя взглядом боеприпасы, ящики с рационами и запасными частями,— если сюда залетит таанская бомба.

— Именно это я и собирался сказать,— кивнул спиндарец.— Кавите сейчас не больно-то надежное убежище.

— Прежде всего,— произнес Стэн,— надо решить, как быть с адмиралом. Ван Дурман никогда не одобрит перенос базы операций, с припасами и техниками, в другое место.

— А кто ему об этом расскажет?

— Думаю, он ничего и не заметит,— вставил Эстил.

— Согласен. Теперь второе. Как мы перевезем все это барахло? На такшипах места кот наплакал.

— Я предвидел эту проблему,— вмешался Саттон.— Должен вам сообщить, что у меня есть один знакомый, которому я в свое время оказал некую услугу. Весьма, кстати, крупную услугу.

— И разумеется, у него есть корабль.

— Разумеется.

— Как это ему удалось его сохранить? — с сомнением в голосе спросил Стэн.— Почему его корабль не реквизировали для нужд флота?

— Дело в том, что корабль моего знакомого использовался для транспортировки отходов.

— Мусорщик, что ли?

— Хуже, сэр. Он перевозил отходы жизнедеятельности человеческого организма.

Стэн даже присвистнул.

— Экипажам, ясно дело, понравится путешествовать в сральнике.

— Ну что вы, капитан,— возразил Килгур.— Никто и не вякнет. Они же уверены, что и так сидят по уши в дерьме.

— Очень смешно, мистер Килгур. Вот вам и карты в руки. Сами объявите о передислокации.

— Никаких проблем. Только один вопрос: вы уже знаете, куда мы передислоцируемся?

— Бедняга,— заметила Ш'аарл't, сочувственно потрепав Алекса лапой по плечу. Тот уже успел привыкнуть к виду капитана «Клаггета» и даже не вздрогнул.— Где еще нам сидеть, как не среди воров?

— Будь я проклят! Ты права!

— Ромни! — воскликнул Стэн.

— Совершенно верно,— сказала Ш'аарл't.— Если кто и сумеет избежать внимания таанцев, так только контрабандисты.

— На этот раз, похоже, Вайлда перехитрили,— мрачно заметил Алекс.

Стэн осторожно подводил «Гэмбл» к пробитому куполу Ромни. Остальные три такшипа и транспорт ждали на расстоянии планетарного диаметра.

— Сигналов нет, сэр,— доложил Фосс.

Если бы таанцы готовили западню, чуткие сенсоры «Гэмбла» наверняка что-нибудь да учуяли бы. Стэн снизил мощность Югавы, и такшип аккуратно нырнул в дыру купола.

Ромни был мертв.

Стэн насчитал шесть, нет, семь разбитых кораблей на летном поле. Там, где располагалась резиденция Вайлда, зиял огромный кратер. Башня связистов, жилые помещения, ангары — все было взорвано.

— Зовите остальные корабли,— приказал Стэн.— Пусть садятся. Экипажам в скафандрах через час собраться у первого ангара.

— Похоже,— доложил Фосс,— что Вайлда и его контрабандистов застигли врасплох.

— И напали на них именно таанцы,— добавил Алекс.— Я тут нашла пару неразорвавшихся ракет.

— Тела?

— Ни одного, и это самое странное. Склады тоже пусты.

— А не могли таанцы приземлиться и забрать весь товар?

— Оставив на месте оружие? — Килгур показал на брошенную ракетную батарею. На первый взгляд она выглядела вполне исправной.

Стэн кивнул. Ему и самому это не нравилось.

— Отлично. Значит, так,— объявил он, обращаясь к собравшимся экипажам.— Здесь будет наш дом. Мистер Саттон, проследите за разгрузкой транспорта. Затем на нем возвращаетесь в Кавите. Вас сопровождает «Ричардс». Мистер Фосс, поищите неповрежденные жилые купола, разберитесь, чем из электроники Вайлда мы сможем воспользоваться. Потом сообщите мистеру Саттону, что вам требуется для создания надежной связи с Кавите. План таков. Здесь будет наша передовая база. Мы спрячем жилые купола внутри ангаров и складов. Немного подвинем эти обломки,— капитан указал на взорванные суда контрабандистов,— и используем их для маскировки такшипов. Даже если таанцы вновь посетят Ромни, они должны увидеть одни лишь руины.

«Если только,— мысленно добавил Стэн,— они ограничатся визуальным осмотром. Если же они залезут под купол и пустят в дело нюхачи и термодатчики...»

Глава 48

Больше всего матросов 23-го флота занимал вопрос о том, почему таанцы больше не атакуют Кавите.

Вряд ли их остановил урон, понесенный ими от такшипов Стэна. Что значила для врага потеря двух крейсеров да десятка атмосфер-

ных бомбардировщиков? Ну, еще, конечно, повреждение «Фореза», но все равно таанцы не должны были отказываться от высадки. Только полное уничтожение всего флота леди Этего могло заставить их изменить планы. А уж 23-й флот явно не представлял для врага никакой опасности. За исключением крохотного отряда Стэна, раздробленные силы Ван Дурмана были совершенно не готовы к бою.

Этот же вопрос задавали себе и бойцы флота леди Этего. Высадки на других планетах системы прошли весьма успешно. Адмирал Деска как раз пересматривал план штурма Кавите, когда получил новый приказ из Хиза: леди Этего следовало немедленно прибыть в Таанский совет за указаниями. Ее флоту предписывалось закрепиться на достигнутых рубежах и, по возможности, не ввязываться в бой с имперцами.

Дожидаясь возвращения леди Этего, адмирал Деска непрерывно подгонял ремонтников, восстанавливавших «Форез». А еще он мог часами разглядывать экран на стене, показывающий текущее распределение сил — по крайней мере, так, как об этом сообщали таанские и имперские информационные агентства. Оранжевым Деска обозначил территории, изначально принадлежавшие таанцам, голубым — империи и красным — то, что таанцам удалось захватить в последнее время. При просмотре во временной перспективе зрелище получалось весьма эффектное. Красные щупальца неумолимо сжимали голубого гиганта, проникая в самое сердце империи.

Деска до глубины души стыдился голубого огонька системы Калтор. Тут он потерпел поражение. А таанцы не принимали поражений.

Подтверждением тому мог служить даже таанский язык. Вот прекрасный пример сложностей, с которыми придется столкнуться любой не ориентированной на войну культуре при общении с таанцами. Все таанское «общество» состояло из различных военизированных групп и формирований. А раз так, то и их язык включал в себя непомерное количество солдатского жаргона. Но что еще хуже, первый Таанский совет решил, что народу требуется по-настоящему военный язык. И потому искусные лингвисты создали новые многозначные слова. Теперь эмоциональная окраска описываемого словом поступка становилась совершенно очевидной.

Три простых примера: глагол «акомита» означает одновременно «сдаться» и «перестать существовать». Глагол «мелтах» — «уничтожить» и «добиться успеха». Глагол «верлаач» — «победить» и «покрыть позором».

Адмирал Деска знал, что, несмотря на покровительство лорда Ферле, от леди Этего вполне могут потребовать искупить свою вину ритуальным самоубийством. Учитывая ее ранг, вряд ли наказание будет более суровым. Но если леди Этего покончит с собой, то ее судьбу придется разделить и самому Деске.

Наконец крейсер, несущий на своем борту или леди Этего, или ее заместителя, подошел к «Кисо». Дожидаясь стыковки, Деска усилием воли достиг четвертого уровня состояния дхиана — состояния безмыслия, бесстрашия и отсутствия сомнений. Он ждал.

Люк раскрылся, и леди Этего вновь ступила на «Кисо». Адмирал Деска почувствовал, как к нему возвращается надежда. Добавив увеличение монитора, он пристально вглядывался в лицо своего командира. Но черты леди Этего, как всегда, оставались совершенно бесстрастными. Деска выключил монитор. Ничего, в свое время Этего все ему расскажет.

И это время настало.

Таанский совет действительно был недоволен провалом операции по захвату Кавите. Другие адмиралы, не сумевшие полностью выполнить поставленные перед ними задачи, уже поплатились за это званиями и постами. Этего, по мнению Дески, тоже собирались снять. Но упорство императорских войск в системе Калтор подсказало другой ход. Не без удивления Деска узнал, что предложил ход не покровитель леди Этего лорд Ферле, а лорд Пэстор.

— Мы не ожидали такого поворота событий,— сказал тот,— однако ситуацию в системе Калтора вполне можно обернуть в нашу пользу.

— Возможно,— кивнул Ферле.

— Мы все согласны, что главным фактором, обусловливающим нашу победу, является склонность императора принимать решения под влиянием эмоций. Как будто одной логики тут недостаточно.

— Это общеизвестно.

— Прошу прощения у членов совета. Я не слишком искусен в выступлениях, тем более по столь важным вопросам, и потому мне бы хотелось порассуждать вслух.

Значит, с одним мы все согласны. Теперь второй факт. Императору, несомненно, нужен хоть какой-то успех, чтобы поддержать моральный дух своих войск и убедить колеблющихся взять его сторону.

— С этим тоже можно согласиться,— кивнул лорд Вичман.

— В таком случае я предлагаю немного ему помочь. Пусть из трех, нет, из четырех независимых источников ему станет известно, что провал нашей операции на Кавите был следствием неумелого руководства и использования второсортных войск.

— Ага...— понимающе протянул Вичман.

— Император пошлет туда подкрепление, и мы захватим в ловушку нечто большее, чем обломки уже уничтоженного нами флота.

— Мне это нравится,— объявил лорд Ферле.— Надо только позаботиться, чтобы имперцы ни о чем не пронюхали. В остальном план великолепен. Преклоняюсь перед хитроумием лорда Пэстора.

Он окинул взглядом остальных двадцать семь членов совета. Можно и не голосовать.

— Я хотел бы сделать одно маленькое добавление,— поднялся лорд Вичман.— Почему бы нам не подкрепить войска леди Этего одним из наших резервных флотов? Тогда имперские части будут не просто разгромлены, а буквально стерты в порошок.

— Верно,— кивнул Ферле.— Значит, решено.— Он повернулся к экрану, на котором застыло изображение леди Этего.— Это все, леди. По возвращении во флот вы получите полный заверенный приказ.

Экран погас.

«И на сей раз,— подумал лорд Ферле,— ты уж лучше победи. Потому что если ты снова потерпишь поражение, я не смогу тебя спасти».

Приказ был готов еще до того, как тяжелый крейсер леди Этего покинул Хиз. В систему Калтора направлялись три свежие десантные части с боевыми машинами и соединениями поддержки.

Взялась за дело и контрразведка. Впрочем, она могла и не стараться. Вечный император уже отдал распоряжение генерал-майору Яну Махони и его людям передислоцироваться на Кавите.

Глава 49

Стэн и такшипы могли уцелеть в одном-единственном случае — если они всегда находятся не там, где их ждут. Любому таанскому корвету за глаза хватило бы сил один на один справиться с кораблем класса «бакилей». И поэтому Стэн постоянно призывал своих капитанов думать — наподобие карася среди акул.

После обустройства на новой базе пришла пора выбирать цели для атаки. Причем такие, чтобы, поразив врага, уцелеть самому.

Три ближайшие к Калтору системы кишмя кишели таанцами, так и рвущимися в бой. Туда соваться не стоило. Стэн хотел найти такое направление удара, где бы его атака оказалась неожиданной. Причем желательно, чтобы враг понес максимальные потери. Значит, следовало охотиться на транспорты.

Таанцы, разумеется, охраняли пути своих грузовых кораблей. Но не на всем же их протяжении? Возле системы Калтора — конечно. Дальше, в открытый космос или возле своих систем — маловероятно. Поблизости ни одного имперского корабля, не считая остатков 23-го флота. Так зачем же зря тратить горючее и силы? Зачем отвлекать боевые корабли? Да и не могут такшипы далеко улетать от Кавите.

Что правда, то правда. Такшипы действительно далеко улетать не могли. Но только из-за недостатка припасов и амуниции. Не из-за двигателей или горючего. Каждый корабль класса «бакилей» нес на борту столько АМ-2, что хватило бы на полгода.

Стэн надеялся, что таанцы поверят своей логике.

И вот техники Стэна переделали один из вспомогательных кораблей, двигатели которого были уничтожены при бомбардировке, в летающий склад. Такшипы подняли его в космос, дотащили до Ромни и под завязку нагрузили припасами. Затем, впятером, они отправились в путь.

Первый этап увел их далеко в сторону от торных дорог. Затем где-то у черта на рогах они повернули в сторону Таанских миров. Они продвигались медленно и осторожно. Они знали, верили, отчаянно надеялись, что сумеют засечь таанцев раньше, чем те засекут их. Они искали траекторию, по которой корабли с Хиза летели в ближайшие к Калтору системы. В том, что такая должна быть, Стэн не сомневался.

Две недели спустя они в последний раз дозаправились от транспорта. Бросив судно на орбите вокруг необитаемой планеты, такшипы продолжали поиски. К тому времени слабенькие рециклеры воздуха уже не справлялись с нагрузкой. И корабли, и экипаж пахли как хорошо вызревшие носки. Стэн недоумевал, почему ни в одной из иллюзолент про войну он не сталкивался с такой прозой жизни, как солдатская вонь. Вонь от страха. Вонь от усталости. Вонь от грязи.

И тут взревели сирены тревоги. Мигом приготовившись к бою, четыре корабля ждали приказа атаковать.

На экране перед Стэном медленно плыли четыре транспорта. Пурпурные огоньки двигателей однозначно выдавали в них таанцев. Но куда интереснее было странное мерцание, появившееся на соседнем экране.

— Можно атаковать? — поинтересовалась Ш'аарл'т.

— Нет. Ждите приказа.

Стэн, Килгур и Фосс пристально разглядывали мерцающие точки.

— Это не корабли,— наконец сказал Алекс.— Сигналы слишком слабые.

— Может, маяки? — предположил Фосс.

— Какие маяки в открытом космосе? — пожал плечами Стэн.— Кстати, они что-нибудь передают?

Фосс проверил показания сенсоров.

— Нет, сэр. Мы принимаем только слабый шум. Может, это рации, работающие на прием? Или какая-то выносная суперантенна?

— Чертовски маловероятно,— покачал головой Килгур.

Стэн решил поглядеть поближе. Сев за оружейный пульт Килгура, он опустил на голову контрольный шлем.

— Запустите «Фокс». Боеголовку оставьте на предохранителе.

Килгур через плечо своего командира нажал нужные клавиши. Теперь Стэн видел мир через радар своей ракеты. Он летел не спеша, практически на минимально возможной скорости. Мерцающие огоньки росли, и вот они уже появились не только как источники радиопомех, но и как вполне конкретные тела.

— Они не связаны друг с другом,— сообщил Фосс.— Ни механически, ни электронно. По крайней мере, сейчас не связаны,— подумав, добавил он.

— Больше всего это похоже на минное поле,— произнес Стэн.

— Ты, наверное, чокнулся, парень,— возмутился Килгур.— Даже таанцы не так глупы, чтобы ставить на пути своих транспортов мины!

— Разве мины обязаны быть пассивными?

— М-да... В этом что-то есть...

Стэн снял шлем и повернулся к своим офицерам.

— Возможно, мы регистрируем шум их приемников,— задумчиво постукивая карандашом по зубам, говорил Фосс.— Знаете, схема совсем простая. Вы помещаете там свою ракету с приемопередатчиком. Все ваши корабли имеют опознавательные коды типа «свой — чужой». При правильном ответе на запрос мина будет игнорировать проходящий мимо корабль. Но если ответа нет или он неправильный, ракета активизируется и атакует чужака. Если хотите сбить врагов с толку, вы можете так запрограммировать мины, что они будут перемещаться с места на место. Блок-схема такого устройства выглядит...

Фосс очистил экран и взялся за световое перо.

— Со схемами потом, парень,— остановил его Килгур.— Сперва вопрос: что нам делать?

— Может, они не среагируют на такой маленький кораблик, как наш такшип? — предположил Стэн.

— Ты готов рискнуть?

— У нас в роду, кажется, не было идиотов.

— Получается, мы не можем напасть на этот конвой?

— Поживем — увидим. Мистер Килгур, прикажите подготовить три скафандра.

— Так можно и погибнуть,— проворчал Килгур.

Они втроем висели всего в нескольких дюймах от таанской мины. Оставив «Гэмбл» на попечение инженера Хокинса, Стэн, Килгур и Фосс на разоруженном «Гоблине» подлетели к минному полю. Стэн считал, что мины не должны обратить внимание на крохотную ракету. Хотя, напоминал он сам себе, это могло быть и не так.

В полукилометре от мины Стэн остановил ракету. Дальше они полетят на ранцевых двигателях.

Мина представляла собой пятиметровый цилиндр с раструбами дюз на одном конце. Она висела внутри горообразного кольца диаметром в шесть метров. В нем, судя по всему, располагались пусковые и контрольные устройства.

Они кружили вокруг, пока не убедились в отсутствии очевидных ловушек. Затем подлетели поближе — туда, где, как им казалось, находится контрольная панель. Фосс отцепил от пояса электроотвертку для работы в невесомости.

— Можно попробовать, сэр?

— Почему бы и нет?

По прямому лучу Стэн передавал на «Гэмбл» детальное описание всех их действий. Если Фосс ошибется и мина взорвется, следующая группа, если, конечно, такая будет, вторично той же ошибки не совершит.

Фосс вставил отвертку в шлиц и включил мотор.

— Мы вывинчиваем первый винт, нижний левый... выглядит он вполне обычно. Тяжело идет, мистер Фосс? Первый винт пошел... вынут. Второй винт, верхний правый. Готово. Третий... нижний левый. Тоже вынут... Все винты вынуты. Панель свободна. Выдвигаем ее на два сантиметра. С миной она, похоже, больше никак не связана.

Фосс посветил внутрь фонарем.

— И что мы там имеем?

— Грубая работа, сэр.

— Фосс, вы не зачет у студентов принимаете!

— Извините, сэр. Если мы правы... так, они соединили эти платы... да. Все просто, сэр.

— Говорит Стэн. Перерыв в связи.— Стэн отключил луч на «Гэмбл» и жестом велел своим спутникам подплыть к нему.— Фосс, мы можем разрядить эту мину?

— Проще пареной репы. Отсоединить любую из трех ключевых плат — и этой штукой можно будет забивать гвозди.

— Значит, нам остается только выяснить радиус действия мин. Тогда, разряжая их, мы создадим себе простор для маневра. И дело в шляпе.

Килгур легонько потрепал Стэна по шлему. От его дружеского похлопывания они закрутились, как два волчка.

— Бедняга,— посочувствовал Алекс.— Тяжело, наверное, все время командовать. Сказывается, видать, на мозгах. Такой молодой, а уже кретин.

— Ты придумал что-то получше?

— А то как же. Крутой план. Что самое приятное, нам даже не надо торчать тут, чтобы устроить таанцам чертову пропасть неприятностей.

— Давай выкладывай.

— Если он тебе понравится, ты разрешишь мне рассказать парням историю о пятнистых змеях?

— Ни за что на свете! Даже если из-за этого мы проиграем чертову войну!.. Не тяни, Килгур. Выкладывай, чего ты там надумал.

Конвой таанцев состоял из одиннадцати транспортов. Восемь из них везли по батальону десантников каждый. Этим отборным частям предстояло усилить части леди Этего во время грядущего штурма Ка-

вите. Три других транспорта были под завязку нагружены боеприпасами и прочей амуницией. Их сопровождал маленький патрульный бот, служивший скорее проводником, чем защитником.

Курс кораблей пролегал в нескольких световых секундах от одного из минных полей. Командир конвоя, недавно призванный на службу резервист, чувствовал себя не в своей тарелке. Еще много лет тому назад, работая в торговом флоте, он уверовал, что машины жаждут его смерти. И чем больше машина, тем более злобные у нее замыслы. Несчастный капитан старался даже и не вспоминать о машинах, способных взрываться. А тут, совсем рядом, несметная туча таких устройств!

В некоторой степени он даже не удивился, когда дежурный офицер заметил какую-то странную активность на минном поле. А затем сообщения посыпались как из рога изобилия — мины активизировались и устремлялись в погоню.

Уверенный, что вышел из строя определитель «свой — чужой», командир конвоя приказал подвести корабль вплотную к другому. Но это не помогло. На кораблях поднялась паника, матросы влезали в скафандры, захлопывали воздухонепроницаемые перегородки между отсеками.

Пятнадцать ракет атаковали одиннадцать транспортов. Каждая мина была способна вывести из строя крупный боевой корабль. Лишенные брони транспорты с первого взрыва обращались в облако радиоактивного газа.

Дело в том, что техники Стэна вовсе не стали разряжать мины. Вместо этого Фосс проанализировал память взрывного устройства и настроил схемы управления так, что таанский сигнал «свой» служил одновременно и командой пуска ракеты, и указателем цели.

Транспорты просто-напросто исчезли, остался только патрульный бот. Стэн мог бы не волноваться. Мины действительно были запрограммированы игнорировать мелкие суда.

Шесть стартовавших мин опоздали на праздник. Пока они летели, все цели уже были уничтожены. Теперь они кружили, «не зная», что им делать дальше. Капитану бота следовало бы на полной скорости нестись на базу — докладывать о случившемся. Вместо этого он открыл огонь по одной из мин, активизировав тем самым вторичную программу: в случае враждебных действий со стороны корабля любого размера переходить в атаку.

Последний взрыв стал началом новой тайны. Как мог бесследно исчезнуть конвой в совершенно безопасном и тщательно охраняемом секторе? Моряки не любят подобных тайн, зато обожают о них рассказывать. Очень скоро все без исключения знали: с Пограничными мирами дело неладно. Туда, мой друг, лучше не соваться.

Исчезновение конвоя вынудило таанцев отозвать с фронта часть военных кораблей. Им предстояло теперь сопровождать транспорты

и искать загадочного имперского рейдера, по мнению некоторых офицеров маскирующегося под таанское судно.

Прежде чем вернуться на Ромни, Стэн перепрограммировал еще четыре минных поля.

Они начали борьбу.

Глава 50

— Капитан Стэн,— сказал адмирал Ван Дурман, досмотрев рапорт Стэна о последнем походе.— Я должен вас поздравить.

— Спасибо, сэр.

— Знаете,— продолжал Дурман, вставая из-за стола,— во флоте, оказывается, так просто отстать от жизни. Накапливаются привычки, и ты уже не хочешь видеть ничего нового. Ты полагаешь, что есть только одна шкала ценностей — та, к которой привык ты сам. Ты уверен, что чем меньше корабль, тем он слабее. Ты полагаешь, что одной демонстрации силы достаточно, чтобы обезопасить империю от врагов. Ты думаешь... черт побери, ты много всякого думаешь. А потом в один прекрасный день выясняется, что ты ошибался.

Это, решил Стэн, весьма честный и точный приговор адмиралу Ван Дурману. Может, стоило бы еще упомянуть о любви к роскоши, помпезности и показухе. Ну и припомнить склонность к упрямой тупости... Вопрос теперь только в том, что Ван Дурман сделает дальше. Подаст в отставку? Или примет яд, как таанский военачальник, проигравший сражение? Ха. Ха. Ха. Очень смешно.

— Я решил представить вас к медали «За доблестную службу». А еще доверить вам вручение четырех медалей тем членам вашего отряда, кто это в наибольшей степени заслужил.

— Спасибо, сэр.

С гораздо большим удовольствием Стэн получил бы сейчас пару запасных двигателей и запас ракет для своих такшипов.

— Я хотел бы видеть вас и выбранных вами людей здесь, в штабе, в четырнадцать ноль-ноль. В парадной форме.

— Так точно, сэр. Могу я спросить зачем?

— Для торжественной церемонии вручения наград. Я организую присутствие журналистов. После церемонии мы проведем пресс-конференцию.

— Сэр... мне кажется, это не очень хорошая идея.

— Не надо скромничать, капитан! Вы одержали замечательную победу. А сейчас вся Кавите, да что там Кавите, вся империя с нетерпением ждет хороших новостей.

— Я не скромничаю, сэр. Просто... сэр... мы оставили таанцам в подарок еще четыре переделанных минных поля. Если они пронюхают... сэр, это сорвет всю операцию!

Ван Дурман, надо отдать ему должное, и в самом деле обдумал слова Стэна.

— А возможно ли,— спросил он, возвращаясь в свое кресло,— дать другое объяснение вашего успеха?

Перевод: можем ли мы солгать?

— Вероятно, сэр. Однако журналисты наверняка захотят поговорить с моими людьми. А они, боюсь, не сумеют дать достаточно убедительный ответ. Мои матросы не обучены искусству дезинформации.

Если бы Килгур узнал о таком заявлении Стэна, он бы, наверное, придушил его на месте. Алекс был одним из лучших, профессиональных лжецов, каких Стэн только знал.

— Это и в самом деле рискованно,— согласился Ван Дурман.— Вы правы. Я отложу пресс-конференцию. И, капитан, еще один вопрос. Я не стану менять ваши полномочия — вы прекрасно действуете самостоятельно. Мне бы только хотелось, чтобы впредь ваши операции проводились немного ближе к Калтору.

— Например, сэр?

— Я просил бы вас атаковать соседние с нами системы.

— У них весьма серьезная защита, сэр.

— Это очень важно.

— Разрешите вопрос, сэр: почему надо атаковать именно ближайшие системы?

— Я планирую провести вскоре операцию, которая потребует поддержки всех оставшихся в нашем распоряжении сил флота. К сожалению, пока я не могу выразиться определеннее — операция готовится в условиях строжайшей секретности.

Прости-прощай краткий миг просветления адмирала Ван Дурмана! У Стэна был самый высокий допуск из всех офицеров 23-го флота, включая и самого адмирала. Он мог бы заметить, что трудно поддерживать атаку (или отступление?), не зная, что происходит. Он искренне считал, что «строжайшая секретность» для кретинов дурмановского штаба, скорее всего, означала, что о планируемой операции знает весь офицерский клуб. Вместо этого он встал по стойке «смирно».

— Так точно, сэр. Я и мой штаб подготовим планы возможных рейдов.

— Отлично, капитан. Еще раз — мои поздравления.

Выходя из адмиральского кабинета, Стэн думал о том, не заразен ли Ван Дурман. Планы рейдов? Штаб? Это значит, что четыре офицера, унтер и снабженец сядут обсудить перспективы за бутылкой джина.

Стэн надеялся найти Бриджит в какой-нибудь романтической обстановке. Например, на цветочной лужайке, где не видно и не слышно войны. А еще он надеялся, что девушка достаточно оправилась от смерти матери и что страсть сможет найти дорожку в ее сердце.

Стэн нашел ее в девяноста футах под землей, в забрызганном кровью комбинезоне, толкающей каталку мимо какого-то грызущего скалу агрегата.

У кого-то в штабе Ван Дурмана все-таки хватило и хитрости, и сообразительности. После Дня империи госпитали Кавите были переполнены, срочно требовались новые места. Неизвестный администратор явно достаточно знал о практикуемых таанцами методах ведения войны. Он понимал, что древний красный крест на госпитальной крыше станет прекрасной, хорошо обозначенной целью при следующем налете. Поэтому базовый госпиталь располагался теперь глубоко под землей. Между прочим, прямо под зданием, где много лет тому назад находился таанский консультант в Пограничных мирах.

Стэн помог Бриджит поместить раненого в медмашину, а потом спросил, когда кончается ее смена. Устало улыбнувшись, девушка ответила, что завтра утром. К тому времени Стэн уже будет на борту «Гэмбла». Вот и конец романтике.

Бриджит сумела изобразить еще одну улыбку, на этот раз сочувственную, прекрасно понимая, чего хотелось Стэну. Взяв его за локоть, она отвела своего друга в переполненную столовую для персонала, где угостила чашкой совершенно ужасного кофе. Оказывается, уже на следующий день после похорон матери Бриджит добровольцем пошла в госпиталь. Довоенный мир белых платьев, скуки и вечеринок сгорел без следа.

Стэн был приятно удивлен и уже хотел что-то сказать на эту тему, когда наконец понял, о чем на самом деле рассказывает ему Бриджит. О чем бы она ни говорила, у нее непрерывно, по делу и без дела, всплывал некий доктор Моррисон. Доктор Моррисон то, и доктор Моррисон это, и как самоотверженно работает доктор Моррисон, и сколько жизней спас доктор Моррисон... Бриджит, насколько Стэну удалось понять, работала у этого самого доктора Моррисона старшей медицинской сестрой. А еще он понял, что даже если бы он и встретил Бриджит на романтичной цветочной полянке, то его, скорее всего, попросили бы помочь собрать цветы для доктора Моррисона.

Что поделаешь. Стэн никогда не считал себя неотразимым, пусть даже дни командира такшипа и кратки, как у бабочки.

Вдруг лицо Бриджит смягчилось, на ее губах появилась теплая улыбка.

— Вот она! Доктор Моррисон! Вон там!

Капитан имперской медицинской службы Элен Моррисон, на взгляд Стэна, была не менее красива, чем Бриджит, однако от ее приветствия веяло холодом. Казалось, она видит в Стэне очередного пациента, не больше. Элен села, и Бриджит почти машинально взяла ее за руку.

Поговорив еще пару минут о ничего не значащих пустяках, Стэн допил свой кофе и распрощался.

Война все меняет. Иногда даже к лучшему.

Несколько дней спустя адмирал Ван Дурман получил-таки свою победу. Благодаря имперскому такшипу «Ричардс», лейтенанту Эстилу и младшему лейтенанту Тапии. Так, во всяком случае, полагали все, кроме самой Тапии.

Они добрую неделю болтались в космосе, прежде чем нашли подходящую цель — громадный штурмовой корабль таанцев, летающую базу атмосферных бомбардировщиков. По данным бортового компьютера «Ричардса», такие корабли не отличались особой толщиной брони, и если в них попадали до того, как команда успевала закрыть переборки, взрыв получался очень даже впечатляющий.

Сложность была только в том, что этот корабль сопровождали крейсер и полдюжины эсминцев, а на «Ричардсе» никому не хотелось кончать жизнь самоубийством.

Тапия дала своему командиру время проиграть на компьютере и отбросить десяток вариантов атаки, а потом высказала предложение. Такому не учили ни в одной школе, но Эстил набрался кое-какого опыта в отряде Стэна и потому решил рискнуть. Передав командование Тапии, лейтенант заявил, что, если план сработает, он сам «полетит» на «Кали».

Оставаясь невидимым, «Ричардс» обогнал таанцев и на полной скорости ушел вперед. Тапия скорректировала координаты и заглушила двигатели. Такшип повис точно на вычисленной траектории движения врага. Затем Тапия отключила все оборудование, включая генераторы искусственной гравитации, и выбросила в люк все, без чего можно было хоть как-то обойтись: кресла, рационы, металлизированную фольгу, идеально отражающую радарные лучи, даже пару запасных скафандров.

Началось ожидание. Вскоре пассивные детекторы засекли сенсорные лучи таанцев. Ожидание продолжалось.

Одинокий эсминец вырвался из конвоя и по восьмерке облетел такшип. Он явно пытался понять, что же такое он нашел, а конвой между тем все приближался.

— Это будет интересно,— прошептала Тапия.

Можно было, конечно, выразиться и так. Ведь если враг не поверит, что такшип мертв, если камуфляж не сработает, то эсминец просто-напросто пойдет в атаку. Тогда и молниеносные рефлексы экипажа, и скорость такшипа вряд ли спасут его от уничтожения.

Пассивные экраны показали отсутствие сигналов, и Тапия облегченно вздохнула. Если бы эсминец собирался атаковать, они бы уловили сигналы наводящего компьютера.

— Приготовьтесь, лейтенант.

Эстил кивнул. Тапия подала напряжение на свою панель. Узкий луч дальномера, направленный на штурмовой корабль таанцев, считывал дистанцию. Близко... Ближе... В пределах досягаемости.

Тапия включила управление, инженер запустил генераторы, и «Ричардс» ожил. Две секунды спустя Эстил запустил «Кали».

На таанских кораблях забили тревогу. Ринулись в атаку эсминцы. Кинулся вперед крейсер. Штурмовой корабль, пытаясь спастись, начал отчаянно маневрировать.

У Тапии не было времени глазеть по сторонам. Она на предельной скорости гнала «Ричардс» прочь. Пора думать о собственной шкуре.

Лететь «Кали» оставалось всего несколько секунд, и тут открыла огонь носовая зенитная батарея штурмового корабля. Она не могла остановить «Кали». Во всяком случае, в теории.

Обычно офицер, ведущий ракету к цели, остается с ней вплоть до самого взрыва. Но Эстилу это слишком напоминало смерть. И потому в самый последний момент, уже нажимая на кнопку взрыва, он сдернул с головы контрольный шлем.

Взрыв залил белизной кормовые экраны «Ричардса».

— Готов! — закричал Эстил и, снова натянув шлем, выпустил против таанских эсминцев серию «Гоблинов».

Тапия сверилась с индикаторами. Поблизости находились вражеские ракеты. Сближение... нет, цифры отрицательные. «Ричардс» уходил. Она бросила взгляд на главный экран и увидела, что количество точек на нем не изменилось. Таанцев осталось столько же, сколько десять минут тому назад. «Кали» и в самом деле подорвалась на зенитной ракете. Взрыв погнул шпангоуты штурмового корабля, но в ремонтном доке его за пару дней вернут в строй.

Тапия пыталась сказать правду. Никто ее не слушал. Лейтенант Над Эстил стал героем. Ван Дурман наградил его Крестом Галактики, хотя формально такой орден мог вручать только сам император. Журналисты как с ума посходили — Эстил не мог бы стать большим героем, даже если бы они его выдумали. Буквально за несколько часов его облик и доблестные деяния стали известны по всей империи.

Тапия в частном порядке рассказала Стэну, что произошло на самом деле. Стэн хорошенько поразмыслил и посоветовал ей обо всем забыть. Он плевать хотел на ордена, а новый герой империи совсем не помешает. К тому же Эстил искренне верил, что подбил штурмовой корабль.

Однако отряд такшипов получил приказ своего капитана лишний раз потренироваться на стимуляторе. Одна ошибка могла сойти с рук. Если Эстил ошибется вторично, это может стоить ему жизни.

Стэн очень не хотел потерять «Ричардс».

Лейтенант Стикка никак не мог успокоиться. Его разговор со Стэном плохо начался и еще хуже закончился. Но самое противное было в том, что исходная идея принадлежала самому Стикке.

Стэн честно пытался следовать туманному указанию Ван Дурмана побольше атаковать ближние к Калтору системы. Но любую атаку надо сперва подготовить. В частности, требовалось знать, на каких планетах тааанцы разместили свои войска, какие именно и в каком состоянии. В итоге, прежде чем выбирать цели, такшипы занялись разведкой.

Стикке повезло. Он нашел цель — пальчики оближешь. Характерной чертой обнаруженной им планеты была огромная, длиной в несколько тысяч километров, река. На равнине в ее устье тааанцы и разместили две десантные дивизии. Временно, разумеется. Только до начала штурма Кавите.

Стикке даже удалось узнать где, скорее всего, располагаются штабы.

Стэн от души поздравил его с успехом.

— Давай, лейтенант,— сказал он.— Прикончи их.

— Сэр?

Стэн очень устал, и ему было не до любезностей.

— Я сказал: возьми корабль, вооружи его как надо, уничтожь противника.

— Я не маленький ребенок, сэр!

Стэн глубоко вздохнул.

— Извини, коли что не так. Но в чем тут проблема? Ты нашел врага. Вот и позаботься о нем.

— Возможно, я не до конца понимаю... что, собственно говоря, мне делать?

— Давай думать вместе.— Стэн мысленно перебрал имеющееся в его распоряжении оружие.— Вот что я бы тебе посоветовал. Первым делом выкидываем пусковые установки «Гоблинов». На их место ставим еще восемь «Чейнов». Затем избавляемся от «Фоксов» — тебе потребуется место для дополнительной амуниции. Дальше: убираем «Кали». На корабельном кладбище был, если не ошибаюсь, старый корабль ближней поддержки. На нем должен стоять ленточный бомбомет. Демонтируй его и установи в пусковой трубе «Кали». Лучше всего подойдут ядерные боеголовки малой мощности, две-три килотонны от силы. Я рекомендовал бы, выйдя на цель, кидать их с интервалом не больше пяти секунд.

— Что-нибудь еще, капитан? — Голос Стикки дрожал.

— Эх, найти бы немного хорошего отравляющего газа... Увы. Чего нет, того нет.

Стэн нарочито не замечал реакции лейтенанта, надеясь, что тот сумеет взять себя в руки. Стэн ошибался.

— Капитан! — вскакивая, воскликнул Стикка.— Я не убийца!..

— Лейтенант Стикка! — Стэн тоже вскочил из-за стола.— Смирно! Я хочу, чтобы вы разули уши и заткнули пасть!.. Да, лейтенант, вы именно убийца. Это ваша работа — убивать вражеских солдат. Убивать всеми доступными вам способами. А это значит, что если кто-нибудь изобретет машину времени, вы будете душить врага в колыбели! Кто, по-вашему, сидит в сбиваемых вами кораблях? Роботы?

— Там все иначе.

— Лейтенант, я, кажется, приказал вам молчать! Какого черта?! Мы что, должны ждать, пока все эти войска погрузятся в свои транспорты, и только тогда размазать их по космосу? Так вам кажется благороднее? Или, может, будем тянуть, пока они не высадятся здесь, на Кавите? Ваш род, лейтенант, похоже, слишком долго не снимал розовых очков. Вам давно стоило бы понять: если бы не война, солдат расстреливали бы за умышленное убийство. Это все. Выполняйте приказ. Я хочу, чтобы через сорок стандартных часов вы уже были в космосе.

— Разрешите сказать пару слов, сэр?

— Нет! Свободны, лейтенант!

Отдав честь, Стикка четко повернулся через плечо и вышел из каюты. Стэн устало опустился в кресло.

Из кают-компании «Гэмбла» вышел Алекс. Посмеиваясь, он сел напротив капитана.

— Не боевой отряд,— простонал Стэн,— а какая-то чертова семинария!

— Усраться можно,— посочувствовал Алекс.— Еще немного, и он заявит, что войну надо вести по правилам. Позволь, я расскажу ему о пятнистых змеях?

— Только пикни, и я заставлю тебя пройти по доске над пропастью,— усмехнулся Стэн.— Вот только доски у меня нет...

Стикка выполнил приказ. Его план атаки сработал просто превосходно, и этот успех на вкус был горше поражения.

Он ввел «Келли» в атмосферу над морем — ночью, под покровом сильного шторма. Пользуясь тем, что таанцы не патрулировали реку, Стикка нырнул под воду, вошел в устье и опустил такшип на дно возле самого плато.

Лейтенант считал, что приказ ему отдали неправильный, но все равно готовился выполнить его как можно лучше. Вспоминая дни учебы, он решил, что любая армия наиболее уязвима ранним утром, через час после подъема. В это время все заняты умыванием, завтраком и тому подобными делами, стараясь при этом не угодить в наряд.

Ровно в семь часов утра Стикка поднял «Келли» из-под воды и на Югаве широким зигзагом устремился к штабам. Пересекая границы лагеря, он приказал экипажу открыть огонь из «Чейнов» и лично

запустил бомбомет. На носовых экранах было видно, как маленькие ядерные бомбочки поднимались на тысячу футов в воздух, прежде чем устремиться к земле. К тому времени, как они взорвутся, «Келли» будет уже далеко.

Стикка отключил кормовые экраны. Он стал убийцей. Возможно, капитан Стэн прав и все солдаты убийцы. Пусть так, но все равно Стикке не хотелось видеть дело своих рук.

Атака длилась двадцать минут. Когда «Келли» вышел на орбиту и включил АМ-2, один дивизионный штаб был полностью уничтожен, а потери второго составили сорок процентов. Из двадцати пяти тысяч таанских солдат почти одиннадцать тысяч погибли. Как боевые подразделения, две дивизии практически перестали существовать.

Лейтенант Стикка отказался от медали, затребовал трехдневную увольнительную и трое суток провалялся пьяным у себя в каюте.

Потом, справившись с похмельем, он побрился, принял душ и вернулся к своим обязанностям.

Ш'аарл'т нашла себе не цель, а конфетку. Сложность заключалась только в том, что никто не знал, как до цели добраться — чтобы тебя не размазали в процессе по всему небу.

Ш'аарл'т обнаружила главный склад боеприпасов. Таанцы устроили его в широкой, со всех сторон окруженной крутыми скалами долине. На гребнях они установили зенитные ракеты и лазеры. Воздушное пространство над долиной непрерывно патрулировалось военными гравикарами, а за пределами атмосферы, на синхронной орбите, повесили вооруженный до зубов спутник. Не упрощало дела и то, что вся планета, Орагинт, была постоянно укутана густыми облаками.

Ш'аарл'т следила за транспортами таанцев, вычисляя их место назначения. Конвой следовал за конвоем, и становилось ясно, что где-то здесь враг расположил очень крупный склад. Для определенности Ш'аарл'т поймала один следовавший без сопровождения корабль. Она рассчитывала развалить транспорт на части точными пусками «фоксов» — интересно ведь узнать, что там у него внутри. Однако первая же ракета, которой следовало лишить транспорт мобильности, превратила его в огненный шар.

— Можно предположить,— сказала Ш'аарл'т своему помощнику,— что этот корабль вез не продукты.

— Кто его знает, мадам. Таанцы любят острую пищу.

— Неважная шутка, приятель. Но раз ты у нас такой умный, скажи, как мы доберемся до этого чертова склада?

Вопрос оказался весьма непростой. Прежде всего следовало выяснить, что же находится под облаками. Посадив «Клаггет» на одной из лун Орагинта, Ш'аарл'т обдумала сложившуюся ситуацию.

Первым делом она подготовила камеру с длиннофокусными телеобъективами. Пошла в ход и инфракрасная оптика с компьютерным усилением. Запустив своего летающего разведчика, Ш'аарл't увидела большую круглую долину, где, судя по всему, и располагался склад. Рискнув, она включила лазерный дальномер. Полученные с его помощью данные подтвердили это предположение. Инфракрасные фотографии показали тепловое свечение на дне долины — вероятно, посадочная площадка — и периодические вспышки на гребнях, скорее всего, от зенитных лазеров.

Собрав всю эту информацию, Ш'аарл't вернулась на Ромни посоветоваться со Стэном.

Проще всего было решить, чего делать не следует. Ясно, что посылать туда ракету просто-напросто бессмысленно. Даже «Кали» не прорвется мимо спутника. А там, внизу, ждет еще и толпа зенитных батарей.

Возможно, специальный корабль класса «хорек» мог бы подавить системы наведения и успеть дать залп по складу. Увы! С недавних пор «хорьки», как и многие другие типы кораблей, уже не числились в составе 23-го флота.

— Беда в том,— подвел итог Стэн,— что туда никак не добраться.

— Маленькая поправочка, приятель,— вмешался Килгур.— Туда не добраться ни одним высокотехнологичным способом.

Стэн сразу понял, что Алекс хочет предложить.

— Может, ты и прав,— покачал головой он.— Но во-первых, Ван Дурман вряд ли одолжит нам своих десантников, а во-вторых, с чего ты решил, что они будут лучше всех его остальных раздолбаев?

— Да кому нужно это дерьмо, когда есть мы с тобой?

— Мы с тобой? — повторила Ш'аарл't.— Кто это «мы с тобой»?

— Как «кто»? Разумеется, я и бесстрашный капитан Стэн.

— Это, наверное, одна из твоих глупых шуточек?

— Вовсе нет. Я серьезен, как никогда.

— Брось заливать, мистер Килгур,— взорвалась Ш'аарл't.— Вы двое — не какие-то там суперкоммандос. Я не знаю, чем раньше занимался ты, но наш мужественный командир служил простым офицером императорской гвардии.

Именно так в личных делах Стэна и Килгура значились годы, проведенные ими в отряде богомолов.

— Сомневаешься, приятель? Боишься отстать от такой старой перечницы, как я? Или ты не в форме? Животик у тебя стал ничего себе...

Ш'аарл't даже опешила от подобной фамильярности. Она ждала грома и молний, но вместо этого Стэн обиженно скривился:

— Я вовсе не растолстел, Алекс.

— Да я шучу, шучу. Это просто форма на тебе так висит.

— Вы что, серьезно? — не выдержала Ш'аарл't.

— Возможно, мистер Килгур и прав,— кивнул Стэн.— Наверное, другого пути действительно нет.

— Вы знаете, что в Уставе имперских вооруженных сил есть пункт, гласящий, что офицер имеет право заменить своего командира в случае, я цитирую, *«тяжелого ранения, умышленного невыполнения приказов вышестоящего командования и,*— слушайте внимательно,— *если командир сошел с ума»*. Конец цитаты.

— В этом флоте, лейтенант,— усмехнулся Килгур,— где все кругом психи и безумцы, кто может сказать, в здравом уме твой командир или нет?

— Хорошо. Попробую еще раз. Два простых пилота никак не могут уничтожить строго охраняемый склад боеприпасов. Такое бывает только в кино.

Стэн и Алекс переглянулись. Строго охраняемый склад? Да они могли с ходу назвать несколько правительств звездных систем, внезапно оказавшихся не у дел благодаря усилиям пары агентов из отряда богомолов.

— Полагаю, у тебя есть план? — спросил Стэн.— Не собираешься же ты лично минировать весь склад?

— Пока я еще ничего не придумал,— признался Алекс.— Но что-нибудь обязательно придет в голову.

— Думай быстрее. Потому что у меня как раз родилась одна идейка.

— Ну, тогда дело сделано. Можно считать, что таанцы уже по уши в дерьме.

— По дороге, Килгур, велите Фоссу оторвать зад от стула и явиться ко мне.

Ш'аарл'т никогда не отличалась глупостью.

— Очень любопытно,— заметила она.— Или вы оба разом свихнулись, или... кто-то мне нагло врал.

— Да как можно, лейтенант!

— Мне помнится, я где-то слышала, что тем, кто служил в имперских спецслужбах, их контора стряпает липовые личные дела. Знаете что-нибудь об этом?

— Очень интересная история, Ш'аарл'т. Мы обязательно как-нибудь ее обсудим. Только не сейчас... А вы чего ждете, мистер Килгур?

При всей внешней простоте придуманного Стэном плана для его воплощения требовалась кое-какая весьма и весьма непростая аппаратура.

Путь к решению проблемы крылся в совершенстве современных зенитных систем. Давно миновали времена остроглазых канониров, высматривающих в прицелы парящие в небесах самолеты. Ракетные установки или лазерные орудия теперь направлялись с центрального пульта управления огнем. Туда стекалась вся информация, собран-

ная спутником на орбите, радарами и многими другими сенсорными системами, находящимися как в воздухе, так и на земле.

Если в контролируемом секторе появлялись нарушители, центр управления оценивал угрозу, поднимал тревогу, распределял цели и открывал огонь. Сами орудия и батареи могли иметь, впрочем, резервное управление на случай выхода главного центра из строя. Их, скорее всего, обслуживали несколько техников. Ну и еще там могли находиться часовые — так, от греха подальше.

У каждого орудия наверняка были запрещенные для стрельбы области, чтобы вне зависимости от движения цели оно не могло стрелять, например, через долину, в сторону другого орудия. А еще, так как под орудиями располагался склад боеприпасов, в зенитные батареи, без сомнения, ввели запрет на стрельбу вниз, в долину.

Стэн предложил внести в эти программы кое-какие изменения. Подумав, Фосс объявил, что подменить команды управления огнем так же просто, как уснуть под одну из бесконечных историй Килгура. Важно только правильно все скоммутировать.

К счастью, на сбитых во время Дня империи кораблях кое-что все-таки уцелело. Стэн и Килгур обшарили обломки, собирая все типы контактов. Фосс взялся за работу. Он был уверен, что между системами управления огнем, используемыми империей, и таанскими найдется много общего.

Итоговое устройство состояло из контрольного блока и независимого источника питания. Эти два ящика помещались в два рюкзака и весили каждый по двадцать пять килограммов. Саттон тем временем отыскал где-то два комплекта камуфляжной формы богомолов. Для операции также подготовили специальный гравикар — нанесли на корпус антирадарное покрытие и установили специальный, отражающий сенсорные лучи экран. Ни то ни другое не обеспечивало стопроцентной защиты, но Стэн не тревожился. Он был согласен с Алексом — с этой стороны таанцы ничего не ждут.

По настоянию Ш'аарл't, высадку провел «Клаггет». В конце концов, она нашла эту цель, и, хоть в атаку идут другие, это все равно ее паутина. Стэн не знал, что означала ее взъерошенная шерсть — то ли Ш'аарл't злилась, считая, что капитан сошел с ума, то ли просто волновалась.

Она ввела «Клаггет» в атмосферу на другой стороне планеты, а затем над самой землей устремилась к складу. Когда сенсоры такшипа учуяли долину, Ш'аарл't остановила корабль, не без оснований полагая, что ее датчики чувствительнее таанских.

Из грузовой капсулы под брюхом «Клаггета» Стэн и Алекс выгрузили свой гравикар. Ш'аарл't будет ждать их через два дня на этом самом месте. Шипя, закрылся люк, и «Клаггет» исчез в предзакатном полумраке.

Стэн и Алекс медленно и осторожно, всего в каком-то метре над землей, вели гравикар по направлению к складу — не напрямик, а широким зигзагом. Если таанцы и засекут машину, ее курс, возможно, собьет их с толку.

Друзья, конечно, взяли с собой оружие: виллиганы и по четыре гранаты. А еще Стэн и Алекс прихватили кукри — кривые боевые ножи, которые так полюбились им за время службы с гурками. Ну и у Стэна, разумеется, был еще спрятанный в руке кристаллический клинок.

В десяти километрах от вражеских позиций Стэн посадил гравикар. Впереди уже различалось кольцо гор, окружающее долину. Похоже, это был потухший вулкан, во всяком случае склоны выглядели очень крутыми. Что ж, оно и к лучшему. С этой стороны таанцы наверняка гостей не ждут.

Когда совсем стемнело, Стэн вновь поднял гравикар. Вскоре они уже замерли у подножия склона. Натянув на головы капюшоны маскировочных костюмов, друзья поправили светочувствительные очки, вскинули за плечи рюкзаки и двинулись в путь.

Карабкаться вверх было нелегко. Самой большой проблемой стали камни под ногами. На них ничего не стоило поскользнуться, да и от стука падающих камней запросто могла сработать сигнализация. Впрочем, в остальном идея Килгура оказалась вполне здравой — похоже, таанцы и в самом деле не ожидали никаких дурацких солдат, на своих двоих пробирающихся в долину.

Первый периметр охранной системы был примитивен до неприличия — заурядный инфракрасный луч, пущенный в метре от земли. Мелкие животные без проблем пробегали под лучом, не отрывая от сна скучающих часовых. Стэн и Алекс опустились на карачки и последовали примеру своих меньших собратьев.

Следующая линия обороны могла бы оказаться орешком покрепче. Она состояла из цепочки маленьких полукруглых сенсоров, способных — по крайней мере, в теории — реагировать на чужаков любого заданного типа. Выбор при этом осуществлялся по размеру, температуре тела или даже по характерным колебаниям почвы.

Килгур планировал обмануть систему с помощью стандартного, используемого в отряде богомолов устройства, так называемого передатчика «Невидимый Громила». Впрочем, «Громила» оказался без надобности — система датчиков даже не была включена. На случай, если вдруг таанцам придет на ум включить ее через час, Стэн ножом поддел крышку одного из сенсоров и слегка попортил его электронную начинку.

До сих пор операция шла на удивление гладко. Любой зеленый новичок, едва нюхнувший начальной боевой подготовки, мог бы проникнуть сквозь подобную защиту. Далее, по правилам, должны были стоять сети контактных проводов. Так оно и оказалось. Стэн уже со

счета сбился, сколько раз в отряде богомолов он преодолевал такое препятствие.

Перебравшись на другую сторону, они с Алексом включили приборы ночного видения и начали высматривать часовых. Впереди, на гребне, уже вырисовывались силуэты лазерной пушки и двух передвижных фургончиков — убежище техников и охраны.

Переведя очки в пассивный режим, Стэн внимательно огляделся. Если таанцы пользуются активными инфракрасными системами, он это увидит. Ничего, все чисто... Ага, вот и часовой. Повесив голову, солдат сидел на ступеньке одного из вагончиков, прислонив свое оружие к стене. Похоже, он спал.

Стэн прямо-таки слышал, как Алекс мурлычет:

— Никаких проблем с этим мур-р-лом.

Подобравшись к орудию, Килгур нащупал провода, идущие от центра управления огнем, и, проверив, нет ли здесь сигнализации, отсоединил контакты. Перебрав осьминожьи щупальца подготовленных Фоссом проводов, Стэн нашел нужный кабель. Сегодня удача решила улыбнуться имперцам: один из разъемов оказался именно таким, как нужно.

Провода Килгур засунул под орудие, а два ящика с электроникой и с автономным блоком питания привинтил к наружному кожуху лазера. Все, сюрприз готов.

Стэн и Алекс снова растворились в ночи. Быстро сползая вниз по склону, Стэн знал, что из всей этой затеи ничего не выйдет. Не может такой хитрый план сработать именно так, как задумано. Такого просто не бывает.

В любом случае следующий этап, после того как их подберет «Клаггет», обещал быть интересным.

Командная рубка такшипа была забита до отказа. Еще бы, ведь и Стэну и Алексу до смерти хотелось увидеть результаты своих трудов. Если, конечно, эти результаты будут.

Ш'аарл'т ввела корабль в атмосферу. По расчетам, точка входа находилась как раз на пределе чувствительности радарных систем спутника. Затем она бросила «Клаггет» к земле. Если все идет гладко, зенитная система в долине сейчас пришла в боевую готовность.

Ш'аарл'т и ее спец по оружию надели контрольные шлемы. Шлем Ш'аарл'т больше походил на восьмерку, повисшую над самыми глазами огромного паука.

«Клаггет» выпустил два управляемых снаряда, модифицированные таким образом, что на экранах они выглядели как самые настоящие такшипы. Повинуясь командам, УСы понеслись в сторону долины.

— Четыре километра,— пробормотала Ш'аарл'т.— Они взяли нас на прицел... Три километра...

Среди орудий, приведенных в боевую готовность, был, разумеется, и лазер, перенастроенный Стэном и Алексом. Выполняя про-

грамму подсоединенного к нему блока, он повернулся — но не в сторону рвущихся к складу УСов, а в обратном направлении. Его излучатель нацелился на дно долины. И никто этого не заметил.

Система управления приказала всем орудиям открыть огонь. УСы были в двух километрах от цели, когда вся долина, из конца в конец, полыхнула оранжевым заревом — лазерный заряд угодил в двухсоткилометровый квадрат контейнеров с ракетами типа «корабль — корабль». Огненный шар покатился по равнине, подорвав по пути еще два громадных штабеля снарядов.

Центр управления ничуть не интересовало то, что делается в долине. Он продолжал стрелять. Два лазерных луча и три зенитные ракеты разом угодили в один из УСов, и тот буквально испарился в воздухе. С проклятием Ш'аарл'т сорвала с головы контрольный шлем.

Анализирующий компьютер, резервная часть системы управления огнем, заметил, что с одним из лазеров творится что-то неладное. Он подал команду отключить орудие. Но Фосс предвидел такой оборот. Приняв сигнал прекратить огонь, собранное им устройство перешло на автономный источник питания и запустило вторую программу. Включив режим повышенной скорострельности, лазер начал поливать огнем дно и стены гигантского кратера.

В передвижных вагончиках заревели и замигали сигналы тревоги. Выбежавшие наружу техники с ужасом увидели, как их орудие систематично уничтожает то, что ему полагалось охранять. Они кинулись к пульту ручного управления, но в этот миг второй УС, добравшийся почти до самой долины, окутался пламенем и врезался в скалы. И весь склад взлетел на воздух.

«Клаггет» с воем рвался в космос. Одной парой глаз Ш'аарл'т высматривала таанские перехватчики, но все остальные, как привязанные, следили за бортовым экраном. Там, на горизонте, вздуваясь почти до границы атмосферы, бурлило облако огня и дыма.

Стэн посмотрел на Алекса.

— Получилось,— с удивлением в голосе сказал он.

— Разумеется. Когда это мой план не срабатывал?

— *Твой* план?

— Ладно, не будем мелочиться. Наш план.

— Ну и на том спасибо,— обреченно кивнул Стэн.— Мне, наверное, надо радоваться, что ты вообще обо мне вспомнил.

Глава 51

Адмирал Ксавьер Ван Дурман назвал свою операцию «Ответный выпад». Стэн скорее назвал бы ее «Последний вздох», но, не желая лишать иллюзий адмиральских героев перед входом в царство мертвых, не стал делиться своим предложением.

Впрочем, сам Ван Дурман тоже не слишком оптимистично смотрел в будущее.

В комнате они собрались вдевятером: Ван Дурман, капитан Рей Халдор, с которым Стэн уже имел удовольствие познакомиться, еще четверо капитанов, два лейтенанта и сам Стэн. Капитаны командовали эсминцами, а лейтенанты — тральщиками.

Ван Дурман представил офицеров, а потом сказал, что просит ни при каких обстоятельствах не разглашать услышанного в этой комнате. Вскоре Стэн понял почему. То, о чем поведал адмирал, звучало, мягко говоря, неутешительно.

Через несколько дней, начал Дурман, таанцы начнут новый штурм Кавите. Штурм, который 23-й флот, и адмирал это честно признавал, отразить не сможет.

Но сидеть и ждать было невыносимо.

Стратегия Ван Дурмана не сильно отличалась от той, которую проповедовал Стэн,— ударить врага посильнее, поймав его врасплох. Адмирал надеялся, что остаткам флота удастся оттянуть штурм до тех пор, пока подоспеет помощь. А уж там можно будет думать и об освобождении других Пограничных миров.

По личному опыту Стэн знал, что помощи от империи придется ждать очень и очень долго.

Во всяком случае, Ван Дурман разработал план. И, как Стэн с некоторым удивлением признал, не такой уж плохой — на первый взгляд.

— Я предлагаю,— начал Дурман,— создать из четырех эсминцев ударный отряд, который я назвал «Эскадра Халдора».— Он кивнул на сидящего рядом с ним капитана.— Капитан Халдор будет лично руководить всеми боевыми маневрами. Капитану Стэну стало известно, что враг группирует силы для штурма в следующих системах...— На звездной карте Кавите, горящей на настенном экране, замерцали четыре планетные системы.— Таанцы не хотят рисковать. Они перемещают войска и штурмовые корабли внутри систем в плоскости эклиптики, стараясь не удаляться далеко от планет. При этом транспортные конвои всегда следуют с сильным воинским эскортом. Однако, по данным капитана Стэна, само пространство между планетами практически не охраняется. Отсюда и родился мой план.

Адмирал предлагал ударному отряду занять позицию на границе атмосферы одной из лежащей на пути конвоев планет. В такой ситуации засечь имперские корабли будет нелегко.

— Мы используем,— продолжал адмирал,— следующую схему атаки.

Вспыхнул еще один экран.

Перед идущими веером эсминцами адмирал предполагал пустить тральщики. Он и сам признавал, что такой порядок далеко не лучший. Но, имея всего шесть боеспособных эсминцев и выделив четыре из них в ударный отряд, адмиралу не хотелось потерять их на минах.

Такшипам Стэна предстояло обеспечивать безопасность флангов. Впрочем, Дурман надеялся, что эсминцам удастся ворваться внутрь конвоя до того, как их обнаружат.

— Если нам повезет,— говорил адмирал,— так оно и будет. В этом случае, капитан Стэн, вам дополнительно поручается дать сигнал тревоги, когда корабли неприятеля пойдут-таки в атаку.

«По крайней мере,— отметил Стэн,— он не требует остановить таанцев». Таанский эсминец может, не поморщившись, стереть такшип в порошок — причем одним только вспомогательным вооружением. Более тяжелые корабли... Стэн решил, что думать об этом не стоит.

Эсминцам следовало атаковать транспорты и избегать боя с военными кораблями противника.

— Ворвитесь к ним,— потребовал Ван Дурман,— как ксипак в курятник.

Эсминцы должны были дважды пройтись вдоль конвоя, а потом отступить. Такшипы могли выбирать цели по своему усмотрению. Стэну предписывалось фиксировать курсы отступающих эсминцев и, отступая самому, держаться других траекторий. Тральщики будут кидать мины, прикрывая отход главных сил.

— И наконец,— сказал Дурман,— я на «Свампскотте» буду ждать вас в одной астрономической единице от места боя. Наше огневое прикрытие может вам пригодиться. Я предпочел бы пойти в атаку вместе с вами, но «Свампскотт»...

Он замолчал.

«"Свампскотт" споткнется о собственный хвост,— мысленно закончил за него Стэн.— Ни разу не был в бою, его пусковые установки заросли паутиной. Корабль, скорее всего, взорвется на полном ходу». Во всяком случае, Ван Дурман был не трус.

Закончив выступление, адмирал раздал фиши с приказами, затем торжественно отдал честь своим офицерам.

— Удачной охоты,— со слезами на глазах напутствовал он.— И дай вам бог вернуться с победой.

В коридоре Стэн остановил Халдора.

— Какую схему стрельбы вы планируете использовать во время атаки? — дипломатично спросил он.

— Я сообщу все, что вам полагается знать,— холодно ответил Халдор.

«Чудесно,— мрачно подумал Стэн.— Бриджит ушла к доктору Моррисон, мы оба в дерьме, а он все еще дуется».

— Я имел в виду не совсем это,— не сдавался Стэн.— Полагаю, вы будете стрелять во всех направлениях, а моим кораблям предстоит болтаться на флангах. В общем, мне бы хотелось быть уверенным, что ни один из такшипов не окажется на пути ваших ракет.

Халдор задумался.

— Во время боя вы можете включить аппараты «свой — чужой». Нужный сигнал будет запрограммирован во всех наших ракетах.

— Ничего не выйдет, капитан. Когда идет большая игра, нам не стоит путаться под ногами. От лишнего сигнала мы станем только заметнее. Не могли бы вы встроить в ракеты ограничитель размеров? Чтобы они не играли в салки с малышами?

Халдор смерил Стэна презрительным взглядом.

— Вы очень осторожны, капитан.

Стэн мило улыбнулся:

— Вовсе нет, капитан Халдор. Я просто-напросто труслив.

Отдав Халдору честь, он отправился наставлять на путь истинный свои экипажи.

Сражение у планеты Бэдунг могло бы войти в имперскую историю и в учебные фиши военного флота как классическая атака из засады.

Могла бы, но не вошла.

Говорят, что, выслушав долгий послужной список одного из своих генералов, желающего получить жезл маршала, Наполеон воскликнул:

— К черту его опыт! Скажите лучше, он удачлив?

Какими бы другими способностями ни обладал Ван Дурман, удачливостью он явно не отличался.

Операция началась как по маслу. Ударному отряду удалось незаметно занять позицию на орбите Бэдунга. Вскоре появился и таанский конвой — пять больших неуклюжих транспортов в сопровождении шести эсминцев, крейсера и мелких патрульных ботов.

Халдор приказал атаковать.

Тут-то все и пошло наперекосяк.

Прежде всего эсминец Халдора незамедлительно на что-то налетел. На что именно, так и осталось тайной — может, то была шальная мина, а может, кусок космического мусора. Во всяком случае, заработав пробоину в оружейном отсеке, корабль вышел из боя и заковылял под защиту «Свампскотта». Остальные три эсминца продолжали атаку.

Глядя на главный экран «Гэмбла», Стэн не мог сдержать болезненную гримасу. Он и без помощи боевого компьютера знал, что сейчас произойдет... или, точнее, чего не произойдет.

Три эсминца выпустили свои ракеты на предельной дистанции. Причин тому было много, и главная, наверное, в том, что, за исключением моряков Стэна, оружейники 23-го флота даже и не нюхали настоящего боя. В мирное время им дозволялось выпустить по одной ракете в год.

Вероятно, сыграли свою роль и слухи о совершенстве антикорабельных ракет врага — они якобы были быстрее и маневреннее, чем

большинство имперских судов. Стэн знал, что это не так. Таанские корабли хорошо сражались лишь потому, что их экипажи много и усердно занимались тренировками.

Это была вторая причина, а третья крылась в слухах о неполадках в имперских ракетах — они якобы летели не туда, куда нужно, и не взрывались, когда следовало. Это, к сожалению, было чистой правдой.

В итоге три имперских эсминца прошли конвой лишь до половины и повернули назад. Мгновение спустя один из них взорвался. В рапорте о сражении потом указывалось, что он был уничтожен антикорабельной ракетой таанского крейсера. Однако Стэн, который все прекрасно видел, заметил вспышку с борта одного из транспортов. Похоже, экипаж эсминца либо не обращал на транспорты внимания, либо не успел вовремя взять цель.

Эсминцев осталось всего два, и они удирали полным ходом. Мчась под крылышко «Свампскотта», каждый выпустил по три ракеты — безадресные, по мнению компьютеров «Гэмбла». Позже капитаны эсминцев утверждали, что они не промахнулись. По их данным, в ходе сражения один таанский эсминец был уничтожен, а другой поврежден, были взорваны два транспорта, а крейсер выведен из строя. Пять попаданий из шести ракет.

К сожалению, все это не соответствовало действительности. Никто из сообщивших о попаданиях офицеров не лгал. Они видели на экране взрывы и искренне верили в лучшее. Так часто бывает в бою — люди видят то, что хотят увидеть.

Попадание было только одно.

Возможно, Халдор не передал приказа установить на ракеты ограничители размеров — сам он утверждал обратное. А может, ракета просто «сбросила» заложенную программу. Такое тоже случается. Как бы там ни было, одна из ракет угодила точнехонько в середину «Келли».

Лейтенант Ламин Стикка, воин в двухсотом поколении, погиб, едва успев обагрить вражеской кровью свое копье. А вместе с ним ушли в мир иной два офицера и девять матросов.

Четверть отряда Стэна растаяла в одной ослепительной вспышке.

Глава 52

Отряд имперцев уныло тащился к Кавите. Что касается экипажей Стэна, то они были совершенно ошеломлены случившимся. Служба на такшипах во многом напоминала службу в группах богомолов. Обычно они выполняли задания почти без потерь — кому, как не им, уметь сматываться, когда в ход идет тяжелая артиллерия. Но рано или поздно удача поворачивается задом, и тогда мало кому из друзей удается прийти на поминки.

Ударный отряд тащился потому, что как раз в тот момент, когда уцелевшие корабли добрались до «Свампскотта», у старины «Свампа» взорвалась одна из его древних дюз. В итоге такшипам и эсминцам пришлось сопровождать ковыляющий крейсер домой.

К их неописуемому удивлению, Кавите кишмя кишел кораблями. Кого тут только не было — и громадные транспорты, и штурмовые суда, и боевые корабли. Они заполонили орбиты и битком забили посадочные площадки. На границе атмосферы висели даже два линкора.

На мгновение Стэн решил, что таанцы всех перехитрили и высадились на Кавите в то время, когда остатки имперских сил охотились за конвоем. Но тут компьютер такшипа начал бойко идентифицировать корабли. В небесах Кавите находился полный имперский флот с кораблями поддержки на дивизию пехоты.

Стэн и Алекс переглянулись. Они не произнесли ни слова — рядом был Фосс и его длинные уши. Но подумали они об одном: возможно, еще не все потеряно. Возможно, война идет не так плохо, как они полагали. С таким подкреплением они, скорее всего, остановят таанцев.

А на сладкое Стэн и Алекс узнали, что на Кавите прибыли не кто-нибудь, а Первая дивизия, лучшие войска империи под командованием Яна Махони, командира Стэна по отряду богомолов.

Приземлившись, Стэн приказал обслуживающим бригадам дозаправить такшипы, загрузить продовольствие и амуницию. Словом, подготовить к немедленному взлету. С разрешения капитана Килгур внес в приказ одно маленькое дополнение. Обслуга всегда привязывалась к своему кораблю ничуть не меньше, чем его экипаж. И теперь техники, работавшие с «Келли», будут не просто скорбеть о своих погибших друзьях, но и думать, вспоминать, размышлять, все ли правильно они сделали, нет ли и их вины в гибели такшипа. Группа обслуживания «Келли» получила шестичасовые увольнительные.

В разрушенном городе Кавите заняться сейчас было особо и нечем. Во многие районы, где жили таанцы, соваться вообще не стоило, разве что на бронированном гравикаре. Половина магазинов сгорела, другая закрылась, а их владельцы сбежали, прихватив свое добро.

Стэн закончил рапорт, отчитавшись за полет, помылся, надел самый свежий комплект формы и вместе с Килгуром отправился на поиски штаба гвардии.

Тот расположился в нескольких бронированных транспортах в полукилометре от летного поля. «Интересно,— подумал Стэн,— почему Ян не устроился в своем собственном штурмовом корабле?»

Ян Махони стоял перед штабным транспортом и что-то растолковывал толпе озабоченных офицеров. Заметив друзей, генерал быстро повел рукой. Четыре знака на языке жестов: «Ждите. Десять минут. Я в дерьме».

Прошло, наверное, минут двадцать, прежде чем последний офицер, получив задание, оставил Махони в покое. После этого генерал мигом ввел Стэна и Алекса в курс событий. Сладкое, может, и прилетело, но вот с самим обедом дела обстояли неважно.

— Просто чудо, а не флот,— заметил Махони, указывая на экран монитора.— Советую вам, господа, поторопиться с изъявлениями восторга. Иначе вы можете опоздать. Этот расчудесный флот пробудет тут еще четырнадцать часов или около того. Не знаю, как бюрократы в Штабной академии называют подобные операции, но я бы окрестил ее «вываливай и сваливай».

— На то, наверное, есть причины? — спросил Алекс.— Или эти морячки боятся крови?

— Черт возьми! Как же без причины,— кивнул Махони.— И если бы я не спешил на военный совет, который начинается через... двадцать минут, я бы достал бутылочку и посвятил вас во все гнусные детали. Но вкратце ситуация такова. Империя вляпалась по самые уши. Я полагаю, что вы не преминули ознакомиться с полученными Ван Дурманом сообщениями с Прайма? Теми, что шли под грифом «сов. сов. секретно».

Стэн и Алекс дружно кивнули. Стэн ознакомился с засекреченной информацией с помощью компьютерного «жучка», а Алекс — подружившись с симпатичной шифровальщицей «Свампскотта».

— Реальное положение еще хуже,— продолжал Махони.— Видите этот чертов флот вокруг нас? Как бы вы отреагировали, скажи я, что это единственная непострадавшая имперская часть в этой галактике?

Стэн растерянно заморгал.

— Таанцы,— мрачно усмехнулся Махони,— и все их новые союзники практически ничего не упустили. До сих пор нам не удалось провести ни одной наступательной операции. Мы не то что таанские системы тронуть не можем — мы даже не в состоянии отбить захваченное. Флот прикрывал мои транспорты; как только мы высадимся, он начнет грузить гражданских, всех, у кого хватит мозгов эвакуироваться. А потом, оставив нам в подарок несколько десантных судов и патрульных ботов, он, поджав хвост, удерет в безопасное место.

Стэн скривился.

— Конечно, это не мое дело, но зачем тогда вы вообще сюда прилетели? Если все так, как вы говорите, то Первую гвардейскую забьют по уши в дерьмо вместе с нами.

— Веселый малый твой командир! — сказал Махони Алексу.

— Так точно, сэр. Большой оптимист. Он думает, что останется дерьмо, куда можно будет залезть.

— Ладно-ладно... Все, что я вам сообщил, совершенно секретно. Предполагается, что мы удержим Кавите. Рано или поздно все переменится. И тогда империи понадобится трамплин для атаки.

— Что за идиот выдумал эту муть? — не сдержался Стэн.

— Твой бывший босс.

Стэн поспешно дал задний ход. Пусть и не напрямую, все равно оскорблять вечного императора не слишком умно.

— Извините, сэр, я все равно думаю, что из этого ничего не выйдет.

— Я тоже, капитан.— Хотя рядом никого не было, Махони понизил голос: — Мне кажется, император полагает, что у него еще есть время.

— Разрешите личный вопрос, сэр? Как вы сами считаете: что будет?

— Я думаю, что мы с вами, и гвардия, и флот Ван Дурмана станем первоклассными мучениками для имперской компании по набору добровольцев. Во всяком случае,— закончил он,— хуже уже, вероятно, не будет.

В этом Ян Махони ошибался.

Три часа спустя, еще до того, как флот закончил разгрузку привезенных Махони припасов, два таанских эсминца атаковали базу Кавите. Один был подбит, а второй удрал, нос к носу столкнувшись с линкором.

Но адмирал флота имел четкий и ясный приказ: если таанцы только попробуют атаковать, все равно какими силами, он должен немедленно отступить, что бы там ни творилось на Кавите.

Захлопнулись люки, и имперские корабли, с воем пронзая атмосферу, вырвались в космос. Небеса Кавите стали столь же чисты, как и раньше. А на земле остались семь тысяч брошенных на произвол судьбы поселенцев.

Два дня спустя на Кавите снова посыпались бомбы. Таанцы начали предштурмовой обстрел.

Глава 53

Первая атака оказалась успешной. Даже слишком успешной.

Таанские корабли, ворвавшись в верхние слои атмосферы, выпустили сорок неядерных бомб. Сделав свое дело, они тут же бросились наутек.

Все бомбы имели сходные цели — имперские узлы связи и компьютерные центры. Тридцать одна бомба попала в цель или достаточно близко к цели, чтобы практически вывести ее из строя. Шесть других бомб причинили лишь легкие повреждения, и эти узлы связи уже через час заработали снова. Две бомбы были сбиты ракетами типа «земля — воздух», и одну на лету подорвал патрульный бот.

Бомбы, разумеется, падали не вслепую. Их, естественно, направляли. Вопрос только — как? На анализ у Махони и его специалистов из гвардии было меньше трех часов.

Может, бомбы управлялись операторами с таанских кораблей? Крайне маловероятно. Ведь пострадали не только стационарные центры 23-го флота, но и три передвижных узла связи, организованные гвардией. Ни один оператор на свете не смог бы, заметив антенны, достаточно быстро навести бомбу на цель. Кроме того, эксперты Махони не зафиксировали управляющих команд ни в одном диапазоне электромагнитных волн.

Ван Дурман, чьих познаний в электронике не хватало, даже чтобы понять, как электричество с переменным напряжением пролезает в тонюсенький кабель, выдвинул свою собственную гипотезу:

— Таанцы разработали новое, секретное оружие.

Как ни странно, эксперты склонялись к такому же мнению. Они-то прекрасно знали, на что способна их электроника, а на что нет.

Махони внимательно выслушал адмирала, вежливо покивал и распрощался. У него были свои мысли по этому поводу. И здесь он не мешкал.

Военные в массе своей весьма консервативны. Они очень не любят отказываться от схемы, которая раз или два сработала весьма успешно. Если уж на то пошло, то они держатся за нее до тех пор, пока враг не поймет, что к чему. Зачастую урок не идет им впрок, даже когда за него приходится платить сотнями тысяч жизней.

Например, во время сражений на древней Земле в 1914 году после Рождества Христова по земному летосчислению военная стратегия пришла к позиционной, окопной войне. Это значило, что обе стороны бились на фиксированных, укрепленных позициях, глубоко врытых в землю. И вот командир одной из воюющих сторон, некто Хейг, приказал своим частям атаковать противника в лоб, парадным строем. Только за первый день его войска потеряли убитыми и ранеными шестьдесят тысяч человек.

После подобного провала любое нормальное существо либо ушло бы в отставку в силу непроходимой тупости, либо изменило бы тактику. Но увы! За редким исключением, тот же план атаки использовался до самого конца войны, пока военная машина не забуксовала из-за нехватки пушечного мяса. И каждый раз последствия были столь же ужасными, как и в атаке Хейга.

Воинственные таанцы тоже оказались склонны к лености мышления. Они придумали неплохой способ наведения ракет — с помощью агента, подсвечивающего цель лазерным лучом. Они применяли этот метод на сотнях миров и везде достигали успеха. А раз так, то и в штурме Кавите нечего выдумывать что-то новое. Тем более что там есть достаточно готовых к работе агентов и рвущихся в бой революционеров.

Привычка, несомненно, сыграла свою роль в решении леди Этего и адмирала Дески воспользоваться наводимыми с земли бомба-

ми. Вторым фактором, вероятно, стало вполне оправданное пренебрежение к имперским вооруженным силам. Одного только таанцы не учли. Между бездельниками и необстрелянными новичками 23-го флота и видавшими виды ветеранами Первой гвардейской была очень большая разница. Империя уже много лет не вела крупных войн, верно. Но при этом Первая дивизия гвардии всегда выступала в роли военной пожарной команды. Большинство солдат в ней были профессионалами, и половина из них имели за плечами двадцать с лишним лет боевого опыта, приобретенного в самых разных условиях.

В том числе они прекрасно умели сражаться в городах и проводить облавы.

В районе города Кавите таанцы располагали пятью десятками операторов-наводчиков. Они прятались на чердаках заброшенных зданий, в пустых конторах и квартирах.

Махони задействовал для облавы сразу два батальона. Гвардейцы работали группами по пять человек. Первый, прижавшись к стене, осторожно стучал в дверь. Двое, встав на колено, готовились поддержать его огнем. Двое по сторонам следили, чтобы в дело не вмешался кто-нибудь еще — например, снайпер из окна напротив. Любое сопротивление или молчание — и дверь выбивалась. Если вы думаете, что генерал Махони при необходимости склонен был пренебрегать правами граждан, то вы совершенно правы. Впрочем, любое разбирательство можно будет начать, только если удастся удержать Кавите, и только после окончательной победы империи.

Прежде чем следующая волна таанских такшипов ворвалась в атмосферу Кавите, гвардейцы обнаружили сорок семь точек наведения — операторы либо погибли, либо бежали, бросив свое оборудование. Оставшихся уничтожили, как только они попытались подсветить цели.

В итоге бомбы беспорядочно рухнули на город. С военной точки зрения они не причинили особого вреда — только три из них повредили важные военные объекты. Но Кавите окончательно превратился в руины. Погибли шесть тысяч гражданских. Армия, призванная защищать население, как и всегда, вела себя в высшей степени эгоистично.

На сей раз, однако, таанцам не удалось уйти без потерь. Три такшипа Стэна и отряд патрульных ботов поджидали их на заранее рассчитанной орбите. Они уничтожили двенадцать вражеских кораблей. Не ожидавшие сопротивления таанцы послали в атаку не самые лучшие свои суда.

Еще три раза, все с тем же трехчасовым интервалом, враг штурмовал Кавите. Все три бомбардировки провалились. Три раза подряд таанцы несли невероятные потери.

После этого леди Этего решила изменить тактику.

Стэн тоже.

Под каждым из трех такшипов теперь висела большая обтекаемая капсула. В ней находилась предназначенная для эсминцев аппаратура постановки электромагнитных помех, ЭМП. Вообще-то она делала куда больше, чем просто создавала помехи, но так уж она называлась. По километровому кабелю сигналы из капсул и от бортовой электроники такшипов поступали на хитро расположенные отражатели.

— Думаешь, сработает? — с сомнением в голосе спросил Алекс.

— Почему бы и нет? — отозвался Стэн.

— Ладно. Изменим вопрос. Допустим, все сработает даже лучше, чем надо. Что тогда?

— Тогда от нас останется пшик на постном масле.

Стен решил, что с провалом наведения с земли таанцы вернутся к традиционным способам управления ракетами. И он не ошибся.

Четыре таанских эсминца ворвались в атмосферу в четырехстах километрах от города Кавите. С километровой высоты они выпустили множество дистанционно управляемых ракет.

— Вижу запуск... Пошли ракеты...— внезапно объявил Фосс, не отрываясь от экрана.

Аналогичные сообщения поступили и с «Клаггета» и «Ричардса».

— Всем кораблям... готовность номер один,— приказал Стэн.— По моему приказу активировать... Пошел!

Фосс щелкнул клавишей, и ЭМП начал работу.

Операторы таанцев наводили ракеты как визуально, так и по радару. Заглушить оптический сигнал было проще простого. Таанцы, ничего другого и не ожидавшие, спокойно перешли на радары.

Их сенсоры обшарили Кавите в поисках подходящих целей — больших металлических объектов. Этим ударом леди Этего намеревалась раз и навсегда прикончить те немногие корабли, которые привел с собой Махони, и те, которые уцелели из всего 23-го флота.

Опытные операторы нашли цели... их компьютеры распределили цели между ракетами... наводка... заход на боевой курс...

— Поднимаемся,— приказал Стэн.— Ты их видишь?

— Так точно. Все ракеты идут, как и планировалось. Выходят на боевой курс.

— Полная мощность!

Такшипы рванулись в космос.

Ракеты были совсем близко от имперских кораблей. Так, во всяком случае, полагали таанцы. На самом деле они атаковали не сидящие на летном поле эсминцы и такшипы, а хитроумные отражатели, «исправляющие» радарные лучи по указаниям ЭМП.

Но вот такшипы ушли, и отражатели «смолкли». Ракеты внезапно потеряли цель. Операторы ничего не понимали. Не могли же бое-

вые корабли раствориться в воздухе! Если кто и догадался, как их обманули, то все равно сделать уже ничего было нельзя.

В нескольких астрономических единицах от Кавите Стэн остановил свой отряд, посчитал по головам и понял, что им повезло. Второй раз такой трюк уже не удастся.

Глава 54

Для Стэна и его людей время потеряло всякий смысл. Когда у них хватало сил на воспоминания, они мерили дни полузабытыми событиями: «Это было в день, когда мы летали в разведку. Нет, тогда мы сопровождали тральщики... Помнишь, когда был взрыв на "Свампскотте"? Тоже нет, тогда мы сидели в засаде».

Никто не знал наверняка. Каждый с радостью променял бы всю загробную жизнь на две вахты спокойного сна; на еду, которую не надо в спешке, холодной выскребать из банки; на — лучше и не напоминайте — горячую ванну.

Корабли воняли почти так же, как и их экипажи. Удушливый запах страха, топлива, озона, пота, перегретой изоляции. К тому же такшипы понемногу начинали выходить из строя. Накрылась пусковая установка «Кали» на «Ричардсе». Впрочем, это уже было не важно. В отряде все равно осталось лишь три таких ракеты. Оба «Чейна» на «Клаггете» могли стрелять только короткими очередями, а его бортовой компьютер потерял добрую половину мозгов. На «Гэмбле» осталось всего шесть способных навестись на цель пусковых установок для «Гоблинов».

Всем Юкавам требовался капитальный ремонт — срок их службы истек уже давным-давно. Приводы АМ-2 работали исправно, что, впрочем, было неудивительно — двигающихся частей в них примерно столько же, как в кирпиче. Зато навигационные компьютеры барахлили все без исключения. Прокладывая курс, расчеты приходилось выполнять несколько раз подряд, потом усредняя результаты. А таанцы день ото дня становились все сильнее и все наглее.

Тем временем такшипы летали на задания. Провести X кораблей... Патрулировать Y сектор... Сопровождать отряд гвардии Z и обеспечить ему огневую поддержку, пока он не закрепится на новых позициях.

Самые заурядные миссии.

Во время такой «заурядной» миссии они и обнаружили корабль-призрак.

Один из сенсоров зарегистрировал транспорт, летящий по весьма странной траектории. Этот корабль не отвечал на запросы и его сигналы «свой — чужой» не соответствовали принятым — устарели минимум на несколько недель. Однако радарный и визуальный конт-

роль показал, что это стандартный вспомогательный грузовик имперского военного флота. Бортовой компьютер «Гэмбла» определил его как транспорт класса «Атрек» — «Галкин».

Стэн предположил, что это подстроенная таанцами ловушка. Он думал, что за транспортом прячутся пара эсминцев, готовые вцепиться в каждого, кто вздумает обследовать мертвый грузовик. Но сенсоры не обнаружили ничего подозрительного. «Гэмбл» и «Клаггет» легли на параллельный курс; «Ричардс» сейчас в полуразобранном состоянии находился на Ромни. Саттон и его ребята полагали, что им удалось найти неисправность в Юкаве, и обещали вскоре привести двигатель в чувство.

Стэн рискнул вызвать транспорт, однако ответа не получил. Тогда он запустил своего модифицированного «Гоблина». Может, это вовсе и не транспорт, а только искусный муляж? Осмотр с близкого расстояния показал, что это не так.

Люки, и грузовые и пассажирские, наглухо задраены. Корабельные шлюпки на месте.

Стэн осторожно подвел «Гоблина» к главному люку и чиркнул одним из плавников по крышке. Если транспорт заминирован, от этого он должен взорваться.

Все тихо, и детекторы все еще не видят никаких других кораблей. Стэн связался с «Клаггетом». Ш'аарл't тоже полагала, что это ловушка. Однако следовало узнать наверняка. А значит, кто-то должен подняться на борт «Галкина».

— Пойдем мы с Килгуром,— решил Стэн.— Ш'аарл't, отведешь «Клаггет» в сторону на пару световых секунд...

— По-моему, это неразумно,— возразила Ш'аарл't.— Мы почти безоружны, и если вдруг появятся тааны, нам вас не защитить.

Стэну пришлось согласиться. Решено — Ш'аарл't и ее помощник проверят «Галкина», а «Гэмбл» будет их охранять.

Килгур вывел корабль на позицию. Еще минута, и «Клаггет» на АМ-2 подплыл вплотную к транспорту. Вскоре в динамиках раздался голос Ш'аарл't:

— Мы готовимся подняться на борт.

Стэн лишь невероятным усилием воли удержался от глупого «Будьте осторожны».

Помощник Ш'аарл't, Деджин, осторожно коснулся внешнего контроля главного люка. Казалось, он ждал, что сейчас его поразит молния. Но ничего не произошло, и Деджин, уже увереннее, перевел рукоять в положение «открыть». Сегменты люка послушно разошлись. Чуть помедлив, Ш'аарл't и Деджин вошли внутрь.

Изображение на экране монитора повернулось — маклиновские генераторы «Галкина» придали разведчикам новые «низ» и «верх». Их сапоги коснулись пола шлюзовой камеры, и опять взрыва не последовало.

— Мой скафандр регистрирует снаружи нормальную атмосферу,— сообщила Ш'аарл't.— Но снимать его мне все равно не хочется.

Ш'аарл't коснулась кнопки контроля внутреннего люка. Он тоже послушно открылся. Увеличив мощность передатчиков, чтобы их слышали на «Гэмбле», разведчики двинулись внутрь мертвого корабля.

Они не нашли ровным счетом ничего. Транспорт от машинного зала до капитанского мостика был пуст. Спасательные шлюпки стояли на месте. Скафандры, от тяжелых спасательных до легких двухместных рабочих капсул, висели в своих гнездах.

Проверили каюты экипажа — никого. Пустыми оказались и шкафчики, предназначенные для личных вещей.

Деджин проверил кладовые. Пусто и здесь, словно «Галкина» никогда и не снаряжали в путь.

Стараясь не поддаваться навязчивому страху, Ш'аарл't прошла в рубку и отыскала бортовой журнал.

Транспорт имперского военного флота «Галкин», капитан Али Римо, поднялся с планеты Михр шесть циклов тому назад. Экипаж — сорок два офицера и четыреста пятьдесят три матроса. Капитан Римо аккуратно отметил, что до полного штата не хватает шести офицеров и тридцати четырех матросов.

«Галкин» шел в распоряжение 23-го флота на Кавите.

Ш'аарл't перешла к последней записи.

ИМПЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ... КОРАБЕЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ, ТРЕТЬЯ ВАХТА. ВАХТЕННЫЙ ОФИЦЕР: ЛЕЙТЕНАНТ МУРИЛ ЭРНДС, ВТОРОЙ ОФИЦЕР: МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОРША, МАШИННЫЙ ЗАЛ — ГЛАВНЫЙ МЕХАНИК МИЛЛИКЕН. КУРС БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ. ПОСТОРОННИХ ОБЪЕКТОВ НЕ ЗАМЕЧЕНО. КОРАБЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ 22.40. УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА ПО ПРИКАЗУ КАПИТАНА. ВРЕМЯ ДО ПОЛНОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ 7 МИНУТ 23 СЕКУНДЫ. ОТБОЙ ТРЕВОГИ. КОРАБЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ 22.56. ВАХТЕННАЯ ЗАПИСЬ ПРОИЗВЕДЕНА В 23.00.

...И журнал автоматически зафиксировал текущие координаты «Галкина».

Стэн нервно ходил по рубке. Чем дальше, тем меньше ему нравилось эта история.

— Все в полном порядке,— сообщила Ш'аарл't.— За тем исключением, что где-то после 23.00 с борта «Галкина» бесследно исчезли все живые существа.

Стэн покосился на Алекса.

— Не верю я в призраков,— пробурчал тот,— но...

— Подождите минуточку! По-моему, мы что-то нашли! — В голосе Ш'аарл't слышалось волнение.

Стэн терпеливо ждал продолжения. Минуту спустя он не выдержал:

— Ш'аарл't, доложите обстановку! Что вы нашли?

— Если верить бортовому журна...

Ее голос прервался на полуслове. Словно система связи «Гэмбла» в единый миг целиком вышла из строя.

— Капитан! — воскликнул Фосс прежде, чем Стэн успел что-либо сказать.— Я этого не понимаю! Они исчезли!

Бросившись к нему, Стэн, не веря своим глазам, уставился на экран. Две жирные точки, обозначавшие «Галкина» и «Клаггета», куда-то пропали.

— Наверное, неисправность в системе радаров,— предположил Стэн, заранее зная, что радары тут ни при чем.

Фосс даже спорить не стал. Он только покачал головой.

Без всяких приказов команда заняла боевые места. Фосс прокрутил все тесты электронной разведки, какие только имелись в инструкциях, а потом еще и парочку придуманных им самим.

И снова — ничего.

Ничего на радаре. Ничего на сенсорах ближнего, среднего, дальнего радиуса действия. Ничего на прямом луче, на рабочих, вспомогательных, аварийных частотах. В одной световой секунде корабли можно увидеть в обычную оптику. Но пространство было пусто.

— Четверть мощности,— приказал Стэн.— Идем туда. Медленно. Очень медленно.

Все еще ничего.

— Половинная мощность. Поисковый маневр, мистер Килгур.

— Слушаюсь, сэр.

Они искали, все больше расширяя круги поиска. Они искали три стандартных дня. Но «Клаггет», Ш'аарл't, два ее офицера и девять человек команды исчезли без следа. Вместе с «Галкиным».

Объяснения этому не было. И никогда не будет.

Глава 55

До Ромни оставалось три часа полета, когда коммуникатор вывел на экран «Гэмбла» сообщение с Кавите:

ВСЕМ КОРАБЛЯМ... ВСЕМ КОРАБЛЯМ... КАВИТЕ АТАКОВАН. ТААНЦЫ НАЧАЛИ ШТУРМ. ВСЕМ КОРАБЛЯМ ВЕРНУТЬСЯ НА БАЗУ. АТАКУЙТЕ, ПОВТОРЯЮ, АТАКУЙТЕ.

Фосс уже завел координаты в навигационный компьютер.

— Тоже мне приказ,— фыркнул Алекс.— «Атакуйте»! Прямо приглашение в рай, да и только.

Алекс был прав. Нет больше ни «Келли», ни «Клаггета». «Ричардс», скорее всего, еще чинится на Ромни. Стэну вовсе не улыбалось подставлять свой весьма хрупкий кораблик... и, если уж на то пошло, свое еще более хрупкое тело под орудия целого вражеского флота.

Включив интерком, он прочитал сообщение с Кавите экипажу.

— Если у кого-то есть идея, что нам делать, когда мы доберемся до Кавите, прошу сообщить мне.

Килгур придержал палец Стэна на кнопке интеркома.

— Маленькое добавление к словам командира. Нужны идеи, осуществив которые нам не придется получать медали за храбрость посмертно.

Таких идей не оказалось.

— Чудесненько,— пробормотал Стэн.— В области тактики мы, пожалуй, не уступим самому Ван Дурману.

— Да не дергайся. Как-нибудь прорвемся...

Леди Этего и адмирал Деска как могли позаботились, чтобы второй раз штурм не провалился. Более пятисот таанских кораблей наводнили систему Калтор. Останки 23-го флота были не столько побеждены, сколько похоронены под лавиной атакующих судов.

Махони разместил отряды гвардии на каждой луне, на каждом астероиде системы. И каждый отряд он снабдил самыми совершенными сенсорами. Итог получился не слишком впечатляющим, хотя в дело пошли датчики и с разбитых имперских кораблей, и со списанных торговцев, и еще черт знает откуда. Вооружение гвардейцев было не менее разномастным.

Использовалось все — от частных яхт до орбитальных спутников и давным-давно устаревших калош. Все было выведено в космос и подключено к импровизированной системе наведения. Даже старый тягач Тапии и тот роботизировали, заполнив кабину управления форменной паутиной проводов.

Большинство этих самопальных орудийных платформ, брандеров и ракет было уничтожено задолго до того, как им удалось добраться до своих целей. Некоторые просто не сработали.

Но часть все-таки дотянулась до таанских кораблей.

— Бейте транспорты,— говорил Махони своим бойцам, и они так и делали.

Штурмовые корабли разваливались на части, высыпая солдат в открытый космос, выбрасывая их в атмосферу, где они сгорали сотнями, тысячами огненных болидов.

Но таанцы были слишком сильны.

Из своего на сотню метров зарытого в землю штаба Махони следил, как понемногу пропадала связь с расположенными вне планеты отрядами. Они замолкали один за другим. Махони оставался совершенно спокойным.

«Этому говнюку все равно,— в ярости думала одна из техников, склоняясь над своим пультом.— Сплошной империум, с головы до пят. Его и АМ-два не возьмет».

На самом деле Махони тщательно анализировал свои чувства. Он даже был доволен — ни одного сообщения, что его люди не выполнили свой долг.

«А как насчет тебя самого, Ян? Твои потери... сейчас прикинем... около двадцати пяти процентов. Как ты это ощущаешь? Не так уж и плохо. Не хуже, чем, скажем, когда тебе отрезают правую руку без анестезии. Не жалей себя, генерал. Если ты сейчас сделаешь глупость, заплачешь или, например, начнешь ругаться, твои солдаты могут не выдержать. Какое высокомерие,— сам себе поражался Махони.— Ну и что с того, если твои люди побегут? Это же в последний раз. Все равно через пару дней от Первой гвардейской не останется и мокрого места. Некому будет даже написать записку с просьбой никого не винить. Как ты и говорил Стэну: создаем мучеников для имперской пропаганды... Хватит об этом, Ян. Берись-ка лучше за работу».

Махони подал знак оператору, и тот немедленно соединил его со всеми уцелевшими подразделениями.

— Они все еще лезут, ребята. Доставайте-ка резервы из рукавов и готовьтесь задать им перцу.

Земля содрогнулась, и лампы под потолком дважды мигнули, прежде чем компьютеры нашли неповрежденную резервную цепь питания.

Враг начал новый обстрел Кавите.

Первой волной таанцы пустили беспилотные боты. Повинуясь приказу, зенитные орудия имперцев огонь не открывали. Запасы амуниции и ракет были смехотворно малы. «Ждите,— раз за разом повторялось канонирам и операторам.— Ждите настоящие цели — пилотируемые суда, а лучше всего вражеские транспорты. Они пойдут во второй волне».

Но Этего применила несколько иную тактику.

Вторая волна состояла из двадцати малых штурмовых кораблей. Каждый из них, войдя в атмосферу, выпустил шесть десантных капсул. В каждой из них находился отряд десантников.

В отличие от больших имперских капсул, таанцы не использовали ни крыльев для планирования, ни парашютов для торможения. Их капсулы были снабжены только тормозными ракетами, срабатывавшими, когда до земли оставалось уже всего ничего.

Многие капсулы не смогли стабилизировать падение, и тормозные двигатели завертели их волчком, практически не снижая скорости. Даже те, что сработали, затормозились всего до пятидесяти километров в час. Удар при посадке должны были погасить внутренние амортизаторы — во всяком случае, в теории. В итоге лишь тридцать процентов десантников сумели покинуть разбитые капсулы и атаковать свои цели.

Леди Этего это вполне устраивало. Она закладывала в расчеты восьмидесятипроцентные потери при десантировании. Впрочем, цинизм операции на этом не кончался. Леди Этего вовсе не ожидала, что десантникам удастся овладеть указанными объектами. Самим десантникам, разумеется, это не говорилось. Главная задача второй волны заключалась в том, чтобы отвлечь внимание имперцев и облегчить высадку основных сил.

А основные силы шли в третьей волне. Четыре линкора, включая отремонтированный флагман, «Форез», двадцать крейсеров и целая стая эсминцев начали обстрел планеты. Они огнем прикрывали семьдесят пять брюхатых штурмовых транспортов.

Из земли, им навстречу, поднялись скрытые прежде ракетные установки имперцев. Они выныривали из зданий, и из сараев, и даже, в одном случае, из разбитого двухъярусного гравитолета. Промахнуться было почти невозможно.

Но и сбить всех тоже. Шестьдесят три транспорта приземлились в четырехстах километрах от столицы. Люки открылись, и полки таанцев хлынули на Кавите.

Леди Этего позволила себе довольную улыбку. Она считала, что дело сделано. Осталось только очистить территорию.

Глава 56

«Гэмбл» висел в космосе, спрятанный, как надеялся Стэн, от таанцев одной из лун Кавите. Весь экипаж такшипа, за исключением прилипшего к сенсорам Фосса, сгрудился в крошечной кают-компании. Решали, что делать дальше.

Ни Стэн, ни Килгур не могли придумать план атаки, при котором «Гэмбл» имел бы хоть небольшие шансы уцелеть. Как метко подметил Алекс:

— Насколько я понимаю, мы все-таки не камикадзе, или как там это называется.

С точки зрения Стэна, было глупо губить корабль и людей, не имея большой, значимой цели. Если бы атака «Гэмбла» могла остановить врага, тогда и умереть не страшно. А так... Обсчет на боевом компьютере показывал, что во всех случаях с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента такшип даже не пробьется через внеш-

ний заслон эсминцев. Где уж там дотянуться до таанских крейсеров и линкоров.

— Может, нам разогнаться посильнее,— предложила Контриас — в прошлом полицейский, а теперь помощник боцмана.— На полной скорости вокруг луны, потом вокруг Кавите и ударим их на обратном пути...

— Не выйдет,— покачал головой Стэн.— Нас засекут, как только мы выйдем из тени. Пока мы доберемся до Кавите, они уже успеют подготовить тепленькую встречу.

Подергав себя за ухо, Контриас вновь углубилась в раздумья.

— Но не можем же мы тут так и сидеть, сэр! — воскликнул Мак-Кой.

Бывший заключенный, он стал теперь помощником главного механика.

— Мы хоть знаем, осталось что-нибудь от нашего флота или нет?

— Принято сообщение, которое, по мнению Фосса, передал «Свампскотт». Пара эсминцев еще сражается над городом.

— По-моему, стоит подождать,— сказал Алекс.— Рано или поздно кто-нибудь на Кавите попытается прорваться. Тогда-то мы и ударим с другой стороны.

Стэн угрюмо грыз ногти.

— Дерьмовый план,— наконец произнес он.— У кого-нибудь есть лучший?

Лучшего ни у кого не нашлось.

— Ладно, попробуем. А пока всем, кроме вахты, спать.

Гипновнушение позволяло засыпать в любых, самых сложных условиях и по команде просыпаться бодрым и свежим. Но на сей раз экипаж еще не добрел до своих коек, когда раздался вой тревоги. Сенсоры кого-то засекли.

Стэн ринулся к командному пульту.

— Это «Ричардс», сэр.— Фосс указал на маленький огонек на одном из экранов.— Его «С — Ч» сигнал. А это...

Объяснений Стэну не требовалось. Второй экран показывал более мощный сигнал. Крупный корабль. Разумеется, таанский. Скорее всего, тяжелый эсминец.

Фосс нажал несколько кнопок и перевел изображения на большой центральный экран.

— Он сближается с «Ричардсом».

Стэн поднял микрофон и, нарушая радиомолчание, включил передатчик на полную мощность:

— «Ричардс»... «Ричардс»... Говорит «Гэмбл».

Таанцы наверняка услышат передачу, но, возможно, «Ричардсу» еще удастся спастись.

— Дух на орбите перехвата. Сближается. Координаты духа...

— «Гэмбл»,— зазвучал в динамиках ответ «Ричардса».— Мы его видим. Скован... Х-луч дельта два. Конец связи.

Лейтенант Эстил — Стэн заметил, что голос его звучал совершенно спокойно,— воспользовался простым кодом. Х-луч — главный двигатель. Дельта — поврежден. Два — потеря мощности пятьдесят процентов.

— Говорит «Гэмбл». Иду на сближение. Конец связи.

— Мистер Фосс,— сказал Стэн, одновременно объявляя боевую тревогу.— Мне нужен курс на перехват. Двигатели?

— Готовы, сэр.

— Главный двигатель, экстренная мощность. Вторичный двигатель, полная готовность.

— Есть, сэр.

— Все орудийные системы, доложите готовность к пускам.

— Все целые станции готовы, сэр.

— Мистер Фосс, как наши дела?

Теперь на экране появилась третья точка. От нее к первым двум протянулась тонкая красная линия. И вдруг «Ричардс» замигал — он выходил из АМ-2.

— «Гэмбл»... Говорит «Ричардс». Х-луч дельта четыре. Повторяю, дельта четыре. Конец.

Главный двигатель окончательно вышел из строя.

— АМ-два не может сломаться! — воскликнул Фосс.

— Какого черта не может! — буркнул Алекс.— Один только что это сделал. А теперь заткнись и смотри за своими экранами.

— Говорит «Гэмбл». Янки альфа один. Пробел. Майк танго эхо конец. Янки — двигатель Юкава. Альфа — используйте. Один — полная мощность. Майк — маневр. Танго — в сторону. Эхо — врага.

— Говорит «Ричардс». Связан. Янки тоже дельта. Три.

Саттону не удалось починить Юкаву. Или же ремонт оказался недолговечным.

Фосс наложил на экран две временные шкалы. Левая указывала, через сколько секунд «Ричардс» окажется в пределах досягаемости ракет таанского эсминца. Правая — время, через которое Стэн сможет сам атаковать эсминец. Разница составляла около семи секунд. И эти семь секунд могли оказаться для «Ричардса» роковыми.

— Приготовить «Кали».

— Готово.

— Фосс, к запуску аварийных маяков...

— Аварийные маяки... есть, сэр. Готовы.

— Маяки... запуск! «Кали»... запуск!

Огромная ракета выскользнула из пускового колодца «Гэмбла» в тот самый миг, когда перед такшипом вспыхнули два аварийных маяка. Они ослепительно сверкали не только в видимом свете и радиодиапазоне, но и в сверхсветовой радарной области.

Секунду спустя эсминец выпустил по «Ричардсу» две ракеты.

— Алекс... что бы я ни делал... прикончи мне этого таанца.

— Не боись, приятель. Я уж его не упущу.

— Аварийные маяки... Еще раз... Запуск!

Стэн надеялся отвлечь операторов эсминца. Быть может, они даже перенесут огонь с «Ричардса» на «Гэмбл».

Но этого не произошло. Беспомощный «Ричардс» был слишком заманчивой целью.

Однако усилия Стэна не пропали даром. Возможно, его ревущие на всех диапазонах маяки на долю секунды отвлекли-таки таанских операторов. Одна ракета вообще прошла мимо «Ричардса» — немудрено, ведь по размеру она была немногим меньше такшипа. Вторая взорвалась так близко, что на экране «Гэмбла» ее отметка даже слилась с точкой «Ричардса».

Экран очистился, и «Ричардс» не пропал!

— А теперь пришел наш черед,— пробормотал Алекс, давая команду на подрыв «Кали».

Шестьдесят мегатонн развалили эсминец пополам. Центральная его часть вообще перестала существовать, превратившись в облако радиоактивного пара. Корма, сыпля искрами из дюз, полетела куда-то в сторону. Остаток носа по тангенциальной орбите пронесся мимо «Гэмбла».

— «Ричардс»... «Ричардс»... Говорит «Гэмбл»... Прием.

В ответ — тишина.

— Говорит «Гэмбл». Вы меня слышите?

Фосс заметил, как заморгал сигнал резервного приемника.

— Сэр... На «Ричардсе» работает скафандровый передатчик.

Он изменил частоту приема.

— ...ворит «Ричардс». Повторяю, говорит «Ричардс».

Это был голос Тапии.

— Говорит «Гэмбл». Эсминец уничтожен. Сообщите ваше состояние. Прием.

— Говорит «Ричардс». Семеро убиты. Трое ранены. Командование у первого помощника.

— Говорит «Гэмбл». Идем на стыковку. Готовьтесь к переходу.

— Категорически возражаем,— быстро сказала Тапия.— Главный люк разрушен. Запасной недоступен. Юкава может взорваться с минуты на минуту. Держитесь от нас подальше, «Гэмбл».

— «Ричардс»... Это «Гэмбл». У вас все выжившие в скафандрах?

— Ответ утвердительный.

— Вы сумеете добраться до смотрового люка «Кали»?

С неисправной пусковой установкой громадная труба в центре такшипа, естественно, пустовала.

— Возможно. Вы сумеете открыть внешний люк? У нас нет инструментов.

— Открывалка уже в пути,— сказал Стэн и отключил микрофон.— Давай, Алекс.

Переведя управление на «Фокс», Килгур нажал кнопку запуска. Крошечная зенитная ракета рванулась вперед, и Алексу пришлось, сбрасывая скорость, по крутой дуге возвращать ее обратно.

— Ну, сейчас попробуем,— сказал он, посылая ракету в нос «Ричардса». Даже с заблокированной боеголовкой «Фокс» вырвал добрый метр корабельной обшивки.

— Из меня вышел бы неплохой нейрохирург,— с гордостью оглянулся на друга Алекс.

— Выходите,— сказал Стэн в микрофон.

Пять закованных в скафандры фигур выплыли через пробоину. Стэну потребовалось всего несколько секунд, чтобы «Гэмбл» завис рядом. Мак-Кой уже надел скафандр и выбрался на обшивку. Он взмахнул магнитным лассо, и первый из спасшихся оказался в шлюзе «Гэмбла».

Минуту спустя Стэн уже вел свой такшип прочь.

То, насколько далеко им удалось улететь, прежде чем взорвались Юкавы «Ричардса», зависело потом от того, насколько доверчивые попадались слушатели и сколько рассказчик успел пропустить стаканчиков.

Пятерых спасенных приняли на борт. Стэн лично снял скафандр с Тапии и отнес ее в свою собственную кабину. Он старался помочь ей, убеждал себя Стэн, потому что Тапия очень способный офицер и отличный друг. При этом сам себе он не верил ни на грош. Впрочем, что это меняло?

«Гэмблу» следовало возвращаться на Кавите. Без своего главного оружия такшипу в космосе делать было нечего.

Короче, оставалось только прорваться сквозь блокаду таанцев, найти укромное местечко, приземлиться и спрятать корабль так, чтобы его никто не нашел.

«Не будет никаких проблем»,— отчаянно надеялся Стэн.

«Гэмблу» всегда сопутствовала удача.

Удача оставила такшип на высоте восьми миль над поверхностью Кавите. Звено из шести таанских перехватчиков взяло «Гэмбла» в оборот. Стэн пытался уйти обратно в космос, но бортовой компьютер показал сразу три эсминца, готовых отрезать имперскому кораблю путь к спасению.

А в атмосфере скорость и маневренность были на стороне перехватчиков. Уже не надеясь удрать, Стэн бросил такшип в крутое пике.

Пока перехватчики не подошли на дистанцию прицельного запуска, Килгур успел выпустить по ним трех «Фоксов». Он сбил двух таанцев, но потом остальные дружно открыли огонь. На кормовом

экране Стэн прекрасно видел крошечные серебряные вспышки под главными крыльями перехватчиков.

— Вижу семь... нет, восемь запусков...— Голос Фосса дрожал.— Время до контакта...

Три ракеты попали в такшип. Стэн услышал громовые удары, увидел пламя, полыхнувшее из-под контрольного пульта, заметил внизу укутанные туманом белые горы. В следующий миг экран ослеп. А потом отказало ручное управление.

Командир звена вывел свой перехватчик из пике. Он проследил, как объятый пламенем имперский такшип исчез в тумане, и отдал приказ о возвращении на материнский корабль.

Сегодня у него выдался хороший день. Его звено сожгло пять... нет, теперь уже шесть имперцев. По такому случаю он решил выдать экипажам двойную норму алкоголя.

Книга четвертая

Беглым... огонь!

Глава 57

Вечный император размышлял над тем, как бы поточнее описать свое настроение. Злость? Нет — недостаточно сильно. Ярость? Нет — внешне его эмоции никак не проявлялись. Во всяком случае, он на это надеялся. Стандартный галактический тут помочь не мог. Император мысленно перебрал более экзотические языки, выученные у самых разных существ. Да, вот оно. Матанское слово «к'лур». В вольном переводе оно означает чувство, в равной части состоящее из беспокойства, горя, ненависти и злости. Причем только такое, при котором в полной мере сохраняется ясность мысли и способность мгновенно принимать решения, а также готовность эти решения выполнять.

Император подобрал удачное слово для своего настроения, но легче ему от этого не стало. Большей частью он злился на самого себя. Он здорово просчитался в том, когда таанцы будут готовы к войне, ошибся в оценке своих собственных сил и в том, насколько верными окажутся его союзники.

А еще это дурацкое ожидание перед Дворцом спорта, у входа в который стоят суровые престарелые часовые с палицами в руках. В их возрасте и поднять-то дубины тяжело, не то что ими размахивать. Ходишь тут взад-вперед, ждешь, и ничего не поделаешь.

И снова в этом ожидании виноват только он сам.

Вечный император заготовил для себя много путей отступления. Если даже будет разрушен командный центр под замком, на дюжине миров существовали резервные центры: запасное оборудование, банки данных, персонал. Только одно император не учел. Или цинично не захотел учитывать.

Он не построил запасного здания Парламента.

Возможно, император втайне надеялся, что если основное здание будет разрушено, вместе с ним погибнет и основная масса законодателей. Тех самых, кого он ненавидел лютой ненавистью. Но

здание, спасенное рукотворной горой, практически не пострадало. Оно стояло, как и прежде, целое, хотя и слегка радиоактивное. В момент взрыва в нем находилась жалкая горстка депутатов.

Пока здание Парламента не дезактивируют, сей почтенный орган перебрался в один из Дворцов спорта.

Это еще не объясняло, почему вечный император был вынужден ждать под дверью.

Властитель, если уж на то пошло, сам накликал на себя эту беду. Он полагал, что народ имеет право на зрелища. И пример здесь должно подавать правительство. Вот поэтому он и позаимствовал древний обычай одного из старых, еще с Терры, государств.

По теории, вечный император мог войти в Парламент только с разрешения большинства. Это означало, что церемониальная стража загородит ему дорогу. Он, как император, потребует освободить проход. И получит отказ. Он потребует пропустить его по праву сильного. И снова получит отказ. Только после третьего, вежливого, прошения ему дозволят войти внутрь. И вся эта дерьмовая процедура совершалась с бесконечными цветистыми речами и дурацкими приплясываниями.

Император, разумеется, всячески избегал появляться в Парламенте. Лишь пару раз в году ему приходилось совершать ритуал на глазах иллюзокамер. Это было красиво!.. Настоящая работа, конечно, велась во дворце.

Но сейчас, когда пришла необходимость выступить перед Парламентом, императора до смерти раздражал им же самим придуманный обычай.

Он покосился на стоящих у него за спиной двух гуркских телохранителей. Пусть они только посмеют улыбнуться!

Император прекрасно знал, что непальцам все на свете казалось смешным, особенно если при этом их начальник попадал в глупое положение. Однако сейчас на их лицах застыли недовольные гримасы. «Возможно,— решил император за миг до того, как двери распахнулись и часовые, едва не выронив свои палицы, отдали ему салют,— возможно, гурки сердятся из-за того, что им пришлось разоружиться».

Тут он ошибался. Просто гурки отлично владели своими лицами. А потеря привычных виллиганов, гранат и кукри их не очень беспокоила. У обоих под туниками находились крошечные мини-виллиганы — оружие, по мнению имперской секретной службы, способное пройти через любой контроль, за исключением полного личного досмотра.

Император покорно ждал за креслами, пока премьер-министр торжественно приветствовал его от имени депутатов, заверил его в полной поддержке со стороны подданных и попросил пролить свет императорской мудрости на сложности сегодняшнего дня.

«Полная поддержка...» — мрачно думал император, идя по проходу.

В зале присутствовало меньше половины депутатов. Целые галактики, до войны громогласно объявлявшие себя вечными друзьями, теперь вдруг заявляли о своем нейтралитете, выходили из правительства, а то и вообще начинали открыто поддерживать таанцев.

Для выступления император надел простую белую форму с пятью звездами и венком на погонах — символы главнокомандующего военным флотом. Он мог бы надеть любую из тысячи разных форм разных частей имперских войск, главнокомандующим которых он являлся. Но сейчас император предпочел простоту. На его груди сверкал один-единственный значок — эмблема корабельного инженера. Из всех своих наград этой властитель гордился больше всего. Как он однажды сказал Махони, знак корабельного инженера — единственный, который он действительно заслужил. Все остальные ему вручали как взятку.

Император говорил, глядя прямо в зал. Он смотрел не на сидящих перед ним делегатов, а на красный огонек работающей камеры — там были его основные слушатели. Через несколько минут его речь, переведенная на миллион разных языков, разлетится по всей империи.

— Один цикл назад,— без преамбулы начал властитель,— те, с кем мы пытались жить в мире и согласии, нанесли нам коварный удар в спину. Таанцы напали без причины, без предупреждения и без жалости. Во славу своих богов, богов разрушения и хаоса, они снова, в который уже раз, обагрили руки кровью.

Я не стану лгать вам, граждане империи. Таанцы хорошо обдумали свой удар. Они атаковали жизненно важные цели, и не без успеха. Что ж, они должны радоваться этому мигу, ибо успех их, воистину, будет недолговечен.

Война есть зло. Но порой другого выхода не остается и приходится воевать. И даже когда ведут войну из самых низменных, самых корыстных побуждений, ей пытаются приписать чистые и светлые цели. Жесточайший тиран, найдя в себе хоть крупицу порядочности, попытается оправдать вызванное им кровопролитие.

Но не таанцы. Некоторые из вас, вероятно, видели их пропагандистские ролики. Чего же они хотят?

Они хотят уничтожить империю.

Они хотят уничтожить меня.

А что они предлагают взамен? Что они обещают?

Если верить таанцам, их победа подарит всем существам равную долю вечной славы. О какой такой славе идет речь? Это не комфорт и не еда. Это не новые гарантии безопасности. Это не знание того, что еще не родившиеся поколения смогут жить, не подвергаясь тяготам и опасностям нашего времени. Нет. Об этом речь не идет.

Просто — доля в славе. И все. Порой таанцы называют это судьбой цивилизации. Естественно, имея в виду свою цивилизацию. Те

миры и те народы, которые уже попали под власть таанцев и влачат теперь безнадежное, убогое существование под бичом своих тюремщиков, могли бы засвидетельствовать, что такое «слава» по-таански.

Отчаяние. Деградация. И наконец — смерть. Смерть — единственная награда, которую таанцы способны дать, ибо только смерть дает спасение от их кошмарной тирании.

Я говорю все это потому, что враг действительно добился кое-каких успехов. А еще я говорю это потому, что таанцам стоит поторопиться, смакуя свои победы. Скоро все изменится.

Теперь я обращаюсь к тем, кто стонет сейчас под таанским игом. Не теряйте надежды. Вас не забыли. Мы прогоним агрессора. Мир скоро восстановится.

И еще я хотел бы сказать несколько слов тем, на кого заверения таанцев действуют, как на шакалов — запах тухлого мяса. Подумайте еще раз. Вспомните, кто такие таанцы. Вспомните их историю. До этой войны они неизменно предавали всех своих союзников. Нет такого соглашения, которое они не нарушили бы, если это становилось им выгодно. Единственный вид союза, который таанцы способны понять, это союз между хозяином-таанцем и его рабом.

Подумайте как следует и не забудьте древнее изречение: «Тот, кто хочет отобедать с дьяволом, должен запастись очень длинной ложкой».

И наконец, я хочу обратиться к нашим врагам.

Вы громогласно хвалитесь своей силой. Вы уверяете в близости окончательной победы. Хвастайтесь сколько хотите. Вы обнаружите, что победа будет неизменно ускользать у вас из рук. Ваши солдаты и матросы не найдут ничего, кроме смерти. Им придется столкнуться не просто с противником, вооруженным и страшным в своих боевых порядках, а со смертоносным гневом всех тех, кто более не желает терпеть таанскую «славу». Вашему гражданскому населению придется туго. Они никогда не дождутся вашего возвращения. А со временем их собственные небеса озарятся огнем.

Империя вернется. Вернется с мечом в руке.

Слушайте меня. Слушайте, хотя уши ваши в презрении и не внемлют, наверное, голосу разума. Вы посеяли ветер. Готовьтесь теперь пожать бурю.

Те, кто знаком со мной, знают, что я никогда не обещаю того, что не могу выполнить. Сегодня я готов сделать только одно обещание. Через поколение лишь историки в сумраке своих кабинетов будут знать, кто такие были таанцы. Вы начали эту войну — я ее закончу. Таанцы, со всей их силой и могуществом, будут лежать в пыли, всеми позабытые.

Круто повернувшись, вечный император сошел с трибуны. Еще только написав эту речь, он знал, что она удалась. Выступая, властитель на ходу улучшил ее — весь зал ему аплодировал стоя. А потом

он заметил, что к овации присоединились и операторы камер, самые невозмутимые люди на свете.

Теперь вечному императору оставалось только одно — найти способ сдержать свое обещание.

Глава 58

Компьютер контроля повреждений «Гэмбла» нашел одну относительно неповрежденную цепь, и пульт управления снова ожил.

До скрытой густым туманом земли оставалось полторы тысячи метров. Стэн отчаянно боролся с падающим кораблем. Носовые дюзы — самая полная мощность. Юкава — самая полная мощность.

Звон аварийных сигналов и тревожно мигающие индикаторы предсказывали восстановленному управлению весьма недолгую жизнь. Прежде чем пульт окончательно сдох, Стэн успел еще до отказа врубить генераторы Маклина. Теперь оставалось только ждать и смотреть, что получится. Если двигатели остановят падение «Гэмбла», то корабль снова начнет подниматься. А там, наверху, его, скорее всего, поджидают таанские перехватчики. Впрочем, если моторы не затормозят такшип, то последствия будут еще более неприятными.

Защелкнув ремни безопасности на своем кресле, Стэн приготовился к удару.

«Гэмбл» врезался в землю практически вертикально. В последний момент перед ударом он перевернулся и застыл сейчас носом вверх.

На миг к такшипу вернулась его былая удача. Он мог бы угодить в горное ущелье, или в ледник, или в каменистую осыпь. Вместо этого такшип врезался в толстую снежную подушку. Снег, тая, амортизировал падение.

Перед глазами Стэна вспыхнул красным еще один контрольный сигнал: «ДЮЗЫ ЗАБЛОКИРОВАНЫ». Стэн потянулся к аварийному выключателю питания, но тут бортовой компьютер решил, что для него все кончено, и, предпочитая не столь вагнеровский финал, сам отрубил питание.

«Гэмбл» замер.

Наступила гробовая тишина, прерываемая только тихим потрескиванием быстро остывающей обшивки.

Покопавшись в темноте, Стэн достал из бардачка фонарь. Жемчужный свет озарил разбитый пульт управления.

— Все отсеки... как дела?

Еще одно достоинство такого маленького корабля, как «Гэмбл». Крик был слышен практически по всему такшипу. Отсутствие интеркома не могло помешать капитану связаться со своим экипажем.

Расстегнув ремни, Стэн вылез из кресла. Внезапно за бортом что-то загремело, корабль задрожал и начал крениться набок.

Минуту спустя все затихло. Стэн выжидал, но больше ничего не происходило. Похоже, «Гэмбл» нашел свою самую последнюю стоянку.

Дела обстояли, прямо сказать, неважно. Один из раненых, снятый с «Ричардса» матрос, погиб. Когда закоротило пульт управления двигателями, был убит током Мак-Кой, помощник главного механика из экипажа Стэна. Еще двух матросов раздавило, а двое были тяжело ранены. Все остальные щеголяли в синяках, порезах и ссадинах.

Такшип был мертв. Единственные работоспособные передатчики находились в скафандрах. Были еще рации в индивидуальных спасательных капсулах, но ими Стэну пользоваться не хотелось. Он считал, что имперские силы — вернее, то, что от них осталось,— все равно сейчас заняты. Им наверняка будет не до спасательных операций. С другой стороны, Стэн предпочел бы не привлекать к себе излишнего внимания таанцев.

А раз так, то спасение утопающих — дело их собственных рук.

Стэн приказал Килгуру подготовить аварийные комплекты. Сам он вместе с Тапией пошел выяснять, насколько им будет трудно спастись.

Главный люк расплющило. Стэн отчаянным усилием сумел-таки приоткрыть запасной люк, но оттуда в корабль хлынула ледяная вода.

Во всяком случае, они не в западне и всегда могут надеть скафандры или влезть в спасательные капсулы и выбраться из «Гэмбла». Они окажутся в холодной воде — в скафандрах это не проблема, но вода наверняка скоро замерзнет...

— Значит, надо плыть,— решил Стэн.

— Похоже, что так, сэр,— кивнула Тапия.

— И по-моему, нам стоит поторопиться. Боюсь, никто из нас, за исключением, быть может, мистера Килгура, не сможет пробиться сквозь лед.

Алекса они нашли в самом что ни на есть боевом настроении. Он только что закончил инвентаризацию припасов и теперь готов был взорваться в любую секунду. Моряки почему-то никогда не верят, что им вдруг придется покидать свой корабль. И потому состояние аварийных запасов обычно оставляет желать лучшего. Не стал исключением и «Гэмбл».

— Об этом мы будем думать, когда выберемся на поверхность,— решил Стэн.— Пошли.

Все облачились в скафандры, пострадавших засунули в спасательные капсулы, и Килгур полностью открыл аварийный люк. Вода, бурля, начала быстро заполнять корабль. Вскоре она поднялась уже выше голов.

Первым из такшипа выбрался Килгур. В руках он держал один из двух плазменных резаков, найденных в крохотной мастерской «Гэмбла». Включив резак, Алекс врубил двигатели скафандра и начал медленно пробиваться наверх сквозь быстро смерзающуюся массу воды пополам со льдом. За ним к остальным членам экипажа тянулся длинный и прочный трос.

Последним шел Стэн. Он вылез из люка и на миг завис в черной воде. Вот и конец его первому кораблю... «По крайней мере,— утешил он себя,— мы пошли на дно, сражаясь. Не так ли, леди смерть?»

Трос натянулся, и Стэн поплыл наверх. Стало плохо видно — похоже, барахлил скафандр. Другого объяснения и быть не могло. Ведь ни одно разумное существо не станет проливать слезы по груде неодушевленного металла. Явно что-то не в порядке с контролем влажности.

Мощности ранцевого двигателя, рассчитанного на работу в открытом космосе, едва хватило, чтобы вытолкать Килгура на поверхность.

— Один момент,— внезапно прогремел в шлеме Стэна его голос.— Тут все чертовски странно. Мы выбрались на воздух, но... Капитан, хотел бы с вами посоветоваться.

Отцепившись от троса, Стэн добавил мощности двигателям и, пробив корочку льда, вынырнул рядом с Алексом.

Его глазам предстало и в самом деле весьма непонятное зрелище. Экипаж плавал в маленьком, быстро замерзающем озерце растопленного такшипом снега. Из озерца, примерно на метр, торчал покореженный нос «Гэмбла».

Но странным морякам показалось даже не это. Над их головами в какой-то паре метров находился низкий ледяной потолок.

— Это невозможно,— вслух сказал Стэн.

— Очень даже возможно,— возразила Тапия.— Сэр, вы хорошо знакомы со снегом?

В снеге Стэн разбирался, прямо скажем, неважно. Он и сталкивался-то с ним всего ничего — в основном в вечно белых горах, выписанных на фреске, на которую его мать положила шесть месяцев своей жизни. Пару раз ему доводилось выполнять боевые задания в холодных мирах, но тогда погода была только помехой, и анализировать ее не стоило.

— В снеге я не разбираюсь,— признался Стэн.— По мне, так это замерзшая вода, и ничего больше.

— Вы слышали грохот? Наверное, это была лавина.

— Значит, нас засыпало?

— Похоже, что так.

Тапия была совершенно права. Рухнувший с небес «Гэмбл» зарылся по самый нос в глубокий, не тающий даже летом снежник.

Удар его падения сорвал лавину. Тысячи кубических метров снега и камней обрушились на долину, в которой разбился такшип.

Обломки «Гэмбла» были похоронены под сорока с лишним метрами плотной снежной массы. Открыв аварийный люк, люди впустили воду в корабль, понизив тем самым уровень мини-озера внутри застывшей лавины. Лед, образовавшийся на его поверхности, и служил тем куполом, который предстал взорам Стэна и его друзей.

Теперь им не оставалось ничего другого, как добраться до берега озера и рыть туннели на поверхность. К счастью, будучи в скафандрах, задохнуться в снегу они не могли.

Килгур с резаком в руках быстро пробивал уходящий кверху ход.

— Можно подумать, я был когда-то горняком,— бурчал он, понемногу поднимаясь все выше и выше.

Стэн полз молча. Ему то и дело приходилось соскребать иней, быстро оседающий на скафандре и грозящий намертво заморозить суставы. А потом он заметил свет. Не отблески фонарей, а рассеянное, ровное свечение, пронизывающее всю снежную толщу.

Через несколько секунд они пробились на поверхность.

Стэн разгерметизировал щиток шлема. Воздух имел какой-то странный привкус. Стэн вдохнул полной грудью. Мгновение спустя он понял, что просто-напросто отвык от свежего, не регенерированного, не фильтрованного бесчисленное количество раз воздуха. «Чертовски приятный способ вести войну»,— подумал он.

Теперь требовалось спуститься с гор. И вопрос в том, хватит ли у скафандров энергии. Дотянут ли батареи до теплых равнин? От скафандра, в котором кончилось питание, пользы не больше, чем от разбитого и вмороженного в лед такшипа.

«Ладно,— оборвал он сам себя.— Не будем забегать вперед».

Может, его матросов, понятия не имеющих, что такое сражаться на земле, найдет и прикончит какой-нибудь таанский патруль.

«Во всяком случае,— решил Стэн,— тогда никто не будет жаловаться на холод». И он занялся подготовкой своего отряда к долгому маршу.

Глава 59

На третий день высадки на Кавите леди Этего перешла с «Фореза» в передвижной командный центр на поверхности планеты. Ее штаб располагался теперь в гигантской бронированной машине, окрещенной имперской разведкой транспортером типа «Чило». Огромная, пятидесяти метров в ширину и ста пятидесяти в длину, разбитая на несколько сегментов, машина передвигалась на сорока роллигонах — трехметровых, глубоко рифленных, широких, поставленных треугольником колесах, придававших этому монстру в придачу к феноменальной проходимости еще и свойства амфибии. Если на пути попадалось

препятствие, через которое роллигоны не могли переехать, тройка колес поворачивалась и верхнее колесо плавно опускалось наверх препятствия. Дополнительно каждый сегмент мог самостоятельно перемещаться вверх, вниз и вбок.

В окружении целого эскадрона танков и бронированных зенитных ракетных установок «Чило» двигался всего в нескольких километрах за передовыми частями.

Те немногие имперские суда, которые еще держались в воздухе, никогда бы не сумели пробить оборону вокруг «Чило». И тем не менее леди Этего не желала рисковать. Место, выбранное ею для своего КП, обладало рядом существенных достоинств. Оно располагалось недалеко от весьма перспективного выступа-клина, вбитого таанцами в оборону имперцев. Кроме того, КП находился поблизости от открытого поля, пригодного для посадки боевых кораблей, и для его маскировки не требовалось прилагать особых усилий.

Если уж на то пошло, то маскировка была просто идеальной. Ее обеспечивал один из небоскребов, в котором раньше находилась университетская библиотека. Таанцы не видели необходимости ни в хранилищах имперской пропаганды, ни в учебных заведениях для нетаанцев.

По указанию леди Этего шесть гравитолетов с включенными маклиновскими генераторами заняли позиции под карнизами, и «Чило» задним ходом медленно въехал в небоскреб. Четыре этажа рухнули на грибообразный купол громадного транспорта, однако само здание устояло.

Теперь с воздуха засечь КП было просто невозможно. Что же касается электронных средств разведки, то леди Этего не сомневалась, что приданные ей отряды ЭМП сумеют без труда обмануть любые имперские сенсоры.

К тому же эскадрилья такшипов, доставившая таанцам столько неприятностей, наконец-то перестала существовать. Жаль только, что не удалось поймать ее командира, некоего капитана Стэна. Леди Этего с удовольствием организовала бы для него публичную и весьма мучительную казнь. После передачи записи казни по каналам имперского вещания некоторые из активно сражающихся с таанцами офицеров, возможно, и умерили бы свою прыть.

И все же леди Этего была не слишком довольна ходом штурма. Таанцам удалось окружить имперские войска в городе Кавите, на площади всего в каких-то жалких двести квадратных километров. Кое-где на планете еще оставались другие имперские части, но они уже ничего не решали.

Таанские патрули уже добрались до окраины города, до военной базы и до холмов за ней. Морские силы таанцев перерезали все возможные пути отступления по воде.

Но это была поистине пиррова победа.

От трех штурмовых таанских флотилий, что приблизительно соответствовало четырем имперским дивизиям, остались одни воспоминания. После четырех штурмов город все еще держался. Потери таанцев достигли астрономических размеров.

В подобной ситуации империя отзывала части с фронта и, только пополнив поредевшие полки свежими резервами, вновь отправляла в бой.

Таанцы предпочитали более прагматичный подход. Их войска, раз начав бой, уже не могли из него выйти. Вплоть до победы — или до полного уничтожения. Отряды сражались, пока потери в них не достигали семидесяти процентов. Дальше уцелевших распихивали по другим частям, а их подразделение официально расформировывали.

С первой штурмовой армией так и произошло.

Второй армии приказали атаковать сквозь ряды первой. Имперцы уничтожили и ее.

Таанцы слишком долго воевали с неподготовленным и необученным противником. Первая дивизия гвардии не относилась ни к тем ни к другим. Бойцы укрепляли все без исключения позиции. Если враг атаковал, они держались до самого последнего момента, а потом отступали — на заранее подготовленные рубежи. Таанцы, полагая, что победили, начинали обустраиваться на новом месте, и вот тут-то гвардейцы и контратаковали.

В худшем случае, они просто наносили врагу ощутимые потери, но куда чаще им удавалось вернуть ранее отданные рубежи. Подобная тактика обходилась гвардейцам довольно дорого, но таанцы платили за нее куда дороже.

Сражения в городах шли еще менее удачно для нападающих. Гвардия защищала каждый дом. При этом солдаты не цеплялись за какую-то конкретную позицию. Они могли и отступить, но тогда враг неизбежно попадал под перекрестный огонь двух других, поддерживающих фланги позиций.

Таанцы никогда не могли расслабиться. Им приходилось непрерывно ждать атаки.

А тяжелее всего им приходилось ночью.

Наперекор принятым нормам, гвардия не держала сплошной линии обороны, предпочитая сражаться на отдельных укрепленных пунктах. Таанская разведка сообщала, что там-то и там-то линию фронта можно легко прорвать, и части устремлялись в прорыв. А потом выяснялось, что это была ошибка, и таанцев били со всех сторон с заранее укрепленных позиций специально выделенные для этого резервы.

В то же время имперские отряды, врываясь в таанский тыл, громили там все, что только попадалось им под руку.

Гвардия воевала мужественно и умело, но силы были не равны, и таанцы все равно побеждали.

Леди Этего ничуть не сомневалась в успехе. Сидя в своих апартаментах, она прикидывала, как бы ей получше организовать капитуляцию врага. Вызванная ею бригада иллюзодокументалистов уже прилетела с Хиза. Готова была и парадная форма для самой леди Этего и ее торжественного эскорта.

«Нет,— решила она.— Адмирал Ван Дурман, если он еще жив, не достоин подписать акт капитуляции. Пусть лучше это сделает Махони».

Да, правильно. Это будет очень живописная церемония, прекрасная пропаганда военной мощи таанцев. А проводить ее надо на разрушенной военной базе 23-го флота. Пусть все видят обломки и обгорелые остовы имперских боевых кораблей.

Генерал Махони по команде построит оборванные остатки своих войск. Интересно, есть у него шпага? Впрочем, это не важно. Какое-то личное оружие у него быть должно. Леди Этего примет это оружие и пообещает всем сдающимся солдатам хорошее обращение и регулярное питание.

Выполнять слово леди Этего, разумеется, не собиралась. Тех, кто не погибнет в бою, ждала смерть. Единственное, что леди Этего могла для них сделать, это позволить умереть с честью. То есть заколоться самим. Впрочем, она полагала, что имперцы все равно не оценят этой милости.

Будущее было спланировано леди Этего до мелочей.

После окончательного захвата Кавите она ударит империю в самое сердце — Прайм-Уорлд.

Ее наставник, лорд Ферле, будет доволен.

«А может, и нет»,— подумала она и улыбнулась.

В последнее время Ферле начал действовать ей на нервы. Возможно, он не тот лидер, который должен вести таанцев к окончательной победе. Возможно, есть более подходящая кандидатура — среди тех, кто лично руководит сражениями.

Леди Этего еще раз позволила себе улыбнуться. Будущее сейчас рисовалось ей весьма светлым — и очень-очень кровавым.

Глава 60

У моряков и летчиков есть одна общая черта: они искренне уверены, что по вселенским законам гарантированы от марш-бросков. Экипаж Стэна ругался и стонал, обнаружив, что ему придется пешком тащиться черт знает в какую даль.

Впрочем, ругань продолжалась всего километров семь или около того. Потом ни у кого уже не оставалось сил на пустые разговоры. Надо ведь вытащить из снега ногу, перенести ее на шаг вперед, опустить, вытащить другую ногу... А каждые полчаса еще и сменять кого-то, тянущего спасательные капсулы с ранеными.

Как Стэн и думал, пользы от скафандров оказалось не много. Они не были рассчитаны на использование в поле тяжести, и встроенная псевдомускулатура едва компенсировала половину их веса. В итоге и так нелегкий путь требовал поистине геркулесовой силы.

Как Стэну хотелось иметь обогреваемые меховые комбинезоны! Или хотя бы элементарные парки. Или, чего уж мелочиться, новый такшип.

Будь скафандры не так тяжелы или имей они генераторы Маклина помощнее, моряки могли бы парить над сугробами. Или, на худой случай, идти на снегоступах — Стэн брался сплести их из веток. Вместо этого они, проваливаясь в снег по пояс, уныло брели вперед.

С наступлением ночи Стэн начал высматривать местечко для привала. У края долины, вдоль которой они шли, он заметил большое дерево, засыпанное снегом до нижних ветвей. Как Стэн и ожидал, возле ствола оказалась небольшая свободная от снега полость. Немного расширив ее и утрамбовав «пол», моряки сделали себе вполне приемлемое убежище от ночного мороза.

Килгур занялся ранеными. Стэн добрым словом помянул разносторонние тренировки в отряде богомолов. Хотя его собственные занятия не включали в себя медицину, Алекс разбирался в ней весьма и весьма прилично. Если уж на то пошло, то после окончания курсов экстренной помощи он без труда мог бы стать гражданским хирургом. Сейчас, впрочем, он мало чем мог помочь раненым — возможности имевшейся у них аптечки были невелики. Килгур поменял повязки, сделал обезболивающие уколы. Один из раненых, он это знал, к утру умрет.

Устраиваясь на ночевку, моряки не поверили Стэну, утверждавшему, что в снежной норе будет тепло. Вскоре, однако, температура поднялась, и они выключили нагреватели скафандров. Теперь тут стало очень даже уютно.

Со временем ночь сменилась рассветом. Смертельно раненный матрос умер. Завернув труп в сдутую спаскапсулу, они похоронили его в скальной трещине, завалив могилу камнями, и двинулись дальше.

Весь этот день приходилось непрерывно решать одну очень сложную проблему: как идти? Если идти с открытым лицевым щитком, то нагреватели включались на полную мощность, быстро истощая запасы энергии скафандра. И все равно было холодно. Стоило только закрыть щиток, как сразу становилось тепло, но зато тратились и так небольшие запасы кислорода.

К полудню небо очистилось и выглянуло солнце. Один из матросов тут же заработал куриную слепоту, и ему пришлось полностью поляризовать щиток своего шлема. К тому же снег размок, стало еще труднее двигаться.

Стэн, кроме того, начинал беспокоиться о возможных таанских патрулях. Что им тут делать — непонятно, но чем черт не шутит? Могут и появиться.

Следующая ночь стала повторением предыдущей, вот только нора получилась не такая уютная. Алекс с помощью плазменного резака выжег в снегу траншею, куда они все и зарылись. Здесь, во всяком случае, не дуло.

С рассветом, позавтракав остатками жидкой пищи из скафандров, отряд вновь двинулся в путь.

Стэн начинал сам себя презирать — он чувствовал усталость. Усталость уже на третий день? Да во время службы в отряде богомолов за такое его бы мигом отправили на переподготовку! Он стал понимать, почему моряки так часто бывают толстозадыми. Когда же Стэн глядел на Килгура, ему становилось совсем грустно.

На родине Алекса, планете Эдинбург, сила тяжести была тройной, а на Кавите — стандартной. В итоге, несмотря на внешность пивной бочки с руками и ногами, Килгур умудрялся всегда оставаться в форме. Он продирался сквозь снег так, словно того и не было; словно он не шагал в тяжеленном скафандре; словно он не тащил за собой спаскапсулу и не нес за плечами аптечку, резак и два виллигана.

А еще Алекс все время шутил или, точнее, пытался шутить. Лишь угрозой гауптвахты Стэну удалось удержать Килгура от рассказа о пятнистых змеях — кошмарной, идиотской истории, гулявшей среди курсантов отряда богомолов. Стэн слышал ее лишь однажды, и то, по его мнению, это было в три раза больше, чем ему бы хотелось. Впрочем, и остальные анекдоты Алекса оказались не намного лучше.

— Рассказывал ли я вам о том, как мы путешествовали по моим землям? — весело спросил он у Тапии.

— По каким таким землям? — прохрипела та и чуть не зарылась носом в сугроб.

— Неужели Стэн, простите, капитан Стэн, не говорил вам, что я — урожденный лорд Килгур, владыка Килгура?

— О чем ты болтаешь?

— Я хочу рассказать вам об одной удивительной свинье.

— Свинье?

— Ну конечно свинье. Целая куча сала — таких теперь уж и не бывает. Как бы там ни было, впервые я увидел ее, объезжая мои земли. Увидел я эту гору первоклассной свинины — и был потрясен. Почему, спросите вы? Потому что у нее было всего три ноги. А четвертая — деревянная.

— Трехногая свинья? — недоверчиво переспросил Фосс.

— Ну конечно трехногая. Настоящее чудо. А рядом, возле ограды, стоял один фермер, и я, конечно, подошел к нему.

«Эй, мистер,— говорю.— Это что за свинья такая?»

«Это не свинья, а чудо,— отвечает мне он.— Три года назад мой сынишка упал в пруд и непременно утонул бы, ведь рядом никого не было. Короче, остался бы я без наследника, кабы не эта вот свинья. Она его и вытащила».

«Послушайте,— говорю я ему.— Это и вправду удивительно, но...»

И тут опять он меня прервал:

«В прошлом году была очень холодная зима. Ну, вы же помните, лорд Килгур».

И я ответил: «Да-да, конечно помню».

«Так вот, в ту зиму мой дом загорелся, а мы все спали внутри. И наверняка погибли бы. Но эта свинья, она ворвалась в дом и перебудила нас всех. И мы спаслись».

Тут я почувствовал, что с меня хватит.

«Все это прекрасно,— проревел я.— Я согласен, это чудо, а не свинья. Но сейчас я хочу знать: ПОЧЕМУ У НЕЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ДЕРЕВЯННАЯ НОГА?»

А фермер поглядел на меня, как на идиота, и говорит:

«Вы что, сэр, разве можно вот так сразу съесть такую чудесную свинью целиком?!»

И Алекс шел дальше, оставляя Тапию и Фосса вынашивать планы кровавой мести.

Таков был Килгур на марше.

Но еще больше Стэну действовал на нервы постоянный оптимизм Алекса. Его возгласы «Еще пять километров, капитан, и все!» со временем надоели хуже горькой редьки. Особенно издевательски они звучали теперь, когда снег окончательно раскис, превратившись в настоящую кашу.

Кашу? Стэн огляделся и увидел, что горных пиков впереди нет. Кое-где из-под снега проступали каменистые осыпи.

Дошли.

Теперь Стэну осталось только протащить своих моряков через боевые порядки таанской армии в осажденную Кавите.

Плевое дело.

Глава 61

Когда температура воздуха поднялась выше пятнадцати градусов по Цельсию, а дорога осталась ровной на протяжении целых семидесяти пяти метров, они скинули скафандры. Килгур вежливо зажал нос.

— Эта Вселенная вся провоняла потом,— заметил он.— Таанцы, небось, найдут нас по запаху.

Он не преувеличивал. Все вместе они пахли как невесть что. Но продолжалось это только до тех пор, пока они не наткнулись на первую поилку для скота. Отогнав в сторону пару тощих бычков, Килгур, на ходу срывая одежду, полез в воду. Остальные последовали за ним.

На мытье и отдых Стэн дал целый час. Потом они отправились дальше. Теперь им требовались продукты и какое-нибудь безопасное место, где можно посидеть, подумать и решить, что делать дальше.

По крайней мере, вопроса «Куда идти?» не возникало. Столбы дыма на горизонте лучше любого компаса указывали путь к Кавите.

Земля вокруг была сухой и бесплодной — чахлые пастбища с редкими, по большей части заброшенными фермами. Те немногие, на которых еще теплилась жизнь, Стэн предпочитал обходить кругом. Они, судя по внешнему виду, едва могли прокормить сами себя. Где уж им помогать его отряду.

А потом моряки вступили в царство изобилия — зеленые поля и большие крепкие здания фермы. Но понемногу изобилие оборачивалось трагедией. Поля лежали в запустении, дома стояли открытые настежь. В пятистах метрах от фермы Стэн уложил своих матросов в оросительный канал, а сам вместе с Алексом отправился на разведку.

Посреди двора они обнаружили артезианскую скважину. Возле нее кучей лежало полтора десятка мертвых тел. Стэн и Алекс притаились за сараем.

В главном здании громко хлопнула дверь, и Стэн осторожно снял виллиган с предохранителя. Дверь хлопнула еще раз, и еще, и еще. Ветер.

Они подползли к ближайшему телу. Килгур принюхался.

— Три. Максимум четыре дня тому назад,— сказал он.— Боюсь, до суда тут дело не дошло.

Все эти люди не погибли в бою. Их руки были крепко-накрепко связаны за спиной стальной проволокой.

Стэн перевернул одно из тел. На раздувшейся шее трупа блеснуло золото.

— Тааанцы,— сказал Стэн, поддевая дулом виллигана золотой нашейный знак.— Судя по одежде, поселенцы.

— Интересно, кто их прикончил?

— Имперские черносотенцы,— пожал плечами Стэн.— Или таанские же солдаты. Кто его знает. Да и какая, к черту, разница?

— Болезненное любопытство, капитан. Ладно, давай прочешем дом.

Они привели остальных на двор фермы. Пара матросов, увидев тела, тут же отправились блевать под стеночку. «Привыкайте, ребята, привыкайте,— думал Стэн.— Теперь мы воюем не на дальней дистанции, а лицом к лицу».

Вместе с Тапией и Килгуром Стэн обшарил жилое здание. Выглядело оно так, словно его подняли в воздух, перевернули, немного потрясли и снова поставили на фундамент. Все, что могло разбиться,— разбилось. Все, что могло сломаться,— сломалось. Все, что можно было испортить, было приведено в негодность.

— У меня есть теория,— сказал Килгур.— Здесь поработали не имперцы. Четыре дня назад им было не до подобных развлечений.

А у таанских солдат не хватило бы времени на столь методичное разрушение. Я думаю,— продолжал он,— что те, кто тут жил до войны, пытались держаться золотой середины. Так сказать, шли умеренным курсом. А это не больно-то нравилось их соседям. Тоже, кстати, таанцам. Когда началась вся эта заваруха, окрестные фермеры пришли сводить счеты. Они-то и расправились...

Внезапно остановившись, Килгур подобрал с пола маленькую пустую бутылочку. Удивленно покачав головой, он кинул ее Стэну.

«Яблочный сидр и удобрения Махони. 130 лет торговли»,— прочитал Стэн на этикетке.

— Мы идем по стопам великого мастера,— с нарочитой серьезностью сказал Алекс.

Тапия никак не могла понять, почему посреди смерти и разрушения ее командиры вдруг разразились веселым смехом.

Дальше они двигались только по ночам. И очень-очень медленно. Причем не столько из осторожности, сколько из-за неопытности моряков. У Стэна уже язык болел, так часто он прикусывал его, сдерживая ругань и язвительные комментарии.

«Это же не отряд богомолов. И не гвардия. Черт побери, это даже не пехотинцы-новобранцы. Заткнись, капитан, и не воображай, что управляешься с отрядом коммандос. Но если и дальше двигаться с такой скоростью, война закончится прежде, чем они доберутся до Кавите!.. Ну и что? Ты так уж торопишься попасть в осажденный город и погибнуть в какой-нибудь дыре? Короче, заткнись, капитан, и ползи дальше».

На четвертую ночь они натолкнулись на ферму Фреды. Натолкнулись в самом прямом смысле — один из моряков в темноте налетел на проволочное заграждение. К счастью, толстый рабочий комбинезон спас его от порезов.

И снова Стэн и Алекс ушли вперед, оставив своих людей дожидаться в густых кустах. Они незамеченными пробрались через проволоку и мимо сигнальных сенсоров. С вершины небольшого холма перед ними открылись длинные ряды бараков, выстроившихся вдоль «главной улицы». Глядя на этот поселок, Стэн и Алекс молча обсуждали увиденное, пользуясь языком жестов, специально разработанным для подобных ситуаций. Разведенные в сторону руки в данном случае означали «Что это такое?». Немое «Т» — таанцы. Два пальца на воротнике — военные? Качание головой. Ну, это в переводе не нуждается. Таанские солдаты, без сомнения, позаботились бы о более серьезной охране. Да наверное, и огни в поселке тогда не горели бы.

Указав в сторону бараков, Стэн жестами передал Алексу вопрос: «Тогда что это за гаврики с оружием и гравитолетами?»

Впрочем, он и сам знал ответ. Перед ними лежало поселение таанских революционеров. Кое-какие войска там наверняка имелись. Но не много.

Таанцы обычно использовали этих революционеров для всякого рода вспомогательных работ — патрулирование тыла, полицейские задачи, ну и так далее. Это «и так далее», вероятно, включало и выяснение отношений со всеми поселенцами, недостаточно восторженно принявшими войну.

Теперь, как казалось Стэну, он знал, кто прикончил тех таанцев на ферме. А еще он знал, как можно без особого труда добраться до линии фронта.

Килгуру явно пришла в голову та же самая идея. Сложив ладони у щеки, он наклонил голову, будто спит.

Точно. Осталось только найти часового.

Это оказалось совсем несложно. Подходящий часовой нашелся в нескольких десятках шагов — ходил взад-вперед вдоль проволочного ограждения, держась в стороне от освещенного фонарем круга и пристально вглядываясь во тьму.

Стэн и Алекс, соответственно, изменили свой план.

Килгур подкрался к часовому с фронта. Стэн зашел с тыла, со стороны бараков. Его рука крепко сжимала нож. Дыхание... Дыхание... Не поднимаем глаз... Три быстрых бесшумных шага, и он уже схватил часового из-за спины за подбородок. Рывок назад и в сторону, удар ножом в сонную артерию. Три с половиной секунды. Не так уж плохо.

Теперь все готово для ловушки «Спящий часовой». Она основывалась на предположении, что во всех армиях во все времена сон на посту считался преступлением не менее тяжким, чем насилие в извращенной форме над своим командиром.

Прислонив тело к фонарному столбу, Стэн придал ему правдоподобную позу крепко спящего человека. Затем они с Алексом залегли по бокам, вне освещенной зоны.

Рано или поздно кто-то придет проверить посты.

Это и в самом деле произошло. Боевой гравикар медленно полз вдоль охраняемого периметра. Вот начальник караула увидел своего «спящего» часового. Он явно решил, что нарушителя стоит как следует проучить. Во всяком случае, машина остановилась метров за десять до поста.

Стэн начал осторожно пробираться к гравикару.

Тем временем таанский офицер — кстати, один из «советников» Фреды — подкрался к сидящему на земле часовому. Сейчас он что есть силы заорет ему в ухо и, если тот не помрет на месте от страха, вкатает ему нарядов по самые уши. Офицер уже предвкушал этот сладостный миг. Армия побеждает, и чертовы фермеры совсем разболтались. Надо их немного приструнить.

Он наклонился... и ладонь Алекса из темноты врезала ему в лоб классическим ударом тейшо-зуки. Такой удар, нанесенный нормальным человеком, может оглушить. Выполненный привыкшими к трехкратной тяжести мышцами Килгура, он расколол череп таанца, как куриное яйцо.

Сняв с мертвых врагов оружие, Килгур побежал к гравикару.

А в кабине Стэн уже вытирал свой нож об одежду заколотого водителя. Надвинув на глаза инфракрасные очки, он поднял машину на три метра от земли, развернул ее и на полной скорости погнал туда, где ждали моряки.

Поехали!

Глава 62

Таанский боевой гравикар подарил Стэну и его людям не только способность быстро передвигаться, но и отличную маскировку. Стэн рассчитывал на элементарную логику — и не ошибся. Действительно, все гражданские машины давным-давно были реквизированы; имперские же гравикары находились внутри осажденного города. А раз так, то любая открыто летящая машина могла быть только «своей», то есть таанской.

Стэн дополнительно подстраховался. Погрузив на борт своих матросов, он несколько раз в каких-то сантиметрах над землей пролетел по пыльной проселочной дороге. А потом уже совершенно спокойно повернул к городу Кавите — еще один замученный разъездами гравикар, везущий войска на передовую.

Единственно чего приходилось опасаться, так это военной полиции. Вблизи фронта наверняка будут проверять документы. Впрочем, основное внимание полиция, естественно, обратит на машины, идущие от фронта, а не на те, что летят на гром орудий.

Здесь Стэну чертовски повезло. На полпути к городу его обогнал большой конвой. Воем сирен машина полицейского сопровождения заставила Стэна прижаться к обочине. Внутри конвоя, однако, таанцы держали интервал весьма небрежно. В итоге Стэну не составило большого труда вклиниться между двумя грузовиками, а потом, добравшись до окраин города, отвалить в сторону.

За эти несколько дней периметр имперской обороны стал значительно меньше. Пользуясь своим численным перевесом, таанские силы упорно теснили гвардию. Успешно избежав встречи с тремя патрулями, Стэн решил больше не рисковать.

В десяти километрах от линии фронта он загнал гравикар на третий этаж разрушенного здания, чтобы все хорошенько обмозговать. Двигаться дальше было слишком опасно. На передовой таанцы наверняка будут начеку.

К тому же Стэн понятия не имел, какой сейчас у имперцев пароль. Свои запросто могли принять его отряд за таанцев и открыть огонь. А это было бы очень даже грустно.

Ответом на все мучившие Стэна вопросы послужил одетый в белую форму таанский патрульный.

Белая форма? В районе боевых действий?

— У них тут сплошная показуха,— заметил Килгур, опуская бинокль.— Мы можем это использовать?

И снова Стэн и Алекс отправились на разведку. Они перебирались с крыши на крышу, пока не заметили второго патрульного — тоже в белой форме. Он стоял на другой стороне некогда улицы, а теперь просто более пологой кучи битого камня и бетона.

За спинами часовых Стэн и Алекс увидели позиции сдвоенных орудий. Чуть дальше вокруг группы транспортеров стояла целая армада танков и ракетных установок. В самих транспортерах явно располагался какой-то штаб — торчащие во все стороны антенны сделали бы честь любому морскому ежу.

Это был штаб танковой бригады, и располагался он как раз между отрядом Стэна и передовой.

Менее опытные солдаты могли обойти штаб стороной. Но Стэн и Алекс увидели удобную возможность обосноваться во вражеском тылу.

Штаб всегда охраняется. Вначале охрану отбирают по принципу максимальной эффективности, но с течением времени приоритеты меняются. Вскоре внешнему виду часовых уделяют внимания больше, чем их боевой подготовке. Командуют штабной охраной, как правило, молодые, делающие карьеру или обладающие большими связями офицеры, что не повышает боеспособности караульных рот. Этому учили в отряде богомолов, это Стэн и Алекс видели своими собственными глазами.

Солдаты в таких частях получают очередные звания и поощрения за блеск сапог и сверкание пуговиц. После пары парадных построений часовой не больно-то рвется лезть в грязь только потому, что ему послышался какой-то странный шорох.

Ну и наконец — самомнение. Кто посмеет напасть на сильного?

Стэн и Алекс планировали в полной мере воспользоваться этими слабостями.

Туристы любят наблюдать за сменой караула. Пышная церемония перед входом в какой-нибудь дворец в заранее известное время, с чеканными шагами и звоном оружия, желательно хромированного и весьма древнего. Красиво и совершенно непрактично. Когда рядом могут оказаться плохие люди, так вести себя не стоит. Но традиция есть традиция, даже если ей всего лишь неделя от роду.

Смена часовых у таанцев выглядела так: большой отряд маршировал вдоль цепочки постов. Подойдя к очередному часовому, отряд

останавливался, начальник караула инспектировал пост и снимал часовых. Он пару раз стучал прикладом длинного виллигана по земле и отходил в сторону. Новые часовые занимали свои места, потом весь отряд топал дальше.

Смена караулов, естественно, проходила по часам, днем и ночью.

Стэн на своем опыте знал, что человеку тяжелее всего приходится в четыре часа утра.

В это время он и решил начинать.

Стук сапог... Звяканье оружия... перестроения... и тринадцать моряков Стэна, не таясь, прошли мимо только что выставленных и еще зевающих часовых. Прошли прямо на территорию штаба.

Они шли строем, у всех на виду — Стэн мог только надеяться, что его морячки хоть как-то, но держат шаг,— и никто не обращал на них внимания.

Первый этап успешно завершен. Второй этап — найти укромное место.

Килгур избрал для этого бронированный гравитолет, стоявший на земле метрах в ста пятидесяти от командных транспортеров. Держа кукри наготове, он проскользнул в открытый люк. Стэн страховал его снаружи.

Мгновение спустя Стэн услышал тихий предсмертный хрип, а еще через миг Килгур уже вынырнул из люка. Кукри в его руке даже не обагрился кровью. «Совсем неплохо,— подумал Стэн.— Алекс не забыл, чему его учили».

Знаком он велел своим одиннадцати матросам подниматься на борт. Надо было ждать рассвета.

Стэн, Алекс и Тапия несли вахту возле экранов внешнего обзора. Они не имели конкретного плана. Стэн надеялся, что расположившиеся вокруг штаба части скоро пойдут к фронту. Хаос. Неразбериха. Вместе со всеми полетел бы и гравитолет Стэна. Это не должно вызвать подозрений.

Поедут они в таанской форме. Сперва Стэн надеялся переодеть всех своих людей — кузов гравитолета был полон запечатанных пакетов с надписью «ФОРМА. 113 КОМПЛ.». К сожалению, чуть ниже обнаружилась приписка: «Полный комплект для умеренного климата (БЕЛАЯ)».

Стэн решил, что если он оденет своих матросов в эту форму, то из расположения штаба их выпустят без труда, но вот встреча с боевыми отрядами таанцев вряд ли закончится благополучно.

Должен был существовать другой путь. Оставалось только его найти.

Ранним вечером Стэну показалось, что он таки его нашел. Один за другим гравитолеты и гравикары подлетали к транспортерам, выплевывая перед ними таанских офицеров.

Здесь будет военный совет, понял Стэн. Когда он закончится, части наверняка пойдут к фронту.

Внезапно к транспортерам подлетел большой, тяжело бронированный гравитолет. В небе над ним парили два таанских крейсера.

— Черт меня раздери! — удивленно воскликнул Стэн, наблюдавший за экраном из-за спины Алекса.— Похоже, к нам пожаловало самое главное таанское дерьмо.

Гравитолет приземлился и спустил на землю широкий трап. Вдоль него в две шеренги выстроились солдаты в белой парадной форме.

— Вот уж не думал, что у таанцев есть такие голиафы! — изумился Килгур.

Солдаты и в самом деле были очень высокие. И очень широкие в плечах.

Стэн уже знал, что сейчас произойдет.

Он посмотрел на товарища. Тот был бледен как полотно.

— Выбора у нас нет, так ведь? — прошептал Алекс.

«Да,— подумал Стэн.— Выбора у нас действительно нет».

Он взял прислоненный к пульту виллиган. Проверил прицел и заряд. Затем, подойдя к наружному люку, осторожно приоткрыл створку.

Стэн хотел жить. Но при этом он был офицером империи.

Конкретная ситуация: на виду толпа телохранителей в парадной форме, явно кого-то ждущие офицеры.

Вывод: должна появиться какая-то весьма важная шишка.

Вопрос: кто это может быть?

Ответ: леди Этего. Или адмирал Деска.

Вопрос: желательна ли смерть адмирала Дески... Будут ли оправданы жертвы?

Ответ: вероятно.

Вопрос: желательна ли смерть леди Этего?

Ответ: безусловно.

Вопрос: независимо от цены, которую придется за нее заплатить? Как вам кажется, капитан Стэн?

Вне зависимости от цены.

Перекинув ремень через руку, Стэн положил ствол виллигана на порожек и прицелился. Он позаботился, чтобы дуло не высовывалось из открытого люка.

Если леди Этего спустится по этому трапу, она умрет.

А вскоре после этого погибнут Стэн и все его матросы.

Килгур быстро будил людей. Отряд готовился к бою.

В ста пятидесяти метрах от Стэна таанские офицеры и телохранители замерли по стойке «смирно».

Леди Этего вышла на трап.

«Целься получше»,— думал Стэн.

Глупо умирать — но еще глупее погибнуть после промаха.

Перекрестие прицела, миновав красный плащ леди Этего, легло на ее зеленую тунику. Пуля с АМ-2 наполнителем делает в человеческом теле дыру, в которую пролезает кулак. Стэн задержал дыхание и выбрал слабину курка.

И тут телохранители леди Этего сместились, быстро и ловко, словно танцоры императорского балета. Они сомкнулись вокруг своей подопечной, наглухо закрыв от Стэна его цель. Вместо зелени туники леди Этего в прицеле застыла стена белых спин.

Выругавшись, Стэн оторвался от виллигана.

В окружении своих гигантских телохранителей леди Этего прошествовала к штабу. Офицеры повалили за ней.

Возможности выстрелить больше не представилось. Стэн медленно опустил оружие.

Он дышал так, словно только что пробежал пять километров. Та часть его сознания, которая была и всегда будет уличным разбойником, крыла Стэна на все лады. «Ты!.. Чего ты расстроен? Разочарован тем, что остался в живых? Какого черта тебе надо?» А потом включился отдел, ведающий выживанием. «Извини, приятель. Я и не понял, что ты не стал стрелять, боясь смерти. Прости... не хотел тебя обидеть».

От этой мысли Стэну стало совсем плохо.

Может быть, он не выстрелил именно поэтому. Может быть, и так.

Остаток дня Стэн был тихим и задумчивым.

Килгур взял все дела на себя. Он снял форму с убитого им таанского экипажа гравитолета и приказал пятерым матросам переодеться.

На закате совещание закончилось. Леди Этего, окруженная кольцом телохранителей, вернулась на свой гравитолет и отправилась восвояси. Стэн следил за ней через прицел виллигана, но саму Этего даже и не увидел.

В суете разлетающихся по частям офицеров было совсем не трудно выскользнуть из таанского лагеря и прямиком направиться к передовой.

Неподалеку от линии фронта Килгур нашел небольшой кратер, где они и остановились дожидаться темноты.

— Не дергайся, парень,— тихо сказал Алекс Стэну.— У нас еще будет шанс.

Стэн только хмыкнул.

— И еще, капитан. Я не знаю, как выразиться помягче, но у меня тут были проблемы с желудком.

— Ну и?..

— Все эти пакеты с белой формой... В общем, форма там уже не белая.

Стэн нашел в себе силы улыбнуться.

Теперь оставалась только одна, самая последняя проблема — не погибнуть от рук своих.

Стэн знал, что если бы под его командой было подразделение богомолов, имперские части впервые узнали бы о нем, когда отряд заявился бы на кухню за завтраком.

Впрочем, о богомолах следовало забыть. Матросам подобное не под силу.

Найдя в каких-то развалинах безопасное место для своих людей, Стэн в одиночку отправился на разведку. Килгур вопросительно приподнял бровь, но Стэн решительно покачал головой. Он пробирался от тени к тени, невидимый и неслышимый. Его пальцы нашли натянутую над землей проволоку. Стэн аккуратно через нее перелез. Коварно замаскированная мина — обойдена.

Вон там... двое часовых. Бдительны и настороже.

Стэн прополз мимо.

Впереди дот. Может, туда? Нет. Там тоже сперва будут стрелять и только потом задавать вопросы.

Патруль гвардии. Возвращается из разведки. Стэн последовал за солдатами. Метров через сто патруль спустился в блиндаж. Похоже, тут у них командный пункт.

Стэн начал считать.

Десять секунд на приветствие. Десять секунд, чтобы отложить оружие. Еще десять — разлить по чашкам кофе.

Бесшумно спустившись по ступенькам, Стэн откинул занавесь — рваное одеяло — и проскользнул внутрь. Солдаты не успели даже среагировать на его появление, а он уже представился, стараясь при этом говорить как бы небрежно:

— Я капитан Стэн. Имперский военный флот. На той стороне у меня остались люди, которых надо привести сюда.

Все. Они дома.

Глава 63

Когда Стэн пришел доложиться о прибытии, генерал Махони и адмирал Ван Дурман мрачно глядели на голографическую карту позиций.

— Почему так долго? — только и сказал Махони, выслушав сжатый рапорт Стэна.

Ну да ладно. Стэн и не ожидал торжественной встречи. Величайшим комплиментом Махони во времена работы в отряде богомолов было «задание выполнено удовлетворительно». Тут Стэн заметил, что генерал прячет улыбку, и почувствовал себя лучше. Потом он посмотрел на карту и сразу же почувствовал себя хуже. Имперские войска попали между молотом и наковальней.

Махони нажал на кнопку, и общий вид Кавите сменился планом одного из участков обороны.

— Остатки твоего отряда,— сказал он Стэну,— удерживают позиции...— его палец указал на полуразрушенные здания бульвара,— вот здесь.

Местность эта почему-то показалась Стэну знакомой.

— У нас тут погибло много кораблей, и в итоге образовался излишек аэродромной обслуги. Вот мы и перевели твоих людей в пехоту. Во главе я поставил старшего унтера, как там, бишь, его... мистера Саттона. Я отдал ему под начало все, что осталось от твоего эскадрона, плюс еще семьдесят пять человек — всяких там клерков, церковных служек и разный прочий сброд.

«Просто шикарно,— подумал Стэн.— Сперва погибли мои экипажи, а теперь Махони отправил на убой бригады наземного обслуживания».

— Как это ни странно,— между тем продолжал генерал,— они великолепно держатся. Таанцы почему-то атаковали их позицию всего пару раз.

— Флот знает, как сражаться,— вставил Ван Дурман.

Махони с удовольствием ответил бы адмиралу, но в присутствии младшего офицера предпочел воздержаться.

— Раз ты решил вернуться в ряды живых,— продолжил он,— я отзову подразделение Саттона. Примешь командование и займешь оборону вот здесь.

Перед Стэном возникло изображение другого района города Кавите — голый холм на окраине военной базы, окруженный разрушенными жилыми кварталами.

— Мы думали, это парк. Но один из моих адъютантов выяснил, что это старый форт. Сто пятьдесят лет тому назад тогдашний командир двадцать третьего флота решил, что охрана базы недостаточно надежна. Наверное, военный бюджет в тот год был особенно велик. Так или иначе, развернули строительство. Где-то лет через десять деньги кончились, командира сменили, и о форте понемногу забыли. Но мы думаем, что он еще боеспособен.

Махони повернулся к боковому монитору и нажал несколько клавиш. На экране вспыхнул вертикальный разрез поросшего травой холма. Отвесные туннели вели к замаскированным орудийным башням. Под ними находились четыре уровня подземной крепости.

— Типичная пассивная защита,— заметил Махони и вывел на экран схему форта.— Четыре зенитных «Чейна» — здесь, здесь, здесь и здесь. Башни поднимаются из земли и могут вести огонь до пятнадцати градусов ниже линии горизонта. Каждая из них дополнительно снабжена антипехотными орудиями. Еще есть двенадцать ракетных шахт, но я бы советовал вам держаться от них подальше. Под вот этими двумя холмиками спрятаны счетверенные пулеметные установки. Есть вопросы?

— Так точно, сэр. Прежде всего... вы сказали, что *думаете*, будто форт боеспособен?

— Точнее было бы сказать, надеемся. Судя по документам, форт числился на балансе как резервный опорный пункт. А раз так, то в нем должны были остаться вода, рационы, энергия и, самое важное, боеприпасы. Если там нет снарядов, то вам не повезло и вы по уши в дерьме. Калибрами орудий форта уже давно никто не пользуется. Они устарели, как... «Свампскотт».

Ван Дурман скривился, но промолчал.

— Что-нибудь еще?

— Почему вы решили задействовать этот форт только сейчас? Вы могли бы давным-давно перевести туда моих людей.

— Видишь ли,— пояснил Махони,— все это не так просто. Дело в том, что форт находится сейчас в трех километрах за линией фронта. На стороне таанцев. Боюсь, твой мистер Саттон — не большой мастак в операциях во вражеском тылу. Когда выйдете на позицию, сообщите об этом мне. Я скажу, когда вам начинать. Думаю, в целях у вас недостатка не будет.

— Спасибо, сэр.

Стэн отдал честь. Значит, остаткам его отряда суждено стать пожарной командой.

— И последнее, капитан. Я разрешаю вам самому выбрать себе позывной.

Стэн на секунду задумался.

— Форт «Ш'аарл'т»,— решил он.

— Тогда у меня все.

Прежде всего, решил Стэн, надо выяснить, как сильно таанцы потрепали его зеленых техников и снабженцев.

Он ждал самого худшего.

Таанская ракета с воем осыпала улицу разделяющимися боеголовками, и Стэн с Алексом поспешно залегли. Задрожала земля, ударная волна попыталась расплющить моряков. Потом все на время вернулось на свои места.

Кавите лежал в руинах. Тянулись к небу почерневшие, словно гнилые зубы, остовы домов. Улицы были завалены битым камнем, перегорожены рухнувшими зданиями. В городе пахло смертью. Только под землей еще теплилась жизнь. Глубокие траншеи прорезали мостовые. Гражданского населения как такового не осталось. Имперские поселенцы и те немногие таанцы, которые остались верны империи, стали неотличимы от имперских солдат. Они служили врачами и поварами и даже сражались в тех же окопах и дотах, что и гвардия. И вместе умирали — таанцев не слишком заботило, в кого попадают их пули и снаряды.

У обитателей Кавите появилось новое хобби — рыть землю. Осада затягивалась, и убежища становились все глубже и глубже.

Стэну показалось, что он видел Бриджит, нырнувшую в одну из щелей. Если та вела к госпиталю, то почему бы и нет?

Чем ближе к передовой, тем страшнее становилось вокруг. Стэну даже думать не хотелось о том, что он увидит.

Но как оказалось, его ожидал приятный сюрприз. Черт, это была первая приятная новость с тех пор, как... как... Бриджит легла с ним в постель.

Если на то пошло, Стэна ожидало сразу несколько приятных сюрпризов.

Он понял, почему этот район показался ему смутно знакомым. Трудно было не понять, когда Саттон устроил свой командный пункт в чудом избежавшем разрушения ресторанчике «Лес дождей». Два сына сэра Тэйге остались дома — с семейным бизнесом. Сам Тэйге куда-то исчез на третий день осады. Братья предпочитали не думать о том, куда он мог деваться.

Хотя купол и пострадал, птицы и насекомые погибли или разлетелись, а водопады превратились в озерца затхлой воды, в ресторане еще оставались продукты. Сыновья Тэйге умудрялись даже из солдатских рационов готовить нечто вполне съедобное.

Мистер Саттон фыркнул три раза подряд, увидев тринадцать человек, которых считал погибшими. Он даже разок потрепал Алекса по плечу — у спиндарцев признак безумной, истеричной радости.

Потом он взял себя в руки и доложил обстановку.

Стэн ожидал услышать о катастрофических потерях среди своих необстрелянных техников, не знавших, с какого конца надо браться за виллиган, и не ценивших такой прозы пехотной жизни, как умение пригибаться к земле.

Вместо этого: шестеро убитых, четырнадцать раненых.

— На второй день,— докладывал Саттон,— таанцы начали весьма серьезную атаку на наши позиции. Вели себя они, однако, крайне глупо. Трижды ходили штурмом, причем такой плотной толпой, что мы стреляли практически не целясь. Их потери были просто ужасными, капитан, просто ужасными.

День спустя они вновь проверили прочность нашей обороны. Но уже не слишком настойчиво. С тех пор тут у нас царит относительное затишье. Похоже, враг нас боится.

Стэн удивленно приподнял бровь. Таанцы никогда ничего не боятся. Но должно же быть какое-то объяснение.

Объяснение действительно существовало, и нашел его сержант гвардии, командовавший батареей ракетной поддержки.

— Мы полагали,— рассказывал он,— что таанцы сожрут ваших ребят и даже не поморщатся. Не обижайтесь, сэр. Но они пошли в атаку как последние идиоты, и их покрошили в мелкий винегрет. В следующий раз они прощупывали оборону, не больше. А потом как отрезало. Нам стало любопытно, в чем там дело, и, взяв пару парней,

я отправился за языком. Ну, притащили мы одного гаврика. Попасть в плен — это худшее, что только может приключиться с таанцем, ну, вы, наверное, знаете... Так вот, он сказал, что ваши люди живы потому, что все на той стороне принимают их за элитную часть. Или за приманку.

— За кого? — удивился Стэн.

— Сами посудите, капитан. Ваши люди идут в патруль. Никто никогда не говорил им, что надо ползти. Никто не говорил, что не стоит по пути зажигать спички и курить травку. Естественно, таанцы решили, что их заманивают в ловушку. Они подумали, что за вашими морячками стоят большие силы. Кроме того, наш язык рассказал, что таанцы просто не могли поверить, будто кто-то может так плохо построить оборону. Выходит, это ловушка. Вот они больше и не атакуют.

Стэн не мог удержаться от смеха. Надо не забыть и предупредить тех, кто сменит их на этом рубеже. Интересно, как новый командир отнесется к следующему совету: пусть солдаты ведут себя по-настоящему глупо, как зеленые новички.

Впрочем, сейчас хватало иных забот. Например, предстояло провести всю эту веселую братву через линию фронта в возможно и не существующий форт.

В любом случае это будет весьма занимательно.

Глава 64

Если уж речь зашла о форте «Ш'аарл'т», то добраться туда было еще только полдела.

Новому отряду Стэна потребовалось пять ночей, чтобы перебазироваться в давным-давно покинутую подземную крепость. При этом, разумеется, не обошлось без проблем.

Началось все с того, что моряков считали настоящими героями. Именно героями, а не дилетантами, которым невероятно, сказочно повезло. Они теперь даже имели прозвище «Три С» — «страшные солдаты Саттона». Прозвище придумал журналист, готовивший очерк о «победоносных парнях с плацдарма». Материал о «Трех С» разлетелся, разумеется, по всей империи — слишком уж мало хороших новостей было в эти дни.

Алекс и Стэн между собой переиначили эту кличку в «Самоуверенных Салаг Саттона».

Если уж на то пошло, то подошло бы любое название. По счастливому стечению обстоятельств, моряков не стерли в порошок в первый же день в окопах. В итоге они не погибли и со временем набрались кое-какого фронтового опыта. Доказательство — они в основном остались живы.

Стэн надеялся, что в этом больших изменений не произойдет.

Он перевел свой отряд в точку на имперской стороне, максимально приближенную к мифическому форту. Затем они с Алексом, как всегда, вдвоем отправились на разведку.

Стэн до смерти устал первым лезть в опасность, но другого пути он не видел. К счастью, Килгур думал так же и не мучил Стэна жалобами.

Без особых проблем, как пара бесплотных духов, они пробрались через передовые позиции таанцев. Найти холм, под которым скрывался форт, не представляло никакого труда. Махони специально всадил в него ракету, вместо боеголовки снабженную радиомаяком.

По архивным данным, входов в форт было несколько. Стэн выбрал наименее заметный — предположительно неразрушенную будку контроля подземных цепей питания.

После нажатия потайной кнопки панель мониторов легко отошла в сторону. У Стэна затеплилась надежда, что все пройдет без хлопот.

Они с Алексом спрыгнули в подземный туннель. Грязи здесь было почти по пояс. Одна из фильтрующих помп явно вышла из строя. Как, впрочем, и система биологической защиты.

Обосновавшиеся здесь крысы искренне считали туннель своей вотчиной и весьма неприязненно отнеслись к появлению в нем двуногих. Их было много. И все они кусались. Как бы Стэну хотелось, чтобы у него в руках оказался самый заурядный бластер, как в любом приключенческом иллюзофильме. Увы, такие игрушки существовали только в воображении сценаристов. Уничтожать мелких грызунов из виллиганов пулями с АМ-2... Да на это потребуется целая вечность! Не говоря уже о том, что от грохота выстрелов в узком туннеле у людей запросто могут лопнуть барабанные перепонки.

В итоге Килгур таки нашел подходящее решение. Он начал кидать перед собой «временные» гранаты — те самые, которые отнимали у своих жертв память о последних секундах, минутах, часах жизни. Вообще-то это не смертельно, но если дышащее воздухом существо, потеряв сознание, падает в воду, то оно, естественно, тонет.

В конце концов туннель пошел вверх, и грязь закончилась. Стэн нашел контрольный пульт и, следуя архивной технической документации, включил энергию.

Вспыхнул свет. Загудели машины.

Большего Стэну сейчас и не требовалось. В форт можно вести людей.

Вернувшись обратно, на свою сторону, Стэн и Алекс проспали целый день.

Следующую ночь они провели в рекогносцировке. Им требовалось найти наименее опасную дорогу к форту «Ш'аарл'т». Весь путь они разбили на трехсотметровые отрезки. И на третью ночь вывели на позиции «проводников». Стэн знал, что его матросы, что бы они

там о себе ни думали, не смогут незаметно перейти линию фронта. Он решил взять наиболее опытных и сделать их проводниками. Каждый отвечал за триста метров пути. В конце он по эстафете передавал свою группу следующему проводнику.

Кто угодно может научиться бесшумно и с закрытыми глазами проходить трехсотметровую полосу препятствий. Верно я говорю? «ТАК ТОЧНО, СЭР!»

Стэн придумал и еще один фокус. Две ночи подряд приданная ему артиллерия ровно в полночь обрушивала сокрушительный огненный шквал на тот участок, где планировался проход. Стэн не сомневался, что таанцы, смеясь над педантичностью имперцев, ровно в полночь будут нырять на дно своих убежищ.

На четвертую и пятую ночи он повел своих людей в форт. Артобстрел продолжался, но теперь снаряды ложились по бокам проложенного Стэном коридора.

«Слишком сложно,— сам себе говорил Стэн.— Что-нибудь да сорвется».

«Совершенно верно,— сам себе отвечал он.— У тебя есть другие идеи?»

Других идей не наблюдалось.

И вот на четвертую ночь, передаваемые проводниками из рук в руки, моряки по трое двинулись в путь. Стэн рассчитывал, что, прежде чем таанцы очухаются, до форта успеет добраться хотя бы треть его людей.

К четырем часам утра пятой ночи он готов был плясать от восторга.

Весь его отряд, до последнего представителя, собрался в крепости «Ш'аарл't». Стэн начинал верить, что дело выгорит.

По молчаливому обоюдному соглашению Стэн и Алекс торжественно похоронили свое прозвище «Трех С». Теперь оставалось только узнать, что за кота в мешке они приобрели и насколько у этого кота длинные когти.

Глава 65

С когтями у форта были некоторые сложности. Хотя те, кто консервировал этот форт, потрудились на совесть.

Заняв командный центр на втором уровне, Стэн отправил своих людей разбираться с оборудованием и вооружением.

Фосс в ужасе глядел на управляющий огнем компьютер.

— Да сдохнуть мне на месте! — не мог надивиться он.— Они и в самом деле планировали стрелять с помощью этого монстра?! Чертова тварь выглядит так, словно ее надо заводить вручную.

Натянув защитные перчатки, он включил питание. В воздухе запахло горелой изоляцией, однако машина заработала. Фосс достал

современный ручной компьютер, выдвинул экран и принялся составлять словарик. Машина работала, но обозначения и комментарии принадлежали совсем другой эпохе.

Систему жизнеобеспечения Стэн пока включать не стал. Не стоит этого делать до начала боя. Черт его знает, какой у нее теперь ресурс. Форт пропах пылью, как давно не использовавшийся платяной шкаф, но запах можно было и пережить.

Работала только половина экранов внешнего обзора. И снова Стэн не стал трогать рукояток управления камерами. Враг мог заметить что-нибудь подозрительное, а этого Стэну очень не хотелось. «Ну ладно,— сам себе сказал он.— Я могу во что-нибудь прицелиться... Наверное, могу. Посмотрим теперь, как у нас дела по части бабахалок».

Стэн поднялся в комнаты подготовки персонала. В архивах отсутствовали данные о том, сколько существ требовалось для обслуживания форта. Сверившись с представленной на стендах информацией, Стэн убедился в справедливости самых худших своих ожиданий. Форт был рассчитан на куда большее количество солдат, чем имелось в распоряжении Стэна.

Он сделал грубый подсчет.

О команде, обслуживающей ракеты, можно не беспокоиться. Это уже немало. Повара, пекари и тому подобное — ерунда, его люди сами разогреют себе рационы. Вместо трех вахт можно сделать одну. Итого...

Итого, имеется в наличии сто двадцать пять существ. Недостает еще четырехсот с небольшим.

Продолжая осмотр, Стэн по лесенкам поднялся в каждую из орудийных башен. Три из четырех «Чейнов» выглядели вполне работоспособными, как, впрочем, и один из счетверенных пулеметов.

Обслуживающие машины сделали свое дело. После полутора веков бездействия на вороненых стволах орудий не было ни пылинки. Тапия как раз разбиралась в диаграммах, пытаясь понять, как же работают пушки. В идеале стрельбой управлял центральный компьютер. Он автоматически наводил орудия, заряжал их и вел огонь. Но если вся эта система выходила из строя, ее функции могли взять на себя люди. В каждой башенке был предусмотрен пульт ручного управления.

Тапия как раз намеревалась проверить работу транспортеров, доставлявших снаряды с четвертого, самого нижнего, этажа к пушкам. Она не сомневалась, что сделает это, не поднимая орудийных башен на поверхность. Стэн остался посмотреть.

Механизмы стонали и шипели. Мониторы тревожно мигали, сообщая, что им не нравится, как работают контролируемые устройства. Но потом по давным-давно пересохшим каналам протекла смазка, подъемники и загрузчики показали боевую готовность, и мониторы успокоились.

Тапия оглянулась. Они со Стэном находились в башне вдвоем.

— Как, черт возьми, мне перевестись куда-нибудь из этой проклятой дыры? — спросила она.

— У тебя какие-то проблемы?

— Мне не нравится сидеть тут и ждать, пока в меня попадут. Мне больше по душе быть целью подвижной. И в моем личном деле черным по белому написано, что я страдаю клаустрофобией. И,— она задумчиво почесала шею,— по-моему, у меня появились вши. Все из-за этого проклятого бункера, где мне пришлось спать.

Спустив пар, Тапия вернулась к работе. Глядя ей вслед, Стэн не мог не восхищаться ее туго обтянутыми тканью комбинезона ягодицами. Провертев в голове пару весьма неуставных мыслей, он продолжил свой обход.

Саттон уже обосновался на кухне. В этом ему помогали еще двое — братья Тэйге. Они сказали, что не желают сиднем сидеть в своем ресторане и ждать, когда в зал залетит шальной снаряд. К тому же матросы, по их словам, и стандартный-то рацион как следует разогреть не сумеют. Сперва Стэн думал отправить их обратно: все-таки гражданские лица — и на боевой позиции. Но потом решил: какого черта? Здесь не более опасно, чем где-либо еще в Кавите.

Боеприпасы? Саттон лично осмотрел склады боеприпасов на самом нижнем, четвертом уровне. Помпы работали, поддерживая достаточную сухость, а специальные разбрызгиватели через положенные интервалы орошали снаряды смазкой.

Постели? Подняв заднюю ногу, спиндарец почесал спину. О постелях можно забыть. Осушители третьего уровня явно барахлят. Да и в самих бараках жить практически невозможно. Впрочем, это не проблема. Солдаты могут расположиться в кают-компаниях и комнатах отдыха.

Вода? Полный ажур. Дождевые коллекторы в отличном состоянии. И очистители тоже.

Продукты?

Саттон был вне себя.

— Я готовлю подробный рапорт, капитан. Надо же такое придумать! Тот, кто снабжал форт продовольствием, был вором! Настоящий преступник, которому место за решеткой!

Стэн улыбнулся. Надо же, Саттон рассуждает о морали!

— Вы только посмотрите! — Спиндарец возмущенно указал на экран монитора.— Имперский устав требует, чтобы каждый военнослужащий получал сбалансированное, разнообразное питание. Так это или нет?

— Имперские уставы требуют много такого, что имеет обыкновение теряться по дороге,— заметил Стэн.

Если Саттон и понял намек, он не подал виду.

— Сбалансированное, разнообразное питание, с тщательным учетом вкусов и диет негуманоидов. А теперь посмотрите, что сделало это мерзкое существо! Все, что мы имеем на складе, это бобы и замороженное мясо травоядных! Как же мне накормить людей? Как Тэйге сумеют составить разнообразное меню? С тем же успехом можно подключиться к трансмутатору и вообще не мучиться с приемом пищи.

— Ничего,— успокоил его Стэн.— Пару дней проживем и на бобах с мясом. Каждый поработает трансмутатором сам для себя.

— Не смешно,— буркнул Саттон.

— Кроме того,— продолжал Стэн,— таанцы наверняка перебьют нас до того, как нам надоест ваша стряпня.

— Капитан, я в ужасе. Вы явно слишком много разговариваете с этим кошмарным Килгуром.

Согласно покивав головой, Стэн вернулся в командный центр. Настало время связаться с Махони и сообщить, что форт «Ш'аарл'т» готов к бою.

Больше всего генерала Махони волновало, как бы неприятель не пронюхал о форте раньше времени. Поэтому его беседа со Стэном получилась несколько односторонней. Махони говорил, а Стэн отвечал заранее установленными однобуквенными кодовыми сигналами. В остальном форт старательно не подавал признаков жизни.

На подготовку операции Махони потребовалось четыре дня.

У сражения могут быть разные цели: захватить территорию, отвлечь внимание, ну и так далее. Махони ставил только одну задачу — убить побольше таанцев.

Когда он объяснил свой план Ван Дурману, тот пришел в совершеннейший восторг. Адмирал не сомневался, что эта операция сломит хребет врагу и вынудит их оставить Кавите. Или по меньшей мере перейти к обороне. Махони мог только поражаться, как адмирал после стольких лет службы все еще оставался таким неисправимым идеалистом.

Максимум, на что можно было рассчитывать, это временно остановить продвижение таанцев. Махони не видел другого выхода — сражаться до тех пор, пока на выручку не подоспеют подкрепления. Такую возможность сам он считал крайне маловероятной. Но зато леди Этего и ее войскам придется дорогой ценой заплатить за свою победу.

Вот так, ни на что особенно не рассчитывая, империя перешла в наступление.

Превосходство в воздухе, разумеется, принадлежало таанцам. Их постоянно патрулирующие линию фронта такшипы атаковали все без исключения движущиеся цели. Ближе к базе Кавите у Махони оставалось еще достаточно зенитных установок, чтобы не давать

врагу особо разгуляться. Под покровом ночи он скрытно перебросил большинство зениток в район «Ш'аарл'т».

У Ван Дурмана, не считая тщательно спрятанного «Свампскотта», оставалось очень мало боеспособных судов. Одним из них был эсминец «Хуша» под командованием капитана Халдора.

В темноте таанские такшипы обычно не летали. Воздушное пространство контролировалось парой эсминцев. Любая ночная вылазка имперцев без труда подавлялась огнем, а такшипы, на которые легла львиная доля обязанностей по поддержке наземных сил, не тратили зря свой ограниченный ресурс.

На восходе солнца такшипы взлетали и устремлялись к передовой.

На восходе плюс пятнадцать минут из подземного ангара на Юкаве вырвался «Хуша». Его орудия в единый миг искрошили флотилию такшипов, патрулирующих район военной базы. К тому времени как на место прибыли таанские крейсера и эсминцы, «Хуша» уже скрылся в своем хорошо замаскированном убежище.

Леди Этего и адмирал Деска задумались: почему имперцы устроили эту вылазку? Ответ напрашивался сам собой — Ван Дурман собирается перейти в наступление.

Укрепив эскадрильи, они отправили их утюжить прифронтовой район имперцев.

Таанские корабли стали легкой добычей зениток. Враг никак не ожидал, что его атака будет встречена столь значительными силами зенитной ракетной артиллерии. Погибло много такшипов и даже один крейсер. В таанских пехотных частях была объявлена боевая тревога.

И тогда имперцы атаковали.

Леди Этего была удивлена. Первая волна наступающих имперских частей состояла не из гвардейцев. Вовсе нет. На прорыв пошли плохо обученные батальоны солдат технического обеспечения военно-воздушных сил.

Таанцы без труда отбили атаку и, контратаковав, заставили моряков отступить. Они даже не смогли задержаться на своих первоначальных позициях.

Это была та самая слабина, которую так долго ждала леди Этего. Вот он — долгожданный шанс без особых хлопот прорвать линию обороны имперских войск и, возможно, захватить всю военную базу Кавите.

Время близилось к полуночи.

Этего приказала своим войскам укрепиться на новых позициях. На рассвете они предпримут новую атаку.

Четыре часа спустя таанская разведка доложила леди Этего, что Махони укрепляет свою оборону бронетанковыми частями — немногие уцелевшие машины двигались к передовой.

«Вот и хорошо»,— решила леди Этего.

Бронетехники у нее было раз в десять больше, чем у имперцев. Собрав танки со всего фронта, она направила их на участок прорыва.

План выглядел примерно так. На рассвете она атакует. Генерал Махони контратакует своими танками, и тут на не ожидающих такого сокрушительного отпора имперцев обрушится бронированный таанский кулак. Гвардия отступит, и танковые дивизии леди Этего победоносно завершат штурм.

Три часа до рассвета.

Леди Этего спала и видела себя победительницей.

Генерал Махони всю ночь мрачно пил горячий кофе.

С его стороны все выглядело несколько иначе. Атака «Хуши» выполнила свою задачу и привлекла внимание неприятеля к нужному участку фронта. Батальоны моряков действительно ходили на приступ вражеских позиций, но командовали ими отборные офицеры гвардии. Все было рассчитано до мелочей. Атака с минимальными потерями — и быстрое отступление, как бы под напором превосходящих сил противника.

Таанская контратака достигла заранее намеченных Махони рубежей. Здесь ее и остановили.

Танки, подтягиваемые к фронту, в основном представляли из себя простые гравитолеты с шумо- и радиосимуляторами. Они передавали обычные позывные гвардии. В передовых частях было всего шестнадцать настоящих танков. На рассвете вся эта техника — и настоящая, и липовая — пошла в атаку и была, как того и следовало ожидать, полностью уничтожена.

Настоящий разгром. Вот только если бы таанцы заглянули в кабины сожженных машин, они не увидели бы там человеческих костей. Вся техника была на дистанционном управлении. Ни один гвардеец не погиб во время этой с самого начала обреченной атаки.

Расправившись с танками Махони, леди Этего приказала контратаковать.

Махони передал сигнал, и далеко за периметром имперской обороны включились мощные гидравлические подъемники. Прорвав тонкий слой торфа, из земли вылезли орудийные башни форта. Их орудия автоматически выискивали и без труда находили цели.

Форт «Ш'аарл't» жил.

Жил и убивал врага.

Глава 66

Никто в форте не мог поручиться, что «Чейны», хотя внешне и вполне боеспособные, не взорвутся от первого же выстрела. Перед тем как открыть огонь, Стэн приказал своим людям покинуть башни и наглухо запереть аварийные двери.

Три орудия взревели, будто, по словам Тапии, страдающие бронхитом драконы. При скорострельности в две тысячи снарядов в минуту гром выстрелов сливался в сплошной непрекращающийся вой.

«Чейны» вообще-то предназначались для борьбы со скоростными воздушными целями. Поэтому хотя, по меркам Фосса, компьютер форта и безнадежно устарел, он прекрасно справлялся с такими сравнительно медлительными объектами, как танки.

Снарядам полагалось бы быть зажигательными, но срабатывало из них не более трети. Впрочем, это уже было несущественно. Сплошной металлический ливень вскрывал танковую броню, как консервные банки.

Стэн услышал радостный визг: «Работает! Работает!» — и велел канонирам вернуться к орудиям.

Форт «Ш'аарл'т» работал. И очень даже неплохо.

Когда по приказу Махони форт открыл огонь, первая волна вражеских танков уже добралась до старых позиций имперских войск. С ними быстренько разобрались бойцы гвардии. Повыскакивав из своих замаскированных окопов, они своими ПТУРСами превратили наступавший отряд в горящую груду металлолома.

Что касается Стэна, то ему хватало целей на участке от периметра имперской обороны до форта.

Большая часть танков находилась в резерве. Леди Этего планировала подкрепить ими прорыв. Таанцы не опасались ударов с воздуха, и потому их бронетехника, выстроившись вдоль дорог в направлении атаки, стояла буквально борт к борту, сплошной стеной закамуфлированной брони.

Стэн, а точнее, Фосс, а еще точнее, компьютер форта обрушил огонь «Чейнов» на эти забитые техникой дороги. Компьютер насчитал шестьдесят танков «подбитых и уничтоженных», а потом цепочка взрывов от подрывающегося боезапаса пробежала по остаткам колонн. Огненный шар прокатился по улицам, оставляя за собой лишь закопченные останки могучих боевых машин. Компьютер, словно бы обиженно, сообщил, что он сбился со счета.

На пульте перед Стэном загорелся красный огонек — поднялась башенка счетверенного пулемета. Алекс взялся за работу.

Пока работали пулеметы, пока вели огонь малокалиберные антипехотные орудия башен, защитники форта могли ничего не опасаться.

— Все башни,— скомандовал Стэн.— Перейти на ручное управление. Сами ищите себе цели.

Наконец-то у Тапии появилось настоящее дело. Она поудобнее уселась в командной капсуле наводчика — местечке, чем-то напоминающем комфортный велосипед без колес и с колпаком-экраном

на руле. Рукоятки руля при помощи башенного компьютера были жестко связаны с положением самого орудия.

Тапия открыла огонь, и в наступающей на холм колонне четыре танка замерли, окутавшись густыми клубами дыма. Остальные поспешно спрятались за чудом уцелевшее высотное здание. Спрятались — но это еще не значило, что они спаслись. Переведя скорость огня на максимум, Тапия дала длинную очередь по первому этажу здания, и оно рухнуло, похоронив таанцев под грудой бетонных блоков и кирпичей.

Тапия снизила скорострельность. Если все время вести огонь на максимуме, склады скоро опустеют. И так уже запас снарядов ее орудия опустился до восьмидесяти процентов. Тапия старалась быть экономной. Работая на минимальной скорострельности (порядка 750 выстрелов в минуту), она короткими очередями снимала танки один за другим. Очередь — танк. Еще одна — еще один танк.

Это становилось интересным. Тапия заметила шесть бронемашин, но прежде чем она успела развернуть орудие, другая башня уже сделала из них решето. Выругавшись, девушка снова оглядела поле боя.

Форт со всех сторон был окружен горящими танками. Дым столбом поднимался в небеса. Тапия переключила прицел из оптического в инфракрасный режим. Здесь она обнаружила кое-что любопытное.

Танк — только почему-то он не стрелял.

На самом деле девушка засекла командную машину бронетанковой бригады. У нее и пушки-то не было — один камуфляж. Просто таанцам очень не хотелось, чтобы их командный пункт выделялся на поле чем-то особенным. Втиснуть же настоящее орудие в начиненную электроникой машину просто не представлялось возможным. Отсюда и липовая пушка.

Тапия навелась по инфракрасному сигналу, прицелилась, нажала на спуск, и...

Форт содрогнулся. У Тапии, несмотря на специальный защитный шлем, даже заложило уши.

В командном центре Стэн нажал на красную кнопку, и все башенки опустились, оставив после себя голый, ничем не примечательный холм. Теперь таанская артиллерия могла стрелять, сколько ей угодно. Система жизнеобеспечения закончила вентиляцию форта и набрала воздух в резервные емкости. Если леди Этего решит использовать химическое или ядерное оружие, можно полностью изолировать крепость от внешнего мира.

Впрочем, ничего такого Стэн не ожидал. Леди Этего требовалась незараженная территория для атаки. Только в военных иллюзофильмах солдаты любят сражаться в неуклюжих, неудобных, опасных защитных костюмах.

— Всем постам. Доложить обстановку.

— Башня «А». Все в порядке.

— Башня «Б». У нас все о'кей. Только шумно очень, капитан.

Это была, разумеется, Тапия.

— Башня «В». Таанцы тут открыли по нам огонь. Пока никаких повреждений.

— У пулемета тоже все путем, босс,— сообщил Килгур.

Стэн начинал проникаться уважением к тем, кто выстроил этот форт,— по какой бы идиотской причине ни началось строительство.

На пульте вспыхнул один из экранов. На нем появилось лицо Махони. Теперь, когда необходимость в секретности отпала, генерал перешел на стандартную командную линию связи.

— Докладывайте,— приказал он. Во время военных операций Махони был лаконичен и собран.

— Форт «Ш'аарл'т» к бою готов,— по-уставному доложил Стэн.— Боевой статус передается... готово. Раненых нет. Ждем дальнейших указаний.

Махони расщедрился на улыбку.

— Удовлетворительно, капитан. Ждите. Скоро они ударят вас со всей силы.

Отведя уцелевшие танки, леди Этего решила разбить форт с воздуха.

Стэн, не ожидая особых результатов, перевел управление огнем на автоматику. Управляемые компьютером «Чейны» поднялись, с воем развернулись и принялись плеваться огнем.

Таанские такшипы так и посыпались на землю.

«Этого не может быть! — сам себе повторял Стэн.— Давным-давно устаревшая система... Неужели столько лет технология топталась на одном месте?!»

Фосс помог ему прояснить загадку. Устаревшая система. Компьютер отслеживает цели, а управление дистанционно взрываемыми снарядами осуществляется на невесть когда использовавшихся частотах. В современной войне что главное? Поставить помехи и подавить управление противника. Что произошло сейчас? Таанские блоки ЭМП просто не работают в этом древнем диапазоне.

Стэн даже нежность почувствовал к своему, как оказалось, весьма когтистому коту.

— Может, нам отказаться от атаки, леди?

Этего просчитала еще один вероятный исход сражения на своем компьютере.

— Ни в коем случае,— ответила она.

Деска с трудом скрыл свое удивление.

— Наши потери просто неприемлемы.

— Это так. Но подумайте о психологическом факторе. Форт весьма эффективен. Имперские силы слабы. Значит, если мы уничтожим форт, мы запросто прорвем их оборону. А большего нам и не требуется. Надо только изменить тактику, и это я уже сделала. Первая стадия атаки начнется через несколько минут.

Таанцам повезло, что леди Этего пыталась предусмотреть любой ход развития событий. И что готовилась она соответственно. Этего ударила по форту мониторами.

Для операции на Кавите таанскому флоту мониторы, конечно же, не требовались. Для них и целей подходящих тут не нашлось бы.

Мониторы представляли собой большие неповоротливые корабли. Тяжело бронированные, они обладали кое-каким зенитным вооружением. Их главным и, по сути, единственным оружием являлась пусковая установка, расположенная в трубе посреди корабля — примерно как труба «Кали» в такшипах. Сама ракета, выпускаемая мониторами, по размерам значительно превосходила любой из существующих на свете такшипов.

Передвигались мониторы с помощью АМ-2, а полетом ракеты управлял специальный оператор. Предназначались эти монстры для войны против укрепленных астероидов и планетоидов. В системе Кавите таких космических крепостей не существовало. Значит, не были нужны и мониторы. Но леди Этего — так, на всякий случай — решила присоединить парочку к своему флоту. И вот теперь собралась использовать их против Стэна.

Один из мониторов завис носом вниз где-то на границе атмосферы. Вспышка, и ракета устремилась вниз.

Против близких целей мониторы практически не применяли. Оно и понятно. Самому опытному оператору требуется некоторое время, чтобы навести на цель ракету. А на АМ-2 летит она очень и очень быстро. Даже автоматика оказывалась слишком медленной. Для стрельбы требовались большие, поистине космические расстояния, а каждая ракета стоила примерно как пилотируемый сверхскоростной корабль.

Сейчас, однако, все это ничуть не волновало леди Этего. Если штурм Кавите еще больше затянется, ей уже ни о чем больше никогда не придется беспокоиться.

Ракета промахнулась всего на пятьсот метров — ее оператор был очень опытен. Ударная волна на добрый километр вокруг стерла в порошок развалины возле форта.

В момент взрыва Стэн как раз вылезал из командирского кресла. В следующий миг он обнаружил, что лежит у дальней стены в абсо-

лютной темноте. Загудел аварийный генератор, и лампы снова загорелись. В глазах у Стэна двоилось.

На шатающихся ногах он доковылял до пульта.

— Всем позициям. Доложите обстановку.

Как ни странно, они откликнулись.

В башнях, разумеется, удар оказался еще сильнее. У Тапии текла кровь из носа и ушей. Но ее орудие ничуть не пострадало. Как, впрочем, и «Чейны» башен «А» и «В». Видеоканал с позицией Килгура накрылся, хотя звуковая связь сохранилась.

К тому времени, как Стэн выяснил состояние дел, Фосс уже догадался, что произошло.

— Очень мило,— кивнул Стэн, выслушав его сообщение. Как и все в форте, он теперь говорил очень громко.— И что будет, если они в нас попадут?

— Прогноз не строится,— доложил Фосс.

— Еще лучше. Ты хотя бы сможешь дать нам предупреждение?

— Сказать, когда они выстрелят, я не смогу. Но эти два монитора сменяют друг друга на огневой позиции. Потом им придется идти за новыми ракетами. Потребуется время... В общем, как только один из мониторов выйдет на огневой рубеж, я подам вам сигнал. Между прочим,— добавил Фосс, глядя на экран,— как раз сейчас собирается попытать счастья второй говнюк.

До второго взрыва Стэн еще успел собрать все орудийные расчеты в кают-компании форта. Эта ракета промахнулась почти на километр, и удар, как решил Стэн, был не сильнее, чем зуботычина Алекса.

Очухавшись, расчеты полезли обратно в свои башни. Тут их уже ожидали подходящие цели — Этего начала вторую часть своего плана. Увидев, как опустились под землю орудия, она послала в атаку свежие силы — пехоту и танки.

План леди Этего оказался неудачным. Ракеты мониторов действительно загнали матросов Стэна под землю. Но таанские части не успевали за это время подойти достаточно близко. Матросы возвращались на свои посты, и форт вновь начинал огрызаться смертоносным огнем. К тому же ракеты уничтожили вокруг крепости все, что только могло служить укрытием. А перезаряжались мониторы слишком долго.

Ситуация казалась безвыходной. Жить в форте было нельзя, но сражаться можно. И тут случились две вещи.

Седьмой залп мониторов разорвался в ста семидесяти пяти метрах от форта. Ударной волной сломало запор второго, не работающего, счетверенного пулемета. Его башенка выскочила из земли да так и застыла в поднятом положении. А на пульте Стэна не загорелось предупреждающего огонька.

Это первое; а второе заключалось в том, что таанский рядовой высшего класса Хибнир потерялся на поле боя.

Глава 67

Рядовой Хибнир никогда не попал бы на плакат, призывающий вступать в армию. Он был низеньким, кривоногим и уже начинал полнеть. И это еще не все. Его поведение на войне никто не назвал бы особо героическим.

Хибнир весьма неохотно покинул сады своего отца. У него не было другого выхода. Не такой он был дурак, чтобы спорить с вербовщиком. Таанские законы жесточайшим образом карали уклоняющихся от призыва. При этом термин «уклонение» рассматривался судом весьма вольно.

Еще грустнее Хибниру стало, когда он узнал, что в армии нет эквивалента его прежней специальности садовника. Клерк на регистрации мигом записал Хибнира в будущие пехотинцы.

Держась в задних рядах, Хибнир тихонечко пережил физические и моральные тяготы обучения. Он не ждал ничего хорошего и потому не был разочарован, как некоторые из его сослуживцев, когда в боевом батальоне жить оказалось ничуть не приятнее, чем в тренировочном лагере. Хибнир старался делать минимум того, что от него требовалось. Ровно столько, чтобы сержант отделения не приставал. Ему хотелось только выжить и поскорее вернуться домой.

Рядовой Хибнир отчасти гордился тем, что до сих пор не погиб. Ему помогало умение вовремя прятаться, хорошо развитая трусость, чутье на опасность и хроническое нежелание вызываться добровольцем.

Точнее было бы сказать, что он не вызывался в одних ситуациях и вызывался в других. Еще во время обучения Хибнир сделал совершенно замечательное открытие. Он установил, что добровольцев приглашают только в двух случаях — когда задание особо опасное или когда оно особо грязное. Грязное задание зачастую означало безопасное.

У Хибнира открылся настоящий талант попадать на задания второго рода. Он рыл всевозможные ямы, таскал по болотам рационы, грузил и разгружал гравитолеты — в конце концов, почему бы и нет? Ведь все это крайне редко делалось под вражеским огнем.

Его вечная готовность заняться самой грязной работой даже принесла Хибниру повышение. Теперь ему следовало соблюдать особую осторожность — если так и дальше пойдет, он может стать младшим офицером, которых уже не комиссуют. Это было бы прискорбно. Хибнир даже подумывал, не совершить ли ему какой-нибудь мелкий проступок — достаточный, чтобы его разжаловали обратно в рядовые, но все-таки не такой, чтобы угодить под тяжелые кулаки своего сержанта.

Этим утром его отделение вместе с другими атаковало проклятый имперский форт. Таанская пехота знала, что штурмовать его — вер-

ный способ обеспечить доставку своих кремированных останков домой ближайшим же кораблем. Это если твой труп еще вытащат. В грязи вокруг форта валялось много мертвых тел, засыпаемых и вновь откапываемых разрывами снарядов.

Рядовой Хибнир тащился позади своего наступающего отделения, когда Тапия открыла огонь по двум танкам поддержки поблизости. Хибнир бросился на землю, услышал крик сержанта, приказывавшего идти вперед, поднялся... И тут ракета монитора ударила совсем рядом с холмом.

Хибнир потерял сознание. Он валялся без памяти и потому не видел, как его отделение полегло до последнего человека под убийственным огнем пулеметов Алекса.

Пришел в себя Хибнир не скоро. За его спиной дымили подбитые танки. От отряда нападавших не осталось и следа. Подумав, он решил, что в одиночку продолжать атаку бессмысленно. Надо возвращаться обратно.

Стараясь не упасть, Хибнир побрел сквозь расквашенную взрывами глину. Вскоре неподалеку снова тяжело заухали разрывы, и он инстинктивно бросился ничком.

Очухавшись, Хибнир, к своему неописуемому ужасу, обнаружил, что лежит нос к носу со счетверенным имперским пулеметом. Каким-то образом несчастный рядовой сбился с пути и, вместо того чтобы повернуть назад, продолжал идти к форту.

Хибнир уже попрощался с жизнью... Но в него никто не стрелял. Сам того не зная, он натолкнулся на пустую башенку неисправного пулемета, вырванную из земли седьмым залпом мониторов.

Хибнир облегченно вздохнул. Можно просидеть здесь до ночи, а потом спокойно доползти до своих. И вдруг он вспомнил о громадных орудиях из космоса, обстреливавших форт. Если такой снаряд разорвется где-то неподалеку, от него, Хибнира, останется просто мокрое место.

Тут-то его и осенило.

Хибнир заметил узкую щель между вытянутыми вперед дулами и защитной броней самой башни. Взрыв погнул броневые листы, подарив таанцу возможность проникнуть в форт.

Вне себя от страха, Хибнир пролез в щель и тяжело упал на бетонный пол башни. Здесь, в сравнительной безопасности от страшного монитора, к нему вновь вернулась способность думать.

Итак, он находится внутри форта. И где же имперцы с клыками размером с локоть?

Тут очередная ракета монитора ударила в склон холма, и Хибнир почти на час потерял сознание.

Он понемногу пришел в себя, понял, что жив и что, как ни странно, еще не попал в суповой котел имперской гвардии. Хибнир, как и многие необразованные таанские солдаты, верил, что имперцы торжественно варят и съедают всех захваченных ими пленных.

Но он был жив. И даже не ранен.

А еще ему очень хотелось пить.

Хибнир отхлебнул воды из своей фляжки. Теперь ему захотелось есть.

Хибнир огляделся. Он увидел несколько закрытых шкафчиков. Внутри нашлись костюмы химзащиты, костюмы радиационной защиты и аварийные рационы. Хибнир разорвал один из пакетов, понюхал и улыбнулся — мясо. Таанцу его класса мясо полагалось раз, от силы два раза в год. В следующем пакете тоже оказалось мясо. В третьем бобы. Понюхав их, Хибнир отложил бобы в сторону. Остальные пакеты он засунул в свой ранец.

Что дальше?

Возможно, благодаря съеденному мясу мысли Хибнира прояснились. «Нам сказали,— размышлял он,— что форт полон солдат. Но где же они? Почему на этой позиции никого нет?» Ответа он не знал.

Выбор у Хибнира был небогатый: или оставаться на месте, или бежать обратно.

Если он останется здесь, гигантское орудие рано или поздно его прикончит. Вместе со всеми защитниками этой подземной крепости.

Если он вернется, ему придется отвечать на разные вопросы. Почему из всего отделения уцелел только он один? Может, он прятался? Или вообще не ходил в атаку? Наказание за трусость во время боя было однозначным. Расстрел на месте.

Минуточку... А что, если он вернется с какой-нибудь важной информацией? Тогда, возможно, его и не накажут. Вот только с какой информацией?

Ну конечно! Этой щелью могут воспользоваться и другие солдаты! Так можно захватить форт изнутри!.. Стоп. Не надо торопиться. Если он вернется и скажет, что знает, как проникнуть в форт, его наверняка пошлют показывать дорогу.

Хибнир скривился. Они влезут в форт, будет драка, и его запросто могут убить. Потом он просиял. Все очень просто! Если он вернется с действительно важной информацией, его отправят в штаб, а на штурм пойдут другие.

Но что он может узнать такого, что заинтересовало бы высокое начальство?

Хибнир покосился на люк, ведущий в глубину форта. Похоже, придется лезть туда.

Крутая лестница привела его в пустую комнату с нарами вдоль стен. Хибнир с тоской посмотрел на нары и отвернулся. Жаль, что нельзя на них поспать. Хотя тут и воняло, по сравнению с тем, как он ночевал с момента высадки на Кавите, это был рай на земле.

Большое помещение с нарами... большое пустующее помещение. Сколько же на самом деле здесь имперцев?

Из комнаты орудийного расчета Хибнир вышел в центральный коридор. Несколько секунд спустя земля дрогнула от взрыва очередной ракеты. На сей раз оператор на мониторе здорово промахнулся.

Услышав топот ног, Хибнир осторожно выглянул из-за угла. Группа имперцев быстро поднималась по лестнице в одну из главных орудийных башен. Всего десять человек? Неужели какая-то горстка имперских солдат столько времени сдерживает напор всей таанской военной машины? Впечатление складывалось именно такое.

Большего Хибниру и не требовалось. Вот она — очень важная информация! Теперь его уже не пошлют на передовую. Хибнир надеялся, что добытые им сведения окажутся достаточно интересными и что докладывать он будет не своему командиру взвода, а хотя бы в штабе полка. Лучшего способа увильнуть от участия в штурме Хибнир не видел.

Рядовой высшего класса Хибнир успешно выбрался из форта, с неимоверным трудом вернулся к своим позициям и доложил об увиденном.

Вскоре, перепуганный больше, чем в форте, он уже стоял перед самой леди Этего. Ему не пришлось принимать участие в последнем штурме крепости «Ш'аарл't». Вместо этого его назначили начальником пожарной команды, дали медаль и отправили в тыл.

Хибнир был в безопасности. Этого ему хватило. Его ничуть не заботило, что в фильмах, на всю Вселенную раструбивших о падении имперского форта, его имя даже и не упоминалось.

Вся слава досталась капитану десантников Сэнтолу, куда больше похожему на героя, чем Хибнир. И если тут уместно говорить о славе, то он ее вполне заслужил.

Глава 68

Стэн как раз думал, что враг предпримет дальше, когда обстрел из мониторов внезапно прекратился. Может, кончились ракеты? Или, мелькнула у него совершенно безумная мысль, оба монитора разом взорвались?

«Ладно, что будет — то будет»,— решил он и приказал своим людям обедать. Или завтракать? Или ужинать? Короче, треть личного состава расчетов могла спуститься из своих башенок и спокойно поесть. После того как все поедят, если ничего не произойдет, Стэн думал перевести форт на пятидесятипроцентную готовность и позволить хоть части матросов немного поспать.

Но все вышло не так, как он предполагал.

Бывший боцман «Гэмбла» Контриас вышла из кают-компании и удовлетворенно вздохнула. На полный желудок можно помечтать и о других приятных вещах. Сон... душ... чистая форма...

«Черт возьми,— подумала она.— Почему бы не помечтать обо всем сразу?» Например, об увольнении в запас и о том, как приятно можно потратить накопившуюся зарплату в одном из туристических миров, где самой сложной машиной является велосипед, и о том, как она влюбится в красивого офицера... «Офицера? — отозвался внутренний голос.— Ты слишком долго служишь в армии, подруга. К чертям собачьим военных! Лучше полюбить богатого гражданского».

Мечтательная улыбка заиграла на губах женщины, и тут таанская пуля разорвала ее грудь.

Штурмовому отряду таанцев удалось незаметно подобраться к форту. Анализ сообщения Хибнира показал, что с вероятностью восемьдесят пять процентов сектор за поврежденной башней является слепой зоной имперской обороны.

Капитан Сэнтол провел своих людей точно по курсу — узкой колонной в два человека шириной. Добравшись до щели в башенке, он пустил вперед двух опытных сержантов, а за ними гренадеров с установленным на треноге тяжелым пулеметом.

Контриас погибла не первой. Два застигнутых врасплох матроса были задушены еще раньше. Но застрелили первой именно ее.

Гром выстрела эхом отозвался в подземных коридорах форта. Уронив тарелку с бобами и мясом, Стэн вскочил на ноги. Случайный выстрел? Черта с два! Один из экранов внутреннего обзора показывал группу таанских солдат.

Нажав кнопку общей тревоги, Стэн потянулся за микрофоном.

— Всем бойцам! — Голос его оставался спокойным.— В форт проникли таанские солдаты. Приказываю удерживать входы в свои помещения... Алекс?

— Сэр?

— Ты не знаешь, как это дерьмо могло сюда попасть?

Долгая пауза.

— На экранах все чисто, сэр. Разве что через неисправную башню.

Значит, имелось две возможности: или башенка сломанного счетверенного пулемета, или башня «Б». Но если верить компьютеру, и там и там все было спокойно.

— Башня «В»,— приказал Стэн.— Индивидуальное командование. Цель... таанская пехота, приближающаяся к форту. Стрелять по готовности.

Он переключился на другой канал.

— Башни «А» и «Г». Пошлите по пять человек прикрыть ваши комнаты отдыха. Килгур, если у тебя есть свободные люди, пусть идут к командному центру.

— Вас понял.

Алексу вообще-то следовало находиться в башне. Но стрелять из пулемета можно было и в одиночку. Поэтому, оставив на посту одного матроса, Алекс с шестью другими отправился за скальпами.

Шестнадцать матросов, обслуживавших орудия башни «А», вышли навстречу таанцам. Они столкнулись в коридоре, и сперва преимущество было на стороне имперцев. Схватка была быстрой и кровавой.

Начиненные АМ-2 пули виллиганов в основном летели мимо цели, но, взрываясь при попадании в стены, осыпали врага смертоносной шрапнелью раздробленного бетона. Капитан Сэнтол потерял два полных отделения, прежде чем его гренадерам удалось подтащить тяжелый пулемет. И тогда шестнадцать моряков полегли, все как один, под дождем пуль, со свистом рикошетирующих от стен, пола и потолка.

Сэнтол жестом послал третье отделение в атаку вверх по лестнице, в саму орудийную башню. Оставшиеся матросы расчета «А» там все и погибли.

Второй отряд таанцев напал на моряков башни «Г». Те мужественно защищались, однако устоять против отборных десантников не смогли.

Стэн ругался и чуть не плакал, глядя на экраны.

Теперь таанцы находились между командным центром и все еще сражающейся башней «В».

Стэн, Фосс и три оператора в роли ударного отряда? Это было безумие, но другого выхода Стэн не видел.

А таанцы тем временем пробирались длинными коридорами подземной крепости. Они вели себя осторожно и весьма профессионально. Через поврежденную башенку к ним шли все новые и новые подкрепления.

И тут имперцы начали контратаку.

Ее провел не жалкий отрад Килгура из семи человек, который все еще двигался по вентиляционным колодцам к центру форта.

И не группа Стэна.

Нет, контратаку начали пятеро людей во главе со спиндарцем, мистером Вилли Саттоном. Перед собой они толкали гравитележку, полную больших газовых баллонов — аварийных кислородных баков.

Они атаковали врага по боковому проходу, соединяющемуся с главным коридором. В дальнем его конце находился сам капитан Сэнтол.

С безумным воем Саттон вытолкал тележку в коридор.

— Огонь! — закричал Сэнтол, и вдоль по коридору засвистели пули.— Огонь!

Пять имперских солдат погибли практически мгновенно. Гравитележка, пролетев по инерции метров десять, остановилась.

Сэнтол бросился к проходу. Сейчас оттуда повалят еще имперцы! Надо их остановить...

Он обогнул тележку и лицом к лицу столкнулся с мистером Саттоном. Сорванная местами чешуя, кровь, текущая из многочисленных ран и изо рта... Спиндарец поднялся во весь свой громадный рост и навис над таанским офицером...

Сэнтол схватился за пистолет, но было поздно. Длинные когти спиндарца в клочья разорвали лицо врага. С отчаянным криком Сэнтол рухнул на пол.

А Саттон непонятно откуда вытащил маленький виллиган. Подняв его, он выстрелил — но не в таанских солдат, палящих в него со всех сторон, а в лежащие на тележке баллоны. Зашипел выходящий из пробитой емкости кислород. В следующий миг, воспламененный случайной искрой, он взорвался.

Огненный шар прокатился по коридору. Половина отряда Сэнтола погибла вместе со своим командиром. Те, кто уцелел, в беспорядке отступили.

Однако на перекрестке туннелей их уже поджидал Килгур. Не ожидавшие засады таанцы снова понесли тяжелые потери. И начали отступать еще быстрее.

Другого такого момента могло и не быть. Стэн схватил ближайший стенной коммуникатор.

— Всем постам. Всем постам. Говорит Стэн. Эвакуируйтесь к выходу. Повторяю. Эвакуируйтесь к выходу.

Он сам и те четверо, что были с ним, соединились с группой Килгура и, прихватив матроса, оставшегося в пулеметной башне, прикрывали отход.

Как оказалось, они могли и не беспокоиться.

Командир второго штурмового отряда решил не торопиться. Сперва надо перегруппировать силы и только потом — атаковать.

К тому времени, как таанцы снова пошли в атаку, все уцелевшие имперцы уже покинули форт.

Они пробрались по затопленному подземному туннелю к теперь уже разрушенной будке. Замаскированный выходной люк еще работал. Выбравшись наружу, Стэн по головам посчитал своих людей. Осталось тридцать два человека.

Построившись, они через сожженные пустоши двинулись к имперской линии обороны. Отойдя от форта на полкилометра, Стэн вытащил из-за пояса передатчик. Щелкнув двумя предохранителями, он нажал красную кнопку.

Три минуты спустя сработали взрывные устройства — и крепость «Ш'аарл'т» — или «Саттон», или «Тэйге» — превратилась в дымящийся кратер.

Пусть таанцы сами ищут для нее подходящее название.

Глава 69

За два часа до рассвета экранированный гравитолет Сулламоры получил разрешение на посадку в руинах императорского замка.

Здесь, на поверхности, находились всего два рукотворных сооружения: купол и флагшток. Передвижной экранированный купол, весьма типичный для горнодобывающих баз на радиоактивных планетах, на Прайм-Уорлде выглядел странно и нелепо. Что касается флагштока, то на нем развевалось сразу два флага: сверкающий штандарт империи и под ним знамя императорского рода, золотое полотнище с буквами «АМ-2» на фоне структуры отрицательного атомного элемента.

Все имперские передачи в начале и в конце показывали руины дворца и этот флагшток. Намек был достаточно прозрачным, что, впрочем, нисколько не умаляло его значения. Империя пострадала, тяжело пострадала, но она жива и продолжает борьбу.

Одетые в защитные костюмы охранники провели Сулламору, тоже облачившегося в радиационный скафандр, через дезактивирующий душ, в кабину скоростного лифта.

Спустившись вниз, торговец разделся, еще раз прошел дезактивацию и вскоре очутился в подземном командном центре. Два гуркских стража провели его по роскошно отделанным коридорам, полным куда-то торопящихся офицеров и суетливых клерков. За открывающимися порталами Сулламора заметил огромные компьютерные экраны, голографические звездные карты, подмигивающие табло и много всякого другого, не менее любопытного.

Он не знал, что его вели по специально разработанному маршруту — император называл это «Зоопарком». В кабинетах шла обычная работа, люди занимались своими делами — просто посетителя вели так, чтобы он как следует «прочувствовал» сложность и важность управления огромной империей. При этом все, что он видел, относилось исключительно к несекретным сферам — образование, набор рекрутов, статус тренировок, кое-какие финансовые вопросы, ну и так далее.

Апартаменты вечного императора тоже были декорированы так, чтобы создавать у посетителей вполне определенное впечатление. Множество приемных позволяло принимать одновременно любое количество делегаций — причем так, что они не сталкивались друг с другом. Серые, строгие стены и почти спартанская мебель. Настенные экраны, показывающие таинственные карты и планы, время от времени сменявшиеся другими, не менее загадочными графиками и схемами. Любопытная обстановка.

Личные покои императора состояли из большой спальни, кухни, напоминающей камбуз боевого корабля, конференц-зала, личной библиотеки и громадного компьютерного центра. Все эти комнаты

были обставлены весьма безыскусно. И не в угоду царившему в командном центре стилю, а просто потому, что императора вообще не привлекали ни помпезность, ни пышность церемоний.

Настенные экраны здесь обычно рисовали виды из окон домов, где властитель любил бывать в редкие дни отдыха. Но сейчас на них чередовались всего три изображения: руины дворца, вид из космоса на главный мир таанцев Хиз и статическая голография двадцати семи членов Таанского Верховного совета. Эти три изображения, как объяснял император, помогают ему сосредоточиться на главном.

Сулламора провел в приемной всего несколько минут. Потом его пригласили пройти в библиотеку.

Император очень устал и не скрывал этого. Приветливо кивнув Сулламоре, он указал на столик с напитками и закусками. Торговец вежливо отказался.

— Танз,— с места в карьер начал император.— Я только что реквизировал десять твоих самых быстроходных лайнеров.

Сулламора округлил глаза, но сумел-таки сдержать напрашивающийся протест. В конце концов, император только что назвал его по имени.

— Сир, вы можете располагать всем, чем я владею. Скажите только слово.

Император кивнул. Потом без всякой видимой связи с предыдущим спросил:

— И как давно ты начал вооружать свои торговые суда?

— Прошу прощения, ваше величество. Практически все мои корабли вооружены.

— Да ладно тебе, Сулламора. Это была долгая ночь, и до рассвета мне бы хотелось еще немного поспать. У тебя есть транспорты, вооруженные получше моих фрегатов.

— Это так,— склонил голову Сулламора.— Я взял на себя смелость установить на некоторых судах дополнительное вооружение. А конкретно — на тех, что летали вблизи контролируемых таанцами галактик.

— И правильно сделал,— снова кивнул император. Сулламора облегченно вздохнул.— Потому-то я и забрал у тебя эти десять лайнеров. Но об этом потом. Другая причина, зачем я тебя вызвал, в том, что я реквизирую тебя самого.

Ответ Сулламоры вряд ли можно назвать очень умным.

— Да? — только и смог выдавить он.

— Вот уже двадцать минут, как ты стал министром судостроения империи. Ты теперь — член моего Малого кабинета.

Сулламора удивленно заморгал. До сего момента он даже и не подозревал о существовании Малого кабинета.

— Я хочу,— продолжал император,— чтобы ты построил мне корабли. Мне плевать, кто их будет строить, где и как. Твои приказы

будут иметь гриф «А-плюс». Ты получишь приоритет на сырье, материалы и персонал. Мне нужны боевые корабли. Нужны не завтра, нужны вчера. У меня просто нет времени на все это дурацкое лоббирование, аукционирование, интриги и дележ заказов. Налей себе чего-нибудь. А я выпью чаю.

Сулламора взял бокал.

— Нам здорово досталось,— сказал император.— Таанцы громят мои флоты быстрее, чем я успеваю их строить. Ты должен все изменить.

— Спасибо за доверие, ваше величество. Скажите, какой у меня будет штат?

— Возьми, если хочешь, всех пройдох и мошенников из своих компаний. Мне все равно.

— А мой бюджет?

— Когда у тебя кончатся кредиты, скажешь мне, и я найду для тебя еще.

— А как насчет перерасхода средств?

— Его не будет. Но если я замечу, что ты воруешь слишком много или покупаешь мне дерьмо, я тебя убью. Лично.

Император не улыбался. Похоже, он не шутил.

— Сир.— Сулламора решил сменить тему.— Можно мне у вас кое-что спросить?

— Валяй.

— Вы обещали объяснить, зачем вам понадобились десять моих лайнеров.

— Сейчас объясню. Но это секретно, Танз. Никто не должен ничего знать.— Император помедлил.— В начале войны я допустил целую кучу ошибок. Одна из них в том, что я считал мои войска в Пограничных мирах лучше, чем они есть на самом деле.

— Но, сир... Вы же послали туда Первую гвардейскую!

— Послал. И они действительно лучшие.

— Они побеждают?

— Черта с два. Им сейчас надирают задницу. Первая гвардейская, вернее, то, что от нее осталось, зубами держится за крошечный кусочек одной планеты. Где-то через неделю их перебьют всех до единого.

Сулламора судорожно сглотнул. В новостях говорили совсем иначе.

— Я отправил гвардию в надежде удержать систему Калтор. Я думал, что рано или поздно ситуация изменится и нам понадобится плацдарм для вторжения в таанские сектора. Я дал маху. Я рассчитывал на большую поддержку от моих союзников. А еще я не знал, что таанцы штамповали боевые корабли, словно дешевые пластиковые игрушки. Теперь я должен спасать что возможно.

В столице системы Калтор, в городе Кавите планеты Кавите, осталось много гражданских лиц. В основном эвакуировавшихся туда

имперских поселенцев. Я хочу, чтобы твои лайнеры вытащили их оттуда. Их и еще кое-каких нужных мне людей.

Видя выражение лица Сулламоры, император мрачно усмехнулся.

— Изнутри все выглядит по-другому, так, Танз? В следующие несколько дней тебе придется столкнуться с большими разрушениями и катастрофами, чем ты можешь себе вообразить.

Сулламора понемногу приходил в себя. И он задал самый главный вопрос:

— Сир, мы выиграем эту войну?

Император вздохнул. От этого вопроса он уже начал уставать.

— Да. В конце концов выиграем.

«В конце концов»,— подумал Сулламора. Император, видимо, не слишком-то уверен в успехе.

— И когда мы победим...

— Когда мы победим, я позабочусь, чтобы в системах таанцев установилась новая власть. Я не хочу, чтобы они меня больше беспокоили.

Сулламора улыбнулся.

— Хороший таанец — мертвый таанец, так я понимаю.

— Я имел в виду нечто иное. Я хочу поменять их государственную систему. С простыми людьми я не ссорился. Я собираюсь выиграть эту войну, не разрушая никаких планет, без тотальных бомбардировок и всего такого прочего. Не люди начинают войны. Это дело рук правительств.

Сулламора молча глядел на императора. Он считал себя историком. Он собирал героическую живопись. Он восхищался героическими подвигами предков. Он даже смутно помнил высказывание одного прославленного земного адмирала: «Умеренность в войне — это полная чепуха».

С этим Сулламора был согласен целиком и полностью. Разумеется, он не знал, что этот адмирал никогда не командовал флотом ни в одном крупном сражении и что к тому времени, когда разразилась война, и он сам и его суперкорабли давным-давно устарели и вышли в отставку.

— Мне кажется, я вас понимаю, ваше величество,— холодно сказал Сулламора.

Император не мог понять внезапной перемены настроения своего союзника.

— Когда война кончится,— продолжал он,— ты получишь все подобающие награды. Я полагаю, что речь может идти о губернаторстве, скажем, всех областей, в настоящее время принадлежащих таанцам.

Сулламора вдруг почувствовал, что они с императором говорят на разных языках. Он поднялся, оставив свой едва тронутый бокал на столе.

— Большое спасибо, ваше величество,— низко поклонился он.— Я буду готов приступить к своим обязанностям через неделю.

Повернувшись, он покинул библиотеку.

Император молча глядел ему вслед. Затем он встал, подошел к столику, взял недопитый Сулламорой бокал, задумчиво сделал несколько глотков.

«Возможно,— думал он,— мы с мистером Сулламорой настроены на разные частоты».

И что дальше?

Император поставил бокал, вернулся к своему столу и включил коммуникатор. Пора выслушать последние рапорты об очередных катастрофах. Он здорово волновался за свою империю. Если он не даст ей погибнуть — а в последнее время, несмотря на показную уверенность, властитель и сам начинал сомневаться в успехе,— вот тогда он и будет нервничать из-за отдельных людей.

Переведя коммуникатор в режим паузы, император включил весьма специализированное устройство. Был один человек, с которым ему очень хотелось поговорить. Пусть даже их беседа будет односторонней.

Глава 70

Генерал Махони задумчиво глядел на свое отражение в расколотом зеркале.

Несмотря на утверждения любимых комиков-рифмоплетов императора, давным-давно почивших в бозе... как там, бишь, их звали... Махони смутно припоминал их имена: Силберг и Гуливан, кажется... существовало все-таки два типа современных генералов.

Первый тип — генерал в безукоризненной парадной форме, позирующий в три четверти перед построенными на плацу войсками, с ног до головы усыпанный орденами и медалями.

Вторым типом являлся тот же самый генерал, но уже в полевой форме, с дымящимся виллиганом в руках (дымятся виллиганы только в иллюзофильмах), весь обвешанный гранатами, личным примером поднимающий своих людей в атаку или там на штурм чего-нибудь, прямо на превосходящие числом орды всевозможных злых сил.

Генерал Махони не принадлежал ни к одному из этих типов. Он действительно носил полевую форму, и на плече у него действительно висел виллиган. Но зад его комбинезона был потерт от долгого сидения, его виллиган благодаря службе безопасности еще не видел боя — пока, а сам он с головы до пят был украшен коричневой грязью и розовыми и лиловыми потеками.

Таанцы наконец-то сумели триангулировать положение командного центра Махони и нанесли по нему воздушный удар.

Вражеские такшипы подавили огнем немногие остававшиеся зенитные установки, и штаб остался без прикрытия. За несколько секунд до того, как одна из таанских ракет ударила в командный транспортер, телохранители вышвырнули генерала Махони из кабины на улицу. Взрыв — и он полетел носом прямо в грязь.

Когда еще через полминуты, продолжая налет, подошла вторая волна такшипов, Махони уже искал убежище. Любое убежище. Генерал нашел его, головой вперед нырнув в частично разрушенный женский салон красоты. А точнее, в развалины отдела косметики. Вот оно, объяснение розовому и лиловому.

У салона красоты был большой подвал, который показался Махони весьма подходящим для нового командного центра. Связисты подтащили резервные линии связи, и Махони вернулся к управлению своими войсками, одновременно уныло разглядывая свое отражение в валяющемся на полу расколотом зеркале.

В комнату вошел один из техников.

— Сообщение, сэр. Из Имп-Цена. А еще вам просили передать вот это.

Имп-Цен — имперский центральный штаб, Прайм-Уорлд. А чемоданчик, доставленный Махони, содержал самое ненавистное генералу средство передачи секретной информации.

Махони просмотрел сообщения. Первое — обычный фиш. Единственная странность — в доставленном вместе с ним чемоданчике. Внутри, за срабатывающим по отпечатку пальца замком, находились одноразовые кодовые таблицы. Отправитель зашифровывал сообщение, пользуясь одной таблицей, а получатель расшифровывал его с помощью второй. После использования обе таблицы уничтожались. Старая, испытанная и до сих пор не раскалываемая система.

Махони ненавидел кодировать почти так же, как торжественные парады.

Второе сообщение прибыло на несколько ином носителе. В подчиненном Махони отделении связи была всего дюжина таких устройств — принимающий фиш, запечатанный в маленькой пластиковой коробочке.

То, что попадало на этот фиш, мог увидеть один только генерал Махони. Маленькая впадинка на стенке коробочки идентифицировала отпечаток пальца генерала и сразу же запускала воспроизведение. Как только палец отпускался или через тридцать секунд после окончания сообщения, фиш самоуничтожался.

Махони знал, что полученные им сообщения крайне важны. И почти наверняка содержат плохие новости. Первое, зашифрованное на одноразовых пластинах, скорее всего, содержало императорские приказы. Отложив чемоданчик в сторону, генерал коснулся пальцем впадинки на коробочке.

Внезапно в комнате, на куче обгорелых платьев, возник вечный император — разумеется, его голографическое изображение.

— Ян,— начал он.— Мы живем в мире страданий. Я уверен, что ты запустил этот ролик раньше, чем прочитал приказы, и потому я вкратце скажу, что тебя ждет.

Я не могу тебе помочь.

У меня нет кораблей. У меня нет и войск, которые я мог бы послать тебе на выручку.

Полагаю, ты уже и сам догадываешься об этом. Во всяком случае, рассматриваешь такую возможность. Чего там возможность!.. Ты знаешь это наверняка! Иначе хорошие парни уже давно парили бы в вашем небе.

Сперва вкратце о твоих приказах. Я хочу, чтобы гвардия держалась на Кавите до последнего патрона. Только исчерпав все пути сопротивления, она может сдаться врагу. Те гвардейцы, кому удастся ускользнуть и продолжить борьбу, получают на то мое благословение. Однако в случае их поимки мне вряд ли удастся заставить таанцев обращаться с ними как с военнопленными, а не с партизанами. Я, конечно, постараюсь, но... Впрочем, ты этого, наверное, ожидал.

Теперь главное. Я послал к вам десять быстроходных лайнеров. Отправьте на них гражданское население. Все, какое еще осталось в Кавите. И я хочу, чтобы ты тоже вернулся.

Тебе, Ян, это будет нелегко. Я приношу в жертву твои части. Но я не собираюсь губить то, чем на самом деле является гвардия.

До прибытия лайнеров у тебя есть шесть дней, считая с момента получения тобой этого письма. Я хочу, чтобы ты собрал мне отряд. Твои лучшие офицеры, специалисты, самый опытный обслуживающий персонал — все они должны эвакуироваться на лайнерах. Дивизия гвардии погибнет на Кавите. Но мы возродим ее на Прайм-Уорлде, и она снова отправится в бой.

Я сказал «мы», и я действительно имею в виду «мы». Ты станешь командиром новой гвардии. А это значит, ты тоже должен быть на борту одного из лайнеров.

Это приказ, генерал Махони. Я не жду, что он вам понравится. Я не жду, что вы скажете мне спасибо. Но вы должны его исполнить. Приказы для того и отдаются, чтобы их исполняли.

Голограмма замерцала и исчезла. А генерал Махони тупо глядел туда, где еще минуту назад стоял император.

Затем он открыл чемоданчик, достал одноразовую кодовую таблицу.

«Мне очень жаль, ваше величество,— думал он.— Я исполню ваши приказы — все, кроме последнего. Если вы обрекаете моих гвардейцев на смерть, то, черт возьми, как я могу их оставить!».

Глава 71

Стэн и остатки его отряда без приключений добрались до сомнительной безопасности имперских позиций.

Будущее выглядело достаточно мрачным. Стэн знал, что его измученный отряд довооружат, снабдят едой и боеприпасами и снова запустят в мясорубку. Оставалось только гадать, кто погибнет последним. Перспектива — быть убитым, или раненым, или захваченным в плен.

Стэн, как и империя, не привык к поражениям. Но других вариантов не оставалось.

Он даже не очень удивился, когда дежурный офицер передал ему неожиданный приказ: подразделению предписывалось сдать все оружие, кроме личного, и ждать специального задания.

Самому Стэну следовало прибыть к генералу Махони в ЦТО — Центр тактических операций. Прежде чем отправиться к начальству, Стэн ухитрился, выпросив несколько литров воды, побриться и частично умыться. А еще он нашел сравнительно чистый и почти подошедший по размеру полевой комбинезон.

ЦТО все еще находился в подвале салона красоты. Закончив разговор с группой офицеров, которые выглядели не менее потрепанными, чем их генерал, Махони провел Стэна в маленький кабинет, где когда-то располагалась курьерская. Там их уже ждал адмирал Ван Дурман.

Махони кратко ввел Стэна в курс дела. К Кавите приближались десять лайнеров. Им предстояло взять на борт гражданское население и «отборные кадры» гвардии. Лайнеры сопровождались четырьмя эсминцами — все, что император мог выделить для этой операции. Таанцы пока не засекли конвой. Прибытие кораблей ожидалось через четыре дня. И теперь внезапно 23-му флоту вновь понадобились его специалисты. Лишь четыре корабля еще могли выйти в космос: два эсминца, включая «Хушу», один устаревший патрульный бот и «Свампскотт». Их следовало как можно скорее привести в боевую готовность. Уцелевшие люди Стэна, собаку съевшие на нестандартном ремонте, направлялись на «Свампскотт».

«Интересно получается,— подумал Стэн.— Вот так сразу — и на крейсер». А еще его интересовало, скажут ему, в чем тут дело, или нет.

Махони как раз собрался начать объяснения, но тут, впервые за все время, подал голос Ван Дурман:

— Генерал, этот офицер все еще подчинен мне, и я бы предпочел...

Махони поглядел на осунувшегося адмирала, кивнул и вышел из комнаты.

Прислонившись спиной к краю стола, Ван Дурман глядел в пустоту. Голос его звучал сухо и монотонно:

— Нам всем, капитан, рано или поздно приходится столкнуться с проблемой возраста. Чем старше мы становимся, тем меньше нам нравятся любые перемены.

Стэн считал, что его уже ничем не удивить, но, как выяснилось, он ошибался.

— Я очень гордился моим флотом. Я знал, что у нас нет самого современного оборудования и что из-за нашей удаленности от центра империи нам достаются порой не самые лучшие матросы. Но я не сомневался, что мы сила.

— Да,— кивнул Ван Дурман.— Похоже, я много чего разного думал. Короче, когда вдруг заявляется молодой нахал и говорит, что у меня есть только марионетки для парадов, что моя система командования безнадежно устарела, негибка, бюрократична и глупа, я, естественно, отнесся к нему не слишком доброжелательно.

— Сэр, я никогда...

— Хватало одного вашего присутствия, капитан,— остановил его Ван Дурман, и в голосе его прозвучала едва заметная нотка злости.— Я взял себе за правило никогда не просить прощения. И не собираюсь это правило менять. Я хочу перевести вас и ваших людей на «Свампскотт» по одной весьма простой причине. Я уверен, что, когда мы попробуем увести отсюда лайнеры, тааанцы атакуют нас всеми своими силами. Полагаю, мы понесем тяжелые потери. Весьма вероятно, погибну и я.

«Очень даже возможно»,— подумал Стэн.

— Я назначаю вас начальником оружейной части «Свампскотта». Согласно установленной подчиненности, вы были бы четвертым офицером по старшинству — после моего первого помощника, главного навигатора и старшего механика. Но сейчас не время для слепого следования традициям,— продолжал Ван Дурман, и голос его снова звучал холодно и безжизненно.— Я довел до сведения всех офицеров, что в случае, если я выйду из строя, командование «Свампскоттом» переходит к вам. Вот так, капитан. Было любопытно, удастся ли мне вас удивить. Причина моего решения в том, что я больше не доверяю тем офицерам, которых я повысил до их теперешних должностей. Мне кажется, я отбирал их больше по умению держать себя в обществе, по светским манерам и таланту в подхалимаже, чем по умению командовать во время боя. И я сильно сомневаюсь в их способности грамотно действовать в критической ситуации. Вы меня понимаете?

— Так точно, сэр.

— Я также сообщил капитану Халдору, что, хотя формально он и имеет перед вами преимущество по сроку получения звания, в случае моей гибели командовать флотом будете именно вы... Флотом,—

с некоторым удивлением повторил Ван Дурман.— Два эсминца, один музейный экспонат и старая калоша... Таковы ваши приказы, капитан. Полагаю, что, если я переживу отступление, меня ждет военный трибунал. Это, наверное, справедливо. Но я не хотел бы закончить мою карьеру полным поражением. Постарайтесь, чтобы «Свампскотт» сражался как настоящий боевой корабль, а не как никчемная игрушка глупого старика.

Голос Ван Дурмана дрогнул, и он поспешно повернулся к Стэну спиной.

Беседа явно подошла к концу.

— Да, капитан, еще одно. Личное. Моя дочь передает вам привет.

— Спасибо, сэр. Как у нее дела?

— Бриджит здорова. Она все еще работает со своей новой... подругой.— Дальнейшее Стэн едва расслышал.— Есть вещи, которых я, наверное, не пойму никогда.

Стэн ничего не мог сказать адмиралу. Отдав честь сгорбленной спине Ван Дурмана, он вышел из комнаты.

Глава 72

Четыре корабля, составлявшие теперь весь 23-й флот, вместе с войсками и гражданским населением зарылись под землю. Два эсминца устроились в расширенных туннелях метро. Патрульный бот спрятался в разрушенном ангаре. Но скрыть от таанских сенсоров громадный «Свампскотт» было не так-то просто.

Стэн не знал, жив ли еще тот инженер, которому пришла в голову мысль об оригинальной маскировке имперского флагмана. Стэн с удовольствием поставил бы ему пива — если, конечно, в Кавите еще оставался этот волшебный напиток.

Два громадных кратера, оставшиеся на летном поле после таанской бомбардировки в День империи, были соединены между собой, расширены и углублены. В них уложили бетонные настилы. Под покровом ночи, с использованием всех доступных электронных средств, под прикрытием патрулей гвардии, «Свампскотт» встал на свою новую стоянку. Затем над ним установили легкое перекрытие, сверху залитое пластибетоном, из которого техники вылепили точное подобие кратеров. Ни таанские спутники, ни разведывательные корабли не заметили подмены.

Стэн полагал, что на «Свампскотте» его полномочия будут неограниченными. И оказался прав.

Его непосредственные начальники, бывшие протеже Ван Дурмана, решив, что Стэн — новый адмиральский любимчик, из кожи вон лезли, выполняя все его пожелания. Каждое предложение капитана исполнялось словно генеральский приказ.

Своих людей Стэн распределил между всеми отделами «Свампскотта». Если ситуация станет совсем паршивой, у него будет хотя бы по одному надежному воину в каждом подразделении.

Он убрал корабельный информационный центр, который одновременно являлся и резервным командным постом, из кормовой «пагоды». Не без удовольствия он занял под него офицерскую столовую, спрятанную глубоко внутри «Свампскотта».

Громче всех возражали, разумеется, не сами офицеры, а их многочисленные прихлебатели. Со мстительной радостью Стэн переводил официантов, барменов и денщиков с их уютных должностей в орудийные расчеты, где, как всегда, не хватало людей.

Это было очень весело — вплоть до того момента, когда Стэн вспомнил, что рано или поздно этот летающий гроб с экипажем пойдет в бой. По его оценке, против таанского крейсера «Свампскотт» продержится порядка четырех секунд. И половину этого времени, если он столкнется с «Кисо» или «Форезом».

По требованию Махони Стэн временно отпустил Килгура на «гражданскую» службу.

Алексу приказали переодеться в цивильное и дали официальный пост заместителя мэра города Кавите. Тот, кто занимал это место до него, или исчез, или погиб. Как, впрочем, и сам мэр.

Когда — и если — прилетят лайнеры, у них будет очень мало времени на погрузку беженцев. Подумав, Махони и Ван Дурман согласились, что в подобной ситуации нет места личным амбициям. И потому выбрали для работы с населением лучшего человека, какого только смогли найти. Невзирая на ранги и звания. Им стал Алекс Килгур.

Под его начало отдали довольно много офицеров и обслуживающего персонала Первой гвардейской. Килгур даже удивился такой массированной поддержке. Он ведь не знал, как не знали этого и все остальные, что Махони постепенно выводил из боя лучшие кадры — готовил их к отправке на Прайм-Уорлд.

Но если предстоящая эвакуация части войск не была тайной для начальника штаба Махони и его заместителей, то о намерении генерала нарушить личный приказ императора знал только один человек — сам Махони. Он твердо решил остаться на Кавите и разделить судьбу своих людей.

Что же касается Килгура, бедняга сбился с ног, организуя отправку. Гражданских следовало вытащить из их убежищ, разбить на группы, определить место и очередь посадки на лайнер.

Сейчас Килгур находился на одном из сборных пунктов.

Два насмерть перепуганных ребенка цеплялись за его ноги, еще одного малыша он держал в руках. Одновременно Алекс пытался слушать и разбираться сразу в нескольких монологах.

— ...Моя Дейдре не пришла, и я очень...

— ...Мистер Килгур, нам надо обсудить, какие городские архивы следует вывозить в первую очередь, а какие...

— ...Хочу к маме!

— ...Ваше поведение просто необъяснимо, и я хочу знать, кто ваш начальник, и немедленно...

— ...Вы здесь главный, вот и скажите мне, чем мы с парнями можем помочь...

— ...Как представителю власти, я заявляю вам категорический протест против подобного обращения со стороны ваших солдат...

— ...Когда мы будем в безопасности, моих адвокатов наверняка очень заинтересует тот факт, что...

— ГДЕ МОЯ МАМА?!

Килгуру очень хотелось оказаться сейчас в каком-нибудь тихом и спокойном месте. Ну, скажем, в передовой траншее во время очередной таанской атаки.

В штаб поступило кодированное сообщение — до Кавите лайнерам оставалось двенадцать часов полета.

В машинном зале «Свампскотта» Стэн тщетно пытался понять, почему второй двигатель крейсера упорно не желает выходить на полную мощность.

Забравшись под одну из дюз, он слушал монотонную ругань второго инженера (не из любимчиков Ван Дурмана и вполне компетентного в своих вопросах). Одновременно Стэн пытался замерить, похоже, никогда не измерявшиеся напряжения питания и тут вспомнил, что еще пять минут тому назад ему следовало быть на совещании в командном центре.

Пулей вылетев из машзала, Стэн бросился к выходному люку. Времени переодеться не оставалось.

Снаружи, на летном поле, он нашел выделенный ему гравитолет. Водитель решил немного перекусить, и на его поиски Стэну потребовалось еще минут десять.

К тому времени, когда гравитолет подлетел к траншее, ведущей в штаб Махони, он уже очень сильно опаздывал. Опаздывал, зато был жив.

Это был слепой запуск.

Таанцы, разумеется, понимали, что империи в Кавите зарылись под землю. Но точного местонахождения жизненно важных центров и позиций они не знали. Имея практически неограниченный запас ракет и снарядов, они могли позволить себе стрелять наобум. Удерживаемый имперцами пятачок был так мал, что куда ни попади, все причинишь какой-то вред.

Тем временем к разрушенному салону слетались старшие офицеры имперских сил. Махони прекрасно понимал опасность. Собирать

весь командный состав под одной крышей было весьма рискованно, однако обойтись без этого совещания Махони никак не мог.

Прижимаясь к земле, таанская ракета пересекла линию фронта и незамеченной проскользнула мимо зенитных батарей. В двух километрах от городской черты она, следуя заложенной программе, набрала высоту и начала поиски подходящей цели.

Особого выбора у нее не было. Скорее всего, ракета вернулась бы к исходным установкам и нанесла удар в случайно выбранную точку в центре города. Но тут ее приемники засекли обрывок радиосообщения.

Передавал один из командиров генерала Махони. Перед тем как войти в штаб, он с поясного передатчика послал «Вас понял» в свою бригаду.

Ракете большего и не требовалось.

Махони успел сказать:

— Через шесть часов большинство из вас уже будет в космосе. Вот что должно произойти...

И тут, пробив верхние этажи салона и все защитные настилы, ракета взорвалась в сантиметрах над самим подвалом.

К моменту прилета Стэна салон красоты больше всего напоминал бойню.

Из подвала навстречу Стэну выбрался один из телохранителей Махони. С ног до головы залитый кровью, он стонал и что-то невнятно бормотал. Не останавливаясь, Стэн кинулся вниз.

Там были одни трупы. И умирающие. Генерал-майор Ян Махони лежал на боку. Его челюсть была раздроблена, лицо залито кровью. Он задыхался.

Стэн повел кистью, и ему на ладонь выскользнул кристаллический нож. Он осторожно перевернул генерала на спину, затем аккуратно сделал трехсантиметровый надрез на горле Махони. Потом второй, соединив его с первым. Отогнув ткани, он очистил дыхательное горло.

Хрипя и булькая кровью, Махони снова начал дышать.

Стэн схватил толстый электрический кабель, отрезал небольшой кусок и вытащил жилы из внешней изоляции. Получившуюся полую трубку он через разрез засунул в горло Махони. Вытащив индивидуальную аптечку, зафиксировал трубку и наложил повязку.

Махони выживет... если позволят его остальные раны.

Махони суждено было остаться в живых. Даже смешно, что все так обернулось, ведь генерал планировал остаться на Кавите и погибнуть вместе со своими людьми. Вместо этого его, как сравнительно легко раненного, эвакуируют в первую очередь.

В подвал вбежали санитары, и Стэн поднялся на ноги.

Он огляделся.

Рядом весело улыбался командир 23-го флота адмирал Ван Дурман.

Стэн подумал, что особых причин для веселья он не видит. Что смешного в том, что у адмирала не хватало верхней половины черепа и серые мозги, по цвету почти совпадая с его седыми волосами, вытекали наружу. Кроме того, Ван Дурман лишился некоторых частей тела, таких как правая рука, левая кисть и, что, вероятно, более существенно, туловища от ребер до самого низу.

«Похоже, у меня снова появился корабль,— подумал Стэн.— Посмотрим теперь, как выполнят адмиральские холуи последние приказы Ван Дурмана».

Стэн зря волновался. Первый помощник «Свампскотта», главный навигатор и старший механик тоже мертвыми лежали в руинах салона красоты.

Капитан Стэн только что получил под свое начало весь 23-й флот.

Глава 73

Вот уже три дня воздух над городом Кавите напоминал вермишелевый суп. Это было частью плана эвакуации. Лайнерам не только придется незамеченными проскользнуть мимо таанских патрулей в Пограничных мирах (это они уже сделали), но и, приземлившись, остаться невидимыми достаточно долго, чтобы успеть загрузить на борт беженцев.

Подавляющее превосходство в воздухе настроило таанцев на благодушный лад. Они были не так бдительны, как им следовало бы, использовали не все возможности своих сканеров и не так часто, как полагалось, проверяли собранную автоматикой информацию.

Клубы дыма, окутывая город, препятствовали визуальному наблюдению, а «вермишелевый суп» блокировал сигналы всех остальных сенсорных систем.

Эту «вермишель» придумали давным-давно, еще до рождения вечного императора. Первоначально она представляла из себя мелко нарезанные полоски алюминия, забивавшего помехами отражений экраны примитивных радаров. Современная «лапша» была куда сложнее. Она наглухо блокировала не только все виды радаров, но и лазерные и инфракрасные детекторы. А еще она была практически невидима — тысячи и тысячи полосок могли бы запросто пролезть в игольное ушко. Взорвав в верхних слоях атмосферы несколько баков с этой «лапшой», гвардия сделала пространство над городом недоступным для вражеских сенсоров. Дышать в этом супе, однако, было не слишком приятно.

Когда их сенсоры разом ослепли, таанцы встревожились. Но шло время, ничего не менялось, и они решили, что имперцы всего лишь пытаются отсрочить неизбежное. Да и зачем им сенсоры? Таанцы и без того отлично знали, где находится противник. В общем, облака «лапши» стали привычным атрибутом Кавите, на который никто не обращал большого внимания.

А потом появился новый повод для беспокойства.

Расположенные в глубоком космосе патрули засекли внезапное появление крупных имперских сил. Сенсоры, как это ни невероятно, показывали, что к Кавите приближаются два полных имперских флота. Два флота, которые, по всем разведданным, не могли существовать.

Таанские корабли по тревоге ушли в космос.

Разведка не ошибалась. Единственный имперский отряд в этой части пространства оставался в резерве. Таанцев «атаковали» четыре эсминца — те самые, что сопровождали лайнеры к Пограничным мирам. Четыре эсминца и тысяча с лишним маленьких беспилотных дронов.

Дроны представляли из себя ракеты типа «Спуф», по уши напичканные электроникой и по всем параметрам, кроме визуального наблюдения, дававшие отклик, как настоящий боевой корабль.

И на этот раз империи повезло.

Построив свои суда в боевой строй, леди Этего ринулась в атаку.

А лайнеры беспрепятственно опустились на Кавите.

Их, разумеется, засекли наземные силы таанцев. Но к тому времени, когда эта информация достигла леди Этего, она была уже в шести часах от планеты. К тому же, как она полагала, у нее были проблемы почище транспортов с подкреплением имперским войскам.

Лишь еще через час она узнала, что на самом деле представляли из себя имперские флоты.

Семь часов на эвакуацию планеты...

Тупорылые торпеды лайнеров Сулламоры опустились на поле базы Кавите, в пыль дробя своим весом камни и кирпичи.

Пришло время в деле испытать разработанный Килгуром план эвакуации.

Всех эваков, как называл их Алекс, разбили на группы по пятьдесят человек в каждой, в основном гражданские и немного мужчин и женщин, которым предстояло стать костяком новой гвардии. Эвакам позволялось взять с собой только то, что они могли унести в маленьких заплечных рюкзачках.

И вот погрузка началась.

Стэн нервно ходил по капитанскому мостику «Свампскотта». На экранах перед ним грузились транспорты и серело небо, куда им предстояло в скором времени подняться.

Стэн чувствовал себя голым. Дело в том, что располагалась рубка в одной из двух «пагод», выступавших за пределы корабельной брони. Стэну казалось, что он находится на сцене, а не на своем боевом посту. Да и не привык он как-то к таким просторам. Рубка была двухэтажной, с огромными экранами на стенах. Фосс, которого капитан поставил во главе электронщиков «Свампскотта», находился от него в двадцати метрах.

Стэн следил за толпами беженцев и молился всем известным и неизвестным ему богам, чтобы погрузка успела завершиться до возвращения таанцев. А еще он нашел в своей молитве местечко для друга: попросил, чтобы Алекс тоже оказался на борту.

Погрузка продолжалась, а хронометр неумолимо отсчитывал минуты до того назначенного момента, когда «Свампскотт» и лайнеры должны будут покинуть Кавите.

В своей молитве Стэн заодно решил упомянуть и Бриджит. Пусть и она улетит отсюда. Что же касается Махони, то Стэн своими глазами видел, как упакованного в спаскапсулу генерала погрузили на один из транспортов.

Шли последние секунды.

Экраны показывали летное поле, пустое и серое, под затянувшими все вокруг облаками черного дыма.

Рядом со Стэном возник унтер-офицер Алекс Килгур.

— Все готово, парень,— сказал он.— Погрузка закончена.

Стэн коснулся висящего у него на груди коммуникатора.

— Всем судам. Это «Свампскотт». Старт!

Тучи пыли поднялись над бетоном, когда лайнеры, включив Юкавы, взмыли в небо.

— По команде... главный двигатель... три... два... один... ноль!

Лайнеры и четыре корабля сопровождения — все, что осталось от 23-го флота,— исчезли.

А внизу таанцы начали последний штурм.

Менее двух тысяч солдат Первой гвардейской защищало Кавите. Лучшие бойцы, повинуясь приказу, эвакуировались вместе с гражданским населением. Теми, что остались, командовал начальник штаба, нарушивший тот же самый приказ, которого собирался ослушаться Махони.

Таанцы атаковали волнами.

Они гибли тысячами.

Первая гвардейская полегла на Кавите до последнего человека.

Сбылось пророчество сержанта, под началом которого Стэн тренировался в гвардии много-много лет тому назад.

— Я сражался за империю на сотнях разных миров,— сказал тот.— И буду сражаться еще на многих, прежде чем какой-нибудь мерзавец выпустит мне кишки. Меня прикончат, но это будет самое дорогое мясо, которое доведется отведать врагу.

Три штурмовые армии таанцев атаковали Кавите. Одна из них была уже уничтожена. Две другие захватили-таки город. Они победили.

Но при этом перестали существовать как боевые подразделения.

Бриджит Ван Дурман осталась на Кавите.

Из-за нехватки места на лайнерах часть раненых пришлось оставить. Так, не были эвакуированы раненные смертельно и те, кто из-за увечий уже никогда не смог бы вернуться в строй. Кому-то из врачей надо было остаться с ними. Доктор Моррисон стала одним из добровольцев.

И Бриджит.

Первая вражеская граната в куски разорвала двух санитаров, стоявших у входа в подземный госпиталь. Вторая выбила дверь, и взвод таанцев ворвался в ставший больничной палатой подвал.

Доктор Моррисон, безоружная, встала у них на пути.

— Здесь только раненые,— медленно и спокойно сказала она.— Им требуется лечение. Они не солдаты.

— Отойди в сторону,— приказал капитан, командовавший взводом. Он угрожающе поднял виллиган.

— Те, кто здесь находится, никогда уже не смогут носить оружие...

Очередь виллигана перерезала доктора Моррисон почти пополам.

С диким криком Бриджит бросилась на капитана.

Три выстрела, и все было кончено.

Офицер опустил оружие и повернулся к своим солдатам.

— Имперская шлюха сказала, что здесь никто не сможет оказать сопротивление. Не стоит тратить на них патроны.

Сержант козырнул и поднял свой огнемет.

Глава 74

Хотя леди Этего и не придавала большого значения церемониям, она сделала все как нельзя лучше. Ей не удалось, как планировалось, принять капитуляцию от генерала Махони, но это не имело большого значения. Подготовленная ею трансляция была достаточно впечатляющей.

Этего стояла перед «Форезом», приземлившимся посреди летного поля базы Кавите. Напротив застыл бесконечный ряд измученных и оборванных пленных.

Леди Этего рассчитывала, что ее ролик попадет прямо в Верховный совет. Вместо этого ей пришлось иметь дело с одним лордом Ферле.

Скрыв свое удивление, леди Этего доложила о победе.

— Поздравляю,— сказал Ферле.— К сожалению, этого недостаточно.

— Прошу прощения? — подняла брови Этего.— Чего же не хватает?

— Вы одержали победу, леди. Но из своих солдат на Кавите империя сделала настоящих героев. Их выставили мучениками и предвестниками грядущего поражения таанцев.

— Я знакома с имперской пропагандой.

— Тогда мне даже немного странно, что вы до сих пор не приняли надлежащих мер,— нахмурился Ферле.— В поражении гвардии не должно быть ни капли победы. Войска на Кавите следует уничтожить окончательно и бесповоротно.

— Так оно и есть, мой лорд.

— А вот и нет,— поправил ее Ферле.— Если хотя бы один имперский солдат вернется с Кавите в империю, они сумеют поставить все с ног на голову. Их спецы по информации представят наш успех как наш же разгром.

— Ну и пусть. Пограничные миры все равно принадлежат Таану.

— Не указывайте мне, что делать, леди Этего. Вот ваш приказ. Догоните имперские суда, покинувшие Кавите. Догоните и уничтожьте. Только если не вернется никто... я повторяю, никто... только тогда император по-настоящему потерпит поражение.

Этего хотела что-то сказать, но потом передумала.

— Хорошо,— наконец кивнула она.— Я выполню этот приказ.

Экран портативного монитора погас, и леди Этего направилась обратно на свой флагман. Она выполнит приказ, но скоро, теперь она это поняла, очень скоро придет час расплаты для тех таанских правителей, кто ставит бумажные достижения выше реальных побед.

Глава 75

Два имперских эсминца, уцелевшие в фальшивой атаке, соединились с удирающими во все лопатки лайнерами.

Конвой мчался на скорости, во много раз превышающей скорость света, но Стэну казалось, что он тащится словно в кошмарном сне. Ему чудилось, будто он, по пояс увязая в жидкой глине, бежит от какого-то неведомого чудовища. У таанцев не было никаких резонов пускаться в погоню, и тем не менее Стэн не сомневался, что погоня все-таки будет.

Первой жертвой пал старенький патрульный бот. Всего два часа от Кавите — а он уже безнадежно отстал от конвоя.

Будь у него время и место для милосердия, Стэн велел бы эсминцам снять с бота экипаж. Но и того и другого сейчас явно недоставало.

Когда не хватает милосердия, в голову лезут мысли, полные холодного расчета. Отстающий бот мог еще послужить конвою. Если таанцы и в самом деле пустились в погоню, гибель этой ржавой калоши станет первым предупреждением.

Холодная и жестокая мысль, но за последние несколько месяцев Стэн повидал слишком много трупов. Все, что Стэн мог сделать, это по мере своих сил сберечь жизни живым.

Два современных имперских эсминца Стэн пустил впереди трех колонн лайнеров. В космосе летали не только те таанцы, что остались на Кавите.

«Хуша» капитана Халдора и второй эсминец 23-го флота шли замыкающими. «Свампскотт» летел над лайнерами, на две трети к хвосту колонны. Стэн благодарил судьбу, что экипажи Сулламоры знали свое дело. Во всяком случае, ему можно было не бояться, что транспорты вдруг расползутся в разные стороны. У Стэна сейчас хватало других проблем.

Космические корабли на АМ-2 не скрипят. Чего им скрипеть-то? Никакого напряжения они ведь не испытывают.

А «Свампскотт» скрипел.

Идущие со сверхсветовой скоростью корабли не ведут себя так, словно собираются вот-вот рассыпаться на части. Каждый шпангоут древнего крейсера гудел, как будто по нему снаружи бил гигантский молот.

— А мы идем всего лишь на полной скорости,— проворчала Тапия.

Она коснулась большого красного рычага, контролирующего выходную мощность главного двигателя. На рычаге значилось: «ЧЕТВЕРТЬ», «ПОЛОВИНА» и «ПОЛНЫЙ». Затем стоял ручной замок безопасности. Если его поднять, двигатель «Свампскотта» мог, во всяком случае в теории, развить «ЭКСТРЕННУЮ» мощность — с гарантией за несколько минут сжигая двигатель.

Стэн, Килгур и Тапия находились в главном машинном зале крейсера. Повысив второго инженера, Стэн отдал Тапию ему в подчинение. Он доверял инженеру, но не до конца. «В случае чего,— сказал он девушке,— сменишь его».

— А если он станет возражать?

Стэн многозначительно поглядел на мини-виллиган, висящий у Тапии на поясе.

Унтер-офицер Килгур взял на себя главный орудийный центр, расположенный во второй «пагоде» «Свампскотта». Стэн сказал ему, что звание званием, но в случае его гибели командование крейсером Алекс должен взять на себя. Стэн не знал, имеет ли он право на такое решение. Наверное, все-таки имеет. А если нет, то с этим можно разобраться, когда корабль будет в безопасности.

Сейчас Стэну делать особо было нечего. Команде он разрешил по сменам есть и спать. Прошли времена парадных обедов. Сейчас на «Свампскотте» кормили бутербродами и кофе из термосов, принесенных прямо на боевые посты. Те, кто спал, делали это тут же, не покидая своих мест.

Сдав рубку Фоссу, недавно повышенному до младшего лейтенанта, Стэн отправился в машинный зал.

Там было жарко и грязно. В воздухе противно пахло горелым маслом и жженой проводкой. Ван Дурман, наверное, упал бы в обморок при виде заляпанного металла кожухов и поцарапанных, в пятнах стен, некогда сверкавших ослепительной белизной. Но безуко-

ризненная чистота тоже осталась в прошлом. Просто поддерживать двигатели «Свампскотта» в рабочем состоянии и то оказалось почти непосильной задачей.

Стэн еще раз огляделся. Пока все работало гладко — насколько это было вообще возможно. Он двинулся в сторону выхода.

— Капитан,— как-то неуверенно остановила его Тапия.— Можно мне вас кое о чем спросить?

— Валяй.

— Ну, как бы это сказать...

Поняв намек, Килгур заторопился вперед, в одиночестве поднявшись на верхнюю площадку. Тапия терпеливо ждала.

— Капитан, вы помните... там, в форте... когда я сказала, что хотела бы перевестись в другой отряд? Тогда я шутила. Теперь же я говорю это совершенно серьезно. Когда мы дотащим этот чертов драндулет до порта, я подам рапорт о переводе.

Стэн ничего не понимал. Что это вдруг на Тапию нашло?

— Лейтенант,— сказал он.— Если мы дотащим этот гроб до дому, нас всех куда-нибудь переведут. Трудно командовать отрядом такшипов, не имея ни одного корабля... Теперь моя очередь задавать вопросы. Почему ты вдруг заговорила о переводе?

— Я просто почитала имперский военно-морской устав.

— Ну и?

— И там говорится, что тебе круто надерут зад, если ты ляжешь в постель со своим командиром.

— М-да...— только и смог выдавить Стэн.

Тапия ухмыльнулась, поцеловала его в щеку и исчезла за громадами двигателей. Что касается Стэна, то он в глубокой задумчивости поднялся вслед за Алексом.

— Так-так...— протянул тот.— Стой, не двигайся.— И вытер щеку Стэна рукавом своего комбинезона.— Парням, пожалуй, не стоит знать, что их командир заигрывает с подчиненными ему дамами.

— Мистер Килгур, вы забываетесь!

— Тихо, парень. Или я разболтаю эту историю по всему кораблю.

Внезапно у них над головой проснулся динамик внутренней связи.

— Капитана вызывают на мостик. Капитана вызывают на мостик. Есть контакт.

Слово «контакт» не совсем точно описывало сложившуюся ситуацию.

Капитан патрульного бота успел только, округлив в изумлении глаза, посмотреть на экран, а таанцы уже взяли его в оборот.

Даже не меняя курса, два эсминца дали по боту залп.

— «Свампскотт»... «Свампскотт»...— схватился за коммуникатор капитан бота.— Говорит «Дин». Два таан...

Вражеские ракеты превратили бот в облако радиоактивного газа.

Таанцы знали, что лайнерам не уйти. Рассыпавшись в боевой порядок, они продолжали погоню.

Может, капитан Рэй Халдор и был болваном, но он знал, как и, что еще важнее, когда умереть. Не дожидаясь приказа, он послал «Хушу» вместе со вторым эсминцем навстречу приближающемуся врагу.

Неприятель шел полумесяцем. Эсминцы прикрытия впереди и по бокам. За ними семь тяжелых крейсеров и два линкора, «Кисо» и «Форез».

Второй имперский эсминец погиб практически сразу же.

Но «Хуша», как это ни невероятно, прорвался сквозь заслон эсминцев.

Халдор приказал открыть огонь из всех орудий, выпустить по врагу все ракеты, какие только возможно. Пусковые установки были переведены в режим автоматического огня. Ракеты устанавливались на самонаведение. Нет времени и сил вести их дистанционно.

«Хуша» бешено вертелся, плюясь ракетами во все стороны, и тут первый таанский снаряд угодил ему в корму. Мгновением позже антикорабельная ракета, попав «Хуше» в брюхо, разломила эсминец пополам. Скорее всего, Халдор и его люди погибли еще до того, как увидели плоды своих усилий.

Два таанских эсминца, получив серьезные повреждения, поспешно повернули назад. А потом сразу три ракеты дотянулись до тяжелого крейсера.

Со стороны казалось, будто таанский корабль на миг стал прозрачным, затем огненно-красным, бугрящимся вспучивающими обшивку разрывами. А затем там, где он был, не осталось абсолютно ничего.

В самом конце 23-й флот все-таки сумел показать свои зубы.

Стэну чудилось, что он еще видит на экране радара точки своих только что погибших эсминцев. «Наверное, это послесвечение»,— мелькнула мысль.

Стэн думал о том, что дает людям смелость отдать самоубийственный приказ и пойти на смерть, а не спасать свою жизнь поспешным бегством. А еще он гадал, как он сам поступит в такой ситуации. Хватит ли у него мужества пожертвовать не только собой, но и своими друзьями.

Однако формально подобного решения ему принимать так и не пришлось. Время не ждало, надо было командовать.

— Навигация. Орбиту перехвата.

— Есть, сэр... Вычислена.

— Пошел! Двигатели.

— Машинный зал, сэр.

— Экстренную мощность. Сейчас! Мистер Фосс, всем надеть скафандры.

— Есть, сэр.

— Оружие... К черту. Дайте мне общую связь.

Фосс переключил коммуникатор на общекорабельную трансляцию.

— Говорит капитан. Мы идем в бой. Все орудийные расчеты — действовать самостоятельно.

Фосс уже держал перед капитаном скафандр. Вставив ноги в штанины, Стэн натянул плечи и сунул руки в рукава.

— Идем в атаку,— тщательно подбирая слова, продолжал он.— Идем в атаку на таанский флот. Нам противостоят по крайней мере два линкора. Мы должны их прикончить.

Под конец ему следовало бы сказать что-нибудь возвышенное, благородное, что-то вроде «Родина нас не забудет», но Стэну упорно ничего не приходило в голову. Отключив коммуникатор, он повернулся к Фоссу:

— Дай-ка мне командира наших передовых эсминцев.

Экран монитора прояснился, показав капитанский мостик одного из имперских кораблей.

— Капитан,— начал Стэн.— Конвой ваш. Мы постараемся задержать плохих парней.

— Сэр, я прошу...

— Нет. У вас есть приказ. Оставайтесь с лайнерами. «Свампскотт» передачу закончил... Фосс. Ремонтный отсек.

— Ремонтный отсек слушает,— раздался в динамиках чей-то неторопливый и протяжный голос.— Что требуется?

Стэн даже пожалел, что не знаком с этим офицером. Ему хотелось бы подружиться с тем, кто так хорошо держится перед лицом неминуемой смерти.

— Выпустите атмосферу.

— Сделано, сэр.

В скафандрах люди станут менее ловкими, зато вакуум уменьшит повреждения от вражеских ракет.

— Оружие. Как дистанция? Дотянем?

— Еще немного, капитан.

И «Свампскотт» пошел в свой первый и последний бой.

Возможно, таанцы стали слишком самоуверенными. Или, что вероятнее, они просто не приняли всерьез атакующую их древнюю калошу.

«Свампскотт» действительно олицетворял уродство корабельной архитектуры. Ему и в самом деле было место на корабельном кладбище. Но вооружен он был до зубов. В передней части — Беловская лазерная система, на носу и на корме — пусковые установки «Гоблинов». Тут и там разбросаны вспомогательные лазерные орудия, а крупнокалиберные «Чейны» опоясывали кошмарного вида бугры на кор-

пусе. Главным оружием крейсера считались давным-давно устаревшие антикорабельные ракеты типа «Видал». Их на «Свампскотте» было две, и располагались они посередине корабля, как раз между «пагодами».

Заметив на экране радара три заходящих на боевой курс таанских эсминца, Килгур нажал кнопку и активировал Беловский лазер. Эта система так же устарела, как и корабль, на котором она стояла. Лазер тут не только управлялся роботом, но и рассказывал о своих действиях только устно.

— Вражеский корабль в пределах досягаемости,— сообщил монотонный синтезированный голос.

Килгур нажал кнопку «ОГОНЬ».

Лазерный луч прорезал борт таанского эсминца, и система решила, что цель уничтожена. Не спрашивая у Килгура согласия, она переключилась на второй эсминец.

— Первая цель уничтожена... атакую вторую цель,— с некоторым опозданием сообщил робот.

Точным попаданием он превратил машинный зал эсминца в груду оплавленного металла.

— Вторая цель повреждена... Корректирую прицел.

Килгур быстро нажал кнопки «ОТМЕНА» и «НОВАЯ ЦЕЛЬ». Эсминец вышел из боя. Этого достаточно.

Вероятно, обидевшись на то, что люди вмешиваются в его дела, лазер, переключившись на импульсный режим, быстрым стаккато отперфорировал борт третьего эсминца. И сообщил об этом далеко не сразу.

«Трое готовы,— подумал Килгур.— Остался всего миллион».

Прорвавшись сквозь заслон эсминцев, «Свампскотт» шел в самое сердце таанской эскадры.

Было на крейсере оружие, неподвластное Килгуру,— громадные «Кали», разработанные для такшипов Стэна. Их и осталось-то всего три штуки. Решив ими воспользоваться, Фосс и Килгур смастерили для них на «Свампскотте» импровизированную пусковую установку. Фосс клялся и божился, что не сможет провести контрольные цепи в оружейный центр. Куда проще, говорил он, установить центр контроля прямо на капитанском мостике.

Стэн почти не сомневался, что Фосс врет. Ему наверняка хотелось самому стрелять по врагу, а не просто сидеть за экранами. Стэн это мог понять. К тому же у Алекса и так будет хлопот полон рот с уже установленными, древними и зачастую барахлящими оружейными системами.

Фосс подключил контрольный шлем к своему скафандру. На центральном экране, заполняя его от края до края, блестела громада «Кисо». Фосс включил экран на максимальное увеличение.

— Сэр, «Кали» готова. Цель... цель... поймана.

— Пуск,— приказал Стэн, не ожидая никаких особенных результатов.

В линкор так просто не попадешь.

«Кали», виляя из стороны в сторону, отвалила от «Свампскотта» — сказывалось отсутствие направляющей трубы, как в такшипе. Затем, набрав скорость, ракета устремилась к «Кисо».

И тут «Свампскотт» получил первое ранение.

Таанская ракета прорвала тонкую обшивку капитанского мостика, вышла из-под контроля, вернулась в космос и взорвалась в каких-то пятидесяти метрах от корабля. Взрыв превратил изящную «пагоду» в лепешку.

Но Стэн этого не знал. Он почувствовал страшный удар, его отшвырнуло в сторону, ударило о пульт, и прямо перед собой сквозь большую дыру он без всякой электроники увидел нос таанского эсминца и вспышку новой, выпущенной по «Свампскотту» ракеты.

В шлемофонах затрещало.

— Приготовиться,— раздался голос Килгура.— Приближающаяся цель... цель взята... ну, давай... Готово.

«Фокс» сбил таанскую ракету, а следовавший за ним «Гоблин» превратил вражеский корабль в кучу летящих во все стороны обломков.

С трудом поднявшись на ноги, Стэн оглядел разрушенную рубку. Все мертвы, без сознания или выброшены в открытый космос.

Чуть оправившись, он включил микрофон.

— Говорит капитан. Перевожу командование на резервный командный центр. Ремонтный отсек. Изолируйте капитанский мостик.

Проковыляв к люку, Стэн вручную открыл его и пошел дальше.

А снаружи бесцельно кружила «Кали». Ей дали цель, но структура команды была не закрыта, и ракета не знала, что ей теперь делать. Она ждала дальнейших указаний.

Капитанский мостик являл собой прекрасный образчик монументальной скульптуры под названием, скажем, «Технократия и трупы». Потом одна из фигур пошевелилась.

Это был Фосс.

Он посмотрел на гладкий металл там, где следовало бы находиться его ногам. Умный скафандр автоматически загерметизировался, отсекая остатки связок и мышц.

Боли Фосс не чувствовал.

Подтягиваясь на руках, он добрался до контрольного пульта. Тот еще дышал. Переключившись на неповрежденную резервную цепь, Фосс вновь слился со своей ракетой.

И «Кали» опять повернула к «Кисо».

Таанский офицер-зенитчик видел взрыв на «Свампскотте», видел, как «Кали» начала свое бесцельное кружение. Связав эти два факта

воедино, он приказал системе управления огнем «Кисо» игнорировать более не представляющую опасности ракету.

И тут «Кали» ожила! Рука офицера еще тянулась к пульту, когда она ударила линкор в дюзы.

Мощный взрыв разворотил хранилище АМ-2, и антиматерия волной покатилась по кораблю.

«Кисо» исчез в одной адской, беззвучной вспышке.

Фосс еще успел заметить вспышку света, озарившего внутренность рубки. Он увидел, как все кругом стало красным, и понял, что это его собственная кровь, заливающая лицевой щиток шлема. Больше его глаза уже ничего не видели, и он замертво рухнул на пульт.

Прежде чем Стэн добрался до резервного центра управления, «Свампскотт» получил еще три ранения.

Стэн упорно двигался вперед. Он молил богов, чтобы к тому времени, как он доберется до центра, ему еще было чем командовать.

«Весьма необычно,— думал он, когда коридор перед ним начал гнуться и закручиваться спиралью.— Наверное, это галлюцинация... Но я вроде бы не ранен».

Стэну ничего не почудилось. Одна из ракет угодила рядом со шпангоутом, и «Свампскотт» действительно погнуло.

Стэн с трудом пробирался сквозь закрученный винтом коридор. Взрыв за взрывом сотрясали корпус крейсера.

Вот станция первой помощи. Один из медиков Стэна все еще стоит с руками в отверстиях хирургической спаскапсулы. Рядом с ним — санитар с инструментами в руках и сам пострадавший в капсуле. Все мертвы.

Вот отсек, залитый огнетушительной пеной. Сенсоры явно взбесились и принялись вовсю тушить огонь, которого тут не было, да и быть не могло. Стэн заметил три облаченные в скафандры фигуры, упорно пробивающиеся к выходу.

Вот временная станция аварийного ремонта, и офицер, узнаваемый по черным анодизированным рукам, спокойно отдает указания своим группам. «Интересно,— подумал Стэн,— это тот самый невозмутимый тип, с которым я разговаривал перед боем, или кто-то другой?»

А затем он нашел коридор, ведущий в РКЦ, прошел два шлюза и вновь взял на себя командование «Свампскоттом».

Трещали приемники связи. Техники изо всех сил пытались сдержать хаос и установить на корабле некое подобие порядка.

— Носовые «Гоблины» на запрос не отвечают. Расчеты молчат.

— Резервный машинный зал сообщает, что повреждения под контролем.

— Управление носовой лазерной системой потеряно.

От «Свампскотта» осталось не много. Но впереди, заполняя экраны, и теперь уже без всякого увеличения, маячил «Форез». Флагман леди Этего. Линкор извергал огонь, стреляя из всего, что только могло стрелять. Чем угодно, как угодно, но остановить «Свампскотт».

В шлемофонах раздался совершенно неуставной вопль:

— Вот тебе конфеточка, падла!

Это Килгур выпустил по линкору два «Видала»: один дистанционно управляемый, а второй спаренный с первым. И оба они нашли свою цель.

Для горения нужен кислород — и пламя прокатилось по полным воздуха коридорам «Фореза». Взрыв сорвал со стены карту в тяжелой деревянной раме и, словно детской игрушкой, запустил ею в адмирала Деску. Его труп, с надвое раскроенной головой, припечатал леди Этего к контрольному пульту. Ударившись шлемом о стену, Этего потеряла сознание. Пришла в себя она только много позже, уже после окончания сражения. Командование «Форезом» перешло к капитану корабля. Бой продолжался.

Теперь пришел черед «Свампскотта» принимать удары.

Тяжелые удары, почти смертельные. Одна из ракет, пробив броню, попала в машинный зал. Тут-то ее оператор и нажал на кнопку «ВЗРЫВ». Машинный зал исчез в море солнечного огня.

Находившаяся в соседнем отсеке Тапия на чем свет стоит кляла датчики температуры двигателей. Она молила всех богов на свете, чтобы датчики врали, и при этом знала, что их показания абсолютно правдивы. В момент взрыва крохотный кусочек шрапнели повредил в ее отсеке гидравлический шланг сверхвысокого давления. Струя гидравлической жидкости, вырвавшись наружу со скоростью больше десяти тысяч футов в секунду, перерезала Тапию пополам не хуже хирургической пилы.

Сохраняя прежние скорость и курс, «Свампскотт» прекратил ускорение. Двигатели больше не работали.

Два корабля, «Форез» и «Свампскотт», приближались друг к другу. Остальные таанские суда ничего не могли сделать. Слишком велик был риск попасть в свой корабль.

Линкор уже навис над «Свампскоттом», когда «Чейны» наконец нашли себе цель.

«Чейны», опоясывающие бугры на корпусе крейсера, могли пригодиться только против наземных войск или малоудаленных атмосферных целей; в космосе корабли просто не сближаются на расстояние их дальности боя. Но сейчас до «Фореза» было рукой подать. И имперские канониры нажали на спусковые кнопки.

Снаряды обрушились на линкор, словно консервным ножом вскрывая его броню.

Стэн молча стоял у командного пульта. Приказывать ему было нечего.

Еще один взрыв потряс «Свампскотт», и Стэн едва не упал. Хлопнул, открываясь, люк, и в командный центр ввалился Килгур.

— В оружейной я не нужен,— пояснил он.— Ничего не работает. Мы что, берем это дерьмо на абордаж?

Его голос по-прежнему звучал небрежно.

Луч лазерной пушки вспорол стену центра, и Стэн на секунду потерял сознание. Очнувшись, он непонимающе осмотрелся.

Где дежурный офицер?

А, вот он — лежит с обломком стального прута в лицевой пластине шлема.

На пульте еще светились два экрана. Один показывал исчезающие вдали корабли конвоя, другой — все еще плюющуюся огнем раскуроченную громаду «Фореза».

А где Алекс? Он, наверное, знает, что теперь делать.

Стэн споткнулся о скафандр. Килгур лежал ничком у его ног. Наклонившись, Стэн проверил личные датчики. Все нули.

Качаясь, Стэн подошел к все еще работающей панели коммуникатора. Его закованные в перчатки руки нашли выключатель, и он начал передачу:

— Y... Y... Y...

Общепринятый сигнал капитуляции.

Неужели они никогда не перестанут стрелять? Неужели они не получили сигнала?

И «Форез» прекратил огонь.

Привалившись к пульту, Стэн ждал появления абордажного отряда таанцев. Хотя, возможно, они и не станут подниматься на «Свампскотт». Быть может, они просто отойдут на удобное расстояние и расстреляют умирающий корабль.

Стэну было уже все равно.

Он очень устал убивать.

Месть проклятых

Фрэнку Люпо, ученому, бонвивану, джентльмену
и — на полставки — оборотню

Названия книг взяты из языка земного народа Японии, создавшего в эпоху феодализма наряду со многими другими культурными достижениями искусство сабельного боя. Это искусство получило название «кэн-дзюцу». «Ма-аи» обозначает место, где встречаются бойцы перед поединком. «Сютю» — возможность начать поединок. «Кобо-иси» характеризует наступательные и оборонительные действия в бою. «Дзансин» — окончательная победа.

Книга первая

«Ма-аи»

Глава 1

Он потянул на себя последнюю каменную глыбу и скорчился от боли, когда шершавая поверхность камня вонзилась в пальцы. Напрягшись изо всех сил, поднял валун на уровень колен, пошатываясь, сделал несколько шагов и бросил его на груду других, таких же бесформенных камней.

Старший капитан Ло Прек (контрразведка) отступил назад и посмотрел на плоды своего труда. Осталась лишь большая искореженная стальная дверь. Таанец работал несколько часов, чтобы расчистить эту дверь. За ней, как надеялся Ло, находился ключ к тайне, разгадать которую он пытался так много лет, что даже сбился со счета.

Несколько минут офицер простоял в нерешительности, словно из боязни разочароваться. Глядя на дверь почти с благоговением, Прек вытер лицо шелковым платком и вложил его обратно в рукав униформы.

Для таанца Прек был довольно высоким и стройным. Его костлявое тело состояло из сплошных углов, а на продолговатом лошадином лице выделялись маленькие, широко расставленные глазки и короткий нос, из-за которого верхняя губа казалась непомерно вытянутой.

Прек отстегнул от пояса с оснащением небольшой лазерный резак и склонился над дверью. Он не принадлежал к числу тех, что мурлычут себе под нос какую-нибудь мелодию во время работы или разражаются потоком ругательств, если встречают препятствие. В прежнем гарнизоне, где прошла почти вся служба Прека, он зарекомендовал себя — даже среди таанцев — как абсолютный молчальник, целиком и полностью отдававшийся самой незамысловатой работе. Свои обя-

© Перевод В. Голубевой, В. Задорожного.

занности Ло Прек выполнял со скрупулезной методичностью и требовал того же от подчиненных. По отделу, в котором прежде работал Прек, ходила шутка, что, если он командует выполнением какого-то задания, каждому чиновнику следует хирургическим путем имплантировать в мозг датчик, дабы не допустить оговорку в докладе.

Прек знал об этой шутке и, хотя не видел в ней ничего смешного, признавал ее справедливость. Капитан отлично понимал, что является неординарной, одержимой личностью. Нельзя сказать, чтобы это приводило его в дикий восторг, но и переживать по такому поводу он тоже не считал нужным. Он просто был самим собой. Прек научился использовать слабые стороны человеческого характера, что позволяло ему иметь полную власть над своими подчиненными.

Раздался скрежет металла, дверь прогнулась под собственной тяжестью и рухнула. Капитан повесил резак на пояс и вошел в помещение, где находился банк данных уничтоженного 23-го Имперского военного флота. Если бы у таанцев были боги, Прек прошептал бы молитву. Он совершил длительное путешествие, преодолев огромное расстояние, и рисковал множество раз, чтобы добраться до цели. Если расчеты верны, в этом помещении он сможет найти след человека, убившего его брата.

СТЭН
Капитан третьего ранга
Имперского военного флота.

Последняя занимаемая должность: командир 23-го дивизиона такшипов, приписан к 23-му военному флоту.

Предыд.: командир отряда личной охраны императора.

Предыд.: по имеющимся данным, был приписан к различным подразделениям войск гвардии.

Прим.: по данным разведки, информация ложная; на самом деле Стэн выполнял различные секретные поручения императора.

Общие сведения

Вид: человек.

Пол: мужской.

Возраст: неизвестен, записи уничтожены. Приблизительно первая четверть жизни прошла.

Место рождения: неизвестно.

Рост: немного ниже имперских стандартов.

Комплекция: хорошо сложен, поджарый, с отлично развитой мускулатурой.

Волосы: черные.

Глаза: черные.

Общее состояние здоровья: отличное.

Особые приметы: никаких.
Семейное положение: неизвестно.
Интересы: неизвестны.
Друзья: неизвестны.

Прек не пришел в ужас при виде внутренних разрушений помещения. Стены сейфов и картотек под воздействием высокой температуры обрели причудливые формы. Крупные белые пятна пепла аккуратно лежали в тех местах, где некогда находились приборы и мебель. При каждом шаге из-под ботинок поднимались целые облака пыли, обволакивая носоглотку, затрудняя дыхание. Капитан натянул на лицо кислородную маску и начал пробираться сквозь мусор, бывший некогда архивными документами 23-го флота.

Один раз сердце Прека екнуло. Он нашел крошечный обломок микрофильма, лежавший под стальной балкой. Ло вставил его в свой компьютер и чуть не заплакал от досады, увидев, что это обычный счет за оборудование для офиса.

Прек выругал себя за такую реакцию. Да, его миссия основывалась на личных интересах. Но единственной надеждой на успех было соблюдение абсолютного профессионализма.

Капитан совладал с чувствами и вернулся к самому началу — смутным очертаниям того, что, вероятнее всего, было столом главного клерка банка данных. Прек принялся внимательно изучать рухлядь начиная с центральной части и постепенно переходя к краям. Он напомнил себе, что ищет нечто большее, чем информацию о подробностях жизни одного человека. Гораздо более ценным открытием была бы система, на основании которой создавалась картотека хранилища. Прек знал, что в каждом офисе были свои особенности. С течением лет положение вещей могло меняться по мере того, как главные клерки приходили и уходили, но всегда оставался след первого чиновника, получившего и зарегистрировавшего первый, второй, тысячный документ.

Таанец был убежден, что, как только ему удастся восстановить процедурную карту, он отыщет нужного человека.

Хотя родители Прека всю жизнь проработали в частной индустрии, они являлись неискоренимыми бюрократами. Одинаково невзрачные, скучные личности с непривлекательной наружностью. Конечно, они были интеллигентными людьми, но их интеллигентность представляла собой нечто такое, что какой-нибудь псих из личного состава мог окрестить «зацикленностью». Преку исполнилось десять лет, когда родился его брат Тай. С того самого момента, как младший ребенок сделал первый в своей жизни вздох, все члены семьи знали, что судьба даровала им благословенного «золотого мальчика». Тай представлял собой олицетворение всего того, чем не обладали члены его семьи. Начать с того, что мальчик был красив: белокурые вол-

нистые волосы, голубые глаза, а телосложением он походил на Адониса уже тогда, когда только вступил в пору половой зрелости. Мальчик отличался сообразительностью и любознательностью. Кроме того, Тай умел видеть смешное в любой ситуации. Трудно было находиться в его обществе длительное время и не заразиться насмешливым отношением к окружающему миру.

Без тени ревности Ло искренне любил своего брата больше всего на свете. Он сосредоточил на Тае все свое внимание, зайдя так далеко, что начал сильно ущемлять себя в финансовом отношении, лишь бы любимый братишка имел возможность получить самое лучшее образование.

И капиталовложения были сделаны не зря. Очень скоро Тая зачислили в дипломатический корпус, что позволило его талантам раскрыться в еще большей мере. Преподаватели не имели к Таю никаких претензий, разве что каждый из них на свой лад пытался убедить юного таанца в том, что именно он является его истинным наставником.

С началом деликатных мирных переговоров с вечным императором Таю было тут же поручено сопровождать лорда Киргхиза и других представителей таанцев в качестве младшего дипломатического офицера. Ни у кого не вызывало сомнений то, что с этого поручения начнется его головокружительная карьера.

Имперский и таанский флоты встретились в районе пульсаров. Предварительные переговоры прошли быстро. Все были уверены, что заключение выгодного соглашения — пустая формальность. Вечный император пригласил на борт корабля таанских сановников для празднования заключения международного договора. Лорд Киргхиз лично выбрал себе свиту. Среди сопровождающих был и Тай.

Никто не мог предположить, что произойдет дальше. Но Прек верил фактам, которые красноречиво говорили сами за себя. Все таанцы, поднявшиеся на борт корабля «Нормандия», были зверски перерезаны, как только сели за императорский банкетный стол.

Через своих лизоблюдов — судей и продажных прокуроров вечный император объявил, что таанцы стали трагическими жертвами готовившегося против него заговора. Любой таанец, в особенности Прек, был настолько убежден в явной лживости этого объяснения, что даже не находил нужным обсуждать его. Единственным ответом с их стороны на ложь и предательство могла быть только месть и война. Война не на жизнь, а на смерть — до последнего вздоха, до последней капли крови.

В необходимость этой войны Прек верил так же беззаветно, как и любой другой таанец. Но даже самая великая война не могла удовлетворить его жажду мести, и он объявил свою собственную, персональную войну.

Прек не помнил, когда именно ему стало известно о смерти брата. Он сидел в своем кабинете, расположенном в штаб-квартире контрразведки, когда в помещение как-то странно, бочком, протиснулся старший по званию. Следующим фрагментом, запечатлевшимся в памяти Ло, была больничная койка, на которой он сидел. Прошло четыре месяца. Позже ему сказали, что все это время он находился в ступоре.

Вот-вот должна была начаться война. Ло признали «выздоровевшим» и отправили обратно на работу.

Именно тогда и началась его личная война. Прек досконально изучил всю имевшуюся информацию относительно погибшего брата и других дипломатов-таанцев. И постепенно выявил для себя виновников случившегося.

Прек не включил в их число императора — бессмысленно. Напасть на императора было просто невозможно, пойти на такое мог разве что умалишенный. Нет. Нужно быть реалистом: найти людей, принимавших непосредственное участие в кровавой бойне, использовавших свое умение владеть ножами и огнестрельным оружием. Прек был твердо убежден, что Стэн входил в число этих людей.

Он раздобыл копию воинского послужного списка Стэна — насквозь фальшивого, как ему казалось, но позволявшего, по крайней мере, иметь смутное представление о личности этого человека. Согласно официальным данным, Стэн продвигался по служебной лестнице медленно, заслужил больше почестей и наград, чем был удостоен, и регулярно повышался в звании. Затем неожиданно, без всяких видимых причин, в его карьере произошел резкий поворот. Неизвестно почему заурядного гвардейца вдруг поставили во главе отряда телохранителей императора. Впоследствии произошел следующий взлет — из сухопутной армии его перевели на флот и назначили на должность капитана третьего ранга.

Прек был уверен, что это повышение произошло после выполнения Стэном специального задания императора. Следовательно, информация о нем была ложной. Прек пришел к выводу, что на самом деле Стэн являлся ценным агентом разведслужбы. Перевод на военный флот и наконец назначение на должность командира дивизиона тактических кораблей следовало расценивать как награду за заслуги особого рода. Прек решил, что среди этих заслуг было и убийство его брата.

Он преследовал Стэна по пятам вплоть до последнего сражения за Кавите, в котором обе стороны понесли колоссальные потери. Таанцы полагали, что Стэн погиб в ходе этого сражения, хотя его останки так и не были найдены.

Прек не верил в то, что Стэн мертв. Вся имеющаяся информация указывала, что этот человек использует любую возможность вы-

жить. Прек был убежден, что Стэн несет службу в каком-то другом месте. Он входил в число тех офицеров, которые всегда находились на передовой, к тому же был героем, которого вечному императору нравилось пропускать через жернова пропагандистской машины. Нет, Стэн был жив.

И Прек решил загнать его в могилу. Он найдет этого человека, и тогда... Прек запретил себе пока думать об этом. Таанец не должен идти на поводу своих эмоций, это может помешать охоте.

Старший капитан Ло Прек (контрразведка) оказался прав. Стэн был жив.

Глава 2

Двое изнуренных бритоголовых мужчин, сгорбившись, неподвижно стояли по колено в грязи.

Один из них был капитан третьего ранга Стэн, бывший командир ныне разбитого имперского крейсера «Свампскотт». Стэн был назначен командиром этого устаревшего ржавого корыта при последнем отступлении от Кавите и, находясь в арьергарде, предпринял отчаянную попытку сразиться с целым таанским флотом. Один ультрасовременный боевой вражеский корабль был уничтожен снарядами «Свампскотта», другой основательно подбит. Они продолжали сражаться даже тогда, когда таанцы стали обстреливать крейсер из огнеметов. В последнюю минуту Стэн включил личный компьютер и послал сигнал о помощи. Он впал в бессознательное состояние задолго до того, как враг взошел на борт неповоротливой развалины, бывшей некогда боевым кораблем. Можно с полной уверенностью признать, что именно это и спасло ему жизнь.

Через несколько секунд после того, как Стэн отключился, младший офицер Алекс Килгур, здоровенный головорез, бывший боец отряда богомолов и лучший друг Стэна, пришел в себя — и чертыхнулся, увидев на единственном функционировавшем экране «Свампскотта» приближавшийся вражеский корабль. В его помутненном сознании промелькнула мысль: «Варвары таанцы, слепленные из того же теста, что и проклятые Кэмпбеллы, не удостоятся такой чести — схватить человека, уничтожившего гордость их флота».

— Бардак похлеще, чем в еврейской кошерной лавке,— проворчал Килгур.

Он нагнулся к бесчувственному телу командира, расстегнул его костюм и ослабил пристяжные ремни. Затем проверил настенный прибор, измеряющий давление. Давление атмосферы в отсеке снизилось всего до нескольких пунктов. Воздух со свистом вырвался из расстегнутого костюма Стэна, пристяжные ремни вернулись на прежнее место. Килгур ощутил легкий толчок и услышал грохот, когда таан-

цы взорвали борт корабля. В эту минуту он пожалел о том, что пришел в сознание.

Около тридцати окровавленных, потрясенных имперских солдат были транспортированы с обломков «Свампскотта» на штурмовое судно таанцев. Среди них находился и снайпер первого класса Сэмюэль Горацио, он же Стэн. Двадцать семь оставшихся в живых членов экипажа, без оказания им какой-либо помощи, с горем пополам накормленных и напоенных, предназначались для высадки на болотистой планете, которую таанцы неохотно сделали тюрьмой для военнопленных.

Таанцы верили в то, что самой почетной смертью для любого живого существа может быть лишь гибель в бою. Проявление трусости или сдача в плен были для них просто немыслимы. Согласно убеждениям таанцев, любому имперскому солдату или офицеру, которому настолько не повезло, что он попал в плен, следует слезно умолять о немедленной смерти. Но таанцы были достаточно искушенными в житейских делах, чтобы с большой неохотой признать, что представители других культур имели иные взгляды на этот счет и что немедленная казнь «обесчещенных» могла быть неверно истолкована межгалактической общественностью. Итак, они оставили пленных в живых. На некоторое время.

Поскольку заключенные являлись обузой, таанцы не видели причин, по которым нельзя было бы исправить данное положение. И нашли выход: заставили пленных трудиться до седьмого пота, превратив в жалких рабов.

Медицинское обслуживание заключалось в следующем: если среди заключенных был врач, то он их и лечил. Никакого обеспечения медикаментами. Любое прихваченное с собой лекарство имперского производства конфисковывалось.

Жилье: в свободное от работы время пленным разрешалось, с позволения лагерных офицеров, использовать любые ненужные предметы для строительства лачуг.

Часы работы: выполнение любого задания не подлежало ограничению во времени или количестве рабочих смен.

Питание: людям выдавался безвкусный хлеб, содержащий минимальное количество питательных веществ. При том, что тяжело работавшие заключенные нуждались в потреблении около трех тысяч шестисот калорий, они получали менее тысячи калорий. Подобный, но еще более скудный рацион полагался пленным негуманоидам.

Поскольку заключенные являлись существами опозоренными, их охранниками, конечно же, были солдаты, попавшие в опалу. Находились и просто хитрецы, считавшие, что служить в штрафной роте охраны лучше, чем с честью погибнуть в бою в качестве штурмови-

ка. Было среди них и несколько — совсем немного — охранников, отбывавших некогда заключение на одной из таанских планет-тюрем и отпущенных под честное слово.

Правила для военнопленных были просты: вставать по стойке «смирно», когда к тебе обращается любой из охранников, даже если ты генерал, а он или она — рядовой. Незамедлительно выполнять любой приказ. За неподчинение приказу — смерть. Менее строгие наказания: избиение, заточение в одиночной камере, лишение пищи.

В таанских тюремных лагерях выживали лишь самые выносливые. Стэн и Алекс находились в плену уже более трех лет. Они следовали своим правилам, также весьма простым: никогда не забывай о том, что война не может длиться вечно; никогда не забывай, что ты солдат; всегда помогай товарищу по заключению; всегда съедай положенную порцию.

Оба жалели о том, что не были воспитаны в религиозном духе — вера в одного или нескольких богов помогала заключенному выжить. Они видели, что происходило с другими военнопленными, теми, кто терял надежду, теми, кто думал, что не сможет выколупывать съедобные зерна из экскрементов животных, теми, кто оказывал сопротивление, и теми, кто считал, что сумеет уцелеть, если будет вести жизнь одинокого волка.

Прошло три года, и все они давно погибли. Стэн и Алекс выжили. Неоценимую помощь в этом им оказала предыдущая подготовка в суперсекретном подразделении богомолов корпуса «Меркурий», где обучали выживанию в любых условиях. Стэн отлично понимал, что уцелел и благодаря присутствию Алекса, не раз осаживавшего его в нужную минуту. Алекс чувствовал то же самое по отношению к Стэну.

Но существовал еще и третий фактор: Стэн был вооружен.

Много лет назад, до поступления на имперскую службу, он смастерил оружие — маленький нож. Обоюдоострое, тонкое, как игла, выполненное из редкого кристалла лезвие разрезало любой металл или минерал. Ножнами служила рука Стэна, из которой нож выскальзывал при судорожном сжатии мышц.

Оружие было поистине смертоносное — несмотря на то что под кожей хозяина оно становилось не опаснее отвертки.

В ту ночь они решили устроить побег. Из лагерей таанцев редко совершали побеги. Прежде всего потому, что пойманных заключенных казнили сразу же по возвращении в лагерь, а ловили их почти всегда.

Первая задача — выбраться из лагеря или незаметно уйти из рабочей бригады — была не такой сложной. Покинуть же саму планету считалось почти невозможным.

Некоторые заключенные бежали с планеты, пробравшись на какой-нибудь корабль зайцами,— во всяком случае, остальные воен-

нопленные надеялись, что им удалось это сделать. Другие после побега прятались в землянках, ведя существование отшельников, находясь в постоянном страхе. Их жизнь мало отличалась от лагерной. Эти люди надеялись лишь на скорый конец войны и чудесное спасение.

За последние годы политика в лагере изменилась, пойманных при побеге заключенных не убивали.

Вместо этого их отправляли на планету рудников. Охранники издевательски посмеивались, говоря, что жизнь военнопленного на этой планете длится считаные часы.

За три года заключения Стэн и Алекс пытались бежать четыре раза. Первые два раза их накрыли на копании туннелей. Третья попытка — перемахнуть через проволочное заграждение — сорвалась, потому что охранник нашел у них веревочную лестницу. В четвертый раз они сами оставили затею бежать, так как не продумали, что делать дальше, оказавшись за проволочным заграждением. Хотя, скорее всего, именно эта попытка могла увенчаться успехом.

Рядом, в камышах, раздался шорох. Алекс прыгнул и через минуту встал, держа в руках перепачканного грязью, извивавшегося, пищащего грызуна. Стэн тотчас открыл небольшую коробку, куда и было помещено и заперто в кромешной тьме маленькое водяное животное. Очень хорошо.

— Эй вы, двое! Стоять! — прогремел голос охранника. Стэн и Алекс насторожились.— Любовью занимаетесь? Слинять решили?

— Никак нет, сэр. Охотимся, сэр.

— Охотитесь? На вонючек?

— Так точно, сэр.

— Лучше б мы вас всех перебили,— буркнул охранник и метко плюнул Стэну в лицо — отработанная техника.— А ну, пошли строиться, дармоеды!

Стэн даже не потрудился вытереть слюну с лица. Он и Алекс вышли из зарослей камыша и побрели к дамбе, чтобы встать в строй из десяти других заключенных. Колонна пришла в движение и направилась в сторону лагеря.

Пленных сопровождали три охранника, вооружен из которых был только один: охранники знали, что имеют дело с ходячими мертвецами, не представляющими никакой угрозы.

Стэн старался держать коробку в устойчивом положении, успокаивая грызуна периодическим постукиванием по ней. Ему не хотелось, чтобы пойманный зверек убежал раньше времени. Вонючка — «благоухающее» водяное животное со странной шерстью, несъедобным мясом и расположенными под хвостом железами, выделяющими невероятно зловонное вещество,— был последним звеном их побега.

Глава 3

В лагерях военнопленных существовали две командные структуры — официальная и неофициальная. В первую входили охранники. Вторую составляли заключенные, в действительности управляющие лагерем.

В некоторых зонах главари были могущественными и жестокими. Подобная анархия творилась в лагерях смертников, где заключенный мог быть убит своими товарищами с таким же успехом, как и охранниками.

В лагере, где находился Стэн, все еще соблюдалась военная дисциплина. Отчасти в том была заслуга и Стэна с Алексом. Друзья вели борьбу за существование на протяжении долгих однообразных месяцев, стараясь быть не последними людьми среди заключенных. Но однажды Стэн сделал поразительное открытие — не он один, известный под дурацким именем Горацио, пользовался уважением среди своих товарищей. Младший офицер Килгур сумел обойти его по лагерной «служебной лестнице» и стать непререкаемым авторитетом. Стэн даже начал подозревать, что Килгур готовился к своей новой роли еще на «Свампскотте».

Однако, несмотря ни на что, господствующее положение должно оставаться за старшим по званию. Тех, кто думал, что «война окончена и мы не обязаны подчиняться никакому офицеришке, затащившему нас в первосортное дерьмо», урезонивали. Если сила убеждения не срабатывала, приходилось прибегать к другим методам воздействия. Стэн давно уже превратился бы в жалкий скелет, если бы не использовал множество известных ему способов поддержания духа. А Килгур, громила-тяжеловес из Эдинбурга, хоть и изрядно похудевший, оставался самым сильным существом в лагере, не исключая даже старшего офицера, командира батареи лейтенант-полковника Вирунгу.

Н'ранья, плотоядные приматы, обитавшие на деревьях, имели не вполне цивилизованный внешний вид. Совсем недавно их стали использовать в имперской армии в качестве специалистов в области артиллерии, где они выказывали недюжинные способности — наследственность позволяла н'ранья инстинктивно понимать законы геометрии и тригонометрии. К тому же, обладая мощными телами весом более трехсот килограммов, они могли с легкостью манипулировать тяжеленными снарядами.

Перед тем как попасть в плен, полковник Вирунга был тяжело ранен и все еще сильно хромал, опираясь на массивную палку. Стэн и Алекс знали, что лишь немногим ослушавшимся приказов полковника удавалось выжить. Но негласным командиром лагеря имперских военнопленных была худощавая жилистая женщина, генерал в отставке Бриджер, возобновившая свою организаторскую деятель-

ность после того, как ее родная планета была захвачена и разрушена до основания. Она жила лишь одной целью: установить в лагере образцовый порядок, а затем спокойно умереть.

На закате, после того как Стэн и Алекс заставили себя проглотить мерзкий вечерний рацион, генерал Бриджер и полковник Вирунга попрощались с ними.

— Мистер Килгур, Горацио,— сказала женщина,— надеюсь, мы никогда больше не увидимся.

Килгур улыбнулся.

— Я тоже мечтаю об этом.

Вирунга сделал шаг вперед. Понять речь н'ранья было довольно трудно — они считали составление предложений пустым занятием и использовали для выражения своих мыслей только главные слова.

— Надеюсь... удача... Когда... свободны... не забывайте.

Стэн и Алекс отдали честь и удалились.

Без приказов и объяснений заключенные занялись тем, что Стэн называл «отвлекающим маневром». Собравшись в небольшие группы, они неторопливо направились к одной из уборных, той, которая «случайно» находилась метрах в трех от внутреннего периметра. Стэн и Алекс присоединились к ним; маленькая коробка с грызуном, накрытая ветхим полотенцем, висела у Стэна на шее. Ни один из охранников, стоявших на сторожевых башнях, не смог бы проследить, сколько заключенных вошло в уборную и сколько вышло из нее.

Нужник был возведен над глубокой сырой ямой с экскрементами. Строение представляло собой небольшой домик, в котором желоб для стока воды находился с одной стороны, а сиденья для справления нужды — круглые дырки, вырезанные в длинном ящике из неотесанных досок,— с другой.

Стэн и Алекс забрались в одну из этих дыр. Несколько дней назад они прибили к внутренним стенкам ящика длинные гвозди. Беглецы заткнули носы рваными тряпками. Впрочем, это не помогало.

«Держись,— думал Стэн.— Не отчаивайся. Отбрось мысли о том, что паук, ползущий по твоей руке, ядовитый. Только держись».

Наконец раздался сигнал к отбою, и голоса заключенных постепенно смолкли. Послышались глухие шаги, одна из дверей уборной открылась. Охранники, дабы не испортить органы обоняния, произвели только беглый осмотр нужника.

Стэну и Алексу следовало бы дождаться середины ночи и тогда отправиться в дорогу, но до рассвета им предстояло преодолеть несколько километров. В полнейшей темноте они выбрались из своего укрытия и поморщились, глядя друг на друга.

Следующий ход был за полковником Вирунгой. По его команде заключенные начали орать, визжать и громко смеяться. Стэн и Алекс увидели, как луч прожектора, скользнув по крыше уборной, направился к баракам, и выскочили из двери дощатого домика. По идее,

дальше пройти они не могли. Лагерь был окружен внутренним и внешним проволочными заграждениями, между которыми находилась нейтральная территория шириной в десять метров. Охранники с вышек прочесывали территорию лагеря визуальными поисковыми прожекторами, гораздо более опасными лучевыми радарами, охватывающими широкое пространство, и сенсорами, реагирующими на различные звуки. По предписанию, каждый детектор закреплялся за отдельным охранником.

Но охранники были ленивы. Какая необходимость торчать на вышке троим, особенно ночью? Ведь из лагеря бежать невозможно. Даже если один из имперских доходяг и улизнет, ему некуда податься; крестьянам, живущим в окрестностях, посулили хорошее вознаграждение за поимку и доставку беглецов в зону — живыми или мертвыми. В случае если какому-нибудь имперцу все-таки удастся проскочить мимо фермеров, куда он пойдет? Этот человек будет прикован к планете, находящейся в самом центре Таанских миров.

И некий хитромудрый охранник нашел способ заставить работать все три сенсора одновременно, объединив их общей системой. Теперь для управления приборами требовался всего один человек.

Итак, когда Вирунга дал команду тщательно подготовленным заключенным поднять гвалт в одном из бараков, охранник направил луч прожектора именно туда, и все башенные сенсоры, прочесывавшие данный район, были направлены в сторону, противоположную от двух темных фигур, бросившихся к проволочному заграждению.

Стэну и Алексу нужно было разрезать три участка проволоки, три троса с прикрепленными к ним острейшими лезвиями, чтобы проникнуть в нейтральную зону. При помощи ножа Стэн мог легко справиться с этой задачей. Но место разрыва тросов было бы обнаружено в считаные минуты. Досконально обсудив все детали побега, Алекс, соблюдая предельную осторожность, за несколько последних циклов набрал двенадцать длинных металлоидных гвоздей.

Стэн проделал две аккуратные дырки в тросе с лезвиями, одну рядом с другой. Алекс вставил в отверстия гвозди, а затем, используя всю свою недюжинную силу, вогнал их в места проволочных соединений. После того как трос был закреплен, Стэн разрезал проволоку. Одна... вторая... третья... проскользнули в лазейку... соединили проволоку... и оказались в нейтральной зоне. Проскочили через нее, снова разрезали и соединили проволоку.

Впервые за три года Стэн и Алекс находились за пределами лагеря, впервые у них над душой не стояли охранники. Соблазн сорваться с места и бежать вприпрыжку был велик. Вместо этого друзья медленно поползли дальше, прощупывая землю руками, опасаясь, что вот-вот раздастся тревожное завывание сигнальной сирены.

Но кругом стояла тишина. Побег удался. Все, что им оставалось,— покинуть планету.

— Ну... где, черт бы его побрал, этот хренов часовой? — прошептал Стэн.

— Не суетись, друг мой Горри,— тихим хриплым голосом сказал Алекс.

Надо же — Горри! Мало того что Алексу каким-то образом удалось понизить Стэна в звании, он еще придумал это идиотское уменьшительно-ласкательное имечко, сокращенное от Горацио.

— Как знаешь, пусть это будет на твоей совести.

— Ладно,— ответил Алекс.— Хочу только напомнить, что, если нас застукают, отдуваться придется обоим. За обещанное вознаграждение они на все пойдут.

Стэн промолчал. Его внимание было приковано к кораблю, стоявшему примерно в ста метрах от вершины холма, где они укрылись.

Друзья обнаружили потенциальный способ выбраться с планеты, когда получили задание выполнить подсобные работы на взлетном поле планеты-тюрьмы. Они оба заприметили маленький четырехместный корабль, бывший некогда настоящим произведением искусства, теперь же используемый в качестве межпланетного посыльного. Судно могло показаться напрочь устаревшим, не будь на нем драйва Юкавы и двух работающих на АМ-2 двигателей.

Теперь осталось главное — украсть корабль.

Выбравшимся за пределы проволочных заграждений Стэну и Алексу казалось несложным преодолеть несколько километров до взлетного поля. Однако на это ушло времени намного больше, чем они предполагали. Друзья не знали, что одним из побочных эффектов регулярного недоедания является куриная слепота.

Итак, несмотря на всю свою подготовку, они пробирались в темноте с той же скоростью, что и самые обыкновенные гражданские. И все-таки выработанный в отряде богомолов рефлекс настороженности и способность бесшумно передвигаться помогли Стэну и Алексу остаться незамеченными, когда они проползали мимо крестьянских ферм, окружавших лагерь.

— Горри, пока нас не сцапали, не желаешь ли прослушать маленькую лекцию о ядовитых пятнистых змеях, в изобилии обитающих в этой местности? — спросил Алекс.

— Заткнись, или я убью тебя.

— У этого парня нет чувства юмора,— пожаловался Алекс грызуну, спавшему в маленькой коробке.— Смотри-ка, а вот и «очкастый крошка енот».

Часовой, дежуривший у подножия холма, попал в их поле зрения и удалился.

Система охраны взлетного поля была сложной: расхаживающий взад-вперед часовой, проволочное заграждение, нейтральная зона,

контролируемая дозорными животными, второе проволочное заграждение и внутренняя электронная система безопасности.

Высчитав, за какое время часовой совершает свой обход, Стэн и Алекс двинули вперед и подползли к первому проволочному заграждению. Алекс постучал по маленькой коробке:

— А ну-ка, ленивый вонючка, выходи из заточения и принимайся за дело!

Алекс поднял крышку, и зверек выпрыгнул из коробки. Ошалевший от свободы и новой окружающей обстановки, грызун бесшумно пролез через проволочное заграждение и очутился в нейтральной зоне. Опомнившись, он сел, полизал шерстку, прикинул, в какой стороне может быть вода, и продолжил свой путь. Его замедленный умственный процесс был нарушен громким рычанием.

Каракайеу, трехметровое существо с тремя лохматыми лапами, оканчивающимися смертоносными когтями, переваливающейся походкой направилось в сторону вонючки. Скунсовый медведь был разъярен, что являлось обычным состоянием представителей его вида.

В результате гибридизации и мутации, которым таанцы подвергли предков этого млекопитающего, оно стало еще более агрессивным. Медведям внушили, что двуногие являются их единственными врагами и подлежат беспощадному уничтожению, в то же время добившись от этих монстров беззаветной преданности другим кормившим их двуногим. Кроме того, медведям не разрешалось выходить за пределы нейтральной зоны и размножаться.

Этот каракайеу провел пять однообразных, не нарушаемых никакими заботами и волнениями лет в замкнутом пространстве, ограниченном двумя проволочными заграждениями. И вдруг, совершенно неожиданно, на его территории появляется грызун!

Скунсовый медведь, как всегда, обходил свои владения и, согласно инстинктам, метил территорию. Грызун, так же согласно инстинктам и обычной потребности справить нужду, пискнул, завертелся на месте, задрал пушистый хвост на спину, выпустил зловонные газы и помочился.

Резкий запах, результат выделений анальных желез вонючки, ударил в нос каракайеу. Огромное животное немедленно встало на задние лапы, зарычало и, пытаясь уберечь чувствительный нос от нестерпимого смрада, заковыляло прочь в поисках убежища, в надежде отыскать двуногих, которые могли бы ему помочь.

Удовлетворенный вонючка снова пискнул и умчался в неизвестном направлении.

— Маленький паршивец отлично справился со своей задачей,— шепотом прокомментировал сцену Алекс.

Стэн принялся за работу. Снова трос проволочного заграждения был продырявлен, гвозди вставлены, проволока разрезана, а после

того, как беглецы пролезли через образовавшееся отверстие, соединена вновь.

В пятидесяти метрах от Стэна и Алекса поблескивал гладкий черный корпус корабля. Вокруг не было ни души.

Алекс засунул руку в карман своей потрепанной робы, достал оттуда четыре обрезка полых трубок, менее одного сантиметра в диаметре, и соединил их вместе. Получилось нечто вроде трубки для пуска отравленных стрел. В дальнее отверстие трубки Алекс вложил продырявленный рыбий пузырь, начиненный мельчайшей металлической пылью. Другой конец приложил к губам, направил самодельный инструмент в сторону куста и дунул. Невидимая пыль воспарила в воздух, собралась вокруг куста и осела. Стэн и Алекс уткнулись носами в грязь, надеясь остаться незамеченными. Несколько минут спустя караульные начали совершать обход.

Готовясь к побегу, друзья учли, что внутри полевого периметра находятся электронные датчики. Они считали, что конструкция детекторов должна быть предельно проста — возможно, радарного типа. В конце концов, планета-тюрьма находилась далеко от линии фронта.

Таанский капрал, командовавший караулом, покинул свой пост.

— Стража, говорит Разведчик. Мы находимся в районе предполагаемого вторжения.

— Разведчик, говорит Стража. Поступили какие-нибудь сведения о проникновении нарушителя на взлетное поле?

— Подождите на связи.— Старый толстый капрал включил фонарик, чтобы осмотреть землю.— Ничего.

— Точно? Сенсоры по-прежнему указывают на присутствие нарушителя в зоне.

— Да знаю, дьявол тебя забери,— не сдержался капрал.— Но мы ни хрена не видим.

— Разведчик, говорит Стража. Проведите повторную компьютерную проверку. Инспектирование участка зарегистрировано... Согласно вашему докладу, никакого вторжения произведено не было. Возвращайтесь на командный пункт. Прием окончен.

— Прекрасно, будь ты неладен,— проворчал капрал.— Если здесь никого нет, мы просчитались. Если здесь кто-то есть, нас вздернут на виселице. Черт! Поживем — увидим.

Караульные таанцы удалились.

«Очень, очень хорошо»,— подумал Стэн. Металлическая пыль, которую Алекс выдул на куст, определенно была зафиксирована ближайшим сенсором. Дежурный отряд направился к месту, откуда приходил сигнал, и ничего не нашел. А сенсор все еще продолжал указывать на присутствие нарушителя. Теперь на «доклады» сенсора не будут обращать никакого внимания до тех пор, пока с ним не разберется техник. Путь к посыльному кораблю был свободен.

Люк левого борта оказался открытым. Алекс направился к хвостовой части, Стэн вошел в комнату контроля. Вопрос, куда лететь, все еще оставался открытым.

Управление кораблем было на удивление простым. Стэн уже сел в кресло пилота и начал нажимать кнопки, когда Алекс ввалился в крохотный командный центр.

— Здесь нет горючего!

Стэн пробормотал четыре непристойных ругательства и включил компьютер. Нет, горючее все-таки было. Во всяком случае, достаточное количество для того, чтобы вывести корабль в открытый космос. Достаточное для того, чтобы выйти на межзвездный путь. Достаточное для...

Стэн включил навигационный компьютер. Хватит ли топлива на то, чтобы выскочить из таанского галактического пространства?

Ответ отрицательный. Стэн стукнул кулаком по панели компьютера и откинулся на спинку кресла.

— Оказывается, мы все это проделали зря.

— Нет-нет, юноша,— сказал Алекс.— Я просмотрел записи о заправке. Через три дня это корытце наполнят топливом до отказа. А сейчас нам остается лишь покинуть его, перелезть обратно через проволоку, вернуться домой и немного подождать. Как ты думаешь, сумеем?

Снова лезть через проволочные заграждения. Снова пробираться через камыши. Вернуться обратно, в ненавистный ад лагеря, где прожито три долгих года... Они не могли это сделать. Но они вернулись.

Стэн и Алекс проскользнули через проволочное заграждение, прошмыгнули мимо охранников, попали на территорию лагеря и очутились возле своего барака. У них было только одно желание — добраться до коек и заснуть. Однако, вопреки всем ожиданиям, заключенные, которым в это время уже положено было отдыхать, бодрствовали.

Вскоре все стало ясно. Шумиха, поднятая заключенными по команде полковника Вирунги для прикрытия беглецов, вызвала обратную реакцию со стороны лагерного начальства. Была устроена массовая проверка. Охранники выкликали каждого имперца поименно, сличали отпечатки пальцев, проверяли наличие особых примет, сосредоточенно вглядывались в лица. Ни у Вирунги, ни у любого другого заключенного не было возможности избежать проверки. Конечно, охранники знали, что Стэн и Алекс не могли бежать — это подтвердили результаты прочесывания периметра. Но они могли где-то спрятаться, готовясь к побегу. Возможно, они снова роют туннель.

Впрочем, это уже не имело значения. Перед самым побегом Вирунга предупредил Стэна и Алекса: если они вновь появятся в лагере, их ликвидируют. А заодно и полковника Вирунгу — охранни-

кам не составит особого труда выяснить, кто был причастен к их исчезновению.

Стэн и Алекс переглянулись. Им уже никогда не удастся совершить вторую попытку проникнуть на посыльный корабль. Следующим этапом их заключения станет планета рудников и скорая смерть.

Но друзья ошибались. Им предстояло знакомство с вежливыми и обходительными верховными правителями таанцев.

Глава 5

Двадцать семь членов Верховного совета погрузились в состояние скучного безразличия, когда престарелый секретарь монотонным голосом стал зачитывать очередное законодательное постановление, принятое к рассмотрению в тот день.

— ...Документ номер ноль тридцать девять — триста восемьдесят семь. Тема: пенсии малоимущим. Аргумент за: распределенные налоги на гарантированные доходы в пользу пенсионеров облегчают тяжелую ношу, выпавшую на долю государства, что позволяет правительству вкладывать главные средства в военную промышленность. Аргументы против: никаких.

Престарелый секретарь, не поднимая головы, задал рутинный вопрос:

— Возражения будут?

В зале, как обычно, стояла тишина.

— Принято единогласно. Следующее. Документ номер четыреста тридцать четыре — сто два. Тема: распределение горючего. Подсекция машин медицинской «скорой помощи». Аргументы за увеличение выдачи: изъятие машин «скорой помощи» для использования в военных целях без всякой компенсации усугубляет неимоверные трудности и лишения, испытываемые и без того обремененной заботами системой гражданского здравоохранения. Рекомендация штаба: никакого увеличения.

Снова прозвучал шаблонный вопрос. И снова тишина свидетельствовала о полном единодушии. Государственные дела всегда решались подобным образом. Тем не менее членов Верховного совета таанцев вряд ли можно было назвать единомышленниками председателя, лорда Ферле. Напротив, у каждого из них были свое особое мнение и могущественные союзники. Иначе они не вошли бы в состав совета.

Лорд Ферле стал председателем в результате умелого ведения собственной политики в корыстных целях. Многие годы он укреплял свои позиции посредством назначения нужных людей на ключевые посты. Например, совсем недавно он повысил в должности леди Этего, переведя ее из кандидатов в действительные члены совета. Конечно, она заслужила этот статус — как-никак герой войны!

Когда секретарь продолжил свое заунывное чтение, председатель посмотрел на полковника Пэстора. Иногда ему казалось, что назначение полковника на занимаемую им теперь должность явилось ошибкой. Дело заключалось не в том, что промышленник был слишком тяжелым человеком. Просто он имел обыкновение задавать наивные вопросы, на которые трудно было ответить. Но самое главное — с течением времени Ферле перестал полностью полагаться на его поддержку.

«Гм. Как поступить с Пэстором?» — подумал председатель. Проблема состояла в том, что Пэстор был не только преуспевающим промышленником, но обладал поразительной способностью находить все новых людей, умеющих наносить ощутимые удары по империи. К тому же он выкладывал из собственного кармана колоссальные суммы на организацию военных кампаний. Наверное, правильнее всего будет потерпеть старика еще какое-то время.

Затем лорд Вичман — абсолютно надежный, абсолютно лояльный. В том-то и состояла его проблема. Вичман ровным счетом ничего не смыслил в искусстве компромисса. Этот его недостаток несколько раз чуть было не расстроил хитросплетенную игру Ферле.

Компромисс был главным принципом политики таанцев. Все предложения обсуждались ими в мельчайших подробностях до начала любого собрания. Все точки зрения рассматривались заранее и по возможности включались в программу для всеобщего обсуждения. Все постановления, за редким исключением, принимались единогласно.

Единодушие было необходимо таанцам как воздух. Они являлись воинственной расой, потерпевшей в далеком прошлом унизительное поражение. Оттесненные к окраинам империи, таанцы вынуждены были бежать к своему теперешнему дому. На эту планету не претендовал никто, кроме аборигенов, долгое время не желавших покоряться таанцам. Геноцид сделал свое черное дело, убедив местных жителей в ошибочности их логики.

Мало-помалу таанцы восстановили свое могущество и, заново построив воинственное государство, выработали новую расовую цель: больше они никогда не побегут и однажды непременно отомстят своим обидчикам. А пока необходимо как следует зарекомендовать себя.

Они стали нападать на соседей. Один за другим многие и многие народы после жестокой борьбы покорились захватчикам. Для одержания побед таанцы использовали два железных правила: умело идти на уступки в переговорах с коренным населением для завуалирования своих агрессивных намерений и добиваться успеха любой ценой. Случалось, войны требовали принесения в жертву до шестидесяти процентов живой силы. По окончании каждой войны таанцы быстро перегруппировывались и развязывали новый конфликт.

Столкновение с вечным императором было всего лишь делом времени.

В результате снова началась война.

— ...Документ номер пятьсот двадцать пять — сто семнадцать. Тема не обозначена. Никаких аргументов. Возражения будут?

На сей раз тишина была нарушена.

— Не то чтобы возражение... Просто у меня есть один вопрос.

Остальные двадцать шесть членов совета, пребывавшие перед тем в состоянии сомнамбулического оцепенения, впали в состояние шока. Во-первых, неозаглавленный билль Верховного совета всегда был личным предложением, поступившим от одного из членов совета. О таком билле не стоило бы даже упоминать во избежание малейшей дискуссии. Во-вторых, ситуация стала еще более пикантной, когда взоры всех присутствующих устремились на задавшего вопрос.

На сей раз это был не Пэстор. Это был Вичман. А номер 525 свидетельствовал о том, что билль принадлежал Пэстору.

Члены совета подались вперед, их глаза загорелись от предвкушения предстоящей битвы. Только Ферле, как председатель, и леди Этего оставались равнодушными. Этего с солдатским презрением относилась к политическим перипетиям любого рода.

Пэстор откинулся на спинку стула.

— Итак, насколько я понял смысл данного предложения,— начал Вичман,— мы производим на свет программу, согласно которой будем полагаться на военнопленных при создании нашего оружия. Я прав?

— Слишком сильно сказано,— сказал Пэстор,— но по смыслу верно. В чем заключается ваш вопрос?

— В одной простой вещи: солдат, который позволил захватить себя в плен,— трус. Разве не так? — Пэстор утвердительно кивнул.— А трусость и малодушие — вирусы заразные. Боюсь, от общения с военнопленными моральному духу наших солдат будет угрожать большая опасность. Мы многим рискуем.

Пэстор хмыкнул.

— Да ничем мы не рискуем,— сказал он.— Если бы вы потрудились внимательно ознакомиться с моим планом, то не задали бы этого вопроса.

— Я прочел ваше предложение от и до,— категорично заявил Вичман.— И все-таки я спрашиваю.

Пэстор вздохнул. Он понял, что Вичман хочет поставить его в неловкое положение, и задумался над тем, какой компромисс предложить для беспрепятственной реализации своего плана.

— В таком случае я постараюсь ответить на ваш вопрос,— сказал он, безуспешно пытаясь избежать ноток сарказма в голосе.— Воз-

никшая перед нами проблема легко объяснима, но трудно разрешима. У нас имеется достаточное количество заводов и средств для ведения войны, но эти заводы обеспечены лишь половиной рабочей силы, необходимой для обслуживания производства. В первую очередь я бизнесмен. Если передо мной возникает проблема, я немедленно берусь за поиски путей ее устранения. Много раз одну проблему помогала разрешить другая. Если нам повезет, мы сможем убить одним выстрелом двух зайцев.

— Поясните ваши слова.

— Я занимался поисками дополнительной рабочей силы. И нашел ее в лагерях для военнопленных. Но это лишь вершина айсберга. Мы испытываем колоссальную нехватку технического персонала. Ни одна военная школа не в состоянии поставить необходимое количество грамотных специалистов. Где находится неиссякаемый источник незадействованных военных кадров? Да конечно же в зонах, в которых содержатся смутьяны. В особенности это касается отъявленных нарушителей.

— Не вижу логики. Трудный заключенный приравнивается к образованному существу? — недоумевал Вичман.

— Логика проста. Если этим заключенным столь длительное время удавалось оставаться в живых, значит, у нашего лагерного руководства были веские причины не уничтожать их. Такова моя интуиция, а она меня еще ни разу не подводила. И давайте прекратим обсуждение этого предложения. Полагаю, лорд, остальные члены совета согласятся со мной.

Вичман проигнорировал последние слова Пэстора.

— Выходит, вы гарантируете, что эта ваша программа разрешит проблему?

— Я ничего не гарантирую,— выпалил Пэстор, едва сдерживая гнев.— Прежде всего программа является экспериментом. Если она не сработает, ничего страшного не произойдет, тем более что расходы по ее реализации я полностью беру на себя.

— Хорошо. Очень хорошо. Вы ответили почти на все мои вопросы. Но кое-что у меня все-таки вызывает беспокойство.

— Что именно?

— Штат сотрудников первой подобной тюрьмы. Хочу заметить, что у присутствующих здесь членов совета нет опыта по этой части.

«Ну наконец-то,— подумал Пэстор.— Вичман хочет поставить своего человека на одну из ключевых позиций. Кого конкретно он имеет в виду?»

Выяснять было некогда. Ситуация требовала немедленного принятия решения.

— Возможно, в этом деле могла бы пригодиться ваша помощь, мой лорд,— вкрадчивым голосом сказал он.

— Согласен,— ответил Вичман.

Сидящие за столом члены совета тут же успокоились.

— Итак, снова спрашиваю,— продолжал престарелый секретарь,— возражения есть?

Документ № 525-117 был тотчас узаконен.

Следующим пунктом повестки дня значилось выступление леди Этего. Было рассмотрено полдюжины вопросов, прежде чем наступила очередь леди Этего предстать перед Верховным советом. Хотя этот доклад был ее дебютом в качестве действительного члена совета, она совершенно не нервничала.

Этего подготовила перечень фактов, характеризующих положение дел на фронте. Для нее не имело никакого значения, наведут ли эти факты коллег на мрачные мысли или зажгут в их сердцах оптимизм. Эмоциональная сторона вопроса ее вовсе не интересовала.

Леди Этего прекрасно понимала: вскоре война приблизится к критическому моменту — и считала, что остальным также должно быть ясно: развитие событий в ближайшем будущем выявит потенциальных победителей и побежденных. Между тем она была убеждена, что план, частично уже приведенный в исполнение ею и лордом Ферле, обеспечит таанцам окончательную победу.

— ...специальный доклад леди Этего... Уверен, что вы все...

Этего не сочла нужным вслушиваться в шаблонные банальности, адресованные ей пожилым секретарем. Услышав свое имя, она встала.

Леди Этего выглядела импозантно даже среди людей, которых трудно было чем-то удивить, и отлично знала об этом. Она была намного выше ростом большинства таанцев, а густые темные волосы, длиной почти до талии, носила распущенными. Большие глаза, чувственные губы и роскошное тело, линии которого идеально подчеркивала узкая униформа... Но только глупцов могла обмануть страстность ее взгляда. Единственной страстью леди Этего была война.

— Уважаемые лорды и леди,— начала она свою речь.— Я зачитаю лишь основные положения своего доклада, так как не хочу докучать вам содержащимися в нем длинными сводками. Более подробно вы сможете ознакомиться с фактами позже, как говорится, на досуге. Итак, постараюсь кратко изложить положение дел. Начну с главного — мы отвоевали у империи огромные территории. Наш успех был обусловлен двумя причинами. Первая: мы всегда готовы рисковать всем. Вторая: сами размеры военной машины императора давали нам преимущество. К тому времени, как его силы начинали оказывать противодействие, было уже слишком поздно. Но именно это преимущество мы можем потерять.

Члены совета насторожились.

— Назову лишь основные причины,— продолжала леди Этего.— Вот одна из них. В данный период времени каждый успех приносит

свое бремя. Наши денежные ассигнования выходят за пределы разумного. Мы растрачиваем ценные ресурсы, располагая гарнизоны на новых территориях. Вторая: усиленные попытки императора перевести промышленность с мирных рельс на военные скоро принесут плоды. Не за горами тот час, когда мы столкнемся с резким наращиванием мощи и численности его флотов.

Леди Этего остановилась, давая членам совета возможность переварить услышанное. Настало время сообщить о плане.

— Прежде чем это случится, нам необходимо найти уязвимое место, куда можно было бы всадить нож. Лорд Ферле и я уверены, что нашли его.

Этего нажала на кнопку дистанционного управления. На дальней стене зала засветился экран. Члены совета подались вперед, увидев звездную карту.

Их взорам предстали две системы, расположенные в непосредственной близости друг от друга. В них не было ничего необычного, кроме того, что находились они глубоко внутри империи.

Леди Этего объяснила, что первая система, названная Аль-Суфи, являлась главным хранилищем антиматерии-два, топлива, которым пользовалась вся империя, таанцы в том числе. Этего не было необходимости напоминать членам совета, что именно контроль над АМ-2 давал вечному императору неограниченную власть.

— Естественно, Аль-Суфи — подходящая мишень. С недавнего времени мы стали размещать наши силы в этом регионе. Если нам удастся захватить его, поражение императора будет предрешено.

— Не является ли это очевидным также для императора? — спросил Пэстор.

— Надеемся, что да,— ответила леди Этего.— Потому что размещение, о котором я говорила, существует только на бумаге. Это всего лишь прикрытие. Фальшивка.

— Не понимаю,— сказал Вичман.

— Не вызывая подозрения, мы дали императору понять, что собираемся напасть на Аль-Суфи. И у нас есть точные сведения, что император сделал ответный ход, проведя аналогичный ввод своих войск. А теперь позвольте продемонстрировать вам нашу настоящую цель!

Члены совета перевели взгляды на вторую систему, Дюрер. Этот регион был так же хорошо всем известен и являлся не менее важным для промышленности и транспорта, чем Аль-Суфи, в котором добывалась и хранилась АМ-2.

— Как видите, расстановка мнимых сил в Аль-Суфи способствовала тому, что система Дюрер осталась в тени. Она наша — иди и бери.

Членам совета не требовалось объяснять, что из этого получится. Представители воинственной расы мгновенно поняли: врага мож-

но будет обойти с фланга. Глядя на Дюрер, члены Верховного совета видели бьющееся красное сердце империи. От них требовалось лишь дать леди Этего добро на то, чтобы вонзить в него кинжал.

Голосование прошло единодушно.

Глава 6

Генерал Ян Махони прихрамывающей походкой шел по длинному, отделанному панелями коридору, стиснув зубы от боли, пытаясь не отставать от двух гурков, сопровождавших его в Генеральный штаб вечного императора. Он ощущал трение пластиковых и металлических скоб, скреплявших его раздробленные кости.

Одна из дверей бесшумно открылась, и кто-то выскочил из помещения, чуть не сбив Махони с ног. Генерал проворчал проклятия, сетуя на свою неуклюжесть. «Ян,— подумал он,— ты похож на трехногую лошадь, участвующую в скачках с препятствиями». Придя в себя, Махони пошел дальше.

Он находился в глубоком подземелье императорского дворца или по крайней мере в том, что от него осталось. Наземная часть, бывшая некогда точной копией величественного замка Арундель, превратилась в черные руины, став жертвой внезапной ядерной атаки таанцев. Даже сейчас все еще были заметны следы сильнейшей радиации.

Таанцы надеялись, что император будет уничтожен в результате одной мощной атаки, которой они подвергли Прайм-Уорлд. Враг не мог знать, что замок был лишь искусно сработанным фасадом бункера главного Имперского штаба, удаленного от поверхности земли на многие километры. Находясь в укрытии, император неоднократно обрекал их коварные замыслы на провал. Любая радиопередача, транслировавшаяся из дворца, начиналась и заканчивалась панорамой руин, над которыми гордо реяли два флага: стяг империи и знамя императорского двора: золотое с надписью «АМ-2», вышитой над схемой атомной структуры антиматерии. Махони почти воочию представил себе насмешливое выражение лица императора при виде этой утонченной пропаганды.

Какие чувства вызовет в нем встреча со старым боссом? Дружеские? «Осторожно, попридержи эмоции»,— предупредил себя генерал. Быть другом вечного императора явилось весьма сомнительной привилегией. Дружба в большей степени, чем служба, довела его до теперешнего плачевного состояния.

При последнем нападении таанцев на Кавите его войско было наголову разбито, а сам он чуть не погиб. Махони до сих пор не понимал, каким образом выжил, и лишь догадывался, что к этому при-

ложил руку его протеже Стэн. Несколько месяцев спустя, когда генерал пришел в сознание, первые его мысли были о том, чтобы переосмыслить жизнь. На протяжении последующих нескольких лет он попадал под лазерный скальпель хирурга такое множество раз, что сбился со счета. Махони подозревал, что доктора проделали нечто такое, что сторонний наблюдатель назвал бы великим чудом медицины. Они собрали его буквально по кусочкам.

Однако, несмотря на все их старания, Махони чувствовал себя постаревшим на много лет. А ведь он, по сути, мужчина среднего возраста. Тяжелее всего было привыкнуть не к постоянной ноющей боли, а к своему лицу.

Одна его сторона была испещрена благородными морщинами, которые Махони имел некогда обыкновение называть рытвинами и канавами, оставленными в качестве автографов длинной интересной жизнью. Другую сторону покрывала гладкая, как у младенца, кожа.

Врачи заверили Махони в том, что искусственная плоть запрограммирована на постепенное старение и вскоре обе половины лица будут выглядеть одинаково. Махони им не верил — хотя должен был признать, что четыре месяца назад его челюсть также не работала; теперь, после очередной болезненной операции, она функционировала нормально.

Махони не имел ни малейшего понятия, для чего вдруг понадобился императору. Он предполагал, что босс по старой дружбе желает лично сообщить ему новость о том, что пора «сниматься с якоря» и идти в раннюю отставку.

«Ну и хрен с ним, пенсия для генерала с двумя звездами — не так уж плохо,— размышлял Махони.— Кроме того, я ведь всегда смогу подыскать себе другую работу... Спустись с небес, Ян. Профессия убивать людей — не самая необходимая в гражданской промышленности».

Махони вышел из состояния раздумья, когда гурки остановились перед безликой дверью и жестом указали ему на кнопку лучевого кода, к которой следовало приложить большой палец руки. Махони решил, что первое предположение было верным. Его вызвали для «снятия с якоря» по команде «Дружно взяли!».

Открылась следующая дверь, и на Махони пахнуло жаром кухни. Ощущение было таким, словно он попал в огромный ирландский мясной пирог. В дверном проеме возникла мускулистая фигура вечного императора. Он оглядел Махони с ног до головы оценивающим взглядом, словно прикидывал, годится ли тот для начинки в пирог. Следуя старой солдатской привычке, Махони попытался привести свои хрустящие кости в состояние по стойке «смирно».

Император улыбнулся.

— Махони,— сказал он,— ты похож на человека, которому не мешало бы промочить горло крепким скотчем.

— Говорю тебе, Махони, из-за этой заварухи с таанцами я стал совершенно по-другому смотреть на жизнь. Когда мне в конце концов удастся стряхнуть их со своих ботинок, дела пойдут по-другому. Не знаю, можешь ли ты меня понять, но работа вечного императора далеко не так романтична, как многие думают.

Махони выдавил кривую улыбку.

— Не болит голова у дятла,— сказал он.

Император поднял голову от доски для рубки мяса.

— Что такое? Кажется, слышны нотки цинизма в твоем голосе? Осторожно, Махони. Во мне бродит сила виски.

— Прошу прощения, босс. Промашка вышла.

Они находились в кухне вечного императора, напоминающей беспорядком офицерскую кают-компанию. Махони сидел за столом из нержавеющей стали, держа в руке маленькую рюмку. Император находился напротив него, готовя обед, который, как он пообещал старому товарищу, будет полностью вписываться в военный лейтмотив.

Император назвал блюдо «подсадная курица». На середине стола стояла кварта спиртного домашнего приготовления — по мнению императора, удивительно напоминавшего шотландское виски. Властитель наполнил рюмки и сделал глоток, прежде чем возобновить свое занятие. Во время работы он беспрестанно говорил, суетясь вокруг различных предметов, назначение которых было известно ему одному.

— Никак не могу вспомнить настоящее название этого блюда. Один из множества кулинарных шедевров, который стряпала вся жуликоватая Луизиана задолго до моего восшествия на престол.

Махони предположил, что Луизиана была провинцией, находившейся на древней Земле.

— В прежние времена некоторые люди считали, что продукт не является продуктом до тех пор, пока из него не выжаривали весь дух. Я не видел в этом смысла, но с годами научился не осуждать народное мнение. Итак, я попробовал приготовить несколько блюд.

— И все они оказались чудесными, верно? — спросил Махони.

— Нет, все они оказались ужасными,— ответил император.— Я понял, что сам виноват: все спалил. Мой дед убил бы меня, если бы увидел, сколько продуктов я перевел. В конце концов я уяснил несколько основных правил. Ничего нельзя пережаривать или перепекать.

— Как картошку,— вставил Махони.— Никому не хочется пережаривать картошку.

Вечный император посмотрел на генерала странным взглядом.

— А кто говорил о картошке?

Махони только покачал головой и поднес рюмку к губам. Запрокинув голову назад, он влил в глотку ее содержимое, почувствовал себя более уверенно и снова наполнил рюмку.

— Глупость сморозил...

Император несколько минут молчал, автоматически продолжая готовить обед. Используя пальцы рук и ладони как мерные ложки, он высыпал в чашу следующие ингредиенты: жменю стручкового кайенского перца; две щепотки пищевой соли, щепотку толченого перца; горстку сушеного шалфея и нарезанный в форме кубиков хрен. Затем поставил чашу на большую черную плиту, незамедлительно вылил в нее бутылку водки, свежевыжатый сок лайма, стакан растительного масла и высыпал полчашки каперсов.

Император вынул из холодильника жирную корнуэльскую курицу и положил ее на металлический стол. Затем выбрал французский нож с узким лезвием, проверил, достаточно ли острый у него кончик, и одобрительно кивнул. Перевернул курицу спиной кверху и сделал пробный надрез вдоль позвоночника. После секундной паузы он отложил нож в сторону.

— Хочу изложить тебе кое-какие свои соображения. Посмотрим, совпадет ли твоя точка зрения с моей.

Махони наклонился вперед, приготовившись слушать с большим интересом. Может быть, он наконец-то узнает настоящую причину, по которой его сюда вызвали.

— Тебе знакома система Аль-Суфи?

Махони утвердительно кивнул головой.

— Огромное хранилище АМ-два, не говоря уже обо всем остальном. Если не ошибаюсь, одна треть всех наших запасов АМ-два находится именно там.

— Совершенно верно,— сказал император.— А с недавнего времени ко мне стали поступать сведения о размещении в этом регионе крупных сил таанцев. И происходит постепенный перевод флотов из других секторов в этот. Мы также перехватываем много радиоболтовни со вспомогательных кораблей.

Махони понимающе кивнул. Ему, как профессионалу, было отлично известно, что при прослушивании радиопередач можно всякое услышать.

— Эти типы все одинаковы,— заметил он.— Что таанцы, что имперцы. Не могут соблюсти даже элементарных правил безопасности.— Махони задумчиво приложился к рюмке.— Итак, в чем проблема? Если нам известно, что они собираются напасть, нужно предпринять ответные меры до первого выстрела с их стороны.

— Согласен,— сказал император, снова беря в руки нож и оставляя предмет обсуждения в подвешенном состоянии.— Тебе, наверное, было бы интересно посмотреть, Ян. Снимать мясо с костей курицы просто, когда знаешь, как это делается. В противном случае можно, к чертовой бабушке, отрубить не то, что нужно, и самому остаться без пальцев.

Император очень осторожно сделал надрезы с обеих сторон от хребта тушки, сунул в прорезы палец и вытянул из нее позвоночник. Затем положил курицу плашмя, накрыл ладонями каждую половинку и придавил с силой.

— Понял, что я имею в виду? — спросил он, поднимая вверх ребра дичи.

— Я просто поражен,— сказал Махони.— Но дело не в этом. Догадываюсь, что вы не в восторге от информации, полученной разведкой.

Император склонился над кухонной плитой и зажег горелку.

— Твоя догадка верна,— кивнул он.— Но я не виню моих разведчиков. Думаю, таанцы замышляют нечто диаметрально противоположное.

— Что именно?

— У системы Аль-Суфи есть соседка. Дюрер.

— Я что-то слышал...

— Говоря иносказательно, наступи ты одной ногой на Аль-Суфи, Дюрер почувствует прикосновение ее большого пальца.

Махони представил себе эту картину и нахмурился. Он был удивлен.

— Но ведь это только...

— Только стоя на Дюрере,— продолжал император,— можно сделать хороший сильный плевок.

«Такой плевок должен быть очень мощным»,— подумал Махони, но согласился с императором.

— Допустим, вы правы,— сказал Махони,— и таанцы действительно хотят заставить нас сражаться с ветряными мельницами. В таком случае, если они захватят Дюрер, мы можем послать нашим войскам, находящимся в Аль-Суфи, нежный, но прощальный поцелуй. Не говоря уж о потерях, которые мы уже понесли в результате войны.

— Интересная получается ситуация.

— Что вы планируете предпринять в связи с этим?

— Прежде всего я собираюсь выпарить весь дух из этой курицы,— сказал император, поворачиваясь к плите.— Первая хитрость заключается в том, что сковороду нужно как следует раскалить.

Махони ближе придвинулся к плите и стал внимательно наблюдать за действиями властителя, уразумев, что меню составлялось по тому же принципу, что и его планы насчет таанцев.

Император повернул ручку горелки до предела и поставил на сильный огонь тяжелую закоптелую чугунную сковороду. Через несколько секунд сковорода начала дымиться, над ней поднялись густые клубы пара. Еще через несколько мгновений сковорода перестала дымиться.

— Проверим, каким становится воздух над плитой,— сказал император.— Он начинает колебаться, правильно?

— Правильно.

— По мере того как сковорода раскаляется, колебание воздуха усиливается. Это будет происходить до тех пор, пока над внутренней частью сковороды не поднимется густой пар.

Пар появился строго по расписанию.

— Значит, уже пора? — спросил Махони.

— Почти. Но не совсем. На этом этапе многие спотыкаются. Через пару минут пар рассеется, а днище сковороды покроется беловато-пепельным налетом.

Как только появился пепельный налет, император жестом попросил Махони отстраниться от плиты. Он зачерпнул большой кружкой растительное масло, вылил его на сковороду и отскочил в сторону. Махони понял почему, когда длинные языки пламени стали со всех сторон лизать сковороду. Затем огонь утих, император быстро вернулся на место и высыпал из чаши на сковороду специи. Потом несколько раз помешал специи ложкой — сначала в одном направлении, затем в другом. Поверх всего этого положил корнуэльскую курицу. Столб пара с шумом взвился над сковородой.

— На обжаривание каждой стороны уходит пять минут,— объявил вечный император.— Я посыпаю тушку специями и ставлю в печь минут на двадцать — до полной готовности.

— Кажется, идея понятна,— сказал Махони.— Вы собираетесь подсунуть раскаленную добела сковороду таанцам.

Император нашел эту мысль довольно забавной и украдкой усмехнулся, выкладывая основательно почерневшую курицу на противень.

Тушка снова была посыпана специями и поставлена в печь, раскаленную до температуры триста шестьдесят градусов. Властитель уменьшил огонь на плите, снова поставил на нее шипящую сковороду, вылил туда два штофа водки и четверть чарки сока лайма. Потом эта смесь будет использована для глазурования курицы.

— Ты прав,— сказал наконец император.— Я планирую проделать с таанцами ту же штуку. На бумаге я передвинул силы со всей карты в регион Аль-Суфи.

— Но в действительности они будут поджидать врага в системе Дюрер,— подхватил Махони.

— В этом и заключается мой план.

Генерал с минуту молчал.

— Один вопрос, босс. А что, если таанцы на самом деле размещают войска в Аль-Суфи? Что, если мы ошибаемся?

Император занялся побегами аспарагуса, намереваясь пропустить их через пары топленого тимьянового масла, смешанного с сухим белым вином.

— Я давно уже не ошибаюсь,— сказал он.

— Но не допускаете ли вы вероятность совершения ошибки на сей раз?

— Нет,— категорично заявил император,— не допускаю. Вот потому-то ты здесь.

Император полез в карман и вынул из него маленькую черную коробочку для драгоценностей. Махони открыл ее. Внутри лежали нашивки маршала флота.

— Когда начнется атака,— сказал император,— я хочу, чтобы моими силами командовал ты.

Махони не мог отвести глаз от звезд, сверкавших на велюре. В эту минуту он припомнил, когда получал последние приказы непосредственно от императора. Эти приказы привели его на Кавите.

— Ты сделаешь это для меня? — настойчиво спросил император.

Махони кивнул головой, выражая тем самым согласие принять командование флотами в системе Дюрер.

Глава 7

Огромный корабль, перевозящий заключенных, приземлился на Хизе, столичной планете Таанских миров. После того как была расставлена охрана, люки с шумом открылись, и пленники выгрузились.

Стэн и Алекс спустились по сходням, гремя тяжелыми цепями, прикованными к железным кольцам на руках и ногах. Они поражались, для чего таанцам понадобилось заковывать изможденных заключенных в архаичные, бесполезные кандалы. Пленные ожидали, что их высадят на таанской мертвой планете рудников. Но вместо этого...

— Я бывал здесь раньше,— прошептал Алекс сквозь сжатые губы — этим приемом владели все профессиональные заключенные.— Э-хе-хе.

Указание лорда Пэстора могло быть выполнено по всем правилам, если бы таанские бюрократы не пожадничали. Для того чтобы забрать неисправимых заключенных и доставить их в новую тюрьму,

выделили одно-единственное транспортное судно, тихоходное и грязное.

После разгрузки оказалось, что лучшие и изворотливейшие оказались не такими, какими их представляли себе таанцы, а вонючими, немытыми, нечесаными и сердитыми.

Единственным признаком уважения к этим заключенным, чего они, кстати сказать, не поняли, был состав военных, сопровождавших их по улицам Хиза. Вооруженные солдаты, шедшие по обеим сторонам колонны с интервалом в пять метров друг от друга, являлись охранниками из боевого формирования штурмовой дивизии. Им предстояло отправиться в зону военных действий менее чем через три недели после того, как разношерстная группа в количестве тысячи оборванцев — мужчин, женщин и существ — будет доставлена в новую тюрьму.

Гремя цепями, Стэн шаркающей походкой пошел вперед, понурив голову, опустив руки — типичный представитель племени хорошо вымуштрованных заключенных. Но глаза его бегали по сторонам. Он украдкой наблюдал за происходящим, с большой осторожностью перекидываясь короткими фразами с Алексом.

— Чертов Хиз,— прошептал Стэн.

— Да уж,— прошептал в ответ Алекс.— Когда мы в последний раз посещали эту планету, здесь было повеселее, устраивались вечеринки.

— Сейчас идет война, глупец.

Алекс посмотрел на город другими глазами. В последний — и единственный — раз они прибыли на Хиз тайно, получив инструкции выследить и поймать убийцу. Но то было много лет назад, а потом, как Стэн и предполагал, война черной тучей нависла над Хизом.

Улицы были пустынны. Лишь изредка по ним проезжали машины — горючее было конфисковано для военных нужд. Магазины были заколочены досками, или, хуже того, в их витринах висели сводки боевых действий. Иногда Стэн и Алекс замечали гражданских, одетых в жалкие лохмотья, но они быстро исчезали с улиц или при виде военных поднимали одну руку и, поеживаясь от холода, разбегались по своим делам.

Колонна заключенных следовала по узким улочкам, тянувшимся вверх.

Стэн проанализировал ситуацию умом военного психолога: «Если бы тебе удалось схватить самых злейших вражеских подонков, устроил бы ты тогда триумфальное шествие? Позвал бы всех своих сограждан, брызжущих слюной от ликования, что варвары оказались у них в руках? Надел бы парадную униформу со всеми регалиями? Конечно. Почему же этого не сделали таанцы? Другой образ мышления? Возможно. Не могут собрать своих сограждан? Исключено — любое тоталитарное государство может это сделать. Вероятнее все-

го, они не хотят показывать, какой ощутимый урон нанесла им война, раз уж с гордостью представляют Хиз центром культуры, не желая, чтобы представители других планет знали правду. Наиболее интересное, но и труднее всего разрешимое...»

Раздумья Стэна были прерваны громким приказом:

— Стой! Внимание!

Стэн решил, что сейчас мимо них проедут боевые машины. Вместо этого на улице появился офицер в плаще, управляющий каким-то животным, в сопровождении пеших охранников.

— А это еще что такое?

— Чтоб я сдох,— прошептал Алекс.— Да ведь это лошадь.

— Лошадь?

— Угу. Земное создание, безмозглое, как Кэмпбеллы, кусачее и прожорливое.

Стэн собирался еще порасспросить Алекса про невиданную тварь, но офицер, идущий во главе колонны, отдал приказ двигаться дальше. Впервые после высадки на Хиз Стэн поднял голову и посмотрел наверх, куда вела узкая булыжная мостовая.

У него перехватило дыхание. На вершине холма стояло громадное каменное серое здание. Своими очертаниями оно напоминало гигантское мрачное чудовище. Крепостные стены, устремленные ввысь, оканчивались полуразрушенными восьмиугольными зубцами двухсотметровой высоты каждый. Создавалось впечатление, что зубцы эти своими остриями пронзали хмурое, покрытое серыми тучами небо.

Алекс также рассматривал строение.

— Вот это да,— пробормотал он наконец,— никак не думал, что таанцы поведут нас в церковь. Она и станет нашим новым домом!

Глава 8

Кафедральный собор Колдиез был построен не таанцами. Они не поклонялись никаким богам, но безгранично верили в свое расовое превосходство и расовую судьбу. Колдиез был Ватиканом для первых поселенцев Хиза — монотеистов, коммунаров, занимавшихся земледелием. Почти два столетия они строили свою церковь на вершине самого высокого холма маленькой столицы.

Когда на поселенцев напали таанцы, шансов сохранить свою культуру у них оставалось не больше, чем у странствующих варваров. Она была поглощена культурой захватчика. Поселенцам запрещалось говорить, читать и писать на родном языке. Таанцы высмеивали даже их манеру одеваться. Местную религию сначала исповедовали тайно, а затем ее и вовсе забыли.

Таанцы не были религиозными, но они были суеверными. Им так и не удалось найти применение маячившему на холме собору.

Поэтому он был обнесен высокими крепостными стенами и простоял в бездействии века. Семьдесят пять лет назад потерпевший крушение тактический корабль врезался в зубчатую корону, а ветра и дожди способствовали дальнейшему ее разрушению.

Но сам кафедральный собор Колдиез продолжал оставаться великим творением человеческих рук. Форма собора была крестообразной, длина одной оси составляла два километра, другой — один. В центре креста находилось святилище, над которым возвышались останки колокольной башни. Более короткие части креста были крытыми, в более длинных располагались внутренние дворы.

Собор Колдиез полностью соответствовал своему предназначению — являлся обителью религиозного братства, хотя служители церкви не были полностью оторваны от общества. Когда таанцы отдали приказ покинуть Колдиез, пацифисты-коммунары прекратили свою деятельность и безропотно подчинились, предварительно замуровав проходы и опечатав палаты.

С точки зрения таанцев, Колдиез был идеальным местом для размещения тюрьмы. Зачем тратить скудные строительные материалы Хиза, когда есть готовое здание? Оставалось только поставить решетки и осуществить необходимые меры предосторожности. Бригады, сколоченные из заключенных, помогут оживить комплекс.

Самое короткое северное крыло собора отделили от других крыльев стеной, а палаты, окружавшие внутренний двор, отвели под охрану и административную часть. В проходе, ведущем из двора охранников в центральное святилище, были установлены детекторы и тройные ворота. Четыре ряда ограждений с установленными между ними сторожевыми системами и минами окружали собор Колдиез.

Несмотря на то что пока еще были приняты не все меры предосторожности, считалось, что Колдиез готов для принятия заключенных. В конце концов, внешний периметр уже был установлен, так что ни одному представителю империи не удастся выпорхнуть из клетки. А в дальнейшем система безопасности будет усовершенствована.

Таанцы были уверены, что оградили Колдиез от возможных побегов. Заключенные, проходя через толстенные каменные и стальные ворота, оглядывались по сторонам в надежде, что какому-нибудь смышленому существу каким-то образом однажды удастся вырваться на свободу.

Глава 9

Внутри двора заключенных криками и тумаками заставили строиться. Стэн с интересом разглядывал охранников.

В основном они выглядели так, как он и ожидал, исходя из опыта, вынесенного из предыдущего лагеря: громилы бандитского вида

с перенакачанными мускулами, полукалеки из бывших боевиков или солдаты — слишком старые или слишком молодые для отправки на фронт. У них была та же манера выкрикивать непристойности и угрозы, что и у прежних охранников.

Но ни один из них не носил кнута. Все были вооружены дубинками или прутами — на взгляд заключенных, подвергавшихся жестоким избиениям, менее устрашающим оружием. Эти охранники не потрясали над их головами ружьями и не повергали на землю ударами прикладов, что было у таанцев обычным способом привлечения внимания.

Главный крикун носил офицерские нашивки полицейского майора. Широкий кожаный ремень этого грузного верзилы давно перестал бороться с нависавшим над ним брюхом. Когда майор выкрикивал приказы, его рука невольно тянулась к кобуре пистолета, а затем нехотя возвращалась в исходное положение. Лицо его было сплошь исполосовано шрамами.

— Вот это экземпляр,— прошептал Алекс сквозь зубы,— наверное, какому-нибудь медведю не понравилась его рожа.

Наконец заключенные выстроились в соответствии с требованиями охранников, и полковник Вирунга поковылял на свое место впереди строя. То был один из немногих обнадеживающих признаков за время долгой болтанки на тюремном корабле: Вирунга, старший офицер, будет командовать в новом лагере.

Вирунга осмотрел свой подтянувшийся отряд и вдруг остолбенел.

Демонстративно отделившись от заключенных, в стороне стояло существо вызывающего вида. Он? Она? Около полутора метров ростом, поджав под себя короткие толстые ноги, оно село на корточки, как будто в ранний период эволюции его раса имела хвост в качестве третьей точки опоры. Руки создания, почти такие же крупные, как ноги, заканчивались огромными узловатыми лапищами с удивительно тонкими пальцами. У существа не было шеи, а плечи переходили в конусообразный череп с дюжиной розовых усиков на макушке. Вирунга предположил, что это органы чувств. Когда-то существо было упитанным и носило густой мех. Теперь же неухоженная шкура, покрытая клочками скудной поросли, складками свисала с его тела наподобие тоги.

Полковнику Вирунге было отказано в доступе к информации о заключенных, находившихся на борту корабля, а времени на встречу с каждым из них не хватило. Но Вирунга был изрядно удивлен, как он мог не заметить такого.

— Встань в строй, солдат.

— Я не солдат и в строй не встану,— пропищало существо.— Меня зовут Лей Ридер Кристата, я гражданский и не являюсь предста-

вителем империи или таанцев. Я несчастное создание, вероломно схваченное и вынужденное быть частью этой адской машины смерти.

Вирунга вытаращил глаза. Неужели Кристата думает, что остальные стали военнопленными по своей воле? Однако еще больше его поразило другое: как этому мешку противоречий удалось выжить в лагере?

Полицейский майор прорычал что-то невнятное, и двое охранников подскочили к Кристате, держа дубинки наготове.

Но прежде чем они успели повалить его на землю, здоровяк в изодранных лохмотьях, которые были некогда униформой боевого пехотинца, схватил Кристату за цепь кандалов и силой втащил в строй. Очевидно, применение силы охладило пыл мятежного существа, потому что оно покорно осталось стоять на месте.

— Отряд... смирно!

Развернувшись вполоборота, Вирунга оперся на свою палку и пристально посмотрел на балкон третьего этажа. За прозрачной зарешеченной пластиковой дверью балкона стояли двое и внимательно наблюдали за ним.

Вирунга ожидал появления новых господ — хозяев заключенных.

Глава 10

Полицейский полковник Держин не был, по его же собственному мнению, ни военным, ни полицейским офицером. Много лет назад, задолго до начала войны с империей, он занимал должность младшего лейтенанта на исследовательском судне. По неизвестной причине один из запасных контейнеров с кислородом, находившийся на капитанском мостике, взорвался, унеся с собой жизни четырех кадровых офицеров и, хуже того, уничтожив корабельный навигационный компьютер. Держин, единственный уцелевший офицер, принял командование на себя и сумел — в основном благодаря счастливой случайности, как думал он сам,— посадить судно на необитаемую планету.

По всей вероятности, у таанцев тогда была нехватка в героях, потому что вокруг лейтенанта поднялся великий шум. Держин получил пару медалей за героизм и повышение, но это не нацелило его на карьеру военного. Годом позже, когда пресса стала забывать о Держине, он тихо ушел в отставку. Полученные медали помогли ему занять должность младшего управляющего в одной из корпораций Пэстора.

Держин стремительно пошел вверх по служебной лестнице, выказав редкий талант по части умелого использования трудовых ресурсов. Однажды Пэстор сказал, что Держина можно было бы посадить на астероид с шестью антропоидами и двумя молотками, и

меньше чем через год он создал бы из него прототип корабля с тремя вариантами моделей для поточной линии производства.

Держин оправдал оказанное доверие. Уйдя в запас, он сумел хорошо зарекомендовать себя в деловых кругах, мастерски латая социальные дыры. Конечно, как истинный таанец, он не был антимилитаристом. Ему и в голову не приходила мысль о моральной ответственности своего народа за развязанную войну.

Но возвращаться в армию Держину тоже не хотелось, даже по общему призыву, как это было в самом начале. Да и Пэстор, сообразив, что высококвалифицированные кадры — имперские заключенные — пропадают зря, придумал способ надлежащего их использования и немедленно принял решение послать на выполнение этого задания Держина.

Пэстор прекрасно знал, что ни один представитель исполнительной власти, каким бы опытным он ни был, не может стать начальником тюрьмы по мановению волшебной палочки. Поэтому он приставил к Держину помощника.

Этим помощником был майор разведки Авренти. Он тоже никогда не работал лагерным начальником — опытные тюремные администраторы были нарасхват. Авренти считался одним из самых грамотных специалистов в области антисаботажа. Тому, кто мог предотвратить появление скандала в прессе или порчу военного имущества или найти потенциального диверсанта задолго до того, как тот начнет действовать, не составляло никакого труда выявить недовольных тюремными порядками заключенных, содержащихся в замкнутом пространстве надежно охраняемой зоны.

У Авренти была неприметная внешность. Случайный знакомый забыл бы его лицо через несколько минут после расставания.

Из Авренти мог бы получиться отличный шпион. Говорил он мягко и никогда не спорил, предпочитая одерживать победу силой убеждения. Единственной его отличительной особенностью была привычка носить очки. Когда кто-нибудь задавал Авренти вопрос о хирургическом вмешательстве или использовании искусственных линз, он открыто заявлял, что не доверяет медикам.

В действительности его зрение не нуждалось в корректировке. Протирание очков майор использовал как уловку, чтобы выиграть время для обдумывания ответа или тактики поведения,— вроде того, как другие вертят в руках различные предметы и письменные принадлежности или осторожно достают и глотают стимуляторы.

Двое мужчин смотрели на своих подчиненных.

— Полагаю,— сказал наконец Держин,— мне нужно произнести какую-нибудь речь.

— Думаю, вам, как начальнику, положено это сделать,— согласился Авренти.

Держин слабо улыбнулся.

— Вы правы, майор, положение обязывает к публичному выступлению.

— Это одна из многих причин, по которым я предпочел остаться тем, кто я есть,— сказал Авренти.

— Понимаю вас. Я обращался к лордам и пьяным биндюжникам, но опыта держать речь перед заключенными у меня нет.

Авренти промолчал.

— На самом деле это, должно быть, не так уж и сложно,— шутливо заметил Держин.— Нужно всего лишь объяснить им, что они прибыли сюда для работы во славу великой Таанской империи. Если эти голодранцы проявят себя должным образом, то будут награждены возможностью увидеть рассвет следующего дня. Если откажутся или попытаются бежать... даже представителю империи под силу усмотреть логику в моих рассуждениях.

Авренти никак не прокомментировал слова Держина.

— Вы согласны со мной, майор? Достаточно ли это правильный подход к делу? Вам наверняка лучше известны особенности мышления военных.

— Я мало чем могу помочь вам в этом вопросе,— сказал майор.— До меня не доходит, как солдат может отдать себя в руки врага и не покончить с собой при первом же удобном случае.

Держин оставался невозмутимым.

— Вне всяких сомнений,— произнес он ровным голосом, открыл дверь и вышел на балкон.

Полицейский майор Генрих стремился поскорее уединиться в своей комнате, чувствуя, что теряет контроль над собой.

Взявшись за ручку солидной дубовой двери, он хотел хлопнуть ею так, чтобы она рассыпалась,— но сдержался. На секунду приостановившись, майор бесшумно прикрыл за собой дверь. Сорвав с себя ремень, собрался было зашвырнуть его куда подальше — и снова взял себя в руки.

Только что он стал свидетелем самого настоящего кошмара. Однако стоит ли проявлять свои эмоции? Есть ли гарантия того, что в его комнате не установлены «жучки»? Никакой.

Аккуратно повесив ремень на спинку стула, Генрих открыл шкафчик, достал из него бутылку, проверил, не отмечен ли уровень находившегося в ней спиртного, сделал большой глоток и лег на койку.

Все может пойти насмарку... С другой стороны, разве его не предупреждали? Разве ему не говорили — сначала лорд Вичман, затем и сам лорд Ферле, когда он был удостоен чести иметь личную с ним беседу? Но все же...

Генрих впился зубами в горлышко бутылки. Раздался удивительно неприятный звук.

Полжизни он посвятил пенологии и был отличным специалистом в этой области — знал, как справиться с беспорядком, ведущим к совершению преступления. В его понимании преступление противоречило высокой политике таанцев, которую он воспринимал как непреложную истину.

Мать Генриха была шлюхой; в графе «отец» стоял прочерк. Мальчиком он любил фантазировать, будто его отец — преуспевающий офицер, для которого женитьба оказалась бы обузой, и потому вынужденный отправиться искать счастья в других краях. Это вовсе не означало, что мать представлялась Генриху сказочной принцессой,— просто мечты его никогда не были последовательными.

Генрих рос, чувствуя себя безродным отщепенцем, опасаясь, что однажды все узнают, кто он на самом деле, и тогда наступит жестокая расплата. Он уже достаточно наказан своими соотечественниками — наказан тем, что слыл первым задирой, первым доносчиком, докладывавшим начальству о малейших просчетах товарищей, готовым к осуществлению любой бредовой идеи, пришедшей в голову вышестоящему должностному лицу.

Короче говоря, он был идеальным тюремным чиновником. Несмотря на свое нездоровое пристрастие осуждать недостатки других, сам Генрих не гнушался ничем, используя тюремные порядки в корыстных целях. Он обладал порочным умом и был на редкость аморальной личностью.

Именно благодаря этим качествам Генрих быстро прижился в таанской тюремной системе — так быстро, что его выбрали для свершения более великих дел на благо родины. Перед войной совету стало известно о появлении профсоюзов в рядах эксплуатируемых рабочих. Встревоженные лорды приняли решение о немедленном уничтожении каждого, кто отказывался представлять их собственнические интересы. Осталось только найти человека, который, внедрившись в руководство профсоюза, выполнял бы функции штрейкбрехера или информатора. Естественно, выбор пал на Генриха.

Но члены профсоюзов, только начинавших зарождаться в недрах таанской системы, быстро пришли к следующему выводу: любой человек, выполняющий указания Генриха, является вероломным предателем, заслуживающим жестокой расправы путем нанесения ему множества колотых ран.

Лорд Вичман, непосредственный начальник Генриха, решил не увольнять его после рассекречивания. Напротив, он назначил своего любимца командиром личного отряда телохранителей, пытаясь тем временем подыскать новое, более подходящее для него место. Вичман знал, что Генрих абсолютно предан ему. Такой человек идеально подходил для работы в организации Пэстора, какую бы интригу тот ни плел на самом деле.

Потягивая содержимое бутылки, Генрих успокоился и стал размышлять, как бы он поступил, если бы был комендантом тюрьмы. Лицо его расплылось в блаженной улыбке. Над этим стоило подумать, потому что очень скоро он станет комендантом.

«Перед тобой находится сборище не одних только уголовников, но и людей из толпы, а также предателей.— Генрих считал, что каждый, кто не раболепствовал и не пресмыкался, был предателем.— Тебе нужны техники? Хорошо. Но прежде всего ты должен взять их под контроль. Да. Вывести во двор и заставить построиться. Потом отобрать примерно сто имперских военнопленных — во дворе помещалось около тысячи — и забить до смерти. Нет,— поправил он себя,— выбрать сто и велеть *другим* заключенным убить их. Убейте, или сами будете убиты. Это произведет на остальных должное впечатление. Жилье, питание? Чепуха! Пусть роют себе землянки в полях и жрут корни растений. Неужели во всей дегенеративной империи не нашлось достаточного количества людей, умеющих биться *до конца*! С ними нужно обращаться как со скотом — гонять, пока не свалятся с ног, потому что их места займут новые, много новых. Что ж, очень скоро полковник Держин осознает свою ошибку и исчезнет из поля зрения».

Майор Генрих закрыл глаза и начал мечтать, каким именно образом будет наводить порядок в тюрьме.

Глава 11

После того как полковник Держин произнес речь, заключенных строем повели из внутреннего двора через разрушенное святилище в их зону, произвели перекличку и распустили. Пленники ринулись в собор, обследуя свой новый дом.

Впервые за долгое время заточения они оказались в слишком просторной тюрьме. На прежнем месте бесправные существа хуже всего переносили полное отсутствие возможности побыть в одиночестве. Каждую минуту они были на виду.

Здесь же тысяча истощенных оборванцев, расквартированных в громадном комплексе, рассчитанном на пятнадцать тысяч обитателей, буквально растворились.

Стэн и Алекс устроили совещание для двоих.

— Мистер Килгур?

— Слушаю вас, снайпер Горри.

— Где, по-вашему, находится самый лучший выход из этой гробницы?

— Вообще-то я не уверен, но осмелюсь предположить: скорее всего, бежать удобнее из западного или восточного крыла, а может быть, из святилища. Лучше, пожалуй, западное крыло, оно расположено ближе всего к скальному обрыву.

— Правильно.

И они пошли искать свои «палаты», находящиеся в самом южном, самом длинном крыле собора.

Стэн и Алекс были беглецами. Опытными беглецами. Достаточно опытными, чтобы понять — ни при каких обстоятельствах нельзя превращать свое жилое помещение в объект пристального внимания. Однажды они уже начинали рыть туннель в полу собственной камеры, под койкой, и узнали, что такое потерять покой, когда каждые двадцать минут по очереди вытаскивали из него мешки с землей, ежесекундно ожидая появления охранников.

После непродолжительных поисков они нашли нужное помещение.

— Разве это не подарок судьбы? — радостно спросил Алекс.

Стэн осмотрел комнату. Она была великолепной. Увидев на стене объявление под заголовком «Сдается внаем», он молча прочитал:

БОЛЬШАЯ КОМНАТА. Есть где развернуться. Прихватите с собой кошку — водятся крысы. Вы находитесь в бывшем офисе воздержанного религиозного сановника, вероятно уже умершего.

ВТОРАЯ СПРАВКА относится к любителям копать туннели и лазать по крышам: этажом ниже и двумя этажами выше установлены прослушивающие устройства, реагирующие на малейшие посторонние звуки, включая крысиную возню и шум дождя; охранников, находящихся на крыше, советуем не беспокоить — мимо них и мышь не проскочит.

ОБОРУДОВАНИЕ: четыре поломанные кровати, из которых можно собрать две койки. Различные пластиковые и металлические обломки. Остатки стола. Толстые двойные стены, не только звуконепроницаемые, но, возможно, состоят из интересных проходов.

ОСВЕЩЕНИЕ: одна лампочка на потолке, подсоединенная проводом к общей сети.

ВОДА: возле поста охранников.

НАСТОЯЩАЯ ЗАПАДНЯ. Попавшему в нее обратного хода нет.

«Вот это да! — подумал Стэн, и вся его находчивость вмиг испарилась.— Как же нам теперь выбраться отсюда, мать их за ногу?»

Алекс простукивал стены в поисках «жучков». На глаза ни один не попался, а направить на заключенных охотничьи микрофоны сквозь крошечные окна было невозможно.

— Забрезжила ли какая-нибудь разумная мысль в твоей смекалистой голове, Горри?

— Пока нет.

— Эх, вот почему я — доверенное лицо командира, а ты — всего-навсего бывший снайпер. Люди меня уважают.

— А я и не спорю. В будущем тебя ждет прекрасная тюремная карьера,— кивнул Стэн.

— Не больно умничай, а то сейчас как вмажу,— сказал Алекс.— Заткни пасть и слушай: с нами здесь будут хорошо обращаться только в том случае, если мы станем лебезить перед начальством. Хочу задать тебе один вопрос: будем приспосабливаться?

Килгур вдруг посерьезнел, а Стэн перестал быть снайпером по имени Горацио и заговорил с Алексом как командир со своим подчиненным:

— Придется. Этот подонок заявил, что хочет использовать нас в военной промышленности. Более бредовой идеи я еще в жизни не слышал.

— Можем повеселиться на славу,— согласился Алекс.

— Как только мы это сделаем, нам крышка.

— Нам?

— Я здесь никого не знаю, кроме тебя и Вирунги. Среди заключенных могут быть стукачи или тайные агенты.

— А могут быть и Кэмпбеллы.

— Напрасно иронизируешь. Даже у таанцев есть свои хитрости.

— Ты придумал, как взорвать эту лавочку?

— Для этого есть вы, мистер Килгур. Недаром же вы — доверенное лицо, а я — всего-навсего бывший снайпер.

Вдруг дверь загрохотала так, словно в нее ломилась горилла.

Это было недалеко от истины — конечно же, на пороге стоял старший офицер полковник Вирунга. Стэн и Алекс вытянули руки по швам.

У Вирунги не было времени на долгое вступление.

— Таанцы сделали это... ясно... сотрудничать. Дракх! Вынужденное обещание... бесполезно.

Стэну и Алексу не требовалось поддакивать Вирунге, у них все было написано на лицах.

— Дракх! Дракх! — ворчал полковник.

Стэн поднял брови.

Он впервые слышал, чтобы н'ранья повторил одно слово дважды. Должно быть, здорово разозлился.

— Солдат... очередной... побег. Сопротивляться... Я прав?

Вирунга произнес целое предложение!

— Да, сэр,— ответил Стэн.

— Знал... согласишься. Ты теперь Большой Икс.

Алекс пролепетал что-то невнятное. Стэн махнул рукой, призывая его к молчанию. Но Килгур не унимался.

— Как же так, полковник? Вы не вправе со мной так поступить!
— Уже поступил. Мое слово — закон.
— Черт возьми! Но почему?

Командный состав заключенных любой тюрьмы был сложным, и зачастую о нем вслух вообще не говорили, даже в лагерях для военнопленных. Одна из должностей секретного командного звена называлась «Большой Икс». Корни этого названия уходили в глубь веков. Оно датировалось тем далеким временем, когда империи еще вовсе не существовало. Большой Икс был идейным вдохновителем и организатором всех побегов из лагеря. Он считался абсолютным авторитетом. Часть курса гипнотического обучения, которое проходили все новобранцы Имперской армии, была посвящена тому, как нужно вести себя, если попадешь в плен. Инструкция заключалась в следующем: «Не раскрывай никаких ценных военных сведений до тех пор, пока к тебе не будет применена физическая или иная сила; на выполнение заданий добровольно не вызывайся, действуй только по приказу; помни — хоть ты и заключенный, ты все еще находишься на войне и должен сражаться с неприятелем любыми возможными способами. Продолжай бороться. Беги».

Приказы Большого Икса, касающиеся очень узкой области — попыток к бегству,— перекрывали все остальные приказы, включая те, которые отдавал старший имперский офицер. Человек, назначенный на эту должность, обладал неограниченной властью. Большой Икс, Глава комитета по побегам любого лагеря, мог иметь любое звание — от рядового до маршала. Однако носить это почетное звание было далеко не безопасно. Если тюремному начальству становилось известно имя Большого Икса, его либо приговаривали к немедленной смерти — выжиганию мозга, либо, в самом крайнем случае, отправляли в лагерь смертников.

Но Стэна беспокоило не это. Обычно Большим Иксом становились лица, в совершенстве овладевшие наукой побегов,— или отчаянные лагерные сопротивленцы. По причине того, что все попытки к бегству фиксировались Большим Иксом, сам он (или она) не имел права принимать личное участие ни в одном побеге.

Назначая Стэна на эту должность, полковник Вирунга был уверен, что он останется военнопленным до конца войны. Или до тех пор, пока тааицы не установят личность Большого Икса и не ликвидируют его.

Вирунга обратился к Стэну:

— Потому что... доверие. Те, остальные? Не знаю.

Возражать было бесполезно. Вирунга отдал честь и вышел.

Стэн и Алекс переглянулись. Ни тот ни другой не находили нужных слов для обсуждения случившегося, но отчаиваться они тоже не собирались.

«Чудесно,— подумал Стэн.— Если мне удастся лично стать костью в горле таанцев, я подготовлю себе замену — девятьсот девяносто девять дублеров. Уж тогда-то эти мордовороты узнают, почем фунт лиха. Девятьсот девяносто восемь,— поправил он себя, глядя на Алекса.— Раз уж мне придется торчать в этих чертовых руинах до окончания войны, я, по крайней мере, буду не один, а в компании еще одного барана».

Глава 12

Старший капитан Ло Прек (контрразведка) внимательно посмотрел на почтовую дискету, лежавшую у него на столе.

Любой нормальный человек воспрянул бы духом, возликовал от радости или заскрежетал зубами от гнева, приблизившись наконец к своему врагу.

Для Прека содержание дискеты подтверждало то, о чем он подозревал: командор Стэн не только жив, но и находится в пределах досягаемости.

Прек придумал уникальный способ проверки своей теории, способ, благодаря которому не нужно было обращаться за разрешением к начальству или просить свою службу об оказании необычной услуги. Он составил письмо.

Это письмо было отправлено в обычном порядке одному из таанских секретных агентов, который находился в империи. Агент получил инструкции распечатать конверт и переложить письмо-дискету в другой, поставив на нем адрес одной из своих явочных квартир.

Агент выполнил задание. Письмо, составленное якобы неким Миком Дэвисом, было довольно многословным. В нем, в частности, упоминалось о том, что Дэвис прошел ту же подготовку, что и Стэн. Начиналось оно такими словами: «Конечно, вы меня помните».

Содержание письма было следующим:

Меня сделали булочником. Сейчас я думаю, что, скорее всего, начальство было право. По крайней мере, со мной ничего плохого не случилось. Я остался цел и невредим. Отслужил свой срок, меся тесто, и был демобилизован до начала войны. Женился, нажил троих нахлебников и завел свое дело. Наверное, Вы уже догадались какое — пекарню.

Можете смеяться, но это занятие оказалось очень прибыльным. Я даже представить себе не мог, какую выгоду извлеку из службы в армии.

Итак, я, как всегда, находился у себя в пекарне, когда мне на глаза вдруг попалась эта старая дискета от некоего капитана по имени Стэн, который стал большим человеком — командиром имперского отряда телохранителей. Я всегда знал, что Вы будете расти по службе как на дрожжах.

Когда я рассказал моей женушке о Вашем письме и о том, что прежде мы были хорошо знакомы, она решила, что я угорел. Может быть, Вы выкроите немного времени на ответное послание? Сделайте, пожалуйста, такое одолжение. Просто черкните пару строк, чтобы моя благоверная не думала, что я законченный лжец. А я уж постараюсь не остаться в долгу. Когда Вы заглянете к нам на Ултор-13, мы повезем Вас за город, накормим самыми вкусными блюдами планеты. Как бы мне хотелось встретиться с Вами!

Знакомый из далекого прошлого

Мик Дэвис

Благодаря этому письму Прек оказался в беспроигрышной ситуации. Если на него будет дан ответ, значит, Стэн по-прежнему служит в войсках империи. Если нет, это все равно ничего не меняло. По крайней мере, ответ еще может быть получен. Прек свято верил в почтовую систему империи, верил так, как ни один из ее граждан.

Но письмо неожиданно вернулось обратно к таанскому агенту в запечатанном виде, с приложением очень горестного, очень официального и очень формального характера.

Уважаемый гражданин Дэвис!

К сожалению, Ваше частное письмо командир Стэн получить не может. По официальным данным, он числится в списках военного флота как без вести пропавший при выполнении боевого задания.

Если Вас интересует более подробная информация, пожалуйста, свяжитесь с...

Выражаем свое искреннее соболезнование...

Капитан Прек чувствовал, что напал на верный след и теперь можно смело приступать к выполнению своей миссии. Стэн не только жив, но находится где-то поблизости. Скорее всего, в одной из тюрем. Прек не допускал и мысли о том, что Стэн мог умереть от ран или быть убитым в лагере. Он должен был выжить.

Капитан включил свой компьютер и начал прямой поиск списков имперских военнопленных, содержавшихся в лагерях строгого режима. Он чувствовал, что подобрался совсем близко к убийце своего брата.

Книга вторая

«Сютю»

Глава 13

Приближалось время совершения первой попытки к побегу. Две недели подряд капитан Мишель Сент-Клер внимательно наблюдала за формированием первых рабочих бригад и отправкой их за пределы лагеря для выполнения заданий. Она думала, что усмотрела возможность вырваться на свободу.

Распорядок дня был строгим: после подъема майор Генрих приказывал заключенным выполнять энное количество работ. Их собирали во внутреннем дворе под присмотром охранников. Как правило, к десяти обычным заключенным был приставлен один сержант. К пяти военнопленным — три охранника. Таанцы соблюдали предельную осторожность.

Заключенные без конца обсуждали нормы поведения в рабочих бригадах. Сент-Клер в этих дебатах участия не принимала. Все они сводились к одному: работать или не работать. Выполнение нарядов, даже подневольное, расценивалось как сотрудничество с врагом. Вместе с тем невыполнение могло повлечь за собой смерть протестовавшего заключенного.

Сент-Клер не придерживалась ни одной из этих точек зрения. Она прекрасно знала, что из-за скуки и однообразия тюремной жизни люди начинают заниматься пустой болтовней и все их прожекты остаются бесплодными фантазиями. Сама Сент-Клер была рада тому, что ее зачислили во внешнюю бригаду. У заключенного, находившегося за пределами собора, больше шансов улизнуть. Теперь ей оставалось лишь взвесить все «за» и «против».

Мишель Сент-Клер обладала редким даром инстинктивно чувствовать ситуацию, умела пользоваться подходящим случаем и была вполне довольна своей обеспеченной, хотя и несколько рискованной жизнью профессионального игрока.

Совсем юной девушкой она сменила множество мест работы на своей родной планете — одной из главных перевалочных баз импе-

рии. Занятие проституцией или работу в качестве одного из членов экипажа какого-нибудь корабля она тоже рассматривала как игру, а с появлением собственного бара у нее возникло надежное прикрытие. Сент-Клер была профессиональным игроком с тех самых пор, как перестала ходить пешком под стол и научилась выговаривать слово «крупье».

Она жестко играла с сосунками и гибко — с куликами, пользуясь малейшими их промашками. Она знала, на что ставить, когда можно спустить, а когда попридержать деньги, когда сматывать удочки и делать ноги с планеты, но самое главное — она чувствовала, когда нужно было полностью воздержаться от игры.

Сент-Клер частенько становилась банкротом, но обогащалась намного чаще. Хотя сами по себе кредитки для нее ничего не значили, а были лишь чем-то вроде игорных фишек.

Она побывала на тысяче различных планет под сотней различных имен и кличек, и все они ассоциировались с образом одного животного — хитрого холеного млекопитающего. Однако на протяжении последних нескольких лет удача оборачивалась к ней спиной.

Поскольку Сент-Клер предпочитала иметь дело с состоятельными клиентами, ей часто приходилось менять свой облик, каждый раз каким-нибудь необычным, порой даже мистическим способом. Больше всего ей нравилось перевоплощаться в вербовщицу Имперского флота. Поскольку Мишель Сент-Клер уважала законы империи, она заделалась офицером (запаса, естественно).

К сожалению, Мишель совершенно не интересовалась политикой. С началом войны она стала систематически посещать туристскую планету, на которой находился небольшой военный гарнизон, под предлогом выполнения заданий штаба опустошая карманы богатых толстосумов.

Увы, Сент-Клер несколько перестаралась с подделкой документов — к ним невозможно было придраться. Все безоговорочно поверили, будто она на самом деле является лейтенантом Имперского флота. Легенда была составлена настолько безукоризненно, что три месяца спустя ее произвели в капитаны и отправили на транспортное судно в должности старшего офицера.

Конвой, в состав которого входил и ее корабль, попал в таанскую засаду. Таким образом Мишель Сент-Клер оказалась военнопленной.

К счастью, она, как и все заядлые игроки, была неискоренимой оптимисткой. В первом же тюремном лагере Мишель стала подсчитывать свои шансы выжить. Сколько их у военнопленного? Увидев грависани, увозящие трупы, она содрогнулась и определила: десять против девяноста. Сколько появится шансов улучшить свое положение, если начать сотрудничать с врагом? Для подсчета нужно было произвести в уме две операции. Могут таанцы выиграть войну? Три-

дцать восемь против шестидесяти двух. Империя? Шестьдесят — за. Общий подсчет: двадцать семь против семидесяти трех.

Вывод: необходимо бежать.

Сент-Клер не возлагала никаких надежд на товарищей по заключению. Она рассуждала так: «За мной обязательно увяжется какой-нибудь прощелыга и провалит все дело, а ведь я, черт возьми, гораздо умнее всех этих недоносков, вместе взятых». Она не учла лишь одной детали — все эти «прощелыги» были солдатами и звездопроходцами, а она — нет.

Мишель начала новую карьеру и обзавелась новой кличкой — Везучая Угриха. На ее счету числилось более двадцати побегов, почти все она совершала в одиночку. Поскольку Сент-Клер никогда не удавалось пробыть на свободе более четырех дней, с ней до сих пор не расправились. Она умела смягчать гнев коменданта, каждый раз выдумывая какую-нибудь убедительную причину, по которой заключенный мог оказаться в неположенном месте,— или возвращаясь обратно до поднятия тревоги и поголовной переклички.

Капитан Сент-Клер была готова к совершению двадцать первого побега.

Детально изучив процедуру выхода на работу, она отметила постоянство этого процесса. Смешавшись с остальными тридцатью рабочими бригады, Мишель хмыкнула от удовольствия, в который раз наблюдая за монотонностью действий.

Шаркай себе и шаркай, а потом жди, пока бригады, одну за другой, не проведут через тройные ворота центрального святилища, предварительно обыскав и пересчитав всех заключенных. После этого бригады проводили через двор к внешним воротам и ожидали, когда они откроются.

Группа, в состав которой входила Сент-Клер, зашевелилась и пошла по обычному маршруту. Когда заключенных прогоняли через внутренний двор, Сент-Клер протиснулась к левому флангу.

Открылись внешние ворота, и бригада начала проходить через них. Пора.

Мишель заметила, что как только очередная бригада выходит из собора, таанцы оборачиваются, вытягиваются в струнку и салютуют флагам, висящим по обеим сторонам от входа в Колдиез.

Пять секунд абсолютно без надзора. Более чем достаточно.

Когда охранники отдавали честь, Сент-Клер оттолкнула стоящего рядом заключенного и быстро побежала к краю тропинки, ведущей вниз, в город.

«Шесть к трем — меня не заметят,— подумала она.— Пять к двум — тропинка пойдет дальше вниз по наклонной плоскости, что ускорит мой бег. Восемь к одному — даже если впереди будет скала, я смогу укрыться за одним из выступов или камней, и пули пролетят мимо».

Находясь в метре от края тропинки, Сент-Клер вдруг поняла, что сделала неверную ставку, и резко остановилась.

Короткая тропинка заканчивалась крутым обрывом длиной в сто метров. Зацепиться было не за что. Сент-Клер не хотелось устраивать аттракцион «показательное самоубийство».

Она услышала крики у себя за спиной. В следующее мгновение засвистели пули. Сент-Клер высоко подняла вверх руки, развернулась и взглянула на бросившихся к ней охранников. «И шесть к трем — я уже никогда не научусь летать».

Ударом приклада в живот охранник оборвал ее мысли.

Пот градом катился со лба Алекса, склонившегося над замком. В сотый раз он пытался подцепить маленький металлический зубчик странной по форме отмычкой, которую смастерили его люди. Ему уже удалось сделать три поворота, и, по идее, остался всего один.

За спиной Килгура стояли двое его приятелей и, как он думал, критически оценивали его действия. Алекс не был в этом уверен, потому что вслух они ничего не говорили.

— Терпение, парни,— сказал Алекс, хотя пока еще не услышал ни одного упрека в свой адрес.— Кажется, нащупал.

— Не беспокойся,— ответил здоровенный блондин.— Краулшавн и я не торопимся.

Краулшавн снизу вверх посмотрел на своего могучего друга Соренсена в ожидании перевода. Пальцы Соренсена замельтешили знаками. Краулшавн с готовностью закивал головой, выражая согласие. Алекс переключил свое внимание с замка на «стрекочущие» пальцы Краулшавна.

— О чем он говорит?

— Он говорит, что, если ты хотя бы наполовину окажешься прав насчет содержимого комнаты, ожидание стоит того.

Алекс пробурчал что-то в ответ и снова завертел крючковатой отмычкой.

Краулшавн и Соренсен являли собой поразительно странную пару, которую Алекс и Стэн уже крепко-накрепко привязали к своей расширяющейся организации.

Соренсен был типичным деревенским жителем, откормленным свежим пшеничным хлебом, с грудой мускулов и светлой кожей. Лицо его заливалось ярким румянцем по малейшему поводу. Особенным врожденным умом он вроде бы не блистал, да и речь его была на уровне ученика начальных классов. Но еще со времени прохождения подготовки в подразделении богомолов Алекс знал, что такие люди, как Соренсен, были весьма интересными экземплярами. Отряды, в которых довелось служить Стэну и Алексу, в основном сколачивались именно из таких. Они были настоящими боевыми ком-

пьютерами. За их наивными взглядами и внешней нерасторопностью таились умственные способности крупных мыслителей. По правде говоря, Алекс сильно подозревал, что Соренсен на самом деле был уцелевшим членом какого-нибудь отряда богомолов. Не было никакого смысла спрашивать его об этом, потому что он все равно бы не ответил.

Килгур был заинтригован. А вдруг после того, как ему удастся подобрать ключи к Соренсену, выяснится, что он действительно является бойцом богомолов? Тогда, черт побери, у них будет на одну мыслящую боевую машину больше, что удвоит шансы на успех. Алекс еще раз смерил Соренсена оценивающим взглядом.

Подобно своим братьям и сестрам, Соренсен всегда с опаской относился к новым приятелям. Люди его племени были прекрасными мишенями для всякого рода проходимцев и грабителей. Имперского генерал-губернатора его родной планеты силой заставили издать строгие законы, запрещающие карнавалы, цирковые представления и другие шоу, хотя бы отдаленно напоминающие уличные зрелища, на которые собираются толпы народа. Соренсен был таким же, как и они, простаком по натуре. Но вместе с тем, если бы ему указали дальнюю точку, он бы мог немедленно просчитать дистанцию, скорость ветра, иные факторы и проложить траекторию полета снаряда не хуже любого компьютера.

Этот талант делал Соренсена редкой находкой, цена которой удваивалась благодаря его крепкой дружбе с Краулшавном.

Алекс почувствовал, как отмычка за что-то задела, и осторожно повернул ее. Зубчатые колесики мягко заскользили навстречу друг другу; внутри замка механизмы должны были встать в ряд таким образом, чтобы образовалась клиновидная прорезь. Алекс быстро вытащил отмычку и вставил в отверстие массивный ключ. Раздался щелчок.

Услышав звук движущегося с внутренней стороны противовеса, Алекс отпрянул назад. Дверь, державшаяся на тяжелых петлях, со скрипом открылась.

Краулшавн сделал Алексу какой-то знак, по всей вероятности означавший «поздравляю». Тем не менее небольшой наклон его шустрых пальцев подозрительно напоминал жест, в простонародье обозначающий «болван». Алекс скосил взгляд на Соренсена. Здоровяк являл собой воплощение самой невинности.

— Я усмотрел насмешку в реакции твоего друга,— произнес Алекс.

— В том, что он сказал, не было ничего смешного, мистер Килгур,— запротестовал Соренсен.

Он повернулся лицом к Краулшавну и объяснил реплику Алекса. Клюв Краулшавна округлился. Из вежливости он прикрыл его по-

крытой перьями рукой, пряча беззвучное хихиканье. Алекс ухмыльнулся, оскалив зубы.

— Ну да, конечно, он же не пересмешник какой-нибудь... Ладно, пошли, ребята. Но предупреждаю, в этой комнате могут водиться барабашки.

— Привидения? — переспросил Соренсен. Даже он отнесся к словам Алекса недоверчиво. Краулшавн же хлопнул себя рукой по заднице, красноречиво показывая Алексу, куда нужно засунуть этих самых «барабашек».

Алекс пожал плечами.

— Я бы на вашем месте не вел себя так самоуверенно. Спросите у таанцев. Они могли бы порассказать вам такие истории, от которых волосы на голове закручиваются в мелкие кудряшки.

С этими словами Килгур вошел в помещение. Несмотря на кажущуюся беззаботность, Соренсен и Краулшавн не решались переступить порог комнаты добрую минуту.

У Краулшавна были все основания для нерешительности. Как любой здравомыслящий и искушенный в житейских делах взрослый струс, Краулшавн относился к рассказам о мире духов с нескрываемым сарказмом, как к чему-то вызывающему глубокое пренебрежение. Но при этом истории о привидениях были важной старинной традицией его общества. Желторотым птенцам, едва научившимся изображать несколько знаков, рассказывали немудреные сказки про жутких призраков. В далеком прошлом страх перед неизвестностью был хорошим подспорьем для клуш, пытавшихся уберечь своих неоперившихся вертлявых отпрысков от подстерегавших на каждом шагу опасностей.

Струсы обитали на бесплодной недружелюбной планете, которая слабонервному пришельцу могла показаться заселенной одними лишь ядовитыми клыкастыми и когтистыми существами с острыми клешнями и мощными клювами. В общем, так оно и было. Струсам приходилось прибегать ко всяким изощренным уловкам, чтобы не стать чьей-то добычей.

В доисторические времена струсы считались редким видом, которому грозило вымирание. Рожденные летать, они были слишком крупными, чтобы прятаться, и слишком мелкими, чтобы защитить себя. У струсов также возникали трудности по причине плохого слуха — вожаки и дозорные собирали и снимали с места своих братьев и сестер при помощи ультразвуковых сигналов. В этом было свое преимущество — потенциальный враг не мог их услышать, но был и свой недостаток — они не могли услышать и приближавшегося врага.

В один прекрасный день струсы сбились в несколько огромных стай и перелетели на маленький континент — место, где водились мелкие животные со сладким мясом, в изобилии росли сочные

фрукты и не было никаких естественных врагов. Маленький континент стал настоящим раем для страусов. По мере того как одни поколения счастливых страусов сменяли другие, они стали намного больше, тяжелее, утратили способность летать. Маленькие когтистые крылья превратились в изящные руки, покрытые перьями. Ими удобно было ласкать друг друга, собирать фрукты, манипулировать палками или камнями, играть и, пожалуй, самое главное — говорить.

К сожалению, райская жизнь не могла длиться вечно. Сохранение на родине больших стай вскоре стало невозможно. Вследствие резкого увеличения численности страусов продовольственным запасам был нанесен ощутимый урон. А ведь нужно было помнить о грядущих поколениях. Огромные стаи разделились на маленькие кооперативные коммуны. Появление нового жизненного уклада вызвало необходимость создания более совершенной системы общения.

Так родилось пение. Поначалу смысловое значение звуков было ограниченным. Например: «Съедобное существо под камнем. Ты отвлекай. Я хватаю. Поделимся». Вскоре примитивное пение превратилось в сложный мелодичный язык. Лучший певец находился в более выигрышном положении, чем страус с красивым пышным хвостом из перьев, умевший выделывать им различные штуки. Еще через какое-то время любой страус-философ мог выразить самую мудреную мысль несколькими простейшими символами. Кроткие страусы уже находились на той стадии эволюции, когда их певучий язык мог быть облечен в письменную форму, как вдруг грянула беда.

В результате природных катаклизмов между маленьким раем и огромным континентом образовался перешеек. Поначалу через него на землю страусов перебирались только немногочисленные мелкие и слабые животные. Но вскоре за ними последовали целые полчища хищников. Над страусами нависла смертельная опасность. Они оказались легкой добычей. После тысячелетий мирной и спокойной жизни страусы вновь превратились в лакомое меню. Им снова грозило вымирание.

Но на сей раз у них было намного больше шансов выжить. Двумя основными талантами, которые они развили в себе после миграции, были высокая организованность и язык. Страусы раскололись на более мелкие группы, научились строить гнезда в самых труднодоступных местах и стали попарно добывать пищу. Вдвоем гораздо легче справиться с врагом: пока один работает, другой стоит на стреме. Если бежать было невозможно, они могли убить нападающего.

Вместе с тем в маленьких стаях птенцы надолго оставались без присмотра. Вопрос заключался в том, как заставить юных страусов сидеть в гнездах. Ответ прост: запугать их до смерти.

Самым эффективным средством оказались рассказы о чудовищах и привидениях. Сказки страусов о мире духов всегда оказывали

устрашающее воздействие на непослушных птенцов, игнорировавших предостережения родителей, а в особенности на боязливых крошек. Все они предостерегали: покинешь гнездо — будешь съеден. Самым популярным персонажем этих сказок был злодей Острый Коготь. Он налетал на маленького струса с неба и уносил в свое гнездо, где детеныши Острого Когтя пожирали его живьем. Другого злодея звали Большой Клык. По преданию, этот зверь целыми днями прятался в кустах в ожидании удобного момента полакомиться беззобидными птенцами струсов. Большой Клык подкрадывался к одному из зевак во время игры, хватал его, быстро пожирал, а остальным подрезал сухожилия, чтобы они не могли сбежать.

Рассказы о чудовищах срабатывали как надо. Птенцы смирно сидели в своих гнездах до тех пор, пока не достигали подросткового возраста и не присоединялись к взрослым струсам. Но настал тот час, когда струсы устали прятаться в скалистых горах от созданий, которых превосходили умом во много раз. Струсы спустились с гор и начали убивать плотоядных животных, перебив их всех до одного. Затем они пересекли перешеек и начали убивать тех, кто жил на громадном материке. Спустя два столетия струсы стали королями своей планеты. Но в отличие от различных рас бесчисленного множества других планет, перебив внешних врагов, они не переключились на внутренних и не стали вести братоубийственных войн. Они снова превратились в миролюбивых существ, почитавших за величайшее наслаждение совершенствование своих знаков-символов — как письменных, так и песенных,— с помощью которых общались.

К тому времени, как империи в конце концов стало известно о существовании струсов, они достигли головокружительных высот в плане развития языка. Простейшими знаками и символами струсы могли выразить точнейшие математические формулы. Их компьютеры, например, были примитивными в сравнении с имперскими. Но составляемые для последних сложные программы оказывались слишком просты даже для самой несовершенной машины струсов.

Быстро прославившись своими способностями, струсы начали пользоваться большим спросом. Они получали повышенные оклады, им предоставлялись самые роскошные апартаменты. Но в каждом контракте с внешней стороной оговаривалось одно условие: струсов всегда нужно нанимать парами. В противном случае им бы не с кем было общаться на языке знаков. Все знали, что струсы умирали от одиночества.

Не то чтобы Краулшавн был близок к смерти, когда Соренсен встретил его в прежнем лагере,— он просто тихо чахнул день ото дня. Краулшавн работал как гражданское лицо по имперскому военному контракту на одном из предприятий, которое захватили таанцы. Его компаньон погиб в первой же схватке. Краулшавну чудом удалось спастись.

Соренсен еще никогда в жизни не встречал более грустного создания. Два существа с разными интеллектами стали настоящими друзьями. Соренсен легко выучил певучий язык струсов и вскоре стал общаться с Краулшавном не хуже любого из его соплеменников. У Краулшавна снова появился аппетит и вернулся интерес к жизни.

Вскоре они стали просто неразлучны и совершили первую попытку к побегу, которая чуть было не удалась. Они уже готовились к следующей, когда их транспортировали в Колдиез.

Сразу же после знакомства с этой парой Килгур понял, что необычные друзья помогут решить, казалось бы, неразрешимую проблему. Больше всего организация нуждалась в компьютере, способном производить сложные вычислительные операции, на которые у человека ушли бы годы. При наличии такого компьютера шансы на удачный побег резко возросли бы.

Соренсен и Краулшавн убедили Алекса в том, что этот вопрос легко разрешим. Для осуществления задуманного нужно было сделать две вещи. Во-первых: достать чип. Во-вторых: изобрести доступный, но емкий язык.

Когда Алекс набрел на большую комнату с хитрым замком со скользящими механизмами, он был уверен — среди ее содержимого обязательно найдется то, что позволит им сделать первый шаг.

Колдуя над самыми первыми набросками собора, создатели Колдиеза уделили особое внимание окнам-витражам, которые должны были придать зданию особое величие и очарование. Они быстро поняли, что этот вид искусства был утрачен тысячелетия назад. Конечно, опытные мастера могли бы сделать подобные стеклянные витражи, используя современную научную технологию. Но сколько они ни экспериментировали, их продукция оказывалась лишь бледной тенью великих творений.

В поисках ответа на поставленный вопрос монахи Колдиеза обратились к истории искусства древних веков и обнаружили рисунки золотых дел мастера по имени Ругерус. Они основательно изучили методику художника и тщательно скопировали каждую деталь его работ. Современным лазерным стеклорезам монахи предпочли инструменты из закаленной стали. При вырезании сложных витиеватых узоров они применяли специальный инструмент ручной работы. Для получения нужной цветовой гаммы к краскам стали подмешивать истолченные в порошок частицы золота, серебра и драгоценных камней.

Помещение, в которое Алекс привел Соренсена и Краулшавна, было одной из мастерских, где трудились многие поколения монахов Колдиеза. Оно было окутано пылью, набито сотнями непонят-

ных предметов и веществ. Но мало-помалу друзья начали разбираться, что к чему.

Краулшавн потянул на себя холщовую ткань и, увидев под ней аккуратно сложенные листы толстого стекла, стал возбужденно перебирать пальцами. Подняв один лист, он ткнул им Алексу в лицо. Килгур осторожно отстранил Краулшавна.

— Ну, обыкновенное стекло. Я его и раньше видел. Почему все пернатые такие суетливые?

— Он говорит, что струсы использовали стекло для создания своих ранних компьютеров,— сказал Соренсен.

Алекс призадумался.

— Ага, одна зацепка есть. И это только начало.

В то время как двое друзей продолжали поиски, Алекс прикидывал возможные варианты тайной обработки стекла. Придется где-то доставать едкое химическое вещество, растворяющее стекло.

Вдруг Краулшавн сделал порывистое движение оперенной рукой. Алекс увидел, что он пытается выкатить маленький бочонок из-под колышущейся груды других, примерно таких же. Килгур подсобил ему, приложив небольшое усилие тяжеловеса, и вскоре бочонок стоял у их ног. От изумления у Алекса отвисла челюсть. Бочонок был доверху набит пластинками золота.

— Чтоб мне провалиться!.. Недаром говорят: «Если монаха хорошенько тряхнуть, посыплется золото».

Инстинктивно Килгур всегда был антиклерикалом. Такое отношение к религии переросло в твердое убеждение после того, как ему и Стэну пришлось иметь дело с тремя первосвященниками в Волчьих мирах.

Краулшавн указал пальцем вначале на пластинки, затем на стекло. Алекс тихонько засмеялся. Нужный материал найден. При соответствующей обработке они получат необходимый для компьютера элемент, хоть и чертовски дорогой.

Как только друзья снова приступили к обшариванию помещения, перебирая обломки различных предметов и поднимая облака пыли, раздался жуткий вой. Казалось, будто все сигнальные сирены Хиза включились одновременно.

К тому времени, как Алекс присоединился к Стэну, стоявшему на зубчатой стене и обозревавшему внутренний двор, ему удалось привести свой желудок в порядок и немного успокоить нервы. Стэн указал Алексу рукой в том направлении, куда смотрел сам. Килгур понял причину поднятой тревоги и стрельбы.

Обмякшее окровавленное тело Сент-Клер поволокли через три пары ворот на площадь, которую таанцы уже успели окрестить «лобным местом».

— Кто это? — спросил Стэн.

— Не знаю. Но обязательно выясню. Кажется, она еще жива.

Стэн и Алекс отвернулись, чтобы не смотреть на зверское избиение пойманной беглянки. Услышав очередной удар хлыста, они содрогнулись. Удары были частыми. Щелкнул тюремный громкоговоритель.

— Всем заключенным! Внимание! Говорит полковник Держин. Один из вас пытался бежать. Как я прежде обещал, любая попытка к побегу не пройдет безнаказанно.

Стэн затаил дыхание.

— Заключенного будут держать в карцере тридцать дней. Питание — строго ограниченное.

— Вот гад! — не выдержал Алекс.

— Охранникам приказываю запереть всех заключенных под замок в их камерах на двадцать четыре часа. Поскольку работать в это время они не будут, еду не выдавать. Заключенные, у вас есть десять минут на то, чтобы разойтись по камерам. По истечении данного срока любой, кто окажется за пределами своей камеры, будет расстрелян на месте.

Громкоговоритель отключился. Стэн и Алекс переглянулись.

— Чтоб тебя разорвало! — прорычал Алекс.— Филантроп хренов!

— Да уж,— согласился Стэн, и они оба направились к своей комнате.— Опять то же самое. Нужно с этим кончать. Пусть только какой-нибудь герой попробует отколоть ковбойский трюк вроде этого! Ноги повырываю!

— Абсолютно с вами согласен, шкипер!

Глава 14

Однако в планы Стэна входило нечто большее, нежели окрики типа «Подай назад, кучер!». Если в ближайшее время он не организует грамотную попытку бегства из лагеря, гонористые кретины, которых в соборе было предостаточно, начнут игнорировать его приказы.

Искусство побегов — а судя по заведенным в Колдиезе порядкам, каждый побег должен стать самым настоящим произведением искусства — требовало более серьезных поступков, нежели выкапывание нор в земле и сооружение веревочных лестниц.

Схематичное изображение комитета по побегам напоминало равносторонний треугольник. На вершине его находилась самая большая группа. В нее входили соглядатаи и люди, обеспечивающие безопасность. Затем шла средняя группа, состоявшая из столяров, плотников и т. п. Самой нижней была наиболее малочисленная группа, представителями которой являлись художники и разного рода специалисты.

Вероятно, ни один из членов этих групп не оказался бы в числе беглецов. Все они подчинялись Большому Иксу — главе организации. Он сортировал заключенных в соответствии с их тюремными званиями на тех, кто должен был бежать в ближайшем будущем, и туннельщиков или людей, работавших над подготовкой к предстоящему побегу.

Для четкой работы комитета необходимо было создать совершенную систему безопасности. Людей каждого уровня следовало защитить от разоблачения, а способ совершения побега держать в строжайшей тайне от всех остальных заключенных.

Как-то раз Алекс сказал: «Если даже кто-нибудь из вас увидит меня расхаживающим по зоне в фиолетовой женской блузе с ярким флагом в заднице, не надо подходить ко мне и говорить что-то типа: "Какая прекрасная сегодня погода"».

Но самым большим камнем преткновения были не охранники-таанцы — Стэн уже привык к их присутствию. Опасность исходила от малознакомых заключенных. В определенном смысле уважая таанскую разведку, Стэн был абсолютно уверен, что среди заключенных находится хотя бы один провокатор. Возможно, больше. Следовательно, его — или ее — необходимо вычислить и ликвидировать. Имперские заключенные отнесутся к такой смерти как к казни за предательство, таанцы назовут ее убийством и предпримут репрессивные меры. Стэн вынужден был использовать Алекса и его хулиганов в качестве карающего меча, хотя прекрасно понимал, что подвергает своего лучшего друга большой опасности. Но нужно было начинать вербовку.

Другая проблема: среди заключенных могли быть такие, которые по каким-то своим соображениям не желали иметь ничего общего с побегом, запланированным Стэном: единоличники, нашедшие способ бежать самостоятельно. Всех их нужно было взять на заметку и проконтролировать, чтобы беглецы-одиночки не перешли друг другу дорогу и не разрушили один или два плана сразу. Стэну представлялось невероятным везением проведать хотя бы о половине готовящихся побегов — ведь для остальных заключенных он был такой же подозрительной личностью, как и они для него.

Голод давал о себе знать. Стэн с грустью подумал о вечерних пайках, которые к тому времени охранники уже должны были разносить по камерам, как вдруг ход его мыслей был прерван посторонними звуками. Услышав чьи-то шаркающие шаги за дверью, Стэн обрадовался возможности отвлечься и повернулся лицом к двери. Радость его мгновенно испарилась, когда на пороге он увидел своего нежданного гостя.

В дверном проеме, сгорбившись, стоял Лей Ридер Кристата собственной персоной.

Инцидент, произошедший с Кристатой во время первого построения на Хизе, никоим образом не отразился на его поведении. При каждом последующем построении Кристата настаивал на том, что, как гражданский, он не должен содержаться в тюрьме, и при этом его каждый раз силой затаскивали в строй. Он отказывался выполнять любую работу, мотивируя это тем, что задание, данное человеком в униформе, служит военным целям. Естественно, Кристата не отдавал честь ни одному из охранников, как того требовал тюремный устав. До сих пор ему удавалось выжить, но рано или поздно...

Нельзя сказать, чтобы Кристату не любили. Это приземистое существо всегда добровольно вызывалось на дежурства по кухне и отлично стряпало. Оно создало свою амбулаторию, снабдив ее доступными медицинскими препаратами. Кристата никогда не возражал против нарядов на уборку туалетов. А если какой-нибудь заключенный заболевал, он выхаживал его день и ночь.

Стэн терялся в догадках, что это Кристате вдруг понадобилось. Возможно, до него вдруг дошло, что пайки выдаются в армейских котелках, и он усмотрел в этом военную пропаганду? Почему же в таком случае Кристата не уничтожил еду полковника Вирунги?

— Да?

— Можно войти?

Стэн утвердительно кивнул головой. Кристата закрыл за собой дверь.

— Насколько я понимаю,— голос Кристаты слегка дрогнул,— вы отвечаете за организацию бегства.

Стэн пробормотал в ответ что-то неопределенное. Мог ли Кристата быть агентом таанцев? Ни в коем случае.

— Мои приятели решили, что я должен зарезервировать место.

— Ты хочешь бежать?

— А почему бы и нет? Как еще я смогу оградить себя от вида униформы и соблюдения тюремных правил, вызывающих отвращение? Нас четверо — тех, кто решил вырваться из этого проклятого места на свободу.

— Каким образом?

— Мы роем туннель.

— Туннель? — Стэн посмотрел на тонкие нежные пальцы Кристаты.

Кристата перехватил его взгляд. Выставив вперед чешуйчатую руку, он продемонстрировал очень крепкие, как заметил Стэн, мускулы. Из согнутых пальцев выскользнули толстые и острые когти.

— Когда мне приходилось иметь дело с материальным миром, я работал горным техником,— сказал Кристата.

Стэн улыбнулся.

— Конечно, тааниы об этом не знают. Я подумал, раз уж они насильно заставили меня подчиняться их нелепым приказам, то не будет большого греха в том, что я умолчу о своей профессии, ниспосланной богом богатства Маммоной, и не покажу им природные приспособления для рытья, которыми Великий Создатель наделил представителей моей расы.

— Из какого места вы собираетесь выбираться наружу?

— Мы передвинули часть плит на первом этаже восточного крыла и планируем прорыться именно туда.

Стэн мысленно представил себе план Колдиеза.

— Но ведь эта точка находится на самом большом удалении от скального обрыва. Ваш туннель должен быть очень длинным.

— Мы все учли. Вряд ли столь отдаленное место станет объектом пристального внимания охранников. Нам останется лишь откорректировать свои дальнейшие действия с вашим комитетом.

— Когда вы намерены завершить работу?

— Думаю, скоро. Копать было легко, и, поскольку мы прокладываем туннель в основном под фундаментом собора, подпорок понадобилось совсем немного. Полагаю, на данный момент мы подбираемся к внутренней стене.

Стэн был просто поражен. Какой невероятный прогресс!

— Это же замечательно, черт побери!

— Прошу при мне не выражаться!

— Ты прав, извини. Какая вам нужна помощь?

— Никакой.

— Никакой? Предположим, вам удастся выбраться наружу. Что дальше? Не очень-то ты — только не обижайся — похож на тааниа.

— Мы прямиком направимся в глубь страны, окопаемся там и со временем оповестим фермеров о своем присутствии.

— А ты уверен, что они не сдадут вас властям за какую-нибудь обещанную награду?

— Нужно иметь веру,— сказал Кристата.— А теперь... можно мне вернуться к своим обязанностям? Появилось еще четверо больных.

— Разумеется. Дай нам знать, если понадобится отвлечь охранников или еще что-нибудь.

— Вряд ли нам придется обращаться к вам за помощью.

— Ну, как знаешь. Да пребудет твой... э-э-э... Великий с тобой.

— А он и так со мной.

И Кристата шаркающей походкой вышел из комнаты.

Килгур отметил, что взводный сержант Ибн Бакр находится в отличной форме, в особенности учитывая факт регулярного недоедания заключенных. Он с большим интересом разглядывал могучего пехотинца, подавляя в себе острое желание заглянуть ему в рот, пе-

ресчитать зубы, словно при покупке першерона, или проверить копыта, чтобы удостовериться, выдержит ли он тяжесть громоздкого паланкина. Ибн Бакр мог запросто сойти за какого-нибудь лихого сказочного героя или его первого сержанта-костолома.

— Мистер Килгур,— сказал здоровяк. «Он еще и говорить умеет, будь я неладен».— Я хочу вступить добровольцем в комитет.

Естественно, слово «побег» никогда и никем без особой надобности вслух не произносилось — в целях конспирации.

— Мы принимаем тебя, парень,— чистосердечно сказал Алекс.

Он мечтал найти еще по крайней мере трех таких же крепких ребят, как этот сержант. Имея столь сильную команду, они просто оторвали бы шпиль собора и протаранили им ворота. Все ворота.

— Нам нужны бравые вояки вроде тебя. Копать... сражаться... улететь с планеты.

— Ммм... мистер Килгур, я не то имел в виду.

Мечты Алекса растаяли как дым.

— А что же?

— Полагаю,— продолжал Ибн Бакр,— вам понадобится специалист, который сможет изменить одежду. Мы должны походить на штатских, правильно?

— Ты хочешь быть белошвейкой?

— А что в этом плохого? — Ибн Бакр сжал ручищу в кувалдоподобный кулак.

Килгур, решив, что сержант может оказаться слишком серьезным противником, счел за лучшее ретироваться.

— Нет-нет, ничего.

— Я умею вязать, вышивать гладью, делать длинные стежки, короткие, крест-накрест, каррикмакросс, гофрировку, отделку перьями, англез, плести кружева, работать на пяльцах...

— Хватит, хватит, сержант, остановитесь. Признаться, вы меня сразили наповал. Я был просто потрясен, когда услышал про ваши таланты. Будьте уверены, мы раздобудем для вас все необходимые материалы в ближайшее время.

Сержант отдал честь и вышел. Килгур проводил его недоуменным взглядом и тяжело вздохнул.

Завыла сирена. Имперские заключенные сбежались на вечернее построение. После переклички они продолжали стоять, глядя на лежавшую неподалеку пятиметровую груду пластиковых коробок, гадая об их предназначении и о том, что нового на сей раз могли придумать таанцы.

Комендант лагеря Держин выслушал рапорт полковника Вирунги и сказал, что хочет сделать объявление. Оно было коротким и произвело эффект взорвавшейся бомбы.

— Заключенные! Мы признали вашу работу удовлетворительной.

«Дьявол! — в сердцах чертыхнулся Стэн.— Почему мы вовремя не разработали программу саботажа?»

— В награду за это я распорядился выдать вам посылки из «Помощи заключенным». Это все. Полковник Вирунга, позаботьтесь о своих людях.

Вирунга отдал честь. Вид у полковника был такой, словно его огрели обухом по голове.

Заключенные были поражены не меньше, чем он.

Стэн приблизительно знал, из чего состояли посылки: за три года его заключения некий сердобольный офицер — которого быстро отправили на фронт — однажды раздавал подобные коробки.

«Помощью заключенным» называлась организация, созданная в нейтральной системе Манаби. В ее цели входили контроль за соблюдением некоторых прав военнопленных обеих враждующих сторон, в частности — за правом на апелляцию, и оказание гуманитарной помощи. Таанцы игнорировали первую цель организации, но одобряли последнюю.

Каждая посылка содержала в себе дополнительные продовольственные пайки, витамины, минералы и сменную одежду для десяти заключенных. Стэн не раз задавался вопросом, понимали ли добрые маленькие старушки — а именно такими он представлял себе щедрых благодетелей заключенных,— что все эти шарфы, перчатки и лакомства, находившиеся в посылках, почти никогда не попадали в руки тех, кому предназначались. Если они не исчезали в самой таанской системе снабжения, их растаскивали тюремные охранники. Посылка, доставшаяся Стэну по милости мягкосердечного таанского офицера, была основательно уполовинена еще до того, как попала в ворота лагеря.

— Жратва,— прошептал кто-то.

Строй заключенных подался вперед. Еще несколько мгновений промедления, и Вирунге вряд ли удалось бы удержать их от голодного бунта.

— Отделение! Смир-но! — Военная дисциплина одержала верх — по крайней мере на какое-то время.— Три человека... распаковку... посылок. Кристата... Килгур... Горацио!

Лей Ридер Кристата пробурчал что-то себе под нос, однако быстро понял, что задание вполне приемлемо, и шагнул вперед. За ним последовали Стэн и Алекс.

— Сэр,— обратился к Вирунге Стэн.— Прошу...

Вирунга не дал ему возможности закончить предложение.

— Совершенно верно... забыл... обязанность. Еще один. Старший сержант Исби!

Специалист по снабжению подошел к Вирунге, тяжело опираясь на костыли. Несколько лет назад в результате тяжелых ранений Исби стал одноногим. Ответственность за потерю ноги целиком и полностью лежала на таанцах, чья жестокость проявилась в неоказании ему своевременной медицинской помощи. Впрочем, такое пренебрежение к человеку могло быть списано на оплошность, какие часто допускаются в период военного времени. Однако тому, что Исби не поставили хотя бы протез, оправдания не было. Таанцы еще ответят за свои злодеяния. Однажды они предстанут перед судом как военные преступники.

— Остальным... разойтись! Распределение посылок... два часа.

Строй распался, но ни один из заключенных не покинул двора. Они хотели понаблюдать — очень внимательно — за сортировкой посылок. Впрочем, троим заключенным, которым это было поручено, они доверяли — более или менее.

Стэн многозначительно посмотрел на Алекса. Килгур понимающе кивнул головой. Он должен был отвести полковника Вирунгу в сторону и поделиться с ним очень интересной информацией. Стэну и Алексу она стала известна еще до войны с таанцами, в период прохождения подготовки в отряде богомолов. Если эта информация не устарела, посылки организации «Помощь заключенным» могли им очень пригодиться.

Продолжая строго соблюдать правила конспирации, Стэн отдал Вирунге честь и спешно удалился. Его ждало другое, не менее серьезное дело.

Двое охранников грубо окликнули Стэна.

Он остановился. Охранники открыли дверь карцера и снова рявкнули. Через минуту из крохотного помещения вышла Сент-Клер, щуря глаза от яркого света,— вышла ровной походкой, не спотыкаясь и не прихрамывая. За месяц, проведенный в изоляторе, ее раны и кровоподтеки почти зажили. Стэн отметил, что Сент-Клер сильно отощала — на урезанных наполовину пайках и воде не разжиреешь,— но держалась хорошо. Должно быть, она нашла способ делать какие-то физические упражнения даже в каменном мешке карцера.

— В следующий раз так легко не отделаешься,— процедил таанец.

— Следующего раза не будет,— парировала Сент-Клер.

Охранники толкнули ее вперед и закрыли дверь карцера. Сент-Клер приостановилась возле Стэна.

— А вот и мой радушный покровитель.

— Если хотите, да,— сказал Стэн.

— Что нового произошло в огромном мире?

— Ничего такого, о чем бы стоило упоминать.

— Значит, война все еще не закончилась. Между прочим, почему вы не обращаетесь ко мне по званию? Я ведь артиллерийский офицер.

— Простите, капитан.

— Да ладно, ерунда. Засиделась в этой конуре...

Они находились в пустынной части коридора.

— Нам нужно серьезно поговорить,— сказал Стэн.

— Валяй.

— Вы пытались выбраться отсюда в одиночку. Это просто какой-то ковбойский поступок.

— Ну так что теперь?

— Это не должно повториться. Любой побег будет зарегистрирован и совершен с разрешения комитета.

— Только не мой,— отрезала Сент-Клер.— Комитеты вечно все портят. Комитеты развязывают войны. Я предпочитаю вести свою личную кампанию.

— Это не просьба, капитан. Это приказ.

Сент-Клер прислонилась к стене.

— Ты Большой Икс?

— Прошу любить и жаловать.

— Рада познакомиться. Но как я уже сказала...

— Слушай меня внимательно, капитан. Читай по губам. Я не стану посылать на твою голову проклятия, если ты решишь бежать в одиночку. Каждый, кто находит лазейку, чтобы выбраться из этого гроба, получает мое благословение. Но я должен знать о готовящемся побеге заранее и дать на него добро.

Сент-Клер долго держала паузу, во время которой успела сделать шесть глубоких вздохов. Наконец она улыбнулась.

— Примите мои извинения. Я буду следовать вашим приказам. Конечно. Что бы вы и ваш комитет ни потребовали.

— А вы очень находчивы, капитан Сент-Клер. Не советую меня разыгрывать. Я потребую строгого выполнения моих приказов. И вы станете им подчиняться!

— А если нет?

Стэн говорил очень спокойно:

— Тогда я убью вас.— Выражение лица Сент-Клер оставалось бесстрастным.— И вот еще что, капитан. Во избежание лишних неприятностей я назначаю вас на должность главного карманника.

— Карманника? Но я не имею ни малейшего понятия...

— Вора.

Сент-Клер вспыхнула.

— Я — игрок, а не какая-нибудь там вульгарная аферистка!

— Не вижу разницы.

Сент-Клер едва сдерживала свой гнев.

— Будут еще какие-нибудь вопросы, артиллерийский офицер?
— Пока нет.
— В таком случае вы свободны!
Стэн вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь.
Сент-Клер подождала, пока он завернул за угол, и позволила себе роскошь разразиться серией отборных ругательств. Лицо ее буквально перекосилось от злости. Вскоре она успокоилась и начала думать о долгожданном душе.

Во внутреннем дворе вовсю шла раздача посылок «Помощи заключенным». Стэн обратил внимание, что как только открывалась очередная коробка, Алекс вынимал из нее один или два пакета и откладывал в сторону. Хорошо.
Прислонившись спиной к одной из полуразрушенных колонн, стоял сгорбленный имперский младший офицер.
Стэну вдруг показалось, что этот старичок должен быть похож на его дедушку, которого он никогда в жизни не видел. Ветеран держал в руках маленький пакет с бисквитами — очевидно, с бисквитами — и такой же по размерам пакет с сухофруктами. Это была его доля из посылки. Старичок плакал.
У Стэна защемило сердце от жалости. Пора им всем возвращаться домой.

Глава 15

Большой Икс «наращивал мускулы». Через своих агентов Стэн набрал целый штат исследователей: строптивых и шустрых заключенных. Исследователям выдали самодельные складные линейки и поручили измерять все и вся. Стэн пытался выяснить, с какого места и какого рода работу предстоит выполнить. Поскольку никакой возможности найти и скопировать или выкрасть план Колдиеза не было, приходилось создавать собственный.
Вскоре Стэн получил обстоятельный доклад. В нем сообщались длина, ширина и высота коридоров, расположенных вдоль них помещений и самого крыла. Все эти цифры не укладывались у Стэна в голове. Он отчаянно желал, чтобы Алекс и его команда трудились над созданием компьютера чуточку быстрее. «Что за чертовщина! Может, у них вообще ничего не получится?»
Стэн отшвырнул в сторону исписанные клочки бумаги. Сейчас, то есть утром, нужно было приступать к повседневной работе.
Сегодняшнюю рабочую смену возглавлял человек, который, по всей вероятности, был первым таанским осведомителем.

Старший прапорщик Ринальди Эрнандес всех, кроме таанских офицеров, называл «друзья мои». К таанцам он обращался не иначе как «высокочтимые сэры» и отвешивал нижайшие поклоны.

— Друзья мои,— слащавым голосом сказал он.— Ну давайте, поднатужьтесь. Все вместе, дружно — взяли и подняли. Вам это под силу.

«Под силу» означало вручную перенести огромный генератор, который не утянул бы и транспортер, оснащенный маклиновским движком, к грузовому судну и поднять эту махину на борт.

— Вы даже не хотите попытаться, друзья мои,— продолжал Эрнандес.— К сожалению, придется по возвращении доложить об этом нашему коменданту. Не забывайте о том, что вам был выдан двойной дневной паек. Следовательно, надо быть готовыми выполнить двойную рабочую норму.

Стэн и остальные двадцать человек нахмурились и начали медленно, со стонами перемещать генератор. Все они ненавидели Эрнандеса. Однако неожиданно для самого себя Стэн пришел к выводу, что, несмотря на постоянные угрозы со стороны Эрнандеса, ни на одного человека, работавшего под его началом, еще не было ни одного доноса. Интересно.

Наконец генератор был погружен на борт корабля. Измученные заключенные начали оседать на землю. Эрнандес прошелся среди них, похлопывая каждого по плечу, пошучивая, не обращая внимания на летящие ему вслед ворчливые ругательства.

— Неплохо, друзья мои, неплохо. Ну же, взбодритесь. Погрузка только началась. Вперед, принимайтесь за дело. Покажем нашим высокочтимым хозяевам, на что мы способны.

Тяжело вздыхая, заключенные поднялись на ноги. Следующее задание было полегче: погрузить коробки на другой межпланетный корабль.

Стэн поймал себя на мысли, что наблюдал за Эрнандесом не так пристально, как за космопортом. Его интересовали многие вещи. На каком корабле можно незаметно спрятаться и улететь? Какое судно куда отправляется? Какие меры безопасности предпринимаются после загрузки корабля?

Сгорбившись под тяжестью очередной коробки, Стэн поднялся по трапу грузового судна. У входа стоял Эрнандес, одетый в свой повседневный мешковатый комбинезон.

— Привет, трудяга,— бодрым голосом сказал Эрнандес.— Заходи прямо внутрь и клади свою ношу на самый верх, дружище. Нужно поскорее набить эту посудину до отказа и отправить с планеты.

«Точно, провокатор,— подумал Стэн.— Но не слишком ли он простоват для тайного агента?»

— На арктической планете мерзнут солдаты,— сказал Эрнандес.— Нужно обеспечить их всем необходимым.

Стэн смерил прапорщика сердитым взглядом и поплелся дальше в составе «муравьиной» процессии к грузовому отсеку. Кладя коробку на указанное место, он обратил внимание на этикетку с обозначением груза: «Униформа, тропический вариант».

Стэн украдкой прочитал надписи на этикетках еще нескольких ящиков: оборудование для восстановления сил в нормальной (низкокалорийной) среде; корм для вьючных животных (таанцам в пищу не употреблять); медикаменты, гигиенические препараты; семена для посева, садовый каток — для генералов и вышестоящих начальников. Весьма странный груз для «отмороженной» планеты.

Возвращаясь обратно, Стэн посмотрел на мистера Эрнандеса другими глазами. Для подтверждения своей догадки он намеренно натолкнулся на прапорщика. Бляхи на комбинезоне мистера Эрнандеса звякнули.

— Поосторожнее, друг мой,— по-отечески предупредил Стэна младший офицер.

— Увидимся ночью,— приказал Стэн низким полушепотом.

— Прошу прощения?

— Большой Икс.

«Дьявол! Если я вляпался, то по самые уши».

Однако опасения Стэна оказались напрасными.

На гражданке Ринальди Эрнандес был торговцем недвижимостью, квалифицированным водопроводчиком, плотником, столяром, специалистом по керамике и владел еще массой других профессий. С началом военного конфликта его призвали на службу в армию и направили в имперский строительный батальон — бюрократическая машина умела использовать человека по назначению.

Эрнандес ненавидел таанцев всей душой. Его единственная внучка была убита ими еще в начале войны. Сам Эрнандес попал в плен. Он выжил — и все годы, проведенные в заключении, старался не погибнуть до того дня, как в его руки попадет оружие, с помощью которого можно будет мстить врагам.

— По совести говоря,— сказал он робко,— не знаю даже, как быть. Ведь я еще ни разу в жизни никого не убивал.

Между тем Эрнандес прекрасно изучил таанские миры, отправляя грузы для фронтовых гарнизонов, а также принимая поставки. Он крал, а затем выводил из строя любые плохо лежавшие предметы военного обихода, исподтишка ломал различные приборы, когда ему позволяли взойти на борт какого-нибудь военного корабля.

Эрнандес ненавидел таанцев такой лютой ненавистью, что готов был пожертвовать доброй репутацией среди заключенных. Они

поверили в то, что он предатель, провокатор и шпион. Возможно, его могли даже убить. Но Эрнандес намеренно шел на этот риск. Тааанцы доверяли ему больше, чем любому другому имперскому заключенному. Эрнандес признался Стэну, что частенько задумывался над тем, сколько тааанцев погибло в результате совершенных им диверсий. Да и погибли ли вообще? Может, он просто не доводил дело до конца?

Стэн предполагал, что мистер Ринальди Эрнандес отправил на тот свет больше тааанцев, чем любой имперский боевой корабль. Теперь в комитете Большого Икса появился свой мастер на все руки.

«Не стоит обольщаться,— размышлял Стэн.— Набираешь целый штат людей, раздаешь им поручения... Но пока что дальше поручений дело не продвинулось».

Глава 16

Л'н потянула на себя ручку управления. Сначала послышался легкий шум заработавшего фидера, затем два резких щелчка, и электронно-лучевые трубки вышли из отверстий, находящихся прямо напротив нее. Л'н мельком взглянула на трубки и, удостоверившись, что на каждой из них стоят символы «плюс-минус», направила ручку вперед. Трубки медленно заскользили навстречу друг другу, резко подпрыгнув вверх при соприкосновении.

Л'н придвинулась ближе, чтобы повнимательнее рассмотреть шов. Он был настолько безупречен, что Л'н не сразу заметила его. В месте соединения трубок образовалась нитевидная полоска, в энное количество раз тоньше человеческого волоса.

Все эти действия происходили в полной темноте. Фактически испытательная комната была погружена в такой кромешный мрак, что у любого другого живого существа начался бы приступ клаустрофобии буквально через несколько минут после попадания в нее. Оно чувствовало бы себя полностью оторванным от внешнего мира и смутно угадывало бы лишь очертания собственного тела. Л'н такая обстановка напоминала сумерки.

Она усилила электрическое поле и повернула рычаг влево, чтобы подвергнуть стык воздействию напряжения. Внешне шов выглядел таким же совершенным, как и прежде, но светоактинические глаза Л'н смогли различить темно-красное пятнышко. Шов оказался с большим изъяном. Л'н хихикнула и наклонила рычаг вправо, чтобы сбросить трубки в мусорный ящик. Всего за несколько часов работы ящик наполнился отходами почти доверху. Для тааанцев, хвастаившихся своей суперэффективностью, это было уж слишком.

Л'н любила мечтать, что однажды в будущем какой-нибудь прозорливый историк сумеет связать окончательную победу империи с

неприметным мусорным бачком, стоявшим у нее под столом. В сотый раз Л'н улыбнулась своей незатейливой, известной лишь ей одной шутке и потянула на себя рычаг, чтобы продолжить эксперимент над следующей парой электронных трубок. Навострив свое маленькое, слегка заостренное левое ушко, она приготовилась услышать мягкий звук пришедшей в действие машины. Вместо этого из-за двери лаборатории раздался резкий крик.

Чувствительное ухо Л'н свернулось от боли. Что за черт? Крики не смолкали. Это орал Клорик, таанский надзиратель, контролировавший работу заключенных в лаборатории. Л'н не расслышала слов, но они явно относились к кому-то конкретно. Если Клорик будет продолжать в том же духе, а оснований сомневаться в этом у нее не было, крики вскоре перерастут в грубые бессвязные ругательства, за которыми последует жестокое избиение провинившегося.

Кем бы ни был этот несчастный, Л'н от души жалела его. Но чем она может ему помочь? Л'н продолжила свою работу, стараясь не принимать случившееся близко к сердцу и не обращать внимания на посторонние звуки. С каждым днем ей все легче удавалось переносить подобные безобразия. И боялась она этого больше всего — больше Клорика или других таанцев, даже самой войны, потому что каких-нибудь несколько лет назад слов «насилие» и «жестокость» вообще не числилось в ее лексиконе...

Но это не значило, что Л'н происходила из расы пацифистов. Напротив, начиная с самой низшей, амебной стадии развития и заканчивая теперешней, когда керры превратились в высокоорганизованных животных, они стояли на самой высокой ступени свирепости. Это были стройные существа, покрытые короткой шерстью, с большими прозрачными глазами, нежными, высокочувствительными ушами и длинными хвостами, предназначавшимися для балансирования. Родная планета керров была почти сплошь покрыта густыми лесами. Керры обитали в среднем ярусе, где свет был таким же скудным, как и продовольственные запасы верхнего яруса.

Подобно многим другим лесным жителям, соплеменники Л'н очень ревностно относились к своей самостоятельности. Чувство одиночества они испытывали только в период спаривания. Это свойство характера керры пронесли через века — так же как и любовь к свету.

Достигнув совершенства в искусстве художника, Л'н решила эмигрировать из родной системы. Это был очень неосмотрительный поступок. Она ставила крест на личной обособленности, променяв ее, по мнению друзей и близких, на враждебный мир, суливший тяжелую жизнь, полную одних лишь неприятностей. Будучи натурой артистичной, Л'н инстинктивно чувствовала красоту мира, которого никогда прежде не видела, и отлично понимала — поступись она заветной мечтой сейчас, цена за традиционное одиночество в буду-

щем окажется непомерно высокой. Для совершенствования своего мастерства Л'н требовались новые знания, которые можно было приобрести лишь в великом внешнем мире.

Она только встала на путь к достижению своей цели, когда таанцы напали на империю.

В ту пору ее необычным картинам, пронизанным лучезарным светом, нужна была постоянно расширяющаяся аудитория. Какое странное слово — «аудитория», язык керров не имел подобного эквивалента. В сознании Л'н оно ассоциировалось с огромными толпами вонючих, распихивающих друг друга существ, подступающих к ней все ближе и ближе... Л'н научилась общаться с аудиторией. Больше того, ей понравилось находиться в центре внимания.

К тому же у нее появился первый друг из внешнего мира. Его звали Хансен. Старший капрал Хансен был очень крупным и, главное, очень пугающей наружности человеческим существом. При первой же их встрече он сгреб маленькие ручки Л'н в свои лапищи и басом стал восхвалять ее лучистые картины. Чуть не завопив от страха на всю студию, Л'н большим усилием воли заставила себя как можно вежливее выслушать Хансена и деликатно проводила его до двери. В ту ночь она в течение нескольких часов пыталась избавиться от стойкого запаха, оставшегося у нее на шерсти после прикосновения рук могучего капрала.

Много месяцев спустя исходивший от Хансена запах стал для Л'н одной из самых привлекательных его особенностей. Каждую свободную минуту Хансен проводил с Л'н. Он восторгался ее картинами (грамотно критикуя некоторые из них), заботливо опекал ее во время выставок, удерживая толпу на удобном для нее расстоянии.

Когда началось вторжение таанцев, Хансен отважно пробил себе дорогу в студию, расшвыривая врагов направо и налево, подхватил на руки Л'н и, продолжая отбиваться, понес ее к своим. Они оказались в безопасности всего за несколько минут до того, как потерпевшие поражение имперские части сдались. Но даже потом таанцы продолжали обстреливать их из дальнобойных орудий.

Один из таких взрывов накрыл Хансена и Л'н. Через несколько минут Л'н пришла в сознание. Как странно — на ней не было ни единой царапины, в то время как тело Хансена представляло собой сплошное кровавое месиво.

Покинув родную систему, Л'н научилась многим вещам. В том числе и лжи.

Таанцы приняли ее за военнослужащую имперской армии. Л'н не стала их в этом разубеждать. Оказавшись на улице, она видела, как таанцы расправлялись с мирными гражданами, слышала предсмертные крики и стоны.

Последнее, чему Л'н научилась после гибели Хансена, было умение переносить полное одиночество.

Шов, образовавшийся в месте соединения следующей пары электронных ламп, засветился бледно-оранжевым светом. Соответствует стандарту. Вот черт! Л'н отправила спаренные трубки в коробку для готовых изделий.

Крики за дверью смолкли, но вместо ожидаемых тяжелых ударов дубинки послышалось ворчание. Что же там все-таки происходит?

Четвинд услышал громоподобный голос, эхом прокатившийся по громадному, как ангар, зданию завода. Он быстро проверил своих охранников и закрепленные за ним участки. На первый взгляд все было в порядке. Стоп! Чего-то или кого-то не хватало.

Здоровяк Четвинд обошел вокруг дребезжащего агрегата, замер и вдруг сорвался с места. Увернувшись от раскачивающегося ковша подъемника, он забежал за угол и встал как вкопанный. Опять Клорик! Лицо надсмотрщика пылало от гнева, глаза налились кровью и вылезли из орбит. Он орал как сумасшедший, доводя себя до состояния полного исступления.

Объектом ярости Клорика был имперский военнопленный. Четвинд сразу понял причину столь буйного гнева. Двое мужчин стояли посреди большой беспорядочной кучи рассыпавшихся по всему полу гидравлических трубок. За их спинами находилось множество дверей, ведущих в экспериментальные лаборатории. Над одной из дверей горела красная лампочка.

Четвинд принял небрежную позу и стал расхаживать то в одном, то в другом направлении, наблюдая за разыгравшейся сценой с приличного расстояния. Его вмешательство в конфликт зависело от нескольких простых факторов. С одной стороны, заключенный мог допустить ошибку — не нарочно или, хуже того, умышленно. В таком случае Четвинд пожал бы плечами и бросил заключенного на произвол судьбы. С другой стороны, всему виной мог быть сам Клорик, пользовавшийся репутацией типа вспыльчивого, впадавшего в бешенство по пустякам даже у самых черствых и бессердечных охранников. Этическая сторона этого вопроса никого не интересовала, просто такое поведение считалось непрофессиональным.

Четвинд пользовался гораздо большим уважением. Поскольку командиром он был мудрым, заключенные в конечном итоге попадали под его ответственность. Ходили упорные слухи, что после этого их труд становился не таким тяжелым, а следовательно — более плодотворным. Заключенных прекращали нещадно эксплуатировать, и выглядели они уже не такими изнуренными.

Наконец Клорик заметил Четвинда и тотчас принял оборонительную позицию.

— Я сам с этим разберусь!

— Еще слово вякнешь, Клорик, и тебе не поздоровится.

Клорик схватил мастодонта Четвинда за лацканы униформы. Он был крупным субъектом, но не таким мощным, как Четвинд. Последний превосходил Клорика по весу, состоявшему в основном из стальных мускулов.

Хотя Четвинд и был боссом рабочих бригад, он не являлся непосредственным начальником Клорика, зато водил дружбу с самыми мерзопакостными сотрудниками службы безопасности. Как ему удалось этого добиться, оставалось тайной, покрытой мраком. Поговаривали, будто Четвинд оказывал разного рода услуги многим влиятельным особам. Спрашивать у Четвинда, что он получал взамен, не решился бы даже такой тугодум, как Клорик.

Мысли об этом навели Клорика на длительное размышление. Четвинд терпеливо ждал, когда строптивый надсмотрщик умерит свой пыл. Наконец Клорик разжал руки и опустил плечи. Выражение его лица оставалось упрямым, но из дерзкого сделалось виноватым.

— Он пытался...— пробурчал Клорик, указывая рукой сначала на заключенного, а затем на груду электронных трубок.— Видите? Он сбрасывал плохие и хорошие лампы в одну кучу.

Четвинд не дал Клорику возможности закончить объяснение, предполагая, что по большей части оно будет ложным. Он был уверен в большей изобретательности заключенного. Четвинд повернулся лицом к человеку, переводившему взгляд с одного начальника на другого. Заключенным, гадавшим, что с ним произойдет дальше, был Стэн.

— Что ты скажешь в свое оправдание? — спросил Четвинд.

— Всему виной досадная случайность,— сказал Стэн.— Понимаете, в тот момент, когда я отодвигал с дороги мусорный ящик, офицер схватил меня за плечо. Я так испугался, что споткнулся об этот ящик и нечаянно перевернул другой...

— Наглая ложь! — запротестовал Клорик.— Я все время наблюдал за ним. Он нарочно собирался смешать бракованные трубки с нормальными, уверяю вас.

— Но, сэр,— возразил Стэн,— разве вы видели, чтобы я это делал? Где же вы тогда находились?

Клорик был настолько сконфужен присутствием Четвинда, что даже не заметил, как вступил в дискуссию с заключенным, вместо того чтобы врезать ему как следует за такую неслыханную дерзость. Клорик указал рукой в сторону места, где стоял до возникновения конфликта; было очевидно, что, находясь за гравилифтом, на расстоянии двадцати метров от лаборатории, он ничего видеть не мог.

После минутной паузы Стэн покачал головой.

— Нет, сэр. Не хочется с вами спорить, но не думаю, чтобы оттуда вы могли что-нибудь заметить. Вам загораживали обзор пластиковые коробки.

— Поначалу да,— кивнул Клорик,— но я переставил некоторые из них, видишь? — Он показал пальцем на дыру, образовавшуюся в огромной груде пластмассовых ящиков, готовых к отправке.

— Ваша правда, сэр. Хитро придумано,— с притворным облегчением произнес Стэн.— Но разве я не стоял к вам спиной, сэр?

Четвинд приказал обоим молчать. Этот спор ни к чему не вел. Кроме того, в его мозгу промелькнула смутная догадка. Он был уверен, что уже где-то видел этого заключенного.

— Мы не встречались раньше? — спросил Четвинд.

Стэн пристально посмотрел на босса. Ему также показалась знакомой внешность Четвинда, но он решил это скрыть.

— Нет, сэр. Заключенный так не думает, сэр.

Четвинд присмотрелся к Стэну повнимательнее. Он не мог избавиться от чувства, что где-то когда-то видел этого человека — в форме таанского полицейского. Но что он делает здесь, разыгрывая из себя имперского заключенного? Если Четвинд не ошибался, этот человек был шпионом. В таком случае он и Клорик могли оказаться в дерьме по самую шею.

— Имя?

— Имя заключенного — Горацио, сэр,— ответил Стэн, с беспокойством вспомнив наконец, при каких обстоятельствах видел Четвинда. Это случилось тогда, когда он и Алекс шли по следу маленького бомбиста по имени Динсмен. Память Стэна четко воспроизвела картину нападения гуриона. Выставив вперед все шесть лап, это существо стремительно вынырнуло из пенистой волны и бросилось на них. На протяжении всей атаки человек, развалившийся на берегу в непринужденной позе в окружении группы симпатичных самок-заключенных, дико хохотал. Стэн и Алекс выдавали себя тогда за тюремных охранников, так что, по правде говоря, им грех было обвинять Четвинда в безразличии к своей судьбе. Стэна поражало другое — как и когда Четвинду удалось покинуть планету-тюрьму. Больше того, каким, черт возьми, образом он превратился из заключенного в босса охраны?

«Во время войны происходят до смешного странные вещи»,— подумал Стэн.

— Ладно, Горацио, хватит препираться. Считай, что тебе повезло. Но учти, в следующий раз пощады не будет.

— Спасибо, сэр,— сказал Стэн с нескрываемым изумлением.

Прежде чем Клорик успел что-нибудь возразить, Четвинд поднял руку, приказывая ему молчать.

— Собери все детали в коробку,— обратился Четвинд к Стэну.— Мы снова проверим их.

— Слушаюсь, сэр. Займусь немедленно, сэр.

Стэн с большой готовностью принялся поднимать рассыпавшиеся трубки. Четвинд и Клорик ушли.

— Почему вы не позволили мне поколотить его? — спросил Клорик.— Он ведь это заслужил.

— Возможно,— ответил Четвинд.— Сделай одолжение нам обоим — присмотри за ним. Но кулаки в ход не пускай. Понял?

Клорик утвердительно кивнул головой. Он понятия не имел, что происходит, и никакого желания выяснять это у него не было. Что же касается Четвинда, тот по-прежнему не сомневался, что где-то видел Стэна. Однако свою догадку насчет заключенного-полицейского считал, скорее всего, глупым недоразумением. Хотя как знать? Рисковать Четвинд не хотел.

Л'н вернулась к выполнению своих рутинных обязанностей с повышенным интересом. Она даже стала тихо напевать колыбельную керров, как вдруг в лабораторию вошел человек по имени Горацио. Л'н была поражена и ужасно напугана. Она чуть было не включила маленькую синюю лампу, излучающую неприятный для ее глаз свет, чтобы получше разглядеть Горацио. Пока он пробирался в темноте, Л'н спряталась в укромном месте.

Человек вел себя очень спокойно и шепотом назвал ее по имени. Наконец Л'н отозвалась. Мужчина подошел прямо к ней, словно мог видеть в темноте так же хорошо, как и она.

Казалось, Горацио сразу понял душевное состояние Л'н. Он прошептал утешительное слово и заговорил об интересующих ее вещах — геометрических пропорциях, разнообразии цветовой гаммы, образующейся при особом освещении преломленными лучами. Горацио сказал, что наслышан о творчестве Л'н, хотя ему не удалось увидеть ни одной из ее световых картин. Он обещал помочь организовать студию в тюрьме.

Горацио также попросил у нее помощи. Не в качестве благодарности за оказываемые услуги. В этом она была абсолютно уверена. Л'н не сомневалась — Горацио добьется предоставления ей помещения под художественную студию независимо от того, согласится она содействовать ему или нет.

Почему она ему поверила? Наверное, потому, что он доверился ей. Горацио признался Л'н, что является Большим Иксом. Глядя на этого сильного человека, она вспомнила капрала, погибшего у нее на руках.

Л'н предстояло стать фальсификатором. От нее требовалось использовать все свое художественное мастерство для изготовления подделных документов на имена таанцев, карточек и массы других вещей, которые могли бы понадобиться заключенным, если им удастся бежать.

У Л'н возникло только одно сомнение. Ей самой бежать было нельзя. Лучи светила таанской системы губительно действовали на ее глаза. Она просто-напросто могла ослепнуть.

«Хансен сказал — нет. Ой, не Хансен,— поправила она себя.— Какая я глупая. Горацио сказал, что тоже не может бежать, потому что он — Большой Икс. Значит, мы будем вместе работать и помогать остальным».

Такая перспектива Л'н вполне устраивала. Ей пришлась по душе и вторая просьба. Горацио хотел, чтобы Л'н устроила маленькую диверсию — выпустила как можно больше партий бракованных трубок. Выполнение этой просьбы было сопряжено с большим риском, но Л'н готова была пойти на него с удовольствием. Она подумывала об этом и раньше, но боялась испытывать судьбу.

После встречи с Горацио Л'н больше ничего не будет бояться.

Глава 17

Третьи ворота, ведущие в центральное святилище, открылись, и майор службы безопасности Авренти ступил на территорию заключенных — их внутреннего двора.

Основание треугольника — группа поддержки беглецов — приступило к выполнению обязанностей.

Старший сержант Исби, сидевший на табурете, нагнулся и закатал до колен штанину, подставляя ногу тусклым лучам таанского светила.

Майор Ф'релла, находившаяся в дальнем конце двора заключенных, подперла голову одним щупальцем и, зашевелив извилинами второго мозга, продолжила практиковаться в музыкальной обработке необычной древней земной мелодии, написанной неким чудаком по имени Вейлл, раскладывая ее на шесть голосов. Для существа, имевшего девять легких, это не представляло большой сложности.

Техник Блевенс взвизгнул, притворившись, будто ожегся о горячий котел, и опрокинул его на пол кухни, где готовилась еда для заключенных.

Громкое «клень-нь-нь» разнеслось по всему двору. Команда была дана.

— Да поможет нам Великий,— сказал Кристата.— Пора выходить.

Маркиевикз немедленно бросила свою импровизированную лопату и начала пятиться назад. Как и любой другой здравомыслящий туннельщик, которого могли хватиться и подвергнуть обыску в любую минуту, она работала нагишом. Кристата взял ее за ноги и подтолкнул, помогая пролезть в ближайший боковой проход. Он с интересом посмотрел на тело Маркиевикз. Ему не давал покоя вопрос: почему некоторые религиозные люди стыдились своей обнаженной плоти?

И вдруг Кристату осенило. Конечно! Они понимали, что их тела должны быть покрыты шерстью, а не бледной кожей. Люди стеснялись того, что не такие, какими им положено быть. Посчитав эту мысль достойной своей следующей медитации, во время которой он будет общаться с Великим, Кристата решил поблагодарить Его еще за одно просвещение и поспешил к выходу из шахты вслед за Маркиевикз.

Маркиевикз натянула на себя спецовку. Отодвинув пару каменных плит, которыми был вымощен внутренний двор, они быстро вылезли из туннеля и закрыли вход теми же плитами. Двое солдат выгрузили на это место ужасно вонючую корзину с лишайниками и принялись чистить их для ужина.

Соренсен устанавливал восемнадцатую стеклянную пластинку, следуя инструкциям жестикулирующего Краулшавна, когда из-за двери донеслось громыхание чьих-то ботинок. Пластинка выскользнула из рук Соренсена и упала на стоявший перед ним стол в то время, как Краулшавн оживленно указывал на ключи.

Тааанцы! Приближаются! Черт бы их побрал!

Краулшавн дернул за висевшую рядом веревку, и на стол опустилась холщовая ткань, маскируя лежавшие на нем предметы, окутывая все вокруг облаками пыли.

Выскользнув из мастерской в коридор, друзья прикрыли за собой дверь. Соренсен ругнулся. Часовой-заключенный запер дверь на замок и при помощи маленьких мехов обсыпал дверь пылью. На случай, если тааанцы решат проверить коридор тепловыми детекторами, он предпринял последнюю меру предосторожности: опустил вниз натянутый электрический провод таким образом, чтобы он провисал над дверью. Поскольку из подобных проводов иногда вылетали искры, на двери заранее искусно нарисовали темные пятна, какие обычно остаются на дереве после возгорания.

Часовой понятия не имел, какого хрена эти двое делали в мастерской. Но как сказал ему мистер Килгур: «Это не твоего ума дело». Часовой направился во двор.

А в мастерской шла медленная кропотливая работа над созданием столь необходимого Стэну компьютера.

Мечтатель часто задумывается над тем, что бы произошло, если бы он вдруг оказался в далеком прошлом и соорудил какой-нибудь немудреный прибор, благодаря которому его стали бы обожествлять или даже сделали королем. Проблема, никогда не учитывавшаяся подобными мечтателями, состояла в том, что технология производства любого прибора требует прохождения шести этапов, на каждом из которых создаются необходимые для сборки инструменты и детали.

Конструирование компьютера Стэна нужно было начинать с чипа — серии чипов. Между тем, глядя на то, чем занимались Соренсен и Краулшавн, никто никогда бы не догадался, что они работают над созданием компьютерного чипа.

Их чипы представляли собой кубы, стороны каждого из которых равнялись одной трети метра. Чтобы упростить задачу, друзья решили использовать в качестве основной детали двадцатичетырехслойный чип. Каждый слой представлял собой стеклянную пластинку. Поверхность каждой пластинки была покрыта круговыми царапинами и обработана специальной кислотой. Для резисторов, диодов и всего остального, что должно было на них находиться, оставляли свободные места. Составные компоненты были либо сделаны вручную, либо украдены членами рабочих бригад. Круговые нитевидные углубления пластин были залиты расплавленным в кислоте серебром. Соединительные штырьки чипов мастерили вручную из золота. Каждый чип состоял из двадцати четырех таких пластинок.

У них уже было двенадцать готовых чипов. До окончательного выполнения задания оставалось пройти еще две трети намеченного пути.

Соренсен и Краулшавн недоумевали, где Алекс намеревался собрать компьютер воедино. Поскольку сам он ничего им об этом не говорил, друзья благоразумно решили не допытываться. Их также интересовало, какое помещение планировал использовать Алекс для хранения оборудования. Все эти вопросы не давали Соренсену и Краулшавну покоя, но они надеялись, что в нужное время получат на них ответы.

Майор службы безопасности Авренти проходил по коридорам крыла заключенных. Глядя на них, он хмурился, игнорируя приветствия и обязательные выкрики, которыми имперские заключенные одергивали друг друга, призывая к вниманию при его появлении в каждой комнате.

Авренти казался себе похожим на психического спрута, который во всем видит подвох и каждой клеткой своего существа жаждет атаки.

Враждебно ли они настроены? Может, прячут самодовольные усмешки, вспоминая какую-то тайную шутку,— эти выродки, у которых только побег на уме? Или они недовольны причиненным им беспокойством?

Авренти продолжал свой маршрут.

Килгур заметил таанца, идущего по коридору, и отступил назад, исчезая из поля его зрения.

— Что он делает? — шепотом спросил один из членов его когорты.

— Не знаю,— ответил Алекс.— Разве тебе не известно, что психу таанцу в любую минуту может стукнуть в голову что угодно?

— Надеюсь, сейчас этого не произойдет.

— От нас ничего не зависит,— рассудил Килгур.

Авренти закончил обход и ступил на территорию штаб-квартиры заключенных, которой являлся внутренний двор зоны. Увидев посреди двора бывшего имперского солдата среднего роста и телосложения, разрисовывавшего каменные плиты, Авренти остановился, чтобы понаблюдать за ним со стороны. Краска, которую использовал заключенный, была сделана из штукатурки, разведенной водой; кистью служила рваная тряпка. Художество, выводимое заключенным, отдаленно напоминало звезду.

Авренти подошел к нему. Порывшись в памяти, майор вспомнил, что имперским заключенным был некто Кэлгард или Килгур — невзрачный, ничего из себя не представляющий человечишка.

— Что это ты делаешь?

От неожиданности заключенный выронил кисть и ведро с белой краской. Авренти помрачнел — несколько капель попало на его китель.

— П-прошу прощения,— запинаясь от волнения, с жутким акцентом выговорил Килгур.— Вы так незаметно подкрались.

Авренти почти ничего не понял из сказанного заключенным, но принял его слова за извинения.

— Чем ты занимаешься?

— Изгоняю Кэмпбеллов.

— Кэмпбеллов?

— Да.

— А могу ли я поинтересоваться, кто они такие?

— Это таинственные и ужасные шестиногие твари, живущие на предателях и в супе.

— Чушь! — фыркнул Авренти.— Никогда в жизни не слышал ничего подобного.

Майор повнимательнее присмотрелся к имперскому заключенному. На лице Килгура не было и тени улыбки.

— Все ясно. Можешь продолжать дальше.

— Слушаюсь, сэр.

Килгур снова принялся рисовать свою звезду, а майор Авренти направился к выходу. Проходя через три пары ворот, он задумался, стоит ли докладывать коменданту Держину о том, что некоторые имперские заключенные нуждаются в заботе психиатра.

Алекс закончил свою работу, обошел вокруг картинки три раза и направился в камеру. «Очень хорошо,— подумал он.— Этот Авренти не дурак. Он самый наблюдательный из всех. Приставлю-ка я к нему двоих своих людей, чтобы впредь заранее знать о его приходе, еще до того, как он приближается к воротам».

Глава 18

Танз Сулламора пребывал в размышлении. Соблюдая секретность, он сидел в передней апартаментов императора, смиренно и терпеливо дожидаясь вызова. Прямая спина, скрещенные ноги, задумчивое лицо со сдвинутыми к переносице бровями — всем своим обликом Сулламора являл готовый портрет великого промышленного магната, влиятельного и могущественного человека, с мнением которого обязаны считаться.

Вечный император вошел в комнату, даже не взглянув на Сулламору, приблизился к небольшому выдвижному бару и достал из него бутылку с двумя бокалами.

— Танз, дружище,— сказал император,— тебе нужно выпить.

Сулламора был поражен. Он почувствовал, как руки и ноги перестали его слушаться. От величавой позы, старательно выбранной им заранее, не осталось и следа. Сулламора дал себе клятву, что сам установит тон разговора. У него были свои определенные соображения по поводу того, что движет настроением императора и что обусловливает его поведение. К сожалению, император об этом даже не догадывался и повел себя так, как счел нужным.

— Э-э... нет. То есть я хотел сказать — спасибо. Немного рановато.

— Поверь мне, Танз. Если я говорю, что тебе нужно выпить, значит, так оно и есть.

Сулламора безмолвно взял в руку бокал.

— Возникли какие-нибудь... э-э... трудности?

— Не то чтобы трудности. «Катастрофа» — было бы самым подходящим словом. Все корабельное производство провалилось в тартарары.

Сулламора выпрямил спину еще больше. Именно он отвечал за кораблестроение во время войны.

— Но это не так. Я имею в виду, ваше величество, что... э-э...

— Ерунда. Говорю тебе, корабельной промышленности грозит полное уничтожение. И в этом нет ничего удивительного. Среди рабочих шести заводов Каиренса растет недовольство. Они устраивают массовые забастовки, стачки. Идет снижение темпов роста. Уверяю тебя, они подвергают опасности наши успешные военные действия. Этому нужно положить конец.

Последние слова императора привели Сулламору в полное замешательство. Заводы, находящиеся в Каиренсе, всегда славились своей эффективностью. Сулламора хотел было возразить, но император взмахом руки остановил его.

— Я не виню тебя, Танз. Бог мой, глупо было бы ожидать, чтобы один человек — даже такой деятельный, как ты,— смог удержать

развитие всего производства на одном уровне. И я собирался сказать об этом на завтрашней конференции, посвященной последним новостям.

— Конференция? Какая такая конференция? Меня не проинформировали... То есть...

Сулламора сбился и залпом осушил свой бокал. От его самоуверенности не осталось и следа. Возможно, император был прав. Но как Сулламора мог упустить из виду Каиренс? Недовольство рабочих, потерю прибыли, снижение темпов производства... Такое капиталисту не снилось и в самом жутком ночном кошмаре.

Император, внимательно наблюдавший за Сулламорой, снова наполнил его бокал. В области военной промышленности, которую властитель держал под особым контролем, не было таких мелочей, которых бы он не знал. «Ты выведешь их из равновесия,— сказал однажды император Махони.— Для них слова "перерасход" и "рай" — синонимы».

Наконец императору стало жаль магната — чуть-чуть. Он рассмеялся.

Абсолютно сбитый с толку и раздавленный, Сулламора посмотрел на императора удивленно-испуганным взглядом.

— До тебя не дошло, Танз? Это всего лишь одна из моих маленьких уловок.

— Вы хотите сказать, что это шутка? — пролепетал Сулламора.

— Нет, не шутка. Я еще никогда не был так серьезен. Послушай. Я пущу эту утку на конференции. Ты объявишь, что я созвал ее для расследования, которое будет проводиться Имперской комиссией по труду.

— Какой комиссией по труду?

— Иногда ты кажешься мне таким глупым!.. Не существует такой комиссии в природе. А я говорю, что она есть. Так же как недовольство рабочих и снижение уровня производства в кораблестроении. К тому времени, как таанцы обнаружат, что я лгу, ты сможешь выпустить как минимум двенадцать кораблей, о которых враг ничего не будет знать.

Сулламора поднял брови.

— А-а-а, теперь понял.

По всей видимости, это дело имеет какое-то отношение к строительству, о котором ходили слухи. Где оно велось, никто не знал. Впрочем, теперь, когда Сулламора задумался над этим, ему в голову пришла мысль, что распускание слухов могло быть частью некоролевского и очень скользкого плана императора.

— Ожидается какое-то событие, сэр?

— Событие грандиозных масштабов.

— Можете ли вы хотя бы в общих чертах обрисовать мне его?

— Не обижайся, Танз, вынужден ответить отказом. Я не имею права разыгрывать эти карты в открытую. Если к таанцам просочится хоть крупица информации, мы с головой уйдем в дерьмо.

Наконец-то Сулламора услышал слова, доступные его пониманию. Он набил руку в закулисных играх с маститыми акулами бизнеса, хотя все они, как правило, заканчивались не более чем небольшим кровопролитием.

— Это все, что я могу тебе сказать,— продолжал император.— Если задумка сработает, война закончится через четыре года. Максимум через пять лет. Если я их шлепну — шлепну как следует, таанцы уже никогда не очухаются. Они, конечно, могут продолжать сражаться какое-то время. Но все их потуги закончатся безоговорочной капитуляцией. Условия буду ставить я.

Даже бесчувственное сердце Сулламоры екнуло при мысли об этом. Не хотел бы он присутствовать при составлении заключительной части контракта, диктуемого императором.

— Разумеется, я ожидаю немедленного извлечения выгоды. Например, всем моим нерешительным союзникам и тем, кто занимает выжидательную позицию, будет послан соответствующий сигнал.— Через минуту властитель почти шепотом добавил: — Именно нейтралы раздражают меня больше всего.

У Сулламоры пересохло в горле. Он чувствовал, что должен что-то сказать, но вдруг испугался. Момент был упущен. Император убрал со стола бокал Сулламоры и бутылку. Танз мог быть свободен.

— Подготовишь на завтра пятиминутную речь. Эта ночь может стать решающей для нас с тобой. Скажешь то, о чем я тебе говорил, своими словами.

Сулламора встал. Он уже собрался было попрощаться, но вдруг остановился. Император забавлялся, наблюдая, как самодовольный промышленник оробел и стушевался до того, что не мог вымолвить ни слова, и решил не помогать ему, продолжая хранить молчание.

— Я... э-э... гм, ваше величество, я хотел спросить...— прорвало наконец Сулламору.

— Слушаю тебя? — Голос императора звучал ровно; он все еще не шел Танзу навстречу.

— После войны, гм... Что вы намерены делать?

— Хорошенько напиться,— ответил император.— Это здорово помогает перед подсчетом убитых.

— Простите, сэр, я не это имел в виду... э-э, сэр. Видите ли, я беседовал с другими членами Тайного совета и... Я хотел сказать, что... Что вы собираетесь делать с нами?

Император создал Тайный совет сразу после начала войны. В его состав входили Сулламора и еще несколько нужных властителю людей. Теоретически они должны были помогать ему советами. На са-

мом деле у вечного императора никогда не было намерения прислушиваться к их мнению; просто таким образом он заставлял членов совета поверить в свою значимость и не садиться ему на голову. Так же в свое время он поступил и с имперским парламентом. Вечный император глубоко верил в принципы демократии: она была одной из неотъемлемых частей абсолютной монархии.

Император сделал вид, что задумался над вопросом Сулламоры.

— Даже не знаю. Думаю, надо распустить совет. А почему ты задал этот вопрос?

— Ну, мы считаем, раз уж мы были полезны вам во время войны, то могли бы пригодиться и в мирное время. Существует несколько концернов, которые вашему величеству невозможно будет контролировать при такой занятости.

«Еще бы, это для тебя лакомые кусочки,— подумал император.— Бьюсь об заклад, ты спишь и видишь, как бы их отхватить». Император вовсе не нуждался в поддержке членов совета. Но зачем говорить об этом Сулламоре? Он также оставил без комментариев фразу, из которой становилось ясно, что члены Тайного совета уже обсуждали между собой ситуацию. Возможно, пора начинать пристальнее следить за ними.

Вечный император улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой.

— Хорошая мысль, Танз,— сказал он.— Обещаю тебе как следует ее обмозговать.

Улыбка не сходила с уст императора, пока Сулламора не вышел. Как только дверь закрылась, выражение лица властителя резко изменилось.

Глава 19

Таанцы неосмотрительно предоставили заключенным Колдиеза идеальное укромное место для хранения деталей компьютера. Им оказался оздоровительный центр.

Когда таанцы поняли, что от соблюдения норм гигиены во многом зависит работоспособность заключенных, перед ними встала проблема санитарной обработки. Тринадцать келий с помощью обыкновенных молотов и ломов превратили в одно огромное помещение. Одна часть этого помещения была отведена под туалетную комнату. В другой размещалось полдюжины гигантских старинных промышленных стиральных машин. В третьей части находилась душевая, а в четвертой — около ста умывальных раковин, над каждой из которых висели большие зеркала.

Алекс заменил тридцать шесть из них компьютерными чипами, имеющими зеркальную поверхность. Они свисали с петель, изобре-

тенных Эрнандесом. Идея насчет петель пришла прапорщику в голову после того, как он вспомнил картинку из учебника «Древняя инженерия», курс которой проходил в студенческие годы. Петли соединялись друг с другом криогенной проволокой, украденной Сент-Клер из мотора оставленных без присмотра грависаней.

Следующая проблема заключалась в программировании компьютера. Несмотря на солидные размеры, его «мозг» был несложным. В памяти компьютера не умещалось много данных — во всяком случае, умещалось намного меньше, чем было собрано исследователями, мусорщиками и шпионами Стэна.

Решение этой проблемы зависело от двух разных, но одинаково гибких умов: Соренсена и Краулшавна. Могучий деревенский парень сумел вложить в компьютер до восьмидесяти процентов имеющейся информации. И все же этого оказалось недостаточно.

Тогда Краулшавн сделал невозможное. Он создал язык символов, в котором простая закорючка имела сотню значений. Письменный язык древнего Китая был лишь слабым отблеском знаний, которыми обладал Краулшавн.

Следующая сложная проблема заключалась в общении с электронным «идиотом». Как можно посылать и получать сигналы, находясь в столь неблагоприятных условиях? Как ни странно, ответ на этот вопрос был довольно простым. «Почему бы не сконструировать коротковолновый передатчик?» — предложил Стэн. Алекс с минуту смотрел на него недоуменным взглядом, а затем отдал распоряжение своей маленькой команде приступить к работе. Они быстро разложили язык символов Краулшавна на точки и тире. Для работы над радиопередатчиком использовали простой ключ — подвижное устройство, манипулируемое рукой. Для получения звуковых ответов компьютера применили крошечные микрофон и динамик.

Банки памяти создавали самую большую проблему. Никто не мог сделать мало-мальски дельное предложение насчет хранения данных. Алекс соврал Краулшавну и Соренсену, сказав, что у него есть идея на этот счет, чтобы поторопить друзей с завершением работы над компьютером. Поскольку день окончательной сборки приближался со стремительной скоростью, Алекс мрачнел на глазах.

Ответ подсказал ему Ибн Бакр, сам того не ведая. Громиле портному понадобилось «состарить» робы заключенных, чтобы перешить их в костюмы таанских крестьян. Он развел химическое вещество средней едкости в воде, доведенной почти до кипения, залил состав в одну из огромных стиральных машин и несколько раз подверг одежду соответствующей обработке. Алекс стоял перед машиной, поддавшись гипнотическому воздействию двух мешалок, движущихся взад-вперед. Когда он понял, что ответ готов, челюсть его стала медленно отвисать.

Если разобрать зубчатый привод... перемотать проволоку с одной катушки на другую... изменить полярность... Вуаля!

Спустя несколько тысяч лет Килгур вновь изобрел телеграфный аппарат.

Наконец-то великий момент настал. Стэн и Алекс склонились над Соренсеном и Краулшавном, готовившимися к включению компьютера. Соренсен подал Краулшавну знак, предлагая начинать. Существо замотало головой: «Нет». Пальцы Краулшавна замельтешили в воздухе.

— Что случилось? — спросил Стэн.

— Он говорит, нужно имя,— рассмеялся Соренсен.— В противном случае машина не будет знать, с кем разговаривает.

Стэн начал терять терпение, но Краулшавн настаивал на своем.

— Как насчет имени Брейнерд? — предложил Стэн.— Разве не благодаря ему все мы познали мир компьютеров?

Соренсен перевел Краулшавну смысл его слов. Проблема отпала. Брейнерд — прекрасное имя.

Пернатый умник набрал код. Стали поступать ритмичные сигналы, чередующиеся с определенными интервалами. Стэн представил себе, как символы, состоящие из точек-тире, текут по проводу, и невольно склонился над крошечным динамиком в ожидании услышать звуковой сигнал — ответ компьютера.

Тишина. Пальцы Краулшавна вновь суетливо забегали. Снова вспышки.

— Ну, давай, маленький паршивец,— прошептал Стэн, обращаясь к компьютеру.— Просыпайся, черт побери... Давай... Давай... Заговори с нами.

Послышалось трескучее заикание машины. И снова тишина.

— Черт! Что с ним такое происходит?

— Спокойствие, друг мой Горри,— сказал Килгур.— Может быть, электронная бестия боится просыпаться?

Израсходовав столько времени и сил, Стэн уже не видел ничего смешного в сложившейся ситуации. Им владело только одно желание — хорошенько заехать ногой в капризную машину. Большие тяжелые кожаные ботинки, в которые были обуты ноги Стэна, занимали сейчас все его мысли.

В течение долгих минут разговор велся лишь на одну тему. Наконец Краулшавн откинулся на спинку стула и перебросился с Соренсеном парой фраз на языке жестов.

— О чем он? — спросил Стэн.

— Машине не нравится это имя,— сказал Соренсен.— Он говорит, нужно попробовать другое.

— Мне, черт возьми, безразлично, как мы назовем этого уродца! — выпалил Стэн.

Большая «стирально-телеграфная» машина исторгла звук, похожий на непонятное слово «гааронк».

— Делайте что хотите. Назовите ее «Гааронк-Гааронк», будь она проклята.

Соренсен отнесся к словам Стэна с абсолютной серьезностью. Утвердительно кивнув головой, он перевел их Краулшавну. Пернатый согласился.

— Ну, что решили? — спросил наконец Стэн.

— Краулшавн думает, что Гааронк будет подходящим именем,— ответил Соренсен.

Прежде чем Стэн успел кого-нибудь убить, сигналы стали поступать снова. Почти сразу же послышались ответные щелчки. Поначалу робкие, затем — сплошной трескучий поток. Краулшавн приставил ухо к динамику-микрофону, затем обратился к Соренсену на своем языке. Здоровенный фермерский детина повернул к Стэну удивленное лицо.

— Компьютер проснулся,— сказал он.— Ему понравилось имя Гааронк.

Глава 20

Кристата передал Большому Иксу через одного из членов комитета, что хочет встретиться с ним после отбоя — то есть после того, как все заключенные будут заперты по камерам.

Стэн натянул на себя потрепанную темную спецовку и открыл дверь. Механизм замка был уже настолько расшатан, что дверь, по всей вероятности, могла бы открыться и от крепкого удара по косяку. Стэн пробежал по коридорам и спустился по лестнице на первый этаж, не опасаясь встретить охранников,— таанцы, патрулировавшие по ночам крылья Колдиеза, собирались в большие группы и вели себя шумно.

Стэн открыл замок двери, ведущей во двор, и остановился, следуя инструкциям.

Посланник Кристаты велел ему подождать, пока широкий поисковый луч прожектора — тот, который имеет голубоватый оттенок,— не обшарит двор. «Сосчитай до шести, потому что за первым последует второй луч. Затем иди — не беги, а пройди двадцать шесть шагов под углом четырнадцать градусов, принимая во внимание то, что поисковый луч в этот момент будет находиться на двенадцатом шагу».

Стэн отсчитал нужное количество шагов и остановился у полуразрушенной колонны, чувствуя себя полным идиотом, опасаясь, что луч прожектора выхватит его из темноты при следующем прочесывании двора. Но вместо этого каменные плиты, находящиеся прямо

у его ног, раздвинулись, и из образовавшегося отверстия высунулись шевелящиеся усики Кристаты.

— Если хочешь, можешь прыгать ко мне.

Стэн хотел — и прыгнул. Он очутился в узкой яме рядом с мохнатым существом. Каменные плиты — Стэн сообразил, что они были умело сработанным люком,— бесшумно сомкнулись над его головой. Через мгновение в подземном ходе мелькнула вспышка, а затем загорелся свет. Осветительный прибор, который держал в руках Кристата, представлял собой плошку, сильно напоминавшую стандартный тюремный котелок для пайков, только с выгнутым дном, с какой-то жидкостью.

Кристата пояснил, что лампа сделана именно из того материала, о котором подумал Стэн. Его компаньоны уваривали содержимое дополнительных пайков до тех пор, пока не выделялся жир, используя его в качестве топлива, а из самих пакетов делали фитили.

— Но я позвал тебя не затем, чтобы демонстрировать наши светильники. Иди за мной.

Не дожидаясь ответа, Кристата исчез, провалившись в узкую яму, которую Стэн не сразу заметил.

Большой Икс последовал за ним. Яма оказалась глубиной около двух метров и, насколько заметил Стэн, вела в туннель, надежно укрепленный со всех сторон. Ползти по нему было довольно боязно — словно пробираешься по узкому, хотя и прекрасно сконструированному коридору, постепенно спускающемуся вниз.

Стэн подсчитал, что приблизительно через каждые двадцать пять метров от главного прохода шли ответвления — небольшие, но столь же аккуратно вырытые и укрепленные тупики. На строительство подобного подземного хода у людей ушло бы не менее пяти лет.

В туннеле не было никого, кроме вертлявого косматого сморчка Кристаты и Большого Икса. Вдруг Лей Ридер вильнул задницей прямо у Стэна перед носом и исчез.

Стэн пополз дальше и очутился у входа в довольно просторное помещение с каменными стенами и потолком. В центре его находились Кристата и еще три человека. Стэн не сразу узнал в них товарищей по заключению. Переступив через порог, он уселся на гранитный валун.

Кругом стояла полная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием фитиля самодельной лампы.

— Ну, сэр? Что вы обо всем этом думаете?

Вопрос был задан женщиной, одетой в лохмотья — остатки униформы старшего бомбардира. Стэн вспомнил ее имя — Маркиевикз. Он честно ответил:

— На моем счету несколько туннелей. Но этот — самый лучший из всех, что мне довелось видеть. Отличная работа.

— Нам помогал дух Великого,— вдохновенно сказал Кристата.— Это все благодаря ему.

— Да пребудет с нами дух Великого,— произнесли в унисон трое остальных туннельщиков.

«Что за черт,— подумал Стэн.— Значит, Кристата обратил их в свою веру. Если его религия подвигла людей на строительство такого туннеля, готов стать ее приверженцем».

— Поразительно! Но как я уже говорил раньше, можете рассчитывать на любую помощь с нашей стороны. Почему вы решили показать мне свой туннель?

Лицевые усики Кристаты зашевелились.

— Потому что перед нами встала проблема,— сказал он.

Три стены помещения состояли из грубо сцементированных каменных глыб, по всей вероятности являвшихся частью фундамента собора. И тут вдруг Стэн обратил внимание на огромный валун очень твердой породы, подпиравший четвертую стену, и понял, зачем Кристата привел его сюда. Им двигало не чувство гордости за проделанную работу, а желание обратиться за помощью.

Если бы Стэн не был Большим Иксом, он мог быть более уступчивым и сострадательным. Но ему надлежало думать и о тысяче остальных заключенных. Поэтому он напустил на себя невозмутимость.

— Кажется, понял. Вы не знаете, как пройти через эту чертову — миль пардон — каменюку?

— Совершенно верно,— ответила Маркиевикз.

— Я, конечно, мог бы подбросить вам помощников, но на прорубание хода в этой глыбине все равно уйдет не менее тысячи лет. Взрыв же только погубит все дело.

Люди помрачнели и сникли.

— И все-таки, думаю, мы могли бы вам помочь,— сказал Стэн.

Усики Кристаты снова зашевелились.

— В жизни бывают разные непредвиденные обстоятельства, вынуждающие нас — прости меня, о Великий,— идти на компромиссы,— осторожно заметил Лей Ридер Кристата.

— Ты прав,— согласился Стэн.

— Мы слушаем.

«Мы? — удивился Стэн.— В глубоком подземелье? Под этим словом Кристата подразумевает себя и своих новообращенных или всех и Великого?» Стэн подумал о тоннах скальной породы, земли и камней, нависавших над его головой, и решил, что в таком месте не стоит быть ярым атеистом.

Он не предлагал вертел без кабана. Компьютер Краулшавна и Соренсена уже начал «гааронкать» цифрами и данными, собранными исследователями. И как выяснилось в ходе вычислительных опера-

ций, Колдиез со всеми его неучтенными пустотами был далеко не таким, каким казался на первый взгляд.

Наибольший интерес вызывали обнаруженные исследователями незамысловатые экозонды. Некоторые из сверхчувствительных антитуннельных микрофонов Авренти каким-то образом попали в руки килгуровских воров. Они были установлены во дворе заключенных и настроены на определенную частоту. Когда от самой верхушки одной из зубчатых башен собора откалывалась крупная каменная глыба — естественно, в результате природных явлений,— ее падение регистрировалось приборами с разных точек, и полученные данные обрабатывались Гааронком.

Обвалы, происходившие в разных местах, свидетельствовали о том, что под Колдиезом находилось много таинственных пустот. Этими пустотами были подвалы. Сведения, собранные о них, являлись для Стэна козырем, спрятанным в рукаве.

— У меня есть одно условие,— начал он.— Если я смогу указать вам обходной путь или найду способ пробиться сквозь валун, ваш туннель перестанет быть недоступным для других.

Трое человек нахмурились.

— Продолжай,— сказал Кристата.

— Я бы хотел использовать этот туннель, чтобы провести через него других беглецов.

— Сколько именно?

— Не знаю. Но ваша четверка пойдет первой. К тому же наша организация будет оказывать вам всяческое содействие. Можете рассчитывать на нашу помощь.

— Помощь, в которой мы нуждаемся, поступает от Великого,— сказал Кристата. Его приверженцы закивали в знак согласия.

Стэн чувствовал себя немного виноватым за то, что так поступал, но другого выхода у него не было — до сих пор членам его организации еще не удалось разработать ни одного стоящего плана побега. Стэн опять вспомнил пожилого младшего офицера, плакавшего над подачкой из посылки.

— Мы дадим вам еще копателей — людей, которые будут работать под вашим руководством. Без вашего ведома и согласия ничего предприниматься не будет.

— У нас есть выбор?

Стэн промолчал. Маркиевикз посмотрела на Кристату и решила ответить за всех четырех туннельщиков. Кажется, сам Великий желает этого. Туннельщики не произнесли ни слова. Стэн чувствовал себя ужасно неловко, когда объяснил им, что нужно делать дальше, потому что ответ казался ему очевидным и очень простым.

Он посоветовал Кристате и его единомышленникам делать подкоп.

Кристата почему-то рассудил, что устами Стэна глаголет сам Великий, и, не сомневаясь в правильности принятого решения, они приступили к делу.

Много дней спустя туннельщики прорылись в подвалы Колдиеза. В связи с этим перед Кристатой встала еще одна проблема.

Поздно ночью Стэн снова вышел из камеры, спустился в туннель и, освещая себе путь импровизированным светильником, пробрался через каменное помещение в подвалы Колдиеза. Полы подвалов были вымощены каменными плитами, потолки укреплены высокими и мощными колоннами. Эти подвалы, как выразился Кристата, таили в себе все искушения Ксанаду.

Стэн бегло осмотрел подземелье при тусклом свете лампы, присвистнул и согласился с мнением Лея Ридера. Очевидно, подвалы, заложенные дальновидными монотеистами-аграриями, каковыми являлись первые коммунары, начинавшие строительство Колдиеза, предназначались для черных дней. И, судя по всему, проводить эти самые черные дни в аскетичной медитации они не собирались. В подземелье находились погреба, заставленные огромными бочками. Стэн продырявил некоторые из них, и из отверстий потекла жидкость, на вкус оказавшаяся алкоголем.

В других помещениях хранились запасы продовольствия и целые склады одежды.

— Учтите, что мы еще не полностью обследовали подземелье,— мрачно заметил Кристата.— Но даже из увиденного нами можно сделать вывод: те, кто загрузил всю эту продукцию, наслаждались жизнью.

Стэн посмотрел на ящики с едой голодными глазами, но тут же взял себя в руки и перестал думать о том, какое воздействие на его организм может оказать потребление качественных продуктов. В его голове родился план.

Кристата — лично — проведет полное обследование подвалов. Обо всем, что в них будет обнаружено, он доложит лишь полковнику Вирунге и мистеру Эрнандесу. Не хватало только, чтобы туннель, на который возлагалась единственная надежда, был обнаружен таанцами из-за того, что несколько заключенных вдруг разжиреют, станут хорошо одеваться и, хуже того, будут расхаживать по зоне в пьяном виде.

Туннельщиков, получивших задание от Большого Икса, придется проводить через подвалы и погреба к рабочему месту с завязанными глазами. Только Кристата и его ближайшие приспешники будут знать о существовании сокровищ, таящихся в подземельях собора.

Им надлежит сохранять в строжайшем секрете сведения о запасах продовольствия и помогать беглецам постепенно входить в форму.

Стэн очень надеялся, что ни один из новообращенных Кристаты, по-настоящему уверовавших в Великого, не совершит греха против своей религии, то есть не проболтается.

Глава 21

Старший капитан Ло Прек сидел на краю койки и очень нервничал, пытаясь дешифровать радиоболтовню капитана грузового судна и диспетчера. Мудреный жаргон флота был выше его понимания. Однако, вслушиваясь в интонации голоса капитана, Ло Прек пришел к выводу, что на корабле не все благополучно.

С тех пор как он приобрел билет на фрахтовщик, перевозящий второстепенные строительные материалы для таанских заводов, прошло много циклов. За это время корабль уже раз пять менял курс. Подслушав скулеж капитана, Ло Прек понял, что нечто подобное должно произойти и сейчас.

Он дернулся от нетерпения и больно ударился костлявым бедром о металлический угол койки, остро почувствовав свою беспомощность. Ускорить продвижение судна было не в его власти. Ло Прек уже обращался к нескольким своим покровителям, бывшим должникам, с просьбой о продлении ему краткосрочного отпуска. И чуть ли не слезно вымолил разрешение о путешествии на тщедушном фрахтовщике. Разрешение ему было даровано очень неохотно — незаслуженно неохотно.

Ло Прек отлично знал, что не принадлежит к числу всеобщих любимцев. Он был высококвалифицированным, суперисполнительным, преданным работе служащим. Никогда не требовал наград за отлично проделанную работу и, не будучи карьеристом, ни разу в жизни никому не причинил вреда. И все же было в нем что-то... отталкивающее. В коллективе его не любили.

Старший капитан знал об этом и мирился с неприязнью, которую вызывал в коллегах, так же как мирился с их проступками, хотя это вовсе не было в его характере. При обычных обстоятельствах одна лишь мысль о попустительстве провинившимся и последующем их шантаже в корыстных целях вызвала бы в Ло Преке чувство отвращения.

Но только не сейчас. Ради достижения цели Ло Прек не гнушался никакими средствами. На сей раз он был абсолютно уверен, что нашел Стэна — по крайней мере, то место, где тот прятался.

Этим местом оказался новый лагерь для военнопленных, для нарушителей порядка и дисциплины, для неблагонадежных. Для тех,

кто сумел выжить. Лагерь этот находился на планете Хиз в крепости под названием Колдиез.

Прек прислушался к радиоболтовне. Интонации голоса капитана грузового судна свидетельствовали о полной покорности.

Значит, будет еще одна задержка. Еще одна отсрочка врагу.

Глава 22

Заключенные рабочей бригады, окруженные таанскими охранниками, возвращались в Колдиез, громыхая тяжелыми казенными ботинками. Прямо перед ними протянулась булыжная мостовая, поднимавшаяся к тюрьме.

— Когда же наконец? — спросил Стэн.

— Заткнись. Посмотришь,— прошептала Сент-Клер.

— От-деление... стой! — прокричал Четвинд. Группа заключенных остановилась. По другую сторону дороги возвышались заброшенные полуразрушенные здания.— Пятиминутный отдых. Скажите спасибо за мою доброту.

Стэн вытаращил глаза, наблюдая, как охранники, включая Четвинда, демонстративно повернулись спиной к заключенным, устремившимся к трущобам наподобие стаи мелких грызунов.

— Что за...— пробормотал Стэн.

— Перестань,— оборвала его Сент-Клер, чуть ли не силой затаскивая в один из домов.— Разве я тебя не предупреждала о сюрпризе?

— Ну-ка, живо объясняй, что все это значит, капитан.

— Нечего мне приказывать. Ишь раскомандовался. Послушай, ты умеешь обыскивать помещения?

— Умею,— ответил Стэн.

— Хорошо. В таком случае поднимайся наверх. Искать будешь ты, говорить буду я.

Они поднялись наверх по ветхим ступеням, и Стэн последовал инструкциям Сент-Клер.

— А что я должен искать?

— Все, что можно использовать. И все, что таанцы могут продать. Приступим к делу. Большой Икс, вперед.

И работа закипела. Трущобные кварталы никогда еще не были так плотно заселены — дома примыкали к Колдиезу почти вплотную. И опустошительные набеги, совершаемые таанцами в военных целях, конечно же, начинались с бедных районов Хиза.

Сент-Клер старательно исполняла приказы — раз уж ей нужно было стать воровкой, она собиралась овладеть этой профессией в совершенстве. Тренироваться в похищении вещей и различных предметов ей, разумеется, приходилось на стороне. Несмотря на свою органическую неприязнь ко всему, что было связано с ручным трудом,

Сент-Клер добровольно вызывалась на любую работу за пределами лагеря. Она не знала точно, что искать, но была уверена, что в домах есть чем поживиться.

Сент-Клер собиралась подкупать охранников. Ей было доподлинно известно, что любое существо, готовое позариться на чужой скарб, было продажным. Она проверила свою теорию — и остроту зубов,— когда нашла в каком-то мусоре булавку от туники, украшенную драгоценными камнями.

Сент-Клер предложила ее первому попавшемуся и, судя по его комплекции, самому жадному охраннику. Он тут же схватил булавку своей лапищей и стал с любопытством рассматривать.

— А еще есть? — спросил он.

— Думаю, да,— доверчиво сказала Сент-Клер, обводя рукой многоэтажное здание.— Было бы интересно все тут осмотреть, правда?

Охранник осклабился.

— Почему бы тебе не заняться этим вместе с остальными?

Меньше чем через минуту Сент-Клер и другие члены рабочей бригады уже направились к ближайшему дому.

Через два дня Сент-Клер почувствовала, что больше похожа на подкупленную, чем на подкупающую. Грабительские налеты быстро стали ритуальными для большинства бригад, возвращавшихся в Колдиез после рабочей смены.

Сент-Клер закончила свой рассказ и посмотрела на Стэна удивленными глазами. Он внимательно слушал ее, обшаривая помещение. В поисках тайников он поднимал и крошил на мелкие кусочки каждую деталь поломанной мебели. Лохмотья, бывшие некогда одеждой, Стэн аккуратно складывал, а затем просматривал, годятся ли они еще в носку. Вспоротые матрацы были распотрошены полностью, и каждый их комочек был прощупан. На полу валялись две картины в сломанных рамах. Обе они были разодраны на клочки. Затем Стэн принялся простукивать костяшками пальцев стены.

— Я велела искать предметы,— напомнила Сент-Клер.

— Именно этим я занимаюсь.

— Слишком уж основательно, черт побери. Интересно, кем ты был на гражданке? Каким-нибудь домушником, ночным взломщиком?

— Нет,— ответил Стэн.

Естественно, он не собирался никому рассказывать о своей прежней деятельности, особенно Сент-Клер. Умением делать обыск он был обязан всесторонней богомоловской подготовке.

— А вот это уже кое-что. Вуаля! — сказал Стэн.

Сент-Клер вытаращила глаза — ей показалось, будто он вытащил из руки металлический штырь и проткнул им стенной выключатель.

Штырь исчез, а пальцы Стэна веером разложили стопку кредиток. Сент-Клер ахнула.

— Деньги! Таанские деньги!

— Угадала. А теперь проваливай отсюда, капитан.

— Что это ты...

— Выполняй приказ! Пошевеливайся!

Сент-Клер очутилась за сломанной дверью. Минутой позже вслед за ней вышел Стэн.

— Чудесно, капитан. Слушай меня внимательно и мотай себе на ус. Все, что охранники пожелают — игральные карты, спиртное, наркотики,— отдай им.

— Отдать?

— Да, отдай. Но деньги остаются у меня.

— Симпатичный рэкет,— цинично заметила Сент-Клер.

Стэн выдержал паузу.

— Послушай, солдат, нельзя так плохо думать о людях. И вообще, соблюдай субординацию. Доложишь о находке полковнику Вирунге. Или ты ему тоже не доверяешь?

— Ему-то я доверяю,— нехотя ответила Сент-Клер.

— Отлично. Мне также нужна гражданская одежда. Любые электронные приборы. Провода. Изолента. Если найдешь какое-нибудь оружие...— Стэн задумался. Заключенный, у которого при обыске найдут оружие, будет расстрелян на месте — впрочем, скорее всего, как и вся рабочая бригада.— Найденное оружие... перепрячь. Доложишь об этом мне, а уж мои люди позаботятся о том, чтобы пронести его в ворота.

— Отделение! Стройся!

— Пошли.— Стэн бегом спустился по лестнице.

Сент-Клер последовала за Стэном, глядя ему в спину, обдумывая некоторые вопросы.

Четвинд ожидал на улице.

— Эй, ты!

Стэн насторожился.

— Сэр?

— Забыл, как твое имя?

— Горацио, сэр.

— Ты уверен, что не помнишь меня?

— Нет, сэр!

— До войны я работал в порту,— продолжал Четвинд.— Может, ты был моряком торгового флота?

— Нет, сэр! Я никогда не покидал своей планеты до призыва в армию, сэр.

Четвинд поскреб подбородок.

— Черт, неужели я обознался? Может, у тебя где-нибудь есть брат-близнец?.. Ну, нашли что-нибудь?

Сент-Клер почувствовала, как пальцы Стэна коснулись ее руки. Опытный азартный игрок, она быстро перехватила маленький плоский предмет, а затем вытянула руку вперед и разжала кулак.

— Кредитки! — воскликнул Четвинд.— Очень хорошо. Просто прекрасно! Возможно, когда я в следующий раз буду возглавлять рабочую бригаду, вы оба войдете в нее и...— Он тихо заржал.— Я могу дать вам длительный перерыв на отдых.

Сент-Клер с удовольствием подумала о том, как сможет отблагодарить Четвинда, улыбнулась и побежала к остальным заключенным. «Делать обыски — слишком легкое и очень выгодное дело. А не переспать ли мне со Стэном?» — подумала она.

Перспектива заняться любовью с нужным человеком показалась ей заманчивой.

Глава 23

Главный секрет посылок «Помощи заключенным» состоял в том, что их содержимое было далеко не безобидным и нейтральным.

Оперативников разведывательного управления корпуса «Меркурий», в состав которого, естественно, входили и члены отряда богомолов, а также адмиралы, командоры и шкиперы штурмовых отрядов или кораблей, оснащенных дальнобойными орудиями, посвящали в этот секрет устно перед выполнением опасных миссий, в ходе которых они могли быть захвачены в плен.

В каждой посылке находилось несколько предметов особого назначения, которые можно было распознать по определенным приметам.

Одна из главных примет — этикетки на упаковках с названиями фирм-производителей. Например: «Дедушка Кафф», «Дронмастер Р'лркс», «Микрогуру св. Тофу» и так далее. Все эти фирмы были вполне легальными, но не все продукты, выпускаемые их заводами, были съедобными. Об этом позаботились изобретательные химики императора.

Внешне эти консервные банки ничем не отличались от остальных, но их содержимое могло очень пригодиться потенциальным беглецам. В боковых стенках одних коробок были спрятаны микрозубчатые пилы. В тайниках других находились инструменты, способные разрезать камень или металл. Каждый из этих инструментов был величиной не больше иголки. Некоторые упаковки имели двойное дно. Бывали случаи, когда несчастный заключенный по двое суток не мог отодрать это самое двойное дно — настолько крепко оно было при-

варено. Но такая мера предосторожности исключала обнаружение подвоха даже при самой тщательной проверке.

Консервные банки и коробки таили в себе еще много других интересных вещей, на которые не отреагировал бы ни один детектор.

Все металлические предметы — включая иголки и булавки, вложенные в швейные мешочки,— были намагничены и могли использоваться в компасах. На лицевой и изнаночной сторонах одежды, предназначенной для заключенных, несмывающейся черно-белой краской была выведена буква «Х». Тюремное начальство ничего против этого не имело — в робе, на которой яркой краской была нарисована большая буква «Х», далеко не убежишь. На самом деле «иксы» были почти несмывающимися. Каждая посылка содержала в себе маленький одноразовый пакетик с псевдосахаром. Порошок нужно было развести в воде и замочить в полученном растворе одежду. Через четыре часа буква «Х» исчезала, и военнопленному доставалась просторная роба, которую умелый портной мог запросто перешить в довольно приличный гражданский костюм.

Никто, кроме кадровых офицеров военной разведки, не знал об этом. Естественно, исключение не составляли и сердобольные жители системы Манаби. Подобное вмешательство в миссию «Помощи заключенным» могло быть истолковано как нарушение всех конвенций по делам военнопленных.

И конечно же, эта программа была разработана лично Яном Махони в те дни, когда он возглавлял имперскую разведку.

Даже прошедшие проверку легальные предметы, находившиеся в посылках «Помощи», были предназначены для нелегальных целей.

В таких упаковках с продовольствием очень нуждалось одно из звеньев Килгура, потому что его членам предстояло провести важную секретную операцию. Алексу взбрело в голову назвать ее «Искушение порочных, или Подкуп алчных», а исполнителей — «Маленькой свободной дивизией».

По такому случаю он произвел пристрастный отбор агентов — участников предстоящей операции. Ими оказались самые дружелюбные и общительные заключенные. Каждому было дано задание завязать контакт с одним или двумя охранниками. Остальные военнопленные отдали «искусителям» различные более или менее ценные предметы — у кого что было — для подкупа «алчных». Если охранник мечтал о кольце, он мог получить его; если о собеседнике, находил его в лице килгуровского ставленника — благодарного слушателя и умелого рассказчика.

Единственное вето накладывалось на сексуальные отношения. Но не потому, что Килгур имел какие-то моральные предрассудки. Опытный мастер шпионажа, Алекс прекрасно знал, что в постели

человек переставал строго контролировать себя и мог случайно проболтаться. Над ним висела постоянная угроза превратиться из соблазнителя в соблазненного.

Было поставлено пять главных вопросов:

1. Можно ли подкупить данного охранника?
2. Можно ли этого охранника шантажировать?
3. Реально ли раздобыть все необходимые сведения о лагерной службе безопасности — как о штате ее сотрудников, так и о местоположении и радиусе действия сенсоров?
4. Как узнать о Хизе все, вплоть до мельчайших подробностей? Во время путешествия по планете нужно будет иметь представление, в каких районах какую еду готовят — в домашних условиях и в ресторанах; на каком диалекте говорят и какую одежду носят местные жители. (Заключенные, которые не сочтут нужным ознакомиться с обычаями коренного населения, будут вычеркнуты из списка беглецов.)
5. Существуют ли способы выбраться с планеты? Если да, то какие и в чем заключаются связанные с ними сложности?

Конечно, были и другие вопросы.

В дверь камеры Стэна и Алекса кто-то громко постучал. Килгур улыбнулся и пробасил:

— Входите, не заперто. Не нужно поднимать столько шума, сэр. Мы дома.

Дверь открылась, и в камеру проскользнул мистер Н'клос. Стэн с Алексом встали и вытянулись по стойке «смирно», как того требовали тюремные правила.

— Нет-нет, прошу вас, сядьте,— застенчиво сказал молодой человек.— Со мной вы можете вести себя совершенно свободно, не опасаясь подвоха.

— Мы просто хотели выразить вам свое уважение, сэр.

Килгур очень гордился своими успехами в работе. Однажды тяжеловес заметил, как внимательно Н'клос наблюдает за его действиями, когда он трудился в составе рабочей бригады. Алекс глубоко сомневался в том, что столь повышенный интерес к его персоне был вызван романтическими чувствами. И убедился в этом еще больше, заметив, какова была реакция охранника на то, что он в одиночку поднял и отшвырнул в сторону громадную железобетонную балку, которую троим заключенным никак не удавалось сдвинуть с места. Алекс также обратил внимание на то, что Н'клос был хил и тщедушен — даже для мужчины, пытавшегося окрепнуть на таанских надзирательских харчах. Он окончательно утвердился в правильности

своих предположений после того, как услышал пару саркастических шуток, отпущенных охранниками в адрес Н'клоса.

Как-то раз Килгур намеренно отошел от рабочей бригады и, оказавшись рядом с Н'клосом, демонстративно поднял огромную тяжеленную балку и убрал ее с проезжей части дороги, которую расчищали заключенные. Делая вид, будто разговаривает сам с собой, Алекс бросил следующую фразу:

— Конечно, без маленькой уловки здесь не обошлось.

Охранник спросил, в чем она заключалась. В ответ Килгур продемонстрировал игру своих мускулов и поделился секретом: когда взваливаешь на плечи тяжелую ношу, основной удар должен приходиться не на спину, а на ноги. Охранник никогда не слышал ничего подобного. Между ними завязалась беседа. Килгур великодушно обещал показать Н'клосу и некоторые другие приемы, заверив в том, что для таанца он обладает прекрасной фигурой и стоит ему только немного поднакачать мускулы, как он и сам сможет выделывать такие номера.

У Н'клоса вошло в привычку захаживать в камеру Алекса во время своего дежурства. Молодому человеку очень нравился кофе с приторно-сладким темным сахаром. Килгур извел на него почти все посылочные запасы этих продуктов.

Прежде Стэну запрещалось находиться в камере во время визитов Н'клоса. «На то есть свои причины»,— туманно объяснил Килгур. Сейчас Стэн понадобился Алексу в качестве прикрытия при выполнении одного важного дела.

— Я всегда рад встрече с вами, бравый молодой человек,— сказал Алекс, разжигая огонь в маленькой пузатой печке и ставя на нее побитый закопченный оловянный котелок, в котором они готовили себе еду.

Н'клос сел на один из табуретов, сколоченных Алексом.

— Ну, так как же идут дела на фронте? — спросил Килгур.

— Нам снова урезали пайки,— мрачно сказал Н'клос.

— Какой позор! — брякнул Алекс.— Очень странно.

— Начальство можно понять. Тем, кто сражается на фронте, еще хуже.

— Откровенно говоря, думаю, это ошибочное суждение. Не сочтите за критику. Разве лорды не знают, что их народ тяжело работает в тылу, по-своему борясь за победу?

Н'клос вытянул шею и расстегнул верхнюю пуговицу кителя.

«Клиент созрел»,— подумал Стэн, также изнемогавший от жары и духоты. В камере, расположенной прямо под ними, трое человек вовсю топили печь пластиковой тарой.

— Сдохнуть можно от этой жары,— сочувственно сказал Килгур.— Не стесняйтесь, снимайте китель.

— Это противоречит уставу.

— Дьявол! — чертыхнулся Алекс.— Солдату следует знать, каким приказам и когда нужно подчиняться. Устраивайтесь поудобнее, сэр. Наши чуткие уши услышат громыхание тяжелых ботинок сержанта, когда он будет находиться еще в начале коридора.

Недоверчиво глядя на Стэна, занявшего наблюдательную позицию, Н'клос расстегнул портупею, на которой висел чехол с дубинкой, снял китель и начал искать глазами место, куда это все можно было бы пристроить.

Наконец Н'клос заметил крючок — единственный крючок, вбитый в стену камеры у самой двери.

— Присаживайся, приятель... я хотел сказать — сэр. Кофе подан.

Н'клос повесил китель и снова уселся на табурет.

— Извините, что перебил. Кажется, вы что-то хотели сказать?

— Ах да. Иногда я подумываю о том, чтобы подать рапорт о переводе на фронт. Хочу попасть в действующую армию.

«Только такого доходяги там и не хватало»,— подумал Стэн.

— Э-эх, сэр, когда-то я тоже так думал. Как я сейчас жалею, что не прислушался к словам своего бедного брата-калеки. Война не знает пощады. Посмотрите, в каком положении я сейчас нахожусь.

— Да уж, не хотел бы я оказаться на месте военнопленного,— откровенно признался Н'клос.

— То-то и оно. Плен — самое худшее, что может случиться с человеком.— Килгур задумался.— Но даже если ты сражаешься на передовой, приятного в этом мало. Я не рассказывал вам о пятнистых змеях?

— Вроде бы нет.

Килгур подмигнул Стэну, улыбнувшемуся ему в ответ уголком рта.

— Как-то раз мне довелось побывать на Земле, на маленьком островке под названием Борнео.

— Вы были на Земле?! Вот это да-а-а! — воскликнул изумленный Н'клос.

— Еще как был, парень! Меня туда занесло по долгу службы. Если уж до конца откровенно, могу сказать, что мне предстояло командование тамошним воинским подразделением.

— Вот уж никогда бы не подумал, что на Земле стояли имперские части, возглавляемые младшими офицерами.

— Чрезвычайные обстоятельства,— нагло соврал Алекс.— Вызываю я к себе как-то сержанта и спрашиваю: «Сержант, какая у вас здесь самая трудноразрешимая проблема?» Он отвечает: «Пятнистые змеи!» Я переспрашиваю: «Пятнистые змеи?» И он отвечает: «Да, сэр, пятнистые змеи».

В этот момент дверь камеры бесшумно приоткрылась, и в образовавшуюся щель проскользнула рука Сент-Клер. Рука сняла с крючка китель Н'клоса и вместе с ним исчезла.

— Вот ваш кофе, сэр, пейте, пожалуйста. Слушайте дальше. Просматриваю я данные, касающиеся моего отряда, и прихожу в ужас. Массовое дезертирство, волна кровавых преступлений, социальные заболевания переросли в эпидемию. Полный развал! Ну, думаю, моему подразделению конец. Собираю отряд и спрашиваю людей, в чем заключается главная проблема, кто во всем виноват.

И они хором мне отвечают: «Пятнистые змеи!» — «Пятнистые змеи?» — переспрашиваю я. «Да, сэр, пятнистые змеи»,— отвечает хор. И мне объяснили, что все эти пятнистые змеи водятся в джунглях. А подразделение находилось как раз в самой гуще непроходимых лесов.

За то время, пока Алекс трепал языком, китель Н'клоса хорошенько обследовали. Воинский билет и другие документы были переданы самому быстрому тюремному бегуну, молнией спустившемуся вниз по лестнице в камеру, где ждала Л'н. Она изучила и запомнила все мельчайшие подробности документов Н'клоса, чтобы позже сделать копии. Л'н ведь обладала универсальной художественной памятью. С самого кителя были сняты мерки и сделаны слепки пуговиц — также для последующего воспроизведения. Были учтены даже размеры дубинки — на тот случай, если кому-нибудь понадобится выстругать фальшивую.

Всего за каких-нибудь несколько минут комитет по побегам обогатился ценной информацией. Если заключенному удастся бежать, он может захотеть или будет вынужден выглядеть как охранник. А возможно, ему придется выдавать себя за самого Н'клоса.

Если, конечно, Н'клос в данный момент не обернется, не обнаружит пропажу формы и не поднимет тревогу...

Но пока все шло спокойно. Правда, Стэн корчился как ненормальный, боясь прыснуть со смеху. До такого состояния его довел рассказ Алекса.

— Надо же,— продолжал Килгур,— маленькие пятнистые змеи. Везде и кругом. Свирепые и беспощадные твари со смертоносным ядом. Эти бестии заползают в окопы и кусают, заползают в палатки и кусают, заползают в туалет и кусают. Мерзкие создания, что и говорить. Нужно было что-то срочно предпринять.

Я немного подумал, принял решение и приказал отряду построиться. И когда построение закончилось, из палатки вышел я. И все ахнули, потому что в руке у меня была зажата пятнистая змея.

И я сказал: «Послушайте меня, люди! Не то ли это пресмыкающееся, которое называют пятнистой змеей?» И люди ответили: «Да, это пятнистая змея».— «Я хочу предложить вам способ избавиться

от пятнистых змей. От множества этих тварей. На счет "раз" вы уверенно хватаете змею правой рукой. На счет "два" вы хватаете ее также и левой рукой. На счет "три" вы скользите правой рукой по ее туловищу к маленькой голове и — шпок! — на счет "четыре" резким движением большого и указательного пальцев отрываете змеиную голову!»

Люди вытаращили глаза — и начали войну. На протяжении следующих двух недель в месте расположения отряда только и слышалось: шпок... шпок... шпок... Кругом валялись открученные змеиные головы.

Моральный дух солдата окреп, дезертиров больше не было, преступлений тоже больше не было, уровень заболеваемости сифилисом резко снизился. Казалось, моя проблема решена.

И вот как-то раз захожу я в амбулаторию. А там лежит какой-то бедняга. Весь перебинтованный. С головы до ног. Упакованный, как куколка шелкопряда. Я спрашиваю его: что, мол, случилось? И он отвечает мне жалобным голосом: «Пятнистые змеи, сэр».— «Значит, пятнистые змеи?» — спрашиваю я. «Да, сэр, пятнистые змеи».— «Продолжай, парень»,— говорю я.

Алекс немного занервничал, когда дверь камеры снова бесшумно открылась и та же рука осторожно повесила китель с портупеей на крюк. После секундной заминки Килгур продолжил повествование. Стэн пытался вспомнить самую жестокую и медленную из всех известных ему пыток и вынужден был признать: любая из них была детской шалостью в сравнении с той, которую придумал Алекс Килгур.

— «Сэр,— продолжает перебинтованный,— помните, вы рассказывали нам, как нужно расправляться с пятнистыми змеями?» — «Да,— говорю,— помню, рассказывал. Но я не думал...» — «Я попробую вам объяснить, что со мной приключилось. Сижу я вторую ночь в окопе, на своем боевом посту. И вдруг вижу, как в мою "нору" опускается покрытый мехом пятнистый предмет. И я, в точности как вы советовали, мистер Килгур, на счет "раз" хватаю этот извивающийся предмет правой рукой, на счет "два" хватаю его также левой рукой, на счет "три" скольжу правой рукой вверх, на счет "четыре" делаю "шпок" и, сэр, можете себе представить, попадаю большим пальцем правой руки прямо в зад леопарду!»

Наступила мертвая, абсолютная тишина. Наконец Н'клос обрел дар речи:

— Это самая жуткая шутка из всех, что я когда-либо слышал.

В первый и последний раз Стэн был полностью согласен с мнением таанца.

Сент-Клер погрузилась в мрачные раздумья, наблюдая за своей странной соседкой по камере, делавшей наброски исключительно по памяти, а затем составлявшей точную копию таанского удостоверения на фоточувствительной пластинке.

Сент-Клер собиралась возразить, когда Стэн приказал ей поселиться вместе с застенчивой керркой, но в последний момент передумала. Ей не хотелось доставлять Стэну такое удовольствие — знать о ее симпатиях и антипатиях.

Дело заключалось совсем не в том, что Л'н не была человеком. Просто любой компании Сент-Клер предпочитала одиночество. Она всегда выступала соло, всегда жила своим умом и никогда даже в мыслях не держала перекладывать ответственность на других. Сент-Клер выжила благодаря тому, что умело пользовалась случаем и никогда не колебалась.

Л'н спутала ей все карты. Живя с таким существом под одной крышей, нельзя руководствоваться одним лишь холодным расчетом.

Впрочем, в жизни вдвоем была своя логика. Как главной воровке, Сент-Клер было лучше иметь дело напрямую с маленькой художницей-керркой. Но для этого ей следовало кое к чему привыкнуть. Л'н могла чувствовать себя уютно только в темноте. За пределами камеры, на ярком таанском солнце, она становилась совершенно беспомощной. Со временем Сент-Клер стала замечать, что помогает Л'н машинально: водит ее в туалет, находит инструменты, потерянные при позднем дневном свете, возвращает к действительности, когда беднягу гипнотизирует какая-нибудь причудливая игра бликов.

Вскоре Сент-Клер поняла, что привязалась к другому живому существу. Л'н постепенно становилась для нее тем самым странным из всех животных, которое зовется другом.

Ей было трудно смириться с этой мыслью, особенно когда она вспоминала об отношении Л'н к этому «подонку Горацио». Соседка по камере расписывала его достоинства с таким пылом, словно он был самым настоящим святым.

А затем Сент-Клер услышала историю о ефрейторе Хансене и поняла, что Л'н отождествляет его со Стэном. Они оба слились для нее в один образ — безупречного героя. Лишь благодаря своим иллюзиям Л'н не потеряла рассудок в убогой нищете плотно населенного тюремного лагеря. Она тосковала по мирным лесам своей родной планеты, все чаще и чаще погружалась в воспоминания. Суровая действительность тюремной жизни становилась для нее невыносимой.

Без Стэна — по крайней мере, без того, что она себе о нем навоображала,— Л'н быстро дошла бы до грани тихого помешательства.

Сент-Клер дала себе слово изменить такое положение вещей, решила перевоспитать Л'н на свой лад до совершения побега.

— Скажи мне, Л'н,— обратилась она как-то к керрке.— Я знаю, что ты интересуешься светом. А видела ли ты когда-нибудь знаменитую светящуюся башню на Прайм-Уорлде?

Л'н прервала работу над набросками.

— Ты имеешь в виду ту, которую построили два милчена? Кажется, их звали Марр и Сенн.

— Да.

— Только на картинках,— ответила Л'н.

— А-а, понимаю. Ты никогда не была на Прайм-Уорлде. Когда вся эта заварушка закончится, мы можем съездить туда вместе и посмотреть на нее.

— Нет, я бывала там раньше. Как-то раз я слышала о большой вечеринке, которая устраивалась в башне. Вот на что стоило бы посмотреть!

— Почему же ты не пошла на эту вечеринку? — спросила Сент-Клер.

— Меня туда никто не приглашал.

— Ну и что, черт побери? Да ты могла бы проникнуть туда без всякого приглашения! Я пару раз так делала. На балу Марра и Сенна всегда бывает столько народу, что практически невозможно выяснить, приглашена ты официально или пробралась с черного хода.

Л'н с грустью вздохнула, испытывая легкую зависть.

— Пробраться на бал... Я мечтала совершить что-то вроде этого. Как бы попонятнее выразиться? В качестве обновленной Л'н, что ли... Дерзкой. Решительной. Смелой. Войти в зал уверенной походкой, как будто я сама устроила эту вечеринку. Манерой своего поведения ввести всех в заблуждение, заставить думать, будто я какая-нибудь известная личность. Но я побоялась, что в разговоре они обнаружат мое невежество.— Л'н замотала головой.— У меня не было ни одного шанса. Стоило бы им только взглянуть в эти огромные безобразные глаза, и они бы сразу поняли, что я никто.

Сент-Клер была поражена.

— О чем ты говоришь? Что за глупость? Тоже мне, выдумала — безобразные глаза!

Л'н тяжело вздохнула. Ей было неловко за свою откровенность и в то же время лестно, что кто-то пытается опровергнуть неприятную для нее правду.

— Послушай меня, девочка,— сказала наконец Сент-Клер.— Чувствую, у нас впереди огромная работа. И начать ее нужно с изменения твоего представления о безобразном. Будь уверена, мы прорвемся на бал.

Л'н хихикнула, решив, что ее подруга просто пошутила. Но Сент-Клер знала, о чем говорит. Она только что дала Л'н обещание. А Сент-Клер была человеком, не привыкшим бросать слов на ветер.

— Расчет окончен,— объявил Вирунга, неуклюже развернувшись, отсалютовал Генриху и прохрипел: — Все заключенные в сборе.— И после секундной паузы добавил: — Сэр.

Даже Генрих не находил нужным затягивать дневную перекличку. Кивнув, он направился в сторону административной части. Вирунга отсалютовал ему вслед, развернулся вполоборота и прокричал:

— Отделение... воль-но!

Заключенные смешались в толпу, забубнили на все голоса и стали расходиться кто куда: кто в камеру, кто в туалет, а кто отправился прямо на ужин.

Стэн, у которого были более важные дела, зашагал к лестнице, чтобы подняться в комнату Вирунги, и при входе в коридор нос к носу столкнулся с Четвиндом. Надзиратель поджидал Стэна.

— Заключенный Горацио,— сказал он, широко улыбаясь.

— Сэр?

— Это ведь не твое имя.

— Простите, сэр, моя мама была бы очень удивлена, услышав такие слова.

— Неплохо придумано. Я вспомнил, где видел тебя раньше. На Дрю.

— Да бог с вами!

— У меня мало времени. Дрю. Планета-тюрьма. Я наблюдал за кучкой счастливых негодяев, собиравших моллсков. А ты и этот бочонок Килгур красовались в униформе полицейских. Вылавливали какого-то зверя по имени... черт, как, бишь, его? Дунстан... нет, Динсмен.

Четвинд обладал отличной, цепкой памятью. Этого было достаточно для того, чтобы его убить.

— Сэр. Только без обид, сэр. Но как я мог...

— Как ты мог быть таанским полицейским тогда и военнопленным теперь? Сейчас объясню. Ты служишь в имперской разведке. Когда началась война, ты попался в сети. Может быть, «артиллерийский снайпер» — твоя легенда. Может быть, ты выдумал эту версию в последнюю минуту перед тем, как вляпаться в дерьмо. Будь я проклят, если знаю, что произошло на самом деле.

Стэн продумывал возможные варианты. Убить Четвинда здесь? Сейчас? Нет. Конечно, можно было скрыться до того, как тело обнаружат, но убийство повлечет за собой массовые репрессии.

Второй путь: уговорить Четвинда повременить с докладом Авренти, содержащим столь интересную информацию, чтобы успеть под-

строить какой-нибудь несчастный случай, желательно за стенами Колдиеза. Такой вариант возможен.

— Говори, заключенный.

— Не могу, сэр. Что бы я ни сказал, меня бросят в карцер.

— Какой ты догадливый,— одобрительно кивнул Четвинд.— Если бы ты начал болтать о моем уголовном прошлом, я действительно должен был бы избить тебя до полусмерти и бросить в карцер. И кто знает, куда бы меня завело мое воображение в дальнейшем. Но...— Четвинд улыбнулся.— Теперь мне остается только придумать, как разыграть эту карту. И разыгрывать ли ее вообще.

— Заключенный не понимает.

— Заключенный, черт побери, прекрасно все понимает! Сейчас я полицейский надзиратель, но мое положение остается шатким, потому что мне был вынесен условный приговор. Проклятые таанцы могут в любую минуту лишить меня всех привилегий и выслать обратно на Дрю — или вообще на одну из мертвых планет — под каким-нибудь предлогом или без всяких объяснений. Итак, я должен еще раз как следует все обмозговать. Если ты не попытаешься подстроить какой-нибудь несчастный случай, в результате которого моя душа скажет «оревуар» родному телу, я продолжу обдумывание этого вопроса. Мне нравится поддерживать победителей.

Стэн понял, что Четвинд был гораздо хитрее, чем казался на первый взгляд.

— Война приняла неожиданный оборот?

— Действия на фронте ведутся таанцами успешно. Пока,— двусмысленно сказал Четвинд.— Мы... черт! Я уже начинаю говорить как полицейский. Таанцы лупят вас, имперцев, как сидоровых коз. Вопрос, как долго это будет продолжаться. Я выхожу за ворота и вижу, что кругом царят нищета, разорение и воровство. Вопрос напрашивается сам собой: если подобное творится здесь, на Хизе, то что же тогда происходит на других планетах?

Тебе нравится ход моих мыслей? Может, мне нужно было стать аналитиком, а? Продолжу высказывать свое мнение. Если таанцы в ближайшее время не одержат победу в каком-нибудь крупном сражении, мясорубка будет продолжаться. И попадать в нее будет больше наших, чем ваших.

Так что, по всей видимости, война идет не совсем так, как хотелось бы лордам и леди. И возможно, на Хизе неожиданно появится другая система управления, при которой мы, вероятнее всего, станем выплачивать налоги Прайм-Уорлду.

Думаю, если это произойдет, мистеру Четвинду не вручат золотую медаль. В общем, повторяю еще раз — предпочитаю быть на стороне победителей. Итак... до тех пор, пока положение вещей не изме-

нится и я не решу, в какую игру мы будем играть и карты чьей колоды раскладывать, я собираюсь относиться к тебе так же, как и прежде. То есть не предпринимать никаких мер. Это все, заключенный. Можешь идти.

Стэн едва не принял решение, которое ему было вовсе не по душе.

Даже в комитете по побегам была своя тактика и стратегия. Тактика — разработать подходящий маршрут побега, составить детальный план, снарядить беглецов — была проста. Со стратегией дело обстояло иначе. Процесс ее разработки был мучительным и долгим.

Для военнопленного служба не заканчивалась после пленения. Он (или она) все еще оставался бойцом. Нужно было продолжать сражаться — даже находясь в лагере для военнопленных. Все заключенные Колдиеза не только прошли гипнотическую обработку во время обучения, но и укрепили в себе внутреннее стремление к сопротивлению.

Частью этого сопротивления был побег. Задача комитета по побегам заключалась не только в возвращении несчастного заключенного на родину, чтобы он, если повезет, снова попал в действующую армию, на передовую, но и в том, чтобы он продолжал сражаться, находясь в заточении.

Каждый заключенный, являвшийся костью в горле своих поработителей, выбирал одного или двух потенциальных врагов — солдат-охранников. Чем большей костью в горле он был, тем больший вред причинял противнику. Но при всем том очень важно было не довести врага до крайности, когда он решит, что самым экономичным способом разрешения проблемы будет пуля, пущенная в висок заключенного.

До сих пор пленникам Колдиеза удавалось отлично справляться со своей задачей, продолжая воевать и оставаясь в живых.

Туннель Кристаты мог все изменить. К такому выводу пришел Стэн. У полковника Вирунги было на этот счет свое мнение, обоснованное целым рядом аргументов. Поскольку туннель проходил под стенами собора, побег мог быть запланированным и групповым. При попытке совершить массовый побег все, кто был способен пролезть в эту «нору», разбежались бы по Хизу в разные стороны. И каков был бы результат? Естественно, солдаты всех регулярных и вспомогательных частей Хиза были бы оторваны от выполнения своих повседневных обязанностей и брошены на поимку беглецов. Возможно, на Хиз направили бы даже боевые подразделения. В конечном итоге большинство заключенных, если не все, были бы окружены и схвачены. А затем — расстреляны. Не исключено также, что военнопленных, оставшихся в Колдиезе, перерезали бы всех до одного, как цыплят, чтоб другим неповадно было.

Полковник Вирунга предлагал совершить побег немедленно. «Все мы солдаты и привыкли рисковать»,— заявил он.

Стэн придерживался другой точки зрения, хотя прекрасно понимал, что обрекал людей, долгими часами корпевших над строительством туннеля, на дальнейшее заточение, лишая их даже слабой надежды выбраться на свободу. Он считал, что нужно отфильтровать небольшую группу заключенных, полностью подготовленных к побегу и оснащенных всем необходимым: от фальшивых документов до денег. Стэн пришел к такому выводу, руководствуясь не одним лишь человеколюбием — по крайней мере, он пытался себе это внушить.

Из таанских лагерей почти не было удачных побегов — во всяком случае, он слышал об очень немногих. Если из Колдиеза будет совершен массовый побег — а беглецов поймают, устроят показательный суд и казнят,— это сильно обескровит любое сопротивление и приведет к ужесточению режима в других тюремных лагерях, разбросанных по планетам Таанских миров. Бежать из них будет уже невозможно.

Было бы гораздо разумнее, если бы один заключенный сбежал домой из самого сердца Таанской империи — тем более что успех этого предприятия мог быть вполне гарантированным.

Вирунга нахмурился. Ему не понравилось предложение Стэна.

— Я принял твой вариант на рассмотрение. Кто совершит побег?

Вымученная стратегия вылилась в еще более вымученную тактику. Стэну приходилось уповать только на волю Божью. Проще было начать с исключений. Конечно же, в их число прежде всего входил Вирунга. Он не мог — и даже при возможности ни за что бы не согласился — бросить своих подопечных.

Стэн и Алекс. О Большом Иксе вообще не могло быть речи. Исключались и существа, которые из-за своего внешнего вида не могли смешаться с гуманоидным населением Хиза. А также калеки.

Кто был способен совершить попытку — и, вероятнее всего, оказался бы убитым?

Кристата и трое его обращенных. План был составлен ими. Стэн надеялся убедить эту четверку принять некоторую помощь, пересмотреть не вполне разумное решение отдать себя на милость таанских крестьян и придумать что-нибудь более рациональное.

Ибн Бакр и его партнерша. Стэн скорчил гримасу.

Сент-Клер. Он недолюбливал ее так же, как и она его. Но если побег придется совершать в одиночку, лучшей кандидатуры, пожалуй, не найти. Шансов на успех у Сент-Клер было гораздо больше, чем у любого другого заключенного.

Эрнандес. Если кто-то действительно заслуживал оказаться на свободе, так это был он. Кроме того, Стэн полагал, что проводимые

Эрнандесом непрекращающиеся диверсии вскоре могут быть раскрыты, а сам он — вздернут на виселице.

Абсолютно не уверенный в правильности своего решения и даже в подборе кандидатур, Стэн покинул камеру Вирунги, чтобы взвесить все «за» и «против» в спокойной обстановке.

— Друг мой,— медленно произнес Вирунга.— Спасибо, конечно, за доверие, но... Я не могу пройти через туннель. У меня боязнь закрытых пространств.

Стэн, имевший явную предрасположенность к клаустрофобии, отлично его понимал.

— Наверное, вы правы,— подхватил Эрнандес.— Возможно, я зашел в своих действиях слишком далеко, игра стала опасной. Но меня это не волнует. Вы понимаете, что я имею в виду?

Нет, Стэн не понимал.

— Попробую вам растолковать. Предположим, мне удастся пройти через туннель, незаметно раствориться в бескрайних просторах Хиза и даже вернуться в империю благодаря вашему — уверен — самому мудрому плану. Все это прекрасно и замечательно. Но что произойдет дальше? Полагаю, меня начнут таскать по всей империи, с гордостью представляя широкой публике как некоего героя, которому удалось — с заглавных букв, пожалуйста,— Обрести Свободу. Вряд ли после столь помпезной встречи меня снова отправят на фронт. Разве я не прав?

— Хоть вы несколько и приукрасили картину,— сказал Стэн,— не могу с вами не согласиться.

— Моя внучка погибла, как я уже вам рассказывал. А я не уверен, что отомстил за ее смерть сполна. Теперь понимаете?

Стэну стало все ясно. Служба на благо империи была для Эрнандеса на втором месте после личной мести. Стэну ничего другого не оставалось, как принести ему свои извинения. Он надеялся, что, когда таанцы в один пасмурный день поймают Эрнандеса на месте преступления, тот не выдаст ни одного из секретов узников Колдиеза.

Подобным же образом Стэн встретился с Леем Ридером Кристатой.

Он составил крутой — как ему казалось — план относительно трех гуманоидов и одного негуманоида. Стэн предложил им остаться в столице Хиза, вместо того чтобы углубляться в сельскую местность, населенную недружелюбными аборигенами. Кристате предстояло выдавать себя за ревностного сторонника таанцев. Он должен был стать уличным проповедником и во всеуслышание возвещать о своем прозрении, наступившем после того, как таанцы «освободили» его планету от жестокого ига ненавистной империи.

Стэн знал, что пройдет много времени, прежде чем люди решатся задавать наводящие вопросы истинному верующему, если он будет говорить им о правильности всех их действий.

— Но это же ложь,— возразил Кристата под одобрительное кивание своих помощников.

Вместо ответа Стэн заскрежетал зубами.

— Великий отвернется от нас и перестанет помогать, если мы уподобимся жалким лгунам,— продолжал Кристата.— Непонятно также, что полезного мы сможем сделать, оставшись в городе, в этом осином гнезде со снующими взад-вперед униформами.

— Вы можете остаться в живых,— ответил Стэн.— Жизнь дарует и отбирает Великий. Все мы в его воле.

— Тебе не дано понять учение Великого. Только тот, кто живет на земле и ощущает под ногами твердую почву, кто не приемлет фальшивых вероучений Маммоны и осознает, что его долг состоит лишь в том, чтобы накормить своих ближних и помочь обездоленным, может понять нас и дать приют.

Стэн промолчал, вспомнив о том, как когда-то давно он и его отряд богомолов в течение нескольких дней удирали от каких-то крестьян, которых посчитали мирными жителями.

— Я надеялся, Горацио, что ты прислушаешься к моим высказываниям и станешь одним из нас. К сожалению, этого не произошло,— с грустью сказал Кристата.— Но мы будем молиться за то, чтобы те, кто воспользуется преимуществом, дарованным нам Великим Создателем, обрели истину в своих сердцах и по возвращении на свободу начали проповедовать идеалы веры.

Лучшее, на что Стэн мог надеяться, простив себя за высказанное предложение, было то, что Кристата и трое его одержимых послушников не сумеют сбить с толку настоящих беглецов и умрут быстро, не мучаясь.

Сент-Клер подождала, пока дверь за Стэном закроется, и посмотрела на Л'н. Даже в сумрачной темноте она смогла разглядеть, как руки миниатюрной керрки задрожали от волнения.

— Но ты должна идти,— без всякой преамбулы сказала Л'н.

«Да,— подумала Сент-Клер,— я должна идти. Здесь можно сойти с ума. Какой это будет по счету побег? Двадцать второй? Или двадцать четвертый?» Она прекратила отсчет своих предыдущих попыток на цифре двадцать один, потому что пришла к выводу о бессмысленности коллекционирования поражений.

Этот побег должен быть удачным. Сент-Клер хладнокровно представила себе невеселую картину того, как ее прогоняют сквозь строй охранников, вооруженных дубинками, а затем убивают. Да, в случае поимки ей грозила неминуемая смерть.

До сих пор она избегала играть в слишком опасные игры. Но желания стоять в стороне и ждать, когда большинство примет правильное решение, у нее оставалось все меньше.

«А как же Л'н? Она сможет обратиться за помощью к Стэну. Он не допустит ее гибели,— успокаивала себя Сент-Клер.— Что же касается меня, я ведь не бедная беспомощная сиротка. Я — игрок. Угриха-одиночка, выживавшая в любых условиях и при любых обстоятельствах. Я ни в ком и ни в чем не нуждаюсь».

Так ли это?

Глава 25

Леди Этего была блестящей женщиной, как и все таанцы высшего общества.

Военные планы таанцев были разработаны тщательнейшим образом, с учетом самых крайних вариантов. На тот случай, если эти планы будут нарушены посреди сражения, таанцы придумали гениальную импровизацию. Они могли — и сделали именно так — объединить отряды, сколоченные из самых боеспособных сил, бросить их на линию фронта и выиграть.

При этом, конечно, была учтена запрограммированная готовность их воинов умереть на месте, но не сдаться. Таанцы упустили один нюанс — правомочность высшего должностного лица изменить одобренный и скрепленный печатью план.

Итак, леди Этего вошла в пустое помещение боевого штаба, постукивая в тишине каблуками изящных сапог. Ей предстояло провести брифинг с двенадцатью командующими военными флотами, чтобы отдать последние распоряжения и разъяснить мельчайшие подробности многоступенчатого нападения на Дюрер. Боевой штаб был полностью оборудован для показа на куполообразном экране дислокации таанских войск — от общих стратегических наступательных сил до скромных патрульных звеньев.

Но брифинг не состоялся. Леди Этего получила кодированную шифрограмму от высочайшего руководства, в которой дано было указание отложить встречу и ждать дальнейших распоряжений.

В последовавшем — совершенно секретном — сообщении говорилось, что Глава совета лорд Ферле просит о присвоении ему звания командующего объединенными военными флотами с одобрения леди Этего.

В ответ Этего послала официальное подтверждение своего согласия, не находя нужным ни вдаваться в подробности, ни дожидаться, пока боевой корабль лорда Ферле, работавший на АМ-2, выйдет из строя и даст крен.

Сторонники леди Этего могли ополчиться против нее. Леди Этего была обеспокоена. Она чувствовала, что назревают крупные неприятности.

И оказалась абсолютно права. Ферле вошел в штаб, поприветствовал Этего соответственно ее званию, со всеми положенными формальностями, и отпустил своих адъютантов.

Леди Этего, соблюдая правила приличия, спросила лорда Ферле, не окажет ли он ей честь просмотреть планы готовящегося наступления.

— Нет,— ответил Ферле.— Я хорошо с ними знаком и полностью одобряю.

«Тогда какого хрена ты сюда приперся?» — подумала леди Этего.

— Члены совета уже собрались на заседание и составляют генеральный план. Фактически они хотят расширить зону стратегического удара.

Этего почувствовала запах дымка — нет, дыма. Она рефлекторно нажала на кнопку дистанционного управления, и полукруглый выпуклый потолок штаба превратился в имитацию черного галактического пространства с атакуемой системой Дюрер посередине. Но ни он, ни она даже не взглянули на объемную карту.

— Возможно, я неправильно вас поняла,— ровным голосом сказала леди Этего.

— После ознакомления с вашим блестящим планом и анализом сложившейся обстановки,— продолжал лорд Ферле,— мы поняли, что вы намереваетесь совершить массированную атаку.

Лорд Ферле повернулся лицом к экрану и взял в руки пульт дистанционного управления.

— Пожалуйста. Двенадцать флотов вынырнут из небытия и нападут на систему Дюрер. Вон там будет произведена ложная атака на систему Аль-Суфи для втягивания в созвездие имперских сил. Когда противник поймет, что попал в ловушку, будет уже поздно.

Этего промолчала.

— Удар направлен в самое сердце империи, что мы полностью одобряем. Между тем, проведя точный анализ и обсуждение, мы, то есть члены совета, пришли к решению о расширении этого плана — во-первых, потому, что он блестящий, и во-вторых, потому, что полностью соответствует таанским представлениям об идеалах.

— Что означает?..

— Мы считаем, что резервные флоты следует направить в зону боевых действий. За фланги опасаться нечего — переброска будет проводиться внезапно. Любой корабль, звено или флот, вовлеченные в операцию, смогут увернуться от удара. Другие боевые единицы направятся прямо к главной цели.

— Главная цель, лорд Ферле,— отчеканила леди Этего,— состоит в том, чтобы обезопасить систему Дюрер и использовать ее в качестве трамплина для последнего штурма.

— Легко разрешимая задача,— сказал лорд Ферле.— Разумеется, для этого потребуется действовать более осмотрительно и перегруппироваться. Совет постановил: напасть на Дюрер неожиданно и провести последний штурм.

Наступила тишина.

— А вы не допускаете возможности,— спросила наконец леди Этего, глядя на экран, находившийся у нее над головой,— что имперским силам, находящимся в Аль-Суфи и вокруг системы, удастся прорвать оборону и выйти на свободу?

— Этого не произойдет,— раздраженно сказал лорд Ферле.— Мы уверены, ваш хитрый план вынудит их защищать ложную цель. А когда они догадаются о подвохе, будет уже поздно, слишком поздно. К тому же...— Он помолчал.— Мы и в дальнейшем намереваемся вводить их в заблуждение.

— Продолжайте.

— Существует еще одна причина, по которой мы не можем затягивать войну,— сказал лорд Ферле.— Леди Этего, события на фронте вышли за рамки всех самых пессимистичных прогнозов. У нас просто-напросто нет запасов АМ-два, чтобы позволить себе роскошь даже самой непродолжительной задержки сражения.

В тот момент леди Этего стало совершенно ясно, по каким причинам план генерального сражения, разработанный лордом Ферле — кому, как не ей, было знать, что он не являлся детищем совета,— был ненадежным, зыбким, зависящим от случайного стечения обстоятельств, как при игре в кости. Но она была истинной таанкой — и хранила молчание.

— Есть и еще две модификации вашего плана,— сказал Ферле.— Например, умело подстроенная диверсия против Аль-Суфи. Осталось решить только один вопрос. Находящиеся там силы должен возглавить человек, известный как самый лучший, самый опытный боевой командир. Наш самый грозный стратег.

Щеки леди Этего вспыхнули, рука потянулась к именному оружию. Она с трудом совладала с собой.

— Я польщена,— сумела выдавить леди Этего, удивившись тому, что голос ее не дрогнул.— Но если я приму командование диверсионной группой, кто тогда позаботится о моих двенадцати флотах — вношу поправку: двенадцати моих и нескольких дополнительных подразделениях, которые совет решил также отправить в бой?

— Поскольку это сражение станет решающим,— сказал лорд Ферле,— мы, то есть все, кто руководит наступлением, будем представлять нашу империю и нести ответственность за исход боя.

Леди Этего отвесила официальный поклон и отдала честь представителю верховной власти лорду Ферле, который должен был ее заменить.

Она сама удивлялась, как ей удалось сохранить самообладание и спокойно покинуть боевой штаб. Оказавшись в своей квартире, леди Этего впала в ярость и разразилась такими ругательствами, которыми восхитился бы самый закоренелый таанский уголовник.

Успокоившись, она вынула из кобуры именное оружие. Да, что и говорить, ее репутация замарана. Причем незаслуженно. Свершилась чудовищная несправедливость. В жизни подобные вещи происходят сплошь и рядом. Она выросла в среде, где безобразия были нормой поведения. Но сейчас главная цель — победа. Ради нее можно стерпеть все. Леди Этего решила, что подчинится приказу и примет командование подставным флотом. Конечно, будь леди Этего во главе действующей армии, она могла бы наворочать таких дел, какие всем этим временщикам и приспособленцам даже не снились. Но ей придется оставаться в стороне и быть на подхвате.

Леди Этего смирилась со своей участью, потому что знала: ее план сработает — даже со всеми идиотскими модификациями лорда Ферле. Но после того как объединенные таанские флоты ударят по Прайм-Уорлду, Дюрер будет предан забвению. Тогда лорд Ферле поймет, каково умело управлять ходом сражения, и горько пожалеет о том, что сместил настоящего боевого командира с поста, чтобы самому хоть на минуту стать ключевой фигурой в войне.

Леди Этего была уверена в том, что лорду Ферле неизбежно понадобится ее помощь для одержания окончательной победы. И она задумала жестоко отомстить ему за свою обиду после крушения империи.

Глава 26

Осталось пройти одну треть метра. Стэн почти физически ощутил холодную черноту таанской ночи, опустившейся на толщу земли над его головой. Неотступное чувство близкой свободы нахлынуло на него, как волны океанского прилива в период полнолуния. Нужно было только отрыть немного грунта, чтобы оказаться на поверхности. Долгим годам, проведенным в таанских тюрьмах, наступит конец — беспокоиться придется лишь о собственном выживании.

Стэн повернулся назад, разгоняя рукой густой чад горевшего в лампе жира. От едкого дыма на глаза наворачивались слезы. Стэн вытер глаза рукавом робы и посмотрел на своих солдат — мужчин, женщин и существ, отобранных им для совершения побега.

«Разношерстная компания» — вот самое точное для них определение. Некоторые из беглецов, например Кристата и его единоверцы,

были одеты в костюмы таанских крестьян, сшитые из грубой бледно-зеленой или коричневой ткани. Ибн Бакр вложил весь свой талант в собственную униформу и костюм своей партнерши, стройной женщины по имени — Стэн никак не мог вспомнить...— Элис! Блеском и великолепием форма Бакра могла сравниться разве что с парадным мундиром адмирала. Костюм Элис лишь немногим уступал в шике. На самом деле они выдавали себя за начальника станции гравипоездов и его помощника. На руках Ибн Бакра и Элис имелись фальшивые документы, в которых говорилось, что они совершают инспекционную поездку по главным станциям Хиза. Стэн не мог удержаться от смеха, когда Ибн Бакр впервые показал ему наметки того, что он и Элис должны были носить. Стэну стало неловко за свое поведение, когда он увидел на лице Ибн Бакра пристыженное выражение,— опечаленный гигант, выронивший из рук свое шитье, вызывал жалость. И тогда Ибн Бакр объяснил Стэну, что таанцы обожают униформу, и чем ниже у офицера звание, тем более броскую одежду он предпочитает.

— Видел бы ты начальника мусорного коллектора,— сказал Ибн Бакр.

Стэн прикрыл глаза от яркого света, подумав о том, что нужно поскорее к нему привыкать.

Одежда других членов группы представляла собой нечто среднее между той, что была на Кристате и Ибн Бакре,— от фермерской до костюмов лавочников и формы таанских офицеров средних и нижних чинов.

Одеяние Сент-Клер отличалось от всех остальных. На ней были высокие ботинки и походный маскировочный костюм, столь изящно облегавший фигуру, что у Стэна при виде этой женщины возникло двойственное чувство — страстного желания и неприязни. За плечами Сент-Клер висел маленький походный рюкзак. В нем находилась сменная одежда и легчайшая туристская экипировка, которой так любили пользоваться здоровые, выносливые спортсмены и спортсменки. Предположительно Сент-Клер отправлялась на поиски редких и безумно вкусных клубней, прораставших в почве Хиза дважды в год. Клубни были настолько ценными, что собирать их разрешалось лишь богачам и знати. Дважды в год спортсмены и любители острых ощущений прочесывали леса и луга в надежде отыскать сокровище. Места, где можно было найти клубни, охранялись на Хизе столь же ревностно, сколь и горные стремнины с форелью на Земле, возвращенные к жизни вечным императором.

Сент-Клер выдавала себя за одну из охотниц за клубнями. Она была убеждена в том, что ей запросто удастся где-нибудь окопаться и дождаться удобного момента, чтобы покинуть Хиз. Стэн был не слиш-

ком в этом уверен. И все же он поддался на уговоры Сент-Клер — несмотря на то что ее обещания были очень ненадежными.

Стэн размышлял над всем этим под тихий аккомпанемент молитвы Лея Ридера и его единоверцев, терпеливо ожидая, когда они закончат превозносить своего Великого и просить его об оказании им помощи в дальнейшем. Единственным словом, которое Стэн мог различить в этом потоке излияний, было «ах-х-хминь», произносимое тремя людьми со страстным придыханием, когда Кристата делал паузы. Наконец он закончил заунывное песнопение и переваливающейся походкой подошел к Стэну, отщипывая на ходу комья грязи, прилипшей к его шерсти. Каждый сантиметр квадратной фигуры Кристаты излучал флюиды целеустремленности и мрачности. Только по извивающимся чувствительным усикам, обрамляющим его нос, Стэн мог догадаться о внутренней напряженности Лея Ридера.

— Дух Великого с нами,— произнес Кристата.— Он сказал нам, что время идти почти настало.

Стэн проглотил саркастические реплики, возникшие в тот момент в его голове. Кто он такой, чтобы критиковать убеждения другого существа, вырывшего тысячи тонн земли и грунта, последовательно ставившего подпорки для укрепления туннеля? Кроме того, может, на самом деле какой-нибудь Великий послал Стэну этот крепкий орешек — Кристату? Разве без него Стэн обнаружил бы подвал с сокровищами, на которых стоял Колдиез? Большой Икс был убежден в том, что Великий, черт побери, заслужил доверие.

Итак, вместо того чтобы отпустить язвительную шутку, Стэн широко улыбнулся и сказал:

— Прекрасно! Мм... В следующий раз, когда будешь разговаривать с... э-э... говорить с ним... с этим... как там его, передашь от меня спасибо.

Кристата нисколько не обиделся. Он понимал, что Стэн ничего плохого не имел в виду.

С дальнего конца туннеля послышался нарастающий грохот. Все прижались к стенам, давая дорогу Алексу, вынырнувшему из-за угла. Килгур тянул три соединенные вместе большие тележки, груженные огромными тюками с продовольствием. Те же самые тележки использовались для вывоза земли из туннеля. Здоровяк Алекс вез их с такой легкостью, словно тюки были набиты невесомым пухом. Когда деревянный состав застревал на колее, Килгур просто-напросто поднимал первую тележку и переставлял ее на следующий участок. Общий вес тележек приблизительно составлял полторы тонны.

— Это последние, Горри,— сказал он, отступая на пару шагов в сторону, когда несколько человек принялись разгружать тележки,

складывая тюки у самого выхода из туннеля, похожего на залепленную глазницу.

Алекс окинул бесстрастным взглядом лица небольшой группы беглецов. Казалось, у этого человека вообще не было нервов. Небрежной походкой подойдя к Стэну, он прошептал ему на ухо:

— Не нравится мне вся эта затея, парень. Думаю, они идут на верную гибель. Единственное, что мы можем для них сделать,— обучить некоторым богомоловским трюкам... Как ты считаешь? Тогда у них хоть надежда появится.

Стэн покачал головой.

— Каждый из них получил свою, хорошо отработанную легенду, соответственно выбранной по их желанию одежде,— сказал он.— Что же касается обучения беглецов каким-нибудь трюкам... Все, что от них требуется,— умело сыграть придуманные роли. Дьявол! Если эти дилетанты овладеют богомоловскими уловками, у них будет только больше шансов попасть в лапы к таанцам!

— И все же, парень, у меня на душе было бы спокойнее, если бы они узнали парочку хитростей.

— Поверь мне, Алекс,— возразил Стэн,— лучше им не становиться на этот путь. Я когда-то читал об одном виде вооруженных сил. Несколько тысячелетий назад солдатам на спины цепляли большие шелковые сумки, килограммов по пятьдесят каждая, сажали в огромные неуклюжие самолеты и сбрасывали на землю с высоты двух-трех километров.

Алекс был ошарашен. Посмотрев на Стэна изумленным, недоверчивым взглядом, он сказал:

— Бедные ребята! Наверное, их офицерами были Кэмпбеллы. Жестокие варвары! До чего додумались — выпихивать парней за двери на полном лету с таким тяжеленным грузом!

— Ну, как сказать... Они шли на это добровольно. Видишь ли, шелковые сумки должны были раскрываться, и солдаты приземлялись довольно мягко. Как бы то ни было, эти рожденные летать ребята проходили специальную подготовку, учились вначале прыгать на земле. Такая подготовка считалась самой крутой в ту эпоху.

— Охотно верю,— сказал Алекс, все еще несколько ошеломленный.

— Но знаешь, что во всей этой истории самое смешное? — не унимался Стэн.— Когда дракх ударял им в голову, они иногда хватали первого попавшегося старого ворчуна, цепляли на него мешок и выталкивали его из самолета, как какого-нибудь натренированного типа. Догадайся, что происходило дальше? Да ничего особенного. Процент несчастных случаев среди дилетантов был таким же, что и среди маститых прыгунов. На землю удачно садилось столько же солдат, сколько и доходяг с улицы, обмочившихся от страха по самые уши.

— Не могу в это поверить,— сказал Алекс.

Стэн посмотрел на взбудораженных существ, сбившихся в кучу, изучающим взглядом и подумал об ужасных опасностях, поджидавших их за пределами Колдиеза.

— Я настаиваю на том, чтобы они вышли отсюда не раньше чем через две ночи.

В столовой за завтраком Вирунга передал через своего связного Стэну, что хочет увидеться с ним. Срочно.

Стэн пробирался через многолюдный центральный двор, периодически склоняясь над заключенными, давая им указания по ходу дела. Останавливаясь в разных местах, он болтал и смеялся с одними, хмурился и неодобрительно качал головой, глядя на других.

Во время обхода Стэн прокручивал в голове всевозможные варианты, пытаясь догадаться, зачем он вдруг понадобился полковнику. Может, Вирунге удалось узнать что-нибудь о ходе войны? Стэн надеялся, что удача сопутствовала не таанцам. Его радости не было бы предела, если бы полковник Вирунга собирался сообщить об успешной подготовке к операции, которой Алекс дал название «Золотой Червь».

Они потратили уйму сил и времени на выяснение вопроса, каким образом можно подкупить махровую бюрократку по имени Фастр. Женщина средних лет занимала должность заведующей отделом по выплате чеков. Все таанцы ее боялись. Даже Держин, комендант лагеря, ходил вокруг нее на цыпочках. При малейшем неосторожно сказанном в ее адрес непочтительном слове чек мог быть «случайно» утерян. И для его возвращения потребуется отвешивать унизительные поклоны и обивать порог офиса не менее трех раз. Хуже того, если у Фастр было скверное настроение, она могла «перепутать» код, и провинившийся таанец вдруг выяснял, что является должником — даже если он исправно платил налоги и никогда не брал в долг.

Проблема заключалась в том, что Фастр казалась совершенно неподкупной. Согласно сведениям, раздобытым членами комитета у Н'клоса и других охранников, с которыми удалось установить контакт, у Фастр не было ни одного изъяна. Эта женщина была толстой, но не питала слабости ни к каким видам продуктов. Секс ее не интересовал. Алекс ужасно обрадовался, узнав об этом, потому что ему претила сама мысль о подыскивании кандидата на роль любовника. Фастр вела спартанский образ жизни, из чего следовало, что к деньгам она равнодушна. Как же к ней подобраться? Этот вопрос был очень важным, поскольку Фастр являлась ключевой фигурой в операции «Золотой червь».

Прояснить ситуацию помогла Сент-Клер. Ее назначили сторожем кассы, разумно рассудив, что ей, как женщине, обладающей богатей-

шим и разностороннейшим опытом, удастся выявить слабости любого человека. Даже если бы Сент-Клер не смогла это сделать, ей бы удалось придумать какую-нибудь аферу.

Сент-Клер полдня крутилась вокруг офиса Фастр, пока не сообразила, что нужно делать. Все утро, пока другие клерки, вперив глаза в рабочие компьютеры, боялись поднять головы, Фастр развлекалась.

Поначалу трудно было определить, какие эмоции вызывало у нее это развлечение, потому что заключалось оно в ударах пальцами по клавиатуре компьютера, нашептывании сквозь скрежещущие зубы длинного потока ругательств, приводивших в смущение и бросавших в краску видавшую виды Сент-Клер, а также в периодическом выкрикивании громких, по всей видимости, победных возгласов. Наконец Сент-Клер решилась взглянуть на экран компьютера, чтобы узнать, чем вызвана столь бурная реакция Фастр. Толстуха заколотила пальцами по клавиатуре приборной доски, после чего на экране замельтешили какие-то цифры. Каждое избиение клавиатуры сопровождалось новыми проклятиями. Постепенно Сент-Клер начала понимать, что к чему. Цифры, возникавшие на экране, были алгоритмами. Фастр играла в игру. И этой игрой был бридж.

Сент-Клер выявила не просто слабость, а тяжелое заболевание.

— Самая настоящая бриджеманка,— сказала она позже Стэну,— судя по ее очаровательным выходкам и возгласам во время игры. Никакие блага Вселенной не заменят ей бридж. Людей она ненавидит. Но для того чтобы получить истинное удовольствие от игры в бридж, нужна компания.

— У нее есть персональный компьютер,— сказал Стэн.— С ним она может играть в любые игры, какие только пожелает. Причем на любом уровне.

— Сразу видно, что ты не картежник,— парировала Сент-Клер.— Наслаждаться игрой в карты можно только тогда, когда видишь реакцию партнера. В особенности это касается игроков в бридж. Выигрывая у компьютера, нельзя почувствовать запах крови. Остается только остервенело молотить пальцами по клавиатуре.

— Итак, насколько я понял, ты прозрачно намекнула Фастр, что в некотором роде знакома с этим... э-э-э, как его?

— Бриджем. Прозрачные намеки можешь засунуть себе в задницу. Я прямо заявила Фастр, что наблюдала за ней. Не могла удержаться, объяснила я.

— И она не вцепилась тебе в горло? По-моему, Фастр способна сделать из тебя отбивную котлету за одну только попытку заговорить с ней.

— Ничего подобного,— ответила Сент-Клер.— Страстные игроки в бридж не в силах себя контролировать. Она прекрасно меня поня-

ла. Особенно после того, как я сказала, что была чемпионом флота по карточным играм.

— Кем? Чего? Такого звания не существует!

— Неужели? Фастр об этом не знает. И вообще, плевать она на все хотела. В особенности после того, как я сказала, что, хоть она, по всей видимости, и хороший игрок, я могла бы расширить ее познания.

Стэн был восхищен помимо собственной воли.

— Ладно, можешь завязать с ней близкий контакт. Выиграй несколько партий подряд. Потом проиграй парочку, чтобы заинтриговать ее. А затем выяснишь, каким образом ее можно переманить на нашу сторону.

— Не потребуется,— фыркнула Сент-Клер.— Мы программируем компьютер на партнерство. У меня есть полный доступ к этой штуке в любое время дня и ночи.

Стэн должен был немедленно дать указание Краулшавну и Соренсену возобновить работу над «Золотым червем». Они закончили проект неделей раньше и, после проведенной Сент-Клер экспертизы, зашифровали убийственным кодом — гибридом воображения южанина и северянина.

Сент-Клер осталось только дождаться удобного случая внедрить его в компьютер Фастр. Загвоздка заключалась в том, что время работало не на нее. Следующей ночью Сент-Клер предстояло покинуть Колдиез. Если ей не удастся внедрить код сейчас, вся работа пойдет насмарку, придется начинать все сначала. Но за побегом могут последовать кровавые репрессии, и операция «Золотой червь» окажется бессмысленной, поскольку именно от ее успешного выполнения зависело, удастся ли избежать резни, которую могут устроить таанцы.

Стэн вошел в камеру Вирунги. Его встретил один лишь старик. Разглядев в темноте печальное выражение лица полковника, Стэн понял — случилось что-то скверное. Он сразу подумал о поражении. А от этого поражения зависел исход операции «Золотой червь».

— Ее схватили? — спросил он безучастным голосом, имея в виду Сент-Клер.

— Нет,— ответил Вирунга.— У нее... прошло успешно. Но... по другому... поводу.

Стэн решил прекратить гадать и предоставил Вирунге возможность высказаться.

— Как ты знаешь... Сент-Клер имела полный... доступ. К компьютеру.

Стэн утвердительно кивнул головой. Фастр позволяла Сент-Клер безраздельно пользоваться таанским компьютером в свободное время. Для того чтобы быть стоящим оппонентом, Сент-Клер требова-

лось хорошенько поломать голову над обдумыванием новых стратегий при игре в бридж. Но Стэну не казалось это важным. В компьютер были вложены лишь обычные данные о повседневной жизни Колдиеза, сводки о выплате жалованья охранникам, общие сведения о личном составе и заключенных. Стэн не видел необходимости ковыряться в этих данных.

— Сент-Клер... кое-что заметила,— сказал Вирунга, прерывая ход мыслей Стэна.

Выяснилось, что, поскольку Сент-Клер входила в компьютер и выходила из него, используя именной код Фастр, ей удалось ознакомиться со служебным журналом и узнать подробности о людях, использующих аналогичную систему, а также то, как часто они ею пользовались. Вскоре ей стал известен другой именной код. Казалось, он не только не принадлежал ни одному из сотрудников лагеря, но являлся поисковым, штудирующим записи путем последовательного применения шаблонной формулы «один-плюс-один-плюс-один», что было ужасно медлительным процессом, но благодаря ему не могло быть упущено ни одной детали.

Сент-Клер сгорала от любопытства, желая поскорее докопаться, кому этот код принадлежал и что искал человек, использующий его.

— Ей удалось это выяснить? — спросил наконец Стэн.

— Не искателя,— сказал Вирунга.— Только того... кого он искал.

— Прекрасно. Так что же это за личность, которой так сильно интересуются?

— Ты,— коротко ответил Вирунга.

Стэн был поражен.

— Но как...

Вирунга продолжал.

Неизвестный искал записи, касающиеся кого-то, чьи приметы совпадали с приметами Стэна. Этот методичный поиск был направлен на выяснение схожих черт или полной идентификации личности. Обнаружение Стэна было лишь делом времени.

Вирунга высказал вполне разумное предположение, суть которого сводилась к следующему: кем бы ни был этот субъект, он ищет Стэна явно не для того, чтобы заключить его в теплые дружеские объятия и осыпать градом подарков и поцелуев.

Резюме:

— Ты... и Килгур... должны... бежать!

От Стэна не поступило ни одного возражения. Он и Алекс уйдут вместе с другими. Оставалось лишь собрать команду беглецов в последний раз и ознакомить с непредвиденными изменениями в их планах.

Новость была встречена полным молчанием. Беглецы быстро прокрутили в мозгах роли, которые им предстояло сыграть, подумали о том, какое влияние будут оказывать на них Стэн с Алексом, решили, что проблем с этим не будет, и просто пожали плечами. Чем больше народу, тем веселее.

Тогда встала Сент-Клер и объявила о своем требовании внести еще одно изменение в план. Она больше не собиралась бежать в одиночку. Она хотела взять с собой Л'н.

— Это самая бредовая идея из всех, что тебе когда-либо приходили в голову,— успел выпалить Стэн, прежде чем Алекс ткнул его локтем в бок и предложил более дипломатичное разрешение вопроса. Позже Алекс объяснил Стэну, что ему следовало повременить с категоричными высказываниями — а затем растолковать женщине, что она перегнула палку.

— Я настаиваю на своем,— заявила Сент-Клер.— И будет по-моему.

Не успел Стэн сморозить какую-нибудь глупость вроде полного отказа Сент-Клер, как она выложила свой козырь:

— Не пытайся меня остановить. Мы обе выйдем отсюда завтра ночью, и неважно, каким способом — через туннель со всеми или ползком под проволокой.

За неимением выбора Стэну пришлось сдаться. Если Сент-Клер выкинет еще один ковбойский трюк, возможности выбраться через туннель ей уже никогда не представится — а Стэн был абсолютно уверен в том, что, кроме смерти, ее уже ничто не остановит. Он долго не мог понять, почему Сент-Клер решилась на такой рискованный поступок. Большой Икс думал, что причиной всему явился ее вздорный характер — ведь с таким довеском, как Л'н, ее неминуемо схватят. Ему также не давал покоя вопрос, какую выгоду преследовала Сент-Клер, обременяя себя этим робким и застенчивым существом, нисколько не сомневаясь в корыстности ее побуждений.

Стэн ошибался в обоих случаях. Впервые в жизни Сент-Клер беспокоилась не только о себе. Она прекрасно понимала, какое впечатление произведет на Л'н весть о побеге Стэна. Лишившись моральной поддержки, идеала, которому поклонялась, Л'н будет обречена. Сент-Клер даже не догадывалась, что присутствие Л'н спасет жизнь им обеим.

Стэн согнул пальцы руки, и нож скользнул прямо ему в ладонь. Он мягко отрезал куски грунта, поначалу осторожно откладывая их в сторону, а затем разрывая землю руками, как ковшами экскаватора, с нарастающим неистовством. Вдруг на беглецов пахнуло свежим холодным ночным воздухом, пронизывающим насквозь, высушивающим пот, развеивающим угарный дым горящих ламп.

Стэн вылез в образовавшееся отверстие и встал на ноги — онемевший, ошеломленный. На фоне густой черноты виднелись слабые, мерцающие в дымке огни большого города, простиравшегося у подножия Колдиеза.

Вслед за Стэном вышел Алекс, схватил его за плечи и хорошенько встряхнул.

Они были свободны.

Глава 27

Победа, одержанная империей в системе Дюрер, считалась крупной. В файле, содержащем сведения о главных исторических событиях, по которому в обязательном порядке занимались студенты средних учебных заведений всех планет империи, картина сражения была представлена в виде нескольких стрел, указывающих направления ударов.

В это время атака производилась... здесь. Красная стрелка неслась через звездные системы. За ней следовала вторая атака... тут. Встреча произошла... там. Голубая стрелка. В результате получилось... вот что.

Самые любознательные могли, с разрешения высшего военного руководства, получить доступ к специальной дискете и ознакомиться с более детальными подробностями хода сражения.

Вот тут-то в их головах и начиналась настоящая путаница. Поначалу события, развернувшиеся в системе Дюрер, имели различные названия: Бои при Дюрере — Аль-Суфи, Первая Имперская контратака, Второе наступление таанцев, Столкновение флотов в разгар войны с таанцами и так далее и тому подобное, с идиотскими, сбивающими с толку бесконечными перечислениями кораблей, задействованных в сражении.

Еще более затуманивали мозги прилежных студентов сведения обо всех без исключения лицах, принимавших участие в боях.

Сражения стали излюбленной темой для изучения как у дилетантов, так и у профессионалов. И те и другие искали перспективу, которая помогла бы им понять, что же все-таки происходило в течение тех нескольких недель. Для историков, пожалуй, важнее всего было усмотреть что-то величественное и грандиозное в боях, которые, по сути дела, были кровавыми и беспощадными, бессмысленными драками с завязанными глазами, унесшими жизни нескольких миллионов людей.

Они тщетно будут искать понимание и перспективу. Потому что никакой перспективы никогда не существовало.

Капитан отряда богомолов по имени Бэт, облаченная в космический костюм, сидела в командирском кресле и наблюдала, как мимо нее проплывает целый таанский флот. При этом она жалела о том, что на Вулкане ее не приобщили к вере в одного или нескольких богов, которым сейчас очень кстати было бы помолиться.

Император как в воду глядел. Он не сомневался, что настоящее нападение будет совершено на Дюрер, а Аль-Суфи станет самой обыкновенной приманкой. На роль главнокомандующего вооруженными силами империи он назначил маршала флота Яна Махони.

И все же... В мирную систему Дюрер с ее размеренным образом жизни, на протяжении многих веков спокойно дрейфовавшую в открытом пространстве, были доставлены какие-то развалюхи, отдаленно напоминающие таанские эскадренные миноносцы. Целая флотилия.

Как оказалось, это была именно она. Но было и такое, о чем таанцы не знали. Флотилия попала в засаду, устроенную имперскими боевыми кораблями, много месяцев назад, в совершенно другой системе. Все сигналы о помощи заглушались, так и не успев поступить ни на одну из таанских планет. Таанцы считали, что флотилия просто исчезла, возможно совершив что-то ужасно героическое.

Корпуса разбитых кораблей были отремонтированы, интерьеры очищены от обломков и останков членов экипажей ребятами с крепкими желудками. Затем эскадренные миноносцы как следует залатали, напичкали мощными двигателями, сверхчувствительными сенсорами, всевозможной аппаратурой и отвели за Дюрер.

Управляли этими кораблями ребята из отряда богомолов, которым было приказано сидеть и ждать.

Экипаж Бэт, так же как и другие экипажи, исправно выполнял свое задание, постреливая от скуки из орудий, недоумевая, зачем их заперли неизвестно куда для выполнения какой-то бессмысленной миссии. Рассматривая такое поведение как триумфальное бегство, богомоловцы поклялись главе своей секции, что сражаются не ради почестей и наград и готовы стоять насмерть, до победного конца. Их интересовал вопрос: почему на кораблях не установлены более сложные сенсоры, которыми управляли бы автоматы, а не люди?

Но главу подразделения богомолов обвинять было не в чем. Идея целиком и полностью принадлежала вечному императору и маршалу флота Яну Махони. Разумеется, корабли с чуткими сенсорами могли быть расставлены только на пути таанских флотов, предназначенных для проведения настоящей атаки. Но что произойдет, если неприятель обнаружит хотя бы один из этих сенсоров? Разве таанцы не могли предположить, что имперские войска будут их поджидать?

Император считал нелогичным сажать в эскадренные миноносцы каких-то бессловесных роботов. Ян Махони по этому поводу цинично заметил, что вряд ли хотя бы один солдат отряда богомолов позволит врагу захватить себя в плен и уж тем более оказаться подвергнутым депрограммированию, как обычная машина.

Истекая потом, проклиная все на свете, экипажи ждали. И вот наконец сенсоры заработали. Таанский флот, состоящий из гораздо большего количества кораблей, чем даже то, о котором узнала Бэт во время брифинга на высшем уровне, выплыл из космоса в сторону миноносцев, которыми она командовала.

Бэт моментально передала в штаб нужную информацию. Из бортовых иллюминаторов судна, на котором она находилась, открывался прекрасный вид, если это можно так назвать, на таанский военный флот. Оставалось лишь надеяться, что враг, в свою очередь, не удосужится провести расследование и выяснить — откуда вдруг здесь взялись корабли, которые они давно сбросили со счетов.

Вечный император находился на борту «Нормандии», своего личного командного корабля. Поскольку крейсер был оснащен самым передовым компьютерным оборудованием и самыми скоростными двигателями, ему не грозила опасность быть втянутым в сражение. В штаб боевых действий поступил приказ посылать на «Нормандию» подробные сводки всей информации, собираемой по ходу дела разведкой.

Император прекрасно понимал, что Махони скоро попадет в самую гущу боевых действий, и надеялся, что ему самому удастся, держась на расстоянии, все же прийти на помощь флоту, если Махони будет вынужден отойти от генеральной стратегии.

Император откровенно лгал всем, в том числе и самому себе, когда говорил, что не имеет никакого намерения вмешиваться в ход сражения. Он сделал все возможное для успешного исхода боевой операции.

Как сообщалось в предварительных докладах разведки, ничего не подозревающие таанцы довольно мило направились в самую западню. Впрочем, император был сильно удивлен, узнав, что вместо ожидаемых двенадцати наступательных флотов откуда ни возьмись появилось более двадцати.

«Я сотру их в порошок. Это начало конца. Или,— нашептывала вечная личность инженера Рашида,— по крайней мере, конец начала... Разрази меня гром! Возможно, это конец концов!»

Итак, император приготовился спасать Махони и... свою собственную «стряпню».

К сожалению, таанские корабли-роботы, предназначенные для перехвата и глушения радиоинформации, которой обменивались си-

стемы Аль-Суфи и Дюрер, вторглись в имперский периметр, и вечному императору пришлось, сидя в кабине, оборудованной по последнему слову техники и электроники специально для проведения анализа военных действий, вслушиваться и всматриваться в звуковые и визуальные помехи, перебивающие поток ложной информации о действиях на фронте как таанских, так и имперских вооруженных сил.

Сражение в Дюрере оказалось коротким для горстки имперских тактических кораблей и эскадренных миноносцев, в задачу которых входили сдерживание сил противника и защита системы. Из восьмидесяти девяти кораблей, ринувшихся навстречу атакующим таанским флотам, уцелело семь. Им было приказано остановить наступление врага, не допустить высадки их кораблей на планету и, наконец, приложить максимум усилий для нанесения силам противника как можно большего урона.

Сами того не ведая, они стали воинскими частями самоубийц. Корабли, приписанные к Дюреру и составлявшие атакующие звенья, не были ни последними достижениями инженерного искусства, ни устаревшими развалинами. В планы империи входило как можно дальше вводить противника в заблуждение относительно того, что система Дюрер не охраняется и не ожидает нападения.

Властитель без зазрения совести отдал распоряжения, прекрасно понимая, что посылает людей на верную смерть.

«Ценой за сохранение целостности империи» можно было бы назвать такие действия, если бы вечный император жил несколько тысячелетий назад, когда в ходу были подобные напыщенные и претенциозные выражения. Они предназначались для тупых обывателей, но никак не для правящей прослойки. Кровавая бойня, пусть даже на сей раз она была самой жестокой, происходила не в первый и, естественно, не в последний раз...

Расстановка тактических звеньев в системе Дюрер была отлично спланирована. Одна флотилия эскадренных миноносцев империи пошла на вторгшегося противника. Две другие флотилии зависли в межгалактическом пространстве над системой в ожидании, когда передовые части таанцев будут втянуты в сражение, после чего пикировали «вниз», в самую гущу врага. Почти одновременно с ними шесть звеньев тактических кораблей поднялись «снизу» и также устремились на неприятеля.

Каждому тактическому кораблю было приказано сбивать первую попавшуюся цель. Члены всех экипажей быстро подсчитали процентное соотношение сил, сообразили, что они приговорены, и постарались отдать свои жизни за предельно высокую цену.

Очень благородно.

К сожалению, такая благородная и вместе с тем безрассудная решимость срабатывала в очень редких случаях — в основном в иллюзофильмах.

Когда у врага полное численное превосходство, никакая тактика не могла подвести корабли имперцев к атакующим силам противника ближе чем на пушечный выстрел.

Отважная флотилия растворилась в шквальном огне снарядов, выпущенных из дальнобойных орудий постоянно прибывающих таанских крейсеров, не успев завязать бой.

Две флотилии, находившиеся над системой, бросились в самую гущу вражеских кораблей, чувствуя себя волками в овчарне — первые несколько секунд. У этих тридцати двух эскадренных миноносцев почти не было времени на выбор и корректировку целей. Едва несчастные атакующие успели произвести первые выстрелы, как тоже бесследно исчезли. Потери таанцев: уничтожено пять эскадренных миноносцев и пять вспомогательных судов; подбито два крейсера и два флагманских корабля.

На полусфере главного боевого штаба или на громадной проекции военного флота можно было увидеть усеянное обломками пространство вокруг системы Дюрер, сквозь которое предстояло незаметно просочиться маленьким смертоносным тактическим кораблям.

На экранах боевых штабов световые годы были разбиты на сантиметры. Реальность же оказалась таковой, что после разгрома кораблей Дюрера крутящиеся обломки разметало по Галактике примерно на двадцать световых лет. Экраны эскадренных миноносцев отражали совершенно другую картину. Рейдеры, пираты — как еще любили называть тактические корабли — не смогли уцелеть на поле брани. Возможно, таанцы ожидали атаки «снизу». Возможно, командиры такшипов проявили излишнее усердие и готовность сражаться до конца. Возможно, им просто не повезло. Никто никогда не узнает об этом. Все экипажи погибли.

Имперская пропаганда подняла большую шумиху вокруг этой обреченной атаки. Высшее руководство с барского плеча выделило несколько почетных наград героям — посмертно. Средства массовой информации обнародовали сведения о том, насколько эффективным оказался этот рейд, в результате которого два таанских линкора были уничтожены и один подбит; один крейсер уничтожен и два подбито; четыре эскадренных миноносца подбито.

Послевоенный анализ: один эскадренный миноносец взорван; один крейсер слегка поврежден.

Но к тому времени никто уже не хотел вообще вспоминать о войне, а тем более о том, сколько обреченных смельчаков погибло из стремления стать героями, вместо того чтобы добиться успеха.

Оригинальная стратегия леди Этего заключалась в следующем: один флот должен был бомбардировать систему Дюрер, второй — захватить ее, а третий — оставаться в резерве.

Имперское командование Дюрера предвидело нечто подобное. Начальники штабов, готовые к великому противостоянию, были сильно удивлены, когда таанские флоты ворвались в систему не с той стороны, где их поджидали.

Вероятно, они пришли в небольшое замешательство — по крайней мере, поначалу. В конце концов после того, как человек разогревает свою храбрость до критической отметки только затем, чтобы обнаружить бесполезность подобного куража, ему требуется время на осознание собственной глупости и восстановление нормального уровня адреналина в крови.

Но смятение продолжалось недолго, поскольку имперские офицеры Дюрера поняли, что уцелели и, скорее всего, останутся в живых еще какое-то время, что сражение состоялось без их участия и нужно просто постоянно быть начеку.

Возможно, именно поэтому так много мемуаров, посвященных битвам в Дюрере — Аль-Суфи, было создано имперскими военными, находившимися в системе Дюрер.

Они остались в живых и смогли их написать.

Лорд Ферле, стоя на капитанском мостике командного корабля, восхищался величием почти беспрепятственного вторжения первых четырех флотов в систему Дюрер. Впереди таанцев ждали богатые промышленные планеты, а затем и само сердце империи. Ради этого стоило идти на любые жертвы.

В который раз лорд Ферле подумал о необходимости участия надзирателя в любом важном деле.

«Каким бы воодушевленным и талантливым ни был человек, отвечающий за выполнение задания, над ним всегда должен стоять кто-то, кто мог бы сделать шаг назад, остаться в тени и контролировать ход событий, суметь вовремя определить, обречено это задание на успех или на поражение, действовать на благо общих интересов, не забывая при этом и себя. Леди Этего — прекрасный стратег,— размышлял лорд Ферле.— Но, спасибо нашей системе, всегда найдутся думающие люди, способные укротить пыл блестящих лидеров, те, которые могут указать: "Вот какое грандиозное решение вы просмотрели"».

Ферле блаженствовал, купаясь в волнах приятных мыслей, когда снаряд «Кали» разорвал его командное судно напополам.

Маршал флота Ян Махони вовсе не был удивлен, когда начиненные роботами таанские корабли перенесли его огромный коммуникационный экран в страну Тарабарию. Он ожидал, что нечто подобное должно было произойти.

Несмотря на хмурые взгляды и клятвенные заверения высококвалифицированных специалистов в надежности работы главного канала связи, Махони настоял на установлении целой серии линий — замкнутых и двусторонних,— соединенных с другими кораблями всех флотов, находившихся под его командованием. Сообщения, поступавшие с разных мест, ловились отдельными приемниками, к каждому из которых был приставлен свой техник, обученный докладывать, но не комментировать.

Судя по первому сообщению, поступившему с одного из кораблей, события развивались точно по задуманной схеме. Затем боевой штаб превратился в калейдоскоп. Все находящиеся в нем компьютеры снова и снова повторяли предыдущую информацию.

Махони отдал распоряжение отключить компьютеры связи и начал слушать доклады, поступавшие непосредственно с мест сражения.

Глупо было пытаться победить таким способом.

Таанцы вступили в бой, веря в свою непревзойденность по части обмана, но не позволяя себе переступать определенную черту во избежание промашки. Именно в этом заключалась самая главная их ошибка.

Впрочем, они допустили и множество других ошибок. Одна из наиболее значительных — не учтенная историками, поскольку явных героев не было,— заключалась в том, что таанцы слишком уж понадеялись на свои минные поля, заблаговременно обезвреженные имперскими «саперами».

Таанцы, в отличие от своего противника, на протяжении многих веков совершенствовали эти невзрачные предметы, таящиеся в засаде, пока что-нибудь не заставляло их взрываться. А поскольку им удалось создать мины, которые не только могли быть быстро разбросаны, но и благодаря прекрасной маскировке незаметно подкрадывались к вражеским объектам и уничтожали их по команде, они успокоились.

Несколькими годами раньше молодой командир тактического корабля по имени Стэн придумал способ направлять «умные» мины на их же хозяев. Таанцы, поглощенные массой других забот, так и не поняли этого. Стэн в обычном порядке послал военному руководству доклад о своем открытии. Но открытие, сделанное каким-то офицеришкой, было принято в штыки.

Таанцы щедро посеяли свои мины в космических полях между системами Аль-Суфи и Дюрер, рассчитывая на то, что они не только заблокируют неизбежную контратаку, но и сыграют предупредительную роль.

Имперские эскадренные миноносцы, что входили в состав флотов, притаившихся в пустоте между и за системами Аль-Суфи и Дю-

рер, давно заметили минеров, засевающих межгалактическое пространство, вычислили минные поля и обезвредили их все до одного. Результат был поразительным.

В представлении таанцев, имперские флоты возникли из ниоткуда. Тем не менее их боевые компьютеры быстро проанализировали ход наступления. Тактические корабли прикрывали атакующие вместе с противокорабельными крейсерами-убийцами, образуя передний заслон. За ними шли эскадренные миноносцы, а потом уже регулярные войска — боевые суда, крейсеры и вспомогательные тактические корабли.

Компьютеры выдавали правильную информацию, соответственно которой таанские адмиралы принимали решения.

И все же состав вооруженных сил империи оказался не таким, как они ожидали.

Махони отлично понимал, что недостаточно подготовлен для ведения широкомасштабных действий. Оставалось надеяться на какой-нибудь суперплан. Перед тем как покинуть Прайм-Уорлд, он провел небольшое исследование, желая выяснить, какие принципы брали за основу великие стратеги при составлении грандиозных проектов.

Картина получилась суровой и неутешительной. На счету даже таких маститых генералов, как Дариус, Филлип, фон Шлейффен, Гайяп, М'Кии и П'ра Т'онг, поражений было не меньше, чем побед. Махони, не причислявший себя к их категории, решил вести войну по собственному разумению — то есть незамысловато и непредсказуемо.

Тактические корабли прекрасно справились со своей задачей. Махони решил, что благодаря запланированной путанице, которую они должны были внести, у имперцев появится не только хороший шанс уцелеть, но и нанести кое-какой ущерб силам противника.

В действительности крейсеры были просто ненужным хламом, транспортными суденышками без экипажей, с фальшивыми электронными опознавательными знаками. На их бортах стояли только автоматические пусковые установки одноразового пользования, считавшиеся настолько примитивными, что применялись лишь в тех случаях, когда цель была предельно ясна и полностью совпадала с траекторией полета снаряда.

Миноносцы также были подставными. На них стояли имитаторы ракетоносителей «Кали» с расширенным радиусом действия. За ними шли настоящие асы.

Сражение началось. Крейсеры были быстро превращены в газообразное облако. Почувствовав свое превосходство, таанцы остервенело набросились на эскадренные миноносцы.

Высокомерные вояки обычно рассуждали так: нападающий всегда ведет себя в определенной манере. Когда опасный противник-саблист превращается в берсерка или гранатометчик — в камикадзе, требуется время на приспособление к его тактике.

Подобное приспособление стоило таанцам большинства прикрывающих миноносцев и привело боевые порядки трех флотов в хаотическое скопище.

Но это еще не было катастрофой. Адмирал П'райзер, автоматически принявший на себя командование сражением после прекращения связи с кораблем лорда Ферле, приказал трем введенным в заблуждение флотам открыть огонь, а находившимся за ними сгруппированным флотам прорываться вперед и вести наступление.

Стрела была выпущена и устремилась в полет.

Угрюмый лорд Ферле, облаченный в космический скафандр, хмурым взглядом следил за техниками, суетившимися в центре управления покалеченного командного корабля.

Ферле понимал, что может просто из принципа приказать любому из находившихся здесь людей вдыхать вакуум вместо кислорода. Или запрограммировать приказы флотам, которыми командовал... Ни одно из этих распоряжений не изменит ситуацию, в которую он попал; сражение вышло из-под контроля, он не получал никакой информации о происходящем.

Разбитый корабль лорда Ферле кружился в пустоте, вдали от фронта.

Мысль о том, что корабль, по всей вероятности, взорвется через несколько часов или исчезнет в межзвездном пространстве, занимала его сейчас больше всего.

Корабли леди Этего ворвались в систему Аль-Суфи, не встретив почти никакого сопротивления.

Шесть конвоируемых караванов транспортных судов, груженных АМ-2, были остановлены и уничтожены вместе с их эскортами.

Не отступая от приказов, леди Этего все же решила, что нападение на Аль-Суфи будет настолько стремительным и беспощадным, насколько ей это удастся.

Атакующие корабли несли смерть и разрушение планетам-хранилищам, оставляя за собой хаос и ад. После столь варварского налета восстанавливать разгромленные объекты придется многим поколениям аль-суфийцев.

Но в самый разгар триумфального наступления леди Этего вдруг поняла, что произошло.

Весь этот хаос и разрушение ей удалось произвести не потому, что она обладала блестящим умом, а потому, что система Аль-Суфи почти не была защищена. Успех леди Этего обусловливался тем, что

представители империи не строили никаких планов насчет ограждения системы от атаки таанцев.

Это могло означать только одно — ее грандиозный план, направленный против системы Дюрер, был раскрыт. Таанские флоты попали в ловушку.

Однако леди Этего это нисколько не смутило. Ни один человек, ни один таанец не обвинит в случившемся лорда Ферле и проклятых гражданских после оказанного им доверия. Леди Этего развернула и направила самые быстроходные боевые корабли в систему Дюрер, посылая сигналы тревоги на всех частотах.

Но к тому времени было уже слишком поздно.

Мужчину звали Масон. Все во внешности этого человека, от спецодежды боевика без всяких опознавательных нашивок до жуткого шрама, изуродовавшего лицо, говорило о том, что он был убийцей.

И Масон на самом деле был убийцей. После получения тяжелых ранений командир орденоносного тактического корабля был направлен на преподавательскую работу в летную школу — и, между прочим, стал там для Стэна посланником Немезиды. Из-за ранений Масон уже не мог лично управлять кораблем. Но война продвинула его по службе. Масону дали первую адмиральскую звездочку и назначили командующим эскадрой миноносцев быстрого реагирования.

Управлял он ею по тому же принципу, что и флотилией тактических кораблей. Члены экипажей миноносцев ненавидели его. Масон требовал от своих подчиненных полного повиновения, абсолютной преданности и вместе с тем инициативности. За ошибки, оплошности и даже малейшие недочеты солдаты часто попадали под трибунал.

Один из эскадренных миноносцев Масона захватил таанский корабль, который, как оказалось, был набит имперскими заключенными. Увидев, как обрадованные своим спасением бывшие военнопленные сплошным потоком хлынули через воздушный замок, один из масоновских приближенных заорал: «Убирайтесь прочь, придурки! Не знаете, куда попали? Я научу вас, как нужно себя вести!»

Масону позволили командовать эскадрой только по одной причине. Его кораблями было одержано больше побед, чем любым другим подобным подразделением любого имперского флота.

В данное время Масон вел миноносцы, сгруппированные в четыре формирования, в тыл таанских флотов.

Имперские флоты сидели в засаде за пределами Дюрера, получив приказание начинать атаку только после того, как таанцы будут вовлечены в сражение.

Врага ждал сюрприз. Этим сюрпризом был состав вооруженных сил империи. Верфи Сулламоры, расположенные в Каиренсе и яко-

бы находившиеся на грани катастрофы из-за проблем с рабочими, сослужили хорошую службу. Император ожидал прибытия двенадцати совершенно новых кораблей.

Но, превзойдя все его ожидания, таанцев атаковали сразу тридцать боевых кораблей, оснащенных сверхмощными двигателями и современнейшими орудийными установками.

Началось кровопролитие.

Даже если бы информацию о ходе сражения передавал какой-нибудь радиоприемник, работающий на всех волнах, путаница была бы неимоверной.

— Самсон, Самсон... вижу цель... докладываю о повреждениях... прибывающий замечен... шесть таанских кораблей выведены из строя и... Стреляй, чертов ублюдок!.. Самсон, вы меня слышите?.. Эскадры, боевая готовность... Сменить орбиту. Восьмой, вас понял... запуск из... Самсон, говорит Уитвей. До вас доходят сигналы этой станции?.. Трансляция по всем каналам... Боевые соединения Нострenda, передислоцируйтесь в сектор один за тридцатым... (пронзительный крик)... Аллах дает нам силу... Самсон, Самсон... Вы видели, как этот взмыл вверх?.. Всем эскадрам... Самсон, Самсон... вы слышите?..

А вот что передавали четыре станции, настроенные на контрастное сопоставление.

Флоту маршала Яна Махони:

— Сектор один, Сектор один, говорит Свобода-Семь. Стрелять больше не в кого.

Леди Этего:

— Появились неизвестные соединения... говорит таанский боевой корабль «Х'рама». Поступило подкрепление. Вам нельзя дольше оставаться на прежней орбите. Просьба оказать содействие...

Лорду Ферле — не получено:

— Командующий... Командующий... говорит Л'ризер. Операция «Удар в сердце» отменяется. Задействован план «В'мон». Всем кораблям, всем соединениям. Начинайте отступление. По возможности поддержите преследуемые формирования.

Совершенно секретная шифрограмма маршала флота Яна Махони вечному императору:

— Силы таанцев на исходе. Повторяю, враг прижат. Вопрос — что подавать к столу? Второй вопрос — какое вино?

Хотя поэтапные экзекуции казались беспорядочными из-за названий, можно было сделать несколько абсолютно очевидных выводов относительно сражений Дюрер — Аль-Суфи.

Таанцы были повержены. Их главное наступление, целью которого являлось одержание победы в войне, было приостановлено и

отбито. Почти полный разгром лучших таанских соединений означал, что пройдут многие годы, прежде чем таанцы оправятся от поражения и смогут подготовить другое подобное наступление.

Император надеялся — и, надо сказать, не без оснований — на то, что эти выводы так же очевидны и для врага.

Это могло быть началом конца Таанской империи — но для достижения полной победы придется все же пройти длительный, кровопролитный и, конечно, непредсказуемый путь.

Император не мог позволить себе допускать новые ошибки.

Книга третья

«Кобо-иси»

Глава 28

Таанская империя оправлялась от тяжелого потрясения, постигшего ее в системе Дюрер, как человек, которого со всего маху ударили в живот бейсбольной битой. Она перегнулась пополам, жадно хватая воздух широко раскрытым ртом, остро ощущая недостаток кислорода в легких. Кровь стучала в ее висках, как молот по наковальне, давила на барабанные перепонки. Империя напоминала человека, которому угрожает кровоизлияние в мозг.

Она была загнана в угол и оставалась там долгое время после знаменательного события, о котором по прошествии многих тысячелетий даже нерадивые студенты будут говорить: «То был переломный момент в истории Вселенной. Настало время, когда необходимо было пересмотреть приоритеты, выработать другую стратегию, сочинить новые сценарии». Потому что, как сказал когда-то один древний философ: «Дело не сделано, если оно не закончено». Или, как любил выражаться вечный император, позаимствовав изречение у своего любимого политического деятеля: «Победа — это еще не все. Но поражение — это даже не кое-что».

О сражениях в Дюрере — Аль-Суфи в Таанской империи постарались забыть сразу же после их окончания как о неприятном факте. Но война продолжалась. И это был еще один неприятный факт, который таанцы чувствовали всем своим нутром. Хитрость заключалась в том, чтобы заставить мозг понять то, что ощущали внутренности, без вспарывания живота и вываливания кишок наружу.

Они ушли в себя, обострили все инстинкты в поисках ошибок, выявлении вины. Они обратились к духовности, желая черпать из нее силу и вдохновение, но встретили сопротивление со стороны полярных культур: северной, на которой поражение никак не отразилось, и южной, представители которой контролировали каждую грань жизни таанцев, отшлифовывали ее в соответствии с волей правительства,

ненавидели и принимали в штыки все нетаанское. У таанцев не было великих лидеров вроде Шеклетона или Перри. Один только лорд Ферле — человек, возглавивший второе в истории империи грандиозное поражение.

Ферле не был трусом. Он не совершил ритуального самоубийства после поражения. Вместо этого он вернулся на Хиз, уверенный в том, что его лишат всех титулов и наград, казнят, а имя предадут забвению. Если народ захочет выплеснуть свой гнев и поглумиться над его еще не остывшим телом, то так тому и быть.

Однако вопреки своим ожиданиям лорд Ферле снова стал появляться на экранах во время трансляции новостей в окружении членов Верховного совета — в почетной должности генерал-губернатора недавно завоеванной таанцами территории. Эта метаморфоза с повышенным интересом отмечалась каждым грамотным таанским обозревателем, знавшим о сражении при Дюрере. Вечный император — самый сведущий человек в области политики — здорово рассердился, просматривая отснятые на пленку материалы о неожиданном возрождении таанского лорда. Он никак не ожидал, что Ферле уцелеет.

Узнав о том, что лорд Ферле лично возглавлял военную экспедицию, император подумал: «Крушение политической карьеры этого человека будет дополнительной наградой за уничтоженные корабли и разорванные на куски тела имперцев». Возобновление активной политической деятельности лорда Ферле было лишним поводом поторопить события, и вечный император приложил для этого все усилия.

Весть о намерении императора обрушить на таанцев поток правдивой информации ужасно напугала их правителей, всячески пытавшихся скрыть факт поражения в системе Дюрер. Даже старый циник Пэстор понял, что время для политических разборок совсем неподходящее. Когда он узнал о готовящейся акции, его стошнило. Вытерев губы, Пэстор побежал на внеочередное заседание Верховного совета, полный решимости удержать своих коллег от снятия с поста лорда Ферле, прекрасно понимая, что после этого начнется драка между бюрократами за пост главы совета.

Даже в лучшие времена при выборе лидера часто возникали конфликтные ситуации, поскольку в правительстве существовало слишком много клик и фракций. В настоящее время единство мнений было особенно необходимо — оно могло сплотить руководство наподобие обручей, коими бондарь скрепляет огромную бочку, если содержимое ее превышает допустимый уровень.

Пэстор отлично понимал, что лучшая кандидатура на роль лидера — леди Этего, хотя сильно ее недолюбливал. Когда наступит день смещения с поста лорда Ферле, она останется единственным рыцарем в белых доспехах. События, произошедшие в системе Дюрер,

очернили репутацию лорда Ферле, чего нельзя было сказать о леди Этего.

Для сохранения единства нации таанцам нужны были герои — так же как древним персам нужен был миф о Джемчииде. Пэстор появился на заседании, вооруженный всеми известными ему политическими и дипломатическими уловками.

Как ни странно, его усилия не встретили большого противоборства со стороны членов совета. Поскольку все они не хуже Пэстора понимали серьезность положения, им не требовалось объяснять, что война с империей будет проиграна сразу же, как только новость о поражении таанцев в системе Дюрер станет общеизвестной. Первый же указ, изданный Верховным советом, был направлен против всех, от кого могла исходить информация подобного рода.

В обществе, где любые сведения не только контролировались, но и нормировались, приказы выполнялись безоговорочно. Огромное количество средств, сил и энергии было затрачено на выполнение этого указа. Он, словно кляп, заткнул рот как журналистам, так и очевидцам событий. Ученым, желавшим разобраться в сложившейся ситуации, следовало обратиться за наглядными примерами к истории человечества, омытой волнами штурмовых сражений — таких, как битва при Фермопилах, наступление русских летом 1943 года, события в Айяпу или имперская катастрофа в Сарагосе во время Муэллеровских войн.

Взорванные корабли были вычеркнуты из всех списков и регистрационных журналов. Выживших в сражениях людей уничтожали или сажали в тюрьмы — так же как их друзей и семьи погибших и раненых. Снабженцы и военные, находившиеся за линиями фронта, «по неизвестным причинам» были сосланы в дальние пустынные регионы. Даже к старшим должностным лицам по ночам вваливались сотрудники службы безопасности и допрашивали, выведывая любую компрометирующую информацию о сражении при Дюрере. Затем допрашивали самих допрашивавших. Репрессии продолжались довольно долго, пока таанская бюрократическая система не вычистила и не запломбировала все дырки.

Таанцы даже задействовали разрушительную программу «Манхэттен» для усовершенствования и усиления самой великой подавляющей системы в истории Вселенной. Но, несмотря ни на что, она дала течь, когда вечный император включил машину пропаганды на всю катушку.

Беспрецедентные усилия таанской верхушки вызвать провалы памяти у своего народа сталкивались с не менее беспрецедентными усилиями императора их устранить. Пользуясь явным преимуществом, император правой рукой направлял армию и флот в вакуум,

оставленный таанцами, а левой рукой дирижировал мощной машиной пропаганды. Эквиваленты маленьких солнц он превратил в радиомаяки, возвещавшие на все галактики о великом поражении Таанского союза.

Информация, обрушенная императором на Вселенную, напоминала вторжение огромного войска, состоявшего из тысячи кораблей и миллионов солдат. И с чем большим упорством император усиливал мощность звука, тем с большим отчаянием таанцы пытались его заглушить. Император загнал таанцев в тупик.

Мрачное уныние охватило всех членов Верховного совета — от высокопоставленных чиновников до ничтожных клерков. Никто точно не знал, что произошло, но каждый дрожал за свою шкуру. Ни одно простейшее решение не принималось без одобрения начальства. По сути дела, такое поведение было осмотрительным и мудрым, поскольку малейшее отклонение вправо или влево могло расстроить или подвести начальника, боявшегося неожиданных последствий не меньше, чем его подчиненные.

В довершение ко всему в Таанской империи стал наблюдаться резкий спад производства во всех областях народного хозяйства, что привело к острой нехватке различных продуктов. Полки магазинов, не славившиеся большим ассортиментом товаров даже в лучшие времена, и вовсе опустели после событий в системе Дюрер. Что же касается АМ-2, оно выделялось только для военных нужд, да и то в очень ограниченных количествах. Получателей строго регистрировали, чтобы в случае ошибки было на кого свалить вину.

Да, таанцы поостыли и ушли в себя после Дюрера. И официальная политика вечного императора заключалась в том, чтобы тыкать их мордой в дерьмо до тех пор, пока «кичливые лозунги не застрянут у них в глотках».

Глава 29

Сердце полицейского майора Генриха учащенно забилось, когда он услышал крики охотников из-за деревьев. Добычу выследили. Майор шепотом помолился за то, чтобы тревога не оказалась ложной. С тех самых пор, как был совершен побег, Генрих и его люди обшаривали окрестности вдоль дорог, реагируя на малейшие шорохи, в надежде напасть на след наглецов.

Обычно соблюдение полной секретности в любом деле было второй натурой Генриха. Но сейчас он и другие члены группы охотников попали в довольно щекотливую ситуацию. Провал памяти означал запрет на опрос местного населения для выявления маршрута передвижения беглецов. А без широкомасштабных поисков весьма трудно выследить добычу, окружить ее и расстрелять из автоматов.

Несколько раз удача улыбнулась охотникам, но этого было недостаточно.

Майору нравилась только одна часть полученного приказа: каждый найденный заключенный должен быть убит на месте. Беглецов не следовало допрашивать; достаточно просто приставить к затылку ствол крупнокалиберного автомата и нажать на курок. То, что этот расстрел исключал возможность выпытать у беглеца, где находятся остальные, Генриха вовсе не интересовало. Он был из тех людей, которые довольствуются малым.

Крики поисковой группы усилились. Майор затаил дыхание и покрепче сжал автомат. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться, на месте ли его люди. Генрих чувствовал, как нарастающее напряжение заставляет их сплачиваться вокруг него все теснее. Впрочем, он был готов и к разочарованию.

После проникновения в лес шансы добычи увеличивались, потому что теперь за нее можно было запросто принять гонимую страхом фермерскую скотину. Тогда в качестве компенсации за неоправдавшиеся надежды охотникам останется только изрешетить животное пулями, превратив в кровавое месиво.

Увидев, как зашевелилась листва одного из деревьев, Генрих сбросил с плеча автомат. Другие солдаты, окружавшие его, сделали то же самое. Донесшийся до них звук был похож на треск сухой сломанной ветки. Там! Вон там!

Две фигуры отделились от деревьев, постояли в нерешительности, а затем, спотыкаясь, бросились бежать через опушку леса.

Генрих мгновенно определил, что они были: а) людьми; б) один — высоким, другой — низким; в) заключенными. Он первым нажал на спусковой крючок, после чего поднялся адский грохот — его люди тоже открыли пальбу.

Огонь настиг заключенных в пяти-шести шагах от деревьев. Они рухнули на землю как подкошенные и покатились по траве. Стрельба прекратилась, гулкое эхо сменилось тишиной, а затем беспорядочным «тра-та-та-та» контрольных автоматных очередей. Распластанные на земле тела судорожно подергивались.

Раздалось клацанье перезаряжаемых магазинов. Генрих и его люди поднялись на ноги и подбежали к великану в белом, залитом кровью мундире. Генрих чуть не потерял ботинок, увязнув в луже крови, образовавшейся в траве возле первого тела. Мужчина был огромен. Генрих пнул труп ногой, перевернув его на спину. Черты лица были искажены, но узнаваемы — Ибн Бакр. Вторым трупом оказалась Элис.

Генрих развернулся, чтобы поздравить группу убийц. Его взору предстали сияющие лица с робкими, почти детскими улыбками на губах. Лишь у одного человека выражение лица по-прежнему оставалось хмурым.

Ло Прек посмотрел на Ибн Бакра и выругался в сердцах, сетуя на то, что лежавший у его ног человек оказался не тем, кого он так жаждал увидеть. Стэн опять выскользнул из его сетей.

Вирунга сидел на очень неудобном металлическом стуле с перекладинами. Суставы его покалеченных ног так сильно ныли, словно он сидел в приемной уже несколько дней. Хотя, судя по шаркающим шагам заключенных и звукам, доносившимся со двора, Вирунга понял, что прошло не больше четырех часов. Слишком много лет он провел в таанских тюрьмах, чтобы не догадываться, какую игру затевал Держин. Ожидание было обычным предварительным процессом. И все же знание правил не упрощало игры.

С того самого момента, как Вирунгу вызвали, от его прежней самоуверенности не осталось и следа. «Нужно ли готовиться к пыткам? Ведь меня и раньше пытали. Старайся не думать об этом. Я не могу. Пожалуйста, я не вынесу этого. Заткнись! Ты должен! — В душе Вирунга шла внутренняя борьба.— Пораскинь мозгами».

Ему еще ни разу не доводилось оставаться один на один с Авренти, экспертом Держина по грязной работе. Но он уважал этого человека. «Думаю, Авренти лучше Держина... Черт! Опять путаешь понятия. Замени слово "думаю" на "знаю". Да. Так-то лучше. Должно открыться второе дыхание. Будь хитрее, придумай какую-нибудь уловку. У тебя есть вопросы, Вирунга. Задай их. Заставь таанцев отвечать. Не давай им времени опомниться. Забросай вопросами. Вопросами типа... Почему репрессии неожиданно прекратились?»

При составлении плана Стэн и Вирунга учли возможность репрессий. Первой реакцией таанцев на побег будет гнев, который они выплеснут на заключенных. Начнутся избиения, урезание пайков, выявление людей, принимавших непосредственное участие в подготовке к побегу. Появятся жертвы. Этого никак нельзя избежать. Начнется травля козлов отпущения — беспечных охранников, офицеров, верность и преданность которых окажутся под сомнением. Тюремное начальство станет и более осторожным, поняв, что во всем могут обвинить его. Многим придется задуматься над своей карьерой, когда возникнет угроза кризиса. Слухи о побеге дойдут до политиков, и они забросают Колдиез тухлыми яйцами.

Стэн и Вирунга решили перестраховаться: подтасовать колоду, подбросив в нее пятого туза. Пятым тузом был «Золотой Червь», которого Сент-Клер внедрила в компьютер Колдиеза.

Это был вирус, день и ночь дурачившийся цифрами и данными. Дроби становились целыми числами, минус менялся на плюс. В результате — вуаля! Колдиез гордится высокими показателями и достижениями, о которых не мечтал даже самый оптимистичный таанец. У Держина будет абсолютное подтверждение того, что экс-

перимент с лагерем для военнопленных удался на славу. Слишком длинным стал список неудач и поражений Таанского союза, чтобы игнорировать такой блестящий успех.

У вируса была и вторая функция. С течением времени он пожирал ключевые зоны памяти компьютера. Вскоре ни один таанец не сможет догадаться, насколько реальная действительность будет отличаться от компьютерных характеристик.

Первая волна репрессий прокатилась по лагерю сразу же, как только охранники узнали о внезапном исчезновении военнопленных. Начались допросы, избиения, несколько человек были убиты. Но таанцы так и не смогли выведать секрет катакомб и туннеля, ведущего к скале за стенами лагеря.

И вдруг допросы неожиданно прекратились — так же быстро, как и начались. Заключенных перестали держать в черном теле и пристально следить за ними.

Это было очень кстати. Вирунга собирался вынести оружие, которое он и Стэн нашли в одном из помещений подвалов. Такая акция была равносильна самоубийству, но провести ее было крайне необходимо.

Головорезы Вирунга докладывали ему о привычках и образе жизни лагерного начальства. Офицеры вели тайные переговоры с другими, «безликими» таанцами по компьютерным линиям связи. Вирунга чувствовал, что назревает какой-то кризис. Враг вел себя оживленно и встревоженно.

И вдруг, в тот самый момент, когда Вирунга ожидал прорыва гнойника, обстановка в лагере резко переменилась. Буквально всех — от тюремных надзирателей и охранников до высокого начальства — охватило уныние.

Заключенные были очень удивлены потерей к себе интереса. Создавалось впечатление, что к ним стали относиться с большим уважением и осторожностью. Вирунга был уверен — что-то произошло, какое-то важное событие, о котором он прочтет в исторических книгах,— если, конечно, доживет до того времени, когда окажется на свободе. Но никто не имел ни малейшего представления о случившемся. Особенно таанцы.

Вирунга насторожился, когда двери кабинета коменданта отворились. Охранник с бесстрастным лицом подал знак двум своим приятелям, стоявшим по обеим сторонам от заключенного. Вирунга отбросил в сторону раздражение и досаду и с трудом поднялся со стула, хрустя суставами. Выбрав удобную позу, он выставил вперед костыли и оперся на них своим грузным телом. Из уважения к предводителю заключенных охранники расступились.

Атмосфера в комнате была натянуто-спокойной. Авренти сидел в кресле в углу, делая вид, что просматривает какие-то бумаги. Ко-

мендант Держин стоял у окна, спиной к Вирунге, и смотрел вдаль рассеянным взглядом.

Вирунга остановился в самом центре комнаты. Он не оглядывался по сторонам в поисках стула, на который так кстати было бы взгромоздить покалеченное тело. Он просто стоял посреди кабинета, опираясь на костыли, терпеливо и молча дожидаясь начала игры.

Прошло довольно много времени, прежде чем Держин оторвал взгляд от окна и развернулся. Казалось, он только сейчас узнал о присутствии Вирунги.

— А, это вы, полковник. Спасибо, что пришли.

Вирунга не доставил ему удовольствия своим ответом. Но Держин вроде бы даже не заметил этого. Он подошел к письменному столу и сел за него. Взяв в руку какую-то фотографию, Держин внимательно посмотрел на нее и положил на место, забарабанив пальцами по столу, словно пытался вспомнить, зачем вызывал Вирунгу.

— У меня есть информация о... э-э... как бы поточнее выразиться... о пропавших членах вашей команды.

Вирунга оторопел. Редкая шерсть на его спине встала дыбом, словно по позвоночнику прогулялся ледяной арктический ветер.

— Да? — Вирунга боялся задать лишний вопрос.

— Простите, полковник, но я вынужден сообщить печальную новость. С вашей точки зрения, конечно. Их поймали. Всех до единого.

Вирунга с облегчением вздохнул. Какой бы грустной новость ни была, она вносила какую-то определенность. Что ж, поймали так поймали. Теперь нужно проследить, чтобы о них позаботились, подлечили в случае необходимости.

— Я... хочу... их видеть. Удостовериться... что с ними... обращаются в соответствии... с законами... военного времени.

Краем глаза Вирунга заметил, что Авренти ухмыльнулся.

— Боюсь, это невозможно, полковник,— сказал Держин.

— Вы... отказываете?

— Нет. Я не так суров. Просто... по правде говоря, смотреть почти не на что. Все они мертвы.

Вирунга стал тяжело дышать. Его двойное сердце громко заколотилось. В ушах зазвенело от резко подскочившего давления.

— Что? Мертвы? Как могло?..

Со двора донеслись крики. Шум постепенно усиливался, перерастая во взрыв паники и гнева. Держин улыбнулся Вирунге и жестом руки пригласил подойти к окну. Вирунга подался вперед всем корпусом, тяжело опираясь на костыли.

Вначале он увидел толпу заключенных, собравшихся вокруг чего-то находившегося в центре двора. Затем рассмотрел старую плоскодонную телегу, запряженную парой лошадей. В телеге сидели таанские охранники. И майор Генрих.

Они что-то выгружали — стаскивали мокрые рогожные мешки, вываливая их содержимое на каменные плиты.

Вирунга увидел, что разгружают охранники. Руки... ноги... и головы.

Расчлененные тела Ибн Бакра и Элис.

Глава 30

Четвинд, бывший разбойник, гроза космических и океанских портов, предводитель рабочего движения, осужденный преступник, политический заключенный, а ныне человек, являющийся не то отпущенным на поруки уголовником, не то помилованным охранником Колдиеза, обдумывал ряд вопросов, бульдозером прокладывая себе путь через пристань к бару, чувствуя острую необходимость в заслуженной порции двойного квилла.

Из напористого и дерзкого юноши, всегда бывшего в курсе событий — за что и угодил на планету-тюрьму,— Четвинд со временем превратился в зрелого, опытного и по-прежнему напористого мужчину, который не был в курсе событий.

Нельзя сказать, чтобы произошедшие в характере Четвинда перемены сильно отразились на его поведении. Он понимал, что после массового побега заключенных в Колдиезе начнутся судебные разборки и справедливое возмездие. Держина снимут с должности начальника лагеря, Авренти отправят в штрафной батальон, Генриха поставят во главе тюрьмы, после чего будут установлены драконовские методы управления.

Четвинд уже составил некоторое представление о своем следующем назначении. «Только бы не выслали обратно к гурионам»,— думал он.

Но ничего не произошло. Во всяком случае, не произошло ничего особенного. Более важным фактом, чем исчезновение военнопленных, было то, что в Колдиезе почти ничего не изменилось. Люди продолжали выполнять свои обязанности, никаких новшеств введено не было.

Четвинд ужасно сокрушался по поводу растраченных кредиток, посылая проклятия на голову «навозного жука» Генриха за то, что ему приходилось снабжать алкоголем эту «бездонную бочку, чтобы умилостивить паршивца, когда дракх ударял ему в голову».

Другой вопрос, не дававший Четвинду покоя, заключался в следующем: что же случилось с его «горячо любимым» заключенным Стэном, скрывшимся в неизвестном направлении? Может, он уже парит где-то в космической дали?

Когда Четвинд говорил Стэну о том, что таанцам нужна будет быстрая и полная победа, он просто высказывал вслух свои соображения. Лишь позже Четвинд узнал, что оказался прав.

Где-то там далеко что-то — и Четвинд не ведал, где и что,— случилось. Что-то, чему таанцы не были рады.

Четвинд лишился прежнего своего окружения, когда его осудили и сослали на планету-тюрьму, но не лишился контактов. У него осталось много друзей в разных местах. Друзей... приятелей... врагов... людей, знавших его с пеленок. Репутация и шаблоны не имели значения — люди, с детства находившиеся в конфликте с правоохранительными органами Хиза, заключали пожизненный союз — «Мы против Них». По крайней мере, до тех пор, пока это выгодно.

Хиз внезапно превратился в перевалочную базу каких-то странных грузов — материалов, инструментов, корабельного оснащения,— поставляемых в некую систему Эрибус, о которой прежде никто слыхом не слыхивал; медперсонал, оборудование и лекарства отправлялись на другие планеты, где находились таанские госпитали.

Четвинд разумно рассудил, что империя обошлась с таанцами не слишком любезно. Это была еще одна карта, которую Четвинд пока не знал, как разыграть.

Он остановился прямо у входа в «Кааг», самый популярный бар Хиза, считавшийся нелегальным, аморальным, который охранникам Колдиеза посещать запрещалось. В баре всегда было полно старых дружков Четвинда.

Четвинд изобразил на лице маску бравого лидера и вошел в бар. Он угостил выпивкой всех своих приятелей. Отпил глоток из собственной рюмки — для куража. И устроил «прием при дворе»: отпускал комплименты, сыпал остротами или хмурился и отказывал в «королевских милостях». После ритуального вступления Четвинд рассказал свежий анекдот:

— Один тип наконец-то получает извещение — после прохождения всех инстанций его внесли в списки. Скоро он станет владельцем гравитолета. Ну и спрашивает продавца: когда, мол? Пора бы уже и получить аппарат. Он ведь заплатил за него шесть лет назад.

А хренов продавец говорит, чтобы он приходил через четыре года.

Тип спрашивает, когда именно — утром или вечером. Продавец говорит: «Мистер, выдача состоится через четыре года. Какая вам разница, будет это утро или вечер?» А тип отвечает: «Да утром ко мне ремонтник приходит...»

Пока все покатывались со смеху, Четвинд допил остатки вина и жестом приказал официанту налить еще. «Аудиенция» окончилась. Дружки Четвинда разбрелись кто куда, оставив его наедине со своими мыслями.

Четвинд уже погрузился в обдумывание мучивших его вопросов, как вдруг два разгоряченных, вонявших дракхом портовых скопера ввалились в его кабинку. Четвинд нахмурился.

Алекс мило улыбнулся.

— Не жмоться, парень, угости старых друзей живительной влагой. Может ведь наступить день, когда ты пожалеешь о своем негостеприимстве.

Стэн подал знак официанту.

— Как насчет того, чтобы раскошелиться на графин вина, Чет? Бокальчик и тебе не повредит.

Четвинду и вправду не мешало выпить.

— Я думал, вы побежали в лес,— выдавил он, гордый тем, что не задал стандартных вопросов и не поторопился с шаблонными ответами.

— Уж не знаю, как другие,— туманно ответил Стэн,— а я парень городской. Боюсь темноты. Мало ли кто может прятаться в кустах.

— Сюда регулярно заглядывают придирчивые патрульные,— предупредил Четвинд.

— А разве это проблема? — спросил Килгур.— Мы ведь сидим за одним столом с уважаемым человеком, нашим другом. Он нас не выдаст.

Четвинд был сражен наповал. Он мог только свистнуть, и двое беглецов были бы тут же схвачены. Наверное, ему даже дали бы за это какую-нибудь награду. «Хотя,— подумал Четвинд,— раз уж даже начальство говорит, что все эти недоноски были расстреляны при попытке к бегству, зачем мне высовываться? Как я объясню своим хозяевам внезапное воскрешение из мертвых двух имперцев?»

— Кроме того,— сказал Стэн, будто читая мысли Четвинда,— мои и Алекса мозги будут подвергнуты сканированию, а мы оба по пять раз на дню вспоминаем твою доброту и как сильно мы тебя любим.

Четвинд этому не верил — он не мог себе представить, чтобы кто-нибудь, даже эти два явно смышленых типа, представители имперской разведки, могли настроить свои мозги для преподнесения ложной информации таанским палачам.

Впрочем, чем черт не шутит. В случае чего таанцы его не пощадят.

— Ну что ж, ребята, отлично. Советую только привести себя в порядок. Вы оба воняете. Но сначала скажите — что вам нужно?

Стэн объяснил. После побега из тюрьмы они прятались в развалинах старых домов города. Им нужны были настоящие документы. Они хотели стать гражданами Хиза. Стэн разумно рассудил: источник рабочей силы планеты иссяк, таанцы производили набор из числа юношей, нетрудоспособных людей, уголовников и диссидентов. Все из перечисленных были друзьями Четвинда.

Стэн и Алекс решили выдать себя за каких-нибудь двоих четвиндовских приятелей и вступить добровольцами в таанскую армию. Кому придет в голову искать беглых имперцев в действующей армии?

А дружки Четвинда смогут и дальше преспокойно заниматься своими делами.

— Тебе не составит особого труда подыскать им другие имена,— добавил Алекс.

Поскольку Стэн и Алекс были людьми военными, они с легкостью пройдут армейскую подготовку и вызовутся на выполнение какого-нибудь боевого задания, а затем пересекут границу — наземную или пространственную — и окажутся дома.

На этом месте Четвинд стал издавать булькающие звуки. Стэн подумал, что таанец хочет ему возразить, но затем понял, что тот попросту смеется.

— Ах, ребята, ребята,— проговорил наконец Четвинд.— Теперь мне ясно, почему вам, имперцам, так везет в этой войне.

Четвинд встал и замахал руками; в ту же секунду в руке Стэна появился нож. Два официанта подскочили к Четвинду.

— Обслужите моих друзей, по первому разряду! Им нужна тихая комната с ванной. Двумя ваннами. Отдельными. Определите их в один из моих личных номеров. Принесите любую выпивку, какую они только пожелают. И пошлите кого-нибудь, кто потер бы им спины.— Четвинд развернулся лицом к Стэну и Алексу.— Женщины подойдут?

Возражений не было.

— Только чистых женщин. А сейчас подайте еще один графин вина.

Четвинд снова сел. Теперь у него были ответы почти на все вопросы, он знал, что делать дальше.

— Вы хотите, чтобы я исполнил ваше пожелание, питая слабую надежду, что двум несчастным сироткам удастся добраться до дому? Да будет вам известно, что ни одному из моих людей не угрожает участие в этой войне, потому что они считают ее отвратительной. Вы хуже ничего не могли придумать?.. Поправка. Еще хуже для вас, болванов, было бы снова попасть в тюрьму. Хотите, я подскажу вам, что нужно делать? Под этой адской дырой есть подвал. Вы исчезнете в нем. Там вы будете сыты, одеты, обуты, вооружены. Окрепнете хорошенько. Короче, посидите какое-то время в подземелье. По моему приказу вас незаметно проведут улицами города в условленное место, где вы познакомитесь с очаровательным человеком по имени Вайлд. Ен Вайлд.

Четвинд очень удивился, когда сначала Стэн, а затем и Алекс начали смеяться. Учтивого контрабандиста с изысканными манерами по имени Ен Вайлд они завербовали задолго до начала войны. Стэн обещал Вайлду не вмешиваться в его операцию с условием, что Вайлд не будет поставлять оружие и иные военные материалы в Таанские миры и в случае необходимости будет оказывать содействие развед-

ке. С началом войны главная база Вайлда, находившаяся на планете Ромни, была разрушена.

Он и его люди наверняка засиделись без дела. Впрочем, это вполне объяснимо — магазины пусты, а от товарных складов не осталось камня на камне.

— Мы его знаем,— сказал Стэн.— Продолжай.

Четвинд умерил свой пыл, надменные интонации исчезли из его голоса. Вайлд вывезет их из Таанских миров и доставит на нейтральную планету. Им выдадут документы и деньги, чтобы они могли добраться до какого-нибудь форпоста империи.

— Хочу добавить,— прервал его Стэн.— Поскольку ты принимаешь непосредственное участие в этом деле, думаю, тебе не помешает иметь документальное подтверждение этого, чтобы после высадки имперских кораблей на Хиз тебя не засадили в мою старую камеру в Колдиезе.

— Конечно.

Четвинду не дано было понять, как много смысла вкладывал в эти слова человек, проведший в заточении годы и постоянно слышавший о поражении и смерти.

Глава 31

Танз Сулламора задумал проводить отдых за рыбной ловлей еще в то время, когда не только верил в героев, но и считал вечного императора душой любой увеселительной компании красивых дьяволов. Во всем подражая властителю, Сулламора не хотел ему ни в чем уступать. Император любил готовить, поэтому Сулламора раболепно копировал его рецепты и выставлял приготовленные по ним блюда на банкетах, которые закатывал для своих друзей. Впрочем, все они по вкусу напоминали дракх — о чем Сулламора, не будучи гурманом, не знал, а друзья не осмеливались сказать об этом богатому и могущественному бизнесмену.

Затем Сулламора увлекся рыбалкой. Император любил рыбачить по той причине, что на протяжении более трехсот лет затрачивал неимоверные усилия и колоссальные средства на восстановление рыбацких поселений в древнем регионе Орегон на планете Земля. Сулламора построил свой собственный лагерь — гораздо меньших размеров, чем императорский,— на много километров выше по течению реки от лагеря императора. Сулламора ударился в рыбную ловлю с огромным энтузиазмом и без всякого к тому таланта.

Несколько лет подряд он праздновал окончание любой трудной сделки, выезжая — с большой помпой — на природу, чтобы расслабиться и пожить спокойной жизнью. Пробыв какое-то время на лоне природы, он возвращался, хвастаясь всем и каждому, как чудесно

отдохнул, уверяя собеседников в том, что человек не может познать собственную натуру до конца, пока не сразится с хитрющим лососем, пытающимся сорваться с крючка.

Однако Сулламора не признавался никому, в том числе и самому себе, в том, что ненавидит все, связанное с рыбалкой. В первый же свой приезд в Орегон он нанял рыболовов, которые удили для него рыбу, а во второй раз даже отказывался есть уловы, скармливая их слугам.

Но не только рыбалка угнетала Сулламору. Он сходил с ума от тишины орегонских лесов. Он ненавидел каждую минуту подобного отдыха, сперва соорудив в лагере, по примеру императора, лишь несколько грубо сколоченных строений, сливавшихся с окружающей средой. В лагере не на что было смотреть, кроме как на зелень, и не к чему было прислушиваться, кроме как к журчанию реки. Воздух казался Сулламоре отвратительным, слишком насыщенным кислородом и цветочной пыльцой. Сулламора тосковал по городской суете и резким запахам, вызывающим чувство страха, от которого повышается содержание адреналина в крови.

Но он не мог так просто отказаться от досуга, проводимого за рыбной ловлей, не мог продать или забросить свой участок. Сулламора был уверен — за его спиной тут же начнутся пересуды, перешептывания, тайные усмешки, что приведет к потере авторитета и убыткам в бизнесе.

Танз нашел выход из положения, начав приглашать все большее и большее количество друзей и деловых партнеров в свой лагерь на берегу реки. Грубо сколоченные строения были заменены сверкающими металлическими, гораздо больших размеров, наполненными новейшим оборудованием. Маленькая взлетно-посадочная площадка превратилась в большой аэропорт, способный разместить до ста летательных аппаратов. Тишина и спокойствие наступали в лагере лишь в редкие промежутки между деловыми переговорами и личными встречами, сопровождавшимися бурными застольями и всевозможными развлечениями, становившимися все более и более изощренными.

Сулламора оказался в замкнутом кругу собственных слабостей. Когда его героическое почитание вечного императора поубавилось и чары рассеялись, лагерь снова превратился в спокойное место, где заключались странные альянсы и секретные сделки,— место, в котором искусство рыбной ловли приобретало совершенно иной смысл.

Сулламора извинился перед своими компаньонами за вынужденную остановку, сославшись на развязавшийся шнурок, и прислушался, оценивая ситуацию. Разговор был тихим и велся на нейтральную тему. Но Танз чувствовал внутреннюю напряженность собеседников,

словно каждый из них ждал, что кто-то откроется первым, заговорит о вещах, касающихся их всех, и предложит свой способ разрешения проблемы.

От страха у Сулламоры ком к горлу подкатил. Становилось все более очевидным, что заговорить первым должен он. Однако, если он решится на это и ошибется в своих компаньонах, его унизят, втопчут в грязь, а затем...

Тайный совет императора напоминал человека, страдающего от ожирения: уже распух от переедания — и все же боится, что следующий банкет могут отменить.

Для большинства жителей империи война не принесла ничего, кроме трудностей и лишений. Но для членов Тайного совета это было время больших возможностей и крупных барышей. После ошеломляющей победы империи в системе Дюрер члены совета столкнулись не только с потерей огромной прибыли, но и с колоссальными затратами на погашение «счетов мясной лавки», как говорил император.

В тот трудный час властитель в первую очередь обратился за помощью к своим промышленным столпам, коими являлись: Волмер — Глава отдела массовой информации; Мэлприн — архитектура, химическая и фармацевтическая промышленность; Ловетт — банковское дело; близнецы Краа — горнорудная промышленность, месторождения и перерабатывающие заводы; Кайс — робототехника, искусственный разум; и, наконец, Сулламора — корабли и торговля.

Сулламора исполнял свои обязанности в качестве члена личного императорского кабинета с большой долей цинизма и нежелания. До того момента, пока император не выдвинул его кандидатуру в Тайный совет — в прохладной и, как показалось Сулламоре, откровенной беседе,— Танз не был уверен в его существовании. Назначение было сделано императором без лишнего восторга. Ему не понравился вопрос Сулламоры о стратегии борьбы с таанцами: будут ли они разгромлены и когда?

Император планировал сместить правительство и уничтожить все следы таанской культуры, а затем повсеместно насадить восстановительную программу. Сулламора считал, что такая стратегия была не только слабой, но и глупой. Все таанцы должны страдать за то, что они наделали. Кроме того, люди и существа, преданно поддерживавшие императора с самого начала, будут вынуждены из-за этого отказаться от громадных потенциальных прибылей. Сулламора не видел смысла в такой стратегии и в очень осторожной форме, без намека на критику, сказал об этом императору.

При первой встрече с коллегами на Тайном совете Сулламора держал эти рассуждения при себе. Он решил вначале прозондировать почву, оттянуть время, прощупать пульс каждого члена совета

сотню раз лично, а также подключить самых опытных специалистов своей психодивизии для тщательного изучения их деятельности и особенностей характеров.

Если смотреть со стороны — на что Танз не был способен,— Тайный совет напоминал странный, но точный портрет самой империи, в котором энергичное предпринимательство сочеталось с династическим капитализмом. При более близком рассмотрении в голове у наблюдателя могла произойти большая путаница, поскольку характерной чертой Тайного совета была противоположность интересов и целей его членов. Тем не менее Сулламора постепенно докопался до сути.

Волмер был ведущим «танцором» группы. В то время как другие плясали вокруг одной точки, он начинал выделывать всевозможные па, то есть открыто критиковать политику императора, что приводило всех в шоковое состояние. Но это не значило, что члены Тайного совета — в особенности Сулламора — доверяли ему.

Глава одной из старейших фамильных династий империи, руководитель крупнейшей организации по сбору информации, отдела политпропаганды и рекламных компаний многих систем, составлявших империю, Волмер был самым уязвимым и ненадежным человеком шестерки. Во многих компаниях он пользовался сомнительной репутацией «вафельного барона», подстрекавшего своих подчиненных на занятие жестких позиций, когда ему это было выгодно, а затем бросавшего их на произвол судьбы, если ветер менял направление. И все же в сложившейся ситуации, когда война длилась бесконечно и даже идиоту становилось понятно, что Тайный совет — всего лишь раковина со сквозным отверстием, Волмер, как считал Сулламора, обязан был, при поддержке коллег, вылезти из болота собственной нерешительности и встать на определенную сторону.

Узнав о неуемной жадности сестер-близнецов Краа, Сулламора внес их в колонку своих союзников. Они заслуженно пользовались репутацией самых коррумпированных, порочных и эгоистичных людей в суровом мире большого бизнеса. Эти две женщины являлись представительницами второго поколения супермагнатов. Их отец был одержимым старателем. Удачно начав с крупного открытия месторождения уникального минерала, он создал целую монополию перерабатывающей промышленности, протянувшую щупальца во все системы, недра чьих планет были богаты как обычными, так и редкими минералами или пахли ими. Отец сестер-близнецов был хитрым и ловким человеком, считавшим свое слово законом.

После его смерти близнецы немедленно упразднили этот закон и послали отцовских законопослушников веровать в пустыню, где наемные убийцы охотились за ними, пока не перебили всех до одного. Сестры Краа с наслаждением погрязли в заговорах и интригах

в погоне за тройной прибылью. Но как часто бывает на скачках подобного рода, удача отвернулась от них. Алчные женщины чуть не обанкротились. Несмотря на то что сестры родились идентичными близнецами, за пятьдесят лет они стали резко отличаться друг от друга внешностью. Одна была тучной женщиной, опоясанной складками жира. Другой больше всего подошло бы определение «страдающая от отсутствия аппетита»; при взгляде на нее создавалось впечатление, что выпуклые кости вот-вот пробьют хилую немощь дряблой плоти. Но отличались они друг от друга только наружностью. Сестры поочередно меняли главенство, думая и действуя как один человек. Сулламора без малейшего интереса вспомнил их имена и тут же мудро позабыл. Но думать о близнецах как об одном существе было ошибкой, которую допустили слишком многие.

Сулламора ужасно радовался тому, что разглядел в членах Тайного совета, сестрах Краа, людей, которыми легче всего будет манипулировать. Он полагал, что достаточно поманить Краа морковкой, и они побегут за ним, как кролики. Если же нет, у близнецов достаточно много других уязвимых мест, на которые можно нажать. Для этого вовсе не требовалось обладать большой проницательностью.

У Мэлприн, напротив, не было ни одного изъяна. Словно отлитая целиком из закаленной стали, она была штурмовиком до мозга костей, вооруженным учеными степенями и богатейшим опытом управления. Какую бы компанию Мэлприн ни возглавляла, будь то фабрика по производству игрушек или монетный двор, она справлялась со своими обязанностями безукоризненно, стремясь добиться самого высокого уровня производства и не руководствуясь при этом ни чувственными, ни животными инстинктами. Это означало, что к материальным и духовным благам она была совершенно равнодушна. Ее интересовал лишь сам процесс работы.

Именно поэтому император поставил ее во главе одной из самых необычных и жизненно важных мегакорпораций. Даже у видавших виды промышленных историков глаза на лоб полезли, когда они выясняли, какой деятельностью занялась Мэлприн с самого начала работы. Она напоминала хищницу с головой гидры, натравливавшую ненасытную акулу-корпорацию на мелкую и крупную рыбу без разбора. Вскоре мегакорпорация превратилась в собирательный конгломерат, состоящий из ранчо и ферм, чьи угодья простирались на миллионы и миллионы километров, хранилищ, забитых цистернами со смешанными химикалиями и газами любой природы, а также фармацевтических концернов, занимающихся выпуском лекарственных препаратов. Корпорация была порождением войны и никогда в дальнейшем так не процветала, как в ходе военных действий. Каждое подразделение было воспитано в духе ненависти к конкурентам и обу-

чено уничтожать их. Ситуация угрожала выйти из-под контроля, если война с Таанским союзом неожиданно приостановится.

В другое время вечный император пустил бы дело на самотек. Мегакорпорация была динозавром, обреченным на вымирание. Но он ни в коем случае не собирался позволять эволюции мешать его решениям, пока идет война. Император нашел выход из затруднительного положения, настояв — в такой примерно форме: «Лучше подчинитесь, канальи, а не то вам всем хана» — на том, чтобы советы директоров различных компаний, не входящих в состав мегакорпорации, находились под контролем ее главного управляющего, то есть Мэлприн.

После долгих препирательств, крупных перепалок и серьезных угроз члены советов директоров сдались. Для укрепления позиций Мэлприн вечный император включил ее в состав личного кабинета. Это дало ей престиж и дополнительную власть — но лишь на какое-то время. Поскольку война близилась к победному концу, Мэлприн начала понимать, что ее затянувшийся медовый месяц с мегакорпорацией, каким бы чудесным он ни был, истекает. С ее стороны так же глупо было бы не осознать, что император в любой момент мог отказать ей в своей помощи и позволить экономическим законам вступить в силу. Мэлприн была не дура. Она не питала иллюзий насчет радужного и светлого будущего.

Пятым членом Тайного совета был Ловетт — человек очень денежный. Предки его были посредниками в некоторых самых ранних финансовых сделках императора. Последний отпрыск старинного рода — красивый, элегантный и отважный.

После серии неудач и трагедий, постигших семью Ловетта, он принял бразды правления банковской империи у отходившей на вечный покой матери, став единственным представителем клана. Ловетт был темной лошадкой: отказывался прислушиваться к мнению своих советчиков, часто и необдуманно рисковал по-крупному. Одни утверждали, будто именно благодаря Ловеттам император взошел на престол. Другие говорили, что покровительство императора было не совсем бескорыстным, поскольку банки Ловеттов имели сильную интегральную структуру и позволить им погибнуть было бы непростительной ошибкой с его стороны. И те и другие были правы. Ослепительный блеск молодого человека был напускным, лишенным всякой сущности.

Сулламора ухмыльнулся при мысли о том, что сам Ловетт только недавно осознал это. Танз Сулламора видел в нем человека, прибрать которого к рукам не составит никакого труда.

Если Ловетт был бумагой, то Кайс был кремнем. Он принадлежал к семейству г'орби, печальнейших богов сумасшествия. Высокое, стройное, исполненное достоинства существо, отдаленно напоми-

нающее гуманоида. Совсем недавно Кайс отметил свое стодвадцатилетие. Все его тело, за исключением ярко-алого треугольного пятна на выпуклом черепе, было покрыто серебристо-белой шерстью; во время разговора конечности находились в постоянном движении, а смышленые глаза горели от возбуждения. Однако при выслушивании собеседника лицо Кайса становилось анемичным, глаза тускнели, а большое алое пятно пульсировало, как нарыв, который должен вот-вот лопнуть.

Сегодняшние г'орби являлись результатом странной формы симбиотической мутации. В домутационный период, когда г'орби не были такими высокими и стройными, когда на их коже еще не проступил волосяной покров, а на черепах не начали образовываться родимые пятна, в их расе не было ничего выдающегося, кроме чрезмерной глупости и здоровых генов, благодаря чему судьбы этих существ складывались гораздо удачнее. Примитивный мозг г'орби представлял собой не что иное, как отросток позвоночника. Г'орби отдавали предпочтение определенному сорту фруктов, съедобных лишь в пору активного опыления. Пыльца являлась смертельным ядом для всех живых существ, включая г'орби. И у них развилась уникальная система пористых носовых фильтров, верхней частью сообщающихся с суперэффективными пазухами, увеличивающимися в размерах и выступающими над головой по мере взросления особи. К тому же у г'орби возникла особая форма иммунной системы, оберегающая организм от проникновения любой формы вирусов и бактерий, обитающих на их родной планете.

Предоставленные сами себе, предельно глупые г'орби продолжали бы и дальше вариться в соку уготованных им счастливых судеб, большую часть времени проводя в изумленном созерцании окружающего мира, позевывании, почесывании и поедании фруктов. Хотя глупость г'орби ни на йоту не досаждала матушке Природе, она решила, что счастливая беззаботность — тоже не дело. Примитивный вирус, находящийся на начальной стадии развития, искал дом. Похвастаться этот вирус мог только одним свойством: способностью мутировать для проникновения в любую генетическую структуру, независимо от степени ее неуязвимости. Обычно встреча с таким вирусом означала для любой формы жизни немедленное заражение и скорую смерть.

При знакомстве с г'орби вирус столкнулся с особенной, доселе неизвестной ему генетической структурой. Как только он менял одну оболочку на другую, гены делали то же самое. Наконец вирус нашел пристанище в головных наростах, самом последнем образовании в организме г'орби, делавшем их г'орби. Изменчивый вирус попал в ячейки пазух в середине процесса собственной мутации. При слия-

нии они образовывали субстанцию, целиком и полностью состоящую из клеток, нервов и нервных рецепторов,— субстанцию, существующую отдельно от частей тела, независимо от функций организма. Мозговые клетки стали намного сильнее и долговечнее, чем любые другие клетки. Вскоре они стали бессмертны.

Следующим этапом было пробуждение сознания. А затем и чувства отчаянной безысходности. Организм г'орби вступил в пору завершающей стадии мутационного развития. Жизнь этого существа делилась на начало, середину, долгую дряхлеющую старость и конец.

Кайс знал — после исполнения ста двадцати лет жить в сознании ему останется годиков пять, а затем мучительное и долгое разрушение рассудка постепенно приведет к его затуханию. Мозг г'орби напоминал овощ, который созревает и медленно чахнет.

В свои сто двадцать с лишним лет активной взрослой жизни Кайс верил в то, что расправился со всеми семью смертными грехами его системы. Восемьдесят лет назад он окончил престижный институт, получил диплом специалиста в области разведки и целый ряд предложений на работу от различных компаний. Но в голове Кайса зрела масса идей. Он отклонил все предложения и стал самостоятельно пробивать дорогу в жизни. Через двадцать пять лет Кайс превратился в сказочно богатого магната. Ему принадлежали сотни важнейших патентов и созданная им лично компания, специалисты которой могли разработать самую фантастическую идею и внедрить ее в наиболее причудливую область науки и техники за много лет до того, как это сделают его конкуренты. Кайс был мудр и высокомерен — потому что имел на это полное право.

Затем влиятельные люди империи собрались как-то раз вместе, пустили ему пыль в глаза и отобрали и компанию, и капиталы. Кайс исчез на пятнадцать лет. Вернулся же он к деятельности совершенно обновленным существом. Каждую секунду каждого дня с рассвета до заката Кайс проводил в изучении методов работы своих давнишних врагов. Он все еще был творческой изобретательной личностью. Незадолго до своего сотого дня рождения Кайс стал хозяином величайшего компьютерного, робототехнического и информационно-разведывательного конгломерата, снова был знаменит и влиятелен, отстаивал свои взгляды и убеждения. Даже император устроил ему прием на самом высоком уровне. А разве не с ним император консультировался по делу урегулирования конфликта с таанцами? И разве не он был одним из первых кандидатов в члены Тайного совета?

Но мало-помалу Кайс начал понимать, что его используют. Вскоре он заметил, что его фирма становится все более и более зависимой от контрактов с императором. Хмурые взгляды, которые бросал на

него властитель, означали, что нужно начинать все сначала. Хотя за оставшиеся пять лет сделать это было практически невозможно.

Кайс впал в уныние от сознания собственной уязвимости. Он не видел возможности приостановить процесс. Крах казался таким же неизбежным, как остановка завода его биологических часов. И тогда Кайс начал думать об императоре. О вечном императоре. И понял, что в названии его титула не было ни единого лишнего слова.

Кайса обуяла зависть. Именно в то время Танз Сулламора и начал нашептывать ему на ухо.

После Дюрера нашептывания сменились громким недовольным бормотанием. Поначалу Сулламора лишь сокрушался о том, что жесткий график работы, составленный императором, мешает ему консультироваться с членами Тайного совета и высказывать свои мысли по поводу того, как справиться с депрессией, неизбежно последующей за окончанием военных действий. Члены совета не только поддакивали Сулламоре, но и набрались мужества сетовать на то, что император игнорирует их рекомендации.

— Взять, к примеру, меня,— сказал Волмер.— При последнем разговоре с императором я решительно настаивал на том, что нам следует начать планирование прямо сейчас. Хорошую пропагандистскую кампанию за одну ночь создать невозможно. Мы должны выступить со своим сообщением перед широкой общественностью. Настроить аудиторию. Придумать формы, в которых можно будет подать это сообщение различным слоям населения. И затем, собственно, преподнести его в хорошо аранжированной манере.

Сообщение в том виде, в каком его представлял себе Волмер, звучало примерно так: «Надежда через пожертвование. Каждый из нас будет призван пожертвовать собственным благополучием на благо империи. И благополучием наших детей. И детей наших детей».

— Мне нравится,— одобрил Ловетт, сразу же подумав об инфляции и связанным с ней взвинчиванием цен, о предельном потолке которых нужно будет позаботиться в случае любой неожиданной деноминации.— И что он на это ответил?

Волмер помрачнел.

— Он спросил меня, что лично я намерен принести в жертву. Он сказал: для того чтобы подобное сообщение сработало, нужно, чтобы люди увидели, что их лидеры тоже хоть немного страдают... Страдание! Какое отвратительное слово! Он сказал: легче всего призывать других к самопожертвованию... Как бы то ни было, я ясно дал ему понять, что это бредовая идея. И спросил его: разве что-нибудь изменится, если люди увидят, какие трудности и лишения мы испытываем? — Волмер и его коллеги развели руками.— На кого людям надеяться, как не на нас? Мнение императора рушит всю концепцию.

Члены совета единодушно поддержали Волмера. Каждый из них мог припомнить подобную жуткую историю. Мэлприн хотела понизить зарплату и установить предельно высокие цены. Краа желали безнаказанно обходить законы. Сулламора жаждал добиться получения одностороннего тарифа для укрепления своей торговой империи. Что же касается Кайса, г'орби пока молчал. Ну что ж, временами он вообще не разговаривал.

Все члены Тайного совета, за исключением Сулламоры, были обеспокоены тем, что г'орби не потянулся за своим куском пирога. Они не могли знать, что при всем своем согласии с ними он уже имел все, что хотел. Мало того, Кайс уяснил для себя главное: пожелай он чего-то еще, добиться этого не составило бы для него труда, причем добиться своими методами, без извлечения пользы из интервенции империи. И все же было одно «но»...

Лишь через несколько совещаний Кайс выставил вперед свою первую пешку. Когда он говорил, все уважительно молчали, ожидая, что г'орби вот-вот раскроется. Они не остались разочарованы.

— Возможно, мы оказываем нашему императору плохую услугу,— медленно, словно рассуждая вслух, произнес он.— Раззадориваем своими идеями со всех сторон. А у него сейчас так много на уме!.. Но как он может склеивать кусочки, не видя единого целого?

Коллеги одобрительно закивали, сгорая от нетерпения, когда же Кайс доберется до сути дела.

— Давайте упростим ему задачу,— продолжил Кайс.— Все мы должны быть заодно, чтобы выразить общее мнение. А затем иметь основание провести необходимые реформы. Совместно с императором, конечно,— быстро добавил он.

— Совместно с императором... конечно,— пробурчали остальные.

То, что предлагал Кайс, было на первый взгляд просто. Тайный совет должен был апеллировать к парламенту, а затем и к императору для создания квазипубличного агентства, состоящего из присутствующих здесь членов совета, которое могло бы действовать независимо от причуд императора, прихотей и давления любой группы населения, преследующей собственные интересы.

Вышеуказанное агентство проявит предусмотрительность в управлении экономикой, будет осторожно и разумно расходовать АМ-2, чтобы не подорвать доверие императора, не спускать глаз с жизненно важных отраслей промышленности и сельского хозяйства, гасить разногласия в правительстве, служить в качестве столь необходимого контролера и противовеса между сторонами, придерживающимися полярно противоположных позиций... Короче говоря, будет работать на благо процветания мира, бизнеса и единого общества.

Возражений не возникло. Решили, что займется этим делом Сулламора, как человек, напрямую связанный с парламентом.

Первый шаг должен быть очень осторожным. Основа предложенного агентства будет захоронена в резолюции «рассудительного парламента», который император не сможет положить на обе лопатки, не наделав много шума, поскольку его члены лично не заинтересованы в вышеуказанном проекте. Хитрость заключалась в представлении дела таким образом, чтобы никто — в особенности императорские низкопоклонники, рядовые депутаты парламента — не догадался о готовящемся перевороте. Тайный совет решил, что лучше восхвалять Цезаря, нежели проклинать его. Восхваление приняло форму слишком пространного документа, в котором императора чрезмерно поздравляли с победой над таанцами в системе Дюрер. В этом документе содержался и призыв вести войну дальше, до последней капитуляции, и так далее, и тому подобное.

При поверхностном рассмотрении документ не казался голословным. Он был составлен таким образом, чтобы вызвать одобрение и у сторонников императора, которые были какое-то время настоящим проклятием Тайного совета. Если все получится так, как задумано, люди Сулламоры смогут без опасения выкручивать руки каждому, кто встанет на пути квазиагентства. Полученная резолюция ударит и в спину нейтралам.

Сулламора был уверен, что добьется поддержки императора. Эксперты Сулламоры призваны были объединиться в особую секцию с целью принуждения парламента «оказывать любую помощь» императору в его «правой и мужественной борьбе». Сулламора отвел независимому агентству роль притаившегося в болоте аллигатора.

Аналитики Сулламоры углубились в составление документа, придя в конце концов к соглашению, что никто никогда никоим образом не вычислит местонахождение аллигатора в витиеватой мешанине слов — в них просто никому не придет в голову вчитываться и уж тем более к ним придираться. Как сказал однажды некий патриарх парламента: «Если бы все знали, за что голосуют, нам бы никогда не выйти из зала заседания живыми».

Когда великий момент настал, Сулламора лично вызвался представить резолюцию, выступить с речью, предложенной Волмером. Речь гарантированно должна была вызвать бурные аплодисменты.

Сулламора ходил взад-вперед в маленькой приемной, ожидая вызова на трибуну. Во время этих расхаживаний он мысленно репетировал речь, размахивая в такт правой рукой.

Дверь за спиной Сулламоры раскрылась, и он развернулся, слегка удивившись, почему это его вдруг вызывают на пять минут раньше. Но вместо ожидаемой огромной, при полном параде, фигуры парламентского караульного сержанта Сулламора увидел низкорослого темнокожего человека с длинным ножом на портупее.

Сулламора затаил дыхание. Это был гурк, один из личных телохранителей императора. Гурк из вежливости отвесил ему поклон и вручил послание. В нем содержалось предложение сдаться. Вечный император вычислил аллигатора.

Император представлял собой образец самой небрежности — ноги задраны на антикварный стол, в руке — бокал с алкогольным напитком. Перед Сулламорой стояла бутылка. Император часто брал в руку бокал во время разговора, казалось, делал глоток и ставил его обратно на стол. Но Сулламора заметил, что уровень содержимого бокала императора не убавлялся.

— ...Я ценю твои добрые намерения, Танз,— говорил император.— И собираюсь лично поблагодарить каждого члена моего кабинета за приложенные усилия и выдвинутые идеи. Хотя...

Император не закончил фразу, акцентировав последнее слово, и снова сделал глоток. В этот самый момент Сулламора понял, что не забудет этот разговор до конца своих дней.

— Я не подвергаю критике концепцию независимого агентства,— сказал наконец император, спокойно подняв руку, как будто Сулламора хотел возразить. Танз даже пикнуть не осмелился бы.— Знаю, ты можешь думать, что я недальновидный политик, хотя о подобных вещах можно судить только по конечным результатам. Все дело в том, что я представляю собой театр одного актера. Всегда действовал подобным образом. И надеюсь, всегда буду. Вы, ребята, говорите о предусмотрительности. Что ж, должен сказать с высоты своего положения, что у вашей дальновидности нет будущего.

Император сделал паузу, ожидая, что Сулламора наберется храбрости и прокомментирует его слова.

— В наших намерениях не было ничего неуважительного,— выдавил Сулламора.— Мы просто не понимаем, как один человек, будь он хоть семи пядей во лбу, может со всем справляться. Мы хотели предоставить вам шанс, сир, воспользоваться преимуществом опыта лучших умов, которые работали бы под вашим же руководством.

Император сделал вид, будто задумался над словами Сулламоры.

— Хорошо. Давай обсудим этот вопрос и решим, прав я или нет. Полагаю, всем нам ясно, с чем придется столкнуться по окончании войны. Если таанцы согласятся принять мои условия, мы остановим военную машину. И тогда к нам на огонек обязательно заскочит матушка депрессия. Причем такая, какой еще не знает история.

Она, например, коснется всех твоих судостроительных заводов. Верфи закроются. Выпущенных нами кораблей хватит на десять долгих жизней. То же самое произойдет в каждой отрасли экономики. Целая группа мощнейших отраслей окажется ненужной.

— Мы выработали идеи, которые коренным образом...

— Я ознакомился с ними,— небрежно бросил император.— Они не спасут положения. Вы хотите, чтобы я поднял цену на АМ-два на пятьдесят, а то и на сто процентов. Но мне кажется, вы не учли один факт: если забрать деньги из карманов людей, они не смогут покупать даже то немногое, что вы производите.

Не войны губили самые великие империи в истории человечества, а деньги или неумелое их использование. Когда солдат закончил выполнять свою работу, нужно расплатиться с ним сполна. В твоих же интересах не оставаться у него в должниках. Иначе в следующий раз, когда тебе понадобится сражаться, денежные люди проявят повышенный интерес к тому, как бы поменьше дать тебе взаймы. То же происходит с маленьким человеком, которого мы посылаем на линию фронта рисковать своей жизнью. Если солдат возвращается домой лишь затем, чтобы влачить нищенское существование, он не затрепещет от радостного волнения, когда вы предложите ему снова сражаться на вашей стороне, как бы вы ни пытались убедить его в важности и выгоде этого дела.

Лично я думаю о том, что нужно съежиться и присмиреть. Снизить цены до уровня мирного времени. Чуть-чуть. А через какое-то время еще чуть-чуть. В таком случае местные правительства смогут вложить в производство свои денежки и хоть частично возместить сумму, в которую эта глупая война им обошлась.

Сулламора стал тяжело дышать.

— По крайней мере, можно спокойно увеличить выпуск АМ-два,— сказал он.— Это принесет в казну дополнительные доходы.

— Конечно,— сказал вечный император.— А также сведет к нулю всю ценность кредита. Люди тачками деньги будут возить, чтобы выпить кружку пива.

Сулламора не знал, что такое тачка, но уловил общий смысл.

— Вы упомянули о пиве. Вот прекрасный способ заработать без всяких возражений с чьей-либо стороны. Нужно обложить население налогами на наркотики, развлечения...

— Их бы следовало назвать налогами на грехи,— сухо произнес император.— Еще одна глупая идея. В конфликте между нами и таанцами было убито и изувечено столько существ, что мне даже страшно подумать об этом. Осталась лишь жалкая горстка калек. Возможно, этой горстке и не удастся перетянуть на свою сторону большую часть населения. Но если это произойдет, нищета будет первым молотом, которым они начнут размахивать. И они обрушат его на наши головы, Танз, помяни мое слово.

Нет, сейчас самое время начать поощрять греховность, если можно так выразиться. Устраивать множество массовых зрелищ. И чем более изощренными они будут, тем лучше.

Сулламора не видел в рассуждениях императора абсолютно никакого смысла. Император делал вид, что не замечает реакции Сулламоры.

— Кстати, я недавно говорил о поддержании в людях состояния счастья. Надеюсь, ты понимаешь, что имеется в виду повышение зарплаты и снижение цен на товары? Поскольку многие из моих приятелей-капиталистов обычно довольно долго раскачиваются, прежде чем пойти на такой шаг, я намереваюсь издать жесткий закон, требующий немедленного подчинения.

— Как... как вы себе это представляете? — бессвязно прошипел Сулламора, брызжа слюной.

— Очень просто. Чем меньше людей работает, тем большую зарплату получают остальные. Снижение цен означает повышение производительности труда при выпуске различных видов продукции и огромное количество дешевого материала, из которого она будет выпускаться. Любому мало-мальски проницательному человеку это должно быть ясно. Взять, к примеру, твои корабли, Танз,— продолжал император, поглубже всаживая кинжал между ребер Сулламоры. Сулламора понял, что император планирует навязать ему множество военных кораблей, которые скоро станут бесполезными.— После небольшой творческой реконструкции у тебя появится море деталей, сделанных из всевозможных материалов. Ты сможешь производить полезные вещи.

— Какие, например? — спросил Сулламора осипшим голосом.

Вечный император пожал плечами.

— А вот это уж не моя забота. В твоем распоряжении находится целый штат гениев науки и техники. Поручи им соорудить какие-нибудь новые кухонные комбайны, которые готовили бы пищу вместо людей... Черт возьми, Танз! Чем больше я об этом думаю, тем яснее для меня становится вывод о новых выгодных перспективах развития промышленности. Я уже почти жалею, что занимаю эту идиотскую должность. Человек, у которого хоть немного варит котелок, есть деньги и энергия, мог бы извлечь из этой идеи колоссальную пользу.

Сулламора не удержался и задал вопрос:

— Вы действительно так считаете?

— Конечно,— ответил император.— По крайней мере, я мог бы попытаться добиться успеха в этой области, хотя ты, наверное, думаешь, что высказанное мною мнение — пустая болтовня. На самом деле большинство властителей рассуждают именно так. В незапамятные времена была одна королева, которая то же самое говорила своим советникам. Она любила повторять, что если бы каким-то образом была вдруг свергнута с трона и оказалась бы в одном нижнем белье на необитаемом острове, то, не долго думая, воспользовалась

бы шансом начать все сначала. Некоторые из советников королевы смеялись у нее за спиной. Ее звали Елизавета, Елизавета Первая. Слышал когда-нибудь о такой?

Танз Сулламора отрицательно покачал головой. Он понял, что аудиенция близится к завершению.

— Должно быть, она действительно была потрясающей женщиной,— мечтательно промолвил император.— Некоторые историки считают Елизавету величайшей и мудрейшей правительницей всех времен и народов. Возможно, они правы.

Дикая мысль пронеслась в голове Сулламоры. Ему стало интересно, что случилось с советниками, которые смеялись за спиной королевы. Задумывались ли они когда-нибудь о...

— Конечно, она была скора на расправу, казнила направо и налево,— сказал вечный император, словно прочел мысли Сулламоры.

Корабельный барон вскочил на ноги, чуть не опрокинув свою рюмку.

— Простите, сир,— пролепетал он,— но я не...

— С тобой все в порядке? — спросил вечный император, смерив Сулламору загадочным взглядом.

Не может быть. Наверное, это только показалось? Сославшись на неважное самочувствие, промышленник заспешил к двери. Как только он взялся за ручку, император окликнул его по имени. Сулламора заставил себя обернуться.

— Да, сир?

— И чтоб впредь никаких сюрпризов. Понял, Танз? — спросил вечный император.— Я не люблю сюрпризов.

Танз Сулламора заплетающимся языком прошептал слова обещания и выскользнул из помещения, дав себе обет нарушить его при первом же удобном случае.

Он говорил безостановочно целый час. Члены Тайного совета слушали в холодном молчании, пока Танз в мельчайших подробностях передавал содержание разговора с императором. При этом грузный лысый Сулламора ничего не преувеличил и не приукрасил. В этом заключалась отличительная особенность бизнесменов, нетерпимо относящихся к гиперболам. Они всегда излагали только голые факты.

Тишина не была нарушена даже тогда, когда Сулламора закончил. Такая реакция казалась вполне естественной, поскольку каждый из членов совета переваривал информацию и обдумывал, какие последствия ожидают лично его в результате мер, запланированных императором.

Первым заговорил Волмер:

— Но... но... нас здесь постигнет неминуемая катастрофа. Как он не понимает?.. Бог мой! Мы должны остановить его!

Испугавшись собственных слов, Волмер вздрогнул, как от удара грома, и снова погрузился в молчание.

Выждав паузу, Танз Сулламора предложил всем совершить прогулку по лесу.

«Прогулка по лесу» была старинной политической фразой, на самом деле означавшей «найти взаимопонимание» между представителями различных лагерей, независимо от того, какие горькие пилюли они преподносили друг другу в прошлом.

Иными словами, это был метод достижения трудного решения без давления извне.

Танз Сулламора имел в виду подобное, когда предложил своим собеседникам пройтись. Как будто в его компании взаимопонимание уже было достигнуто. Танз Сулламора был уверен — все знали, что нужно делать, но каждый боялся предложить способ разрешения проблемы первым. Сулламора был прав на девяносто процентов.

Члены совета прошли большое расстояние, плутая среди деревьев, останавливаясь в разных местах, чтобы перевести дыхание или послушать пение птиц. Последним они занимались с притворным интересом, делая вид, будто общение с природой доставляет им удовольствие. В жилах каждого члена совета текла кислота вместо крови.

Наконец Кайс начал обсуждение вопроса.

— Волмер был прав,— сказал он.— Я не вижу другого решения. По всей видимости, этот человек действительно утратил чувство реальности.

Члены совета, успокоившись, что всеобщее мнение наконец-то было выражено словами, одобрительно закивали. Все, кроме Волмера. Он был напуган, ошарашен. В его понимании бездумно выпущенная фраза была просто неправильно истолкована, приобрела какой-то извращенный, зловещий смысл. Волмер мог подумывать о цареубийстве, мог даже намекать на него, но взять на себя роль государственного изменника, руки которого будут обагрены кровью, он не мог.

— О чем вы говорите? Боже мой, я не хочу никаких... Послушайте, все мы находимся под большим давлением. Но мы ведь здравомыслящие существа. Давайте чисто по-человечески признаем свое поражение и смиримся с тяжелым положением, в котором оказались. Хорошо? Пора возвращаться по домам, правильно? Заняться бизнесом?

Сулламора выскользнул из-за куста, как змея, и положил руку на плечо Волмера, словно пытаясь его успокоить. Похлопал по спине, потрепал за волосы и потихоньку отвел в сторону.

— Меня неправильно поняли... я не то имел в виду... я говорил в переносном смысле...— Волмер цеплялся за одни и те же фразы, как утопающий за соломинку. Постепенно он затих и успокоился.

Вводя Волмера в главное здание, Сулламора оглянулся на остальных членов Тайного совета. Все они пристально смотрели ему вслед. Сделка была заключена.

Сулламора рассмеялся какой-то плоской шутке Волмера, по-мужски грубовато и оценивающе проводя рукой по его спине — обдумывая, в какое место лучше будет первый раз вонзить нож.

Глава 32

Завершающая часть побега Стэна и Алекса не требовала от них героических поступков. Верный своему слову, Четвинд окунул бывших заключенных в атмосферу роскоши: предоставил огромную кровать, застеленную простынями, и неограниченное время для наслаждения одиночеством и сном.

Роскошью было также избавление от кожных паразитов — впервые за много лет — и возможность купаться в чистой воде сколько угодно. И еда! Калорийная витаминизированная пища! Поначалу продуктов было не много — ровно столько, чтобы утолить голод, не нанося вреда истощенным организмам бывших узников. А затем они стали испытывать самый настоящий экстаз оттого, что вдоволь насыщались и могли оторваться от трапезы, оставляя на тарелках несъеденные продукты.

Различные развеселые девочки и мальчики, предлагавшие Стэну и Алексу свои услуги, были разочарованы отсутствием к себе внимания. Килгур отвечал за обоих: «Спасибо, но мы импотенты».

Четвинд оставил друзей в покое. Он знал, как много времени требуется заключенному на осознание того, что он представляет из себя нечто большее, чем машина, запрограммированная на выживание.

Вскоре Стэна и Алекса вывезли из столицы Хиза, спрятав под двухтонной грудой металлолома, погруженной на древние грависани с ручным управлением, принадлежавшие, как предположил Стэн, какому-то таанскому жулику. Разумеется, Четвинд уклонился от каких-либо объяснений.

Маленький контрабандистский кораблик вздрогнул, когда загудел Юкава-драйв. После того как Стэн и Алекс были доставлены на борт летательного аппарата, заправленного АМ-2, тот оторвался от планеты и взмыл ввысь. В назначенном месте кораблик встретился с большим транспортным судном, на котором беглецов приветствовал сэр Ен Вайлд.

Он сказал, что покинул Ромни как раз вовремя. Спинным мозгом почувствовав горячее дыхание опытных ищеек у себя на затылке, Вайлд приказал срочно эвакуироваться. Он потерял семь кораблей и базу, но все его люди и, самое главное, товары были спасены. Вайлд объяснил, многозначительно потирая ладони, что «каждый из

присутствующих может рассчитывать на место на корабле и высадку в нужном месте».

Вайлд также подчеркнул, что будет особенно рад доставить своих пассажиров по адресу в целости и сохранности, он ведь является должником Стэна.

Незадолго до этого небольшой караван судов Вайлда пробрался в сектор империи и был замечен патрульными кораблями. Вслед за этим должна была последовать конфискация кораблей и груза, а также применение соответствующих карательных мер в отношении Вайлда и его экипажей.

— Мне намекнули на планеты-тюрьмы,— сказал он.— А реабилитированным предложили отправиться в ад, то есть в эти жуткие батальоны уголовников. О подробностях я не расспрашивал.

Стэн был козырным тузом Вайлда. В доверительной беседе с людьми, захватившими его в плен, он выразил искреннее удивление, зачем они вмешиваются в ход операции имперской разведки. Вайлда подняли на смех.

— Я предложил им проверить мою информацию. Вскоре, ко всеобщему недоумению, ребята-шпионы доложили, что я — тайный агент спецслужбы, меняющий имидж, как хамелеон цвет кожи. Премного благодарен, молодой человек, что ты состряпал мне такую подходящую легенду.

Неохотно извинившись перед Вайлдом и его людьми, имперцы отпустили их на все четыре стороны, после чего контрабандисты продолжили заниматься своим прибыльным бизнесом, снабжая богатых имперцев предметами таанской роскоши и наоборот.

— Полагаю, если бы эта война продлилась еще... ну, скажем, лет десять, я мог бы узаконить свое дело.— Вайлд слегка вздрогнул от столь дерзкого предположения.— Итак, адмирал, или как там ваше звание, смею заверить, что во время этого рейса вас будут обхаживать так, как будто вы — незаконнорожденный сын самого императора.

Остаток путешествия был примечателен медленным, но верным увеличением объема талий Стэна и Алекса, несколькими напряженными минутами, когда приходилось уходить из-под носа таанских или имперских патрулей, и обильным сном.

Увидев однажды, как Алекс протискивается в каюту в сопровождении одного из наиболее стройных офицеров Вайлда, Стэн определил, что его друг и он сам вернулись в форму, близкую к нормальной.

К тому времени, как они приземлились на имперскую базу, «случайно» оказавшуюся в системе, в которой Вайлд «должен был встретиться с некоторыми интересными людьми», оба бывших военнопленных так окрепли, что могли оказать пропаганде медвежью

услугу. Им следовало быть заросшими и бородатыми, изможденными, исполосованными шрамами, готовыми давать свидетельские показания о зверских бесчинствах таанцев, о случайно подвернувшейся бравым имперским солдатам возможности бежать.

Средства массовой информации не проявили к ним никакого интереса.

Стэн и Алекс знали слишком много, чтобы позволить журналистам крутиться вокруг них и тем более брать интервью. Их доставили на Прайм-Уорлд, где самые квалифицированные имперские специалисты подробнейшим образом допросили их, используя при этом аппаратуру, считывающую информацию прямо с мозга. Стэн «за спасибо» был подвергнут этой обработке три раза, и у него не было ни малейшего желания проходить ее снова.

Когда разведка неохотно признала, что выкачала все мало-мальски важные сведения из теперь уже промытых мозгов Стэна и Алекса, они чувствовали себя скверно, словно их денно и нощно пытали таанские мучители.

А затем начались настоящие сюрпризы.

Стэн и Килгур ожидали получения наград. Вовсе не потому, что думали, будто совершили подвиг, побывав в заточении, хотя одно то, что они вырвались на свободу, можно было считать геройским поступком. С гораздо большей охотой они до конца своих дней прислушивались бы к звону бокалов, до краев наполненных бесплатным алкоголем, чем к бряцанию медалей. Просто когда война принимает скверный оборот, уцелевшие солдаты стремятся получить хоть какое-то доказательство, что выжили не зря.

Они оба ожидали продвижения по службе и во время долгого пути назад часто задумывались, на один или два ранга их повысят в звании.

Ничего подобного не произошло — пока. Приказы, касающиеся Стэна и Алекса, были довольно лаконичны.

«Военнослужащему Стэну подписан приказ об увольнительной. Разрешено путешествовать. Перед возвращением к исполнению своих обязанностей доложить начальству для получения дальнейших распоряжений».

«Военнослужащему Килгуру подписан приказ об увольнительной. Разрешено поехать на планету Эдинбург, в другие системы — по желанию. Перед возвращением на службу доложить о себе для получения дальнейших указаний».

Стэн и Алекс переглянулись. Кто-то из верхушки власти строит планы на будущее. Возможно, эти планы вовсе не будут отвечать их собственным интересам. Но дезертировать друзья не собирались. Во-первых, за время краткосрочного отпуска мало что можно выяснить; во-вторых, они оба слишком долго были в бегах.

Следующим этапом было получение невостребованной зарплаты, вылившейся в кругленькую сумму. В последнее время бывшие таанские военнопленные только и думали о том, сколько денег получат и как их будут тратить. Империя платила жалованье военным несколько другим способом, нежели государства прошлого. По солдатскому чеку деньги либо выдавались военнослужащему на руки в обычном порядке, либо перечислялись на его счет в гражданский банк и обрастали большими процентами.

Такой порядок был заведен не потому, что вечный император испытывал слишком нежные чувства к каждому из своих поданных, а по двум простым причинам, которые властитель объяснил Махони в один из вечеров в пьяной беседе много лет назад.

«Во-первых, это капиталистическая империя, как я думаю. Поэтому деньги намного выгоднее держать в обороте, чем в чьем-либо бумажнике.

Во-вторых, если тебе интересно, я могу вкратце обрисовать математическое соотношение девяти основных сил Вселенной. Я не слишком разбираюсь в экономике, впрочем, как и все остальные. Поэтому не буду вдаваться в подробности. Банкиры, получающие деньги моих вояк, очень и очень рациональны. А это значит, что они, черт побери, делают то, что я им говорю. И пусть только попробуют ослушаться — сразу же попадут в черный список. Военным просто не будет рекомендовано класть деньги на депозит в их банки».

Итак, когда Стэн и Алекс бодрым шагом направились в один из банков Прайм-Уорлда, который по давно забытым причинам оперативники корпуса «Меркурий» и отряда богомолов предпочитали всем остальным, они ожидали, что их встретят вежливо и обходительно, как солидных вкладчиков.

Но они никак не ожидали, что в банк их введет лично президент и сообщит о том, что они теперь являются держателями большинства акций его банка. «И если господа пожелают, поскольку теперь они... гм... в состоянии... не прислушаются ли они к совету постоянных членов правления делать дальнейшие капиталовложения в наш банк?»

Стэн хихикнул и пробурчал что-то невнятное. Килгур воспользовался случаем и притянул к себе шкатулку с манильскими сигарами — как ему показалось, скрученными из настоящего табака,— стоявшую на одном из письменных столов президента, оставляя царапины на гладкой поверхности крышки, сделанной из чистого дерева. Затянувшись сигарой, Килгур посмотрел на экран компьютера, увидел суммы, лежавшие на его и Стэна счетах, и закашлялся, поперхнувшись дымом.

Стэн и Алекс были не просто хорошо обеспеченными людьми. Они были богаты. Они оба оказались обладателями ценных акций,

вложенных в самые значительные корпорации империи. Кроме того, им шли проценты от добычи редких металлов плюс проценты от военных займов. Плюс...

Стэн вытаращил глаза, дойдя до тридцать шестой страницы перечня. Он был очень благодарен президенту банка за любезно принятые извинения после слишком бурной реакции.

— Вот это да-а-а... Килгур! Я стал владельцем целой планеты!

Алекс был ошарашен не меньше Стэна.

— Планеты у меня нет... зато, оказывается, мне будет принадлежать самое богатое имение в Эдинбурге. Я смогу реконструировать фамильный замок.

— У тебя разве есть замок?

— Теперь есть.

Вернулся раболепный банкир, держа в руках какой-то явно несгораемый ящик с неизвестным содержимым, предназначенный, как он сказал, специально для Стэна с Алексом, с условием передать лично в руки одному из них. Банкир исчез.

Друзья открыли ящик и обнаружили в нем дискету, которую незамедлительно вложили в компьютер.

На экране возникло менее всего ожидаемое знакомое лицо цыганки Иды.

Ида была известной личностью, членом отряда богомолов, в который входили и Стэн с Алексом. Энергичная, напористая женщина, большая авантюристка, один из лучших пилотов, с которыми Стэну доводилось летать.

Ида исчезла со службы несколько лет назад, но перед уходом ей удалось каким-то образом вклиниться в банковские счета своих бывших сотрудников и вкладывать, вкладывать, вкладывать капиталы — в результате чего все оставались очень довольны.

Прорезался звук:

— Ну и придурки же вы оба! Как вы могли, черт побери, дать засадить себя в тюрягу? Килгур, ты такой же тупой, как и жирный. Стэн, зачем ты слушаешь этого недотепу? Ладно, как бы то ни было... Я занялась вашими счетами, когда услышала, что вы пропали. Но я не сомневаюсь, что не родился еще такой сообразительный таанец, который смог бы выследить вас, поэтому верю, что вы живы. Надеюсь, эту запись слушаете вы, а не ваши наследники или правопреемники и что война кончилась.

Я позаботилась о вас, двух недоумках. Насколько я понимаю, ничего плохого случиться не должно, разве только императору взбредет в голову сдаться. Знайте, что вы, между прочим, владеете землями и ценными бумагами в таанских системах. Так что можете стать богатыми-пребогатыми.

Причина, по которой я записала себя на дискету, не считая того, что мне просто хотелось быть рядом с вами, когда вы увидите, как

хорошо я о вас позаботилась, заключается в... у-у, дракх, я пошла и послушала кое-кого и... ну, они хотят, чтобы я кое-что сделала.

Ну вот, собственно говоря, и все. Я, наверное, глупая, потому что скучаю по добрым старым временам.

Изображение Иды замолчало, и Стэну показалось, что в уголках ее глаз блеснули слезы. Затем Ида внезапно встала, повернулась спиной и задрала юбку. На экране появилось нечто напоминающее огромные спаренные хлебные булки — с точки зрения сковороды. К счастью, этот образ оставался на экране всего один момент.

Затем экран погас.

— Эта девушка по-прежнему не носит трусиков,— прокомментировал Алекс.

С трудом придя в себя, Стэн и Килгур позвали банкира. Держа в руках увесистые чемоданы, являющиеся подтверждением того, что теперь они были богатыми-пребогатыми, друзья направились к ближайшему бару.

Пару дней спустя, слегка протрезвев и более-менее очухавшись, Стэн и Алекс начали подбадривать друг друга:

— Прости, приятель, что приходится расставаться, но против обстоятельств не попрешь. Дьявол, мир тесен! Может, нам снова повезет встретиться?

Стэн посадил Килгура на борт корабля, отбывающего на планету Эдинбург, и задумался.

Прежде всего ему хотелось найти такое местечко, где можно было спокойно обмозговать, куда отправиться для проведения отпуска и какую сумму денег с собой прихватить.

Стэн вспомнил о планете, которая оказалась его собственной. «Целая планета? — подумал он.— Никто не может быть владельцем планеты. Это отвратительно. А что, если мне на самом деле принадлежит планета? Если так, неплохо было бы взглянуть на собственные владения. Только желательно отправиться туда с подругой».

Стэн подошел к компьютеру и связался с полицией. Если конкретно, он позвонил в отдел по расследованию убийств, находящийся на Прайм-Уорлде, и вызвал Лайзу Хейнз. Много лет назад они были серьезно влюблены друг в друга. Их роман продолжался до тех пор, пока Стэна не послали на войну с таанцами. Потом он попал в плен.

Стэн смутно надеялся, что Лайза все еще не обзавелась партнером и помнит его. Робот-полицейский подтвердил, что Лайза Хейнз по-прежнему служит в полиции и что он передаст ей послание, но в данный момент она, к сожалению, находится в отлучке.

— Когда вы ожидаете ее прибытия?

— Мы не имеем права выдавать такую информацию,— произнес синтетический голос, после чего экран вдруг поблек, а через секунду раздался человеческий голос. Очень вежливый.

— Говорит центр по принятию сообщений. Вы пытались войти в контакт с Лайзой Хейнз. Мы готовы передать послание... оставайтесь на линии, пожалуйста. Не обращайте внимания на помехи. Не прерывайте связь. Через несколько минут оператор откорректирует сигнал и свяжется с вами.

В силу выработанной за время обучения в спецчасти «Богомол» привычки Стэн старался никогда не попадать в объектив кинокамеры. Поэтому его не было видно, когда загорелась красная лампочка ответа. Стэн выскочил из пункта компьютерной связи и пробежал несколько метров. Оказавшись в центре торгового зала, он увидел, как двое грузных мужчин с коротко остриженными волосами направились к компьютерной будке. Это были головорезы из разведки.

Стэн расплатился с продавцом за какую-то мелочь и затерялся в толпе. Лайзу поглотила война. Очевидно, она выполняла какое-то суперсекретное задание разведки.

«Вот тебе и центр по принятию сообщений»,— подумал Стэн и скорчил гримасу.

Все сводилось к тому, что отпуск придется проводить в одиночестве — во всяком случае, до тех пор, пока он не откроет какой-нибудь местный талант на своей планете. Подумав об этом, Стэн решил отправиться в библиотеку, чтобы выяснить, была ли его планета вообще обитаема.

Не была — по крайней мере, судя по имеющимся данным, разумные существа ее не населяли.

Планета называлась Мостик, чуть меньше средних размеров, с пропорциональной гравитацией и нормальной атмосферой. Находилась планета в трех единицах от умирающей желтой звезды. Климат — средний между тропическим и субтропическим. Флора...

Судя по скупым данным, полученным имперской исследовательской миссией, в планете Мостик не было ничего интересного и примечательного. Впоследствии ее переименовали в Исследовательскую ХМ-Х-1134 с множеством еще и других букв и цифр. Жизнь растений и насекомых была изучена мало. Из собранных сведений невозможно было понять, вредные они или нет. Вода — годная для питья, но ее процентный состав изучен недостаточно. В море обитали некоторые виды съедобных моллюсков, которые стоили того, чтобы по возможности подвергнуть их коммерческому исследованию... Фауна... Насколько понял Стэн, на планете не водились животные, которые могли попытаться его съесть. На Мостике обитало маленькое, довольно застенчивое создание, похожее на кошку, которое способно оцарапать Стэна, если он вдруг окажется вблизи его логовища, да и то маловероятно.

Оказывается, Стэн стал владельцем маленького рая, ему несказанно повезло.

Кем же был человек, прошляпивший такую планету? Ведь, в конце концов, должен же был кто-то дать ей название Исследовательская. Стэн вставил в компьютер дискету из собственной картотеки.

Ответ — никто. Когда-то на ней поселился один авантюрист, заработавший деньги на сомнительном предприятии. Он построил для себя и, как понял Стэн, для своих высокооплачиваемых компаньонов по развлечениям прекрасный особняк — маленькое произведение инженерного искусства — с космопортом в придачу, а затем обанкротился, в очередной раз испытав судьбу.

Настоящий рай. Стэн грязно выругался на матерном таанском языке. Услышав, как кто-то хихикнул, он отпрянул от компьютера.

Смеялась очень молодая, очень высокая и очень белокурая женщина, сидевшая за столом напротив.

— Вы поняли, что я сказал? — спросил он.

— Поняла.

Стэн, отлично сознавая, что пребывание в лагере для военнопленных не лучшим образом отразилось на его и без того не блестящих манерах, покраснел от смущения и извинился.

Женщина, представившаяся Стэну как Ким Лаврансдоттер, объяснила, что владеет литературным, разговорным, матерным и военным стилями таанского языка. Она была доктором наук в области исследований таанской культуры, имела ученую степень по таанской истории и очень обрадовалась, когда узнала, что ее научные труды оценены по достоинству, а саму ее пригласили на Прайм-Уорлд для совместной работы с имперскими социальными аналитиками.

— Возможно, мне следует сказать вам о своей догадке,— произнесла Ким взволнованным голосом.— Мне кажется, разведка регулярно подбрасывает нам пищу для размышлений, хотя напрямик об этом никто не говорит.

Стэн разубедил Ким. У него был доступ ко многим документам, включая совершенно секретные, предназначенные для высшего имперского командования. Впрочем, он не стал посвящать Ким в такие тонкости.

Она была очень красива. А Стэн был очень одинок.

Он предложил ей выпить по чашке кофе. Ким по-прежнему оставалась красивой.

Стэн угостил Ким обедом. На следующий день он пригласил ее навестить своих старых друзей Марра и Сенна в светящейся башне.

Ким очаровала их.

Стэн не переставал восхищаться красотой Ким и на следующее утро, изучая ее обнаженное тело, лежавшее с ним на кровати. Возможно... Стэн был на седьмом небе от счастья, когда узнал, что Ким уже давно собиралась уйти в отпуск и сама уже подумала, как чудесно было бы провести его со Стэном на Мостике. Она никогда прежде

не знала ни одного человека, которому принадлежала бы целая планета, не говоря уже о гоночной яхте, которая доставит их туда.

Ему следовало бы догадаться. И все же он не догадался. Возможно, мировосприятие Стэна все еще находилось на невысоком тюремном уровне? Или дело было в Ким? А может быть, в самой планете Мостик?

Настоящий рай... от арктических склонов до длинных островных берегов, омываемых бесконечными пенящимися волнами. Поистине лакомый кусочек. Особняк был комфортабельным, роботизированным. Холодильники ломились от всех продуктов и напитков, какие только существуют на свете. Даже кошкообразный хищник оказался вполне дружелюбным, проявляющим гораздо больший интерес к необходимым запасам продуктов, находящихся в спасательных лодках, чем к человеческой плоти.

Чередуя праздное времяпрепровождение с исследованием собственной планеты, Стэн кое-чему учился у своей спутницы. Лавранс-доттер, как он понял, вполне заслуживала присвоенных ей ученых степеней. Она была настоящим экспертом таанской культуры. Даже Стэну, полагавшему, будто он поневоле выучился всему, что касалось искусства воина, было чему у нее поучиться. И его ненависть к таанцам утихла. Он испытывал почти жалость к любому простому таанцу, искалеченному обществом и его культурой. Почти, но не совсем. После того как таанские лорды были низвержены, а от самой культуры остались жалкие руины, Стэн мог допустить возможность того, что таанцы имеют право примкнуть к какой-нибудь цивилизованной расе.

Итак, отпуск, состоявший из мечтаний и фантазий дни и ночи напролет, прошел.

Стэну следовало понять. Но он не понял.

Вплоть до того утра, когда проснулся от неясного шума, доносившегося со стороны его космопорта.

Ким зевнула, приподняла с ноги Стэна голову, фыркнула и снова заснула. Стэн потянулся и включил компьютер. На прединангарной бетонированной площадке сидел громадный корабль, по сравнению с которым яхта Стэна казалась карликом. Он ругнулся и вскочил на ноги. Заметив, что Ким снова проснулась, Стэн сердито посмотрел на нее и натянуто улыбнулся.

— В каком ты звании?

— Я — полковник.

— Корпус «Меркурий»?

— Корпус «Меркурий».

Огромным кораблем, севшим на площадку космопорта, была яхта вечного императора «Нормандия».

— Как мне могло взбрести в голову,— удивился вслух Стэн,— будто я, черт возьми, настолько обаятелен, что самая красивая жен-

щина в мире, сидевшая в лаборатории или библиотеке, могла ни с того ни с сего влюбиться в меня?

— Ты себя недооцениваешь,— сказала Ким.

— Спасибо. Но почему ты?

— Вечный император просил передать — когда или если ты узнаешь, кто я такая,— что самый лучший вид словаря — тот, с которым ты спишь.

— У-у... черт!

— Ужасы войны,— сочувственно произнесла Ким.— А теперь... не лучше ли нам одеться и обо всем доложить начальству?

Глава 33

Полный невеселых мыслей, Стэн подошел к сходням «Нормандии», салютовал старшим офицерам, сердито проворчал в ответ на попытку Ким сказать «прощай» и стал подниматься наверх, как положено, в сопровождении одетых с иголочки адъютантов.

Стэн отметил интересный факт — у всех восьми салютовавших ему гурков на руках были белые перчатки, что придавало им необычно глуповатый вид.

Как только адъютанты ввели Стэна в конференц-зал, загудели двигатели Юкавы, и корабль оторвался от поверхности планеты.

Стэн вовсе не удивился, когда обнаружил в помещении младшего офицера Килгура. Алекс громким голосом выражал свое недовольство:

— Хренов император! Надул меня, черт побери. Я-то думал, что прибыло грузовое судно с мрамором для моих палат. Зарубили, гады, весь отпуск, даже не предупредив, а на следующей неделе открывается охотничий сезон!

Поток резкой критики сменился паузой, достаточно длительной для того, чтобы Килгур смог заметить Стэна.

— Босс! Искренне сочувствую, что этот мерзавец вцепился в тебя, как клещ,— и в меня тоже. Чертов император! И откуда он только взялся на нашу голову?

Это было уж слишком. Пальцы Стэна вмиг образовали композицию, обозначающую на языке богомолов следующее: «Заткнись, болван. Помещение прослушивается».

Килгур усмехнулся.

— Да пошел он!.. Пошли все его прихлебатели вместе с их империей!.. Говорю что хочу. Чего им от нас теперь нужно? Послать обратно на проклятую планету Хиз?

— По правде говоря, вы недалеки от истины.

Сухой голос, конечно, принадлежал вечному императору.

Маршал Ян Махони подождал, пока политики вдоволь наговорятся, подошел к окну конференц-зала и многозначительно посмотрел вверх. Двенадцать имперских боевых кораблей зависли над столичным городом планеты Гори.

Махони снова повернулся лицом к собравшимся правителям.

— В общем, ситуация такова: правители Гори решительно настроены сохранять нейтралитет в этой войне. Император уважает такую позицию. Тем не менее, согласно действующему международному договору, подписанному императором и представителем Гори, ваша планета рассчитывает на нашу помощь и поддержку в случае возникновения угрозы нападения со стороны Таанского союза. В этом договоре вы обязуетесь предоставить нам любую тыловую помощь.

Император считает, что над Гори нависла серьезная угроза. Планета может быть уничтожена таанцами. Этого нельзя допустить. Мы предлагаем гарантию безопасности вашей планеты в обмен на ее независимость. Все, о чем мы просим,— это получить доступ к трем вашим главным космопортам да немного жилья для размещения имперских экипажей и обслуживающего персонала.

— А если мы не предоставим вам возможности занять наши порты?

— В соответствии с законами империи к вам будут применены либо силовые, либо другие меры воздействия. Естественно, империя возместит все убытки, связанные с использованием космопортов.

— Таанцы не собираются нападать на нас!

— Они очень скрытные,— сказал Махони, почувствовав, что беседу нужно вести как можно дипломатичнее, хотя ему хотелось начать встречу следующими словами: «Послушайте, ребята! Вы, шуты гороховые, сидели здесь, на самой границе с Тааном, и пользовались всеми благами своего нейтрального положения, поэтому особенно не выступайте. Но так не может продолжаться вечно. К нашему сожалению, нам очень выгодно воспользоваться вашей развитой промышленностью».

— Мы будем протестовать! — заявил один из политиков.

— Имеете полное право. Могу посоветовать обратиться к истории. Имперский Адмиралтейский суд рассматривал подобное дело лет семнадцать назад... Не совершайте подобной ошибки! Наши военные силы будут введены немедленно.

Махони вежливо поклонился, снова взглянул на висевший в воздухе флот и поднял со стола свой шитый золотом головной убор.

— У вас есть шесть часов на принятие решения. До свидания, господа.

Война длилась достаточно долго для того, чтобы даже самые прекрасные моральные принципы подверглись действию коррозии.

Все стенные экраны огромной аудитории показывали моржеподобное существо, плещущееся в энергетическом плавательном бас-

сейне. «Моржом» была Рикор, самый выдающийся в империи психолог, а зал был полон высшими советниками и элитой имперской пропагандистской машины.

Рикор стряхнула пену с усов — при этом спикеры, находившиеся в аудитории, взвизгнули — и подвела итог:

— Вряд ли при помощи имеющегося оборудования мне удастся подробно объяснить каждому из вас, господа, как нужно выполнять работу. Всевозможные предложения и рекомендации, увиденные вами на экране, были разработаны специально для того, чтобы вы взяли их на вооружение.

Естественно, ни одну из секретных или совершенно секретных операций нельзя обсуждать на этом собрании. Могу только сообщить, что наш удар должен быть двойным. Во-первых: победа в системе Дюрер — начало конца. Те, кто доблестно служил империи для скорейшего достижения победы, будут награждены по заслугам. Во-вторых: народы, находившиеся под игом Таанской империи, в особенности нетаанцы, должны развивать и совершенствовать свою культуру.

Освобожденные от врага планеты следует готовить к скорому визиту аккредитованных журналистов и героев войны. Политика, которая будет проводиться на этих планетах, должна оказаться наиболее либеральной.

Спасибо за внимание. На наших следующих семинарах мы попытаемся и дальше развивать некоторые из основополагающих тенденций нашей долгосрочной стратегии.

В центре зала поднялась женщина.

— А какие меры будут предприняты относительно таанцев? О чем будут вещать средства массовой информации?

— Я снова хочу подчеркнуть, что не собираюсь обсуждать секретные операции. Могу сказать лишь одно: в окраинные районы Таанского союза будут введены имперские соединения, которые по мере освобождения новых планет будут продвигаться в глубь систем. Средства массовой информации получат сведения, в точности отражающие реальную картину происходящего.

— Даже если мы проиграем следующее сражение?

— Даже в этом случае. Мы должны на деле доказать таанским гражданам, что их лидеры никогда не говорили правду.

— А как же насчет попыток дискредитации?

— Полагаю, вы имеете в виду листовки, в которых говорится о грубых ошибках имперцев и их жестоком обращении с мирными жителями, приводятся примеры коррупции в тылу и так далее? Я знакома с некоторыми конкретными приказами вечного императора. Можно было выразиться повежливее, но... он сказал, что, если таанцы сами напрашиваются, пусть будут пушечным мясом.

— Спасибо.

— Насколько я понимаю,— произнес молодой человек,— у нашей расы есть одна проблема.

Сэр Эку, выдающийся дипломат манаби, парил над безупречно чистым настилом пустого завода. Трехметровый хвост плавно извивался у него за спиной.

— Надеюсь, вы меня поймете,— продолжал молодой человек.

Эку взмахнул крыльями — жест, который мог быть принят за одобрение.

— Мы рассматриваем нашу расу как единое существо начиная с каменного века на планете, известной под названием Земля, когда мы правили по законам расовой справедливости, и вплоть до тех дней, когда более сильная раса напала, покорила и почти полностью уничтожила нас. Но мы терпели столетиями и выстояли. Когда мы эмигрировали в нашу теперешнюю систему, то твердо решили, что больше не пойдем на поводу у обстоятельств. Ответ нам подскажут история и расовая память. Мы стали дальновидными. В этом была наша первая ошибка. Мы пренебрегли повседневными заботами. Мы забыли о том, что сидящих на ограде не любят те, кто находится по обеим сторонам от нее. Каков результат? Мы строим заводы перед самой войной, а когда она начинается, отказываемся выпускать военную продукцию. И все утрачивают к нам интерес... Кроме тех,— поспешно добавил молодой человек,— кто хочет заставить нас спекулировать. Мало того, они требуют, чтобы мы отдавали им девяносто процентов прибыли, а себе брали всего десять, да и то лишь потому, что мы готовы выполнять заказы и бить в их барабаны.

Но есть еще и другие — таанцы, которых мы так долго уговаривали не ссориться с нами, настаивали на том, что будем принимать их корабли, снабжать всем необходимым, удовлетворять все требования их экипажей и сохранять нейтралитет. Таанцы взимают с нас налог, потому что понимают — мы не хотим с ними ссориться.

Это еще куда ни шло. Ресурсов у нас хватит для поддержания рабочих, да и терпимости у тех, кто продает свои услуги и тела таанцам, предостаточно. А вот что будет потом?

Манаби были известны империи как отличные дипломаты. Эти существа обладали способностью летать по воздуху и считались абсолютно нейтральными — и поэтому идеально подходили для выполнения заданий государственной важности. Никто не знал, что сразу после начала войны с таанцами сэр Эку объявил о поддержке империи. Не потому, что верил в освободительную миссию императора, но потому, что считал поражение империи равносильным установлению варварского режима. Об этой поддержке было известно разведслужбе манаби, вечному императору и никому больше. Для таанцев и простых жителей империи манаби по-прежнему оставались нейтральными дипломатами.

— Что будет потом,— начал Эку,— неизвестно. Хочу надеяться, что опыт прошлого и вера в расовую индивидуальность укажут вам дорогу. Я благодарен за доверие и понимаю серьезность проблем. Но причина, по которой я здесь нахожусь, не имеет к ним никакого отношения. Представитель вечного императора попросил меня передать следующее.

Император отметил тяжелое положение Пяти наций и глубоко опечален по этому поводу. Он обещает предоставить вдвое большее количество АМ-два вашим планетам и надеется, что возникшие проблемы мало-помалу станут разрешимыми.

Молодой человек произвел на сэра Эку большое впечатление, поскольку выражение его лица менялось всего трижды за время беседы.

«Возможно,— подумал дипломат,— по прошествии нескольких эпох люди стали менее восприимчивы».

— Какие гарантии?

— Прошу прощения?

— Я имею в виду юридические обязательства.

— Никаких.

— Я не привык верить на слово,— сказал молодой человек.

— Меня предупредили,— продолжал сэр Эку.— Тем не менее ваши порты должны быть готовы к прибытию шести имперских кораблей-энергоносителей через шесть дней после моего прибытия в вашу систему.

Не получив сиюминутного ответа, сэр Эку вспорхнул вверх, и его огромное тело, покрытое черно-красным оперением, покинуло помещение, направившись в сторону корабля. Любопытно, сколько времени понадобится Пяти нациям на решение о выходе из нейтралитета и объявлении о том, что они переходят на сторону империи?

Сэр Эку подумал о том, что его умственные способности начинают потихоньку деградировать, и заволновался, что его это не беспокоит.

Командир огневой точки Хибнир был счастливым человеком, находящимся в самом отчаянном положении.

Раньше он был несчастен в любом положении. По крайней мере, он считал, что возделывать собственный огород гораздо лучше, чем попасть в таанскую армию и участвовать в боях.

Отряд, в котором воевал Хибнир, был уничтожен, в живых остался он один. Потом он ухитрился напороться на имперский форт — и благополучно вернулся, доложив командованию о местоположении врага. Более того, его не послали участвовать в последовавшем кровавом нападении на злополучный форт. Начальство осталось довольно Хибниром и продвинуло его по службе, отправив на совер-

шенно безопасную планету-суперкрепость Итан. Награжденному медалями солдату, чья позиция находилась на самой вершине высокой скалы, надлежало первым вступить в бой с любым имперским соединением, командование которого окажется настолько глупым, чтобы атаковать Итан.

Хибнир, уже имевший горький опыт в отношении того, что значит попасть под обстрел, переоценил свое назначение.

Он был мишенью. А в мишени имеют обыкновение стрелять.

Хибнир не знал точно, что предпринять в подобной ситуации. Не знал он и как приступить к выполнению своих обязанностей, какие приказания отдавать подчиненным, чтобы его не отослали обратно на линию фронта, в штурмовой отряд.

Но самым главным было то, что он не имел ни малейшего понятия, куда отступать, если на форт все-таки нападут.

Хибниру снова очень повезло.

Его подразделение состояло из добровольцев таанского отряда «Пылкой молодежи», которые обожали своего командира — героя битвы при Кавите, разведчика, указавшего бравому герою, покойному капитану Сэнтолу, дорогу во вражеский форт,— и хотели доказать ему, что достойны его доверия.

Иными словами, они установили собственные правила — еще более строгие и жесткие, чем зверские требования таанского устава, и вели образ жизни, близкий к спартанскому. Командиру огневой точки Хибниру оставалось только изредка обходить своих бойцов, давать туманные указания — и отправляться по своим делам.

Хибниру повезло еще и потому, что он не испытывал особого интереса к роскошным апартаментам, служебной карьере или милостям начальства. Взводы «Пылкой молодежи» восторгались им и перенимали все его привычки. Каждый воин считал его примером, достойным подражания.

Но Хибнир был слишком глуп, чтобы понять, как ему повезло. Поскольку отряд, находившийся под его командованием, управлялся, казалось, сам собой, Хибнир целыми часами бродил у подножия утесов, выискивая безопасное местечко, в котором можно было бы спрятаться, когда дракх свалится с неба.

Однажды он сделал очень интересное открытие. Под его фортом, у подножия скалы, простиралось несколько гектаров совершенно ничьих фруктовых деревьев.

В крохотном мозгу Хибнира вспыхнул интерес. Он невзначай бросил, что в хозчасти гарнизона нет садовых инструментов. Сбитый с толку помощник Хибнира решил, что герой Кавите будет обучать солдат чему-то совершенно необычному, возможно — мыслить другими категориями.

Двумя днями позже командира огневой точки Хибнира снабдили крюками, секаторами, лестницами и корзинами. Счастливый и

радостный Хибнир исчез со всеми этими причиндалами в низине. Солдаты «Пылкой молодежи» были уверены, что в свое время узнают, чем он занимается.

Еще один подарок судьбы: главнокомандующий Итана, некий адмирал Молк, заинтересовался искусством разведения фруктов. Ему стало интересно, почему определенная стратегически расположенная ракетная точка сделала запрос о фермерских инструментах, и он решил нанести неожиданный визит на обозначенную точку. «Пылкая молодежь», поверженная в шок оказанной ей высокой честью, отправила адмирала Молка вместе с его телохранителем к подножию утеса, чтобы они собственными глазами увидели, какими важными делами занимается их командир.

Хибнир пересчитывал почки на деревьях, беззвучно поводя в воздухе ножницами, пытаясь выяснить, какую ветку и где нужно подрезать, как вдруг услышал звук приближающихся шагов.

Молк тоже был очень везучим таанцем.

Приблизительно в этот момент шесть имперских флотов обрушились на Итан. Неуязвимые крепости оказались не такими уж неуязвимыми, поскольку их генералы за долгие годы бездействия порядком обленились. Они были уверены, что решиться напасть на них может лишь выживший из ума идиот. И почивали на лаврах собственной значимости в слепой вере в собственную безопасность. Но враг не дремал.

Имперский адмирал, командующий флотами, был очень разочарован, что на Итане не оказалось таанских линкоров. После разгрома армии в Дюрере все они в основном были доставлены на Хиз для ремонта.

Тем не менее главный удар был нанесен. Командир огневой точки Хибнир попал под обстрел при первом же нападении; к счастью для него и его фруктовых деревьев, по ним был выпущен не ядерный снаряд. Впрочем, для «Пылкой молодежи» это не имело большого значения. Из отряда уцелело всего трое, да и те были настолько тяжело ранены, что прожили всего несколько минут после нападения.

Когда огонь и дым развеялись, а подземные толчки прекратились, шесть таанских крейсеров, двенадцать эскадренных миноносцев, а также множество вспомогательных и транспортных судов остались лежать искореженными на взлетных площадках.

Итан все еще представлял собой неприступную крепость. Однако без важных военных кораблей, базирующихся на планете, при наличии имперских сил, отрезающих пути, по которым на Итан поступала помощь, это не играло роли. Руководство Итана могло выбирать, что делать до окончания войны. Несколько сот других таанских цитаделей были изолированы от внешнего мира, оказались в бездействии и перестали приниматься в расчет после проведения подобных операций.

Нельзя сказать, что командир огневой точки Хибнир бездействовал. Он был очень занят — инструктировал адмирала Молка, как правильно выращивать фрукты. Это было очень важное занятие, поскольку таанцы забыли о планете Итан и о том, что люди на ней тоже хотят кушать. После девяти месяцев покорного выслушивания инструкций адмирал Молк попросил, чтобы Хибнир называл его Юки.

Адмирал Масон догадывался, что слово «дипломатия» находится в словаре где-то между словами «дилижанс» и «диссидент». Этим можно было объяснить его ответ, когда предполагаемый нейтральный конвой пожаловался: «Имперские отряды... не понял ваш приказ оставаться на месте для взятия на абордаж. Мы из системы Юмид. Мы — союзники империи. На борту нашего грузового судна находится ценный энергетический груз. Пожалуйста, ответьте. Прием окончен».

Если бы Масон был вежливым человеком, он бы ответил по линии компьютерной связи или взошел бы на борт корабля и передал необходимые сведения лично.

Система Юмид, которая действительно была союзником империи на бумаге, снабжалась определенным количеством АМ-2. Согласно информации, полученной шпионами империи, система более двадцати процентов этого ценнейшего топлива продавала таанцам.

Воспитанный человек так бы и объяснил командиру корабля причину его задержания. Но Масон ответил следующим образом:

— Кораблям Юмид. Всем кораблям Юмид. В вашем распоряжении осталось семь минут. Готовьтесь к абордажу. Любое сопротивление будет подавлено. Всем кораблям Юмид, всем членам экипажей. Приготовьтесь покинуть корабли. Груз подлежит уничтожению.

Оставалось только надеяться, что адмирал Масон не выживет в войне и потому не станет доказывать, что император разделял его бредовые идеи.

— Перережь,— приказала Хейнз.

Солдат кивнул, нажал на кнопку горелки и разрезал пламенем энергетический кабель, ведущий в обшарпанное многоэтажное здание, в котором находились жилые квартиры.

— Хорошо. Вперед! — крикнула Хейнз.

Женщина с дубинкой в одной руке, виллиганом в другой, имеющая два звания — майора (корпус «Меркурий», временный резерв) и капитана (Имперская полиция, Прайм-Уорлд, отдел по расследованию убийств), по имени Лайза Хейнз, повела отряд боевиков наверх. Два мастодонта из службы безопасности выломали дверь как раз перед приходом Хейнз, которая, не теряя ни минуты, ворвалась в квартиру.

Пожилая седовласая женщина вскочила с кровати, растерялась, стала набрасывать на худые плечи рваную накидку, отдаленно напоминающую кружевную.

— Имперская разведка,— объявила Хейнз для проформы.— Андреа Хайил, вы арестованы как агент вражеской разведки. Предупреждаю, что вы можете быть задержаны на срок до шести циклов без права на обжалование в суде и обращение к адвокату. Также предупреждаю, что вы можете быть подвергнуты допросам по закону военного времени. Любое содействие следствию будет учтено при разбирательстве в суде.

Головорезы, не нуждающиеся в приказах, вывели пожилую женщину из помещения и спустили вниз по лестнице в считаные секунды.

В квартиру вошла группа обыска. Как и ожидалось, передатчик нашли за несколько секунд. Он был по-дилетантски спрятан в туалетном столике с двойной дверцей.

Хейнз оставила группу свидетелей рассматривать фотографии и спустилась по лестнице.

Они обошли уже шесть адресов. Осталось еще два. Более двенадцати тысяч рейдов совершила имперская разведка почти в один и тот же час. На установление личностей секретных таанских агентов, засланных на крупные планеты империи, уходили годы. И затем их всех взяли практически одновременно.

Сейчас Хейнз испытывала отвращение к своей работе еще больше, чем после официально санкционированных «исчезновений», свидетелем которых она стала, когда был раскрыт тайный заговор Хаконе — заговор, послуживший поводом к началу войны.

Разоблаченных шпионов изолировали, а затем им предоставляли право выбора: стать двойным агентом либо быть казненным. Наказание за шпионаж в военное время никогда не менялось.

Уловка сработала. Почти тотчас таанская разведка начала получать фальшивую информацию. Отдельные предатели-имперцы, работавшие на таанцев и поставлявшие противнику правдивую информацию, в конце концов были выслежены, арестованы и казнены вместе с теми таанскими агентами, которые остались истинными патриотами своей родины.

В результате таанская шпионская сеть стала одним из самых смертоносных орудий империи.

Глава 34

Младший офицер Килгур погрузился в состояние, близкое к шоковому, когда понял, что обругал вечного императора на чем свет стоит в его личном присутствии.

Император снизошел до холодной улыбки.

— Спасибо за вашу оценку моих качеств, мистер Килгур. Не хотите ли пройти в следующие палаты для беседы?

Алекс молча отдал честь и на ватных ногах прошел через индикаторный люк, бесшумно раскрывшийся и закрывшийся за ним.

— Во времена вроде этих,— сказал император,— люди тяготеют к тому, чтобы немного расслабиться спиртным, как это только что сделал я. Разлейте по бокалам стрегг, друг мой.

Стэн, столь же покорный, как и Алекс, подошел к буфету и наполнил бокалы бхоровским спиртным, по всей вероятности сделанным на основе гидразина, с которым сам же и познакомил вечного императора несколько лет назад.

Властитель сидел в удобном кресле, положив ноги на стол. Стэн подал ему напиток.

— Чин-чин,— произнес он тост.

Стэн пробормотал в ответ что-то невнятное.

— Так вот,— начал император,— я хочу, чтобы вы, два головореза, отправились обратно на Хиз.

— Да, сир,— ответил Стэн после того, как стрегг опустился на дно его желудка,— как бы то ни было... когда я покидал планету, там оставались люди, по-настоящему интересующиеся мной.

— С тех пор все изменилось,— заверил император.— Кое-кто, очарованный твоей обворожительной улыбкой, внедрил вирус в таанский центральный компьютер. Складывается впечатление, что ни парня по имени Стэн, ни снайпера по имени Горацио никогда не существовало в природе. Никакого удостоверения личности, сведений о заключенном, никаких данных. Есть какие-нибудь соображения по поводу того, кем может быть твой неизвестный благодетель?

Стэн молчал.

— Кем бы ни был этот компьютерщик, он заслуживает всяческих похвал. Вы готовы отправиться обратно на Хиз? Полагаю, ты уже догадываешься, каким будет следующее задание, если вдруг надумаешь отказаться, черт побери.

Стэн еще не догадался.

— Э-э,— осмелился предположить он,— зашлете на какую-нибудь шаланду-мусорщик?

— Адмиралы не возятся с бачками, наполненными дракхом.

— Что?! — вырвалось у Стэна.

Император улыбнулся.

— Ты самый наблюдательный разведчик, Стэн. Подумай. Сколько моих гурков, имевших глупый вид в белых перчатках, находилось на сходнях, когда вы поднимались на борт корабля?

— Восемь,— ошарашенно пробормотал Стэн.

— Точно,— сказал император.

Стэн без разрешения встал, налил себе еще стрегга, осушил бокал и снова наполнил его, постепенно приходя в себя.

— Выполнив задание на Хизе, ты получишь боевой эскадренный миноносец и будешь лихим командиром, при медалях и звезде, гордостью нации и императора.

Перспектива стать народным героем Стэна вовсе не прельщала. А вот эскадренный миноносец и звезда... Стэн даже мечтать не мог о таком. Много лет назад он решил стать профессиональным военным. Со временем Стэн понял, что в конце карьеры его ждет если не могильная плита, то тяжелое ранение и увольнение в звании полковника — возможно, учитывая флотскую подготовку, командора.

Император молча наполнил свой бокал.

«Конечно,— размышлял Стэн,— я мог бы нанести серию серьезных ударов по таанцам. Уж я-то знаю, как работают их мозги. Передо мной не устоит ни один боевой таанский корабль. То, что происходит у них в тылу, мне тоже хорошо знакомо. Но как считает император, на мне свет клином не сошелся».

— Почему ваш выбор пал именно на меня? — спросил Стэн безучастным голосом, словно разговаривал с таанским охранником.

— У агентов, которые работают на Хизе, кишка тонка. Имеющиеся там шпионские сети довольно низкого уровня и, как я подозреваю, контролируются таанцами. Это одна проблема. Твой бочкообразный сопровождающий сможет встряхнуть их, если захочет составить тебе компанию. Мне нужен на Хизе личный агент. Сложившуюся ситуацию можно назвать если не началом конца, то концом начала. Мне нужен человек, который будет выполнять роль шпиона и дипломата одновременно.

Тем не менее я не восхваляю тебя и не считаю идеальной кандидатурой. Ты по крайней мере на столетие моложе, чем нужно, и руки твои по локти в крови — на роль шпиона моей мечты не тянешь. Махони, когда ты впервые встретился с ним на Вулкане — не дергайся, я сделал маленький экскурс по твоей памяти,— был бы идеальной кандидатурой. Но у него слишком острые клыки, и он, черт побери, слишком хорош как адмирал флота, чтобы прозябать на Хизе.

Итак, настало время принятия решения. Стэн уже знал, что отправится на Хиз. Не только потому, что ему посулили хорошую награду, а и потому, что он лично хотел разрешить некоторые проблемы. Одной из них были пленники Колдиеза.

— Спасибо, адмирал,— сказал император, не дожидаясь ответа.— Мои разведчики обсудят с вами все вопросы и посвятят в план действий.

Стэн встал.

— Думаю, я лучше разработаю собственный.

— Твое право. Как я уже сказал, на сей раз единственным твоим боссом буду я. Все приказы исходят только от меня. Как ты будешь

их выполнять — и даже будешь или нет — выбирай сам. Ты — человек на своем месте. Ох, да, чуть не забыл! Махони может кое-чем помочь. Он сказал, что в Колдиезе был один военнопленный. Кажется, его звали Соренсен. Правильно?

Стэн кивнул, вспомнив крупное улыбающееся лицо фермера. Он и Алекс часами спорили по поводу того, является ли Соренсен «боевым компьютером» «Богомола».

— Отлично,— сказал император.— Махони просил передать, что кодовая кличка Соренсена — Сайдер, если это имеет для тебя какое-то значение.

Стэн улыбнулся своим мыслям, но император еще не закончил речь.

— Можно попросить тебя об одном одолжении?

Стэн насторожился.

— Если ты вдруг решишь скинуть их хреново правительство, не ставь на его место какого-нибудь антропоида, который любит стрегг и не умеет разговаривать на моем языке. А если уж сделаешь это, дай мне знать первому. Хорошо?

Стэн отдал честь и вышел через автоматические двери люка. Ему оставалось теперь только отправиться на брифинг, где будут обсуждаться подробности командировки, выслушать Килгура, который начнет сетовать, как ему «хочется» отправляться обратно на Хиз, а затем найти Вайлда и дать ему знать, что время сидения в засаде для нейтральных контрабандистов закончилось.

Глава 35

Волмер, издательский магнат и член императорского Тайного совета, горделиво упивался тем, как лихо работают его мозги даже в крайне сложной обстановке.

Никому в глаза не бросаясь, он сидел молчком — среди убийственного шума — у дальнего конца стойки одного из баров при доке космопорта прайм-уорлдского города Соуарда. Забегаловка была набита пестрым сбродом — тут собирались отпетые из отпетых. Игнорируя разноязыкий говор вокруг, Волмер предавался серьезным размышлениям.

Но часть его сознания цепко наблюдала за окружающими — на предмет, с кем бы ему завертеть приключение в этот вечер.

Волмер и слыхом не слыхивал выражения «полиморфный извращенец» и был бы жутко обижен, случись кому-либо обозвать его подобным образом; разумеется, прежде чем взвиться от злости, магнату пришлось бы заглянуть в словарь и выяснить, что это выражение обозначает человека с целым букетом сексуальных, мягко говоря, причуд.

В натуре Волмера действительно было много темного. Богат он был — ни в сказке сказать, ни пером описать. И конечно же, имел возможность удовлетворить за деньги любую из своих сексуальных фантазий — да так, чтобы все было шито-крыто, без риска и комфортно, с «доставкой на дом». Однако он предпочитал самостоятельно находить утехи, спускаясь на самое дно общества. Ему было нипочем оказаться в сточной канаве с набитой мордой и вывернутыми карманами, если такой ценой случалось купить упоительнейшую ночь с чертовски привлекательным экзотическим сексуальным партнером — где-нибудь в грязном гостиничном номере или под ворохом тряпья возле помойки.

Об этой тайной стороне его жизни знали сливки репортерского корпуса — процента два самых обласканных. Если они и зубоскалили по этому поводу, то лишь между собой. Однажды до Волмера дошел слух, что и вечный император балуется опасными экскурсиями на дно общества. Когда газетные ищейки, пущенные по следу, не смогли найти тому убедительных доказательств, Волмер в сердцах уволил шестерых журналистов, которые не справились с заданием отыскать компромат на властителя.

Как бы то ни было, по меньшей мере раз в месяц Волмер отправлял телохранителей и обслугу в двухдневный отпуск, а сам ускользал через заднюю дверь своего роскошного особняка в неизвестном направлении — соответственно переодевшись под «человека из народа».

Он воображал, что перевоплощается идеально и на городском дне его держат за своего — невзирая на сопутствующий ему ореол некоторой таинственности. В действительности даже среди городского отребья, где у каждого свои прибабахи, за ним закрепилась слава долбанутого. Однако некоторое время назад про него разошелся коекакой слушок, и было решено нынешним вечером на эту информацию отреагировать самым решительным образом.

Другая часть волмеровского сознания прокручивала обстоятельства недавней встречи на Земле с Сулламорой и прочими. Теперь ему казалось, что он слегка погорячился. Возможно, Сулламора и остальные обдумали потенциальные проблемы тщательнее, чем это сделал сам Волмер. Возможно, ему стоило бы помолчать и проявить более живой интерес к их словам... если он — вдруг пришла ему мысль — вообще правильно эти слова понял. А что, если он их недопонял и поспешил с выводами?

Волмер мысленно похвалил себя за открытость любым предположениям, даже если они мало льстят его самолюбию. «Именно благодаря подобной гибкости мышления,— добавил он про себя,— я вознесся на такую высоту и стал заправилой в мире средств массовой информации».

Увы, он не знал, что его сотрудники своего шефа именуют между собой «старина Бумнебум» — никто не помнит, кто из журналистов и по какому поводу пустил это словечко, но служило оно для обозначения обалдуя, который ни на что не может решиться, прежде чем не вымотает нервы всем окружающим.

«Ну а если я понял правильно,— продолжал он свои размышления,— тогда не будет ли безопаснее доложить императору о моих подозрениях? Впрочем, подозрения — это слишком крепко сказано. Пока что ничего конкретного я сказать не могу. А если меня угораздило неправильно понять Сулламору и прочих? Каким же суперослом, каким нелепым паникером-неврастеником я себя выставлю перед всеми, без всякой нужды побеспокоив императора!.. Быть может,— заключил свои размышления Волмер,— умнее всего — ничего не предпринимать. Быть может, стоит еще раз переговорить с Сулламорой, а пока все пусть идет как идет. Да. Это и есть верная линия поведения».

Довольный тем, что в очередной раз принял решение увильнуть от решения, Волмер наконец сосредоточил все свое внимание на утехах, которые обещал предстоящий вечер. Когда к нему подсел молодой красавчик и стал предлагать разных соблазнительных сексуальных партнеров, в том числе — прозрачными намеками — и себя самого, Волмер выслушал его с благосклонным интересом. Недурственно. Однако следующий рассказ юноши его прямо-таки заинтриговал: речь шла о пикантных событиях в морге некоей больницы — с участием больничного персонала.

А молодой красавчик и впрямь был продажным типом. Только он не секс-услуги продавал. Он был нанят за большие деньги — избавить кое-кого от потенциальных неприятностей.

Согласно недавнему слушку, Долбанутый совсем не тот, за кого себя выдает. На самом деле это переодетый легаш с крепкой легендой. А чем еще объяснить то, что за последний месяц полиция арестовала чертову уйму соуардских сутенеров — и всем впаяли срок? Выходит, неизвестно откуда взявшийся слушок очень похож на правду.

И была своя логика в том, что боссы уголовного мира, каждый из которых мнил себя самым могущественным и самым страшным для остальных, объявили цену за голову Долбанутого. А молодой красавчик взялся его замочить.

Битых два часа Волмер, нагружаясь алкоголем, зачарованно слушал некрофильские россказни смазливого юноши. Потом Долбанутый совсем окосел, его профессионально огрели пониже левого уха мешочком с песком, вывернули ему карманы, сорвали с него дорогие украшения, сняли новенькие полуботинки и перевалили бесчувственное тело через балконную решетку. Четырьмя этажами ниже раздался глухой удар о бетон.

Когда через два дня прогремела весть о находке трупа, Танз Сулламора разыграл подобающее случаю потрясение. Кипя возмущением, он заявил, что отныне патрулирование района доков будет вестись строже прежнего и под особый контроль попадут все прилегающие территории. Касательно причин чудовищной трагедии... Он не сомневался, что Волмер, всеми уважаемый руководитель средств массовой информации, вел собственное расследование деятельности коррумпированных чиновников — саботажников военного времени, за что и поплатился жизнью. Сулламора даже назначил денежное вознаграждение тому, кто выдаст подонков, убивших его дорогого друга.

Глава 36

Четыре таанских офицера хмуро взирали на Сент-Клер. Даже в парадных мундирах, при всех регалиях, они походили на что угодно готовых рецидивистов. Но при этом на лицах офицеров прочитывалось такое спокойное высокомерие, что Сент-Клер догадалась об их высоком ранге прежде, чем разглядела знаки различия. Безупречный пошив мундиров и посеребренные виллиганы на поясе подтверждали ее догадку. В небольшой прихожей четыре человека казались толпой, и первым порывом Сент-Клер было дать деру. На лицах офицеров было то самое зловеще-угрожающее выражение, с помощью которого высшие таанские чины добиваются беспрекословного повиновения нижестоящих.

Подавив желание убежать, Сент-Клер одарила гостей подчеркнуто приветливой улыбкой.

— Уважаемые господа,— проворковала она,— при входе будьте добры сдать оружие и показать ваши кредитные карточки.

Произнеся это, она жестом пригласила их пройти в главный зал Сакс-клуба — в Шабойе, хизском квартале игорных домов и прочих ночных заведений, этот клуб был одним из самых фешенебельных и процветающих.

«Мое, здесь все мое»,— пело сердце Сент-Клер, пока она наблюдала за работой дебелого, но мускулистого швейцара-охранника. Хорошо вышколенные таанские офицеры прошли ко входу с поклонами и поклончиками, приветствуя даму и вежливо пропуская друг друга вперед. Это смягчило некоторую неловкость процедуры прохода в зал: чтобы попасть в привилегированный клуб, куда пускали только постоянных членов, следовало сдать на хранение оружие и предъявить кредитную карточку. Уже через несколько секунд ранг офицеров и их платежеспособность будут подтверждены, затем они поставят отпечатки своих пальцев под контрактом о членстве в клубе. Согласно контракту, если у его членов возникают финансовые трудности,

то Сакс-клуб возглавляет ряд кредиторов, которым долги возвращаются в первую очередь.

Необходимые процедуры были проделаны быстро, с шутками и прибаутками, так что даже на суровых лицах таанских офицеров, привыкших являться на публике с непроницаемым видом блистательных патрициев, зацвели улыбки.

Несколько секунд спустя дверь, ведущая в зал казино, наконец распахнулась, и четыре таанских офицера, тихо пересмеиваясь, прошли внутрь, где гудела толпа — люди пили, ели, надрывно веселились и просаживали бешеные деньги у игорных столов, обогащая Сент-Клер. Кто знает — может, они догуливали последние деньки на свете! В любой момент удар имперского космофлота мог истребить все живое на планете.

Опять зазвенел старомодный колокольчик у входа, возвещая о приходе новых посетителей. Сент-Клер жестом приказала швейцару самостоятельно заняться клиентами. В этот поздний час в клуб заглядывают преимущественно постоянные клиенты, и у Сент-Клер не возникает необходимости вежливо выпроваживать случайных гостей.

Сент-Клер последовала за таанцами в игровой зал. Самое время проверить, как идут дела у крупье. Впрочем, это было пустой формальностью — дела шли прекрасно, члены клуба играли как сумасшедшие, проигрываясь в пух и прах. Утром, когда Сент-Клер станет подбивать итоги, окажется, что заведение в очередной раз побило рекорд прибыльности.

Будучи вроде бы типичным многоэтажным казино в районе игровых заведений округа Шабойа, принадлежащий Сент-Клер Сакс-клуб отличался от прочих по трем пунктам: во-первых, не гнался за сверхприбылью; во-вторых, не гнался за сверхприбылью; в-третьих, не гнался за сверхприбылью. И благодаря этому сверхприбыль — имел.

Сент-Клер четко поняла, что нет нужды облапошивать клиентов и драть с них максимум — гости и так оставляют за игорными столами более чем достаточно. После того как конкурирующие казино за один вечер бессовестно обирали клиентов, они их теряли навсегда. Когда у людей снова появлялись деньги, они предпочитали идти в Сакс-клуб, где заведение брало себе «честные» проценты — обирая своих гостей медленнее, но вернее.

Впрочем, заведение перешло в руки Сент-Клер именно благодаря бесчестности. Его предыдущий владелец, подобно многим другим хозяевам казино, не справился с экономическими передрягами военного времени. Налоги на игровой бизнес взмыли вверх, цена на электроэнергию возросла, возник дефицит на продукты, оборудование. И многие казино — вместо того чтобы искать новые пути при-

влечения клиентов — стали урезать часы работы и бесчестно перепрограммировали игровые автоматы так, что выиграть у них стало практически невозможно. Такие горе-казино превратились в места торопливого грабежа, и публика их обходила стороной; они стали пустовать, еще больше сокращать часы работы, пока не закрылись вовсе.

Если бы Сент-Клер оценивала возникшую ситуацию с чисто деловой точки зрения, а не имела задней мысли о том, как бы половчее спрятаться на виду, дожидаясь, пока ее и Л'н выручат из беды, она бы пришла к тем же выводам.

Да, война приносит с собой нехватку многих привычных вещей и продуктов. Все правильно. Но можно взглянуть на тот же факт иначе: дефицит означает лишь то, что цены на предметы потребления круто растут. Кошельки клиентов тощают. Однако тратить они не прекращают. И остервенело норовят сорвать куш и быстро обогатиться через азартные игры. Значит, самым процветающим будет тот бизнес, который специализируется на пороках и клюет понемногу, но упрямо. Грошик к грошику — вот и успех. Обратив внимание на то, как взлетели доходы всякого рода лотерей и тотализаторов, Сент-Клер обеспечила взлет своих собственных доходов.

Буквально через несколько недель после того, как им с Л'н удалось бежать, Сент-Клер оказалась владелицей игорного клуба. Клуб находился на грани банкротства и упал ей в руки перезрелым плодом — не надо было и дерево трясти.

Собственно говоря, они провели в бегах совсем немного времени, прежде чем перешли на легальное положение. Сперва Сент-Клер решила стать охотницей за кошельками богатых стариков, затем эту мысль отбросила, когда сообразила, что без нее Л'н не выжить и им надо держаться вместе. Приходилось целиком положиться на удачу и действовать по наитию. Никакие поддельные документы не могли сгодиться на все случаи и оградить ее и Л'н от всех опасностей — поэтому Сент-Клер попросту не носила их с собой.

Ее удостоверением личности стал наглый блеф.

Как только они выбрались из туннеля, она решительно направилась к ближайшей станции гравипоездов. Призвав на помощь королевскую самоуверенность, она так обаяла продавца билетов, так задурила ему голову, что он продал ей два места на поезд, который направлялся в центр города. В вагон первого класса.

— Пропуск на транспорт? Карточка потребителя? Душа моя, да я же объяснила вам, я где-то посеяла все эти картонки. Что же вы теперь — казните меня за мою рассеянность? Да, каюсь, я глупая и беспечная. Хотите, встану перед вами на колени? Рубите мне голову! Вот видите, я молю о прощении! — Тут она сложила руки, как для молитвы, и обозначила поползновение встать на колени. Вместо этого

она лишь очаровательно поклонилась — с трогательным смирением.— Вот видите, мой хороший? Вы удовлетворены?

Ее настойчивое желание встать на колени вогнало в краску бедолагу, продававшего билеты. Так роскошно одета! Не иначе как богатая дама или содержанка какого-нибудь таанского генерала. От одной мысли обидеть такую особу у клерка мурашки побежали по спине. Он беспрекословно протянул ей билеты, даже не поинтересовавшись, а зачем ей, собственно, целых два? У него мелькнула смутная мысль, что второй билет предназначается для странного розоватого мохнатого существа, сопровождавшего норовистую дамочку. Шут их знает, этих богатеев, может, у них принято покупать билеты для своих домашних животных!

Сент-Клер и Л'н разом глубоко и облегченно вздохнули, когда наконец очутились на сиденьях внутри поезда и услышали, как на высокой ноте заработали его генераторы. Но тут раздались громкие лающие приказы — и двигатели сбавили обороты, их шум сошел на нет. По проходу загремели тяжелые шаги. Сент-Клер поклялась себе сохранять беспечный вид и не поднимать взгляда. Краем глаза она все же видела, как кто-то, явно облеченный большой властью, распекает пассажира на сиденье прямо перед ней. Она почувствовала, что Л'н дрожит от страха. Сент-Клер как бы рассеянно положила руку Л'н на загривок и стала ласково поглаживать ее по мягкому меху, стараясь успокоить — без особого успеха.

Голос представителя власти гремел все громче. Пассажир плаксиво оправдывался. Л'н не сдержалась и глухо застонала. И тут Сент-Клер не выдержала — вопреки своему решению она подняла глаза и уперлась взглядом в лицо одетого в черную униформу таанского блюстителя порядка с мордой головореза.

О, ей никогда не забыть его глаз! Цвета глубоководной рыбы или грязной мыльной воды после стирки. Эти глаза склизко ощупали сперва ее. Потом Л'н — дрожащий мохнатый клубочек. Потом снова ее.

Рыбьеглазый раздраженно швырнул пассажиру на колени его бумаги и шагнул в сторону Сент-Клер. Та изобразила губами нечто вроде спокойно-надменной улыбки — в соответствии со своей ролью дамы из высшего общества. Она приготовилась шарить рукой в кармане своей кофточки в поисках несуществующего удостоверения личности.

Рыбьеглазый склонился в ее сторону... И вдруг — о чудо из чудес! — расплылся в улыбке, оголяя щербатую пасть с черно-желтыми пеньками зубов.

— У-тю-тю-тю! — игриво проблеял он.— У-тю-тю-тю!

При этом он стал ласково трепать Л'н по мягкой шерстке!

— Ах, какая прелестная зверушка! Что это за порода такая, мэм? Вроде как кошка. У-у, котяра! Оченно обожаю котов, мэм! Мы с женой

души в них не чаем. В нашем доме живет не то тридцать, не то сорок этих тварюшек. Или, сказать точнее, мы живем при котах. Ха-ха!

При этом он все гладил и гладил Л'н. Сент-Клер издала некий звук — что-то среднее между хихиканьем и всхлипом, а сама непрестанно посылала Л'н мысленную команду: да заурчи ты от удовольствия, дурочка, заурчи, так тебя растак!

— О да! — изрекла Сент-Клер вслух.— Это кошка. Или, скорее, из семейства кошачьих. Весьма редкая породка...

И тут Л'н наконец-то замурлыкала под рукой Рыбьеглазого — и тем самым спасла жизнь и себе, и Сент-Клер. Вероятно, это был единственный случай успешной межвидовой телепатии в анналах имперской истории.

Раз начав мурлыкать, Л'н уже не переставала урчать и довольно поводить плечиками на протяжении всего разговора. Сент-Клер поведала сказку об утерянных документах. Рыбьеглазый ее скушал. Он даже добродушно махнул рукой — дескать, будет вам,— когда Сент-Клер попыталась вторично обыскать свои вещи в поисках затерявшихся документов. Он пошел дальше по проходу с сияющим видом — то-то сегодня вечером порадуется рассказу о необычной тварюшке его кошколюбивая женушка!

— Теперь ты можешь прекратить мурлыкать,— шепотом сказала Сент-Клер своей подружке, когда блюститель закона отошел на приличное расстояние.

— Ни за что! — шепнула ей Л'н.— Теперь я намерена довольно урчать на протяжении ближайших пятидесяти шести лет — как минимум. И тебе советую начать мурлыкать — это, оказывается, крайне полезно для здоровья.

Тут Сент-Клер сообразила: а ведь Л'н так и не поняла, что ее приняли за домашнее животное! «Ну ладно. Через некоторое время я соберусь с духом и введу ее в курс дела. Боже, как она взовьется!»

Когда поезд тронулся, Сент-Клер самым деликатным образом объяснила сущность происшедшего. Л'н чуть не подпрыгнула к потолку от злости. Но Сент-Клер задала остужающий вопрос:

— Слушай, а ты когда-нибудь прежде мурлыкала?

— Нет! — ответила Л'н.— Более того, я отродясь не слыхала о существовании котов!

— Тогда объясни, каким образом...

Л'н пожала своим розовым плечиком.

— Понятия не имею, как у меня получилось. Это что-то подсознательное. Что-то произошло внутри — и я вдруг замурлыкала. Да, черт побери, это было сильнее меня! А теперь, если тебе не трудно, давай больше не говорить на эту тему, а то у меня сейчас что-то происходит внутри — подсознательное, касательно использования зубов.

Вот вам и застенчивое существо по имени Л'н! С этих пор она совершенно раскрепостилась — и прости-прощай, тихоня Л'н!

Очутившись в центре города, Сент-Клер инстинктивно подалась в Шабойю. Здесь, в квартале греха, где процветали преступность и коррупция, полиция смотрела сквозь пальцы на темные делишки, не слишком усердно гонялась за всякими сомнительными личностями и не спешила раскрывать преступления. Если блюстители законы и брали кого за жабры, так это крупных воротил преступного мира, которые или скупились откупаться, или прогорали так, что уже не могли отстегивать полиции солидные взятки. Но если плата полиции поступала исправно, патрули раскатывали по улицам лишь для видимости.

Сент-Клер была права — ей удалось без особого труда найти укромную квартирку, где можно было не бояться любопытства властей. Потом она решилась сделать первую вылазку на улицу. День-другой слонялась по кварталу, баловалась с простенькими игральными автоматами: сунешь грош, а можешь выиграть целую горсть мелочи — эти машины проигрывали щедро, дабы распалять клиентов и заманивать на большую игру. Сент-Клер выигрывала там и сям, но особенно не высовывалась — ходила с оглядкой, играла по маленькой. Мысленно она приценивалась.

И в итоге нашла то, что искала. В просторном Сакс-клубе она обратила внимание на безлюдье, на обшарпанные стены — было ясно, что заведение дышит на ладан. Сент-Клер, как обычно, играла по маленькой, а сама приглядывалась к публике. Хозяина она вычислила самостоятельно. Это был статный, пестровато одетый обаятельный старикан. Сент-Клер отметила для себя, что он практически не бывает в залах — разве что выходит поприветствовать богатого гостя, который играет по крупной, но такие заглядывали удручающе редко.

Богатых гостей старикан неизменно увлекал за собой наверх — где-то там велась настоящая игра. Надо было ковать железо. Сент-Клер потратила изрядную часть своего капитала на покупку роскошного туалета — и явилась в Сакс-клуб уже броско-нарядной сексапильной конфеткой: этакая скучающая миллионерша в поисках острых ощущений.

Владелец клуба углядел ее сразу и кинулся к ней любезным коршуном. Немного флирта, немного насмешливой пикировки. Оба как бы прощупывали друг друга — выясняя, с какого класса игроком предстоит иметь дело. В итоге владелец клуба пригласил ее в святая святых.

Очутившись в задней комнате — личных апартаментах владельца, Сент-Клер уже не сомневалась, что попала именно туда, куда стремилась. Банк на середине стола составляли не те нелепые, обесцененные войной бумажки, которые таанцы насмешливо называли креди-

тульками. Там возлежали крупные бриллианты и экзотические драгоценные камни. Лежали там и ценные бумаги — но не какие-нибудь дутые акции, а имперские облигации госзайма и купчие на недвижимость.

Через неделю почти беспрерывной игры она выиграла и купчую на Сакс-клуб, которую ей вручил прежний владелец перед тем, как любезно откланяться и навсегда покинуть свое заведение. Кажется, он не слишком жалел об утрате. Впрочем, и все ставки, с которых начиналась игра, также перешли к ней. Сент-Клер опасалась, что бывший владелец применит силу, чтобы вернуть проигранное, и заранее позаботилась об обороне — при ней был крохотный пистолетик, спрятанный под оборками блузки. Как ни странно, обаятельный старикан не устроил тарарам. Напротив, он добродушно улыбнулся и заявил, что давно собирался сменить обстановку и его неудача в карточной игре лишь подтверждает, что он засиделся на старом месте. «А карты, согласитесь, никогда не лгут».

Среди выигранных ценных бумаг оказалась одна, истинную цену которой Сент-Клер поняла не сразу. Это были документы на владение вроде бы никчемным грузовым космическим кораблем. Допотопная рейсовая колымага, которая по причине войны застряла на полпути к пункту своего назначения. С каким-то музеем на борту.

Но когда Сент-Клер вместе с Л'н отворила заржавевший люк и оказалась на борту этой космической колымаги, ее ноздри хищно раздулись — она учуяла большие деньги. Музейчик представлял собой старинное казино — такие когда-то были на Земле: столы, покрытые зеленым сукном, механические игральные автоматы — «однорукие бандиты», автоматы для игры в бинго, столы с рулеткой, колоды бумажных карт. Здесь же имелись видеокниги, повествующие о старинных играх и о том, как простаки тысячи лет назад со смаком просаживали свои денежки на этих самых допотопного вида столах.

Сент-Клер вышвырнула из Сакс-клуба всю современную начинку, оставив голые стены, а затем обставила его действующими музейными экспонатами со старенького космического корабля. И богатые посетители слетелись на старинную обстановку, как стервятники на падаль. Болваны воображали, что уж тут-то их не обманут — тут электроники, считай, совсем нет. Казалось, что древние игральные приспособления, которые механически всхлипывали и ржаво поскрипывали, делали «крак-крак» и «бум-бряк», были ближе к бесхитростной природе — им как-то больше верилось, нежели компьютерам, которые и между собой сговориться могут и дурят нашего брата в таком темпе, да так ловко, да такими натуральными картинками-подделками, что только глазами хлопаешь и руками разводишь. Компьютер тобой крутит-вертит, а механический аппарат ты вроде как сам крутишь-вертишь.

С самого начала Сент-Клер решила, что создаст особенное казино, предельно фешенебельное. Поэтому она отказалась от огромной световой рекламы над входом. Крохотная, едва освещенная дощечка у входа: «Сакс-клуб. Вход только по членским билетам».

Проходя по первому этажу, где толпилась попроще одетая публика, Сент-Клер мысленно поздравляла себя с успехом — дело на мази.

Вечер шел замечательно. Одновременно она критическим взглядом отмечала недоработки — кое-какие мелочи, устранив которые она добьется еще большего успеха. Зал был уставлен «однорукими бандитами», перевезенными сюда из музея на космическом грузовичке. На первом этаже они следовали по доходности за столами для игры в кости и марафонскими партиями в бинго — эти партии длились по нескольку дней, и ставки возрастали неуемно, пока какой-нибудь синий воротничок-простачок наконец не смекал, что продул последнее, и не сворачивал игру.

Чтобы поддержать марку заведения и внушить страх божий игрокам попроще, в центре зала на возвышении располагались столы для игры в вист — тут делались солидные ставки. Впрочем, чтобы создавалась определенная атмосфера и столы никогда не пустовали, место за этими столами стоило недорого и заведение не взимало процента со ставок вистующих.

Среди гостей сновали практически обнаженные официанты и официантки, предлагая напитки, наркотики и сэндвичи. В мирное время все это выдавалось бесплатно, но сейчас, в пору карточного распределения, гости радовались уже тому, что можно запросто купить еду, алкоголь и наркотики, и с удовольствием платили. Клиент с первого этажа мог или прямо выйти на улицу, или пройти через бордель, где ему представлялась возможность потратить свои последние кредитки на проституток или на мальчиков для утех. Наконец, была третья возможность — если средства позволяют, подняться этажом выше, где шла игра покрупнее, все цены возрастали чуть ли не на порядок и собиралась лишь изысканная публика.

Был еще и третий этаж — для денежных тузов. На четвертом этаже находились ресторан и ночной клуб. При прежнем владельце существовала та же иерархия этажей. Однако на каждый этаж существовал отдельный вход — со своими эскалаторами и лифтами. Внизу — средний класс, повыше — представители сливок среднего класса, ну а на третьем этаже — настоящие богатеи.

Вступив во владение Сакс-клубом, Сент-Клер первым делом упразднила все эти обособленные эскалаторы и воссоединила все этажи. Отныне любой мог беспрепятственно передвигаться снизу вверх, оставляя деньги на любом этаже. Что было выиграно на первом или втором этаже, благополучно возвращалось в казну заведения на третьем или четвертом. Деньги, ломая сословные ограничения, давали право входа на любой этаж.

Сент-Клер медленно обходила все этажи своих владений, проверяя, насколько эффективно повсюду отделяются зерна от плевел — то есть кредитки от их владельцев. На втором этаже царили рулетка и солидные карточные игры. На третьем этаже был исключительно карточный мир. Играли преимущественно в покер, не чураясь виста, безика и бриджа.

Ночной клуб находился на последнем этаже здания. Туда пускали всех, но цены там были астрономические даже с учетом разгула инфляции. Это была идея Сент-Клер: еда, алкогольные напитки и сексуальные услуги обслуживающего персонала были демократично доступны любому, кто мог тратить деньги пачками. Сама же атмосфера ночного клуба была создана Л'н.

Она продумала световые эффекты так, чтобы посетитель, придя сюда с женой или подружкой, уже на пороге замер с раскрытым ртом и не переставал восхищаться на протяжении всей ночи. Когда Сент-Клер впервые увидела световое шоу Л'н, даже она была поражена, хотя готовилась к чему-то действительно сногсшибательному.

Это было захватывающее дух зрелище: многоцветные огни то метались по всему залу, то величаво плыли, то кружились, то стелились как дым, то вихрились, совершенно гипнотизируя публику своим мягким, ненавязчивым сиянием, отчего посетители обоего пола незаметно оказывались в томных объятиях танцоров и певцов, которые то отплясывали и пели на трех сценах, то спускались в зал, чтобы соблазнять и ублажать полуошалевших, разомлевших от игры света и музыки мужчин и женщин.

Впервые осматривая большой пропыленный зал на четвертом этаже с банальными столиками, двумя длинными стойками бара и высокими стульями, Л'н почувствовала, что наступил звездный час в ее жизни — она может создать истинное чудо, сотворить новый вид искусства, полностью реализовав свои многообразные таланты, на развитие которых она потратила столько лет. И с жаром взялась за оформление зала, использовав буквально все известные источники света — от лазеров до восковых свечей. Хитроумная система подвижных зеркал и призм создавала такие изощренные световые эффекты и так ловко разлагала и вновь фокусировала свет, что каждая пядь зала становилась живой, доступной тысяченотной гамме пляшущего света.

Светомузыкальную симфонию Л'н контролировала, сидя у компьютерной консоли в затемненном углу зала, неподалеку от двери, которая вела в личные апартаменты и офис Сент-Клер. Поначалу этот угол был отгорожен от публики занавеской. Но когда Л'н обрела уверенность в себе, ширму убрали. Теперь, посмотрев в дальний темноватый угол, присутствующие могли разглядеть покрытое розоватой шерстью существо, которое колотило по клавиатуре компьютера с жаром и артистичностью вдохновенного пианиста.

Сент-Клер пробиралась вдоль стены зала, стараясь не отвлекать посетителей. Однако Л'н заметила ее, переключила регистр и приветствовала подругу мощным крещендо световых зайчиков. После этого она показала одной лапкой в сторону двери в офис.

Очевидно, там кто-то ждал Сент-Клер. Сент-Клер беззвучно спросила, взметнув брови: «Кто?» — однако Л'н лишь весело улыбнулась. Что за таинственность?

Сент-Клер быстро прошла остаток пути до двери, которая открылась перед ней сама собой. У нее не было времени гадать, каким образом это произошло. В центре комнаты она увидела Горацио — тот встречал ее широченной улыбкой.

Сент-Клер радостно вскрикнула и бегом устремилась в его объятия, суматошно целовала его шею, волосы — все, что попадало под губы. А Горацио в таком же порыве покрывал поцелуями ее голову. Потом ее словно ошпарило изнутри — и она мгновенно вернулась к реальности. Много зла она видела от людей, но этот тип был номер один в списке ее врагов. Проходимец, очевидно, явился с очередной подлянкой на уме...

Сент-Клер резким движением оттолкнула его, в ее глазах вспыхнул гнев. Упираясь пальцами ему в грудь, она прохрипела:

— Послушай, ты, сукин сын! Я к числу ваших вояк не принадлежу — заруби себе на носу! Я штатская. И ваши поганцы не смеют тронуть ни гроша из того, что я заработала своим потом и кровью. Просек, мерзавец?

Стэн тяжело вздохнул. Ну чего она разбушевалась? Ему деньги ее — до одного места. Кроме того, он не меньше ее был смущен тем, что только что произошло. Что нашло на эту женщину?

— Все нормально, я со всем согласен,— пробормотал он примирительно.

— Насколько я понимаю,— сказала Сент-Клер,— ты видишь себя в роли моего спасителя. Опомнись, приятель! Еще кто кого будет спасать! Это я сделала так, что на половине кораблей таанского торгового космического флота импульсные повторители непрестанно жарят в эфир закодированные сигналы SOS. А здесь я закрутила по-настоящему большое дело. Мне есть что предъявить как вклад в борьбу с врагом. Сам видишь, среди моих посетителей чертова уйма генералов и адмиралов...

— Знаю, знаю,— кивнул Стэн,— мы получили шифрованное сообщение от тебя.

— Какую шифровку? О чем ты говоришь? У тебя что — крыша поехала? Какая такая шифровка от меня? Когда ее получили?

Тут до нее все дошло. Стэн с улыбкой любовался ею: даже сейчас, с отвисшей от удивления челюстью, она смотрится на пять с плюсом.

— Давай начнем все с самого начала. Во-первых, нам пора познакомиться. Если кто-нибудь еще хоть раз назовет меня Горацио, Горри или любым именем на букву «Г», я вырву мерзавцу язык. Меня зовут Стэн. Позволь шаркнуть ножкой и на этом покончить с формальностями знакомства. А теперь куда мы можем улизнуть отсюда, чтобы поговорить спокойно, без помех?

Сент-Клер намеревалась сказать что-нибудь очень умное и очень язвительное. В ее сознании мелькнуло целых шесть вариантов оскорбительной реплики, которая поставит на место этого нестерпимого ублю... Впрочем, он же вовсе не тот, кому предназначаются стрелы ее испепеляющего остроумия! Что же...

То, что в офисе Сент-Клер стоял старый канцелярский стол из музея древних вещей, было весьма кстати.

Видавший виды стол, наверное, не удивился тому, что произошло на нем в следующие минуты.

Разумеется, он не предназначался столярами для такого, но это периодически происходило на нем — тысячу лет тому назад.

Глава 37

Его звали Чаппель.

До самого последнего времени он работал посадочным диспетчером в одном из самых оживленных имперских космопортов. Подобно большинству диспетчеров, он был очень молод и работал на износ. Такие сгорают к сорока годам. Но в отличие от большинства диспетчеров он все свое существование посвящал космопорту. Даже в нерабочее время бродил или по территории порта, или по окрестным холмам. Не было ни одного строения в порту, которое он бы не облазил, не изучил от и до. Чаппель хвастался — правда, только самому себе, поскольку был патологически застенчив,— что, если радар, лазерные системы наведения и все прочие хитроумные космопортовские системы вдруг разом выйдут из строя, он, Чаппель, способен посадить любой корабль, используя свои мозги и переговариваясь с пилотом. Потому что знает порт и посадочные площадки так досконально, что может представить их с любой точки и под любым углом, а значит, способен дать предельно точные советы любому пилоту — и при любых атмосферных условиях.

Но особенно гордился Чаппель парой своих голографий. Одна изображала личную космическую яхту императора «Нормандия» в момент посадки на «его», Чаппеля, посадочную площадку. А вторая была объемным портретом его величества — с автографом властителя. Чаппель бесконечно гордился тем, что благополучно посадил яхту своего кумира и повелителя. Надо ли говорить, что «автограф» императора на портрете был воспроизведен копировальной маши-

ной — и раздача тысяч таких портретов входила в программу очередной парадно-показательной поездки его величества.

Однако Чаппель свято верил в то, что его заслуги замечены и ему воздано по способностям — ибо факт был налицо: его внезапно повысили и перевели в главный космопорт Прайм-Уорлда.

С первого же дня на новом месте работы он занялся привычным «самообразованием», которому предавался на прежней службе, а именно: стал повсюду совать нос. Возможно, новое руководство неправильно истолковало его страстный интерес к познанию всех закоулков секретного объекта. Или же его любопытство и впрямь производило впечатление опасной мании или усердия не по уму. Так или иначе, ему в мягкой форме предложили уйти в длительный отпуск — «ваше место, разумеется, остается за вами»... Словом, намекнули, что он работает слишком интенсивно — и, возможно, ему было бы неплохо проконсультироваться у хорошего специалиста-психолога.

Чаппель с трудом справился с желанием заехать в физиономию начальнику, который сделал это вкрадчивое предложение. Впрочем, не исключено, что шеф прав — касательно чрезмерной преданности делу. А вот насчет того, что Чаппелю следует полечить мозги,— тут они махнули. Ладно, он согласен на отпуск.

Как раз в это время агенты Сулламоры вышли на Чаппеля, обнаружив в его биографии некоторые интригующие моменты.

Отлично отдохнувший Чаппель готовился вернуться на работу, когда ему домой по факсу пришло сообщение, что его отправляют в бессрочный неоплачиваемый отпуск. Этакая иезуитская форма увольнения. У Чаппеля хватило духу видеодировать в управление космопорта и осведомиться о резонах подобного решения.

— Разглашение причины в вашем случае запрещено.

Хорошенькое дельце! Запрещено. Кем и почему? Кто подложил ему свинью? И кто облечен правом выгнать его в шею — напустив тумана на причину? Какое беззаконие! Никто не смеет! Никто... разве что сам... Тут Чаппель невольно поднял глаза на улыбающийся со стены портрет императора.

Но почему?

Да ведь вряд ли у императора на тысяче планет найдется подданный более преданный, чем Чаппель! Разве не он, черт возьми, спас «Нормандию», обреченную разбиться при посадке!

Чаппель несколько часов неподвижно просидел в своей крохотной квартирке — таращась на портрет его величества. Он даже не покосился на скудную трапезу, появившуюся в окошке кухонного распределителя,— дневной рацион военного времени. В его жизни произошло что-то непонятное, неправильное.

Чаппель решил посетить библиотеку. Быть может, стоит побольше узнать о своем кумире — вечном императоре.

За время его отсутствия в его квартирке кто-то побывал.

Он заметил это не сразу. Лишь через несколько часов после возвращения. Император на портрете, который прежде так улыбчиво глядел на Чаппеля, теперь взирал на него с улыбкой саркастической, жестокой. И огонек в его глазах был не доброй искоркой великого кормчего, а сатанинским блеском бессердечного шутника, вздумавшего разыграть дурную шутку с самым лояльным из своих подданных. Да, именно так. Очевидно, он глубоко заблуждался насчет императора. Все прочитанное о многовековой жизни этого человека рисовало его отнюдь не добреньким вселенским отцом народов.

Чаппель ощущал, что и теперь его знание о вечном императоре далеко не полное. Хотелось понять его до самого донышка.

Позже ему опять показалось, что в его отсутствие квартиру кто-то снова навестил — и внес изменения в портрет императора. Теперь это было лицо самого Сатаны, опаленное сардонической ухмылкой.

Каким же дураком он был! Он принес бы бóльшую пользу империи, если бы позволил «Нормандии» разбиться в тот приснопамятный день!

В ту же ночь Чаппель впервые услышал голоса.

Глава 38

Килгуру предстояла рутинная встреча — третья за день. От него требовалось одно: проникнуть в однокомнатную квартирку своего агента и спокойно дождаться его прихода. Когда тот вернется домой и оправится от сюрприза, Килгур извинится перед этим человеком, которого он будет называть одним из лучших агентов таанской контрразведки (он всех так называет в лицо), за то, что он некоторое время не контактировал с ним. Дескать, его перебрасывали на важную оперативную работу — и вообще, время трудное, работы много, но теперь он, старший офицер спецслужбы Фохш, вновь намеревается активизировать работу одного из лучших своих агентов.

Все остается по-прежнему. Агент должен и впредь доносить о любых антитаанских настроениях на заводе, где он работает, и — что особенно важно — докладывать, как эти настроения сказываются на производительности труда. Эта информация в рамках военного времени не менее важна, чем дальнейшее производство империума-Х, который используется в качестве щита против АМ-2.

Есть, однако, приятная новость: Килгур рад сообщить, что руководство уполномочило его повысить небольшое вознаграждение, которое выплачивалось агенту. А когда война закончится победой над империей, труды столь преданных граждан будут отмечены соответствующими медалями и орденами, ибо, не участвуя в боевых действиях, они тем не менее боролись на невидимом фронте и всемерно обеспечивали приближение радостного дня победы.

И так далее и тому подобное.

Разумеется, не имело смысла открывать глаза бедолаге агенту, для кого он собирает информацию на самом деле. Побережем его сердечко. Если парень желает быть стукачом на своих коллег и служить верой и правдой таанской спецслужбе — бога ради, Килгур ничего против не имеет, только поддержит.

Итак, Алекс поднялся по пожарной лестнице, ловко снял скользящую раму окна с запора, приподнял ее и проник внутрь квартиры. Было бы здорово, кабы у этого агентика в заначке нашлась бутылочка чего-нибудь крепкого. «Руководители шпионской сети тоже люди,— думал Килгур,— им тоже хочется порой промочить глотку».

Он быстро отыскал полупустую бутыль с чем-то вроде соевого вина. Брезгливо поморщился, но сделал несколько больших глотков, расхаживая по квартире, заглядывая во все углы и руками в перчатках машинально переставляя предметы и возвращая их на место, заглядывая в ящики, вороша бумаги.

Отвинтив крышку настольной лампы, Килгур печально поцокал языком. Потом привинтил крышку и поспешно направился к окну, предварительно позаботившись, чтобы все предметы в квартире остались на тех же местах, где он их застал.

Килгур выскользнул из окна, поставил на место раму и спустился по пожарной лестнице. Быстро удаляясь прочь по улице, он обмозговывал ситуацию.

Любопытненько, любопытненько. Опасности ну просто со всех сторон. Тут все кишит разведчиками, служба на службе и службой погоняет. Никаких условий для работы.

Это просто безобразие, что у его агента под крышкой настольной лампы имеется «жучок». Какая пакость! Какой непорядок!

Пропал агент. Вот незадача.

Направляясь на квартиру следующего агента, Килгур постепенно успокаивался. Дела не так уж плохи. До сих пор он навербовал три десятка агентов. Пятеро погорели, трое испугались и дезертировали, а двоих перевербовали. Зато остальные работали как пчелки, опять впряглись в работу, собирали информацию, а уж для разведки какой из воюющих сторон — это не их собачье дело.

Стэн краем глаза полюбовался своим отражением в настенном зеркале. Похоже, он выглядел весьма представительно в вечернем костюме, даром что цвет костюма ему самому казался немного крикливым. Но известно, что бандиты большой руки во все времена тонким вкусом в одежде не отличались. Он тщательно выровнял узел галстука, глотнул бренди и откинулся на спинку кресла, ожидая реакции Коннла. Теперь его слово.

Судя по всему, это будет честная сделка. Склад Коннла забит до отказа растаможенным запасом пищевой добавки с высоким содер-

жанием протеина, которую таанская армия использует для обогащения рациона питания космических десантов. Стэн эти запасы пищевой добавки желает купить на корню.

Словом, честная сделка — только на черном рынке.

А уж откуда у Коннла такая прорва этой пищевой добавки — не его, Стэна, дело.

Стэн предложил Коннлу цену значительно выше той, что предлагали оптовики черного рынка. А что до простых таанцев — так на этот товар да за такую цену не нашлось бы ни одного желающего.

Расплачиваться Стэн намеревался имперскими кредитками, которых инфляция не коснулась.

О событиях у Дюрера пока не было известно в деталях. Однако до воротил черного рынка уже дошли малоприятные новости. Плюс к этому они всячески избегали шаткой таанской валюты — здесь инфляция свирепствовала. Если, паче чаяния, таанцы победят, не превратит ли это имперские кредитки в обесцененные бумажки? Никто не верил в такую возможность.

Тут еще одна особенность — имперские кредитки сделаны из водо- и еще-много-против-чего-стойкого материала. Если их закопать в садике у своего дома, им не страшны ни влага, ни грызуны, ни черви. То, что обладание вражеской валютой, особенно в больших размерах, делает человека кандидатом на виселицу, мало кого волновало. Существует такая простая вещь, как взятки: имей побольше вражеской валюты — и всегда сможешь отмазаться.

Коннл потер указательным пальцем кончик своего носа.

— С вашей стороны это занятное предложение,— сказал он.— Позволите задать несколько нескромных вопросов?

— Попробуйте.

— Ходят разные любопытные истории по поводу вашего прошлого.

— Я кое-что слышал из этих рассказов.

— Поговаривают, что у вас есть связи в самом таанском Верховном совете. Еще в одном месте я слышал, что у вас якобы имеется своя небольшая частная армия. Звучит интригующе.

— Что ж, пара-тройка слухов обо мне может оказаться правдой,— обронил Стэн.

— Может, значит?

Коннл не стал настаивать на прямом ответе. Он задал вопрос лишь для того, чтобы увидеть реакцию Стэна. Но никакой реакции, естественно, не дождался.

— Вернемся к нашему делу. У вас репутация человека умного. Следовательно, вы знаете точную рыночную цену продукта с высоким содержанием протеина, который вы намерены купить у меня.

— Знаю. Сегодня утром он шел по семьдесят пять за тонну.

— А вы, как ни странно, предлагаете восемьдесят. Стало быть, у вас есть свои резоны. Вы человек неглупый, да и я вроде не дурак, чтоб отказываться от лишней прибыли. Следовательно, по рукам.

Не прошло и часа, как Коннлу было заплачено сполна, и он ушел в хорошем настроении.

Сорвал неожиданный куш и при этом не замарал рук. Разумеется, ему было любопытно: а что выиграл на этом Стэн? Какую игру ведет этот человек? Похоже, он намерен скупить все запасы данного продукта, чтобы в одиночку диктовать цену на него. Если хватит средств и смекалки провернуть эту операцию, он сможет сколько угодно закручивать гайки и окажется в большом выигрыше.

Ему было невдомек, что Стэн добивается совсем другого: скупив все запасы очень нужной армии пищевой добавки, он не станет ее продавать, он будет гноить ее на своих складах. А большая часть имперских кредиток, которыми он с такой щедростью платил за товар, не будет закопана в землю, а вольется в таанскую теневую экономику — тем самым еще больше дестабилизируя местную валюту.

Л'н удобно свернулась калачиком на шелковой подушке — казалось, что она сладко-пресладко спит. Но ее ухо чуть заметно ходило из стороны в сторону, прислушиваясь к происходящей рядом беседе.

Четыре таанских офицера играли в умопомрачительно сложную игру с шашками и несколькими наборами костей и с подвижной системой правил. Такие игры могут придумывать, а тем более успешно играть в них лишь военные, которым надо как-то коротать мучительно долгие часы патрульной службы.

И эта игра была придумана именно военными.

Более того, она являлась чем-то вроде социального символа — в том, кто разбирался в ее правилах, а тем паче выигрывал, сразу узнавали человека незаурядного ума, стоящего на высших ступенях таанской иерархии и, вполне вероятно, аристократа до кончиков ногтей.

Итак, игра была в самом разгаре.

Офицеры болтали, не обращая ни малейшего внимания на домашнюю зверюшку хозяйки клуба, которая дремала на шелковой подушке поблизости от них.

А между тем разговор был крайне занятный. Такую-то сняли с должности, а она совсем не виновата. Правильно, надо на это место поставить мужчину, чтоб справлялся. Х-продукт не сумеют доставить в сектор Y вовремя, учитывая нынешнюю нехватку в области среднего вооружения. А вы слышали про бедного адмирала Хусиса? Его новый флагманский корабль «Сабак», самый первый из серии амтунгов,— жутко устаревший! Компьютер на «Сабаке» не способен

держать под прицелом больше шести целей одновременно — начинает зависать. Адмирал жаловался, что в машинное отделение происходят утечки из топливного отсека. Какой он ни есть герой, но на такой колымаге много не навоюешь!.. Да брось ты, он молодец среди овец! И правильно, что дали колымагу, он большего и не достоин!

Разговор и игра продолжались, а Л'н тщательно запоминала каждую частичку полезной информации, чтобы передать ее имперской армии.

Килгур скользнул через слуховое окно на самый верхний ящик высокого штабеля, быстро осмотрелся в безлюдном складском помещении, составил план действий и принялся за дело.

На этом складе хранились банки с солдатскими сухими пайками — отсюда их грузили на боевые космические корабли. В каждом ящике — дневной рацион для десяти десантников.

В карманах килгуровской куртки лежало шесть баночек — ничем не отличимых от тех, какими были набиты ящики на складе. Этими баночками надо заменить настоящие. Открыть ящик, вынуть одну баночку, засунуть туда свою баночку — и аккуратно закрыть ящик, чтобы никаких следов не осталось.

Тот солдат, которому достанется такая килгуровская баночка с тушенкой, вряд ли обрадуется. Нет, парень отнюдь не отравится — тушенка вполне сносная, солдат лучшей и не кормят. Но в банке будет обнаружена прибавочка.

«Ох,— сентиментально вздохнул Алекс Килгур,— бедненькие мои, ни в чем не повинные животинки».

Нет-нет, в его банках не целая мышка.

А только хвостик.

Интересно, с какой скоростью по таанскому космофлоту распространится слух, что провиантмейстеры скармливают бедным солдатам на передовой черт знает что? Ни стыда ни совести! Наживаются, где только могут! Вот и воюй за подонков!..

Такие слухи в армии быстро распространяются. Очень быстро.

— Кружечку пива, старина? — предложил Стэн.

Четвинд, весьма гордясь собой, весело глянул на Стэна и объявил с улыбкой:

— Последнее время я пью исключительно бренди!

— О, жизнь подобрела к тебе?

— По головке не гладит, но и в морду не бьет,— уклончиво отвечал Четвинд.

Мужчины косились друг на друга изучающим взглядом, пока официантка ставила перед ними напитки, принимала плату. После того

как она игриво зыркнула на них и уплыла прочь, покачивая пышным задком, Четвинд сказал:

— Итак, ты сумел.

— Да, я сумел,— согласился Стэн.

— А мое сообщение... э-э... дошло по адресу?

— Дошло. И до самых высоких лиц.

— Ну и?..

Вместо ответа Стэн достал небольшую коробочку и запустил ее по гладкой поверхности стола в сторону собеседника. Четвинд поймал коробочку, оглядел со всех сторон, открыл крышечку и молниеносно ее захлопнул.

— Кто-то там,— произнес он,— меня очень любит.

Стэн улыбнулся.

— Мы все тебя очень любим, Четвинд.

Коробочка была набита таанскими купюрами большого достоинства.

— И что я должен делать с тем, что получил?

— Что вздумается. Можешь купить загородный особнячок, если тебе это по сердцу.

— Скажешь тоже. Я много чего полезного узнал в последнее время.

Четвинд не лгал. В последнее время он много поработал — восстанавливал связи со старыми дружками, собирал информацию. Мало-помалу вошел в курс всех темных делишек, которые творились в хизском космопорте и вокруг. Он даже стал подкидывать идею о создании профсоюза грузчиков. Но осторожненько, понимая, что агитатора с длинным языком в военное время могут в момент прищучить.

Четвинд предпочитал отираться в барах космопорта, прислушиваясь к болтовне дружков-приятелей — от космопортовских бухгалтеров до охранников и носильщиков. Одни выбалтывали важное по глупости, других он ухитрялся вербовать. Впрочем, со связями в среде технического персонала дела обстояли плохо. Эти на контакт не шли.

— Что ж, неплохо,— сказал Стэн.— Есть предложение. Ты по-прежнему законопослушный тюремный охранник?

— Я подумывал о том, чтобы...

— Не надо,— приказал Стэн.— У тебя на данный момент отличная крыша. С подлинным удостоверением личности тюремного охранника ты почти неуязвим. По крайней мере, тебе не грозит возвращение на Дрю.

Четвинд поежился. В следующую секунду он понял, что хочет предложить Стэн.

— Ты никак намерен наладить связь с Колдиезом?

— Ну. Ты же теперь держишь ниточки.

— Еще будут пожелания, мистер? — насмешливо выплюнул Четвинд.

— Нет. Продолжай шустрить, держи уши открытыми. Я буду время от времени выходить на тебя. Если тебе понадобятся деньжата, проси без стеснения.

Четвинд повел бровями.

— У тебя бездонный кошелек?

— Империя большая, и казна у нее немаленькая.

Стэн не преувеличивал. Он был готов снабжать Четвинда или другого таанца неограниченными суммами денег — разумеется, свежеизготовленными фальшивыми купюрами. Пусть увеличивают инфляцию и вносят дезорганизацию в экономику, поселяя еще большее недоверие к таанской валюте. Каждая банкнота достоинством в пять тысяч имела свой дубликат — с точно таким же номером. Когда две банкноты с одинаковым номером сойдутся в каком-нибудь таанском банке — то-то будет смеху! Ведь подделка — отменного качества. Стэн поднялся со стула.

— Ну и последнее. Не вздумай самостоятельно выходить на меня. И не появляйся у меня дома — квартира чистая, я не хочу неприятностей.— Он протянул руку и дружески потрепал Четвинда по щеке.— Береги себя. У тебя будет дурацкий вид с номерком на большом пальце ноги.

Сент-Клер задумчиво перебирала разложенные на ее рабочем столе расписки, нацарапанные в состоянии разной степени отчаяния и опьянения. На кушетке перед ней истерично рыдала молодая женщина.

— Ну, ну, успокойтесь,— приговаривала Сент-Клер.— Стоит ли так убиваться...

Она встала, налила в стакан виски из стенного шкафчика и протянула рыдающей девушке. Дождавшись, когда та проглотит виски, Сент-Клер заботливо спросила:

— Ну как, лучше?

Девушка кивнула.

— Давайте посмотрим на ситуацию с моей точки зрения,— начала Сент-Клер.— Я прекрасно понимаю, что вы не контролировали свои действия. Видит бог, Майд, я сама попадала в такие неприятные ситуации, когда была молоденькой.

Впрочем, разница в их возрасте едва ли составляла больше трех-четырех лет. Однако Сент-Клер прилежно разыгрывала роль рассудительной мамаши.

— Итак, вы не можете заплатить по своим игровым распискам. И если вы хотя бы заикнетесь о своих карточных долгах дома, ваш отец выставит вас на улицу. Он отнюдь не принадлежит к категории снисходительных отцов.

Майд, если бы дело происходило не в жизни, а в телефильме, на моем месте был бы усатый сластолюбец. Он бы уже оглаживал вашу коленку, пользуясь вашим отчаянным положением. Но коль скоро я женщина, мне — в телевизионной мыльной опере — полагается предлагать вас, молоденькую и хорошенькую, своим престарелым богатым клиентам. Или нет, я должна подбивать вас украсть фамильные драгоценности. Впрочем, это тоже никуда не годится — у меня драгоценностей более чем достаточно. Итак, я должна принуждать вас выдать какие-то семейные тайны. Это будет грязный шантаж — и очень хороший сценарий.

— Неудивительно, что я годами избегаю смотреть мыльные оперы.

— Будучи законопослушной таанкой,— сказала Сент-Клер,— я, конечно же, подобных глупостей делать не стану. Майд, мне хочется думать, что вы моя подруга. Я всегда считала за честь, что женщина такого высокого социального положения посещает мое заведение. И меня нисколько не отвращал тот факт, что вам до самого последнего времени несказанно везло за игорными столами. Но...

Тут Сент-Клер вздохнула и проворно сложила все расписки в аккуратную стопочку.

— Но я все же деловая женщина. Ума не приложу, как мне поступить в данной ситуации... Разумеется, можно порвать все эти бумажки...

Сент-Клер сделала долгую паузу, и Майд воззрилась на нее с надеждой во взгляде.

— Однако в таком случае мне придется запретить вам впредь посещать мое заведение. И что еще хуже, придется сообщить о происшедшем в объединенную службу безопасности хизских казино, чтобы не подставить остальных владельцев игорных заведений. В итоге вы попадете в черный список — и ни в одно приличное заведение вас уже не пустят. Что будет, конечно, весьма прискорбно...

Казалось, Сент-Клер глубоко задумалась.

— Впрочем, погодите. У меня есть идея. Я ведь игрок — как и вы. И тоже люблю ставить на кон последнее. И идти до конца. Совсем как вы.

Молодая женщина покраснела. Ей почудился намек на то, как однажды ее поймали на попытке заменить кости своими, с грузиком.

— Ваш отец руководит одним из крупнейших концернов по производству редкоземельных металлов. Я давно подумывала о том, чтобы инвестировать свой капитал в эту область промышленности. Быть может, вы сумеете подсказать мне кое-что — как идут дела у вашего отца. Я не прошу выдавать тайны — отнюдь нет! Но вы же знаете, как знание незначительных деталей помогает инвестору сориентироваться и не наделать глупостей. К примеру, я слышала, что большое количество металла уходит на сторону. Но куда?

Майд встретилась взглядом с Сент-Клер. Та ласково улыбалась и смотрела на нее чистыми невинными глазами.

— О, Мишель,— плаксиво протянула молодая женщина,— не получится. Я ничегошеньки не понимаю в бизнесе. Вы спрашиваете меня, куда уходит металл. Понятия не имею. Я знаю только то, что папочка постоянно ноет, когда ему приходится летать в командировки на этот... как его... не то Айрамус, не то Эрибус. А летает он туда часто. По его словам, там грязно и холодно и никакого комфорта, а тамошние рабочие ни во что не ставят аристократию и оскорбляют его на каждом шагу... Вот видите, я бы и рада вам помочь, но я попросту ничего не знаю.

Эрибус! Вот, значит, где находится засекреченная таанская база боевого космофлота с системой ремонтных доков. Местонахождение этой базы до сих пор никак не удавалось выяснить.

Эта информация для императора стоит годичного дохода от всех его колоний!

— Да ладно,— прощебетала Сент-Клер.— Я ценю желание помочь. Давайте поступим следующим образом. Я оставлю себе эти расписки, а вам пока даю открытый счет — скажем, на десять тысяч. Ведь рано или поздно вам должно подфартить в игре. Может случиться так, что в следующий раз мы поменяемся ролями — и уже я буду просить вас простить мои долги. Итак, больше не волнуйтесь, я беру хлопоты на себя и даю честное слово, что по вашим векселям никаких действий предпринято не будет. Только об одном прошу: когда проигрываете, никогда не удваивайте ставки. Ставки надо удваивать лишь тогда, когда вы выигрываете. Хорошенько запомните мой совет.

Майд выслушала этот совет так жадно, словно Сент-Клер изложила ей те шесть легендарных недостающих евангельских заповедей, которые считаются вымаранными в первые века христианства. Теперь нужно просто удерживать глупую девочку в таком же смятенном состоянии подольше — чтоб она не смущалась, когда потеряет еще десять штук, после чего увязнет по самую шею и ею можно будет вертеть по своему усмотрению.

В такое везение даже не верилось.

— Ей-же-ей, это прямо как в сказке,— пробормотал Килгур самому себе.

Он всматривался в аллеи парка, лежа под днищем брошенного гравитолета — аппарат был действительно сломан, потому что сверху на Килгура немилосердно капало машинное масло, и он не уставал причитать по поводу своего безнадежно испоганенного костюма, который был ему так к лицу, так к лицу!

Можно сказать, что встреча оказалась не столько эффективной, сколько эффектной.

Один из его агентов — а ведь он доверял ему чуть ли не как самому себе, по крайней мере еще двенадцать минут назад,— поинтересовался, не желает ли Килгур побеседовать с неким мелким чиновником из таанского военного министерства. По словам агента, этот чиновник был в большой обиде на правительство, потому как его обошли с повышением. За твердую имперскую валюту он готов был предоставить раздаточные ведомости на денежное содержание любой таанской военной части, расквартированной в любом конце света. Что равнозначно исчерпывающим сведениям по дислокации всех космических десантных войск.

Дважды чиновничек назначал встречу и дважды отменял ее в последний момент — перестраховывался. Обычная бюрократическая паранойя. На третий раз они таки встретились.

Они должны были увидеться за несколько минут до начала комендантского часа в одном парке, который, на деревенский глаз Алекса, куда более походил на заброшенную автостоянку. Килгур намеревался получить раздаточные ведомости всех таанских военных частей и заплатить предателю наличными.

Чиновник предупредил: если в парке в это время появится хоть одна душа, он на контакт не пойдет.

Чертов трус!

Килгур прибыл на место встречи за несколько часов до назначенного времени, осмотрел как сам парк, так и прилегающие строения. Он отметил про себя интересный факт: во всех домах вокруг парка обитатели были явными фанатами трехмерных мыльных опер и над каждым зданием торчало множество новеньких антенн — видать, публика тут живет не бедная.

Затем Килгур арендовал на несколько часов местного алкаша. Купил ханыге пару бутылок дешевого горлодера и обещал одарить его еще парой, если он выпьет первые две на скамеечке в парке.

Затем Килгур незаметно юркнул под сломанный гравитолет и стал ждать.

Примерно за час до назначенного времени появилось несколько старых, немытых и помятых машин. Вид у них был самый неприглядный, но для наметанного глаза было ясно, что внутри у каждой — сверхмощный маклиновский генератор. Эти машины остановились вразброс по периметру парка.

Килгур, конечно, мог удрать сразу, но ему было любопытно поглядеть, как появится чиновничек, после чего семь миллионов дуболомов из таанской разведки коршунами налетят на бедного алкаша, который безмятежно храпит на парковой скамейке. В их лапах бедолага быстро протрезвеет.

Увы, заключительный акт трагикомедии таанская контрразведка провела вяло. Килгур подождал, когда сцена очистится, выскользнул из-под гравитолета и дал ходу.

«Замечательное представление, ребятки,— думал он, быстро шагая прочь.— Но Оскара вам не получить».

Это выражение он употребил машинально и поймал себя на мысли: кто это такой — Оскар? Шут с ним. Сейчас главное — побыстрее добраться до Сакс-клуба и попытаться вывести масляные пятна со своего любимого костюма.

Старший капитан контрразведки Ло Прек прорвался на прием к лорду Вичману только с третьей попытки.

Первая попытка закончилась неудачей, потому что само известие, что с ним хочет повидаться капитан контрразведки, повергло лорда Вичмана в панику. Когда адъютант (так он предпочитал именовать своего исполнительного секретаря) доложил своему шефу, что с ним хочет встретиться некий капитан из спецслужбы, Вичман, даром что его безупречная честность доходила до карикатурных размеров, побледнел как смерть. Он слыхал, что офицеры контрразведки при необходимости могут составить убийственное досье на собственную мать, а методы их допросов таковы, что и трехдневный покойник заговорит.

Поскольку у капитана не было официальной санкции на встречу, Вичман проигнорировал его запрос.

А когда Ло Прек возник снова, Вичман приказал своему адъютанту собрать материалы об этом навязчивом типе — в качестве упреждающего маневра.

Досье легло на стол лорда, он просмотрел его с жадным интересом и не мог не восхититься безупречной биографией и послужным списком Ло Прека. Хотя и теперь он не видел резона тратить свое драгоценное время на встречу с каким-то капитаном.

Но на третий раз Ло Преку повезло. Лорд Вичман скучал, ему надоело разбираться в докладах о падении производства и читать глупые, безосновательно оптимистичные писания своих референтов касательно того, что в ближайшее время все наладится.

Ло Прек был мономаньяк — это бросалось в глаза, однако он умел изложить дело так, чтобы сразу заинтересовать собеседника.

Вичман слушал его с возрастающим интересом. Капитан утверждал, что некий бывший военнопленный, содержавшийся в Колдиезе, сейчас в бегах и находится на Хизе. Этот человек еще до того, как попал в плен, нанес значительный ущерб таанским национальным интересам. Насколько значительный? Был причиной нескольких сокрушительных военных поражений.

Хм. Похоже на преувеличение, но черт его знает...

А в настоящее время этот человек — Стэн — находится на свободе и прячется где-то среди подонков хизского общества. Натура этого человека такова, что он не будет долго таиться и нанесет новый удар. Уже сейчас, продолжал Ло Прек, отмечены случаи саботажа и шпионажа, а также вспышки антивоенных настроений в некоторых слоях общества. Ко всему этому мог приложить руку вышепоименованный неуловимый Стэн.

Вичман просмотрел материалы, раздобытые Ло Преком, и удивленно пожевал губами. Один-единственный офицер контрразведки, формально находясь в отпуске и отрезанный от официальных источников секретной информации, собрал такое пухлое и убедительное досье!

В высшей степени любопытно.

Вичман подумал еще и пришел к окончательному выводу. Ло Прек — чистой воды псих. Этот пресловутый Стэн, несгибаемый воин имперской армии, или никогда не существовал, или утонул в каком-нибудь рве после бегства из тюрьмы. Однако весьма полезно иметь при себе преданного служаку, такого, кто вечно настороже, собирает материалы обо всем происходящем вокруг,— словом, иметь при себе человека, за которым как за каменной спиной — это выражение лорд Вичман перенял у распроклятого вечного императора, с которым некогда встречался.

Лорд Вичман улыбнулся Ло Преку и дружелюбным тоном сказал:

— Знаете, капитан, по-моему, в моем окружении будет весьма полезен человек вашего масштаба.

Глава 39

Эскадрилья истребителей адмирала Масона совершила стремительное нападение на целую планету. Этой планетой был Хиз — сердце Таанского союза. Носы истребителей успели раскалиться докрасна от соприкосновения с атмосферой, прежде чем на земле наконец взвыли сирены боевой тревоги.

Солдаты хизской противокосмической обороны, в большей степени привыкшие к парадам и чистке личного оружия, понеслись сломя голову к своим боевым постам — на ходу вспоминая компьютерные учения и пытаясь проделать все то же в реальной жизни. Несколько подразделений потеряли несколько драгоценных минут, разыскивая куда-то запропавшего дежурного офицера — он один знал входные коды системы, инициирующей запуск ракет.

Охранники штатских объектов кинулись к своим шкафчикам с автоматами и касками, мучительно вспоминая небрежно прочитанные инструкции, кому и что делать при объявлении всепланетной тревоги.

Нападения имперского флота на Хиз никто всерьез не ожидал.

Из всех репродукторов на всех радиоволнах взвыли сирены тревоги. Звук то нарастал, то спадал.

Хизские рабочие и служащие в полной панике сбегались в бомбоубежища, которые прежде были лишь объектами веселых шуточек, а учения со спуском в них считались лишним поводом вступить в пререкания с настырной полицией и получить дубинкой промеж лопаток.

А трем космическим эскадрильям, размещенным по периметру столицы, пилоты которых ни разу не участвовали в боевых действиях, а больше привыкли следовать почетным эскортом за кораблями важных правительственных персон,— этим трем эскадрильям перехватчиков понадобилось пятнадцать минут на то, чтобы подняться в воздух.

К тому времени, когда перехватчики вышли в верхние слои атмосферы и запустили наобум первые ракеты, корабли имперцев уже покинули атмосферу планеты и уходили прочь на полной скорости, включив свои основные двигатели, работающие на АМ-2.

Рейд был тщательно спланирован как молниеносная и эффектная операция. Что-то вроде партизанского нападения: короткий наскок — и мгновенное отступление. Подразделение под началом адмирала Масона включало в себя самые скоростные корабли, оборудованные по последнему слову техники. Они скрытно в течение нескольких недель пробирались в самое сердце Таанской империи, что стало возможным лишь благодаря тому, что после сражения у Дюрера в руки имперской разведки попали секретные опознавательные коды таанского космофлота.

Этим нападением вечный император хотел довести до сведения таанцев два важных предупреждения.

Первое выскользнуло по приказу адмирала Масона из люка истребителя «Берк» — искусно выполненная ракета-монстр. Действие ее было воистину сатанинским. Она представляла собой узкий цилиндр с предельно заостренным носом и небольшим оперением сзади; что-то вроде огромной иглы. В хвостовой части находился двигатель, работающий на АМ-2, со специальным ускорителем, который почти мгновенно разгонял ракету до предельной скорости. Боеголовка — несколько тонн неядерного взрывчатого вещества — находилась позади носового конуса, защищенная толстым слоем империума-Х.

Шесть автономных систем наведения, используя все последние достижения электроники и имея в памяти довоенные карты Хиза, гарантировали то, что сатанинская ракета попадет точнехонько в цель. И ракета действительно попала точно в цель — прямо в зал заседаний Верховного совета. Но при этом ничего не случилось!

Ракета прошила потолок и ушла вниз через фундамент.

Когда начальник дворцовой стражи, упавший на пол и приготовившийся в следующую секунду умереть, пришел в себя и вскочил на ноги, его рот разъехался в саркастической улыбке. Он сказал своему бледному как полотно заместителю:

— Эти имперские засранцы ничего не умеют сделать толком. Охота им было так далеко лететь, чтобы бросить на нас чугунную болванку, которая...

Но тут «которая» рванула.

Когда ракета прошила почву планеты на глубину в триста метров, слой империума-Х наконец не выдержал трения и был смят, как яичная скорлупа. Взрывчатка сдетонировала.

Мощный подземный взрыв создал полость под дворцом.

Конструкция столь хитроумным образом действующей ракеты была задумана в незапамятные времена; затем, с приходом термоядерной эры, ее отбросили как никчемную затею. Автор идеи — некий Уоллис — называл ее «детонатор землетрясения». Название не совсем точное, но впечатляющее.

Точное же ее название — гигантский камуфлет, то есть снаряд, который разрывается под землей, не образовывая воронки.

А если нужно и точное, и образное определение, то эта дьявольская ракета действует наподобие люка под виселицей.

И на Хизе произошло именно это. Такое впечатление, что под зданием Верховного совета внезапно открылся роковой люк — почва разверзлась и целиком поглотила огромный дворец, пощадив строения вокруг.

Был дворец — гордость таанского могущества, а через минуту — только дыра на его месте да по краю пропасти — горы вздыбленных бетонных плит дорожного покрытия.

Император отдал приказ нанести удар в утренние часы, и погибла лишь дворцовая обслуга и горстка таанских аристократов — те, кто имел несчастье явиться во дворец спозаранку. Зато все дворцовые коммуникации и подземный военный штаб под дворцом были уничтожены до основания.

Уничтожение членов таанского Верховного совета не являлось целью внезапного нападения. Император предпочитал оставить верхушку таанской аристократии в живых — но в полном смятении. Пусть они теперь объясняют народу, как могло произойти непредставимое — наглое, беспрепятственное нападение имперского космофлота на саму столицу Таанских миров!

Враг не только осмелился задумать беспрецедентный марш-бросок, но и осуществил его, не понеся потерь!

Император хотел, чтобы оставшиеся в живых таанские аристократы всерьез задумались о своем будущем: пусть прочувствуют,

что их могут истребить в любой момент и все байки об их защищенности — пустые разговоры.

Даже правящие фанатики задумаются после такого впечатляющего урока.

Второе предупреждение было еще страшнее: часть эскадрильи Масона выпустила несколько тысяч мелких ракет по центру столицы.

Ковровое бомбометание. Только вместо бомб — еще более мощные ракеты.

Император когда-то заявил Сулламоре, что не станет добиваться победы путем массового истребления мирного населения противника. Однако он был более искренен, когда в исторической речи после начала войны обещал таанцам, что у них небо будет гореть над головой.

Столица Хиза потонула в огне. Центр города сразу же расплавился — бетонные здания в мгновение ока оплыли, как мороженое в раскаленной духовке. Тротуары превратились в огненные реки. Кислород отсасывало даже из бомбоубежищ — через вентиляционные отверстия. Вода в прудах и фонтанах закипела и испарилась в одну секунду.

Что случилось с людьми — об этом и говорить не стоит. Столб огня взметнулся в небо на тысячи метров, образуя торнадо километрового диаметра,— огнедышащий вихревой столб выбросил в небо остатки строений и мусор. Ударная волна покатилась со скоростью двести километров в час...

И крушила то, что еще не сгорело,— пожарные станции, больницы...

Центр хизской столицы пылал почти целую неделю. Погибло не меньше полумиллиона человек.

Так что второе предупреждение вечного императора было не менее убедительным, чем первое.

Глава 40

Выходя из бомбоубежища в сопровождении своих телохранителей, Пэстор кипел от злости — ему казалось, что он вывалялся в грязи и провонял. Издалека доносился замирающий вой сирен, возвещающих о конце противовоздушной боевой тревоги.

Еще одна чертова ложная тревога. После внезапного и разрушительного налета имперского космофлота прошло уже три дня — и по меньшей мере двадцать ложных противовоздушных тревог заставляли его вместе с телохранителями и всей домашней прислугой бежать сломя голову в набитое людьми бомбоубежище, которое находилось на двадцатиметровой глубине под садом его особняка. Ему надоело ощущать себя мелким грызуном, который испуганно юр-

кает в норку при первом намеке на тень хищника. И особенно гадко на душе, когда страшная тень оказывается чем-то вполне безобидным — вроде насекомоядного дрозда.

Пэстор остановился возле стальной двери, прикрывавшей вход в бомбоубежище. Большинство слуг потянулись к уродливому бетонному ящику, который он называл своим домом.

Подобно всем тем, кто начинал свой жизненный путь в прокопченных душегубках под гордым названием таанских фабрик и малопомалу выбился в люди и стал важной персоной, Пэстор превыше всего ценил возможность отгородиться от остальных людей, гарантировать невмешательство посторонних в свою жизнь.

Дом, больше похожий на крепость, чем на удобное жилище, он построил многие годы назад — на окраине столицы, неподалеку от района трущоб. Близость не то чтобы очень приятная. Однако Пэстор полагал, что не стоит, так сказать, терять связь с корнями, отрываться от взрастившей его почвы.

Это было не очень по-таански, зато обеспечило ему популярность в народе и помогло достичь больших успехов в жизни.

Сам бывший заводской раб, Пэстор воображал, что умеет выжать последнее из рабочих. Его конкуренты использовали только кнут; Пэстор признавал кнут печальной необходимостью. Уж так от века повелось. Но он был пионером возвращения в обиход и пряника.

На фабриках Пэстора с рабочими обращались не как со скотом, а с некоторой долей уважения. Самым усердным и изобретательным работникам выдавали щедрые премии. И не по доброте сердечной, а из голого расчета. Таким же холодным расчетом была рождена идея использовать военнопленных в Колдиезе — пусть вкалывают на военную мощь Таанской империи.

Предприятия Пэстора было бы смешно называть идеальными. В большинстве планетных систем Галактики условия труда на этих фабриках сочли бы варварскими. Даже на Прайм-Уорлде общественное мнение заставило бы капиталистов закрыть подобное производство как непотребное. А в других мирах рабочие не выдержали бы такого гнета и пошли свергать хозяев с оружием в руках. Однако в рамках таанских нравов пэсторовские фабрики были чуть ли не раем земным, и в родную историю Пэстор обещал войти как первый «просвещенный капиталист».

В согласии со своими моральными установками и свой дом Пэстор построил «в народной гуще». Но чтобы все-таки не слишком соприкасаться с этой гущей, Пэстор заказал архитектору дом особой конструкции: многоэтажное здание было обращено к миру простолюдинов четырьмя глухими стенами. Внутри располагался огромный двор-колодец, куда и выходили все окна. Двор был воистину великолепен: в центре — под куполом — роскошная оранжерея, далее сад под открытым небом, лужайки, фонтаны, бассейны.

Но оранжерею и сад он чуть было не потерял, когда стал действительным членом совета. Принеся ему помимо солидного годового оклада большую власть и влияние, членство в совете явило также и свои минусы, ибо всем членам настойчиво рекомендовалось «содействовать строительству или лично сооружать подземные бункеры, способные устоять против...» — и так далее, обычное бубнение на канцелярите. Говоря человеческим языком, ему предлагали снести оранжерею, срубить сад и построить на этом месте бетонное бомбоубежище — да такое, что выдержит прямой ядерный удар.

Пэстор уже мысленно представлял выражение лица лорда Ферле, когда он скажет многомудрому лорду, куда они могут идти со своими антиядерными бетонными гробами, когда его осенила блестящая идея.

Имея под рукой домашнего архитектора и толстые пачки денег, а также возможность потянуть за кое-какие веревочки в правительстве, Пэстор сумел уговорить военных одолжить ему на время самый мощный лазер и самый могучий гравитационный кран. Работы продолжались несколько месяцев. Верхний слой почвы внутреннего двора — вместе с оранжереей, садом и прочим — был аккуратно срезан одним куском, приподнят высоко в воздух, под ним был вырыт котлован, где затем разместилось бомбоубежище. Пэстор не стал вбивать деньги в землю — не веря в большую надежность дорогих «сверхпрочных» убежищ, он велел соорудить стандартное бетонное логово. Затем почву, на которой находился внутренний двор, опустили на многослойный верх бомбоубежища — и прежний вид из окон был полностью восстановлен.

Пэстор с гордостью оглянулся на дело рук своих. Да, двор выглядел как встарь. Правда, возникли кое-какие проблемы с дренажем. Но кончили тем, что подключились к проходящей рядом общественной системе водостока. И хотя окрестные улицы в ливень стало заливать, это Пэстора мало трогало. Если вода промоет первые этажи бедняцких домов, там только чище будет.

Подошел начальник личной охраны, взял под козырек и доложил, что убежище должным образом законсервировано и они готовы проводить его в дом. Пэстор нетерпеливым жестом отослал охранников прочь. За последние три дня эти сцены повторялись непрестанно и стали рутиной — хотя раздражение вызывали не меньшее, чем в самом начале. После каждой ложной тревоги охрана затевала осмотр дома — не прокрались ли туда злоумышленники; следовали долгие переговоры с центральной службой безопасности города и прочая ерунда. Пэстор предпочитал укрываться от всех в оранжерее, где не было никакой электроники, никаких средств связи. Там он мог сидеть часами и размышлять, слушая журчание воды, потрескивание обогревательных ламп и тихое хлюпанье насосов.

Сегодня все было как обычно. Отослав охранников, Пэстор ушел отдыхать в одиночестве в зеленый рай оранжереи.

Как только он оказался внутри, злость и раздражение испарились, морщины на лбу разгладились. Сегодня тут было еще спокойнее и уютнее, чем обычно. Очевидно, потому, что не работали воздухоочистительные машины. Те же самые бомбы, которые уничтожили сотни тысяч людей, произвели оздоровительный эффект в атмосфере, рассеяли смог над городом, и сейчас можно было не очищать воздух в оранжерее.

Пэстор шел вдоль ряда вьющихся растений, срывая там и здесь пожухшие листики, поправляя усики, замечая мелкие изменения, милые сердцу подлинного садовода.

Поворачивая на центральную аллею, Пэстор вдруг осознал, что такая тишь не оттого, что отключена система очистки воздуха. Не хватало привычного гудения переносящих пыльцу насекомых, завезенных за бешеные деньги специально бог весть откуда — через пол-Галактики. Эти насекомые очень чувствительны и прячутся, когда завидят чужака. К Пэстору они привыкли, а... Следовательно, кто-то...

— Не суетитесь, полковник,— произнес незнакомец.— Предлагаю вам трижды подумать, прежде чем совершить какое-нибудь неосторожное действие.

И этот совет прозвучал вовремя, потому что первой реакцией Пэстора, когда он увидел Стэна и смертоносное оружие в его руке, было желание кинуться на пришельца и позвать на помощь во весь голос. Пэстор тут же возблагодарил небо, что справился с глупым порывом. Если бы незнакомец хотел его убить, он бы уже нажал на курок. Стало быть, похищение. Пэстор смог немного расслабиться. Если незнакомец явился с целью похитить его, возможны и необходимы переговоры. А язык у Пэстора был подвешен хорошо, и на переговорах он собаку съел. Так что — спокойствие и еще раз спокойствие. Все закончится благополучно.

Стэн, казалось, внимательно следил за происходящим в голове фабриканта. За какое-то мгновение до того, как Пэстор пришел к окончательному решению вести спокойные переговоры, Стэн уже опустил пистолет, как бы предугадав это решение. Прислонившись спиной к стойке с садовым инструментом, Стэн жестом приказал Пэстору сесть на кромку газона. Тот подчинился. Ему было любопытно, каким образом незнакомец проник в оранжерею, казалось бы надежно защищенную электроникой.

Пэстор осмотрелся, заметил отброшенную дренажную решетку и хохотнул:

— Так я и знал! Неприятности из-за этого проклятого бомбоубежища не прекращаются!

Стэну это не показалось смешным. Но Пэстор добродушно продолжил:

— Ну да ладно, долго объяснять... Скажите мне лучше, как вы намерены умыкнуть меня отсюда? Я слишком стар, чтобы ползать по дренажным трубам.

— Не беспокойтесь. Вы останетесь здесь.

Это прозвучало зловеще. Неужели все-таки убьет? Может, перед ним маньяк-убийца? И он просто тянет время, играя со своей жертвой, как кот с мышкой? Да нет, молодой человек совсем не похож на маньяка...

— Чего же вы хотите?

— Поговорить. И ничего больше. Собственно, это идея моего босса.

Пэстор удивленно вскинул бровь. Что еще за босс?

— Да вы его знаете — ну, вечный император. Словом, он предложил мне переговорить с вами. Посмотреть, не сможем ли мы прийти к некоторого рода пониманию между собой.

Пэстор засомневался касательно линии дальнейшего поведения. А ну как этот парень действительно сумасшедший? Как бы там ни было и что бы Пэстор ни сказал в следующий момент, ему не следует унижаться перед этим типом.

Но пока он облекал свои мысли в слова, Стэн небрежно сунул руку в карман пиджака, вынул оттуда какой-то предмет и бросил к ногам Пэстора. Таанец поднял его, рассмотрел и невольно отпрянул. На карточке стояла личная печать вечного императора! Пэстор с первого же взгляда определил, что печать подлинная,— он в этом разбирался.

Получается, что этот парень и впрямь посланец властителя. В голове Пэстора зароилось множество вопросов. Но из них выделялся один, самый серьезный: «Почему именно я?» Вслед за этим он разозлился, ужасно разозлился. Неужели вечный император усмотрел в характере Пэстора какую-то слабину? И вообразил, что его можно склонить к предательству?

— Мой босс хочет лишь одного,— промолвил Стэн, словно уловив ход мыслей собеседника,— чтобы вы знали, что он о вас знает. И воспринимайте это просто как начало диалога.

— Чего же он ожидает от меня? Что я должен, по его мнению, сказать или сделать? — ледяным тоном процедил Пэстор.

— В данный момент он ничего от вас не ожидает,— успокоил его Стэн.

— Вы еще с кем-нибудь контактировали?

Под «кем-нибудь» Пэстор имел в виду других членов Верховного совета.

— Нет, больше ни с кем.

Стэн долго не нарушал возникшую паузу. Он хотел, чтобы гнев Пэстора возрос до высшего предела. Чтобы вскипела ненависть. После этого наступит психологическая реакция, начнется смятение. И тут Стэн забросил крючочек.

— Как вам понравилась вечеринка, которую на днях устроил мой босс?

Пэстор почернел от ярости, понимая, что Стэн намекает на ракетный удар по Хизу. До него отлично дошел подлинный смысл дерзкого рейда — вечный император убедительно доказал, что может изничтожить их всех в удобный для него момент. И присутствие этого наглеца в великолепно охраняемом саду члена таанского Верховного совета — лишнее доказательство вездесущего могущества вечного императора. И все же...

— Если император полагает, что его трусливое нападение на невинных мирных жителей хоть как-то поколеблет нашу решимость...

— Ну-ну, полковник, вы не на трибуне,— укорил Стэн.— Я надеюсь, что в глубине души вы думаете совсем не так. Ибо если вы и впрямь мыслите столь наивно, то вскоре распрощаетесь с еще полумиллионом невинных мирных жителей.

— Вы не ответили на мой первый вопрос,— произнес Пэстор, немного сбавляя тон.— Или же сказали явную ложь. Я не люблю, когда мне лгут. Итак, повторю вопрос: чего ожидает от меня ваш босс?

— Если вы вообразили, что мой босс хочет сделать из вас предателя, то вы досадно заблуждаетесь. В качестве предателя вы ему нисколько не нужны.

— В каком же качестве я ему буду полезен?

— Рано или поздно,— продолжал Стэн,— таанцы поймут, что все кончено, что вы проиграли войну. И когда вы это осознаете, вечному императору понадобятся разумные люди в среде таанцев, с которыми можно иметь дело.

Пэстор отлично понимал, что Стэн говорит о капитуляции таанцев. «Как странно,— мелькнуло у него в голове.— Я мысленно произнес слово "капитуляция" — и сердце у меня кровью не облилось». Подобная холодность чувств смутила Пэстора: «Неужели я такой плохой таанец, что мысль о поражении не вселяет в меня ужас? Капитулировать — да прежде такое и в голову не приходило! А теперь... теперь немыслимое кажется... неизбежным».

— Продолжайте, я вас слушаю,— проронил Пэстор.

Эти четыре слова показали Стэну со всей ясностью, что он одержал победу.

— В сущности, я уже все сказал. Хочу только добавить, что можно избежать великих тягот и смягчить трагедию поражения, если со-

хранится некое таанское правительство. Вечный император почему-то твердо уверен, что это правительство, с которым он сможет иметь дело, возглавите именно вы.

Пэстор согласно кивнул. Что касается искусства выживания в отчаянной ситуации, этим искусством он владел вполне — в отличие от большинства изнеженных членов Верховного совета, которые с колыбели были ограждены от трудностей истинной жизни.

— Что еще?

Стэн заколебался. Император отнюдь не уполномочивал его на то, что Стэн намеревался сказать сейчас. И тем не менее он взял на себя риск и — как со скалы в море:

— Колдиез.

— О чем это вы? — удивленно спросил Пэстор.

— Император проявляет беспокойство о тамошних военнопленных,— сказал Стэн. Он лгал, лгал, лгал.— Император надеется, что при любом повороте событий с ними будут обращаться по-человечески. И поскольку создание этого лагеря было вашей идеей...

Теперь до Пэстора дошло. Он слышал про то, что у вечного императора какие-то странные идеи насчет гуманности по отношению к низшим классам. И даже по отношению к военнопленным. Беспокойство об угодивших в плен трусах — фи! Пэстору оно казалось смехотворной причудой. Но с другой стороны — отчего бы не угодить императору, если это практически ничего не стоит?

— Передайте вечному императору, чтобы он не беспокоился о судьбе заключенных. Я приложу максимум стараний, чтобы предельно облегчить их участь. Разумеется, не надо воспринимать это как некую уступку с моей стороны. Или как скрытое признание того, что я допускаю возможность нашего поражения. Наша победа и окончательное посрамление...

Стэн рассмеялся и насмешливо вскинул руки: мол, сдаюсь, сдаюсь. Пэстор невольно рассмеялся вместе с ним — опять он выдал фразу, как с трибуны. Стэн выпрямился и направился в сторону открытого люка дренажной трубы.

— Вы так и оставите меня тут? — осведомился Пэстор.— Не боитесь, что я сразу же после вашего ухода позову охрану?

— В этом деле на кон поставлено так много жизней, что одна моя ничего не значит,— лаконично отозвался Стэн. И в следующий момент исчез в трубе.

Пэстору не понадобилось много времени, чтобы понять правоту этого дерзкого парня.

Ногой он надвинул решетку на отверстие дренажной трубы и зашагал дальше по аллеям оранжереи — срывая увядшие листики и поправляя усики вьющихся растений.

Исторический электронный атлас, связанный с постоянно обновляемым банком компьютерной информации, наглядно показывал успехи наступления империи на ее врагов.

Красный цвет, показывающий территории, захваченные Таанским союзом, мало-помалу откатывался назад, заменяясь имперским синим. При этом оставались красные островки, отмечавшие неприступные миры-крепости вроде Итана, которые были оставлены и блокированы в тылу — влачить жалкое отрезанное существование и в итоге сдаться.

Эту картинку на экране компьютера мог увидеть любой имперский солдат, любой военный пилот или десантник — и за минуту понять, как идут военные дела.

Но солдаты — мужчины и женщины — ничего не понимали.

Пилоты военных транспортных космолетов грузили на борт своих боевых кораблей запасы пищи и боеприпасов и летели в заданную точку пространства — испытывая чувство страха, несколько притупленное опытом, и скучая во время долгого полета. Прибыв на место, разгружались и отправлялись в обратный путь.

Десантники тренировались на базах, потом грузились на боевые корабли, летели к месту сражения, охваченные дурманящим страхом, прилетали на место — и атаковали противника.

Когда последний таанец был мертв, остатки десантников садились на свои корабли и возвращались на базу или же направлялись в другое место — создавать новую базу, снова тренироваться, срываться из казармы по приказу — и все время пытаться выжечь в себе ужасную мысль, что выход из всего этого один: смерть, ранение, безумие или — победа.

Впрочем, теперь самой большой и единственно возможной победой было дожить до ближайшего рассвета.

К счастью, статистикам понадобится двадцать лет, чтобы обнародовать веселенькое сообщение, что, по их расчетам, во время войны с Таанскими мирами десантники гибли в среднем не позже чем через тридцать суток участия в интенсивных боях.

Но, опять же к счастью, мало кому из имперских солдат выпадало на долю участвовать в интенсивных боях на протяжении тридцати суток подряд.

Однако случалось и такое, потому что, вопреки оптимизму электронной карты, где синее неуклонно теснило красное, с имперскими войсками время от времени происходили страшные катастрофы.

Одним из наиболее трагичных эпизодов была высадка на Пел'е.

Планетные системы Пел'е стояли на первом месте в стратегических замыслах императора. Они находились в центре галактического ответвления, которое на протяжении долгого времени принадлежало Таанскому союзу. Как только этот плацдарм будет взят, в данном районе Галактики у вечного императора появится военная база как для дальнейших успешных атак, так и для поиска звездной системы, где находятся основные таанские кораблестроительные заводы,— до сих пор враг умудрялся сохранять в полной тайне эту ключевую информацию.

«Честь» высадки на Пел'е выпала многострадальной Восьмой гвардейской дивизии. После двух недель непрекращающихся бомбардировок руководство имперского космофлота доложило, что сопротивление таанцев потоплено в крови. Было решено, что уже можно отправлять транспортные корабли с наземным десантом.

Первые транспортные корабли были уничтожены в верхних слоях атмосферы. Вторая волна прорвалась. Десантники высыпали из приземлившихся кораблей — и тут таанцы открыли бешеный огонь.

Имперские стратеги и военные психологи сели в лужу. По их расчетам, Таанская империя являла собой милитаризованное кастовое общество, а следовательно, достаточно уничтожить командную верхушку, штабы и средства связи, как масса солдат, лишенная высшего руководства, полностью растеряется: одни прекратят сопротивление, другие — фанатики — покончат с собой, а большинство будет по инерции отражать атаки противника, но очень вяло.

При этом были проигнорированы широко известные еще довоенные данные, что в таанской армии на тысячу солдат приходилось меньше офицеров и унтеров, чем в любом из подразделений имперских войск. После ужасающих ракетных ударов, когда общее командование таанскими войсками было непоправимо нарушено, оставшиеся в живых солдаты перегруппировались, создали новые подразделения и начали яростно отражать натиск противника — не нуждаясь в офицерах и генеральских командах.

Согласно первоначальному расчету, Пел'е следовало захватить за два земных месяца и силами исключительно Восьмой гвардейской.

В действительности прошло два полных года, прежде чем был уничтожен последний таанский солдат, не сложивший оружия. В разное время были задействованы шесть дивизий — причем некоторые из них посылали на планеты Пел'е для боевого крещения и отработки методики и приемов боя в реальном сражении перед еще более страшными битвами в других районах Галактики.

От Восьмой гвардейской остались рожки да ножки. Сперва убрали в отставку одного командующего, потом загремел в отставку и второй. А тем временем было выбито восемьдесят три процента табельного состава. Знамя дивизии сохранилось, но остатки десантников

были разбросаны по другим дивизиям, а Восьмую стали воссоздавать заново, с нуля.

Что особенно усугубляло происшедшую трагедию, так это ее внезапно открывшаяся бессмысленность: Восьмую гвардейскую успели положить в боях до того, как Сент-Клер выяснила, что пресловутые заводы по производству боевых космических кораблей находятся в звездной системе Эрибус — едва ли не в противоположном конце Галактики от системы Пел'е.

Семьдесят пять тысяч имперских десантников погибли в боях за Пел'е. Таанцы потеряли четверть миллиона солдат.

А битва оказалась лишенной даже малейшего смысла.

Шесть объединенных космических флотов атаковали Эрибус под началом маршала Яна Махони.

Так называемые цели-панацеи (ударим в этом месте и одним махом закончим войну — буквально за считаные дни) были скорее шуточным аргументом в спорах военачальников. Разрушение «цели-панацеи» выглядело эффектно; за это навешивали ордена, однако серьезные стратеги отлично понимали, что такая война ни одним махом, ни даже десятью махами не заканчивается.

К тому же практиковался, как правило, один-единственный удар по значительной цели. Если осуществлен сокрушительный ракетно-бомбовый удар по такому-то заводу и он стерт с лица земли, к вопросу о его существовании уже больше не возвращались. Предприятие уничтожено и больше никогда не будет производить смертоносное оружие, направленное против нас.

Беда в том, что, когда войны заканчиваются и начинается оценка реальной эффективности тех или иных военных действий, вдруг выясняется, что якобы в пыль разрушенный завод был разрушен не до конца и уже через несколько месяцев интенсивных восстановительных работ продолжил функционировать — уже без опасений, что он попадет под удар противника, ибо вторичные удары не практиковались.

Похоже, Эрибус стал очередной «целью-панацеей».

Однако Махони, повидавший в жизни больше, чем многие из служивших под его началом, подошел к своей задаче иначе, творчески.

Звездная система Эрибус была дьявольски сложной целью. Она была защищена по последнему слову техники, там базировались тяжеловооруженные таанские космические корабли — все, которые можно было с минимальным ущербом снять с передовых рубежей. Словом, отлично укрепленная крепость. И ее защитники, понимая важность объекта, который им поручено защищать, намеревались стоять до последней капли крови.

Махони твердо решил, что эта последняя капля крови должна обязательно пролиться. Никто из таанцев не останется в живых.

После первой же атаки имперские силы потеряли убитыми и ранеными тридцать процентов личного состава. Было сбито огромное количество имперских космических истребителей и бомбардировщиков — они упали на Фунди, главную планету звездной системы Эрибус. А множество имперских кораблей было взорвано в космическом пространстве еще на подлете.

На следующий день Махони провел новую масштабную атаку.

Двадцать восемь процентов потерь среди личного состава.

Команды некоторых кораблей сломались, взбунтовались и отказались идти в новую атаку. Махони хладнокровно приказал провести военные трибуналы и расстрелять всех командиров кораблей и любых офицеров, которые отказывались идти в бой. После этого его вырвало в адмиральской каюте. Он ополоснул лицо холодной водой — и послал новые тысячи мужчин и женщин на верную смерть.

Через шесть дней непрерывной утюжки их позиций таанцам было уже нечем защищаться.

Махони отдал приказ боевым транспортным кораблям и космическим крейсерам, а также легким кораблям разведки.

Три транспортных судна и два набитых десантниками крейсера опустились в разных точках Эрибуса. Наземные обследования вкупе с фотографиями из космоса подтверждали, что все заводы уничтожены — их сровняли с землей, и ни о каком быстром восстановлении не может быть речи.

Тем не менее Махони приказал назавтра повторить ракетно-бомбовый удар.

Пришлось снять с должности адмирала одного из флотов, который был категорически против. Но имперские силы провели еще две атаки.

После этого планеты Эрибуса выглядели как гигантские ровные площадки, пригодные для парковки машин. И вопреки всем привычным законам войны Махони отдал приказ — добивать. В пыль, в прах!

Пусть произойдет фантастическое — заводы Эрибуса восстановят. Но пусть не найдется ни одного живого работника из тех, кто здесь работал прежде. Все они должны развеяться пеплом.

Первая гвардейская дивизия, которой некогда командовал Махони, а теперь руководил генерал-майор Галкин, десантировалась на Наху.

Приказ: уничтожать всех, кто выступал с оружием в руках; по мере сил щадить мирное население.

Сопротивление оказывалось бешеное. Развалины стреляли. На каждом шагу были мины-ловушки. Таанцы бились до последнего. Но в итоге Наха пала, невзирая на то что ее защитой руководила са-

ма леди Этего. Впрочем, имперские десантники потеряли вдвое больше людей, чем ожидалось.

Махони не просто уничтожил заводы на Эрибусе, он сумел завоевать одну из планет, которая стала базой для дальнейших успешных военных действий.

И настоящая утюжка противника началась.

Глава 42

Если бы за встречей лорда Ферле и лидеров двух главных фракций Верховного совета — Вичмана и Пэстора — наблюдал опытный офицер контрразведки, он бы наверняка пришел к ошибочным выводам. И если бы скрытая камера снимала происходящее в полутемном кабинете Ферле, таанский соглядатай заинтересовался бы в первую очередь не тем, кто присутствует на встрече, а тем, кто отсутствует.

Прежде всего, не хватало леди Этего, которую все считали преемником лорда Ферле. Контрразведчик, просмотрев видеозапись, решил бы, что создан новый союз, в который Этего не включена. Было очевидно, что лорд Ферле опасался леди Этего — хоть и неудачная, но безумно храбрая защита Эрибуса возвела ее в ранг национальной героини.

Однако соглядатай ошибся бы в обоих случаях. Правда заключалась в том, что лорд Ферле подумал о ней, приглашая к себе Вичмана и Пэстора. Но в последний момент решил не вызывать — именно потому, что у нее была безупречная репутация «рыцаря в белых доспехах».

Он не хотел, чтобы она как-то себя замарала. Если он падет в борьбе — пусть она останется незапятнанной, подхватит его меч и двинется дальше. Лорд Ферле намеревался предложить план заговора, который основывался на коррумпированности и нелояльности таанских высших кругов. Идеалистка Этего придет в ярость при малейшем намеке на то, что высшие круги настолько прогнили. При ней такое произносить нельзя — прямолинейное солдатское мышление не потерпит этой горькой истины.

Что до Вичмана, тот, конечно, заспорит, но его нетрудно переубедить фактами и логическими выкладками. При поддержке такого реалиста, как Пэстор, Ферле легко с этим справится.

Слуг не было. Лорд Ферле самолично угощал гостей и готовил им напитки. За едой и питьем они чинно переговаривались. Беседа характеризовала современную обстановку и облегчала переход к дальнейшему. Они жаловались друг другу, что повсюду изменники, шпионы проникли на все этажи власти, а дураки продолжают выбалтывать государственные тайны. Лорд Ферле особенно сгущал краски, не останавливаясь перед явными преувеличениями.

Как и ожидалось, Вичман сперва поддакивал, потом начал напирать на то, что не все так уж плохо, что надо предпринять объединенные усилия, дабы хирургическим путем вырезать на раннем этапе раковую опухоль предательства... А реакция Пэстора оказалась неожиданной для лорда Ферле. Пэстор очень быстро замкнулся и сидел молчком. И чем больше лорд Ферле распинался о разложении таанской верхушки, тем бледнее становился молчаливый Пэстор. Неужели Ферле дал маху и Пэстор сейчас выступит в роли отсутствующей леди Этего и поддержит Вичмана и его дурацкое предложение резать раковую опухоль — то есть произвести кровавые чистки? Если так, тогда лучше срочно перестроиться, придержать язык и распрощаться со своими прежними задумками.

Но лорду Ферле было невдомек, что Пэстора с опасной силой терзает нечистая совесть. «А ну как Ферле меня подозревает? — стучало в его голове, и он бледнел все больше и больше.— А ну как это провокация? Что, ежели за дверью ждут парии из спецслужбы с револьверами в руках? Но если это провокация, отчего Ферле поглядывает на него так странно — как будто ищет поддержки в разговоре с Вичманом, который несет отчаянную патриотическую чушь?»

Мало-помалу страх отпустил, и Пэстору стало казаться, что он понимает, чего хочет от него лорд Ферле. Поддержки. Но какова конечная цель? Ах, что за ситуация! Такое ощущение, что ты связан, твои гениталии положили на стол и теперь послали за ножом, а нож все не находится...

— Извините, милорд,— сказал Пэстор, не выдержав ожидания,— я должен прямо заявить, что положение, обрисованное вами, вызывает в моем сердце не меньшую скорбь, чем в вашем сердце, лорд Ферле, или в вашем сердце, лорд Вичман. Нам следует предпринять самые решительные действия. Однако...

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал лорд Ферле несколько сухо, стараясь подтолкнуть Пэстора к откровенному высказыванию.

— Однако... прежде чем рубить головы... допустим, подлость этих людей может быть нам каким-то образом по... полезна...

Вичман мгновенно побагровел. Он даже привскочил в кресле.

— Да как вы смеете!..

— Я придерживаюсь того же мнения,— отчеканил лорд Ферле.

Вичман рухнул обратно в кресло.

— Что? Ах да! Какое безо... О-о! Ну что ж, идея неплохая. Да, очень даже...— Вичман испуганно заворочал головой и заперебирал руками.— Что это я? О чем это я?.. Разве такая идея может быть хорошей?

Ферле и Пэстор от души рассмеялись. Секунд через десять Вичман окончательно настроился на новую волну, перестал трястись от страха и расхохотался вслед за коллегами из Верховного совета.

Лорд Ферле приготовил еще по коктейлю, и все с удовольствием выпили. Затем Ферле изложил свой план.

Он намеревался использовать высокопоставленных болтунов, которые готовы по глупости или за какие-то выгоды позволять важной информации утекать на сторону. Но поставить их на службу высшим таанским интересам — чтобы они дезинформировали врага. План был настолько иезуитский, что ему позавидовал бы сам вечный император. По своему коварству он был вровень с обычными задумками вечного императора — и даже буквально напоминал один его давний фортель.

Лорд Ферле решил извлечь максимум пользы из трагического исчезновения здания Верховного совета. Пусть его руины послужат на благо Таанского союза. В свое время Ферле весьма озадачило поведение вечного императора после их собственного тайного нападения на его штаб-квартиру в самом начале войны — да, собственно, война именно с этого и началась. Император наводнил пол-Галактики своими пропагандистскими портретами, на которых он грозил таанцам увесистым кулаком. Таанская верхушка покатывалась от смеха — какой дешевый трюк. Но трюк сработал — Галактика увидела, что вечный император жив и полон решимости сражаться. К удивлению таанцев, союзники не отпали от империи их противника, а, наоборот, потянулись к ней. Вечный император получил и моральную, и материальную поддержку — в виде новых военных космических кораблей и дополнительных военных частей. Пропагандистская кампания подняла его в глазах общественности. Словом, поражение он повернул себе на пользу.

Теперь, согласно предложению Ферле, таанцам предстояло воспользоваться опытом противника и попытаться обратить поражение в победу.

Лорд Ферле намеревался объехать двадцать две звездные системы — всех союзников, из которых многие — весьма бездеятельны. Везде он будет беседовать с государственными лидерами, произносить речи, в буквальном и переносном смысле показывая кулак вечному императору.

Это будет смотреться красиво: одинокий гордый лорд, невзирая на тяжелые обстоятельства, не склоняет головы перед имперским гигантом! Таанцы не притихли после поражения, они полны решимости биться до конца. Ну и так далее. А наедине с государственными лидерами союзных держав он может и пригрозить — ведь Таанская империя еще в силах кому угодно показать, где раки зимуют! Лорд Ферле убедит союзников, что надо продолжать борьбу — залечь в траншеи и сражаться до последней капли крови. Если удастся сплотить союзников, вечный император встретит бешеное повсеместное сопротивление, которое может отрезвить его и заставить отступить, ибо победа дастся слишком большой ценой.

Вичман был в восторге от этого плана. Пэстор нехотя признал, что в плане есть рациональное зерно. Впрочем, память о кровавом рейде имперского флота была еще слишком жива в его сознании, да и странное появление Стэна в отлично охраняемом дворе пэсторовского особняка как-то не прибавляло уверенности. Ежели вечный император способен на такие штучки, не лучше ли...

Вслух Пэстор сказал следующее:

— Милорд, я опасаюсь за вашу личную безопасность во время подобного турне. Что помешает вечному императору узнать о вашей поездке и нанести удар там и тогда, где и когда вы менее всего будете ожидать подвоха? Если вас убьют, не избежать паники среди нашего народа.

— А я страстно желаю, чтобы вечный император узнал о моей поездке! — воскликнул лорд Ферле.

У простодушного Вичмана глаза опять полезли на лоб. А вот Пэстор почти сразу все сообразил. Да, Ферле прикажет своим подчиненным разработать два маршрута.

Согласно одному, вояж начнется с Арброта. Внешне это будет выглядеть вполне логично и убедительно, так как Арброт совершенно лоялен по отношению к Таанским мирам. Тамошние правители будут лебезить и заискивать перед ним — чуть ли не на коленках ползать, создавая удачный пропагандистский образ. Будет организована утечка информации об этом маршруте — через тех самых предателей, которых стоит использовать, прежде чем казнить.

В действительности на Арброт нет никакой надобности ездить — тамошний народ и без того настолько глупо и слепо лоялен, что и без подстегивания будет сражаться против империи до последнего.

Если поступать по-умному, начинать надо с Кормартена.

Пэстор сразу же оценил отличную мысль. Кормартен — это скопище мятежников. Основанная полукельтской религиозной сектой, планетная система Кормартен была на стороне Таанского союза единственно в силу слепой и лютой ненависти к вечному императору. Если война закончится победой таанцев, кормартенцы сразу же обратят свое оружие против бывших союзников.

Впрочем, даже сейчас, после серии побед имперского оружия, кормартенцы стали потихоньку отказываться от союзнических обязательств перед Таанскими мирами, качнувшись в сторону нейтралитета. Ферле рассчитывал своим визитом эти настроения убить на корню. И в первый же день дипломатического вояжа он сможет ошарашить остальных союзников блистательной победой над упаднических настроениями на Кормартене.

И в дальнейшем его турне будет строиться так же: предателям в правительственной верхушке подбрасывается информация о фальшивом маршруте, а лорд Ферле, приводя врагов в ярость, появляет-

ся там, где его совсем не ждут, и грозит вечному императору всеми адскими карами.

Теперь и Пэстор, и Вичман в один голос одобрили его задумку и обещали, что уговорят членов своих парламентских фракций поддержать идею дипломатического вояжа лорда Ферле. Таким образом, лорду Ферле обеспечено почти единогласное одобрение на сессии Верховного совета.

Пока Ферле и Вичман поздравляли друг друга с грядущим успехом, Пэстор невольно вспомнил Стэна. И Колдиез. Теперь Пэстору пришла в голову идея, как не только выполнить свое обещание насчет военнопленных, но и десятикратно перевыполнить его.

На протяжении войны таанская армия взяла в плен миллионы всякого рода пленных, включая и интернированных лиц. Но лишь с немногими из этих пленных возникали какие-то трудности. Это были важные дипломаты, политики, офицеры высокого ранга, по разным причинам попавшие в руки таанцам. Даже инстинктивное презрение таанцев к любым военнопленным не позволяло им обращаться с людьми подобного рода как со скотом. Таким военнопленным было гарантировано сносное, так сказать, джентльменское отношение.

Проблема заключалась в том, откуда взять вежливых и деликатных охранников для этой высокопоставленной публики.

И Пэстор придумал, как решить проблему одним махом. Надо собрать эту элиту военнопленных в Колдиезе. Тогда он сможет через своих людей тщательно следить, чтобы с этим контингентом обращались по-человечески.

Было еще одно очень важное соображение в пользу того, что все яйца в данном случае полезнее держать в одной каменной корзинке. Если Таанский союз, не дай бог, проиграет войну, у Пэстора под рукой будет такой товар, что он сможет выторговать за него наипрекраснейшее будущее — для себя лично. Вечный император будет благодарен ему за сохранение таких людей.

Разумеется, не эти аргументы следовало привести Вичману и Ферле, чтобы они поддержали его идею. Надо было воззвать к их кровожадным чувствам.

Обрисовав свой план касательно высокопоставленных военнопленных, Пэстор сказал:

— Если мы соберем сливки военнопленных в одном месте, то нам вовсе не нужно защищать планету. Туда ни одна бомба не упадет.

— А если вечный император будет вести себя по-скотски,— подхватил Вичман,— мы попросту перебьем всех этих пленных. Тут-то и пригодится, что они в одном месте! Мне идея нравится!

Ферле также не возражал.

Когда Пэстор вернулся к себе домой, приятно возбужденный приятными напитками и теплым общением, он невольно с большой симпатией подумал о таанской правительственной системе. Всего несколько хорошо взвешенных слов — за закрытыми дверями, вдали от назойливой публики,— и вот уже приняты важные решения, определены верные меры, и светлое будущее нации обеспечено. Эти мысли наполняли его гордостью и любовью к Родине.

А завтра, протрезвев, он решит, какие конкретные шаги следует предпринять касательно Колдиеза.

Глава 43

Стэн не мог не презирать таанцев. Что это за империя зла, в которой не существует парочки-другой антиправительственных заговоров, хотя в каждой уважающей себя империи зла должна постоянно существовать по меньшей мере дюжина антиправительственных подпольных групп. А тут — ну хоть шаром покати. Нехватка диссидентов удручающая. Те немногие враги государства, о которых удавалось узнать, были, как выяснялось, не первый год под колпаком у тайной полиции. Да и диссидентство их выражалось в умеренном ворчании и высказываниях типа того, что Таанскому союзу надо говорить вежливое «позвольте побеспокоить», когда он захватывает какую-нибудь независимую звездную систему. Судя по немногочисленным утечкам информации из таанской спецслужбы, в настоящее время государственная измена состояла исключительно из ругани в очередях или пьяных высказываний о том, что это свинство — заставлять работать по две смены на заводе и не делать перерыва для горячего обеда.

Природа разведчика не терпит пустоты.

И поэтому Стэн и Килгур взялись состряпать антиправительственный заговор самостоятельно. Начали они со списка подлых заговорщиков. Для пущего интереса решили, что будут плести заговор в армейской среде.

К заговорщикам предъявлялось три требования:

1. Участвующий в заговоре офицер должен иметь в прошлом хотя бы одно-единственное зафиксированное службой безопасности антиправительственное высказывание. Пусть это будет даже не публичное высказывание, а бормотание перед зеркалом для бритья в собственной квартире — но уловленное микрофонами контрразведки. Таким образом, по этому пункту проходил даже адмирал Хусис с «Сабака», которому не раз случалось в сердцах костерить Таанский совет.

2. Участвующий в заговоре офицер должен пользоваться уважением коллег.

3. Участвующий в заговоре офицер должен иметь опыт боевых действий, а также опыт службы в мирное время на планетах, где имелись имперские колонии.

От мнимого участника заговора вовсе не требовалось быть убежденным сторонником того, что Таанская империя имеет право заграбастать любое независимое государство по своему усмотрению. Стэн решительно не хотел иметь в своем списке подобных фанатиков, хотя был соблазн подставить именно таких. Люди, которые относились к политике всерьез до исступления, попросту нервировали Стэна своей глупостью. Он бы отказался от искренних ура-патриотов, даже если бы смог найти таковых.

После того как Стэн и Килгур составили список, они вывели его на экран компьютера и занялись установкой конспиративных связей между заговорщиками: кто кого вербовал, кто с кем связан, кто кого знает. Ключевыми фигурами сделали офицеров не очень значительного ранга, исчезновение которых все же нанесет весомый ущерб нормальной работе таанской армии и разведки. Скажем, именно по этим соображениям в список попал третий заместитель одного генерала из службы обеспечения тыла — этот офицерик на самом деле был вторым лицом в таанской контрразведке. По той же причине — дезорганизация через шок — в список попал начальник службы военных капелланов: его арест как тайного и опасного врага породит недоверие к армейским священникам.

Когда составление списка было завершено, его передали на одну из имперских секретных баз.

Впрочем, с этим списком возился преимущественно Килгур, Стэн разрабатывал другую проблему, а именно: задуманный с большим размахом межзвездный вояж лорда Ферле. Поездка была какая-то нелепая. Не то чтобы ее замысел был глуп, но казалось странным, что едва ли не каждая собака знает о предстоящей поездке и о ее маршруте. Или в таанской службе безопасности сидели законченные ослы — во что Стэну хотелось верить, но во что он себе верить не позволял, или же все связанные с подготовкой этого турне важные члены совета страдали тяжелой формой словесного поноса.

Стэн не замедлил отослать в центр доклад о том, куда и когда направляется Ферле и что первым пунктом назначения будет Арброт, а также список того, что лорд будет есть и пить в поездке, где будет давать банкеты и с кем встречаться. Все эти сведения относились ко второй категории: то есть получены от заслуживающих доверия источников или собраны на основании довольно убедительных слухов в кругах, обладающих информацией. Но центр требовал сведений первой категории — то есть таких, на которые можно было полагаться едва ли не на все сто процентов.

И тут в один прекрасный день прорезался Четвинд: прислал весточку, что хотел бы встретиться.

Стэн встретился с ним в баре. Немного выпили. Не пора ли подкинуть Четвинду еще деньжат? Не пойдут ли у него дела лучше, если Стэн введет его в курс кое-каких предстоящих событий? Слышал ли он о новых поражениях таанской армии? После быстрого обмена репликами Четвинд перешел к делу.

— Один из моих старых-престарых дружков набрел на одну вещь, которая может вас заинтересовать. Этот парень — среди моих лучших агентов.

— Я так понимаю — грабитель?

Четвинд изобразил оскорбленную добродетель.

— Фу, Стэн, не будь таким подозрительным. Мой парень — истинный борец за свободу своего народа.

— Ладно, извини. Стало быть, он грабитель с идеалами.

— Этой ночью он был на деле... то есть я хочу сказать, прогуливался перед сном. В припортовом районе Двадцать три-VXL. Ну, ты знаешь, где куча складов с дорогими товарами. Короче, парень решил, что самое время узнать что-нибудь полезное для дела борьбы за свободную родину.

Так вот, залезает он через окно в один склад. Глядит — охраны до хрена и больше! И все в штатском. Ну, он потоптался на чердаке и дал деру. Однако очень его насторожило, что в таком месте и в такой час столько парней из службы безопасности — кое-кого он и в лицо знает, так что не ошибся.

Вот я и спрашиваю себя — что на том складе? Возможно, ты более догадливый, чем я.

Четвинд выжидающе замолчал. Стэн вынул пачку кредиток и передал своему собеседнику.

На этот раз ни один из них даже не делал вид, что эти деньги пойдут на дальнейшее развитие шпионской сети Четвинда. Все осядет в кармане самого Четвинда — разве что какая-то мелочь перепадет «грабителю с идеалами».

Килгур внимательно оглядел окрестности портового склада через окуляры бинокля и тихонько пробормотал:

— Э-э, да тут все схвачено. Здесь больше шпиков, чем личинок на армейском гнилом мясе.

Согласно его наблюдениям, в округе происходили весьма любопытные вещи. Примерно в полукилометре от склада приземлился космический корабль. Стэн определил по внешнему виду, что это стандартный вооруженный транспортный корабль. Но вот меры безопасности вокруг него были, мягко говоря, нестандартными. Корабль стоял на совершенно ровном, открытом участке бетонного покрытия.

Вокруг него было три — нет, четыре широких кольца оцепления. Солдаты в форме. Между кольцами оцепления на металлические стойки вознесены прожекторы. Но в целом вокруг корабля царит темнота.

— Что-то грузят,— прошептал Килгур.— И не обычные грузчики, а солдатня.

Он передал бинокль Стэну, который посмотрел на происходящее и кивнул.

— Разве что не в ногу идут, а так вроде бы солдаты.

Очень любопытно. Мало того что на складе, похоже, хранилось что-то весьма ценное (что представляло огромный интерес для имперской разведки), но и загрузка шла силами военных — в глухую пору ночи. Стэну очень хотелось заглянуть внутрь одного из этих загадочных ящиков, переносимых солдатами. И несли их с такой осторожностью, как будто в них лежали дорогие бьющиеся предметы.

Килгур что-то проворчал, вытащил из голенища сапога мини-компьютер и застучал по клавишам, изредка поглядывая в сторону загадочного корабля. Стэн смотрел на склад и корабль не отрываясь, лихорадочно соображая, привлекая весь свой опыт службы в подразделении богомолов.

«Итак, можем ли мы незаметно проникнуть в помещение склада? Нет, если Господь не сбросит нам по шапке-невидимке. Может, через крышу? Нам не по зубам состязаться с профессиональным вором, дружком Четвинда. Это отпадает. Пролезть снизу, через канализацию? Но чтобы разобраться, где войти, куда ползти, как выйти,— на это нужно много-много часов, а ребятки грузят проворно, вот-вот взлетят, по крайней мере не позже рассвета. Пойти нагло, в открытую? Сделать вид, что мы таможенные инспектора или старшие офицеры? Пустой номер. Разумеется, если нас разоблачат, удрать мы как-нибудь удерем, да вот только при этом засветимся — а не хочется, чтобы тааанцы узнали, что за ними кто-то следил. А может, втереться в экипаж? Тоже безнадежная затея. Десантники разбиты на группы по десять человек, и все друг друга знают, никак не примажешься. Да и тупые унтеры умеют считать до десяти, одиннадцатого и двенадцатого обязательно заметят...»

— По-моему, сумеем прорваться, босс! — тихонько сказал Килгур, отрываясь от своего компьютера.— В движении часовых есть определенный ритм. И прожекторы шарят через определенные промежутки времени. Так что если правильно подгадать, то можно перебежечками — и в промежутки между охранниками. Я тут подсчитал на компьютере, в каком ритме бежать.

Стэн критически взглянул на пустое пространство между зданием, за стеной которого они прятались, и космическим кораблем. Было жутковато представить себя бегущим по этой иссеченной прожекторами площади. Стэн нервно сглотнул.

— Ладно, мистер Килгур, выступайте в роли главного хореографа.

Через пять минут Килгур тихо приказал:

— Ну вот, теперь пора. По счету. Следи за моими пятками и не отставай... Три... два... вперед!

И двое в темных комбинезонах бесшумно рванули вперед в сторону загадочного корабля.

— Шестнадцать... семнадцать... на землю, босс! Раз, два, три, четыре, пять... встали. Двадцать шагов... ложись!

Они влипли в бетонное покрытие, а луч прожектора прошел рядом, чуть не лизнув их башмаки.

— Одиннадцать, двенадцать, вперед! Три, четыре, пять... шесть и замри!

Единственная мелодия, под которую им пришлось совершать свое па-де-де через летное поле, было их собственное громкое прерывистое дыхание.

— Ага, вот и посадочная платформа. Будет где укрыться, босс. Два, один, вперед, приятель!

Они распластались между выступами платформы. Теперь они зашли уже в самое пекло, миновав внешние кольца охраны.

— Теперь нам деваться некуда, только внутрь,— прошептал Алекс в самое ухо Стэна.— Парень у входа жмурится и отворачивается всякий раз, когда прожектор бьет в него. У нас есть секунд пять.

— А ты уверен, что внутри нет охраны?

— Скажем, что мы бродяги и ищем ночлега, и с улыбочкой поикандыбаем прочь. Ну, три... два... поехали!

Они на цыпочках пробежали по наклонной платформе и юркнули внутрь через широкий открытый люк. Килгур был прав в своем оптимизме: охраны внутри не было.

Стэн поднял ладони вверх: ну и что теперь? Килгур пожал плечами в ответ на этот немой вопрос. Он заметил в нише рабочий планшет, взял его в руку, нацепил на лицо озабоченное выражение и зашагал вперед по коридору к сердцу корабля.

Но этот фокус — с превращением в деловитого техника с рабочим планшетом — был разыгран скорее как шутка для Стэна, ибо никто их не видел. Десантники еще не погрузились на борт, и коридоры были пусты. Экипаж, очевидно, находился где-то в носовой части — оттуда доносился смех и пьяные выкрики. Из одной каюты слышался чей-то храп.

Стэну бросилась в глаза идеальная чистота — уборку производили явно совсем недавно. Или здешний капитан помешан на чистоте, или ждут какого-то важного пассажира.

Килгур наконец нашел люк, ведущий в трюм, и друзья быстро соскользнули по лестнице вниз. Трюм был заполнен лишь наполовину. Держась за ящиками, Стэн и Килгур наблюдали, как началь-

ник погрузки и его помощник покрикивают на солдат-грузчиков. Погрузка уже заканчивалась, шли крепежные работы.

Стэн и Килгур обнаружили несколько еще не закрепленных ящиков в дальнем углу трюма. Стэн проворно заработал ломиком.

В первом ящике они нашли столовую утварь — такие дорогие столовые приборы могли принадлежать только таанскому аристократу. Стэн задумчиво нахмурил брови и стал открывать ящики один за другим. Шестой содержал важную подсказку. Там лежало несколько парадных костюмов из таких дорогих материалов, которые простым таанцам в последние годы доводилось видеть только на своих лордах. И на каждом костюме на груди слева был вышит золотом и серебром небольшой трехголовый дракон.

Килгур довольно вытаращил глаза и беззвучно поаплодировал себе и Стэну.

Аккуратно прикрыв все ящики и уничтожив следы своей инспекции, Стэн и Килгур убрались с корабля, а затем исполнили то же сверхсложное па-де-де через темную площадь, по которой шарили прожекторы и вышагивали часовые.

Ни тому ни другому не надо было особых познаний в геральдике, чтобы понять, что это за трехголовый дракон. Местное население на Кормартене славилось пристрастием к этому символу — они малевали или вышивали его где вздумается, шутники говорили, что трехголовым дракончиком они украшают даже туалетную бумагу.

Итак, как Стэн и подозревал, лорд Ферле и не думал лететь на Арброт и далее по маршруту, сведения о котором стали известны имперской разведке. Тем не менее дипломатический вояж состоится. Полетит ли Ферле или кто другой из совета, но турне начнется сегодня на рассвете. И трехголовый дракончик указывал на один из пунктов назначения.

Стэн решил, что вечного императора может заинтересовать то место, куда в действительности направляется лорд Ферле.

Глава 44

Стэн ошибся. Вечного императора эти сведения не просто заинтересовали, а очень заинтересовали.

Он, правда, слегка задумался, как лучше использовать сведения об истинном маршруте лорда Ферле. Точнее, он знал, как использовать эту информацию. Другое дело — как реализовать замысел.

Ах, как ему не хватало верного Махони! Если бы хитроумный Мик оставался во главе имперской секретной службы — корпуса «Меркурий», тогда бы вечному императору было достаточно сделать один не очень тонкий намек. Но теперешний шеф секретной службы был как на грех человек прямолинейный и намеков не понимающий. Вер-

но говорится, у доброго шпиона не бывает доброй совести. Проклятье!

«И угораздило же меня выдвинуть Махони на повышение»,— с досадой подумал вечный император.

Его пальцы лежали на графинчике со стреггом. Властитель секунду-другую колебался, потом оставил этот графинчик и взял бутылку напитка, который он называл виски. Сейчас ему нужна ясность мышления, на голом инстинкте верного решения в данной ситуации не примешь.

Собственноручное убийство лидером одной страны лидера другой страны — это фантастика, историческая фантастика дурного вкуса. Хотя, конечно, в этом есть своя прелесть. Всадить нож по рукоятку в сердце давнего политического врага... Но обычно приходится действовать через посредника. Памятуя о том, что буквальное убийство врага редко приносит желанные плоды. Чаще всего оно роняет тебя в глазах народа.

Нет, мало кто из политиков считает убийство политического соперника ужасным в моральном отношении. Если по твоему приказу убьют высокопоставленного чиновника в стране, с которой ты воюешь,— велика ли беда. Но невольно нервничаешь, сидя потом за столом переговоров с дипломатом той державы,— вдруг он воспринял это убийство как личное оскорбление. Убийство миллионов его сограждан — это одно, это как бы реальность войны и так далее. Но убийство человека из того же привилегированного класса, к которому принадлежит тот, с кем ты ведешь переговоры? Нет, это срам, срам и еще раз срам.

Срам или не срам, однако же вечный император, все хорошенько обдумав, отдал приказ начать операцию, у которой не было названия, о которой ни одного слова не говорилось ни в документах, ни в компьютерных файлах — даже самых-рассамых секретных.

Император запросил данные на все новейшие таанские боевые корабли — характеристики двигателя, оборудования, вооружения, внешний вид, опознавательные знаки. Досье на Ферле отмечало, что он любит путешествовать на лучших кораблях. А следовательно, выберет для своего дипломатического вояжа самое современное и самое быстроходное судно, игнорируя то, что оно, быть может, нужнее на фронте.

Разведка доносила, что таанцы строят три суперсовременных боевых корабля: один находился только в проекте, второй построен наполовину, а третий должен был вот-вот сойти со стапелей.

Специалистам-взрывникам из «Меркурия» приказали подготовить такой тип детонатора, чтобы он срабатывал при приближении корабля совершенно определенного типа, а именно только что сооруженного таанского суперсовременного лайнера. Причем необхо-

димо было справиться с заданием в считаные дни, ибо начало политического вояжа лорда Ферле близилось.

Это не составило проблемы. Специалисты из «Меркурия», по их собственным словам, настолько насобачились делать невозможное из невероятных материалов при безумных обстоятельствах, что им ничего не стоило сделать что угодно прямо из воздуха.

Изготовили особые бомбы с особыми детонаторами. Шестнадцать штук. Совсем маленькие бомбочки в упаковке, которая не бросается в глаза, но такой силы, что они могли автоматически взорвать огромный космический корабль, когда тот подойдет к ним на определенное расстояние.

Цифра шестнадцать возникла неспроста. В столице Кормартена имелось шестнадцать пилотируемых космических кораблей. Богомолам был отдан приказ установить по одной бомбочке на каждом из этих кормартенских кораблей.

Все было проделано быстро и четко. Никто и не заметил, как секретные агенты посетили все кормартенские корабли. Вышколенные парни из имперского спецназа не спрашивали, что в коробочках, которые они доставили на борт, какая операция планировалась, кого будут взрывать, если в коробочке взрывчатка — а что еще там могло быть? Со временем они все узнают, когда коробочки сработают. Узнают где-нибудь в баре за кружкой пива из сводки последних новостей. А может, лишь после войны, случайно.

Вся документация о производстве и установке бомб уместилась на одной компьютерной дискете. Эта дискета была передана лично вечному императору, который собственноручно ее уничтожил. А затем он послал компьютерщиков из «Меркурия» перепроверить компьютер, в котором находился стертый файл, содержавший информацию о проведенной операции. Эти ребята удостоверились, что файл стерт, и сделали все, чтобы в электронной памяти каким-нибудь образом не задержался ни единый бит из уничтоженной информации.

Когда вечному императору доложили, что все следы подчищены, он довольно крякнул и налил себе большую порцию стрегга.

Пилот «Конемо», новенького военного корабля, на котором путешествовал лорд Ферле, выключил основной двигатель, работающий на АМ-2, и вышел на стационарную орбиту вокруг Кормартена, используя вспомогательный драйв Юкавы. Навстречу высокому гостю из атмосферы поднимался большой челнок в сопровождении кораблей эскорта. На челноке находились сановники, встречающие лорда Ферле.

Командир «Конемо» доложил о приближении кормартенцев лорду Ферле, который как раз облачался в церемониальный костюм с трехголовым дракончиком на левой стороне груди.

Пока сотрудники Ферле переговаривались с приятелями из кормартенского МИДа, которые находились на приближающихся кораблях эскорта, пилот челнока пришвартовался к носовому шлюзу исполинского таанского судна. При соприкосновении двух кораблей детонатор сработал.

Взрывники из «Меркурия» планировали заряд так, чтобы он разнес носовую часть таанского корабля — этого вполне достаточно для гибели всех находящихся на нем. Однако это был первый космический полет «Конемо», и система огнетушения на нем еще не была как следует отлажена и функционировала плохо. Поэтому при взрыве огнетушители в носовой части сработали с небольшим опозданием, и шар огня прокатился через весь корабль и прожег стену топливного отделения.

Запас АМ-2 взорвался.

От «Конемо» осталась только пыль, равно как и от шести таанских кораблей сопровождения, а также всех кормартенских судов — и от челнока, и от кораблей эскорта.

Вечный император не зря несколько лет назад грозился, что его гнев достигнет любого — любого! — из таанцев. Вечный император слов на ветер не бросал.

Книга четвертая

«Дзансин»

Глава 45

В матче, который все спортивные комментаторы империи в один голос называли матчем десятилетия, встречались «Рейнджеры» и «Синие». На стадионе Ловетт негде было яблоку упасть — собралось больше ста тысяч зрителей, чтобы посмотреть, как их «Рейнджеры» наконец-то отомстят ненавистной команде гостей — «Синие» три земных года подряд выбивали «Рейнджеров» из чемпионата по гравиболу. Невзирая на войну, миллиарды и миллиарды зрителей — по слухам, включая самого вечного императора — прикипели к экранам домашних трехмерных телевизоров, чтобы не пропустить эпохальный матч.

До сих пор игра оправдывала большие ожидания. К началу пятого, и последнего, периода было забито уже пятьдесят три мяча после серии острейших моментов и упоительных дуэлей на протяжении четырех часов игры. В последнем периоде Найсмит, одетый в красную форму шкафоподобный центральный нападающий «Рейнджеров», четыре раза прорывался сквозь высокогравитационные ловушки «Синих» и оказывался в позиции, когда мог забить. Но всякий раз «Синие» перегруппировывались и встречали его сплоченно, блокируя слабогравитационные дорожки и постепенно оттесняя «Рейнджеров» на их половину поля. Игра шла так напряженно и грубо, что в результате всех штрафов и у той и у другой команды высокогравитационные ловушки были включены на полную мощность — попавший в них игрок испытывал утроенную силу тяжести. Даже самые могучие атлеты, попадая в них на полной скорости, казались мухами, случайно забежавшими в разлитый по столу липкий сироп.

И вот мячом завладел Раббай, центрфорвард «Синих». Остальные нападающие «Синих» устремились вперед, ища слабину в обороне «Рейнджеров». Защитники «Синих» чуть выдвинулись от входов в слабогравитационные дорожки на своей половине поля. Раббай шел на прорыв. Как он рванул! Сделав фальшивый рывок налево к высо-

когравитационной ловушке, он скользнул направо, между замешкавшимися защитниками противника. И вдруг оказался впереди один — и перед ним была пустая слабогравитационная дорожка! А в конце этой дорожки зовуще горела красная черта, обозначавшая линию ворот. Добросить мяч туда — и будет гол.

Толпа на стадионе взревела. Похоже, чертовы «Синие» победят! Все обмерли, ибо «Рейнджеры» оказались перед зияющей пропастью очередного поражения... Прошло еще полсекунды, Раббай уже на дорожке, бежит, прыгает... еще прыжок... еще прыжок... он уже недостижим для противника...

Танз Сулламора нажал кнопку — сперва пропал звук, затем задвинулись шторы на большом окне, выходящем на игровое поле. Сулламора рассерженно погрозил пальцем коллегам по тайному обществу.

— Получается, что рисковать приходится одному мне,— задыхаясь от ярости, произнес он.— Мы все голосуем за то, что с Волмером надо кончать. Отлично. Но осуществлять наше решение приходится мне в одиночку. И сейчас мы опять голосуем единогласно за этот план. Прекрасно. Да вот только реализовывать его придется старому наивному Сулламоре опять в одиночку — и совать свою голову в петлю, имея дело с этим Чаппелем.

— Мой друг, вы же ощущаете за своей спиной нашу полную поддержку! — вкрадчиво сказала Мэлприн.— Вам нет никакого резона сердиться: если вы упадете, с вами грохнемся и все мы. Что же считаться, когда у нас общая ответственность? Мы ведь обо всем договорились!

— Ну конечно! — поддержала сладким голоском одна из близнецов Краа.— Мы с сестрой были на вашей стороне с самого начала, Танз. Наш всегдашний девиз: если ступил на дорогу, иди до конца.

Сулламора только фыркнул. В деловом мире мало кто мог сравниться с близнецами Краа в умении вонзить кинжал в спину друга. Сулламора покосился на Кайса, ожидая поддержки, но его хитрое высочество сидел с отсутствующим видом и, утопая в мягком кресле, смотрел на зашторенное окно, как будто продолжал наблюдать за событиями гравибольного матча. Раздраженный и разочарованный, Сулламора опустился на стул и сделал большой глоток из своего стакана со спиртным. Остальные члены тайного общества сохраняли молчание, делая вид, что разглядывают обстановку уставленного антиквариатом помещения, принадлежащего владельцу стадиона.

Этот огромнейший стадион, рассчитанный на любую погоду, лучшее спортивное сооружение на Прайм-Уорлде, построил один из предков нынешнего Ловетта. Буквально за несколько дней стадион можно было переоборудовать из гравибольного в водный, где будут соревноваться гоночные лодки, или же превратить в ярмарку сельскохозяйственных продуктов. Трибуны были устроены так искусно,

что даже на самых дешевых местах было видно все, что происходит в любом уголке игрового поля. И под самым куполом, паря над стадионом, находились просторные апартаменты владельца этого великолепного сооружения. Тут можно было принимать разом до сотни «близких друзей», хотя чрезмерное обилие картин, скульптур, чучел животных, спортивных кубков и прочих реликвий — вкупе со странной старинной мебелью — создавали такую атмосферу тесноты, что уже двое гостей начинали задыхаться и испытывать болезненный страх закрытого пространства. Самые мягкотелые пацифисты в этих апартаментах становились агрессивными ястребами и требовали крови, крови и еще раз крови.

Быть может, именно эта нелепая атмосфера была ответственна за то, что всегда спокойный Сулламора вдруг утратил контроль над собой и выплеснул гнев на равных ему по рангу. Было досадно, что он показал себя не с лучшей стороны, так открыто выказав свое раздражение. А может быть, он просто вдруг осознал свою личную уязвимость. Если задуманный ими план провалится, только Сулламора поплатится за это головой — остальные останутся в стороне. Никакая контрразведка не сможет документально обвинить их. И надо было что-то срочно предпринимать, потому что эта встреча грозила стать их последней публичной встречей. Им опасно и впредь собираться вместе под благовидными предлогами. Матч между «Рейнджерами» и «Синими» был последней возможностью для столь известных в обществе фигур собраться для совместного обсуждения своих секретных дел, не вызывая ничьих подозрений.

В конце концов общее молчание нарушил Кайс. Он не стал ходить вокруг да около, он спросил напрямую, подводя итог:

— Что вы хотите от нас, уважаемый Танз?

Сулламора энергично кивнул, одобряя прямолинейность вопроса, и достал из кармана шесть карточек. Он положил по одной карточке на столик перед каждым из присутствующих, словно рекламный торговец свои прайс-листы, а последнюю карточку положил на свой стол. Эти карточки были сделаны из особо прочного несгораемого пластика. Кайс первым сунул карточку в щель смотрового аппарата. На экранчике высветился короткий текст. Остальные проделали то же самое.

МЫ, ЧЛЕНЫ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА, ВЗВЕСИВ ВСЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИШЛИ К ГОРЕСТНОМУ СОВМЕСТНОМУ ЕДИНОГЛАСНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ, ЧТО ВЕЧНЫЙ ИМПЕРАТОР СТРАДАЕТ ВСЕ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ И ПОТОМУ КРАЙНЕ ОПАСНОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТЬЮ. В СВЯЗИ С ВЫШЕУКАЗАННЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ МЫ ПРИНЯЛИ РЕШЕНИЕ ПРЕДПРИНЯТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ...

Это была словесная преамбула к политическому убийству. А под текстом — шесть свободных мест для шести подписей. Поставь подпись — и обратной дороги не будет. И все участники заговора понесут равную ответственность в случае провала.

Последовало долгое тягостное молчание. И опять Кайс решился первым. Он улыбнулся и особой ручкой нанес на пластик свою неуничтожимую подпись. Остальные один за другим последовали его примеру.

Итак, теперь время действовать Чаппелю.

А вне подкупольных апартаментов толпа неистовствовала от восторга. Потерпевшие поражение «Синие» понуро плелись прочь с поля между двумя шеренгами полицейских. Героя дня, нападающего из «Рейнджеров» Найсмита, несли на плечах товарищи по команде. Болельщики ликовали, покидая стадион,— сегодня не будут ложиться до утра, будут пьянствовать, петь и вопить от радости, ну и конечно, не обойдется без разбитых физиономий.

Честь «Рейнджеров» была восстановлена.

Глава 46

— У меня один вопрос, ваше величество,— пророкотал маршал Махони.— А также одна просьба.

— Выкладывай,— сказал вечный император.

— Первое. Какова официальная имперская позиция касательно применения пыток?

— Отрицательная. Лучше на этом не попадаться.

Махони согласно кивнул.

— Вы не будете возражать, если я слегка прижгу мозги этой ссыкушке? Медленно-медленно, чтобы прочувствовала. Обещаю вам не попасться.

— Фу-у! А перед ней открывалось такое блестящее будущее.

— Будущее! — фыркнул Махони.— Вы только послушайте.

Он зачитал вслух текст из видеоновостей:

— «Внезапно улыбка исчезла с его лица, и я разом вспомнила, что передо мной сидит самый яростный борец в империи, руководитель, который посылает в битву миллионы людей и тысячи боевых кораблей, великий стратег, одно присутствие которого в секторе военных действий заставляет таанцев испуганными толпами сдаваться в плен».

— Толпами! — возмущенно воскликнул Ян Махони.— Да у меня переводчиков для работы с военнопленными больше, чем самих военнопленных!

— Да,— кивнул император.— Журналистка тут дала маху. Я бы сказал — «сдаваться в плен трепещущими от страха ордами».

Махони продолжил чтение дрожащим от гнева голосом:

— «А ныне мы готовим широкомасштабное сокрушительное наступление против Пограничных миров. Когда-то мы были вынуждены бесславно ретироваться оттуда, и мне это пришлось не по душе. Я поклялся себе, что в один прекрасный день вернусь туда победителем. И я это сделаю.

Теперь мы возвращаемся.

Таанцы обратятся в бегство повсюду в этом секторе Галактики. Мы нанесем смертельный удар. Да, это будет длительная и тяжелая борьба. Но мы уже видим свет в конце туннеля».

Дальше дребедень, дребедень... очаровательная супруга... спартанская домашняя обстановка, но со вкусом оформленные апартаменты... бу-бу-бу... обожаемый адъютантами... преклоняются все десантники... отец родной простому солдату... Дерьмо! Написавшую это сучку надо отдать на поругание роте солдат, которым я как отец родной.

— Почему же? — иронически осведомился император.

Махони хотел разразиться потоками ругани, но вовремя опомнился. Властитель нарочно подзуживает его, чтобы посмеяться. Махони порывисто вскочил, хотел налить себе виски, предпочел крепчайший стрегг, сделал хороший глоток, успокоился и сел на место.

— Ладно, босс,— сказал он.— Я человек прямой. Мне странно, что вы не вышли из себя. Ведь эта журналистка выболтала наши планы массированного удара по Пограничным мирам. А я, между прочим, и слыхом не слыхивал о планах этого массированного наступления. Ну да ладно. Позволю себе указать вам на одну пустяковую деталь: я этой журналистки в глаза не видел. И потом, откуда у меня взялась очаровательная жена?!

Махони заерзал на стуле от бессильной злости.

— Ваше величество, неужели вы позволите этак вот со мной обращаться?

— Терпи,— назидательно изрек император.— Нам нужен настоящий герой, славный генерал, любимец народа. И эта статейка еще ничего. Ты не видел другие, написанные действительно безответственными писаками. Вроде того, что ты еще и сейчас ходишь в бой со своими десантниками и орешь во время атаки, размахивая виллиганом: «За Родину, за императора!» Или что ты в былые времена застрял на какой-то планете со своей частью без денежного содержания и шесть месяцев кормил солдат из собственного кармана. И тут же, не смущаясь логикой, пишут, что ты всегда жил впроголодь, будучи выходцем из бедной семьи и содержа престарелых родителей, а также многочисленных братьев и сестер.

И отец, и дед Махони были офицерами очень высокого ранга, а после ухода в отставку оба сделали отличную карьеру в бизнесе, работая на штатские мегакорпорации.

— Чего ради вы все это затеваете? — горестно вздохнул Махони.

— В твоих очах — ирландская героическая искорка,— усмехнулся император.— Ты как нельзя больше подходишь на роль кумира. Но, говоря серьезно, ты мне нужен, чтобы перемолоть таанские силы. Да-да, журналистка никакой военной тайны не выдала. Мы действительно выступаем против Пограничных миров. И наступательные силы возглавишь ты. Я тебе передаю людей и корабли — все, что можно без слишком большого ущерба снять с других секторов. Я хочу, чтобы таанцы были в курсе готовящегося удара. Сперва ударим по их психике, которая и так пострадала от последних событий — в том числе от гибели лорда Ферле и отпадения множества союзных миров. И пусть наступление возглавит славный непобедимый Махони. Таанцы обожают символы. Вот я и предлагаю им символ.

Каждый краснобай, выступающий публично, начинает болтовню о важности Пограничных миров для нашей империи и для меня лично. Невозможно заткнуть этим дуракам рот иначе, кроме как завоевав эти поганые Пограничные миры...

Не имея привычки делать столь длинные широковещательные заявления в полудомашней обстановке, император счел нужным сделать глоток спиртного.

— Выходит, мне выпало служить символом?

— Вот именно. Если бы ты читал что-нибудь помимо оперативных сводок, то сразу бы просек, что я украл по цветистой фразе у трех генералов давно прошедших времен. А пресса такие сравнения и красоты наворотит, что закачаешься... Махони, попомни мои слова, мы победим. И очень скоро. Так что пора уже подумать, что мы будем делать с этой Таанской империей, когда поставим ее на колени... Словом, ты летишь в Пограничные миры. Таанцы, конечно, бросят туда все свои силы и попытаются отмутузить тебя по первое число. Но я тебя назначаю своей главной мясорубкой — проверни этих таанцев и нажарь из них котлет.

Тебе будут полезны кое-какие дополнительные сведения. Мы будем использовать Наху как передовую базу для главного удара по Таанским мирам. Таким образом, у тебя отлично защищенный и мощный левый фланг — при случае можешь садануть таанцев великолепным хуком слева... Еще одно. Похоже, в Таанской империи откроется огромный разветвленный антиправительственный заговор.

Махони недоверчиво-удивленно поднял брови.

— В этом заговоре участвует уйма высших офицеров, которые, судя по всему, не очень удовлетворены тем, как ведется война. Мы можем поблагодарить нашего друга Стэна, что он вскрыл этот нарыв в таанских вооруженных силах. «Предатели» будут безжалостно казнены таанскими властями.

Оба собеседника понимающе мрачно хмыкнули.

— Словом, Стэн состряпал заговор и данные переслал мне. А мы тут организуем утечку информации обратно в Таанский союз — через своих предателей. Сделаем так, что для таанцев это будут разведданные первой категории.

— А как насчет моей деятельности в Пограничных мирах?

— Уничтожьте там всех таанцев, носящих оружие. Всех до одного. А затем мы используем Пограничные миры как плацдарм для дальнейшего наступления. И это наступление возглавишь опять же ты.

И не надейся на долгий отпуск по окончании войны. Потому что я намерен назначить тебя — э-э... как бы этот пост назвать? — да, генерал-губернатором поверженной вонючей экс-империи. В ближайшие десять лет тебе придется обучать таанцев, как им лучше соответствовать нормальному человеческому облику.

Махони задумался. Потом рассмеялся.

— Великолепное жаркое, ваше величество. Остается только поймать кролика.

— Вот именно,— согласился император.— Окажи мне услугу, Ян. Не дай побить себя. Мне бы не хотелось планировать с нуля новую масштабную операцию.

Глава 47

Члены таанского Верховного совета мрачно переговаривались, и не сразу председательствующий добился полной тишины. Престарелый секретарь изложил черновой набросок сценария церемонии официальных похорон лорда Ферле. Когда он сошел с трибуны, стали голосовать за утверждение официального некролога и передачу его в средствах массовой информации.

Далее предстояло выбрать преемника лорда Ферле. Насчет кандидатуры мнения расходились.

«Король умер,— с горечью думал Пэстор.— Да здравствует король!»

Он вглядывался в посуровевшие лица двадцати шести своих коллег. Члены совета держали в руках электронные карточки для голосования. Но Пэстор уже просчитал исход голосования. Фракция Вичмана шестью голосами поддержит Этего. И это не сюрприз. Вичман склоняется на сторону «ястребов». А ведь даже в среде самых яростных сторонников войны до победного конца леди Этего, невзирая на ее пол, считается самым непреклонным солдатом.

Вторая фракция, тоже шесть голосов, поддерживала идею триумвирата, склоняясь к тройке следующего состава: Этего, Вичман и Пэстор.

Оставалась последняя фракция во главе с Пэстором: девять голосов, которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению. От

него зависит многое. И Пэстор уже принял окончательное решение. Но приходилось молча скучать, выслушивая длиннейший список свершений лорда Ферле.

Стэн вторично посетил Пэстора в его оранжерее спустя несколько ночей после гибели Ферле. Пэстор мог только гадать, как он явился на сей раз — но явно не через дренажную трубу. Этот сукин сын просто вышел из тени одного экзотического дерева. Увидев незваного гостя, Пэстор сперва похолодел от ужаса, потом его окатило горячей волной ненависти — эти люди задумали и осуществили гнусное убийство его коллеги лорда Ферле!

— Не делайте глупостей, полковник,— предупредил Стэн.— В сущности, происшедшее пошло на пользу вашему народу. Вы избавились от дурака в правящей элите.

Пэстор взял себя в руки.

— Что вам угодно?

Стэн позволил себе расслабиться. Убрал пистолет и присел на скамейку. Сделано это было небрежно, однако Пэстор понял, что это продуманное поведение, сигнализирующее собеседнику о мирных намерениях пришедшего.

— Начнем с того, что до меня уже дошло известие о переменах в Колдиезе. Хочу поблагодарить вас.

Пэстор раздраженно передернул плечами.

— Не за что меня благодарить. На меня не ваши слова повлияли. Логика жизни привела к такому решению.

— Ладно, полковник, если вам угодно трактовать события так, я не возражаю. Просто мы очень волновались за своих друзей. И нам безразлично, почему о них позаботились. Нас радует сам факт.

Но я обратил внимание, что вы сделали все же кое-какие выводы из нашей беседы. В лагере новые лица. Много новых лиц. И все важные шишки. Похоже, вы решили использовать их в своей игре как козыри, спрятанные в рукаве. Если я правильно угадал, хочу предупредить вас — ничего не выйдет.

Пэстор невольно выказал свою заинтересованность:

— Вы желаете сообщить, что, даже приставив оружие к их головам, мы не сможем вырвать у императора ни единой уступки?

— Нет. Просто он нанесет в качестве мести удар удвоенной силы. Поверьте мне на слово. Я говорю так, потому что долго и достаточно близко общался с властителем. Угрозами от него ничего не добьешься, кроме вспышки слепой кровожадной ярости.

Пэстор такого рода психологию понимал: ведь таанские лидеры обладали подобным характером — угрозы только ожесточали их. Возможно, именно тут кроется ошибка. Они допустили ее много-много лет назад, поверив в сусальный образ вечного императора, нари-

сованный средствами массовой информации: он, дескать, и добр до мягкотелости, и демократичен, и печется об интересах и безопасности своих подданных, как добрый дядюшка, обладающий мудростью старца, за плечами которого не один век прожитой жизни. Все это было пропагандистской ерундой. Не исключено, что вечный император по жесткости своего характера более таанец, чем сами таанцы. Оставалось лишь гадать, до каких кровавых пределов дойдет властитель в своей мести, если таанцы истребят имперских военнопленных — в особенности высокопоставленных. Пэстору было страшно даже представить, что станет с его народом в этом случае. Просто он знал, что бы он сам сделал в такой ситуации на месте вечного императора.

Справившись с приступом дрожи, он покосился на Стэна, который спокойно вглядывался в своего собеседника, будто следя, как формируются, распадаются и перегруппировываются его мысли.

— Вы пришли ко мне не из-за Колдиеза,— наконец сухо проронил Пэстор.

— Нет. Колдиез — лишь один из пунктов разговора.

Стэн неспешно встал со скамейки и стал расхаживать из стороны в сторону, косясь на зеленые растения в гидропонических лотках.

— Вечный император тревожится по поводу дальнейшей судьбы вашего народа. Теперь лорд Ферле мертв. Кто будет избран на его место? С кем придется вести дела властителю?

— А дела предстоят! — сказал Пэстор, не пытаясь скрыть сарказм в своем голосе.— Судя по всему, он вообразил, что мы теперь ляжем на спину и поднимем лапки? Как в старых глупых фильмах. Вождь погиб, и все племя утратило волю к сопротивлению. Трах-бах — и победа в кармане.

— Если вы так полагаете,— возразил Стэн,— то зря. Насколько я его знаю, он сейчас думает иначе. Он думает, сколько еще ни в чем не повинных таанцев ему придется убить, прежде чем вы поймете, что война проиграна... А ведь вы сами, Пэстор, на сто процентов уверены, что вы уже проиграли эту войну?

Вопрос застал Пэстора врасплох — в основном потому, что он был погружен в свои размышления. Но следовало ответить. Казалось, внезапно над ним собралась огромная черная туча и оттуда хлынули холодные потоки. Это был внезапный потоп — эмоции захлестывали. Поражение. Капитуляция. Унижение. Надо смотреть правде в глаза. Они проиграли. Язык не повиновался, и Пэстор лишь кивнул в ответ на прямой и страшный вопрос Стэна.

— В этом случае вы все свои усилия должны направить на подъем вашего мира из руин после капитуляции,— продолжал Стэн.— Добиться почетного мира, провести сложную дипломатическую ра-

боту. Вашему народу нужен настоящий трезвомыслящий лидер, который найдет в себе силы, не поступаясь достоинством, начать переговоры с вечным императором.

— И вечный император видит в этой роли меня? Пустые надежды. Мне не хватит голосов для избрания — разумеется, если предположить, что я вздумаю выставлять свою кандидатуру.

— Предположим, что вы ее все-таки выставите,— сказал Стэн.

Оба прекрасно понимали, что этим последним замечанием Пэстор открывал дорогу переговорам.

— Император видит ситуацию следующим образом. Самым популярным лидером ныне является леди Этего. Ей доверяют все. Однако у нее в совете слишком много противников, и нужного числа голосов для избрания на пост главы Верховного совета она не наберет. В итоге фракции придут к компромиссному решению: избрать коллективный орган на место председателя. Скажем, Этего и представители всех ведущих фракций. Полагаю, что ваше имя непременно окажется в любом списке кандидатур. Вот второй вариант.

Пэстор согласно кивнул.

— А третий вариант?

— Третьего не дано,— сказал Стэн.— Но, честно говоря, я уверен, что из коллективного управления ничего не выйдет — в истории тому тысячи примеров. Это приведет лишь к роковым и дорогостоящим ошибкам. Каждый станет спихивать ответственность на других — и все застопорится. Еще как бы не закончилось гражданской войной.

— Согласен,— кивнул Пэстор.

— Тогда единственный разумный вариант — избрать леди Этего,— сказал Стэн.

Пэстор своим ушам не поверил. Разумеется, Стэн прав, коллегиальное правление ни к чему хорошему не приведет. Но с какой стати вечному императору горячо поддерживать кандидатуру человека, который имеет репутацию его самого непримиримого врага из всех таанских аристократов? Леди Этего маниакально привержена идее бескомпромиссной войны с империей... И тут до Пэстора дошло. Именно вот такое достоинство в таанском лидере — или слабость, в зависимости от точки зрения,— было на руку вечному императору.

Это словно локализация раковой опухоли, которую затем будет легко удалить одним взмахом скальпеля. Этего очертя голову поведет таанский народ к окончательному и быстрому поражению. И тогда меч выпадет из ее рук. Власть перейдет в руки другого человека, который исповедует умеренные взгляды,— и вечный император уверен, что этим человеком станет Пэстор.

— Пусть он не думает, что я предатель,— твердым голосом произнес Пэстор.— Я не предатель. Вы должны утвердить его в этой мысли.

— Обязательно,— пообещал Стэн.

Вслед за этим он решительно отправился в тень кустов. Но прежде чем исчезнуть, обернулся.

— Ах, чуть не забыл. Как у вас со здоровьем?

— Прекрасно,— отозвался Пэстор, не понимая, куда клонит чертов посетитель.

— Вам стоит трезвее смотреть на собственное здоровье,— сказал Стэн.— Я бы на вашем месте сразу после выборов захворал — такой болезнью, которая требует длительного отдыха. Вам бы сейчас было полезно отойти от дел и сойти с линии огня.

Пэстор не успел еще как следует оценить странный совет, как Стэн бесследно исчез, зайдя за кусты.

Престарелый секретарь дочитал некролог, и они перешли к первому пункту повестки дня. Этего и Вичман озирались на других членов совета, готовясь к яростной схватке между собой. Пэстор знал, что все переговоры за закрытыми дверями завершились ничем — компромисс найден не был. Предстояла открытая схватка. Пэстор велел своим сторонникам во время дебатов отмалчиваться, ни на чью сторону не становиться. Приказ — голосовать за несомненного победителя. Но несомненного победителя быть не могло. Как только Этего прокатят в первом туре, идея единоличного правления будет похерена и начнутся дебаты вокруг триумвирата — кто в него войдет.

К счастью, когда дебаты выдохлись, так и не выявив явного победителя, кто-то подбросил идею такие важные выборы проводить не электронными карточками, а открытым опросом. Поставили на голосование кандидатуру Этего.

Счет голосов начался с того конца стола, где сидела сама Этего и ее сторонники. Ее противники находились на другом конце стола. Первые девять «за» прозвучали быстро. Потом очередь дошла до Пэстора.

— Воздержался,— машинально произнес секретарь, отлично знавший позицию Пэстора.— Следующий.

— Простите,— возвысил голос Пэстор.— Я не высказался.

Секретарь уставился на него, озадаченный неожиданной репликой.

— Я не намерен воздерживаться,— сказал Пэстор.— Я голосую за.

Его слова были как удар молнии — после громкого всеобщего «ах» все разом заговорили, осознавая важность происшедшего. Секретарь далеко не сразу восстановил тишину. Голосование продолжилось.

Голоса Пэстора и его фракции имели решающее значение. Исход выборов стал ясен, никто уже не осмелился голосовать против. Этего была избрана единогласно — и стала главой таанского Верховного совета. Эта победа была такой внезапной, такой быстрой, что все члены совета как-то разом повеселели — нельзя сказать, чтобы все были довольны, но скорбь по поводу кончины лорда Ферле отошла на второй план. Все зашевелились, пожимали друг другу руки, хлопали друг друга по плечу и поздравляли себя с мудрым и скорым политическим решением. У них есть предводитель. Они не обезглавлены перед лицом противника.

— Позвольте задать вам один вопрос, миледи,— спросил один из членов совета.— Из имперских средств массовой информации нам известно, что маршал Ян Махони направляется во главе флота в Пограничные миры. Он поклялся вернуть Кавите империи. Что вы намерены предпринять? Или вы еще не готовы ответить на данный вопрос?

Этего встала в свой полный — немаленький — рост и вся преобразилась. Теперь казалось, что она стоит в сиянии ауры харизматического вождя. Истинная героиня, водительница народов.

— Пусть попытается,— отчеканила Этего.— Я бивала его в прошлом. Да, ему случалось бежать от меня поджав хвост. Я отняла и Кавите, и все Пограничные миры, как он ни тщился остановить меня. И я радуюсь возможности покончить с этим жалким воякой!

Все вокруг поддержали ее восторженными криками. Только Пэстор промолчал и поднял руки, призывая к вниманию. Этего взглянула на него с плохо скрытой ненавистью. Даром что он так неожиданно поддержал ее во время выборов и, в сущности, вывел на председательское место, застарелая ненависть к нему кипела в ее жилах. Этего бесила мысль о том, какую цену запросит этот человек за свою помощь. Однако она заставила себя натянуто улыбнуться.

— Да, полковник. Вы что-то намерены сказать?

— Мне хочется спросить: отчего вечный император придает такое огромное значение Пограничным мирам? На мой взгляд, они не являются ныне достойной стратегической целью. Вы уверены, что тут нет подвоха? Не планируют ли нас втянуть в какую-то авантюру?

— Разумеется, император намерен втянуть нас в авантюру,— сказала Этего.— Он нарочно раздувает значение Пограничных миров, с тем чтобы победа имперских войск в этом районе — стратегически никчемная — выглядела как великое свершение, как перелом в войне.

— И если мы позволим себе принять сражение на его условиях,— подхватил Пэстор,— не превратим ли мы его вздорные мечтания в реальность?

— Для этого им нужно разгромить нашу армию,— резко возразила Этего.— А я обещаю, что этого не произойдет. Однажды я уже доказала, что могу наголову разбить наглецов. И сейчас я повторю свой успех. Обратим пропагандистское жало операции против самого вечного императора.

Этими обещаниями леди Этего намертво связала себя — и целиком заглотила приманку. Теперь Пэстор до конца понял коварство вечного императора. Однако предложение Стэна о долговременной болезни все еще казалось ему глупым.

— Перейдем к следующему вопросу,— объявила леди Этего.— В мое распоряжение попал некий список, весьма важный список. Он был выкраден из секретных файлов имперской разведки.

Члены совета воззрились на листок компьютерной распечатки, которым размахивала леди Этего. Казалось, она в чем-то обвиняет их всех.

— Здесь семьдесят две фамилии. Это таанцы. Предатели. И я требую немедленного расследования и чисток. Я желаю, чтобы связи каждого предателя были прослежены. Никакой пощады. Вырвем эту заразу на корню. Мы не должны останавливаться перед высокими постами изменников...

Пэстор в первый раз кашлянул — репетируя симптомы своей затяжной болезни.

Глава 48

У этого кафетерия — в просторечии «свинюшника» — было несколько преимуществ, незаметных для глаза простого обывателя. На взгляд обычного человека — ветхое малопривлекательное здание, бывший склад, превращенный в дешевый кафетерий, грязный и пованивающий, притом расположенный в бедняцком соуардском районе с очень дурной славой. Если желаешь получить удар ножом между третьим и четвертым ребрами, то лучшего места не найти.

В общем-то, правильное описание.

Но были у этого «свинюшника» и свои преимущества. Скажем, обслуживали здесь не автоматы, а живые люди, которые, впрочем, на все смотрели сквозь пальцы — лишь бы кровь за собой вымывали. Пиво стоило всего-навсего десятую часть кредитки, алкоголь — половину. И разумеется, никакого акцизного сбора с этого спиртного в имперскую казну не поступало.

Здесь любого привечали: мужчина ты, или женщина, или какая непонятная инопланетная зверушка — сиди себе сколько хочешь. Достаточно взять кружку дешевого пива — и хоть полдня балдей, один или с товарищами, никто тебе дурного слова не скажет. Тут было самое место продать втихаря наркотик, спланировать, как обчистить

какой-нибудь склад или чью-либо хату. Да и просто приятно потереться в обществе, чтобы не тосковать в своих четырех стенах.

А в глазах Чаппеля у этого кафетерия было одно очень специфическое достоинство. Он мог спокойно часами глядеть через тамошнее окно на глухую бетонную стену соседнего здания и слушать голоса. Каждый день эти голоса сообщали ему очередную порцию разоблачений гнусной и несправедливой деятельности вечного императора.

Тут надо, справедливости ради, отметить, что люди Сулламоры еще несколько недель назад убрали проекторы направленного гипнотического вещания. Теперь Чаппель слышал голоса, так сказать, собственного производства, и истории, поведанные ими, были предельно захватывающими.

Несколькими днями раньше он вдруг понял, что обязан что-то сделать. Что именно — неясно. Единственное, что лезло ему в голову,— использовать еще одно преимущество кафетерия, его близость к Центру демократического воспитания.

Любая война, даже самая «справедливая», имеет своих противников. Оппозиция включает в себя разную публику: начиная от искренних и убежденных пацифистов, а также просто холодных голов, которым ой как не хочется подставлять свою грудь под пули — неважно, во имя каких идей, и заканчивая темной публикой, которая не успела вовремя оседлать конька ура-патриотизма и теперь ютится на обочине политики.

Вечному императору приходилось постоянно следить за собственной службой безопасности, сдерживать ее рвение. Напоминать, что не является врагом народа всякий, кто думает или даже говорит вслух, что вечный император — кусок дерьма.

В теории все было прекрасно. Начальство службы безопасности покорно соглашалось с властителем. А вот на практике излишнее усердие встречалось на каждом шагу. Во время тяжелой войны свобода слова и прочие гражданские свободы не поощряются нигде и никогда. И тысячи подданных императора попадали в концентрационные лагеря, как злостные диссиденты, лишь за умеренные высказывания вроде того, что вечный император вряд ли знает ответы буквально на все вопросы.

Центр демократического воспитания представлял собой оппозиционную силу особого рода. Это общественное движение сплотилось вокруг убеждения, что вечный император слишком жестко реагирует на происки Таанской империи и надо было решать конфликт мирным путем. До самой войны Центр даже лоббировал выделение государственных бюджетных фондов на создание таких же центров на территории Таанского союза — для роста взаимопонимания и дружбы между населением двух государств. Собственно говоря, добрые люди, затеявшие этот Центр, верили в то, что достаточно ока-

заться на территории таанцев и начать открывать местному населению глаза на кастовость их общества и жестокость эксплуатации низших классов, как таанцы или потребуют реформ, или немедленно восстанут. К счастью, фонды так и не были выделены и, образно выражаясь, ни один из новых миссионеров не закончил жизнь в котле у туземных людоедов.

Таанские власти — будучи тем, чем они были,— бурно приветствовали создание Центров демократического воспитания до тех пор, пока они находятся на территории империи. И старались максимально использовать в своих целях простаков из этих центров.

К этому времени остался один Центр — в Соуарде. Вокруг него, разумеется, роились таанские агенты. Но Центр тем не менее не закрывали, ибо вечный император приказал его не трогать — правда, скрипнув при этом зубами. Ведь, с другой стороны, в Центре, который притягивал всех подлинных диссидентов, было легко наблюдать за ними и просто держать до времени под колпаком, прослеживая связи. Поэтому Центр кишел также и агентами имперской разведслужбы. Имперская контрразведка никак не могла сообразить, что если бы не активная работа ее агентов и не ее тайная подпитка деньгами диссидентской организации, то Центр закрылся бы еще несколько лет назад — хотя бы потому, что его членов считали политически ненадежными субъектами, которых даже на место полотеров следует принимать с оглядкой.

Чаппель прослышал о Центре совсем недавно. Впрочем, сам он не помнил, каким именно образом. А информация об этой организации была включена в передачи через проекторы направленного гипнотического вещания. Не то чтобы Сулламора желал видеть Чаппеля в рядах этой организации — просто, когда человек дозревал для прихода в Центр, можно было начинать четвертый этап его обучения «демократии».

Беда заключалась в том, что на поверку Чаппель оказался более смышленым парнем, чем следовало из его досье, где он рисовался мрачным идиотом, помешанным на работе. Даже при всей его наивности в голове Чаппеля мелькнула мысль, что в Центр могли проникнуть вражеские агенты. И если он войдет в эту роковую дверь, то выйдет прямиком к эшафоту. Зловредный вечный император воспользуется этим как предлогом, чтобы схватить Чаппеля, предать пыткам и уничтожить в одной из газовых камер, где, согласно голосам, он уже истребил миллионы людей.

Но иного выхода нет, решил Чаппель.

Ощутив, что рядом кто-то остановился, Чаппель подался назад на стуле и испуганно выставил кулаки. Не то чтобы он постоянно ожидал нападения со стороны кого-нибудь из посетителей «свинюшника» — нет, завсегдатаи быстро смекнули, что у этого странного

парнишки много не украдешь. Впрочем, в его глазах опытные спорщики и драчуны сразу усматривали опасные искорки, которые подсказывали, что этого психа лучше не задирать.

Быстро подаваясь назад, Чаппель краем глаза отметил, что незнакомец тоже не из местных, такой же чужой в этом заведении, как и сам Чаппель. Возраста среднего. Седовласый. Костюм строгий и дорогой. Хотя Чаппель и выставил кулаки, незнакомец не смутился, не отступил. Оно и понятно — на вид он был мускулистый, а на шее выделялся длинный шрам. Бывалый человек. Такого с первого удара не положишь.

Незнакомец оглядел Чаппеля пристальным изучающим взглядом.

— А вы нездешний,— произнес он сухим тоном.

Чаппель не сразу нашелся что ответить. А незнакомец неожиданно улыбнулся — вполне дружелюбно.

— Да и я ведь нездешний. Судя по всему, я попал в затруднительное положение.

И он без приглашения сел за столик — напротив Чаппеля.

— Как это ни смешно, я заблудился.— При этом незнакомец рассмеялся густым басистым смехом бонвивана, который знает, что жизнь полна всякого рода неожиданностей, но в основном неожиданностей приятных.— Я вообразил, что внутренний компас поможет мне сориентироваться в чужом городе. Увы, генерал-полковник Суворов, вы в который раз ошибаетесь!

Чаппель тихо ахнул:

— Вы генерал?

— Уже сорок лет. Служил в инженерно-строительных войсках — сооружал военные базы у черта на куличках, в отдаленных мирах. Теперь в отставке. Так что звание сохраняю как славное воспоминание. Слава богу, чертова империя не догадалась отнять у меня и звание. Но с нее станется. Глядишь, и отнимут.

Так или иначе, я новичок на Прайм-Уорлде. И возомнил, что могу разгуливать без карты. Вот и заблудился. Хотел спросить у кого-нибудь дорогу, но тут все такая публика, что мигом затащат в темный переулок и покажут дорогу на небеса. Вы первый порядочный человек, которого я вижу за последние два часа.

Чаппель несколько смутился.

— Я был бы искренне благодарен вам,— продолжал человек, назвавшийся генералом Суворовым,— если бы вы проводили меня до ближайшей станции пневмопоездов. Мне хочется побыстрее убраться подальше от этих трущоб.

Чаппель с удовольствием откликнулся на просьбу.

На станции Суворов посмотрел расписание и разочарованно протянул:

— О-хо-хо, как это характерно для здешнего бардака!

Судя по расписанию, в тот район, где Суворов снимал квартиру, поезд отправлялся только через час.

— Вот, полюбуйтесь на этих чинуш. Им не приходит в голову пустить побольше поездов в районы, где живут приличные люди. И это во время, когда экономят топливо и на улицах нет ни одного такси!

— Трудности военного времени.

— Знаете, Чаппель, конечно, негоже такое говорить совсем незнакомому человеку, но все же налицо типичный пример недальновидности нашего императора.

Чаппель горячо кивнул.

— Впрочем, вам не с чем сравнивать здешний бардак,— продолжал Суворов.— Вот если бы вы глотнули воздуха свободы, которая царит на планетах Фронтира! О, там люди сами устанавливают законы, поэтому и законы у них — людские.

Однако и там сволочей хватает. Меня угораздило слишком громко высказать свое «фу» по поводу какого-то очередного глупейшего решения императора, ну и пошло-поехало...

Считай, мне повезло. Только попросили уйти в отставку по состоянию здоровья. И конфисковали в пользу армии агроферму, которую я построил на собственные денежки. Вот так я и очутился на Прайм-Уорлде. Воображал, что с моим послужным списком и доброй профессиональной репутацией мне будут все двери открыты. Хренушки. Я в черном списке и хорошей работы найти не могу. Сломали жизнь, душу вынули... А впрочем, извините, никому не интересно выслушивать чужой скулеж.

Поскольку Чаппель остался с Суворовым ждать поезда, то генерал самым естественным образом пригласил его отужинать в привокзальном дорогом ресторане. За столиком выяснилось, что Чаппель — бывший диспетчер самого лучшего космопорта. Суворов был приятно удивлен.

— Я в жизни много чему научился. Когда застраиваешь необитаемые миры, приходится многому учиться. Но работа диспетчеров меня всегда поражала — это ж каким умницей надо быть, сколько всего разом в голове держать и как быстро реагировать! — Суворов сделал паузу, потом спросил: — Не люблю лезть в чужие дела... Однако разрешите полюбопытствовать, что вы делаете в этом убогом районе? Если не хотите — не отвечайте.

Чаппель, разумеется, ответил. И поведал свою историю во всех подробностях.

Суворов пришел в ужас.

— Да-а,— протянул он,— ноешь, что у тебя нечего на ноги надеть, только до тех пор, пока не встретишь человека на протезах... С вами поступили действительно по-скотски.

И он заказал еще бутылку вина.

Чаппель, бывший трезвенником еще тогда, когда у него водились деньги, не очень налегал на вино. Суворов тоже.

— Знаете,— сказал Суворов за десертом,— я в жизни только об одном сожалею — что не было у меня сына. Вот умру — и имени некому передать... Но ничего, проклятый император позаботится, чтоб я недолго по свету бродил.

Они выпили по стопке бренди, и Суворов расплатился.

Когда они вышли из ресторана, генерал рассыпался в извинениях перед Чаппелем. И как это его угораздило напоить своего проводника и нового друга! Да как же молодой человек вернется к себе домой в столь поздний час, и в таком состоянии, и по такому опасному району! Нет, Чаппелю лучше переночевать у него. Да в квартире, которую генерал снимает, можно целый взвод на ночлег устроить!

Отяжелевший от еды и выпивки, Чаппель недолго спорил. И на следующий день вышло как-то так, что он не стал спорить, когда Суворов предложил своему новому знакомому пожить у него.

— Я думаю, мне еще не раз понадобится проводник на этой планете — а ты ее знаешь вдоль и поперек. К тому же с тобой приятно поболтать, сынок. И все, что ты открыл мне про императора,— это чертовски интересно. Как говорится, век живи, век учись.

Через шесть недель Суворов подарил Чаппелю виллиган — и показал прежде опечатанный тир в подвале особняка, где можно было потренироваться в стрельбе.

Глава 49

Одномерному сознанию леди Этего соответствовали и ее спартанские апартаменты, они же и штаб-квартира. Мебели было мало, и вся она была неудобной. Тут не расслабишься, не отдохнешь, медленно не побеседуешь. Обстановка располагала к стремительному обсуждению и быстрому принятию решений. Адъютанты являлись с докладами, переминались с ноги на ногу или, если получали позволение, садились на краешек жесткого стула и, нервно ерзая, выслушивали приказы и короткие комментарии, а затем поспешно удалялись, пропуская других посетителей, которые тоже не задерживались.

Единственным украшением ее стола был вставленный в рамку небольшой листок факса от вечного императора — с уже поблекшим текстом. Она держала это не как реликвию, а для того, чтобы постоянно иметь в фокусе зрения объект своей ненависти. Этего была бы, очевидно, несколько удивлена, узнав, что и ее противник сделал нечто подобное: ее фотография недавно сменила фотографию лорда Ферле на рабочем столе вечного императора.

На черной стеклянной стене позади Этего имелась огромная, постоянно изменяющаяся электронная карта Галактики с указанием успехов и неудач на фронтах. Позиции имперских войск были отмечены красным, таанских — зеленым. В последнее время зеленый цвет кое-где существенно потеснился — красный выдавливал его преимущественно в районе Пограничных миров. Даже Эрибус, который находился у черта на рогах и был превращен благодаря личным усилиям леди Этего в совершенно неприступную секретную крепость, теперь целиком находился под надежным контролем вражеских войск.

В любую эпоху леди Этего была бы причислена к числу виднейших полководцев, если не к числу военных гениев. И после гибели лорда Ферле она снова и снова рассматривала звездные карты, отчаянно ища место для нанесения мощного и неожиданного удара, который повернет ситуацию вспять.

Хотя Этего никогда не слышала о Наполеоне, она бы горячо одобрила его решение высадиться в Египте, имея при себе тридцать пять тысяч солдат,— казалось бы, несуразно далеко от основного театра военных действий. И была бы искренне огорчена, узнав, каким фиаско закончились его попытки опрокинуть Великобританию с помощью десанта в Ирландии. Сами замыслы были блистательны, да вот исполнение подвело. И как многих великих полководцев, ее угнетали детали — как все повернется в реальности, не подведут ли исполнители? Единственное, что было для нее яснее ясного, так это то, что потребуется серьезная подготовка перед ударом, где бы он ни был нанесен. Ибо ей нужна только победа. Лишь победа поможет нации воспрянуть духом.

Усугубляя подавленное состояние леди Этего, вокруг шныряли адъютанты, что-то тявкали, обращали ее внимание то на одно, то на другое и все время настоятельно призывали ее подумать о расходах, связанных с каждым проектом. А по утрам наседали, среди прочих, и финансовые советники, которые скулили, что денег в казне нет, время очередных выплат союзникам и нейтралам снова пропущено.

— Пусть они подождут,— возмущенно огрызалась Этего.— Я не слыхала ни об одном банкире, который требовал бы возврата денег от вечного императора. А эта война обходится ему раз в пять-шесть дороже, чем нам.

— Есть разница,— возразил один из финансовых советников.— Вечный император всегда в итоге возвращал долги. А у нас такой славы нет. И кстати, он сражается на деньги, занятые под три процента. А мы — под пятьдесят процентов.

Леди Этего не знала, как отреагировать: приказать тут же казнить наглого советника или расплакаться навзрыд, даром что таанцы не

отличаются плаксивостью. Ее солдатскую душу ранило то, что такой великий конфликт может свестись к борьбе кошельков и тощий кошелек потерпит поражение. Проклятые деньги! Но те же финансовые советники принимались утешать ее и твердили, что еще не все потеряно.

После битвы за Пограничные миры — если она закончится таанской победой — они смогут занимать деньги под меньшие проценты, да и желающих финансировать их найдется куда больше. А пока что единственное, что остается, так это конфискации, усиленная экономия, распродажа всего ценного.

Да только ее советники умалчивали, что конфисковывать и распродавать почти нечего. В домах простых таанцев налоговые инспекторы, уже не находя ничего ценного, снимали пластиковые перегородки, чтобы использовать как вторсырье.

Таким образом, не имея возможности энергично действовать ни в одном направлении, леди Этего направила все свое внимание на проблемы внутренние. Если нельзя вести масштабные военные действия, тогда она займется приведением в порядок собственного дома. Первым в списке неотложных домашних дел был заговор в армии — те самые семьдесят два предателя. Она занялась этим с холодным ликованием.

Таанская полиция уже схватила заговорщиков. Теперь хватали друзей и знакомых этих семидесяти двух мерзавцев. И с каждым днем находились все новые связи, всплывали новые имена и арестовывались новые люди. Леди Этего осознавала, что некоторые из попавших под чистку ни в чем не виноваты — просто имеют врагов, которые нашли предлог расправиться с ними. Но это ее не останавливало — лес рубят, щепки летят. Кроме того, у нее имелся список доносчиков. Она уже приказала арестовать и некоторых рьяных стукачей. Набивая тюрьмы и лагеря, утверждая расстрельные приговоры военного трибунала, леди Этего на время отвлекалась от мрачных мыслей о временной неэффективности военных действий таанской армии. Так что репрессиями она занялась с жаром.

Лорда Вичмана она приняла в своих апартаментах именно в таком приподнятом настроении — сияющая, вдохновенная. Приветствуя ее, он невольно посокрушался: как жаль, что телекамеры во время выступлений Этего не способны донести до народа все ее обаяние, которое так мощно воздействует при личной встрече. Красивая, чувственная — и одновременно сгусток страшной энергии. Каждый миллиметр ее женственной, но вместе с тем монументальной фигуры являет взору подлинную героиню таанского народа. Достаточно было видеть ее, быть рядом с ней, чтобы понять всей душой, что нынешние трудности преходящи и победа достанется тем, кто ее заслуживает по справедливости.

Лорд Вичман явился, дабы помочь Этего каленым железом выжигать крамолу. Вичман принес собранные Ло Преком досье на инакомыслящих — тот накопил неимоверное количество материала о коррупции и преступлениях против народа.

Ло Прек изучил тысячи рапортов полицейских и агентов спецслужб и пришел к выводу, что Хиз захлестнут волной преступности и гнусного инакомыслия. Более того, в составе многих преступлений, которые казались на первый взгляд простеньким хулиганством, он учуял политические мотивы, ниточки, ведущие к важным коррумпированным сановникам. Что многие обвинены облыжно, значения не имело, ибо Ло Прек смотрел в корень, повсюду обнаруживая происки вражеской разведки. Оказывалось, что за уголовными преступлениями также стоит имперская разведка. В столь критической ситуации, когда виновен каждый пятый, арест нескольких невиновных уже не смущал.

Ло Прек проявил удивительные сыскные способности. Он доказал Вичману как дважды два, что Стэн не просто стоит за кулисами антиправительственного заговора, а лично возглавляет его. Тут Вичман все же позволил себе не поверить и решил до времени утаить эту информацию от леди Этего. Когда Ло Прек отчеканил все свои выводы, Вичман в душе усмехнулся: эк ты, однако, хватил! Одержимый — он и есть одержимый.

Вичман верил в происки имперской разведки, но не верил, что за всем плохим в Таанской империи стоит мифический Стэн. Впрочем, если ловля Стэна подстегивает служебное рвение Ло Прека — бога ради. Ло Прек, конечно же, чокнутый, но из этого отнюдь не следует, что он дурак.

Пока леди Этего со все возрастающим энтузиазмом читала принесенные материалы, Вичман поздравил себя с прозорливостью — он верно поступил, когда принял Ло Прека в свою организацию.

— Это именно то, что нам нужно, милорд,— сказала леди Этего.— Я ценю вашу преданность делу. Если бы и другие... Должна признаться, меня разочаровывают даже некоторые члены совета. Они норовят делать только самое необходимое. И ничего по своей инициативе не предпринимают. Не желают напрячься как следует в столь трудный для отчизны час! Порой мне кажется — они ждут, что я в одиночку выиграю им эту войну.

Вичман самодовольно выпрямился, но тут же счел нужным произнести несколько невнятных слов в защиту коллег. Леди Этего остановила его нетерпеливым взмахом руки.

— Возьмите, к примеру, Пэстора,— процедила она.— Он практически отошел от дел. Да, я знаю, он болен, но... Разумеется, я ему безмерно благодарна за поддержку. К тому же он продолжает вести интенсивную работу в Колдиезе. Успех его плана даже несколько

удивляет. Я лично никогда не одобряла этот план. Однако, как ни странно, пленные — трусы и неженки — работают неплохо. Согласно последним цифрам, они перевыполняют производственные нормы.

Сведения, на которые она ссылалась, были подсунуты ей через Стэна и «Золотого червя» Вирунги. Фальшивые цифры скрывали тот факт, что заключенные работали из рук вон плохо, а после того, как в Колдиез привезли высокопоставленных пленных, дела пошли еще хуже.

Мысли о Колдиезе омрачали настроение Вичмана. Делу не помогало то, что люди, которых он заслал туда, хоть и с большими оговорками, но подтвердили ту благоприятную информацию, что так поразила леди Этего. И тем не менее он был твердо убежден в том, что под его руководством пленных в лагере Колдиез использовали бы с куда большей эффективностью. Особенно теперь, когда там собраны самые видные из военнопленных — сановники, высшие офицеры. Порой во сне ему представлялось, что бы он сделал с этой мразью, будь он комендантом лагеря. Что конкретно снилось, он забывал, но просыпался с приятным чувством морального удовлетворения.

Леди Этего вернула ему отменное настроение следующей своей фразой:

— Надеюсь, я и впредь смогу целиком и полностью полагаться на вас, милорд.

Вичман что-то проклекотал, однако стремительная Этего уже не прислушивалась. Она постучала пальцами по докладу Ло Прека:

— Мне бы хотелось, чтобы вы лично возглавили эту операцию. До настоящего момента результаты чисток меня мало удовлетворяют. Похоже, слишком много негодяев уходит от ответственности. У сети слишком крупные ячейки. Я все больше и больше не доверяю исполняющим мою волю чиновникам. Информация, собранная вашим человеком, лишь подтверждает, что у меня есть на то основания. Вполне возможно, что за неуспехами кроется нечто большее, чем простая лень и бездарность чиновников.

Вичман от растерянности не находил слов. Он был захвачен вихрем эмоций. Подумать только, его усилия одобрены такой героической личностью, как леди Этего! Он с радостью принял новые обязанности. Одновременно в дальнем углу сознания брезжила мысль: огромную власть он нынче получает!

Пока он справлялся с бурей чувств и искал достойные слова благодарности, Этего перескочила к новой мысли.

— Но одной вещи здесь не хватает,— сказала она, складывая папку с докладом Ло Прека.— В этом докладе есть недоговоренность. Некая ниточка оборвана. Как будто все ведет к чему-то, но в последний момент останавливается.

Леди Этего была совершенно права. Лорд Вичман аккуратно извлек из доклада ту часть, где утверждалось, что все нити заговора сходятся к одной персоне, а именно — к Стэну. Вичман сделал глубокий вдох и пустился в объяснения. Он сказал, что его сотрудник, Ло Прек, воображает, что за всеми этими темными делами стоит человек, когда-то убивший его брата. Леди Этего слушала внимательно и кивала.

— Кто этот человек, убийца его брата? — наконец спросила она.

Вичман назвал его.

Леди Этего нахмурилась. Имя казалось знакомым.

— Стэн? — переспросила она.— Вы имеете в виду командора Стэна?

Вичман подтвердил, удивленный тем, что она знает военный ранг Стэна. Однако не осмелился задать вопрос, потому что в следующий момент на ее лице появилось отсутствующее выражение, будто леди Этего пыталась что-то припомнить.

«Форез» изрыгал огонь. Стреляли из всех орудий, чтобы наконец уничтожить «Свампскотт». Леди Этего из-за плеча адмирала Деска зачарованно наблюдала за тем, как вроде бы почти разрушенный линкор продолжал отстреливаться. Орудия и ракеты адмирала Деска работали без устали, как остервенелые молоты, гвоздили снова и снова — отлущивая все новые и новые секции «Свампскотта». И при этом «Свампскотт» продолжал бой, продолжал отстреливаться. Согласно радиоперехвату, командовал вражеским кораблем некий Стэн.

Казалось, Деска уже покончил с противником очередным залпом, но тот упрямо не сдавался. А потом в эфире раздался насмешливый голос: «Ну, как поживаешь, киска? Получай приветик». Она так и не узнала, что это был голос помощника командира — Алекса Килгура. Из разорванного чрева «Свампскотта» внезапно вылетели две ракеты «Видал». И через секунду «Форез» тряхнуло от мощного взрыва. Что-то тяжелое сорвалось со стены и размозжило череп адмирала Деска. Он рухнул на леди Этего, она упала, ударилась головой и потеряла сознание... Придя в себя, велела отрядить экспедицию на остатки «Свампскотта» — чтобы узнать имена всех погибших и живых. И лично убедилась, что Стэн погиб.

— Да, этот ваш человек с причудой, вы правы,— наконец сказала Этего Вичману.— Стэн мертв. Я лично убила его.

Потом она что-то припомнила и произнесла почти шепотом:

— Дважды.

— Простите, миледи?

— Дважды. Я как-то убила его, но потом он вернулся. И тогда я убила его снова.

Этего содрогнулась, словно отгоняла призрака.

Мгновение спустя она уже провожала Вичмана к двери. Он ушел — по-прежнему горя энтузиазмом по отношению к своему кумиру. Однако он не мог не задуматься, помня о последней фразе разговора, что за демоны смущают ночной сон леди Этего.

Глава 50

Стэн вжался в землю за бугорком, который был единственным, хоть и жалким прикрытием. Справа и слева на сто метров тянулось совершенно ровное пространство. Луч тюремного прожектора медленно полз по голой местности, разгоняя густые ночные тени. Стэну показалось, что этот луч остановился на нем, прежде чем двинуться дальше. В голове завихрились сумасшедшие мысли: а вдруг заложили? А что, если сейчас вспыхнет десяток направленных на него прожекторов и из темноты выскочит дюжина таанских охранников, которые схватят его и уволокут в Колдиез, где он годами будет гнить в одиночке, где его будут время от времени пытать и в конце концов казнят?

Чтобы взять себя в руки, Стэну пришлось прочитать мантру, как учили в отряде богомолов. И действительно, пульс замедлил свое бешеное биение, да и дышать стало легче.

Луч прожектора полоснул по нему и заскользил дальше. Стэн поднял голову и осторожно всматривался в темноту. Он мысленно прошелся по взгоркам и уклонам, которые вели на задворки лагеря, где и находился его тайный ход. Потом направился туда короткими бесшумными перебежками. По дороге ничего не случилось.

Однако перед тем, как отвалить камуфляж, прикрывавший дыру в земле, и нырнуть в туннель, Стэн невольно задержался, скованный ужасом. Казалось, все тело покрылось гусиной кожей. Но он пересилил страх, юркнул в дыру и быстро прополз по туннелю к подземным катакомбам тюрьмы. Добро пожаловать в лагерь!

Алекс отчаянно протестовал против задумки Стэна вступить в личный контакт с Вирунгой. Однако Стэн заверил друга, что операция проще простого — и он обернется к рассвету. Одна нога здесь, другая там.

— Да ты совсем свихнулся, приятель,— сказал Алекс.— Как же я пропустил начальные симптомы! Я же тебе рассказывал, чему учила меня в детстве моя милая мамочка. Первое: никогда не садись играть в карты с незнакомым джентльменом или с незнакомой леди...— Тут Килгур одарил Сент-Клер полномерной сверхобаятельной улыбкой.— Второе: никогда не ешь в месте, которое называется «У Кэмпбеллов». Третье: избегай комнаты с железной решеткой!

«Эх, черт! — думал Стэн.— Старина Килгур был, как всегда, прав. Надо же: заглянуть на часок-другой в Колдиез!» Кровь стыла в его жилах при одной мысли о каменном мешке, в который он может угодить. И когда он окончательно решил повернуть назад и дать деру, пока Бог бережет, он услышал звук шагов. Таанский часовой.

Не надо было отдавать телу приказ: замри! Стэн и без того примерз к месту. Через полсекунды сработала выучка. Стэн проворно повернул голову и быстро скосил глаза — как хищник на охоте. Чтобы узнать повадки дичи, наблюдать за ней нужно только вот так — искоса. И принимать решение до того, как встретишься взглядом со своей жертвой.

Стэн прикинул, что часовой пройдет примерно в полуметре от его головы. Часовой шел медленно, вяло шлепая подметками.

Он или плохо обучен, или страдает ленью или непроходимой тупостью. А может быть, это женщина-надзирательница. Хлясь-хлясь, хлясь-хлясь — часовой приближался, что-то напевая. По мере его приближения Стэн узнал мелодию — песенка про разлученных войной влюбленных, которая популярна среди низших классов, но часто звучит и в заведении Сент-Клер.

Тут на его пальцы — убрать руку он уже не успел — внезапно надавил сапог. Стэну хотелось выдернуть пальцы, но он удержался. А часовой, как назло, именно в этот момент остановился — прямо на пальцах Стэна, надавив на них всем весом тела. Более того, насвистывая, он немного повернулся на каблуках и опять замер, не сходя с пальцев Стэна.

Затем охранница — теперь Стэн разобрался, что это была женщина,— что-то решила, двинулась дальше и через несколько шагов остановилась. Стэн поднял раздавленные руки — пальцы плохо слушались.

Но теперь охранница находилась к нему спиной. Он вытянул шею и увидел поблизости что-то большое и белое. Голая задница!

Журчащий звук безошибочно подсказал, чем занята охранница. Пока она поднималась и оправляла юбку, Стэн поджал пальцы, и кинжал выскочил ему в ладонь. Соприкосновение с прохладной рукоятью действовало на нервы успокаивающе. И тут он уловил, как охранница испуганно дернулась. Он обнаружен! Стэн немедленно бросился на нее, словно морской хищник, который внезапно — с фонтаном брызг — выпрыгивает из воды.

Онемевшие пальцы одной руки впились в глотку охранницы, а рука с ножом нацеливалась ей в живот. В эту сотую долю мгновения Стэн различил лицо охранницы. Совсем юная, не старше шестнадцати. И стройненькая — нет, худая. Такая худая, что выглядела несчастным воробушком в просторной шинели. Ее предсмертно рас-

ширившиеся простодушные глаза были полны животного страха. Ребенок, но ребенок, который обречен умереть.

Не жалость, а осторожность Стэна спасла жизнь худенькой девчушке. Стэн мигом сообразил, что у него не хватит времени спрятать тело, и поэтому в последнее мгновение так и не вонзил нож под ребра охраннице. Вместо этого он дал работу своим онемевшим пальцам — прежде чем девчушка закричит и всех переполошит. Он надавил на сонную артерию охранницы и подхватил ее легкое тельце, когда она стала падать, мгновенно потеряв сознание. Потом осторожно положил ее на пол и проворно сделал ей укол быстродействующего снотворного.

Когда при следующем обходе сержант найдет ее спящей на холодном полу сном праведницы, он устроит настоящий трам-тарарам. Разумеется, изобьет ее в кровь за сон на посту. Однако что значат несколько сломанных ребер против вывернутых из живота и поблескивающих в свете звезд кишок!

Стэн убедился, что юная охранница лежит на полу в удобной позе, а затем двинулся прочь. В его голове навязчивым эхом отдавалась мелодия песенки, которую совсем недавно напевала эта девчушка.

Кресло обиженно скрипело под трехсоткилограммовым Вирунгой, когда он весело ерзал, выслушивая принесенные Стэном военные новости. Хотя Стэн старался рисовать не слишком радужную картину, он не мог не рассказать обо всем, что вселяло оптимизм, ибо н'ранья изголодался по обнадеживающим новостям.

Впрочем, о большей части своей деятельности на Хизе Стэн воздержался рассказывать, ограничился лаконичными сообщениями о главном. Но уж если что-то рассказывал, то позволял себе слегка приукрасить действительность, ибо знал, что Вирунга, передавая его истории друзьям, отберет только насущно необходимое.

В данный момент Стэн рассказывал своему бывшему командиру о приключениях Сент-Клер и Л'н — привирая совсем немного.

— ...и вот генерал Ланга кутит с парой своих адъютантов и дюжиной проституток женского и мужского пола, а тут — дзинь-дзинь — звонок. Государственной важности! Совершенно секретный! Гарантировать полную конфиденциальность! Ну, генерал, естественно, приказывает всей компании мигом выметаться, переключает свой телефон на суперсекретный канал со всякими электронными прибамбасами, которые исключают прослушивание,— и не успел пьяный рыгнуть, как генерал уже на связи с приемной самой леди Этего.

Ее адъютант все перепроверяет. С вами будет говорить леди Этего. Все ли в порядке? Нет ли любопытных ушей в платяном шкафу? Генерал лезет в шкаф, заглядывает под кровать и за занавески. Нет, говорит, все чисто. И тогда трубку на том конце берет Этего и при-

казывает генералу поднять свою жирную сановную задницу и сломя голову лететь в Приграничье, потому как там планируются большие дела.

Генерал, конечно же, слегка ерепенится. Дескать, дел накопилось, так сразу не получится. А на самом деле ему просто не хочется, чтоб его вышеупомянутая жирная сановная задница шлепнулась на самое горячее место во всей Галактике. Норовит увильнуть.

Начинают они препираться. За и против. Потом про то, какие корабли задействовать и куда двигаться. Короче, не отвертелся генерал. Одного бедолага не учел — что каждое словечко его разговора слышали чужие уши!

— В комнате... стоял... тайный... микрофон,— со знающим видом произнес Вирунга.

— А вот и нет! — возразил Стэн.— Эта комната служит постоянным местом генеральских развлечений. Так что его ребята и до и после его прихода проверяют каждую пядь на предмет «жучков».

— Тогда... как же?

— Л'н! — ответил Стэн.— Она слышала весь разговор. Все время, пока генерал разговаривал по телефону, она лежала в уголочке — свернувшись клубком. Прямо на виду. Генерал-то принимает ее за обыкновенное домашнее животное. Этакий крупный розовошерстный кот.

Вирунга в который раз рассмеялся. Но осекся и спросил встревоженно:

— Ты... уверен... что это... не вредно... для нее? Л'н... такая...

На сей раз он говорил прерывисто не из-за физиологических трудностей, а из-за нехватки словарного запаса для обозначения тех безобразий, которые Л'н приходилось ежедневно видеть в таком вертепе.

— Невинная? Застенчивая? Чувствительная? — попробовал подсказать Стэн.

Вирунга закивал.

— Вы не поверите,— сказал Стэн,— но от ее застенчивости и зажатости и следа не осталось. Она сделала головокружительный прыжок из Колдиеза на свободу и благополучно приземлилась на все свои четыре очаровательные маленькие лапки. Даже Мишель — я имею в виду Сент-Клер — диву дается, как расцвела Л'н. Теперь у нее лексикон портового грузчика. Или профессионального грабителя. От нее только и слышишь «чувак», «балдею», «не гони волну», а «дерьмо» и «засранцы» у нее в каждой фразе.

Вирунга удивленно заахал. Рассказы Стэна он впитывал буквально всеми порами. Проведя несколько лет в плену, Стэн отлично понимал, что уже через несколько дней вирунговская эйфория, вызванная ворохом услышанных новостей, спадет и сменится глубокой

депрессией. И высокие стены Колдиеза станут давить еще пуще. А потом Вирунга — вместе со всеми, кому он передаст рассказы Стэна,— станет скорбно ворочать в голове мысль: выйдем ли мы когда-нибудь на свободу или обречены сгнить в этой дыре? И велика вероятность того, думал Стэн, что именно пессимисты окажутся правы. Даже будучи уверен в скором конце войны, Стэн отлично понимал, что всякое может случиться с заключенными в смутные времена перед капитуляцией.

Правда, был один план на этот счет — план, который мог сделать больше, чем просто разогнать хмарь депрессии, не только спасти жизнь максимальному числу военнопленных, но и обеспечить хотя бы небольшое подспорье имперскому десанту, который будет брать Хиз.

Разумеется, пятой колонны не получится — об этом мечтать не приходилось. Но пятый туз, припрятанный в рукаве... И есть надежда, что карта ляжет в правильную сторону и в нужный момент.

«Нет, положительно я стал думать как Мишель — то бишь Сент-Клер — с ее чертовым казино... Ах, эта Мишель! — будто чертик из ящичка, выскочили воспоминания о жарком теле.— Такая ладная фигурка. Мягкие нежные пальцы. Еще более мягкие губы. И этот ласковый шепоток в ухо... Нет, прекратить, командор. Или точнее — адмирал. Сосредоточься на деле. Помни, что ты теперь военный высочайшего ранга».

И все же адмиралу Стэну пришлось спрятать неуместно похотливую улыбку и нервно закинуть ногу на ногу. К счастью, Вирунга перебил его игривые мысли.

— Как... название... казино... Мишель... то есть Сент-Клер? Повтори?

Стэн пристально посмотрел на Вирунгу. Неужели он догадался? Но большое бровастое лицо сохраняло непроницаемый вид.

— Сакс-клуб. Почему вы спрашиваете?

— О... я просто — не ожидал... от молодой женщины... такой... любви... к музыке.

— А я не знал, что вы любите музыку,— удивленно заметил Стэн.

— Любил... Но теперь... уже не могу... больше... наслаждаться.— Вирунга похлопал себя по ушам.— Музыкальный слух... потерял. Старый... артиллерист. Обычное... дело. Гром... пушек... убил... тонкий... слух. А молодым... наслаждался... музыкой. И даже сам... играл.— Он сделал вид, что играет на воображаемом инструменте.— Немного. На саксофоне. Не на электронном. На обычном... саксе. С настоящими... клапанами. Как он... звучал! Не передать!

Какое-то время Вирунга задумчиво молчал — словно слыша жалобные причитания саксофона сквозь грохот тысячи орудий.

Надо сказать, что в Колдиезе произошло много перемен с тех пор, как Стэн впервые беседовал с Пэстором. Начать с того, что тюрьма очень быстро заполнилась до отказа разного рода видными военнопленными — от офицеров высшего ранга до дипломатов. Прибыли даже несколько губернаторов целых звездных провинций, которые по каким-то причинам угодили в плен. Таанцы рьяно складывали все свои золотые яйца в одну корзинку с прочными каменными стенами.

Слова Стэна насчет деликатного обращения с военнопленными Пэстор воспринял как руководство к действию. При переводе пленников в Колдиез он прибавил к их числу несколько своих верных агентов, которым было велено наблюдать за действиями охраны и докладывать о том, как обращаются с заключенными. Внедрил своих людей и в администрацию лагеря. С начальством он лично провел беседу, приказав строжайшим образом соблюдать все международные нормы обращения с военнопленными,— подписав соответствующие договора, Таанский союз никогда не соблюдал ни дух, ни букву этих законов, поэтому тюремщикам пришлось долго втолковывать, что означает обращаться с заключенными по-человечески. Накачка, последующий нажим и проверки были настолько строгими, что даже Авренти и Генрих — в особенности Генрих — и пальцем боялись тронуть заключенных.

Вдобавок ко всему Пэстор устроил себе офис в Колдиезе и взял за правило время от времени приезжать с неожиданными инспекциями. Во время этих наездов замеченные в грубом обращении с заключенными подвергались разносу в офисе Пэстора, а кое-кто был незамедлительно уволен со службы и послан на передовую.

Но с питанием заключенных возникали большие трудности. Экономическое положение Таана было близко к полной разрухе, и Держину было крайне сложно удерживать дневной рацион питания заключенных на сколько-нибудь сносном уровне. Возникали проблемы с охраной — платили мало, кормили плохо, и охранников не хватало. Приходилось нанимать или стариков, или юнцов. Плохое питание сказывалось на моральном духе охраны. Пленников кормили лучше, чем охранников, что тоже возбуждало ропот тюремщиков: что за жизнь? Хотя бы в морду можно было дать этим вражеским выродкам! Даже этого не позволено!.. Запасы еды и разных вещей, найденные Кристатой и Стэном в катакомбах, позволяли заключенным не только подкармливаться самим, но и подкармливать охранников, а также давать им щедрые взятки, дабы получать разного рода поблажки.

Для полуграмотных и необученных таанских охранников, голодных и затурканных начальством, заключенные мало-помалу стали ближе тюремной администрации. Случись в лагере бунт, большин-

ство охранников могли бы инстинктивно выступить на стороне заключенных. Разве не заключенные их кормили? Разве не от них они имели в месяц больше денег на содержание своих семей, чем от правительства за год?

Кроме того, даже Этего хватало разума считать, что никакая полиция не сможет подавить слухи о близком конце войны — и в не в пользу таанцев. Подобно Четвинду, многие охранники подумывали о своей дальнейшей судьбе и хотели добрым отношением к пленным подстраховаться на случай будущих потрясений.

Таким образом, в атмосфере веяли добрые ветры. Но как бы не случилась какая-нибудь мерзкая чертовщина, когда Таанский союз будет действительно при последнем издыхании. Вот почему Стэн счел нужным рискнуть своей шкурой, пробраться в Колдиез и обговорить ситуацию с Вирунгой. Тот должен быть во всеоружии, когда наступит решающий момент.

Стэн рассказал Вирунге, что Соренсен был боевым компьютером отряда богомолов, и передал ему кодовое слово, активирующее Соренсена. Теперь Гааронк будет дублирующим компьютером. Что до того, как конкретно использовать Соренсена...

— Вы когда-нибудь поднимались на стены, чтобы следить за окрестностями? — спросил Стэн.

— Несколько... раз. Трудно... с моими ранениями,— сказал Вирунга, покрепче сжимая свою трость.

— Когда вы смотрите на город, что вы видите?

Вирунга рассмеялся.

— Недавно... большие... дыры... в земле. Наши бомбардировщики... поработали... хорошо!

— Согласен,— сказал Стэн.— Но я имел в виду не это. Я спрашиваю вас как бывалого артиллериста. Что вы замечаете, когда глядите на город?

Гигантские брови Вирунги заходили ходуном, глаза почти скрылись под ними. Потом он снова рассмеялся — на этот раз саркастическим, лающим смехом.

— Колдиез... господствует... над городом,— сказал он.— Если бы... у меня... здесь... были пушки...

Тут он даже смежил веки, представляя, как снаряды будут падать на Хиз. Снаряды его орудий. Вирунга мигом очнулся от грез, однако Стэн заметил азартный блеск в глазах полковника. Да, тюрьма находилась на возвышенности, и отсюда можно было предельно эффективно обстреливать город. Но ведь в катакомбах хранилось достаточно оружия!

— Я... могу... добыть... пушки. Правда... они... очень устарели... и в плохом... состоянии. Я... постараюсь привести в порядок.

Вирунга посмотрел на Стэна — и в его взгляде сквозила решимость.

— Когда? Скажи... мне... только... когда?

Стэн подошел к огромному н'ранья — этакой мохнатой глыбине — и дружески похлопал его по плечу.

— Я сообщу точную дату. А пока готовься.

Вирунга лишь солидно кивнул. Но Стэн видел, что в своем сознании Вирунга уже командует батареей и снова наводит пушки на цель.

Глава 51

Стэн ускользнул из Колдиеза незадолго перед рассветом. Как и было запланировано, он спрятался в руинах вокруг старого монастыря и дождался, когда из пригородных трущоб потянутся на заводы толпы сонных рабочих. Две группы пришлось пропустить. Костюм на нем был не то чтобы дорогой, но уж очень не похож на полулохмотья этих работяг, вкалывавших, очевидно, на какой-нибудь красильной фабрике. Третья группа состояла из рабочих, одетых поопрятнее и не так нищенски. К ним и присоединился Стэн. Прислушавшись к разговорам, он сообразил, что это работники фармацевтического и оружейного заводов.

К тому времени, когда его попутчики проснулись в достаточной степени, чтобы спросить себя, что за незнакомец затесался в их ряды, они уже достигли центра города и Стэн благополучно смешался с толпами тех, кто спозаранку вышел отоваривать продуктовые карточки.

По дороге он купил сомнительного вида кусок жаркого — лучше, впрочем, не достать — и не спеша двигался в густой толпе прохожих в сторону Шабойи и Сакс-клуба. Еще два поворота, одна улица — и он будет дома и сможет наконец заморить червячка.

Вдруг толпа перед ним затопталась на месте, зло загудела. Прежде чем Стэн успел сообразить, что происходит, толпа вынесла его на следующую улицу, перекрытую цепью зеленых полицейских мундиров. У Стэна сердце упало, потом подскочило, и он стал пробиваться обратно — работая локтями, отдавливая кому-то ноги и не успевая огрызаться. Однако и та улица, по которой он пришел, уже была блокирована цепью таанских полицейских. Облава!

Дородные полицейские наступали на толпу, помахивая дубинками, пряча лица за темными щитками шлемов. Толпа примолкла. Это молчание показалось Стэну странным. Потом оно сменилось вскриками тех, по кому уже прошлась полицейская дубинка с электрошоком, и глухим ропотом остальных.

Внушительный отряд полицейских отделился от основной массы и принялся рассекать толпу. Стэн пригляделся к знакам различия, и ему бросилось в глаза, что отряд состоит сплошь из сержантов. Они ястребами оглядывали толпу, всматриваясь в лица, и с выкриками «Ты! Ты! И ты!» выхватывали кого-то, отшвыривали назад к рядовым полицейским, которые хватали несчастного и в мгновение ока запихивали в полицейский фургон.

Стэн стал быстро-быстро пробираться через толпу к стене, чтобы вдоль нее юркнуть куда-нибудь между чьих-нибудь ног. Но едва его локоть вместо мягкой плоти ощутил твердость стены, как один из сержантов вызверился на него поверх толпы и, тыча дубинкой в его сторону, выкрикнул: «Ты!»

И через секунду трое полицейских вывернули Стэну руки за спину и поволокли к фургону.

Более миллиона человеческих тел жались друг к другу на гигантской центральной площади Хиза. Предполуденное солнце пригревало все сильнее и сильнее, и запахи пота поднимались над толпой, как дымка над доисторической топью.

С трех сторон площадь окружали исполинские телеэкраны высотой в несколько этажей. С четвертой стороны находилась высоко поднятая над площадью трибуна, за которой зияло пустое пространство — там некогда стоял провалившийся под землю дворец Верховного совета.

Группу, в которую включили Стэна, поставили слева возле трибуны, чуть в стороне от остальной массы людей. В руки им дали большие плакаты. Все еще ожидая худшего, Стэн тупо смотрел на огромные кроваво-красные буквы, начертанные на транспаранте, который он держал. Надпись гласила: «Долой империалистическую гегемонию!»

Громила сержант погрозил дубинкой.

— Ну-ка махать лозунгом! — прогремел он тоном, которым, видно, шугал новобранцев на плацу.

— Хорошо-хорошо! — проворно согласился Стэн и принялся размахивать транспарантом.

— Кричите: «Да здравствует победа!» — пророкотал полицейский.

— Как прикажете,— сказал Стэн.

И стал совершенно искренне орать: «Да здравствует победа!» При этом он еще пуще размахивал транспарантом. На душе у него воцарялся покой. Оказывается, дело не так уж плохо. Он-то думал, что попал в облаву, а от него требуется всего лишь кричать здравицы таанскому режиму перед телекамерами, выслушивать зажигательные речи ораторов, продемонстрировать единство таанского народа и пра-

вительства и тихо-мирно уйти домой. Ну, задержится на пару часов — невелика беда.

Затем он вспомнил, что в тоталитарном обществе коротких речей не произносят и один оратор может проговорить полдня. Так что задержится он на этой площади часов на пять-шесть. Тяжкое испытание после бессонной ночи, но ему случалось бывать и в более глупых ситуациях. Он решил не унывать и забавляться на всю катушку. К здравицам он стал подмешивать крутую брань, благо в общем крике никто ничего не улавливал.

Через пять часов Стэну пришлось констатировать, что он еще не излечился от своего патологического оптимизма. Толпа вокруг продолжала орать — даже с большим энтузиазмом, чем прежде, а если и показывала некоторые признаки усталости, дубинки полицейских немедленно подбавляли бодрости. Но к речам на трибуне еще и не приступали. Там было пусто.

Затем вдалеке раздался характерный подвывающий звук, который говорил так много бывалому пехотинцу. Стэн вжал голову в плечи еще прежде, чем у горизонта появился идущий на полной скорости боевой истребитель. Пролетев над руинами дворца, он низко-низко, на бреющем полете, прошел над толпой. Многие инстинктивно пригнулись.

Даже Стэну было трудно сдержаться и не грохнуться на землю, когда за первым истребителем последовала целая эскадрилья — и тоже на бреющем полете, а затем все небо потемнело от боевых кораблей всех назначений и конфигураций — вплоть до гигантских межзвездных линкоров. Это был парад военной мощи Таанского союза.

Поначалу и на Стэна все эти корабли произвели сильное впечатление. Однако чем больше он приглядывался к пролетающим над ним кораблям, тем больше странностей замечал его цепкий и наметанный взгляд. Если приглядеться к каждому из кораблей, то обнаруживалось, что новых почти нет, сплошь старые, покореженные в боях, латаные-перелатаные. Но похоже, в толпах вокруг было мало глазастых специалистов, потому что народ реагировал совсем иначе, нежели Стэн. Теперь кругом восторженно кричали не по принуждению, а от души.

Через несколько минут небо очистилось, и профессиональный сарказм Стэна сменился подлинным страхом, ибо высоко в небе появились три одиноких исполинских корабля. О, Стэну таких аппаратов еще не доводилось видеть. Эти новопостроенные боевые космические монстры превосходили все, что он видел прежде, а видел он в своей жизни немало. Закругленные обводы, черный — как черная дыра — корпус. И со всех сторон рельефные порты, за которыми таятся — что там таится? Какой мощи пушки? Какие ракеты?..

Стэну не удалось как следует разглядеть все детали, потому что корабли очень быстро исчезли из виду — ушли вертикально вверх.

Толпа даже перестала кричать — только гудела, охваченная гордостью и преклонением перед гением таанских строителей. Даже полицейские попритихли, и в их глазах заблестели слезы патриотического умиления. Что-то вроде религиозного откровения, подумалось Стэну. Да, толпа была как бы в трансе. Надо полагать, таанский Дух Святой предпочитал все, что эффектно взрывается.

Низкий жужжащий звук заставил Стэна встрепенуться, оторваться от своих размышлений и, подобно сотням тысяч людей на площади, завертеть головой в поисках источника странного звука. Жужжание доносилось со стороны дворцовых руин.

Стэн с любопытством наблюдал, как что-то ослепительно белое поднималось над руинами. Это нечто напоминало огромное колесо со спицами. Сперва оно зависло над руинами, вознесясь примерно на полкилометра в небо,— зависло на несколько минут. Потом из этого грандиозного оптического эффекта — чего-то вроде белого солнца, восставшего из пепла и этот пепел поправшего,— прямо из слепящей белизны выдвинулся огромный черный летательный аппарат и заскользил вниз, к помосту, на котором находилась трибуна.

Миллион голов запрокинулось, чтобы разглядеть черный аппарат, опустившийся на стальной помост. Перед самым касанием из брюха аппарата выдвинулись пружинистые лапы. Он приземлился в полной тишине. Щелкающие звуки изнутри, затем впереди отъехал красноватый люк и из чрева аппарата выдвинулись алые ступени.

Из гигантских акустических колонок (боже, все на этой площади было гигантским, давящим каждого отдельного человека) полился военный марш. Из чрева аппарата появились несколько десятков таанских гвардейцев в парадной форме, которые чинно, чеканя шаг и высоко поднимая колени, спустились на платформу.

Они встали по периметру помоста. Стэн заметил, что у них не церемониальное, а боевое оружие и держат они его так, что могут в любой момент начать пальбу. Среди них оказались и офицеры — те не остановились, а продолжали сновать по платформе, напряженно шаря глазами по толпе. Должно быть, это работники службы безопасности, переодетые гвардейцами. Но цепкие глаза, очевидно, ничего дурного не заметили. В толпе царило единство — все горели любовью к своим вождям. Музыка звучала громче и громче — и вот наконец из глубины летательного аппарата появился первый член Верховного совета.

Мало-помалу все руководство цепочкой потянулось к трибуне. Стэн узнавал их лица, не раз виденные по телевизору, и примечал, в каком порядке они встанут на трибуне — кто ближе к центру, кто

дальше, так можно было определить нынешнюю расстановку сил в совете — кто в фаворе у председателя, чья позиция ослабела. Кроме бросающегося в глаза отсутствия Пэстора и Вичмана, расклад казался привычным.

Последовала пауза. Как бы заминка. Затем из глубины летательного аппарата выдвинулся первый воин в полном боевом облачении. Он был исполинского роста. За ним последовали другие — такого же устрашающего роста и вооруженные до зубов. Когда подразделение выстроилось справа и слева от люка, Стэн вспомнил, что уже видел когда-то этих исполинов. И тут на платформу ступила сама леди Этего. Очевидно, во всей Таанской империи только ее телохранители были выше ее самой.

С толпой произошло что-то невообразимое. Приветственный вопль грозил обрушить соседние здания.

Телохранители провели Этего в центр трибуны, но далеко от нее не отошли, готовые в любой момент при необходимости закрыть госпожу своими телами.

Леди Этего вскинула обе руки над головой, и народ на площади взорвался еще более громкими приветственными криками. Стэн ощутил себя таким одиноким в этой остервенелой миллионной толпе. Ему припомнилось, когда он в последний раз видел леди Этего. Это было на Кавите в начальные дни войны. И одета она была точно так же, как сегодня,— красный плащ поверх зеленого мундира.

Тогда она стояла в ста пятидесяти метрах от него. Он помнил, как вынул свой виллиган и прицелился. Ее зеленый мундир оказался в перекрестье мушки. Он вдохнул, выдохнул воздух наполовину и положил палец на курок. Еще секунда, и шарик АМ-2 пробьет в зеленом мундире огромную дыру. Но тут один из телохранителей, которые вертелись вокруг Этего, как балерины на сцене вокруг примадонны, заслонил ее. И вслед за этим Стэн видел только белые мундиры телохранителей — красное и зеленое мелькало лишь уголками.

До сих пор Стэн не мог понять, почему он не выстрелил. Из трусости или потому, что действительно не было возможности уверенно попасть в цель? Сейчас, глядя на леди Этего, которая вознеслась на такую высоту, он корил себя и за трусость, и за неповоротливость. А впрочем, стоит ли жалеть? Что орел, что решка — в любом случае выигрыш не выпадал. И все же он не мог не фантазировать: а что бы произошло, если бы он тогда — убил? Кто бы сейчас стоял на сцене, исполняя главную роль? Вичман? Пэстор? Кто-то еще?

Тем временем леди Этего опустила руки и упивалась приветственными криками толпы. Затем коротким жестом призвала толпу к молчанию. Все разом затихли.

— Спасибо, соотечественники,— начала она свою речь.— Спасибо вам, что вы пришли на это праздничное торжество.

Стэн воровато покосился на соседей, надеясь обнаружить иронические искорки в их глазах. Нет, все очень серьезны. Никого не смущает тот факт, что они не сами сюда пришли, а их согнали дубинками полицейских. Да и никого не резанули слова «праздничное торжество». Праздновать в нынешней ситуации как будто нечего!

— Мой народ переживает трудные времена,— продолжала Этего.— Наша решимость и воля подверглись самому большому испытанию со времен Великого стыда. Сегодня мы празднуем то, что эта решимость и эта непреклонная воля к сохранению нетленных ценностей таанского образа жизни, пронесенных нами через историю,— эта решимость и воля по-прежнему крепки в нас!

Однако мы не просто полны непреклонной решимости сберечь для истории генетический код нации. Мы готовы пожертвовать всем, дабы сохранить...

Она сделала эффектную паузу, чтобы последнее слово, стократно усиленное динамиками, хлыстом пало на толпу.

— ...честь!

— Честь! — взревела толпа.— Честь!

— Да, честь,— сказала леди Этего.— Пусть ни один иноземец не заблуждается касательно того, что это слово значит для всякого таанца. Для нас это не просто громкое слово, ибо оно требует жертв ради будущего наших детей и детей наших детей. И мы пожертвуем всем ради нашей чести. Все мы лучше умрем, чем увидим честь нашей нации попранной.

Она сделала новую паузу, набычилась.

— Ибо без чести не может быть будущего. Утратив честь, таанский народ перестанет существовать как раса. И если нам придется всем до одного умереть, дабы утвердить высокое понятие о себе и отстоять свое понимание священной чести,— что ж, погибнем все, разве это важно? Пусть мы исчезнем, однако оставим яркий, несмываемый след в истории Вселенной!

И через тысячу лет, и через две тысячи лет живые существа будут читать о нас и восхищаться тем, как высоко мы вознесли понятие чести. Они будут проклинать себя за свою слабость и поносить себя последними словами, ибо никогда никакому живому существу уже не удастся вознести понятие чести столь же высоко — и поступать в соответствии с идеалом. Но дети наших далеких потомков могут сказать родителям: они же все умерли! И их родители кивнут: да, они погибли, все до единого. Однако они умерли... с честью!

Казалось, что прошло не меньше получаса, прежде чем толпа успокоилась и смогла слушать речь леди Этего дальше. Люди кричали, рыдали, обнимались, поднимали детей на руки, чтобы те могли лучше разглядеть исторический момент.

Леди Этего все это время невозмутимо стояла на трибуне, давая возможность морю эмоций успокоиться. Ее лицо не покидало суровое выражение. Она ждала.

— Итак, соотечественники,— продолжила она, угадав нужный момент,— я призвала вас сюда для празднества. Дабы прославить нашу преданность чести и подтвердить наше желание не уронить ее. Это будет трудно. Неимоверно трудно. Ибо наш враг потрясающе силен. Враг безжалостен — и не угомонится, пока не поставит каждого тоанца на колени. Мы не раз блистательно побеждали этого врага, но и несли великие потери.

Впрочем, все это не важно. Я приветствую наших врагов. Как и вы должны благодарить судьбу за таких врагов. Ибо нашему поколению посчастливилось жить в годину решающих испытаний. Враг такой силы понуждает нас преодолеть все наши последние слабости. И когда мы преодолеем последние наши слабости, сильнее нас не будет никого. Очищенные и просветленные, мы победим.

Но если нам всем придется погибнуть... за нашу честь...

Последние слова были произнесены мягко, как слова заклинания или молитвы. Толпа затаила дыхание, как бы в предчувствии апофеоза речи.

Леди Этего медленно воздела руки в чистое тоанское небо. В голове Стэна мелькнуло: «Как странно, она ни разу не назвала имени вечного императора». Этот прием умолчания был настолько хорош, что Стэн взял его себе на заметку — отличный пропагандистский трюк: сатанинская анонимность врага, его неназываемость.

— Торжественно обещаю вам, соотечественники, что я буду преследовать и гнать врага везде, где его встречу. Я вышвырну его из Пограничных миров. Я выкурю его из Кавите, где он трусливо залег. И затем буду неустанно преследовать его до последних пределов Галактики, пока он не запросит пощады. Клянусь вам, соотечественники, я буду бороться всеми силами. Клянусь одержать победу. Быструю и восхитительную. Но я всего лишь человек, и у меня могут быть слабости. Какой-то изъян во мне может помешать мне выполнить задуманное.

И если я не оправдаю ваших упований, если я не вырву победу для вас...

Последовала долгая пауза.

— ...тогда я знаю, что велит мне долг чести!

Стэн был равнодушен к беснованию толпы. Черт с ними, с этими одуревшими простаками. Но что ни говори, он впервые слышал государственного лидера, который обращался к своему народу — и искренне верил в правдивость каждого своего слова!

С тех пор как Стэн отправился в Колдиез, Сакс-клуб успел закрыться, открыться и опять закрыться. Через несколько часов он откроется вновь, а пока Алекс, Сент-Клер и Л'н с волнением ждали возвращения Стэна в пустом ночном клубе.

Чтобы скрыть свою тревогу, они занимались тем, чем солдаты занимаются в перерывах между боями с тех самых пор, как первый придурок поднял с земли камень и сообразил, что им можно швырнуть в своих соплеменников. Короче, они сидели, ворчали и переругивались.

— Нет, я не хочу жаловаться,— говорила Сент-Клер.— Дела заведения идут отлично, и мне по вкусу выбивать денежки из чертовых таанцев. Просто я человек, которому всегда важен результат.

— Верно,— поддержала Л'н. Она сказала это, быть может, слишком поспешно, но при этом подняла на Сент-Клер хитрую розовую мохнатую мордашку. В ее глазках был немой вопрос.

— А в чем, собственно, проблема, моя медовая? — спросил Алекс.

— В последнее время у меня такое ощущение, что мы топчемся на месте. Ну, подрываем их валюту. Хорошо. Организуем саботаж на производстве. Выкрадываем их секреты. И вообще гадим, где только можно. Прекрасно. Так и нужно; мы им показываем, где раки зимуют.

— Ну так в чем же проблема? — робко осведомилась Л'н.

— Я хочу, чтобы они взвыли, чтоб у них искры из глаз летели! — сказала Сент-Клер.— Я спрашиваю себя: в достаточной ли степени мы вредим нашему врагу?

— Ну, по этому поводу есть история про моего прапрапрадедушку...— начал Алекс.

К счастью, появление блудного сына прервало его рассказ.

У Стэна был ужасающий вид: волосы всклокочены, глаза ввалились, одежда висит как на вешалке. И шел он — прихрамывая.

— Что произошло, черт возьми? — засуетилась Сент-Клер.

Стэн тяжело вздохнул, рухнул в кресло и отчаянным жестом указал на свой рот.

Алекс поспешил принести ему кружку доброго холодного пива. Стэн осушил кружку четырьмя глотками и со стуком опустил ее на стол. Алекс незамедлительно наполнил ее снова. Стэн отпил половину, рыгнул и сделал еще глоточек.

— Ну? — поторопила его Сент-Клер.

— В какую-то минуту показалось, что мне конец. Я попал в полицейскую облаву.

Трое его друзей пришли в ужас. Стэн сделал успокоительный жест.

— Оказывается, этим придуркам понадобился народ на демонстрацию — для изъявления патриотических чувств. И вот мы торча-

ли на главной площади больше пяти часов, пока не явилась леди Этего и не стала промывать нам мозги, призывая к массовому самоубийству. Мы немножко подумали, а потом спросили: ладно, согласны, только можно нам сейчас разойтись по домам?

Черта с два. Эта Этего заявила, что сейчас будет представление театра марионеток, и следующие одиннадцать часов мы выслушивали душераздирающие исповеди врагов народа — нам их показывали на громадных экранах.

— Что за враги народа? — спросила Л'н.

— Да те самые, которых мы выдумали. К концу, когда этих типов казнили, я даже испытал к ним некоторую жалость.

— Жалость — не грех,— произнес Алекс.— Только не делай из нее привычки.

Стэн оставил эту реплику без комментария. Он попросил чего-нибудь поесть и за едой рассказал друзьям о своих приключениях в Колдиезе.

— И что мы предпримем теперь? — спросила Сент-Клер.

— Просто будем поддерживать надежную работу нашей агентурной сети. Поощрять коррупцию везде, где только увидим слабину. И не очень высовываться, чтобы не погореть.

— Тоска,— вздохнула Л'н.— Ты же обещал, что будет круто, что романтики будет выше крыши. Интриги! Опасности! Подпольные акции! Маэстро, я не подписывалась на такую скуку.

Все рассмеялись.

— Боюсь, нам пока придется играть по маленькой,— сказал Стэн.— До сих пор мы справлялись с делом без осечек. Мы готовы к великим свершениям, но придется ждать исторических событий, чтобы проявить себя. А эти исторические события от нас не зависят. Например, война в Пограничных мирах. Или на Кавите.

Он встал и налил всем по кружке пива.

— Мы приготовили таанцам отменный капкан — рано или поздно он сработает.

Глава 52

Империя кое-чему научилась благодаря успешной бойне в системе Пел'е.

Маршал Ян Махони просмотрел предварительные планы бомбардировки перед вторжением в Пограничные миры и рявкнул:

— Удвойте!

— Что удвоить, сэр?

— Все.

Начальник его штаба повел бровями и в точности выполнил приказ. Количество артиллерии, ракет и бомб, доставляемых в Погра-

ничные миры, было удвоено. А потом Махони удвоил и это количество.

Он боялся, что будет мало. Это и понятно — по мнению Махони, никогда не надо рисковать людьми там, где дело может решить бомба или десяток снарядов.

Он бы с удовольствием просто отутюжил бомбами и ракетами планеты, которые предстояло завоевать,— превратил бы их в пустыни с кратерами. То есть сделал бы то же самое, что он сотворил с планетами Эрибуса. Однако в Пограничных мирах было слишком много мирного населения. Хотя Махони и задавался вопросом, много ли этого мирного населения осталось после таанских активных военных действий по завоеванию этих миров, а затем и оккупации.

Да будь его воля... Но его воля была ограниченна.

Шли дни — и наконец бомбардировки дали результат. Уже ни одна из планет Пограничных миров, выбранная для десанта, не огрызалась ответным огнем.

Махони отдал приказ начать высадку — зная, что таанские защитники выберутся из-под руин и встретят десантников шквалом огня, как будто все эти бомбардировки для таанцев все равно что праздничные фейерверки.

Он оказался прав. Вот почему маршал Махони решил в итоге приказам не подчиняться.

По мнению вечного императора и его спецов из военно-психологической службы, возвращение Махони в Пограничные миры должно было иметь крупный пропагандистский эффект. И пропагандистская машина заработала на полных оборотах.

Перед тем как маршальский корабль направился во главе флота к Пограничным мирам, несколько артиллерийских отсеков было освобождено от пушек и наспех переоборудовано в пресс-центр. На борт взяли предельно возможное количество журналистов и телерепортеров.

Флагманский корабль должен был приземлиться на Кавите с четвертой волной наступающих. Предполагалось, что десант первой волны будет уничтожен полностью, вторая волна понесет огромные потери, но закрепится на планете, третья волна разовьет успех, после чего уже не страшно совершить посадку с телеоператорами и включить камеры. Кругом, разумеется, еще гремят взрывы, но риска для жизни не будет никакого.

Особенно для жизни Яна Махони, когда он — после посадки на Кавите — выйдет на переднюю платформу своего флагманского корабля и произнесет перед солдатами энергичную и возвышенную речь. Дескать, я открываю новый прекрасный мир или еще что-нибудь в этом роде. Специалисты по энергичным и возвышенным речам были включены в состав экипажа.

Да вот незадача — в час отлета Махони ни внутри флагманского корабля, ни рядом не оказалось. Он сидел, привязанный ремнями безопасности к креслу, в капсуле десантного космического корабля — рядом со старшим сержантом Первой гвардейской дивизии, славным ветераном, по слухам среди десантников получившим столько ранений, что на протяжении нескольких десятилетий все его члены и органы непрестанно заменялись новыми и в итоге он полностью обновил свое тело шестнадцать раз — неизменным оставался только мозг, который не менялся с тех пор, как лет сто или больше назад медики констатировали его клиническую смерть.

Махони успел забыть, какие неприятные перегрузки приходится испытывать, когда транспортный корабль, войдя в атмосферу, выстреливает капсулы с десантниками.

Незадолго до приземления они со старшим сержантом обменялись веселыми улыбками: дескать, нам, ветеранам, эти трудности до одного места! Ни тот ни другой не осознавали, до какой степени их улыбки напоминали предсмертную лицевую судорогу повешенного. Им некогда было разбираться в качестве своих улыбок, потому что в следующее мгновение капсула коснулась земли — как обычно, приземление было полумягким. Полумягким оно называлось потому, что при такой не полностью контролируемой посадке статистика допускала тяжелые последствия примерно в каждом десятом случае — вплоть до гибели десантников.

Мини-капсюли взорвались, и стенки капсулы разлетелись в разные стороны. Ремни автоматически отстегнулись. Махони схватил свой виллиган и выскочил на каменистую поверхность Кавите.

Потом разные источники утверждали, что, ступив на землю противника, Махони произнес благородную лаконичную фразу типа «Я все же вернулся» или «Сорок веков таращатся на нас». Все это пошлое вранье.

Его первыми словами был горестный вопль:

— О боже! Я совсем позабыл, какая вонючая здесь атмосфера — смердит, словно подмышка дешевой проститутки!

Но тут он ничком бросился на гравий, потому что в нескольких метрах от него жахнула ракета.

«Честь» высадиться на Кавите первыми Махони поручил Первой гвардейской дивизии. Несколько лет назад, в начале Таанской войны, эта дивизия была практически полностью истреблена во время защиты Кавите. По личному приказу вечного императора при отступлении позаботились о том, чтобы забрать с планеты горстку оставшихся в живых солдат и офицеров Первой гвардейской. Герои образовали ядро новосформированной дивизии, обучили новичков

и заработали честь вернуться обратно в ад с первой волной наступающих.

Махони полагал, что эти чудом выжившие заслуживают привилегии — возможности лично отомстить врагу. Тут он был, пожалуй, неисправимым идеалистом. «Стариков» в Первой дивизии осталось не больше дюжины — таанцы в свое время всерьез перемололи противника, а пополнение взамен погибших при штурме Нахи не успели как следует обучить.

Единственная «честь», о которой мечтали все потрепанные в боях десантники всех участвовавших в боях дивизий, так это вернуться на Прайм-Уорлд, пройтись парадным строем под одобрительные крики толпы и следующие пятьдесят лет провести в каком-нибудь спокойном гарнизоне у черта на рогах. После того как первый многотонный снаряд разрывался совсем рядышком от десантника или десантницы, даже самые ярые вояки внезапно для себя начинали мечтать о нудной-пренудной гарнизонной жизни на тихих задворках Вселенной.

Как бы то ни было, десантники Первой гвардейской, неся ежедневно огромные потери, с боями продвигались по Кавите в сторону столицы. Битва была как бы зеркальным отражением той, в которой они некогда потерпели поражение. Теперь наступали они — превосходя противника и в вооружении, и в живой силе, имея неограниченные возможности пополнять запасы боеприпасов и безраздельно владея воздушным пространством планеты.

Но защитники планеты отнюдь не собирались сдаваться. В таанском языке выражение «К'акомит'р» обозначает одновременно «Я сдаюсь» и «Я больше не существую».

Большинство таанских солдат и офицеров избирали именно это — биться до последнего, цепляться за каждую пядь земли, а потом — при полной безвыходности — кончать самоубийством, унося с собой по возможности и жизни врагов. Махони лично видел, как один таанский рядовой, окруженный имперскими десантниками, сорвал кольцо мощной гранаты и сунул ее себе под шлем. Десантники не успели вовремя отбежать и полегли рядом с врагом.

Через час после этого случая к Махони подбежал один из его адъютантов, только что прилетевший на том самом флагманском корабле, который ждал и не дождался маршала. Адъютант имел при себе секретный пакет от вечного императора. Внутри оказалось закодированное послание — вечный император использовал старый код, который Махони мог мгновенно расшифровать со слуха и под ураганным вражеским огнем.

Вечный император писал:

ХВАТИТ ИГРАТЬ В ИГРЫ, ВОЗВРАЩАЙСЯ К РАБОТЕ.

Махони горестно застонал, смял свой бронежилет, пояс с гранатами и запасными обоймами, швырнул все это ближайшему десантнику и направился обратно к картам, компьютерам и военным советам.

Леди Этего выполнила свою клятву.

Все боеспособные корабли таанцев были сгруппированы и брошены в битву за Пограничные миры. Она не задумываясь забирала резервы и снимала части из спокойных районов, оставляя их беззащитными.

Народ тряс плакатами, распевал патриотические песни, теленовости показывали, как все новые и новые грозные корабли уходят громить врага. Уверенность в разгроме ненавистной империи крепла с каждым днем.

Но этой уверенности не испытывал безымянный таанский офицер из службы снабжения, который сидел в тесной душной комнатке устарелого космического крейсера. Он в сердцах выключил внутреннее радиовещание, передававшее бравурные сообщения, и заработал с экраном компьютера.

Итогом работы были следующие выводы:

Команда: у"«>»<е"т«ваба ба 50%. 11% те«ретичес"и «бучебб«г« с«става. 4% и>еет б«ев«" «»ыт.

Материальное обеспечение: 71% »«требб«г« д<яус»ешб«г« вы»«<бебия задачи.

Вооружение: 11% де"ствующих «руди"; 34% ра"ет г«т«вы " б«ю.

Корабельные системы: 61% в ис»равб«>с«ст«ябии.

Посмотрев на последнюю строчку, он исправил цифру на 58, ибо где-то во чреве корабля уже произошла новая авария в связи с общим износом всех систем.

Предполагалось, что взлеты всех военных кораблей, направляющихся в Пограничные миры, транслируются по телевидению живьем. На самом же деле Этего была слишком умна, чтобы позволить прямую трансляцию.

Вполне возможны несчастные случаи при взлете. А даже незначительные инциденты и небольшие сбои отрицательно действуют на моральный дух. Поэтому в новостях преимущественно показывали записанный на пленку взлет тех самых трех исполинских новых боевых кораблей, которые так поразили воображение Стэна во время парада. Правда, комментаторы провожали их в небо под все новыми названиями.

Что касается действительности, то лишь два из суперкораблей предназначались для боев в Пограничных мирах. С третьим, который был призван заменить устаревший и покореженный в боях «Форез», бывший под командованием Этего, связывали иные планы.

Но ни один из двух суперкораблей до Пограничных миров не добрался.

Первый, «Панипат», при повторном взлете поднялся на двадцать метров и вдруг пошел резко вниз — отказали два драйва Юкавы. Только искусство пилотов спасло корабль от непоправимых разрушений. При тщательном осмотре выяснилось, что не просто два драйва Юкавы вышли из строя — все эти драйвы в будущем грозили выйти из строя. Заодно выяснилось, что основной двигатель, работающий на АМ-2, способен давать лишь 50% проектной мощности.

Никаких объяснений этому не нашли — кроме того, что строили в лихорадочной спешке, заменяя многие стратегически важные материалы тем, что было проще достать. В результате технических и технологических компромиссов корабль нужно было ставить на доработку.

У второго суперкорабля, «Горги», никаких проблем со взлетом не возникло. Выйдя за пределы хизской атмосферы в сопровождении четырех кораблей эскорта, командир приказал включить основной двигатель.

Произошла какая-то странная ошибка.

«Горга» врезался в один из кораблей эскорта. На бесконечных просторах космоса случайные столкновения — дело небывалое.

Однако немыслимое — произошло.

Оба корабля взорвались, экипажи погибли полностью.

Прежде чем выйти на оперативный простор в Пограничных мирах, таанский флот перегруппировался, чтобы вести нападение тремя последовательными волнами. В прежние времена — до того, как разгорелась война с империей,— подобная перестройка стала бы огромным событием. Ее провели бы с помпой, четко и эффектно, чтобы командующий мог наблюдать, как синхронно двигаются корабли, образуя новые фигуры, и так далее. Не обошлось бы без взысканий провинившимся командирам — не так и не там вставшим в строй, не вовремя повернувшим. И обязательно раздались бы басистые разносы: вы роняете честь нашего флота и так далее и тому подобное.

Однако строгих довоенных адмиралов, не говоря уже о командирах отдельных кораблей, не было в живых — их останки или носились по космосу рядом с остатками взорванных таанских кораблей, или были рассеяны в виде атомов по всей Галактике. И никаких красот при перестроении флота уже никто не требовал — лишь бы не потерялись или не развалились в пути.

Война и впрямь является искусством действовать с тем, что есть в наличии.

Ну и разумеется, судьба была на стороне таанского оружия. А судьба, как известно, на той же стороне, что и Бог.

И вдохновленные подобными мыслями командиры таанских боевых кораблей атаковали превосходящие силы противника.

Впрочем, вторая волна атакующих таанских кораблей так и не достигла Пограничных миров.

Адмирал Масон, командовавший шестью эскадрильями истребителей-перехватчиков, стоял на мостике своего новенького крейсера и ждал. Подстерегая врага, его корабли стояли в засаде — в пределах визуальной видимости друг от друга, чтобы не раскрывать себя радиообщением, все сигналы передавались вспышками прожекторов. Как только поступило сообщение о приближении противника, эскадрильи Масона немедленно сорвались с места. Нанеся первый совместный удар, они стали действовать раздельно. Командиры кораблей, служившие под началом Масона, были предельно вышколены и повиновались приказам, как автоматы. Однако они гордились тем, что Масон хоть и жуткий сукин сын, но никогда не вмешивается во время уже завязавшегося индивидуального боя.

Таанский флагманский корабль, возглавлявший вторую волну атакующего флота, был разнесен на мелкие кусочки тремя ракетами, почти одновременно выпущенными с трех имперских истребителей. Флотилия противника была лишена командного центра.

Масон, скрипя зубами, доложил о первом решающем успехе своему командованию — и были тут же присланы еще девять бригад для полного истребления противника.

Один таанский космический крейсер, одиннадцать истребителей и огромное множество вспомогательных мелких кораблей прорвались через окружение имперских кораблей и устремились обратно к Хизу.

Адмирал Масон не мог не признать, что его соединение поработало на славу.

А на огромном удалении от этого места событий не менее успешно действовал адмирал Феррари.

Вовремя оповещенный о выдвижении таанского флота, он мог заранее основательно подготовиться. Адмирал не раз проигрывал на экране компьютера ход предстоящей атаки. Разведка поработала настолько хорошо, что он знал не только все о идущих ему навстречу вражеских кораблях, но даже имел досье на командующего ими адмирала. Это был некий сукин сын по имени Хси, который, как выяснялось из его биографии, всю войну пилотировал один из депар-

таментов военного министерства. И что же он такое натворил, что его пихнули в действующую армию?.. Феррари дальше внимательнейшим образом изучал его досье, не подозревая, что оно базируется на информации, собранной Стэном и Сент-Клер.

— Так, этот джентльмен,— думал Феррари вслух,— когда-то давно имел опыт военных действий и четыре раза успешно уходил от соприкосновения с имперским флотом. В этом и состоят его подвиги. Очевидно, у него высокопоставленные друзья, раз он выметнулся наверх, ничего собой не представляя. А за что же его отослали на время в министерское кресло? Ага, на втором этапе одного боя в космосе утратил контроль за подразделениями своих кораблей. Большие потери. Отставлен. Так-так, мерси за подробные сведения.

Феррари усмехнулся самому себе. Стало быть, адмиралу не удается второй этап боя. Запомним.

Феррари отменил предыдущий план боя. Теперь он знал, когда и как наилучшим образом атаковать адмирала Хси.

Адмирал Хси планировал использовать «гроздь» звездных систем Сулу как защитный экран для того, чтобы скрытно приблизиться к системе Калтор и самой Кавите. В этом случае никакие самые изощренные имперские системы слежения не зафиксируют его приближение — до самого начала решительной атаки.

Хси не принял во внимание, что и обратное утверждение верно: системы Сулу были непроницаемы для таанских детекторов и на экранах казались сплошным слоем астероидов.

Таанские детекторы не смогли вовремя зафиксировать находящийся в засаде флот Феррари — до самых последних секунд перед нападением. Феррари, впрочем, стремился к невозможному и был раздосадован, что его заметили прежде времени. Он хотел, чтобы первый удар был абсолютной неожиданностью.

Но и так все складывалось в его пользу, и Феррари отдал приказ атаковать.

Если смотреть на битву «сверху», видя ее как бы в двухмерном пространстве, флот Феррари ударил сбоку и рассек строй таанских кораблей, имеющий форму стрелы. Это называлось на военном жаргоне «поставить черточку на t». Все имперские корабли могли вести огонь во все стороны, а таанцам приходилось остерегаться, чтобы не попасть в своих, если снаряды и ракеты пройдут мимо вражеских кораблей.

Флот Феррари открыл бешеный огонь.

Хси приказал не ввязываться в индивидуальный бой, а отходить и перегруппировываться, чтобы образовать более эффективную фигуру.

Феррари велел своим кораблям не отставать от противника, и вскоре бой превратился в хаотичный. Подтвердилось, что второй этап боя — перегруппировка — так и остался слабым местом адмирала Хси.

Феррари одержал победу играючи. И опять лишь горстка таанских кораблей спаслась бегством.

Однако Феррари допустил одну ошибку. Решив преследовать адмирала Хси, он пренебрег своей обязанностью уведомить об этом маршала Махони, который пытался координировать все происходящее, находясь на Кавите. Своим уходом адмирал Феррари оставил зияющую дыру в обороне периметра Пограничных миров. И Махони об этом не знал. А через три земных дня сквозь эту прореху беспрепятственно прошла третья волна таанских боевых кораблей.

Между ними и Кавите не оказалось ни одного корабля имперского космофлота.

Кто-то сказал, что героев можно назвать людьми, которые, будучи в здравом уме, предприняли безумный поступок.

Уильям Бишоп Сорок Третий мог бы сказать об операции, за которую он получил Галактический Крест и свою вторую звезду, весьма нелицеприятные слова: в такое, мол, ввяжется только законченный псих, который, по болезни, себя таковым не считает.

До сих пор война щадила Бишопа.

Начинал он как гвардеец, пехотный сержант, который получал свою порцию славы и похвал от начальства за то, что появлялся в нужном месте в нужный момент. Наконец он сообразил, что, часто посещая места, где люди интенсивно стреляют в него, он рискует быть убитым. Тогда он попросился в летную школу.

Он мечтал стать пилотом, получить под свое командование какой-нибудь большой, нелепого вида космический транспорт, слегка помотаться по безопасным районам Галактики, а потом благополучно уйти в отставку и заняться любимой математикой. Если Бишоп и хотел получить еще одну медаль, так это за выслугу лет, а не за участие в какой-нибудь жутко опасной операции.

Однако в летной школе в нем открыли талант прирожденного пилота. Поскольку он такого таланта в себе не подозревал, то и не сообразил его скрыть. Впрочем, закончив подготовку в классе Стэна, Бишоп получил вожделенное назначение на безопасную работу.

Увы, ненадолго.

Очевидно, недалекие начальственные умы полагают, что человек с таким количеством боевых наград, выглядящий на фотографии в личном деле таким бравым молодцем, просто спит и видит, как бы ему снова рвануть в самое пекло. А может, кто-то, знающий историю, вообразил его славным продолжателем великих дел Уильяма Бишопа Первого.

Как бы там ни было, Бишопа нынешнего не просто перевели со звездного тихохода, перевозившего провиант и амуницию, на боевой десантно-транспортный корабль, но и стали стремительно повышать по службе.

Не успел он опомниться, как стал уже однозвездочным адмиралом и получил под свое командование два дивизиона десантных кораблей. Хуже того, его назначили ответственным за высадку на Кавите.

Во время такой операции ничего не стоит лишиться живота, мрачно отметил Уильям Бишоп Сорок Третий.

Впрочем, до сих пор высадка шла как по маслу. В понимании Бишопа «по маслу» обозначало, что лично он не получил ни единой царапины. Провидение отвело от его корабля таанские ракеты класса «воздух — космос», таанские истребители сыпались на землю, как окуренные пчелы с дерева, и даже атаки таанских камикадзе закончились ничем.

Бишопу подумалось, что так воевать — можно. Если Бог не выдаст и дальше, то останется выжить лишь во время последнего этапа войны — высадки на Хиз.

Как бы там ни было, ему удалось успешно высадить своих десантников на Кавите, поддерживающие транспортные корабли тоже были в порядке, а немногочисленные перехватчики отлично справлялись с разгоном таанских бомбардировщиков.

И тут взревели сирены тревоги.

Бишоп сломя голову бросился на капитанский мостик своего корабля, где ему доложили о приближении огромного числа таанских военных кораблей. Третья атакующая волна вражеского космофлота вот-вот выйдет на расстояние ближнего боя.

Бишоп понял, что его сладкие мечтания были мечтами идиота. Тем не менее он не растерялся и отдал предельно четкие приказы:

— Соедините меня с командиром кораблей сопровождения. Командор, вы меня слышите?

— Так точно. Адмирал, на нас идет...

— Не слепой. На нас прет чуть ли не весь таанский флот. Слушайте приказ. Уходите с околопланетной орбиты навстречу противнику. Немедленно.

— Навстречу?

Бишоп разъяренно рявкнул:

— Вы что — в штаны наложили?

— У противника семь сверхтяжелых кораблей, больше десятка истребителей, двадцать восемь крейсеров... и еще... все перечислять, сэр?

— Нет. Выполняйте.— Затем он повернулся к своему штурману: — Уходим с орбиты. Включайте двигатели. Через десять секунд полное ускорение.

Штурман побледнел, но отчеканил:

— Еще распоряжения?

— А вам мало? Исполняйте!

Отдав нужные приказы, штурман повернулся к нему и позволил себе фамильярность, момент допускал:

— Билли, если знаете хорошую молитву — молитесь за нас.

Бишоп мотнул головой.

И импровизированная контратака началась.

Один бронированный десантно-транспортный корабль. Один крейсер. Двенадцать истребителей. Одиннадцать легких кораблей прикрытия. И семнадцать перехватчиков.

Против четырех объединенных флотилий таанского космофлота.

Ну разве не полное безумие?

Это и выглядело как безумие.

Поэтому таанский командующий кораблями третьего эшелона пришел в ужас, когда увидел, что ему навстречу прет горсточка имперских кораблей, как бы готовых на таран. Ему это показалось чудовищной ловушкой.

Ни один нормальный полководец не станет атаковать такими силами такого противника. Стало быть, это обреченные на гибель корабли, за которыми нагрянет весь имперский флот, как только таанские флотилии ввяжутся в малый бой и сломают свой строй.

Таанский адмирал не мог не восхититься дерзостью атакующих. По мужеству они стоят вровень с таанцами. Какое сердце нужно иметь, чтобы пойти на верную гибель, на считаные секунды или минуты задержать таанские корабли, чтобы дать возможность еще не видимому имперскому флоту зайти с удобной стороны и ударить всей мощью!

Адмирал передал цепочку приказов своим кораблям: «В контакт с противником не входить, перегруппироваться. Развернуться и идти обратно к системам Сулу».

Пусть, мол, имперский флот ударит в пустоту, а мы тем временем отойдем, чтобы предпринять позже фланговую атаку.

И четыре таанские флотилии послушно двинулись прочь. Логика их командующего казалась железной.

Но ошибочность своей логики таанский адмирал осознать не успел. На обратном пути к системам Сулу его корабли пересекли маршрут флота под командованием Феррари, который возвращался после разгрома Хси.

Пришлось принимать бой. Ни один из таанских кораблей не уцелел.

Бишоп смотрел на удаляющиеся таанские флотилии вытаращенными глазами. Еще несколько секунд, и огромный экран перед ним был пуст. Обычная картина звездной бездны — и ни одного вражеского корабля.

Может, они где-то сзади? Но и сзади было так же пусто.

Уильям Бишоп Сорок Третий, все еще не веря, что его безумный блеф удался, что верная смерть вдруг повернулась и драпанула прочь, вялым голосом отдал приказ возвращаться на стационарные орбиты вокруг Кавите. Он всерьез подумывал о преимуществах раннего выхода в отставку и уединения в каком-нибудь тихом монастыре.

Леди Этего, сгибаясь под ужасом происходящего, читала на экране страшные строки присланного открытым текстом рапорта из штаба на Кавите:

> Имперские соединения прорвались на всех участках. Связь с боевыми единицами утрачена. Согласно последним донесениям, солдаты повсюду стоят до последней капли крови. Здесь, при мне в штабе, осталось только три охранника, боеприпасов нет. Идем в последнюю атаку. Свою вину за неудачу перед Верховным советом и народом искуплю кровью.
>
> Ланга

Леди Этего отвернулась от экрана. Что ж, она тоже человек чести. И знает, что делать в подобной ситуации.

Глава 53

Без каких бы то ни было церемоний новый «Форез» покинул планету.

Но даже если бы леди Этего осталась во всей Вселенной последней из таанцев, она бы не смогла полностью отказаться от пристрастия к церемониям, которая у таанцев впитана с молоком матери.

Существовал ритуал ухода в бой, где воин решал погибнуть, но не отступить — следовало виском коснуться родимой земли. И выпить глоток ключевой воды. И обязательно поклясться на оружии — желательно на оружии фамильном, с которым бились предки. Отдание почестей павшему герою также было связано с определенным неизменным ритуалом.

Леди Этего решила умереть по-своему.

Позже телерепортеры смонтируют какой-нибудь эффектный материал о ее геройской гибели — слепят из всяких архивных кадров. Или, может, самые предусмотрительные уже монтируют.

Ей было наплевать.

После того как «Форез» вышел из верхних слоев атмосферы, его капитан повернулся к ней — в его глазах поблескивали слезы. Он сказал, что ощущает себя как в сказке. «Форез», подобно Фениксу, возродился!

Этего тупо уставилась на него. Да, наконец вспомнилось: ведь был прежний «Форез». И этот капитан как-то очень напоминает капитана того корабля. Быть может, он и есть тот самый офицер. Прежний капитан был так покалечен, что ему заменили процентов девяносто тела. И если это был он, то теперь его и не узнать. А впрочем, плевать. Корабль, как любое оружие, лишь инструмент, которым можно убивать врагов.

Тем не менее леди Этего поощрила капитана холодной улыбкой и кивком. Если капитану по душе кануть в вечность с подобными возвышенными мыслями — да будет так.

Этего же была занята своими последними планами — тем, как ей героически погибнуть.

Всякая человеческая культура, которая восхищается убийством себе подобных, обязательно прославляет воинов, идущих на верную гибель. Но легендарные герои должны при этом погибнуть как бы не напрасно, а совершить что-то великое — скажем, задержать врага в каком-нибудь ущелье хотя бы на час-другой.

Это понимание геройской смерти было характерно и в древние времена — для жителей Земли. К примеру, Роланд вышел в герои, невзирая на свой вздорный характер и мелкое упрямство, которое его и погубило. В итоге он самым дурацким образом попал в западню, где его поджидал десяток сарацин, но, поскольку он сражался до конца в безнадежной ситуации, легенда превратила этот десяток сарацин в миллион. И многие герои легенд и сказок, влипая в безнадежное положение по своей глупости или безалаберности, покрывали себя вековечной славой только потому, что не сдались.

Однако было исключение — японские камикадзе во время Второй мировой войны. Эти люди шли на смерть сознательно, без глупой удали, в полном убеждении, что их смерть способна повернуть ход истории. Представители других культур твердили, что камикадзе — это оглушившие себя алкоголем или наркотиками психи. И лишь у себя на родине они были восславлены как великие герои.

Тааанцы больше других могли понять психологию японских камикадзе — если бы кто-нибудь помнил историю столь давних времен.

Тактический план леди Этего заключался в следующем: прорваться на Кавите. Как-то в ее воображении отпадали все трудности и рисовалось, что «Форез» пройдет сквозь имперский флот, будто нож сквозь масло, и доберется до Кавите. Ну а там, разумеется, смерть.

Смерть, которая каким-то образом повернет вспять неумолимый ход истории.

Команда корабля верила именно в такой упоительный финал. Фанатизм леди Этего был заразителен.

Самое главное для Этего было сохранить честь и как-то объяснить поражение. Что-то она сделала не так — но что? Война, по ее расчетам, уже должна была закончиться — победой таанского оружия. И вообразить другой исход было невозможно.

«Невозможно» было составной частью и ее последнего плана. С так и не вышедшего в космическое пространство «Панипата» сняли и перенесли на «Форез» все вооружение. Туда же перевели и цвет экипажа.

Но даже с такой прибавкой личный состав «Фореза» был недоукомплектован на двадцать процентов. Зато орудийная и ракетная мощь превышала проектную в полтора раза. Хотя тут тоже имелось «но»: все новейшие системы оружия были мало опробованы — сразу по выходе в космос произвели в лучшем случае один-два пробных выстрела из каждого.

Обычно такие сверхтяжелые корабли с пятью-шестью тысячами человек на борту выходили в район военных действий исключительно в сопровождении множества других кораблей — крейсеров, истребителей, не говоря уже об ордах легких кораблей — вспомогательных и разведывательных.

«Форез» шел в атаку в сопровождении одного крейсера и семнадцати истребителей.

Лейтенант Гилмер считал себя человеком очень умным. Он происходил из семьи, на протяжении многих поколений служившей в имперских вооруженных силах. Считалось, что каждый Гилмер обязан начинать свою карьеру в армии, независимо от его дальнейших планов. Лейтенант Гилмер с раннего детства знал, что ему предстоит стать офицером и командовать далекими экспедициями в чужие миры, где придется задавать перцу разных плохим дядям. Выбора не было: или становиться офицером и играть со смертью с возможностью выиграть, или лишиться огромного наследства, что было равносильно смерти.

Гилмер надеялся, что чертова война с проклятыми таанцами закончится раньше, чем он пройдет обучение и сможет стать пушечным мясом. Не повезло.

И Гилмеру пришлось идти в действующую армию.

Но у него созрел план, как и родителей ублажить, и свою юную розовенькую плоть не подставлять под пули и разрывы бомб и ракет. Он добровольно записался на патрульный корабль.

Его сокурсники по академии сразу прониклись безмерным уважением к нему — они не ожидали, что трусоватый маменькин сынок Гилмер самолично попросится в самое пекло. Даже самые храбрые не рвались на патрульные корабли, задача которых была находить-

ся чуть в стороне от основного флота, дожидаться подхода основных сил врага — и становиться первой мишенью.

Люди на патрульных кораблях считались еще ближе к смерти, чем экипажи легких тактических кораблей. Шансы выжить на кораблях-приманках, согласно всеобщему убеждению, были ничтожны.

Гилмер и внезапное уважение приятелей переносил так же плохо, как прежде — их вежливое презрение. Он держался особняком и помалкивал.

В свою бытность первокурсником академии, скучая во время наряда, он провел на компьютере любопытное исследование, прикидывая, на какой корабль пойти служить в будущем. И сделал внезапное открытие: патрульные корабли оказались самыми безопасными. Облегченного типа, быстроходные и более верткие, чем даже истребители, не говоря уже о тяжелых и сверхтяжелых кораблях, патрульные аппараты отличались от такшипов тем, что лишь маневрировали, вызывали огонь на себя, выясняли силу противника и ускользали, увлекая врага в нужное место. А такшипы, помимо этого, вели обстрел, вступали в ближний бой. По статистике — за огромное число лет, по нисходящей до Муэллеровских войн,— выходило, что гибло лишь два процента патрульных кораблей. То есть даже меньше, чем военных грузовых кораблей. И большинство фатальных исходов, согласно подсчетам, произошло по вине бездарного пилотажа.

А пилотом Гилмер был как раз первоклассным. На этом сходились все преподаватели.

Таким вот образом он нашел себе спокойное местечко на передовой.

Правда, на его патрульном корабле царила препаршивая атмосфера. Двенадцать членов экипажа на дух его не переносили, хотя ни один из них не мог бы внятно объяснить почему. Капитан командовал в меру строго. Поощрения и наказания давались без колебаний, вроде как справедливо, в согласии с уставом. И все-таки что-то было не так.

Гилмер был весьма недоволен, когда его корабль включили во флотилию, которую посылали завоевывать Пограничные миры. Но до сих пор он умел избегать опасности. Ему посчастливилось засечь несколько таанских одиночных боевых кораблей, совершавших рейды в глубины имперской территории. Выслеживали их и уничтожали корабли побольше, но награды перепадали Гилмеру. И с этими наградами ему, конечно же, будет проще начать штатскую карьеру — он мечтал стать кинопродюсером.

А штатская жизнь казалась не за горами — было ясно, что империя очень скоро победит. Еще несколько недель, и все будет кончено. Самое время найти на корабле большие поломки, которые тре-

буют многонедельного ремонта, и тем самым избежать участия в последней битве за Хиз.

Поэтому Гилмер, большая умница, был страшно огорчен, когда на экране перед ним вспыхнуло световое пятнышко. Оно было прямо по курсу и стремительно приближалось. Лейтенант увеличил изображение, и вдруг на экране возник исполинский «Форез». Экран-дублер подтверждал, что это не оптическая иллюзия. И не далее как через одну световую минуту орбиты двух кораблей пересекутся!

Его помощник уже сигнализировал о встрече идущей далеко позади имперской флотилии. Гилмер включил двигатель на полную скорость и ввел в компьютер задание начать хаотические маневры, уходя от обстрела. Он выполнил все возможное и замер без дела. Но так не сиделось. Тогда лейтенант приказал привести в готовность артиллерийскую систему и наобум запустить пару ракет — в черный космос как в копеечку.

На любом патрульном корабле имелись четыре ракеты, хотя никто не воспринимал их как серьезное оружие. Это были метровые штукенции с примитивным электронным мозгом. В теории они должны были защитить беззащитный патрульный корабль от вражеского патрульного или легкого тактического корабля. Но настоящим оружием патрульного аппарата были только его скорость и юркость. Ракеты стояли лишь для того, чтобы экипажу, если уж не удалось удрать, было не так обидно умирать — что-то вроде швыряния ботинок во врага, идущего на тебя с пистолетом.

Гилмер нервно кусал костяшки пальцев в ожидании свершения идиотской традиции их семейства: почетной смерти в бою. Но ничего не произошло. Ни один из таанских кораблей и носом не повел в сторону патрульной посудины, не говоря уже об обстреле или о настоящем преследовании.

Гилмер ликовал: что ни говори, он не только космический ас, но и великий тактик! Мгновение-другое лейтенант даже поиграл с мыслью: а не остаться ли ему в космофлоте по завершении войны? Нет, не надо быть таким тщеславным, успокоил он себя. Достаточно будет одного большого-пребольшого ордена, который он получит за эту операцию. Большего ему от армии не нужно.

И что вы думаете? Разумеется, он получил орден. Большой-пребольшой.

Леди Этего пощадила патрульный корабль по одной причине: она *хотела,* чтобы имперский флот знал о ее приближении. Чтобы они все ополчились на нее, чтобы битва была действительно достойной героя. Конечно, патрульная финтифлюшка предупредит основ-

ные имперские силы чуть раньше, чем планировала леди Этего, но тут ничего не попишешь: реальность всегда вносит коррективы в планы сражений.

Она так и не поняла, что ракета с патрульного корабля попала в борт «Фореза».

Младший офицер службы контроля за повреждениями доложил, что некий неизвестный предмет прошил внешнюю обшивку корабля неподалеку от кормы и нанес самые незначительные повреждения. Отсек блокирован, системы пожаротушения сработали. Пострадавших нет. На всякий случай из кормового цейхгауза временно эвакуирован весь персонал.

Офицер ума не мог приложить, что это было. Мелкий метеорит?

Махони мерил шагами свой командный центр.

Он был в ярости.

«Не было печали! Какой-то таанский придурок в сверхтяжелом корабле новой конструкции решил понаделать дел, прежде чем его разнесут на куски. Ге-е-рой! И никто не подсказал этому психу, что нынче войны так не ведутся. Героев нынче подпускают поближе, а потом прямой наводкой развеивают в межзвездную пыль. Прошли времена, когда на пулеметы ходили с голой грудью. Жаль, что рядом с горе-героем погибает уйма людей, которые в герои отнюдь не рвутся. Так что этот героизм не стоит и выеденного яйца»,— думал он, отдавая приказ всю мощь флота сосредоточить на приближающемся одиночке (несколько истребителей просто не в счет).

Но если бы он внимательнее проследил источник своей ярости, он бы понял, что в глубине души ему больше импонирует героическая дуэль, чем нынешние иезуитские методы войны, и злится он именно на беспомощность героев в теперешнюю эпоху.

Оператор ахнул и выкрикнул:

— Посмотрите на мой экран, сэр!

Махони сердито повернулся к нему.

— Какого дьявола! Тебя не учили докладывать по фор...

Но тут он осекся, потому что увидел то, что видел оператор на своем экране.

Это была леди Этего.

— Что за чудеса?

— Передается по всем каналам с идущего в нашу сторону таанского линкора. Стоп-кадр. Ни звука, ни движения.

— Свят-свят-свят! — громыхнул Махони.— Ну-ка немедленно свяжите меня по горячей линии с Прайм-Уорлдом. Кодовое слово «рентген».

Это кодовое слово обеспечивало возможность незамедлительно напрямую связаться с вечным императором.

Не только волчата попали в тщательно подготовленную ловушку в Пограничных мирах, но вот теперь и матушка-волчица, дерзкая зверюга, идет прямиком в западню.

Две флотилии легких тактических кораблей провели первую атаку. Атаковали под таким углом, чтобы подольше быть вне зоны поражения корабельной артиллерии «Фореза». Приказ был прост — уничтожить сверхтяжелый корабль противника.

Однако расчет оказался неверен: изощренная система наведения орудий «Фореза» работала так, что брала и вела цель, невзирая на то, под каким углом та приближалась.

Удар был сокрушительным. Уцелело лишь пять из двадцати пяти имперских такшипов.

Первая неудача была только первым маленьким неприятным сюрпризом. Затем выяснилось, что таанцы впервые построили тяжелый корабль, оборудованный внутренними ангарами для тактических кораблей.

Из открывшегося в брюхе «Фореза» люка вылетели шестнадцать суденышек. Но за время войны было перебито такое количество классных пилотов, что пилотировали эти юркие боевые машины — в сущности, полуавтоматические ракеты — зеленые юнцы, налетавшие в космосе от силы восемь тысяч часов. До войны таких считали бы любителями, которым самое время приступить к настоящей подготовке.

Таанские пилоты легких космических машин игнорировали искусство постоянного маневрирования и обманных движений — впрочем, при всем желании они бы не могли сравниться в этом с многоопытными имперскими асами, у которых были железные нервы и сотни тысяч налетанных часов.

Буквально через минуту все шестнадцать кораблей прекратили свое существование. Из их ракет в цель попала только одна, да и то — в свой собственный истребитель. Заодно действия этих аппаратиков нарушили боевой порядок таанских кораблей сопровождения.

Стоявшая на капитанском мостике Этего сохраняла непроницаемый вид. От тактических кораблей она и не ожидала многого, но погибнуть так бесславно... Впрочем, факт есть факт. И она отдала следующий приказ.

Начальник корабельной артиллерии уже принял решение, какой системой вооружения воспользоваться на ближайшем этапе боя. Он приказал подготовить к запуску «Нахкел» — самонаводящиеся массивные ракеты класса «корабль — корабль» среднего радиуса действия.

Но и тут все было не так, как надо. Таанские ракетчики, за выбытием старых и опытных, обучались все больше на тренажерах. И соответственно, в реальном бою робели, путались и допускали ошибки. Одни операторы дали координаты цели с ничтожным отклонением, наводчики это отклонение своей неумелостью увеличили, а компьютерщики, которые отлаживали электронику самих ракет, допустили ошибки в программировании. К тому же при самом запуске то и дело заклинивало систему подачи ракет со склада. Ракетные двигатели тоже подвели — строгая бортовая статистика показала, что лишь семьдесят один процент сработал.

Ракеты уходили в сторону противника дюжинами, не причиняя существенного вреда. Кончилось тем, что, по недомыслию одного новичка, замкнуло цепи памяти главного компьютера, и запуск ракет прекратился. А вот имперские тактические корабли запускали свои ракеты типа «Кали» предельно точно. Одна из ракет взорвала на «Форезе» уже пустой корабельный ангар. За несколько минут бригады пожарников сумели потушить пожар.

Однако первая имперская флотилия была потрепана во время боя — лишь пять кораблей остались не задеты и отступили. Таанцы все свое внимание перенесли на вторую имперскую флотилию, у которой был приказ уничтожить корабли сопровождения «Фореза».

Им это практически полностью удалось.

Таанские истребители маневрировали независимо друг от друга. После того, как огонь ракетами типа «Нахкел» оказался не слишком эффективным, на «Форезе» было решено предоставить истребителям защищаться самостоятельно. Девять истребителей были уничтожены, прежде чем линкор спохватился и начал поддерживать их своим огнем.

Двадцать радиоуправляемых ракет дальнего радиуса действия были выпущены с «Фореза» и занялись поиском целей. Однако тяжелые корабли имперской флотилии, четко подчиняясь общему командованию, выплюнули из своих недр антиракеты класса «Фокс». Эти антиракеты создали сперва помехи в управлении таанскими снарядами, а затем и детонировали их с большого расстояния.

Имперские такшипы получили возможность начать новую атаку. И четыре из них занялись вражеским крейсером.

Своими выстрелами они раскололи крейсер надвое. Половинки завращались раздельно, но продолжали двигаться по инерции вперед. Через три земных года их случайно встретят далеко-далеко отсюда патрульные корабли. Разумеется, к этому времени весь таанский экипаж, переживший бой, уже погиб. В половинках крейсера, потерявшего возможность послать сигнал SOS, сохранился воздух, какие-то запасы еды и воды, но не на три года неуправляемого путешествия по Галактике.

Имперские такшипы нанесли еще один удар и повернули обратно. Они сделали достаточно много. За ними шли тяжелые корабли, которые докончат дело.

Этего приказала выпустить первые ракеты по тяжелым имперским кораблям с большого расстояния.

Двенадцать самонаводящихся исполинских ракет вышли из своих портов и включили двигатели, работавшие на АМ-2. Каждая ракета имела по нескольку ядерных боеголовок с зарядом, который мог уничтожить город размером со столицу Хиза. Ракеты — настолько нового типа, что еще не получили кодового названия,— действовали отменно. Они проигнорировали все заградительные антиракеты, их сенсоры не были сбиты с толку истребителями, которые маневрировали перед тяжелыми кораблями, экранируя собой пеленгаторы противника. Правда, система разделения боеголовок в последний момент не сработала.

Однако разрушения были значительными.

Два имперских линкора были уничтожены — развеяны в пыль. Еще один получил такие повреждения, что позже пошел на переплавку.

Один крейсер был также уничтожен. Другой сильно поврежден. Еще четыре крейсера повреждены настолько, что вышли из боя.

Махони был прав, высоко оценивая убойную силу нового таанского суперкорабля.

Вслед за этим имперские корабли запустили в сторону «Фореза» тридцать ракет типа «Кали», которыми управляли вручную многоопытные операторы. Атака оказалась неудачной и захлебнулась из-за собственной чрезмерной силы. Ракеты «Кали» мешали друг другу, операторы быстро потеряли контроль над их движением — в итоге многие цели не достигли, а столкнулись друг с другом и взорвались. Но все эти взрывы происходили в непосредственной близости от «Фореза», а потому кое-какой вред все-таки нанесли.

Последний из таанских истребителей погиб в этом хаосе взрывов. Да и сам «Форез» получил две пробоины. Однако линкор продолжал неостановимо двигаться вперед — на полной скорости и стреляя из всех своих орудий.

Историки любят нудно спорить о том, кто конкретно убил того или иного великого полководца. Когда-то всем плешь проели, кто из пилотов бросил ту бомбу, что убила японского адмирала Исороку Ямамото,— Ланфиер или Барбер?

Вот и после гибели леди Этего и «Фореза» не прекращались споры — чей удар оказался роковым.

Было два претендента.

Офицер имперского истребителя по фамилии Бриенниус. Она запустила ракету типа «Кали» и поставила ее в выжидательную позицию точно по курсу вражеского линкора. В нужную секунду она активизировала ракету, и та взорвала свой термоядерный заряд у самого сердца «Фореза», нанеся непоправимый ущерб.

На самом же деле пожарные и ремонтные службы за несколько минут справились с нанесенным ущербом.

Вторым претендентом был капитан такшипа по фамилии Алексис. Он решил, что, пока большие корабли ведут бой, его космический комарик может пребольно ужалить. И выпустил сперва ракету ближнего боя, чтобы она экранировала идущую за ней более крупную. Это удалось — «Гоблин» попал в носовую часть флагманского корабля таанцев.

Однако действия не этих героев стали причиной гибели «Фореза».

Историки так и не узнали, что леди Этего и «Форез» погибли из-за трусливого лейтенанта Гилмера.

Та метровая ракета, что разорвалась, так и не пробив броню «Фореза» до конца, сыграла роковую роль.

Когда локальный пожар, казалось, был потушен, системы пожарной тревоги не зафиксировали тления среднего слоя обшивки в районе цейхгауза. Медленный пожар, не замечаемый датчиками, потек по среднему слою обшивки в сторону носовой части. И при ударах ракет «Кали» и «Гоблин XII» через трещины проник сразу в десяток отсеков.

В конце концов огонь восторжествовал и покатился по кораблю, прожигая перегородки. На капитанском мостике уже не успевали реагировать.

Очень скоро огонь добрался до запасов АМ-2.

Через несколько миллисекунд «Форез» из материи превратился в энергию.

Леди Этего могла бы гордиться своей смертью.

Хоть она и не проникла в самое сердце вражеского лагеря, она командовала своим кораблем до конца, и все подчинялись ей до последнего момента. И погибла прямо на капитанском мостике. Практически мгновенно.

Вместе с пятью тысячами солдат, находившимися на борту «Фореза».

Что ж, на войне случается умирать и более страшными способами. Леди Этего была ответственна за то, что миллионы людей опробовали все эти способы.

Леди Этего умерла, не запятнав своей чести. И за эту гордую смерть огромное число людей заплатили своей жизнью. Ее символический героический акт привел к тому, что мгновенно Таанская империя разлезлась по всем швам — властная иерархия распалась. Оставшиеся руководители делили власть, препирались друг с другом, пустили события на самотек, а толпы высыпали на улицу, ища виновных в происшедшей трагедии. Разъяренный народ объявил охоту на всех в военной форме — от офицеров до унтеров, ибо кто же, как не они, предал родину. Недавний заговор военных был у всех в памяти.

Бывших в увольнении военных с боевых кораблей отлавливали на улицах и забивали до смерти. Многотысячные толпы собирались у казарм и баз, выкрикивая протесты, рыдая, вырывая себе волосы на голове и бросаясь на колючую проволоку под током. Во многих местах ограждения были прорваны и пробиты — защищаясь, солдаты стреляли в толпу. Сотни бунтовщиков погибли, но остальные не унимались. Солдаты все больше склонялись брататься с населением. Многие переодевались в штатское при первой возможности и присоединялись к толпам, штурмующим правительственные учреждения, вылавливали и убивали своих офицеров. Полицейские участки горели, разбегающихся полицейских догоняли и забивали насмерть. Персонал узлов связи, который не подчинялся приказу покинуть рабочие места, забивали камнями. И уже совсем непонятно почему из поездов вытаскивали машинистов и вешали на столбах, обливая мертвые тела керосином и поджигая.

Большинство членов Верховного совета попрятались у себя по домам, не пытаясь подавлять бунт, ибо опереться им было не на кого. Взбунтовавшийся люд убивал сперва их телохранителей, потом слуг, потом семьи, а затем и их самих.

Когда толпы перебили всех высших чиновников, они взялись за богатых торговцев, большинство из которых в самом начале заварушки успели бежать, прихватив свой капитал. Били витрины магазинов, вламывались внутрь, грабили, растаскивали товары со складов. Здания горели, и очень скоро столица напоминала средневековый город, отданный на трехдневное разграбление завоевателю.

Только Шабойа, и Сакс-клуб в том числе, как ни странно, не подверглись набегам мародеров. Стэн и Алекс избрали верную тактику. Всякий раз, когда толпы намеревались ворваться в кварталы, отданные пороку, агенты Стэна и Килгура увлекали народ за собой, обещая более легкую поживу и новых кандидатов на растерзание в других районах города. Сент-Клер и Л'н жались за спинами Стэна и Алекса, а те наблюдали с крыши ночного клуба за происходящим вокруг. На четвертом этаже Стэн и Алекс установили мощную радио-

станцию и, уже ничего не опасаясь, вели постоянные переговоры со своими многочисленными агентами. Было ясно, что Хиз готов к вторжению имперских войск.

Беспорядки продолжались около двух недель — вплоть до момента, когда Махони наконец взломал таанскую оборону. Стэн и Алекс узнали об этом в полдень. Внезапно на всех волнах их приемника появился голос Махони. Его массированное открытое вторжение в эфир заменило кодированное секретное обращение — не было времени на конспирацию. К тому же Махони уже не боялся громогласно объявить, что скоро начнется штурм Хиза.

— В настоящий момент,— заявил он Стэну и Килгуру,— мне наплевать, кто нас подслушает. Пусть знают, что я скоро буду на Хизе. И если я прорычу об этом во весь голос, в открытом эфире, таанцы наложат в штаны — и не сумеют докопаться, к кому конкретно обращены мои слова. Итак, по первому моему слову начинайте операцию.

— Как мы ее назовем? — спросил Стэн.

— Ну-у... скажем, операция «Черный кот».

— Разве вы предполагаете неудачу?

В своем командном центре Махони по-волчьи оскалился.

— Нет, я думаю о *мертвом* коте. Которого швыряют в могилу врага.

Стэну не нужно было уточнять, чью могилу Махони имеет в виду.

Алекс и Стэн встревоженно вскочили на ноги, когда голос вдруг пропал из эфира. Несколько выматывающих секунд они тщетно ждали продолжения. Потом совсем другой, девичий голос вдруг затараторил: «Институт "Черный кот". Повторите. Институт "Черный кот". Повторите. Вы меня слышите, ребята? Повторите. Институт "Черный..."»

Стэн рявкнул в эфир: «Сообщение принял!» — и отключил приемник, потому что девичий голос продолжал бубнить то же самое.

Стэн оглянулся на свой отряд — еще не веря, что наступила заключительная фаза операции и скоро все кончится.

Трое друзей — даже ерепенистый Алекс — пожирали его глазами в ожидании приказов. Стэн попытался сложить в голове какую-нибудь историческую речь, что-то достойное адмирала, прозревающего впереди успешный бой и окончательную победу. Впрочем, адмиралом-краснобаем он не будет. Пошла она куда подальше, эта история! Ну ее, лживую суку!

— Друзья, вы знаете, что должен делать каждый из вас,— только и сказал Стэн.

И все трое помчались выполнять свои задания.

Сент-Клер и Л'н надлежало оповестить своих главнейших агентов. Алекс уведомит Четвинда, чтобы его головорезы были подле Колдиеза, готовые действовать по первому приказу.

А Стэн займется Пэстором.

Он набрал нужный код на системе управления передатчиком, таймер запищал, после чего Стэн нажал кнопку, чтобы в определенное время в эфир ушло заранее подготовленное обращение к Пэстору.

Глава личной службы безопасности Лемэй нашел Пэстора в оранжерее, где тот мирно вскапывал грядки. Рука Лемэя дрожала, когда он передавал Пэстору зашифрованное сообщение. Что было в шифровке, Лемэй понятия не имел. Но ясное дело, что-то чрезвычайно важное, потому что хозяин велел дежурить у приемника в подвале круглосуточно, прослушивая эфир на определенной волне. Все услышанное фиксировать и доносить Пэстору. И как на грех, Лемэй подвел его.

Лемэй, будучи чрезвычайно предан своему хозяину, последние две недели весь извелся, опасаясь за его безопасность. Как ни странно, толпа, громившая особняки всех членов совета, обошла своим гневом жилище Пэстора. Однако вся эта нервотрепка настолько вымотала Лемэя, что он уснул возле приемника и проспал долго. Так что он не знал, как давно началась передача шифровки и насколько он опоздал принести ее своему боссу. За такой промах он готов был принять и смерть, если Пэстор прикажет его расстрелять. И то, что на шифрованное сообщение внимание Лемэя обратил один из охранников, еще больше усугубляло вину начальника пэсторовской службы безопасности. За это его следовало расстрелять дважды. Тот факт, что охранник, доложивший о шифровке, был новичком и хитрым лизоблюдом, никак не менял сути дела.

Лемэй сбивчиво объяснил все это Пэстору, закончив тем, что смиренно ожидает самого сурового наказания. Только выпалив все это, он заметил, что полковник не обращает на него ни малейшего внимания.

Пэстор в четвертый раз перечитывал шифрованное сообщение. Он был бледен как смерть, кровь застыла в его жилах. Все его умственные способности на какое-то время отказали. Пэстору приказывали срочно ехать в Колдиез. Там ему и его доверенным лицам среди тюремного персонала предписывалось оставаться впредь и тщательно следить, чтобы ни один из военнопленных не пострадал вплоть до приземления имперских десантников и передачи тюрьмы коменданту, которого назначат новые оккупационные власти. Пэстор должен был сдать тюрьму десантникам Махони.

Несколько секунд в голове Пэстора вертелось: лучше смерть, чем это. Потом он вспомнил леди Этего и удручающий результат ее смерти. Секунду спустя полковник уже отдавал соответствующие приказы Лемэю.

Старшему сержанту Шор выпала честь быть первым десантником из имперских сил вторжения, который обратился к таанскому крестьянину. Транспортник Шор был одним из кораблей Первой гвардейской дивизии, которые приземлились по периметру хизской столицы.

Лейтенант, командующий кораблем, выбрал для посадки прелестное ровное зеленое поле. Старший сержант Шор первой спрыгнула на землю из открытого люка. Сбежав на мускулистых ногах по аппарели вниз, с виллиганом наготове, она быстро озиралась в поисках потенциального врага.

— Сойди с моих клубней! — произнес чей-то хриплый голос.

Старший сержант резко повернулась, готовая нажать на курок. И тут у нее челюсть отвалилась от удивления. Перед ней стоял тщедушный коренастый человечек, одетый в зелено-коричневое тряпье — типичный домотканый наряд таанского крестьянина. Розовые ноздри его носа-кнопки яростно трепетали. Он угрожающе потрясал мотыгой в сторону незваной гостьи. Затем Шор разглядела, что существо это мохнатое, а на передних его лапах длинные когти.

— Что вы, черт побери, говорите? — выдавила из себя Шор.

— Не ругайтесь в моем присутствии! — сурово сказал Лей Ридер Кристата.— Великий Создатель не любит ругани.

— П-про-о-остите,— промямлила Шор.

Она совсем растерялась, когда появились и другие «крестьяне».

Трое из них, даром что в домотканых зелено-коричневых нарядах, принадлежали к жителям империи. Остальные были таанцы — мирные таанцы. Стэн был бы сначала очень удивлен, а потом очень обрадован тем, что план Кристаты оказался в точности выполнен. Кристата сумел не только благополучно бежать, но и, обратив в свою веру, уговорил целую таанскую деревню не сопротивляться имперцам и встретить их благожелательно, потому что зла от них не будет.

— Так вы сойдете с наших клубней, или нам придется жаловаться вашему командованию? — спросил Кристата.

Все еще до глубины души пораженная, Шор угрожающе сказала:

— Вы хоть понимаете, что идет война?

Кристата презрительно фыркнул.

— Война, как и правительство,— это развлечения для существ низшего порядка. Для тех же, кто принадлежит Великому Создателю, всякие войны и правительства под запретом. Мы не участвуем в этом ничтожном копошении.

Остальные крестьяне поддержали его слова, с энтузиазмом потрясая мотыгами. Шор удивлялась, потела и не знала, как реагировать. Кристата сжалился над ней. Он положил свою мотыгу на землю и подошел к старшему сержанту.

— Похоже, вы очень устали,— участливо сказал он.— Возможно, кроткий последователь Великого сумеет помочь вам снять тяжкий гнет с души.

И Кристата занялся присоединением старшего сержанта Шор из Первой гвардейской дивизии к числу новообращенных.

Болезнь Пэстора и его решение временно удалиться от дел с самого начала казались Вичману подозрительными. И доклады о растущей активности Пэстора в Колдиезе только увеличили эти подозрения. Поэтому Вичман мало удивился, когда молодой краснощекий охранник, которого Вичман не так давно внедрил в личную охрану Пэстора, пришел с сообщением о получении странной шифровки, после чего его хозяин вместе со всеми своими людьми внезапно сорвался в бывший монастырь, превращенный в тюрьму для военнопленных.

Но в чем цель этой поездки в Колдиез? Что конкретно задумал Пэстор?

Тут все части загадки сложились вместе в уме Вичмана, и он вскипел от бешеной ненависти. Пэстор — предатель! И собирается откупиться от имперцев их военнопленными, дабы в будущем стать марионеткой вечного императора.

Что мог он, Вичман, предпринять в столь отчаянной ситуации? Леди Этего, последний таанский герой, пала в сражении. И тут Вичману показалось, что своим предсмертным шепотом леди Этего завещает ему свою мантию героя.

О да, он примет героическую эстафету, он подхватит выпавший из ее рук меч!

И Вичман поклялся хотя бы ценой своей жизни сделать так, чтоб к приходу имперских войск ни один из военнопленных не остался в живых.

Ло Прек нырнул за полуобвалившийся сарайчик, находившийся на одном из подходов к Колдиезу. За плечом у Ло Прека висела десантная винтовка. На поясе — запас патронов. Он толкнул дверь сарайчика, и та подалась с таким громким визгом, что Ло Прек невольно сжался — казалось, звук разнесся на километр.

Старший капитан быстро взобрался на чердак, нашел дыру в крыше и осторожно выглянул. Отсюда входные ворота тюрьмы были как на ладони. Просматривалась и мощеная улочка, которая вела вверх по склону к старому собору.

Ло Прек устроился поудобнее и стал ждать.

То, что ждать придется, быть может, очень долго, его не смущало. Чего-чего, а терпения ему не занимать! Именно терпение помогло выследить убийцу брата — для чего понадобилось преодолеть мил-

лионы миль и потратить несколько лет. И вот желанный момент близится, он это чувствовал. Ло Прек в своих размышлениях пошел дальше. Он понял, что если состоится финальный бой за Колдиез, без Стэна тут не обойдется.

И Ло Прек будет ждать в засаде.

Он зарядил винтовку и проверил прицел.

Глава 55

Своим спасением Колдиез — а это сотни и сотни военнопленных, среди которых львиную часть составляли высшие сановники и офицеры,— был обязан, как ни парадоксально, любовью Вирунги к музыке. Размеры этой любви Вирунга скрывал даже от Стэна.

В свое время молодой Вирунга увлекся духовыми инструментами до такой степени, что его отцу, замученному просьбами сына, пришлось выложить огромные деньги, чтобы с самой Земли доставили древний инструмент под названием саксофон. И вот молодой Вирунга совершил малую революцию. Музыка н'ранья того времени основывалась на системе тридцати девяти тонов, и каждое сочинение состояло из двух частей. Первая часть — несколько нот, повторяемых с вариациями, и каждая фраза заканчивается в новом ключе. Во второй части эти же вариации проходили в первоначальном ключе.

Н'ранья обожали спускаться с деревьев, собираться толпами и слушать эту предельно формализованную музыку. Молодое поколение находило ее до тошноты скучной. И вот Вирунга первым ввел новый подход — полная импровизация, которая не сковывает музыканта никакими правилами. Новый стиль назвали и'зз, но эту музыку приходилось исполнять втайне — где-нибудь на опушке. И только со временем бунтарская музыка стала легальной.

Вирунга, обожавший импровизации, не растерялся, когда в сонате «Стэн», написанной в ключе свободы, внезапно зазвучали неожиданные и малоприятные обертоны. Он сумел справиться с главной темой и, разыграв все не по нотам, все же добраться до гармоничного благополучного финала.

Первые действия были предприняты в подвалах Колдиеза. Самые опытные бойцы из военнопленных вскрыли давно забытые всеми ящики со старинным оружием, которые находились в подвалах. И началось обучение всех тех, кто был здоров и крепок.

Поворчав, Вирунга позволил Краулшавну и Соренсену подготовить азимутные карты и набросать предложения о том, как использовать артиллерию. Сам он провел много часов, запершись с Держиным и Авренти, обсуждая то, что может случиться и как избежать опасностей. Авренти, как-никак профессионал, уже просек, что пора

переходить на сторону будущих хозяев. А частые наезды Пэстора, который настаивал на гуманном отношении к заключенным, ободряли Держина и толкали к все более тесному сотрудничеству с заключенными. Проблемой оставались Генрих и горстка охранников, верных таанскому режиму. Но проблема не столь уж острая — вооруженные пленники вкупе с Четвиндом и прочими подкупленными или запуганными охранниками как-нибудь справятся с малым числом тупых фанатиков.

Подготовка и обучение в подвалах завершились, как и планировалось, к моменту высадки первого имперского десанта на Хиз. После того как корабли Махони атаковали столицу, в лагере взвыла сирена тревоги — общее построение — и начался второй этап операции. Заключенные, невзирая на крики охранников, строились медленно. Вирунге приказали произвести перекличку. Было и на глаз видно, что очень многие отсутствуют в строю. Таанский сержант, из твердолобых, начал злобно орать, но в следующий момент уже лежал на земле с перерезанным горлом.

Его убил Соренсен. Кодовое слово, которое Махони сообщил Стэну, не только активировало робота, но и включило те участки его памяти, в которых хранились навыки бойцов спецотряда богомолов.

Начальник охраны лагеря Генрих с другого конца площади увидел, что его подчиненный убит. В следующий момент он увидел, как из-за спин товарищей выдвигаются вооруженные пленные. Другие вооруженные узники появились на балконах зданий вокруг центрального плаца. Генрих выкрикнул команду открыть огонь и схватился за свой виллиган, но Четвинд оказался быстрее. Он облапил майора сзади, вспомнил все обиды, которые претерпел за свою долгую биографию охранника от начальства — подонков вроде Генриха, и сжал вырывавшегося начальника охраны со всей своей медвежьей силой. Затрещали ребра, изо рта Генриха хлынула кровь. Четвинд разжал руки, и Генрих забился в агонии на земле.

Четвинд метнулся к ближайшему укрытию, а между военнопленными и лояльными охранниками завязалась перестрелка. Силы были неравны, через несколько минут с шавками Генриха покончили.

Вирунга молча стоял в стороне, глядя на бойню и не кланяясь пулям. Когда воцарилась тишина, он обратился к Авренти и Держину, рядом с которыми жались растерянные охранники, не желавшие стрелять в пленных.

— Началось,— сказал Вирунга.— Складывайте... оружие... на землю. Возвращайтесь... в свои казармы. Ждите... дальнейших... приказов. Будете... слушаться... ни один из вас... не пострадает.

И когда лорд Пэстор прибыл со своими людьми в Колдиез по приказу, который содержался в шифрограмме, тюрьма уже находи-

лась во власти заключенных. Его приняли крайне любезно и пригласили пока что оставаться в самом сухом и безопасном подземелье.

Так закончился второй этап операции.

Казалось, третий этап будет самым простым, даже почти опереточным. Заключенные взбираются на высокие стены крепости и поворачивают орудия дулами на столицу.

Теперь пленникам Колдиеза — впрочем, уже нисколько не пленникам, а скорее хозяевам — оставалось одно: спокойно дожидаться подхода имперских войск. Таанцам уже не до Колдиеза, а если кто и сунется, то его нетрудно шугануть несколькими прицельными выстрелами с крепостных стен.

Однако эта третья и заключительная фаза восстания оказалась не такой легкой. Вместо тишины и пения птичек военнопленные внезапно услышали рокот танков, которые ползли в их сторону, вверх по склону.

Лорд Вичман и его головорезы. Помимо танков он привел несколько десятков самоходок, а также не менее батальона солдат в транспортных гравитолетах. Тем, кто находился в Колдиезе, следовало бы благодарить судьбу, что у Вичмана не было ни времени, ни возможности в хаосе последних часов добыть тактическое ядерное оружие. Тогда бой завершился бы в две минуты.

Первый выстрел пушки с крепостной стены — перелет. Танк повел дулом — и одним выстрелом снес пушку, которая была установлена в дозорной будке.

Новоприбывшие войска были посланы не для инспекции, а для бойни.

Вирунга кинулся к передатчику — сообщить Стэну о происходящем. Далее придется импровизировать, как в старые добрые времена, когда Вирунга играл и'зз.

Стэн пережил долгий и мучительный разгром в Пограничных мирах, но так и не выработал иммунитета против ситуаций, когда обрушивается весть о том, что ты в дерьме и никакого выхода нет.

Он стоял в центре Сакс-клуба возле передатчика, который только что принес страшную весть из Колдиеза. Стэн отлично понимал, что против бронетехники восставшие военнопленные бессильны. И ничем — абсолютно ничем! — он не может помочь. Поддерживая постоянную связь с имперским десантом, он знал, что наступление захлебнулось. Десантники блокированы и ведут тяжелые бои. Понадобится по меньшей мере три дня, чтобы сломить сопротивление таанцев. И прикрыть Колдиез с воздуха имперскими истребителями не получится — противовоздушная система Хиза пока работает отлично. Посылать такшипы — значит обрекать их на верную гибель. А другие корабли заняты на самых значительных участках сражения —

без них десантников на земле попросту перебьют. Что касается ракетного удара, группа Вичмана была так близко от стен Колдиеза, что даже взрыв ракеты, скорее всего, погубит заключенных, если она хоть немного отклонится от курса.

Стэн метнул взгляд на окно. Было ясно и без прогноза погоды, что моросящий дождь и туман предвещают бурю. Тем временем Килгур вывел на большой экран топографическую карту района Колдиеза.

Сколько раз он взбирался по этим склонам, когда был заключенным! Странно видеть все это с высоты птичьего полета...

— Дай боковой вид,— приказал Стэн Алексу.

На экране возник вид сбоку — с красивым очерком старинного собора на самом верху горы.

— Как ты думаешь, Вичман собрал цвет таанской армии? — спросил Килгур.

— Отнюдь нет. Наскреб по сусекам что попало.

Должно быть, Килгур прав. А вдруг — нет?

Всматриваясь в склоны холма, на котором находились крепость Колдиез и столичные пригороды, своими улицами упиравшиеся в подножие холма, Стэн вдруг вспомнил кое-что. В голове блеснула идея. Но для успеха нужна была одна вещь.

Он спросил о ней Килгура.

— Ну конечно, все там и осталось.

— И никто не украл?

— Даю голову на отсечение. Ни один таанец туда не сунется — даже самые отчаянные мародеры.

— Есть у нас под рукой пара исправных гравитолетов?

— Разумеется.

Килгур первым устремился к двери.

Стэн намеревался провести оставшиеся дни в этом зале, как паук, раскинувший сеть. Отсюда командовать сетью агентов и носа не казать на улицы города. Но не вышло.

Он посмотрел через зал на Сент-Клер, которая удрученно покачала головой, потом пожал плечами и кинулся вниз по лестнице.

Килгур, уже в полном боевом облачении, поджидал его у гравитолета вместе с двумя агентами Четвинда. Оба гравитолета были старенькие, покореженные, однако на ходу. Стэн быстро взобрался в тот, которым управлял Алекс, и они помчались по улицам в сторону монастыря-тюрьмы.

— А почему ты так уверен, что все на месте? — спросил Стэн.

— Помнишь четвероногое, которое мы видели в тот день, когда прибыли в столицу?

Стэн поднапряг память и вспомнил лошадь, брошенную таанским офицером.

— Лошадь?

— Молодец, приятель. Что делает лошадь после того, как сдохнет?

Стэн пожал плечами.

— Она воняет. Очень сильно воняет. Так что туда ни один нормальный человек не сунется.

Предположение Килгура о слабости вичмановского отряда было правильным.

Танком, который снес настенное орудие крепости, управляли юнкера-недоучки, и попали они в дозорную башню чисто случайно. Их непрофессионализм подтвердило следующее действие: они остановились, въехав на кучу щебня. Пока юнкера оглядывались и не спеша наводили пушку, брюхо их танка было оголено — торчало над кучей щебня.

Но это брюхо было единственным местом танка, уязвимым для простой противотанковой мины старого образца (а только такие и были у бывших заключенных). И Вирунга дал команду стрелять.

Танк загорелся. Его экипаж погиб при взрыве мины.

Обездвиженный вражеский танк загородил узкий проезд вверх, к крепости. Вся бронетехника Вичмана оказалась блокирована внизу — неожиданное счастье для бывших заключенных.

Но теперь следовало ожидать атаки пехотинцев.

Впрочем, и пехота была собрана Вичманом, как говорится, с бору по сосенке — юнкера из столичных военных училищ, легкораненые из резерва, нестроевая рота. И все же своим количеством и современным вооружением они представляли страшную угрозу для повстанцев в Колдиезе.

Именно это и было на уме у Вичмана.

Однако попытка малообученных и плохо организованных пехотинцев пройти дальше — выше танка, перегородившего дорогу, была легко отбита ураганным огнем со стен крепости. Вичмановская пехота залегла за буграми и руинами. Второй атаки не последовало.

Вместо этого вичмановский батальон стал спешно строить баррикады, перегораживая улицы у подножия холма.

«Стройте, стройте,— ухмылялся про себя Вирунга,— мы контратаковать не собираемся!» Если таанцы затевают осаду — замечательно. Повстанцы Колдиеза смогут продержаться до подхода имперских сил.

Возможно. А теперь нужно заняться теми пушками, что имелись на стенах. Вирунга был бы рад поверить, что эти старинные пукалки можно использовать с толком и всерьез назвать артиллерией...

В сумерках Стэн и Алекс лежали на крыше одного из многоэтажных домов у подножия холма, где располагался Колдиез.

Далеко на склоне, полускрытый в руинах, находился тот самый большой гравитогрузовик. Килгур был прав, даже сюда доносило запах — от грузовика нестерпимо смердело.

Вичмановские юнкера постреливали в сторону тюрьмы. Бывшие заключенные отстреливались. Редкая беспорядочная пальба.

Стэн дождался темноты и отправился с Килгуром в путь короткими перебежками. Вскоре они достигли еще дымящегося танка, который блокировал дорогу наверх. Килгур обежал машину и жестом спросил Стэна: «Здесь?»

Стэн жестом же ответил: «Еще десяток метров».

И тут они чуть было не погибли.

Несмотря на энергичные протесты Вирунга, что он не хочет терять свой боевой компьютер, Соренсен принял решение устроить врагу засаду. Собрав ветеранов-десантников, в темноте выскользнул из крепости и занял позицию неподалеку от сгоревшего танка.

Соренсен понимал, что люди Вичмана попытаются ночью добраться до танка, чтобы починить его, а потом или повести вперед, или убрать с дороги. А поскольку в вичмановском отряде не могло быть много толковых специалистов, то стоило перебить их при попытке отремонтировать злосчастный танк.

Когда Соренсен увидел, что к танку прокрались два человека, он выхватил кинжал из-за пояса и уже хотел махнуть своим людям: вперед! — как вдруг заметил, что те двое обменялись знаками на языке жестов, принятом в отряде богомолов. Что за чудеса? Неужели таанцы переняли имперские приемы? Он шепотом отдал приказ схватить тех странных двоих.

Несколько бывших заключенных выдвинулись из темноты, нацелив автоматы на Стэна и Килгура. Из-за их спин вышел Соренсен и шепотом приказал:

— Документы!

Стэн сообразил, что это не таанец. Таанец не стал бы шептать в такой ситуации.

— Мы имперцы.

— Пусть второй сделает шаг вперед.

Ночное видение Соренсена резко ухудшилось из-за тягот жизни в Колдиезе, и он не узнал Килгура.

— Да никак Соренсен! — прошептал Килгур.

Этого было достаточно для идентификации. Соренсен мигом узнал его по акценту и манере говорить. И дал знак своим ребятам отойти в укрытие, а сам богомоловским жестом спросил Стэна: «Нужна помощь?» Тот отказался. Двоих не так быстро заметят.

Они с Килгуром быстро вскарабкались по склону к грузовику, возле которого лежала дохлая лошадь. Стэна чуть не вывернуло от смрада. Действительно, ни один мародер не сунулся к грузовику. Бочки с полужидким машинным маслом никто не тронул. Стэн и Килгур проворно выкатили их и разлили масло вдоль дороги.

В сопровождении одного из бойцов Соренсена они поднялись к крепости и шмыгнули в приоткрытые для них железные ворота. Стэн надеялся, что найдется достаточно воды, чтобы выкупаться. Ему казалось, что он до сих пор припахивает падалью.

Ночью люди Вичмана подвели к танку несколько машин, плотным огнем оттеснили группу Соренсена и отбуксировали танк вниз. Дорога оказалась свободна.

Стало быть, утром следовало ожидать атаки.

И Вирунга вытащил на стены весь запас своей артиллерии.

Нельзя сказать, чтоб этот запас был очень велик.

В катакомбах нашли четыре старинные пушки. Не лазеры и не мазеры, а орудия, куда закладывают снаряд и дергают за шнур, чтобы выстрелить. Вирунга сперва думал, что это чисто церемониальное оружие, но нашел прицел — такого допотопного образца, что ему смешно стало. Однако если есть прицел, стало быть, из орудия стреляли всерьез.

Откатные механизмы, конечно, заржавели. И Вирунга, от греха подальше, закрепил пушки намертво на железных балках стен.

Эти четыре пушки Вирунга назвал батареей А.

В батарею Б входило восемь многоствольных противотанковых минометов. Боеприпасов к ним хватало. Однако броню современного танка эти мины не пробивали.

Батарея В была и того слабее.

Словом, крохотные переговорные устройства, которых Стэн много натащил в Колдиез, были единственными по-настоящему современными аппаратами у защитников крепости, не считая виллиганов. Но и то хорошо. Это обеспечивало взаимодействие боевых групп.

Когда первый танк противника пополз вверх, в сторону крепости, Вирунга начал бой.

— Батарея А, товсь! По противнику, огонь!

Орудийный командир первой пушки взял под прицел гравитолет с таанскими юнкерами. Он затаил дыхание и рванул пусковой шнур. Снаряд упал в пяти метрах от машины противника. Вирунга, артиллерист бывалый, дал нужный совет, и третий снаряд перевернул гравитолет противника.

Вирунга довольно усмехнулся.

И остальные три пушки плевались огнем, порой даже попадая в цель. Но от брони танков и самоходок снаряды отскакивали, как вишневые косточки.

Стэн понял: если что и остановит танки, так это пролитое на камнях масло.

И действительно, первый же танк, который добрался до крутого участка дороги, облитого маслом, забуксовал. Гусеницы крутились, а машина не двигалась.

Бывшие заключенные покатывались от хохота, трясясь за зубьями стены. Но высовываться, чтобы получше рассмотреть происходящее, под плотным огнем противника не очень-то получалось.

И тут защитникам Колдиеза крупно повезло.

Снаряд батареи В угодил под башню первому танку, который бессильно буксовал на дороге. Взрывом машину подбросило и развернуло поперек дороги, башню снесло. Опять узкий проезд оказался блокированным кучей металлического лома.

На батарее В царило ликование. Справедливости ради надо сказать, что в тот день больше ни один снаряд этой батареи не достиг цели.

Вичман приказал пехотинцам начать атаку.

Перебегая от одного укрытия к другому, таанцы двинулись вверх по склону. Но последний стометровый участок им придется преодолевать по совершенно открытой местности.

Стэн вел неспешный снайперский огонь, методично укладывая таанских недотеп, словно манекены на учениях в тире.

Однако дело защитников Колдиеза было обречено.

Петля вичмановского войска медленно и упрямо стягивалась. Противник превосходил их и в живой силе, не говоря уже о технике.

Старший прапорщик Ринальди Эрнандес спрашивал себя: если он выживет в плену и когда-нибудь получит в руки оружие, сможет ли он стрелять в людей, хотя бы они и принадлежали к тем, кто убил его внучку?

Смог.

Где-то в катакомбах Эрнандес разжился огромным ружьем — приставленное к ноге, оно было вровень с его плечом. Это было старинное однозарядное ружье с допотопным же оптическим прицелом.

Но музейный экспонат на диво хорошо стрелял.

Эрнандес взял на мушку таанца за рычагами управления гравитолета. Глубоко вдохнул. Наполовину выдохнул — и нажал на курок. Ружье дернулось, больно ударив в плечо.

Килгур, впервые увидев это ружье, назвал его «динозавром».

— Это не динозавр, а ружье, которым можно и динозавра повалить,— уточнил Стэн.

— Нет, это ружье, с которым динозавры воевали между собой,— оскалился Килгур.

Потирая плечо, Эрнандес покосился на вражеский гравитолет. Водитель взмахнул руками и сполз с сиденья. Эрнандес поставил аккуратную метку на камне около себя. Двадцать седьмой.

Он поискал новую жертву. Внизу таанский сержант зафиксировал легкое движение на стене и нажал на спусковой крючок своего виллигана.

Три заряда вспороли живот Эрнандеса.

Бойня продолжалась.

Вирунга инстинктивно пригнулся, когда прозвучал взрыв, мощным эхом прокатившийся по крепостному двору. За взрывом последовали душераздирающие крики.

Одна из пушек взорвалась. Погибло больше тридцати защитников крепости зараз. Медики побежали оказывать помощь раненым.

Вирунга сохранял невозмутимое выражение лица. По крайней мере, среди этих массивных стен взрывы приносят минимальный ущерб. Но мало-помалу и остальные три пушки будут уничтожены. Колдиез не сможет продержаться больше суток.

А ночью Вичман заминирует стены.

Вичман отдавал очень точные приказы. Не имея почти никакого боевого опыта, он учился на глазах, стремительно. «Эх,— думал он,— я мог бы больше пригодиться Родине, если бы не протирал кресло в совете, а пошел простым командиром в боевое подразделение. И кто знает...»

Но было смешно думать, что он один мог бы изменить ход войны.

Однако хотя бы сейчас он в силах отомстить сполна и показать имперцам, что и умирающий таанец кусается. День клонился к вечеру, Колдиез уже горел со всех концов. А если где и были темные места, по ним шныряли шесть таанских прожекторов. Пулеметы и орудия самоходок били по крепости. Ответный огонь ослабевал. «Всех, всех уничтожим, и очень скоро»,— думал Вичман.

Его план срабатывал.

Когда огневые точки в крепости были подавлены и оттуда стреляли только из ручного оружия, Вичман послал своих взрывников. Они подвезли на самоходках около десяти тонн зарядов.

Следующая атака, которая начнется перед самым рассветом, будет решающей.

Но лорд Вичман до рассвета не дожил.

Ночью Стэн прокрался в лагерь противника и четырьмя выстрелами из виллигана разорвал тело Вичмана на куски.

Это был настоящий подвиг, и Стэну лишь с большим трудом удалось бежать — благодаря тому, что он знал систему тайных ходов, ведущих в Колдиез, и вовремя юркнул под землю. Однако в крепости его ждало горестное известие.

Катастрофа близилась.

Вирунга ввел его в курс дела. Они видели и слышали, как устанавливают взрывчатку. Когда таанцы откатились назад, четыре храбреца из крепости — мужчины и женщины — попытались добраться до взрывчатки, но были скошены пулями и остались лежать неподалеку от ворот.

Про себя Стэн подумал: если бы они и добрались до взрывчатки, им бы ничего не удалось сделать. Современные заряды так ограждены разными ловушками от тех, кто попытается их разрядить, что и не всякий робот справится с обезвреживанием. А тут в темноте, наспех — верная смерть.

— Я приказал... всем отойти... от крепостной стены,— сказал Вирунга.— Если стены... не придавят нас... после взрыва мы вернемся... на огневые рубежи... У тебя... нет предложений получше?

Стэну сказать было нечего. И Килгуру, вернувшемуся из разведки часом позже. Они стали искать стену покрепче, за которой можно было бы укрыться.

Хотя Вичман погиб, его солдаты довершали начатое.

Взрыв состоялся в назначенную минуту.

Взрывная волна разрушила остатки строений у подножия холма. По силе это напоминало землетрясение; имперские десантники, которые вели уличный бой в двух километрах от холма, невольно кинулись ничком на землю, вообразив, что это тактический ядерный взрыв. А пыль от взрыва поднялась в небо на три километра — несмотря на так и не прекратившийся моросящий дождь.

Стена, смотрящая на столицу, рухнула почти целиком. Однако каким-то чудом погибли только шесть защитников Колдиеза. Что ни говори, в старые времена строили на славу.

Таанцы кинулись в новую атаку.

Но бронетехника опять не смогла поддержать их в полную меру: огромные многометровые куски стены преграждали дорогу вверх. И лишь скользящие над поверхностью гравитолеты могли помочь пехоте своими мелкокалиберными пушками.

Несколько ошарашенные тем, что они по-прежнему живы, защитники Колдиеза вылезали из своих нор и возвращались через руины на передовые позиции. Они занялись отстрелом водителей гра-

витолетов — и вскоре все гравитолеты были выведены из боя. Первая атака таанской пехоты захлебнулась.

Но вторая волна наступающих продвинулись вперед и залегли за камнями.

Третью волну вновь поддержали пушки гравитолетов.

Защитники Колдиеза медленно отступали и наконец были вынуждены спасаться бегством.

Вниз, в катакомбы.

— Да, очень удобное местечко для того, чтобы отбросить копыта,— прокомментировал Килгур, с кислым видом оглядывая мрачный подвал.— И могилку копать не надо.

Вирунга проследил, чтобы все оставшиеся в живых спустились по каменной лестнице вниз, затем подковылял к Стэну. Тот поспешно реорганизовал бойцов в пятерки и каждой отвел огневую позицию: защищать вход на лестницу, лестничные площадки, отдельные коридоры.

Все, что могло задержать пули, стаскивали в баррикады.

Понукать людей не было нужды, равно как и повышать их боевой дух. Все понимали, что таанцы пришли не для того, чтобы взять их обратно в плен. Предстоял бой до последней капли крови. Весь вопрос заключался лишь в том, много ли врагов удастся утащить с собой в могилу.

Килгур с помощью Стэна выкатил на середину коридора огромный валун, положил на него свое оружие и боеприпасы.

Стэн проделал то же самое.

— Не знаю, хватит ли у таанцев мозгов додуматься до этого,— сказал Килгур,— но я бы на их месте не рисковал своей шкурой, а пустил сюда отравляющий газ. Ведь у нас ни одного противогаза.

Стэн про себя подумал: «Быть может, такой исход был бы самым безболезненным».

— А еще они могут просто-напросто замуровать нас, ко всем чертям. То-то будет досада! Мамочке даже косточек моих не пришлют. К тому же я боюсь закрытого пространства, так их растак!

Стэн оскалился — он хотел улыбнуться, но получилось черт-те что.

Как ни странно, ждать им пришлось крайне долго.

Ничего не происходило. Наверху слышались глухие выстрелы, взрывы. Видать, таанцы прощупывают руины, боятся подойти ближе. Неожиданно стрельба и взрывы усилились — как будто там шел упорный бой. Потом шум прекратился, сменившись одиночными выстрелами. Затем — мертвая тишина.

Стэн оторопело зыркнул на Килгура.

— М-да,— произнес Алекс.— Что-то придумали. Что-то крутое. Или дают нам помолиться напоследок.

Но оба, не сговариваясь, схватили по гранате и стали медленно красться вверх по лестнице — к выходу из катакомб.

Чуть они выглянули, обрушился шквал огня.

— Свинство! — завопил Алекс.— Тут хрен помолишься!

Стэн уже приготовился швырнуть гранату, как вдруг стрельба прекратилась и усиленный репродуктором голос проорал на ломаном таанском:

— Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно! Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками!

Стэн и Алекс заулыбались как сумасшедшие. Стэн крикнул на имперском:

— Мы свои, братцы! Не стреляйте, выходим.

— Только по одному. Без оружия. И не рыпайтесь. Сейчас разберемся, кто вы такие.

Стэн сорвал с себя пояс с оружием и медленно вышел, готовый юркнуть обратно, если это провокация.

Из-за камней выглянули два гвардейца-десантника — пугливо глядя красными, воспаленными глазами. На их лицах лежал слой серой пыли.

Стэн и Алекс кинулись к парням — целовать. Те неловко подставляли щетинистые щеки.

Защитники Колдиеза были спасены.

Завершающим ударом командовал однозвездный генерал. Имперские силы провели сокрушительную атаку при поддержке бронетехники и прорвали таанскую линию обороны.

Они не остановились, чтобы расширить брешь в обороне, а двигались вперед по улицам столицы, уничтожая все, что шевелилось, был ли то солдат или мирный житель.

Следующая волна атакующих расширила брешь.

И наконец имперские части, пройдя город насквозь, ударили Вичману в тыл.

Стэн и Алекс стояли на главной площади Колдиеза и слушали возбужденный рассказ генерала. Генерал очень гордился и собой, и своими войсками.

«Что ж, он имеет на то право,— подумал Стэн, валившийся с ног от усталости.— Вот отосплюсь месяцев шесть и почувствую благодарность. И может быть, даже угощу этого человека пивом. И поставлю по кружке пива или по стопке чего покрепче всем, кто меня тут выручил. А сейчас и мыслям в голове ворочаться лень».

Стэн повернулся к Килгуру — предложить где-нибудь прилечь и продрыхнуть пару суток. И увидел, что его друг внезапно вскинул винтовку к плечу.

Ло Прек прицеливался тщательно. Он присоединился к наступающим и вошел в Колдиез. В пылу сражения, а потом всеобщего ликования никто не спросил его: приятель, а ты кто такой?

Он быстро прокрался в собор и устроился у окна. Очевидно, Стэн на стене или на площади. С места, где затаился старший капитан, просматривалась вся крепость — Стэн обречен.

Ло Преку было плевать на разрушения, произведенные имперским и таанским оружием. Война есть война. И в конце концов он вознагражден за долготерпение. Внизу, на площади, стоит человек, убивший его брата. Когда Стэн очутился в перекрестье прицела, сердце Ло Прека пело, и он прицеливался неспешно — зная, что больше одного выстрела сделать не удастся.

Стэн и гвардейский генерал кинулись ничком на землю, а Килгур одним выстрелом разнес окно собора.

— Что это было, черт возьми? — спросил Стэн, поднимаясь и отряхиваясь.

Килгур опустил свою винтовку, а из окна свесилось мертвое тело.

— Поганый снайпер,— сказал Килгур.

Стэн мотнул головой и крякнул. Баста. Для него война закончена.

Труп Ло Прека был подобран группой таанских жителей, которых отрядили собирать мертвые тела.

Под надзором имперского инспектора санитарной службы труп Ло Прека погрузили на грузовой гравитолет и вывезли на загородное кладбище, где и кремировали — вместе с тысячами безымянных жертв последних военных действий.

И на том война закончилась.

Глава 56

Документ о капитуляции представлял собой небольшой кусок белого пергамента. Он был очень коротким, потому что никаких условий в нем не оговаривалось. Капитуляция была полной и безоговорочной.

С того момента, как этот документ подпишут обе стороны, бывший Таанский союз оказывался на милости победителя — вечного императора.

Документ лежал на небольшом, покрытом скатертью столике. За ним сидел лично Ян Махони — представитель вечного императора и отныне генерал-губернатор того, что до сих пор называлось Таанским союзом. Этот столик и стул были единственной мебелью в совершенно пустом банкетном зале «Нормандии».

Именно здесь произошел тот роковой инцидент, который привел к началу войны. Тогда этот банкетный зал загромождали столы, уставленные деликатесами для приема цвета таанской дипломатии. И тогда предполагалось подписать документ совсем другого рода — декларацию о мире. Сам вечный император председательствовал на обеде в честь таанских высокопоставленных гостей. Увы, последовал вызванный предательством кровавый инцидент.

Теперь император не показывался. Его нарочитое отсутствие должно было подчеркнуть унижение таанцев. Вместо императора за столом сидел Махони. За его спиной стояли навытяжку два адъютанта. Вдоль стен выстроились ряды высших имперских офицеров.

В дальнем конце зала, за наспех сооруженными ширмами, скрывались несколько телевизионных бригад, которые должны были снимать исторический момент.

И вот раздвинулись створки парадного входа, и в зал вошел полковник Пэстор. Из всех членов таанского Верховного совета в живых остался он один. Через минуту он превратится в простого гражданина. Согласно указу вечного императора, как только будет подписан документ о капитуляции, все ранги и титулы бывшего таанского государства будут отменены.

В медленном скорбно-торжественном проходе к столику в центре зала Пэстора сопровождали двое таанцев, один — в мундире офицера таанской таможенной службы, второй — в мундире генерального почтмейстера. Чиновников более высокого ранга не нашлось. Сам Пэстор, согласно требованию вечного императора, был одет в штатское.

Наконец Пэстор остановился перед столиком. Махони поднял голову — и это было единственным движение в зале после того, как Пэстор замер на месте. Махони и Пэстор встретились глазами, глядя друг на друга исподлобья.

Пэстор знал, что имперские солдаты поставили на всех площадях большие экраны, которые сейчас показывают крупным планом каждое его движение. И миллионы таанцев наблюдают за ним. Его долг — как-то сберечь и свою, и их честь. До каких пределов унижения ему позволено дойти?

Второго стула не было. И никто не предлагал.

Махони, не вставая, придвинул бумагу к Пэстору.

— Подписывайте! — коротко велел он.

Пэстор дрожащей рукой дотянулся до ручки и поставил на документе свое имя. Махони передвинул документ в свою сторону и тоже подписался. Затем лист бумаги был отдан адъютанту. Лишь после этого Махони снова поднял глаза на Пэстора. Глаза, полные ненависти. Однако именно эта ненависть внесла успокоение в душу Пэстора. Как раз ее он понимал.

— Это все,— сказал Махони.

И в гробовом молчании гражданин Пэстор повернулся и вышел вон.

Адмирал Стэн шагал взад и вперед по коридору. Из динамиков в обоих концах коридора несся голос комментатора, который рассказывал взахлеб о происходящем в банкетном зале. Шагая по коридору, Стэн поглядывал на дверь, которая вела в апартаменты вечного императора. В любой момент Стэна могли вызвать к верховному главнокомандующему. Стэн был одним из немногих, кто с точностью знал, что император находится на борту «Нормандии».

— Говорит, что он режиссер этого спектакля,— передал Махони слова властителя,— и просто обязан быть где-то поблизости, в последнем ряду, даже если ему нельзя лично появиться на сцене.

Стэн понимал обуревавшие императора чувства и не мог не восхищаться его силой воли: в такой момент остаться за кулисами! На его месте Стэн похерил бы все протоколы и обязательно пошел бы поглядеть, как противник корчится в последней агонии.

Но не это было предметом размышлений Стэна, покуда он мерил шагами коридор. У него в голове роилось множество вопросов, которые, впрочем, сводились к одному: что босс поручит ему сейчас? Стэн был сыт по горло секретными операциями, подготовкой тайных убийств и прочим официально благословленным насилием. Он достаточно наубивал в своей жизни, от мысли о новом насилии уже мутило. И ему надоело, что им постоянно манипулируют. Надоело отдавать приказы и видеть, как люди гибнут, пытаясь их выполнить. Впервые на нем красовалась новенькая адмиральская форма, а уже и она ему надоела. Стэну смутно виделась жизнь, никак не связанная с армейской службой. Он мог только гадать, способен ли он жить спокойной мирной жизнью вне армии, но так приятно было хотя бы помечтать об этом.

Сент-Клер и Л'н были заняты продажей Сакс-клуба. Быть может, ему стоит присоединиться к ним, если они вложат деньги в какой-то бизнес. Да черт возьми, Ида для него заработала процентами такой капитал, что он может купить несколько улиц игорных домов!.. Или заняться шоу-бизнесом? Брр! Что-то не тянет. Нужно посоветоваться с Килгуром. А то объединиться и на пару затеять что-нибудь на одной из далеких планет Фронтира, поглядеть, как живут и что затевают тамошние аборигены.

Тут створка двери с легким шипением отошла, и охранник-гурк жестом пригласил его внутрь.

Стэн зашел и вытянулся по стойке «смирно» у порога. Вечный император нажал на клавишу, и телеэкран перед ним погас.

— Вольно, адмирал, без формальностей! — нетерпеливо бросил властитель.— Сыт по горло церемониями. Надеюсь, тебя не обижает, когда я говорю, что все эти солдафонские штучки у меня вот где сидят.

Стэн рассмеялся, нисколько не обидевшись, и сел в кресло — не спрашивая разрешения у его величества. Император встал, взял бутылку стрегга и два стакана. Наполнил оба стакана до краев.

— До того как я погоню тебя отсюда, у нас будет время осушить по стаканчику, а потом еще по одному. Как только эти поганые таанцы уберутся с «Нормандии», я отдам приказ лететь прочь.

— Направляетесь домой, сир? — спросил Стэн.

— Черта с два,— ответил император.— Прежде придется выполнить миллион формальных обязанностей. Ты знаешь всю эту петрушку: пожимать руки, целовать детишек, позволять фотографировать себя с людьми, которых я разрешаю считать важными персонами, благодарить моих союзников за то, что они сто раз заносили нож для удара мне в спину, но так и не осмелились осуществить задуманное... Ну и всячески раздувать свою популярность всеми доступными средствами.

Да, не видать мне Прайм-Уорлда в ближайшие шесть месяцев! И я заранее устал от всей этой белиберды. Что ни говори, настроение у меня совсем неподобающее.

Он встал, чтобы произнести тост.

— Выпьем за неподобающее настроение.

Стэн чокнулся со своим эксцентричным боссом, и оба опрокинули в себя море огня: чистый стрегг — штука забористая. Император налил еще по стакану.

Итак, выпьем и это — и гуляй, Стэн, иди на все четыре стороны. Неужели... свобода?

— Вот когда я вернусь из этого дурацкого рекламного турне, тогда завертится настоящее дело. И мне потребуется помощь.

Стэн понял, что мечту о свободе можно оставить.

— Мне приходилось перестраивать мою чертову империю не один раз,— продолжал император.— Но я не думал, что на этот раз дела обстоят так погано. Пойми правильно — я знаю, что именно надо перестраивать. Но после этой войны рядом совсем не осталось толковых людей, которые в состоянии помочь мне в этом.

Сулламоре и его прихлебателям только бы набить собственную мошну. Бездарные хапуги. Честным бизнесом они бы и гроша не заработали. Живут коррупцией. Короче, мысль о них не повышает мне настроение. Нужна свежая кровь, талантливые парни вроде тебя. Будет трудно. Подожмем яйца лет на пятьдесят — шестьдесят, но потом свое возьмем. Так, чтоб мы могли гордиться новым, очищенным миром.

Стэну разговор не понравился с самого начала; когда же в него заскочило это «мы», он встревожился не на шутку.

— Извините, ваше величество,— сказал он,— но я не уверен, что смогу оправдать ваши ожидания.

Император остановил его нетерпеливым жестом.

— Об этом не волнуйся. У меня миллион идей.

— Я не о том волнуюсь,— сказал Стэн.— И не хочу казаться неблагодарным. Однако...— Он заробел, но все же решился: — Видите ли, у меня большие сомнения насчет того, где и как я намерен провести ближайшие пятьдесят — шестьдесят лет. Одно кажется несомненным — не на военной службе. Мне тоже военная рутина надоела не меньше, чем вам — рутина императорская.

Властитель рассмеялся.

— И к какой же карьере молодца клонит?

— Точно не знаю,— промолвил Стэн.— Надо пока уйти на покой. Пару годков просто поболтаюсь без дела. Хочу поглядеть со стороны, куда ветер дует.

Император пристально посмотрел на Стэна. Потом улыбнулся, тряхнул головой и молча чокнулся со своим собеседником. Аудиенция подошла к концу.

Стэн осушил стакан и встал. Он отдал императору честь. Очевидно, в последний раз. Император встал и тоже четким движением поднял руку к виску.

— Через шесть месяцев,— предрек он,— безделье тебе осточертеет. А к тому времени я как раз вернусь домой. Вот тогда и загляни ко мне.

Уверенный на все сто, что император заблуждается в своих расчетах, Стэн повернулся на каблуках и вышел вон.

Глава 57

Вечный император не спеша спускался на землю по трапу «Нормандии». Телохранители-гурки шли вокруг него тесной толпой. Выйдя из люка корабля, властитель на секунду остановился и облегченно вздохнул. Его приказ был выполнен — никаких толп встречающего народа в соуардском главном космопорте Прайм-Уорлда. Лишь немного в отдалении стояли его персональный гравитолет и машины сопровождения, чтобы ехать в мрачный бункер под руинами замка.

Пора что-то делать с этими руинами, напомнил он себе. Следует по-настоящему ускорить работы по восстановлению дворца. Он тосковал не по внешнему великолепию дворца, а по тому комфорту, который был внутри, по возможности действительно уединиться от всего мира. Как будет приятно предаться давней безумной мечте —

воссоздать рецепт лака, которым великий Страдивари покрывал свои скрипки.

В какие-то моменты император ощущал, что, если кто-то опять подойдет к нему с просьбой решить то-то и то-то или обратить внимание на горестное положение того-то и того-то, он просто расплачется навзрыд. Беда в том, что императоры, которые позволяли себе публичные проявления слабости, очень недолго оставались вечными. Однако именно по-детски расплакаться — вот чего ему хотелось временами. Когда казалось, что уже никакие силы не вызовут улыбку в момент, когда на него устремлена сотня телекамер. Когда рука опухала от рукопожатий. О, с какой силой ему жали эту несчастную руку, стараясь выказать свое восхищение и доказать, что считают его великим героем!

Он подумал о другом герое и весело заморгал, усмехнувшись уголками рта. После одной битвы адъютант того героя сказал своему начальнику: «Отныне вы стали великим героем».— «Но если бы я проиграл эту битву, я стал бы величайшим мерзавцем в истории человечества»,— ответил тот. Как же звали того героя? А бог его знает. Кажется, какой-то пруссак. В истории было столько героев — всех и не упомнишь.

Вечный император внутренне встряхнулся и зашагал в сторону своего гравитолета. Несколько лет назад он бы завалился спать на несколько суток, а потом переоделся бы Рашидом, чтобы улизнуть из дворца и пропустить стаканчик-другой в «Ковенанторе» и переспать с Яниз. Но ни «Ковенантора», ни Яниз больше не существует. Из-за предательства. И любимое место отдыха, и любимая женщина погибли. По его вине. И он как-то с этим смирился. И как-то забыл.

Мастер раздваиваться. Мастер скрывать свои подлинные мысли. Ба! Разве не в этом твоя беда, инженер Рашид? Ты дьявольски усложняешь каждую мелочь. Будь проще, глупее — и, может быть, миллионам твоих подданных будет легче дышать. И было бы меньше трупов. И меньше тех, кто превозносит его на коленях. А это, пожалуй, хуже смерти.

Идя к своей машине, вечный император чувствовал груз каждого дня из своей жизни, которая длилась вот уже три тысячи лет. А потом заметил улыбающееся лицо Сулламоры и даже тихо застонал. Затем чуть было не застонал уже громко, когда Сулламора схватил его руку и стал ее пожимать.

— Добро пожаловать домой, ваше величество,— елейным голосом пропел Сулламора.— Мы гордимся вами!

«Еще бы вам мной не гордиться,— отметила про себя рашидовская часть сознания.— Вы спите и видите, как бы своими интригами втравить меня в новую войну с кем-нибудь, чтобы наживаться на военных поставках». Но вечно-императорская часть его сознания по-

велела губам сперва улыбнуться, а затем сложиться в вежливые слова благодарности.

— У меня маленькая просьба,— продолжал Сулламора.— Знаю, как вы торопитесь домой, но...

Император поднял брови. Он был готов взорваться гневом. Однако он так устал, что язык не ворочался. И вяло махнул рукой Сулламоре: продолжайте.

— Это касается персонала космопорта,— затараторил Сулламора.— Они ждали вас несколько часов, чтобы увидеть...

Император посмотрел туда, куда показывал промышленник, и увидел небольшую группу портовых служащих, которые сгрудились у главных ворот.

О нет! Опять улыбаться и жать руки! О-о-ох!..

— Нет, не могу, Танз,— сказал император.— Пусть с ними пообщается Махони. Он задерживается на «Нормандии». Выйдет через минуту-другую.

Властитель уже занес ногу на приступку гравитолета, но Сулламора настаивал:

— Это будет совсем не то, ваше величество. Они хотят именно вас видеть. Я понимаю, эти люди *не настоящие* воины и так далее. Однако и они старались во время войны. Поэтому я бы очень вас просил...

Вечный император сдался и двинулся к воротам. Он хотел побыстрее покончить с этим, а потому зашагал быстро, и его гуркам пришлось поспешать на своих коротких ногах.

По мере того как он приближался, небольшая толпа разразилась криками ликования. А император, как профессионал, который не привык разочаровывать публику, нацепил ослепительную улыбку и стал пожимать руки. Он у каждого спрашивал имя, пожимая руку, ласково брал человека другой рукой за локоть. Это двойное рукопожатие казалось наиболее теплым. К тому же можно левой рукой незаметно контролировать силу, с которой человек трясет твою руку.

Пройдя примерно треть шеренги служащих космопорта, властитель подошел к очень бледному молодому человеку с чрезмерным блеском в глазах. Император спросил его имя и наградил стандартным двойным рукопожатием. Он не расслышал невнятно произнесенное имя, поэтому не мог повторить его, а просто добросердечно улыбался юноше.

Потом потянул свою руку.

Молодой человек ее не отпускал.

Вечный император не успел и на одну десятую долю секунды удивиться, потому что сразу увидел, как левой рукой молодой человек вынимает пистолет. Император резко качнулся назад, но пистолет уже громыхнул — четыре раза подряд, хотя император ощутил только страшные удары в живот — и никакой боли...

Гурки повалили Чаппеля и вонзили в него десяток кинжалов. Убийца был мертв, но его палец в последней судороге давил на курок уже разряженного пистолета. Все произошло так быстро, что толпа не успела что-либо осознать и броситься врассыпную.

Сулламора стоял пригвожденный к месту тем, что он находится так близко к месту убийства, даром что убийство заказано им самим. Танз стал наклоняться на одно колено рядом с лежащим на земле императором.

На форме императора были небольшие пятнышки крови — там, где вошли пули. И в какое-то мгновение Сулламоре показалось, что властитель странным образом не пострадал.

Но в следующее мгновение сомнения рассеялись. Император был мертв.

И тогда оказалось, что Тайный совет нарвался на джокера в императорской колоде.

Имплантированная в тело властителя бомба взорвалась. Сила взрыва была запланирована тысячи лет назад. Сулламора мгновенно погиб. И все гурки. И вся рыдающая толпа. И все в радиусе одной восьмой километра...

При всех взрывах происходят случайные странные вещи, и этот не был исключением. Неделей позже сотрудник патологоанатомической лаборатории нашел лицо Чаппеля. Да-да, только лицо. Причем без единого пятна или ссадины.

Лицо Чаппеля улыбалось.

Глава 58

Махони прижал большой палец к сенсору, который считывал отпечатки, и створка двери в личный кабинет вечного императора с легким шипением отошла в сторону.

Махони заколебался — входить ли? Вероятно, это последняя возможность. Этот сенсор пропускал и прежде всего нескольких человек — и в ближайшие час-два Махони будет оставаться тем, кому доступ сюда позволен.

Но затем память аппарата будет изменена, старый список людей с допуском заменят новым. И нет ни малейшей надежды на то, что его имя попадет в этот новый список. В этом Махони был столь же уверен, как и в том, что происходит что-то не то. Эта уверенность появилась у него уже тогда, когда он бросил горсть земли на гроб вечного императора и отступил, давая возможность другим также отдать погибшему последние почести.

Пять оставшихся в живых членов императорского Тайного совета стояли чуть в стороне от небольшой группы высших сановников, допущенных на похороны. Рядом высились розовые кусты, спеш-

но посаженные садовниками во исполнение последней воли императора касательно его погребения.

Однако на каждом кусте был только один распустившийся цветок. И, заметив эту особенность кустов, Махони вдруг осознал присутствие Совета пяти.

Они стояли сплоченной группой, поодаль от остальных, как будто боялись смешаться с толпой. Они не говорили между собой, у них были замкнутые, суровые лица. Такое впечатление, как будто они ощущают чувство какой-то вины, подумалось Махони. Потом он отмел эти мысли как свойственный ему наивный романтизм.

Однако этот визуальный образ запал ему в голову, и он вспомнил о тех пятерых, что держались особняком, когда узнал из вечерних новостей, что созвана экстренная сессия парламента.

«Друг мой, что же в этом особенного? — тут же подумал он.— Ведь и в самом деле обстановка требует экстренного сбора... Момент, конечно, ответственный, но, Ян, старая ты ирландская задница, разве ты не понимаешь, в чем тут закавыка? Сессию парламента созывает Тайный совет!»

Даже не будучи юристом, Махони отлично понимал, что тем самым совет превышал свои конституционные полномочия. Ладно. Но почему же ни один член парламента не выступил с резким возражением? Да и почему весь парламент не отказался собираться по чьей-то указке? А ларчик просто открывается, очень просто. Все в сговоре.

Император убит, и Махони знает, чьих рук это дело. Это отнюдь не тот дурачок, о котором без конца рассказывают в новостях, вновь и вновь анализируя обстоятельства покушения. Нет, это не Чаппель.

Разумеется, он нажал на курок, он исполнитель. Но заказывали убийство те люди, что стояли сплоченной пятеркой у могилы вечного императора. И ничего Махони не мог с этим поделать — даже пожелай он, ему места в новом обществе не найдется.

Герой битвы за Кавите отлично понимал, что пора ему садиться на свою лошаденку и подобру-поздорову уносить ноги из города, пока его не начали благодарить всерьез.

Махони вошел-таки в личный кабинет своего покойного друга и сам толком не зная, зачем сюда явился. Быть может, в безумной надежде найти какой-нибудь ключик к пониманию того, что произошло?

Он так привык к тому, что его хозяин просчитывает все ходы, всегда стелет соломку, прежде чем упасть. Мог ли властитель на этот раз не все предусмотреть, мог ли не знать заранее?..

Махони в отчаянии оглядел длинные ряды книг по всем отраслям знаний, к которым вечный император прибегал за справками.

В кабинете столь многое напоминало о причудах его друга. Вот стариннейшие заводные игрушки на пружинах. Вот ряды мешочков

с пряностями, набор кухонной утвари — свидетельство бесконечных кулинарных экспериментов неуемного повара-императора. А вон листы нот с какими-то заметками на полях. Э-эх, целая рота сыщиков за год не найдет тут заветного ключика...

От досады Махони решил выпить. А что еще остается?

Он подошел к рабочему столу императора и потянул на себя ящик, где тот всегда держал бутылку виски. Махони отметил про себя странность — печать с бутылки не была сорвана. А император никогда не ставил в ящик стола неапробированную бутылку, обычно отпивал хотя бы глоток.

Махони пожал плечами, взял тяжелый хрустальный стакан и потянулся за бутылкой. Когда он приподнял ее, от дна отделилась бумажка и упала на пол. Адмирал наклонился, чтобы рассмотреть ее, увидел знакомый почерк и чуть не выронил записку из рук.

Махони рухнул в кресло. Он вертел кусок бумаги — не веря глазам своим. Лицо его побагровело, пот заливал лоб, сердце выскакивало из груди.

Короткая записка предназначалась ему. Она гласила:

«Ян, не пропадай из виду. Я скоро вернусь».

Содержание

СТЭН 7
Перевод В. Задорожного, Г. Емельянова

ВОЛЧЬИ МИРЫ 215
Перевод В. Голубевой

ПРИ ДВОРЕ ВЕЛИКОГО ИМПЕРАТОРА 439
Перевод В. Задорожного

ФЛОТ ОБРЕЧЕННЫХ 675
Перевод М. Тарасьева

МЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ 927
Перевод В. Голубевой, В. Задорожного

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Крис Банч
Аллан Коул

ФЛОТ ОБРЕЧЕННЫХ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректор *Л. Ершова*

ООО «ИД «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 60.
Тел.: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 04.10.2010. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 65,52.
Тираж 3 000 экз. Заказ 277
Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-46039-7

9 785699 460397 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12.
Тел.: 937-85-81, 780-58-81.
Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11;
ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.